

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

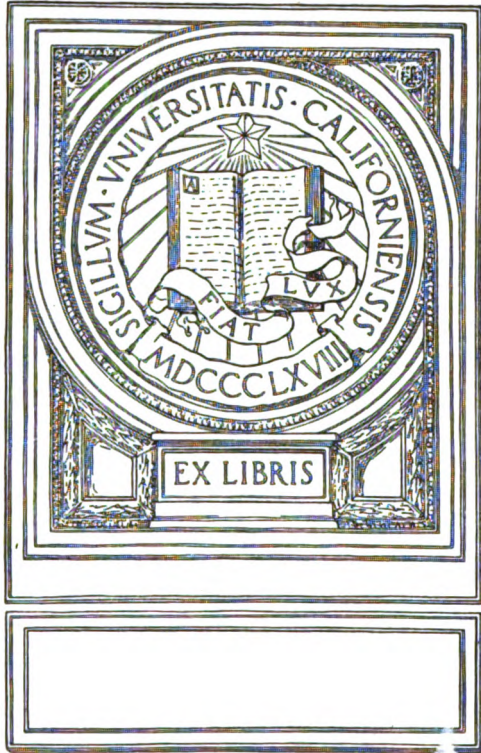
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 2 917 398

Фрундалъ. Вѣд. Высш. Д. Училищъ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLVII.

1888.

МАЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1888.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
Программы для государственнаго экзамена: 1. Программы испытаній въ комиссіи юридической	17

Н. И. Карѣвъ. „Паденіе Польши“ въ исторической литературѣ . . . . . (продолженіе)	1
А. Н. Веселовскій. Искія замѣтки къ былинамъ	74
Е. Ф. Шуринъ. Евгений митрополитъ Киевскій (продолженіе)	91

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. С. Будиловичъ. Микрофонологія въ примѣненіи къ русской грамматикѣ	194
Г. С. Дестунисъ. Записки Греческаго историческаго и этнологическаго общества	210
И. П. Минаевъ. Поиски золота	237
— Книжныя новости	250
— Наша учебная литература (разборъ 10 книгъ)	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: I. Новороссійскій университетъ въ 1886 году	1
II. Александровское училище для вѣстовъ	10
III. Открытіе Вѣловѣжскаго Александровскаго народнаго училища	17
А. И. Воейковъ. Письма изъ-за границы. XI	22
— Некрологъ: Н. Н. Миклухо-Маклай	41

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. Н. Щукаревъ. Три неизданныя мегарскія надписи	1
А. А. Фетъ. Элегія Сократа Проперція, кн. I.	10

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го мая).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

Library of
Congress

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLV.

1888.

МАЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1888.

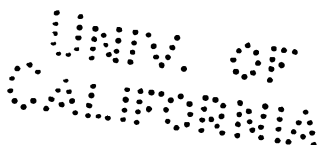

ГОЛОС
УКРАЇНИ

L451
A4
v. 257

Екаторининскій кан., д. № 78.
2639

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (11-го февраля 1888 года). Объ учрежденіи капитала имени сибиряковъ, проживающихъ въ Китаѣ.

По случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія существованія Троицко-Савской женской гимназіи нѣкоторыми уроженцами Сибири, проживающими въ Китаѣ, былъ собранъ по подпискѣ капиталъ, въ количествѣ до 6,000 руб. и пожертвованъ въ пользу названной гимназіи, съ тѣмъ, чтобы это пожертвованіе носило наименованіе: „капиталъ имени сибиряковъ, проживающихъ въ Китаѣ“, и чтобы проценты съ сего капитала ежегодно употреблялись на стипендіи недостаточнымъ ученицамъ гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означеннаго капитала.

2. (26-го февраля 1888 года). О принятіи отъ дворянина Жданова одной десятины земли, жертвующей въ пользу Мамкинскаго сельскаго училища, Курской губерніи.

Комитетъ министровъ, по выслушаніи записки министра народнаго просвѣщенія о принятіи отъ дворянина Жданова одной десятины земли, жертвующей имъ изъ родоваго его имѣнія въ пользу Мамкинскаго сельскаго училища, Курской губерніи, полагалъ: испро-

1*

сить на сіе, согласно съ представленіемъ, Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Государь Императоръ на сіе Высочайше соизволилъ.

И. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, согласно удостоенію комитета министровъ, Всемилостивѣйше соизволилъ, 18-го марта сего года, пожаловать нѣкоторымъ лицамъ, служащимъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, ордена:

Св. Анны 2-й степени—лектору Императорскаго С.-Петербургскаго университета; коллежскому совѣтнику Флери.

Св. Станислава 2-й степени—профессору Императорскаго Московскаго техническаго училища, не имѣющему чина Черепашинскому.

Св. Анны 3-й степени—учителю частной гимназіи Гуревича въ С.-Петербургѣ, надворному совѣтнику Шмурло.

Св. Станислава 3-й степени: преподавателю Императорскаго Московскаго техническаго училища, коллежскому совѣтнику Гансу; учителю Читинской мужской гимназіи, коллежскому ассессору Лебедеву; Императорскаго Московскаго техническаго училища: инспектору учебныхъ мастерскихъ, губернскому секретарю Протопопову и не имѣющимъ чиновъ; инженеръ-механикамъ: преподавателю Ѳедорову и репетитору Карельскихъ.

III. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

(24-го марта 1888 года). Утверждены на три года: дѣйствительный статскій совѣтникъ Демидовъ—почетнымъ попечителемъ Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II; тайный совѣтникъ Айвазовскій, графъ Браницкій и потомственный почетный гражданинъ Гадаловъ—почетными попечителями мужскихъ гимназій: первый—Ѳеодосійской, съ 24-го января 1888 г., второй—Вѣлoderковской, съ того же 24-го января 1888 г. и послѣдній—Красноярской, съ 13-го іюля 1887 года; дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Толстой, коллежскій ассессоръ Лазаревскій, поручикъ Лихаревъ и въ званіи камеръ-юнкера князь Голицынъ—почетными попечителями реальныхъ училищъ: графъ

Толстой—Зарайскаго, Лазаревскій — Астраханскаго, Лихаревъ — Скопинскаго и князь Голицынъ—Саратовскаго.

Продолженъ срокъ командировки за границу съ ученою дѣлію: прозектору Императорскаго Харьковскаго университета Оболенскому—по 20-е августа 1888 г.; доктору медицины Кащенко—по 1-е сентября 1888 года.

Командированы за границу съ ученою дѣлію: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра Ходинъ—на двадцать восемь дней, съ 15-го іюля 1888 г.; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Веселовскій — на одинъ мѣсяцъ, съ 15-го мая 1888 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Рельманъ—съ 1-го мая по 15-е іюня 1888 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ—на два мѣсяца и пять дней; профессора Императорскаго университета св. Владиміра: заслуженный ординарный, Эргардтъ, ординарный, Гейбель и экстраординарный, Булаковскій, привать-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета Панормовъ, исправляющій должность доцента Демидовскаго юридическаго лица Липинскій и прозекторъ Варшавскаго ветеринарнаго училища, титулярный совѣтникъ Гаевскій — на лѣтнее вакаціонное время 1888 года; привать-доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра Гиларовъ и Сонни—на лѣтнее вакаціонное время 1888 года и двадцать восемь дней, съ 3-го мая 1888 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Мукке—съ 1-го апрѣля по 1-е сентября 1888 г.; сверхштатный ассистентъ при клиникѣ Дерптскаго ветеринарнаго института Ткаченко—на одинъ годъ съ 1-го апрѣля 1888 г.; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ баронъ Раушъ-фонъ-Траубенбергъ и консерваторъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Вернадскій—на два года.

Продолженъ срокъ отпуска за границу, учителю Московской второй прогимназіи Матте-Гене—до 1-го іюля 1888 года, по болѣзни.

Уволенъ въ отпускъ, попечитель Кіевскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Голубцовъ—на четыре мѣсяца, съ 15-го мая 1888 года, по болѣзни, на Кавказъ и во внутреннія губерніи Россіи.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (11-го марта 1888 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Степановича Листовскаго при Уфимской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ четыре тысячи шестьсотъ руб., пожертвованнаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Петромъ Степановичемъ Листовскимъ, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну, по закону 20-го мая 1885 года, государственнаго 5% налога, учреждается при Уфимской мужской гимназіи стипендія имени жертвователя.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5½% свидѣтельствахъ государственнаго банка по выкупу крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ, оставаясь неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Уфимской гимназіи.

§ 3. Могушіе образоваться, отъ временнаго незамѣщенія стипендіи или по другой какой-либо причинѣ, остатки отъ стипендіи употребляются на первоначальное обзаведеніе стипендіата, публикацію по требованію депутатскаго собранія (п. 8) и экипировку окончившаго курсъ въ гимназіи въ размѣрѣ по усмотрѣнію гимназическаго начальства, но не свыше 50 руб. Послѣдній расходъ можетъ быть производимъ лишь въ томъ случаѣ, когда, за удовлетвореніемъ его, остается въ наличности не менѣе 100 руб.

§ 4. Стипендіатами могутъ быть только дѣти потомственныхъ дворянъ Уфимской губерніи, православнаго исповѣданія, недостаточнаго состоянія, внесенныхъ въ мѣстную дворянскую родословную книгу и утвержденныхъ въ дворянскомъ достоинствѣ департаментомъ герольдіи правительствующаго сената. Не могутъ быть стипендіатами тѣ изъ принявшихъ православную вѣру, родители коихъ остаются въ іудейскомъ законѣ.

§ 5. Если на вакансію явится нѣсколько кандидатовъ, то, при наличности требуемыхъ п. 4 условій, преимущество отдается въ слѣдующей постепенности: во 1-хъ) родственнику учредителя, хотя бы онъ не носилъ фамилію учредителя, во 2-хъ) принадлежащему къ роду учредителя, въ 3-хъ) круглому сиротѣ, въ 4-хъ) не имѣющему

отца или матери и въ 5-хъ) тому, въ семействѣ котораго никто не воспитывается на постороннія средства.

§ 6. Выборъ стипендіата на изложенныхъ въ п. п. 4 и 5 основаніяхъ предоставляется учредителю, а за смертью его,—Уфимскому дворянскому депутатскому собранію совмѣстно съ Уфимскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Стипендіатъ, по усмотрѣнію учредителя, а послѣ него депутатскаго собранія, помѣщается въ пансіонѣ при гимназій полнымъ пансіонеромъ или полу-пансіонеромъ или оставляется у родителей и заступающихъ по закону ихъ мѣсто, если послѣдніе изъявятъ на то согласіе, съ платою или доплатою имъ той суммы, какая причиталась бы за полнаго пансіонера, кромѣ случая, указаннаго въ п. 10, когда родители получаютъ менѣе платы, назначенной за полнаго пансіонера гимназій.

§ 7. Если стипендіатъ, по окончаніи полнаго курса въ Уфимской гимназій съ аттестатомъ зрѣлости, пожелаетъ продолжать ученіе въ какомъ-либо изъ высшихъ учебныхъ заведеній, то долженъ заявить о томъ учредителю, а за смертью его, депутатскому собранію. По поступленіи въ число студентовъ высшаго учебнаго заведенія, стипендіату продолжается стипендія въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ производилась въ гимназій, но не болѣе какъ по числу лѣтъ, положенныхъ для прохожденія полнаго курса въ томъ заведеніи. Для полученія стипендіи, которая выдается 2 раза въ годъ, стипендіатъ представляетъ удостовѣреніе начальства заведенія о томъ, что онъ состоитъ въ числѣ студентовъ онаго.

§ 8. По утвержденіи положенія о стипендіи, а впослѣдствіи при открытіи вакансій, депутатское собраніе публикуетъ о томъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ съ назначеніемъ срока подачи прошеній. При прошеніяхъ прилагаются: 1) свидѣтельства: а) метрическое, б) о дворянствѣ, в) объ успѣхахъ, если желающій получить стипендію обучается въ учебномъ заведеніи, г) о составѣ семьи съ изясненіемъ возраста дѣтей, гдѣ они находятся и не воспитывается ли кто-либо изъ нихъ на постороннія средства и д) объ имущественномъ положеніи и 2) документъ о службѣ отца. Свидѣтельства подъ лит. г и д должны быть удостовѣрены мѣстнымъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

§ 9. Тѣ изъ поступившихъ къ назначенному собраніемъ сроку прошеній, въ коихъ изложены будутъ всѣ требуемыя пп. 4 и 8 свѣдѣнія и приложены будутъ исчисленные въ п. 8 документы, депутатское собраніе со всѣми приложеніями и со справкою объ утвержденіи въ

дворянствѣ отсылаетъ къ учредителю, который, назначивъ стипендіата, сообщаетъ объ этомъ на дальнѣйшее распоряженіе депутатскаго собранія и возвращаетъ документы.

§ 10. Если $\%$ съ стипендіальнаго капитала и суммы, образовавшейся отъ остатковъ за истекшіе годы (п. 3) не будетъ достаточно для взноса платы за содержаніе стипендіанта въ пансіонѣ Уфимской гимназій, а учредитель или его наслѣдники, увѣдомленные объ этомъ, не пожелаютъ дополнить капиталъ до требуемой цифры, то стипендія временно закрывается до тѣхъ поръ, пока капиталъ не будетъ доставлять дохода, достаточнаго для уплаты за стипендіата. Если же родители, дѣти которыхъ вполнѣ отвѣчаютъ требованіямъ, изложеннымъ въ п. п. 4 и 8, пожелаютъ доплачивать недостающую сумму или содержать стипендіата дома за прежнюю плату, то въ такомъ случаѣ стипендія продолжается.

§ 11. Начальство гимназій два раза въ годъ (въ декабрѣ и по окончаніи экзаменовъ) увѣдомляетъ учредителя, а за смертью его, депутатское собраніе объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата.

§ 12. Измѣненіе въ чемъ-либо сего положенія можетъ быть допущено лишь въ случаѣ, если продолженіе стипендіи представилось бы почему-либо невозможнымъ. Такое измѣненіе производится съ утвержденія министерства народнаго просвѣщенія по единогласному опредѣленію Уфимскаго дворянскаго депутатскаго собранія, Уфимскаго уѣзднаго предводителя дворянства и учредителя, а въ случаѣ смерти послѣдняго, старшаго въ его родѣ по нисходящей линіи, а за неимѣніемъ — по боковой. Пункты же 1, 4 и 5 ни въ какомъ случаѣ измѣненію не подлежатъ.

§ 13. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (19-го марта 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени штабсъ-капитана Сергѣя Даниловича Николаева при Костромской мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ завѣщаннаго штабсъ-капитаномъ Сергѣемъ Даниловичемъ Николаевымъ капитала въ двѣ тысячи рублей учреждаются при Костромской мужской гимназій двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5 $\%$ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ Костром-

ской гимназіи въ мѣстномъ казначействѣ и составляетъ неотъемлемую собственность этого учебнаго заведенія, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ. Въ случаѣ выхода процентныхъ бумагъ въ тиражъ погашенія, онѣ должны быть обмѣнены гимназіею на другія такія же бумаги.

§ 3. Стипендіаты избираются педагогическимъ совѣтомъ Костромской гимназіи изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ гимназіи, преимущественно изъ уроженцевъ Кинешемскаго уѣзда, отличающихся безукоризненнымъ поведеніемъ (5), при удовлетворительныхъ успѣхахъ (не менѣе 3) по всѣмъ предметамъ преподаванія.

§ 4. Стипендіатъ лишается стипендіи, если останется въ томъ же классѣ на второй годъ по малоуспѣшности, вызванной нерадѣніемъ, или получить отлѣтку изъ поведенія (3) и на мѣсто его опредѣляется другой, болѣе достойный.

§ 5. Изъ процентовъ съ завѣщаннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей, на основаніи закона 20-го мая 1885 г. о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, передачѣ казнѣ, вносится плата за ученіе стипендіата; остатокъ же выдается ему на руки, для приобрѣтенія книгъ и учебныхъ пособій.

§ 6. Могущіе образоваться по какому-либо случаю остатки отъ процентовъ употребляются на единовременныя пособія стипендіатамъ, окончившимъ успѣшно гимназическій курсъ, при поступленіи ихъ въ высшія учебныя заведенія. Размѣръ сихъ пособій зависитъ отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта Костромской гимназіи и на выдачу ихъ испрашивается разрѣшеніе начальства Московскаго учебнаго округа.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

3. (19-го марта 1888 года). Положеніе о стипендіи при Новозыбковскомъ реальномъ училищѣ, имени Ивана Сапожкова.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ пятьсотъ руб., пожертвованнаго бывшимъ ученикомъ Новозыбковскаго реальнаго училища Иваномъ Сапожковымъ, учреждается при Новозыбковскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ

Новозыбловскаго реального училища, составляя неотъемлемую собственность заведения и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ въ казну суммы, причитающейся, на основаніи закона 20 мая 1885 г. о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, выдаются, по опредѣленію педагогическаго совѣта училища, одному изъ недостаточныхъ учениковъ, изъ мѣщанъ или крестьянъ, христіанскаго вѣроисповѣданія.

§ 4. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

4. (26-го марта 1888 года). Положеніе о стипендіи имени директора Корнинскаго сахарнаго завода Николая Яковлевича Сетгофера при 2-й Кіевской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 1650 руб., собраннаго служащими на Корнинскомъ сахарномъ заводѣ, учреждается при 2-й Кіевской гимназіи стипендіа имени Николая Яковлевича Сетгофера.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ 5% банковыхъ билетахъ на сумму 1650 руб., оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Кіевскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Кіевской 2-й гимназіи.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей, на основаніи закона 20-го мая 1885 года о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, передачѣ въ казну, обращаются на плату за право ученія одного изъ воспитанниковъ Кіевской 2-й гимназіи, на приобрѣтеніе ему на счетъ остающейся суммы форменной одежды, учебныхъ пособій и т. д.

§ 4. Право выбора стипендіата принадлежитъ Н. Я. Сетгоферу, а послѣ его смерти—педагогическому совѣту названной гимназіи.

§ 5. Избранный стипендіатъ, въ случаѣ неуспѣха въ наукахъ и неудовлетворительнаго поведенія, лишается, по постановленію педагогическаго совѣта, получаемой стипендіи, и въ такомъ случаѣ, а равно и при выbytіи его изъ гимназіи по другимъ причинамъ, вакансія замѣщается новымъ лицомъ.

§ 6. Остающійся въ томъ же классѣ по уважительнымъ причинамъ не лишается права на пользованіе стипендіей.

§ 7. Полученіе стипендіи не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

V. ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

19-го марта 1888 года утверждены: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Брикнеръ—проректоромъ сего университета, съ 4-го марта 1888 года; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Клейнъ—деканомъ медицинскаго факультета сего университета, съ 16-го февраля 1888 года; ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Эрманъ—вновь деканомъ юридическаго факультета сего университета, съ 4-го марта 1888 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ Тауберъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ оперативной хирургіи, съ 12-го февраля 1888 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, статскій совѣтникъ Ермаковъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ чистой математики, съ 18-го февраля 1888 года; приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ русской словесности Сумцовъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ русской словесности, съ 15-го февраля 1888 года; приватъ-доцентъ Императорскаго университета св. Владимира, докторъ медицины Циновскій—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ фармаціи и фармакогнозіи, съ 17-го февраля 1888 года; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ зоологіи Тихоміровъ—сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ зоологіи, съ 14-го февраля 1888 года; статскій совѣтникъ Бологовскій—вновь помощникомъ почетнаго попечителя Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, на три года; статскій совѣтникъ Корвинъ-Круковскій—вновь членомъ по хозяйственной части Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, на три года; исполняющій обязанности инспектора Лубенской гимназіи, учитель сей гимназіи, статскій совѣтникъ Васильевъ—директоромъ Прилукской мужской гимназіи, съ 7-го февраля 1888 года; дѣйствительный статскій совѣтникъ Листовскій—почетнымъ попечителемъ Суражской прогимназіи, на три года; инспекторъ Вятскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Никологорскій—директоромъ сего

училища, съ 27-го января 1888 года; статскій совѣтникъ Веденскій, потомственные почетные граждане: Поповъ, Ужияковъ, и Рыморевъ, почетный гражданинъ Михайловъ, купцы: Фонталовъ, Сухановъ и Толмачевъ—членами попечительства Моршанскаго реального училища, на три года; надворный совѣтникъ Панютинъ, коллежскій секретарь Сапожниковъ, кандидатъ правъ Савельевъ и нижегородскій 1-й гильдіи купеческій сынъ Башкировъ—членами попечительства Нижегородскаго Владимірскаго реального училища, на три года; омскій городской голова, коллежскій совѣтникъ Эзетъ—почетнымъ попечителемъ Омской учительской семинаріи, на три года.

Назначенъ, доцентъ Императорскаго техническаго училища, коллежскій совѣтникъ Петровъ—профессоромъ сего училища по химической технологіи, отдѣлу крашенія, съ 11-го февраля 1888 года.

Опредѣлены: чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ Хрущовъ — членомъ основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, съ 17-го февраля 1888 г., съ сохраненіемъ настоящей должности и съ оставленіемъ въ особомъ отдѣлѣ ученаго комитета по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, какъ докладчика по дѣламъ постоянной комиссіи народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, коллежскій ассессоръ Вѣлопольскій — адъюнктъ-астрономомъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, съ 1-го января 1888 г.; изъ отставныхъ, коллежскій ассессоръ баронъ Павелъ Раушъ-фонъ-Траубенбергъ—на службу причисленнымъ къ министерству народнаго просвѣщенія, съ 3-го марта 1888 г.; кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Александръ Яковлевъ—на службу по министерству народнаго просвѣщенія, съ причисленіемъ къ оному и съ откомандированіемъ для занятій въ Императорскую Публичную бібліотеку, съ 1-го февраля 1888 г.; окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету Михаилъ Авиловъ—на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія, помощникомъ дѣлопроизводителя, съ 21-го октября 1887 года.

Переведенъ на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, штатный ординаторъ больницы св. Николая въ С.-Петербургѣ, надворный совѣтникъ Поповъ—экстраорди-

по нарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета каедрѣ душевныхъ и нервныхъ болѣзней, съ 11-го февраля 1888 года.

Причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія, почетный смотритель Рогачевскаго городского трехкласснаго училища, въ званіи камеръ-юнкера, титулярный совѣтникъ фонъ-Верманъ, съ 31-го января 1888 г., съ оставленіемъ въ занимаемой имъ нынѣ должности.

Оставлены на службѣ: на три года — директоръ Казанской второй гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Имшенякъ, съ 18-го января 1888 г.; на пять лѣтъ: директоръ С.-Петербургской Введенской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Чистяковъ, съ 22-го декабря 1887 г.; директоръ Харьковской первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тихоновичъ, съ 7-го января 1888 г.; директоръ С.-Петербургскаго втораго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рахтеръ, съ 10-го января 1888 г.; директоръ Новозыбковскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Радкевичъ, съ 13-го января 1888 г.; директоръ Череповской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Сциборскій, съ 29-го января 1888 г.; директоръ народныхъ училищъ Владимірской губерніи, статскій совѣтникъ Екимецкій, съ 19-го февраля 1888 г.; по выслугѣ 30 лѣтъ по учебной части: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ламанскій, съ 22-го января 1888 г., и заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ромеръ, съ 21-го февраля 1888 г.; по выслугѣ 35 лѣтъ по учебной части, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рахманиновъ, съ 18-го февраля 1888 года.

Командированъ съ ученою цѣлью, ординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лица Исаевъ—на 15 дней, въ С.-Петербургъ.

Уволены въ отпускъ за границу: учитель Динабургскаго реальнаго училища Булле — на двѣ недѣли, по болѣзни; учитель Елатомской гимназіи Шмидъ—на мѣсяць; лекторъ англійскаго языка Императорскаго С.-Петербургскаго университета Тернеръ и учитель Царицынской Александровской гимназіи, надворный совѣтникъ Гендрихъ—на лѣтнее вакаціонное время 1888 года.

Уволены согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета статскій совѣтникъ Склифасовскій—отъ должности декана медицинскаго факультета сего университета, съ 16-го февраля 1888 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Эльтековъ—отъ службы, съ 21-го сентября 1887 года.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: врачу Бердянскаго городскаго училища, коллежскому совѣтнику Гольдштейну—за 11-ти-лѣтнюю безвозмездную отличную усердную службу при семъ училищѣ; попечителю Саратовскаго 5-го мужскаго начальнаго училища, саратовскому купцу Аносову—за пожертвованіе на пользу народнаго образованія; землевладѣльцу Ардаговскаго уѣзда, Симбирской губерніи, Чарыкову—за усердіе и пожертвованія на пользу дѣла народнаго образованія.

Исключены изъ списковъ умершіе: директоръ Московскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Малининъ, ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ Богдановъ и директоръ Оренбургской гимназіи, статскій совѣтникъ Якубовскій.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Годъ русскаго земледѣльца, Зарайскій уѣздъ, Рязанской губерніи, В. В. Селиванова. Рязань, 1887, въ 8-ку 143 страницы. Цѣна 1 руб.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Греческая грамматика гимназическаго курса. Э. Чернаго. Часть II. Синтаксисъ, изложенный сравнительно съ русскимъ и латинскимъ. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Москва, 1888. Въ 8-ку стр. 346. Цѣна 1 р. 30 коп.“—одобрить, какъ руководство по греческому языку для гимназій.

— Книгу: „Учебникъ всеобщей географіи А. Воронцоваго. Курсъ первый. Общій обзоръ земного шара и карты Россійской имперіи.

Третье, исправленное издание. С.-Пб. 1887. Въ 8-ку стр. 78. Цѣна 50 коп.“,—одобрить въ видѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Иллюстрированная учебная географическая хрестоматія А. Воронцова. Въ трехъ частяхъ. Часть первая, общій обзоръ земного шара. С.-Пб. Въ 8-ку стр. 135. 1886. Цѣна 1 р. 25 к.“—рекомендовать для приобрѣтенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Историческая Хрестоматія. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и преподавателей. Выпускъ III. Составилъ В. Покровский (инспекторъ Московской 5-й женской гимназіи). Въ 8-ку VIII+624. Москва. 1888. Цѣна 2 руб.“—одобрить, какъ учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Общій курсъ латинской грамматики. По руководству Гольцвейсига, обработанный согласно плану для гимназій и прогимназій П. Симсономъ и В. Фаминскимъ. Одесса. 1887. Цѣна 1 руб.“—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Теорія Словесности. Составилъ Е. Воскресенскій. Москва 1888. Въ 8-ку стр. 131. Цѣна 70 к.“—одобрить, какъ учебное руководство при преподаваніи теоріи словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Общедоступное изъясненіе псалмовъ, наиболѣе употребительныхъ при Богослуженіи. Составилъ П. Спасскій, преподаватель Новгородской духовной семинаріи. Выпускъ первый: Шестопсалміе. Новгородъ. 1886. Въ 8-ку 56 стр. Цѣна 25 к.—Выпускъ второй: Богослужебные часы (I, III, VI и IX). Новгородъ. 1887. Въ 8-ку 125 стр. Цѣна 50 к.—Для учебныхъ заведеній, при выпискѣ

отъ автора, цѣна за оба выпуска 60 к. съ пересылкой — одобрить, какъ учебное пособіе при объясненіи псалмовъ и для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Изданія московскаго комитета грамотности: 1) Подвиги русскихъ. Походы русскихъ войскъ въ Хиву. А. Г. Петровскаго. Съ рисунками и картою. М. 1887. Въ 16-ю д. л. 107 стр. Цѣна 10 к.² и 2) „Подвиги русскихъ. Переходъ черезъ Дунай въ 1877 г. Съ 2 картами и 2 рисунками. Составилъ В. Г. М. 1888. Въ 16-ю д. л. 70 стр. Цѣна 5 к.“ — одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія въ предложеніи на имя г. попечителя Варшавскаго учебнаго округа отъ 19-го марта сего года за № 4326 разрѣшилъ увеличить размѣръ платы за ученіе въ Ба-лишской мужской гимназіи до пятидесяти руб. (50 р.) въ годъ съ каждаго ученика, съ начала будущаго 1888—9 учебнаго года.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесеніямъ попечителя Киевскаго учебнаго округа, послѣдовало открытіе слѣдующихъ одноклассныхъ народныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія: въ с. Коленцахъ, Радомысльскаго уѣзда, Киевской губерніи, при 35 учащихся, и въ с. Зубовщинѣ, того же уѣзда и той же губерніи, при 54 учащихся.

ПРОГРАММЫ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКЗАМЕНА.

I.

ПРОГРАММЫ ИСПЫТАНІЙ ВЪ КОММИССИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ.

1. Программа по римскому праву.

I. Исторія римскаго права.

Значеніе римскаго права для юридическаго образованія. Развитие науки исторіи римскаго права. Дѣленіе исторіи римскаго права на періоды. *Jus civile* и *jus gentium*. *Aequitas*.

Религиозный характеръ древнѣйшаго римскаго права. *Fas*, — понятіе и область примѣненія.

Источники права въ эпоху царей: *mos majorum* и *leges*. *Leges regiae*.

Leges республиканской эпохи. Законы XII таблицъ: ихъ содержаніе, происхожденіе и значеніе въ исторіи римскаго права.

Главнѣйшія постановленія народныхъ собраній въ республиканскую эпоху и въ началѣ имперіи.

Senatusconsulta; важнѣйшія постановленія сената.

Исторія римской юриспруденціи. Жреческое правовѣдѣніе. *Auctoritas prudentium* въ республиканскую эпоху.

Римская юриспруденція во времена имперіи. Сохранившіяся сочиненія юристовъ. Институціи Гая. Система ихъ.

Edicta magistratum. Исторія преторскаго эдикта и его значеніе въ римскомъ правѣ республиканскаго и императорскаго періода.

Источники права въ періодъ имперіи.

часть слуш, отд. 1.

2

Кодификація римскаго права. Римскіе законы у германскихъ племёнъ. Законодательство Юстиніана. *Codex; Quinquaginta decisiones; Pandectae; Institutiones; Novellae.*

Римское право въ Византійской имперіи и дальнѣйшая судьба его на Западѣ и Востокѣ.

Органы римской государственной власти. Царь. Народныя собранія. Сенатъ. Магистраты. Развитие императорской власти.

Юридическое положеніе римскаго населенія. Кліенты. Патриціи и плебей. Полноправные и неполноправные граждане. *Cives, Latini, peregrini.*

Рабство. Его установленіе; положеніе рабовъ; прекращеніе рабства. Патронатъ и колонатъ.

Понятіе о римской *familia, Gens.* Историческія формы римскаго брака. Виды родства: *cognatio* и *agnatio.*

Исторія личныхъ и имущественныхъ отношеній между супругами. Исторія отеческой власти. *Peculium, Mancipium.*

Исторія опеки надъ несовершеннолѣтними и женщинами. Попечительство.

Историческія формы римской собственности. *Res mancipi.* Способы приобрѣтенія права собственности по *jus civile* и *jus gentium.* Средства защиты собственности и владѣнія.

Важнѣйшіе сервитуты. Историческія формы залога.

Древнѣйшія формальныя обязательства. Словесные и письменные договоры. *Contractus, Pacta.* Историческіе виды поручительства.

Понятіе о завѣщаніи и различныя формы его въ исторіи римскаго права. Назначеніе наслѣдника и лишеніе наслѣдства. Легаты и фиденкомиссы.

Порядокъ наслѣдованія безъ завѣщанія: *hereditas domestica;* наслѣдованіе *ab intestato* по законамъ XII таблицъ, на основаніи преторскаго эдикта и позднѣйшихъ узаконеній. Средства защиты наслѣдника по *jus civile* и *jus gentium.*

Органы суда въ различные періоды исторіи Рима.

Исторія гражданскаго процесса. *Legis actiones.* Формулярный процессъ: понятіе о формулѣ и ея части. *Cognitio.* Обжалованіе судебного рѣшенія.

II. Система римскаго права.

Понятіе римскаго гражданскаго права—*jus privatum.* Значеніе его для юридическаго образованія. Дѣленіе науки гражданскаго права

на части общую и особенную и его основаніе. Римская или институціонная система гражданскаго права.

Субъектъ правъ. Рожденіе и смерть физическаго лица. Юридическія условія и ограниченія правоспособности. *Status et capitis deminutio*. Рабы и свободные. Полноправные и неполноправные граждане. Лица *sui et alieni juris*. Другія обстоятельства, вліяющія на юридическое положеніе лица.

Юридическія лица. Происхожденіе, прекращеніе, виды, правоспособность и дѣеспособность юридическихъ лицъ.

Происхожденіе и прекращеніе правъ. Преемство. Юридическіе акты и ихъ виды. Условія дѣйствительности юридическихъ актовъ; недѣйствительность актовъ.

Значеніе формы выраженія воли въ юридическомъ актѣ; согласіе воли съ ея выраженіемъ; принужденіе и заблужденіе. Содержаніе юридическихъ актовъ. *Conditio, dies, modus*.

Дареніе. Его существо и отношенія, изъ него вытекающія. Не дозволенные дѣйствія. *Dolus et culpa*.

Вліяніе времени на происхожденіе и прекращеніе правъ. Гражданское исчисленіе времени. *Tempus utile*. Давность. *Vetustas*.

Осуществленіе правъ. Обезпеченіе правъ. *Cautiones*. *Jus retentio-nis*. Защита правъ собственною силою. Запрещеніе самоуправства. Судебная защита. *Actiones* и ихъ виды. Интердикты. *Exceptiones* и ихъ виды.

Прекращеніе исковъ и эксцепцій. Исковая давность, ея дѣйствіе и вліяніе на эксцепцію.

Litis contestatio. Судебныя доказательства. *Praesumptio juris*. *Res judicata*. *In integrum restitutio*.

Вещи или предметы правъ. *Res corporales et incorporales; mobiles et immobiles; res singulares et universitates rerum*. Вещи дѣлимья и недѣлимья, потребляемья и непотребляемья. *Res* какъ *genus, species et fungibiles*. Вещи главныя и придаточныя. Плоды. Издержки. *Res extra commercium*. *Res divini et humani juris*.

Права на вещи и виды вещныхъ правъ. *Dominium rerum*,—его содержаніе, предметъ, ограниченія и формы.

Владѣніе. Его виды и защита. *Causa possessionis*. Условія владѣнія. Приобрѣтеніе и потеря. Судебная защита владѣнія. *Juris quasi possessio*. *Bonae fidei possessio*.

Право собственности. Полная и неполная собственность. *Condomi-*

пш. Способы приобрѣтенія собственности. Предшествующее владѣніе. *Oscupatio*. *Traditio*. *Usucapio*. Условія давности.

Accessio, приплодъ, спецификація. *Adjudicatio*. Издержки на общій домъ.

Судебная защита права собственности. Виды исковъ. *Rei vindicatio*. *Actio negatoria*. *Actio in rem Publiciana*. Прекращеніе собственности.

Права въ чужой вещи. Ихъ виды. Сервитуты вещные: понятіе и виды.

Личные сервитуты: *ususfructus*, *usus*, *habitatio*.

Способы установленія сервитутовъ. Защита сервитутовъ,—иски и интердикты. Прекращеніе сервитутовъ.

Право залога. Его предметъ. Отношенія, изъ него вытекающія. Установленіе, защита и прекращеніе права залога.

Наслѣдственное пользованіе землею съ характеромъ права на чужую вещь: *agri vectigales* и *emphyteusis*. Содержаніе, защита и прекращеніе эфитевза. Право наслѣдственнаго пользованія строеніемъ, возведеннымъ на чужой землѣ (*superficies*).

Обязательства. Предметъ права по обязательствамъ. Раздѣлительное обязательство. *Obligatio generis*.

Субъекты обязательствъ. Ихъ взаимныя отношенія. Участіе нѣсколькихъ лицъ въ одномъ обязательствѣ. Придаточные вѣрителя и должники. Поручительство: его формы, дѣйствіе, прекращеніе и ограниченіе.

Защита обязательствъ. *Obligatio naturalis*.

Исполненіе обязательствъ. Предметъ, время и мѣсто исполненія.

Возникновеніе обязательствъ. Римская классификація. Договоръ, его форма, содержаніе и дѣйствіе. *Pacta nuda*. Одностороннее обѣщаніе.

Переимѣна обязательствъ посредствомъ соглашенія. Нарушеніе обязательствъ. Просрочка, отказъ отъ исполненія, случай. Переимѣна субъектовъ обязательствъ. *Cessio*. Прекращеніе обязательствъ и отдѣльные его виды. *Novatio*.

Stipulatio. Значеніе его въ римскомъ правѣ.

Заемъ и ссуда. Существо и отношенія, изъ нихъ вытекающія. *Condictio indebiti*; *ob causam datorum*; *ob turpem causam*; *sine causa*; *ob injustam causam*.

Поклажа. Ея виды. *Contractus pignoratitius*. *Precarium*.

Довѣренность или препорученіе. *Negotiorum gestio*.

Купля-продажа. Отношенія между покупателемъ и продавцомъ. *Evictio*. Требования покупателя при недостаткахъ купленной вещи. *Laesio enormis*. Продажа требованийъ. Побочные договоры при куплѣ. *Periculum rei*.

Мѣна. Оцѣночный контрактъ.

Наемъ. Его виды. Отношенія, изъ него вытекающія. Наемъ вещей. Личный наемъ. *Nautae, cauponae, stabularii*.

Товарищество. Его виды. *Communio incidens*. *Lex Rhodia*. *Pacta*.

Обязательства изъ правонарушеній. Понятіе о *delicta*. Нарушеніе имущественныхъ правъ. Вознагражденіе за вредъ. Виды вреда. *Actio directa*. *Actio utilis, in factum*.

Нарушеніе правъ посредствомъ воровства и грабежа. *Damnum iniuria datum*. Оскорбленіе чести.

Obligatones quasi ex delicto. Ихъ виды. *Obligatones ex lege*.

Семейное право. Супружескій союзъ. Законныя условія брака. Совершеніе и прекращеніе брака.

Личныя отношенія между супругами. Имущественныя отношенія. Приданое,—его понятіе, предметъ, формы. Обязанность назначать приданое. Правоотношенія по приданому. Судьба приданого послѣ брака. *Pacta dotalia*. *Parapherna*.

Donatio propter nuptias. Дареніе между супругами. *Actio rerum amotarum*. Имущественные штрафы при разводѣ и за нарушеніе траура.

Конкубинатъ.

Patria potestas. Личныя и имущественныя отношенія между родителями и дѣтьми. Приобрѣтеніе, судебная защита и прекращеніе отеческой власти.

Союзъ родственнѣй.

Опека. Ея виды. Учрежденіе опеки. Права и обязанность опекуна. Прекращеніе опеки. Иски по опекѣ. *Protutor* и *falsus tutor*.

Попечительство. Значеніе. Условія. Прекращеніе. Иски противъ попечителей.

Наслѣдственное право. Понятіе о наслѣдствѣ и наслѣдованіи. Условія возникновенія права наслѣдованія. Различіе наслѣдства по *jus civile* и по преторскому праву.

Обыкновенный и особенный порядокъ наслѣдованія по закону. Новеллы 118 и 127.

Наслѣдованіе по завѣщанію. Завѣщаніе, завѣщатель, наслѣдство и наслѣдникъ.

Форма завѣщаній. Ихъ содержаніе. *Institutio heredis*. Субституціи и ихъ виды. *Exhereditatio*.

Недѣйствительность завѣщаній.

Наслѣдованіе *contra tabulas*. *Praeteritio*. *Portio legitima*. Новелла 115.

Принятіе наслѣдства и отреченіе отъ него. Юридическія послѣдствія принятія и отреченія. Иски о наслѣдствѣ.

Легаты и фидеикомиссы. Различіе между ними. Кодициллы. Универсальный фидеикомиссъ. *Mortis causa capiones*.

2. Програма по исторіи русскаго права.

I. Источники права.

Обычай;
договоры:

а) международные: съ греками; съ нѣмцами;

б) междукняжескіе,

в) князей съ городами;

княжескіе уставы:

свѣтскіе и церковные;

вѣчевыя постановленія;

византійское право;

ханскіе ярлыки.

Сборники правилъ древнѣйшаго русскаго права:

Русская Правда.

Памятники московскаго законодательства:

жалованныя, уставныя, губныя грамоты;

наказы.

Кодификація:

Судебники (указныя книги приказовъ), Уложеніе 1649 года,

Сводъ Законовъ.

II. Территорія.

Волости—княженія.

Города и пригороды.

Образованіе Московскаго государства.

Присоединеніе Малороссіи, Финляндіи и великаго герцогства Варшавскаго.

III. Населеніе.

Несвободные.

Холопы обельные Русской Правды.

Холопы полные, докладные и кабальные московскаго времени.

Зависимые.

Закупы Русской Правды.

Возникновеніе крѣпостныхъ крестьянъ.

Положеніе ихъ въ XVII вѣкѣ.

Законодательство Петра Великаго, Елисаветы и Екатерины II по отношенію къ крѣпостнымъ.

Мысли объ улучшеніи быта крѣпостныхъ въ XVIII вѣкѣ.

Отношеніе къ этому вопросу императоровъ Александра I и Николая I.

Свободные.

Низшіе разряды.

Смерды.

Изорники, огородники, вочетники.

Крестьяне. Положеніе крестьянъ, поселенныхъ на владѣльческихъ земляхъ. Черносотыны.

Средніе разряды.

Торговые люди, гости, посадскіе.

Обособленіе городскаго населенія отъ сельскаго.

Организація городскаго населенія по законодательству XVIII вѣка.

Вышіе разряды.

Бояре, дѣти боярскія.

Измѣненія, происшедшія въ положеніи ихъ въ Москвѣ.

Московскіе служилые чины: бояре введенные, дворецкіе конюшіе, окольничіе, постельничіе, стольники, страпчіе, дворяне и дьяки.

Право мѣстничества.

Организація дворянъ въ XVIII вѣкѣ.

IV. Верховная власть.

Князь.

Распредѣленіе столовъ между князьями.

Власть Московскихъ государей.

Исторія верховной власти при императорахъ.

Порядокъ преемства московскаго и императорскаго престоловъ.

V. Управление.

Административное дѣленіе: княжествъ, Московскаго государства и имперіи.

Органы управленія:

княжескаго:

вѣче; дружина;

московскаго центральнаго:

земскіе соборы; боярская дума, приказъ;

въ XVIII вѣкѣ:

сенать, коллегіи, совѣты при особѣ государя;

Мѣстное управленіе:

московское:

приказное и выборное;

законодательство Петра Великаго и Екатерины II.

Военное устройство.

Источники доходовъ и порядокъ ихъ взиманія.

VI. Преступленіе и наказаніе.

Преступленіе—

по Русской Правдѣ, уставнымъ грамотамъ, Судебникамъ, Уложенію, Военскому Уставу и Большому Наказу.

Виды преступленій

по тѣмъ же памятникамъ и церковнымъ уставамъ.

Наказаніе, цѣль его и виды,

по тѣмъ же памятникамъ.

VII. Семейный союзъ.

Союзъ супружескій.

Установленіе и прекращеніе по языческимъ обычаямъ и на основаніи христіан-

скихъ памятниковъ. Законодательство
XVIII вѣка.

Личныя и имущественныя отношенія супруговъ.

Союзъ родителей и дѣтей.

Усыновленіе.

Личныя и имущественныя отношенія.

Опека—

по Русской Правдѣ и по законодательству XVIII вѣка.

VII. Вещныя права.

Вотчины.

Тяглыя земли.

Помѣстья.

Нововведенія Петра Великаго. Послѣдующая ихъ судьба.

IX. Наслѣдственное право.

Наслѣдованіе по завѣщанію и безъ завѣщанія.

Правила Русской Правды, Псковской судной гра-
моты и московскихъ памятниковъ.

Нововведенія Петра Великаго и ихъ послѣ-
дующая судьба.

Наслѣдованіе безъ завѣщанія,

въ томъ же порядкѣ.

X. Судопроизводство.

Древнѣйшее.

Система доказательствъ—

по Русской Правдѣ и Псковской судной грамотѣ.

Обособленіе состязательнаго и слѣдственнаго процесса.

Порядокъ московскаго суда.

Доказательства, докладъ, вершеніе, исполненіе.

Порядокъ московскаго сыскаго производства.

Средства сыска.

Измѣненія по петровскому законодательству:

Воинскій Уставъ;

Указъ о формѣ суда.

3. Програма по государственному праву.

Предметъ и исторія науки русскаго государственнаго права.

Источники и система дѣйствующаго русскаго государственнаго права.

Историческое образованіе территоріи русскаго государства. Общее и спеціальныя дѣленія территоріи Россійской имперіи по дѣйствующему праву.

Исторія единой державы и самодержавія верховной государственной власти въ Россіи.

Существо Императорской власти, порядокъ престолонаслѣдія, вступленіе на престоль, и организація правительства и опеки по дѣйствующему праву.

Права и преимущества Верховной власти и членовъ Императорской фамиліи. Исторія и содержаніе дѣйствующаго учрежденія объ Императорской фамиліи.

Ученіе о подданствѣ и о правахъ состоянія. Политическая организація народонаселенія по дѣйствующему русскому праву. Приобрѣтеніе и потеря русскаго подданства. Приобрѣтеніе и потеря правъ состоянія. Права и обязанности подданныхъ. Иностранцы и иностранцы.

Понятіе о законодательной власти и законодательствѣ. Законодательный процессъ. Составленіе закона, обсужденіе проекта и санкція закона по дѣйствующему русскому праву.

Обнародованіе законовъ. Пространство дѣйствія законовъ въ отношеніи времени, мѣста и лицъ. Толкованіе и исполненіе закона. Правительственныя распоряженія, ихъ виды и значеніе.

Понятіе объ управленіи и исторія высшаго государственнаго управленія въ Россіи до Императора Александра Перваго.

Государственный совѣтъ—его исторія, современная компетенція, организація и дѣятельность. Компетенція, организація и дѣятельность комитета министровъ.

Исторія, компетенція, организація и дѣятельность правительствующаго сената.

Исторія, компетенція, организація и дѣятельность святѣйшаго правительствующаго синода.

Историческое отношеніе министерствъ къ приказамъ и коллегіямъ. Общія положенія дѣйствующаго законодательства о власти министровъ и организаціи министерствъ.

Компетенція, организація и дѣятельность собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, канцеляріи прошеній, приносимыхъ на Высочайшее имя. Устройство и компетенція министерствъ и главныхъ управленій.

Понятіе о мѣстномъ управленіи и общія свѣдѣнія о значеніи мѣстныхъ установленій. Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи до Петра Великаго.

Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи со времени перваго учрежденія губерній до реформъ Императора Александра Втораго.

Должности генералъ-губернатора, губернатора и градоначальника по дѣйствующему русскому законодательству.

Губернское правленіе, его составъ, компетенція и дѣлопроизводство.

Казенная палата, управленіе государственныхъ имуществъ, акцизное управленіе и контрольная палата. Уѣздное полицейское управленіе, его организація и компетенція. Городская полиція. Уѣздное казначейство. Смѣшанныя присутствія по разнымъ дѣламъ мѣстнаго управленія.

Органы мѣстнаго управленія по дѣламъ церковнымъ, военнымъ, народнаго просвѣщенія, почтъ и телеграфовъ и путей сообщенія.

Словныя учрежденія. Исторія дворянскихъ установленій. Губернскія и уѣздныя собранія дворянства. Должность предводителя дворянства. Дворянское депутатское собраніе. Организація крестьянскаго самоуправленія. Сельское общество. Волость. Уѣздныя и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

Земское управленіе. Организація, компетенція и порядокъ дѣйствія уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ учреждений.

Городское общественное управленіе; его организація и предметы вѣдомства. Надзоръ за городскимъ управленіемъ.

Понятіе государственной службы. Исторія государственной службы въ Россіи. Поступленіе на службу, права и обязанности служащихъ, прекращеніе службы и отвѣтственность служащихъ по дѣйствующему русскому законодательству. Акты служебнаго состоянія.

4. Программа по церковному праву.

Религія и религіозное общество. Церковь и церковное право. Сохраненіе науки церковнаго права, ея задача, литература и отношеніе къ другимъ наукамъ.

Источники церковнаго права,—общіе во всѣхъ христіанскихъ вѣро-

исповѣданіяхъ и особенные—въ церквахъ православной, римско-католической, армяно-грегоріанской и евангелическо-лютеранской.

Исторія источниковъ церковнаго права въ теченіе первыхъ девяти вѣковъ христіанства. Правила и постановленія апостольскія. Правила соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, получившія признаніе во всей церкви. Особенности источники церковнаго права: на Востокѣ—каноническіе отвѣты и посланія свв. отцовъ и постановленія мѣстныхъ соборовъ, на Западѣ—*epistolae decretales* римскихъ папъ и постановленія такихъ же соборовъ. Памятники государственнаго законодательства по дѣламъ церкви въ греко-римской имперіи. Сборники церковныхъ правилъ,—на Востокѣ: номоканоны Іоанна Схоластика и патріарха Фотія, на Западѣ—Діонисія Малаго и Лжеисидора. Значеніе послѣдняго сборника въ исторіи права римско-католической церкви.

Исторія источниковъ церковнаго права въ Россіи. Исторія и составъ Кормчей книги. Важнѣйшіе памятники церковнаго законодательства въ Россіи. Обзоръ источниковъ дѣйствующаго въ Россіи церковнаго права.

Положеніе церкви въ государствѣ. Системы отношеній государства къ церкви. Историческій очеркъ этихъ отношеній. Дѣйствующее въ Россіи законодательство государства въ отношеніи къ господствующей вѣрѣ и церкви, къ покровительствуемымъ, признаваемымъ, терпимымъ и не дозволеннымъ вѣроисповѣданіямъ и религиознымъ обществамъ.

Устройство православной церкви.

Способы вступленія въ церковь. Личный составъ церковнаго общества. Состояніе мірянъ: ихъ права и обязанности въ церкви. Перемѣна вѣроисповѣданія и послѣдствія.

Состояніе клира или духовной іерархіи. Условія и способъ пріобрѣтенія іерархическаго званія въ церкви. Іерархія въ порядкѣ степеней рукоположенія или священнаго сана (*hierarchia ordinis*); іерархія въ порядкѣ церковнаго управленія (*hierarchia jurisdictionis*). Общія права и обязанности членовъ клира, какъ особаго сословія въ церкви и государствѣ. Потеря духовнаго сана и ея послѣдствія.

Монашество. Условія вступленія въ состояніе монашества. Монашескіе обѣты и вытекающее изъ нихъ умаленіе личныхъ, имущественныхъ и церковныхъ правъ (*capitis deminutio*) монашества. Различіе

правоспособности монаховъ по различію монастырей общежительныхъ и необщежительныхъ. Потеря монашескаго состоянія и послѣдствія.

Церковное правительство (*hierarchia jurisdictionis*). Епархіальные архіереи. Права, власть и обязанности и отношеніе епархіальнаго архіерея. Церковные приходы, какъ единицы, изъ которыхъ составляется епархія: ихъ устройство; права и обязанности членовъ причта приходскихъ церквей, прихожанъ и церковнаго старосты; приходскія попечительства.—Вспомогательные архіерею органы по епархіальному управленію: епископы-викаріи, ихъ происхожденіе и отношеніе къ епархіальному архіерею; духовныя консисторіи: ихъ устройство, предметы вѣдѣнія, порядокъ дѣлопроизводства и отношенія; духовныя правленія: ихъ устройство и предметы вѣдѣнія; попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія: устройство и предметы вѣдѣнія; епархіальные сѣзды духовенства; благочинные: объемъ и содержаніе ихъ административной власти.

Управленіе духовенства военнаго, придворнаго и служащаго при посольствахъ.

Устройство высшаго управленія въ помѣстныхъ автокефальныхъ церквяхъ. Устройство мѣркви въ первые вѣка христіанства и въ періодъ вселенскихъ соборовъ: происхожденіе и объемъ власти митрополитовъ, патріарховъ и соборовъ. Строй высшаго управленія русской церкви при всероссійскихъ митрополитахъ и патріархахъ. Святѣйшій синодъ; его происхожденіе, устройство, виды власти и отношенія. Учрежденія при св. синодѣ: права, обязанности и отношенія синодальнаго оберъ-прокурора; канцеляріи св. синода и оберъ-прокурора; хозяйственное управленіе; духовно-учебный комитетъ; духовно-училищный совѣтъ; синодальныя конторы.—Взаимныя отношенія помѣстныхъ автокефальныхъ церквей и способы ихъ общенія.

Устройство церквей римско-католической, евангелическо-лютеранской и армяно-грегоріанской по ихъ уставамъ, внесеннымъ въ сводъ законовъ Россійской имперіи.

Церковно-правительственная власть.

Виды и органы церковнаго законодательства.—Церковно-судебная власть, ея значеніе и основанія принадлежности ея церкви. Вѣдомство церковнаго суда въ исторіи и дѣйствующемъ правѣ по проступкамъ и преступленіямъ. Церковныя наказанія общія и особенныя (для духовныхъ лицъ). Объемъ церковной юрисдикціи по спорамъ и гражданскимъ дѣламъ въ исторіи и дѣйствующемъ правѣ. Церковное

судоустройство и судопроизводство.—Церковно-учащая власть. Средства и способы ея дѣйствования; отношеніе церкви къ народной школѣ (во всѣхъ ея видахъ). Специальныя учебныя заведенія для образованія духовенства: духовныя училища, семинаріи и академіи. Общества для духовно-просвѣтительныхъ цѣлей (братства, общество любителей духовнаго просвѣщенія, общество распространенія книгъ Св. Писанія и др.). Миссіи и миссіонерское общество. Духовная цензура.

Брачное право существующихъ въ Россіи христіанскихъ вѣроисповѣданій. Существо, значеніе и цѣль брачнаго союза. Условія и препятствія для вступленія въ бракъ. Формы установленія брака въ историческомъ ихъ развитіи и по дѣйствующему праву. Послѣдствія брака. Прекращеніе брака: расторгеніе законнаго брака или разводъ (*divortium*) и отмѣна браковъ незаконныхъ (*annullatio matrimonii*). Послѣдствія того и другаго для разлученныхъ отъ супружескаго сожителства и ихъ дѣтей. Компетенція законодательства и суда по брачнымъ дѣламъ въ Россіи. Бракоразводный процессъ.

Метрическія книги,—ихъ происхожденіе въ Россіи, составныя части; правила о веденіи и храненіи метрическихъ книгъ, значеніе метрическихъ записей въ гражданскомъ правѣ; выдача метрическихъ свидѣтельствъ.

Церковно-имущественное право.

Исторія имущественной правоспособности церкви. Субъекты и объекты имущественнаго права церкви. Способы приобрѣтенія имуществъ церковными установленіями. Привилегіи имуществъ церкви въ отношеніяхъ финансовомъ и судебномъ. Правопользованія и распоряженія церковными имуществами и отчужденія ихъ. Управление церковными имуществами.

5. Програма по полицейскому праву.

Содержаніе и исторія науки полицейскаго права. Источники дѣйствующаго русскаго полицейскаго права.

Условія дѣятельности и организація исполнительной полиціи до Петра Великаго. Полицейское законодательство Петра Перваго, Екатерины Второй и Павла Перваго.

Развитіе полицейской дѣятельности въ Россіи со времени учрежденія министерствъ. Высшія, центральныя и мѣстныя установленія,

вѣдающія полицейскую администрацію по дѣйствующему русскому праву.

Полиція безопасности.

Наблюденіе за обществами, ассоціаціями, народными сборищами, путешествующими, устнымъ и печатнымъ словомъ.

Предупрежденіе народныхъ возстаній и возмущеній. Военное и осадное положеніе. Усиленная и чрезвычайная охрана. Предупрежденіе измѣны. Предупрежденіе расхищенія государственной собственности.

Мѣры предупрежденія опасностей, происходящихъ отъ воровъ, мошенниковъ, вообще отъ злой воли человѣка и грозящихъ жизни, здоровью, свободѣ и имуществу отдѣльныхъ гражданъ.

Предупрежденіе и удаленіе опасностей, происходящихъ отъ слишкомъ большаго или слишкомъ малаго народонаселенія.

Исторія и современная организація медицинской полиціи.

Мѣры предупрежденія болѣзней. Предупрежденіе болѣзней наследственныхъ, при рожденіи, отъ дурнаго вскармленія и воспитанія. Охрана чистоты воздуха, безвредности припасовъ. Надзоръ за продажей и употребленіемъ ядовитыхъ веществъ. Предупрежденіе повальныхъ болѣзней.

Мѣры лѣченія болѣзней. Мѣры къ доставленію надлежащихъ личныхъ средствъ для лѣченія. Врачи, фельдшера, повивальныя бабки, сестры милосердія. Мѣры къ доставленію матеріальныхъ средствъ для лѣченія. Аптеки, минеральныя воды, больницы.

Строительная полиція. Органы строительной полиціи въ Россіи. Наблюденіе за постройкою зданій казенныхъ, общественныхъ и частныхъ. Предупрежденіе опасностей, могущихъ произойти отъ темноты, отъ неосторожности частныхъ лицъ и отъ животныхъ.

Мѣры обезпеченія народнаго продовольствія и предупрежденіе голода. Мѣры для призрѣнія бѣдныхъ и предупрежденія нищеты. Мѣры удаленія опасностей, производимыхъ пожарами, наводненіемъ и градобитіемъ. Страхуваніе имуществъ.

Полиція благосостоянія.

Мѣры обезпеченія условій духовнаго благосостоянія вообще и въ особенности содѣйствующія религіозному образованію народа.

Мѣры обезпеченія условій нравственнаго развитія. Надзоръ за воспитаніемъ малолѣтнихъ. Удаленіе соблазновъ, вредящихъ чистотѣ нравовъ. Исправленіе безнравственныхъ малолѣтнихъ.

Мѣры содѣйствія эстетическому образованію народа. Содѣйствіе

развитію художествъ, музыки и театра. Мѣры содѣйствія умственному образованію народа. Соудѣйствіе развитію ученыхъ и учебныхъ установленій.

Мѣры обезпеченія условій матеріальнаго благосостоянія народа. Удаленіе юридическихъ и экономическихъ препятствій къ занятію земледѣльческою промышленностью. Соудѣйствіе развитію сельско-хозяйственныхъ обществъ, сѣвцовъ, училищъ и выставокъ.

Мѣры содѣйствія развитію земледѣльческаго кредита и улучшенія плодородія почвы. Выдача привилегій на изобрѣтенія и открытія по сельскому хозяйству.

Мѣры содѣйствія развитію садоводства, винодѣлія, шелководства, пчеловодства, лѣсоводства, звѣринныхъ и рыбныхъ промысловъ и скотоводства.

Мѣры обезпеченія условій развитія мануфактурной промышленности. Удаленіе препятствій къ занятію мануфактурною промышленностью. Соудѣйствіе распространенію техническихъ свѣдѣній по мануфактурной части. Предоставленіе фабрикантамъ льготъ и преимуществъ. Соудѣйствіе расширенію изобрѣтеній и открытій.

Мѣры обезпеченія условій развитія ремесленной промышленности. Цехи. Ремесленные ассоціаціи и рабочія артели.

Мѣры обезпеченія условій развитія торговой промышленности. Удаленіе препятствій къ занятію торговлею. Устроеніе торговыхъ обществъ и ассоціацій. Учрежденія, соудѣйствующія торговлѣ.

Мѣры обезпеченія торговаго кредита и торговыхъ сношеній съ другими государствами. Допущеніе биржъ и связанныхъ съ ними установленій. Допущеніе ярмарокъ.

Мѣры обезпеченія удобныхъ путей сообщенія и мѣры содѣйствія развитію почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній.

6. Программа по политической экономіи.

Населеніе, какъ субъектъ народнаго хозяйства. Ступени экономического быта.

Предварительныя понятія. Потребность, полезность, цѣнность. Состояніе и его подраздѣленія. Хозяйство. Организующія начала.

Наука политической экономіи. Ея предметъ. Методъ. Отношеніе къ другимъ наукамъ и ея значеніе.

Историческій очеркъ развитія науки политической экономіи. Производство цѣнностей. Факторы его. Природа. Земля. Ея

категорій. Трудъ. Физическій и интеллектуальный. Воспитаніе и образованіе. Роль и значеніе науки и знанія вообще въ производствѣ. Интеллектуальный капиталъ. Капиталъ. Народный и частный. Постоянный и оборотный. Производительный и мертвый. Происхожденіе капитала. Бережливость. Способы увеличенія народнаго и частнаго капитала.

Взаимоотношеніе труда и капитала. Производительность того и другаго. Производительность труда въ историческомъ развитіи (трудъ рабскій, крѣпостническій, свободный). Производительность различныхъ категорій труда. Дѣленіе и сочетаніе (простое и сложное) труда. Предпріятія. Важнѣйшія ихъ формы.

Земледѣліе. Важнѣйшія системы. Теорія Тюнена. Общинная и личная поземельная собственность. Характеристика той и другой. Крупная, средняя и мелкая поземельная собственность. Лѣсоводство. Вмѣшательство государства.

Обрабатывающая промышленность. Домашнее производство. Ремесла. Цеховое устройство и свобода промышленная. Кустарная, мануфактурная и фабрично-заводская промышленность. Крупное, среднее и мелкое производство. Вмѣшательство государства.

Распредѣленіе цѣнностей. Доходъ съ субъективной (Einkommen) и съ объективной (Ertrag) точекъ зрѣнія. Доходъ валовой, чистый и свободный (избытокъ дохода). Поземельная рента. Теорія Рикардо. Историческое развитіе ренты. Вознагражденіе за трудъ — рабскій, крѣпостническій и свободный. Опредѣляющія условія: соперничество, свойства работника и работы, вмѣшательство государства. Формы заработной платы. Натуральная и денежная. Повременная (поденная, помѣсячная и т. д.) и задѣльная (поштучная и т. п.). Доходъ на капиталъ. Историческое развитіе. Вліяніе государства и церкви. Опредѣляющія высоту дохода условія. Доходъ предпринимателя. Особый характеръ этого дохода. Опредѣляющія высоту его условія. Взаимоотношеніе доходовъ поземельнаго собственника, работника, капиталиста и предпринимателя. Участіе рабочаго въ прибыляхъ отъ предпріятія.

Обращеніе цѣнностей. Обмѣнъ. Товаръ. Рынокъ. Цѣна. Такса. Спросъ и предложеніе. Издержки производства. Натуральная мѣна и денежное обращеніе цѣнностей. Деньги. Функции ихъ. Цѣнность денегъ. Исторія денегъ. Благородные металлы, ихъ преимущества въ качествѣ денегъ. Монеты. Монетныя системы (простая и двойственная). Исторія цѣнъ.

часть сслѣдств., отд. 1.

Торговля. Виды ея. Внутренняя (оптовая, розничная и мелочная) и ви́шняя. Ввозъ, вывозъ и транзитъ. Покровительство и свобода въ торговлѣ. Историческій очеркъ развитія торговли и роль ея въ культурномъ развитіи народовъ. Торговые кризисы.

Кредитъ и банки. Понятіе о кредитѣ и его значеніе въ народномъ хозяйствѣ. Главнѣйшія категоріи кредита. Производительный, распределительный (Besitzcredit) и потребительный кредитъ. Публичный и частный. Личный и вещественный. Векселя (историч. очеркъ), варранты и ипотека. Кредитъ прямой и косвенный. Организація кредита при посредствѣ банковъ. Банки. Историческій очеркъ ихъ развитія. Банки денежные, ихъ главнѣйшія операціи. Банки кредитныя. Активные и пассивныя операціи ихъ (ломбардная, учетная и т. п., депозитная, выпускная и т. п.). Банковые билеты. Система ихъ обезпеченія. Бумажныя деньги. Теорія цѣнности бумажныхъ денегъ. Лажъ. Установленіе цѣнъ при господствѣ бумажно-денежной единицы. Исторія бумажно-денежнаго хозяйства въ Россіи. Возстановленіе металлическаго обращенія. Девальвація. Чеки. Clearinghouse—расчетныя палаты.

Пути сообщенія. Историч. очеркъ ихъ развитія. Значеніе водныхъ и сухопутныхъ средствъ сообщенія. Желѣзныя дороги. Значеніе ихъ экономическое, социальное и политическое. Система частнаго или казеннаго ж.-дорожнаго хозяйства и смѣшанная система.

Потребленіе цѣнностей. Виды его: непродуцительное, продуцительное и предохранительное. Потребительныя товарищества. Страхуваніе акціонерное и взаимное. Страхуваніе имущественное и личное. Виды страхуванія.

7. Програма по статистицѣ.

Опредѣленіе статистики. О численномъ методѣ наблюденія вообще. Приложение численнаго метода къ наблюденію и изслѣдованію общественныхъ явленій (методъ статистическій). Условія, обезпечивающія успѣшность статистическаго наблюденія.

Исторія статистики. Начатки статистическихъ наблюденій у древнихъ народовъ; существованіе нѣкоторыхъ статистическихъ операцій въ средніе вѣка. Зачатки систематизаціи статистическихъ знаній въ Италіи, Голландіи, Франціи и Германіи. Статистика въ германскихъ университетахъ въ XVII и XVIII вѣкахъ: школа государствѣдовъ: Коврингъ, Ахенвалль, Шлѣцеръ.

Начало современнаго научнаго направленія въ статистику. Политическія арифметики. Вліяніе развитія математическихъ наукъ и положительной философіи на развитіе современнаго научнаго направленія. Зюссмильхъ, Кетле и его школа.

Устройство и исторія административныхъ учреждений въ главнѣйшихъ государствахъ Западной Европы. Исторія и устройство статистическихъ учреждений въ Россіи: учреждения правительственныя, земскія и городскія.

Международныя статистическія учреждения: конгрессъ, постоянная его коммиссія и международный статистическій институтъ.

Теорія и практика статистическаго наблюденія. Передисъ и текущая регистрація. Переписи населенія, сельской и обрабатывающей промышленности; записи по движенію населенія (текущія списки, метрики); записи по статистикѣ санитарной и уголовной въ Россіи и главнѣйшихъ государствахъ Западной Европы.

Сводка результатовъ наблюденія. Системы и приемы сводки.

Научная обработка статистическихъ данныхъ. Счетная обработка материала. Относительныя и среднія величины. Понятія о законѣ и причинѣ въ индуктивныхъ наукахъ. Статистическая аналитика и примѣненіе приемовъ индукціи къ установленію статистическихъ законовъ. Графическая статистика.

Статистика численности и состава населенія. Населенность; распредѣленіе населенія по населеннымъ мѣстамъ. Составъ населенія по полу и возрасту. Число и величина хозяйствъ. Составъ населенія по семейному состоянію, занятіямъ и хозяйственной самостоятельности.

Измѣненіе численности населенія. Эмигранція. Брачность, и рождаемость. Смертность общая по поламъ и возрастамъ; вліяніе на смертность времени года, занятій, степени благосостоянія. Приростъ населенія.

8. Программа по гражданскому и торговому праву и процессу.

I. По гражданскому праву.

Понятіе науки гражданского права. Мѣсто гражданского права въ ряду наукъ юридическихъ. Системы изложенія гражданского права въ законодательствахъ Франціи и Германіи, въ сводѣ русскихъ законовъ и въ наукѣ.

Источники русскаго гражданского права. Законы: понятіе и виды

ихъ, примѣненіе и толкованіе. Условія и объемъ примѣненія обычаявъ.

Субъекты гражданскаго права. Физическое лицо. Моменты возникновенія и прекращенія правоспособности. Вліаніе пола, возраста, здоровья, родства, свойства, мѣстожительства, образованія, религіи, состоянія, званія и гражданской чести на права физическаго лица. Безвѣстное отсутствіе и его послѣдствія.—Общія свойства лицъ юридическихъ.

Объекты гражданскаго права вообще и разные виды вещей и имуществъ. Понятіе и виды юридическихъ дѣйствій. Условія дѣеспособности. Вліаніе принужденія, заблужденія и обмана на силу юридическихъ дѣйствій.

Понятіе юридическихъ сдѣлокъ и ихъ виды. Составныя части, принадлежности и форма юридическихъ сдѣлокъ. Побочныя опредѣленія въ юридическихъ сдѣлкахъ. Соучастіе въ сдѣлкахъ; представительство.

Недѣйствительность юридической сдѣлки. Превращеніе одной юридической сдѣлки въ другую; притворныя сдѣлки; толкованіе юридическихъ актовъ.

Понятіе гражданскаго правонарушенія и его послѣдствія: условія и объемъ отвѣтственности.

Понятіе и виды правъ вообще и имущественныхъ въ особенноти. Понятіе привилегій; ихъ виды, установленіе, дѣйствіе и способы прекращенія.

Понятіе укрѣпленія правъ. Виды актовъ укрѣпленія правъ. Порядокъ совершенія актовъ крѣпостныхъ, явочныхъ и домашнихъ. Порядокъ совершенія актовъ по положенію о нотаріальной части.

Понятіе столкновенія правъ и способы его разрѣшенія. Способы прекращенія правъ. Давность, какъ способъ прекращенія гражданскихъ правъ.

Понятіе права собственности и его содержаніе. Фактическое владѣніе и юридическое, какъ составная часть права собственности. Общее право собственности. Ограниченія права собственности.

Условія и способы приобрѣтенія права собственности. Значеніе передачи и ввода во владѣніе. Давность, какъ способъ приобрѣтенія. Способы прекращенія права собственности. Экспроприація.

Понятіе и виды авторской собственности; условія ея приобрѣтенія и охраненія.

Понятіе и виды правъ на чужую вещь. Право угодій, право уча-

стія общаго и частнаго; пожизненное владѣніе, понятіе о правѣ залога, какъ правѣ на чужую вещь.

Понятіе обязательства. Субъекты обязательствъ и виды обязательствъ по ихъ личному составу: обязательства солидарныя и корреляльныя. Предметъ обязательствъ. Необходимыя свойства дѣйствій, какъ предметъ обязательствъ. Альтернативныя обязательства. Деньги, какъ предметъ обязательства.

Дѣйствіе обязательства относительно его участниковъ, предмета, времени и мѣста удовлетворенія. Дѣйствіе удовлетворенія по обязательству.

Понятіе договора и его виды. Лица, участвующія въ договорахъ и предметъ договора. Значеніе воли контрагентовъ въ договорѣ; вліяніе на силу договора ошибки, принужденія и обмана. Соглашеніе воли контрагентовъ. Дѣйствіе договора. Договоры въ пользу третьихъ лицъ.

Понятіе обезпеченія договора и способы его обезпеченія. Задатокъ. Неустойка. Поручительство.

Понятіе залога и его виды. Лица, предметъ, источники, дѣйствіе и прекращеніе залога. Ипотечная система.

Договоры мѣны, купли и продажи, поставки и запродажи.

Договоры займа, найма имущества и ссуды на подержаніе.

Договоры поклажи, личнаго найма и подряда.

Договоръ товарищества и страхованія. Договоръ довѣренности.

Способы прекращенія обязательствъ вообще и въ особенности обновленіе и учетъ.

Понятіе семейнаго права и виды семейныхъ союзовъ. Понятіе союза брачнаго. Условія заключенія брака. Совершеніе брака. Личныя и имущественныя юридическія отношенія, возникающія изъ брака. Прекращеніе брака.

Понятіе союза родителей и дѣтей. Личныя и имущественныя юридическія отношенія между родителями и дѣтьми. Понятіе родственнаго союза. Усыновленіе.

Понятіе опеки и попечительства. Виды опеки. Поводы учрежденія опеки. Опекунскія установленія. Юридическія отношенія, возникающія изъ опеки. Прекращеніе опеки. Юридическое значеніе попечительства.

Понятіе наследственнаго права. Открытіе наследства и основанія права наследованія. Право наследованія по завѣщанію. Условія дѣй-

ствительности завѣщаній относительно лицъ, предмета и формы; храненіе и явка духовнаго завѣщанія. Дополненіе, измѣненіе и отмена духовнаго завѣщанія. Случаи недействительности духовнаго завѣщанія. Исполненіе завѣщаній.

Право наслѣдованія по закону. Порядокъ родственнаго наслѣдованія. Порядокъ наслѣдованія между супругами. Порядокъ наслѣдованія въ имуществахъ выморочныхъ. Принятіе наслѣдства и его юридическія послѣдствія. Отреченіе отъ наслѣдства. Раздѣлъ наслѣдства.

II. По торговому праву.

Понятіе торговаго права и отношеніе его къ праву гражданскому. Наука торговаго права. Источники торговаго права. Торговый уставъ. Общія понятія о торговлѣ и торговыхъ дѣйствіяхъ.

Понятіе о торговыхъ дѣятеляхъ и торговой дѣеспособности. Понятіе торговаго заведенія и его имущественная и личная организація. Торговныя книги.

Понятіе торговаго товарищества и его отличіе отъ товарищества гражданскаго. Товарищество полное. Товарищество на вѣрѣ. Коммандита. Акціонерное товарищество. Товарищества съ переменнымъ капиталомъ. Общества взаимнаго кредита.

Составленіе торговыхъ сдѣлокъ. Договоры между отсутствующими. Долги и долговныя бумаги. Торговая покупка, ея предметъ, цѣна и формальныя условія. Исполненіе договора. Неисправность покупателя и продавца. Биржевыя сдѣлки. Сдѣлки съ преміей. Права воспрещенія. Издательскій договоръ.

Договоры перевозки. Накладная. Исполненіе перевозки. Сдача кладя. Особенности договора перевозки по желѣзнымъ дорогамъ; понятіе о наложенныхъ платежахъ.

Понятіе торговой поклажи. Варрантъ и товаро-залоговое свидѣтельство. Страхованіе лицъ и имущества.

Вексельное право. Происхожденіе векселя и его значеніе. Вексель до и послѣ индоссаменты.

Субъекты вексельнаго договора. Выдача векселя. Содержаніе векселя; различіе векселей простыхъ и переводныхъ. Способы обезпеченія срочнаго платежа по векселю.

Акцептъ, индоссаментъ и аваль. Удовлетвореніе по векселю. Послѣдствіе неплатежа по векселю. Протесты векселей. Обратный вексель. Векселя фальшивые. Потеря векселя. Вексельная давность.

Морское торговое право: общія понятія; бодмерея; цертепартія; аварія; вознагражденіе за спасеніе при кораблекрушеніяхъ; морское страхованіе; заключеніе договора и условія отвѣтственности.

III. По гражданскому процессу.

Предметъ, система и исторія науки гражданского судоустройства и судопроизводства.

Источники дѣйствующаго судебно-гражданскаго законодательства. Система и общая характеристика устава гражданского судопроизводства.

Субъекты гражданского процесса. Судебно-гражданское судоустройство. Судебныя установленія: общія, мировыя и особенныя. Подсудность и ея виды.

Стороны въ гражданскомъ процессѣ. Процессуальная правоспособность. Представительство въ процессѣ и его виды. Вступленіе третьихъ лицъ въ дѣло и привлеченіе третьихъ лицъ къ дѣлу.

Порядокъ производства гражданскихъ дѣлъ. Предъявленіе иска и вызовъ къ суду. Защита отвѣтчика. Послѣдствія предварительнаго производства.

Разборъ дѣла. Основныя пачала гражданского процесса. Доказательства и отдѣльныя ихъ виды. Показанія самихъ тяжущихся. Признаніе и присяга.

Показанія стороннихъ лицъ: свидѣтелей, околныхъ людей и свѣдущихъ людей.

Вещественныя доказательства. Письменные акты. Осмотръ на мѣстѣ.

Дѣятельность суда при разборѣ дѣла. Порядокъ производства въ общихъ и мировыхъ судахъ. Участіе прокуратуры.

Заключеніе производства. Судебныя мировыя слѣлки. Рѣшеніе суда, состязательное и заочное. Послѣдствія заключенія производства. Законная сила рѣшенія. Частныя производства. Сокращенное судопроизводство.

Третейскій судъ, порядокъ его установленія; разбирательство, рѣшеніе и исполненіе.

Исполнительное производство. Основанія исполненія. Добровольное исполненіе. Обезпеченія взысканія. Способы исполненія или взысканія.

Денежныя взысканія. Публичная продажа. Недѣйствительныя и

не состоявшіеся торги. Распредѣленіе взысканныхъ суммъ. Дѣятельность судебного пристава и суда въ производствѣ взысканія.

Производство по жалобамъ. Обжалованіе постановленій суда по существу. Апелляціонное производство.

Производство по просьбамъ объ отиѣнѣ рѣшеній. Основанія этихъ просьбъ и порядокъ производства. Производство по частнымъ жалобамъ.

Производство охранительное. Предметы его, въ особенности охраненіе наслѣдствъ.

Производство дѣль о несостоятельности. Субъекты конкурснаго производства. Конкурсная масса. Порядокъ производства. Понятіе объ администраціяхъ.

Торговое судопроизводство, общая его характеристика и особенности; вексельный процессъ.

9. Программа по уголовному праву и процессу.

I. По уголовному праву.

Понятіе о преступномъ дѣяніи и наказаніи. Право наказанія, его основанія и цѣли. Содержаніе и задачи науки уголовного права. Общія и особенныя источники дѣйствующаго русскаго уголовного права: уложеніе о наказаніяхъ; уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями; уставы воинскій, сельско-судебный и о ссыльныхъ.

Уголовный законъ, какъ основаніе карательной дѣятельности. Элементы уголовного закона. Дѣйствіе уголовного закона по времени, по мѣсту и по лицамъ; выдача преступниковъ. Толкованіе и пополненіе уголовного закона.

Виновникъ преступнаго дѣянія. Вмѣняемость и причины, ее устраняющія.

Предметъ преступнаго дѣянія; условія, устраняющія противозаконность посягательства: исполненіе закона, осуществленіе права, необходимая оборона и согласіе пострадавшаго.

Преступное дѣйствіе; формы преступной дѣятельности и причинная связь съ послѣдствіемъ.

Преступная воля. Умысль и его виды. Неосторожность. Вліяніе случая, ошибки и принужденія на вмѣненіе дѣянія въ вину.

Осуществленіе преступной воли. Совершеніе. Покушеніе и его виды. Приготовленіе. Изъявленіе умысла.

Участіе въ преступленіи, его виды и отвѣтственность участниковъ.

Совокупность и повтореніе преступленій; понятіе, условія и наказуемость ихъ.

Свойства наказанія. Система наказаній въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи. Карательная система дѣйствующаго законодательства.

Смертная казнь въ ея историческомъ развитіи и по дѣйствующимъ законодательствамъ.

Наказанія тѣлесныя и членовредительныя въ исторіи и въ дѣйствующемъ правѣ.

Изгнаніе. Ссылка, ея виды и цѣли. Ссылка въ Римѣ, въ Англіи и во Франціи. Ссылка по русскому праву.

Тюремное заключеніе. Понятіе, качества и задача его. Системы тюремнаго заключенія. Управление мѣстъ заключенія. Мѣры тюремной дѣятельности. Виды тюремнаго заключенія; учрежденія для несовершеннолѣтнихъ. Патронажъ.

Лишеніе чести и правъ. Наказанія позорящія. Выговоръ. Лишеніе правъ въ его историческомъ развитіи и современномъ состояніи. Полицейскій надзоръ.

Наказанія имущественныя; виды ихъ.

Опредѣленіе наказанія. Обстоятельства, опредѣляющія наказанія. Дѣятельность суда при опредѣленіи наказанія.

Замѣна наказаній.

Отмѣна наказанія. Смерть виновнаго. Давность. Помилованіе. Примиреніе съ пострадавшимъ.

Преступленія противъ вѣры и нарушенія ограждающихъ оную постановленій.

Политическія преступленія. Посягательства на священную Особу Государя Императора и членовъ Императорской фамилии. Бунтъ противъ власти верховной. Государственная измѣна. Преступленія противъ международнаго права.

Посягательства на отдѣльныя вѣтви государственной власти. Составъ и наказуемость возстанія, сопротивленія, ослушанія и оскорбленія власти; присвоеніе власти; составленіе подложныхъ указовъ и предписаній; побѣгъ изъ-подъ стражи и освобожденіе заключенныхъ. Тайныя общества.

Основныя понятія о преступленіяхъ по службѣ государственной

и общественной. Превышеніе власти; бездѣйствіе власти; злоупотребленіе власти. Взятничество. Неправосудіе.

Лишеніе жизни. Составъ и наказуемость умышеннаго и неосторожнаго лишенія жизни. Виды убійства. Самоубійство. Умерщвленіе плода. Оставленіе въ опасности. Сокрытіе труна. Поединокъ.

Тѣлесныя поврежденія умышленныя и неумышленныя; понятіе ихъ, классификація и наказуемость.

Посагательства на свободу. Угрозы, насиліе и принужденіе. Задержаніе и заключеніе. Похищеніе людей. Продажа въ рабство. Нарушеніе домашняго спокойствія.

Посагательства на цѣломудріе. Любострастныя дѣйствія. Изнасилованіе, обольщеніе и блудъ. Сводничество.

Оскорбленія чести. Обида. Клевета. Диффамация. Разглашеніе тайнъ.

Поврежденіе имущества простос и общепасное; составъ, виды и наказуемость.

Присвоеніе чужаго имущества. Злоупотребленіе довѣріемъ.

Кража; составъ, виды и наказуемость.

Грабежь и разбой. Насильственное завладѣніе недвижимостью.

Мошенничество и обманы.

Пользованіе чужимъ имуществомъ.

Подлогъ въ документахъ.

Поддѣлка денежныхъ знаковъ.

Основные понятія о преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ и правъ состоянія.

II. По уголовному процессу.

Содержаніе науки уголовного процесса. Судебное, административное и дисциплинарное разбирательство. Процессъ состязательный и розыскной.

Письменность и устность, гласность и негласность уголовного судопроизводства.

Источники уголовного судопроизводства и судебное ихъ примѣненіе.

Судебная власть. Судебная служба и судебная дѣятельность.

Система уголовныхъ судовъ. Мировыя судебныя установленія. Участковые, почетные и добавочные мировыя судьи. Составъ, вѣдомство и функціи мирового сѣзда.

Общія судебныя мѣста. Окружный судъ. Судебная палата. Кассационный судъ.

Судъ присяжныхъ. Составленіе списковъ присяжныхъ засѣдателей. Отводъ присяжныхъ сторонами и судебное ихъ устраненіе. Права, обязанности, отвѣтственность и условія успѣшной дѣятельности присяжныхъ.

Мѣста предварительнаго производства. Судебный слѣдователь. Камера преданія суду. Участіе полиціи въ судебной дѣятельности.

Вѣдомство уголовныхъ судовъ и подсудность уголовныхъ дѣлъ. Предметная подсудность. Мѣстная подсудность. Подсудность по связи дѣлъ. Порядокъ опредѣленія подсудности. Пререканія о подсудности. Отводъ и самоотводъ судей.

Адвокатура. Исторія адвокатуры. Присяжные повѣренные. Частные повѣренные.

Прокуратура, ея исторія и современное положеніе.

Обвиненіе. Публичное и частное обвиненіе при возбужденіи преслѣдованія и обличеніи передъ судомъ. Условія и послѣдствія обвиненія. Приостановка обвиненія по физической и юридической невозможности производства. Прекращеніе обвиненія и его возобновленіе.

Гражданскій искъ въ уголовномъ процессѣ. Самостоятельность и подчиненность его, органы и порядокъ производства гражданского иска въ уголовномъ судѣ.

Защита въ уголовномъ процессѣ. Защитникъ и его отношеніе къ подсудимому. Процессуальныя права, обязанности и отвѣтственность защиты.

Доказательства въ уголовномъ процессѣ. Формальная теорія доказательствъ. Англоамериканская система доказательствъ. Система свободной оцѣнки доказательствъ по внутреннему убѣжденію суда.

Отдѣльные виды доказательствъ въ уголовномъ процессѣ. Показанія подсудимаго. Свидѣтельскія показанія. Экспертиза. Показанія околныхъ людей. Вещественныя и письменныя доказательства.

Допросъ, осмотръ, обыскъ и выемка. Вызовъ и приводъ обвиняемаго. Мѣры пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда.

Судебное постановленіе, опредѣленіе, рѣшеніе. Резолюція. Приговоръ, его содержаніе и виды. Сроки въ процессѣ. Судебныя издержки.

Предварительное производство и его задачи. Дознаніе. Предвари-

тельное слѣдствіе. Лица, участвующія въ предварительномъ слѣдствіи. Производство, акты и мѣры предварительнаго слѣдствія.

Преданіе суду, его задачи и построение. Лица, участвующія въ процессѣ преданія суду. Производство преданія суду у прокуратуры и въ судебной палатѣ. Особенности порядки преданія суду. Приготовительныя къ суду распоряженія предсѣдателя и суда.

Открытіе судебного засѣданія. Судебное слѣдствіе. Пренія сторонъ. Последнее слово подсудимаго.

Порядокъ постановленія приговора. Постановка вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ. Заключительное объясненіе предсѣдателя. Вердиктъ присяжныхъ. Приговоръ.

Процессъ пересмотра судебныхъ рѣшеній. Назначеніе, предѣлы, условія и послѣдствія пересмотра. Пересмотръ по частной жалобѣ, его субъектъ, предметъ, порядокъ и послѣдствія. Заочное разбирательство и отзывъ на заочное рѣшеніе.

Апелляціонное производство. Его основанія, субъектъ, предметъ, условія и порядокъ. Права сторонъ. Предѣлы и послѣдствія апелляціоннаго разбирательства.

Кассаціонное разбирательство. Его задача, предметъ и субъектъ. Поводы кассаціи. Права сторонъ. Условія, порядокъ, предѣлы и послѣдствія кассаціоннаго производства.

Возобновленіе уголовныхъ дѣлъ. Право ходатайства о возобновленіи. Объемъ дѣлъ, подлежащихъ возобновленію. Поводы, порядокъ производства и послѣдствія возобновленія.

Исполненіе судебного приговора. Органы, условія и порядокъ исполненія. Отсрочка исполненія.

Крестьянскіе суды. Устройство, вѣдомство и порядокъ судопроизводства сельскихъ и волостныхъ судовъ.

Исторія военно-уголовнаго судопроизводства въ Россіи. Организация, вѣдомство и главнѣйшія особенности процесса военныхъ судовъ по дѣйствующему праву.

Церковное судопроизводство; его организація, вѣдомство и главнѣйшія особенности.

10. Програма по финансовому праву.

I. Обція свѣдѣнія: 1) О предметѣ финансовой науки и о развитіи ея со второй половины XVIII столѣтія; понятія о финансовомъ правѣ. 2) О предметахъ государственныхъ потребностей и существующихъ способахъ ихъ удовлетворенія. 3) Понятіе о финансо-

вой власти государства и ея органахъ: а) — о финансовыхъ учрежденіяхъ центральныхъ и мѣстныхъ; б) — объ организаціи казсы; с) — о контролѣ надъ финансовымъ хозяйствомъ и контрольныхъ учрежденіяхъ. 4) Понятія о бюджетѣ и русской государственной росписи, ихъ составленіи и исполненіи. II. Свѣдѣнія объ источникахъ государственнаго дохода: ихъ общая система и система, принятая въ русскомъ законодательствѣ. Свѣдѣнія объ отдѣльныхъ видахъ государственныхъ доходовъ: А) Доходы отъ государственныхъ имуществъ: 1) государственныя земли; 2) государственныя лѣса; 3) горныя промыслы казенныя и отношенія казны къ частной горной промышленности. В) Доходы отъ государственныхъ промысловъ (регалий): 1) монетное дѣло; 2) почтовое и телеграфное; 3) общія свѣдѣнія о другихъ видахъ казенныхъ промышленныхъ предпріятій. С) Доходы отъ пошлинъ: 1) гербовыя и актовыя пошлины; 2) судебныя пошлины; 3) важнѣйшіе виды прочихъ пошлинъ. D) Доходы отъ налоговъ: существо этого источника; общія черты историческаго развитія налоговъ; существенныя черты ихъ теоріи и общая система. α) Прямые налоги: общее понятіе о нихъ и ихъ объектахъ, о ихъ устройствѣ и взиманіи. Виды ихъ: 1) личный налогъ; 2) поземельный; 3) налогъ съ строеній или подомовый; 4) налогъ промысловый; 5) — подоходный. β) Косвенные налоги: Общее понятіе, характеристическія особенности; важнѣйшіе объекты; способы взиманія. Виды косвенныхъ налоговъ: 1) Налоги на предметы первой необходимости (на хлѣбъ, мясо, соль, освѣтительные матеріалы). 2) Налоги на предметы не первой необходимости: а) налогъ на сахаръ; б) — на вѣрпкіе напитки; с) — на табакъ. 3) Таможенныя пошлины. III. Свѣдѣнія объ особенныхъ способахъ удовлетворенія нѣкоторыхъ государственныхъ потребностей: повинности, ихъ сущность и важнѣйшіе предметы. IV. Свѣдѣнія о мѣстномъ (земскомъ) хозяйствѣ: главныя виды мѣстныхъ потребностей и основныя формы мѣстнаго обложенія. V. Свѣдѣнія по государственному кредиту: его мѣсто въ современномъ финансовомъ хозяйствѣ; его виды; формы государственныхъ займовъ; способы ихъ совершенія и погашенія.

Примѣчаніе. Сверхъ теоретическихъ свѣдѣній по каждому отдѣлу требуется: знаніе главнѣйшихъ историческихъ фактовъ и существенныхъ особенностей финансовыхъ законодательствъ важнѣйшихъ Западно-Европейскихъ государствъ. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія требуются въ русскомъ законодательствѣ и

его исторіи, но безъ мелочныхъ подробностей. Желательно также нѣкоторое знакомство экзаменующагося съ важнѣйшими данными финансовой статистики и литературой финансовой науки.

11. Программа по международному праву.

Содержаніе, исторія и источники науки международного права.

Фактическія основанія и необходимость положительнаго международного права.

Международное общеніе. Конгрессы и конференціи.

Государства, какъ субъекты международного права. Ихъ виды. Признаніе новыхъ государствъ и значеніе перемѣнъ, происходящихъ въ государствахъ.

Основныя международныя права государствъ, государей и частныхъ лицъ въ области международныхъ отношеній.

Права государствъ въ отношеніи подданныхъ и иностранцевъ. Эмиграція и натурализація. Оставленіе подданства.

Государственная территория съ точки зрѣнія международного права. Границы. Способы приобрѣтенія территоріи. Колонизація.

Объ открытомъ морѣ и его частяхъ. Основныя положенія морскаго международного права.

Международныя повинности. О проливахъ (въ особенности о Босфорѣ и Дарданеллахъ). О рѣкахъ и рѣчномъ судоходствѣ (въ особенности о Дунайской Европейской Коммисіи). Суецкій каналъ.

Международные договоры. Условія заключенія (субъективныя и объективныя); способы обезпеченія (гарантія); прекращеніе дѣйствія.

Международное управленіе государствъ и его органы. Право посольства; раздѣленіе дипломатическихъ агентовъ и основныя ихъ права.

Право консульское. Консулы въ государствахъ христіанскихъ и на востоцѣ. Права и обязанности консуловъ. Консульская юрисдикція.

Международныя отношенія въ области экономическихъ интересовъ современныхъ народовъ. Международные коммерческіе трактаты. Всемирный почтовый и телеграфный союзы. Международныя постановленія относительно желѣзныхъ дорогъ и общей монетной системы.

Международное частное право. Основныя начала относительно личныхъ правъ иностранцевъ, правъ семейныхъ и наслѣдованія; права на вещи и по обязательствамъ. Исполненіе рѣшеній иностранныхъ судовъ.

Международное уголовное право: основныя начала: подсудность преступныхъ дѣяній; выдача преступниковъ по началамъ положительнаго международного права.

Международныя столкновенія. Мирныя средства для ихъ рѣшенія; въ особенности третейское разбирательство; эмбарго и мирная блокада.

Право войны. Основныя начала. Права и обязанности воюющихъ государствъ во время сухопутной войны, въ особенности въ отношеніи военно-плѣнныхъ, раненыхъ и больныхъ воиновъ; права оккупационной арміи.

Права и обязанности воюющихъ государствъ въ морской войнѣ. Каперство, блокада и призовое право.

Окончаніе войны и заключеніе мира.

Право нейтралитета; основныя начала: права и обязанности нейтральныхъ государствъ; права нейтральной торговли; военная контробанда, блокада и право осмотра.

12. Программа по энциклопедіи права и исторіи философіи права.

I. По энциклопедіи права.

Опредѣленіе энциклопедіи права. Краткій очеркъ исторіи этой науки.

Общее понятіе о правѣ. Право въ субъективномъ и объективномъ смыслѣ.

Право и нравственность; ихъ различіе и взаимное отношеніе.

Право и государство; ихъ взаимная связь.

Юридическія нормы. Ученіе объ источникахъ права.

Обычное право. Ученіе объ юридическомъ обычайѣ. Отношеніе русскаго законодательства къ обычному праву.

Ученіе о законѣ. Отдѣльныя моменты въ процессѣ образованія закона. Дѣйствіе закона по времени, мѣсту и лицамъ. Толкованіе закона и его виды. Отиѣна законовъ.

Виды законовъ. Русское законодательство: сборники дѣйствующихъ законовъ.

Административныя распоряженія и судебная практика, какъ вспомогательныя формы права. Право юристовъ.

О кодификаціи. Въ особенности кодификація въ Россіи.

Субъекты права. Ученіе о лицахъ физическихъ и юридическихъ.

Объектъ правъ. Ученіе объ объектѣ.

Возникновеніе и прекращеніе правъ и обязанностей.

Приложеніе правъ: коллизія и конкуренція. *Nuda jura*.

Нарушеніе правъ и его виды: гражданское, уголовное и полицейское правонарушеніе.

Охраненіе и возстановленіе правъ.

Основные виды правъ. Въ особенности отличіе правъ частныхъ и публичныхъ.

Методологія юридическихъ наукъ. Юридическая конструкція. Способы изложенія и изученія права.

Систематика юридическихъ наукъ.

II. По исторіи философіи права.

Содержаніе и задача исторіи философіи права.

Общая характеристика ученій древнихъ греческихъ философовъ до Сократа. Сократъ и его ученіе.

Платонъ и содержаніе его сочиненія о республикѣ.

Содержаніе сочиненія Платона о законахъ.

Аристотель и его философія. Общее ученіе Аристотеля о домѣ, семействѣ и государствѣ.

Ученіе Аристотеля о формахъ государства и о законахъ.

Основные начала ученій стоиковъ, эпикурейцевъ и скептиковъ о справедливости и государствѣ.

Ученіе Цицерона о правѣ и государствѣ.

Философскія доктрины римскихъ юристовъ: *jus naturale*, *jus gentium*, *aequitas*.

Гуго Гроцій и его ученіе объ естественномъ правѣ.

Монтескье и его сочиненіе „*Esprit des lois*“.

Савиньи и историческая школа права.

ПАДЕНИЕ ПОЛЬШИ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ¹⁾.

IV.

Западно-европейскія историческія сочиненія о паденіи Польши.

Въ этой главѣ, которая съ предыдущею составляетъ особую часть нашего критико-библиографическаго обзора исторической литературы о паденіи Польши, мы рассмотримъ главнымъ образомъ западно-европейскія историческія сочиненія объ этомъ событіи, составившіяся на основаніи преимущественно архивныхъ источниковъ и отражавшія на себѣ политическія идеи, которыя по польскому вопросу выработались уже въ XIX вѣкѣ. Въ заключеніе мы коснемся постановки вопроса о паденіи Польши въ литературѣ международнаго права.

Сочиненія, о коихъ будетъ идти рѣчь, принадлежатъ почти исключительно литературамъ французской и нѣмецкой. Еще въ прошломъ столѣтіи французскіе писатели, какъ мы видѣли, интересовались польскими дѣлами отчасти по той связи, какая существовала между французскою и польскою политикою. Послѣ революціи 1789 года и паденія Рѣчи Посполитой эта связь принимала новыя формы (участіе поляковъ въ революціонныхъ и наполеоновскихъ войнахъ, вліяніе іюльской революціи на Царство Польское и отношеніе Франціи въ эпоху іюльской монархіи къ польскому вопросу и т. д.), что поддерживало во Франціи извѣстнаго рода интересъ къ польскимъ дѣламъ. Значеніе французскаго языка, какъ международнаго, дипломатическаго также не мало содѣйствовало тому, что на этомъ языкѣ появилось многое, имѣющее отношеніе къ паденію Рѣчи Посполитой: по фран-

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. мартовскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ. часть сслѣщ, отд. 2.

цузски были составлены дипломатическіе документы, относящіеся къ дѣлу; по французски удобнѣе всего могли обрабатываться и сочиненія, основанныя на такихъ документахъ ¹⁾). Что касается до нѣмецкой историографіи, то для нея паденіе Польши имѣло особый національный интересъ. Исторія Саксоніи въ XVIII и началъ XIX вѣка находилась въ непосредственной связи съ исторіей Польши (Польскіе короли изъ Саксонской династіи, предложеніе наследственной польской короны Саксонскому курфюрсту по конституціи 3-го мая, образованіе Наполеономъ Варшавскаго герцогства, отданнаго Саксонскому королю). Пруссія участвовала во всѣхъ трехъ польскихъ раздѣлахъ, а Австрія— въ первомъ и третьемъ. Поэтому въ государственныхъ архивахъ Дрездена, Берлина и Вѣны накопился богатый матеріалъ по польскимъ дѣламъ прошлаго вѣка, и нѣмецкіе историки, разказывая вообще исторію своего общаго отечества, а въ частности исторію Австріи, Пруссіи или Саксоніи, не могли не касаться исторіи Польши. Самый фактъ паденія Рѣчи Посполитой и отдѣльно долженъ былъ сдѣлаться особымъ предметомъ ихъ вниманія, при чемъ они не только обнаружили стремленіе подыскать оправданіе для совершившагося факта ²⁾,

¹⁾ Кромѣ указанныхъ выше сочиненій *Рюллера* и *Феррана*, см. названныя ниже книги *Сенора* и *Виоменіа* и т. д. Кромѣ того: *Monier. Histoire de Pologne jusqu'à 1795. Paris. 1807. Flassan. Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française. Paris. 1809. De Saint-Priest. Le partage de la Pologne (Revue des deux mondes. 1849), а также Études politiques et littéraires. Paris. 1850. Jarry de Mancy. Tableau historique des révolutions de Pologne de 1764 à 1832. P. 1832. Kurzweil. Idée de la république de Pologne et son état en 1768. P. 1840. Bratkowski. Scènes de la révolution polonaise. Avignon. 1822. Brougham. Précis historique du partage de la Pologne. Marseille et Paris. 1831 (переводъ съ англійскаго). Comte d'Angeberg. Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862. Paris. 1862. Jullien. Notice biographique sur T. Kosciuszko P. 1818. Michelet. Légende de Kosciuszko. P. 1851.*

²⁾ „Пруссія и Польша не могли существовать рядомъ; одна изъ нихъ должна была пасть. Было въ намереніяхъ Провидѣнія, чтобы это случилось съ славянскимъ народомъ. Это не извиняетъ и еще менѣе того оправдываетъ средства, коими пользовались дѣлавшія Польшу державы, но это должно примирить насъ съ результатомъ“. *Stensel. Geschichte des preussischen Staats, II, 165.* „Благодаря этому не только были поставлены въ непосредственную связь Померанія и восточная Пруссія, но то, что было получено, было главнѣйшимъ образомъ (zum überwiegenden Theil) старой нѣмецкой землей съ городами нѣмецкой культуры и нравовъ, и польскіе дистрикты также имѣли населеніе смѣшанное съ нѣмцами, такъ что можно было надѣяться создать здѣсь лучшее состояніе, нежели то, которое могло создаться при анархическомъ хозяйничаньи“. *Eberty. Geschichte des preussischen Staats. Breslau. 1870. V, 163.*

но даже не скрыли своей тенденціи специально оправдать въ этомъ дѣлѣ прусскую или австрійскую политику. Напримѣръ, прусскіе историки, по словамъ одного изъ новыхъ изслѣдователей перваго польскаго раздѣла, всегда старались снять съ Фридриха II обвиненіе въ томъ, что онъ былъ главный виновникъ перваго польскаго раздѣла ¹⁾. Упоминаемъ объ этомъ обстоятельстве между прочимъ потому, что въ литературѣ, о которой идетъ рѣчь, вопросъ о томъ, „кто былъ главнымъ виновникомъ“, играетъ чуть не самую важную роль ²⁾, и это до известной степени опредѣляетъ интересъ, какой могутъ представлять многія нѣмецкія книги о паденіи Польши. Мы однако думаемъ обратить въ своемъ обзорѣ главное вниманіе не на это, а на то, какъ понимали нѣмецкіе историки причины паденія Польши, и въ какомъ смыслѣ они явились выразителями нѣмецкихъ національныхъ и государственныхъ интересовъ въ польскомъ вопросѣ конца прошлаго столѣтія.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы можемъ приступить къ обзору отдѣльныхъ сочиненій и изданій, хотя, конечно, нѣтъ никакой возможности рассмотреть здѣсь всѣ книги и статьи, въ которыхъ только говорится о паденіи Польши: еслибы мы взяли на себя такую задачу, намъ пришлось бы перебрать всѣ всеобщія исторіи, отдѣльныя исторіи Пруссіи и Австріи, монографіи о Фридрихѣ II и пр. и пр. Въ своемъ выборѣ мы будемъ руководиться тѣмъ соображеніемъ, что дѣло идетъ главнымъ образомъ о самой Польшѣ, а не о международныхъ отношеніяхъ второй половины XVIII вѣка, не о прусской политикѣ въ польскихъ раздѣлахъ, не о дипломатическомъ искусствѣ Фридриха II и другихъ подобныхъ предметахъ. Въ такомъ случаѣ приходится говорить преимущественно о трудахъ, которые вышли въ свѣтъ только во второй половинѣ XIX вѣка, такъ какъ только около середины этого столѣтія стали открываться для историковъ разные архивы и писаться историческія книги, основывавшіяся не на простомъ слѣдованіи традиціямъ старыхъ взглядовъ.

Общій тонъ прусскимъ историкамъ, писавшимъ о польскихъ раздѣлахъ, былъ данъ самимъ Фридрихомъ II, который разказываетъ о первомъ раздѣлѣ въ своихъ „Мемуарахъ отъ 1763 по 1775 г.“ ³⁾.

¹⁾ *Adolf Beer*. Die erste Theilung Polens. Wien. 1873. Т. I, стр. VI. См. ниже

²⁾ Cf. *Von der Brüggem*. Polens Auflösung. Leipzig. 1878. Стр. 2.

³⁾ *Mémoires depuis la paix de Hubertsbourg 1763 jusqu'à la fin du partage de Pologne. Oeuvres posthumes de Frédéric II, roi de Prusse*. Berlin. 1788. Т. V. Второе изданіе въ VI т. *Oeuvres* (Berlin. 1847). Изъ перваго изданія были вы-

Другимъ для нихъ „источникомъ“ былъ разказъ принца Генриха Прусскаго, находящійся въ „Запискахъ и воспоминаніяхъ“ Сегюра, „Письмахъ о польскихъ дѣлахъ“ Виомениля ¹⁾ и извѣстномъ сочиненіи Феррана, дающаго выдержки изъ бумагъ Рюльера. На основаніи этихъ данныхъ и были составлены первыя прусскія публикаціи. Въ 1810 г. графъ фонъ-Гёрцъ, бывшій прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ въ послѣднія семь лѣтъ царствованія Фридриха II, издалъ въ Веймарѣ „Мемуары и подлинныя акты, касающіеся раздѣла Польши, извлеченныя изъ портфеля бывшаго министра“ ²⁾. За нимъ слѣдовалъ Домъ (Dohm), сначала архивариусъ, впослѣдствіи дипломатическій агентъ въ Касселѣ и Дрезденѣ, авторъ „Достопамятностей своего времени“, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1814 году ³⁾. Далѣе извѣстенъ еще бывшій парижскій книгопродавецъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи довѣреннымъ лицомъ князя Гарденберга и чиновникомъ прусскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, по фамиліи Шёлль, издатель „Сокращенной исторіи мирныхъ договоровъ“, увидѣвшей свѣтъ въ 1838 году ⁴⁾. Данныя, заключающіяся во всѣхъ этихъ изданіяхъ, можно считать устарѣлыми послѣ того, какъ были подвергнуты строгой критикѣ ⁵⁾ и открыты были архивы, хранившіе въ себѣ документы, прежде неизвѣстные. Первымъ писателемъ, пользовавшимся прусскимъ матеріаломъ (изъ архива прусскаго посольства въ Петербургѣ) для специальной монографіи о паденіи Польши, былъ Курдъ фонъ Шлёцеръ, авторъ изданнаго въ 1859 г. сочиненія о „Фрид-

---

пущены нѣкоторыя мѣста, о чемъ см. замѣтку *Георга Вайца* въ *Göttinger Gelehrte. Anzeig.* за 1850, стр. 705. Укажу еще на изданіе *Герибера* *Recueil de déductions, manifestes, déclarations etc., qui ont été rédigés et publiés par la cour de Prusse depuis 1756 jusqu' en 1790.* Berlin. 1789—1791. Есть документы, касающіеся Польши.

¹⁾ *Mémoires et souvenirs de Ségur.* Кроме того, см. того же автора *Politique de tous les cabinets de l'Europe pendant les règnes de Louis XV et Louis XVI* (Paris. 1824) и *Décade historique en tableau polit. et hist. de l'Europe depuis 1786 jusqu'en 1796.* P. 1834. — *Vioménil.* *Lettres sur les affaires de Pologne.* Paris. 1804. (*Grinward.* *Lettres particulières du baron de Viomenil sur les affaires de Pologne de 1771 et 1772 etc.*).

²⁾ *Gr. von Görz.* *Memoires et actes authentiques relatifs au partage de Pologne, tirés du portefeuille d'un ancien ministre.* Weimar. 1810.

³⁾ *Von Dohm.* *Denkwürdigkeiten meiner Zeit.* Lemgo. 1814. См. I, 433—514.

⁴⁾ *Histoire abrégée des traités de paix par C. G. Koch, ouvrage refondu, augmenté et continué par Fr. Schöll.* Bruxelles. 1838.

⁵⁾ См. особенно *Fr. de Smit.* *Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne.* Paris. 1861. Объ этой критикѣ у насъ ниже.

рихъ Великому и Екатеринѣ II¹⁾, но онъ былъ довольно скупу на выдержки и не исчерпалъ всего матеріала. Какъ бы то ни было только въ срединѣ нынѣшняго столѣтія стали пользоваться прусскими архивными источниками по исторіи паденія Польши, но нельзя не отмѣтить того, что одинъ изъ первыхъ, кому сдѣлался доступнымъ этотъ матеріалъ, отнесся къ дѣлу очень тенденціозно, стремясь обѣлить Фридриха II²⁾.

Кромѣ прусскихъ архивовъ, для исторіи паденія Польши важный матеріалъ заключается въ архивахъ англійскомъ, французскомъ, саксонскомъ, русскомъ, ватиканскомъ и австрійскомъ, хотя, конечно, для дипломатической исторіи эпохи особенно важны лишь архивы державъ, дѣлвшихъ Польшу. Ранѣе всего сдѣланы значительные поиски въ архивахъ Англій и Франціи (Раумеръ), затѣмъ въ саксонскомъ (Германнъ); потомъ одновременно почти опубликованы были документы прусскіе и русскіе (Смитъ и Соловьевъ), и уже довольно поздно явились сочиненія, написанныя на основаніи документовъ ватиканскаго архива (Янссенъ) и на основаніи австрійскихъ источниковъ (Бееръ). Въ такомъ порядкѣ мы и рассмотримъ эту литературу, останавливаясь, главнымъ образомъ, на общихъ взглядахъ авторовъ, въ силу чего, напримѣръ, изъ историковъ, писавшихъ съ прусской точки зрѣнія, особаго вниманія заслуживаетъ Зибель. Изъ авторовъ, пользовавшихся русскими архивами, въ этой главѣ мы остановимся только на одномъ Фридрихѣ фонъ-Смиттѣ, нѣмцу по происхожденію, такъ какъ русскіе историки будутъ разсматриваться въ особой главѣ.

Въ 1839 г. въ Лейпцигѣ были изданы извѣстнымъ историкомъ Фридрихомъ фонъ-Раумеромъ пять томовъ, подъ заглавіемъ „Добавленіе къ новѣйшей исторіи изъ британскаго и французскаго государственныхъ архивовъ“, и послѣдніе три томика были озаглавлены— „Европа съ конца Семилѣтней войны до конца войны Американской.“³⁾

¹⁾ *Kurd von Schlözer*. Friedrich der Grosse und Catharina die Zweite. Berlin. 1859.

²⁾ См. разборъ этого сочиненія въ книгѣ: *Smitt*. Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne. Supplément, стр. 2 и слѣд., особенно стр. 17 и слѣд. Кромѣ того, разборъ книги *Kurd von Schlözer*'а былъ сдѣланъ *Георіемъ Вайцемъ* въ *Hist. Zeitschrift Zibella*, Bd. III, 1—15 (подъ заглавіемъ *Preussen und die erste polnische Theilung*).

³⁾ *Fr. von Raumer*. Europa vom Ende des siebenjährigen bis zum Ende des amerikanischen Krieges (1763 — 1783). Leipzig. 1839. Три части, которыя съ двумя предыдущими называются *Beiträge zur neueren Geschichte aus dem britischen und französischen Reichsarchive*. Онъ ссылается (I, 315) на болѣе раннее свое сочиненіе „*Polens Untergang*“, которое маѣ осталось неизвѣстнымъ.

Въ этихъ трехъ томикахъ есть значительные отдѣлы, посвященные Польшѣ ¹⁾, но они даютъ мало для исторіи перваго раздѣла, такъ какъ англійскіе и французскіе дипломаты были совсѣмъ далеки отъ настоящаго знанія секретныхъ переговоровъ Россіи, Австріи и Пруссіи. За всѣмъ тѣмъ однако приводятся весьма длинныя выдержки изъ дипломатическихъ депешъ, изъ коихъ мы узнаемъ взгляды ихъ авторовъ на польскія дѣла, разные слухи и т. п. ²⁾, а также и самъ Раумеръ высказываетъ свои соображенія, изъ коихъ нѣкоторые отличаются если не новизною самой мысли, то мѣткостью въ ея выраженіи ³⁾. Конецъ шестой главы занятъ въ книгѣ обзоромъ польской конституціи, и здѣсь Раумеръ съ теоретической точки зрѣнія довольно подробно обсуждаетъ одинъ изъ ея пунктовъ—избирательность престола ⁴⁾. Диссидентскій вопросъ также разобранъ Раумеромъ довольно обстоятельно во многихъ мѣстахъ, при чемъ подробности онъ заимствуетъ изъ своихъ архивныхъ источниковъ; кромѣ того, онъ и теоретически рѣшаетъ въ одномъ мѣстѣ вопросъ о значеніи государственной религіи вообще ⁵⁾. О русско-польскихъ политическихъ отношеніяхъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка равнымъ образомъ авторъ говоритъ въ очень многихъ мѣстахъ, приходя къ тому общему взгляду, что безъ вмѣшательства Австріи и Пруссіи Россія дѣлалась неограниченною повелительницею Польши ⁶⁾. Первыя двѣ державы на это согласиться не могли, и имъ предстояло выбирать между открытою войною или тайнымъ соглашеніемъ ⁷⁾. Такого рода соображеніемъ начинается Раумеръ главу, которая называется: „Раздѣлъ Польши“. Ставя вопросъ о степени виновности

¹⁾ Изъ 44 главъ на долю Польши приходится цѣликомъ или частью четырнадцать главъ (преимущественно во II томѣ), а именно 6, 8, 11, 12, 15, 16, 17, 18, 21, 22, 23, 24, 25, 28.

²⁾ См., напримѣръ, I, 316 sqq. Въ одной депешѣ 1763 г. говорится о слухѣ, что Россія и Пруссія собираются раздѣлить между собою часть польской территоріи.

³⁾ См., напримѣръ, въ краткомъ обзорѣ польскаго государственнаго права небольшое замѣчаніе: so war in Polen die Frѣiheit des Volkes den Vorrechten eines Standes geopfert; und diese Vorrechte eines Standes wiederum der Willkѣr eines Einzelnen preisgegeben. Ibid., I, 367.

⁴⁾ Ibid., I, 369—376,

⁵⁾ Ibid., II, 115 sqq. Вообще теоретическихъ разсужденій много въ книгѣ: ѳber historische und wissenschaftliche Politik (II, 426 sq.), Verantwortlichkeit der Herrscher (II, 442 sq.) и др.

⁶⁾ Ibid., II, 418.

⁷⁾ Ibid., II, 489.

отдѣльныхъ державъ, авторъ замѣчаетъ, что важно не то, кто первый задумалъ раздѣлъ или о немъ заговорилъ, а то, кто первый создалъ возможность или необходимость раздѣла. Наиболѣе виновною передъ нимъ оказывается Россія, постоянно вмѣшивавшаяся въ польскія дѣла, сѣявшая въ странѣ смуту, тиранизовавшая націю; наименѣе виновною — Австрія. Правда, болѣе всего содѣйствовалъ раздѣлу Фридрихъ II, говоритъ Раумеръ,—но у него на это были особенныя основанія. Нашъ историкъ думаетъ, что по окончаніи Турецкой войны Россія получила бы, кромѣ турецкихъ провинцій, и всю Польшу, а потому раздѣлъ русскимъ долженъ былъ не нравиться и они на него согласились только, угрожаемые австро-прусскимъ союзомъ ¹⁾. Притомъ Фридриху для округленія и безопасности его государства Западная Пруссія была нужнѣе, чѣмъ русскимъ Полоцкъ и Могилевъ или Австрія—Галиція ²⁾. Самая же большая вина выпадаетъ на долю самихъ поляковъ ³⁾. Въ своемъ разказѣ о первомъ польскомъ раздѣлѣ Раумеръ придаетъ особое значеніе „вновь открытымъ источникамъ“ ⁴⁾, но историки, писавшіе на основаніи матеріаловъ прусскихъ, русскихъ и австрійскихъ, имѣли полное право замѣтить, что Раумеръ преувеличилъ это значеніе: англійскіе и французскіе дипломаты не были посвящены въ тайну переговоровъ ⁵⁾. Позднѣйшія публикаціи устранили многое изъ того, что Раумеру казалось важнымъ, общими же соображеніями его сочиненіе довольно бѣдно ⁶⁾.

Такой же матеріаль,—донесенія дипломата, стоявшаго далеко отъ переговоровъ, которые привели къ первому раздѣлу Рѣчи Посполитой,—положенъ и въ основу историческаго сочиненія, вышедшаго изъ саксонскаго государственнаго архива, хотя въ донесеніяхъ этихъ много любопытнаго и важнаго для внутренней исторіи Польши, что, конечно, имѣетъ значеніе особаго достоинства, а не недостатка. Мы имѣемъ здѣсь въ виду нѣмецкую исторію Россіи Германна ⁷⁾.

¹⁾ Ibid., II, 544—545. Weil die Russen gern das Ganze hinwehnehmen oder doch beherrschen wollten, konnte ihnen allerdings eine Theilung nicht willkommen seyn. II, 545.

²⁾ Ibid., II, 545.

³⁾ Ibid., II, 546 sq.

⁴⁾ Ibid., II, 552.

⁵⁾ Cp. *Smitt. Frédéric II etc.*, 39—40.

⁶⁾ Cp. *Raumer. Le démembrement de la Pologne, traduit en français par Ch. de Forster.* 1877.

⁷⁾ *Hermann. Geschichte des russischen Staats.* V Band (Hamburg 1853), VI

Польскимъ дѣламъ эпохи раздѣловъ посвящены у Германна значительные отдѣлы томовъ V, VI и дополнительнаго, появившихся въ свѣтъ въ 1853, 1860 и 1866 годахъ ¹⁾, и другіе историки, писавшіе объ этой эпохѣ, находятъ многое интереснымъ въ томъ, что онъ извлекъ изъ архивовъ, хоть его извѣстія собственно о переговорахъ относительно раздѣла Польши весьма неважны ²⁾. Впрочемъ, Германнъ въ VI томѣ пользуется уже документами лондонскаго State Paper Office и двухъ берлинскихъ архивовъ—тайнаго и архива генеральнаго штаба ³⁾. Авторъ — разказчикъ, добросовѣстно передающій свой матеріалъ, но весьма скупой на разсужденія относительно описываемыхъ событій, хотя на основаніи своего матеріала онъ и относится критически къ прежнимъ мнѣніямъ. Напримѣръ, въ шестомъ томѣ онъ поднимаетъ вопросъ о томъ, что дѣлалось въ Польшѣ въ періодъ отъ 1773 до 1788 г. Общее мнѣніе польскихъ писателей, равно какъ и французскихъ, утвердившееся и у нѣмецкихъ историковъ, было то, что Рѣчь Посполитая въ эти пятнадцать лѣтъ сдѣлала значительные успѣхи въ дѣлѣ внутренней своей перестройки. Донесенія саксонскаго резидента Эссена, коими Германнъ пользовался въ пятомъ томѣ, равно какъ лондонскіе и берлинскіе документы,

---

Band (Gotha, 1860), Ergänzungsband (Gotha, 1861). Соч. это появилось въ Geschichte der europäischen Staaten herausgegeben von Heeren und Ukert.

¹⁾ Именно въ V т. стр. 344 и слѣд. (Курляндія и Польша до коронаціи Ст. Авг.), 380 и слѣд. (Польша при посольствѣ Репнина), 461 и слѣд. (Польша отъ отозванія Репнина до отозванія Волконскаго), 489 и слѣд. (Польша при посольствѣ Сальдерна), 519 и слѣд. (Переговоры трехъ державъ о раздѣлѣ Польши), всего около 200 страницъ (344—556, кромѣ документовъ въ приложеніи); въ VI т. стр. 104—146 (Польша отъ перваго раздѣла до конституціоннаго сейма 1788 г.), 213—255 (Польша отъ 1788 г. до рейхенбахскаго конгресса), 326—388 (Польша отъ рейхенбахскаго конгресса до аскаго мира), всего около 150 стр. Въ дополнительномъ томѣ см. отдѣлы VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIV, XV, XVII и XVIII.

²⁾ Comme la cour de Saxe n'eut pas de part aux négociations pour le partage, ses diplomates ne furent pas suffisamment initiés pour donner des éclaircissements satisfaisants sur ce sujet. Ils communiquèrent ce qu'ils tenaient çà et là de troisième main et ce n'était pas grande chose. *Smith. Fréd. II, Catherine et le part. de la Pol.*, стр. 2 особой нумераціи. Въ исторіи перваго раздѣла авторъ пользовался депешами Эссена. So werthvoll auch, говорятъ *Beers*, die Berichte dieses Beobachters sind, sie gewähren nur einen reichhaltigen Stoff für die Schilderung der inneren Verhältnisse Polens, über den Theilungsprozess, als solchen, verbreiten sie der Natur der Sache nach kein Licht. I, стр. IV.

³⁾ *Hermann*. VI, Vorwort, стр. XII. Ergänzungsband, Vorwort, стр. V.

прибавившіеся къ этимъ донесеніямъ въ шестомъ томѣ, доказываютъ, говоритъ авторъ, —противное ¹⁾: общее его впечатлѣніе—то, что „слабыя попытки отдѣльныхъ лицъ улучшить моральное и политическое состояніе своей націи исчезали почти безслѣдно, какъ водяныя капли въ морѣ раскаленнаго песку“ ²⁾. Кромѣ цѣлой главы, посвященной этому періоду, авторъ помѣстилъ еще довольно значительное количество оправдательныхъ документовъ, проливающихъ свѣтъ на внутреннее состояніе Польши за указанное время ³⁾. Неизвѣстныхъ прежде фактовъ, впервые увидѣвшихъ свѣтъ въ печати документовъ, частныхъ поправокъ къ прежнимъ взглядамъ и критическихъ замѣчаній очень много въ трудѣ Германна, такъ что ему съ этой стороны (а не съ точки зрѣнія общей постановки вопроса) принадлежитъ весьма важное мѣсто въ историографіи паденія Польши. Кромѣ того, Германнъ выпустилъ въ свѣтъ въ 1861 г. полемическую брошюру противъ Зибеля объ „австро-прусскомъ союзѣ 7-го февраля 1792 года и второмъ раздѣлѣ Польши“ ⁴⁾. Въ этой книжкѣ авторъ рассматриваетъ на основаніи архивныхъ же матеріаловъ тѣсно связанные между собою вопросы о происхожденіи первой коалиціи противъ революціонной Франціи и о происхожденіи втораго раздѣла Польши. Извѣстному историку, противъ котораго направлена книжка Германна, также принадлежатъ работы, касающіяся паденія Польши.

Съ 1853 г., когда появился въ печати пятый томъ исторіи Германна, стала выходить въ свѣтъ и большая „Исторія революціонной эпохи“ (1789—1800) Генриха фонъ-Зибеля ⁵⁾. Этому труду принадлежитъ свое мѣсто въ историографіи французской революціи, но главная его особенность, отличающая его отъ другихъ трудовъ, посвя-

¹⁾ *Hermann*. VI, 104—105.

²⁾ *Ibid.*, VI, 105.

³⁾ *Ibid.*, VI, 471 sq. (Anhang III. Diplomatische Erläuterungen zum dritten Abschnitt) и 522 sq. (Anhang IV. Dipl. Erläut. z. viert. Abschn.). Этимъ же нечерпываются всѣ оправдательные документы VI тома.

⁴⁾ *Hermann*. Die österreichisch-preussische Allianz vom 7 Februar 1792 und die zweite Theilung Polens. Eine Streitschrift gegen Professor H. von Sybel in München. Gotha. 1861. Книжка состоитъ изъ 84 стр. текста и 58 приложений (документы, примѣчанія, ссылки).

⁵⁾ *H. v. Sybel*. Geschichte der Revolutionszeit 1789—1800. Düsseldorf. 1853. Русскій переводъ *Осоооа и Путьи* наданъ былъ въ Петербургѣ подъ заглавіемъ „Исторія французской революціи и ея времени“. Переводъ нельзя назвать удачнымъ, но такъ какъ изъ этого сочиненія Зибеля намъ нужно сдѣлать много выдержекъ, то мы и пользуемся готовымъ переводомъ, мѣстами исправляя его.

ценныхъ тому же предмету, и имѣющая важное значеніе и по отношенію къ нашему предмету, заключается въ томъ, что авторъ разсматриваетъ названное событіе съ общеевропейской точки зрѣнія. Въ революціи онъ видитъ переворотъ, имѣвшій значеніе не для одной Франціи, и притомъ переворотъ, все значеніе котораго можно понять лишь въ связи съ другими одновременными съ нимъ событіями, а именно съ раздѣломъ Польши и распаденіемъ Священной Римской имперіи. На сколько удалось нѣмецкому историку выполнить такой планъ—другой вопросъ ¹⁾: для насъ важно то, что сочиненіе это касается и паденія Рѣчи Посполитой, воему авторъ приписываетъ важное значеніе. Историкъ съ рѣзко націоналистическимъ направленіемъ, политическій дѣятель, указывавшій своимъ современникамъ на Пруссію, какъ на объединительницу Германіи, Зибель долженъ былъ внести извѣстную тенденціозность въ исторію паденія Польши.

Въ сочиненіи Зибеля вторая „книга“ разсматриваетъ „непосредственное вліяніе революціи на Европу“ ²⁾, и здѣсь въ первой же главѣ, названной „положеніе средней Европы“, говорится о польскихъ неурядицахъ и антагонизмѣ между Польшей и сѣвѣрною Германіей. Польскія неурядица—тема довольно старая и, пожалуй, избитая въ сочиненіяхъ, посвященныхъ паденію Рѣчи Посполитой, но объ антагонизмѣ между Польшей и сѣвѣрною Германіей заговорили впервые главнымъ образомъ прусскіе историки, а потому мы должны обратить особое вниманіе на этотъ предметъ. Притомъ Зибель и не распространяется о причинахъ польской анархіи: онъ только констатируетъ фактъ ослабленія Рѣчи Посполитой, вслѣдствіе чего она „не могла быть для Германіи опаснымъ сосѣдомъ“, и думаетъ, что объяснить самый фактъ достаточно ссылкой на феодальное устройство, яко бы существовавшее въ Польшѣ еще въ прошломъ вѣкѣ. „Положеніе Польши въ XVIII столѣтіи“, говоритъ онъ,—„отлично доказываетъ несостоятельность феодализма, ибо внутреннее устройство этой страны на началахъ этой системы, а также и старо-историческая внѣшняя ея политика были главными причинами ея ослабленія. Въ XV вѣкѣ, когда всѣ безъ исключенія народности остальной Европы

---

¹⁾ Недавно ту же задачу взялъ на себя и разрѣшилъ болѣе блестящимъ образомъ *A. Sorel* въ сочиненіи *L'Europe et la révolution française*, о которомъ см. ниже, по скольку его авторъ касается и паденія Польши.

²⁾ *Генрихъ Зибель*. Исторія французской революціи и ея времени. С.-Пб. 1863. I, 113 вк.

отличались твердымъ военно-монархическимъ единствомъ, когда французское дворянство славилось военною доблестью, испанское — придворными талантами, англійское отказалось отъ сословныхъ преимуществъ, чтобы вліять на массы системою народнаго представительства, польское — только хлопотало о томъ, какъ бы облечь въ форму законности своеволие каждаго изъ своихъ членовъ.... Этотъ фактъ⁴⁾, продолжаетъ Зибель, пояснивши въ немногихъ словахъ, чего именно достигла польская шляхта, — „этотъ фактъ, служившій послѣднимъ выраженіемъ среневѣковыхъ правъ дворянства, свидѣтельствовалъ о полномъ государственномъ разложеніи, къ которому такъ близка была въ XIV вѣкѣ вся западная Европа, и отъ котораго, къ счастью, спасли ее только пробудившееся античное чувство народности и религіозная реформа“¹⁾. Далѣе, развивая мысль о старо-исторической виѣшней политикѣ Рѣчи Посполитой, какъ объ одной изъ причинъ ея ослабленія, авторъ сравниваетъ польскую католическую политику въ XVII в. съ испанскою въ XVI и отмѣчаетъ неудачу обѣихъ, а отсюда переходитъ прямо къ тѣмъ отношеніямъ, которыя особенно должны были интересовать его, какъ нѣмца. „Роль Польши въ религіозныхъ войнахъ“, говоритъ онъ, — „не сгладила ея вѣковой враждебности къ германскому сѣверу, вызванной нѣкогда вопросомъ о владѣніи обширными равнинами, лежащими между Эльбою и Вислою. Равнины эти были населены славянами, смѣнившими германцевъ еще во времена великаго переселенія народовъ. Германская колонизація, снова завладѣвъ бранденбургскими владѣніями и Силезіей, покорила и прусскія земли, языческой духъ свободы которыхъ не успѣла подавить и Польша. Тевтонскій орденъ здѣсь дѣйствовалъ сначала въ соглашеніи съ Польшею, а потомъ отказъ нѣмцевъ подчиняться ей привелъ къ неблагоприятнымъ столкновеніямъ, которыя окончились совершеннымъ подчиненіемъ ордена Польшѣ, такъ что Западная Пруссія сдѣлалась вполне польскою провинціей, и только восточная сохранила свои ленныя отношенія. Позже онѣ обѣ приняли протестантизмъ, вслѣдствіе чего Восточная Пруссія сдѣлалась свѣтскимъ герцогствомъ, освободившемся отъ Польши (въ 1657 г.) при курфюрствѣ Бранденбургскомъ Фридрихъ-Вильгельмѣ, а Западная, вслѣдствіе того въ особенности, что большая часть городского населенія и дворянства приняла лютеранство, стала относиться къ королю Польскому такъ, какъ Нидерланды — къ Филиппу II. Здѣсь различіе вѣро-

⁴⁾ Ibid., I, 120.

исповѣданій усилило вражду, естественно существовавшую между государствомъ и ему подвластною провинціею, вслѣдствіе несходства интересовъ и языковъ нѣмецкаго и польскаго. Такимъ образомъ безъ преобладанія протестантизма въ высшемъ и образованномъ классѣ въ Западной Пруссіи удалась бы католическая реакція и навсегда бы погибъ нѣмецкій элементъ. Когда послѣ долготѣней войны удалось курфюрсту Бранденбургскому принудить Польшу отступить отъ своихъ ленныхъ притязаній на Восточную Пруссію и сдѣлать ее независимымъ государствомъ, Польша покорилась только необходимости, а притязаній своихъ на эту область не забыла. Немного спустя, въ союзѣ съ Людовикомъ XIV она попробовала завладѣть Восточною Пруссіею, и, кромѣ того, обладаніе ею до того казалось Польшѣ неизбѣжнымъ, что когда на прусскій престолъ вступилъ Фридрихъ I, нѣкоторые польскіе магнаты даже заявили свои права на его корону. Такимъ образомъ“, заключаетъ Зибель,—„на востокъ у Польши, въ борьбѣ съ нею за свою германскую народность и свободу религіи, образовалось въ полномъ съ нею матеріальномъ и политическомъ противорѣчій прусское государство. Вражда эта обуславливалась естественнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Отиниѣ, съ одной стороны, Польша только должна была стараться какъ бы возвратить себѣ Кѣнигсбергъ и ввести въ Данцигъ снова католицизмъ, а съ другой, Бранденбургскіе курфюрсты, оставаясь нѣмецко-протестантскими государями, освободивъ Западную Пруссію,—стараться соединить Марку Бранденбургскую, свое наследственное владѣніе съ герцогствомъ Пруссіею“¹⁾. Отсюда понятенъ взглядъ Зибеля на первый польскій раздѣлъ съ національно-нѣмецкой точки зрѣнія. „Что касается до значенія этихъ событій для Германіи“, говоритъ онъ,—„то здѣсь достаточно вспомнить, что миллионъ нѣмцевъ избавился отъ ненавистнаго чужеземнаго господства и,— что главное,—изъ чисто нѣмецкихъ государствъ она присоединила къ себѣ массу смежныхъ между собою земель“²⁾. Притомъ, по Зибелю, Польша была опасна для Германіи, хотя, приступая къ обзорѣнью польскихъ дѣлъ, онъ и заявляетъ противное. „Если прежде польская республика“, по его словамъ“,—была опаснымъ сосѣдомъ вслѣдствіе своей силы, то теперь причиною такой опасности сдѣлались, съ одной стороны, внутренніе раздоры партій, изъ которыхъ каждая заискивала то въ одной, то

¹⁾ Ibid., I. 121—122.

²⁾ Ibid., I, 125.

въ другой иностранной державѣ, а съ другой, усиливавшееся въ Польшѣ со дня на день русское вліяніе, а съ нимъ и русская военная сила, такъ что въ продолженіе всей семилѣтней войны нейтральная только на бумагѣ земля республики была главною квартирой и мѣстомъ продовольствія русскихъ войскъ и исходною точкой ихъ военныхъ операцій противъ сѣверной Германіи. Черезъ это Силезія, Бранденбургъ и Восточная Пруссія, то-есть, вся нѣмецкая земля, какъ между Нѣманомъ и Вислою, такъ и между Одеромъ и Эльбою, находилась въ равной опасности. Ясно, что значило въ этомъ случаѣ для Германіи обладаніе низовьемъ Вислы. Такое положеніе дѣлъ было для Германіи невыносимо, а помощь Польшѣ способомъ, который былъ бы ей благопріятенъ, къ сожалѣнію, было еще менѣе возможно. Въ настоящее время часто можно услышать сожалѣніе о томъ, что Германія не соединилась во-время съ Польшею и не помогла ей выдержать напоръ Россіи. Но при тогдашнемъ положеніи дѣлъ и характерѣ взаимныхъ отношеній этихъ государствъ, прежде всего, для составленія такого союза, необходимо было искреннее желаніе соединиться съ Германіей со стороны поляковъ, король которыхъ былъ безусловно преданъ русскимъ, а дворянство проникнуто сильнѣйшею ненавистью ко всему, что только называлось нѣмецкимъ. Кромѣ того, для достиженія этого результата нужны были соединенныя усилія всей Германіи, а на дѣлъ и въ этомъ польскомъ вопросѣ, какъ и въ другихъ, австрійскія и прусскія воззрѣнія черезъ-чуръ рѣзко расходились между собою* 1).

Такова основная точка зрѣнія Зибеля. Антагонизмъ между Польшею и Пруссіей имѣлъ глубокую историческую причину. Вопервыхъ, Пруссія унаслѣдовала отъ тевтонскаго ордена борьбу съ польскимъ государствомъ, вытекавшую изъ самаго способа образованія этого ордена на счетъ наиболѣе жизненныхъ интересовъ Польши. Вотвторыхъ, при соединеніи Пруссіи (герцогства) съ Бранденбургомъ въ одну монархію польскія владѣнія по нижнему теченію Вислы мѣшали полному сліянію двухъ главныхъ областей этого государства въ одно неразрывное цѣлое. Втретьихъ, подобно тому, какъ Польша сдѣлалась оплотомъ католицизма на востокѣ Европы, такъ Пруссія взяла въ свои руки знамя протестантизма, что при нетерпимости, развившейся въ польской націи, должно было привести къ антагонизму между обоими народами. Наконецъ, слабость Польши была опасна

---

*) Ibid., I, 126.

для Пруссіи, по скольку создавала для Россіи благопріятныя условія въ борьбѣ съ этою нѣмецкою сосѣдкою Рѣчи Посполитой.

Свои положенія о внутреннемъ неурействѣ Польши и о ея опасной для Пруссіи вѣшной политикѣ Зибель повторяетъ и развиваетъ и въ другихъ частяхъ своего обширнаго труда. Къ польскимъ дѣламъ онъ возвращается въ шестой главѣ той же второй „книги“, посвященной „колебаніямъ австрійской и прусской политики“ ¹⁾. Въ этой главѣ, гдѣ между прочимъ идетъ рѣчь о 3-мъ мая, авторъ такъ объясняетъ причину паденія Польши: „Въ этой несчастной странѣ съ давняго времени всякій мало-мальски разсудительный человѣкъ понималъ, что причина вѣшной ея слабости заключается въ ея внутренней государственной безурядицѣ. Разъ потерявъ возможность обороняться отъ вѣшняго врага, вслѣдствіе своихъ внутреннихъ несогласій, вездѣ и всегда гибли народы. Въ XVIII столѣтіи, въ этотъ періодъ прогрессивнаго движенія, завоеваній и политическаго броженія, всякое государство, которое не могло энергически отстоять свою самостоятельность, подвергалось раздробленію. Это было почти закономъ въ системѣ тогдашней европейской жизни. Общественное мнѣніе не находило этого никогда предосудительнымъ, если только поводомъ къ подобному явленію были не эгоистическіе и частныя интересы. Такимъ образомъ Польша сама могла предвидѣть свою судьбу и, зная причину своихъ несчастій, знать и единственное средство своего спасенія“ ²⁾. Польшѣ нужна была реформа, но она, замѣчаетъ авторъ,—не входила въ виды Пруссіи. „Пруссія вовсе не была расположена дать этой республикѣ въ 9 милліоновъ возможность сдѣлаться сильнымъ государствомъ. Герцбергъ не скрывалъ этого; его агентъ, маркизъ Лукезини, постоянно отклонялъ польскій сеймъ отъ реформъ и болѣе всего отъ увеличенія войска и введенія наследственности престола. Если Польша хотѣла извлечь себѣ выгоды изъ дружбы Пруссіи, то, зная, что политика не даетъ и не принимаетъ ничего даромъ, должна была обезпечить прусскіе интересы болѣе вѣрными гарантіями. Герцбергъ преслѣдовалъ все еще старыя цѣли Фридриха II, то-есть, обладаніе Данцигомъ и Торнемъ. Страшную ошибку сдѣлало тогда польское правительство, отказавшись отъ предложеннаго Герцбергомъ обмѣна“ ³⁾. Далѣе, съ точки

¹⁾ Ibid., I, 215 sq.

²⁾ Ibid., I, 221—222.

³⁾ Ibid., I, 222—223.

рѣшѣнія Зибеля, событіе 3-го мая означало переходъ Польши отъ прусской системы къ австрійской ¹⁾. Пруссіи „не было причинъ оставлять безъ вниманія того обстоятельства, что польское могущество несовмѣстимо съ существованіемъ Пруссіи, и усилить государство, первымъ признакомъ жизненности котораго было бы раздробленіе Пруссіи“ ²⁾. Такимъ образомъ и здѣсь Зибель отмѣчаетъ коренной антагонизмъ интересовъ Польши и Пруссіи, то „быть“ одной сторонѣ, которое было равносильно „не быть“ другой. Тѣмъ не менѣе онъ даетъ понятіе, что согласись Рѣчь Посполитая на уступку Пруссіи Данцига и Торна, оставшихся за первую послѣ приобрѣтенія второю польской Пруссіи, польскія дѣла приняли бы лучшей оборотъ. Поляки не дали Пруссіи Данцига и Торна и за это заплатились вторымъ раздѣломъ. Послѣднему посвящена шестая „книга“ исторіи Зибеля; мы и переходимъ къ ея обзору ³⁾. Здѣсь, между прочимъ, указывается на то, что Екатерина „не хотѣла никакого раздѣла до тѣхъ поръ, пока представлялась возможность господствовать надъ цѣлымъ государствомъ миролюбивымъ образомъ. Прежде, нежели она обратила бы вниманіе на требованія Пруссіи, надо было, чтобъ эту возможность разрушили сами поляки. Да и послѣ этого она мѣшкала еще нѣсколько мѣсяцевъ, выжидала и не дѣйствовала до тѣхъ поръ, пока европейскія дѣла не уничтожили всякую возможность уклоненія“ ⁴⁾, а эти дѣла стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ французскою революціей. Намѣреніямъ Екатерины относительно втораго раздѣла могъ бы помѣшать союзъ Франціи съ Англіей, но его-то сдѣлала невозможнымъ именно казнь Людовика XVI. „Ударъ, отрубившій голову Людовика“, говоритъ Зибель, — „былъ вмѣстѣ съ тѣмъ смертельнымъ ударомъ для національнаго существованія Польши. Тучи, собравшіяся на русскомъ горизонтѣ, вслѣдствіе миролюбивыхъ плановъ Англіи, разсѣялись въ одно мгновеніе“ ⁵⁾. Описывая окончаніе дѣла, Зибель опять даетъ нѣсколько общихъ разсужденій по поводу гибели Польши, въ коихъ на первомъ планѣ стоятъ внутренняя неурядица Рѣчи Посполитой и прусская политика: „Можетъ показаться

¹⁾ Ibid., I, 225.

²⁾ Ibid., I, 226.

³⁾ Отмѣтимъ для полноты, что о польскихъ дѣлахъ Зибель говоритъ еще въ первой главѣ четвертой книги (II, 1 sq.), рассматривая планы Россіи, Австріи и Пруссіи относительно Польши до рѣшенія вопроса о второмъ раздѣлѣ.

⁴⁾ Ibid., II, 233—234.

⁵⁾ Ibid., II, 236.

жестокимъ выставленіе на показъ наготы умирающей націи, но справедливость исторіи не позволяетъ умолчать о томъ, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ навлежъ эту погибель на свою голову нѣкогда столь знаменитый народъ. Печальная картина его послѣдней катастрофы была бы совершенно невыносима, еслибы пришлось смотрѣть на нее, какъ на дѣло прихотливой судьбы, а не какъ на слѣдствіе великихъ и глубокихъ причинъ. Необходимо вникнуть въ дѣло нѣсколько глубже, чтобы сдѣлать осязательною возможность только что разказанныхъ событій. Цѣлыя столѣтія несла Польша на себѣ проклятіе рабства. Теперь девять десятыхъ ея населенія составляли крѣпостные, которые были предоставлены, безъ всякаго законнаго ограниченія, на произволь шляхты¹⁾. „Георгъ Форстеръ, имѣвшій случай цѣлыя годы наблюдать шляхту вблизи, высказалъ въ 1791 году свое мнѣніе о ней въ слѣдующихъ сильныхъ словахъ: „въ Европѣ только одна польская шляхта простерла свое невѣжество и варварство такъ далеко, что почти истребила въ своихъ крѣпостныхъ послѣдніе слѣды мысли“. Дѣйствительно, польскіе крѣпостные были погружены въ нищету, невиданную въ остальной части Европы, и животное отупѣніе“²⁾. „Они до того опустились, что потеряли всякое сознаніе о лучшей жизни и всякое стремленіе къ человѣческому существованію. Миновало почти сто лѣтъ, въ продолженіе которыхъ крестьяне не возвышали своего голоса; политическаго движенія между народомъ не обнаружилось ни въ одномъ изъ частныхъ междоусобій, которыми шляхта волновала польское государство. Но то же самое отупѣніе царствовало и теперь, когда дѣло шло о существованіи государства. Гдѣ было взять имъ гражданскаго духа и любви къ отечеству? Они ничего не знали о государствѣ и не заботились о томъ, кто властвовалъ надъ ними, потому что всякое господство не представляло для нихъ ничего, кромѣ барщины, оскорбленій и мелочной водочной продажи. Потому они съ полнымъ равнодушіемъ смотрѣли на то, кому повиновались ихъ господа—польской ли республикѣ, русской ли царицѣ, или нѣмецкому королю; они, пожалуй, выбрали бы послѣднее, еслибы только въ ихъ хижинны проникло извѣстіе о томъ, что въ западной Пруссіи и Галиціи съ соплеменниками ихъ обходятся, если и съ большею строгостью, то во всякомъ случаѣ, какъ съ людьми. Взвѣсивъ эти обстоятельства, мо-

¹⁾ Ibid., II, 247.

²⁾ Ibid., II, 248.

жетъ показаться страннымъ приписываніе паденія польскаго народа раздѣлу. Въ 1793 году пало только безчеловѣчное господство благороднаго меньшинства надъ польскимъ народомъ; послѣдній же только жѣнялъ повелителей и смотрѣлъ на перемѣну, которая могла принести ему со стороны русскихъ столько же хорошаго, сколько и дурного, съ лѣнливимъ равнодушіемъ¹⁾. Говоря о городахъ и шляхтѣ Зибель отмѣчаетъ тяготѣніе нѣкоторыхъ городовъ и отчасти шляхты къ Пруссіи. „Единственное исключеніе изъ этого печальнаго положенія составляли великопольскіе округа, граничившіе съ лежащими отъ нихъ къ сѣверу нѣмецкими провинціями, слѣдовательно тѣ земли, которыя Пруссія захватила въ это время въ свои руки. Нѣмецкая цивилизація содѣйствовала тамъ завоеванію, подобно тому, какъ это было пять столѣтій тому назадъ въ Бранденбургѣ и Силезіи. Значительное число нѣмецкихъ ремесленниковъ и торговцевъ, привлеченныхъ свободно отъ конкуренціи продажей продуктовъ, поселились въ тамошнихъ городахъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не было почти ни одного польскаго обитателя, и почти на 15 верстъ въ окружности ихъ, имѣлъ полное господство нѣмецкій языкъ. Не смотря на то, что государство не оказывало этимъ городамъ никакого особеннаго покровительства, не смотря на то, что они не были свободны отъ тѣхъ притѣсненій со стороны владѣльцевъ земли, которыя были свойственны послѣднимъ, при всемъ томъ нѣмецкое трудолюбіе водворило въ нихъ цвѣтущую льняную и шерстяную фабрикацію. По-вѣрно, что такіе города склонялись въ своихъ интересахъ на сторону Германіи; промыслы искали себѣ сбыта въ гаваняхъ Балтійскаго моря; дѣти горожанъ отправлялись очень часто для обученія въ Франкфуртскій и Лейпцигскій университеты. За одно съ этимъ дѣйствовали и религіозныя отношенія. Не смотря на преслѣдованія, по близости этой границы образовалось многочисленное протестантское дворянство, которое не имѣло ни малѣйшаго участія въ правленіи и видѣло со стороны государства только одни знаки пренебреженія, но которое, завѣдуя лично имѣніями, достигло, при посредствѣ хорошей распорядительности и бережливости, рѣдкаго въ Польшѣ благосостоянія. Эти дворянскія семейства, какъ-то: Калькрейты, Шлихтинги, Зейдлици, Потворовскіе и т. д. состояли обыкновенно въ родствѣ съ бранденбургскимъ и силезскимъ дворянствомъ и питали самое сильное желаніе вступить въ благоустроенное прусское госу-

¹⁾ Ibid., II, 249.

дарство" ¹⁾). Далѣ нѣмецкій историкъ изображаетъ матеріальный и нравственный упадокъ польской шляхты ²⁾ въ видѣ контраста тому восхваленію, съ какимъ онъ отнесся къ сосѣдней цивилизаціи.

Исторію втораго раздѣла Зибель оканчиваетъ опять общими соображеніями о прусской политикѣ. „Конечно, нѣтъ сомнѣнія“, говоритъ онъ,—„что ни ту, ни другую изъ польскихъ партій нельзя винить въ оскорбленіи Пруссіи, когда она рѣшилась на раздѣлъ Польши; во всякомъ случаѣ въ отношеніи Польши Пруссія была стороною наступательной. Но если когда-либо обстоятельства принуждали къ наступательной политикѣ, то это было въ настоящемъ случаѣ. Не одна революція, и не одна русская завоевательная политика дѣлали характеръ того времени роковымъ: всѣ швы европейской системы были совершенно разорваны столкновеніемъ обоихъ событій, когда вдругъ поколебались всѣ существующія права и отношенія по владѣнію. Нужно признать, что для каждаго по одиночѣ въ такіе кризисы право самосохраненія дѣлается важнѣйшимъ; истинная отвѣтственность на столько зависитъ отъ дѣйствій разъ начавшейся борьбы, сколько и отъ вопроса, кто былъ причиною начала всеобщаго пожара и кто его сдерживалъ. Познакомившись со всѣми этими фактами, не трудно судить о польскомъ вопросѣ..... Все сошлось вмѣстѣ: глубокая испорченность польскаго государства, крайняя необходимость собственной безопасности и угрожающее положеніе всѣхъ остальныхъ государствъ. Легко находить темныя стороны въ дѣйствіяхъ государствъ этого опаснаго времени. Всякій человекъ обязанъ пожалѣть объ участи погибающей Польши; но все же остается вопросъ, какой другой, лучший путь оставался Пруссіи при тогдшнемъ положеніи Россіи, Австріи и Франціи? Долженъ ли былъ король въ 1793 г. сдѣлать то, что сдѣлалъ два года спустя, слыша отовсюду порицанія, то-есть, предпочесть нейтралитетъ, полный безпокойствъ, вызывающій презрѣніе, въ то время, когда вокругъ бушуетъ гроза? Или долженъ ли былъ онъ, вмѣстѣ съ парижскими сентябрьскими дѣятелями, вести открытую войну съ остальной Германіей въ пользу польскихъ рабовладѣльцевъ? Или долженъ ли былъ онъ, наконецъ, для приращенія Австріи всею своею силою броситься на

¹⁾ Ibid., II, 250.

²⁾ Ibid., II, 250 sqq. Однако, напримѣръ, Данцигъ и Торнъ не очень-то охотно соглашались подчиняться Пруссіи. *Korzon. Dzieje wewnętrzne Polski* за Stanisława Augusta. Kraków. 1883. II, 41 sq., 47, 459.

Францію и оставить русскіе гарнизоны занимать Познань и Гнѣзно, какъ они заняли Гродно и Варшаву? Нѣтъ, при самомъ тщательномъ разсмотрѣніи дѣла, я другаго выхода не нахожу: рѣшеніе присвоить себѣ пограничную польскую провинцію было единственное, которое не вело къ явному несчастію при данномъ положеніи дѣлъ, а потому единственно совмѣстное съ обязанностью прусскаго правительства¹⁾. Но Зибель находитъ и недостатки въ этой политикѣ. „Чѣмъ опаснѣе становилась для сѣверныхъ германскихъ границъ, со времени Петра, ежедневно возрастающая русская держава, тѣмъ осторожнѣе и обдуманнѣе нужно было съ прусской стороны провести границы, такъ какъ уменьшался объемъ единственнаго государства, лежащаго между ними. Это ясно само по себѣ: и въ Берлинѣ имѣли въ виду славный примѣръ политики Фридриха II при первомъ раздѣлѣ Польши, когда слова не говорили, шагу не дѣлали, не рассчитавъ вѣрно, поведетъ ли это къ цѣли, когда собственно приращеніе на счетъ Польши постоянно ставилось въ связи съ опасностью увеличенія русскаго могущества, когда не высказывали, но тѣмъ не менѣе не теряли изъ виду два требованія равновѣсія: слабость и сохраненіе Польши. О такомъ пониманіи вопроса нечего было и думать въ 1793 г. Ворвавшись въ польскую землю, пруссаки радовались каждому приобрѣтенію, не заботясь о послѣдствіяхъ. Взяли они себѣ безспорно болѣе того, сколько требовало улучшеніе границъ: полосу земли около 20 м. ширины, за нынѣшней познанской провинціею, и тѣмъ впередъ отказались отъ права вызывать Россію къ умѣренію своихъ требованій. Русская пограничная линія, проведенная отважно, тяжелой рукой, поперекъ терпѣливой карты, была явнымъ смертнымъ приговоромъ для Польши. Взявшій столько себѣ сегодня, не удовольствуется малостью завтра; такъ раздѣлъ явно заключалъ въ себѣ уничтоженіе и разореніе Польши. Въ 1793 г. король Прусскій не имѣлъ этихъ намѣреній; все его несчастіе было въ томъ, что онъ вообще не имѣлъ ни рассчитаннаго плана, ни обдуманной системы, но день за день подвигался впередъ подъ вліяніемъ впечатлѣній и настроеній, всегда очень похвальныхъ“²⁾. Самый фактъ паденія Польши Зибель не одобряетъ: „Полоса земли около средины Вислы, образуемая Бугомъ и Наревомъ, важнѣйшая по географическому и политическому положенію въ средней Европѣ, была

¹⁾ Зибель, II, 258—260.

²⁾ Ibid., II, 260.

одна изъ важнѣйшихъ наступательныхъ позицій, способная, если упадетъ въ могучія руки, во всѣ стороны распространять вліяніе и господство... Съ этой точки зрѣнія, единственной, съ которой возможно обсужденіе по существу нѣмецкихъ и европейскихъ интересовъ, было совершенно справедливо стремленіе нѣмецкихъ державъ къ ограниченію Польши, нѣсколько разъ уже вторгавшейся изъ Галиціи въ Венгрію и Богемію, а изъ великой Польши въ Восточную и Западную Пруссію, но нисколько не было справедливо совершенное уничтоженіе центрального государства. По всѣмъ даннымъ, выиграть отъ этого уничтоженія не могъ никто болѣе Россіи, какъ сильнѣйшаго и всего болѣе стремящагося къ завоеваніямъ государства. Съ 1793 г. непрерывно развивавшіяся событія подтвердили это. Въ 1795 г. король (Прусскій) принужденъ былъ противъ воли подписать уничтоженіе Польши; важную линію Вислы и Нарева, которая тогда, по крайней мѣрѣ, досталась ему, наслѣдникъ его долженъ былъ уступить въ 1814 г. русскимъ; послѣ того начали оправдываться слова Поццо ди Борго, что Россія завоевала земли эти, „чтобы въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Европою открыть себѣ новое поприще для своего могущества, своихъ способностей и гордости“¹⁾. „Русская гегемонія“ однако развитіемъ своимъ обязана въ послѣднемъ анализѣ, по представленію Зибеля, соперничеству двухъ нѣмецкихъ державъ. „Пока въ Берлинѣ смотрѣли на петербургскій дворъ, какъ на поддержку противъ императора, а въ Вѣнѣ русскій союзъ считали оплотомъ противъ Пруссіи, до тѣхъ поръ русскому честолюбію всѣ пути открывались сами собою, а систематическое, могучее и въ то же время осторожное веденіе польскаго вопроса было просто не возможно. И въ этомъ отношеніи Пруссія иногда дѣлала ошибки, но въ фальшивыхъ мѣрахъ ее все-таки перецеголяла Австрія“²⁾.

Къ этимъ разсужденіямъ необходимо прибавить тѣ, которыми Зибель сопровождаетъ разказъ о третьемъ раздѣлѣ Польши, разсмотрѣнномъ въ десятой „книгѣ“³⁾. Новыя соображенія автора касаются опять прусской политики, съ одной стороны, и собственныхъ грѣховъ Польши, погубившихъ ея политическое бытіе, съ другой,

¹⁾ Ibid., II, 261.

²⁾ Ibid., II, 262.

³⁾ О польскихъ дѣлахъ есть вставки и въ предыдущихъ „книгахъ“, начиная съ седьмой (въ этой „книгѣ“ см. гл. 2, 5, 6); самая большая вставка—вся третья глава IX „книги“, повѣствующая о началѣ возстанія 1794 года. Здѣсь читатель имѣетъ дѣло съ одними фактами.

то-есть, двухъ темъ, на развитіи коихъ съ особою охотою, хотя и не одинаковою въ отношеніи къ каждой въ отдѣльности, останавливается историкъ революціонной эпохи. Къ третьему раздѣлу Рѣчи Посполитой привело возстаніе подъ начальствомъ Костюшки. Интересенъ именно взглядъ Зибеля на роль Пруссіи въ этомъ дѣлѣ. „Путь, которымъ она пойдетъ“, говоритъ онъ,— „обрисовывался самымъ яснымъ образомъ. Еще въ прежнее время могло быть сомнѣніе касательно того, можно ли поддерживать Польшу противъ Россіи и въ союзѣ съ первою содѣйствовать собственной выгодѣ, теперь же была уничтожена всякая возможность колебанія и всѣ силы были устремлены къ быстрому дѣйствію. Костюшко объявилъ войну какъ Россіи, такъ и Пруссіи; хотя послѣ онъ и дѣлалъ тайныя предложенія о нейтралитетѣ, но не было сомнѣнія въ томъ, что вся южная Пруссія ¹⁾ пришла въ броженіе, и что тамъ готово было вспыхнуть возстаніе при первой побѣдѣ Костюшки; даже не смотря на варшавскія кровопролитія, никто не могъ бы утверждать, что въ настроеніи Польши, которая въ 1793 г. предпочла русское владычество нѣмецкому, произойдетъ перемѣна въ пользу Пруссіи. Взаимная ненависть цѣлыя четыре столѣтія таилась въ душѣ этихъ двухъ народовъ; ни для Польши, ни для Германіи не было отъ того особенной выгоды; но судьба рѣшила такъ, и Пруссія не могла отступить назадъ. Поэтому надѣ было идти впередъ и на развалинахъ великаго государства отстаивать интересы своего отечества противъ враждебныхъ друзей и непріязненныхъ сосѣдей. Между дворами еще не было произнесено слово „раздѣлъ“, но оно уже носилось въ воздухѣ, какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Петербургѣ, какъ въ канцеляріяхъ, такъ и въ военныхъ лагеряхъ; всѣ были убѣждены, что дѣло идетъ къ тому, и только не знали, какъ это совершится. Чтѣ было желательно въ такомъ случаѣ для Пруссіи, это было ясно само собою: для обладателя Бреславлемъ, Познанью и Кенигсбергомъ сама природа дала единственно-вѣрную границу въ линіяхъ теченія Нѣмана, Нарева и Вислы. Точно также не подлежало сомнѣнію и несогласіе Австріи на такое расширеніе границъ своей соперницы, и было, по крайней мѣрѣ, очень вѣроятнымъ то покровительство, которое Австрія найдетъ въ Екатеринѣ. Поэтому чѣмъ менѣе Пруссія могла спорить съ обоими императорскими кабинетами въ матеріаль-

---

¹⁾ Южною Пруссіей было названо приобращеніе Пруссіи по второму раздѣлу.

ной силѣ, тѣмъ болѣе она должна была обратить свое вниманіе на быстроту и рѣшительность дѣйствій“¹⁾.

Самый разказъ о возстаніи Костюшки Зибель заключаетъ такимъ размышленіемъ: „Такъ кончилось полнымъ паденіемъ всеобщее возстаніе польской націи. Случилось то, что должно было случиться, когда великій и даровитый народъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ столѣтій подвергаетъ себя политическому и нравственному самоубійству. Судьба прошла надъ виновными и невинными съ потрясающей силой и выразилась въ катастрофѣ, ужаснѣе которой свѣтъ не припомнить со времени разрушенія Іерусалима. При такой картинѣ невольно закрываешь глаза и сомнѣваешься въ справедливости и въ Провидѣніи; но не видно ли также въ этомъ, что націи только тогда старѣютъ и умираютъ, когда передъ тѣмъ сами себя губятъ? Такъ покончила Польша, благодаря своимъ собственнымъ грѣхамъ, не будучи въ состояніи противустоять могучимъ сосѣдямъ. Что же касается послѣднихъ, то они могли на мѣстѣ увидѣть, что значить для смертныхъ возставать противъ опредѣленной направляющаго Провидѣнія“²⁾.

Въ сдѣланныхъ здѣсь выдержкахъ изъ сочиненія Зибеля приведено все существенное изъ его взгляда на польскія дѣла. Такъ какъ онъ разсматриваетъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ, отдѣленныхъ одни отъ другихъ десятками и сотнями страницъ, то ему приходится, съ одной стороны, такъ сказать, дробить свою общую мысль, съ другой—нерѣдко повторяться, и мы предпочли представить его разсужденія цѣликомъ, не дѣлая изъ нихъ общаго свода, чтобы читатель могъ видѣть, до какой степени въ каждой отдѣльной части труда, гдѣ только заходитъ рѣчь о польскихъ дѣлахъ, постоянно выдвигается на первый планъ прусская политика, интересы Пруссіи и т. д.

Къ тому же времени, какъ выходили въ свѣтъ отдѣльныя части большого историческаго труда Зибеля, еще одинъ нѣмецкій авторъ, Фридрихъ Смиттъ, издалъ два сочиненія, посвященные паденію Польши, изъ коихъ одно написано по нѣмецки, другое по французски. Авторъ этихъ двухъ трудовъ, написавшій раньше на нѣмецкомъ языкѣ „Исторію польскаго возстанія 1830 и 1831 годовъ“³⁾, имѣлъ доступъ,

¹⁾ Ibid., IV, 53.

²⁾ Ibid., IV, 101.

³⁾ *Fr. Smitt. Geschichte des polnischen Aufstandes und Krieges in den Jahren 1830 — 1831. Leipzig und Heidelberg. 1855.* Русскій переводъ (яп. *Конт-*

съ разрѣшенія императора Николая, къ русскимъ архивамъ, гдѣ и почерпнулъ важный матеріалъ для своихъ трудовъ по польской исторіи второй половины XVIII в. Самъ онъ, будучи остзейскимъ уроженцемъ, состоялъ на русской службѣ, но служба его была не изъ удачныхъ, ибо только въ очень преклонномъ возрастѣ, къ коему и относится появленіе обонхъ его трудовъ по паденію Польши, его „горизонтъ сталъ, по собственному его выраженію, проясняться“. Умеръ онъ въ 1865 году семидесяти-восьми лѣтъ отъ роду, не успѣвъ окончить того труда, который для насъ долженъ имѣть наибольшій интересъ.

О характерѣ этого труда Смитта, озаглавленнаго „Суворовъ и паденіе Польши“¹⁾, даетъ нѣкоторое понятіе самое предисловіе, изъ котораго мы и приведемъ здѣсь значительныя выдержки. „Однимъ изъ самыхъ необычайныхъ и важныхъ по своимъ послѣдствіямъ событій прошлаго столѣтія“—такъ начинается это Vorbericht — „была смерть и гибель нѣкогда могущественной польской республики“. Между тѣмъ, продолжаетъ авторъ, это событіе во многихъ отношеніяхъ затемнено ненавистью, пристрастіемъ, предвзятыми взглядами, съ какими къ нему относились²⁾. „Ограниченнымъ или партійнымъ взглядамъ неугодно было видѣть, отъ какой опасности этимъ (то-есть, паденіемъ Польши) была освобождена средняя Европа. Какъ разъ въ это время волны французской революціонной бури рвались броситься на Германію, которая еле-еле была въ состояніи защищать себя отъ нихъ, и что вышло бы, еслибы волны сарматской народной бури, все болѣе и болѣе воздымаясь, съ другой стороны ворвались въ Германію, и она подверглась бы одновременно съ востока, какъ и съ запада, революціонному и завоевательному нападенію. И послѣ взрыва воястанія въ южной Пруссіи, послѣ снятія Пруссіимъ коро-

---

никаю) былъ изданъ въ Петербургѣ въ 1863—1864 гг. Къ этому переводу приложена автобіографія автора, составленная имъ по просьбѣ переводчика. Извлеченіе изъ нея помѣщено въ началѣ русскаго перевода его сочиненія „Суворовъ и паденіе Польши“. С.-Пб. 1866—1867.

¹⁾ *Friedrich von Smitt. Suworow und Polens Untergang. Nach archivalischen Quellen dargestellt. Leipzig und Heidelberg. 1858.* Первая часть этой книги была написана и даже издана въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ гораздо ранѣе (за 25 лѣтъ) и тутъ явилась въ исправленномъ видѣ. Вторая часть была совсѣмъ новая. Смиттъ въ Vorbericht (стр. VII) общааетъ и третью часть, которая однако не появилась. Сочиненіе посвящено императору Александру II.

²⁾ *Ibid.*, I, стр. III. Цитуемъ по нѣмецкому подлиннику.

лемъ осады съ Варшавы, послѣ вызваннаго этимъ сильнаго подъема духа въ странахъ польскаго языка и при вяломъ веденіи войны устарѣлыми генералами безъ способностей и безъ характера, такая опасность вовсе не была призрачной и могла легко осуществиться. До дѣйствительнаго опыта также вѣдь не подозрѣвали опасности, шедшей изъ Франціи, или не вѣрили въ нее. Германія была спасена отъ бѣды, ей грозившей Мацѣвицами и Прагой, и могла теперь всѣ свои силы направить противъ одного главнаго врага, не опасаясь, что другой между тѣмъ нападетъ съ тылу ¹⁾. Это обстоятельство пытались удалить съ глазъ пруссаковъ и нѣмцевъ и вызвать у нихъ даже состраданіе къ умирающему народу и пытались не безъ успѣха, когда въ дѣло вмѣшались иного рода соображенія и интересы: миновавшая опасность показалась незначительною, причиненная несправедливость — громадною. И однако геній Фридриха Великаго задолго до того схватилъ сущность отношенія Пруссіи къ Польшѣ, узрѣвши, что къ нему весьма подходящимъ образомъ можно примѣнить роковыя слова, которыя когда-то рѣшили судьбу Италіи:

Vita Conradini mors Caroli,
Mors Conradini vita Caroli,

и что большая Пруссія возможна была лишь при маленькой Польшѣ и на оборотъ²⁾. На Фридриха Смиттъ и смотритъ какъ на главнаго виновника паденія Польши. Далѣе онъ указываетъ на то, что исторія Рѣчи Посполитой со вступленія на престолъ Станислава Августа „обрабатывалась главнымъ образомъ одною партією, тогда какъ другая молчала³⁾: стоитъ только“, говоритъ онъ, — „заглянуть въ историческія книги, чтобы натолкнуться на Рюльеровъ, Феррановъ, на сочиненія о паденіи майской конституціи, на Зайончка и Огинскаго, какъ на главные источники, изъ которыхъ черпали авторы; взгляды этой партіи перешли въ исторію и наконецъ стали сами выдаваться за исторію. Но это большое заблужденіе“, прибавляетъ Смиттъ. — „Указанные труды писались подъ диктовку самой слѣпой партійной ненависти, которая большею частью не стыдилась измышлять факты и во всякомъ случаѣ ихъ исказить“. Поэтому авторъ взялъ на себя задачу исправить приговоръ о событіи, тѣмъ болѣе, что былъ недоволенъ и тѣмъ, какъ до него пользовались архивами³⁾. Самъ онъ, бла-

¹⁾ Ibid., I, стр. IV.

²⁾ Ibid., I, стр. V.

³⁾ Ibid., I, стр. VI.

годаря довѣрїю къ нему императора Николая, пользовался бумагами „большого московскаго государственнаго архива“, проживъ для этого полгода въ древней русской столицѣ. И, по его словамъ, послѣ этого многое въ исторїи эпохи ему стало представляться совершенно иначе, чѣмъ прежде, и часто то, что въ историческихъ книгахъ выдавалось за несомнѣнное, было признано имъ за „fable convenue“¹⁾.

Такимъ образомъ Смиттъ прямо противопоставляетъ свою точку зрѣнія той, которая получила право гражданства въ историографїи, благодаря авторитетности, какою пользовались сочиненїя Коллонтая, Рюльера и Феррана. И въ другомъ своемъ трудѣ, вышедшемъ въ свѣтъ нѣсколько позднѣе „Суворова и паденїя Польши“, именно въ книгѣ своей „Фридрихъ II, Екатерина и раздѣлъ Польши“²⁾ этотъ историкъ, какъ можно видѣть изъ самаго ея заглавія, рассматриваетъ роль прусской и русской политики въ дѣлѣ перваго „разбора“ Польши. „Относительно польскихъ раздѣловъ“, говоритъ онъ въ предисловіи къ этой работѣ,—„распространилось много ложныхъ мнѣній (faussetés). Публиковались кусочки депешъ, извлеченныхъ изъ архивовъ, отдѣльныя части, ловко подобранныя, совершенно такъ, чтобы онѣ годились для заранѣ поставленной цѣли и поддержки ошибочныхъ взглядовъ, но никогда не печатали цѣльныхъ депешъ въ ихъ связи и хронологическомъ порядкѣ. Затѣмъ идутъ историки и одинъ за другимъ буква въ букву переписываютъ ходячіе разсказы, и если принадлежать къ новой школѣ (?), никогда не забываютъ прибавить банальныя декламации по адресу жадной и наступательной Россїи и ея ненасытной императрицы, которая, вѣроятно, во исполненіе завѣщанїя Петра Великаго, отторгла отъ Польши одинъ кусокъ земли за другимъ и вдобавокъ заставила еще другихъ невинныхъ государей принять съ нею участіе въ этомъ дѣлѣжѣ“³⁾. Въ другомъ мѣстѣ по поводу того же раздѣла Польши онъ говоритъ, что „нѣтъ другаго дѣла, надъ коимъ расточали бы столько упрековъ и оскорбленій, и что ихъ особенно направляли противъ Русской императрицы Екатерины, на которую смотрѣли и указывали, какъ на виновницу и главную дѣятельницу этихъ раздѣловъ. И однако“, прибавляетъ онъ,—

¹⁾ Ibid., I, стр. VII.

²⁾ *Fr. de Smitt. Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne d'après des documents authentiques.* Paris. 1861. Этотъ трудъ былъ написанъ еще въ 1852 году, вромѣ „Supplément“, помѣченнаго 1860 годомъ.

³⁾ Ibid., préface, IV—V.

„нѣтъ ничего болѣе ложнаго и болѣе несправедливаго“¹⁾). „Вся исторія этого событія“, говоритъ еще Смиттъ и здѣсь,— „какъ ее представляютъ школьныя руководства и историческіе труды, въ большей своей части есть только чистѣйшая небылица (*une fable convenue*). Пора наконецъ разъясниться этому вопросу, пора показать, какъ было дѣло, какъ этотъ раздѣлъ былъ издавна обдуманъ, подготовленъ, направленъ и тщательно пушенъ въ ходъ прежде, нежели у кого бы то ни было могло явиться малѣйшее подозрѣніе“²⁾).

На основаніи однихъ предисловій, изъ коихъ главнымъ образомъ и взяты приведенныя выше слова Смита, уже позволительно утверждать, что, во первыхъ, авторъ смотритъ на все дѣло главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія интересовъ „средней Европы“, и что, во вторыхъ, ему хочется оправдать политику Екатерины II, такъ какъ главная вина или честь перваго раздѣла Рѣчи Посполитой падаетъ на „геній“ Фридриха II. Въ обоихъ отношеніяхъ онъ долженъ былъ придти въ столкновеніе со взглядами польскихъ и французскихъ авторовъ. Послѣ этого общаго замѣчанія перейдемъ къ болѣе подробному обзору каждаго сочиненія Смита въ отдѣльности.

Первый томъ сочиненія Смита о „Суворовѣ и паденіи Польши“ цѣликомъ посвященъ Суворову и событіямъ до 1790 г., въ которыхъ послѣдній принималъ участіе, такъ что о польскихъ дѣлахъ говорится только во второй главѣ, названной „Польская конфедераціонная война 1768—1772 гг.“³⁾. Второй томъ называется „Послѣднія смуты въ Польшѣ“, и за исключеніемъ двухъ главъ, первой и четвертой, разсматривающихъ дѣятельность Суворова въ Финляндіи, именно весь занятъ изложеніемъ польскихъ дѣлъ: во второй главѣ рѣчь идетъ о польскихъ отношеніяхъ до 1788 года, въ третьей—о Польшѣ съ 1788 года до конца 1791, въ пятой—о событіяхъ 1792 г. и тарговицанахъ, а шестая служитъ непосредственнымъ продолженіемъ предыдущей, доводя изложеніе до конца 1792 г. Третій томъ долженъ былъ разказать о возстаніи Костюшки и паденіи Польши⁴⁾.

¹⁾ Ibid., I, 3.

²⁾ Ibid., I, 4.

³⁾ Der polnische Konföderations-Krieg von 1768—1772. T. I, стр. 29—109. Первый томъ озаглавленъ весь „Suworow“.

⁴⁾ Der Verfasser, говорится въ предисловіи къ первому тому,—hofft darin (то-есть, въ 3-мъ томѣ) viel Neues mitzuthellen, da ihm ausser den Archiven auch die nachgelassenen Papiere von Suworow, Fersen, viele Briefe Kosciuszako's und die Memoiren des Königs Stanislaus Augustus zu Gebot gestanden haben, стр. VIII.

Свой общій взглядъ на внутреннія отношенія Рѣчи Посполитой Смиттъ излагаетъ въ двухъ мѣстахъ. Вторая глава перваго тома, повѣствующая о барской конфедераціи, начинается именно съ общаго взгляда на состояніе Польши и на развитіе причинъ, приведшихъ это государство къ упадку. Гораздо важнѣе вторая глава втораго тома, заключающая въ себѣ общій обзоръ царствованія Станислава Августа до 1788 г.: здѣсь есть анализъ польскаго государственнаго устройства, изображеніе польскаго національнаго характера, изложеніе диссидентскаго дѣла и разсмотрѣніе отношеній къ Рѣчи Посполитой сосѣднихъ державъ, а также указаніе на совершенныя въ Польшѣ реформы и на ихъ результаты; здѣсь же авторъ дѣлаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о первомъ раздѣлѣ. По словамъ Смитта, государства рѣдко падаютъ безъ собственной вины, и часто внуки искупаютъ преступленія отцовъ: такъ было и въ Польшѣ ¹⁾. „Еслибы“, говоритъ онъ, разказавъ въ немногихъ словахъ развитіе шляхетской конституціи,—„еслибы шляхта удовольствовалась тѣми прекрасными и крупными правами, которыя она приобрѣла въ теченіе одного столѣтія, старая Польша еще существовала бы, сильная и могущественная; но человѣческой природѣ не дано ограничивать себя въ своихъ желаніяхъ: каждое удовлетвореніе одного немедленно возбуждаетъ другое. Шляхта была на слишкомъ хорошемъ пути, чтобъ остановиться и вмѣсто того, чтобъ самой поставить себя въ извѣстныя границы, она ниспровергла совершенно всѣ, которыя ее стѣсняли, чтобъ потребовать подъ видомъ свободы полной разнузданности“ ²⁾. Начало упадка Польши Смиттъ относитъ къ царствованію Сигизмунда III: „сосѣднія страны развивались и шли впередъ; одна Польша стояла или вѣриѣ отступала назадъ, ибо въ жизни народовъ не бываетъ неподвижности: кто не идетъ впередъ, идетъ назадъ“ ³⁾. Съ середины XVII в. Рѣчь Посполитая лишилась законодательной власти вслѣдствіе срыванія сеймовъ, и съ этого момента „все пошло къ гибели, ибо гдѣ такое государство, которое могло бы существовать безъ законодательства?“ ⁴⁾ Съ Саксонскими королями начинается еще худшая эпоха: „прежде, по крайней мѣрѣ, нравы были проще и чище, а теперь закралась и сюда порча“ ⁵⁾. Во второй главѣ втораго тома

¹⁾ Ibid., I, 31.

²⁾ Ibid., I, 33—34.

³⁾ Ibid., I, 36.

⁴⁾ Ibid., I, 37.

⁵⁾ Ibid., I, 38.

Смиттъ даетъ небольшую характеристику польскаго государственнаго устройства ¹⁾, въ основѣ коего онъ видитъ произволь и распущенность, признанная за свободу, а „они (то-есть, произволь и распущенность) всегда приводятъ рано или поздно къ порчѣ и гибели“ ²⁾. Въ частности „двумя основными бѣдами, отъ коихъ страдала Польша и которыя ее погубили“, авторъ считаетъ „ея ошибочныя (fehlerhaften) республиканскія учрежденія и въ особенности невозможность ихъ улучшенія въ монархическомъ смыслѣ“ ³⁾. Что касается до перваго „зла“ (Uebel), то Смиттъ сводитъ его къ тремъ моментамъ: къ избирательному престолу, независимости высшихъ государственныхъ должностей и единогласію въ сеймахъ ⁴⁾. Указавъ на вредныя стороны этихъ установленій, онъ заключаетъ свой обзоръ польской конституціи такими словами: „нельзя было лучше придумать устройства, чтобъ удержать народъ въ слабости и безсиліи; одинъ бѣглый взглядъ на него объясняетъ паденіе Польши; es war nicht Verfassung, sondern Auflösung aller Verfassung“ ⁵⁾. Между тѣмъ поляки воображали, что ихъ конституція была верхомъ политической мудрости, и это также препятствовало измѣненіямъ и улучшеніямъ ⁶⁾; „позднѣе же, когда Польша была обезсилена, мѣшали этому иностранныя державы, политическимъ видамъ и интересамъ коихъ какъ нельзя болѣе соответствовало такое, уничтожающее всякія внутреннія силы, устройство“. Смиттъ предпринялъ свой анализъ послѣдняго, чтобы доказать, что „Польша должна была погибнуть, что она была безвозвратно (unrettbar) потеряна, пока оставалась въ такомъ положеніи“ ⁷⁾, —

¹⁾ Ibid., II 91 sq.

²⁾ Ibid., II, 91.

³⁾ Ibid., II, 97.

⁴⁾ Ibid., II, 98 sq.

⁵⁾ Ibid., II, 104.

⁶⁾ Ibid., II, 99—100 и 104.

⁷⁾ Ibid., II, 105. Въ №№ 132, 133, 136, 137, 141, 142 и 143 газеты *Съверная почта* была помѣщена статья „Три раздѣла Польши“, написанная на основаніи сочиненій Соловьева и Смитта. Въ этой статьѣ очень хорошо переданы существенныя мѣста о польскомъ государственномъ устройствѣ изъ книги Смитта (стр. 5—23 по имѣвшемуся у насъ отдѣльному оттиску этой статьи въ видѣ небольшой брошюры). „Смиттъ“, говоритъ авторъ статьи, — „описывая паденіе Польши, далъ широкое мѣсто исторіи польской конституціи и тѣмъ поставилъ читателя въ возможность обнять однимъ взглядомъ всю судьбу польской республики, придти къ логическому выводу о неминувости того, что совершилось съ нею въ 1772 г.“.

мысль, съ которою мы столько разъ встрѣчались и у другихъ авторовъ. Другая тема, которую развиваетъ Смиттъ, это—испорченность польскаго характера. Приведши изъ „Исторіи моего времени“ Фридриха II характеристику поляковъ ¹⁾, онъ продолжаетъ: „Портретъ не польщенъ, но вѣренъ; въ немъ недостаетъ только свѣтлыхъ сторонъ: мужества, личной храбрости и пламеннѣйшей любви къ отечеству. Въ портретѣ нѣтъ, однако, нѣсколькихъ чертъ, дополняющихъ его, каковы: тщеславіе, хвастливость, лживость. Ни одинъ полякъ не можетъ написать безпристрастно отечественной исторіи: самыя вопіющія неправды, если они только служатъ къ прославленію его соотечественниковъ, слѣдовательно косвенно и его самого, или къ удовлетворенію страстей какой-либо партіи, выставляются съ наглою смѣлостью, подкрашиваются, обрабатываются и ради вѣщшаго правдоподобія, приумножаются собственными выдумками историка..... Кто имѣлъ дѣло съ поляками и не поступалъ въ ихъ смыслѣ, кто затронулъ ихъ тщеславіе или какимъ бы то ни было образомъ показавъ себя ихъ противникомъ, тотъ долженъ приготовиться быть гонимымъ ими до могилы съ неумолимою ненавистью и никогда не уступающею злобою. И ненависть эта пользуется тогда всякимъ оружіемъ: самую безстыдную ложь и клевету (*semper aliquid haeret*), искаженіемъ фактовъ, злобною выдумкою небывалыхъ обстоятельствъ и чертъ, умаляющихъ и чернящихъ описываемое лицо. Это испытали на себѣ король Станиславъ-Августъ, Суворовъ, императрица Екатерина, императоръ Александръ I. Отличительную черту своего характера—неравсудительность (*den Mangel an Urtheilskraft*) проявляютъ они въ томъ дѣтскомъ легкомысліи, съ которымъ принимаютъ за истину нелѣпнѣйшіе разказы, самыя смѣшныя выдумки и хотятъ навязать ихъ другимъ. Кромѣ того, въ характерѣ ихъ преобладаетъ такое безпокойство, которое по самымъ ничтожнымъ причинамъ поддерживаетъ ихъ постоянно въ лихорадочномъ состояніи. То, чего сегодня желали, завтра отвергаютъ; гоняются за пустяками и, достигнувъ желаемаго, бросаютъ съ пренебреженіемъ; воспаляются бездѣлицею и столь же быстро остываютъ. Вѣчно въ тревогѣ, въ дѣятельности; берутся то за то, то за другое; интригуютъ, строятъ козни, затѣваютъ заговоры, видятъ все въ свѣтъ преувеличенной фантазій и поступаютъ подъ вліяніемъ разгоряченнаго воображенія. Послѣдняя черта польскаго характера, это—вѣчная подозри-

¹⁾ *Smitt*, II, 109—101.

тельность къ правительству, къ властямъ, даже къ тѣмъ, которыя дѣлають имъ добро, расположены къ нимъ,—и ко всѣмъ иноземцамъ. Полякамъ все мерещится, будто они окружены соглядатами, измѣнниками“¹⁾. Не разбирая по существу этой характеристики, замѣтимъ вообще, что въ XIX столѣтіи у нѣмецкихъ и русскихъ писателей сдѣлалось чуть не общимъ мѣстомъ объяснять паденіе Рѣчи Посполитой недостатками польскаго національнаго характера. Нѣтъ и быть не можетъ сомнѣнія въ томъ, что послѣдній въ XVIII вѣкѣ, дѣйствительно, много способствовалъ паденію Рѣчи Посполитой, но вопросъ въ томъ, были ли это привитые воспитаніемъ нравы или нѣчто такое, чтò находится въ крови народа, искони вложено въ его духъ,—вопросъ, къ которому мы еще вернемся. У Смитта дѣлается указанная характеристика поляковъ ради объясненія тѣхъ трудностей, съ какими приходилось считаться Станиславу-Августу въ его реформаторскихъ стремленіяхъ. Другую категорію затрудненій представляли внѣшнія отношенія. На сосѣднихъ престолахъ мы видимъ въ эту эпоху личности, стремившіяся расширить, округлить или политически возвысить свои государства²⁾. Самымъ опаснымъ сосѣдомъ Польши Смиттъ называетъ Фридриха II³⁾. Иосифъ не прочь былъ расширить границы своей монархіи, Екатерина продолжала традиціонную съ Петра Великаго политику укрѣпленія въ Польшѣ русскаго вліянія, а Фридриху просто было необходимо завладѣть частью польской территоріи, входившею въ составъ владѣній тевтонскаго ордена, наследникомъ коего онъ себя считалъ. „Если послѣднее право“, замѣчаетъ авторъ,—„было нѣсколько спорное, то и у поляковъ не было лучшаго права, и то, чтò дали имъ мятежъ и сила оружія, могли и отнять у нихъ такіе же мятежъ и сила оружія. Къ этому праву силы присоединялось тутъ и право необходимости, ибо безъ обладанія этою странюю владѣнія Фридриха на вѣки остались бы разрозненными членами тѣла, безъ единства и связи, а потому слабыми и безсильными. Эта необходимость дѣлала его самымъ опаснымъ врагомъ Польши, тѣмъ болѣе опаснымъ, что онъ скрывалъ свои тайныя цѣли подъ личиною пріязни“. Въ Польшѣ думали о реформахъ, а извнѣ подымали диссидентскій вопросъ, чтобы подвергнуть ее въ еще

¹⁾ Ibid., II, 110—112. Привоюа это мѣсто, пользуюсь готовымъ переводомъ его въ указанной статьѣ.

²⁾ Ibid., II, 112.

³⁾ Ibid., II, 113 sq.

большія смуты и въ нихъ найдти предлогъ для исполненія плановъ на счетъ расширенія ¹⁾).

Главнымъ виновникомъ перваго раздѣла Рѣчи Посполитой Смиттъ считаетъ Фридриха II, доказательству чего онъ посвящаетъ другое свое сочиненіе. Разказъ о самомъ событіи онъ сопровождаетъ нѣкоторыми общими соображеніями. „Такъ пала Польша“, говоритъ онъ,—„жертвою за Турцію, ибо Фридрихъ въ отношеніи къ Рѣчи Посполитой раньше призналъ, что величіе Пруссіи можно основать только на паденіи Польши, равно какъ величіе Польши—на паденіи Пруссіи. Польская нетерпимость, близорукость, страшная горячность и раздоры сдѣлали остальное, и такимъ образомъ въ ближайшіе 22 года должно было быть покончено то, къ чему Фридрихъ проторилъ дорогу, намѣтилъ веки“. Сославшись еще на измѣнчивость, господствующую въ дѣлахъ міра сего ²⁾, и на то, что полезное для здороваго организма можетъ оказаться гибельнымъ для больнаго, нашъ историкъ указываетъ и на неподвижность, какой обрекла себя Польша, и на ея болѣзненность, которая отсюда вытекала ³⁾. „Одинъ древній мудрецъ (Полибій),“ говоритъ онъ далѣе,—„уже сдѣлалъ замѣчаніе, что паденію государствъ предшествуетъ упадокъ нравственности и правосудія. Польша представила тому новое доказательство: нечего было искать въ ней нравственности и правосудія; вездѣ были только себялюбіе, своекорыстіе, упадокъ нравовъ“ ⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ, называя первый раздѣлъ началомъ „искорененія“ Польши изъ ряда европейскихъ государствъ, Смиттъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что начало-то и было трудно, а послѣ него полный раздѣлъ уже легко было предвидѣть ⁵⁾.

Исторія Польши послѣ перваго раздѣла также дала поводъ автору высказать нѣсколько общихъ мыслей, достойныхъ быть отмѣченными. Подобно многимъ другимъ писателямъ, нами уже разсмотрѣннымъ, онъ сочувственно относится къ реформамъ, предпринятымъ въ Польшѣ послѣ 1772 г., но въ совершенномъ разногласіи съ иными историками вообще и въ частности съ Зибелемъ, заднимъ числомъ рекомендовавшимъ полякамъ прусскій союзъ, высказываетъ ту мысль, что самый естественный для Польши союзъ былъ союзъ съ Россіей. Въ самомъ дѣлѣ, разказывая о томъ, что послѣдовало за первымъ раз-

¹⁾ Ibid., II, 115. О диссидентскомъ вопросѣ cf. I, 39 sq.

²⁾ Ibid., II, 133.

³⁾ Ibid., II, 134.

⁴⁾ Ibid., II, 135.

⁵⁾ Ibid., I, 102.

дѣломъ, Смиттъ замѣчаетъ, что это несчастье, какъ внезапный громовой ударъ, пробудило польскую націю изъ ея оцѣпенѣнія ¹⁾. Съ другой стороны, и реформы, произведенныя Россіей въ Рѣчи Посполитой въ 1775 г., сдѣлали возможными въ странѣ нѣкоторыя улучшения ²⁾. „Такимъ образомъ“, заключаетъ авторъ свой обзоръ этихъ улучшеній, — „несчастье перваго раздѣла должно было сдѣлаться средствомъ поправленія внутреннихъ отношеній въ Польшѣ“ ³⁾, и слѣдующія затѣмъ пятнадцать лѣтъ (1773 — 1788 гг.) онъ считаетъ „однимъ изъ наиболѣе счастливыхъ періодовъ польской исторіи“ ⁴⁾. Въ своемъ изложеніи исторіи этихъ лѣтъ Смиттъ вообще выдвигаетъ на первый планъ реформаторскія стремленія и дѣятельность Станислава-Августа ⁵⁾, находя только, что „сила его воли не соответствовала проникательности его взглядовъ“ ⁶⁾. Между прочимъ, авторъ отмѣчаетъ еще тотъ фактъ, что во время безпорядковъ барской конфедераціи многіе бѣжали за границу, а послѣ перваго раздѣла многіе также сдѣлались подданными сосѣднихъ державъ: и тѣ, и другіе, получивъ возможность сравнивать свое съ чужимъ, дѣлали сравненіе не къ своей выгодѣ, и въ томъ же смыслѣ дѣйствовало новое образованіе ⁷⁾; но вмѣстѣ съ тѣмъ вся обида поляковъ, вызванная первымъ раздѣломъ, была перенесена на Россію, и этимъ опредѣлялся на будущее время образъ дѣйствій прогрессивныхъ патріотовъ. Фридрихъ II не мало содѣйствовалъ развитію этой ненависти ⁸⁾.

Такими соображеніями, весьма справедливыми въ своихъ основаніяхъ, Смиттъ подготавливаетъ читателя къ изложенію событій эпохи четырехлѣтняго сейма, коимъ онъ посвящаетъ цѣлую большую главу ⁹⁾. Здравая политика, говоритъ онъ здѣсь, — заставляла Станислава-Августа держаться союза съ Россіей, такъ какъ именно послѣдняя могла болѣе всего вредить Польшѣ, но въ то же время и оказывать ей поддержку ¹⁰⁾, и это понималъ Польскій король, тогда какъ „вожди

¹⁾ Ibid., II, 136.

²⁾ Ibid., II, 137 sq.

³⁾ Ibid., II, 151.

⁴⁾ Ibid., II, 152.

⁵⁾ Ibid., II, 105 sq., 125 sq., 139 sq. и др.

⁶⁾ Ibid., II, 153.

⁷⁾ Ibid., II, 154.

⁸⁾ Ibid., II, 156.

⁹⁾ Ibid., II, 161—277.

¹⁰⁾ Ibid., II, 163. Вотъ какъ Смиттъ опредѣляетъ русскую политику въ 1775—

юнкѣйшей партіи вмѣсто того, чтобы слушаться голоса государственной мудрости и разума, слушались лишь своей ненависти, своего раздраженія противъ Россіи¹⁾. На сторонѣ послѣдней были главнымъ образомъ строгіе консерваторы, признававшіе, что только она въ состояніи поддержать въ Рѣчи Посполитой *statum quo*, отчасти люди, желавшіе угодить королю, и, наконецъ, всѣ тѣ, которые ждали для себя отъ Русской императрицы великихъ и богатыхъ милостей, хотя, конечно, своекорыстные расчеты дѣйствовали и между людьми, стремившимися къ полному политическому перевороту²⁾. Планъ Станислава Августа стать въ тѣснѣйшій союзъ съ Россіей и, пользуясь ея поддержкой, работать надъ укрѣпленіемъ и усиленіемъ Польши, встрѣтилъ оппозицію, рѣшающимъ же моментомъ въ исторіи этой борьбы польскихъ партій было вмѣшательство прусской политики³⁾. Съ такой точки зрѣнія, которую у новѣйшихъ польскихъ историковъ весьма напоминаютъ взгляды Калинки и Бобржинскаго, авторъ и разсматриваетъ исторію четырехлѣтняго сейма и принятую имъ конституцію 3-го мая 1791 г. „Чѣмъ же была“, спрашиваетъ онъ, — „эта знаменитая конституція? Соотвѣтствовала ли она всѣмъ отъ нея требованіямъ? Далекю нѣтъ“, отвѣчаетъ онъ. — „Это было довольно безтолковое издѣліе (*ein ziemlich konfuses Machwerk*), безъ логики, полное противорѣчій, полное старопольскихъ предрасудковъ, мѣстами покрытое пестрыми заплатами изъ чужихъ конституцій, которыя должны были ее украсить, а въ сущности только выдавали, отъ какой матеріи ихъ отрѣзали“⁴⁾. Смиттъ подвергаетъ эту прославлявшуюся другими историками конституцію строгому разбору, находя, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ злоупотребленій, ею устраненныхъ, не смотря на модныя фразы, плѣнившія молодежь, но скрывшія лишь недостатки и пробѣлы, все въ сущности оставалось по старому, — и многія замѣчанія Смита вполне основательны⁵⁾. „Изъ сословій“, говоритъ онъ, напри-
мѣръ, — „шляхта получила подтвержденіе всѣхъ своихъ правъ, горо-

---

1788 гг.: Katharina, die durch ihren Gesandten unbestritten in Polen gebot, wünschte aufrichtig die Heilung der dem Lande geschaffenen Wunden, da sie dieses Land als ein nahe verbrüderetes betrachtete. II, 151—152.

¹⁾ Ibid., II, 164. Далѣе у Смита очеркъ тогдашнихъ польскихъ партій, 164—179. Здѣсь же характеристики главныхъ дѣятелей въ этихъ партіяхъ.

²⁾ Ibid., II, 165.

³⁾ Ibid., II, 182 sq.

⁴⁾ Ibid., II, 255.

⁵⁾ Ibid., II, 256—265.

ЧАСТЬ ССЛXII, ОТД. 2.

жане—только право получать шляхетство, крестьяне—только слова“ и т. д. ¹⁾). Историкъ, впрочемъ, не былъ непримиримымъ врагомъ конституціи 3-го мая: онъ находитъ, что при данныхъ обстоятельствахъ ничего лучшаго и нельзя было сдѣлать, и что все-таки, устранивъ многіе недостатки прошлаго, она была „большимъ шагомъ впередъ“. Но, прибавляетъ онъ,—и безъ иностраннаго вмѣшательства конституція эта не могла бы удержаться отъ внутренней оппозиціи: въ предсмертныя минуты недѣйствительны никакія средства“ ²⁾, тѣмъ болѣе, что именно въ это время дѣйствовали, въ неблагопріятномъ для Рѣчи Посполитой отношеніи, внѣшнія политическія обстоятельства. Считтъ тутъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ вліяніе французской революціи на Европу: на польскія дѣла стали смотрѣть съ новой точки зрѣнія. „На обѣ революціи“, говоритъ онъ (то-есть, на французскую и польскую),—оказали большое вліяніе сочиненія французскихъ философовъ; обѣ были произведены болѣе образованными сословіями обѣихъ странъ; различіе состояло только въ томъ, что болѣе образованнымъ сословіемъ во Франціи была высшая буржуазія (der höhere Bürgerstand), а въ Польшѣ—дворянство, вслѣдствіе чего одна революція была болѣе демократической, другая—болѣе аристократической. Однако польская имѣла громадное преимущество передъ французской. Въ то время какъ послѣдняя ниспровергла все безъ различія, первая созидала на основахъ существующаго, только улучшала недостаточное и позволяла ожидать новыхъ улучшеній. Но ея дни были сочтены!“ ³⁾).

Событіямъ 1792 г. Считтъ посвящаетъ двѣ послѣднія главы второго тома, которыя представляютъ изъ себя нѣчто цѣлое. Разказъ начинается съ обращенія Феликса Потоцкаго, Северина Ржевускаго и Браницкаго къ Россіи, то-есть, съ факта, бывшаго прелюдіей къ заключенію торговицкой конфедераціи, и заканчивается согласіемъ Екатерины на второй раздѣлъ Польши. Въ этомъ разказѣ авторъ, пользуясь архивнымъ матеріаломъ, поправляетъ своихъ предшественниковъ по исторіи Польши въ эпоху двухъ послѣднихъ раздѣловъ.

¹⁾ Ibid., II, 260.

²⁾ Ibid., II, 264—265.

³⁾ Ibid., II, 266. Сравненіе обѣихъ революцій — предметъ интересный, но Считтъ отнесся къ вопросу поверхностно. Онъ просмотрѣлъ участіе во французской революціи народныхъ массъ, съ одной стороны, а съ другой — то, что сильный политическій организмъ Франціи вынесъ болѣе радикальное потрясеніе, тогда какъ Польша пала при попыткѣ болѣе умѣренной реформы.

Третій томъ сочиненія Смитта долженъ былъ заключать въ себѣ дальнѣйшую исторію, но онъ не былъ издавъ авторомъ.

Таково содержаніе перваго труда Смитта. Этотъ историкъ обратилъ гораздо большее вниманіе на внутреннюю исторію Польши, нежели это сдѣлалъ Зибель, и, стоя съ послѣднимъ на одной точкѣ зрѣнія относительно необходимости для Пруссіи раздѣла Рѣчи Посполитой, находилъ однако, что для Польши союзъ съ Россіей былъ болѣе выгоденъ, нежели союзъ съ Пруссіей,—мысль, усвоенная нѣкоторыми новѣйшими польскими историками. Послѣднее замѣчаніе можно сдѣлать и относительно взгляда Смитта на конституцію 3-го мая. Другое сочиненіе того же автора имѣетъ интересъ болѣе специальный. Этотъ трудъ состоитъ изъ текста, сборника документовъ ¹⁾ и послѣднѣ написаннаго прибавленія, служащаго продолженіемъ текста. Въ первой главѣ текста ²⁾, равно какъ въ прибавленіи ³⁾ Смиттъ является критикомъ ходячихъ разказовъ о первомъ раздѣлѣ Польши. Указавъ на источники этихъ разказовъ ⁴⁾, онъ по очереди разбираетъ эти источники, говоря, напримѣръ, что прусскіе дипломаты и издатели (Гёрцъ, Домъ, Шёлль) „на основаніи заявленій короля (Фридриха II) и принца (Генриха прусскаго) продолжали работать, сплетая (*en brochant*) и прилично украшая вещи“ ⁵⁾. „Реляція Görtz-Dohm“, говоритъ Смиттъ,—перешла во всѣ историческія руководства за немногими исключеніями ⁶⁾. Разобравъ прусскіе источники, Смиттъ отмѣчаетъ взгляды, переходные къ противоположной точкѣ зрѣнія, называя здѣсь Флассана, автора „Исторіи французской дипломатіи“, и Раумера, издавашаго „*Beiträge zur neuern Geschichte aus dem Britischen Museum und französischen Reichsarchiv*“ ⁷⁾, а какъ представителей противоположнаго мнѣнія, то-есть, прямо обвиняющаго Фридриха, называетъ англичанъ Кокса и Wrazall'я, француза Сенъ-При и австрійца Гроссъ-Гоффингера ⁸⁾. Въ прибавленіи

¹⁾ Collection de documents servant à l'histoire du partage de la Pologne. Lettres et dépêches du roi Frédéric II à son ambassadeur le comte Solms à St.-Petersbourg depuis l'année 1769—1779.

²⁾ Подъ названіемъ état présent de la question, стр. 3—67.

³⁾ 69 страницъ особой нумераціи.

⁴⁾ Ibid., 4—5.

⁵⁾ Ibid., 30.

⁶⁾ I. c., I, 37.

⁷⁾ Ibid., I, 37—43. Сочиненіе это мы рассмотрѣли выше.

⁸⁾ Coxe. History of the house of Austria (въм. переводъ 1817 г.). Wrazall. Memoirs of the courts of Berlin, Dresden, Warsaw and Vienna in the years

авторъ разбираетъ разказы—Германна, основанные на документахъ дрезденскаго архива ¹⁾, и Курда-фонъ-Шлѣцера, черпавшаго свой матеріалъ въ архивѣ прусскаго посольства въ Петербургѣ. Что касается до документовъ, напечатанныхъ самимъ Смиттомъ, то они были извлечены имъ изъ нашего архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Это письма и депеши Фридриха II къ своему послу въ Петербургѣ гр. Сольмсу, собственноручно переписанныя послѣднимъ и переданныя въ такихъ копияхъ гр. Панину. Одинъ изъ позднѣйшихъ историковъ перваго раздѣла Польши основательно высказываетъ недоумѣніе по поводу того, что авторъ, коему были доступны русскіе матеріалы, не сообщаетъ въ своемъ изданіи ни одного документа, характеризующаго собственно русскую политику во всемъ дѣлѣ ²⁾.

Вторая глава текста въ книгѣ Смитта обозначена, какъ отвѣтъ на вопросъ, коему посвящена первая глава (*Frédéric II, ou la solution*, стр. 71—162). Въ этой главѣ разказывается о томъ, что дѣлалъ Фридрихъ Великій для того, чтобы получить столь необходимую для него западную Пруссію „Оба государя, то-есть, Екатерина II и Фридрихъ II“, говоритъ Смиттъ, — „имѣли свои тайные виды, которые они скрывали другъ отъ друга: Екатерина хотѣла оказывать господствующее вліяніе въ Польшѣ; Фридрихъ хотѣлъ расчленивъ часть Польши; оба нуждались во взаимной поддержкѣ противъ другихъ соперничающихъ державъ... Фридрихъ включилъ въ новый трактатъ, бывшій только передѣлкою заключеннаго ранѣе съ Петромъ III ³⁾, два важныхъ пункта: 1) о поддержкѣ конституціи Польши, какъ избирательнаго королевства, и 2) о диссидентахъ. Такъ какъ эти два пункта совершенно соотвѣтствовали тайнымъ видамъ императрицы, она не сдѣлала противъ нихъ никакихъ возраженій, и оба государя сообща наблюдали, но съ задними мыслями противоположнаго свойства, чтобы эти пункты были соблюдаемы ⁴⁾. Различіе было однако въ томъ, что Пруссійскій король и слышать не хотѣлъ въ послѣдствіи о какихъ бы то ни было перемѣнахъ въ польской конституціи, тогда какъ русскій кабинетъ, на оборотъ, не противился нѣкоторымъ измѣненіямъ въ

1777—1779. London. 1800. *St. Priest. Études diplomatiques et littéraires*. P. 1850. *Gross-Hoffinger. Lebens-und Regierungs Geschichte Joseph's des II.* Stuttgart. 1837—1839.

¹⁾ *Hermann. Geschichte des russischen Staates* V томъ.

²⁾ *Adolf Beer. Die erste Theilung Polens*. Wien. 1073. I, Vorwort, V.

³⁾ Трактатъ этотъ помѣщенъ у Смитта на стр. 157—165 первой части.

⁴⁾ *Ibid.*, I, 85—86.

этой конституціи¹⁾: въ Польшѣ въ это время и Станиславъ-Августъ, и Чарторьскіе носились съ идеей „постояннаго совѣта“, введеннаго впоследствии въ Рѣчи Посполитой, именно послѣ перваго раздѣла и какъ разъ при содѣйствіи Россіи, и Екатерина съ самаго начала ничего не имѣла противъ этого, но Фридрихъ II воспротивился самымъ рѣшительнымъ образомъ²⁾. Рѣчь о „постоянномъ совѣтѣ“ замолкла, такъ что онъ могъ быть установленъ только послѣ перваго раздѣла, когда Фридрихъ, достигнувъ своей цѣли, не былъ болѣе такъ суровъ. Что касается до диссидентскаго дѣла, — конечно, оно велось преимущественно Россіей³⁾, но и въ него, по мнѣнію Смитта, втокнулъ русскую политику Фридрихъ II къ вышней выгодѣ собственнаго дѣла. „Непосредственно“, говоритъ авторъ, — „послѣ заключенія союзнаго договора 11-го апрѣля 1764 г. съ императрицей, въ коемъ король помѣстилъ и секретный параграфъ о диссидентахъ, находившіяхся въ трактатѣ съ Петромъ III, онъ просилъ для нихъ, черезъ своего посланника Сольмса, у императрицы Екатерины покровительства и помощи, когда она едва только получила престолъ и была занята главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы на немъ укрѣпиться и установить политическія отношенія къ сосѣднимъ государствамъ. Доселѣ она обращала свое вниманіе на Польшу лишь по столько, по сколько дѣло шло о помѣщеніи на тронѣ Пяста и вмѣстѣ съ тѣмъ сторонника Россіи. Диссидентское дѣло, которое тогда еще не было начато, было едва ей извѣстно и мало ее занимало, когда Фридрихъ сдѣлалъ попытку заставить ее принять это дѣло близко къ сердцу“⁴⁾. Затѣмъ все пошло такъ, какъ было желательно Прусскому королю: самолюбіе Русской императрицы было задѣто неудачей ея заступничества за диссидентовъ, а въ Рѣчи Посполитой были посѣяны сѣмена обострившагося религіознаго раздора. Свой разказъ о политикѣ Фридриха II въ послѣдующихъ событіяхъ авторъ заключаетъ такимъ образомъ: „Тотъ, кто составилъ проектъ и былъ главнымъ двигателемъ раздѣла, былъ всегда и теперь остается Фридрихъ, и нужно удивляться ловкости, искусству, съ какимъ онъ довелъ это дѣло до конца и для достиженія своихъ плановъ привелъ къ союзу съ собою противъ ихъ собственной воли

¹⁾ Ibid., I, 96, 101 sq.

²⁾ Ibid., I, 104. Cf. Note présentée par le comte Solms, envoyé du roi de Prusse à Pétersbourg, en novembre 1767. Стр. 106—115.

³⁾ Ibid., 115.

⁴⁾ Ibid., I, 116—117.

и собственнаго интереса двѣ державы, изъ коихъ одна даже была къ нему враждебна* ¹⁾).

Одна изъ этихъ державъ, Россія, согласилась на раздѣлъ неохотно и только подъ „угрозой европейскою коалиціей“ ²⁾). Этотъ взглядъ въ настоящее время можно считать наиболѣе утвердившимся въ исторической наукѣ ³⁾).

Нѣсколько заключительныхъ страницъ Смиттъ посвящаетъ обсужденію вопроса о первомъ раздѣлѣ Польши съ нѣкоторыхъ болѣе общихъ точекъ зрѣнія. „Былъ ли раздѣлъ Польши неслыханнымъ преступленіемъ, какъ кричали поляки и французы?“—вотъ первый вопросъ, представившійся уму автора. Поляки — заинтересованная сторона, французы въ дѣлѣ не получили своей доли, и этимъ объясняется, по Смитту, такой взглядъ на дѣло, коего онъ самъ не раздѣляетъ. „Мы этого не думаемъ“, отвѣчаетъ онъ на свой вопросъ,—„и, не желая извинять самый актъ, мы находимъ смѣшнымъ, когда его представляютъ непримѣрнымъ политическимъ преступленіемъ, которое не знаютъ какъ и проклинать. Развѣ сами поляки, да вмѣстѣ съ тѣмъ и французы не дѣйствовали при случаѣ такимъ же образомъ?“ спрашиваетъ авторъ и ссылается на захватъ Червонной Руси Казиміромъ III, на присоединеніе другихъ русскихъ земель къ Литвѣ, на помощь самозванцу ради подчиненія себѣ и остальной Руси. „Время шло, дѣла приняли другой оборотъ, и какъ прежде приобрѣли, такъ теперь потеряли“ ⁴⁾). Далѣе, если Россія не хотѣла запутаться въ невылазныхъ затрудненіяхъ, то должна была уступить натиску, который на нее дѣлали; Австрія не могла отстать, ибо это было бы ей невыгодно, а у главнаго виновника было много мотивовъ, и притомъ могущественныхъ: „Salus populi suprema lex esto“ ⁵⁾). „Могущественная Пруссія“, поясняетъ Смиттъ свою прежнюю мысль,—„рядомъ съ могущественною Польшей была химерой, потому что всѣ стремленія и интересы обоихъ государствъ были диаметрально противоположны. Возможно было или усиленіе Пруссіи, или усиленіе

¹⁾ Ibid., I, 145.

²⁾ Ibid., I, 143.

³⁾ Nach den hier (въ книгѣ Смитта) mitgetheilten Dokumenten kann es keinem Zweifel mehr unterliegen, dass nicht Russland, sondern Preussen die erste Theilung Polens veranlaszt und ins Werk gesetzt habe. *J. Janssen*. Zur Genesis der ersten Theilung Polens, стр. 4.

⁴⁾ *Smitt*, I, 145—146.

⁵⁾ Ibid., 147.

Польша, имѣвшей всѣ средства для образованія могущественнаго государства. Пруссія поднялась лишь тогда, когда Польша была распространена на землѣ. Фридрихъ это понималъ, и съ той минуты главнымъ дѣломъ его усилій было препятствовать Польшѣ подняться. Съ другой стороны, приобрѣтеніе территоріи, которая отдѣляла Восточную Пруссію отъ Бранденбурга было жизненною необходимостью для прусской монархіи. Для того, чтобы она осталась на высотѣ, на какую возвелъ ее Фридрихъ, нужно было установленіе свободнаго и легкаго сообщенія между областями, изъ коихъ монархіа состояла. Во время семилѣтней войны отсутствіе этой связи дало-таки себя чувствовать. И съ точки зрѣнія права Фридрихъ могъ спросить, было ли право поляковъ на эти провинціи безусловно неопровержимо. Не были ли это раздоръ, предательство и наконецъ вооруженное вмѣшательство, которые сдѣлали ихъ господами этихъ земель? И не была ли эта страна послѣ трехлѣтнихъ усилій ее полонизировать все-таки болѣе нѣмецкою, чѣмъ польскою, по крайней мѣрѣ, въ городахъ? Установленіе сарматскаго владычества не было ли началомъ ея несчастій? Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоило только сравнить ея состояніе съ сосѣднею страню, которая прежде составляла съ нею одно и то же государство. Вездѣ въ Восточной Пруссіи царствовало полнѣйшее благоденствіе, въ Западной Пруссіи—глубокій упадокъ ¹⁾... Умственное и особенно религіозное, равно какъ матеріальное, угнетеніе тяготѣло надъ этой страню. Въ такомъ случаѣ ея отдѣленіе отъ Польши и присоединеніе къ Пруссіи было для нея нѣкоторымъ образомъ истиннымъ благодѣяніемъ, новою эрою жизни и благополучія. И это говоритъ за Фридриха. Въ чемъ можно его упрекнуть, такъ это въ его образѣ дѣйствій, хитромъ, притворномъ и двусмысленномъ, болѣе раздражающемъ, чѣмъ мѣра насильственная, но открытая и прямая. Онъ сдѣлался лисицей, когда былъ львомъ. Впрочемъ, можно сказать мимоходомъ въ его оправданіе, и левъ, будучи львомъ, не можетъ всегда сдѣлать то, что захочетъ! ²⁾ „Наконецъ“, говоритъ еще Смиттъ,—„поляки должны и себи считать виновниками своего несчастья, ибо они вызвали и нѣкоторымъ образомъ оправдали эти насильственные мѣры состояніемъ анархіи, въ какомъ находились. А между тѣмъ ихъ судьба была имъ предсказана болѣе чѣмъ за сто лѣтъ ихъ королемъ Яномъ Казиміромъ, но они не обра-

¹⁾ Ibid., I, 148—149.

²⁾ Ibid., I, 150.

тили на это вниманія и не постарались извлечь отсюда для себя пользу и исправиться. Нужно было, чтобы несчастье постигло ихъ среди глубокой безопасности, дабы они проснулись. Они имѣли всѣ средства быть сильными и могущественными, и они остались слабыми и безсильными, потому что слушались только голоса своего эгоизма... Польша погибла вслѣдствіе презрѣннаго эгоизма и раздора, вслѣдствіе нетерпимости, деспотизма духовенства и интригъ іезуитовъ, наконецъ, вслѣдствіе своего глубокаго умственнаго, нравственнаго и политическаго упадка" ¹⁾). Общій выводъ Смитта таковъ: „Первый раздѣлъ Польши былъ скорѣе благодѣяніемъ для націи, ибо онъ извлекъ ее изъ ея летаргіи, чтобы призвать ее къ новой жизни. Для сосѣднихъ странъ онъ былъ, съ одной стороны, политической необходимостью, а съ другой—средствомъ избѣжать большаго зла, общаго пожара со всѣми его бѣдствіями" ²⁾). Авторъ ссылается на примѣръ Германіи: у нея Франція отняла лѣвый берегъ Рейна, но это послужило только къ паденію мелкодержавія и развитію въ остальной части лучшаго существованія, что сообщило нѣмцамъ силу возвратитъ себѣ утраченное. „И съ Польшей было бы то же самое, еслибы послѣ раздѣла нація дозволила вести себя мудрой политикѣ болѣе, нежели увлеченію страстей“. Въ подстрочномъ примѣчаніи къ этимъ словамъ авторъ прибавляетъ: „Мы старались это доказать въ другомъ сочиненіи, изданномъ въ Германіи въ 1858 г. подъ заглавіемъ: Суворовъ и паденіе Польши" ³⁾).

Такимъ образомъ въ обоихъ сочиненіяхъ Смитта проводится одна и та же идея, и соображенія, высказанныя имъ во второмъ изъ нихъ, еще болѣе роднятъ его съ Зибелемъ: и тутъ при объясненіи причинъ паденія Польши поставлены на первомъ планѣ внутренняя неурядица и прусская политика, для которой находится и оправданіе. Отличіе отъ Зибеля въ томъ, что Смиттъ сумѣлъ соединить защиту интересовъ „средней Европы" съ оправданіемъ русской политики. Въ этомъ заключается то, что можно назвать русскимъ направленіемъ его историческихъ трудовъ: Смиттъ успѣшно снимаетъ обвиненія, тяготѣвшія надъ русской политикой XVIII вѣка, но совсѣмъ однако не видитъ, что права Россіи на взятое ею у Рѣчи Посполитой имѣли свою основу въ національномъ тяготѣніи русскихъ областей польскаго

¹⁾ Ibid., 150—151.

²⁾ Ibid., I, 151.

³⁾ Ibid., I, 152.

государства въ Россіи. Все значеніе послѣдняго обстоятельства пришлось выяснитъ только русскимъ публицистамъ и историкамъ.

Въ 1865 году франкфуртскій (на Майнѣ) профессоръ исторіи Іоганнъ Янссенъ, прославившійся въ послѣднее время, благодаря своему капитальному труду „Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgange des Mittelalters“, издалъ небольшую книгу: „Къ генезису перваго раздѣла Польши“¹⁾. На эту работу авторъ былъ наведенъ занятіями въ ватиканскомъ тайномъ архивѣ, начальникъ коего Августинъ Тейнеръ готовилъ къ печати въ это же время четвертый томъ своихъ „Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae“ заключающій въ себѣ донесенія папскихъ нунціевъ съ 1697 по 1775. Янссенъ нашелъ извѣстія относительно перваго раздѣла Польши, принадлежавшія папской дипломатіи, весьма важными и воспользовался ими для особой работы о первомъ раздѣлѣ, поставилъ ей, какъ самъ онъ говоритъ, цѣль чисто историческую безъ всякой примѣси политики и полемики²⁾. Книга состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: въ первомъ идетъ рѣчь о внутреннихъ отношеніяхъ въ Польшѣ и о разныхъ проектахъ ея раздѣловъ съ 1656 г. до русско-прусскаго союза 1764 г.; во второмъ изображается безсиліе Польши со времени заключенія русско-прусскаго союза до барской конфедерации; третій отдѣлъ занятъ изложеніемъ исторіи этой конфедерации до русско-прусскаго договора о раздѣлѣ; наконецъ, четвертый отдѣлъ посвященъ самому раздѣлу и сейму, его утвердившему. Внутреннихъ отношеній Рѣчи Посполитой Янссенъ касается весьма кратко³⁾, и почти все начало сочиненія разсматриваетъ различные проекты дѣлежя Польши между сосѣдями. Историки эпохи вообще указываютъ на эти проекты, но никто, кажется, не излагалъ ихъ столь подробно, по крайней мѣрѣ, относительно, какъ Янссенъ. Въ связи съ этимъ предметомъ онъ излагаетъ „польскую политику“ Россіи съ Петра Великаго⁴⁾: по его представ-

¹⁾ *Dr. Johannes Janssen. Zur Genesis der ersten Theilung Polens. Freiburg im Breisgau. 1865.* Тому же автору принадлежитъ еще брошюра *Russland und Polen vor hundert Jahren. Frankfurth. 1865.*

²⁾ *Vorliegende Arbeit hat nicht einen politischen, noch weniger einen polemischen, sondern einen lediglich historischen Zweck. Ibid., 1.* Ohne alle Rücksicht auf politische Verhältnisse und politische Fragen der Gegenwart wollte ich die vergangenen Dingen so darstellen, wie ich nach bester Ueberzeugung glaube, dass sie sich wirklich zugetragen, 5.

³⁾ *Ibid., 6—9.*

⁴⁾ *Ibid., 20 sqq.*

ленію, Россія стремилась подчинить себѣ Польшу, нбо хотѣла пользоваться преобладающимъ вліяніемъ въ Германіи, и съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Петра это сдѣлалось главною цѣлью политики Россіи¹⁾. Онѣ думаетъ, кромѣ того, что Польша, которая прежде оберегала весь Западъ и особенно Германію отъ монголовъ и турокъ, должна была оберегать ихъ отъ „полувосточно-варварской“ Россіи, а потому возрожденіе Польши, коему мѣшала русская политика, должно было бы принести великую пользу всему Западу вообще и Германіи въ особенности²⁾. О диктатурѣ надъ Европой особенно помышляла Екатерина II, поставившая своею жизненною задачею подчинить себѣ Польшу³⁾. Диссидентскій вопросъ былъ въ рукахъ Русской императрицы и средствомъ производить смуты въ Польшѣ, и поводомъ ко вмѣшательству въ ея внутреннія дѣла⁴⁾. Въ извѣстномъ договорѣ Екатерины и Фридриха 11 апрѣля 1764 года Янссенъ видитъ смертный приговоръ Польши⁵⁾. Для католическаго автора подъ видомъ религіозной терпимости въ требованіи Екатерины скрывалось обращеніе Польши въ „схизму“, „die Schismatisirung Polens“⁶⁾. „Европа“, восклицаетъ онѣ,—„переживала по истинѣ удивительное зрѣлище. Екатерина II, признававшая протестантизмъ для Россіи опаснымъ съ государственной точки зрѣнія и запрещавшая русскимъ католикамъ съ кровавою жестокостью исполненіе ихъ религіи, и Фридрихъ II, который въ католической Силезіи исключилъ всѣхъ католиковъ изъ высшихъ должностей, хотѣли даровать въ католической Польшѣ не католическому дворянству всѣ политическія права, всѣ права верховенства католическаго дворянства“⁷⁾. Авторъ раздражается цѣлою діатрибой по поводу диссидентскаго вопроса, употребляя, напримѣръ, такіе аргументы, что и диссидентовъ-то въ Польшѣ была всего сотня другая-третья семействъ (einige wenige hundert Familien!), которымъ притомъ и жилось превосходно!⁸⁾. Далѣе авторъ указываетъ на то, что, требуя

¹⁾ Ibid., 20, 26.

²⁾ Ibid., 28.

³⁾ Ibid., 34. sq.

⁴⁾ Ibid., 45. Авторъ не соглашается съ мнѣніемъ Смитта, что въ диссидентскомъ вопросѣ инициатива принадлежала Фридриху II. Стр. 39, примѣч.

⁵⁾ Ibid., 44.

⁶⁾ Ibid., 54.

⁷⁾ Ibid., 55.

⁸⁾ Ibid., 56—57. Авторъ ссылается на полемическую Réponse aux remontrances de messieurs les dissidents, приведенную у Theiner'а. Малое число диссидентовъ однако существовало только среди шляхты.

допущенія католиковъ къ политическимъ правамъ, Россія и Пруссія хотѣли имѣть всегда готовую къ ихъ услугамъ партію, и если поляки не соглашались на требованіе этихъ державъ, то не изъ религіознаго фанатизма, а по политическимъ соображеніямъ ¹⁾. Что касается до „схизматизаціи Польши“, то по представленію автора, обращеніе униатовъ въ „схизму“ происходило уже въ срединѣ шестидесятихъ годовъ при помощи русскихъ казаковъ ²⁾. Мало того: Екатеринѣ буквально приписывается желаніе и намѣреніе „искоренить въ Польшѣ католическую церковь и тѣмъ осуществить полное уничтоженіе польской національности“! ³⁾ Барская конфедерація и образовалась на защиту вѣры ⁴⁾. Однако съ его точки зрѣнія война, начатая конфедераціей, не была религіозною, тогда какъ „Екатерина, напротивъ, провозгласила религіозную войну“, призвавъ „дикія орды запорожскихъ казаковъ и гайдамаковъ къ борьбѣ противъ поляковъ и разнуздавши религіозный фанатизмъ in einem gräßlichen Mordedikt“, а этотъ эдиктъ—подложный манифестъ Екатерины, повелѣвавшій избивать поляковъ, есендзовъ и евреевъ! ⁵⁾ Это даетъ Янссену поводъ обрушиться на „философію XVIII вѣка“. Факты и взглядъ на тогдашнія событія онъ заимствовалъ изъ донесеній папскаго пунція, въ которыхъ все, конечно, представлено съ особой точки зрѣнія: и не мудроно, что этимъ донесеніямъ авторъ отдаетъ предпочтеніе, сравнительно съ реляціями англійскихъ, французскихъ и саксонскихъ дипломатовъ ⁶⁾.

Когда въ книгѣ изложеніе доводится до переговоровъ относительно перваго раздѣла, ставится вопросъ: почему Россія сначала на него не соглашалась? Отвѣтъ дается тотъ, что уже Петръ Великій помышлялъ о господствѣ надъ всею Польшей, и что Екатерина точно также стояла на этомъ съ тѣхъ поръ, какъ ея кандидатъ сталъ Польскимъ королемъ, и вообще эта сторона дѣла обставлена у Янсена весьма хорошо ⁷⁾. Екатерина пошла на раздѣлъ только подъ давленіемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ ⁸⁾. Раздѣлъ со-

¹⁾ Ibid., 57—58.

²⁾ Ibid., 54, 59, 116. Нужно замѣтить, что Янссенъ не одобряетъ поведеніе поляковъ-католиковъ по отношенію къ униатамъ. 60. То же самое мы встрѣтимъ и у другаго католическаго историка (ис. Калинин).

³⁾ Ibid., 90.

⁴⁾ Ibid., 93.

⁵⁾ Помѣщенъ у *d'Angeberg*. I, 61—62.

⁶⁾ *Janssen*, 2.

⁷⁾ Ibid., 126—127.

⁸⁾ Ibid., 140—141.

вершился ¹⁾, и диссиденты, по словамъ Янсена, были брошены, правами ихъ было пожертвовано. Къ этому замѣчанію авторъ прибавляетъ: „предавая диссидентовъ, Екатерина, продолжала въ присоединенныхъ провинціяхъ кровавое преслѣдованіе греко-уніатскихъ церквей, и въ ея царствованіе болѣе двухъ милліоновъ католиковъ было обращено въ «схизму» кнутаомъ, тюрьмой и ссылкой“ ²⁾. Это говорится объ Екатеринѣ, которая поддерживала въ Бѣлоруссіи іезуитовъ, которую нѣкоторые русскіе писатели даже упрекаютъ въ томъ, что она долгое время мѣшала возвращенію уніатовъ въ православіе по ложно понятому принципу свободы совѣсти ³⁾, да и одинъ изъ новѣйшихъ польскихъ историковъ, самъ католикъ и даже есендзъ, говоритъ, что „достаточно было одного указа Екатерины, чтобъ унія чуть не сразу исчезла въ Руси“ ⁴⁾.

Такимъ образомъ, при всемъ своемъ желаніи писать только одну исторію безъ всякой полемики, Янсень не удержался на научной высотѣ, и религиозныя отношенія Польши представлены у него въ невѣрномъ свѣтѣ: ему осталось неизвѣстнымъ количество (приблизительное, конечно) „схизматиковъ“ въ Польшѣ, осталось неизвѣстнымъ, на сколько русскій народъ былъ привязанъ къ уніи, и имъ невѣрно представлены какъ отношеніе Екатерины къ католицизму, такъ и способъ уничтоженія уніи.

За то Янсень совершенно вѣрно понимаетъ причину неудачи, постигшей конфедератовъ. „Польская національная борьба“, говоритъ онъ, — „не была, какъ борьба испанцевъ, тиролецевъ и всей Германіи (противъ французовъ), борьбою всего народа, но только борьбой того сословія, которое дотолѣ одно себя признавало въ Польшѣ за націю, — борьбою дворянства. Въ этомъ лежала причина слабости и неудачи. Горожане оставались спокойными зрителями, и еще менѣе того наруживали охоты поработенные крестьяне взяться за мечъ ради своихъ господъ: участіе горожанъ и крестьянъ Польши въ этой борьбѣ выразилось лишь въ страшныхъ страданіяхъ, какимъ они подвергались“ ⁵⁾. Въ концѣ книги авторъ изображаетъ еще испор-

¹⁾ Янсень подробно разказываетъ ходъ переговоровъ.

²⁾ Ibid., 184.

³⁾ *Колловичъ*. Исторія русскаго самосознанія. С.-Пб. 1884. Стр. 387. См. у насъ въ гл. V.

⁴⁾ *Kalinka*. Seim czteroletni. I, 442. Ср. ниже, гл. VII.

⁵⁾ Ibid., 108.

ченность польскаго общества въ эпоху перваго раздѣла ¹⁾, и это какъ-то не гармонируетъ съ его похвалами барской конфедерации, бывшей костью отъ костей и плотью отъ плоти того же общества.

Гораздо позднѣе предпринято было что-либо со стороны австрійскихъ писателей для освѣщенія эпохи польскихъ раздѣловъ новымъ матеріаломъ, который можно было найти въ вѣнскомъ архивѣ, хотя нѣкоторые лица и предполагали, что этотъ матеріалъ долженъ былъ бы выставить австрійскую политику въ благопріятномъ для нея свѣтѣ ²⁾. Первымъ важнымъ сочиненіемъ, въ коемъ были утилизированы австрійскіе документы, былъ „Первый раздѣлъ Польши“ Адольфа Беера, и къ нему мы теперь и перейдемъ.

Сочиненіе Беера о первомъ раздѣлѣ Польши, изданное въ 1873 г., состоитъ изъ двухъ томовъ (страницъ по 320—350 и нѣсколько меньшаго объема сборника документовъ ³⁾). Предисловіе къ этому историческому труду помѣчено 5-мъ августа 1872 г., въ столѣтнюю годовщину соглашенія Россіи, Австріи и Пруссіи относительно перваго раздѣла Польши. Съ того времени, говоритъ авторъ,—историческая наука не переставала дѣлать попытки разсвѣтать таинственный мракъ, окружающій переговоры означенныхъ державъ, и не смотря на всѣ ея усилія, дѣло остается во многихъ отношеніяхъ неяснымъ ⁴⁾. „Пруссіе историки“, продолжаетъ онъ,—„ограничивались въ сущности изображеніемъ важнѣйшихъ событій и старались лишить силы обвиненіе, по которому главнымъ виновникомъ былъ Фридрихъ. Достойно замѣчанія, что имъ плохо вѣрили, и что въ послѣднія десятилѣтія все болѣе и болѣе укрѣплялся взглядъ, что главнымъ образомъ именно Фридрихъ направлялъ ходъ раздѣла, и не искаженное изданіе королевскихъ заявленій казалось только подтверждало это мнѣніе“ ⁵⁾. Соловьева, писавшаго о паденіи Польши по русскимъ источникамъ, Бееръ обвиняетъ въ томъ, что онъ пользуется своимъ матеріаломъ „главнымъ образомъ для изложенія вну-

¹⁾ Ibid., 182.

²⁾ *Георгъ Вайцъ* въ статьѣ по поводу втораго соч. Смитта (*Neue Mittheilungen über die erste Theilung Polens* въ VI томѣ *Hist. Zeitschrift Zibella* за 1861) говоритъ: „es ist sehr wahrscheinlich wie schon öfters bemerkt, dass eine solche Mittheilung (изъ австр. арх.) die Dinge nur günstiger für den betreffenden Staat wird erscheinen lassen, als die bisherige Annahme war“, стр. 2.

³⁾ *Adolf Beer*. Die erste Theilung Polens. Wien. 1873.

⁴⁾ Ibid., I, Vorwort, III.

⁵⁾ Ibid., IV.

треннихъ отношеній Рѣчи Посполитой, чтобы объяснить и, гдѣ можно, оправдать поведеніе Россіи, и съ достойною удивленія ловкостью едва задѣваетъ самый важный пунктъ" ¹⁾). Не удовлетворенный прежними обработками вопроса и изданіями источниковъ ²⁾, авторъ предпринялъ поиски въ вѣнскомъ, берлинскомъ и дрезденскомъ архивахъ, и результатомъ этой работы явилось его сочиненіе. По его собственнымъ словамъ, польская политика Россіи для него все-таки представляетъ нѣкоторыя загадки, хотя, прибавляетъ онъ, ея стремленія совершенно понятны. Относительно прусской политики у Беера нѣтъ никакихъ сомнѣній. „Что же касается до австрійской“, говоритъ онъ,—„въ своей работѣ, думаю я, я далъ совершенно ясное указаніе на ея мѣсто въ этомъ вопросѣ“ ³⁾). Въ общемъ онъ находитъ, что слѣдуетъ принять за основу показанія самого Фридриха II, ибо они находятъ подтвержденіе,—и раздѣляетъ поэтому взглядъ Ранке ⁴⁾).

Таково содержаніе предисловія къ труду Беера. Изъ него видно, что на первомъ планѣ у автора стоитъ внѣшняя, дипломатическая сторона исторіи перваго польскаго раздѣла. Изъ пятнадцати главъ, на которыя распадается его сочиненіе ⁵⁾, исторіи самой Польши посвящено лишь пять главъ, а именно тѣ, гдѣ говорится о прошломъ Польши, объ избраніи Станислава Августа и первыхъ годахъ его правленія, о барской конфедераціи (и то не вся глава) и о переговорахъ въ Варшавѣ, да и изъ тѣхъ только двѣ разсматриваютъ одни внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой.

Авторъ самъ облегчаетъ намъ ознакомленіе съ общимъ взглядомъ всего труда, излагая на послѣднихъ семи страницахъ II-го тома

¹⁾ Ibid., VI. Между тѣмъ польскіе историки называютъ Соловьева безпристрастнымъ (см. ниже).

²⁾ Авторъ упоминаетъ еще о *Hermann's* (стр. IV) и *Janssen's* (стр. IV).

³⁾ Ibid. VII.

⁴⁾ Der grösste historiker der Gegenwart hat in dieser Frage seinen intuitiven Scharfsinn bewiesen, стр. VIII.

⁵⁾ 1. Послѣ Семилѣтней войны. 2. Взглядъ на прошлое Польши. 3. Русско-прусскій союзъ. 4. Избраніе Станислава-Августа. 5. Первые годы правленія Станислава-Августа. 6. Барская конфедерація и турецкая война. 7. Австрія и Пруссія. 8. Австро-прусское посредничество и нейштадтское свиданіе. 9. Австро-турецкій договоръ. 10. Происхожденіе раздѣла. 11. Колебанія вѣнской политики. 12. Петербургскій трактатъ о раздѣлѣ. 13. Переговоры въ Варшавѣ. 14. Окончаніе турецкой войны. 15. Регулированіе границъ.

главнѣйшія свои соображенія. Здѣсь онъ начинаетъ съ указанія на то, что фактъ союза трехъ державъ, чтобы вынудить у четвертаго государства территориальныя уступки, былъ слѣдствіемъ полного разложенія европейской системы государствъ во второй половинѣ XVIII вѣка и обусловленной этимъ бездѣятельности постороннихъ раздѣлу державъ ¹⁾. Далѣе разсматривается поведеніе Австріи, Россіи и Пруссіи. Первая, по представленію Беера, въ лицѣ Маріи-Терезіи, готова была возвратити Рѣчи Посполитой свою часть, еслибы также поступили Россія и Пруссія, ибо императрица, которой претяло все дѣло, только послѣ долгой борьбы сдалась на „софистическіе доводы своего государственнаго канцлера“ и не устояла противъ далеко „не кроткаго поведенія своего собственнаго сына“ ²⁾. Россія получала область съ большинствомъ населенія, тяготѣвшимъ къ этому государству по религіознымъ причинамъ, и положеніе Екатерины заставляло ее вступаться за это населеніе. Кромѣ того, въ Петербургѣ для болѣе успѣшнаго движенія на западъ Европы стремились къ полному подчиненію Польши, оставляя ей тѣнь независимости. Этому помѣшали внутреннія отношенія Рѣчи Посполитой и внѣшнія политическія обстоятельства, и Россія рѣшилась взять въ свои руки инициативу сдѣлки съ двумя сосѣдними державами. Для Пруссіи приобрѣтеніе области, доставшейся ей по первому раздѣлу, было необходимою. Дѣло заключалось не въ возвращеніи нѣмцамъ земли, отнятой у нихъ Польшею, а въ чрезполосности прусской монархіи ³⁾. „По самой сущности дѣла“, продолжаетъ авторъ,—„должна была возгорѣться ожесточенная борьба за этотъ кусокъ (отдѣлявшій Померанію и Бранденбургъ отъ собственной Пруссіи), и Фридрихъ болѣе ничего не сдѣлалъ, какъ воспользовался благопріятнымъ моментомъ, чтобы добыть достойнымъ удивленія дипломатическимъ искусствомъ то, что въ другое время пришлось бы приобрѣтать остриемъ меча. Между Пруссіей и Рѣчью Посполитой была въ этомъ борьба не на животь, а на смерть, и, какъ тогда слагались обстоятельства, ставился вопросъ и о томъ, Пруссіи или Россіи стать твердою ногою на этомъ побережьѣ Балтійскаго моря“. Другое дѣло—Австрія: авторъ сомнѣ-

¹⁾ Ibid., II, 313 sq.

²⁾ Ibid., II, 315. Сопротивленіе исходило не изъ политическихъ мотивовъ, но авторъ находитъ, что и съ политической точки зрѣнія участіе Австріи въ раздѣлъ было ошибкой съ ея стороны, 316. См. ниже.

³⁾ Ibid., II, 316. Намекъ на точку зрѣнія Зибеля.

вается въ томъ, было ли для нея только выгодно приобрѣтеніе польской территоріи. Это государство долго предпочитало вознаградить себя за увеличеніе сосѣднихъ государствъ на счетъ Порты или возвращеніемъ Силезіи, и въ этомъ Бееръ видитъ доказательство того, что „Австріи вовсе не нужна была польская земля сама по себѣ“ ¹⁾. Наконецъ, авторъ указываетъ на то, что раздѣлъ Польши былъ бы невозможенъ, еслибы само это государство не было въ полномъ разложеніи и тѣмъ еще раньше не вызывало въ сосѣдяхъ мысли о раздѣлѣ. „Уже въ теченіи столѣтій рѣшали иностранцы судьбу королевской республики, и сами поляки спасенія ждали только отъ иностранцевъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣдніе и вѣдрались въ страну. Такъ называемая самостоятельность и независимость Польши была уже давно пріятнымъ сномъ, находившимся въ рѣзкомъ противорѣчій съ печальною дѣйствительностью. Неумолимый естественный законъ господствуетъ во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни, и въ политической, и въ соціальной. Если гдѣ можно примѣнить глубокомысленнѣйшее изреченіе, то именно здѣсь: *die Weltgeschichte ist das Weltgericht*“ ²⁾.

Изъ сдѣланнаго нами обзора работы Беера читатель можетъ видѣть, что въ отношеніи общихъ идей сочиненіе это, весьма почтенное по вложенному въ него архивному матеріалу, не отличается особою оригинальностью, и что въ немъ довольно ясно сквозитъ австрійская тенденція, стремленіе выдвинуть на первый планъ „отвращеніе“, съ какимъ Марія-Терезія относилась къ раздѣлу Польши. Прусская политика, не возбуждающая у Беера никакихъ сомнѣній, и русская, вызывающая у него, на оборотъ, нѣкоторое недомѣніе, представлены вѣрно въ томъ смыслѣ, что для Фридриха II было дѣломъ необходимости устранить черезполосицу между Бранденбургомъ и восточной Пруссіей, тогда какъ Екатерина, дѣйствительно, хо-

¹⁾ Ibid., II, 317.

²⁾ Ibid., II, 318—319. II гл. (Rückblicke auf Polens Vergangenheit, т. I, стр. 32—56), гдѣ авторъ излагаетъ разложеніе Польши, не включаетъ въ себѣ ничего оригинальнаго. Авторъ пользовался исторіей Польши *Karo (Caro)*, соч. Гюлье о польскомъ государственномъ и общественномъ устройствѣ, кое-чѣмъ изъ Делевеля и Ходзько, а также и общими сочиненіями. V гл., разсматривающая внутреннюю исторію Польши въ началѣ царствованія Станислава Августа (*Die ersten Regierungsjahre Stanislaus August's*, т. I, 175—225), написана на основаніи отчасти и архивныхъ (главнымъ образомъ вѣнскихъ) данныхъ: кромѣ того, здѣсь, какъ и во всемъ сочиненіи, много ссылокъ на *Forschungen zur deutschen Geschichte Heuser (Häusser)*.

тѣла держать безраздѣльную и по внѣшности независимую Польшу подъ своимъ протекторатомъ.

Для освѣщенія австрійской политики въ польскихъ раздѣлахъ не мало было сдѣлано Альфредомъ фонъ-Арнетомъ, неутомимымъ собирателемъ историческаго матеріала и изслѣдователемъ австрійской исторіи ¹⁾). Въ данномъ вопросѣ мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ его десяти томную исторію Маріи-Терезіи ²⁾ и особенно послѣдній отдѣлъ ея, изъ четырехъ томовъ, носящій названіе „Послѣднее время правленія Маріи Терезіи ³⁾“. Во второмъ томѣ этого отдѣла разсматривается эпоха перваго польскаго раздѣла, при чемъ авторъ сначала касается отношенія вѣнскаго двора къ избранію преемника Августу III ⁴⁾, первоначальнаго сопротивленія Маріи-Терезіи какому бы то ни было раздѣлу Польши ⁵⁾, о которомъ помышляла и Саксонія ⁶⁾, и т. д. и осуждаетъ антидиссидентскую и охранительную по отношенію къ *liberum veto* политику Маріи Терезіи ⁷⁾: *liberum veto* было полезно для Россіи, а потому для Австріи оно было вредно, говоритъ Арнетъ ⁸⁾; что же касается до ея отношенія къ диссидентскому вопросу, то авторъ и вообще ставитъ на видъ конфессіональный характеръ австрійской политики ⁹⁾. Польскимъ планамъ Фридриха II, вызванной ими борьбѣ мнѣній въ Вѣнѣ, трактату о раздѣлѣ Польши и согласію послѣдней на этотъ раздѣлъ Арнетъ посвящаетъ четыре главы ¹⁰⁾. Окончательное отношеніе Маріи Терезіи ко всему дѣлу, по его представленію, было двойственное: соглашаясь на раздѣлъ Польши съ болью въ сердцѣ, императрица не упустила изъ

¹⁾ *Alfred Ritter von Arneth* издалъ переписку Маріи-Терезіи и Маріи-Антуанеты (1866 г. 2-е изд.), Маріи-Антуанеты, Юсефа II и Леопольда II (1866), Юсефа II и Екатерины II (1869), Юсефа II и Леопольда Тосканскаго (1872).

²⁾ *A. v. Arneth. Geschichte Maria Theresia's. Wien. 1863—1879.*

³⁾ *Maria Theresia's letzte Regierungzeit.* Цитировать мы будемъ по счету томовъ этого отдѣла.

⁴⁾ *Ibid.*, II, 30 sq.

⁵⁾ *Ibid.*, II, 38 sq.

⁶⁾ *Ibid.*, II, 37.

⁷⁾ *Ibid.*, II, 63—64, 122 sq. Арнетъ, говоря о сопротивленіи Пруссіи и Россіи реформамъ въ Польшѣ, замѣчаетъ, что противъ нихъ особенно была русская императрица.

⁸⁾ *Was Russland in Polen zum Nutzen gereichte, war Oesterreich zum Schaden.* II, 123.

⁹⁾ *Ibid.*, II, 2 sq.

¹⁰⁾ *Ibid.*, II, 293 sq., 361 sq., 395—426.

ЧАСТЬ ССЛXII, ОТД. 2.

виду тѣхъ выгодъ, какія могло принести монархіи новое пріобрѣтеніе ¹⁾). Тѣмъ не менѣе инициатива принадлежитъ не Австріи: сначала, говоритъ авторъ,—никто не сомнѣвался относительно истиннаго виновника раздѣла (то-есть, Фридриха II), но потомъ вздумали его обѣдять, сваливая вину на Австрію, которая захватомъ Ципса прежде всего внушила подобную мысль Екатеринѣ II, а потомъ уже Фридриху II ²⁾). Автору не стоило ничего разбить такое представленіе дѣла. Съ другой стороны, онъ не соглашается съ Бееромъ, утверждавшимъ, что пріобрѣтеніе Галиціи принесло Австріи болѣе вреда, чѣмъ пользы ³⁾, и „еслибы“, думаетъ онъ,—„Польша сохранилась во всей своей неприкосновенности до нашихъ дней, то изъ этого произошли бы несомнѣнно выгодныя политическія слѣдствія для Австріи. Но“, прибавляетъ онъ,—„еслибы Польша досталась по кускамъ вся Пруссіи и Россіи, а Австрія осталась бы съ пустыми руками, то въ этомъ для послѣдняго государства была бы неизмѣримая потеря“ ⁴⁾). Такова чисто австрійская точка зрѣнія: у Россіи и Пруссіи были съ Польшею національныя и религіозныя счеты, коими историки обоихъ государствъ оправдываютъ раздѣлы Польши, а для австрійскаго историка все оправданіе въ томъ, что Австріи было выгодно не отстать отъ другихъ, и что полученныя ею земли выиграли отъ перехода подъ ея власть ⁵⁾),—точка зрѣнія, на которую становятся и прусскіе историки ⁶⁾). Замѣтимъ, что въ своемъ разсужденіи о главномъ виновникѣ польскаго раздѣла Арнетъ имѣетъ въ виду Ранке, который выразилъ именно такую мысль, противъ какой направлено все указанное мѣсто у австрійскаго историка. „Несправедливо, было бы“, говоритъ Ранке,—„смотрѣть на Фридриха, какъ на перваго виновника об-

¹⁾ Ibid., II, 391. Изъ „кабинетъ-архива“ Арнетъ приводитъ интересную записочку Маріи-Терезіи къ Ласи: „le courier de petersbourg at raporté signé te malheureux partage: je vous dois a vous encore cet grand avantage, si c'est un. mais ce qui est certain que vous avez fais le plan et avoit osée demander tant et par la procurée a l'etat ce bien, sans avoir trempé dans la question si cela est juste ou non, 605. Мы сохранили и орфографію документа. Арнетъ вообще оправдываетъ поведеніе Маріи Терезіи и съ нравственной стороны, 531.

²⁾ Ibid., II, 391—392.

³⁾ Beer, II, 316—317.

⁴⁾ Arneth, II., 532.

⁵⁾ Ibid., II, 533.

⁶⁾ Русскіе историки къ подобному аргументу не прибѣгаютъ, видя въ нашей политикѣ въ „возвращенныхъ“ областяхъ много темныхъ сторонъ. О Галиціи см. у Арнета т. IV, стр. 76 вѣ.

щого тремъ державамъ расширенія ихъ территорій на счетъ Польши; эта мысль, пущенная изъ Австріи (von Oesterreich veranlaszt), была принята (ist ergriffen worden) въ петербургскихъ салонахъ. Но что это приняло столь большіе размѣры и повело къ перемѣщенію политическихъ силъ на сѣверѣ и востокѣ, толчекъ къ этому, безъ сомнѣнія, былъ данъ Фридрихомъ“.

Въ нѣмецкой исторической литературѣ можно указать еще нѣсколько менѣе значительныхъ по содержанію или по объему сочиненій, специально посвященныхъ паденію Польши, но разбирать ихъ было бы слишкомъ долго. Ограничиваемся указаніемъ на ихъ существованіе ¹⁾ и дѣлаемъ исключеніе только для трудовъ, въ коихъ такъ или иначе рассматриваются внутреннія польскія отношенія. Здѣсь на первомъ планѣ нужно поставить трудъ Гюппе о государственномъ правѣ Рѣчи Посполитой ²⁾.

Въ предисловіи къ своей книгѣ Гюппе имѣлъ полное право сказать, что ключъ къ пониманію всей польской исторіи заключается въ устройствѣ Рѣчи Посполитой, и что объ этомъ предметѣ никто еще до него не писалъ въ духѣ новой науки, такъ какъ и поляки сами, послѣ паденія ихъ отечества, не занимались болѣе своимъ государственнымъ правомъ ³⁾. Основная его мысль та, что поляки—народъ

¹⁾ *Blum*. Ein russischer Staatsmann. Des Grafen J. J. Sievers Denkwürdigkeiten. III Bd. Leipzig und Heidelberg. 1858. *Max Duncker*. Die Erwerbung Westpreussens. *Hermann*. Die österreichisch-preussische Allianz und die zweite Theilung Polens. Gotha. 1861 (противъ Зибеля). *Sybel*. Polens Untergang und der Revolutionskrieg (*Hist. Zeitschrift*. 1870). *Von Vivenot*. Zur Genesis der Zweiten Theilung Polens. Wien. 1874. (Дополненіе къ изданію Quellen zur Geschichte der deutschen Kaiserpolitik Oesterreichs während der französischen Revolutionskriege). *Preuss*. Die erste Theilung Polens und die Memoiren Friedrichs des Groszen. 1874. *Ero же*. Die Abtrennung Westpreussens durch den Reichstag zu Warschau 1773. 1879. *Prowe*. Westpreussen in seiner geschichtlichen Stellung zu Deutschland und Polen. 1868. Вся эти труды относятся къ международной политикѣ.

²⁾ *Hüppe*. Die Verfassung der Republik Polen. Berlin. 1867.

³⁾ Vorwort. IX. Въ одномъ мѣстѣ книги авторъ замѣчаетъ, что Зибель ясно представилъ дипломатическія и военныя обстоятельства, погубившія Польшу, но über die gewaltige Ursache welche in letzter Instanz den Untergang Polens möglich machte und entschied, über die Verfassung der Republik Polen, haben dem groszen Gelehrten nur unzureichende Quellen Auskunft gegeben, 193. О литературѣ польскаго государственнаго права Гюппе говорятъ въ приложеніи, стр. 379 и слѣд. Наводемъ главные труды: *Chwalkowski*. Regni Poloni jus publicum. *Hartknoch*. Exercitatio ad Chwalkowski jus publicum et Respublica Polona. *Zalassowski*. Jus regni polonici. *Lengnich*. Jus publicum regni poloni. *Skrzetuski*.

очень молодой, а вынуждены были копировать учрежденія болѣе старыхъ народовъ, своихъ сосѣдей, вслѣдствіе чего польское государственное устройство еще въ средніе вѣка носило въ себѣ зародыши порчи: польское государство уже съ XIII в. заключало въ себѣ принципы, которые оно само могло бы выработать только черезъ столѣтія, и это сдѣлало его развитіе одностороннимъ ¹⁾). Все спасеніе Польши могло бы заключаться только хотя бы въ насильственномъ ниспроверженіи дѣйствовавшаго въ ней государственнаго права, но этого не произошло, и Польша пала ²⁾). Въ Польшѣ царствовала свобода. Это понятіе, говоритъ Гюппе, которое обозначаетъ только частичное отрицаніе дѣйствія государственной власти, было въ Польшѣ такъ расширено, что государственная власть не получила совсѣмъ никакого поля дѣятельности, что она потеряла силу не только для того, чтобы поступать противозаконно, но и вообще какъ-нибудь поступать ³⁾). Эта характеристика польской конституціи совершенно вѣрна, но нельзя принять соображенія автора о связи такого государственнаго устройства съ молодостью польскаго народа и его славянскимъ характеромъ ⁴⁾). Государственная власть въ Польшѣ отсутствовала. „Шляхта“, говоритъ авторъ, — и состоящая изъ равноправныхъ членовъ, только по видимости обладаетъ суверенитетомъ во всей совокупности; въ дѣйствительности въ Польшѣ развился суверенитетъ каждаго отдѣльнаго шляхтича. Польское государство получило видъ системы государствъ многихъ сотъ тысячъ абсолютныхъ монарховъ. Рѣшительно международный, уже не государственный отпечатокъ несутъ на себѣ различныя части польскаго устройства. Только въ международномъ, а не въ государственномъ правѣ находятъ свое объясненіе *liberum veto* и конфедерации. Еще съ большимъ правомъ, нежели Германскую имперію (прежнюю), можно было назвать Польшу простымъ союзомъ независимыхъ государствъ, и тѣхъ, кто имѣлъ значеніе государственныхъ чиновъ (*Reichstandschafft*),

---

Prawo polityczne narodu polskiego. Это все труды XVII и XVIII вв. Изъ новѣйшихъ заслуживаетъ вниманіе работа Гоэмана „*Obraz rządu i prawodawstwa dawniej Polski*“ (*Przeглядъ Pozn.* 1847—1849) и особенно сочиненіе Корсона, которое будетъ у насъ рассмотрѣно подробно, а также новѣйшій трудъ проф. А. И. Павинскаго *Rządu sejmikowe w Polsce.* Warszawa. 1888.

¹⁾ *Hüppe*, 3—4.

²⁾ *Ibid.*, 12.

³⁾ *Ibid.*, 13.

⁴⁾ *Ibid.*, 14.

было въ ней значительно болѣе, чѣмъ въ Германіи¹⁾. Въ этихъ словахъ Гюппе подмѣчена также дѣйствительная особенность внутреннего строя Рѣчи Посполитой: авторъ эту идею развиваетъ и въ подробностяхъ.

За введеніемъ, въ которомъ дается такая общая характеристика старо-польской конституціи, слѣдуетъ самое ея изложеніе въ одиннадцати главахъ: раздѣленіе государственной области, организація общества, королевская власть, сеймъ и нація, общины съ нѣмецкимъ правомъ, вѣроисповѣдныя общины, государственное управленіе, судъ, народное хозяйство и финансы, военное дѣло и виѣшнія отношенія. Нашею цѣлью, конечно, не можетъ быть передача содержанія книги: мы отмѣтимъ только тѣ ея мѣста, которыя имѣютъ отношеніе къ главному вопросу, отчего пала Польша.

На одной изъ послѣднихъ страницъ своей книги Гюппе прямо ставитъ вопросъ о томъ, что нужно понимать подъ паденіемъ Польши, и отчего оно произошло. У Польши, говоритъ онъ, были средства великой державы, ибо по своимъ военнымъ силамъ она могла бы занимать въ Европѣ третье мѣсто, по финансамъ—четвертое²⁾. Съ Польшею, замѣчаетъ онъ еще, пали Генеральныя штаты (Голландія), пали Генуя и Венеція, пали нѣмецкія епископства, имперскіе города и имперское рыцарство, какъ несвоевременныя, отсталыя явленія, но Рѣчь Посполитая имѣла гораздо больше внутреннихъ средствъ, нежели они всѣ, и тѣмъ не менѣе она пала: значить, и ея государственное право было несвоевременнымъ³⁾. Въ чемъ же состояло паденіе Польши? „Территорія Рѣчи Посполитой не исчезла съ лица земли; всѣ общественные классы продолжаютъ существовать, хотя и въ другихъ отношеніяхъ между собою; польскіе сеймики и институты гражданскаго права, польская система налоговъ и польскіе полки почти безъ измѣненія еще долго существовали послѣ раздѣла страны. Что же уничтожилось, когда пала Польша? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: правительственная власть Польши. Съ ея устраненіемъ Польша должна была прекратить существованіе. Но мы всѣ знаемъ, что еще задолго до гибели Польши эта власть постепенно лишилась жизненной силы своей, такъ что державамъ, произведшимъ раздѣлъ, почти ничего не оставалось и разрушать. И мы также всѣ

1) Ibid., 19.

2) Ibid., 373.

3) Ibid., 375.

знаемъ, что Европа не оказала сопротивленія этому акту уничтоженія, потому что она давно уже привыкла не считать болѣе Польшу за полноправное государство“. Нѣсколько выше выписанныхъ словъ авторъ дѣлаетъ еще такое замѣчаніе: „Часто безпристрастный чело-вѣкъ, хорошо знакомый съ польскими дѣлами, не могъ сказать, гдѣ нужно искать государственную власть, и даже въ томъ случаѣ, если она въ Польшѣ безспорно гдѣ-нибудь да была, то ея существованіе легко проходило незамѣченнымъ для Европы“ ¹⁾). Последнее обстоятельство Гюппе доказываетъ въ главѣ, посвященной виѣшнимъ отношеніямъ: Священная Римская имперія и наисвѣтлѣйшая республика Польская были два беззубые волка ²⁾). Въ области виѣшной политики Рѣчь Посполитая давно уже была вычеркнута изъ числа самостоятельныхъ государствъ ³⁾).

Еще въ XVIII в. былъ отмѣченъ федеративный характеръ польскаго государственнаго строя ⁴⁾: имѣлись въ виду воеводства, на которыя раздѣлялась Рѣчь Посполитая, и которыя не утратили еще призраковъ своей бывлой самостоятельности, какъ удѣльныхъ княжествъ, соединившихся посредствомъ личной уніи въ одно политическое цѣ-лое. Гюппе придаетъ важное значеніе федеративному характеру Рѣчи Посполитой ⁵⁾ и видитъ скорѣе несчастье, а не вину поляковъ въ томъ, что въ XVIII в. у нихъ не явилось государя, который сдѣлалъ бы изъ Польши дѣйствительно единое государство ⁶⁾). Верховная власть въ республикѣ принадлежала *de jure* шляхетской націи, *de facto* она находилась у отдѣльныхъ воеводствъ ⁷⁾, ибо сейму не удалось получить преобладанія надъ областными сеймиками ⁸⁾). „Въ XVII и XVIII вѣкахъ“, говоритъ Гюппе, — „особенно со времени частаго срыванія сеймовъ, центръ тяжести государственной власти находится уже не въ сеймѣ, а у сеймиковъ. Сеймъ былъ международный конгрессъ, на которомъ послы повѣтовъ и воеводствъ никогда не могли вполне сговориться между собою. Какъ конституціи (сеймовыя по-

¹⁾ Ibid., 373.

²⁾ Ibid., 365.

³⁾ Эта идея проводится очень некусно и въ обзорахъ виѣшной политики у Вобришякаго.

⁴⁾ Именно у Руссо и у Вельгорскаго.

⁵⁾ *Hüppe*, 48, 123.

⁶⁾ Ibid., 48.

⁷⁾ Ibid., 122.

⁸⁾ Ibid., 123.

становленія) лишь тогда имѣли полную силу, когда ратифицированы были всѣми сеймиками, и только для тѣхъ земель, гдѣ они были приняты, такъ и импульсъ къ рѣшенію государственныхъ дѣлъ выходилъ всегда отъ сеймиковъ¹⁾. Это отразилось и въ области центральной администраціи, что же касается до областной, то и она пришла въ совершенное разстройство²⁾. И на сеймикахъ, можно было бы сказать съ авторомъ „Устройства польской Рѣчи Посполитой“, только по видимости шляхта пользовалась суверенитетомъ, такъ какъ въ сущности въ Польшѣ развился суверенитетъ отдѣльныхъ шляхтичей. Воеводства, бывшія прежде княжествами, утратили свою самостоятельность въ пользу большаго цѣлаго, которое однако не развило у себя настоящей государственной власти, отошедшей къ нему отъ прежнихъ княжествъ, а это привело къ тому, что шляхта превратилась въ собраніе мелкихъ сувереновъ. „Польское общество“, говоритъ Гюппе,—„агрегатъ единичныхъ дворянъ (der privaten Edelleute), было государствомъ—sans phrases; оба понятія здѣсь отождествились“. Это было, пользуясь его же словами, „поднятіе общества на степень государства или разложеніе государства въ общество“, и такое государство просуществовало два вѣка послѣ того, какъ было поглощено обществомъ³⁾. Въ Польшѣ и отдѣльныя части того, что называлось Рѣчью Посполитой, и отдѣльныя личности, входившія въ составъ того, что только и признавалось въ этой Рѣчи Посполитой за народъ, связаны были между собою не такъ, какъ области и подданные одного и того же государства, а какъ могутъ соединяться между собою самостоятельныя государства, то-есть, по началамъ не государственнаго, а международнаго права. Проявленіе принциповъ послѣдняго въ польскомъ устройствѣ Гюппе видитъ во многихъ явленіяхъ соціальной и политической жизни Рѣчи Посполитой. На эти принципы ссылается онъ, говоря о «наѣздахъ»⁴⁾; о нихъ упоминаетъ онъ по поводу того, что при двойныхъ выборахъ короля предоставлялось рѣшить оружію, кому царствовать⁵⁾; отношеніе сеймиковъ между собою и къ сейму было равнымъ образомъ международнаго характера, и самый сеймъ имѣлъ видъ конгресса пословъ отъ само-

¹⁾ Ibid., 160—161. Also war der politische Schwerpunkt der polnischen Verfassung wesentlich in den Landtagen zu finden, 166.

²⁾ Ibid., 253—274.

³⁾ Ibid., 82—83.

⁴⁾ Ibid., 78.

⁵⁾ Ibid., 102.

стоятельныхъ государствъ ¹⁾), вслѣдствіе чего законы, издававшіеся на сеймѣ, имѣли значеніе договоровъ, требующихъ согласія всѣхъ договаривающихся сторонъ ²⁾); конфедерации, какъ союзы, заключавшіеся между суверенными дворянами, относились къ той же категоріи явленій ³⁾) и т. д.

Эти суверенные дворяне выбирали себѣ политическаго главу—короля, который, не имѣя законодательной власти, отошедшей къ сейму, и власти исполнительной, сдѣлавшейся достояніемъ пожизненныхъ и почти безответственныхъ сановниковъ, долженъ былъ однако всячески угождать своимъ избирателямъ. Не безъ основанія, говоритъ Гюппе, выводили всю слабость королевской власти въ Польшѣ изъ принципа избранія, но не самъ по себѣ принципъ этотъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ единственная причина несчастій Польши, а способъ избранія, практиковавшійся въ Польшѣ, дѣлавшій изъ короля представителя не *volonté générale*, а *volonté de tous*. Когда это ослабило корону, государственный интересъ превратился въ конгломератъ частныхъ интересовъ, а это и повело Польшу къ паденію ⁴⁾). „Обстоятельства сложились слишкомъ неблагоприятно: нельзя было ожидать, чтобы законодательное собраніе дозволило изъ своей среды возникнуть единственному средству спасенія, именно *despotisme éclairé*“ ⁵⁾).

Такимъ образомъ Польша перестала быть настоящимъ государствомъ или не сдѣлалась имъ какъ разъ въ то время, когда во всей континентальной Европѣ развивалась государственность. Мысль о томъ, что Польша въ своемъ развитіи отклонилась отъ другихъ западно-европейскихъ государствъ и, такъ сказать, отстала отъ нихъ, выражается у Гюппе часто и на разные лады. „Поляки“, говоритъ онъ,—выбрали себѣ за образецъ не римское *imperium*, а *respublica*, отклоняясь отъ всѣхъ другихъ народовъ XVI вѣка“ ⁶⁾). Польша погибла потому, что „содержимое государства, общество, и ихъ организація остались позади требованій новой культуры и новыхъ правовыхъ понятій“ ⁷⁾). Нерѣдко приходится автору мимоходомъ сравни-

¹⁾ Ibid., 123, 160.

²⁾ Ibid., 147.

³⁾ Ibid., 152.

⁴⁾ Ibid., 88—91.

⁵⁾ Ibid., 257.

⁶⁾ Ibid., 52.

⁷⁾ Ibid., 58.

вать польскіе порядки съ англійскими, конечно, съ указаніями на превосходство послѣднихъ ¹⁾). Впрочемъ, авторъ старается избѣжать тѣхъ ошибокъ, которыя часто бываютъ въ наукѣ государственнаго права вслѣдствіе неправильнаго примѣненія индуктивнаго метода, обобщенія отдѣльныхъ явленій ²⁾).

Таковы взгляды, которые можно извлечь изъ труда Гюппе для объясненія причинъ паденія Польши, лежавшихъ въ ея устройствѣ, — взгляды, которые отчасти усвоены и новѣйшими польскими историками. Только Гюппе не далъ цѣльнаго представленія о томъ, какъ возникъ такой строй, и это ослабляетъ силу его соображеній ³⁾).

Изъ другихъ взглядовъ Гюппе, имѣющихъ отношеніе къ паденію Польши, мы отмѣтимъ здѣсь одну мысль, которая требуетъ возра-

¹⁾ Ibid., 16, 81, 126 и др.

²⁾ Ibid., 17.

³⁾ Позволяемъ себѣ восполнить здѣсь этотъ пробѣлъ небольшою выпиской изъ статьи своей „Новѣйшая польская исторіографія“, стр. 563 — 564: „Въ Польшѣ новою властью (какимъ образомъ, мы здѣсь не говоримъ) сдѣлалась шляхта, и возникла республика, но республика съ королемъ, то-есть, съ сохраненіемъ стариннаго учрежденія. Былъ моментъ, когда между обими началами возможенъ былъ компромиссъ въ формѣ парламентарной монархіи; но для этого необходимо было преобладаніе общаго сейма надъ областными сеймиками съ рѣшеніемъ дѣлъ на сеймѣ по большинству голосовъ. Общій сеймъ, однако, остался конгрессомъ пословъ отъ отдѣльныхъ земель, на которыя дѣлилась Рѣчь Посполитая, составившаяся изъ удѣльныхъ княжествъ, соединенныхъ между собою, такъ-сказать, личною униєю; ко времени образованія сейма, изъ коего могъ бы выработаться сначала монархическій парламентъ, а потомъ бы выработалось чисто республиканскаго учрежденія, королевская власть еще не сплотила окончательно единаго централизованнаго государства... Росту политическаго значенія шляхты соответствовало ослабленіе королевской власти; но, ослабляя ее, сеймъ себя не укрѣплялъ перенесеніемъ на себя задачи королевской власти — объединить Польшу; онъ остался по прежнему конгрессомъ земскихъ пословъ, которому приходилось считаться и съ сеймиками, и съ меньшинствомъ въ собственной средѣ, а это ему не дозволило перенести на себя или на назначенное имъ лицо того, что принадлежало прежде королю и могло бы получить дальнѣйшее развитіе; королевская же власть, сдѣлавшись, съ одной стороны, избирательной, потеряла подъ собою историческую почву, а съ другой — обязалась своими происхожденіемъ безформенной толпѣ элекціоннаго сейма, а не правильному учрежденію, не могла съ старымъ именемъ превратиться въ новый республиканскій магистратъ съ исполнительною властью... Въ результатѣ получилась республика безъ настоящаго республиканскаго правительства, но съ намазеваннымъ королемъ... Это не была ни монархія, окруженная настоящими республиканскими учрежденіями, ни настоящая республика, а именно какое-то безарядье“. Эту мысль мы разовьемъ подробно въ печатающемся нами очеркѣ польскаго сейма.

женія. По Гюппе, миссія Польши была на Востокъ, но она, вмѣсто того, чтобы всѣ свои и литовскія силы направить къ Черному морю, сломить татарскія ханства, освободить Москву и соединить съ собою другую часть русскихъ, какъ уже была одна соединена, а также развить славянскую мощь на Уралѣ и Каспійскомъ морѣ, добивалась береговъ Балтики, и въ этомъ была роковая ошибка ея по отношенію къ сѣверной Германіи¹⁾. Мы думаемъ, что, на оборотъ, Польша къ своей бѣдѣ слишкомъ много обращала вниманія на востокъ и не блюла своихъ интересовъ на западѣ²⁾. „Одинъ изъ основныхъ фактовъ исторіи Польши“, писали мы въ другомъ мѣстѣ, — „заключается, такъ-сказать, въ перемѣщеніи всего польскаго государства съ запада на востокъ; его первоначальныя границы западныя и восточныя шли гораздо западнѣе, чѣмъ тѣ же границы въ эпоху паденія Рѣчи Посполитой. Этимъ обуславливались историческія судьбы Польши: на западѣ она теряла земли и населеніе, которыя могли бы легко слиться съ ядромъ государства, и приобрѣтала на востокѣ области, которыя должны были тяготить къ иному государственному центру“. На западѣ поляки потеряли Силезію, Поморье, земли полабскихъ славянъ, и не безъ попустительства со стороны Польши въ эпоху реформаціи и тридцатилѣтней войны возникли на западѣ ея грозныя для нея силы Пруссіи и Австріи. Въ новое время помышлять о линіи Эльбы было уже поздно, но Силезія и Поморье могли еще сдѣлаться польскими, равно какъ возможно было помѣшать развитію силъ Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ во вредъ польскимъ интересамъ. Польша, однако, предпочла во внѣшней своей политикѣ по отношенію къ западу „абдикацію“ и именно ради „миссіи“ на востокѣ, которая неминуемо приводила ее въ столкновеніе съ русской собирательницею русскихъ земель.

Книжка Р. Рёпелля „Польша около середины XVIII вѣка“³⁾ обнимаетъ собою внутреннюю исторію Рѣчи Посполитой при Августѣ III, при чемъ главнымъ образомъ рѣчь идетъ о реформахъ Чарторыхскихъ. За небольшой главой, изображающей польское безнарядье, и не заключающей въ себѣ никакой общей мысли, которая отличалась

¹⁾ Ibid. 38—39.

²⁾ Подробнѣе эту мысль мы развиваемъ въ статьѣ „Новѣйшая польская исторіографія“, стр. 567—574.

³⁾ *Dr. Richard Roepell. Polen um die Mitte des XVIII Jahrhunderts.* Gotha. 1876.

бы оригинальностью, и которую поэтому стоило бы отмѣтить¹⁾, идетъ рядъ чисто повѣствовательныхъ главъ, равнымъ образомъ бѣдныхъ сколько-нибудь широкими обобщеніями, выходящими за предѣлы избранной для изслѣдованія эпохи. Все содержаніе имѣетъ чисто фактическое значеніе²⁾. Польскою критикой она была принята хорошо. „Эта работа“—читаемъ мы въ „Очеркѣ исторіи польской литературы“ Здановича-Совинскаго—„написанная съ изумительнымъ знаніемъ нашихъ источниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исполненная благороднаго и справедливаго безпристрастія по отношенію къ столь несчастной эпохѣ нашей исторіи, похвально отличается отъ столькихъ пасквильныхъ нѣмецкихъ сочиненій, посвященныхъ нашей исторіи“³⁾.

Съ бѣльшимъ правомъ мы можемъ остановиться на вышедшей черезъ два года послѣ сочиненія Репелля книгѣ фонъ-деръ-Брюггена подъ заглавіемъ: „Разложеніе Польши. Культурно-историческіе эскизы изъ послѣднихъ десятилѣтій польской самостоятельности“⁴⁾. Въ коротенькомъ предисловіи авторъ говоритъ, что „предлагаемые очерки имѣютъ цѣлью изобразить процессъ разложенія (Versetzungsprocess), происходившій въ общественныхъ отношеніяхъ Польши“ въ эпоху раздѣловъ.

„Постоянно“,—читаемъ мы на второй же страницѣ книги—„постоянно русскіе навязывали инициативу дѣлежа Польши пруссакамъ, пруссаки—русскимъ, австрійцы—и тѣмъ, и другимъ, наконецъ поляки—всѣмъ тремъ враждебнымъ державамъ... Важнѣе и гораздо интереснѣе, чѣмъ старый споръ объ этихъ въ извѣстномъ смыслѣ внѣшнихъ вопросахъ, изслѣдованіе тѣхъ внутреннихъ причинъ, которыя привели Польшу къ паденію“. Это изслѣдованіе (Ergründen) авторъ начинаетъ съ бѣлаго очерка польской исторіи, въ которомъ нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ мѣстъ. Впервыхъ, есть вѣрныя замѣчанія о сущ-

¹⁾ Стр. 1—25. Глава эта называется „Die Republik“.

²⁾ Въ приложеніи помѣщена между прочимъ по рукописи тайнаго госуд. архива „Traduction d'une lettre d'un gentilhomme polonais de province à un de ses amis d'un autre palatinat“ (стр. 207—228), одинъ изъ плановъ реформы, принадлежащій Станиславу Понятовскому, отцу будущаго короля.

³⁾ *Zdanowicz-Sowiński*. IV, 789.

⁴⁾ *Freiherr E. von der Brüggen*. *Polens Auflösung. Kulturgeschichtliche Skizzen aus den letzten Jahrzehnten der polnischen Selbstständigkeit*. Leipzig. 1878. Въ основѣ книжки, кромѣ печатныхъ источниковъ и сочиненій польскихъ и русскихъ (многое общихъ съ „Послѣдними годами Речи Посполитой“ *Костомарова*), лежатъ и нѣкоторые не изданные источники. Vorwort.

ности государственнаго разложенія Рѣчи Посполитой. „Что присвоили себѣ“, говоритъ, напримѣръ, авторъ,—„изъ государственной силы польскіе магнаты, то потеряло государственнѣйшій характеръ и перешло въ обладаніе отдѣльнаго лица съ его чисто личнымъ интересомъ: для государства это было совсѣмъ утрачено. Что нѣмецкіе господа (Негген) исторгли изъ рукъ императора, образовало матеріалъ для государственныхъ созданій вассаловъ имперіи“¹⁾. Отмѣчая фактъ перехода значенія отъ сейма къ сеймикамъ, онъ указываетъ на то, что это нужно понимать болѣе въ отрицательномъ, чѣмъ въ положительномъ смыслѣ, ибо „значеніе сеймиковъ заключалось болѣе въ ихъ мѣшающей, нежели созидающей силѣ“²⁾. Вообще авторъ обнаруживаетъ знакомство съ старопольскою конституціей (вѣроятно, главнымъ образомъ, по Гюппе). Въ вторыхъ, онъ обращаетъ большое вниманіе на іезуитское воспитаніе, приспособленное къ національному польскому характеру³⁾. Въ изображеніи послѣдняго онъ видимо слѣдуетъ Костомарову⁴⁾. По словамъ фонъ-деръ-Брюггена, этотъ „не политическій народъ“⁵⁾, народъ, отличающійся „устрашающимъ недостаткомъ всякихъ политическихъ способностей“, погубили шляхетская вольность, съ одной стороны, и іезуитизмъ—съ другой⁶⁾. „Можно ли“, спрашиваетъ онъ,—„было создать государственную форму, которая до такой степени была чужда всякой государственной идеи, какъ польская съ ея миллиономъ благородныхъ сувереновъ?“⁷⁾ По его мнѣнію, поляку нужна была абсолютная монархія⁸⁾: въ ней было все его спасеніе⁹⁾. Къ злу, вытекавшему изъ шляхетской вольности, іезуиты присоединили свое воспитаніе, подчинявшее государство католической церкви. За введеніемъ, въ которомъ бросается взгядъ на все прошлое Польши, слѣдуетъ рядъ очерковъ: территория, населеніе,

¹⁾ Ibid., 11.

²⁾ Ibid., 15.

³⁾ Ibid., 29 sq.

⁴⁾ Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. 3 изд. I, фонъ-деръ Брюггенъ рядко цитируетъ.

⁵⁾ V. d. Brügggen, 36,

⁶⁾ Ibid., 38.

⁷⁾ Ibid., 32.

⁸⁾ Diejenige Verkörperung der Staatseinheit, welche am leichtesten und stetigsten den Sinnen zugänglich ist, ist die absolute Monarchie, und so ist sie diejenige Staatsform, welche dem Slawen, dem Polen naturgemäß sich am meisten anpasst. Ibid., 33.

⁹⁾ Ibid., 35.

крестьянинъ; городской бытъ; финансы, армія, судъ, церковь; духовенство, монахи, школа; шляхта; магнаты (четыре очерка: Карлъ Радзивиллъ, Антонъ Тизенгаузенъ и Ф. А. Враницкій, Феликсъ Потодкій, Адамъ Чарторыйскій); Варшава во время четырехлѣтняго сейма; Станиславъ Августъ Понятовскій; король и юная Польша; варшавское общество; первый раздѣлъ; конституція 3-го мая 1791 г. Въ „Schlussbetrachtung“, заканчивающей книгу, авторъ дѣлаетъ очеркъ послѣдующей (съ 1795 г.) судьбы Польши съ замѣчаніями о польскомъ вопросѣ, преимущественно въ Россіи. Всѣ эти очерки написаны легко, живо и читаются съ интересомъ: авторъ собралъ много любопытныхъ чертъ, характеризующихъ польское общество второй половины XVIII вѣка, но общіе взгляды его особою оригинальностью не отличаются.

О значеніи сочиненій Грूपе, Репелля и фонъ-дербъ-Брюггена въ современной нѣмецкой литературѣ можно судить, напримѣръ, по тому, что почти исключительно по этимъ тремъ книгамъ написана глава о польской анархіи въ сочиненіи Онкена „Вѣкъ Фридриха Великаго“¹⁾.

Переходимъ къ французской исторической литературѣ послѣдняго времени. Если въ прежнее время главными сочиненіями по исторіи паденія Польши были французскія, то со времени развитія нѣмецкой историографіи по этому предмету французы далеко отстали позади и не только относительно нѣмцевъ, но и по отношенію къ русскимъ. При этомъ французы разсматриваютъ польскія дѣла главнымъ образомъ съ точки зрѣнія исторіи дипломатіи и международной политики. Намъ и не придется долго останавливаться на французской исторической литературѣ послѣдняго времени, тѣмъ болѣе, что въ ней нѣтъ ни одного труда, специально посвященнаго паденію Польши. Мы разсмотримъ именно сочиненія де-Брольи, Лорана и Сореля.

Двухтомное сочиненіе герцога де-Брольи подъ заглавіемъ „Секретъ короля“ имѣетъ предметомъ тайную переписку Людовика XV, помимо и безъ вѣдома его министровъ, съ французскими дипломатическими агентами за границей²⁾. Корреспонденція эта касалась и

¹⁾ *W. Oncken. Das Zeitalter Friedrichs des Grossen* (въ сборникѣ „Allgemeine Weltgeschichte in Einzeldarstellungen“). Berlin. 1882. I, 434 sq.: Die Anarchie in Polen. Въ другой главѣ, посвященной первому раздѣлу Польша (I, 488 sq.) цитируются *Соловьевъ* (съ нѣм. перев.), *Beer* (Die erste Theilung Polens), *Duncker* (Aus der Zeit Friedrichs des Grossen und Fr. W. III).

²⁾ *Le duc de Broglie. Le secret du roi*. P. 1878. Deuxième édition. Ср. также изданіе *Boutaric'a Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère avec le comte de Broglie, Tercier etc.* P. 1866.

польскихъ дѣлъ, такъ что автору въ числѣ другихъ приходится разсматривать и эти дѣла, тѣмъ болѣе, что ими было вызвано самое начало корреспонденціи ¹⁾. Де Брольи и начинаетъ свой трудъ съ разсмотрѣнія отношенія Людовика XV къ Польшѣ, но мы не будемъ слѣдить за всѣми перипетіями секретной политики Людовика XV въ Рѣчи Посполитой, а остановимся лишь на мѣстахъ болѣе общаго содержанія.

Прежде всего авторъ обращаетъ вниманіе на особенности внѣшней политики Рѣчи Посполитой: въ этомъ государствѣ „не было того, что на тогдашнемъ языкѣ называлось кабинетомъ, то-есть, государя и его министровъ, которые своимъ словомъ могли бы принять за все государство извѣстныя обязательства и дать извѣстныя гарантіи тому, кто вступалъ съ нимъ въ союзъ“ ²⁾. Поэтому вести дѣла съ Польшей было мудрено, и иностраннымъ посланникамъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ самимъ вмѣшиваться въ свалку партій, на собственный страхъ ведущихъ дѣла [внѣшней политики; особенно же трудно было вести съ Польшей дѣла такой отдаленной державѣ, какъ Франція ³⁾. Поэтому во Франціи и махнули на Польшу рукой, какъ на страну, не стоящую вниманія, хотя здѣсь повторялась только басня о лисицѣ и виноградѣ ⁴⁾. Касаясь внутреннихъ отношеній Рѣчи Посполитой, авторъ замѣчаетъ, что *liberum veto*, конфедерации и *роста сопвента* годились бы развѣ только для кочеваго племени, разсѣяннаго въ безпредѣльныхъ пространствахъ, и что польская правительственная форма была равносильна полному отсутствію правительства ⁵⁾. Специально польскимъ дѣламъ со смерти Августа III до перваго раздѣла Рѣчи Посполитой включительно посвящены авторомъ двѣ большія главы, занимающія около двухсотъ страницъ втораго тома ⁶⁾. Собственно говоря, Брольи имѣетъ въ виду преимущественно „ошибки“ французской политики.

¹⁾ La Pologne fait, à vrai dire, le principal, presque l'unique objet de la diplomatie secrète. I, 5.

²⁾ Ibid., I, 9.

³⁾ Ibid., I, 10.

⁴⁾ Ibid., I, 11.

⁵⁾ Ibid., I, 43 и 44. Ср. II, 73 вѣд., гдѣ приведены взгляды на внутреннія отношенія Рѣчи Посполитой одного изъ дипломатическихъ агентовъ Людовика XV (гр. де-Брольи).

⁶⁾ Ibid., II, 209—315 (chap. VII. La succession de Pologne, 1764—1770) и 317—406 (chap. VIII. Le partage de la Pologne, 1771—1773).

Приступая къ исторіи избранія на польскій престолъ Станислава Понятовскаго, онъ дѣлаетъ такое общее замѣчаніе: „такъ какъ именно съ этого рѣшительнаго избранія событія послѣдовали въ Польшѣ одно за другимъ съ такою силою и быстротою, что ихъ не могли потомъ предотвратить никакія человѣческія усилія, то какъ разъ на этомъ моментѣ долженъ будетъ остановиться историкъ этихъ печальныхъ временъ, чтобы опредѣлить долю отвѣтственности, какая выпадаетъ на Францію за послѣдующія катастрофы. Позднѣе все было рѣшено и не было уже времени исправлять что-либо“ ¹⁾. Такова точка зрѣнія историка секретной политики Людовика XV, и въ самомъ началѣ своего труда онъ говоритъ объ „ошибкѣ политической и вмѣстѣ съ тѣмъ моральной, которая будетъ тяготѣть всегда, на памяти Людовика XV“, объ ошибкѣ, каковою было допущеніе перваго раздѣла Рѣчи Посполитой ²⁾. По мнѣнію автора, Франція слѣдовало или открыто и всѣми силами поддерживать въ Польшѣ французскую партію, что, по его же словамъ, было уже поздно по многимъ прежнимъ ошибкамъ, или же держаться безусловнаго нейтралитета, не заставляя противную партію бросаться въ объятія Россіи ³⁾. Такъ какъ французская политика пошла ни по тому, ни по этому пути, то изъ нея ничего и не вышло, кромѣ результатовъ, непріятныхъ для Франціи ⁴⁾, начиная прежде всего съ сильнаго раздраженія противъ нея въ національной партіи ⁵⁾, и кончая гибелью старой союзницы. Для историка, занимающагося международной и дипломатической стороною польскихъ раздѣловъ, сочиненіе Брولى можетъ представить много любопытныхъ фактовъ и интересныхъ соображеній, освѣщающихъ роль Франціи въ этомъ дѣлѣ, но входить въ такія подробности здѣсь не у мѣста. Считаемъ нужнымъ привести только взглядъ автора на диссидентскій вопросъ и на одну сторону перваго раздѣла Польши. Именно въ возбужденіи диссидентскаго вопроса онъ видитъ лишь политическое коварство, а одно его соображеніе о первомъ раздѣлѣ стоитъ принять въ расчетъ по двумъ причинамъ: вопервыхъ, французскій писатель, какъ и всѣ другіе западно-европейскіе историки, не знаетъ, что такое Бѣ-

¹⁾ Ibid., II, 221—222.

²⁾ Ibid., I, 4.

³⁾ Ibid., II, 223 sq. Давѣ интересныя подробности о тайной попыткѣ Станислава-Августа войти въ сношенія съ Франціей. II, 227 sq.

⁴⁾ Ibid., II, 233 sq.

⁵⁾ Ibid., II, 240.

лоруссія, которая отходила къ Россіи по первому раздѣлу, а восторыхъ, онъ даетъ свое особое объясненіе тому общеизвѣстному факту, что Екатерина не сразу согласилась на дѣлежъ польской территоріи.

Взглядъ Брولى относительно диссидентскаго вопроса таковъ: по его словамъ, обязательство Екатерины и Фридриха защищать диссидентовъ отъ преслѣдованій со стороны господствующей церкви только по видимости соотвѣтствовало предписаніямъ философіи и духу терпимости XVIII вѣка ¹⁾, но въ сущности здѣсь былъ коварный умыселъ нанесенія Польшѣ смертельнаго удара. „Греческіе (то-есть, православные) и протестантскіе диссиденты“, продолжаетъ онъ, — „были не многочисленны въ Польшѣ, и ихъ никогда тамъ не преслѣдовали... Они были только исключены изъ политическихъ правъ и не могли заявлять притязаній на занятіе какихъ-либо должностей. Это было довольно естественнымъ слѣдствіемъ общественнаго устройства, при которомъ церковь была столь тѣсно связана съ государствомъ... Къ тому же подобнаго рода неправоподобность существовала еще почти во всѣхъ, не только католическихъ, но и протестантскихъ государствахъ Европы. Поэтому, когда Екатерина и Фридрихъ стали въ 1765 г. требовать у Станислава уравниенія въ Польшѣ всѣхъ культовъ и уничтоженія всякаго рода неправоподобности диссидентовъ, они требовали, чтобы полуварварская нація пошла въ области духовной свободы дальше наиболѣе гордыхъ своимъ услѣхомъ націй. Они заранѣе предвидѣли отвѣтъ, какой дадутъ имъ предразсудки и совѣсть ихъ несчастныхъ сосѣдей. Но именно этотъ-то отвѣтъ они и хотѣли вызвать, чтобы придать задуманному ими утѣшенію видъ защиты поправленныхъ правъ человѣческой свободы и чтобы сдѣлать общественное мнѣніе Европы безчувственнымъ къ стонамъ жертвы, которую они готовились заклать... Въ Польшѣ отъ края до края раздался такой крикъ фанатизма, что, не смотря на все свое желаніе сдѣлать угодное своимъ петербургскимъ благодѣтелямъ и парижскимъ наставникамъ, бѣдный король былъ не въ состояніи подавить этотъ крикъ. Былъ ли въ послѣднемъ одинъ фанатизмъ? Не привязывалась ли эта несчастная страна, раззоренная раздоромъ, — не привязывалась ли она инстинктивно къ религіозному единству, какъ къ послѣдней связи своего единства политическаго? И развѣ она была виновата, что въ протестантахъ, поддерживаемыхъ Фридрихомъ, въ греческаго исповѣданія кліентахъ Екатерины она не могла видѣть вполне надеж-

¹⁾ Ibid., II, 261.

ныхъ защитниковъ независимости и цѣлости національной территоріи¹⁾). О барской конфедераціи и веденной ею войнѣ за вѣру Брольи говоритъ мало, такъ что въ этомъ отношеніи, на основаніи своихъ матеріаловъ, онъ не прибавляетъ ничего новаго къ тому, что вообще извѣстно объ этой войнѣ²⁾).

Въ разказѣ о первомъ раздѣлѣ Рѣчи Посполитой интересно объясненіе, даваемое авторомъ тому факту, что Екатерина не особенно льстила на предлагавшуюся ей добычу въ Польшѣ. „Она“, говоритъ Брольи,—„хорошо понимала, что чѣмъ болѣе ей предложили бы взять въ Польшѣ, тѣмъ болѣе стали бы у нея требовать ограниченія ея завоеваній въ Турціи. Но она не находила особенно выгоднымъ промѣнять завоеванія, какія она дѣлала на Дунаѣ, богатныя области, населенныя подданными, которые сами стремились подъ ея власть, чтобъ освободиться отъ турецкаго ига, и пріивѣтствовали ее, какъ избавительницу,—на куски территоріи бесплодной и покрытой недисциплинированными ордами, какова была польская территорія“³⁾).

О раздѣлѣ Польши извѣстный бельгійскій ученый Лоранъ говоритъ въ XI томѣ своихъ „*Études sur l'histoire de l'humanité*“, посвященномъ „королевской политикѣ“⁴⁾). Въ самомъ началѣ онъ выражаетъ негодованіе по поводу этого „умерщвленія націи“ и крайнее порицаніе „политическимъ писателямъ“, которымъ „хотѣлось бы найти моральное значеніе въ смерти націи“. Они, говоритъ Лоранъ,—„разыскиваютъ причины, которыя привели Польшу къ гибели, въ самой націи. Если народъ въ 16 милліоновъ душъ (sic!) и занимающій территорію, равную Франціи, погибаетъ, такъ это значитъ оттого, что онъ заключалъ зародыши смерти. Это совсѣмъ не сосѣди Польши ее убили, она сама наложила на себя руки своей страшной анархіей“⁵⁾). Авторъ принимаетъ объясненіе, но оно, по его словамъ, увеличиваетъ вину государей, ибо они поддерживали анархію, мѣшали Польшѣ излѣчиться отъ своихъ недуговъ и извлекали изъ всего этого для себя выгоду⁶⁾). Изобразивъ вѣрными чертами польскую анархію,

¹⁾ Ibid., II, 262—263.

²⁾ Ibid., II, 292.

³⁾ Ibid., II, 380. Въ другомъ мѣствѣ авторъ говоритъ, что Екатерина à la dernière heure n'aurait pas été éloignée d'épargner la Pologne pour se rendre les mains tout à fait libres en Orient. II, 385.

⁴⁾ *F. Laurent. La politique royale. Paris, 1865, стр. 321—362.*

⁵⁾ Ibid., 321.

⁶⁾ Ibid., 322.

Лоранъ говоритъ, что противъ зла было лѣкарство: нужно было уничтожить „адскія вольности“ поляковъ (выраженіе Скарги), замѣнить анархію порядкомъ. Но этого-то и не хотѣла монархическая Европа, за что историкъ не находитъ словъ для ея порицанія: она должна была бы укрѣпить Польшу, какъ оплотъ противъ „сѣверныхъ варваровъ“¹⁾.

Польскіе раздѣлы Лоранъ ставитъ въ связь съ королевскою политикою вообще въ XVII и XVIII вв.²⁾: истинный виновникъ паденія Польши, говоритъ онъ,—это политика, и „исторія XVIII в. представляетъ намъ проекты раздѣла на каждомъ шагу“. Историкъ ссылается на раздѣлъ испанской монархіи, на коалицію противъ Маріи Терезіи изъ-за австрійскаго наслѣдства, на коалиціи противъ Пруссіи тоже съ цѣлью дѣлежа и т. д.³⁾. Державамъ, дѣлившимъ Польшу, помогъ случай, и притомъ онѣ нашли благовидный предлогъ для своего дѣла. „Имъ его доставила католическая нетерпимость. Богъ ослѣпляетъ тѣхъ, кого хочетъ погубить. Было безуміемъ отказывать въ религіозной свободѣ и политическихъ правахъ диссидентамъ, когда они явнымъ образомъ находились подъ покровительствомъ Россіи и Пруссіи; это значило вызвать иностранное вмѣшательство и выдать республику, раздираемую партіями и истощенную, съ головою ея врагамъ; это значило, сверхъ того, расположить въ пользу отторгателей философское мнѣніе, столь могущественное въ XVIII в.“⁴⁾ Лорану остается неизвѣстнымъ русскій вопросъ въ Рѣчи Посполитой. Указывая на то, что противъ Польши выставлены были извѣстныя „justes prétentions“, онъ замѣчаетъ, что, съ своей стороны, Екатерина не считала нужнымъ ихъ излагать, и даже ставить ей это въ заслугу въ сравненіи съ разглагольствованіями Фридриха II⁵⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „единственное извиненіе, которое

¹⁾ Вотъ нѣсколько выраженій Лорана: „Les institutions qui semblent être un défi au bon sens“, „une constitution qui est le renversement de la raison“, „absence de tout lien social, absence d'état, absence de gouvernement“, „la dissolution, la démoralisation qui tenaient lieu de gouvernement en Pologne“, „n'était-elle (l'anarchie) pas la ruine anticipée?“ и т. д., 322—323.

²⁾ Ibid., 324 sq.

³⁾ Ibid., 328. Cf. 347 sq., гдѣ развивается эта мысль.

⁴⁾ Ibid., 332. Quand le partage fut consommé, la czarine sacrifia les dissidents aux catholiques, говоритъ Лоранъ и ссылается на изд. *Martens. Recueil des traités*, I, 458.

⁵⁾ La czarine ne jugea pas convenable d'exposer ses justes prétentions.... Nous préférons l'orgueil ou le dédain de Catherine qui garda le silence. Ibid. 326—327.,

можно привести въ пользу Екатерины, заключается въ томъ, что она по отношенію къ Польшѣ слѣдовала политикѣ прежнихъ царей¹⁾, но ему остается неизвѣстнымъ, что эта политика была „собираніемъ Руси“. По поводу политики царей онъ не сдѣлалъ даже такого замѣчанія, какое сдѣлано имъ по адресу Пруссіи. „Нѣмецкіе писатели“, говоритъ онъ, — „страстные защитники германскаго единства, для оправданія раздѣла обратились,—кто бы могъ этому повѣрить?—къ принципу національности. Уже Фридрихъ II сказалъ, что онъ только возвратилъ земли, завоеванныя поляками у герцоговъ Пруссійскихъ. Такимъ образомъ это были искони нѣмецкія области, отходявшія обратно къ общему отечеству. У поляковъ, продолжаетъ онъ, нашлось бы не мало отвѣтовъ на это оправданіе. Они могли бы сказать, что польская Пруссія сдѣлалась славянскою.... Притомъ единство расы не оправдываетъ насильственнаго занятія Польши.... Когда подобныя соединенія дѣлаются въ силу свободнаго согласія населенія, нѣтъ ничего болѣе законнаго“²⁾. Бельгійскій историкъ, конечно, внесъ бы нѣкоторую поправку въ свой взглядъ на польскіе раздѣлы. еслибъ ему были лучше извѣстны національныя отношенія Рѣчи Посполитой и чувства ея русскаго населенія къ польскому господству.

Въ замѣчательномъ трудѣ Сореля „Европа и французская революція“ отведено мѣсто и польскимъ дѣламъ. Въ краткомъ очеркѣ устройства Рѣчи Посполитой авторъ отмѣчаетъ общезвѣстныя причины ея слабости³⁾. Польшу въ Европѣ XVIII в. онъ называетъ анахронизмомъ, средневѣковой общиной (*cit  du moyen  ge*) и т. д. Первый раздѣлъ былъ для поляковъ урокомъ: они поняли необходимость реформы⁴⁾. Главный недостатокъ попытки заключался въ томъ, что каждая партія въ себѣ видѣла всю республику, призывала на помощь иностранцевъ, а политическихъ противниковъ объявляла неурядителями. „Можно сказать“, говоритъ Сорель,—„что въ Польшѣ всякій имѣлъ партію, кромѣ самой Рѣчи Посполитой, и что поляки разчитывали на всѣхъ, кромѣ самихъ себя... Въ анархіи, въ какой находилась Польша, попытки реформы давали поводъ къ образованію

¹⁾ Ibid., 334.

²⁾ Ibid., 340—341.

³⁾ *A. Sorel. L'Europe et la r volution fran aise. P. 1885. I, 507 sq.* Авторъ основывается на данныхъ Гюльера, Феррана и Германна (*Gesch. des russischen Staates*). Въ этомъ трудѣ авторъ блестящимъ образомъ выполнилъ задачу, которую поставилъ себѣ Зибель.

⁴⁾ Ibid., I, 509.

новыхъ раздѣленій на партіи. Опасность окончательно раздѣляла поляковъ: каждый видѣлъ ее въ дѣлѣ своихъ противниковъ, и самый патріотизмъ дѣлался поводомъ для раздоровъ. Вотъ почему, не смотря на великодушныя рѣшенія, какія внушены были полякамъ принципами и примѣромъ Франціи, французская революція только увеличила свою пропагандою раздоръ партій. Въ той мѣрѣ, въ какой она проникла въ народъ, она возбудила гнѣвъ, какой онъ естественно чувствовалъ къ господамъ. Все въ Польшѣ содѣйствовало расширенію анархіи, и все влекло къ паденію государства* 1). Такovy общія соображенія Сореля. Говоря о вліяніи первыхъ шаговъ французской революціи на разныя страны Европы, онъ указываетъ на то, что въ Польшѣ она вызвала монархическую агитацію, стремленіе усилить ту власть, слабость которой отдавала поляковъ безъ всякой защиты всѣмъ внутреннимъ заговорамъ и всѣмъ внѣшнимъ предпріятіямъ 2). „Великая революція только-что произошла въ Варшавѣ“, такими словами начинаетъ онъ разказъ о 3-го мая.—„Это—самая прекрасная эпоха въ новой исторіи Польши и одна изъ прекрасныхъ чертъ времени, богатаго великодушными движеніями и благородными намѣреніями 3)... Этотъ день“, сказано ниже,—„который въ Польшѣ приносилъ съ собою конецъ анархіи, напоминалъ великія сцены, столь недавно еще знаменовавшія конецъ деспотизма. Варшавскій сеймъ, какъ и собраніе Франціи, во главѣ конституціи ставилъ одинъ и тотъ же принципъ 4)... Въ своемъ цѣломъ, особенно въ своихъ стремленіяхъ, польская конституція исходила изъ духа, который царствовалъ во Франціи и который въ XVIII вѣкѣ проносился по всей Европѣ“ 5). Авторъ говоритъ далѣе, что вслѣдствіе противорѣчія польской революціи видамъ державъ, желавшихъ поддержки анархіи въ Рѣчи Посполитой, революція эта „должна была, къ несчастью для поляковъ, соединить свою судьбу со всѣми дѣлами Европы и смѣшаться съ французской революціей“ 6). Съ другой стороны, послѣдняя для Россіи была диверсіей, средствомъ успѣшнѣе управиться съ Польшею. Въ этой политикѣ, говоритъ авторъ,—и нужно искать причинъ „неожиданныхъ движеній, которыя въ теченіе революціи, перемѣстили всѣ

---

1) Ibid., I, 510—511.

2) Ibid., II, 20.

3) Ibid., II, 212.

4) Ibid., II, 213.

5) Ibid., II, 214.

6) Ibid., II, 215.

массы и отвратили отъ Франціи всѣ мѣры державъ, составившихъ противъ нея коалицію¹⁾). Въ самой же политикѣ того времени Сорель отмѣчаетъ полное отсутствіе принциповъ: въ Польшѣ хотѣли возстановить ту самую анархію, которую стремились подавить во Франціи²⁾).

Интересно также мѣсто, гдѣ сравниваются обѣ революціи, польская и французская. „Во Франціи“, говоритъ Сорель, — „патріоты встрѣчаютъ вторженіе, сопротивляются ему и его отвращаютъ. Въ Польшѣ патріоты дѣлаютъ попытку его остановить, и не смотря на свою храбрость, падаютъ. Это потому, что во Франціи національная традиція, разсудочная у образованныхъ людей, инстинктивная у невѣждъ, внушаетъ всѣмъ чувства, хранящія народы: любовь къ независимости, ужасъ передъ иностраннымъ вмѣшательствомъ. Въ Польшѣ на оборотъ, междоусобія, конфедераціи, союзы съ иностранцами, неподчиненіе партій государству и отдѣльныхъ лицъ партіямъ, сдѣлались какъ бы роковымъ побужденіемъ и повелительнымъ внушеніемъ исторіи. Въ кризисѣ, предоставляющемъ народъ самому себѣ, Франція послѣ преходящаго головокруженія сама собою возвращается къ болѣе нежели шестивѣковымъ привычкамъ монархіи и національнаго сосредоточенія, Польша — къ двухвѣковымъ привычкамъ анархіи и раздоровъ. Во Франціи подъ партіями, раздирающими одна другую на поверхности, есть основа націи здоровая, однородная, неизмѣнная. Эту націю объявляютъ посредствомъ декрета нераздѣльной: это, значитъ, объявить ея душу. Она провозглашаетъ себя свободной и суверенной: каждый французъ отдаетъ свою жизнь за собственную свободу и верховенство всѣхъ. Ничего подобнаго въ Польшѣ. вмѣсто націи существуетъ только нѣсколько тысячъ дворянъ, образующихъ партіи, раздирающихъ республику и оспаривающихъ другъ у друга ея лохмотья; но эта мутная и бурливая вода не изъ глубокихъ: почва остается неподвижною и даетъ скатиться потоку, который проходитъ, едва ее задѣвая... Главная масса поляковъ остается индифферентной къ революціи, потому что въ ней не заинтересована. Польская революція была произведена дворянами и для дворянъ же; она падаетъ, потому что масса ее не поддерживаетъ“³⁾). Сорель сравниваетъ торговчанъ съ французскими эмигрантами⁴⁾). Различіе было въ томъ, что послѣд-

¹⁾ Ibid., II, 217.

²⁾ Ibid., II, 218, 458 и др.

³⁾ Ibid., II, 564.

⁴⁾ Ibid., II, 563, 459.

ніе представляли меньшинство французовъ, тогда какъ идеи торговчанъ были идеями большинства польской шляхты ¹⁾).

Вотъ и все почти, что представляетъ для насъ интересъ во французской литературѣ по исторіи паденія Польши. Столь же мало найдемъ мы чего-либо интереснаго по занимающему насъ вопросу въ наукѣ международнаго права. Мы немало пересмотрѣли разныхъ руководствъ и монографій, но вездѣ о Польшѣ говорится по отношенію къ Вѣнскому трактату и вообще событіямъ послѣ 1815 г. Приводимъ здѣсь то немногое, что удалось найти въ этой специальной литературѣ. Серъ Робертъ Филлиморъ въ своемъ большомъ сочиненіи о международномъ правѣ ²⁾ говоритъ, что ни одинъ трактатъ по этой области юриспруденціи не можетъ не коснуться раздѣловъ Польши ³⁾. Указанному вопросу онъ отводитъ около четырехъ страницъ въ отдѣлѣ о вмѣшательствахъ и именно говоря о вмѣшательствахъ ради самозащиты, которое, по его словамъ, какъ и всякое другое, можетъ повести къ злоупотребленію: примѣромъ такого злоупотребленія авторъ выставляетъ польскіе раздѣлы, которые и называетъ „общественными преступленіями“, „прискорбными актами національной злобы“, совершенными подъ „жалкими претекстами“ и т. д., приводя и аналогичныя мнѣнія „великихъ юристовъ всѣхъ странъ“, а именно Талейрана, Коха, Витона, Генца и герцога де-Брольи, автора извѣстнаго намъ сочиненія „Le secret du roi“ ⁴⁾. Филлиморъ, какъ видно изъ ссылокъ, могъ пользоваться только устарѣлыми сочиненіями Феррана, Рюльера, Флассана, Дома, Коха-Шѣлля, Раумера ⁵⁾.

Въ „Исторіи успѣховъ международнаго права въ Европѣ и Америкѣ“ американскаго писателя Генри Витона ⁶⁾ есть нѣсколько

¹⁾ Тому же автору принадлежитъ еще одно сочиненіе, въ которомъ разсматриваются и польскія дѣла: „La question d'Orient en XVIII siècle“.

²⁾ *Sir Robert Phillimore. Commentaries upon International Law.* London. 1879.

³⁾ No treatise on International Law may pass over, wholly without comment, these grievous acts of national wickedness. I, 563.

⁴⁾ *Ibid.*, I, 566.

⁵⁾ *Ibid.*, I, 563. Ср. ссылки на литературу предмета, столь же недостаточныя, и въ послѣднемъ изданіи сочиненія *Calvo. Le droit international théorique et pratique.* Berlin. 1887. I, 56.

⁶⁾ *Henry Wheaton. Histoire des progrès du droit des gens en Europe et en Amérique.* Troisième édition. Leipzig. 1853. Авторъ пользовался изданіями Шѣлля, Дома, Мартенса (*Recueil de traités*), Сегюра (*Histoire de Frédéric Guillaume II*), Раумера (*Histor. Taschenbuch*), Генца (*Fragmente aus der neuesten Geschichte des politischen Gleichgewichts in Europa*).

страницъ, на которыхъ разказывается исторія польскихъ раздѣловъ. Первый раздѣлъ онъ называетъ „самымъ вопиющимъ нарушеніемъ всякой естественной справедливости и международнаго права, какое только было въ Европѣ со времени ея выхода изъ варварства“ ¹⁾. Въмѣстѣ съ Генцемъ ²⁾ онъ видитъ несправедливость не только въ противорѣчїи польскихъ раздѣловъ съ принципами справедливости, управляющими Европой, но и въ томъ, что въ данномъ случаѣ неправильно былъ примѣненъ принципъ политическаго равновѣсія ³⁾.

Отнесемъ къ этой литературѣ и новѣйшее сочиненіе по исторїи европейской дипломатїи гр. де Баррала ⁴⁾, пользовавшагося для исторїи польскихъ раздѣловъ ⁵⁾, кромѣ Феррана, Раумера, Бролъи и Сореля („Восточный вопросъ“), „Исторїей Россїи“ Рамбо и сочиненіемъ Мишле „La Pologne martyre“. Имѣя, благодаря указанїямъ Рамбо, лучшее представленіе о причинѣ стараго русско-польскаго спора ⁶⁾, авторъ однако нерѣдко сбивается на старое представленіе дѣла, говоря, напримѣръ, что по второму раздѣлу „подъ московское иго поступило четыре милліона поляковъ“, то-есть, принимая большинство жителей Бѣлоруссїи, Волыни и Подолїи за поляковъ ⁷⁾. Барраль обращаетъ большое вниманіе на отношеніе Франціи къ польскимъ дѣламъ ⁸⁾ и въ исторїи втораго и третьяго раздѣловъ съ особымъ вниманіемъ останавливается на связи ихъ съ французской революціей ⁹⁾. Объ общемъ отношенїи его къ польскимъ раздѣламъ съ точки зрѣнїя международнаго права можно судить по тому, что договоръ 1772 г. о первомъ раздѣлѣ онъ называетъ „памятникомъ политическаго цинизма“ ¹⁰⁾.

Изъ этого краткаго обзора можно видѣть, что по отношенїю къ польскимъ раздѣламъ литература международнаго права сохраняетъ тѣ воззрѣнїя, которыя высказаны были въ самую эпоху этихъ раз-

¹⁾ *H. Wheaton*. I, 333.

²⁾ *O. c. Schriften*. Bd. IV, §§ 51—59.

³⁾ *H. Wheaton*. I, 342.

⁴⁾ *C-te de Barral. Études sur l'histoire diplomatique de l'Europe*. Paris. 1885.

Два тома.

⁵⁾ I, 299—331 и II, 35—79.

⁶⁾ *Ibid.*, I, 100 sq.

⁷⁾ *Ibid.*, II, 59.

⁸⁾ *Ibid.*, I, 300 sq.

⁹⁾ *Ibid.*, II, 47. Глава, въ коей идетъ рѣчь объ этихъ событїяхъ, называется: „La révolution française et le dernier partage de la Pologne“.

¹⁰⁾ *Ibid.*, I, 329.

дѣловъ: съ ея точки зрѣнія польскіе раздѣлы являются не чѣмъ инымъ, какъ результатомъ насилія, совершеннаго тремя сильными государствами надъ однимъ слабымъ.

Чтобы не возвращаться къ постановкѣ вопроса о польскихъ раздѣлахъ въ современной наукѣ международнаго права, мы здѣсь упомянемъ еще о взглядѣ одного русскаго ученаго этой спеціальности, именно профессора Петербургскаго университета Ф. Ф. Мартенса, который издалъ нѣсколько документовъ, относящихся къ предмету ¹⁾, и коснулся вопроса въ своемъ печатномъ курсѣ преподаваемой имъ науки ²⁾. Въ очеркѣ исторіи международныхъ отношеній и права, составляющемъ часть этого курса, онъ даетъ краткую исторію польскихъ раздѣловъ ³⁾, но гораздо важнѣе разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ замѣчанія о польскихъ дѣлахъ XVIII вѣка, какъ примѣры разныхъ теоретическихъ положеній науки. Такъ въ отдѣлѣ о вмѣшательствѣ другихъ государствъ во внутреннія дѣла упоминается о случаѣ вмѣшательства, основанномъ на трактатѣ, на примѣръ, о гарантіи устройства данной страны. Такого вмѣшательства отрицать нельзя, но, прибавляетъ проф. Мартенсъ, „само собою разумѣется, что поручительство за сохраненіе въ другомъ государствѣ существующихъ порядковъ представляется совершенно ненормальнымъ явленіемъ“. Какъ примѣръ и приводится гарантія польскаго устройства, которая была установлена во второй половинѣ XVIII вѣка ⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ авторъ касается вмѣшательства въ польскія дѣла въ отдѣлѣ о международныхъ отношеніяхъ, вызванныхъ общими религіозными вѣрованіями: въ диссидентскомъ вопросѣ онъ видитъ „формальный предлогъ для вмѣшательства во внутреннія дѣла польской республики“: „безъ сомнѣнія“, говоритъ онъ, — „оба правительства преслѣдовали въ диссидентскомъ вопросѣ свои чисто политическіе виды, но все-таки общность религіозныхъ интересовъ имѣла немаловажное значеніе въ ихъ политикѣ по отношенію къ Польшѣ“ ⁵⁾. Возставая въ принципѣ противъ вмѣшательства ⁶⁾, почтенный профессоръ допускаетъ,

¹⁾ См. II томъ его Собранія трактатовъ. Здѣсь есть и историческое введеніе.

²⁾ Ф. Мартенсъ. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. С.-Пб. 1882—1883.

³⁾ Ibid., I, 109 sq.

⁴⁾ Ibid., I, 297.

⁵⁾ Ibid., II, 103.

⁶⁾ Изъ русскихъ сочиненій уважу еще на небольшую статью М. Н. Канустина „Право вмѣшательства, ограничивающее независимость государствъ“ и

что и въ современной христіанской Европѣ могутъ быть необходимы международныя соглашенія и мѣры, имѣющія своимъ предметомъ религиозныя интересы ¹⁾).

Этотъ краткій обзоръ литературы по международному праву показываетъ, какъ мало занимались спеціалисты названной научной специальности польскими дѣлами прошлаго вѣка.

И. Каръевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

книгу гр. Л. Комаровскаго „Начало невмѣшательства“ (М. 1874): первая представляетъ изъ себя лишь бѣглый фактическій очеркъ вмѣшательства отъ французской революціи до середины XIX вѣка, вторая—обзоръ литературы предмета и исторію вмѣшательства въ эпоху конгрессовъ. Обѣ работы не дадутъ ничего по интересующему насъ вопросу.

¹⁾ *Мартенсъ*, II, 104.

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ КЪ ВЫЛИНАМЪ ¹⁾.

V.

Золотыя врата въ Кіевѣ и Царьградѣ.

Въ первой главѣ моихъ Южно-русскихъ былинъ (вып. I, стр. 3) я указалъ на пересказъ легенды о кіевскихъ Золотыхъ воротахъ, записанный Грабовскимъ; указалъ, слѣдуя замѣткѣ г. Кулиша (Записки о Южной Руси, I, стр. 3—5), ибо рѣдкое изданіе, въ которомъ явилось сообщеніе Грабовскаго, было мнѣ тогда недоступно. Нынѣ, благодаря В. В. Калашу, я могу сообщить его версію разваза, интересную для исторіи русскихъ былевыхъ сюжетовъ ²⁾.

Kiedy Tatarzy coraz bliżej podstępowali pod Kijow i opasywali go wałami, z za których brać go zamierzali, wtedy nieznajomy bohater wszedł na wysoką jedną wieżę kijowską i napiąwszy łuk, puścił z niego strzałę, która doleciała aż do Stuhny i upadła w sam obóz Tatarski, w samą misę, z której starszyzna południowy posiłek brała. Jak skoro postzregli tę strzałę Tatarowie, poznali zaraz, że Kijowa nie wezmą, bo w nim się taki bohater znajduje, którego niezmogą. Postanowili więc wejść w układy; posłali do miasta, oświadczając, że odstąpią od niego spokojne i okupu zeń nie wezmą, byle im wydano bohatera, który strzałę z Kijowa do Stuhny dosięga. Ucieszono się w mieście, lecz nie wiedziano, gdzie szukać nieznajomego im rycerza. Szukano, szucano, aż nareszcie go odpytano; a wtedy zesła się rada, i radzono, oddawać go, czy nie oddawać?... Postanowiono oddać; lecz kiedy chciano go wyprowadzić z miasta, żaden koń

---

¹⁾ См. Ж. М. Н. Пр. за декабрь 1885 г.

²⁾ М. Grabowski, O gminnych ukraińskich podaniach. *Rubon*, t. VI, 1845 г., стр. 161—2: Legenda o Złotej-Bramie Kijowskiej (записана „około Корасзова w okolicach Stuhny“).

nie mógł go wynieść; аъ самъ бохатѣr poradził, żeby z ojcowskiéj jego stajni wyprowadzono ojcowskiego konia, który pod nimъ wytrzyma. Siadł więcъ бохатѣr на tego konia i ruszył z Kijowa; а kiedy wjechał pod Złotą-Bramę, wtedy obrocił do ludu i rzekł:

Kijanie! Kijanie! Panowie Gromada!
 Głupia wasza rada.
 Gdybyście mnie byli nie wydali,
 Pókiбы słońca на niebie,
 Nigdyбы Tatarzy Kijowa nie dostali.

Tak mówiącъ wznosił kopję do gory, podniósł на niéj Złotą-Bramę, i trzymającъ ją на włóczni, powoził z sobą do Tatarskiego obozu. Ucieszyli sie bardzo Tatarzy, dostawszy бохатѣra i Złotą-Bramę; odesłali do Carogradu, а sami, nie pomni на obietnicę, miasto zdobyli. Żyje по dziś dzieńъ бохатѣr в Carogrodzie, przed nimъ леży chlebъ święty, którego widokъ за pokarmъ mu i napój wystarcza; stoi i Brama-złota; а kiedy przechodzący przezъ nią myśli, że она тамъ wiecznie zostanie, mgli się i mierzchnie; kiedy zaś в мысли sobie powie: о Brama-Złota! wróćisz ты znowu на dawne miejscé! — Złote ściany lśnią się i promieniają, jak słońce. Wróci бо wiem i бохатѣr i Złota-Brama do Kijowa; на то już niedługo czekać.

Ближе всего этотъ пересказъ къ редакциі сказанія, записанной г. Кулишемъ (главныя разночтенія я отмѣтилъ курсивомъ); тамъ и здѣсь Золотыя Ворота переносятся изъ Кіева въ Царьградъ—по идеѣ, нашедшей выраженіе и въ другихъ легендахъ-дублетгахъ, представлявшихъ Золотыя Ворота Царьграда—или Кіева—палладиумомъ, съ которымъ связана судьба города. Въ интерполированномъ русскомъ текстѣ Откровеній Меодія измаильяне, подступившіе подъ Константинополь, „прійдутъ къ Златымъ Вратамъ, еже суть заключены издавна, никому же не отверзошась. Тѣмъ же повелѣніемъ Божиимъ отверзутся имъ, и пойдутъ и досѣдутся Сватыя Софія“ (Южно-русскія былины, вып. I, стр. 9; сл. вып. II, стр. 264: трапезунтскую пѣсню изъ сборника Іоаннида). У Симона Кезы о мадыарскомъ (=нѣмецкомъ) героѣ Ботондѣ разказывается, что при осадѣ Константинополя „arreto dolabro, quem ferre consueveret, super portam Urbis, que egea erat, praecurreret, tantamque fissuram in ea fecisse dicitur cum dolabro uno ictu, ut Greci propter monstrum portam resarcire poluerunt“. По Будинской хроникѣ пятилѣтній ребенокъ могъ свободно проходить въ отверстие, сдѣланное Ботондомъ въ мѣдныхъ вратахъ Царьграда. Подобный же подвигъ польскія лѣтописи приписываютъ Болеславу Храброму (позднѣе Болеславу II), но вмѣсто Царьграда стоитъ Кіевъ и его Золотыя Ворота. Досѣчься до Золотыхъ Воротъ, либо расѣчь ихъ, стало эпическимъ выраженіемъ, однозначущимъ съ

взятіемъ города. „Хочу сѣчи въ Золотыя Ворота, яко же и отецъ мой“, хвастаетъ о Кіевѣ половчинъ Севенчъ Боняковичъ (подъ 1151 годомъ).

VI.

Сумочка Микулы Селяниновича и византійская *ἀχαρία*.

Разбирая мимоходомъ былинну о Микулѣ Селяниновичѣ, я коснулся (Южно-русскія былинны, вып. 2, стр. 247—248) и его знаменитой сумочки съ „земною тягой“. Тяга земная—это земля, персть, поглощающая всякую силу и славу; это такое же *mento mori*, какъ сосудъ съ землею, который несутъ передъ пресвитеромъ Іоанномъ въ память о томъ, что всей его силѣ и славѣ суждено обратиться въ прахъ. Я привелъ въ параллель показаніе Гервасія Тильберійскаго (*Otia Imperialia, decis. I, c. X*): о золотой державѣ императора, наполненной перстью и золой, „*ut per auri fulgorem gloria notetur imperii et per favillam levis gloriae temporalis transitus designetur*“ (I. c. стр. 215—216). Таково въ сущности значеніе яблока-державы, поднесенной волхвомъ Мельхіоромъ младенцу Христу по легендѣ Іоанна Гильдесгеймскаго: она принадлежала Александру Македонскому, сдѣлана изъ монетъ, взятыхъ въ дань съ народовъ всего свѣта, ему подвластныхъ, и символически изображала міръ; когда поднесли ее Христу, она рассыпалась въ прахъ и пепелъ¹⁾. У Готфрида изъ Витербо (*Memoria saeculorum, part. XIV*) эта идея брениности, присущая символу державы, забыта и дано больше значенія символу всемірнаго владычества:

Aureus ille globus pomum vel palla vocatur,
Unde figuratum mundum gestare putatur:
Quando coronatur, palla ferenda datur.
Palla refert mundum forma faciente rotundum;
Intus habet gravidum terrestri pondere fundum,
Quem tenet archana palla ferenda manu.
Dicitur externis mundi collata quaternis,
Ut foret eternis manibus gestanda supernis:
Hac tulit imperium Julius arte suum.

Слѣдующія сопоставленія, обращающія насъ къ Византіи, бросаютъ свѣтъ не только на древнее символическое значеніе имперской

¹⁾ *Liebrecht*, Gerv. von Tilbury, *Otia Imperialia*, стр. 54, № 3.

державы, но и на сосудъ съ землею въ посланіи Пресвитера и на другія подробности, которыми онъ обставленъ.

Вотъ соотвѣтствующій эпизодъ посланія (ed. Zarncke 47): „Quando procedimus ad bella contra inimicos nostros, говорятъ о себѣ Пресвитеръ, XIII cruces magnas et praecelsas, factas ex auro et lapidibus pretiosis, in singulis plaustris loco vexillorum ante faciem nostram portari... facimus.. Cum vero simpliciter equitamus, ante majestatem nostram procedit lignea crux, nulla pictura neque auro aut gemmis ornata, ut semper simus memores passionis domini nostri Iesu Christi, et vas unum aureum plenum terra, ut cognoscamus, quia caro nostra in propriam redigitur originem, i. e. terram“. Сосуду, полному персти, отвѣчаетъ въ придворномъ византійскомъ церемониалѣ мѣшокъ изъ шелковой ткани, въ видѣ книги, наполненный землею: такъ-называемая *ἀκακία*¹⁾. Сл. Const. Porphyg. Ser. ed. Bonn. I, стр. 25: λαμβάνουσιν (то-есть, οἱ δεσπόται) ἐν μὲν τῇ δεξιᾷ χειρὶ τὴν ἀκακίαν, ἐν δὲ τῇ εὐωνύμῳ τοὺς ἐκ λίθων καὶ μαργάρων ἡμφιεσμένους χρυσοῦς σταυροῦς. Сл. тамъ же стр. 574 (*ἀλεξικακίας*) и слѣдующее символическое толкованіе акакіи, безъ упоминанія ея названія: ἐν ταῖς δεξιαῖς χερσὶν αὐτῶν (то-есть, императоровъ) τὸ νικητικὸν τοῦ σταυροῦ κατέχοντες τρόπαιον, τὴν ἐξανάστασιν τῆς χοικῆς ἡμῶν οὐσίας ἐν ταῖς εὐωνύμοις κατέχουσιν. (l. c. I, 766). Если въ послѣднемъ мѣстѣ разумѣется *ἀκακία*, то на этотъ разъ императоръ несетъ ее въ лѣвой рукѣ, а не въ правой, какъ въ первой цитатѣ, и ей приписывается новое значеніе: она знаменуетъ воскресеніе во плоти. Иной смыслъ дается ей у Кодина (De official. palatii Constantinopolit. c. 6), распредѣляющаго крестъ и акакію согласно съ послѣднимъ показаніемъ Константина Багрянороднаго: „τὸν δὲ γε σταυρὸν ἐν δεξιᾷ φέρει αἰεὶ, ἐν δὲ τῇ ἀριστερᾷ βλάτιον κώδικι εἰοικός, δεδεμένον μετὰ μανδουλίου. ὁ βλάτιον ἔχει χῶμα ἐντὸς καὶ καλεῖται ἀκακία.... Καὶ τὸν μὲν σταυρὸν ὁ βασιλεὺς φέρων δι' αὐτοῦ δείχνουσι τὴν εἰς Χριστὸν ἑαυτοῦ πίστιν... διὰ τοῦ χῶματος, καλεῖται ἀκακία, ὡς εἶπομεν, τὸ τὸν βασιλέα ταπεινὸν εἶναι ὡς θνητὸν, καὶ μὴ διὰ τὸ τῆς βασιλείας ὕψος ἐπαίρεσθαι καὶ μεγαλαυχεῖν.—Сл. Симона Θεσσαλονικίησкаго De sacro templo, c. XLVIII: ὁ δὲ γε βασιλεὺς μετὰ τὸ χρησθῆναι τε καὶ εὐλογηθῆναι ἀρχιερατικῇ χειρὶ, καὶ τὸ στέμμα λαβεῖν ἐπὶ κεφαλῆς, καὶ τὸν σταυρὸν εἰς δεῖγμα τῆς εὐσεβείας καὶ τὴν ἀκακίαν ὅπερ χροῦς ἐστὶν ἐν

¹⁾ Объ изображеніи ея на византійскихъ миниатюрахъ см. *Кондакова*, Истoria византійскаго искусства, стр. 115 и 235 (Олицетвореніе Незлобія, съ акакіей въ рукѣ).

μανδολίφ σημαίνον τὸ φθαρτὸν τῆς ἀρχῆς καὶ τὴν ἐκ τοῦτου ταπεινώσειν*. Ближе всего къ сосуду съ перстью Эпистолии разказъ Петра Даміани, Epist. I, 17: что византійскій новопосвященный императоръ „una manu vasculum plenum mortuorum ossibus et pulveribus offerat, in alia vero stuppam lini subtiliter pexam ac pills pensilibus molliter demolitam, et repente in ictu oculi flamma subito vorante consumitur, ut in altero considerare debeat quod est, in altero videre valeat, quid habet. In cineribus siquidem se cinerem recognoscit, in stuppa vero colligit, in die iudicii quam subito mundus ardebit».

Если въ эпизодѣ о Микулѣ пахарѣ онъ становится въ параллель съ пашущимъ византійскимъ императоромъ, то къ приключенію съ сумкой, въ которую накладывается земная тяга, мы также вправѣ искать параллелей въ указанномъ направленіи и находимъ ихъ въ византійской акакіи, мѣшеѣ, наполненномъ перстью, напоминавшей о бренности человѣческой славы.

VII.

Готы и Гунны и русская мѣстность Hervararsaga'и.

Richard Heinsel. UEBER DIE HERVARARSAGA. Wien. 1887.

Сообщая далѣе о новомъ трудѣ профессора Гейнцеля, я имѣю въ виду не критику полученныхъ имъ результатовъ, а изложеніе тѣхъ изъ нихъ, которые касаются географическихъ и этническихъ отношеній древней Руси. Въ томъ и другомъ смыслѣ сага о Hervarar представляетъ любопытныя данныя, значеніе которыхъ разъяснено обширной эрудиціей профессора Гейнцеля.

Общее содержаніе древней саги, на сколько можно заключить по ея двумъ, неравномѣрно сохранившимся редакціямъ (I и II), слѣдующее:

Король Svafilami (или Sigrlami въ Garðaríki, ркп. а. Ст. стр. 19) добылъ отъ дверговъ чудесный мечъ Турфинг, причиняющій смерть человѣка всякій разъ, какъ его вынуть изъ ноженъ¹⁾. Мечъ этотъ

¹⁾ Гейнцель, стр. 29—30, пр. 1, сравниваетъ съ Тирфингомъ мечъ Dainsleif въ Skaldskaparmál с. 50, Snorra Edda I, 434; мечъ Сигмунда въ Völsungasaga' въ FAS. I, 146; лукъ An'a FAS. 2, 327, 338; стрѣлы Gusi въ Órgaroddsaga FAS. 2, 122 vqđ, 173 и перстень Andvari. Мечъ Аттилы, по повзвѣйшему преданію, также приносилъ несчастье. Ст. ib., стр. 30, прим. 1, и мечъ Навходоносора въ Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ, стр. 151.

переходить къ Arngrim'у, женившемуся на дочери Svafrlami, Eufura'ѣ, и затѣмъ къ старшему изъ двѣнадцати сыновей Arngrim'a, Angantyr'у. Angantyr сватается (за брата?), вслѣдствіе клятвы, имъ данной, за дочь Шведскаго короля ¹⁾, которую любитъ Hjalmar; вслѣдствіе этого происходитъ на Samsö бой между сыновьями Arngrim'a и Hjalmar'омъ въ союзѣ съ Örgarodd'омъ, при чемъ Angantyr убиваетъ Hjalmar'a Tugfing'омъ, но и самъ убитъ вмѣстѣ со всѣми братьями. Незадолго передъ тѣмъ Angantyr женился на дочери Vjartmar'a, которая уже по его смерти родила дочь, по имени Hergöf. Дикая и необузданная, она покидаетъ мать и дѣда и подъ именемъ Hergald'a становится вождемъ викинговъ. Проставъ на островъ Samsö, она будитъ въ могильномъ курганѣ своего отца Ангантира и побуждаетъ его выдать ей мечъ Тирфингъ, что тотъ и дѣлаетъ, вѣщая, что отъ того меча погибнетъ весь его родъ. Ея дальнѣйшія странствованія приводятъ ея къ королю Gudmund'у въ Glasirvellir. Она помогаетъ ему въ шахматной игрѣ и убиваетъ одного человѣка, рѣшившагося обидеть Тирфингъ. Позднѣе, прискучивъ боевою жизнью, она возвращается къ Гудмунду и выходитъ за его сына, мудраго Höfund'a. У нихъ два сына: Angantyr II и Heiðgekr, котораго мать любитъ больше, не смотря на его злой нравъ, и которому даритъ мечъ Тирфингъ. У него воспитатель Гизуръ. Однажды на пиру у отца, къ которому онъ не былъ позванъ, Гейдрекъ возбудилъ распрю и нечаянно убилъ своего брата. Его изгоняютъ, но Höfundъ даетъ ему въ путь мудрыя наставленія: не помогать человѣку, убившему своего господина или друга; не позволять женѣ часто посѣщать своихъ родственниковъ; не оставаться у милой до поздней ночи; не садиться на лучшаго коня, если спѣшишь; не воспитывать сына человѣка, болѣе могущественнаго, чѣмъ онъ самъ. Гейдрекъ сознательно преступаетъ два первыхъ изъ преподанныхъ ему совѣтовъ, какъ дѣлаетъ и далѣе относительно нѣкоторыхъ другихъ—но эти совѣты, или скорѣе неисполненіе ихъ, не наполняютъ его біографіи и не даютъ ей рамки. Очень вѣроятно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ ходячимъ мотивомъ, внѣшнимъ образомъ введеннымъ въ разказъ ²⁾. Гейдрекъ помогаетъ

¹⁾ Она названа Ingibidrg, дочь Yngvi или Ingjald'a. Похвальба любовью Ингиборги была типическою, можетъ быть, еще до сложенія Hergaragaga'и. Въ Sturlaugasaga Starfsama (FAS. 3, 633) Framar хвастаетъ, что попадетъ на ложе Ингиборги, дочери короля Ингвара i Gögdum austr—то-есть, въ Garðariki—Руси? Сл. р. 31.

²⁾ См. Heinsel, l. c. стр. 37—39.

Гаральду, королю Reidgotaland'a, противъ возставшихъ ярловъ и получаетъ руку его дочери Гельги, которая родитъ ему сына Angantyr'a III. Для отвращенія голода въ Reidgotaland'ѣ положено принести въ жертву мальчика изъ именитѣйшаго рода; по приговору Höfund'a участь падаетъ на Angantyr'a III, но онъ избѣгаетъ ея, ибо Гейдрекъ удается, при помощи хитрости, которой научился у отца, причинить смерть Гаральду и воцариться на его мѣстѣ. Гельга убиваетъ себя. Отъ любовницы Sifka'и, дочери Humli, князя Hupaland'a, у Гейдрека сынъ Hlödr, вырастающій у своего дѣда. Впослѣдствіи Гейдрекъ женится на дочери короля саксовъ, которая отпросилась у него на побывку къ своимъ роднымъ вмѣстѣ съ его сыномъ Ангантиромъ III; здѣсь Гейдрекъ застаётъ ее однажды спящей съ рабомъ-любовникомъ и тайно удаляется, отрѣзавъ у послѣдняго прядь волосъ и взявъ съ собою сына. Такимъ образомъ онъ побуждаетъ жену ко лжи: будто Ангантиръ III умеръ; она велитъ наскоро соорудить ему пышную могилу, въ которой, при осмотрѣ, найденъ трупъ собаки. Гейдрекъ издѣвается надъ метаморфозой, постигшей его сына, а раба уличаетъ отрѣзанной у него прядью волосъ.—Разведясь съ женой-саксонкой Гейдрекъ, въ сознательномъ противорѣчій съ однимъ изъ мудрыхъ совѣтовъ Höfund'a, предлагаетъ королю Hgrollaug'у изъ Gardariki взять къ себѣ на воспитаніе его сына, что и устраивается, благодаря посредничеству жены Hgrollaug'a и не смотря на нежеланіе послѣдняго. Однажды, явившись на пиръ къ королю съ своею любовницей Сифкой и питомцемъ, онъ убѣждаетъ его спрятаться, а самъ предается горю объ его утратѣ. Ночью онъ говоритъ Сифкѣ, что убилъ питомца, нечаянно обнаживъ при немъ мечъ Тирфингъ, всегда требующій въ такихъ случаяхъ человѣческой жертвы. Снова онъ преступилъ совѣтъ Höfund'a: не довѣрять тайны любовницѣ; Сифка доноситъ о мнимомъ преступленіи Гейдрека, и Hgrollaug велитъ его повѣсить, при чемъ исполнителями казни готовы явиться лишь два негодяя, которымъ Гейдрекъ спасъ жизнь. Въ это время показывается сынъ Hgrollaug'a, который, по совѣту жены, предлагаетъ Гейдреку руку своей дочери. Съ нею онъ ѣдетъ домой; вечеромъ онъ удаляетъ отъ себя Сифку, посадивъ ее на своего лучшаго коня; когда онъ палъ подъ нею, Гейдрекъ наказываетъ (или убиваетъ?) за то любовницу. Съ новой женой онъ прижилъ дочь, Негвѳг II, валькирію, воспитывающуюся у Frobmar'a. — Гейдрекъ приноситъ въ жертву Фрею кабана, при чемъ клянется, что всякій обвиняемый обязанъ либо подчиниться приговору его совѣтниковъ,

либо задать ему неразрѣшимыя имъ загадки. Одинъ именитый чело-вѣкъ, по имени Gestumblindi, является судиться ко двору; не довѣ-ряя ни рѣшенію мудрыхъ людей, ни своей собственной мудрости, онъ обращается съ молитвой къ Одину, который, принявъ образъ Ge-stumblindi, самъ предлагаетъ загадки Гейдреку. Гейдрекъ отгадываетъ всѣ, за исключеніемъ послѣдней: словъ, сказанныхъ Однимъ на ухо Бальдру, когда онъ возлежалъ на кострѣ. Узнавъ по содержанію за-гадки—Одина, Гейдрекъ замахнулся мечемъ на бога, улетѣвшаго въ видѣ сокола, но отрубилъ лишь конецъ хвоста; съ тѣхъ поръ соколъ тупохвостый. Это кощунство и является причиной смерти Гейдрека.

Для слѣдующаго отдѣла саги редакція I не сохранилась; конецъ досказывается по рукописямъ редакціи II.

Гейдрекъ убить своими рабами у подошвы горъ Нагвада; они бѣгутъ, захвативъ съ собой Тирфингъ и казну, но у рѣки Ггафа от-крыты и убиты сыномъ и наслѣдникомъ Гейдрека, Ангантиромъ III; Тирфингъ опять въ его власти.

Когда Нлбѣг, незаконнорожденный сынъ Гейдрека, жившій у своего дѣда, гуннскаго короля Нумли, узналъ о захватѣ отцовской власти Ангантиромъ III, онъ отправился въ его резиденцію Arheis-шаг и потребовалъ, чтобъ ему уступлена была половина владѣній. Ангантиръ отвѣчаетъ отказомъ на требованіе брата, предлагая въ замѣнъ дары и третью часть готскаго царства; воспитатель Анган-тира, Гизуръ Grytingalifi, говоритъ, что для незаконнорожденнаго брата и этого будетъ довольно. Нлбѣг удаляется разгнѣванный и спа-ряжается вмѣстѣ съ дѣдомъ къ войнѣ противъ брата. Они соби-раютъ громадное войско и доходятъ по лѣсу Мугквѣг до замка, гдѣ жила съ своимъ воспитателемъ Осмаг'омъ сестра Ангантира, Негвѣг II. Она назначаетъ, черезъ посредство Осмаг'а, мѣсто битвы, въ которой гунны остаются побѣдителями; Негвѣг II убита, а Ос-маръ бѣжить съ горестною вѣстью къ Ангантиру. Тогда Ангантиръ поручаетъ Гизуру вызвать Нлбѣ'а и гунновъ на бой въ Dylgja, на Dunheidi, подъ горами Jösur (Jösurfjollum). Вызовъ Гизура полонъ надменности:

Felmtr er yðru fylki,
feigr er yðar visir,
gnaefr yðr gunnfani,
gramr er yðr Óðinn.

(Смущена ваша волость, обреченъ на смерть вашъ король, вашъ стагъ висятъ, но гнѣвенъ на васъ Одинъ).

часть сслѣц, отд. 2.

6

Ніѳѳг велить схватить его, но Нумлі его защищаетъ, и онъ идетъ сообщить Ангантиру о превосходствѣ непріятельскаго войска. Происходитъ жестокая битва, длящаяся восемь дней, ибо готы сражаются за свободу и отечество. Ангантиръ бьется съ Тирфингомъ въ рукахъ и убиваетъ Ніѳѳ'а и Нумлі; гунны обращаются въ бѣгство; рѣка выступаетъ изъ береговъ, долины переполнены трупами, а Ангантиръ плачется надъ участію, сдѣлавшей его убійцей брата.

Изъ сообщеннаго нами содержанія саги насъ интересуетъ здѣсь лишь вторая часть, начинающаяся съ эпизода о смерти Гейдрек-Ужеэтотъ разказъ, плохо вяжущійся съ предыдущимъ преніемъ загадками (см. Heintel, 40—41), указываетъ на иной источникъ и иной кругозоръ, чѣмъ въ какомъ стоялъ писатель первой части саги. То же надо предположить и относительно слѣдующаго далѣе отдѣла: о распрѣ между Ніѳѳ'омъ и Ангантиромъ и великой готско-гуннской битвѣ. Составитель пользовался для этого отдѣла какою-нибудь древнею пѣсней, или и двумя (см. стр. 44) объ этомъ событіи, и цитуемая имъ строфа не только обличаетъ значительно бѣльшую древность сравнительно съ прозаическими частями саги, но одна изъ нихъ вводитъ, будто новое, лицо, съ которымъ мы уже знакомы: Ніѳѳ'а:

Níðgr var þar borinn
í Hunalandi,
Saxi ok með sverði,
Síðri brynju,
Hjálmi hringreiftum,
Hvössum maeki,
Mari vel tömum,
Á mörk inni helgu.

(Ніѳѳг родился въ Гуналандѣ, съ ножомъ и мечемъ, длинной броней, шлемомъ, украшеннымъ кольцами, острымъ булатомъ, снаряженнымъ конемъ, родился въ священной области). Какъ бы ни понимать значеніе этихъ образовъ: реально (герой рождается во всеоружіи силы или мудрости) или иносказательно (какъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ: подъ трубами повити, подъ шеломи възгълѣяни, конецъ копія въскрѣмлени), мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ отрывкомъ ¹⁾ древне-пѣсеннаго характера, съ запѣвомъ, впервые вводившимъ на сцену Ніѳѳ'а и его соратниковъ—гунновъ.

Ближайшимъ является вопросъ: какую именно битву гунновъ съ

¹⁾ l. c. 44—45.

гочами имѣеть въ виду эпизодъ о Нібѣ? Гейнцель указалъ на нѣкоторыя германскія параллели къ этому разказу. Въ датскихъ историческихъ памятникахъ нерѣдко встрѣчаются имена Humblus и Lothegus; Humli и Nib sagi; такъ и у Саксона Грамматика (I. I с. 22 ed. Müller), гдѣ они являются сыновьями Дана и Гриты и внуками перваго Humblus, родоначальника датской династии. Humblus второй ведетъ войну противъ Лотера, лишаетъ его царства и становится тираномъ, Если въ этомъ разказѣ Саксона интересующему насъ эпизоду отвѣчаютъ лишь собственныя имена, а не содержаніе событій, то слѣдующій (I. с. I 223 слѣд.) представляетъ и содержательное соотвѣстствіе. Дѣло идетъ о войнѣ между датчанами и гуннами, Frotho III и королемъ Hun'омъ, его тестемъ. Оскорбленный тѣмъ, что Frotho прогналъ свою жену, Hun въ союзѣ съ Olmagus, королемъ восточныхъ (Orientales) людей или рутеновъ (Rutheni, I 234, и слѣд.), идетъ на датчанъ войною, при чемъ Olmagus начальствуетъ надъ морскими Hun надъ сухопутными силами. Эрикъ ѣдетъ соглядатаемъ къ флоту затѣмъ къ гуннской рати, рано утромъ видитъ ея аванпосты, тогда какъ аррьергардъ проходитъ мимо него лишь вечеромъ. Эрика узнали и хотять взять въ плѣнъ, но онъ спасаетъ себя изреченіемъ: *non desere unum a pluribus abgiri* и, вернувшись къ Фротону, говорятъ ему о численности непріятельскаго войска. Frotho побѣждаетъ Олимара, поступающаго къ нему на службу, но удаляется передъ гуннами, которые погибають отъ собственной многочисленности; его покидаетъ *Uggerus vates*, „*vir aetatis incognitae et supra humanum terminum prolixae; qui Frothonem transfugae titulo petens, quicquid ab Hunis parabatur, edocuit.* Гунны собирають новое войско, которое Фротонъ разбиваетъ въ осьмидневной битвѣ (I, 240). „*Cujus (pugnae) prima dies tanta interfectorum strage recrudit, ut praecipui tres Rusciae fluvii, cadaveribus velut ponte constrati, pervii ac meabiles fierent. Praeterea quantum quis itineris per triduum equo conficere posset, tantum locorum humanis cadaveribus completum videret.*—Itaque praelio septem dies extracto, cecidit rex Hun. Cujus frater eodem nomine, inclinatam Hunorum aciem conspiciatus, cum sua se cohorte dedere contactatus non est. Eo bello septuaginta ac centum reges, qui aut ex Hunis erant aut inter Hunos militaverant, remisere se regi... Igitur Frotho vocatis in concionem regibus, sub uno eodemque jure degendi normam imponit. Praefecit autem Oimarum Holmgardiae, Önevum Cönogardiae, Hun vero captivo Saxoniam tribuens, Revillum Orcadibus donat. Provincias Helsingorum, Jarnberorum et Jamtorum cum utraque

Lappia Dimaro cuidam procurandas attribuit; Dago Hestiae regimen erogavit. Itaque Frothonis regnum Rusciam ab ortu complectens ad occasum Rheno flumine limitatum est“.

Еще въ *Antiquités russes* I, 113 было указано на сходство роли, какую играетъ Эрикъ въ этомъ описаніи гуннской сѣчи, съ ролью Gizur'a въ гуннской же битвѣ *Hervararsaga*'и; *Uggerus* (= *Yggr* = *Odinn*) представилъ параллель къ приведенной выше угрозы Газура: *gramr er ydr Odinn*...

Chronicon Erici regis (*Langebeck, Script. I, 153*) пользовался, вѣроятно, тѣми же источниками, что и Саксонъ, въ разказѣ о гуннско-готскомъ побоищѣ, о которомъ знала, быть можетъ, и древняя сага о *Skjöldung*'ахъ (*Heinzel, 49*) и англосаксонскій *Widsið*, упоминающій *Hlidi* и *Ingenthéow'a* (= *Hlöðr* и *Angantyr*) и *Wyrmore* (= *Osmarr*) *Hervararsaga*'и и побѣдоносную битву готовъ съ гуннами:

119 fall oft thær wig ne alaeg,
thonne Hraeða here heardum sweordum
ymb Wistlawudu wergan sceoldon
ealdne éthelstól Aetlan léodum.

(„рѣдко тамъ обходилось безъ битвы, когда рать готовъ должна была каленными мечами оборонять у лѣса на Вислѣ древнія родовыя поселья отъ людей Аттилы“).

Эту битву готовъ съ гуннами, упоминаемую сѣверными источниками, проф. Гейнцель (стр. 51—54) склоненъ отождествить съ извѣстнымъ побоищемъ при Шалонѣ 451 года. Предложенное имъ сравненіе лѣтописныхъ данныхъ о послѣднемъ съ описаніями саги и Саксона Грамматика не всегда убѣлительно, когда касается мелочей и орудуетъ дублетами, въ предположеніи, что въ одномъ лицѣ саги могли отразиться двѣ различныя историческія личности, поставленныя въ сходное, приблизительно, положеніе. Теоретически—обобщенія саги, народнаго преданія должны идти именно этимъ путемъ, отвлекая отъ историческихъ фактовъ ихъ суть, сводя въ одно, что представлялось аналогичнымъ, нагромождая на одно лицо сказанное о многихъ. Фактически доказать такой именно путь обобщенія трудно и частности всегда могутъ возбудить сомнѣніе. Такъ и въ нашемъ случаѣ: тамъ и здѣсь роковая битва готовъ съ гуннами, длящаяся нѣсколько дней, вначалѣ счастливая для гунновъ, имѣющая для готовъ особое значеніе, ибо дѣло идетъ для нихъ о защитѣ свободы и родины. Оставимся на частностяхъ сравненія: въ 439 году соперникъ Аэція, римскій полководецъ Литорій, нападаетъ съ гуннской помощью на ту-

лузскихъ вестготовъ, разбить и взять въ плѣнъ, либо убить; въ 450 году младшій сынъ одного франкскаго короля ищетъ покровительства Аэціи и усыновленъ имъ, тогда какъ старшій обращается къ Аттилѣ, получившему такимъ образомъ поводъ къ вторженію въ Галлію. Аэцію перваго свидѣтельства, младшему франкскому царевичу втораго—отвѣчаетъ въ сагѣ одинъ и тотъ же Ангантиръ; противникъ послѣдняго, Hnmlí—историческому Аттилѣ; Hlöd'у, воюющему въ союзѣ съ Hnmlí, Литорій и, вмѣстѣ, одинъ изъ франкскихъ принцевъ: тотъ и другой опиравшіеся на помощь гунновъ. Можетъ быть, и въ Гизурѣ саги сохранилась память о вандалскомъ королѣ Гейзерихѣ (Gizericus, Guzericus у Иордана), пособникъ и наущатель Аттилы ¹⁾, а его Murgvídr отразилъ въ себѣ герцинскій лѣсъ, лежавшій на пути Аттилы въ Галлію.

Какъ бы ни отнестись къ инымъ частностямъ предложеннаго сближенія, до сихъ поръ представляется вѣроятнымъ, что готско-гуннское побоище саги отразило въ себѣ народно-пѣсенное преланіе о знаменитой шалонской битвѣ, лишь иначе географически приуроченной. Готы саги являются не тулузскими вестготами, а обитателями Reidgotaland'a, отдѣленнаго лѣсомъ Murgvídr отъ Hnaland'a, лежащаго отъ него къ югу или востоку. Въ сѣверныхъ памятникахъ названіемъ Reidgotaland'a обозначались различныя мѣстности: Ютландія, Померанія, Швеція, но также и Россія. Haur Erlendsson († 1334) перечисляетъ страны, лежащія у Gardaríki, между ними Rúlfaland или Pólena; „а на востокъ отъ Поляннн лежитъ Reidgotaland, а далѣе Hnaland“ (En austr frá Pólena er Reidgotaland on tha Hnaland). Такъ и въ Скальголтской книгѣ, гдѣ въ Gardaríki помѣщены города Pallteskja ok Коенугардар (Полоцкъ и Кіевъ). По этому представленію, Hnaland лежитъ въ южной и восточной Россіи, что отвѣчаетъ воззрѣніямъ саги af Eigli einhenda (FAS. 3, 364: Hertrygg hefir konúngr heitit, hann reð fyrir austr í Russia. that er mikít land ok fjölbyggt, ok liggir milli Hnalandis ok Gardaríkis = Гертриггомъ звали конунга, властвовавшаго на востокъ, въ Россіи. Это великая и населенная страна, лежащая между Hnaland'омъ и Гардарики) и очевидно, нашей Нерварасагара'ѣ, помѣщающей столицу Ангантира въ области Днѣпра = (í Arheimum?), и именно въ градѣ Днѣпра=

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ, стр. 82—83, Гейнцель выражаетъ предположеніе, что въ Гизурѣ могла сохраниться память о Генсимвудѣ, воспитателѣ молодаго остготскаго короля.

Daþrag staðir, знающей въ странѣ готовъ славный „дремучій лѣсъ“ и священную могилу ¹⁾). Если послѣднія описательныя указанія могутъ быть приблизительно истолкованы въ связи съ южно-русской мѣстностью саги, то другія менѣе поддаются толкованію. Когда, отправляясь къ гуннамъ, Гизуръ спрашиваетъ Ангантира, въ какомъ мѣстѣ объявить имъ бой, тотъ отвѣчаетъ:

Kendu at Dylgja
Ok á Dúnheiði
Ok á theim öllum
Jösurfjöllum!
þar opt Gotar
Gunní háðu
Ok fagran sígu
Frægir vágu.

„Назначъ имъ (мѣсто) на Дылгѣ (вар. Dylgja) и на равнинѣ Dún'a и у всѣхъ горъ Jösur. Тамъ готы часто творили битву и одерживали, славные, блестящую побѣду“. — Dylgja не опредѣлима; въ первой части Dúnheiði могли отразиться, по мнѣнію Гейнцеля (стр. 70), названія Двины, Дона, скорѣе всего Дуная — можетъ быть, въ связи съ русскими походами на Дунай въ X вѣкѣ. Горы Jösur остаются загадочными—если это не горы ясовъ, то-есть, алановъ, осетинъ. Яскія горы упоминаются въ Крыму въ XIV вѣкѣ; одинъ источникъ XV столѣтія говоритъ объ аланскихъ или гунскихъ горахъ въ седмиградскихъ Карпатахъ; сл. Amm. Marcellinus 31, 2, 13: hoc (Tanai sc.) transito in immensum extensas Scythiae solitudines Halani inhabitant, ex montium appellatione cognominati.

Память о царствѣ Эрманариха въ южныхъ мѣстностяхъ Россіи могла пережить его историческое существованіе, варяги — слышать о немъ преданія и пѣсни отъ крымскихъ готовъ, съ которыми они приходили въ общеніе, въ которыхъ находили своихъ родичей: βυρορ βυτες (то-есть, готы) ἤθισαι τοῖς ἐκεῖ τὰ παρὰ οὐδὴν αὐτῶν οὐκ ἀποδιαφέροντες, говорить о варягахъ въ X вѣкѣ письмо готскаго монарха (Heinzel, 72). Такъ могло сложиться представленіе Инглигасаги (с. 20) о прибытіи боговъ, асовъ, въ Скандинавію съ сѣвернаго берега Чернаго моря, изъ великой Швеціи, Svithjóð hín mikla, иначе Godheimar, то-есть, страна боговъ, вмѣсто Got-heimar, страна готовъ (I. с. 75—76). Можетъ

¹⁾ См. мою замѣтку: Кіевъ—градъ Дѣвпра въ *Запискахъ романо-германскаго отдѣленія филологическаго общества* при Имп. С.-Петербургскомъ университетѣ. Выпускъ I (С.-Пб. 1888); Heinzel, стр. 57 слѣд.

быть, отъ крымскихъ готовъ варяги услышали и какой-нибудь пѣсенный разказъ объ эпизодахъ битвы 451 года (см. I. с. 72). Такъ опредѣлился бы источникъ варяжскаго, то-есть, сѣвернаго преданія о ней, при чемъ ея локализацию на югѣ пришлось бы отнести на счетъ представленія сѣверныхъ людей о мѣстоположеніи древняго Got-heimar. Но, очевидно, не крымскіе готы, были проводниками преданія, прошедшаго на сѣверъ неопредѣленными путями (I. с. 105), но въ редакціи, народный характеръ которой Гейнцель попытался опредѣлить. Я выбираю изъ сообщенныхъ имъ фактовъ лишь тѣ, которые рельефнѣе освѣщаютъ его аргументацію.

Сближенію готско-гуннской битвы Негвагагазага'и съ шалонской видимо перечить, по видимому, не столько измѣненіе мѣста дѣйствія, сколько забвеніе главнаго дѣйствующаго лица съ готской стороны: Теодориха вестготскаго. Первое, по отношенію къ нашей сагѣ, уже было объяснено, второе часто является результатомъ народныхъ, мѣстныхъ усвоеній громкаго историческаго факта, иногда забвенія лѣтописца. Такъ, Chronicon paschale (ed. Bonn. I, 567 и слѣд.) переноситъ на Алариха слухъ, сообщаемый Иорданомъ (с. 40), будто Теодорихъ вестготскій убитъ былъ стрѣлою, и притомъ въ битвѣ на Дунаѣ, отвѣчающей — шалонской: когда Аттила грозилъ войною „'Αέτιος ἀπῆλθε πρὸς 'Αλλάριχον εἰς Γαλλίαν, ὄντα ἐχθρὸν Ῥώμης διὰ Ὀνώριον, καὶ προετρέφετο αὐτὸν ἅμα αὐτῷ κατὰ Ἀτίλα, ἐπειδὴ ἀπόλεσον πόλεις πολλὰς τῆς Ῥώμης. καὶ ἐξαίφνης ἐπὶ ῥίψαντες αὐτῷ, ὡς ἔστιν ἠπληκρομένον πλησίον τοῦ Δανοοβίου ποταμοῦ, ἔκοψαν αὐτοῦ χιλιάδας πολλὰς· εἰς δὲ τὴν συμβουλὴν ὁ 'Αλλάριχος πληγὴν λαβὼν ἀπὸ σαγίττας τελευτᾷ“. — Детриксъ мадьярскихъ лѣтописей, раненый въ лобъ стрѣлою, по мнѣнію Гейнцеля (стр. 104), несомнѣнно вестготскій Иорданова преданія, но уже у Кезы онъ названъ веронскимъ, а въ одной передѣлкѣ его лѣтописи онъ являетъ черты, ясно окружавшія въ легендѣ его остготскаго соименика. Онъ бьется, въ союзѣ съ Магриномъ, противъ Аттилы на Дунаѣ (Кеза) или при Tarnok velgy (Chronicon Budense, ed Podhaczky, 1838, p. 15), и Гейнцель (p. 104) считаетъ вѣроятнымъ, что и въ этомъ случаѣ имѣется въ виду — шалонская битва, хотя буданская лѣтопись разказываетъ о послѣдней далѣе и особо, вывода въ ней на мѣсто Теодориха — готскаго короля Aldaricus (Chron. Bud. 21). Еще и въ третьей и послѣдней битвѣ сыновей Аттилы, Аладарія (Алариха?) и Хабы, Гейнцель усматриваетъ „ясную связь съ воспоминаніями о побоищѣ 451 года, какъ они сохранились въ сѣверномъ преданіи“ (стр. 106).

Эта замѣна историческаго Теодориха вестготскаго Аларихомъ (и прибавимъ: Теодорихомъ остготскимъ) готовится насъ къ толкованію проф. Гейнцелемъ первоисточника сѣверной саги. Она не забыла Теодориха, а замѣнила его другимъ лицомъ. Центръ аргументаціи лежитъ въ толкованіи собственныхъ именъ: *Hlōđr* и *Angantyr* (сл. 77, 80—82)—это франкъ *Chlodio*, побѣжденный въ 428 г. Аэціемъ (стр. 51): *Alecisus*, *Agetius*, *Agatius*, что дало бы герм. *Hagthér*, въ которомъ сѣверные люди нашли знакомое имъ имя: *Anganthér'a*, *Angantyr'a*. Аэцій былъ женатъ на варварской, можетъ быть, готской царевнѣ, усыновилъ франкскаго принца, и это могло повести къ представленію его самого германцемъ, особливо среди франковъ, надъ которыми римляне *Ciagrii* и *Эгидій* властвовали съ почти королевскою властью. Въ побѣдоносной битвѣ противъ *Chlodio-Hlōđ'a* его братъ и противникъ Аэцій — *Angantyr* заступилъ мѣсто Теодориха вестготскаго; послѣдній, какъ извѣстно, палъ въ битвѣ, *Angantyr* остается въ живыхъ—по требованіямъ франкскаго преданія, внесшаго въ разказъ о битвѣ народныя имена, но оставившаго своихъ царевичей готами — ибо историческая память о роли готовъ въ шалонской побѣдѣ стояла слишкомъ крѣпко, и изъ нея трудно было сдѣлать франкскую, съ франкскимъ героемъ во главѣ (I. с. 77).

Если такъ, то въ сѣверную сагу преданіе о шалонскомъ побойщѣ должно было проникнуть въ франкской версіи, съ именами *Chlodio-Hlōđ'a* и Аэція-Ангантира, и сѣвернымъ людямъ принадлежить лишь его южное приуроченіе, навѣянное знакомствомъ съ *Gotheimar*. Но и оно оказывается не новымъ, если вѣрно предположеніе Гейнцеля, что *Dunheidi*, гдѣ *Angantyr* предлагаетъ бой гуннамъ, отвѣчаетъ долину Дуная: ибо на Дунаѣ помѣщаютъ бой Алариха (Теодориха) съ гуннами и Пасхальная хроника, битву Теодориха съ Аттилой тамъ же мадьярскія лѣтописи. Эта согласная локалізація въ памятникахъ, взаимно независимыхъ (я особенно имѣю въ виду *Herwarsaga'y*), едва ли указываетъ на шалонскую битву и на Аттилу, а на какое-нибудь болѣе древнее столкновеніе готовъ съ гуннами и готскихъ влстителей между собою, на болѣе древнихъ поселеньяхъ. Упомяну Эрманариха, погибшаго въ войнѣ съ гуннами, Винитара, которому гуннскій король *Valamer* противопоставилъ амала *Сигизмунда* и т. п. Я не дѣлаю попытки обстоятельныхъ сближеній, потому что для таковыхъ нѣтъ матеріаловъ. Замѣчу только, что въ *Herwarsaga'y* нѣтъ и имени Аттилы, а названъ гуннскій царь

Hunli, можетъ быть, не историческое, а эпическое имя, въ которомъ нѣтъ нужды видѣть поздній субститутъ имени Аттилы (сл. I. с. 79). Если въ Widsid'ѣ, гдѣ готы бьются съ гуннами „въ лѣсу Вислы“ (Дакін по мнѣнію Гейнцеля стр. 103), Аттила названъ рядомъ съ Hlitle-Hlöd'омъ и Incegentheow'омъ-Ангантиромъ, то развѣ его имя не можетъ быть подволеніемъ, почерпнутымъ изъ памяти о лицѣ, ставшемъ пѣсеннымъ показателемъ гунновъ?

Присоединимъ къ этому и другое возможное соображеніе: готы назначаютъ гуннамъ битву Dunheidi—ok á theim öllum Jösurfjöllum. Dunheidi, можетъ быть, долина не Дунаа, а Дона, что согласовалось бы съ Jösurfjöllum—горами яссовъ или ясовъ, то-есть, алановъ, жившихъ на обширной сѣверо-кавказской равнинѣ, доходя на югѣ до главнаго хребта и Даріальскаго ущелья, а на западѣ до Мэотиды и нижняго теченія Дона ¹⁾). На Дону или за Дономъ бьются съ ними русскіе князья, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей ²⁾), знающихъ и „горы высокія, яскія и черкасскія, близъ воротъ желѣзныхъ“, то-есть, кавказскія, въ которыхъ Аполлинарій Сидоній помѣщаетъ caucasigenas alanos ³⁾). Ихъ западной границей было теченіе рѣки Дона, которой они дали названіе: осет. дон—вода, рѣка ⁴⁾). У яскихъ горъ (Jösurfjöllum) и въ Dunheidi—долинѣ Дона и могли происходить битвы готовъ съ гуннами. Сл. Ammian. Marcell. XXXI. 3, 1: въ 375 году „гунны прошли черезъ земли алановъ... убили и ограбили многихъ, а съ остальными заключили союзъ и, при ихъ содѣйствіи, съ большой увѣренностью проникли въ просторныя и плодородныя владѣнія Эрманраха, очень воинственнаго царя, котораго страшились всѣ сосѣдніе народы, вслѣдствіе его многочисленныхъ и различныхъ подвиговъ храбрости“ ⁵⁾). Это опредѣлило бы и мѣсто дѣйствія и историческія воспоминанія саги въ эпизодѣ о готско-гуннскомъ столкновеніи. Если оно является побѣдоноснымъ для готовъ, наперекоръ исторіи, то это лишь характеризуетъ народный источникъ, въ которомъ историческій фактъ дошелъ до сѣвернаго сказителя. Народная гордость идеализуетъ пораженія, обращая ихъ въ побѣду; нѣчто подобное предположилъ Гейнцель,

¹⁾ *Вс. Миллеръ*, Осетянскіе вѣтвды, Часть III, стр. 10, 11, 23, 30, 32, 35, примѣч. 1, 43, 44, 45, 58, 71, 75, 97.

²⁾ I. с. 66 слѣд.

³⁾ I. с. 75.

⁴⁾ I. с. 7—8.

⁵⁾ I. с. 42—43.

объясняя, почему Ангантирь не сраженъ, какъ его предполагаемый прототипъ—Теодорихъ вестготскій. Воспоминанія объ Атилѣ совершенно удаляются передъ нашимъ соображеніемъ, но получается вѣжливъ просвѣтъ на древнія отношенія южной Руси, на битвы и подвиги, забытые исторіей, пересказанные сагой, но, можетъ быть, присутствующіе не узнаваемыми нынѣ чертами въ народной метаморфозѣ русской былины.

Александръ Веселовскій.

ЕВГЕНІЙ МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ ¹⁾).

VIII.

1800—1804.

Служба и литературная дѣятельность въ Петербургѣ.

Семейная жизнь.—Принятіе монашества.—Митр. Амвросій.—Обстановка дѣятельности Евгенія, какъ преемста.—Проповѣди.—Архимандритство Зеленецкаго монастыря и Сергіевой пустыни.—Иезуитскій орденъ въ Россіи конца XVIII ст.—Патеръ Груберъ.—„Каноническое изслѣдованіе о папской власти“.—„Примѣчанія“ на книгу пастора Рихтера.—Духоборцы.—„Записка о разговорѣ съ духоборцами“; „Разсмотрѣніе исповѣданія духоборческой секты“.—Ганке де Ганкенштейнъ.—Лекціи по философіи и богословію.—Актовыя рѣчи: „О предразсудкахъ“; „De ideis innatis“; „О совершенствѣ и добротѣ міра“; „De existentia spirituum“; „De libris symbolicis“; „О переводѣ Славенской Библии“; „О обращеніи славянъ въ христіанскую вѣру“.—Замѣчаніе по поводу „Исторіи Славено-русской церкви“.—Диссертаци: „О соборахъ російскія церкви“; „О церковныхъ облаченіяхъ“; „О соборномъ дѣяніи на еретика Мартина“; „О книгѣ: Православное исповѣданіе“; „О чинахъ грекороссійскія церкви“.—„Историческое изображеніе Грузіи“.—„Статьи изъ древней російской географіи“ въ Словарѣ Щекатова.—„Памятный церковный календарь“.—Начало собиранія матеріаловъ для Словаря русскихъ писателей.—Участіе въ Благотворительномъ обществѣ.—Связи общественныя и литературныя.—Назначеніе на епископскую кафедру.

Служебно-литературная дѣятельность Волховитинова въ Воронежѣ подходила къ концу. Судьба готовила провинціальному префекту перемѣну положенія и, вызывая его въ Петербургъ, раскрывала передъ молодымъ работникомъ дверь на арену болѣе широкую. Такъ какъ

¹⁾ Продолженіе См. есвральскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

переѣздъ Евгенія въ столицу тѣсно связанъ съ его семейнымъ положеніемъ, то считаемъ умѣстнымъ теперь же остановиться на послѣднемъ, прежде чѣмъ окончательно закончить обзоръ Воронежскаго періода въ жизнеописаніи знаменитаго іерарха.

4-го ноября 1793 года Евѳимій Алексѣевичъ Болховитиновъ женился на дочери липецкаго (сосѣдней Тамбовской губерніи) купца, Аннѣ Антоновнѣ Расторгуевой ¹⁾. Ровно за три мѣсяца до свадьбы въ письмѣ къ другу Селивановскому Евгеній выражаетъ свою зависть къ товарищу Розанову за то, что тотъ устроился семейно. „Право“, говоритъ онъ,—„самъ бы теперь женился я, когда бы только попалась хорошенькая невѣста. Пора, пора, любезный другъ, ей-Богу пора! Сердце у меня такъ пусто, такъ пусто, что отъ скуки ничѣмъ заниматься не хочется“ ²⁾. Изъ этихъ словъ видно, что выборъ невѣсты и самая женитьба сдѣланы были довольно быстро.

На сколько руководило Болховитиновымъ серьезное чувство, трудно сказать. Но едва ли подъ „пустотой“ и „скукой“ надо видѣть нѣчто большее, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ: Болховитиновъ былъ въ такихъ годахъ и занималъ такое положеніе въ обществѣ, что могъ желать извѣстнаго семейнаго комфорта, присутствія близкаго человѣка. Товарищъ-мужчина не войдетъ и не пойметъ тѣхъ (далеко не всегда только мелочныхъ) условій жизни, которыя доступны одной женщинѣ. Семейной ласки, женской обстановки, можно сказать, онъ всегда былъ лишенъ. Рано потерявъ отца, рано будучи оторванъ отъ семьи, Болховитиновъ и до поступленія въ школу, и по выходѣ изъ нея, какъ можно думать, всегда стоялъ въ сторонѣ отъ своей матери. Много лѣтъ позже Евгеній съ благодарностью вспоминаетъ о Македонцѣ за то, что тотъ былъ для него „паче родныхъ“ ³⁾; за время пребыванія Болховитинова въ Воронежѣ сохранилось письмо его къ Селивановскому (29-го сентября 1792 г.), въ обрывкахъ котораго находимъ слѣдующее: „... выздоровѣла давно уже, и я счастливъ... Однакожь я уже холодѣю. Подлинно только то дорого, чего еще не получили мы. Можетъ быть, скоро и еще меньше уважать ее буду“ ⁴⁾. И. И. Срезневскій въ недостающія начальныя слова встав-

¹⁾ *Данскій*, Очеркъ жизни и ученыхъ трудовъ митр. Евгенія. *Ворон. Литер. Сборникъ*, 227.

²⁾ *Библиогр. Записки* 1859 г., столб. 69, письмо 3-го авг. 1793 г.

³⁾ Письмо Македонцу № 88.

⁴⁾ *Библиогр. Записки* 1859 г., столб. 66.

длѣя выраженіе: жена моя ¹⁾; но здѣсь можетъ идти рѣчь только о матери ²⁾).

Такимъ образомъ потребность въ женской ласкѣ могла сильно чувствоваться Болховитиновымъ. Трудно судить о подобныхъ движеніяхъ человѣческаго сердца, когда въ матеріалахъ почти нѣтъ ничего, освѣщающаго данный вопросъ; но едва ли будетъ ошибкой допустить мысль, что въ данномъ случаѣ Болховитиновъ поступалъ, помимо всего, на половину безотчетно, слѣдуя примѣру другихъ, которые такъ дѣлали въ его годы и въ его положеніи. Оставаться холостымъ для человѣка, начинавшаго выдвигаться, приобретать авторитетъ въ своемъ кругу, дѣлать карьеру — казалось несообразнымъ; холостая жизнь считалась противоположностью всему солидному и почтенному. Наконецъ, кто знаетъ, можетъ быть, уже и въ это время у Евгенія набѣгала мысль о принятіи священническаго сана, что онъ и исполнилъ въ 1796 г. ³⁾. Въ его время званіе іерея давно уже перестало быть выраженіемъ исключительно одного только религіознаго движенія, служеніемъ церкви въ наиболѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова; для многихъ оно носило характеръ „службы“. Большинство такъ и смотрѣло на духовный санъ, цѣня его по столько, по скольку онъ повышалъ, обезпечивалъ и награждалъ. Не даромъ же одновременно съ посвященіемъ, Болховитиновъ назначается протоіереемъ и членомъ консисторіи. Въ духовно-семинарскомъ кругу принятіе священства открывало дорогу къ дальнѣйшимъ повышеніямъ.

Супружество Болховитинова не было ни счастливо, ни продолжительно: трое дѣтей одинъ за другимъ скончались; въ августѣ

¹⁾ Сборникъ 2-го отд. Акад. Наукъ, V, 1, стр. 49.

²⁾ Предположеніе Срезневскаго не вѣрно уже потому, что Болховитиновъ женился только въ ноябрѣ 1793 г.; а что письмо, изъ котораго выписаны приведенныя слова, дѣйствительно отъ 29-го сентября 1792 г., а не болѣе поздняго времени, видно изъ того, что въ немъ идетъ рѣчь о подготавливаемой къ печати второй части „Волтеровыхъ Заблужденій“, которая вышла въ свѣтъ въ январѣ 1793 г. (ср. письмо № 4 Селивановскому).

³⁾ Автобіографія, 2. Съ удивленіемъ встрѣтили мы такое указаніе: „онъ (Евгеній Болховитиновъ) былъ преемникомъ Воронежской семинаріи и намѣревался выйти въ гражданскую службу, но отказъ въ просимомъ чинѣ намѣнилъ его намѣреніе. Онъ вступилъ въ духовное званіе и былъ протоіереемъ въ гор. Павловскѣ“ (И. Чистовичъ, Преосвящ. Амвросій (Подобъдовъ). Страники 1860 г. № 6, стр. 225). Хотя подобное предположеніе и допустимо, но мы не знаемъ, на чемъ оно основано.

1799 года за дѣтьми послѣдовала и мать ихъ ¹⁾). Тридцатидвухлѣтній Болховитиновъ снова остался одинокимъ. Эта потеря глубоко потрясла его. Онъ потерялъ все, что имѣлъ, къ чему успѣлъ привязаться сердцемъ. Насъ не должны удивлять тѣ холодныя, по видимому, отношенія къ женѣ, какія слышатся въ слѣдующихъ фразахъ письма его къ Селивановскому, на второй мѣсяцъ послѣ свадьбы: „обо мнѣ не думайте, какъ о женатомъ, ибо я и самъ иногда это забываю. Жена у меня не болѣе четверти часа отнимаетъ времени въ цѣлыя сутки, и я всегда занимаюсь въ своемъ кабинетикѣ; жена входитъ ко мнѣ только за поцѣлуями и то на минуту. Я не думаю, чтобы вы могли быть такъ спокойны съ любовницею“ ²⁾). Отсутствіе страсти еще не означало отсутствія спокойнаго теплаго чувства. Если позже Евгенийъ и поетъ дифирамбы холостой жизни ³⁾, то это было въ ту пору, когда правила монашеской жизни и кабинетныя занятія все болѣе и болѣе отдаляли его отъ всего мірскаго и преходящаго. Чуждый сентиментальной идеализаціи (хотя и проповѣдующа чувствительность), съ умомъ нѣсколько холоднымъ, Евгенийъ былъ однако далекъ отъ черствости сердца. Жена, правда, не могла раздѣлять его трудовъ ⁴⁾, да этого и не требовалъ Евгенийъ; но своимъ существованіемъ она наполняла его жизнь душевной гармоніей въ тѣ свободныя часы, когда онъ выходилъ изъ своего рабочаго кабинета. Въ эти минуты Болховитиновъ переставалъ быть истори-

---

¹⁾ Сынъ Адрианъ род. 26-го августа 1794, ум. 25-го марта 1795; сынъ Николай род. 9-го мар. 1797 г., ум. также во младенчествѣ; дочь Пульхерія род. 3-го августа 1798 г. Дочь и жена похоронены въ пригородной слободѣ Чижевкѣ; на памятникѣ Евгенийъ начерталъ слѣдующую эпитаію: „Здѣсь погребены | Анна и Пульхерія | , супруга и дочь, | Болховитиновы, | скончавшіяся | первая на 22-мъ году жизни | Августа 21-го дня 1799 года, | вторая на 1-мъ году отъ рожденія, | Юля 9-го того же года, | котормъ | супругъ и отецъ | отъ скорби сердца, | съ надгробнымъ рыданіемъ | взываетъ | вѣчную память. | Протоіерей Евеній Болховитиновъ“. И кромѣ того двустипіе:

„Покойтесь, милые, до вѣчнаго свиданья,
Волнней гдѣ ужъ вѣтъ, ни скорби, ни вздыханья.

Прот. Евеній Болховитиновъ“.

(Данскій, Очеркъ жизни и ученыхъ трудовъ, 227—228).

²⁾ *Библиогр. Записки* 1859, № 3, столб. 71, письмо 22-го декабря 1793 г.

³⁾ *Сборникъ 2-го отд.* V, 1, стран. 49—50, въ письмахъ Горюхину.

⁴⁾ Она умерла 21-го августа 1799 г. на 22-мъ году (*Данскій*, 228), такъ что при выходѣ за-мужъ ей шелъ 16-й годъ или самое большее едва успѣло минутъ 16 лѣтъ. Такимъ образомъ она едва лишь перестала быть дѣвочкой.

комъ, учителемъ, священникомъ, становясь просто Евѣміемъ Алексѣевичемъ, мужемъ своей жены, отцомъ своихъ дѣтей, семьяниномъ и домохозяиномъ ¹⁾). Эти-то минуты и цѣнилъ Евгений, ихъ-то теперь онъ и потерялъ безвозвратно. Въ письмахъ къ Македонцу, какъ человѣку, съ которымъ Евгенію всего естественнѣе было держать себя откровеннымъ, сознаніе этой невозвратимой потери сказывается, особенно первое время, въ яркихъ чертахъ. Хоронить ли онъ жену своего пріятеля—ему вспоминается смерть его жены; получаетъ ли орденъ св. Анны — онъ видитъ въ немъ возвратъ жены, носившей то же имя, и т. п. ²⁾).

Связи съ міромъ въ сущности были порваны; сравнительно не трудно было порвать ихъ и de jure. Въ августѣ 1799 года теряетъ Евгений жену, а въ январѣ 1800 онъ не только думаетъ, но уже принимаетъ твердое рѣшеніе постричься въ монахи. Что побуждало его на этотъ шагъ? Свѣжая рана, дѣлавшая миръ постылымъ ³⁾, удивленіе монастыря, съ его заманчивой перспективой отдаться научнымъ занятіямъ, зарыться среди книгъ ⁴⁾, совѣты расположенныхъ людей, болѣе широкое поприще, открывавшееся впереди... все это, переплетаясь одно съ другимъ, возбудило бурю сомнѣній и наконецъ улеглось въ принятомъ рѣшеніи. Если священнической санъ для гражданскаго чиновника въ духовномъ вѣдомствѣ представлялся болѣе торной дорогой, то монашество, какъ прежде и позже, такъ и тогда манило еще сильнѣе, открывая доступъ на самыя высокія ступени служебно-духовной іерархіи. Умъ и способности, возвышающіяся надъ толпой, бессознательно ищутъ большаго простора; имъ тѣсно въ обстановкѣ, которая человѣка обыденнаго удовлетворила бы вполне. Евгений не могъ не со-

¹⁾ О его домовитости см. письма Македонцу.

²⁾ Письма Македонцу №№ 8, 12, 60. Припомнимъ, что потерявъ жену, онъ съ удвоенной энергіей возвращается къ переводу „Опыта о человѣкѣ“, ища себѣ поддержки въ его енисосеіи оптимизма. Эта же мысль занимаетъ его въ 1801 и 1802 гг. при чтеніи лекцій по енисосеіи; ей же тогда посвящаетъ онъ цѣлую авторскую рѣчь (см. объ этомъ ниже). Подъ впечатлѣніемъ смерти жены Евгений пишетъ стихотвореніе (*Волог. Епарх. Вѣдом.* 1869 г. № 12, стр. 429—431. Сравни. Замѣтку П. И. Савваитова въ *Утрѣ—Полудни*, изд. 1868 г. стр. 375).

³⁾ Не лишена интереса фраза, вырвавшаяся у Евгения приблизительно въ это время. Описывая одинъ монастырь, онъ говоритъ: „по уединенному мѣстоположенію сей монастырь есть самый удобный для монашества“. Описаніе Ворон. губерніи, стр. 95.

⁴⁾ Припомнимъ мотивы, руководившіе въ подобномъ же случаѣ митр. Платономъ.

знавать своихъ преимуществъ, не могъ не видѣть того уваженія, съ какимъ къ нему относились. Когда Воронежскій губернаторъ Хорватъ узналъ о женитьбѣ Болховитинова, то сталъ упрекать Македонца, съ которымъ тотъ предварительно совѣтовался объ этомъ: „Какъ ты допустилъ своему пріятелю жениться“? замѣтилъ онъ:—„ты отнял у церкви великаго пастыря!“¹⁾ Такимъ казался Евгенийъ чрезъ пять лѣтъ послѣ начала своей общественной дѣятельности. Онъ пользовался „особеннымъ расположеніемъ у архіерея, въ семинаріи, у помѣщиковъ, чиновниковъ и у всѣхъ воронежскихъ гражданъ“²⁾. Съ семьей П. И. Литке³⁾, бывшаго нѣкогда адъютантомъ у князя Н. В. Репнина и жившаго теперь на правахъ арендатора въ его воронежскомъ имѣніи, Репьевѣ, Болховитиновъ былъ связанъ дружескими отношеніями⁴⁾. По устнымъ преданіямъ⁵⁾, убѣжденіямъ этого Литке обязанъ Евгенийъ рѣшеніемъ своимъ переселиться въ Петербургъ и принять монашество; впрочемъ, по другому указанію, въ этомъ дѣлѣ принималъ большое участіе знаменитый библиофилъ гр. Д. П. Бутурлинъ, связями своими облегчивъ Евгенію первые шаги на новомъ пути⁶⁾.

¹⁾ Данскій, 227.

²⁾ А. Сулоцкий, Архіеп. Тобольскій Амвросій Келембетъ. *Странникъ* 1874 г., октябрь, стр. 11—12.

³⁾ Отца бывшаго президента Академіи Наукъ.

⁴⁾ В. Безобразова, Графъ Ѳ. П. Литке, 15—20. *Сборникъ 2-ю отд. V, 1*, стр. 210. Монашеское имя Евгенийъ принялъ по имени старшаго сына П. И. Литке. *Ibidem*.

⁵⁾ *Ibidem*.

⁶⁾ Гр. М. Бутурлинъ, Очеркъ жизни гр. Дм. Бутурлина. *Русскій Архивъ* 1867 г. 380—381. Впрочемъ мы должны предупредить, что оба извѣстія, указывающія на участіе Литке и Бутурлина, обставлены данными подозрительной достовѣрности. Такъ, академикъ Гротъ передаетъ, со словъ покойнаго президента Литке (*Сборникъ 2-ю отд. V, 1*, стр. 210), будто Болховитиновъ былъ священникомъ при церкви села Репьевки. Это же подтверждаетъ и только-что изданная автобіографія Ѳ. П. Литке (*В. П. Безобразова, Графъ Ѳ. П. Литке*), сообщая даже такую подробность, что „отецъ Еєимій оставался еще въ Репьевѣ по отъѣздѣ оттуда батюшки“ (въ 1795 году, стр. 18—20, 22). На сколько все это возможно? Графъ Литке писалъ свои мемуары въ 1865—1868 гг. (*В. Безобразова, стр. XVI*), детали могли ступшеваться; не даромъ Евгенийъ у него въ 1794—1795 гг. „уже извѣстенъ статистическими работами по Воронежской губерніи“ (автобіографія, 19)—очевидная антиципація „Описанія Воронежской губерніи“. Во всякомъ случаѣ, чтобы принять свидѣтельство гр. Литке, надо соглашаться и съ косвенными указаніями гг. Данскаго и Николаевскаго (см. выше

Какъ бы тамъ ни было, но, разъ рѣшеніе принято, приходилось поступать соотвѣтственно ему. Не безъ тяжелаго чувства разстался Евгеній съ друзьями; 25-го января семинарія поднесла ему, по тогдашнему обычаю, прощальную длинную оду¹⁾, и онъ заручив-

Ж. М. Н. Пр. 1887. № 6 глава III) на то, что Евгеній рукоположенъ былъ не прямо въ протоіерея въ 1796, а предварительно во священника въ 1793 г.,—указанія, не отрицаемъ, сами по себѣ весьма правдоподобныя, тѣмъ болѣе что возведеніе прямо въ протоіерея было бы до нѣкоторой степени скачкомъ. Но какъ тогда совмѣстить обязанности сельскаго іерея съ обязанностью префекта и учителя губернской семинаріи?—Указанія на Бутурлиина выражены въ слѣдующихъ словахъ: „Замѣтивъ необыкновенныя дарованія въ домашнемъ учителѣ старшаго своего сына, семинариста Ееміи Болховитинова, который предавался неутомимой скорби по кончинѣ молодой жены, гр. Бутурлиинъ совѣтовалъ и убѣдилъ его вступить въ черное духовенство и, благодаря короткимъ своимъ отношеніямъ съ зн. Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ и съ другими вліятельными лицами, открылъ путь въ церковной іерархіи чело-вѣку, прославившемуся впоследствии глубокою ученостію: это былъ преосв. Евгеній, въ позднѣйшее время Кіевскій митрополитъ“ (*Русск. Архивъ* 1867, 380—381). Не говоря про неточное выраженіе „семинаристъ“ (оно могло явиться, какъ выраженіе классовыхъ отличій), пришлось бы допустить, что семья Бутурлииныхъ жила въ Воронежѣ, а не въ своемъ богатомъ имѣннѣ Бутурлиновѣ (подаренномъ императрицей Екатериной. *Венежитиновъ*, Изъ исторіи Воронежскаго края. *Русск. Вѣстн.* 1886. № 5, стр. 413), что тоже надо еще доказать. Между тѣмъ могъ ли Болховитиновъ состоять домашнимъ учителемъ въ графскомъ помѣстьѣ, когда оно отстояло верстъ на полтораста отъ его обычнаго мѣстожителства (Бутурлиновка лежитъ на 52 версты къ юго-востоку отъ своего уѣзднаго города Боброва, а втотъ въ томъ же направленіи отъ губернскаго—въ 97 верстахъ. *Семеновъ*, Геогр.-Статист. Словарь, I, 271, 342)? Самое большее, что его учительская дѣятельность въ домѣ графа была временная, если не случайная, въ короткій ли (лѣтній) приѣздъ его въ деревню, въ такой же ли непродолжительный (вѣроятно, зимній)—Бутурлиныхъ въ городъ. Наконецъ, по-ложительно не можетъ быть принято свидѣтельство о содѣйствіи кн. А. Н. Голицына уже по одному тому, что въ это время тотъ не имѣлъ никакого вліянія. При Павлѣ онъ былъ обреченъ на жизнь въ Москвѣ, да и первые-то годы царствованія его преемника завѣдывалъ не Синодомъ (оберъ-прокуроромъ послѣдняго сталъ онъ въ концѣ октября 1803 г. Его предшественникъ, Яковлевъ, былъ уволенъ 7-го октября этого года. Записки Яковлева. Памяти новой русск. исторіи, III Справ. Ист. рос. іерархій, VI, 890), а пока еще оберъ-прокурорскимъ столбомъ въ Сенатѣ (Загробныя записки князя Н. С. Голицына, изъ сказаній дяди его кн. А. Н. Голицына. С.-Пб. 1859 г. стр. 22—23. Разказы кн. А. Н. Голицына. *Русск. Архивъ* 1886. № 5, стр. 57—58). Очевидно, у біографа гр. Д. П. Бутурлиина стужевались хронологическія детали отдаленнаго прошлаго.

¹⁾ „Его высокоблагословенію бывшему Воронежской семинаріи префекту павловскому протоіерею отцу Евемію г. Болховитинову при отъѣздѣ въ Санкт-часть ССЛУП, отд. 2.

пись отъ Бантыша-Каменскаго рекомендательнымъ письмомъ къ петербургскому владыкѣ, архіепископу (будущему митрополиту) Амвросію (Подобѣдову)¹⁾, въ началѣ февраля 1800 года покинулъ родной городъ²⁾ съ тѣмъ, чтобы никогда 'уже болѣе въ него не возвращаться.

15-го февраля Евгений пріѣхалъ въ Москву³⁾, гдѣ прогостилъ слишкомъ недѣлю⁴⁾. Первое письмо его къ Македонцу изъ первопрестольной столицы, изобилуя тѣми новостями, которыя такъ цѣнятся въ глухой провинціи, даетъ право думать, что московскія гостіны Евгенія сосредоточивались главнымъ образомъ около Бантыша-Каменскаго. Новыя впечатлѣнія, надежды и расчеты, однако, еще не могли такъ быстро заслонить недавнихъ образовъ, дорогихъ воспоминаній. „Скучно, тяжело, больно мнѣ вспоминать о Воронежѣ, но что же дѣлать“, говоритъ Болховитиновъ. Въ минуту разлуки съ друзьями онъ хотѣлъ бы уединенія, а „шумная Москва... не даетъ покоя“⁵⁾.

петербургъ Воронежская семинарія, сѣтуя о неусыпномъ надзирателѣ и ободрителѣ мужъ въ знакъ благодарности съ истиннымъ высокопочитаніемъ приносить 1800 года января 25 дня“ (Рукопись Кіево-сов. библ. № 497, 6 листовъ, folio; напечатано въ *Ворон. Епарх. Вѣдом.* 1873, № 10, стр. 384—394). Рукописный текстъ украшенъ выѣткой, рисованной перомъ и красками; на второмъ листѣ передъ началомъ оды вѣнокъ изъ цвѣтовъ, который держитъ парящій орелъ; каждая страница въ раскрашенномъ бордюрѣ; строки отдѣлены листьями и цвѣтами. Въ началѣ и концѣ стихотворенія латинскіе вигравы. Въ одѣ 16 строкъ по 10 стиховъ въ каждой; очень ходульныхъ и риторическихкихъ. Напримѣръ:

Сей мужъ былъ добръ и чистъ душою
Онъ правосудіе хранилъ,
Былъ славенъ мудростью своею,
Онъ сердцемъ истину любилъ.

Или:

Мы думали, для насъ ты жилъ,
Мы—для тебя, трудясь охотно,
Съ свободнымъ духомъ, беззаботно:
О, сколько жребій сей намъ милъ! (стр. 391—392 печат. изд.).

¹⁾ *Бантышъ-Каменскій*, Словарь достопамятн. людей. 1847, т. II, стр. 2—3. Н. Н. Бантышъ-Каменскій состоялъ съ Амвросіемъ „издавна въ тѣснѣйшей дружбѣ“. Ibidem.

²⁾ Письмо Македонцу № 1.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Письмо къ Петрову. *Русск. Архивъ* 1873, № 3, столб. 389.

⁵⁾ Письмо Македонцу № 1.

Приѣхавъ 1-го марта въ Петербургъ, онъ на другой день „таскается инкогнито“ по улицамъ столицы; 3-го, явившись по начальству въ духовную академію, былъ тутъ же опредѣленъ ея префектомъ и преподавателемъ философіи и высшаго краснорѣчія, а 4-го—уже переселился въ монастырь и вступилъ въ должность¹⁾. Не замедлило и постриженіе²⁾. Мысль, что, онъ долженъ стать уже „не отъ міра сего“, долженъ разорвать всѣ связи съ нимъ, пугала, приводила его въ содроганіе. Евгенийъ не ожидалъ, что ему такъ мало придется пробыть бѣльцомъ, подыскивалъ отговорку въ немнѣнн монашескаго одѣянія³⁾—все было напрасно, и „9-го марта монахи, какъ пауки, въ утреню опутали“ его „въ черную рясу, мантию и клобукъ“⁴⁾. Евгенийъ навсегда превратился въ Евгенія. Въ теченіи двухъ дней новый монахъ отрекомендовывался своему непосредственному начальству и синодальнымъ членамъ⁵⁾, а 11-го на него были возложены митра, крестъ и палица—знаки архимандритскаго званія—и данъ въ управленіе Зеленецкій третьеклассный монастырь⁶⁾.

„Вотъ вся исторія моей перемѣны“⁷⁾, заканчиваетъ Евгенийъ разказъ о своемъ посвященіи. Дѣло было сдѣлано. Нить съ прошлымъ, такъ или иначе, а порывалась. Впереди же будущее сулило пока одну только тревожную неизвѣстность....

Во главѣ петербургской епархіи въ это время стоялъ архіепископъ Амвросій (Подобѣдовъ), назначенный на этотъ постъ всего только нѣсколько мѣсяцевъ⁸⁾. Онъ смѣнилъ престарѣлаго митрополита Гавріила (Петрова), испросившаго себѣ въ управленіе болѣе покойную новгородскую епархію⁹⁾. Знаменитый іерархъ Екатерининскаго времени, при всей осторожности и скрытности характера, всегда

¹⁾ Письмо Петрову, 389. Автобіографія, 2.

²⁾ Указъ св. Синода о постриженіи вышелъ 7-го марта 1800 года. Истор. россійск. іерархія IV, 180.

³⁾ Письмо Македонцу № 2.

⁴⁾ Письмо Петрову, 389.

⁵⁾ Письмо Македонцу № 2.

⁶⁾ Письмо Петрову, 389. Письмо Македонцу № 2.

⁷⁾ Письмо Македонцу № 2.

⁸⁾ Рескриптомъ 16-го октября 1799 года (И. Чистовичъ, Пресвящ. Амвросій, митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій. *Странички* 1860, № 5, стр. 168).

⁹⁾ Архим. Макарій, Сказаніе о жизни и трудахъ преосв. Гавріила (С.-Пб. 1857), стр. 109. Сравн. жалобы Гавріила на свои немощи въ письмахъ къ Амвросію. *Правосл. Обзор.* 1876, № 3, стр. 483, 486, 488, 489 и слѣд.

однако стоявшій на твердой, легальной почвѣ, неуклонный въ своихъ принципахъ ¹⁾, не могъ сжиться съ новыми вѣяніями и рѣшилъ лучше удалиться отъ нихъ ²⁾.

Амвросій же былъ человѣкъ много склада. Еще раньше, среди противоположныхъ теченій Большаго и Гатчинскаго дворовъ, онъ сумѣлъ поставить себя наилучшимъ образомъ и тамъ, и здѣсь. По смерти императрицы онъ продолжалъ пользоваться неизмѣннымъ расположеніемъ новаго государя. „Въ средѣ іерархическихъ отношеній онъ тоже искусно пролабировалъ между соперниками митрополитами“ (Московскимъ—Платономъ и Петербургскимъ—Гавріиломъ) и, пользуясь расположеніемъ послѣдняго, „въ то же время сохранилъ полное довѣріе и дружбу московскаго первосвятителя“ ³⁾.

Въ то время какъ нѣкоторые изъ высокопоставленныхъ іерарховъ весьма несочувственно отнеслись къ нововведенію императора Павла награждать духовенство орденами, и одни изъ нихъ (митрополитъ Гавріилъ) уклонялись отъ пожалованія, готовые придратъся къ тому, что орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго не православный ⁴⁾; другіе же (митрополитъ Платонъ) упорно отказывались отъ всякаго и даже на колѣняхъ просили государя освободить отъ тяжелой обязанности поступить противъ совѣсти ⁵⁾;—архіепископъ Амвросій легко и податливо шелъ по новому пути. Императоръ, возлагая на него орденъ св. Александра Невскаго, спросилъ: „угодно ли вамъ сіе украшеніе во славу вѣры и святой церкви?“ и получилъ въ отвѣтъ: „сердце царево въ рудѣ Бога“. Ловкій отвѣтъ долженъ былъ понравиться. Братъ Амвросія свидѣтельствуетъ, что императоръ оказывалъ ему большую довѣренность, „возлагалъ на него важныя дѣла, какъ для разрѣшенія, такъ и для постановленія при сношеніяхъ съ министеріемъ. Всѣ его именныя указы, до синода относившіеся, присылаемы были къ нему для надлежащаго онымъ исполненія и распоряженія; такъ же много давалъ онъ ему изустныхъ повелѣній, кои чрезъ него,

¹⁾ П. Знаменскій, Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія Екатерины II. *Правосл. Собесѣдн.* 1875, № 8, стр. 342, 344.

²⁾ Сравн. письма его къ Амвросію. *Правосл. Обзорніе* 1876, № 3 passim и замѣчанія г. *Казанскаго*, *ibidem*, 490, прилѣчаніе.

³⁾ Знаменскій, Чтенія, *Правосл. Собесѣдникъ* 1875, № 8, стр. 335.

⁴⁾ Архим. Макарій, Сказаніе о жизни и трудахъ преосв. Гавріила, 101.

⁵⁾ Автобіографія Платона, стр. 47, см. *Снегиревъ*, Живъ Московск. митр. Платона. М. 1856.

гдѣ слѣдовало, были объявляемы и исполняемы подъ его распоряженіями¹⁾.

Но, человекъ безспорно умный и даровитый, Амвросій выдвинулся не однимъ искательствомъ. По Троицкой семинаріи онъ былъ ученикомъ образованнѣйшихъ людей своего времени: митрополитовъ Гавріила и Платона²⁾; чѣмъ болѣе былъ онъ мірянинъ въ душѣ, тѣмъ легче прививалась къ нему струя просвѣдительнаго движенія Екатерининскаго царствованія. И дѣйствительно: въ Сѣвскѣ ли, ахсанѣ ли епископа Крутицкаго, архіепископомъ ли Казанскимъ—всюду дѣятельно заботится онъ объ образованіи духовнаго сословія³⁾. Реформы 1797—1798 гг., воснувшіяся семинарій и академій, также не обошлись безъ его участія⁴⁾. „Слѣдя за успѣхами всѣхъ наукъ общаго образованія“, говоритъ біографъ Амвросія,—„онъ показывалъ особенное вниманіе къ успѣхамъ богословской учености“⁵⁾.

Здѣсь, конечно, надо искать точекъ соприкосновенія между Евгениемъ и петербургскимъ владыкою: Амвросій отмѣтилъ и оцѣнилъ знанія новаго префекта, а этотъ послѣдній нашелъ въ своемъ начальникѣ дѣятельную поддержку⁶⁾.

Годы, которые пришлось Евгению провести въ Петербургѣ, нельзя назвать годами спокойной заурядной обстановки. Пульсъ общественной жизни бился сильнѣе обыкновеннаго. Гуманныя преобразования Александра, равно какъ и крутое царствованіе его предшественника, одинаково требовали усиленнаго напряженія мысли. Духовенство не могло стоять въ сторонѣ отъ этого возбужденія. Новыя правила о награжденіи орденами; расширеніе учебной программы въ 1798 г., какъ первый шагъ къ реформѣ 1808 г.; подготовительная дѣятель-

¹⁾ Рукопись Кіево-сов. библ. № 599, статья № 29, листъ 11—11 об.: „Краткое описаніе жизни, перемѣнъ, состоянія и дѣлъ преосв. Амвросія Подобѣдова“, составленное братомъ его С. И. Подобѣдовымъ, съ данными по 1805 годъ. Оно вошло въ біографію Амвросія, помѣщенную въ Словарѣ о писателяхъ духовнаго чина (изд. 2-е, I, 27—31), но съ пропускомъ приведенныхъ нами мѣстъ. О митр. Гавріилѣ и Амвросіи см. нѣкоторые указанія у *Морозкина*, *Иезуиты въ Россіи*, II, 13. Сравни также пристрастныя нѣсколько записки оберъ-прокурора Яковлева. Памятника новой русск. исторіи, томъ III.

²⁾ *И. Чистовичъ*, *Преосв. Амвросій. Страницки* 1860, № 4, стр. 150.

³⁾ *Ibidem.*, 153—161.

⁴⁾ *Ibidem.*, 167—168.

⁵⁾ *Чистовичъ—Страницки* 1860. № 6, стр. 217.

⁶⁾ Сравни. отзывъ Евгения о митр. Гавріилѣ въ письмѣ къ Македону № 15.

ность этой послѣдней; роль мальтійскаго ордена; появленіе іезуитовъ и ихъ вліяніе при дворѣ и среди аристократіи; либеральныя мѣры Александровскаго царствованія по отношенію къ раскольникамъ—все это близко затрогивало интересы русскаго духовенства, давало толчокъ, я требовало болѣе сосредоточенности и обдуманности въ своихъ поступкахъ. Люди, сколько-нибудь выдающіеся надъ уровнемъ толпы, не оставались безъ дѣла, да и сама толпа тревожно искала и спѣшила отмѣтить такихъ людей.

Евгеній не былъ исключеніемъ въ данномъ случаѣ. Увы! какъ горько долженъ онъ былъ разочароваться, надѣясь въ монашеской одеждѣ найдти тотъ мирный покой, который бы позволилъ ему отдаться свободному теченію мыслей и углубиться въ свои любимыя книги! Четырехлѣтнее пребываніе его въ Петербургѣ было, можно сказать, сплошной помѣхой научнымъ занятіямъ. Отдаваться имъ онъ могъ только изрѣдка. Префектъ академіи, Евгеній вмѣстѣ и ея учитель; обязанный въ торжественнымъ актамъ готовить соответственныя рѣчи, онъ въ то же время руководить работами своихъ учениковъ. Архимандритъ монастыря, онъ также и ревизоръ.... Одно время онъ говоритъ проповѣди и отправляетъ чреду богослуженія. Между обязанностями чисто общественнаго характера (участіе въ благотворительномъ комитетѣ) приходится выполнять рядъ порученій иногда довольно щекотливыхъ: то бороться съ іезуитскимъ вліяніемъ при дворѣ, то указывать на непримѣнимость въ русской школѣ протестантскихъ воззрѣній на обязанности гражданина, то давать отпоръ ученіямъ сектантовъ-раскольниковъ. Для себя, для своихъ личныхъ работъ оставались одни только урывки. Отсюда горькія жалобы и сѣтованія, особенно первое время.

Въ званіи префекта, Евгеній принялъ должность отъ архим. Флавіана Ласкина, назначеннаго ректоромъ въ Новгородскую семинарію ¹⁾). На обязанностяхъ префекта лежала инспекція и хозяйственная часть ²⁾). Хотя у него и было два помощника, инспекторъ и экономъ ³⁾), но не видать, чтобы Евгеній чувствовалъ отъ этого большое облегченіе. Къ тому же не задолго до его назначенія ⁴⁾ наставники акаде-

¹⁾ Чистовичъ, Исторія С.-Петербургской академіи, 85—86.

²⁾ Ibidem, 129.

³⁾ Ibidem, 129.

⁴⁾ „При самомъ вступленіи въ управленіе епархією“ Амвросія. Чистовичъ, Митр. Амвросій. Страники 1860. № 5, стр. 174.

міи получили отъ владыки „письменные наставленія, какъ преподавать учебные предметы, въ какомъ направленіи, какимъ методомъ, по какимъ руководствамъ, при какихъ пособіяхъ и въ какомъ объёмѣ... Наставники обязаны представлять ему (Амвросію) конспекты преподаваемыхъ наукъ въ такомъ видѣ, чтобъ можно было судить о направленіи науки и трудахъ преподавателя“. Въ этомъ распоряженіи чувствовалось желаніе выработать послѣдовательную систему, единство программы,—выполненіе чего, если и не лежало прямо на Евгеніи ¹⁾ то не могло быть вполнѣ ему и чуждымъ, а какъ къ преподавателю, до извѣстной степени имѣло и прямое отношеніе. Сверхъ этого, съ 15 марта 1800 г. его опредѣлили присутствующимъ въ консисторіи ²⁾; съ августа того же года началъ онъ отправлять чреду богослуженія ³⁾ и говорить проповѣди ⁴⁾, помимо другихъ спеціальныхъ порученій.

Уже чрезъ полтора мѣсяца по вступленіи въ должность Евгеній

¹⁾ Учебной частью въ академіи завѣдывалъ собственно ректоръ. *Чистовичъ*, *Исторія академіи*, 129.

²⁾ *Автобіографія*, 2—3.

³⁾ *Автобіографія*. 3 Чреда богослуженія продолжалась для Евгенія до 1802 г. г. же Чистовичъ опредѣляетъ ее временемъ съ 1 сентября 1801 по 1 января 1803 (*Исторія академіи*, 131)—разница не столько въ количествѣ, сколько въ порядкѣ времени. Указаніе Евгенія върѣше. Сравни *postscriptum* его письма къ Македонцу отъ 27-го ноября 1800: „Св.Синодъ опредѣлялъ мнѣ быть и въ слѣдующемъ году череднымъ“.

⁴⁾ О проповѣдяхъ своихъ говорить Евгеній въ письмахъ къ Македонцу №№ 27, 31, 43. По поводу празднованія столѣтія основанія Петербурга, Евгеній провнесъ въ Исаакіевскомъ соборѣ слово, къ которому—печатаея его тогда же—присоединилъ описаніе церемоніала торжества (объ этомъ самъ онъ говоритъ Македонцу (№ 43), и въ автобіографіи, 12: „Слово на случай торжества о совершившемся первомъ столѣтіи отъ основанія царствующаго града С.-Петербурга“), Рѣчь перепечатана въ Собраніи поучительныхъ словъ (IV, 101—111), а выдержки изъ описанія церемоніала приведены Ивановскимъ въ статьѣ его „Памяти высокопр. Евгенія“ (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1867, № 12, стр. 719—721) и въ Евгеніевскомъ Сборникѣ, 43—46. Соплекая съ этой проповѣди ту обязательную одежду, въ какой обыкновенно въ то время появлялись подобныя рѣчи, произносимыя съ церковной кафедры, и оставляя въ сторонѣ славословія и пожеланія по адресу Александра Перваго, находимъ, что остальное, то-есть, основная мысль и содержаніе ея, очень бѣдно и незатѣйливо. Ораторъ пораженъ быстротой роста города Петербурга и тою энергіей, какую проявилъ его основатель, сотворившій „новый міръ для Россіи“ (стр. 103);—къ этому сводится все содержаніе „Слова“; остальное—побочныя разсужденія. Въ эти же годы переводится одинъ учебникъ по гомилетикѣ подъ наблюденіемъ Евгенія (см. *Ж. М. Н. Пр.* 1886. № 6, стр. 339).

жалуется Македонцу: „Отъ множества должностей рѣдко высыпаюсь и отъ того чувствую даже боль въ груди, въ спинѣ, въ головѣ. Вся академія взвалена на мои плечи и въ ней 200 человекъ на всемъ содержаніи, а тамъ еще два класса, консисторія, церковь и пр. Только и отдыху послѣ обѣда въ субботу да воскресенье“ ¹⁾. Лѣтніе каникулы провелъ новый префектъ въ „копаніи каналовъ и выкладкѣ подземныхъ трубъ“. Академическій дворъ представлялъ „сущее болото“ и самъ Евгений, „какъ для собственнаго здоровья, такъ и для учениковъ“ подалъ мысль объ осушкѣ ²⁾. „Ко мнѣ на работу“, замѣчаетъ онъ—„присылаетъ владыка и консисторія поповъ да причетниковъ, и такъ я ихъ мучу, да и самъ вмѣстѣ съ ними, будучи на дворѣ, мучусь“ ³⁾. Въ октябрѣ новыя жалобы: „задушенъ почти дѣлами“ ⁴⁾; въ ноябрѣ и декабрѣ та же мысль съ иной только вариацией: „хлопоты душатъ, да случились еще и огорченія. Владыка требуетъ строгости. Я принялся было, но раздражилъ вольныхъ здѣшнихъ студентовъ... Недосуги мнѣ иногда дохнуть не даютъ. А недосуги сіи суть все мелочныя смотрѣнія за академистами. Но за мелочи здѣсь больше взыскиваютъ... За то хочу бросить все тщаніе“ ⁵⁾. Нетерпѣливая, экспансивная натура ясно сказывается въ этихъ словахъ. Евгений готовъ уже сожалѣть о томъ времени, когда служба не мѣшала удовлетворенію духовныхъ потребностей. „По вольности цензуры“, пишетъ онъ въ мартѣ 1802 года, съ—„весны привезутъ намъ миллионъ новыхъ книгъ, да ба! читать намъ некогда...“ ⁶⁾; нѣсколько же раньше замѣчаетъ: „а силы въ службѣ уже ослабѣваютъ при безчисленныхъ здѣшнихъ должностяхъ и дѣлахъ“ ⁷⁾. Въ мартѣ 1801 г. его послали ревизовать разные монастыри; и Евгений былъ радешенекъ, что обстоятельства прервали порученіе на половинѣ ⁸⁾.

И кругъ новыхъ лицъ, по видному, мало удовлетворялъ его; по

¹⁾ Письмо Македонцу № 4.

²⁾ Евгениевскій Сборникъ, 129. Письмо Македонцу 26 іюля 1800 г. Впрочемъ работы эти, вѣроятно, находились въ соответствіи съ переправкой академическихъ зданій, на которую архіеп. Амвросій выхлопоталъ въ это время 40,000 р. (*И. Чистовичъ*, Митр. Амвросій. *Странникъ* 1860. № 5. стр. 175).

³⁾ Евгениевскій Сборникъ, 129. Письмо Македонцу 26 іюля 1800 г.

⁴⁾ Письмо Македонцу № 10.

⁵⁾ *Русскій Архивъ* 1870, столбцы 786—787.

⁶⁾ Письмо Македонцу № 31.

⁷⁾ Письмо Македонцу № 29.

⁸⁾ Письмо Македонцу № 17.

крайней мѣрѣ первыя впечатлѣнія по прїѣздѣ въ столицу были не особенно свѣтлыя: „Евгеній“, пишетъ онъ про себя, — „теперь законопаченъ въ монастырѣ и рѣдко, рѣдко выѣзжаетъ вонъ; ибо на извозикѣ стыдно, а карету нанимать дорого, своей же нѣтъ. Въ монастырѣ обходиться кромѣ ректора несъ кѣмъ: всѣ скрыты и не очень сговорчивы, не такъ какъ въ Воронежѣ или въ матушкѣ-Москвѣ“¹⁾. Очевидно, сухой и неискренній прїемъ, оказанный ему новыми товарищами по службѣ, рѣзнулъ Евгенія по сердцу, и онъ невольно вспомнилъ радушную ласку и недавній привѣтъ роднаго города²⁾.

Мы видѣли выше, что непосредственно по постриженіи Евгеній возведенъ былъ въ званіе архимандрита Зеленецкаго монастыря. Можно смѣло сказать, что это назначеніе было традиціоннымъ и обусловливалось установившимся обычаемъ. Іерархической лѣстницы повышеіи придерживались въ тогдашнемъ духовномъ вѣдомствѣ не менѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ изъ одиннадцати предшественниковъ Евгенія по Зеленецкой архимандріи шестеро были въ то же время префектами Невской академіи³⁾. Монастырь, что называется, былъ не изъ важныхъ и, вѣроятно, считался первой, самой низшей ступеню на служебномъ поприщѣ для чернаго духовенства. Третьеклассный, затерянный гдѣ-то въ лѣсной глуши, среди болотъ, хотя сравнительно и не далеко отъ Петербурга (въ 180 верстахъ въ Новоладожскомъ уѣздѣ), онъ служилъ мѣстомъ ссылки для наказанныхъ и убѣжищемъ для умалишенныхъ⁴⁾. Въ виду этого понятны становятся слова Евгенія: „лѣтъ десять уже не бывали въ немъ настоятели, да за болотами туда и ѣздить нельзя иначе, какъ зимою“⁵⁾. Да и званіе Зеленецкаго архимандрита было скорѣе только титуломъ, едва ли будучи сопряжено съ исправленіемъ иныхъ обязанностей,

¹⁾ Письмо Петрову. *Русскій Архивъ* 1873. № 5, столб. 389.

²⁾ Сравн. письма митр. Гавріила къ архіеп. Амвросію въ которыхъ, какъ разъ за это время, канцелярія владыки рисуется въ самыхъ непривлекательныхъ чертахъ (*Правосл. Обзоръ*. 1876. № 3, стр. 502—503). Объ интригахъ среди духовенства см. записки *Яковлева* (Памятнки новой русской исторіи, т. III, passim).

³⁾ (А до учрежденія академіи—семинаріи). Собственно пятеро; шестой былъ намістникомъ. *Истор. рос. іерарх.* IV, 175—179.

⁴⁾ *Истор. рос. іерарх.* IV, 155—156, 171, 173. Историко-статистич. свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи, вып. VII, стр. 429, 458. Исторія російской іерархіи опредѣляетъ мѣстоположеніе монастыря въ Тихвинскомъ уѣздѣ,—правильно для своего времени.

⁵⁾ Письмо Македону № 9.

кромѣ развѣ чисто формальныхъ ¹⁾). Евгеній ни разу не посѣтилъ своего монастыря ²⁾, хотя и собирался туда съѣздить ³⁾.

Но, не интересуясь своими умалишенными и преступниками, Евгеній заинтересовался Зеленецкимъ монастыремъ, какъ историкъ и сборщикъ историческихъ фактовъ. Онъ воспользовался своимъ положеніемъ и, надо думать, поручилъ кому-нибудь изъ своихъ подчиненныхъ собрать свѣдѣнія объ обители. Въ бумагахъ будущаго митрополита сохранилась тетрадь подъ заглавіемъ: „Историческое извѣстіе о Троицкомъ Зеленецкомъ монастырѣ“ ⁴⁾. Впослѣдствіи оно почти дословно вошло въ Исторію російской іерархіи, часть IV, стр. 155—182. Не даромъ эти страницы замѣтно выдѣляются своимъ сравнительнымъ объемомъ среди другихъ описаній, помѣщенныхъ въ упомянутомъ сочиненіи. Въ нихъ не только перечислены имена игуменовъ и архимандритовъ, но и данъ довольно обстоятельный историческій очеркъ, присутствіе въ которомъ мелкихъ бытовыхъ и топографическихъ подробностей ясно указываетъ, что работали надъ нимъ свои мѣстные люди.

Время составленія „Историческаго извѣстія“ относимъ мы ко времени архимандритства Евгенія въ Зеленецкомъ монастырѣ, именно къ 1801 году, на основаніи слѣдующихъ соображеній. Въ текстѣ рукописи, писанной рукою писца, на страницѣ 940 упоминается архіепископъ Гавріилъ, „что послѣ былъ и скончался въ 1801 году митрополитомъ Новгородскимъ“. Послѣдній, дѣйствительно, умеръ 26 января этого года ⁵⁾. На страницѣ же 947, заканчивая перечисленіе монастырскихъ архимандритовъ послѣднимъ изъ нихъ, Евгеніемъ Болховитиновымъ, составитель „Извѣстія“, говоритъ, что онъ съ 7 марта 1800 г. посвященъ во архимандрита Зеленецкаго монастыря и опредѣленъ въ Александроневской академіи префектомъ. „Въ сихъ званіяхъ находится онъ и до нынѣ“. Евгеній же, очевидно, позже, зачеркнулъ послѣднюю фразу и замѣнилъ ее словами: „изъ онаго монастыря въ 1802 году

¹⁾ Въ черновыхъ тетрадяхъ митр. Евгенія мы нашли листъ бумаги испи- санный свѣдѣніями о Грузіи, надъ описаніемъ которой Евгеній въ то время работалъ; въ верху листа стоитъ зачеркнутое: „Межевыя книги и планы Зеленецкаго монастыря“ (Рукопись Кіево-соф. библ. № 559, тетрадка № 7).

²⁾ Письмо Македонцу № 29.

³⁾ Ibidem, № 17.

⁴⁾ Рукопись Кіево-соф. библ. № 183, folio, стр. 927—947.

⁵⁾ Исторія російской іерархіи, I, 84.

по указу Св. Синода отъ 27 генваря переведенъ въ Сергіеву приморскую пустынь¹⁾.

Дѣйствительно, не прошло и двухъ лѣтъ, какъ Евгенія перевели изъ заолустнаго монастыря во второклассную²⁾ Сергіеву пустынь³⁾, лежащую вблизи Петербурга, до нѣкоторой степени на аристократическое мѣсто⁴⁾. Это была вторая ступень повышеи⁵⁾, хотя Евгеній едва не перескочилъ и ее: подумывали было назначить его прямо въ первоклассный Кириловъ монастырь заводить тамъ семинарію, „но митрополиту еще не угодно было это“⁶⁾. Евгеній впрочемъ остался доволенъ и тѣмъ, что дали: онъ „горѣлъ нетерпѣніемъ оставить опасный Петербургъ хоть бы навсегда“⁷⁾. Теперь онъ все таки могъ, хотя бы и изрѣдка, на короткое время отлучаться изъ холодныхъ стѣнъ академіи, уйти изъ той обстановки, гдѣ подъ-часъ приходилось „идолопоклонничать по синодальнымъ“, какъ не безъ проиія надъ собою замѣчаетъ Евгеній⁸⁾, и отдохнуть на лонѣ природы, вдыхая „растворенное благоуханіе воздуха“, любясь „моремъ и тихими волнышками“⁹⁾. Послѣ шумной городской жизни Сергіева

¹⁾ Есть небольшая брошюра („Исторія и древности третьекласснаго Троицкаго Зеленецкаго монастыря С.-Петербургской епархіи, съ приложеніемъ записи достопамятныхъ событій, по преставленіи преподобнаго Мартирія, въ немъ совершившихся“, С.-Пб. 1866. 8°. 62 стр.), авторъ которой заявляетъ, что составилъ ее по даннымъ Исторіи російской іерархіи (IV, 155—182) и рукописнаго лѣтописца, хранящагося въ монастырѣ. Упомянутая въ ней „Запись“ (стр. 27—62), будучи „списана съ имѣющейся въ Зеленецкой обители, при службѣ препод. Мартирія, описи“, содержитъ въ себѣ очень любопытныя мѣстно-историческія свѣдѣнія. Последнія доведены до 1798 года. Нельзя ли изъ этого предположить, что они были составлены по почину или во время архимандритства Евгенія?

²⁾ Истор. рос. іерарх. VI, 86.

³⁾ Автобіографія, 3.

⁴⁾ Въ 1771 г. отсылать умалишенныхъ въ эту пустынь было найдено „не возможно, яко (въ) стоящую на Петергофской дорогѣ“ (Истор. рос. іерарх. IV, 173). Въ 1802 г. ее посвятилъ государь императоръ (Евгеніевскій сборникъ, 145—146). Въ 1836 г. Сергіева пустынь возведена въ первоклассную (Л. Яковлевъ, Историческій очеркъ первоклассна. Троицко-Сергіевой приморской пустыни (С.-Пб. 1884 г.), стр. 4).

⁵⁾ Изъ одиннадцати предшественниковъ Евгенія — шестеро также были изъ Зеленецкаго монастыря переведены въ Сергіеву пустынь (Истор. р. іерарх., IV, 175—179). Тотъ же порядокъ соблюдался и послѣ (*ibidem.* 180—181).

⁶⁾ Письмо Македонцу № 29.

⁷⁾ *Ibidem.*

⁸⁾ Письмо Македонцу № 3.

⁹⁾ Письма Македонцу №№ 29, 34, 42, 45.

пустынь произвела на Евгенія самое пріятное впечатлѣніе. Онъ не разъ называетъ ее „раемъ“ ¹⁾. Но уединенія и спокойствія ищетъ онъ не ради одного утомленія отъ дѣлъ; нѣтъ, это желаніе было не въ его натурѣ: „по всѣмъ многочисленнымъ покоемъ настоятельскимъ хожу одинъ и не чувствую пустоты“ ²⁾. Наконецъ, избѣгая столичной суеты, онъ радъ былъ провести время въ пріятельской бесѣдѣ въ той же пустыни ³⁾.

Извѣстно, что Россія была единственною страной (непродолжительное время и Пруссія), гдѣ папская булла 1773 года *Dominus ac Redemptor*, закрывавшая орденъ іезуитовъ, не была приведена въ исполненіе. Въ извѣстномъ сочиненіи свящ. Морошкина разъяснено, путемъ какихъ интригъ удалось іезуитамъ достигнуть этого ⁴⁾. Іезуитская лестъ и выгоды данной минуты заслонили передъ императрицей Екатериной печальныя послѣдствія противодѣйствія папской буллѣ. Учрежденіемъ же полоцкаго новиціата орденъ пріобрѣталъ еще большую устойчивость. Результаты не заставили себя долго ожидать. Историкъ іезуитовъ въ Россіи отмѣчаетъ, что уже въ первое время они совращали въ латинство не только униатовъ, но и православныхъ, хотя правда, подъ покровомъ строгой тайны. Высшій слой русскаго общества оказывался наиболѣе склоннымъ слѣдовать по стопамъ учениковъ Лойолы ⁵⁾.

Въ непродолжительное царствованіе преемника Екатерины, когда настроеніе минуты пріобрѣтало такое значеніе, ловкимъ дѣятелямъ знаменитаго ордена приготовлена была благопріятная почва. Въ папскомъ нунціи при петербургскомъ дворѣ, кардиналъ Литта, нашли они дѣятельную поддержку ⁶⁾. Пригодились и симпатіи императора къ Мальтійскому ордену. Ниспроверженіе митрополита латинскихъ церквей въ Россіи, Сестренцевича, пользовавшагося большою любовью государя, показываетъ и степень вліянія іезуитовъ, и характеръ мѣръ, къ какимъ прибѣгали они для достиженія своихъ цѣлей ⁷⁾. Главною силою ордена въ это время былъ патеръ Груберъ. Человѣкъ большаго ума, замѣчательно разносторонній, съ обширными

¹⁾ Письма Македонцу №№ 29, 42.

²⁾ *Ibidem*, № 45.

³⁾ *Ibidem*, № 42.

⁴⁾ Іезуиты въ Россіи, I, 46—86.

⁵⁾ *Морошкинъ*, I, 255—264.

⁶⁾ *Морошкинъ*, I, 283.

⁷⁾ *Морошкинъ*, I, 362—420.

свѣдѣніями, онъ явился въ Россію въ 1787 г. ¹⁾, а въ 1797 г. лично сталъ извѣстенъ императору Павлу, во время посѣщенія государемъ города Орши ²⁾. Фанатикъ, съ гордыми властолюбивыми замыслами, Груберъ былъ тою нравственною силой, появленіе которой никогда не проходитъ безслѣдно для окружающихъ. Официально не стоя во главѣ ордена, но безъ особыхъ усилій будучи признанъ его дѣйствительнымъ вождемъ, онъ съ появленіемъ своимъ на петербургскомъ горизонтѣ счумѣлъ заставить не только заговорить о себѣ, но и скоро сдѣлаться близкимъ лицомъ къ государю, къ которому и получилъ право являться безъ доклада во всякое время ³⁾. Въ небольшой промежутокъ времени Груберъ подкапывается подъ Сестренцевича, оказываетъ давленіе на Павла въ сближеніи его съ Наполеономъ ⁴⁾, выхлопываетъ передачу латинской церкви св. Екатерины въ Петербургъ въ руки іезуитовъ ⁵⁾, назначаетъ президентовъ и вице-президентовъ католическаго департамента ⁶⁾, наконецъ черезъ государя съ успѣхомъ добивается папской санкціи на существованіе ордена хотя бы только въ предѣлахъ Россіи ⁷⁾. Эти безкровныя завоеванія и нѣкоторыя другія ⁸⁾, наконецъ энергическая настойчивость іезуитовъ въ введеніи своихъ плановъ, эффектная проповѣди, пышная обстановка въ богослуженіи, ловко рассчитанная филантропія ⁹⁾, словомъ весь обычный арсеналъ іезуитскихъ приемовъ, заставилъ говорить о братствѣ Иисуса весь городъ. Но среди столичныхъ толковъ естественно послышались и опасенія, „что это только начало ихъ завоеваній въ русско-православной средѣ, которымъ трудно предвидѣть конецъ и границы“ ¹⁰⁾. Можно ли было хотя на минуту сомнѣваться, что люди, служившіе *ad maiorem gloriam Dei*, поставившіе своимъ девизомъ торжество католицизма, не ограничатся ссылкой Сестренцевича, но

¹⁾ *Морошкинъ*, I, 366—367.

²⁾ *Ibidem*, 281—282.

³⁾ *Морошкинъ*, I, 369—377.

⁴⁾ *Ibidem*, I, 379—380.

⁵⁾ *Ibidem*, I, 388.

⁶⁾ *Ibidem*, I, 422.

⁷⁾ *Ibidem*, I, 457 — 469. Срав. записку Сестренцевича *Русск. Архивъ* 1870, стбл. 1729 слѣд.

⁸⁾ Какъ напримѣръ, преобразование католическаго департамента и Екатерининскаго училища въ іезуитскомъ духѣ. (*Морошкинъ*, I, 430, 434 слѣд.).

⁹⁾ *Ibidem*, I, 426—427.

¹⁰⁾ *Ibidem*, I, 398.

коснутся и православной церкви? Случаи совращенія въ латинство уже встрѣчались ¹⁾). „Порядочная цифра совращеній, обнаружившихся среди нашей знати въ первые годы царствованія Александра I, заставляетъ предполагать, что такого рода явленіе было подготовлено нѣсколькими годами прежде и получило начало свое въ предшествовавшее царствованіе. Во всѣхъ совращеніяхъ александровской эпохи уже примѣчается какая-то предварительная іезуитская работа, видна какая-то обработка и подготовка почвы, такъ что мы²⁾, замѣчаетъ свящ. Морошкинъ, — „не боимся впасть въ преувеличеніе, если скажемъ, что большая часть совращеній русской знати въ латинство, обнаружившихся въ царствованіе императора Александра I, приготовлена была въ царствованіе Павла I“ ³⁾).

Дѣйствительно, факты подтверждаютъ, что въ концѣ прошлаго столѣтія іезуиты готовились повести настоящую атаку противъ православія; „латиняне старались распространить слухъ, что между православіемъ и латинствомъ нѣтъ существеннаго различія, а іезуиты утверждали и внушали вліятельнымъ лицамъ при русскомъ правительствѣ, что латинство есть единственное христіанское исповѣданіе, поддерживающее начало монархическое, воспитывающее народы въ чувствахъ безпрекословной покорности властямъ, въ правилахъ нравственности и благочестія“ ⁴⁾). Въ не изданныхъ запискахъ Анастасевича есть прямые указанія на то, что Груберъ, въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ, работалъ надъ проектомъ соединенія церквей, конечно, не въ духѣ равноправія, а Флорентинскаго собора, и только смерть Павла помѣшала дальнѣйшему движенію этихъ плановъ ⁴⁾). Махинаціи опаснаго временщика, казалось, готовы были увѣнчаться успѣхомъ: не только государь, но нѣкоторые и изъ духовенства одобрили этотъ проектъ; императоръ черезъ Ростопчина сдѣлалъ запросъ митрополиту (тогда еще архіепископу) Амвросію и потребовалъ его мнѣнія. Тогда-то послѣдній и поручилъ префекту Александроневской акаде-

¹⁾ Ibidem, I, 494 слѣд.

²⁾ Ibidem, I, 487.

³⁾ Ibidem, I, 492.

⁴⁾ Ibidem, II, 3—6. Кроме того, см. „Замѣтки Анастасевича“ (Рукопись Императорской Публ. Библіот., помѣчена на переплетѣ 1829 годовъ): „При Павлѣ I также было, кажется, намѣреніе соединить церкви, по сношеніямъ и даже на письмѣ по данному плану отъ нунція гр. Литты. Но митрополитъ Гавріилъ, сколько ему ни приписываютъ ума, видно, былъ евнатикъ“ (стр. 125).

міи составить докладную записку и опрокинуть основанія Груберовскаго проекта ¹⁾).

Вотъ собственноручная замѣтка Евгенія, сохранившаяся въ его рукописяхъ и объясняющая обстоятельства и мотивы даннаго ему порученія: „Сія записка, по приказанію митрополита Амвросія, сочинена мною по слѣдующему случаю. Въ 1800 году генералъ езуитскій Груберъ, пребывавшій въ С.-Петербургѣ и имѣвшій частый входъ въ кабинетъ императора Павла I, предложилъ ему о соединеніи церквей по интригамъ папы. Нѣкоторые даже изъ духовныхъ нашихъ были подговорены къ тому же, и государь самъ для славы своей, казалось, преклоненъ былъ къ сему разными обѣщаніями отъ папы и езуитовъ. Запросъ черезъ министра Ростопчина сдѣланъ былъ и митрополиту, который вмѣсто отвѣта послалъ ему сію выписку. Государь, выслушавши оную, переѣвилъ мысли и съ тѣхъ поръ не велѣлъ впускать въ кабинетъ езуита Грубера. Много тогда было и на меня роптаній. Но, слава Богу, обошлось безъ напасти. Записка сія подана осенью“ ²⁾).

Думаемъ, что слова эти писаны Евгениемъ много лѣтъ спустя послѣ подачи записки; кое-что уже успѣло ступешваться въ памяти, кое-что приняло увеличенные размѣры. Едва ли бы въ 1800 г. называлъ онъ генераломъ Грубера, бывшаго тогда ректоромъ іезуитскаго коллегіума ³⁾. Съ другой стороны, не вѣрно, будто записка поколебала довѣріе государя къ талантливому іезуиту: послѣдній до самой смерти императора продолжалъ пользоваться правомъ свободнаго входа въ его кабинетъ ⁴⁾. Позволительно также сомнѣваться, на сколько

¹⁾ Эта записка, или, какъ называетъ ее Евгенийъ въ автобіографіи (стр. 15), „Каноническое изслѣдованіе о папской власти въ христіанской церкви, на латинскомъ и русскійскомъ языкѣ“, сохранилась, но только въ одномъ рускомъ текстѣ, въ рукописи Кіево-соф. библ. № 592, статья № 22; отъ текста же латинскаго остались только слѣды прежняго присутствія. Въ томъ же сборникѣ (статья № 23, 3½ листа) находятся выписки на латинскомъ языкѣ изъ опредѣленій вселенскихъ соборовъ, на которыя ссылается Евгенийъ въ началѣ своего изслѣдованія. Текстъ сопровождается русскимъ переводомъ съ *толкованіями* на каждое соборное опредѣленіе, взятыми, какъ оказывается по сличенію, изъ *Кормчей*. Русскій текстъ напечатанъ въ *Руководствѣ для сельскихъ пастырей*, 1867, № 84, стр. 568—580.

²⁾ Рукопись Кіево-соф. библ., № 592, статья 22, лист. 7 об.—8.

³⁾ *Морошкинъ*, II, 5.

⁴⁾ *Морошкинъ*, II, 3, 6.

„государь, выслушавши оную (то-есть, записку), переѣнилъ мысли свои“. Докладъ Евгенія, прекрасный по ясному и спокойному изложенію, обстоятельному знакомству съ богословской литературой, быть можетъ, грѣшилъ тѣмъ, что стоялъ исключительно на догматической почвѣ: основное содержаніе его сводится къ тому, что папы неправильно присвоивали себѣ главенство въ христіанской церкви и что, какъ выражается заключительная фраза, „при всѣхъ случаяхъ предложенія о соединеніи церкви паписты старались больше о покореніи, нежели о соединеніи соглашающихся. А потому соединеніе почти не возможно до тѣхъ поръ, пока папы будутъ присвоять себѣ верховную власть въ церкви“¹⁾.

Дѣло въ томъ, что у католиковъ не могло быть недостатка въ своихъ доказательствахъ, да и едва ли ловкій іезуитъ старался дѣйствовать въ этомъ направленіи. Опасенію, что соединеніе не возможно, „пока папы будутъ присвоять себѣ верховную власть въ церкви“, Груберъ легко могъ противопоставить сотни доводовъ, какъ бы софистичны сами по себѣ они ни были, въ пользу того, что главенства никакого и не будетъ. Повторяемъ, становиться исключительно на церковно-православную точку зрѣнія еще не значило обезпечить себѣ успѣхъ; припомнимъ, какъ вообще поколеблено было въ тогдѣшнемъ обществѣ религиозное чувство. Семейныя традиціи государя, ни по отцу, ни по матери, нельзя назвать строго православными. Если императоръ всегда неуклонно выполнялъ постановленія господствующей церкви, то вѣдь свободномыслящая Екатерина даже энергично защищала ихъ, когда этого требовали государственныя соображенія. Не забудемъ, что еще въ дѣтствѣ Павлу Петровичу случалось выслушивать легкомысленныя сужденія о религіи, не проходившія для него безслѣдно²⁾. Но если сомнительно, чтобъ докладная записка Евгенія вполнѣ достигла предназначенной ей цѣли, то она, несомнѣнно, имѣла благоприятныя послѣдствія для самого автора. Она выдвигала его среди петербургскаго духовенства, какъ борца съ вліятельнымъ іезуитомъ за интересы церкви и, пожалуй, сословія; какъ человѣка начитаннаго, „ученаго“, наконецъ просто какъ человѣка, о которомъ приходится говорить по поводу животрепещущихъ событій. Трудно сказать, съ чьей стороны шли „ропанія“, о коихъ упоминаетъ Евгеній, и какого рода были обрушившіяся на него „на-

¹⁾ *Руков. для сельск. наст.*, 1867, № 34, стр. 579.

²⁾ *Записки Порошина*, изд. *Русск. Старины*, 86, 146—147.

пасти"; но болѣе чѣмъ очевидно, что чувство справедливости и долгъ благодарности требовали отъ архіепископа Амвросія не забыть чело-вѣка, терпѣвшаго отчасти по его винѣ.

Впрочемъ полемика съ Груберомъ ближайшимъ послѣдствіемъ для Евгенія имѣла то, что и впредь подобныя же работы митрополитъ Амвросій поручалъ тому же автору „Каноническаго изслѣдованія“. Таковы были разборъ книги Рихтера, увѣщаніе духоборцевъ и критика ихъ ученія, а нѣсколько позже критика Ганкенштейновской гипотезы о времени перевода священныхъ книгъ на славянскій языкъ. „Примѣчанія“ Евгенія на сочиненіе пастора Рихтера: „Учебная книга въ формѣ катихизиса о главнѣйшихъ должностяхъ общественной жизни, собранная для низшихъ гражданскихъ и народныхъ школъ“¹⁾ были составлены въ 1802 г. Надо думать, что и эта работа не только была полемической, но и имѣла въ виду подѣйствовать на высія сферы такъ какъ, подобно „Каноническому изслѣдованію о папской власти“, была представлена „при донесеніи митрополита Амвросія въ Высочайшій кабинетъ“²⁾. Къ сожалѣнію, болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній о ней мы не имѣемъ.

Больше подробностей сохранилось о третьемъ порученіи—анализѣ духоборческаго ученія.

Секта духоборцевъ зародилась приблизительно въ половинѣ прошлаго столѣтія³⁾ и быстро распространилась во многихъ губерніяхъ южной полосы Россіи⁴⁾. Хотя гуманныя мѣры Екатерининскаго правительства, въ противоположность суровому законодательству первой половины 18 столѣтія, не мало способствовали этому; хотя съ этихъ поръ законъ осуждаетъ религіозную нетерпимость⁵⁾, предписывая трактовать ересь, „какъ обыкновенное гражданское дѣло и отнюдь не иначе“⁶⁾; запрещаетъ, „ради различія вѣры вчинать ссоры или распри“⁷⁾ и заповѣдуетъ „миръ и тишину между членами отечества самыми разновѣрными“⁸⁾, потому что „гоненіе раздражаетъ только

¹⁾ Чистовичъ, Исторія Петерб. дух. акад., 121.

²⁾ Ibidem.

³⁾ О. Новицкій, Духоборцы. Ихъ исторія и вѣроученіе. Изд. 2-е (Кіевъ. 1882), стр. 4—5, 18, 21.

⁴⁾ Ibidem, 5, 21, 23, 37—39.

⁵⁾ Наказъ 1767 г. іюля 30, ст. 494—495. Собр. Зак. Т. XVIII, ст. 12, 949.

⁶⁾ Наказъ 1772 г. іюля 2. Собр. Зак. Т. XIX, ст. 13, 838.

⁷⁾ Уставъ благочин. 1782 г. апр. 8, ст. 202. Полн. Собр. Зак. Т. XXI, ст. 15, 379.

⁸⁾ Тамъ же, ст. 63.

умы¹⁾;—но при всемъ томъ положеніе духоборцевъ было не легкое²⁾. Свообразное и еретическое пониманіе христіанской религіи³⁾ рѣзко выдѣляло сектантовъ среди православнаго люда и оправдывало суровыя мѣры. „Отношеніе между ними и мѣстными властями, духовенствомъ и православнымъ народомъ было весьма враждебное. Ихъ отдавали въ рекруты безъ всякой очереди, поносили руганіями и обременяли огромными поборами“⁴⁾, „открываемыхъ никогда не оставляли на мѣстѣ, ... и въ одиночку и цѣлыми семействами ссылали то на фортификаціонныя работы, то въ глухія мѣста далекаго сѣвера, то на поселеніе и тяжкія работы въ Сибирь“⁵⁾.

Но съ воцареніемъ императора Александра I для всѣхъ сектантовъ произошелъ поворотъ къ лучшему. Рядъ послѣдовательныхъ указовъ старался защитить ихъ отъ произвола полицейскихъ властей и вмѣсто ссылки въ Сибирь открывалъ доступъ на льготныхъ условіяхъ въ Таврическую губернію⁶⁾. Духоборцевъ велѣно было селить на „Молочныхъ Водахъ“ (въ Мариупольскомъ уѣздѣ), сколько для того, чтобы изолировать православныхъ отъ ихъ вліянія, столько же и „по уваженію претерпѣннаго ими людьми раззоренія“⁷⁾.

Въ сношеніяхъ съ сектантами кроткимъ мѣраммъ, увѣщанію стали отдавать безусловное предпочтеніе. Государь находить и людей, вполне раздѣляющихъ его взгляды⁸⁾. Если въ правительственныхъ сферахъ, можетъ быть, и не всегда симпатизировали новымъ воззрѣніямъ⁹⁾, то, разумѣется, все же вынуждены были считаться съ ними¹⁰⁾.

При всемъ томъ отъ духовенства слѣдовало ожидать большей сдержанности. Еще при Екаторинѣ самые видные представители русской церкви шли въ разрѣзъ съ ея либеральными взглядами на этотъ

¹⁾ Вышеозначен. наказъ 1767 г. іюля 30, ст. 496.

²⁾ *Новицкій*, 49—50, гдѣ собраны вышеотмѣченныя указанія.

³⁾ *Новицкій*, 220—282.

⁴⁾ *Новицкій*, 54.

⁵⁾ *Новицкій*, 50. Срав. 45—47.

⁶⁾ Указы 25 янв. 1802, 21 авг. 1803, 16 дек. 1804 и 28 іюля 1805, №№ 20123, 20904, 21556, 21845. Полн. Собр. Закон. Т. XXVII, стр. 27, 848, т. XXVIII, стр. 746, 1134.

⁷⁾ Указъ 25 янв. 1802. П. С. Зак. № 20123, т. XXVII, стр. 27.

⁸⁾ Напримѣръ, сенаторъ Лопухинъ, см. Записки его въ *Чтен. Общ. Исторіи и Древн.* 1860, кн. III, 92—112.

⁹⁾ Записки *Лопухина*, *Чтенія*, 1860, III, стр. 105; Выписки изъ Ръшетел. архива *Русск. Архивъ*, 1865 г. (2-е изд.), стр. 819—820.

¹⁰⁾ Срав. Записки *Державина* въ его Сочиненіяхъ, изд. *Грота*, VI, 722.

счетъ. Митрополитъ Гавріилъ, напримѣръ, признавалъ возможность только терпѣть раскольниковъ, но не допускать ихъ ни строить храмовъ, ни держать своихъ священниковъ, ни употреблять старыхъ книгъ. Дмитрій же Сѣменовъ настаивалъ даже на недопущеніи выполнять тѣ обряды, коими они отличаются отъ православныхъ (два перста, 7 просфоръ) ¹⁾. Въ общемъ на той же почвѣ стоялъ и знаменитый Платонъ, бывшій, какъ оказывается теперь, не сторонникомъ, а скорѣе противникомъ единовѣрія ²⁾. Если вспомнимъ, что въ глазахъ свободной мыслительницы Екатерины, митрополитъ Гавріилъ былъ „мужъ острый и резонабельный“, которому она посвящала переводъ Мармонтелева Велларія, что Сѣменовъ былъ въ числѣ образованнѣйшихъ и наиболѣе либеральныхъ членовъ тогдашняго духовенства, что митрополитъ Платонъ, какъ мы и раньше имѣли случай убѣдиться, далеко не имѣлъ ничего общаго съ закоренѣлымъ фанатизмомъ, то намъ станетъ ясно, какъ въ массѣ духовенства должна была господствовать отрицательная точка зрѣнія на расколъ, тѣмъ болѣе къ духоборцамъ, къ сектѣ „антихристіанской“ ³⁾ и безусловно „еретической“ ⁴⁾.

Дѣла о духоборческой ереси возникали то тамъ, то сямъ, и въ концѣ прошлаго столѣтія, и въ первые годы Александровскаго царствованія ⁵⁾. Поэтому не было ничего удивительнаго, что въ іюлѣ мѣсяцѣ 1802 г. на Евгенія возложили попытку обратить въ православіе двухъ присланныхъ съ этою цѣлью духоборцевъ. Результаты своихъ бесѣдъ и увѣщаній Евгеній изложилъ въ особой докладной запискѣ, приложивъ къ ней 66 своихъ вопросовъ и отвѣты на нихъ,

¹⁾ С. М. Соловьевъ, Замѣтка о дѣятельности митр. Гавріила (Петрова) по вопросу о расколѣ. *Правосл. Обзор.* 1875, № 11, стр. 430—434. Сравни. *Казанскій*, Замѣтка по поводу писемъ митр. Гавріила. *Правосл. Обзор.* 1876, № 3, стр. 473—478 и самыя письма. *Ibidem*, 492—502.

²⁾ Письма митр. Платона къ Амвросію. *Правосл. Обзор.* 1869, стр. 41, 47 и друг. *Казанскій*, *ibidem*, 1876, № 3, стр. 473—478.

³⁾ Арх. *Филаретъ*, Обзоръ русск. дух. литературы, изд. 3-е, стр. 442.

⁴⁾ Н. Ивановскій, Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о сектахъ рационалистическихъ и мистическихъ. Ч. 3-я. Казань, 1887, стр. 163.

⁵⁾ Указанія собраны въ книгѣ *Новицкаго*, стр. 37 и слѣд. Кроме нея, см. *Русск. Архивъ* 1864, 128—141; 1870, 773. (Письмо Евгенія Македонцу № 9); *Дубасовъ*, Судъ надъ тамбовскими духоборцами въ 1803 году. *Истор. Вѣстн.* 1886, № 9, стр. 580—588, также въ его Очеркахъ изъ исторіи Тамбовскаго края, I, 235—237.

даннѣе духоборцами ¹⁾. На убѣжденія александровскаго префекта сектанты впрочемъ не сдались.

Нѣсколько позже Евгенію было поручено уже цѣлое изслѣдованіе духоборческаго ученія. Еще въ 90-хъ гг. прошлаго столѣтія духоборцы старались оправдать себя въ глазахъ начальства и съ этою цѣлью подали „Исповѣданіе“ своей вѣры ²⁾. Разборъ этого-то послѣдняго и возложенъ былъ на него. Результатомъ даннаго порученія была новая записка: „Разсмотрѣніе исповѣданія духоборческой секты“ ³⁾. Эту послѣднюю работу обыкновенно ставятъ въ тѣсную

¹⁾ „Записка о разговорѣ съ двумя духоборцами“ хранится въ нѣсколькихъ спискахъ. Намъ извѣстны три: Кіево-соф. библ. № 328, стр. 139—155 влюч., Кіев. дух. акад. № I, 1. 25. 25, стр. 122—138 влюч. и Петерб. Духовн. акад. № 82, стр. 119—134; напечатана Тихонравовымъ въ *Чтен. въ Общ. Ист. и Древн.* 1874, IV, 137—146 (а еще раньше небольшая часть, 28 вопросовъ, но совершенно въ другой редакціи, напечатаны у *Ливанова*, Раскольники и Острожники, изд. 2-е, II, 61—64) совершенно правильно и полностью. Есть только единственная, но существенная ошибка: на стр. 138 (печатной), строки 17 и 18 надо читать не: „мы вѣру знаемъ“, а „мы *Вѣру* знаемъ“, то-есть, Символь вѣры; (см. стр. 140 рукописи Кіево-соф. библ.) Текстъ *Чтеній* напечатанъ съ тѣми ничтожными поправками руки Евгенія, кои находятся въ рукописи № 328, а это показываетъ, что г. Тихонравовъ печаталъ если не съ этой послѣдней, то съ ея списка. Евгеній въ своей автобіографіи (15), а за нимъ и другіе относятъ присылку духоборцевъ для увѣщанія къ 1803 г.; между тѣмъ во всѣхъ трехъ рукописныхъ спискахъ и въ *Чтеніяхъ*—1802; то же и у Новицкаго. Духоборческая молитва, записанная Евгеніемъ, находится въ рукописи № 328, стр. 134—137 (и въ спискахъ: Кіевск. дух. акад. стр. 118—121; Петерб. акад.—стр. 114—116); она начинается: „какъ тебе не имати любити Господа моего?“

²⁾ „Исповѣданіе духоборцевъ, которое по просьбѣ и показанію ихъ въ 1791 году къ 25 декабря приуготовлено было для подачи Екатерिनславскому губернатору Каховскому, однакожь оставлено ими безъ подачи“. Рукопись Кіево-соф. библ. № 328, стр. 1—133 влюч.; рукопись Кіевск. дух. акад. № I, 1. 25. 25, стр. 1—117 влюч.; рукопись Петерб. дух. акад. № 82, стр. 1—114; напечатано г. Тихонравовымъ въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.* 1871, II, 26—80, но по другому списку: помимо нѣкоторыхъ отличій, въ текстѣ г. Тихонравова нѣтъ подробнаго перечня тѣмъ и вопросовъ, изложенныхъ въ запискѣ (стр. 3—6 по рукописи № 328) и вступительнаго обращенія авторовъ „Исповѣданія“ къ Каховскому (стр. 7—10 по рукописи № 328); за то всѣ три рукописныхъ списка лишены той приписки, какая находится въ текстѣ *Чтеній* (стр. 26.) Судя по рукописному заглавію, напрасно г. Тихонравовъ назвалъ Записку духоборцевъ, „поданной“ губернатору Каховскому.

³⁾ Стр. 156—171 по списку № 328; стр. 139—158 по Кіево-академическому, и стр. 135—156 по рукописи № 82.

связь съ вышеупомянутымъ увѣщаніемъ двухъ духоборцевъ ¹⁾, и самъ Евгеній какъ бы даетъ къ этому поводъ, говоря, что свое „Разсмотрѣніе“ ²⁾ подавъ въ Синодъ въ 1806 г. „по случаю появившагося 1791 года въ Екатеринославлѣ исповѣданія ихъ (духоборцевъ) и по случаю присланныхъ въ Александроневскую лавру для увѣщанія двухъ тамбовскихъ духоборцевъ“ ³⁾. Но не говоря про то, что записка 1791 г. являлась слишкомъ уже отдаленнымъ поводомъ,—въ самомъ выраженіи: по случаю еще нельзя видѣть непременно причинной зависимости.

Мы скорѣе склонны утверждать, что между „Разсмотрѣніемъ“ и „Разговорами“ связь только хронологическая и что нельзя еще дѣлать никакихъ выводовъ изъ того, что въ одномъ трудѣ авторъ ссылается на результаты болѣе ранняго; или что петербургское духовенство, поручивъ Евгенію увѣщаніе сектантовъ, нашло его вполне компетентнымъ и для анализа ихъ ученія.

Съ другой стороны, у насъ есть не мало указаній на то, что свое „Разсмотрѣніе“ Евгеній составлялъ уже въ Новгородѣ, куда переѣхалъ въ санѣ викарнаго епископа въ началѣ февраля 1804 г. ⁴⁾.

Вопервыхъ, порученіе, какъ мы сейчасъ увидимъ, далеко не было столь сложнымъ, чтобы оттягивать его исполненіе на цѣлые годы ⁵⁾.

Вовторыхъ, что „Разсмотрѣніе“ не только подано, но и составлено въ 1806 году, или самое раннее въ концѣ 1805 года, заключаемъ изъ собственноручной подписи и приписки автора на рукописныхъ экземплярахъ ⁶⁾.

¹⁾ Напримѣръ, С. К. Смирнова (*Правосл. Обзор.* 1869. Письма митр. Платона къ Амвросію стр. 73, прим. 228), Ивановскій (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1867, № 12, стр. 723 и Евгеніевскій Сборникъ, 56), Сперанскій (*Русск. Вѣстн.* 1885, № 4, стр. 547) и другіе,—все въ сущности основывались на показаніи самого Евгенія (*Автобіографія*, стр. 15).

²⁾ Или „Исслѣдованіе“, какъ оно названо у него въ автобіографіи (стр. 15), а за нимъ и всѣми другими.

³⁾ Автобіографія, 15.

⁴⁾ Письмо Македонцу № 54.

⁵⁾ Увѣщаніе духоборцевъ происходило лѣтомъ 1802; „Разсмотрѣніе“ подано въ Синодъ въ 1806 г.

⁶⁾ Такъ въ Кіево-софійскомъ стоить: „Евгеній, Е. Старор. 1806 (первоначально стояла даже цифра 7 вм. 6) года въ Новгородѣ“. И далѣе имъ же: „Со всего сего списано два списка, и одинъ чрезъ новгородскаго митрополита отданъ для храненія въ Синодѣ, а другой въ Александроневскую академическую библио-

Встрѣтыхъ, въ одномъ мѣстѣ своего изслѣдованія Евгенийъ ссылается на вторую часть книги Эккертсгаузена, вышедшую только въ 1803 году ¹⁾.

Вчетвертыхъ, въ одномъ письмѣ митрополита Платона къ Амвросію отъ 16-го мая 1804 года есть выраженіе, позволяющее думать, что въ это время петербургскій владыка только еще собиралъ разныя свѣдѣнія и справки о сектантахъ, можетъ быть, именно о духоборцахъ ²⁾.

Мы охотнѣе допустили бы мысль, что „Разсмотрѣніе исповѣданія духоборческой ереси“ явилось для петербургскаго духовенства средствомъ дать отпоръ оказываемому въ правительственныхъ сферахъ покровительству сектантамъ. Не говоря о цѣломъ рядѣ упомянутыхъ выше указовъ, въ это время составляются цѣлыя записки въ защиту духоборцевъ. Такого происхожденія, напримѣръ, Записка неизвѣстнаго автора, написанная въ 1805 году ³⁾ „по мыслямъ Лопухина“, какъ догадывался архіеп. Филаретъ ⁴⁾. Въ ней хотя и осторожно, но весьма недвусмысленно высказывалось сочувствіе духоборцамъ и строгому соотвѣтствію ихъ религій и обрядовъ съ требованіями морали ⁵⁾.

текъ“ (стр. 171). На заглавномъ листѣ экземпляра Петербургской академіи его же рукою: „Въ бібліотекѣ Александро-Невской академіи 1805 г. ноября 29 дня“.

¹⁾ См. Рукопись Кіево-воє. бібл. № 328 стр. 162.

²⁾ De malis adoratibus, quorum in litteris Tuis meministi, nihil quidquam ad me hucusque pervenerat. Accertis Tuis litteris sciscitabar meum vicarium: ille respondit, hunc humorem fuisse vanum, et nihil tale contigisse *Права. Обзор.* 1869, стр. 73. Издатель Платоновыхъ писемъ г. Смирновъ относитъ эти слова, правда, неизвѣстно почему, къ дѣлу тѣхъ духоборцевъ, увѣщаніе и изслѣдованіе ученія которыхъ было поручено Евгению. (Ibidem, стр. 73, прим. 228).

³⁾ Нѣкоторыя черты объ обществѣ духоборцевъ. *Лѣтописи русск. литер. и дрѣвности—Тихонравова*, 1862, томъ IV, стр. 3—16.

⁴⁾ Обзоръ русск. дух. лѣт., изд. 3-е стр. 442.

⁵⁾ Арх. *Филаретъ* (Обзоръ русск. дух. лѣт., изд. 3-е стр. 442) а за нимъ и свящ. *Николаевскій* (Ученые труды преосв. Евгения. *Христ. Чтеніе* 1872, № 7, стр. 378) ошибочно приписывали записку, напечатанную въ Лѣтописяхъ Тихонравова, перу Евгения; первый впрочемъ не смѣшивалъ ее съ „Изслѣдованіемъ („Разсмотрѣніемъ“) исповѣданія духоборческой секты“ и зналъ, что послѣднее есть произведеніе Евгения и находится въ рукописи (ibidem). *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ* (Энциклопедич. Словарь, составл. русск. учеными, буква Е, т. I, стр. 18, прим.) дѣлаетъ догадку, что „Изслѣдованіе“ („Разсмотрѣніе“) и Записка, напечатанная въ IV ч. Лѣтописей Тихонравова, одно и то же. Эту догадку, но уже въ видѣ положительнаго факта, высказалъ недавно г. *Сперанскій* (*Русск. Вѣсти.* 1885 № 4, стр. 547, примѣч. 2-е). Г. *Знаменскій* (Чтенія изъ исторіи русск. церкви за время царствованія Имп. Александра I. Каз. 1885, стр. 209) знаетъ, что Изслѣдованіе Евгения и Записка 1805 г., писанная „по мыслямъ Лопухина“, не одно

И дѣйствительно въ донесеніи Евгенія замѣтно проглядываетъ боязнь опасностей, грозящихъ православію. Вотъ его содержаніе.

Авторъ этого „Исповѣданія“, начинаеть Евгеній свой докладъ — вѣроятно, учился въ школѣ методистовъ: духоборческое ученіе онъ излагаетъ систематически, вставляетъ выраженія (фурія, морально, сублимировать), неупотребительныя у простаго народа, и приводитъ латинскія пословицы и стихи, сочиненныя по правиламъ школьной просодіи. Кромѣ того, текстъ Св. Писанія изложенъ въ переводѣ не съ церковно-славянскаго, а съ иностраннаго. Надо думать, что авторъ или самъ былъ „ересеучитель“ у духоборцевъ, или по просьбѣ сектантовъ изложилъ ихъ ученіе. Принявъ „Исповѣданіе“ за основу духоборческаго ученія и сравнивая его съ показаніями двухъ тамбовскихъ духоборцевъ, Евгеній пришелъ къ такимъ выводамъ:

Догматическая часть духоборческой ереси составлена изъ обрывковъ ученій гностиковъ, Оригена, квакеровъ и анабаптистовъ. Хотя „Исповѣданіе“ и считаетъ основателемъ своей секты старика Силуана Колесникова, а тамбовскіе духоборцы—какихъ-то пришельцевъ изъ Украины, но подобные энтузіасты появились гораздо раньше: около 1715 года, потомъ въ 1730 и 1734 годахъ, что видно изъ синодскихъ печатныхъ указовъ (ссылка на синодскій указъ 1734 года іюня 17-го). Можно думать, что возникновенію секты способствовали раскольники съ ихъ духомъ сопротивленія господствующей церкви, какіе-нибудь заѣзжіе моравскіе анабаптисты или менонитскіе квакеры, или же всего болѣе масоны, „всегда проповѣдовавшіе только таинственную богословію и внутреннюю церковь“.

Духоборческое представленіе о духѣ и о человѣческой душѣ заимствовано отъ гностиковъ, утверждавшихъ, что всѣ духи и души наши провозшли отъ Бога путемъ изліанія, подобно лучамъ отъ солнца, прежде существованія видимаго міра. Нѣкоторые духи и души, согрѣшивъ, были заключены Богомъ въ тѣла, какъ въ темницы; пребываніе ихъ въ тѣлѣ—естъ своего рода искушеніе; а чтобы путь этого исправленія невозможно облегчить — снизошелъ на землю Іисусъ Христосъ. Отсюда—отрицаніе первороднаго грѣха, что дѣлають и тамбовскіе духоборцы. Въ этомъ пунктѣ послѣдніе впрочемъ ближе всего подходятъ къ Оригену, сходство съ которымъ опредѣляется и

и то же. Г. Новицкій (Духоборцы, 216) прямо признаеть послѣднюю за провозведеніе Лопухина.

тѣмъ, что какъ онъ, такъ и Силуанъ, и его послѣдователи, Моисееву исторію толкуютъ аллегорически.

Нельзя не обратить вниманія, замѣчаетъ нашъ критикъ, что этотъ же взглядъ на поведеніе душъ прежде сотворенія міра проповѣдуютъ и масоны, при чемъ указываетъ на „извѣстную“ книгу Мартина „О заблужденіяхъ и истинѣ“ ¹⁾ и на „новѣйшее“ сочиненіе Экартсгаузена: „Важнѣйшіе іероглифы для человѣческаго сердца“ ²⁾.

Отмѣтивъ у духоборцевъ отрицаніе всякихъ таинствъ, церковныхъ обрядовъ и преданій отеческихъ (поклоненіе иконамъ, крещеніе, мѣропомазаніе, причащеніе, бракъ), Евгенийъ подобное воззрѣніе находитъ и у масоновъ: у Мартина ³⁾ — прямое отрицаніе; у Экартсгаузена ⁴⁾ — желаніе ослабить обряды, „возвышая одно только внутреннее духовное богочитаніе“.

Такое же родство понятій между духоборцами и масонами и въ толкованіи Св. Писанія, которое понимается обоими аллегорически. Отсюда вытекаетъ отрицаніе сектою священства и „особеннаго учительства“, всякій можетъ проповѣдывать, въ кого вселится духъ святой. Этимъ объясняется появленіе у духоборцевъ разныхъ пророковъ, какъ и у анабаптистовъ или квакеровъ, „и ученіе духоборческое во всѣхъ статьяхъ сдѣлалось сообразно анабаптистскому (выключая перекрещиваніе) и квакерскому“ ⁵⁾. Въ большемъ примѣчаніи Евгенийъ передаетъ основу ученія анабаптистовъ, по богословскому словарю Бержье (Bergier) и особенно подробно излагаетъ ученіе квакеровъ — по всеобщей исторіи Мосгейма.

Исслѣдователь также подмѣтилъ извѣстную послѣдовательность въ развитіи духоборства. Въ толкованіяхъ Силуана Колесникова еще слышится нѣкоторая связь съ ученіемъ православной церкви, но за то послѣдователи его „простерли еще далѣе вольность свою“. Такъ, напримѣръ, Колесниковъ не вполне отвергаетъ обряды; духоборцы же совершенно ихъ отрицаютъ. Колесниковъ требуетъ повиновенія властямъ, не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ; послѣдователи же его говорятъ, что власть царская, правительственная нужна только для злыхъ людей, а не для чадъ Божіихъ; тамбовскіе

¹⁾ М. 1785. стр. 35, 43, 38.

²⁾ С.-Пб. 1803. часть 2, стр. 88.

³⁾ Стр. 199 и 203.

⁴⁾ Часть 2, отъ стр. 90 до конца. (Эта ссыла, равно какъ и предшествующія три, принадлежатъ Евгению).

⁵⁾ Рукопись № 328, стр. 168—169.

же духоборцы „осмѣливаются уже дѣлать различіе между добрыми и злыми властями и говорятъ, что добрыя власти отъ Бога, а злыя не знаемъ де отъ кого“.

Заключительный выводъ Евгенія таковъ: „Вообще о духоборческой сектѣ замѣтить можно, что фанатизмъ ея, сначала ограничивавшійся кроткими нравственно-духовными чувствованіями, часъ отъ часу становится разгоряченнѣе и дерзостнѣе. Самое ученіе ея начало уже раздѣляться на разные толки, какъ обыкновенно случается при распространеніи сектъ; и если фанатизмъ сей еще болѣе размножится, то можетъ произвести такія же ужасныя буйства и наглости, какія въ XVI вѣкѣ произвели анабаптисты въ Вестфалии, а въ XVII вѣкѣ квакеры въ Англіи“.

Этими словами оканчивается „Разсмотрѣніе исповѣданія духоборческой секты“.

Современный изслѣдователь едва ли позволилъ бы себѣ для объясненія духоборческаго ученія восходить до такихъ отдаленныхъ временъ, какъ эпоха гностиковъ и Оригена; черты родственныя масонству не было неизбѣжной надобности объяснять прямымъ занятваніемъ; наконецъ, нельзя не замѣтить, что многія соображенія приведены далеко не полно, и что для знакомства съ ученіемъ анабаптистовъ и квакеровъ недостаточно еще было сослаться на Лексиконъ Бержье или исторію Мосгейма, а ученіе масоновъ трактовать по двумъ книжкамъ. Но все же и въ такомъ видѣ трудъ Евгенія былъ первой, по времени, работой, соблюдавшей требованія анализа и критическаго разслѣдованія. Тѣмъ болѣе долженъ былъ онъ показаться удовлетворительнымъ въ пору, когда изученіе раскола затруднялось самымъ существеннымъ образомъ и когда даже само духовенство не всегда умѣло отличить одну секту отъ другой, смѣшивая напр. тѣхъ же духоборцевъ съ молоканами ¹⁾).

Даже въ сочиненіяхъ, специально посвященныхъ расколу, имя духоборцевъ оказывается въ то время совершенно неизвѣстнымъ ²⁾). Сорокъ лѣтъ спустя столь образованная личность, какъ архіепископъ

¹⁾ Ср. *Новицкій*, 10—11, 274.

²⁾ Хотя другія секты и перечислены. *А. Иоанновъ*, Полное историч. извѣстіе о древнихъ естригольникахъ и новыхъ раскольникахъ. Изд. 2-е, С.-Пб. 1795. Не говоримъ уже о брошюрѣ *А. Журавлева*, Историч. извѣстіе о раскольникахъ (С.-Пб. 1787)—павшей днѣпрямбы религіозной терпимости Екатериинскаго царствованія.

Филаретъ (Гумилевскій), не имѣли никакихъ точныхъ свѣдѣній о таковой сектѣ, какъ хлыстовщина: „Что такое за толкѣ хлыстовщина?“ спрашивалъ онъ Сахарова;—, полагаю, что у васъ собраны матеріалы для ея исторіи. Я ничего не могъ доселѣ узнать ни о началѣ, ни о содержаніи секты* ¹⁾.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ трудъ Евгенія существенъ уже тѣмъ, что не былъ компилаціей чужихъ мнѣній, а дѣйствительно изслѣдованіемъ, первымъ по времени серьезнымъ анализомъ духоборческаго ученія ²⁾.

Вотъ почему біографъ Евгенія внимательно отнесется къ этой работѣ, какъ такой, гдѣ сказалась потребность вдуматься въ вопросъ и изучить его, не ограничиваясь однимъ только сводомъ собранныхъ данныхъ.

Много лѣтъ спустя работы Евгенія и матеріалы, собранные имъ по вопросу о духоборцахъ, послужили основаніемъ книги г. Новицкаго, „О духоборцахъ“ (Кіевъ. 1832), написанной по вызову Евгенія, бывшаго тогда уже Кіевскимъ митрополитомъ ³⁾. Зависимость этого сочиненія отъ работъ Евгенія гораздо бѣльшая, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Хотя г. Новицкій, перечисляя свои источники, и указываетъ между ними „Разговоръ“ 1802 года и „Исповѣданіе екатеринославскихъ духоборцевъ 1791 года“, и даже не разъ ссылается на нихъ ⁴⁾; но Евгеніевъ разборъ духоборческаго ученія („Разсмотрѣніе исповѣданія“) почему-то имъ не упомянуть. Между тѣмъ анализъ вопроса о составителѣ „Исповѣданія“ ⁵⁾, слѣды существованія духоборцевъ въ первой половинѣ, XVIII в. ⁶⁾, вся почти первая половина главы III ⁷⁾ взяты отсюда. Въ этой послѣдней свѣдѣнія изъ

¹⁾ Письмо отъ 1-го декабря 1847 г. И. П. Сахарову, хранится въ „Перепискѣ Сахарова“ у П. И. Саввантова.

²⁾ Вполнѣ соглашаемся съ почтеннымъ авторомъ „Духовныхъ школъ въ Россіи“, который называетъ „Разсмотрѣніе исповѣданія духоборческой секты“— „первымъ научнымъ изслѣдованіемъ“ этого ученія. (Чтенія изъ исторіи русск. церкви за время царствованія Александра I, стр. 209).

³⁾ *Новицкій*, Духоборцы. Ихъ исторія и вѣрученіе, изд. 2-е, стр. 181. Г. Данскій замѣчаетъ, что оно было составлено по программѣ и по рукописамъ, составленнымъ митр. Евгеніемъ „изъ польскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ разныхъ писаній“ (Ворон. Литер. Сборникъ 1861 г., стр. 226).

⁴⁾ О духоборцахъ, 17—18, 40, 117.

⁵⁾ Ibidem, стр. 45—46.

⁶⁾ Ibidem, стр. 11—12.

⁷⁾ „Сужденіе объ ученіи духоборцевъ“. Ibidem, стр. 100—119.

Словаря Бержье, сочиненія св. Иринея: о ересяхъ, изъ Церковной исторіи Мосгейма, масонскихъ книгъ: „О заблужденіяхъ“ и „Важнѣйшіе іероглифы“, какъ мы уже отчасти видѣли, находятся и въ изслѣдованіи Евгенія. Г. Новицкій только распространилъ ихъ и отчасти дополнилъ. Евгенію же обязанъ былъ онъ и указаніями на книгу Сумарокова: „Досуги Крымскаго Судьи“¹⁾, на С.-Петербургскій Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ²⁾, на Статистическій Журналъ, издаваемый К. Германомъ³⁾. Дѣло въ томъ, что въ бумагахъ Евгенія нашелъ онъ цѣлыя выписки изъ поименованныхъ изданій⁴⁾. Тамъ же нашелъ онъ для себя указъ 9-го декабря 1816 года⁵⁾ и записку тульскаго преосвященнаго Амвросія⁶⁾.

Въ новомъ изданіи своего труда⁷⁾ г. Новицкій по прежнему умалчиваетъ о „Разсмотрѣніи“ Евгенія⁸⁾, давая тѣмъ поводъ ложно думать, что нѣкоторыя мѣста его книги⁹⁾ носятъ характеръ самостоятельнаго изслѣдованія.

Въ числѣ литературныхъ работъ, вызванныхъ порученіемъ высшаго петербургскаго духовенства, есть одна, о которой Евгенийъ въ своей автобіографіи выразился такимъ образомъ: „Критическія примѣчанія на Рецензію моравскаго дворянина Ганке де Ганкенштейна, присланную имъ 1803 года въ св. синодъ, а потомъ изданную имъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Офенѣ 1804 года, о найденной имъ славянской рукописной книгѣ, яко бы VIII вѣка, представленную чрезъ преосвященнаго митрополита Амвросія Синоду, по приказанію коего и сочинены сіи примѣчанія, напечатанныя въ С.-Петербургѣ въ маѣ мѣсяцѣ журнала Любитель Словесности, 1806 года“¹⁰⁾. На основаніи этихъ словъ работа Евгенія по времени обыкновенно относилась къ 1803 году. По крайней мѣрѣ одни упоминають о ней въ связи

¹⁾ Ibidem, стр. 6—9, 15, 102 и др.

²⁾ Ibidem, стр. 29, 32.

³⁾ Ibidem, стр. 41, 95.

⁴⁾ Въ экземплярѣ Кіево-совѣйской бібліотеки (№ 328) они сдѣланы почти всѣ собственноручно Евгениемъ; г. Новицкій пользовался копіей съ этого сборника, хранящейся въ бібліотекѣ Кіевской духовной академіи (I, л. 25, 25); въ концѣ ея есть подпись: „Орестъ Новицкій“.

⁵⁾ О „духоборцахъ“, стр. 24, 36.

⁶⁾ Ibidem, 133.

⁷⁾ Духоборцы. Ихъ исторія и вѣроученіе. Кіевъ. 1882.

⁸⁾ Сравн. стр. 209, 213—219.

⁹⁾ Стран. 210, 228.

¹⁰⁾ Автобіографія, 10.

съ прочими петербургскими занятіями ¹⁾, а другіе даже прямо помѣщаются въ число тѣхъ трудовъ, совокупностью которыхъ „оканчивается длинный рядъ ихъ за кратковременное пребываніе его въ Петербургѣ“ ²⁾. Однако составленіе „Примѣчаній“ должно быть отнесено на два года позже, къ періоду новгородской дѣятельности ученаго іерарха. Въ рукописномъ сборникѣ Кіево-софійской бібліотеки (№ 171), содержащемъ въ себѣ вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ Ганкенштейна и критику на него, сохранились двѣ собственноручныя замѣтки Евгенія. Одна передъ текстомъ изслѣдованія: „сочинитель сей рецензій, недождавшись отвѣта отъ св. Синода, издалъ на нѣмецкомъ языкѣ сію рецензію, подъ заглавіемъ. *Rezension der aeltesten Urkunde* и т. д. Ofen, 1804“ ³⁾,—и вторая послѣ текста „Примѣчаній“: „Примѣчанія сіи при подлинникѣ и переводѣ представлены чрезъ преосвященнаго митрополита въ 1805 году, а потомъ отосланы къ журналисту Н. О. Остолопову въ С.-Петербургѣ, который и напечаталъ сіи примѣчанія въ своемъ журналѣ Любителѣ Словесности 1806 года въ мѣсяцѣ маѣ, стран. 140—153“ ⁴⁾.

Хотя изъ вышеприведеннаго еще и нельзя отрицать того, что статья александровскаго префекта могла быть начата въ 1803 г. ⁵⁾, но въ то же время нѣтъ и никакихъ на это указаній. Тотъ же фактъ, что окончена она была спустя цѣлыхъ полтора — и можетъ быть даже болѣе — года по переѣздѣ въ Новгородъ, позволяетъ скорѣе думать, что авторъ приступилъ къ ней уже послѣ 1803 г. Оporою въ томъ же направленіи служить и выраженіе: Ганкенштейнъ, не дождавшись отвѣта св. синода, издалъ нѣмецкій переводъ своего изслѣдованія въ 1804 году ⁶⁾. Къ тому же Евгеній прямо заявлялъ, что онъ

¹⁾ *Ивановскій*, Памяти преосв. Евгенія. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1867. № 12, стр. 717—718 и *Евгеніевскій Сборникъ*, 42.

²⁾ *Сперанскій*, Ученая дѣятельность митр. Евгенія. *Русскій Вѣстникъ* 1885, № 4, стр. 545—547, 553.

³⁾ Рукопись Кіево-соф. библ. № 171, лист. 2.

⁴⁾ Рукопись Кіево-соф. библ. № 171, листъ 26.

⁵⁾ Письмо, при которомъ Ганкенштейнъ послалъ свое изслѣдованіе въ синодъ, помѣчено 27-мъ февраля 1803 г. (См. епископъ библ. Петерб. дух. акад., № 255, листъ 2 обор.).

⁶⁾ Если принять, что „Историческое разсужденіе о переводѣ славенской Библии“ было читано на годичномъ актѣ не 1802 г., а, какъ мы думаемъ, 1803 г. (см. выше), то полное молчаніе его о Ганкенштейнѣ (ибо тезисы послѣдняго прямо касались вопроса, затронутаго „Разсужденіемъ“). Сравни *Сухомлинова*, *Исторія Росс. Акад.*, VI, 276—277) должно служить доказательствомъ, что лѣтомъ 1803 г.

имѣлъ въ виду разборъ нѣмецкаго изданія ¹⁾). Наконецъ, въ двухъ мѣстахъ „Примѣчаній“ мы находимъ ссылки на рукописи Новгородской Софійской бібліотеки ²⁾).

Службой въ званіи префекта и исполненіемъ возлагаемыхъ порученій богословско-полемическаго характера далеко не ограничивались обязанности Евгенія по академіи. Одновременно съ только-что разсмотрѣнными работами ему приходится дѣйствовать на кафедрѣ въ качествѣ преподавателя, составлять рѣчи для торжественныхъ актовъ, руководить занятіями оканчивающихъ курсъ академіи студентовъ и въ свободное время доставлять своему неутомимому перу новую пищу, уже не стѣсняясь тѣсными рамками обязательныхъ темъ и установленныхъ приемовъ. Къ обзору этихъ занятій мы теперь и переходимъ.

О дѣятельности Евгенія въ роли академическаго преподавателя извѣстно весьма немногое. Назначенный при вступленіи „учителемъ философіи и высшаго краснорѣчія“, онъ опредѣленъ былъ съ 5-го апрѣля 1802 г. преподавателемъ богословія ³⁾). Курсъ предметовъ въ Александро-Невской академіи съ 1798 г. былъ нѣсколько расширенъ: въ философскомъ классѣ преподавались „краткая исторія философіи, логика, метафизика, нравоученіе, натуральная исторія и физика, напечатанная для нормальныхъ училищъ, доколѣ не будетъ назначена пространнѣйшая... Въ классѣ высшаго краснорѣчія (въ коемъ должны обучаться студенты философіи и богословія въ особые часы) читать учителю лучшихъ авторовъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ рѣчи, дѣлая онимъ резолюціи логическія и риторическія и по тѣмъ резолюціямъ заставлятъ студентовъ сочинять имитациа“⁴⁾. Уроки философіи, какъ и богословія, велись по латыни ⁴⁾), при чемъ оба класса съ 1801 года обязательно возлагались на одно лицо ⁵⁾).

До насъ дошли черновыя замѣтки Евгенія по философіи: это отрывочныя, ничѣмъ не связанныя между собою, положенія на латинскомъ языкѣ ⁶⁾), для пополненія тѣхъ мѣстъ учебника Баумейстера,

---

Евгеній не только не написалъ своего разбора, но еще и не ознакомился съ работою „моравскаго дворянина“.

¹⁾ *Любителъ Словесности*, 1806, май, стр. 152.

²⁾ *Ibidem*, стр. 141, 142.

³⁾ Автобіографія, 2—3.

⁴⁾ Указъ св. синоду, 18 окт. 1798 г. Полн. Собр. Закон., № 18726, т. XXV, стр. 427—428.

⁵⁾ *Чистовичъ*, Исторія С.-Петербур. Акад., 105—106.

⁶⁾ Мы уже видѣли, что Евгеній владѣлъ латинскимъ языкомъ совершенно свободно. Стихотворное пріяѣтствіе еп. Меоодію, замѣчанія на „Богословіе“ Ро-

которыя преимущественно казались требующими разъясненія ¹⁾. Особенно обширенъ въ нихъ отдѣлъ *Excerpta ad physicam* ²⁾. Любопытно отмѣтить, что въ главѣ „*De origine malorum et mundo optimo*“ ³⁾ слышится знакомая нота: авторъ проводитъ ту же мысль, чтó и въ своемъ предисловіи къ переводу „Опыта“ Попа: зло есть необходимое условіе нашего счастья. Какъ тамъ примѣчаніе 5 указываетъ на *Institutiones theologicae dogmaticae* и на разговоръ о богословіи, въ русскомъ переводѣ, сочиненія Раивая: „Новое Киронаставленіе“; такъ точно обѣ эти книги отмѣчены и въ „Выпискахъ для философскихъ лекцій“. Философы, оспаривавшіе Бейля, и здѣсь перечислены въ томъ же порядкѣ ⁴⁾. Очевидно, одна работа пополняла другую.

Съ апрѣля 1802 г. преподаваніе филолофіи для Евгенія смѣнилось лекціями богословія ⁵⁾. Курсъ богословскаго класса по новому уставу состоялъ изъ „краткой церковной исторіи, съ показаніемъ главныхъ эпохъ, герменевтики, системы догматико-полемической и нравственной, богословія и пасхалии,“ помимо разныхъ практическихъ занятій ⁶⁾. У насъ нѣтъ никакихъ указаній для предположенія, что богословіе во

глава и записка, направленная противъ Грубера, достаточно убѣждаютъ въ этомъ. Въ то время практика этого языка въ семинаріяхъ была доведена до большаго совершенства: „Ученики доходили до изумительной свободы въ его употребленіи, о какой мы съ трудомъ можемъ теперь составить себѣ понятіе. У лучшихъ учениковъ онъ дѣлается чѣмъ-то въ родѣ природнаго, такъ что они, вѣжета, и мысляли по латыни; по крайней мѣрѣ, когда имъ случалось что-нибудь записывать по русски или, наиримѣръ, послѣ въ высшихъ классахъ составлять про себя на бумагѣ планъ какого-нибудь русскаго сочиненія, они невольно пересыпали свою русскую рѣчь латинскими фразами, а нѣкоторые знали такъ и все сочиненіе писали первоначально на языкѣ латинскомъ, а потомъ уже переводили съ него на русскій“ (*Знаменскій*, Духовн. Школы, 740).

¹⁾ Рукопись Кіево-сов. библ., № 413; 56 листовъ въ четвертку. Кромѣ перваго и четвертаго листа, вся писана Евгениемъ и имъ же двойно озаглавлена: „Выписки для философскихъ лекцій въ дополненіе къ Баумейстеровой философіи, преподаванна мною въ Александро-Невской академіи 1801 и 1802 гг.“. „*Annotiones ad philosophiam Chr. Baumeisteri*“. Въ Автобіографіи (14) они впрочемъ обозначены, какъ сочиненныя въ 1800 г. Конечно, Евгенийъ обрабатывалъ ихъ въ теченіи всего курса.

²⁾ Лист. 20—56 об.

³⁾ Лист. 18—19.

⁴⁾ Бейль, Леклеркъ, Кингъ, Жакеле, Жюріе, Пласе, Малекраншъ, Лейбницъ и Вольфъ.

⁵⁾ Въ письмѣ Македону (№ 33) это ясно видно: „съ 6 апрѣля учу уже не философіи, а богословію“.

⁶⁾ Полн. Собр. Закон. № 18726. т. XXV, стр. 427.

всемъ его объемъ входило въ курсъ, читанный Евгеніемъ; едва ли не вѣрнѣе признать, что на него возложено было чтеніе лекцій только по всеобщей исторіи церкви; по крайней мѣрѣ онъ самъ прямо только о нихъ и говоритъ ¹⁾. Эти лекціи, подобно воронежскимъ, также опирались на учебникъ Мосгейма. Сохранился рукописный экземпляръ лекцій именно такой церковной исторіи ²⁾, совершенно сходный и по плану, и по размѣщенію содержанія по параграфамъ съ воронежскими лекціями ³⁾; и хотя ни въ титулѣ, ни въ предисловіи имя Мосгейма въ немъ не упомянуто, но сомнѣваться въ родствѣ двухъ произведеній нѣтъ никакой возможности ⁴⁾.

¹⁾ Автобіогр., 14. Сравни. *Ж. М. Н. Пр.* 1887. № 6, стр. 313.

²⁾ „Церковная исторія, читанная студентамъ Александровской духовной академіи высокопреосвященнымъ Евгеніемъ Болховитиновымъ, митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, въ бытность его префектомъ Александровской духовной академіи въ 1802 году“. Рукопись проф. И. В. Помяловскаго, 128 листовъ въ четверку мелкаго письма, въ 249 параграфахъ; содержитъ въ себѣ исторію первыхъ восьми вѣковъ христіанской церкви.

³⁾ Рукопись Кіево-сов. библ. VI/2.

⁴⁾ Сравни., напримѣръ, параграфъ 115 обихъ рукописей. Принадлежность записокъ 1802 г. Евгенію подтверждается еще и ссылкой на „Волтеровы заблужденія“ (лист. 116).—Въ одномъ корешкѣ съ „Церковной исторіей“ 1802 г. переплетена другая тетрадь въ 42 листа, озаглавленная: „Церковная исторія Новаго Завѣта сокращенная“. Первые 16 листовъ посвящены исторіи церкви вообще до ея раздѣленія въ 870 г.; слѣдующіе 9—исторіи Западной, а послѣдніе 17—Восточной, собственно русской церкви, довода послѣднюю до упраздненія патриаршества. И. И. Срезневскій (*Сборн. 2-ю отд. Ак. Наукъ*, V, 1, стр. 64), имѣвшій возможность пользоваться сборникомъ И. В. Помяловскаго, ошибочно приписалъ его весь Евгенію: вторая половина—„Сокращенная исторія“—не есть произведеніе александровскаго префекта, какъ ни обидно въ этомъ убѣдиться, ибо иначе мы обладали бы отъ нашего писателя хотя и краткимъ, но цѣльнымъ очеркомъ исторіи русской до-петровской церкви. Не говоря уже про то, что „Сокращенная исторія“ имѣетъ отдѣльную пагинацію (счетъ по тетрадямъ); но дѣленіе на эпохи въ ней иное, чѣмъ въ курсѣ, составленномъ по Мосгейму (у послѣдняго: до Константина В., до Карла В., до реформации, до „нашихъ временъ“; въ „Сокращенной исторіи“: до Константина В., до раздѣленія церквей въ 870 г., до „нашихъ временъ“); второй курсъ, перечисляя историковъ церкви, въ числѣ писателей XVIII в. (Мелетій Аѳонскій и Хрисанъ, митр. Іерусалимскій) не упоминаетъ Мосгейма. Периодовъ въ исторіи русской церкви авторъ насчитываетъ три: до татаръ, до 1462 и „до 1811 года“ (лист. 34). Уже эта послѣдняя дата выключаетъ возможность отнести рукопись къ 1802 г. (вся она писана однимъ почеркомъ). Въ двухъ мѣстахъ встрѣчаются ссылки на Исторію митр. Платона (л-л. 35, 37 об.). Помимо того, что послѣдняя вышла только въ 1805 г., отношеніе Евгенія къ этому произведенію было таково (*Москвитинъ* 1848, № 8,

Помимо чтенія лекцій, служебное положеніе обязывало Евгенія къ активному участию на годичныхъ торжественныхъ актахъ, на такъ-называемыхъ „диспутахъ“, со сходною обстановкой и распорядкомъ которыхъ мы уже ознакомились по Воронежской семинаріи. Такимъ образомъ и въ Петербургѣ вынужденъ былъ Евгеній поставлять „разсужденія“ и „диссертаціи“.

Но, кажется, на первый разъ этотъ служебный долгъ засталъ его въ-расплахъ: вынужденный къ 10-му іюля 1800 года приготовить двѣ рѣчи, онъ одну изъ нихъ беретъ изъ числа своихъ прежнихъ: таково вторичное происхожденіе диссертаціи „О предразсудкахъ“¹⁾. Сравнительно съ редакціей 1795 года, эта работа въ позднѣйшемъ своемъ видѣ представляетъ самыя ничтожныя отличія²⁾. Очевидно, недавнее вступленіе въ должность, масса разнообразной работы, отсутствіе подъ рукой еще не дошедшей изъ Воронежа библіотеки³⁾—все это еще мѣшало ему войти въ обычную колею усиленныхъ литературныхъ занятій.

Другая „диссертація“ этого же года, на латинскомъ языкѣ, „De ideis innatis perperam admissis“⁴⁾, хотя и была за-ново состав-

стр. 171—172: письмо Евгенія неизвѣстной духовной особѣ 8 апрѣля 1806 года), что исключало для него возможность опираться на нее въ своихъ выводахъ. Наконецъ, кое-гдѣ можно отыскать черты, позволяющія считать автора москвичемъ, хорошо знакомымъ съ мѣстностью древней столицы: говори о царь-колоколѣ, онъ обозначаетъ его: „въ ямѣ лежащій, разбитый“; а нѣсколько далѣе о колокольнѣ Ивана Великаго, которая, подобно царь-колоколу, сооружена Борисомъ Годуновымъ, „какъ видно изъ надписи на той колокольнѣ изъ мѣдныхъ золоченыхъ словъ находящейся“ (лист. 38 об.). Ниже будетъ сказано объ „Исторіи Славено-русской церкви“, несомнѣнно принадлежащей Евгенію и написанной имъ не ранее 1812 года, то-есть, можетъ быть даже одновременно съ настоящимъ краткимъ курсомъ неизвѣстнаго автора. Она доведена до конца XI в.; эпоха, соответствующая этому времени, въ „Сокращенной исторіи“ изложена всего на полтора страницахъ и столь кратко, что сравненіе обѣихъ рукописей по содержанию положительно не возможно; но за то дѣленіе на періоды у нихъ различное: „Исторія Славено-русской церкви“ намѣчаетъ граними года 1415, 1589 и „до нашихъ временъ“; краткій же курсъ неизвѣстнаго автора, какъ мы видѣли, — до татаръ, до 1462 и до 1811 г.

¹⁾ См. о ней *Ж. М. Н. Пр.* 1887. № 6, стр. 355.

²⁾ Намѣнены нѣкоторые выраженія, пропущено одно небольшое мѣсто и прежнія заключительныя слова замѣнены другими, болѣе распространенными. Рукопись Кіево-соф. библ. № 592, статья № 5, 7 лист. folio.

³⁾ Письмо Македонцу № 31.

⁴⁾ Автобіографія, 14.

лена, но ничѣмъ не выдѣлялась по содержанію. Признавая трудность взятой на себя задачи, которую такъ разнорѣшали философскіе авторитеты, ораторъ оспаривалъ взгляды нѣкоторыхъ изъ нихъ, отказываясь источникъ нашихъ представленій видѣть въ общемъ соглашеніи между людьми (Сенека), въ природныхъ стремленіяхъ къ знанію (Декартъ), или же наконецъ, видѣть ихъ появленіе въ непосредственномъ чувственномъ опытѣ (Локкъ), для чего пришлось бы отвергнуть врожденность идей. Между тѣмъ, говоритъ Евгений, все наше знаніе происходитъ изъ чувственного опыта; другой же источникъ, откуда умъ черпаетъ идеи—это работа самого интеллекта, возбужденнаго внѣшними впечатлѣніями.

Въ общемъ рѣчь вышла довольно безцвѣтною. Авторъ, хотя и обладаетъ начитанностью, но видно, что онъ вертится въ кругу вопросовъ, самостоятельно имъ не разработанныхъ. Онъ слѣдуетъ субъективной критикѣ, и доказательства его, почему одно мнѣніе лучше другаго, нисколько не убѣдительны. Вся рѣчь скорѣе игра въ мысли, красивыя сопоставленія, не болѣе.

Объ академическомъ празднествѣ 10-го іюля въ письмахъ Евгенія сохранилось извѣстіе, которое мы и приводимъ цѣликомъ. „Вчера у насъ приготовлены были диспуты въ одно время богословскіе и философскіе. Званъ былъ весь синодъ и обѣщался. Все приготовлено было, и обѣдъ у владыки. Мы прождали до десяти часовъ, и пріѣхалъ только отецъ архимандритъ Михаилъ, прокуроръ синода, да оберъ-секретаря два, а прочіе за непогодою отказались. Посему всѣ наши комплименты, всѣ стихи и разговоры негодились. Диспуты начались въ половинѣ десятаго часу просто безъ рѣчей, прочитаны только на богословскихъ диспутахъ одна диссертация, да на моихъ одна. Мы показывали до двухъ часовъ и владыка нашъ, понахмурившійся было за непріѣздъ членовъ, поразвеселился. Съ диспутовъ къ нему на великолѣпный обѣдъ, а послѣ обѣда на чай къ ректору“²⁾.

На слѣдующій 1801 годъ Евгений готовитъ тоже двѣ рѣчи, русскую и латинскую.

¹⁾ Рукопись Кіево-соф. библ. № 592, статья № 4; 9 листовъ, folio. Въмѣстѣ съ предшествующей, „О предразсудкахъ“, она составляла общую тетрадь, озаглавленную: „Два разсужденія, говоренныя въ публичномъ собраніи Александровской академіи 1800 года іюля 10 дня“.

²⁾ Письмо Македонцу № 9, отъ 11-го іюля 1800 г. часть ССЛVII, отд. 2.

„Разсужденіе о совершенствѣ и добротѣ міра“¹⁾ посвящено излюбленной темѣ Евгенія — взаимно-отношенію добра и зла. Авторъ опирается на тѣ же принципы и тѣ же источники, какъ и въ введеніи къ переводу Попа или въ лекціяхъ по философіи; на этотъ разъ взяты только иные примѣры: разумность мірозданія выводится теперь изъ свойствъ растений, почвы и животныхъ. Но одинаково, какъ и тамъ, зло опредѣляется такою же необходимою ступенью человѣческаго счастья.

Вотъ нѣкоторые отрывки: „Творецъ каждому роду (растеній) назначилъ особенный климатъ, въ климатѣ особенное мѣсто... Изъ около 3.000 тысячъ напримѣръ травъ въ Россіи замѣченныхъ, едва 300 бывають въ одномъ мѣстѣ... Одни растенія безъ поддержки другихъ и расти не могутъ, какъ-то: повилица, древесный мохъ и плющъ, и потому назначено имъ мѣсто при другихъ; инныя безъ защиты истреблены были бы отъ самаго солнечнаго зноя и непогоды, и для того Творецъ препоручилъ ихъ охраненію другихъ, такъ напримѣръ: меньшей чистякъ и срадинская золотая лоза... Бабочка ельнянка кладетъ сѣмена свои въ еловыя шишки, но для умѣренія распложенія ея бабочка наѣздникъ кладетъ тутъ же зародыши свои, питающіеся зародышами прежней; а дабы и вторая слишкомъ не размножалась, то, по примѣчанію доктора Саландера, другого рода наѣздникъ истребляетъ зародыши второй“.

Вторая рѣчь этого года — „Dissertatio de existentia spirituum“²⁾. Въ челоуѣкѣ — такъ начинается авторъ свое разсужденіе — врождена въра въ духъ (spiritus), геніевъ (genii), души (animi) и жизненный принципъ (animae), — и здѣсь-то источникъ постоянной готовности видѣть въ вещественныхъ предметахъ, будетъ ли это звѣзда, огонь, воздухъ, вода или гора, присутствіе чего-то нематеріальнаго. Философія до самыхъ позднѣйшихъ временъ еще не успѣла освободиться отъ этого суевѣрнаго взгляда. Не свободны отъ него ни схоластики, создающіе растительную жизненную силу, ни Лейбницъ съ своими монадами, ни школа идеалистовъ, иначе называемая спиритуалистами. Другіе изъ Сциллы попадаютъ въ Харибду, признавая одну

¹⁾ Рукопись Кіево-сов. библ. № 592, статья № 6; 6 лист., folio. Годъ составленія опредѣляется по автобіографіи, 14.

²⁾ Рукопись Кіево-сов. библ. № 592, статья № 13. 4 лист., folio. Годъ составленія опредѣляется по автобіографіи, 14, гдѣ титулъ обозначенъ подробнѣе: De existentia spirituum ex ratione facile demonstranda.

матерію (Эпикуръ); между тѣмъ истинный путь—средній. На свѣтѣ существуютъ три начала, отрицать которыя никто не отважится: вещество (*materia*), движеніе (*motus*) и мышленіе (*cogitatio*). А разъ будетъ доказано ихъ различіе по существу, тѣмъ самымъ выясняется и существованіе духа (*existentia spirituum*). Отличіе вещества отъ движенія ясно автору въ силу закона инерціи: пока извнѣ не вызвано будетъ движенія, до тѣхъ поръ вещество остается въ прежнемъ положеніи. Но уже въ движеніи проявляется сила *не-материальная*: такъ какъ всякое движеніе есть дѣйствіе, а послѣднее не можетъ быть безъ агента, то въ чемъ же искать источникъ этой воздѣйствующей, направляющей силы? Источникъ этотъ—духъ. Высказавъ эти соображенія, авторъ оспариваетъ мнѣнія „материалистовъ“ и Локка, стараясь доказать, что духъ не только не матерія, но и не происходитъ ни изъ вещества, ни изъ движенія, ни изъ чего-либо подобнаго.

Рѣчь заканчивается опроверженіемъ другаго положенія матеріальной школы, будто бы движеніе частицъ, особенно гармоническое, будучи приложено къ веществу, производитъ мышленіе.

Въ отмѣченныхъ диссертацияхъ 1800—1801 гг. преобладаетъ отвлеченное разсужденіе на темы философскаго содержанія. Но область богословско-историческихъ вопросовъ болѣе гармонировала съ умственными вкусами Евгенія. Еще въ диссертацияхъ воронежскихъ можно замѣтить желаніе пробиться на эту дорогу. Позвоительно думать, что положеніе преподавателя философіи обязывало брать и темы, соотвѣтственныя своему предмету. Не даромъ же съ 1802 г., перемѣнивъ чтеніе лекцій по философіи на преподаваніе богословія, Евгеній довольно замѣтно мѣняетъ и темы своихъ актовыхъ рѣчей.

Такъ, напримѣръ, безусловно историческою является въ 1802 г. его „*Dissertatio de libris symbolis ecclesiae Russicae*“¹⁾. Греко-россійская церковь, доказывается въ ней, всегда въ чистотѣ хранила истины Божественнаго ученія, почему постоянно и терпѣла нападки христіанъ, уклонившихся отъ православія. Католическая и протестантская церкви всегда стремились исказить ея ученіе, а самое ее совратить съ истиннаго пути. Такъ, напримѣръ, въ 1562 г. изданъ былъ въ Несвижѣ славянскій катехизисъ, измѣненный на католическій ладъ; въ 1585 г. является такой же заграженный

¹⁾ Рукопись Кіево-сов. библ. № 592, статья № 11. 4 листа, folio. Годъ опредѣляется по автобіографіи, 14—15.

трудъ (ejusmodi adulterinum opus) подъ названіемъ *Questiones Heleno-Rossicae*; въ 1625 г. Шведскій король Густавъ-Адольфъ основываетъ на островѣ Гольмѣ славянскую типографію и печатаетъ лютеранскій катехизисъ на русскомъ и финскомъ языкахъ. Королева Христина, послѣдуя отцу, особымъ указомъ 1642 г. обращаетъ вниманіе ливонскаго духовенства на распространеніе протестантства среди русскихъ финновъ, и наконецъ Карлъ XI тамъ же заводитъ школы для обученія русской молодежи. Къ этимъ вѣншимъ врагамъ присоединились внутренніе—раскольники. Православной церкви приходилось дѣятельно бороться, и она наплась вынужденною противопоставить не одну только набожность (*pietas*), но и символическія книги. Вотъ гдѣ источникъ ихъ происхожденія.

Объ уваженіи и постоянномъ желаніи сохранить въ чистотѣ символическія книги православной вѣры свидѣлствуютъ многіе примѣры: и катехизисъ св. Кирилла Іерусалимскаго, и славянскіе первоапостолы, передавшіе славянамъ ученіе Спасителя на ихъ родномъ языкѣ, и цѣлый рядъ славянорусскихъ представителей православной церкви. Всѣ символическія книги, преимущественно Россійскою церковью съ XVI вѣка обработанныя и изданныя, могутъ быть раздѣлены на три группы: катехитическія, обличительныя и поучительно-богословскія (*catechetici, elenctici, theologico-didactici*).

Первою изъ книгъ катехитическихъ былъ трудъ Лаврентія Зизанія, „Катехизисъ“ (*Orthodoxus liber symbolicus*), написанный въ противовѣсъ псевдоправославному катехизису, выпущенному тогда папистами. По одобреніи патріархомъ Филаретомъ, онъ былъ напечатанъ въ Москвѣ въ 1627 г. ¹⁾ Вскорѣ затѣмъ Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, сперва на польскомъ, потомъ на бѣлорусскомъ языкѣ, издалъ въ Кіевѣ (1645 г.) краткій православный катехизисъ; а три года спустя ²⁾, патріархъ Іосифъ, въ память умершаго уже тогда Могилы, перевелъ и напечаталъ его въ Москвѣ по русски, приложивъ къ нему еще другія символическія сочиненія изъ греческихъ отцевъ церкви. Но изъ этихъ изданій видно было, какъ далеко уклонилась тогдашняя православная церковь отъ простоты и искренности церкви первыхъ вѣковъ. Чувствовалъ это и Могила, но не рѣшался исправить ошибки, опираясь на одинъ свой авторитетъ.

¹⁾ Сравни. Словарь духовн. писателей, изд. 1827 г., II, 4.

²⁾ *Tribus elapsis post annis*. Однако позже Евгенийъ отмѣчаетъ годъ изданія—1649-мъ. *Ibidem*, I, 314.

Поэтому онъ отдалъ свою книгу на разсмотрѣніе областныхъ епископовъ; тѣ одобрили ее; одобреніемъ встрѣтили и восточные патріархи, на съѣздѣ въ Молдавіи. Однако только спустя 53 года по аппробаціи и 49 по смерти Кіевскаго митрополита, его 'Ομολογία увидѣла свѣтъ. Съ тѣхъ поръ появились у насъ всего два катехитическіе компендія—Θеофана Прокоповича и митрополита Платона (Левшина).

Появленіе книгъ обличительныхъ вызвано было тѣми же потребностями. Первымъ трудомъ, направленнымъ противъ униатовъ, было „О вѣрѣ единой, истинной, православной“, московскаго патріарха Іосифа (Москва 1648 г.). Затѣмъ шли многочисленныя и полныя эрудиціи труды Лазаря Барановича и Іоаннікія Галаховскаго, на польскомъ языкѣ. Замѣчательна также книга и Адама Зерникава, De processione Spiritus Sancti. Одновременно съ названными писателями, противоборниками ересей западныхъ, патріархъ Никонъ заботится объ исправленіи отечественныхъ заблужденій, а преемникъ его, патріархъ Іоасафъ, издаетъ противъ раскольниковъ „Жезлъ Правленія“ (1666); вслѣдъ за нимъ съ тою же цѣлью пишутъ: патріархъ Іоакимъ свой „Увѣтъ“ (1682) и другія сочиненія; патріархъ Адрианъ—„Щитъ вѣры“; и въ болѣе близкія къ намъ времена—Димитрій Ростовскій, Питиримъ Нижегородскій, Θεофилактъ Тверской, Платонъ, митрополитъ Московскій и „недавно“, Никифоръ, архіепископъ Архангельскій. Не молчала наша церковь и передъ лютеранами, кальвинистами: избличенію ихъ догматовъ посвященъ „Камень вѣры“ Стефана Яворскаго.

Приступая къ третьему отдѣлу, ораторъ слегка говоритъ о пагубномъ вліяніи татарскаго ига, задержавшаго наше умственное развитіе, а указывая на Кіевскую и Московскую академіи, какъ на давнишніе свѣтильники Богословскаго образованія въ Россіи, ловко переходитъ къ Амвросію, по адресу котораго и шлетъ нѣсколько комплиментовъ.

Въ перечнѣ книгъ поучительно-богословскаго содержанія авторъ желалъ бы обозначить наиболѣе раннія по времени, тѣмъ болѣе, что ихъ было не мало; но такъ какъ часть изъ нихъ или погибла, или неизвѣстна, то онъ вынужденъ начать съ Θεοφана Прокоповича, этого „корнея“ православно-богословской литературы. За нимъ идетъ Кіевскій митрополитъ Самуилъ: не меньшою славой, не смотря на небольшой объемъ свой, пользуется учебникъ митрополита Московскаго Платона, переведенный на многіе европейскіе языки. Особенной похвалы заслуживаетъ, по мнѣнію Евгенія, ком-

пендій бывшего тверскаго архимандрита и ректора Макарія. Наконецъ, къ этой же категоріи должны быть отнесены: трудъ Теофилакта, епископа Переяславскаго, позже Коломенскаго—„De credendis et agendis“¹⁾; Іакинѣа Карпинскаго—Compendium theologiae scholasticae²⁾ и наконецъ учебникъ богословія Теофана Прокоповича, изданный Самуиломъ, „нынѣ“ епископомъ Переяславскимъ, въ бытность его архимандритомъ и ректоромъ казанскимъ, и „украшенный славнымъ именемъ знаменитѣйшаго представителя и мецената нашего“ (то-есть, Амвросія).

Такова эта рѣчь, интересное содержаніе которой мы считали не лишнимъ изложить нѣсколько подробнѣе.

Но еще интереснѣе и важнѣ послѣднія двѣ петербургскія рѣчи, изъ которыхъ одна, „Исслѣдованіе о обращеніи славянъ въ христіанскую вѣру“—несомнѣнно³⁾, а другая, „Историческое разсужденіе о переводѣ славенской Библии“,—по всей вѣроятности, 1803 года.

Эта послѣдняя сохранилась въ двухъ черновыхъ спискахъ: одинъ изъ нихъ болѣе краткой редакціи и съ многочисленными поправками; другой—пространнѣе и въ болѣе чистомъ видѣ⁴⁾. На поляхъ втораго списка рукою Евгенія отмѣчено: „изъ сего передѣлано новое подробное изслѣдованіе и отослано мною въ Россійскую Академію 1812 года“⁵⁾. Дѣйствительно, если не о „Разсужденіи“, то объ „Исслѣдованіи о славянскомъ переводѣ священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣта“ упоминаетъ автобіографія⁶⁾ и протоколы засѣданій Россійской академіи⁷⁾. Такимъ образомъ на рукописный текстъ Кіево-софійской бібліотеки мы въ правѣ смотрѣть, какъ на первоначальную редакцію позднѣйшаго труда.

Въ сохранившемся видѣ, „Переводъ славенской Библии“ носитъ несомнѣнные слѣды актовой рѣчи⁸⁾. Относитъ эту работу къ 1800

1) Полное заглавіе: Orthodoxae orientalis Ecclesiae dogmata, seu doctrina christiana de credendis pars I, de agendis pars II. Lipsiae 1784. (Словарь духовн. писат. изд. 1827. II, 330).

2) Вѣрнѣе: Compendium orthodoxae theologicae doctrinae. Ibidem, I, 216.

3) Автобіографія, 15.

4) Рукопись Кіево-соф. библ. № 592, статья № 19 (4 листа съ неболыш.); статья № 20, (5 лист.); оба in-folio.

5) Ibidem., статья № 20, листъ 1.

6) Автобіографія, 12.

7) Сухожминовъ, Исторія Росс. академіи, VII, 275—276.

8) Указаніе на свои слабыя силы, обращеніе къ „вашему высокопреосвященству и высокопочтеннѣйшему сословію“, боязнь „утрудить вниманіе“ по-

или 1801 г., когда Евгеній и безъ того приготовилъ по два разсужденія, нѣтъ никакихъ основаній; въ 1804 г. и слѣдующихъ — для него уже прошла пора сочинять „диспуты“, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, какъ онъ дѣлалъ это до сихъ поръ. Возможно было бы остановиться на 1802 г., такъ какъ за этотъ годъ намъ извѣстна всего одна актовая рѣчь; но къ 1803 г. относится такая фраза въ перепискѣ Евгенія съ Македонцемъ: „11-го числа (іюля) я исправлялъ въ академіи диспуты. Все сіе измучило меня“¹⁾. Быть можетъ, позволительно въ формѣ множественнаго числа: диспуты видѣть указаніе на то, что Евгеній сочинилъ къ этому дню болѣе чѣмъ одно „разсужденіе“. Какъ бы тамъ ни было, но едва ли можно сомнѣваться, что текстъ „Историческаго разсужденія о переводѣ славянской Библіи“ въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ, можетъ относиться только къ послѣднимъ годамъ службы Евгенія въ Петербургѣ.

Въ названной рѣчи авторъ ставитъ себѣ темою разсмотрѣніе трехъ вопросовъ: „1) когда и кѣмъ сперва переведена славянская Библія? 2) чей славянскій переводъ употребляется нынѣ въ греко-россійской церкви? и, наконецъ, 3) какія оригинальныя изданія были славянской Библіи?“ Вотъ какъ разрѣшаетъ онъ свою задачу. Несторъ²⁾, Христіаннъ, бенедиктинскій монахъ конца X вѣка³⁾, и Діоклій, „западный пресвитеръ XII вѣка“⁴⁾, прямо называютъ первыми переводчиками славянской Библіи свв. Кирилла и Меѳодія. „Яснѣе и доказательнѣе сихъ свидѣтельствъ не нужно для увѣренія, кто были первые переводчики славянской библіи“. Однако нашлись „за-

---

слѣднаго слишкомъ длиннымъ чтеніемъ. Оба черныя писаны собственноручно Евгеніемъ; почеркъ ихъ совершенно одинаковъ и разницы во времени составленія не могло быть никакой, развѣ самая ничтожная.—Транскрипція слова: *славянскій* очень сбивчива у Евгенія; онъ пишетъ его то чрезъ *с*, то чрезъ *я*. Поэтому въ заголовкѣ мы сохранили поставленное въ рукописномъ текстѣ *с*; въ остальныхъ же случаяхъ ставимъ вездѣ общепринятое *славянскій*.

¹⁾ Письмо Македонцу № 45, отъ 16-го іюля 1803 г.

²⁾ Несторова житіе по Кенигсбергскому списку, стран. 21 и 22.

³⁾ Christianus de scala in vita sanctae Ludmillae apud Bohuslaum Balbinum in epitome rerum Bohemicarum, pag. 42.

⁴⁾ Diocleas presbiter in historia *Regnum Slavorum* dicta apud Ioan. Lucium de rebus Dalmatiae p. 238. (Всѣ три смысли принадлежатъ Евгенію. Передаемъ ихъ дословно, какъ онѣ записаны авторомъ. Въ другомъ мѣстѣ, въ печатномъ текстѣ, онѣ нѣсколько измѣнены (Примѣчанія на Ганкенштейнову рецензію. *Любителю Словесности* 1806, май, стр. 148—149).

падные писатели“, утверждающіе, что таковой переводъ былъ сдѣланъ еще въ IV вѣкѣ св. Іеронимомъ. Доказательства, приводимыя въ пользу такого мнѣнія, кажутся автору вполне несомнительными. Хотя св. Іеронимъ и былъ уроженцемъ илирійскаго города Стридона, но славяне появились въ этихъ мѣстахъ около VII вѣка, не ранѣе; узнать языкъ славянскій ему было не откуда; къ тому же воспитывался онъ въ Римѣ; въ сочиненіяхъ своихъ ни разу не упоминаетъ „ни о народѣ, ни о языкѣ славянскомъ“. Онъ самъ называетъ себя „тремязычнымъ“, то-есть, знающимъ языки еврейскій, греческій и латинскій. Если среди древнихъ чеховъ и хранилось преданіе о переводѣ св. Іеронима, если этому вѣрили императоръ Карлъ IV, Велеславскій и Дубравскій, утверждающій даже, что переводъ IV вѣка цѣлъ,—то это не болѣе, какъ одно заблужденіе. „Нашъ лѣтописатель Несторъ, напротивъ того повѣствуетъ, что переводы божественныхъ книгъ на славянскій языкъ въ Моравіи показались такою соблазнительною новостью, что многіе начали даже оуждать употребленіе оныхъ, думая, что не позволено никакому языку имѣть даже своихъ азбукъ кромѣ еврей, грековъ и латиновъ по Пилатову де писанію, еже на крестѣ Господни написа“.

Второй вопросъ признается болѣе труднымъ. Въ нынѣшнихъ славянскихъ церквахъ въ употребленіи различныя переводы Библии. Можно думать что Кириллъ и Меѳодій перевели не все Священное Писаніе, а только книги преимущественно богослужебныя; „иначе нечего бы было переводить при Владимірѣ и Ярославѣ“; да и Константину Острожскому легче было бы найти священныя книги „у южныхъ племенъ славянскихъ, сосѣднихъ Моравіи, нежели у сѣверныхъ“. Библия Острожская напечатана по нѣсколькимъ спискамъ, при чемъ греческій текстъ 70 толковниковъ былъ положенъ въ основу; вообще „Острожскій князь издалъ не Владиміровъ, а свой новый переводъ“. Это не мѣшаетъ однако признать, что въ нынѣ употребляемой Библии сохранились черты не только Владимірова, но и Кирилло-Меѳодіева перевода. И вотъ почему: принимая христіанство и нуждаясь въ книгахъ, намъ естественно было взять ихъ готовыми изъ Моравіи, тѣмъ болѣе, что оттуда же заимствовали мы, по свидѣтельству Нестора, и самую азбуку. При Владимірѣ же переводили только то, что еще не было пока переложено съ языка греческаго. „А новый завѣтъ и псалтирь остались Меѳодіевы и Константиновы. Сіе примѣчательно даже и изъ того, что переводъ сихъ книгъ весьма букваленъ и свойственъ славянскому и притомъ вездѣ при одинакихъ

греческихъ терминахъ единообразенъ и въ славянскомъ... Изъ свода всѣхъ мѣстъ Св. Писанія, находящихся въ лѣтописи преподобнаго Нестора, съ изданіемъ Острожской Библии явствуетъ весьма невеликая разница. А преподобный Несторъ жилъ спустя послѣ Владиміра не болѣе 50 лѣтъ и слѣдовательно приводилъ тексты изъ перевода, учиненнаго при семъ князѣ. И посему надобно положить, что большая часть перевода Владимірова находится буквально въ Острожскомъ изданіи⁴.

Третій вопросъ для нашего автора „не столь затруднительный“. Не считая тѣхъ изданій, когда переводили на тотъ или другой „діалектъ“, собственно славянскими онъ признаетъ: „первое оригинальное изданіе“ 1581 года въ Острогѣ; второе—Московское 1663 г., „съ весьма немногими перемѣнами“ сравнительно съ предшествующимъ; и наконецъ третье „новоеисправленное“ — въ 1751 г. Послѣ этого Евгенийъ доказываетъ, что мнѣніе, будто бы при Петрѣ Великомъ была напечатана Библия въ русскомъ переводѣ Эрнеста Глюка, невѣрно, чѣмъ и оканчиваетъ свою рѣчь.

При всей тщательности, съ какой, видимо, обработанъ поставленный авторомъ вопросъ¹⁾, нельзя не видѣть, что онъ, какъ и въ прежнихъ трудахъ, рѣшается въ сущности на почвѣ субъективныхъ домысловъ. Авторитетность Нестора для Евгения внѣ всякаго сомнѣнія: чешское преданіе и мнѣнія Карла IV, Дубравскаго и Велеславскаго опровергаются однимъ словомъ: „заблуждали(сь)“; такъ же мало обоснованы и доказательства въ пользу того, что „большая часть перевода Владимірова „находится буквально въ Острожскомъ изданіи“.

Въ то же время авторъ недостаточно знакомъ и съ литературой своего вопроса. Такъ, напримѣръ, статьи Бакмейстера, Стриттера и протоіерея Алексѣева о Библии Скорины, равно какъ и самый фактъ существованія этой послѣдней, сдѣлались извѣстны ему уже гораздо позже²⁾. Разумѣется, на его работѣ неизбѣжно отразилась степень познаній, какими обладала русская наука въ началѣ нынѣшняго вѣка по вопросу объ исторіи составленія и изданія славянской Библии. Евгению не было извѣстно существованіе Остромирова Евангелія, работъ архіепископа Новгородскаго Геннадія по собиранію

¹⁾ Полный текстъ Разсужденія см. въ приложеніи № 6.

²⁾ Словарь свѣтск. писат. 1845, II, 170. Срав. текстъ „Историч. разсужденія“ въ прилож. № 6.

книгъ Св. Писанія, переводъ Максимомъ Грекомъ Толковой Псалтири, толкованій на книгу Дѣяній и т. п. Только впоследствии онъ узналъ и о попыткѣ Епифанія Славинецкаго дать полную Библию въ переводѣ съ греческаго языка ¹⁾. Опираясь на заявленіе издателей Острожской Библии, говорившихъ, что они получили отъ царя Ивана Васильевича Грознаго „свършѣнную вивлію: з грѣческа языка, седмьдесятъ и двѣма превѣдники, множае пяти сотъ лѣтъ на словенскій превѣденую, еще за великаго Владимира, крѣтившаго землю рускую“ ²⁾, Евгеній полагалъ, что при Владимірѣ Святомъ сдѣланъ былъ переводъ книгъ Св. Писанія по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыхъ еще не успѣли перевести славянскіе первоучители. Въ наше время ³⁾ экземпляръ, посланный Грознымъ, признается за списокъ Геннадіевой библии ⁴⁾, о „Владиміровомъ переводѣ“ не считается возможнымъ говорить, какъ о доказанномъ ⁵⁾, и вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо точнѣе опредѣляется, какія изъ книгъ Св. Писанія были переведены свв. Кирилломъ и Меодіемъ и какія нѣтъ ⁶⁾;—и все это, конечно, прежде всего благодаря возможности сличить тексты различныхъ списковъ и подвергнуть ихъ филологическому анализу,—работѣ, непосильной для ученыхъ начала XIX вѣка ⁷⁾.

¹⁾ Словарь духовн. писат., 2-е изд. I, 177—183. Сравни. *ibidem* II. 139 о псевдоучастіи Никона въ изданіи 1663 года.

²⁾ Библия. сирѣчь книга ветхаго и новаго завѣта, изд. 1581 г., стр. 3, столб. 1-й.

³⁾ Но въ концѣ прошлаго столѣтія не было сомнѣній на этотъ счетъ, и ошибка Евгенія была ошибкой времени. Сравни. *Дамаскина (Семенова-Руднева)* Библиотеку російскую, *Памяти. Древн. Письменности* 1881, XI, стр. 22.

⁴⁾ Описаніе рукописей синод. библиотеки, I, стр. VIII, 20, 52, 91, 107. *П. Безсоновъ*, Разборъ книги *Горскаго* и *Невоструева* въ *Русской Бесѣдѣ* 1856, II, стр. 14, 42 и др. *С. Сольскій*, Употребленіе и изученіе Библии въ Россіи. *Правосл. Обзор.* 1869, № 2, стр. 201, 215. Митр. *Макарій*, *Исторія Русской церкви*, I, 116.

⁵⁾ *Е. Голубинскій*, *Исторія Русской церкви*, I, полов. 1, стр. 605—606. Архіеп. *Филаретъ*, *Исторія Русской церкви*, изд. 4-е (1862) I, 36—37.

⁶⁾ Сравни. *С. Сольскій*, Употребленіе и изученіе Библии въ Россіи. *Правосл. Обзор.* 1868, № 10, стр. 148—156.

⁷⁾ *Горскій* и *Невоструевъ*, Описаніе рукописей синод. библ. т. I. *Сольскій*, упомянутое сочиненіе въ *Правосл. Обзор.* 1868. №№ 10, 11, 1869, №№ 2, 4, 6. *М. Васютинскій*, Краткій очеркъ исторіи текста славянской Библии въ Россіи до изданія ея при императрицѣ Елисаветѣ. *Черни. Епарх. Вѣд.* 1869, № 21. 1870, №№ 1, 6.—Мы видѣли, что отличіе изданія Библии 1663 г. отъ 1581 г. Евгеній кратко обозначалъ „немногими перемѣнами“. „По свидѣтельству Добровскаго (Слав. Грам. предисл. стр. LVIII), въ московскомъ изданіи 1663 г.,

За то упомянутая выше переработка 1812 г. ¹⁾, къ сожалѣнію, утерянная, по своему объему ²⁾ и, на сколько можно судить, по недавно напечатаннымъ отрывкамъ изъ протоколовъ Россійской академіи, по широтѣ своей задачи значительно превосходила работу 1803 г. Не даромъ въ глазахъ Евгенія она является цѣлымъ изслѣдованіемъ, а не простымъ разсужденіемъ.

Такъ напримѣръ „между прочимъ“ она заключала въ себѣ:

1. Сличеніе разнорѣчій синодальной Библии Якимовской съ печатными: Острожскою и новоисправленною, въ первыхъ трехъ главахъ Моисеевой книги Бытія и въ 1-й главѣ 2-й книги Паралипоменонъ.

2. Сличеніе харатейной Псалтыри 1296 года съ Якимовскимъ спискомъ.

3. Сличеніе Ганкенштейновой рукописи а) съ харатейнымъ Евангелиемъ вологодскимъ; б) съ харатейнымъ Евангелиемъ Новгородскаго архіепископа Моисея; в) съ харатейнымъ Апостоломъ вологодскимъ; г) съ Якимовскимъ спискомъ Библии и д) съ Острожскою Библіею.

4. Сличеніе мѣстъ ветхаго и новаго завѣта изъ Сборника 1046 или 1076 года съ Якимовскимъ спискомъ и съ изданіями: Острожскимъ и новоисправленнымъ.

5. Сличеніе мѣстъ Ветхаго и Новаго Завѣта изъ Несторовой лѣтописи по Кенигсбергскому списку съ Якимовскимъ спискомъ и съ изданіями: Острожскимъ и новоисправленнымъ 1751 года.

6. Сличеніе перевода Франциска Скорины съ Якимовскимъ спискомъ и Острожскою Библіею ³⁾.

по острожскому тексту, исправлены были только немногія и то легчайшія ошибки; гораздо множайшія и притомъ важнѣйшія остались, хотя бы легко могли быть исправлены при разсмотрѣніи греческаго текста“ (*Чистовичъ*, Исторія перевода Библии на русскій языкъ. Ч. I, стр. 16. Сравни. его же Исправленіе славянск. перевода Библии передъ изданіемъ 1751 г. *Правосл. Обзор.* 1860, № 4, 5,—обозрѣніе работъ комиссіи XVIII вѣка.

¹⁾ Еще въ рукописномъ текстѣ „Историческаго разсужденія“ сдѣлалъ Евгеній вполнѣдствіи такую приписку: „О разныхъ библейскихъ книгахъ, переведенныхъ докторомъ Скориною, см. стр. 18 книжки Калайдовича, изданной въ 1811 году подъ названіемъ „Извѣстіе о древностяхъ славено-русскихъ“ и проч. О Тесниговомъ голландско-славянскомъ изданіи Библии 1717 года, см. *Голікова Дѣянія Петра Великаго*, томъ 5, стр. 286“. Рукопись Кіево-сое. библ. № 592, статья № 20.

²⁾ Больше 50-ти листовъ. *Судомлиновъ*, Исторія Росс. Акад. VII, 277.

³⁾ *Судомлиновъ*, VII, 276. Въ бумагахъ митр. Евгенія сохранилась „выписка изъ сборника, писаннаго въ 1076 году“; она помѣчена (рукою не Ев-

Замѣчанія архіепископа Меѳодія, на разсмотрѣніе котораго было отдано „Исслѣдованіе“ Евгенія, тоже могутъ до нѣкоторой степени ознакомить съ его содержаніемъ. Такъ рецензентъ замѣтилъ: „1) что вообще, въ семь сочиненія (кромя нѣкоторыхъ частныхъ несходствъ съ извѣстными въ нашей церкви преданіями и положеніями) вводятся неосновательныя разказы иностранцевъ, какъ-то: Балдиновы, Гавкенстейновы, Шлецеровы и другихъ, — зри листъ 17-й и далѣе. 2) Ослабляется, или вовсе отвергается принятое уже у насъ Несторово повѣствованіе относительно времени, въ каковое переведены священныя книги съ греческаго на славянскій языкъ; — зри листъ 16, 17 и 18-й. 3) Къ концу помянутаго сочиненія, а именно съ 51 листа, выставляются разнорѣчія списковъ священнаго писанія въ славянскомъ переводѣ, непредусмотрительно, поелику отъ таковыхъ разнорѣчій, частью сдѣлавшихся извѣстными, и безъ того много вышло шуму въ народѣ; и 4) сочиненіе то относитъ къ россійской литературѣ или, иначе сказать, словесности, никакъ не можно: оно есть прямо церковное и нѣкоторымъ образомъ принадлежащее къ христіанскому благочестію“¹⁾.

Наконецъ, нѣкоторое понятіе о работѣ 1812 г. даютъ и тѣ отрывки изъ нея, что были опубликованы вскорѣ послѣ смерти митрополита Евгенія, — описаніе рукописной Іоакимовской Библии 1558 г., нѣсколькихъ Евангелій, Псалтири, Апостола и Святославова сборника 1076 года.²⁾

Вопросъ о славянскомъ переводѣ Св. Писанія не переставалъ интересоватъ Евгенія въ теченіи всей его жизни. Много лѣтъ спустя, уже въ санѣ митрополита, можно сказать, на закатѣ дней своихъ онъ предлагаетъ Кіевской духовной академіи этотъ вопросъ, какъ тему для сочиненія. Результатомъ такого вызова явилась книга г. О. Новицкаго: „О первоначальномъ переводѣ Священнаго Писанія на славянскій языкъ“³⁾. Сличая вышеуказанныя отрывки съ текстомъ этой книги, видимъ, что авторъ послѣдней широкою рукою черпалъ

генія) 7-го февраля 1802 г. (рукопись Кіево-соф. библи. № 44). Изъ этого еще впрочемъ нельзя заключить, что къ этому времени Евгеній былъ уже знакомъ съ этимъ памятникомъ.

¹⁾ *Сухомлиновъ*, VII, 277—278.

²⁾ *О. Новицкій*, О первоначальномъ переводѣ Священнаго Писанія на славянскій языкъ. Кіевъ 1837, стр. 71—81.

³⁾ Написано въ 1835 году въ званіи профессора академіи, издано въ Кіевѣ 1837 г.

матеріали кієвскаго преосвященнаго ¹⁾). На сколько работа 1812 года оказала услуги г. Новицкому, трудно сказать, не выдавъ ея; но въ то же время нельзя не признать точекъ соприкосновенія между петербургскою диссертациею и сочиненіемъ кієвскаго профессора. И г. Новицкій оспариваетъ знакомство св. Іеронима съ языкомъ славянскимъ (стр. 6—7); и онъ, подобно Евгенію, довольно поверхностно опровергаетъ мнѣніе Карла IV, Дубравскаго и Велеславскаго тѣмъ, что „въ этомъ, конечно, предубѣждены были римскимъ духовенствомъ“ (стр. 9); и у него, хотя вопросъ затронуть неизмѣримо шире и глубже, но приемы работы, постановка отдѣльныхъ положеній, способъ ихъ разрѣшенія въ сущности весьма сходны съ „Историческимъ разсужденіемъ“ Евгенія ²⁾).

Рядъ петербургскихъ актовыхъ рѣчей заканчивается „Ислѣдованіемъ о обращеніи славянъ въ христіанскую вѣру.“

Послѣ обычнаго вступленія о благодѣяніяхъ, оказанныхъ человечеству христіанствомъ и краткихъ указаній на черты язычества у нашихъ предковъ, Евгеній прямо переходитъ къ вопросу: „когда въ первый разъ и сколько кратъ послѣ онаго вводилось христіанство въ Россію“, значительно такимъ образомъ суживая первоначальную тему. Вопросъ, поставленный авторомъ, рѣшался въ его время въ исторической литературѣ весьма различно; сводъ и толкованіе выказанныхъ мнѣній собственно и составляютъ содержаніе „Ислѣдованія“.

Прежде всего вниманіе читателя останавливается на свидѣтельствахъ католическихъ писателей. Желаніе „показать, что отъ ихъ церкви просвѣщены и предки наши“, понудило, замѣчаетъ Евгеній, нѣкоторыхъ западныхъ богослововъ приписывать „первую проповѣдь у славянъ своимъ апостоламъ Петру и Павлу и Павлову участнику св. Андронику; а Бароній, опираясь на „польскаго историка XVI вѣка Матѳея Миховскаго“, считалъ, кромѣ того, другихъ двухъ апостоловъ Ѡаддея и Варѳоломея также въ числѣ первыхъ насадителей христіанства у славянъ. Одни (Георгій Праій) указывали съ этою же цѣлью на участіе въ первомъ вселенскомъ соборѣ епископа Теофила „изъ готео-славянскихъ странъ“; другіе (Гагенъ, Кромеръ, Стрыйковскій, Бельскій и Гваньинъ) утверждали, будто св.

¹⁾ То же подтверждаетъ и П. И. Савваитовъ (*Сборн. 2-го отд. Акад. Наукъ* V, I, стр. 96—97).

²⁾ Г. Новицкій впрочемъ уже отрицаетъ возможность перевода Библии при Владимірѣ Св. Стр. 25, 40.

Іеронимъ еще въ IV вѣкѣ переводилъ славянскую Библію и тогда же будто бы св. Кириллъ Іерусалимскій впервые проповѣдывалъ славянамъ (во времена Юліана Отступника).

Указанія эти кажутся нашему автору не заслуживающими довѣрія. „Какъ должно судить о всѣхъ сихъ мнѣніяхъ“, говоритъ онъ, — „то не трудно рѣшить всякому. Ибо одни изъ оныхъ основываются на бездоказательномъ преданіи; другіе на одномъ подобіи звуковъ; третьи на неразличеніи славянъ и россіянъ отъ прежде ихъ здѣсь бывшихъ, или въ сосѣдствѣ съ ними жительствовавшихъ народовъ; а прочіе на превратно понимаемыхъ историческихъ свидѣтельствахъ“. Евгенийъ, по видимому, считаетъ, достаточнымъ ограничиться такими голословными возраженіями, впрочемъ, вѣроятно, потому что далѣе имъ приведены соображенія уже не столь общія. „Вообще, говоритъ онъ, въ опроверженіе всѣхъ сихъ мнѣній можно замѣтить, что подлинныя славяне показались въ Европѣ и извѣстны стали по исторіи уже съ шестаго вѣка, слѣдовательно всѣ древнѣйшія о нихъ повѣсти суть бездоказательныя преданія или примѣненія къ нимъ общихъ сѣверныхъ, либо чужихъ какихъ нибудь происшествій. Сія-то неосмотрительность завела многихъ иностранныхъ и нашихъ историковъ до того, что они находили славянъ еще въ походахъ Александровыхъ и даже при осадѣ Трои.

„Наши отечественныя лѣтописи и исторіи“, продолжаетъ онъ, — „также не согласны въ исчисленіи проповѣдей христіанскія вѣры славянамъ. Ибо Несторъ всѣхъ оныхъ упоминаетъ до Владиміра шесть; Татищевъ вмѣстѣ со Владиміровымъ считаетъ только шесть; Синописисъ и Патерикъ Печерскій — пять; Никонъ патріархъ — четыре, а Степенная книга собственно къ россіанамъ относитъ только двѣ“. Неизвѣстно, откуда заимствуетъ Несторъ свѣдѣнія о путешествіи апостола Андрея „въ Кіевъ и далѣе“; Евсевій ¹⁾ и Дороей Тирскій ²⁾ говорятъ о его миссіонерской дѣятельности только въ областяхъ, „смежныхъ съ нашими южными странами“, проѣздъ же его „изъ Корсуна чрезъ Кіевъ, Новгородъ и Варяжскую землю въ Римъ нѣсколько наводитъ (на) недоумѣнія“. Впрочемъ, „благоразумная догадка“ Татищева, полагавшаго, что это извѣстіе впослѣдствіи „къ-нѣмъ-нибудь безъ разсмотрѣнія“ вставлено въ Несторову лѣтопись

¹⁾ *Евсевія* Церковн. Исторія. Книга III, гл. I.

²⁾ *Dorothei* Episcopi Tyri Synopsis vitarum Apostolorum et prophetarum ad Calaeum Historiae ecclesiasticae etc. (Оба примѣчанія принадлежатъ Евгению).

или въ болѣе древній документъ, объясняетъ дѣло. „Вдобавокъ (къ) сему, прибавляетъ нашъ авторъ, замѣтимъ, что сія проповѣдь св. Апостола Андрея относится къ славено-россіанамъ только по мѣсту града Кіева, а не по обитателямъ тогдашняго времени, о коихъ заподлинно ничего неизвѣстно“.

Упоминаемая Несторомъ проповѣдь въ Болгаріи (858 и 869 гг.) и въ Моравіи (863 г.) не имѣетъ прямого отношенія къ Россіи, а потому напрасно Печерскій Патерикъ и Синописисъ, „а имъ послѣдую и нѣкоторые историки наши“, ставятъ ее въ связь съ исторіей обращенія русскаго народа. Болѣе вниманія удѣляетъ Евгеній обращенію, о которомъ, хотя и молчитъ Несторъ, но говорятъ „византійскіе историки Куропалатъ, Кедринъ и безымянный, изданный Бандуриемъ“. Это — крещеніе племени россовъ съ ихъ княземъ, незадолго передъ тѣмъ въ 851 году осаждавшимъ Константинополь. Авторъ допускаетъ, что упоминаемый князь былъ Оскольдъ, такъ какъ о времени крещенія византійскіе источники выражаются, что оно произошло „немного времени“ послѣ набѣга или, какъ добавляютъ другіе, въ царствованіе Василя Македонянина (867—886)¹⁾.

„Но наши писатели, какъ то: Никонъ патріархъ въ предисловіи Кормчей книги, Патерикъ Печерскій также въ предисловіи, Синописисъ кіевскій и согласно съ ними другіе полагаютъ прямо, что сіе обращеніе случилось при россійскомъ князѣ Олегѣ въ 886 г. Отдавая должную справедливость всѣмъ сямъ историкамъ нашимъ, надобно однако жъ признаться, что мнѣніе ихъ сомнительно; потому что 1) Несторъ нашъ описываетъ несчастный походъ россіанъ подъ Константинополь и разбитіе ихъ флота бурей отъ погруженія въ море богородичныхъ ризы, случившимся при князѣ Оскольдѣ и подъ предводительствомъ его, хотя во времени сего похода самъ Несторъ и не согласуетъ съ греческими историками; 2) Олегъ ходилъ войною на грековъ уже въ 907 году при императорѣ Леонѣ по лѣточисленію самого Нестора, и походъ его не имѣлъ никакихъ несчастныхъ приключеній, о каковыхъ предъ крещеніемъ упоминаютъ греческіе историки; 3) правда, Несторъ не говоритъ ни слова о крещеніи Оскольда и россіанъ въ его княженіе, но также ничего не пишетъ

¹⁾ Въ одномъ изъ посланныхъ по этому поводу съ епископомъ помощниковъ, Кириллѣ и Аванасіи, Евгеній готовъ видѣть славянскаго первоапостола, „ибо нашъ Несторъ говоритъ, что Константинъ изъ Моравіи *возвратися, а Месодій оста съ Моравъ*“.

овъ и о крещеніи во времена Олега, ниже о христіанахъ въ его время бывшихъ въ Кіевѣ; 4) напротивъ того самъ же Несторъ свидѣтельствуешь, что по убіеніи Оскольда, на могилѣ его построена была церковь, и, конечно, отъ христіанъ въ память его; да и въ остаткѣ Іоакимовой лѣтописи, сохраненномъ у Татищева, Оскольдъ именуется блаженнымъ; 5) наконецъ замѣтимъ, что Олегъ переселился въ Кіевъ только съ 882 г.; и такъ нельзя было ему чрезъ четыре года потомъ ввести или допустить въ государство свое столь важную переимѣну какъ христіанство, на что потребно было долгое приуготовленіе. Изъ всего сего слѣдуетъ положить, что первое обращеніе россіанъ случилось не при Олегѣ, но при Оскольдѣ⁴.

Слѣдя далѣе за развитіемъ христіанства на Руси, авторъ особенно подчеркиваетъ недостаточность еще проникновенія новой религіи въ сердца русскаго народа, чѣмъ и объясняетъ необходимость для великой княгини Ольги ѣхать въ Византію, ибо, какъ выражается Степенная книга, „не быше тогда во странѣ Русѣй благочестію учителя“.

Годъ Ольгина крещенія — нѣкогда столь спорный въ нашей историографіи, — авторъ рѣшаетъ въ духъ своего времени, неправильно (955), опираясь въ этомъ случаѣ на доводы архіепископа Евгенія Булгара¹⁾.

Перехода къ Владиміру, Евгенийъ старается яркими красками начертить первоначальную приверженность великаго князя къ язычеству. „Весьма вѣроятно“, что убіеніе варяга и его сына „тронуло чувствительную душу Владиміра“. Ему, „тогда среди сосѣдей, большею частью просвѣщенныхъ уже кроткою челолюбивою евангельскою вѣрою, среди многихъ въ самомъ Кіевѣ издавна обратившихся ко Христу благочестивыхъ христіанъ, послѣ примѣра обращенія его бабки блаженной Ольги и многихъ славено-россіанамъ единоплеменныхъ народовъ легко уже можно было устыдиться своей челолюбивой религіи. Жалобы и моленія христіанъ еще болѣе могли поколебать чувствительную его душу. Онъ усумнился въ религіи своей и вскорѣ за симъ разныхъ народовъ увѣщатели осмѣлилися предлагать ему убѣжденія, каждый къ своей вѣрѣ . . . . Оставалось только рѣшиться; но, конечно, жрецы, дабы отдалить его намѣреніе, присовѣтовали ему чрезъ бояръ послать сперва со-

---

¹⁾ Историч. разысканіе о времени крещенія рос. в. кн. Ольги. Спб. 1792 (ссылка Евгения).

глядатаевъ къ разнымъ народамъ для обозрѣнія богослуженія ихъ на мѣстѣ“. Но въ языческой гордости Владиміръ стыдился просить и походомъ на Корсунь хотѣлъ завоевать себѣ христіанскую вѣру.

Свидѣтельства западныхъ историковъ о миссіонерской дѣятельности католиковъ въ предѣлахъ Россіи Евгений отмѣчаетъ только мимоходомъ. „Какого достойны вѣроятія всѣ сіи писатели, сіе не требуетъ многого изъясненія. Ибо одни изъ нихъ никакого не имѣютъ доказательства на свои повѣствованія, а другіе о Руссахъ повѣствуютъ то, что должно разумѣть о Пруссахъ и Ругянахъ“. Разумѣется, это не опроверженіе, и можно положительно сказать—не потому что авторъ считаетъ ошибку вполне очевидной, а единственно за недостаткомъ средствъ для болѣе основательнаго ея разбора: тамъ, гдѣ онъ чувствуетъ себя во всеоружіи, онъ охотно развертываетъ весь запасъ своихъ знаній и доказательствъ. Такъ, напримѣръ, соображеніе Мосгейма (женитба Владиміра Святаго въ 961 году на Аннѣ, по настоянію которой и принято имъ крещеніе)—идущее въ разрѣзъ съ дѣйствительными фактами—оспаривается имъ обстоятельно.

Походомъ на Корсунь и обращеніемъ великаго князя заканчивается актовая рѣчь; крещенія русскаго народа Владиміромъ Святымъ она совершенно не касается.

Много лѣтъ спустя Евгений снова вернулся къ событію, затронутому въ этой рѣчи, но коснулся его уже только эпизодически, между прочимъ, именно въ другомъ своемъ трудѣ, въ „Исторіи славяно-русской церкви“. Эта послѣдняя, оставшаяся не конченною, и до сихъ поръ еще не издавшая свѣта ¹⁾, сохранилась въ трехъ черновыхъ рукописныхъ редакціяхъ ²⁾. Прямыхъ указаній на время ея составленія нѣтъ никакихъ, но косвенныхъ довольно, и они даютъ намъ право положительно утверждать, что Евгений работалъ надъ „Исторіей церкви“ послѣ 1812 года, во время управленія Калужскою епархіей. Въ числѣ пособій, на которыя ссылается авторъ, оказываются Шведская исторія Далина,—а она вышла въ 1805—1807 годахъ, Шледеровъ Несторъ: часть V (Регинонъ и другіе западные писатели объ Ольгѣ) и глава X части III (о проповѣди христіанства у моравовъ), появившіяся (въ оригиналѣ) въ 1805—1809 годахъ ³⁾. Далѣе видимъ ссылки на 3-ю и 4-ю части Исторіи россійской іерархіи,

¹⁾ Автобіографія, 15.

²⁾ Рукопись Кіево-сов. библ. № 158.

³⁾ Русское изданіе (3 части, 1809—1819) не имѣло V-й части, и сочиненіе Шледера было размѣщено въ немъ по „частямъ“ иначе, чѣмъ въ оригиналѣ.

вышедшія въ 1811 и 1812 годахъ; наконецъ, есть прямыя указанія на книгу, вышедшую въ 1809 году ¹⁾), и періодическое изданіе (Вѣстникъ Европы) 1810, 1811 и 1812 гг. Въ одномъ мѣстѣ, говоря о существованіи класса жрецовъ у язычниковъ-русскихъ, Евгений приводитъ въ доказательство такое подтвержденіе: „недавно найденныя провѣщанія новгородскихъ жрецовъ подтверждаютъ также бытіе ихъ“; а нѣсколько далѣе снова говоритъ о „недавно найденномъ харатейномъ спискѣ одной Бояновой пѣсни и новгородскихъ жрецовъ нѣсколькихъ провѣщаній, писанныхъ руническими буквами, коихъ бѣольшая часть почеркомъ тѣ же, какия и въ Кирилловой азбукѣ. Изъ сего слѣдуетъ заключить, что Кириллъ только дополнилъ и усовершенялъ древнюю руссо-славенскую азбуку“.

Разъясненіе этимъ словамъ находимъ въ перепискѣ Евгения съ Городчаниновымъ, которому сообщалась въ 1811 и 1812 годахъ „петербургская литературная новость“: пѣснь Бояна и „оракулы древнихъ новгородскихъ жрецовъ“ ²⁾). Это, какъ оказалось нѣсколько лѣтъ спустя, былъ археологическій подлогъ ³⁾. Но первое время ему придавали вѣру, и пѣсню интересовались между прочимъ Карамзинъ ⁴⁾ и Державинъ ⁵⁾.

Наконецъ, ко всѣмъ этимъ указаніямъ прибавимъ еще одно: В. Г. Анастасевичъ въ записной книжкѣ своей подъ 1814 годомъ, говоря о необходимости писать церковныя исторіи въ духѣ прими-

¹⁾ Исслѣдованіе баннаго строенія.

²⁾ Отъ 15 января 1811 г.: „А я вамъ сообщаю при семь петербургскую литературную новость. Тамошніе палеооилы или древностелюбцы отыскали гдѣ-то пѣснь древняго славенорусскаго пѣснопѣвца Бояна, упоминаемаго въ *Письмъ Полку Игореву*, и еще *оракулъ* древнихъ новгородскихъ жрецовъ. Всѣ сіи памятники писаны на пергаментѣ древними славенорусскими буквами, за долго ико бы до христіанства славеноруссовъ. Если это не подлогъ какихъ-нибудь древностелюбивыхъ проказниковъ и если не ими выдумана славеноруническая азбука и не составлена изъ разныхъ сѣверныхъ руническихъ письменъ, кои описываетъ Даллинъ въ своей Шведской исторіи, часть I, глава VIII,—то открытіе сіе опровергаетъ общепринятое мнѣніе, что славяне до IX вѣка не имѣли письменъ..... Въ Петербургѣ еще идутъ споры о семъ. Что-то скажутъ о семъ ваши казанскіе ученые? Увѣдомьте меня“.—Отъ 6 мая 1812 г.: „О Бояновомъ гимнѣ и оракулахъ новгородскихъ, хотя спорять въ Петербургѣ, но большая часть вѣрять неподложности ихъ. Дожидаются изданія—тогда въ публикѣ больше будетъ шуму о нихъ“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1857. т. XCIV, стр. 14—15).

³⁾ Сочиненія Державина, изд. Грота, III, 137, прим.

⁴⁾ Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остаевскаго архива. *Русск. Архивъ* 1866, 231, 234.

⁵⁾ Сочиненія, изд. Грота, VI, 381; VII, 594—596.

ренія православныхъ съ католиками, прибавляетъ: „Надобно наметнуть о семь Евгенію, приготовляющему свою исторію церкви“¹⁾.

Послѣ всего вышесказаннаго, разумѣется, мы никакъ не можемъ согласиться съ недавно заявленнымъ мнѣніемъ будто бы „Исторія славено-русской церкви“ составлялась или была начата въ 1803 году. Г. Сперанскій, которому принадлежитъ это заявленіе, пользовался неполной копіей труда Евгенія, однимъ „Введеніемъ“, по списку Петербургской духовной академіи. Онъ говоритъ, что рукопись помѣчена 1803 годомъ²⁾. Но послѣднее положительно невѣрно. Въ упоминаемой рукописи³⁾ никакой такой помѣты нѣтъ. Очевидно, г. Сперанскій привалъ за таковую ссылку на книгу Елагина: „Опытъ повѣствованія о Россіи“, отмѣченную въ самой рукописи какъ вышедшую въ Москвѣ въ 1803 году. Но тамъ же есть ссылка и на Даллина, и на Боянову пѣснь, о которой говорится въ выраженіяхъ одинаковыхъ съ вышеприведенными⁴⁾; есть намекъ, конечно, ни на кого иного, какъ на митрополита Платона, отрицавшаго въ своей Исторіи церкви, вышедшей, какъ извѣстно, въ 1805 году, существованіе храмовъ и жрецовъ⁵⁾, и т. п. Раннимъ александроневскій списокъ не можетъ быть уже потому, что въ немъ находятся заимствованія изъ Гельмольда⁶⁾, котораго первая редакція Кіево-софійскаго списка еще не знаетъ; въ то же время „Введеніе“ въ первой редакціи состояло изъ 30 параграфовъ; а въ двухъ послѣдующихъ уже изъ 31; столько же (31) ихъ и въ списокѣ александроневскомъ. Такимъ образомъ послѣдній есть по крайней мѣрѣ копія второй редакціи. Первая же вся сплошь писана одною рукою писца; одинъ только новый параграфъ, благодаря которому „Введеніе“ въ двухъ слѣдующихъ редакціяхъ увеличилось съ 30 параграфовъ на 31, писанъ Евгеніемъ; между тѣмъ въ этой первой редакціи есть ссылка на III и IV части Исторіи

¹⁾ Замѣтки Анастасевича, рукопись Импер. Публ. библ.; переплетенная тетрадь съ помѣтою на корешкѣ 1829 года, стр. 126. Что здѣсь идетъ рѣчь о Евгеніи Болховитиновѣ, это видно изъ другихъ страницъ „Замѣтокъ“.

²⁾ Ученая дѣятельность митр. Евгенія. *Русскій Вѣстникъ* 1885, № 4, стр. 552.

³⁾ № 254 (по старой нумераціи), 32 листа in-folio.

⁴⁾ Св. Кириллъ „только дополняетъ и усовершеняетъ Руно-славенскую азбуку“. Д. Сперанскій, *Опыты митр. Евгенія Болховитинова по составленію полной исторіи русской церкви. Странички* 1887, июль-июль, стр. 272, 274.

⁵⁾ *Странички*, стр. 273. Рукопись Кіево-софійской библ. № 158, текстъ первой редакціи, парагр. 7-й. Сравни. Платонъ, *Краткая Церковная Исторія*, I, 7 (по изд. 1805 г.).

⁶⁾ *Странички*, *ibidem*, *passim*.

россійской іерархіи; значить, вставка Евгенія сдѣлана была уже послѣ выхода въ свѣтъ этихъ частей, то-есть, послѣ 1812 года. Поэтому и списокъ Петербургской академіи никакъ не ранѣе этого года ¹⁾.

Сопоставляя „Исслѣдованіе о обращеніи славянъ въ христіанскую вѣру“ съ соответствующими мѣстами „Исторіи славено-русской церкви“, находимъ не мало измѣненій въ позднѣйшей работѣ. Многое изложено обстоятельнѣе, даны болѣе подробныя ссылки, многое, съ чѣмъ работа 1803 г. считала еще нужнымъ полемизировать и оговаривать, теперь игнорируется. Такъ, только уже мимоходомъ говорится про мнѣнія о крещеніи русскихъ задолго до 988 г., отсутствуютъ указанія на Раича и Гютри ²⁾, а „благоразумная догадка“ Татищева не признается болѣе таковою. Въ „Исторіи церкви“ Евгеній отказывается признать крещеніе русскихъ при Оскольдѣ, замѣчая, что если что и было, то крестились не кіевскіе руссы, а упоминаемые Степенною книгою куманы-руссы или понтійскіе россы, входившіе въ составъ Оскольдова войска. Оставлено также и предположеніе, что въ числѣ двухъ посланныхъ въ это время въ Русь епископовъ, одинъ былъ св. Кириллъ, славянскій проповѣдникъ. Относительно Ольги авторъ еще затрудняется сказать, когда она крестилась: въ 946, 955 или 957 году; но довѣріе къ Евгенію Бугару поколеблено совершенно, и его соображеніе прямо названо ошибочнымъ. Въ противоположность актовой рѣчи, извѣстіе Регинона о посылкѣ императоромъ Оттономъ епископа въ отвѣтъ на просьбу великой княгини Ольги признается достовѣрнымъ.

¹⁾ Кстати позволимъ себѣ поправить еще одну ошибку г. Сперанскаго. Основываясь на текстѣ „Введенія“, онъ полагаетъ, что „мнѣніе, объяснявшее походъ Владиміра въ Корсунъ желаніемъ завоевать вѣру, высказано было впервые митрополитомъ Евгеніемъ, а не Карамзинымъ“ (*Странникъ*, стр. 278, примѣч.). Между тѣмъ и у Евгенія есть предшественникъ, Стриттеръ, самимъ имъ указанный. Въ „Исслѣдованіи о обращеніи славянъ въ христіанскую вѣру“ о мотивахъ Корсунскаго похода выражено въ такихъ словахъ: „Онъ (Владиміръ), какъ говоритъ Штриттеръ, хотѣлъ завоевать, а не испросить у нихъ вѣру христіанскую. Въ самомъ дѣлѣ Двинской лѣтописецъ именно говоритъ: „иде Владиміръ на Корсунъ глагола, яко пачѣю градъ ихъ да обрису учителя“ (Штриттерова россійск. исторія, I, 73)⁴⁾. (У Стриттера, правда, иначе выражено („почиталъ niskostію просить... о крещеніи... желалъ то получить войною противъ Корсуна, а не прозвобю“), но смыслъ отъ этого не мѣняется). Слова Двинскаго лѣтописца приведены Евгеніемъ изъ Стриттера буквально).

²⁾ Исторія равныхъ славянскихъ народовъ. С.-Пб. 1795. *Dissertations sur les antiquités de Russie*, par M. Guthrie, Stbg. 1795 (Ссылка Евгенія).

Въ числѣ петербургскихъ работъ Евгенія есть пять небольшихъ сочиненій, гдѣ авторскій трудъ префектъ духовной академіи дѣлитъ со своими учениками. Это „историческія разсужденія“ на разныя темы, обыкновенно читавшіяся (in extenso) въ публичныхъ собраніяхъ „кандидатами богословій“ при окончаніи ими учебнаго курса¹⁾. Въ автобіографіи Евгеній прямо относитъ ихъ къ числу своихъ сочиненій; одинаково и въ письмахъ къ Македонцу одно изъ нихъ называетъ „моей диссертацией“²⁾; и вообще всѣ ихъ—„моими трудами надъ ученическими опытами“³⁾.

Выдѣлить работу преподавателя отъ работы его учениковъ возможно, въ сожалѣнію, только приблизительно; впрочемъ, болѣе чѣмъ несомнѣнно, что именно въ указанныхъ разсужденіяхъ должно быть приписано лично Евгенію. Обширная начитанность въ богословской и исторической литературѣ, выказанная въ этихъ книгахъ, иногда даже знакомство съ рукописнымъ матеріаломъ, хранящимся не въ однихъ только петербургскихъ книгохранилищахъ, не могло быть

¹⁾ Историческое наслѣдованіе о соборахъ російскія церкви, читанное въ публич. собраніи С.-Петербур. Алекс. академіи 1803 года, января 8 дня кандидатомъ богословія и инорматоромъ нижшаго нѣмецкаго класса *Михаиломъ Сузановымъ*, при отпускѣ его изъ академіи въ Иркутскую семинарію, изъ коей присланъ онъ былъ для образованія къ учительской должности. Печатано при свят. Синодѣ 1803 г.—Разсужденіе о началѣ, важности и знаменованіи церковныхъ облаченій, читанное 1803 года сентября 29 дня въ публ. собр. С.-Петербур. Алекс. акад. канд. богосл. *Константиномъ Китовичемъ* при отправленіи его въ Бѣлорусскую семинарію... Печатано при св. Синодѣ 1804 г.—Разсужденіе о соборномъ дѣяніи, бывшемъ въ Кіевѣ 1157 года на еретика Мартина, читанное въ публ. собр. С.-Пет. Алекс. акад. 1804 г. января 21 дня канд. бог. *Иваномъ Лауровымъ*, при отпускѣ его изъ академіи въ Псковскую семинарію... Печатано при св. Сн. 1804 г.—Разсужденіе о книгѣ, именуемой *Православное исповѣданіе вѣры соборныхъ и апостольскія церкви восточныхъ*, сочиненной Кіевск. митр. Петромъ Могилкою, читанное въ публ. собр. С.-Пет. Алекс. акад. 1804 года января 25 дня канд. богословія *Алексѣемъ Болховскимъ*, при отпускѣ его изъ академіи въ Воронежскую семинарію, для коей образованъ онъ былъ къ учительской должности. Печатано при св. Синодѣ 1804 г.—Историч. разсужденіе о чинахъ грекороссійскія церкви, читанн. въ публ. собр. С.-Пет. Алекс. акад. 1805 г. евр. 16 дня канд. богосл. и инорматоромъ греческ., латинск. и франц. языковъ *Димитріемъ Малиновскимъ*, присланнымъ изъ Тверской семинаріи для образованія къ учительскимъ должностямъ. Печатано при свѣтѣйшемъ Синодѣ 1805 года.

²⁾ Письмо Македонцу № 56.

³⁾ Ibidem № 59. Сравн. № 66. Сравн. также письмо Евгенія Городчанину (Сборн. 2 отд. Акад. Наукъ, V, 1, стр. 46).

доступно кончающему курсъ студенту. Такимъ образомъ какъ въ нѣкоторыхъ воронежскихъ „диссертаціяхъ“, такъ и въ настоящихъ, основная тема, ея развитіе, приѣмъ работы, сводъ матеріаловъ — все было дѣломъ Евгенія. Студенту могла принадлежать одна внѣшняя работа писанія, да и она, можетъ быть, не разъ подвергалась редакціи наставника. Намъ не должны удивлять попадающіяся въ текстѣ обращенія къ начальству академіи съ благодарностью за проведенные годы ученія и просьбой извинить недостатки труда: все это прилажено съ цѣлью придать рѣчи форму кандидатской работы. Истинный авторъ скрывался за своими учениками. Иначе трудно объяснить, почему бы Евгенію гордиться этими трудами: посылая ихъ другу своему Македонцу, онъ замѣчаетъ: „до насъ въ Петербургѣ этого не бывало, а если правду митрополить и другіе говорятъ, то де и впредь не скоро будетъ“¹⁾. Двѣ изъ этихъ рѣчей: „Церковныя облаченія“ и „Разсужденіе о чинахъ“, прочитанныя на актахъ 1803 и 1805 гг. студентами Китовичемъ и Малиновскимъ, въ двухъ послѣдующихъ изданіяхъ отмѣчены, какъ сочиненныя этими послѣдними²⁾. Авторъ же другихъ двухъ рѣчей, напечатанныхъ въ этихъ изданіяхъ — „О сходствѣ алтарныхъ украшеній нашей церкви съ древними“ и „О древнемъ богослужебномъ пѣніи“ — не указанъ, а между тѣмъ онѣ — несомнѣнныя произведенія пера Евгенія³⁾. Все это какъ бы противорѣчитъ вышесказанному соображенію. Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что духовнымъ отцомъ и тѣхъ, и другихъ рѣчей было одно и то же лицо. Китовичъ и Малиновскій только приладили готовый и обработанный матеріалъ по готовому плану⁴⁾.

Разбираемые труды относятся къ послѣднему году пребыванія Евгенія въ Петербургѣ; публичное чтеніе послѣдней работы происходило даже годъ спустя по переѣздѣ его въ Новгородъ⁵⁾. Всѣ ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: разсужденія о церковныхъ

¹⁾ Письмо Македонцу № 59.

²⁾ См. Историч. разсужденія (Москва 1817) стр. 145 первой и 60 второй пагинаціи. Историч. разсужденія, читанныя въ публичн. собраніи С.-Петерб. александр. академіи (С.-Пб. 1823), стр. 145 и 217.

³⁾ См. *Ж. М. П. Пр.* 1887. № 6, стр. 356.

⁴⁾ Думаемъ поэтому, что и соображеніе Д. В. Полѣнова (*Сборн. 2-го отд.*, V, 1, стр. 43), полагающаго, что при авторствѣ Евгенія Анастасевичъ долженъ былъ бы эти рѣчи внести въ составившійся имъ Смирдинскій каталогъ, подъ его именемъ, — не можетъ оспорить насъ по существу.

⁵⁾ 16-го февраля 1805 г.; но въ эти числа Евгеній находился въ столицѣ, вызванный туда по дѣламъ (письмо Македонцу № 60).

облаченіяхъ и о чинахъ греко-россійскія церкви взяли предметомъ вопросы изъ всеобщей церковной исторіи; остальные три: о соборахъ россійскія церкви, о соборномъ дѣяніи 1157 г. и о книгѣ: Православное Исповѣданіе—изъ русской.

Работы первой группы не столько „разсужденія“, сколько подборъ данныхъ, сбывающійся по изложенію на справочный энциклопедическій словарь. Авторъ выказываетъ весьма большую начитанность въ богословской литературѣ, какъ отечественной, такъ и иностранной (въ „Разсужденіи о церковныхъ облаченіяхъ“ указана даже литература затронутого вопроса), не жалѣетъ ссылокъ, въ обиліи собираетъ толкованія для объясненія знаменованія того или другаго символа, для этимологическаго опредѣленія слова; и все-таки въ дѣломъ эти страницы оставляютъ впечатлѣніе громоздкаго матеріала, оказавшагося непосильнымъ для автора. Послѣдній ставитъ точку какъ разъ тамъ, гдѣ, по мнѣнію читателя, только и должно начаться настоящее развитіе темы; въ „Церковныхъ Облаченіяхъ“ вмѣсто разъясненій, какія религіозныя понятія и какъ именно нашли себѣ выраженіе въ церковныхъ формахъ богослуженія, предложена одна сухая опись; въ „Чинахъ“ рисуется не живой организмъ православной церкви, а одна лишь іерархическая лѣстница.

Что касается до содержанія, то первая изъ этихъ „диссертаций“ доказываетъ происхожденіе облаченій православной церкви изъ древнееврейскихъ, осуаривая мнѣнія, хотѣвшія видѣть источникъ ихъ въ обрядахъ языческихъ, при чемъ даетъ сжатое перечисленіе этихъ облаченій съ краткой характеристикой cadaго. Другая же работа посвящена описанію трехъ церковныхъ чиновъ—епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ—съ ихъ степенями ¹⁾). Авторъ даетъ этимологическій разборъ cadaго наименованія; указываетъ права, преимущества и взаимныя отношенія духовныхъ чиновъ; кругъ дѣятельности, время и поводъ возникновенія чина; сообщаетъ, были ли эти права постоянны или измѣнялись и т. п.

Гораздо живѣе остальные три работы. Ихъ съ большимъ правомъ, особенно двѣ, можно назвать „разсужденіями“; видимо, авторъ чувствуетъ себя сильнѣе на почвѣ русской исторіи, свободнѣе высказы-

---

¹⁾ Въ первой степени — патриархъ, вкархъ, митрополитъ, примасть, архіепископъ, пощиненный епископъ, сельскій епископъ; во второй — архимандритъ и игумень, протопопъ; въ третьей — архидіаконъ, иподіаконъ, чтець, пѣвецъ діаконалиста.

ваетъ свои соображенія и не отказывается, — пускай, не всегда удачно — приходитъ къ опредѣленнымъ выводамъ и отстаивать ихъ.

Первая изъ этихъ рѣчей — О соборахъ — болѣе остальныхъ носитъ слѣды внѣшней работы. Въ ней нечего искать цѣльной картины соборовъ ¹⁾, она ограничивается тѣмъ, что отмѣчаетъ ихъ появленіе въ строго хронологическомъ порядкѣ, сопровождая свои сообщенія краткими замѣтками о цѣли ихъ созыва, о содержаніи, постановленіяхъ и изрѣдка только вдается въ разсужденія ²⁾. И однако книга давала то, чего до нея не было: сгруппированные факты. Пособіями автору служатъ сочиненія общаго и спеціальнаго характера; излюбленный Татищевъ вмѣстѣ съ Никоновой лѣтописью особенно пригодились ему. Но что преимущественно обращаетъ вниманіе читателя, то это рукописный матеріалъ, находившійся въ пользованіи автора. Большая часть его извлечена изъ Александроневской академической библиотеки; но, кромѣ того, авторъ ссылается и на манускрипты библиотеки Академіи Наукъ, патриаршей и синодальной. Впрочемъ, кажется, на рукописи этихъ послѣднихъ книгохранилищъ онъ указываетъ только по наслышкѣ ³⁾.

„Исслѣдованіе о соборахъ“ въ настоящую пору можетъ имѣть

¹⁾ А далъ ли ее авторъ книги, явившейся уже послѣ того, какъ въ рукахъ ученаго міра была „Исторія государства російскаго?“ Сравни. *Н. Т...* О соборахъ, бывшихъ въ Россіи (С.-Пб. 1829).

²⁾ Напримѣръ, доказывая, что Стоглавый соборъ не былъ каноническимъ, стр. 14—15.

³⁾ 1) Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ Уніи, Н. Бантыша-Каменскаго; 2) третье посланіе Игнатія, митроп. Сибирскаго на сибирскихъ еретиковъ; 3) грамота архіеп. Новгородскаго Геннадія противъ мнѣнія о скончаніи міра; 4) стоглавникъ; 5) записка о соборѣ 1674; 6) письмо Лаодивійскаго митр. Паренія къ царю Петру Вел., вмѣстѣ съ Панегрикомъ, поднесеннымъ ему въ 1698 г.; 7) выписка церковнымъ правъ съ X в. до 1700 г.; 8) дѣло о Тверитиновѣ—все по спискамъ библиотеки Александроневской академіи (стр. 11, 17, 13, 20, 15, 23, 26, 27). Кромѣ того, сказано, что „въ библиотекѣ С.-Петербургской Академіи Наукъ есть рукопись, содержащая отвѣты на лжемудрованія діакона Петра“ (стр. 26), что древнія книги, собранныя для исправленія богослужебныхъ въ 1654—1655 гг., „сохраняются до нынѣ въ Московскои Синодальной библиотекѣ“ (стр. 20), а подлинникъ дѣла Тверитинова — „въ Патриаршей архивѣ“ (стр. 27).—Точностью въ передачѣ названій Евгений не дорожилъ. Такъ одна рукопись обозначена въ его книгѣ, какъ „выписка церковныхъ правъ, отъ начала церкви грекороссійской до 1700 года“ (стр. 26); между тѣмъ на оригиналѣ самимъ имъ данъ такой заголовокъ: „Выписка древнихъ російскихъ церкви правъ и привилегій въ разсужденіи духовнаго суда до 1700 года“ (рукопись Александроневской академіи № 131).

интересъ только историческій: авторъ называетъ всего 33 собора ¹⁾, и много иныхъ были ему совершенно неизвѣстны ²⁾.

Диссертация, прочитанная студентомъ Лавровымъ — О соборномъ дѣяніи 1157 года на еретика Мартина, любопытна прежде всего какъ страница изъ нашего раскола. Въ 1718 г. знаменитый своею борьбою со старообрядцами Питиримъ, епископъ Нижегородскій, обнародовалъ Соборное Дѣяніе на этого Мартина. Первоначально самому ему стало оно извѣстнымъ по списку, полученному, какъ онъ заявлялъ, отъ покойнаго Димитрія Ростовскаго, а позже по болѣе древнему и отысканному въ Николаевскомъ Пустынномъ монастырѣ, въ Кіевѣ, по каковому оно и было напечатано ³⁾.

Въ этомъ дѣяніи ⁴⁾ излагалась сущность Мартиновой ереси, преніе, происходившее на соборѣ, и посланіе патріарха, на судъ которому отправили Мартина. Далѣе говорилось, что хотя послѣдній и отрекся отъ восемнадцати своихъ мнѣній, за то упорно отстаивалъ остальные два ⁵⁾.

Почти тотчасъ по обнародованіи, Соборное Дѣяніе было заподозрено старообрядцами, какъ подложное. Вопросъ о его достовѣрности былъ принятъ ими очень близко, такъ какъ, опираясь на него, епископъ Питиримъ доказывалъ, что еще въ XII в. сугубая аллилуія и двуперстное знаменіе креста были преданы анаемѣ, какъ соборомъ русскихъ іерарховъ, такъ и церковью Константинопольскою. Не замедлило поэтому явиться опроверженіе, авторомъ котораго былъ из-

¹⁾ 1051, 1147, 1157, 1168, 1169 (или 1171), 1284, 1313, 1347, 1401, 1416, 1441, 1490 (или 1491), 1492, 1503, 1551, 1589, 1594, 1619, 1621, 1640, 1649, 1654, 1655, 1665, 1666, 1667, 1674, 1678, 1682, 1685, 1698, 1714 и 1720 гг.

²⁾ Напримѣръ, 991, 996, 1004, 1072, 1089, 1091, 1113, 1115, 1157 (какъ суда надъ еп. Несторомъ), 1162, 1627, 1628, 1629, 1691, и 1708 гг. Указываемъ на эти соборы по статьѣ *И. И. Малышевскаго*, Кіевскіе церковные соборы. *Труды Кіевск. Духовн. Акад.* 1884, № 12. Впрочемъ черезъ какихъ-нибудь 3—4 года Евгенийъ могъ уже отнѣтить соборы 1390, 1414, 1447, 1509, 1555, 1564, 1567, 1572, 1581, 1596, 1613, 1620, 1656, 1660, 1668, 1672, 1675 и 1698 (2-й) гг. (Исторія рос. іерарх., часть I (М. 1807), стр. 263—273). Однако и тогда ему оставались еще неизвѣстными соборы 1379, 1454, 1469 и 1527 гг. (Историч. изслѣдованіе о соборахъ (изъ бумагъ прот. *І. Григоровича*), Лѣтопись занят. археогр. комисс., вып. 2-й, стр. 25—53).

³⁾ Сказаніе о взысканіи и печатномъ изданіи книги сей (Соборнаго Дѣяніа), въ приложеніи къ Прашицѣ Духовной, изд. 1726 г., лист. 7—8.

⁴⁾ Цитуемъ по изд. 1726 г., приложеніе къ Прашицѣ Духовной, лист. 11—28.

⁵⁾ Прозваніе въ *І. Христѣ* единого естества и то, что Спаситель плоть съ неба снесъ (то-есть, не отъ Дѣвы Маріа воплотился).

вѣстный Андрей Денисовъ, „мужъ ученый и церковнаго писанія премного начитанный“, по выраженію его единомышленниковъ ¹⁾.

Подложность Дѣянія онъ доказывалъ цѣлымъ рядомъ остроумныхъ соображеній, и прежде всего полнымъ молчаніемъ о соборѣ нашихъ лѣтописей, хронографовъ, Степенной книги, Житія митрополита Константина, по инициативѣ и подъ предсѣдательствомъ котораго и самый соборъ состоялся; такимъ же молчаніемъ „Розыска о брянской вѣрѣ“ и позднѣйшихъ русскихъ соборовъ, обсуждавшихъ перстосложеніе. Кромѣ того, страннымъ казалось ему и отсутствіе подписей архіереевъ, участниковъ собора, полная неизвѣстность слова Софронія и тѣхъ поученій митрополитовъ Михаила и Θεопемпта, на которыя ссылается Дѣяніе; подозрительнымъ считалъ онъ подпись: „господинъ митрополитъ Константинъ“, вмѣсто обычной: „смиранный митрополитъ, имарекъ“, и наконецъ то, что Ростиславъ Мстиславичъ въ 1157 г. не только не сидѣлъ въ Кіевѣ, но что и митрополитъ Константинъ никогда не былъ въ стольномъ городѣ при немъ. Соборное Дѣяніе первоначально появилось въ рукописномъ спискѣ, а потомъ напечатано по харатейному кievскому экземпляру. Денисовъ находитъ между ними разночтенія, необъяснимыя одними описками или обмолвками: различіе въ датахъ встрѣчается не разъ, оказываются пропуски цѣлыхъ фразъ, отличія въ языкѣ и т. п. И эти пропуски не въ позднѣйшемъ спискѣ, а именно въ харатейномъ, якобы болѣе древнемъ. Другія странности, указанныя Денисовымъ, были: хронологія отъ Р. Хр., а не отъ сотворенія міра; слова и выраженія, по духу близкія языку не XII вѣка, а болѣе поздному; изъ 20 еретическихъ положеній Мартина соборъ оспариваетъ съ особенной обстоятельностью сугубую алилуію и двуперстное сложеніе, такъ что „тщаніе писавшаго дѣяніе показуется не тако на Мартинова преданія, якоже вящшими словесы ратующее на нынѣшнихъ старовѣрцевъ стояніе“ ²⁾.

¹⁾ Поморскіе ѿвѣты. Напечатаны въ Мануйловскомъ Никольскомъ монастырѣ 1874 года, предисловіе, стр. VII. П. И. Мельниковъ, однако, авторомъ опроверженія называетъ дьякона Александра. См. его „Записку о русскомъ расколѣ“ въ *Международной Библіотекѣ*, т. XXVII (Лейпцигъ, 1882), стр. 74. Быть можетъ, мнѣніе *Александра Бравковича*, по которому дьяконъ Александръ былъ только передаточнымъ лицомъ (Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками, II, 139), примирить это противорѣчіе. Евгенийъ авторами считаетъ обонхъ братьевъ Денисовыхъ, Андрея и Семена (Разсужденіе о Соборномъ Дѣяніи, 15).

²⁾ Поморскіе ѿвѣты, стр. 57—68. Сравни также описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русск. раскольниками въ пользу раскола, II, 246—254.

Нельзя не согласиться съ высказаннымъ мнѣніемъ, что „раскольники русскую исторію, русскій языкъ и русскую палеографію знали несравненно лучше составителей подложнаго документа“¹⁾. Дѣйствительно, сопоставляя оцѣнку Соборнаго Дѣянія, сдѣланную Денисовымъ, и возраженія Евгенія, невольно поражаетесь солидностью доводовъ, ясностью логики, сильнымъ анализомъ одного и гадательностью, натянутыми объясненіями, субъективизмомъ — другаго.

Евгенію прежде всего не нравится порядокъ изложенія въ трудѣ литературнаго противника, дѣленіе на „омышленія“ съ дробленіемъ ихъ на болѣе частныя возраженія; а потому онъ предлагаетъ свое, именно двѣ рубрики: 1) „разсмотрѣніе собора со стороны виѣшнихъ его обстоятельствъ“ и 2) разборъ Дѣянія „по внутреннему содержанию и качествамъ онаго“.

Первый пунктъ—полное молчаніе о соборѣ всѣхъ историческихъ документовъ—онъ опровергаетъ тѣмъ, что могли и не записать. Мало ли какое событіе, говоритъ онъ, въ одномъ памятникѣ отмѣчено, а въ другомъ пропущено! До 1800 г. никто не упоминалъ объ „Иронической пѣснѣ о походѣ на Половцевъ“, а между тѣмъ она существовала съ XII вѣка! Къ тому же основная Несторова лѣтопись составлялась съ 1157 года; продолжатель ея, игуменъ Нифонтъ, умеръ за годъ до созыва собора; послѣ него лѣтопись продолжалась въ разныхъ спискахъ за разъ нѣсколькими лицами, работавшими далеко не по одинаковой программѣ. Соборъ могъ быть тайнымъ, чтобы не оглашать ересь. Наконецъ, соборные списки могли пропасть, благодаря невгодамъ татарскихъ набѣговъ²⁾.

Удивленіе старообрядцевъ, какъ Константиново „Житіе“ могло умолчать о соборѣ, Евгенийъ считаетъ возможнымъ удовлетворить ссылкой на то, что оно взято изъ лѣтописца Печерскаго, то-есть, „изъ продолженій Несторовой лѣтописи“; къ тому же столь кратко, что такой пропускъ весьма возможенъ (стр. 23—24).

Если ни позднѣйшіе соборы, ни св. Димитрій Ростовскій, принимавшій столь близкое участіе въ обнародованіи Дѣянія, не упоми-

¹⁾ Мельниковъ въ упомянутой „Запискѣ“, стр. 74. Анализъ этого дѣянія „сдѣлалъ бы честь и современному археологу“. Ibidem.

²⁾ Разсужденіе о Соборномъ Дѣянїи, стр. 16—22. Любопытно, что когда Евгенію понадобилось отвергнуть авторитетность Стоглаваго собора, то онъ въ числѣ доводовъ привелъ такой: „ни одна извѣстная до нынѣ лѣтопись, ни хронографъ, ни даже Степенная книга о утвержденїи и ниже о бытїи сего собора не упоминаетъ“ (Истор. изслѣдованіе о соборахъ греко-р. церкви, стр. 15).

науть о немъ, то это легко объяснить тѣмъ, что соборы „имѣли предметомъ научить триперстному сложенію, а не повѣствовать о его злоупотребленіи“; Димитрію же не для чего было опираться на него, ибо о сложеніи перстовъ достаточно уже говорилось въ книгѣ Жезль, въ Увѣтѣ и въ Псалтиряхъ; къ тому же Ростовскій митрополитъ могъ быть не увѣренъ въ правильности находившагося у него въ рукахъ списка, да и въ Кіевѣ оно оставалось совершенно забытымъ (24—25).

Анализъ четвертаго пункта однороденъ съ приемами, примененными для отвѣта на первое возраженіе Денисова: упоминаемыя въ Дѣяніи Слово Софронія и поученія Михаила и Θεопемпта не дошли до насъ, потому что могли затеряться (27—28).

Пунктъ пятый выводитъ автора на ту же дорогу рискованныхъ догадокъ, гдѣ фундаментомъ одно шаткое „возможно“ и „могло быть“. Смуты 1154—1161 гг., когда столько князей поочередно захватывали столичный городъ, породили въ киевлянахъ недоумѣніе, кого считать своимъ княземъ; но, конечно, законнымъ въ глазахъ ихъ долженъ былъ оставаться Ростиславъ Мстиславичъ, ибо ему еще въ 1154 г. дана была присяга въ вѣрности по смерти (ссылка на лѣтопись Несторову по Кенигсб. списку, стр. 228, гдѣ сказано: „яко же братъ твой чтилъ Вячеслава, также и ты его чти, а до твоего живота Кіевъ“). Соперниковъ Ростислава: Юрія Долгорукаго и Изяслава Давыдовича киевляне не любили. Вотъ почему не надо удивляться, что въ Дѣяніи киевскимъ княземъ 1157 года названъ Ростиславъ, а не иной кто. Впрочемъ, оговаривается Евгенийъ, оно и не хотѣло сказать, будто Ростиславъ присутствовалъ на соборѣ, а замѣчаетъ только, что послѣдній состоялся при немъ, а это можно понимать такъ: „при жизни его“. Сверхъ всего, митрополитъ Константинъ въ прежніе годы, въ борьбѣ со своимъ соперникомъ Климентомъ Смолятичемъ, нашелъ энергическую поддержку въ Ростиславѣ, а потому „не удивительно, что... тѣмъ паче Ростислава могъ почитать единственно законнымъ великимъ княземъ, и его именемъ означить свое Соборное Дѣяніе“ (28—34).

Этимъ заканчиваетъ Евгенийъ разборъ „внѣшнихъ обстоятельствъ собора“ и переходитъ къ „внутреннему его содержанію“.

Разнорѣчія въ спискахъ харатейномъ и Ростовскаго митрополита объясняются тѣмъ, что ни тотъ, ни другой не были подлинниками (35—36); счетъ годовъ отъ Р. Хр. не долженъ смущать старообрядцевъ, ибо эта манера лѣтосчисленія начала вводиться въ Малороссіи

еще до XVII вѣка; „предрѣчія въ концѣ страницъ, такъ какъ и скоропись, правда, не есть обычай глубокой древности, однакожъ и то и другое стало входить въ употребленіе въ Европѣ съ начала XV в., а въ Малороссіи и даже отчасти въ Великой Россіи съ XVI вѣка“ (37); тѣмъ же объяснена и скоропись списка. „Что касается до смѣси славянскихъ съ російскими реченіями, въ семъ Дѣяніи замѣчаемой, то замѣтимъ и то, что кромѣ церковныхъ мы ни одной древней книги не имѣемъ чистой славянской. Сами писатели древнихъ русскихъ книгъ, въ употребленіи реченій не согласны; и мы ясное видимъ различіе между писаніями кіевскими, волынскими, новгородскими, московскими, бѣлорусскими и другими. Переписчики съ своей стороны каждый по разсужденію иногда бралъ вольность переправлять древній слогъ, и неудобопонятныя реченія перемѣнять на употребительнѣйшія. Отъ сего-то разнорѣчны у насъ всѣ списки, и, можетъ быть, ни одной мы не имѣемъ древней лѣтописи, ниже одной древней книги въ первоначальномъ ея видѣ“ (37—38).

Также мало убѣдительно и дальнѣйшія возраженія автора. Подъ актомъ нѣтъ подписей епископовъ — правда; но „то не могло статься, чтобы подлинное Соборное Дѣяніе на Мартина не было подписано всѣми присутствовавшими на соборѣ отцами“ (39). А что имена ихъ опущены, такъ, вѣроятно, составитель думалъ, что ихъ не надо выставлять или не имѣлъ подъ рукою вѣрнаго списка. Еще болѣе убѣждаетъ автора аналогичный случай на первомъ Никейскомъ соборѣ (39—40). На ту же личную увѣренность опирается онъ, говоря, что выраженіе „господинъ Константинъ“ есть непременно позднѣйшее искаженіе (40). Не хочетъ Евгенийъ видѣть и преднамѣренной антиципации въ обширныхъ толкованіяхъ Дѣянія на тему объ аллилуйи и двуперстии: Мартинъ самъ, по его мнѣнію, особенно выдѣлялъ этотъ вопросъ; къ тому же онъ возмутилъ соборъ преимущественно разногласіемъ въ этомъ пунктѣ (41).

Едва ли надобно доказывать всю неубѣдительность только-что приведенныхъ соображеній¹⁾. Недостаточное знакомство съ памятни-

¹⁾ Въ приемахъ своей критики авторъ „Разсужденія о соборномъ дѣяніи“ иногда прибѣгаетъ къ такимъ же объясненіямъ, какъ и еп. Питиримъ (напримѣръ, молчаніе памятниконъ еще не доказательство, чтобы не найти указаній въ другихъ), заимствуя у него нерѣдко историческіе примѣры (ссылки на соборы Стоглавыи и Кіевскій 1640 г.; почему св. Дмитрій молчитъ о Дѣяніи въ своемъ „Розыскѣ“). За то нѣкоторые вопросы старообрядцевъ оставлены Евгениемъ безъ отвѣтовъ, хотя послѣдніе онъ могъ бы найти у Питирима; очевидно, даже ему

ками старины, невыработанность критическихъ приемовъ облегчала желанію возможность отыскивать призрачныя подтвержденія. Но еще Карамзинъ отказывался вѣрить въ подлинность напечатаннаго Пятиримомъ текста¹⁾; тотъ фактъ, что объ оригиналѣ Дѣяній историографъ отозвался какъ о „запечатанномъ“²⁾, позволяетъ думать, что въ его время и св. синодъ не считалъ болѣе удобнымъ опираться на него. Эпоха преобразования, кажется, не особенно была разборчива въ средствахъ для борьбы. Въ карманной записной книжкѣ Петра Великаго сохранилась между прочимъ такая (собственноручная) замѣтка: „Чтобъ написать книгу о ханжахъ и изъяснить блаженства (кротость Давидову и прочее), что не такъ, какъ они думаютъ, и прилечь къ Требникамъ, а въ предисловіи явить то дѣльцомъ Ростовскаго, съ товарищи“³⁾.

Правда, и позже въ нашей литературѣ являлись попытки доказать существованіе собора 1157 года, но болѣею частью онѣ только повторяли доводы духовно-академической диссертациі и въ цѣломъ не прибавили ничего существеннаго въ пользу ея положеній⁴⁾. Большаго вниманія заслуживаетъ то, что объ этомъ соборѣ, какъ о существовавшемъ, говоритъ таковой ученый, какъ С. М. Соловьевъ⁵⁾; но, къ сожалѣнію, онъ не только не приводитъ основаній своего

они казались малоубѣдительными (напримѣръ, отчего св. Димитрій показалъ списокъ одному Пятириму, а тотъ его не обнародовалъ при жизни святителя?—епископъ Нижегородскій отвѣчалъ: не было подходящаго случая къ опубликованію; ему же сталъ списокъ извѣстенъ случайно, во время посѣщенія Ростовскаго преосвященнаго, когда и гость, и хозяинъ разговорились о расколѣ (Працаца, листы 169—172; 177—179. Сравни. Разсужденіе о соборн. дѣянїи, 16, 20, 21, 25—26.

¹⁾ II (изд. 2, 1819 г.) стр. 242, примѣч. 415.

²⁾ „Въ кожаной сумкѣ подъ печатью св. Синода“. (Указатель Московск. патр. библіотеки, архив. *Савем*, изд. 3-е 1858, стр. 253.

³⁾ *Голиковъ*, Дѣянїи Петра В., изд. 2-е, XI, 493.

⁴⁾ *Н. Т. . . .*, О соборахъ, бывшихъ въ Россїи (С.-Пб. 1829), стр. 24—41 и прим. 43. Архїеп. *Ипатій*, Исторїя о расколахъ въ церкви російской. (С.-Пб. 1849), стр. 24—27, 217—236. Въ новомъ посмертномъ изданїи, (С.-Пб. 1862, на обложкѣ 1863), стр. 23—28, 205—225, авторъ даже развилъ нѣкоторыя изъ своихъ положеній и по прежнему считалъ возможнымъ отстаивать ихъ.—*Н. Руднево* (Разсужденіе о ересьхъ и расколахъ. М. 1838) говоритъ о Соборномъ Дѣянїи, какъ о безспорномъ фактѣ, опираясь на изслѣдованія 1804 и 1829 гг., предоставляя впрочемъ „времени раскрыть и подтвердить всѣ подробности исторїи“ *Мартина* (стр. 60—67 и стр. 20—21 (втор. пагин.). Безъ всякихъ оговорокъ и въ „Историч. изслѣдованїи о соборахъ“, напечат. въ *Лѣтописи занятїи архїеоп. комиссіи*, вып. 2-й, стр. 28—29.

⁵⁾ Исторїя Россїи, III (М. 1870), 66.

миѣнія, но и не сообщаетъ, на чемъ опирался въ данномъ случаѣ.

Въ ряду защитниковъ собора стоитъ и преосв. Макарій ¹⁾. Опираясь на книгу архіепископа Игнатія, онъ добавляетъ еще два доказательства: въ сочиненіи Андроника, игумена Углицкаго монастыря, писанномъ въ 1713 г., приводятся выдержки изъ Соборнаго Дѣянія ²⁾; а въ концѣ XVII в. униаты въ окружномъ посланіи къ православнымъ, укоряя церковь русскую, прямо говорятъ о ереси армянскаго монаха Мартина ³⁾. На это однако можно возразить, во-первыхъ, что въ выдержкахъ, приведенныхъ Востоковымъ, идетъ рѣчь только о поученіяхъ и перстосложеніи митрополитовъ Михаила и Θεопемита, но ни слова о Мартинѣ. Споры же о перстосложеніи могли возникнуть безъ всякаго отношенія къ Мартиновой ереси, и послѣ, и раньше 1157 г. Въ современной историко-церковной литературѣ нашей все болѣе и болѣе устанавливается убѣжденіе, что столкновение возрѣній на знаменованіе креста возникло далеко раньше XVII вѣка ⁴⁾. Что же касается до окружнаго посланія 1596 г., то вотъ мѣсто, относящееся до нашего вопроса: „А московское христіанство, бывши намъ тежъ единовѣрными, заразилось съ давнихъ лѣтъ расколомъ стригольщины, отъ жидовъ произшедшимъ, и ересью, недавно внесенною отъ армянскаго мниха Мартина, въ Константинополь осужденнаго и въ Кіевѣ всенародно сожженнаго“ ⁵⁾. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза выраженіе „недавно“; проповѣдь Мартина по времени поставлена позже стригольнической; кромѣ того, сожженіе Мартина, судя по тексту Соборнаго Дѣянія, совершилось не въ Кіевѣ, а въ Царьградѣ ⁶⁾.

Все это, вмѣстѣ съ полнымъ отсутствіемъ указаній у Маркевича на происхожденіе его источниковъ, не даетъ намъ права дѣлать изъ окружнаго посланія тѣхъ выводовъ, къ какимъ пришелъ преосв. Ма-

¹⁾ Исторія русскаго раскола, изд. 2-е, стр. 1—2.

²⁾ *Востоковъ*, Описаніе Румянц. музея, № 7, стр. 1—101.

³⁾ *Маркевичъ*, Исторія Малороссіи; I, 83.

⁴⁾ *Н. Калтереъ*, Патріархъ Никонъ и его противники, выпускъ I; вся глава IV, и особенно стр. 80, 86.

⁵⁾ *Маркевичъ*, I, 83.

⁶⁾ „Константинь же митрополитъ со всѣмъ соборомъ еретика мниха Мартина предаша анаемѣ..... Посемъ отслаша..... въ цареградскому патріарху..... Священный же патріархъ... врачевалъ же его многая, но той не покоряшеса... Патріархъ же осуди Мартина огнесожженію“. (Пращца Духовная, изд. 1726 г., приложеніе, лист. 27 обор.).

карій, тѣмъ болѣе, что можно указать не мало литературныхъ именъ, поставившихъ себя отрицательно къ собору 1157 г.

Такъ совершенно молчатъ о немъ: архіепископъ Филаретъ ¹⁾, М. П. Погодинъ ²⁾, П. В. Знаменскій ³⁾, И. И. Малышевскій ⁴⁾; на сторонѣ Карамзина заявилъ себя К. Н. Бестужевъ-Рюминъ ⁵⁾. Въ новѣйшее время мы не встрѣчаемъ ссылокъ на Дѣяніе 1157 г. даже въ статьяхъ, въ которыхъ, судя по ихъ тону, всего естественнѣе было бы ждать этого упоминанія ⁶⁾. Точно также и среди горячей полемики, противники раскола не считаютъ уже болѣе удобнымъ опираться на этотъ документъ ⁷⁾. Съ другой стороны, такой авторитетный знатокъ раскола, какъ П. И. Мельниковъ всегда признавалъ Соборное Дѣяніе подложнымъ ⁸⁾. Не менѣе энергично полемизируетъ съ нимъ и Е. Е. Голубинскій ⁹⁾.

Впрочемъ, много лѣтъ спустя послѣ академической работы и самъ Евгенийъ измѣнилъ свой взглядъ. Въ „Описаніи Кіево-Софійскаго собора“ онъ знаменательно выражается: „При книгѣ Пращица, сочин. Питиримомъ, епископомъ нижегородскимъ, находится Соборное Дѣяніе, бывшее якобы на нѣкоего еретика Мартина армянина въ Кіевѣ 1157 при семь митрополитѣхъ (Константинѣхъ). Но раскольники оспариваютъ бытіе сего собора“ ¹⁰⁾. И только! Молчаніе знаменательное. Въ Словарѣ же писателей духовнаго чина, при біографіи еп. Питирима, можно думать, что бібліографическая добросовѣстность заставила его, говоря о содержаніи Пращицы, упомянуть и о Собор-

¹⁾ Исторія русск. церкви, изд. 4 (1862), ч. I, стр. 52.

²⁾ Древняя русск. исторія до Монгольск. вѣга, II, 932.

³⁾ Руководство къ русск. церковной исторіи, изданія 1870 и 1886 гг.

⁴⁾ Кіевскіе церковные соборы. *Труды Кіевск. Духовн. Акад.* 1884. № 12.

⁵⁾ Біографіи и характеристики, стр. 228. Сравни его молчаніе о соборѣ въ Русск. Истор. I, 238.

⁶⁾ *А. С.—овъ*, Поморскіе отвѣты (бібліографическій очеркъ). *Библ. для Чителія* 1864, № 10 и 11.

⁷⁾ Игум. *Ларсеній*, Книга, возобличеніе на Поморскіе отвѣты Андрея Денисова съ сотрудниками. Сравни Стр. 6—9. Свящ. *И. Виноградовъ*, О Феодоритовомъ словѣ. Опытъ бібліографич. изслѣдованія о двушерстіи. Сравни главу пятую и стр. 166—170.

⁸⁾ Упомянутая выше „Записка о русскомъ расколѣ“, стр. 74—76. Письма о расколѣ. (С.-Пб. 1862), стр. 63.

⁹⁾ Исторія Русской церкви, т. I, вторая половина, стр. 688—689. Академикъ Пекарскій мнѣнія своего не высказываетъ, ограничиваясь однимъ сведомъ извѣстныхъ ему взглядовъ (Наука и Литер. II, 401—402).

¹⁰⁾ Описаніе собора, 78.

номъ Дѣяній, да и то мимоходомъ, какъ бы нехоти ¹⁾. Но въ 1807 и даже 1812—1814 гг. онъ еще всецѣло стоитъ на почвѣ прежняго мнѣнія ²⁾.

Не будемъ удивляться высказаннымъ соображеніямъ Евгенія. Не-выработанность критики, преобладающая тогда точка зрѣнія на расколъ легко могли привести къ подобнымъ выводамъ. Замѣтимъ, что помимо общихъ условій, авторъ „Исслѣдованія о соборѣ“ находилъ себѣ авторитетную поддержку въ современной ему богословской литературѣ. Пресвѣщ. Никифоръ, преемникъ Евгенія Булгара на славянской кафедрѣ, позже архіепископъ Астраханскій, еще въ 1780 г. въ „Окружномъ посланіи къ старообрядцамъ“ не только стоялъ на точкѣ зрѣнія еп. Питирима, но и подкрѣплялъ его новыми доказательствами. Онъ говорилъ: „О семъ синодѣ (то-есть, соборѣ 1157 г.) пишетъ Іоаннъ Киннамъ въ 6 книгѣ исторіи, и Никита Хоніатъ, въ книгѣ 7 исторіи императора Мануила Комнина; а дѣянія онаго собора рукописныя даже до сихъ поръ находятся въ Римѣ въ библиотекѣ Ватиканской, почеркомъ презрѣннымъ начертанныя и собственно-ручнымъ подписаніемъ епископовъ утвержденныя, какъ свидѣтельствуєтъ очевидный свидѣтель Аллатій въ своей книгѣ, нарицаемой: Безперерывное восточной и западной церкви согласіе“ ³⁾.

¹⁾ Словарь изд. 1818, стр. 544; изд. 1827, т. II, стр. 173—174.

²⁾ Исторія російск. іерархіи, I, 263. Исторія Славяно-русской церкви. Рукопись Кіево-сов. библиот. № 158, парагр. 43.

³⁾ ОѢВѢТЫ ПРЕОСВ. НИКИФОРА. М. ꙗѢѢГІ, стран. Д. Сравни. стр. сѢС. Книга должна была быть известна Евгенію: первыя изданія ея вышли въ 1800 и 1803 гг. (Словарь духовн. писателей, 2-е изд., II, 101), авторъ ея былъ лицо близкое еписк. Булгару (сравни. ОѢВѢТЫ по изд. 1813, предисловіе, стр. 2, 4), а съ послѣднимъ, въ это время жившимъ въ Александровской Лаврѣ (Словарь духовн. писат., 2-е изд. I, 180), Евгеній поддерживалъ постоянныя сношенія (Письмо Малехонцу № 10; Матеріалы для Словаря (Древн. Погод.). Сравни. Сборн. 2-ю отд. Акад. Наукъ, V, 1, стр. 266, № 151). Весьма возможно, что Е. Булгаръ, какъ болѣе знакомый съ иностранной богословской литературой, предостерегъ нашего автора отъ соблазна повторить указанія архіепа. Никифора.— Въ рѣчи своей (Разсужд. о соборѣ. дѣяній, 14—15) Евгеній вскользь замѣтилъ, что еще въ 1771 г. при открытіи Вольнаго Російскаго Собранія Г. Ф. Миллеръ предложилъ задачу—защитить Соборное Дѣяніе отъ нападокъ раскольниковъ, и что таковую принялъ протоіерей Петръ Алексѣевъ, разрѣшивъ ее впрочемъ „столь кратко, что рѣшеніе сіе не для всѣхъ, а особливо противниковъ, можетъ казаться достаточнымъ отвѣтомъ“. Однако въ рѣчи Миллера, открывшей засѣданія Вольнаго Собранія (*Опытъ трудовъ Вол. Російск. Собр.*, томъ I), ничего не сказано объ этомъ предложеніи, и только въ перечнѣ трудовъ историограва

ЧАСТЬ ССЛУИ, ОТД. 2. 11

Актовая рѣчь, прочитанная племянникомъ Евгенія, Алексѣемъ Болховскимъ, вводитъ насъ въ интересную область литературнаго противодѣйствія католичеству въ XVII вѣкѣ со стороны южно-русскаго духовенства. Знаменитый стоятель православныхъ интересовъ, Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, спѣшилъ отразить сыпавшіяся въ его время отовсюду нападки на русскую церковь и составилъ съ этою цѣлью „Православное исповѣданіе вѣры“. Сочиненіе Евгенія посвящено всестороннему обзору этого послѣдняго.

Безъ труда опровергая мнѣнія нѣмецкихъ богослововъ, утверждавшихъ, что появленіе „Исповѣданія“ вызвано было желаніемъ создать противовѣсъ „кальвиномудренной“ книгѣ Константинопольскаго патріарха Кирилла Лукара (подъ тѣмъ же заглавіемъ: „Исповѣданіе“, 1629), и доказывая свой тезисъ тѣмъ, что нигдѣ на это нѣтъ вѣрныхъ указаній, тѣмъ болѣе, что и Лукару она приписывается вполне неосновательно,—авторъ, на оборотъ, существенною причиною появленія „Православнаго Исповѣданія“ видитъ въ необходимости самозащиты отъ католиковъ и униатовъ. Опорой ему въ этомъ случаѣ служатъ слова патріарха Адріана въ предисловіи къ сочиненію Могилы, а еще болѣе заявленіе самого Кіевскаго митрополита въ предисловіи къ другимъ трудамъ („Катехизису“ и „Требнику“) (стр. 9—15).

На соборѣ въ Яссахъ 1643 г., продолжаетъ Евгеній,—книгу Могилы встрѣтили сочувственно, хотя и пришлось предварительно очистить ее отъ нѣкоторыхъ „неправославныхъ мнѣній и новизнъ“. „Толико-то“, замѣчаетъ онъ по этому случаю,—„трудно было даже и просвѣщеннымъ, мудрымъ пастырямъ кіевскія іерархіи явно самимъ собою противостати всеобщимъ современникамъ своихъ ошибочнымъ мнѣніямъ!“ (стр. 17).

(*Пекарскій*, Истор. Акад. Наукъ, I, 430) упоминаютъ рукописное „Извѣстіе объ изданныхъ противъ раскольниковъ книгахъ: Узвѣтъ духовномъ, Працицѣ и Возраженіи“. И въ бумагахъ митр. Евгенія есть „Возраженіе раскольниковъ на соборъ кіевскій о Мартинѣ еретикѣ“, про которое рукою Евгенія замѣчено, что это „задача, предложенная Миллеромъ Вольному Россійскому Собранію въ Москвѣ“ (Рукопись Кіево-сое. библ. № 593, статья № 16). Чтѣ именно написалъ Алексѣевъ—неизвѣстно. Сохранилось только указаніе на составленное имъ „Краткое начертаніе исторіи грекороссійскія церкви“ (рукопись), содержащее между прочимъ цѣлую статью „О соборѣ на еретика Мартина“ (*Чертковъ*, Всеобщая бібліотека Россіи, прибавленіе второе, стр. 438). Можно сказать навѣрно, что Пекарскій (*Наука и литер.* II, 402) о предложеніи Миллера и о работѣ прот. Алексѣева говорить только со словъ Евгенія (Сравн. Разсуд. о соборн. дѣяніи, 14—15).

Спорный вопросъ о языкѣ „Православнаго исповѣданія“ рѣшается въ пользу греческаго и латинскаго. Именно по-гречески и по латыни представлено было сочиненіе Могилы Ясскому собору. Русскій и вообще славянскій языкъ не понятенъ былъ восточнымъ патріархамъ и остальнымъ членамъ этого собора; поэтому ошибочно мнѣніе тѣхъ ¹⁾, кто полагалъ, что книга первоначально писалась по русски. Но ошибается и Гофманъ ²⁾, думая, что послѣ соборнаго одобренія Могила перевелъ свой трудъ на русскій языкъ. Будь это такъ, то для чего понадобилось бы вновь переводить при патріархѣ Адріанѣ? Очевидно, намѣреніе свое—дать русскій текстъ Петръ не успѣлъ исполнить за скорою смертью (стр. 18—20).

Далѣе слѣдуетъ обзоръ изданій и переводовъ книги (20—27), очень тщательный, но впрочемъ не идущій далѣе опредѣленія—по предисловіямъ—внѣшней исторіи этихъ изданій ³⁾; и наконецъ, сведены свидѣтельства духовныхъ лицъ и писателей въ доказательство важнаго значенія и несомнѣнной цѣнности труда Кіевского митрополита, что вмѣстѣ съ тѣмъ заставляеть автора коснуться и противоположныхъ этому мнѣній.

Разобранная нами актовая рѣчь съ выгодой для себя выдѣляется среди остальныхъ желаніемъ возможно полнѣе исчерпать затронутую тему, хотя, конечно, въ предѣлахъ, доступныхъ пониманію своего вѣка ⁴⁾. Распредѣленіе матеріала чрезвычайно просто и наглядно. Впрочемъ, послѣднее—обычная черта работъ Евгенія, зависѣвшая сколько отъ свойства его ума, яснаго и анализирующаго, столько же и отъ характера самыхъ работъ. Мы еще не упомянули о томъ, что въ самомъ началѣ своего изслѣдованія, авторъ установилъ принадлежность книги Петру Могилѣ и мимоходомъ только упомянулъ о писателяхъ, отнимавшихъ это авторство у Кіевского митрополита. Для Евгенія вопросъ представляется неопровержимымъ, тѣмъ болѣе,

¹⁾ Du Fresne in *Glossariis suis atque indice auctorum*, sub voce *Ma*; патр. Нестарій въ грамотѣ 1662 года. (Смысла Евгенія, стр. 19).

²⁾ Hoffmann in *Historia Catechismi Russorum* (смысла Евгенія, стр. 19).

³⁾ Евгеній, напримѣръ, оставилъ совѣзмъ въ сторону вопросъ о причинахъ разнорѣчій въ существующихъ изданіяхъ, вопросъ, обратившій на себя вниманіе еще въ XVII в. нашихъ учевыхъ богослововъ. См. *Пекарскій*, Представители кіевской учености въ половинѣ XVII столѣтія. *Отч. Зап.* 1862 г. № 3, стр. 218.

⁴⁾ „О сочинителѣ книги“; „о поводѣ къ сочиненію“; „о споспѣшникахъ въ сочиненіи и исправленіи книги“; „о различныхъ названіяхъ книги“; „о языкѣ, на которомъ сочинена книга“; „о различныхъ изданіяхъ и переводахъ“; „о важности и достоинствахъ книги“.

что „въ Россійской церкви никогда не было сомнѣнія о томъ, что сочинитель сея книги есть преосвященный Кіевскій митрополитъ Петръ Могила“ (стр. 6). Однако впоследствии онъ отказался отъ этого взгляда ¹⁾. Въ „Описанія Кіево-Софійскаго собора и кіевской іерархіи“ ²⁾ и въ „Словарѣ писателей духовнаго чина“ ³⁾ авторомъ „Православнаго исповѣданія“ названъ игуменъ Исаія Трофимовичъ Ковловскій. Евгенийъ только не сообщилъ, что заставило его измѣнить прежнее мнѣніе.

На сколько способенъ былъ Евгенийъ и самое бездѣлье превращать въ дѣло и отдыхъ свой сливать съ работами литературнаго характера, можно видѣть изъ одного небольшого сочиненія, авторомъ котораго въ это время сдѣлался онъ совершенно неожиданно для самого себя. Въ половинѣ мая 1802 года онъ пишетъ Македонцу: „Дома я по пустынночически живу, никуда вонъ ногою. Провожу только иногда вечера съ грузинскимъ преосвящ. Варлаамомъ—и знаете ли, что изъ этихъ вечернихъ у меня съ нимъ времяпрепровожденій вышло? Онъ мнѣ разказывалъ да разказывалъ про Грузію, а я слушалъ да слушалъ, да на усъ себѣ моталъ, а тамъ якъ присѣвъ писать, ажъ смотрю, уже цѣлая книга о Грузіи маранья скопилась. Прочелъ владыкѣ Варлааму—онъ ажъ изумился, и ну пополнять, поправлять, съ находящимися здѣсь грузинскими князьями совѣтоваться и спрашиваться. Попросилъ я помощи и отъ Бантыша-Каменскаго. Онъ все любопытное изъ своего гнѣзда мнѣ сообщилъ. Вотъ и книга. Показалъ митрополиту. Одобрено, велѣно напечатать и теперь уже подъ тисками. Два листа уже отпечатаны. Мы съ Грузинскимъ сами хохочемъ, что изъ шутокъ вышла книга. Названіе ея есть слѣдующее: Историческое изображеніе Грузіи въ политическомъ, церковномъ и учебномъ ея отношеніи. Просимъ не погнѣваться: вы скоро ее читать будете. Тамъ увидите и по грузински Отче нашъ и нѣсколько стиховъ. И все это писалъ человекъ ни слова по грузински незнающій и отъ роду Грузин не выдавшій“ ⁴⁾.

Какъ извѣстно, незадолго передъ этимъ Грузія вошла въ составъ Русскаго государства ⁵⁾; новопріобрѣтенною страню въ петербург-

¹⁾ Это замѣтилъ еще арх. Филаретъ (Обзоръ русской духовной литературы, изд. 3-е, стр. 442.

²⁾ К. 1825, стр. 175—176.

³⁾ С.-Пб. 1827 г., стр. 159—161.

⁴⁾ Письмо Македонцу 13-го мая 1802 г. № 33.

⁵⁾ Полное Соб. Зав. т. XXVI, стр. 781. № 20007, указъ 12-го сентября 1801 г.

скомъ обществѣ, конечно, интересовались; Евгенія же, видимо, занимала мысль написать книгу о малоизвѣстномъ народѣ, и написать при такихъ необычныхъ условіяхъ. Трудъ неспеціальный, способный заинтересовать не однихъ спеціалистовъ, онъ льстилъ самолюбію автора. Не удивительно, что работа спорилась ¹⁾: еще въ половинѣ іюля 1802 года изданіе было вполнѣ окончено ²⁾. Однако авторъ скрылъ себя отъ публики и не выставилъ даже своихъ инициалъ.

Въ предисловіи онъ оправдываетъ появленіе своей книги неудовлетворительностью доселѣ существовавшихъ, преимущественно французскихъ, сочиненій о Грузіи. „Въ ихъ описаніи, говоритъ онъ, очень часто Грузія представляется такою, какою она давно уже перестала быть; а въ иныхъ такою, какою она никогда не бывала“. Между тѣмъ его Историческое изображеніе „почерпнуто не изъ иностранныхъ европейскихъ путешественниковъ, но изъ оригинальныхъ источниковъ, большею частью сообщенныхъ отъ пребывающихъ нынѣ въ Санктпетербургѣ грузинскихъ посланниковъ и депутатовъ“.

* Эти „оригинальные источники“ можно опредѣлить нѣсколько точнѣе по сохранившимся черновымъ бумагамъ Евгенія. Въ числѣ рукописей Кіево-софійской бібліотеки находится сборникъ, озаглавленный самимъ Евгеніемъ: „Записки, принадлежащія къ исторіи о Грузіи“; онъ содержитъ свѣдѣнія и документы разнообразнаго содержанія, и они-то частью вошли въ „Изображеніе“ ³⁾. Впрочемъ и въ

¹⁾ Упомянутый въ письмѣ Евгенія преосв. Варлаамъ былъ, кажется, личною ничтожною, во всемъ обязанный митр. Амвросію (письмо Македонцу № 15. Сравни рѣзкій отзывъ о немъ въ Запискахъ Яковлева. Памятникъ Новой Русск. Исторіи III, 102); послѣднее обстоятельство впрочемъ только облегчало александроневскому проекту составленіе книги. Къ тому же и помѣщеніе грузинскому архіерею отведено было въ Лаврѣ (Евгеніевск. Сборникъ, 150), чѣмъ и объясняется возможность Евгенію проводить съ нимъ „вечера“. Что же касается до упоминаемыхъ въ текстѣ „грузинскихъ князей“, то это были Багратъ, Іоаннъ и Михаилъ, выждавшіе себѣ пенсіи отъ русскаго правительства. П. С. Зап., XXVII, стр. 231, № 20386, 26 авг. 1802 г.

²⁾ Письмо Македонцу № 35.

³⁾ 1) „Краткое описаніе Грузіи“ (1½ листа)—данныя по топографіи и этнографіи края; 2) „о царствѣ Карталинскомъ“ (1 л.)—перечень семи главъ, рукою Евгенія; 3) не озаглавленный очеркъ вѣтшней, преимущественно дипломатической, исторіи Грузіи (сношенія съ Россіей) за 1586—1783 гг. (9 лист.); 4) грамота ц. Алексѣя Михаил. 12 февр. 1674 г. грузинскому царевичу Николаю Давыдовичу (5 лист.); 5) о службѣ архіепископа Алавердейскаго, по даннымъ ипатскаго архимандр. Іосифа, посланнаго въ Грузію въ 1637 г. вмѣстѣ съ кн. Волконскимъ „для разсмотрѣнія вѣры и церковныхъ обрядовъ“ (2 л.); 6) преимуще-

самой книгѣ даны непосредственныя указанія на этотъ счетъ. На страницѣ 5, приступая къ обзору грузинской исторіи, Евгенийъ говоритъ: „Вотъ вкратцѣ содержаніе сихъ лѣтописей (грузинскихъ), съ дополненіемъ по мѣстамъ изъ другихъ современныхъ историковъ и, наконецъ, изъ російской дипломатической исторіи“. Ссылки на эти лѣтописи разбросаны по всей книгѣ ¹⁾; къ „современнымъ“ историкамъ составитель, очевидно, относилъ византіяца Прокопія ²⁾, Руффина ³⁾, путешественника В. Г. Барскаго ⁴⁾, Арсенія Суханова съ его

ѣтва католикоса надъ другими высшими духовными лицами Грузіи (2 л.); 7) сжатый набросокъ историческихъ событій Грузіи съ XII в. до конца XVIII стол.—безъ заглавія, рукою Евгенія (1½ л.); 8) перечень книгъ, переведенныхъ по-грузински (1 стран.)—безъ заглавія, рукою Евгенія; 9) „о стихахъ“ (2½ л.)—о стихосложеніи, съ нотами, частью рукою Евгенія; 10) инструкція русскаго правительства главнокомандующему объ управленіи Грузією (¼ стран.)—безъ заглавія и безъ даты; 11) записка Коваленскаго (28 л.)—о положеніи дѣлъ въ Грузіи въ 1800 году; 12) собственноручный черновой переводъ Евгенія рецензій Шледера на его книгу въ „Ученыхъ Геттингенскихъ Вѣдомостяхъ“ (*Göttingische gelehrte Anzeigen*, den 12 März 1803) (8 лст.); 13) „переводъ изъ собранія Російской исторіи, 4-й книги, изъ 2-хъ частей, въ С.-Пб., 1760 года, при Импер. Академіи Наукъ напечатанной“ (7½ лст.)—переводъ стр. 86—89 (о Кахетин), 148—156 (о лезгинахъ, абхазахъ и синдахъ) и 402—410 (о торскихъ казакахъ) *Sammlung Russischer Geschichte*, Bnd. IV. Ниже мы увидимъ, какъ началъ Евгенийъ на эту книгу; и 14) „проектъ обряда погребенія тѣла адвоствующей грузинской царицы Даріи 1807 года“ (6 лст.)—(Рукопись Кіево-соф. библ., № 559, folio).—Записка Коваленскаго — „Свѣдѣнія, пріобрѣтенныя е. и. в. министрами въ Грузіи и повѣренными въ дѣлахъ въ Персіи статс. совѣт. Коваленскимъ, по бытности при семъ постѣ, и преподанныя по Всевысочайшему е. и. в. къ нему рескрипту, г. ген.-маіору Лазареву къ руководству дѣлъ на него возложенныхъ. Въ Тифлисѣ, октября 28 дня 1800 г.“—на-было переписанный экземпляръ съ слѣдующей собственноручной припиской Коваленскаго: „Что сія копія съ подлинникомъ вѣрна, и что таковыя же свѣдѣнія съ пріобщеніемъ изустныхъ объясненій по разнымъ предметамъ высочайшей службы преподаны и его превосходительству господину генералу-лейтенанту, Астраханскому военному губернатору и кавалеру Карлу Ѳеодоровичу Кноррингу, который не оставилъ изъявить за то своей благодарности, въ томъ свѣдѣтельствую. Статскій совѣтникъ Пётръ Коваленскій“. Записку эту напечаталъ Берге въ Кавказскомъ календарѣ на 1864 годъ, стр. 183—213 и въ Актахъ Кавказск. археогр. комиссіи, 1, 111—124; но ни тамъ, ни тутъ, не указано, что она предназначалась въ руководство Лазареву и Кноррингу.

¹⁾ Историческое изображеніе Грузіи, стр. 2, 5, 10, 15, 47, 50, 65.

²⁾ Ibidem, стр. 5, 11, 12.

³⁾ Ibidem, стр. 46—50.

⁴⁾ Ibidem, стр. 15, 54—55.

Проскинитаріємъ ¹⁾; есть ссылки и на классическихъ писателей ²⁾. Не разъ встрѣчаются выраженія въ родѣ: „до нынѣ сохраняются“, „употребляются до нынѣ“ и т. п. ³⁾. Очевидно, и „грузинскія лѣтописи“, и житіе св. Новны ⁴⁾, и предисловія къ Библии 1743 года ⁵⁾, и къ словарю ⁶⁾, и выписка изъ грамматики ⁷⁾ — все это, какъ писанное по грузински, могло стать доступнымъ Евгенію только съ помощью постороннихъ лицъ. За книгой нельзя не признать извѣстной свѣжести сообщаемыхъ извѣстій ⁸⁾.

Содержаніе ея ⁹⁾ вполне соответствуетъ заглавію: „Изображеніе“ совершенно молчитъ о топографіи края, о бытовой сторонѣ жизни, и вообще игнорируетъ данныя статистическія.

Историческій очеркъ (гл. I), начиная, разумѣется, съ самыхъ отдаленныхъ временъ, пытается дать хотя и краткій, но связный обзоръ вѣдшей исторіи Грузин. Со словъ грузинскихъ депутатовъ Евгеній набросалъ нѣсколько отрывочныхъ фактовъ ¹⁰⁾, которые и легли въ основу его разказа ¹¹⁾. Событія же съ 1586 г. изложены

¹⁾ Ibidem, стр. 30. Проскинитаріємъ Евгеній пользовался въ рукописи. (Разсужденіе о началѣ, важности и знаменованіи церковныхъ облаченій, стр. 32, прим. 115).

²⁾ Ibidem, стр. 4.

³⁾ Ibidem, стр. 14, 64, 69.

⁴⁾ Ibidem, стр. 46.

⁵⁾ Ibidem, стр. 60—63.

⁶⁾ Ibidem, стр. 77.

⁷⁾ Ibidem, стр. 83. Сравн. 75.

⁸⁾ Ibidem, стр. 69, 76, 79.

⁹⁾ Историческое изображение Грузинъ въ политическомъ, церковномъ и учебномъ ея состояніи. Сочинено въ Александро-Невской академіи. С.-Пб. 1802 (съ посвященіемъ мп. Александру). Гл. I — О древностяхъ грузинскаго народа и знатнѣйшихъ въ немъ происшествіяхъ (стр. 1 — 46). Гл. II — О просвѣщеніи Грузинъ христіанскою вѣрою и о состояніи церкви грузинской (46—60). Гл. III — О богослуженіи и церковныхъ книгахъ грузинскихъ и о ихъ церковной типографіи (60—65). Гл. IV — О языкѣ и письменахъ грузинскихъ (65—71). Гл. V — О учебномъ состояніи Грузинъ, ея школахъ и классическихъ книгахъ (71—79). Гл. VI — О грузинскихъ лѣтописяхъ и другихъ, въ народѣ обрѣтающихся, книгахъ (79—83). Гл. VII — О грузинскомъ стихотворствѣ и музыкѣ (83—97). Записка объ упомянутыхъ въ сей книгѣ ордынскихъ народахъ, окружающихъ Грузію (97—100). Родословныя Грузинскихъ царей.

¹⁰⁾ Рукопись Кіевой-соѡ. библ. № 559, документъ № 7.

¹¹⁾ Особенно отъ словъ: „престолъ грузинскаго царства“ (на стр. 15) до начала страницы 21-й.

по даннымъ ¹⁾, по всей вѣроятности, полученнымъ изъ Московскаго архива министерства иностр. дѣлъ, чрезъ посредство Н. Н. Бантыша-Каменскаго, на содѣйствіе котораго, какъ мы видѣли, указывалъ Евгенийъ въ письмѣ своемъ къ Македонцу. Дѣйствительно, свѣдѣнія эти—выписи дипломатическихъ сношеній русскаго двора съ грузинскимъ—могли попасть въ руки Евгенію только чрезъ Каменскаго. Нашъ авторъ очень близко держался этихъ данныхъ, большею частью дословно ихъ выписывая и кой-гдѣ—преимущественно въ именахъ и длинныхъ оборотахъ рѣчи—дѣлая сокращенія. Впрочемъ въ этомъ обзорѣ событій 1586—1783 гг. книга Евгенія даже полнѣе московскаго источника, и лишнія мѣста, какъ оказывается по сличеніи, въ значительной мѣрѣ взяты изъ документа, который въ рукописи № 559 мы обозначили № 7-мъ ²⁾. Большею частью изъ этого же послѣдняго извлечъ Евгенийъ и немногія строки свои о времени послѣ 1783 г. Ни инструкціей главнокомандующему, ни запиской Коваленскаго онъ не воспользовался ³⁾. Такимъ образомъ первая глава „Историческаго изображенія“ обязана въ существенной своей части устнымъ сообщеніямъ грузинъ и матеріаламъ, доставленнымъ изъ Москвы.

Въ исторіи грузинской церкви (гл. II) авторъ слѣдуетъ Руффину и „грузинскимъ лѣтописямъ“, то-есть, въ послѣднемъ случаѣ тѣмъ же устнымъ сообщеніямъ; имъ же, конечно, обязанъ онъ разнообразными свѣдѣніями о современномъ писателю состояніи мѣстныхъ епархій. Глава III, главнымъ образомъ, разказываетъ исторію изданія Библии на грузинскомъ языкѣ въ 1743 году ⁴⁾; для главы IV, въ которой приводится не мало образцовъ грузинскаго языка и письменности, не

¹⁾ Рукопись Кіево-сое. библ. № 559, документъ № 3.

²⁾ См. выше стр. 166.

³⁾ Рукопись Кіево-сое. библ. № 559, документы №№ 10, 11. Порядокъ, въ какомъ эти документы вмѣстѣ съ другими вшиты въ рукопись № 559, даетъ возможность предполагать, что и извѣстными-то Евгенію они могли стать уже по написаніи книги. Къ тому же ихъ содержаніе слишкомъ современно было для „историческаго изображенія“ страны.

⁴⁾ Исторія эта изложена по предисловію, приложенному къ этому изданію; переводъ предисловія собственноручно записанъ Евгеніемъ на полулистѣ синей бумаги, послужившемъ позже оберткой для рукописнаго списка трагедокомедій архіеп. Георгія Конисскаго. Въ такомъ видѣ этотъ переводъ хранится и доселѣ въ Кіевскомъ церковно-археологическомъ Музеѣ, что при Духовной академіи за № R. 13. Все существенное изъ этого предисловія вошло въ книгу, начиная со строки четвертой (снизу) на стран. 60 и до строки девятой на стран. 63.

сохранилось черновыхъ матеріаловъ; но она едва ли не болѣе остальныхъ носить характеръ устныхъ сообщеній. Отсутствие въ 1802 г. какой-либо библиографіи по грузинской литературѣ заставляетъ признать такое же происхождение и слѣдующей главы (V-й). За то перечень переводныхъ книгъ (гл. VI) сохранился въ бумагахъ Евгенія въ первоначальномъ наброскѣ ¹⁾, точно такъ, какъ и сообщенія „о стихотворствѣ и музыкѣ“ ²⁾.

Изъ всѣхъ литературныхъ работъ Петербургскаго періода едва ли какое другое столько удовлетворяло авторское честолюбіе Евгенія, какъ „Историческое изображеніе Грузинъ“. Эту книгу хвалили при дворѣ ³⁾, переводили на иностранные языки ⁴⁾, рецензировали въ заграничныхъ изданіяхъ ⁵⁾. Но на нее обратили вниманіе скорѣе за ея современность, чѣмъ за внутреннія достоинства. Дѣйствительно, при всей цѣнности своихъ первоисточниковъ, „Изображеніе“ не было книгой, удовлетворявшей серьезныя научныя требованія, и Евгеній оказывался правъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ этого хотѣлъ, говоря, что книга „изъ шутокъ вышла“. Данныя подобраны въ ней довольно случайно: исторія Грузинъ изложена подробнѣе въ сношеніяхъ съ Россією, хотя международныя отношенія закавказскихъ христіанъ сосредоточивались не на одной нашей родинѣ ⁶⁾; также неполно разказана и исторія церкви, литературы, состояніе школъ и обра-

1) Рукопись Кіево-сов. библ. № 559, документъ № 8.

2) Ibidem, документъ № 9.

3) Письмо Македонцу № 44.

4) Намъ извѣстенъ одинъ впрочемъ переводъ—нѣмецкій: *Georgien oder historisches Gemälde von Grusien. In politischer, kirchlicher und gelehrter Hinsicht. Aus dem Russischen übersetzt von Fr. Schmidt, doktor der Philosophie. Riga und Leipzig. 1804.* Переводчикъ (въ предисловіи отъ ноября 1803 г.) рекомендуетъ книгу, какъ прекрасный трудъ, и предупреждаетъ, что его переводъ отнюдь невольный, а вполнѣ точный, „почти дословный“,—что дѣйствительно вѣрно. — Въ мѣзъ 1803 Евгеній въ видѣ слуха передавалъ, „что книга моя переведена уже на нѣмецкій, французскій и англійскій языки“ (пис. Македонцу № 42), что подтверждаетъ и г. Свѣрныи (*Русск. Арх.* 1870, столб. 824, прим. 6), неизвѣстно, на чемъ основывался.

5) *Шлецеръ* въ *Göttingische gelehrte Anzeigen* 1803, 42 Stück, den 12 März, Seit. 409—424. *Малютъ-Бронъ*: *Analyse du Tableau historique, polit., ecclési. et littéraire de la Géorgie, écrit en russe, par l'archimandrite Eugénieus, въ Annales des voyages* 1810, tom. XII, pag. 73—100.

6) А что этого пробѣла можно было избѣгнуть для лицъ ближе знакомыхъ съ дѣломъ, видно по книгѣ грузинскаго царевича *Давида*: *Краткая исторія о Грузинъ* (С.-Пб. 1805), стран. 91 слѣд.

зованія вообще. Не безъ основанія указывали въ книгѣ Евгенія поверхностность и крайнюю бѣглость многихъ его сообщений ¹⁾. Но чего-нибудь иного и ожидать было нельзя, хотя авторъ не вышелъ бы за предѣлы возможности, еслибъ воспользовался нѣкоторыми, опущенными имъ, пособіями. Евгенія не удовлетворяли французскіе писатели; но книга Бурнашева ²⁾ принадлежала перу очевидца и чело-вѣка, поставленнаго въ возможность сообщить вѣрные свѣдѣнія, тѣмъ болѣе что въ ней нашъ авторъ нашелъ бы и тотъ географическій и статистическій матеріалъ, отсутствіе котораго такъ замѣтно въ его работѣ ³⁾. Не зналъ, очевидно, Евгеній и статейнаго списка посла Толочанова, вѣдвизшаго въ Грузію въ 1650 году ⁴⁾.

Знаменитый Шлецеръ въ своей рецензіи, которую самъ Евгеній находилъ „очень лестной“ для себя ⁵⁾, также отмѣтилъ нѣкоторые недостатки „Историческаго изображенія“, и прежде всего пропускъ литературныхъ пособій ⁶⁾.

¹⁾ Мальтъ-Брэнъ въ упомянутой статьѣ своей, давъ старый пересказъ „Историческаго изображенія“, замѣчаетъ между прочимъ: Плиній и Мела, говоря о *Георгахъ*, имѣли въ виду не жителей Грузіи, а Синеовъ-земледѣльцевъ (стр. 74); особенности грузинскаго языка изложены поверхностно (90); слѣдовало не ограничиться одними заголовками грузинскихъ поэмъ, правилами про-содіи и немногими, вырванными для примѣра строками, но разказать и содер-жаніе этихъ литературныхъ памятниковъ (94. Сравни. стр. 96—97). Сожалѣя, что авторъ не разслѣдовалъ происхожденія названія областей, Мальтъ-Брэнъ добавляетъ отъ себя: Ptolémée place une tribu des *Manrali*, ou *Menrali*, dans la Mingrélie actuelle; que Saint-Jérôme connoit dans le Caucase une nation des *Cardi*, ce qui rappelle le Carduel ou la Kartalinie; enfin, que la denomination moderne d'Iméretie vient directement d'Iberia, écrit à la manière de Grecs modernes, qui, ayant donné à la lettre *b* le son de *w*, expriment le véritable *b* par *tr* ou *tb*.

²⁾ Картина Грузіи или описаніе политическаго состоянія царствъ Карталинскаго и Кахетинскаго, сдѣланное пребывающимъ при е. высоч. царѣ Карталинскомъ и Кахетинскомъ Иракліи Темуразовичѣ полковникомъ и кавалеромъ *Бурнашевымъ* въ Телавѣ въ 1786. Курскъ, 1793 (38 стр.).

³⁾ *Джен. Рос. Визитовика*, V, 135—251.

⁴⁾ Обзорніе исторіи грузинскаго народа *царевича Вахтанга* вышло въ 1814 году, но, на сколько можно судить по Мюнсерову (*Bibliographia Caucasica et Transcaucasica*, 563), это было уже второе изданіе (хотя таковыя оно не обозначено. С.-Пб. 83 стр.), а первое — „Исторія Грузіи“ — появилось еще въ 1796 году. Къ сожалѣнію, этого послѣдняго мы не имѣли въ рукахъ.

⁵⁾ Письмо Македонцу № 42. Шлецеръ прислалъ экземпляръ ея въ духовную академію. *Ibidem*.

⁶⁾ Вотъ указанія Шлецера (*G. G. Anzeigen*, 410, 411, 413, 418): ничего не

Но всё эти недостатки, хотя и существенно ослабляли, но не могли вполне уничтожить положительных сторонъ книги. Повдѣйшіе читатели могутъ быть болѣе требовательными къ абсолютнымъ достоинствамъ сочиненія, но для современниковъ трудъ Евгенія все же обилдовалъ совершенно новымъ матерьяломъ; кажда бы ни детковѣдены оказывались многія страницы, но все же онѣ впервые вводили читателя въ кругъ неизвѣстныхъ дотолѣ свѣдѣній. Не даромъ тотъ же Шлецеръ сожалѣлъ, что размѣры журнала мѣшали ему подробнѣе ознакомиться нѣмецкую публику съ русскимъ сочиненіемъ, и собирався слѣдовать это на страницахъ другаго періодическаго изданія ¹⁾.

сказано о величинѣ территоріи, о количествѣ населенія, очень мало о производительныхъ силахъ страны; автору остались неизвѣстными: сочиненіе *Vitzema Noord en Oost Tartarye, Carte générale de la Géorgie et de l'Arménie*, составленная въ Петербургѣ въ 1738 и заданная въ 1766 году, и кромѣ того, три, впрочемъ довольно рѣдкія, сочиненія XVII в., полезныя для исторіи грузинской церкви. Исторію сношеній грузинскаго двора съ московскимъ, по мнѣнію Шлецера, можно было бы если не дополнить, то сопоставить съ данными *Sammlung Russischer Geschichte* о терскихъ казакахъ; впрочемъ, замѣчаетъ онъ на другой страницѣ, то что сказано въ „Собраніи“ о Кахетин и Картвелін, полно ошибокъ и необстоятельно. Очевидно, внимъ указаніямъ обязанъ своимъ происхожденіемъ документъ № 13 въ рукописи Кіево-софійской бібліотеки, № 559.—Извѣщая Македонца объ этой рецензій, Евгеній пишетъ: „я собираюсь отвѣчать Шлецеру“ (пис. № 42),—что именно, не беремъ опредѣлять. Въ бумагахъ его сохранился советенноручный черновой переводъ статьи Шлецера (Рукопись Кіево-софійской бібліотеки № 559; другой (бѣловый) экземпляръ, писанный, по правленію предшущему, см. въ рукописи той же бібліотеки № 592, статья № 35). „По измѣднн и я нннѣ маралу отчасти“ сообщаетъ Евгеній въ упомянутомъ письмѣ; но по переводу видно, какъ еще несовершенно его знаніе: мысль нѣмецкаго автора передана въ тяжелыхъ оборотахъ и въ подстрочныхъ выраженіяхъ, иногда даже просто невѣрно. Только уже въ дальнейшей обработкѣ Евгеній замѣляетъ неудачныя выраженія болѣе точными и правильными. Вотъ для примѣра нѣсколько выдержекъ: 1) Was... von Kachet und Kartvel vorkömmt, ist fehler—und mangelhaft (Шлецеръ, 410) — первоначально переведено: „а что о Кахетин и Картвелін находится, то весьма несправедливо и ошибочно“; потомъ замѣнено: „то исполнено погрѣшностей и недостатковъ“ 2) Iener (sagt der Hr. Vervasser etwas zu hoch) war August, dieser Mäsen (стр. 42) — слова въ скобкахъ переведены: „говорить г. сочинитель можетъ быть много“. 3) Von seinen alten Landsleuten (стр. 410) — „отъ старыя жителей оной земли“ (позже: „отъ старыя своихъ соотечественниковъ“). 4) Nichts von dem Flächeninhalt (411) — „ничего о поверхности земной“ (позже: „ничего о пространствѣ земной“). 5) Russland die lange Küste zwischen den Flüssen Kur und Terek dem Schah abtrat (414)—„получила отъ шаха“ (позже: „уступила шаху“).

¹⁾ *Neue Hannöv. Magasin*. См. *G. G. Anzeigen*, 424.

Въ лицѣ академика Броссэ, специалиста по знакомству съ исторіей кавказскихъ народовъ, „Историческое изображеніе Грузинъ“ встрѣчаетъ не только открытое, но и вполне авторитетное одобреніе. По словамъ его біографа-сына, на занятія грузинскимъ языкомъ натолкнула Броссэ именно эта книга ¹⁾. Въ одномъ изъ своихъ раннихъ трудовъ будущій академикъ такъ отзывался объ этомъ произведеніи: un excellent petit ouvrage de critique littérale ²⁾. Въ своихъ *Recherches sur la poésie géorgienne* ³⁾ онъ не только опирается въ своихъ выводахъ на „Историческое изображеніе“, но и приводитъ изъ него двѣ выдержки: русское сочиненіе служитъ ему опорой и исходнымъ пунктомъ ⁴⁾. И позже, спустя много лѣтъ, самъ готовясь выпустить въ свѣтъ многотомную исторію той самой страны, которой посвящена была небольшая книжечка Александровскаго префекта, академикъ Броссэ выражается о послѣднемъ въ такихъ выраженіяхъ: un ouvrage devenu rare et qui mérite, à mon sens, d'être regardé comme classique en son genre ⁵⁾.

¹⁾ *Bibliographie analytique des ouvrages de Mr. M. F. Brosset*, pag. IX.

²⁾ *Notice sur la langue géorgienne. Journal asiatique*, 1827, t. X, pag. 353.

³⁾ *Nouveau journal asiatique* 1830, tom. V, pag. 257—264.

⁴⁾ Сравн. въ другихъ случаяхъ: *Chronique géorgienne, traduite par M. Brosset*, pag. 103, 104 и *Notice des manuscrits géorgiens* въ *Nouveau journal asiatique* 1833, tom. XII, pag. 161.

⁵⁾ *Notice sur le mari russe de Thamar, reine de Géorgie. Bulletin de l'Académie des Sciences de Saint-Petersbourg (Classe des sciences historiques)*, tom. I (1844), № 14, 15, столб. 221 (докладъ 26-го мая 1843 г.). Въ журналѣ *Дружъ Просвѣщенія* (1806 г. ч. I, январь, стр. 30—35) помѣщено „Письмо изъ Телавса отъ 20-го августа 1804“. Посылая его гр. Д. И. Хвостову для впечатанія, Евгенийъ замѣчалъ: „Письмо изъ Грузіи я сократилъ. Ибо иное на публику показывать не годилось“ (*Сборн. 2-го отд. Акад. Наукъ*, V, 1, стр. 106). И. И. Срезневскій (*ibidem*, 8) неправильно приписывалъ это письмо самому Евгению; иначе, о какомъ сокращеніи могла бы идти рѣчь? И какой смыслъ могло оно имѣть? Содержаніе письма—бѣглыя замѣтки о природѣ, производительности страны, образѣ жизни туземцевъ—обличаютъ въ авторѣ человека мѣстнаго. Въ самомъ изложеніи строго выдержана эпистолярная форма („писать вамъ“, „не спрашивайте“ и т. п.). Фраза же: „Г. Шлецеръ въ рецензіи на книгу нашу *О Грузіи*“ (стр. 31) могла бы дать поводъ къ противоположному выводу; но слово *нашу*, разумѣется, опечатка, вм. *вашу*. Опечатокъ вообще было много въ *Дружъ Просвѣщенія* (сравн. *Сборн. 2-го отд. Акад. Н. V, 1*, стр. 114). Что же касается до приписанія къ только-что указанной еразѣ (титулъ книги *О Грузіи*, указаніе на *Геттингенскія Вѣдомости*), то оно, конечно, прибавлено Евгениемъ: за это говорить и выраженіе: „довольно лестная рецензія“ (ср. письмо Македону № 42,

Въ ряду разнообразныхъ произведеній пера Евгенія до сихъ поръ оставалось совершенно неизвѣстнымъ, что нужно понимать подъ тѣми „многими статьями изъ древней россійской географіи“, которыя авторъ, по личному его свидѣтельству ¹⁾, помѣщалъ въ Географическомъ словарѣ Щекатова и Максимовича ²⁾. Но въ бумагахъ Кіевского митрополита сохранились данныя, позволяющія раскрыть если не всѣ, то по крайней мѣрѣ весьма большое число таковыхъ „статей“.

Мы видѣли, что „Описаніе Воронежской губерніи“, помимо отдѣльнаго изданія, появилось въ Словарѣ Щекатова. Дозволивъ эту перепечатку, Евгеній или встрѣтилъ со стороны издателей просьбу о дальнѣйшемъ содѣйствіи, или самъ предложилъ таковое, вспомнивъ, что у него оставались безъ дѣла историко-географическія „Примѣчанія“ къ неоконченной „Россійской Исторіи“. Эти-то „Примѣчанія“, какъ оказывается теперь по ближайшемъ сличеніи, и были вышеупомянутыми „статьями“. Въ виду того, что Щекатовскій Словарь выходилъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ³⁾, надо думать, что они перерабатывались для печати постепенно изъ года въ годъ; мы однако считаемъ болѣе умѣстнымъ разсмотрѣть эту работу Евгенія въ одинъ пріемъ, не выдѣляя „статей“ петербургскаго періода отъ „статей“ послѣдующихъ годовъ ⁴⁾.

гдѣ отзываетъ Шлецера названъ „очень лестнымъ“), невозможность допустить его находженіе въ частномъ писемѣ именно къ Евгенію и нѣкоторымъ въ немъ выдержки изъ критики Шлецера.

¹⁾ Автобіографія, 6—7.

²⁾ „Указать ихъ нѣтъ никакой возможности“: *Пономаревъ*, Матеріалы для біографіи митр. Евгенія. *Труды Киевск. Духовн. Акад.* 1867. № 8, стр. 204. Сравни. *Сперанскій*, Ученая дѣятельность Евгенія Волховитинова. *Русск. Вѣсти.* 1885. № 4, стр. 538, примѣч. 3.

³⁾ Томъ I (А—В) въ 1801 году; т. II (Г—I) и т. III (К—Л) въ 1804; т. IV (М—П) въ 1805; т. V (Р—С) въ 1807; т. VI (Т—Х) въ 1808 и т. VII (Ц—Ѳ) въ 1809 году.

⁴⁾ Основаніемъ считать вышеуказываемые Щекатовскіе параграфы работою Евгенія, а не кого другаго, служить намъ самый рукописный текстъ „Примѣчаній на Россійскую Исторію“: въ немъ не мало повидѣвшихъ вставокъ руки Евгенія: есть параграфы, сохранившіе на себѣ слѣды неоднократной переработки, и такіе-то параграфы въ ихъ повидѣвшей редакціи вошли дѣльнымъ въ текстъ Словаря (сравни. для примѣра *Авары* (№ 6), *Гунны* (№ 5), *Половцы* (№ 49), *Поросыне* (№ 99), *Сарматы* (№ 1), *Торческѣ* (№ 54), *Цимбры* (№ 2). Въ параграфѣ *Поросые* Евгеній приписываетъ: „см. Поросые“, то-есть, прямо придаетъ ему форму словарнаго матеріала. Въ печатномъ парагр. *Корсунѣ* (№ 36) только пер-

Изъ 140 параграфовъ, приготовленныхъ еще въ 1792—1793 г., 29 № вошли въ Словарь цѣликомъ безъ какихъ-либо перемѣнъ, кромѣ выражений, обусловленныхъ инымъ административнымъ устройствомъ территоріи русскаго государства, иной областной терминологіей ¹⁾ или желаніемъ измѣнить оборотъ рѣчи ²⁾. За то другіе параграфы были распространены ³⁾; правда, въ нѣкоторыхъ дополненія весьма незначительны ⁴⁾, но этого нельзя сказать про всѣ. Отнюдь не перерабатывая стараго матеріала, и въ самыхъ только рѣдкихъ случаяхъ измѣняя ранѣе написанное, Евгений, главнымъ образомъ, дополнял его, въ одномъ случаѣ точнѣе опредѣляя географическое положеніе описываемой мѣстности, въ другомъ подробнѣе говоря объ историческихъ фактахъ, связанныхъ съ именемъ какаго-нибудь города и племени, или же давая болѣе обстоятельный сводъ мѣстныхъ, высказанныхъ по поводу того или другаго вопроса. Въ рѣдкихъ только случаяхъ авторъ отказывается отъ ранѣе высказаннаго соображенія или колеблется признать его справедливымъ.

Отмѣтимъ въ алфавитномъ порядкѣ, всѣ таковыя параграфы, подвергшіеся болѣе или менѣе значительной переработкѣ.

вѣя половина вновь написана и, конечно, Евгениемъ, ибо со второй (тождественной съ рукописнымъ „Корсунемъ“⁴⁾) связана органически общимъ содержаніемъ. — Параграфъ *Тмутаракань* (№ 41), хотя въ печати и значительно отличенъ по объему отъ рукописнаго, но сходство между ними въ слогѣ, единствѣ возвращеній и въ той же общности содержанія.

¹⁾ Губернія им. наместничества; губернія вновь образованныя послѣ 1792 г. и т. п.

²⁾ Таковы см. у *Щекатова*: Боогардъ, Вандалія, Весы, Всеволожь, Выревъ, Дорогобужъ, Доростень, Дряговичи, Киремы, Колхида, Мидія, Олеша, Пересопница, Поросье, Поросіане, Посемье, Прилуки, Ростовецъ, Скиемъ, Снопородъ, Ссолы, Суляне, Сьвера, Сьверяне, Торческъ, Уголь, Цимбры, Щижа, Ятвиги. Въ приложеніи № 5 они обозначены подъ №№ 126. 15. 92. 60. 102. 51. 30. 10. 83. 91. 137. 52. 93. 99. 107. 130. 80. 113. 3. 115. 48. 13. 57. 12. 54. 114. 2. 104. 33. Всѣ эти параграфы очень небольшого объема, кромѣ трехъ: *Вандалія*, *Поросіане*, *Цимбры*. Вторая половина „Цимбровъ“ *Щекатова* представляла въ „Примечаніяхъ“ самостоятельный параграфъ: *Скиемъ* (№ 3).

³⁾ Соображенъ одинъ только: *Богалубово* (№ 117).

⁴⁾ *Авары* (6)—объ наименованіи „Кунзачи“, *Брѣхимовъ* (109), *Городецъ* (78), *Горяне* (68), *Земшгородъ* (53), *Поляне* (69), *Червенскіе города* (45)—последніи три строки по Татищеву; *Славенскъ* (133)—распространены только первыя строки; со словъ же „нѣкоторые наши писатели“—дословное сходство; *Ульмчи* (23)—прибавлена одна только послѣдняя фраза изъ Татищева; все остальное дословно изъ рукописи. *Чернобыль* (Чернобельгъ) (131)—добавленія по Татищеву; рукописнаго же—послѣдняя фраза (*Щек.* VII, 103).

1) Воты (№ 66). Къ Щекатову (I, 1200) внесено все цѣликомъ (строки 1—12), будучи добавлено новыми историко-географическими свѣдѣніями (строки 12—26).

2) Вятичи (№ 67). Рукописный матеріалъ (данныя географическія) вошелъ къ Щекатову (I, 1287—1288) въ видѣ послѣднихъ 10 строкъ, будучи предварительно, по Нестору и Татищеву, увеличенъ данными историческими.

3) Гунны (№ 5). Этотъ большой параграфъ, можно сказать, цѣликомъ вошелъ къ Щекатову (II, 119—120). Только Яикъ замѣненъ Ураломъ; да въ концѣ прибавлено 8 строкъ о томъ, что Татищевъ въ словарѣ своемъ смѣшиваетъ Гунновъ съ Уграми и пр.

4) Козары (№ 21). У Щекатова (III, 641—643) гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе. Доказательствомъ тому, что этимъ параграфомъ издатель Словаря былъ обязанъ Евгенію, можно считать ссылку на Воронежскую губернію, мѣсто которой „издревле называлось просто полемъ по причинѣ ненаселенія сихъ мѣстъ“¹⁾.

5) Корсунъ (№ 36). У Щекатова (III, 755—756) оказываются дополненія историческаго характера (первая половина статейки).

6) Косоги (№ 42). Щекатовскія (III, 769) первыя 10 строкъ цѣликомъ и дословно взяты изъ „Примѣчаній на Россійскую Исторію“. Остальныя же (11—30) указываютъ новыя мнѣнія о положеніи Косожской территоріи.

7) Меряне (№ 16). Первоначально Евгеній называетъ Мерянъ, по Болтину, Чудскимъ народомъ²⁾. Теперь (IV, 238—239), ознакомясь со взглядами Татищева, полагавшаго Мерянъ народомъ сарматскимъ³⁾, онъ, очевидно, придалъ ему больше значенія, ибо сужденіе Болтина поставилъ на второмъ мѣстѣ. Но все, что стояло въ рукописи, вошло и сюда. Новое же—первыя 9 строкъ.

8) Минскъ (№ 65). Первоначальный текстъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ фразъ, не только весь вошелъ въ словарь Щекатова⁴⁾, но и существенно былъ дополненъ цѣлымъ столбцомъ (1/2 страницы)—исторіей города и свѣдѣніями о Минской епархіи. Послѣдніи 3—4

¹⁾ Сравни. Ошс. Вор. губ., 34.

²⁾ Сравни. *Болтина* Примѣчанія на Исторію Леклерка, I, 46.

³⁾ Сравни. *Татищева* Исторія Россіи, т. I, 521; II, 6.

⁴⁾ См. его здѣсь въ IV, 252: „Сей городъ..... издревле принадлежалъ къ Полотскому князеству...., а иногда къ Смоленскому князеству и находился отъ Полотска къ югу“.

строки, чисто географическаго характера, могли быть прибавлены самимъ надателемъ.

9) Печенѣги (№ 19). Первоначальный текстъ весь вошелъ къ Щекатову (первыя 9 строкъ; IV, 1137—1138), будучи дополненъ ¹⁾ весьма большою вставкою по Нестору и позднѣйшимъ историкамъ. (историческія свѣдѣнія о Печенѣгахъ).

10) Поле (№ 123). У Щекатова (IV, 1219) первыя шесть строкъ есть перепечатка изъ рукописи. Остальное (строки 7—34)—позднѣйшія добавленія (Поле въ Суздальской землѣ; о Польской землѣ — по Татищеву).

11) Половцы (№ 49). Самыя обширныя дополненія (IV, 1225—1234); со словъ: „для любопытныхъ читателей“ (столб. 1226), то-есть около четырехъ страницъ: это хронологическій перечень историческихъ фактовъ о Половцахъ, составленный по лѣтописи.

12) Радимичи (№ 20). У Щекатова (V, 6) съ пятой строки идутъ дополненія, хотя и небольшія, но существенныя: приведены соображенія Татищева и Болтина о происхожденіи этого племени.

13) Сарматы (№ 1). Щекатовскія дополненія (V, 765) о происхожденіи Сарматовъ начинаются съ 15-й строки и удваиваютъ объемъ прежняго параграфа.

14) Свина, рѣка (№ 100). Щекатовъ (V, 780) съ девятой строки дополняетъ рукопись выписками, изъ Татищева, обстоятельствъ, при которыхъ упоминалась эта рѣка въ исторіи (строки 9—30).

15) Славяне (№ 138). Первоначальный текстъ (о происхожденіи славянъ) весь перепечатанъ Щекатовымъ (V, 997—998) и дополненъ на цѣлыхъ полъ-страницы ²⁾ лѣтописными извѣстіями о нравахъ и бытѣ этого племени.

16) Тмутаракань (№ 41). Первоначальный текстъ въ томъ видѣ какъ онъ сохранился въ рукописи ³⁾, цѣликомъ (измѣнены только нѣкоторыя выраженія) вошелъ къ Щекатову (VI, 223—235), будучи распространенъ чрезвычайно обширными заимствованиями изъ „Историческаго изслѣдованія о мѣстоположеніи Тмутараканскаго княжества“ гр. Мусина-Пушкина. Къ статьѣ приложенъ и рисунокъ Тмутараканскаго камня, взятый оттуда же.

17) Черторижскъ (№ 63). Добавленія Щекатова (VII, 123) су-

¹⁾ „Преподобный Несторъ“ и пр.

²⁾ Со строки 3-й (связу) столбца 998.

³⁾ См. выше стр. 203—204.

ществены и начинаются съ пятой строки; а именно, изложены (по Татищеву) случаи, когда упоминается въ исторіи этотъ городъ.

18) Чуди (№ 14). Добавленія Щекатова начинаются (VII, 159—160) со словъ: „Зри Финны“; какъ и въ предыдущемъ параграфѣ, они обязаны тому же Татищеву и написаны въ томъ же духѣ.

19) Юрьевъ (№ 44). Въ рукописи Евгений дастъ очень краткія указанія на мѣстоположеніе и время построенія Юрьева-Дерпта, Юрьева на Днѣпрѣ, Юрьева Польскаго и Юрьевца Поволжскаго. Сравнивая ихъ съ текстомъ Щекатова (VII, 314 слѣд.), видимъ, что опредѣленія первыхъ двухъ городовъ цѣликомъ вошли въ Словарь, будучи только дополнены, по Татищеву, данными исключительно историческаго содержанія. Для Юрьева же Польскаго и для Юрьевца Щекатовъ не взялъ краткихъ замѣтокъ Евгенія и сообщил о нихъ свѣдѣнія специально географическія. Можетъ быть, у Евгенія не нашлось ничего подъ рукой готоваго о прошломъ этихъ двухъ городовъ, и Щекатовъ, завися отъ своего сотрудника, придалъ имъ характеръ совсѣмъ иного описанія ¹⁾.

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли 59 параграфовъ, въ прежнемъ или измѣненномъ видѣ вошедшихъ въ словарь Щекатова. А что же случилось съ остальными? Изъ нихъ девять придется исключить, такъ какъ имена съ этими названіями совсѣмъ не вошли въ Словарь ²⁾; восемь въ самой рукописи не представляли ничего иного, кромѣ простой ссылки на № ³⁾; наконецъ, ровно треть всѣхъ параграфовъ (46) содержала въ рукописи слишкомъ уже краткія и неудовлетворительныя свѣдѣнія ⁴⁾, такъ что Щекатовъ, очевидно, счелъ необходимымъ замѣнить ихъ болѣе полными ⁵⁾. Такимъ образомъ остается всего 18. Изъ нихъ три параграфа весьма возможно, что написаны

¹⁾ Позволительно ли отсюда дѣлать выводъ, что сотрудникомъ по отдѣлу древней исторической географіи у Щекатова былъ одинъ Евгений? Стать на этотъ скользкій путь очень соблазнительно, ибо утвердительный отвѣтъ значительно облегчилъ бы опредѣленіе, какія именно статьи Евгенія вошли въ Словарь.

²⁾ *Анзатическій союзъ, Березовъ, Берестовъ, Берляди, Бужескъ, Готы, Гривна, Емъ, Россы.*

³⁾ См. въ Приложеніи № 5 подъ №№ 11. 18. 35. 46. 58. 84. 108. 124.

⁴⁾ Образчикъ ихъ см. въ Приложеніи № 5 подъ названіями: *Родня, Бужескъ, Острочъ, Дубна.*

⁵⁾ Эти 46 параграфовъ см. въ Приложеніи № 5 за №№ 22. 24. 25. 26. 31. 32. 38. 39. 40. 43. 55. 61. 62. 70. 71. 72. 73. 75. 76. 77. 79. 81. 82. 86. 87. 88. 89. 90. 95. 96. 97. 103. 106. 111. 112. 116. 118. 120. 121. 122. 127. 128. 129. 135. 136. 139.

Евгеніемъ ¹⁾); 13 параграфовъ ²⁾ не вошли въ Словарь, надо думать потому, что Щекатовъ подвелъ ихъ подъ категорію 47, хотя они ничѣмъ не хуже многихъ другихъ заимствованныхъ; для „Воронежа“ (№ 134) — былъ на лицо цѣлый новый трудъ Евгенія; параграфъ „Новгородъ“ (№ 132) у Щекатова явился въ болѣе полномъ видѣ (IV, 684 — 698). Выходъ IV-го тома Словаря, гдѣ онъ напечатанъ, въ 1805 году, на второй годъ переѣзда Евгенія епископомъ въ древнюю столицу Рюрика, позволяетъ допустить возможность участія Евгенія и въ этихъ страницахъ московскаго изданія; но эта возможность болѣе логическая и безъ всякой документальной подкладки. Общаго съ работой 90-хъ годовъ ³⁾ нѣтъ ничего. То же надо сказать и относительно „Разговоровъ о древностяхъ великаго Новгорода“ (М. 1808).

Весьма возможно, что, работая для Словаря, Евгеній подбиралъ матеріалъ не изъ однихъ своихъ „Примѣчаній“ и помѣщалъ статьи, названія которыхъ и не находилъ въ его рукописи; но, разумѣется, было бы очень рискованно отыскивать ихъ: однѣ ссылки на Татищева, которымъ вообще Евгеній такъ охотно пользуется, надо считать очень ненадежнымъ руководителемъ. При желаніи, пожалуй, не трудно и въ сейчасъ указанныхъ 13 параграфахъ ⁴⁾ найти, хотя бы только слабое родство съ одноименными названіями въ „Примѣчаніяхъ“; но, полагаемъ, лучше удовольствоваться констатированіемъ того факта, что 59 статей, разбѣянныхъ въ 7 томахъ Щекатовскаго Словаря безспорно принадлежатъ Евгенію. Мы видѣли, что, по сравненію съ работою 1792—1793 гг., онѣ представляютъ одну количественную равницу, раскрывая только болѣшую начитанность автора, но не степень его движенія научнаго: участіе Евгенія въ Словарѣ было случайнымъ и второстепеннымъ дѣломъ, и особеннаго труда онъ и не думалъ прилагать къ нему.

Чѣмъ разнообразнѣе становилась литературная дѣятельность ученаго наставника духовной академіи, чѣмъ чаще соприкасался онъ

¹⁾ *Бярмія* (№ 74, вошла къ Щекатову (I, 425) какъ послѣднія шесть строкъ). *Бѣлгородъ* (№ 37. Ср. *Щек.* I, 646). *Торки* (№ 34; у *Щек.* VI, 313—314, все по Татищеву).

²⁾ *Болары* (№ 28), *Варлы* (№ 7), *Вотяки* (№ 27), *Древляне* (№ 8), *Дручи* (№ 101), *Кіевъ* (№ 119), *Криичи* (№ 9), *Медведица* (№ 85), *Переяславъ* (№ 29), *Стародубъ* (№ 56), *Туровъ* (№ 50), *Черемисы* (№ 125), *Черниговъ* (№ 94).

³⁾ Срав. Приложение № 5, парагр. *Новгородъ*.

⁴⁾ *Болары*, *Варлы* и проч.

съ вопросами изъ историческаго прошлаго, тѣмъ настоятельнѣе должна была чувствоваться потребность въ предварительныхъ изысканіяхъ, если даже не просто въ предварительномъ сборѣ матеріала и его систематизаціи. Русскій ученый начала XIX вѣка и въ политической, и въ церковной исторіи одинаково встрѣчалъ важную помѣху въ необходимости на каждомъ шагѣ отвлекаться отъ главной нити своихъ занятій побочными разъясненіями, справками и посвящать свое вниманіе внѣшней сторонѣ дѣла. Готовыхъ библиографическихъ описаній, справочныхъ изданій, хронологическихъ таблицъ и т. п., можно сказать, почти не существовало, а между тѣмъ потребность въ нихъ росла.

Мы могли видѣть, что еще въ Воронежѣ Болховитиновъ составляетъ въ нѣсколько приемовъ краткій лѣтописецъ мѣстныхъ преосвященныхъ. По видимому, онъ съ интересомъ велъ подобную работу. Еще до отъѣзда въ Петербургъ Евгений началъ составлять и почти совершенно приготавилъ ¹⁾ „Памятный церковный календарь“, на этотъ разъ уже не ограничиваясь одной воронежской епархіей ²⁾; однако календарь почему-то появился только въ 1803 г., исправленный и дополненный свѣдѣніями по этотъ годъ ³⁾.

Историкъ, человекъ постоянно интересовавшійся прошлымъ сказался и въ этомъ трудѣ. Календарь не ограничивается росписью епархій и дѣленіемъ послѣднихъ на классы, перечнемъ епархіальныхъ архіереевъ и монастырей штатныхъ и заштатныхъ, но помѣщаетъ, напримѣръ, „роспись царскихъ панихидъ всего лѣта“, два перечня русскихъ государей съ краткими указаніями на годъ ихъ рожденія,

¹⁾ Письмо Македонцу № 46.

²⁾ Конечно, изъ этого календаря беретъ Евгений „лишній списокъ всѣхъ русскійхъ архіереевъ и реестръ всѣхъ русскійхъ монастырей штатныхъ и заштатныхъ“, который посылаетъ лѣтомъ 1801 г. Македонцу для передачи архимандриту Тимошею (Евгеніевскій Сборникъ 141, прим.)

³⁾ Можетъ быть, только теперь нашелъ Евгений для книги издателя—товарища своего О. Ф. Розанова (письмо Македонцу № 46), бывшаго въ то время товарищемъ директора синодальной типографской конторы въ Москвѣ (Словарь свѣтскихъ писателей 1845 г. II, 147), чѣмъ и объясняется появленіе книги не въ Петербургѣ.—Памятный церковный календарь. М. 1803. Въ Автобіографіи (7) онъ называетъ: „Церковный календарь, или полный мѣсяцесловъ, съ означеніемъ всего, что въ какіе дни въ православной церкви совершается, съ присовокупленіемъ разныхъ статей, до русскійской іерархіи касающихся, и историческаго словаря русскійскихъ государей, императоровъ, императрицъ, царей, царицъ, великихъ князей, княгинь и княжешъ, въ память коихъ уставлены въ церкви соборныя панихиды, и съ мѣсяцесловомъ сихъ панихидъ, напечат. въ Москвѣ 1803 г. въ 12 л. листа“.

вступленія на престолъ и важнѣйшихъ событій ихъ царствованія. Одинъ перечень даетъ списокъ всѣхъ царствующихъ особъ, начиная съ Рюрика; другой — болѣе обстоятельный — всѣхъ членовъ нынѣ царствующей династіи (сверхъ того Грозный и Феодоръ Иоанновичъ, всего 43 лица) ¹⁾.

Какъ ни полезны были труды въ родѣ только-что разсмотрѣннаго, однако они многого и не касались, обходя вопросы, съ которыми между тѣмъ постоянно приходится имѣть дѣло историку и литератору. Едва ли не настоятельнѣе всего была потребность разо-

---

¹⁾ Подробнѣе всего о Екатеринѣ (17—23) и Петрѣ Великомъ (50—56). Про послѣдняго сказано: „безъ сомнѣнія, никто изъ государей не могъ съ нимъ сравниться ни въ какомъ отношеніи“ (стр. 58). Понимать ли эту фразу, какъ отраженіе праздновавшагося въ томъ году 100-лѣтняго юбилея основанія Петербурга и произнесенной Евгениемъ по этому поводу рѣчи (см. выше)? Сравни другую рѣчь его 1796 г., въ которой имп. Екатерина ставится неизмѣримо выше Петра (см. *Ж. М. Н. Пр.* 1887. № 6). Въ послѣдующихъ изданіяхъ „Церковнаго календаря“ упомянутая фраза выкинута. Сравни. Полный Христіанскій мѣсяцесловъ (Кіевъ, 1845) стр. 461; также изд. 3-е этого мѣсяцеслова (Кіевъ, 1875) стр. 472. Въ перечнѣ трудовъ своихъ (Автобіограф. 7) Евгенийъ говоритъ, что упомянутого календаря „новое полнѣйшее изданіе“ вышло въ 1832 г. подъ названіемъ „Кіевскій мѣсяцесловъ“. Выраженіе неправильное. Извѣстія, специально относящіеся до Кіевской епархіи, не только преобладаютъ въ „Кіевскомъ мѣсяцесловѣ“, но даже исключаютъ многое, что было помѣщено въ „Церковномъ календарѣ“. Такъ нѣтъ въ немъ ни росписи царскихъ панихидъ, ни списка епархіальныхъ архіереевъ, ни такового же списка монастырей. Такъ что полнѣйшимъ названо оно ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ. Изъ „Церковнаго календаря“ вошли только свѣдѣнія о лицахъ царскаго дома съ XVI в., перечень государей, начиная съ Рюрика, и табель царственныхъ лицъ „нынѣ здравствующихъ“. „Кіевскій мѣсяцесловъ съ присовокупленіемъ разныхъ статей, къ Россійской исторіи и Кіевской іерархіи относящихся. Кіевъ. 1832 г.“. Цитуемъ это заглавіе по замѣткѣ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1837, т. XVI, стр. 451. Въмѣсто этого изданія мы пользовались другимъ: „Полный христіанскій мѣсяцесловъ съ присовокупленіемъ разныхъ статей, къ Россійской исторіи и Кіевской іерархіи относящихся. Кіевъ. 1845“. Что послѣднее есть перепечатка изданія 1832 г. легко убѣдиться, сличая его съ подробнымъ перечнемъ содержанія „Кіевского мѣсяцеслова“, помѣщеннымъ въ упомянутой замѣткѣ *Журн. Мин. Народн. Просв.* Добавлены только свѣдѣнія о новыхъ фактахъ за 1832—1845 г. Такъ смотрѣли въпроцѣмъ и современники: митр. Филаретъ, въ біографіи, замѣткѣ о Евгениі (*Временникъ Общ. Ист. и Др.* XIX, стр. 4). Но любопытно, что въ изданіи 1845 года, вышедшемъ по смерти митрополита Евгения, нѣтъ никакихъ указавій на принадлежность его перу послѣдняго. Оно даже получило значеніе *перваго* изданія. Такъ въ 1854 году вышелъ „Полный христіанскій мѣсяцесловъ“ *вторымъ* изданіемъ и оны же въ 1875 году—*третьимъ*.

браться въ наличномъ матеріалѣ и подвести хотя бы только цифровые итоги въ работѣ типографскаго станка. Мысль о Словарѣ русскихъ писателей могла сложиться въ головѣ Евгенія совершенно естественно, вытекая сама собою изъ всей совокупности его литературныхъ занятій. Библиографическіе труды предшествующихъ годовъ, при всей иногда цѣнности для своего времени, въ цѣломъ уже не могли болѣе удовлетворять запросамъ XIX столѣтія: въ однихъ писатели иноземные преобладали надъ русскими, въ другихъ сообщались свѣдѣнія крайне неполныя, третьи успѣли устарѣть, и почти всѣ ограничивались указаніемъ на отдѣльныя изданія, пропуская статьи, помѣщавшіяся въ журналахъ. Таковъ былъ каталогъ Селлія ¹⁾, „Извѣстія о ученыхъ дѣлахъ“, печатавшіяся въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ 1763—1764 гг. ²⁾, „Извѣстіе“ Дмитревскаго ³⁾, Словарь Новикова ⁴⁾ и Словарь Драматической ⁵⁾. Прекрасная попытка

¹⁾ Schediasma litterarium de scriptoribus, qui historiam politico-eccelesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt. Revaliae, 1736. Впоследствии переведенъ въ Вологодской семинаріи* (по указанію Евгенія): Каталогъ писателей, М. 1813 (1815). Исключительно библиографическій списокъ названій.

²⁾ Ежемѣсячно при каждомъ № давались краткія рецензіи о новыхъ книгахъ, вышедшихъ какъ въ Россіи (преимущественно изданія Академіи Наукъ и Московскаго университета), такъ и за границей; отчеты объ ученыхъ докладахъ, о торжественныхъ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ и т. п.

³⁾ Nachricht von einigen russischen Schriftstellern, nebst einem kurzen Berichte vom russischen Theater, въ журналѣ *Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften* (Leipzig, 1768). Французскій переводъ, Essai sur la littérature russe (Livourne, 1771), перепечатанъ С. Д. Полторацкимъ въ *Revue Étrangère* (St.-Pbg., 1851, octobre) и отдѣльно (St.-Pbg., 1851). Впервые по русски—въ *Библиогр. Запискахъ* 1861, № 20 и отдѣльно: Нѣмецкое извѣстіе о русскихъ писателяхъ. (1768). Сообщилъ *М. Л. Михайловъ* (М. 1862); во второй разъ, въ другомъ переводѣ, вѣстѣ съ оригиналомъ и французскимъ переводомъ, въ изданіи *П. А. Ефремова*: Матеріалы для исторіи русской литературы (С.-Пб. 1867). Дмитревскій не ограничивается однимъ перечнемъ, но пытается нарисовать литературную визионерію каждаго автора.

⁴⁾ Опытъ историческаго словаря о российскіхъ писателяхъ. Собралъ *Н. Новиковъ*. С.-Пб. 1772 года; и у *П. А. Ефремова*: Матеріалы для исторіи русской литературы С.-Пб. 1867—первый обстоятельный сводъ указаній литературно-библиографическаго содержанія.

⁵⁾ Драматической словарь или показанія по алфавиту всѣхъ российскіхъ театральныхъ сочиненій и переводовъ, съ означеніемъ именъ извѣстныхъ сочинителей, переводчиковъ и слагателей музыки. М. 1787. (2-е изд. С.-Пб. 1881, точное воспроизведеніе перваго). Имена авторовъ и переводчиковъ указаны далеко не при всѣхъ пьесахъ, напримѣръ, императрица Екатерина.

Бакмейстера вести періодическую лѣтопись литературнаго движенія Россіи остановилась на второмъ десятилѣтіи¹⁾. Однородную задачу, въ меньшихъ только размѣрахъ, преслѣдовали Санктпетербургскія ученыя Вѣдомости²⁾ и С.-Петербургскій Вѣстникъ³⁾. Едва ли не выше всѣхъ ихъ была работа Бантыша-Каменскаго, но она была доведена только до 1776 года и не отличалась полнотою⁴⁾. Наконецъ, нѣкоторые изъ библиографическихъ трудовъ этого времени еще не были извѣстны въ началѣ нынѣшняго столѣтія: „Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ“ впервые указано Калайдовичемъ не ранѣе

¹⁾ *Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland*, herausgg. von *Vacmeister*. 11 Bde. St.-Pbg., 1772—1789. Здѣсь давались рецензіи—иногда довольно крупныя по объему—и обзоръ содержанія вновь выходящихъ русскихъ книгъ разнообразнаго содержанія, преимущественно однако изъ области гуманитарнаго знанія. Всего указано 1102 сочиненія. Кроме того, сдѣлано 216 сообщеній (*Nachrichten*) о движеніи въ области научной (засѣданія ученыхъ обществъ и т. п.). Наконецъ съ восьмага тома—23 приложенія (*Anhänge*)—переводы, цѣликомъ или въ отрывкахъ, русскихъ сочиненій и пр. Ко всѣмъ одиннадцати томамъ приложенъ общій указатель именъ и названій.

²⁾ *Санктпетербургскія ученыя вѣдомости на 1777 годъ*, изд. *Н. Носикова* (переведены *А. Н. Неустроевымъ* въ 1873 г.)—частью критика, частью простой отчетъ о новыхъ книгахъ.

³⁾ *С.-Петербургскій Вѣстникъ* (1778—1781 гг.), 7 частей (полугодій), велъ ежемѣсячный отдѣлъ: „Извѣстіе о новыхъ книгахъ“ и ставилъ широкую программу: „разсуждая о оригинальныхъ сочиненіяхъ.., замѣчать, есть ли на нашемъ языкѣ какія книги о сихъ матеріяхъ; и ежели есть, то въ чемъ нашъ писатель превзошелъ своихъ предшественниковъ или въ чемъ отъ нихъ отсталъ; что онъ предъ ними преимущественнаго и новаго обществу предложилъ; чѣмъ, по нашему мнѣнію, могъ бы онъ привести въ большее совершенство свое произведеніе и какимъ образомъ можетъ оное впредъ исправить и проч.“. Въ переводѣ имѣлось въ виду цѣнить литературное достоинство и точность передачи мыслей автора (ч. I, № 1, стр. 56—59). Однако, на дѣлѣ редація большею частью ограничивалась однимъ только пересказомъ содержанія.

⁴⁾ *De notitia librorum Rossicorum systematicum expositorem, прибавленіе къ Burgii Elementa oratoria* (edidit *N. Bantisch-Kamenski*. Mosquae, 1776, стр. 228—271). Это едва ли не первый по времени систематическій каталогъ русской литературы (одни заглавія). Книги раздѣлены по рубрикамъ на филологическія, историческія, географическія, математическія, медицинскія, философскія и богословскія. Бакмейстеръ, давая отчетъ объ этомъ изданіи, замѣчаетъ, что Бантышъ-Каменскій, хотя указалъ и не всѣ книги, но все же перечислилъ до 900 названій. Даже въ библіотекѣ академической, прибавляетъ онъ, наиболее богатой, есть недочеты. Бакмейстеръ приводитъ любопытную цифру русскихъ книгъ, находившихся тогда въ этомъ ученномъ книгохранилищѣ: отъ 1,200 до 1,500 названій, именно 1,900 томовъ (*Russische Bibliothek*, IV, St.-Pbg., 1777, Seit. 424).

1820-хъ годовъ¹⁾, Записка Штелина—въ началѣ 50-хъ годовъ²⁾, а „Библиотека Россійская“ Дамаскина (Семенова-Руднева) и того позже³⁾. Другія подобныя наданія были слишкомъ относительнаго достоинства, и едва ли могутъ идти въ счетъ⁴⁾.

Нельзя сказать, чтобы вопросъ о времени, когда Евгеній принялся за составленіе своего Словаря, могъ считаться вполне разъясненнымъ⁵⁾. Тѣмъ труднѣе опредѣлить годы, когда впервые зародилась идея объ этомъ грандіозномъ трудѣ. Позднѣйшій по времени біографъ митрополита Евгенія считаетъ однако возможнымъ

¹⁾ Ундольскій, Силвестръ Медвѣдевъ, отецъ славяно-русской бібліографіи. *Итенія Общ. Ист. и Древн.*, годъ первый, томъ III, стр. VIII. Въ послѣднее время г. Соболевскій оспаривалъ установленную Ундольскимъ принадлежность „Оглавленія“ Медвѣдеву, утверждая, что оно составлено Епифаніемъ Славянецкимъ. (*Н. Ч.*, Седьмой археолог. съѣздъ въ Ярославѣ. *Библиографъ*, 1888, № 2, стр. 94). „Оглавленіе“ даетъ обстоятельный перечень не только книгъ, но—и даже преимущественно—рукописей.

²⁾ Напечатана (съ нѣмецкаго) въ *Москвитянинѣ* 1851, № 2 и въ *Матеріалахъ* г. *Ефремова*, стр. 161—167 — данныя по литературѣ за 1732—1763 годы.

³⁾ Библиотека Россійская или свѣдѣніе о всѣхъ книгахъ въ Россіи съ начала типографіи на свѣтъ вышедшихъ. *Памятники древн. писм. и иск.*, 1881, № XI—первое по времени (сочин. 1785 г.) описаніе старопечатныхъ книгъ 1518—1698 гг.

⁴⁾ Таковъ былъ *Projet d'une bibliothèque*, peu nombreuse, pour servir à donner quelque connoissance de l'état de l'Empire de Russie depuis les tems les plus reculés jusqu'à nos jours. St. Pbg., 1789 (*Бакмейстера?*), небольшая брошюра; названій не наберется и сотни. Заглавія снабжены краткими замѣчаніями о форматахъ, о переводахъ и изрѣдка о самомъ содержаніи книги.—Пантеонъ Россійскихъ авторовъ (часть первая, М. 1801) не имѣлъ никакихъ претензій на бібліографію, видѣлъ въ текстѣ объясненіе иллюстрацій и совершенно случайно называлъ то или другое сочиненіе.—Совершенно уже незначительнымъ по объему является „Реестръ книгъ гражданскихъ, которыя по указу царскаго величества напечатаны новонаобрѣтенною амстердамскою азбукою, по 1 число іуна нынѣшняго 1710 году“ (*Русскія Вѣдомости*, 1710 года, № печатанный 31-го мая. См. *Пекарскій*, Наука и Литер., II, 250). Это переченъ 15 сочиненій, замѣчательный развѣ только „какъ первое, до сихъ поръ извѣстное, печатное объявленіе о русскихъ книгахъ“ (*Пекарскій*, *ibidem*).—Сравни наконецъ *Домашнева*: „О стихотворствѣ“ и отрывокъ изъ статьи о русскихъ писателяхъ въ *Академическихъ Извѣстіяхъ*, 1779 г., и „Имянной списокъ всѣмъ, бывшимъ и нынѣ находящимся, въ Сухопутномъ Пляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ...“, С.-Пб. 1761. (Въ *Матеріалахъ* для исторіи русской литературы, *Ефремова* стр. 168—204).

⁵⁾ А. Θ. Бычковъ, опираясь на письмо Евгенія къ гр. Хвостову 1801 г., считаетъ только „вѣроятнымъ“ признать приблизительно это время, но не рѣшается утверждать положительно. *Сборникъ 2-ю отд. Акад. Наукъ* V, 1, 221.

утверждать „что онъ задумалъ свои словари еще въ Воронежѣ, въ самомъ началѣ своей ученой дѣятельности, и тогда же приступилъ къ собираию свѣдѣній о російскихъ писателяхъ“¹⁾. Основаніемъ такому предположенію служитъ то, что уже въ этомъ городѣ „Евгеній могъ видѣть всю скудость свѣдѣній по исторіи нашей новой литературы и сознать необходимость собранія ихъ. Съ другой стороны, занятія исторіей русскою, начавшіяся также въ Воронежѣ, знакомя Евгенія съ древне-русскою письменностью и съ писателями давно прошедшаго времени, возбуждали въ немъ живой интересъ и къ старинной литературѣ. Но здѣсь свѣдѣнія были несравненно скуднѣе, чѣмъ относительно произведеній новой литературы. При такихъ условіяхъ, еще въ Воронежѣ, могла возникнуть у Евгенія мысль собрать свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ, которую онъ и сталъ мало по малу приводить въ дѣлю. Можно думать, что этою мыслью онъ руководился, когда издавалъ сочиненія воронежскихъ епископовъ Тихона и Иннокентія съ ихъ біографіями. Эти изданія такимъ образомъ можно разумѣть какъ первые опыты Евгенія по собираию свѣдѣній о русскихъ писателяхъ. Но Евгеній не остановился на нихъ и продолжалъ свои собранія во все время пребыванія въ Воронежѣ. Такъ можно думать, судя по тому обстоятельству, что когда въ 1801 году графъ Д. И. Хвостовъ обратился къ Евгенію съ просьбой прислать ему извѣстія о трудахъ преосвященныхъ Гавріила, Иннокентія, Самуила Аполлоса и Дамаскина, то Евгеній немедленно сообщалъ ему просимыя свѣдѣнія, что могло случиться только при томъ условіи, если эти свѣдѣнія у него уже были готовы“²⁾).

Все это весьма возможно, но мы остереглись бы принять предложенный выводъ, какъ дѣйствительный фактъ, находя, что онъ недостаточно для этого обоснованъ. Изданіе сочиненій воронежскихъ преосвященныхъ одинаково—и даже съ большею вѣроятностью—могло быть вызвано порученіемъ начальства и личнымъ желаніемъ почтить память мѣстныхъ дѣятелей. Такимъ образомъ эти труды должны были рисоваться въ тѣсной рамкѣ мотивовъ очень опредѣленныхъ и ничего общаго съ „Словаремъ“ не имѣющихъ. Въ бібліотекѣ Кіево-софійскаго собора сохранилась масса собранныхъ Евгеніемъ рукописныхъ каталоговъ разныхъ книгохранилищъ: кіевскихъ, новгородскихъ; калужскихъ, вологодскихъ, семинарскихъ, академическихъ, монастыр-

¹⁾ *Сперанскій*, Ученая дѣятельность Евгенія Болховитникова. *Русскій Вѣстникъ*, 1885, № 4, стр. 563.

²⁾ *Ibidem*, стр. 564.

скихъ, частныхъ (Толстова, Румянцова) и т. п. ¹⁾; но мы не нашли каталога Воронежской семинаріи. Не значить ли это, что, уѣзжая изъ родного города, Евгенийъ еще далеко былъ отъ той широкой научной дѣятельности, которую проявилъ впоследствии? Между тѣмъ, разъ идея о Словарѣ сложилась, всякій подобный каталогъ въ началѣ XIX в. долженъ былъ каждому представляться цѣннымъ подспорьемъ.

Но за то болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ скоромъ времени воронежскіе труды Евгения могли явиться начальнымъ звеномъ въ ряду послѣдующихъ занятій литературно-библіографическаго характера. Всякая работа Евгения незамѣтно вела его къ этому. Въ Воронежѣ работаетъ онъ надъ лѣтописцемъ мѣстныхъ преосвященныхъ, собираетъ сочиненія двухъ изъ нихъ и пишетъ ихъ біографію, готовитъ „Памятный церковный календарь“.. Совсѣмъ не необходимо, чтобъ уже въ это время у него назрѣла мысль о „Словарѣ“, но матеріалъ для подобнаго умозаключенія былъ набранъ, и нуженъ былъ только толчекъ или новый шагъ по пути литературнаго движенія, чтобъ смутное чувство получило образъ опредѣленной идеи. Такимъ толчкомъ мы охотнѣе представляемъ себѣ появленіе Евгения въ Петербургѣ: здѣсь, стоя вблизи литературныхъ вѣяній и вопросовъ, охваченный невѣдомымъ еще для него, провинціала, потокомъ умственной дѣятельности, онъ легче всего могъ почувствовать ту потребность, которая привела его къ составленію Словаря. Мы не должны смущаться тѣмъ, что уже къ 30-му іюню 1801 г. онъ могъ сообщить гр. Хвостову извѣстія о трудахъ преосвященныхъ Гавриила, Иннокентія, Самуила, Аполлоса и Дамаскина ²⁾: не такъ же сложны эти свѣдѣнія, чтобъ нельзя было ихъ собрать въ теченіе годичнаго или полуторагодоваго пребыванія въ Петербургѣ.

Во всякомъ случаѣ у насъ есть несомнѣнные свидѣтельства на то, что мысль о Словарѣ не только окончательно сложилась у Евгения еще въ Петербургѣ, но что въ это же время было дѣятельно приступлено и къ ея осуществленію.

Въ рукописныхъ матеріалахъ къ Словарю, собиравшихся въ теченіи многихъ лѣтъ ³⁾, сохранилось нѣсколько указаній на то, что

¹⁾ Реестръ рукописныхъ книгъ духовно-академической бібліотеки въ Петербургѣ см. въ „Запискахъ къ словарю историческому о русскихъ писателяхъ“ (Древлехр. Погодина).

²⁾ См. письмо его Хвостову отъ этого числа въ *Библіогр. Записк.* 1859. № 8, столбцы 245—247.

³⁾ Записки къ словарю историческому о русскихъ писателяхъ, два еолианта Публ. Библіотеки въ древлехранящаца Погодина.

нѣкоторыя свѣдѣнія находились въ рукахъ Евгенія уже въ 1802 и 1803 гг. Такъ для него переписано было содержаніе первыхъ одиннадцати томовъ *Nova acta academiæ scientiarum*; 12-й же, вышедшій въ 1801 г., онъ переписываетъ самъ; 14-й, 1805 года, много лѣтъ спустя—Анастасевичъ. Даныя о профессорахъ московскаго университета имѣютъ такой заголовокъ: „нужно имѣть свѣдѣнія съ начала заведенія университета по нынѣшній 1803 годъ“. Свѣдѣнія эти дѣйствительно не позднѣе 1802 года. Христіанъ Маттен въ текстѣ показанъ находящимся въ Виттенбергскомъ университетѣ; рукою же Евгенія прибавлено: „а нынѣ съ 1804 опять въ Московскомъ университетѣ“. Извѣстно, что вторично вызванъ былъ онъ въ Россію 6-го іюля 1803 года ¹⁾. Находящійся въ Матеріалахъ списокъ епархіальныхъ архіереевъ помѣченъ Евгеніемъ отъ „1803 года“; послѣднее подтверждается тѣмъ, что при нѣкоторыхъ именахъ имъ же (позже) вставлено: „скончался въ 1803“; „умеръ 1803“. Съ другой стороны онъ легъ въ основу списка, напечатаннаго въ „Церковномъ календарѣ“ ²⁾. Нѣкоторыя отличія приводятъ къ любопытнымъ выводамъ. Во главѣ епархій тобольской и вологодской Матеріалы ставятъ Варлаама и Арсенія; въ Церковномъ же календарѣ названы Антоній и Теофилактъ (стр. 122, 125); оказывается, что это преемники первыхъ двухъ ³⁾. Въ вологодской епархіи смѣнѣ Арсенія (умершаго 15-го іюня 1802 г.) Теофилакту предшествовало даже краткое управленіе каеодрою преосвященнымъ Антоніемъ ⁴⁾. Такимъ образомъ разсматриваемая часть Матеріаловъ для Словаря несомнѣнно составлялась не ранѣе половины 1802 года. Далѣе въ тѣхъ же Матеріалахъ на-талкиваемся на собственноручное изложеніе содержанія книги М. Н. Муравьева: „Опыты исторіи“, гдѣ текстъ писанъ на бумагѣ, носящей слѣды дѣятельности Евгенія, какъ префекта академіи ⁵⁾. Когда писались біографія и перечень трудовъ архіепископа Евгенія Булгара, составленные самимъ Евгеніемъ (Болховитиновымъ), это прямо

¹⁾ Біограф. словарь проесс. Моск. универс. II, 25.

²⁾ Списокъ епархіальнымъ преосвященнымъ архіереемъ на 1803 годъ. Памятный церковный календарь, стр. 120—131. Матеріалы для Словаря, чѣмъ въ списокѣ А. Ѳ. Быкова, отмѣченъ подъ №№ 66 и 67 (*Сборн. 2-ю отд. Акад. Наукъ*, V, 1, стр. 255).

³⁾ Истор. росе. іерархія I, 112, 187—188.

⁴⁾ *Ibidem*, I, 187—188.

⁵⁾ Одна сторона листа разгромаена; первая грава озаглавлена: „имена студентовъ и учениковъ и означеніе винъ ихъ“; другая — „показаніе чѣмъ они штрафованы“.

указано послѣднимъ словами: аппо 1803, вверху текста. Встрѣчаемъ одинъ документъ ¹⁾, писанный тѣмъ же характернымъ почеркомъ, что и копія съ грамоты царя Алексѣя Михайловича (1674 г. фѣвр. 12-го) грузинскому царевичу Николаю Давыдовичу, находящаяся въ матеріалахъ, служившихъ Евгенію для составленія его „Историческаго изображенія Грузіи“ ²⁾. Послужной списокъ В. С. Подшивалова, хотя и доведенъ до 7-го декабря 1803 г. (производство его въ коллежскіе совѣтники), но едва ли не составлялся еще въ 1802 г., ибо данъ отъ имени Подшивалова, еще какъ „надворнаго совѣтника“, и помѣченъ 3-го августа 1802 года. Наконецъ, „Записка о сочиненіяхъ и переводахъ В. А. Левшина“ удостовѣрена и подписана самимъ Левшинымъ отъ 26-го мая 1803 года. Въ числѣ лицъ, содѣйствовавшихъ въ это время Евгенію, можно указать актера И. А. Дмитревскаго, снабдившаго его не только матеріалами для бібліографіи Княжнина, но „помогавшаго“ „и во многихъ другихъ статьяхъ“ ³⁾.

Полагаемъ, собранныхъ указаній вполне достаточно, чтобы имѣть право не съ одной вѣроятностью, но вполне точно и опредѣленно ⁴⁾ признать Петербургскій періодъ дѣятельности Евгенія, какъ время, когда составленіе Словаря русскихъ писателей перестало быть для него однимъ планомъ и изъ области предположеній перешло уже въ область практическаго осуществленія. Но, конечно, это было только начало. О Словарѣ, какъ о трудѣ, принявшемъ выработанную форму и сколько-нибудь законченный видъ, возможно говорить только въ обзорѣ болѣе позднихъ лѣтъ жизни Евгенія.

Большой столичный городъ, центръ умственной и общественной жизни—широкое поле для выдающейся личности. Съ появленіемъ Евгенія въ Петербургѣ неизбѣжно раздвигались для него и рамки прежней дѣятельности. На ряду съ умственнымъ ростомъ выростала и соответствующая обстановка: возникали новыя знакомства, новыя отношенія, а послѣднія въ свою очередь вносили новый матеріалъ и, значить, давали новое обогащеніе.

Въ то же время четырехлѣтнее пребываніе въ Петербургѣ не только открыло Евгенію широкую дорогу къ повышеніямъ и ввело

¹⁾ Копія съ синодскаго указа 5-го мая 1731 г. въ Московскую типографію.

²⁾ Рукопись Кіево-сов. библ. № 559, документъ № 4.

³⁾ Письмо Евгенію Хвостову. *Сборн. 2-ю отд. Акад. Наукъ*, V, 1, стр. 98—99.

⁴⁾ Считаю нужнымъ впрочемъ оговориться, что въ данномъ случаѣ мы только подтверждаемъ мысль, высказанную ранѣе Я. К. Гротомъ (*Сборн. 2-ю отд. Акад. Наукъ*, V, 1, стр. 99).

въ новый кругъ общезитія, но изъ мѣстнаго провинціального исторіографа превратила его въ русскаго ученаго. Евгений, казнимъ знаетъ его потомство, окончателно сложился въ это время.

Своихъ воронежскихъ знакомыхъ-покровителей, графовъ Литке и Бутурлина, онъ не теряетъ изъ виду и въ столицѣ. Позволительно допустить, что и здѣсь онъ находитъ въ нихъ поддержку и сочувствіе. Особенно дружескими, кажется, были отношенія съ Бутурлинымъ, завѣдывавшимъ въ ту пору отдѣленіемъ древностей въ Эрмитажѣ ¹⁾. Графъ-„пріятель“, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, самъ отыскалъ бывшаго протоіерея и возобновилъ прежнее знакомство. Его бібліотека, уже въ то время знаменитая, была всегда готова къ услугамъ Евгенія ²⁾.

Указомъ 16-го мая 1802 г. ³⁾ учреждалось Благотворительное общество для призрѣнія бѣдныхъ и изысканія „всѣхъ нравственныхъ и физическихъ способовъ облегчать ихъ судьбу“. Составъ комитета, кромѣ трехъ первыхъ лицъ, назначенныхъ государемъ ⁴⁾, долженъ былъ пополняться избраніемъ по выбору наличныхъ членовъ. „И первое единогласное избраніе назначенныхъ самимъ государемъ членовъ пало на префекта Александро-Невской академіи, архимандрита Евгенія“ ⁵⁾. Послѣдній не замедлилъ оправдать оказанное ему довѣріе. 29-го октября ⁶⁾ 1802 г. подаетъ онъ комитету свой „Голосъ“—историческій обзоръ правительственныхъ мѣръ для призрѣнія бѣдныхъ съ проектомъ нѣкоторыхъ новыхъ правилъ. Таково было возобновленіе стараго закона, когда каждое сословіе призрѣвало своихъ бѣдныхъ сочленовъ; увеличеніе инвалиднаго фонда; содержаніе иностранцевъ и другихъ разночинцевъ на счетъ приказа общественнаго призрѣнія. По проекту Евгенія, полиція, подъ страхомъ штрафа, содѣйствуетъ

¹⁾ *Русскій Архивъ* 1870, столбц. 780, примѣч.

²⁾ Письма Македонцу №№ 31, 48. О Литке, бывшемъ тогда въ званіи совѣтника коммерціи и, нѣсколько позже, инспектора Петербургской и Бронштадтской таможенъ, см. письма Македонцу №№ 7, 9, 81. *Я. К. Гротъ*, Нѣсколько замѣтокъ на письма мятр. Евгенія къ Македонцу. *Русск. Архивъ* 1870, столбц. 1770—1771. Сравни. Евгениевскій Сборникъ, стр. 128.

³⁾ Полн. Собр. Зак. т. XXVII, стр. 142, № 20266.

⁴⁾ Министра коммерціи Н. П. Румянцова, надворн. совѣтника Щербакова и купца фанъ-дербъ-Флита. *Богдановичъ*, Исторія царств. Имп. Александра I, т. I, приложен., стр. 113.

⁵⁾ *Н. Оаворовъ*, Рвчъ 3-го сентября. *Труды Кіевск. Духовн. Акад.* 1867, № 8, стр. 263.

⁶⁾ Или 25-го октября. Евгениевскій Сборникъ, стр. 43.

бѣдняку, доставляя его въ тотъ пріютъ, на помощь котораго онъ имѣеть право рассчитывать ¹⁾).

Не далѣе какъ черезъ мѣсяць Евгеній входитъ въ комитетъ съ новымъ предложеніемъ: правильнѣе организовать занятія общества, и „потѣеть надъ расположеніемъ подробнаго учрежденія помощи инвалидамъ“ ²⁾).

Но уже въ половинѣ января Евгеній писалъ Македонцу: „комитетъ нашъ вскорѣ, рухнетъ, ибо сотрудники мои отказались отъ сочиненія плановъ по своимъ частямъ и теперь хотятъ все оставить по прежнему приказамъ, предположивъ размножить ихъ заведенія; а въ пособіе, по моему предназначенію, заставить и каждое состояніе пещись о своихъ. Мнѣ же поручено написать и докладъ о семъ, который я уже и изготовилъ“ ³⁾). Комитетъ, дѣйствительно, былъ вскорѣ закрытъ ⁴⁾, но „почти всѣ соображенія“ Евгенія приняты имъ „и вошли во всеподданнѣйшій докладъ государю императору“ ⁵⁾.

---

¹⁾ „Голосъ“ напечатанъ въ Евгеніевскомъ Сборникѣ, стр. 155—158. Въ бумагахъ Евгенія, доставшихся Анастасевичу, а послѣ него Ивановскому, къ запискѣ была приложена опись дѣламъ по комитету съ оглавленіемъ бумагъ и проектовъ. „Всѣхъ ихъ числомъ 26. Начиная съ № 17 по № 26 включительно съ боку оглавленій значится собственноручная приписка Евгенія: „это все мое“. Одно только оглавленіе проектовъ, выписокъ и меморій, которыми вносились Евгеніемъ въ засѣданія комитета на обсужденіе членовъ его, неволью приводитъ въ недоумѣніе, сколько онъ приложилъ труда и по этой части, въ званіи члена комитета Благодѣтельнаго общества“ (Евгеніевскій Сборникъ, 43, примѣч.).

²⁾ Письмо Македонцу № 38.

³⁾ Ibidem, № 39.

⁴⁾ Рескриптъ государя о закрытіи общества (въ Полн. Собр. Зак. не напечатанъ) данъ на имя Н. П. Румянцова 11-го февраля 1803 г. Поручая изъяснить членамъ комитета свою признательность, государь говорилъ: „усмотрѣвъ изъ доклада, которымъ комитетъ, составленный для разсмотрѣнія плана вспоможенія бѣднымъ, оканчиваетъ трудъ свой, что первоначальнымъ средствомъ къ достиженію сей цѣли полагается распространеніе круга дѣятельности приказовъ общественнаго призрѣнія, я не премину взять нужныя мѣры и прислать способы къ приведенію ихъ въ такое устройство, которое бы дѣйствительно и совершенно исполняло мое намѣреніе“. Румянцовъ письмомъ 13-го февраля 1803 г. извѣщалъ Евгенія (на конвертѣ: „вашему высокопреподобію“) о состоявшемся распоряженіи. (Копія рескрипта и оригиналъ письма съ собственноручною подписью графа хранятся въ не нумерованной связкѣ бумагъ въ Кіево-софійской библіотекѣ.

⁵⁾ Н. Оворовъ, Рязь 3-го сентября. *Труды Кіевск. Дух. Акад.* 1867, № 8, стр. 264. Авторъ имѣлъ въ рукахъ рукопись Кіево-софійской библіотеки, № 436, которой мы, къ сожалѣнію, не могли отыскать въ библіотекѣ Кіево-софійскаго

Лично для Евгенія участіе въ Благотворительномъ обществѣ едва ли не наиболѣе цѣннымъ ¹⁾ было по сближенію съ тогдашнимъ министромъ коммерціи, гр. Н. П. Румянцовымъ, будущимъ меценатомъ-археологомъ. Оно положило между ними начало той ученой связи, которая продолжалась впослѣдствіи въ теченіи столькихъ лѣтъ. Въ письмахъ къ Македонцу Евгеній не разъ упоминаетъ о своемъ сочленѣ ²⁾. Знатный вельможа охотно оказываетъ покровительство Зеленецкому архимандриту: то отклоняетъ отъ него грозившую опасность быть отправленнымъ въ морскую экспедицію къ берегамъ Японіи ³⁾, то рекомендуетъ, какъ „ученаго“ предъ царской фамиліей на придворномъ обѣдѣ... ⁴⁾.

На ряду съ связями общественными крѣпнуть и развиваются связи ученныя и литературныя: мы видѣли выше содѣйствіе Дмитревскаго, оказанное Евгенію въ собираніи матеріаловъ для Словаря. Въ Петербургѣ въ это время служилъ въ главномъ почтовомъ управленіи Г. Н. Городчаниновъ, будущій профессоръ Казанскаго университета ⁵⁾. Дружеская съ нимъ переписка ⁶⁾, начавшаяся для Евгенія тотчасъ по выѣздѣ изъ столицы, доказываетъ, что живой обмѣнъ мыслей начался у нихъ еще до этого времени. Участіе въ Географическомъ словарѣ, кажется, вытекало изъ знакомства съ однимъ изъ его издателей, Максимовичемъ ⁷⁾; съ графомъ Хвостовымъ, какъ мы тоже видѣли, Евгеній знакомъ былъ не по одному синоподу ⁸⁾. Сошелся онъ и съ архіепископомъ Евгеніемъ Булгаромъ,

собора. Едва ли не содержитъ она между прочимъ и „Голосъ“: сравни начальныя строки его въ Евгеніевскомъ Сборникѣ съ послѣдними строками страницы 263 рѣчи прот. Фаворова.

¹⁾ Какого-либо вознагражденія за работы въ Обществѣ Евгеній не получилъ. Письмо Македонцу № 45.

²⁾ Письма Македонцу №№ 37, 38, 43, 44.

³⁾ Ibidem, № 43.

⁴⁾ Ibidem, № 44. Прокуроръ сената Н. П. Рязановъ, начальникъ упомянутой экспедиціи, былъ „коротко знакомъ“ Евгенію. Письмо Македонцу № 43.

⁵⁾ *Н. Н. Буличъ*, Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, 133. Едва ли не въ Воронежѣ началось ихъ знакомство. Сравни. Евгеніевскій Сборникъ, 136.

⁶⁾ Часть ея напечатана въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1857, т. 94-й, и въ отрывкахъ, въ *Сборн. 2-го отд. Акад. Наукъ V*, 1.

⁷⁾ Сравни. письмо Анастасевичу, 24 мая 1814. *Древн. и Нов. Россія*, 1880, № 10, стр. 346.

⁸⁾ Д. И. Хвостовъ, какъ извѣстно, былъ оберъ-прокуроромъ синода съ 10 іюня 1799 по 6 января 1803 (*Истор. рос. іерархіи*, VI, 890), и, следовательно, начальникомъ Евгенія въ то время, когда тотъ писалъ ему упомянутое выше письмо 30-го іюня 1801 г.

доживавшимъ на покоѣ въ Александроневской лаврѣ ¹⁾. Они зачастую сходятся, читаютъ, спорятъ между собою ²⁾.

При всѣхъ этихъ отношеніяхъ Евгеній все-таки живетъ „по пустынночески“ ³⁾; вѣрный литературнымъ вкусамъ, охотно готовъ принимать свою административную дѣятельность на кафедре богословія во вновь открывающемся Харьковскомъ университетѣ ⁴⁾, роется въ своей академической библіотекѣ ⁵⁾ и при случаѣ всегда готовъ набросать маленькую статейку, легкую замѣтку ⁶⁾,

Но „служба“ навойливо влечетъ Евгенія въ сферу иныхъ интересовъ; если иногда ему и удается вырваться не на долго въ Сергіеву пустынь „и послѣ городского шума восхищаться уединеніемъ своимъ“ среди немногихъ „книгъ и пріятельскихъ писемъ“ ⁷⁾, то лишь одними урывками. Митрополитъ Амвросій, хотя и очень благоволившій къ Евгенію ⁸⁾, не оставлялъ его безъ дѣла. Мысль о реформѣ духовныхъ

¹⁾ Словарь духовн. писат., изд. 1827 г., I, 150.

²⁾ Письмо Македонцу № 10.

³⁾ Ibidem, № 33.

⁴⁾ Ibidem, № 50.

⁵⁾ Ibidem, № 36.

⁶⁾ Такъ, въ 1802 г. пишетъ онъ біографію Я. Б. Княгинина, по матеріаламъ и даже указаніямъ друга его, актера Дмитревскаго (письма Хвостову №№ 2, 10. *Сборн. 2-ю отд. Акад. Наукъ V, 1, стр. 99, 107*). Прежде чѣмъ ей появиться въ журналѣ *Друзь Просвѣщенія* (1804, ноябрь, 131—136), она была напечатана при первомъ томѣ собранія сочиненій Княгинина (М. 1802), безъ позволенія автора, съ прирасами, высокопарными восхваленіями и пропускомъ всего сколько-нибудь ослабляющаго литературныя достоинства поэта.—Другая замѣтка—„Историческій отрывокъ о Іоаннѣ Смерѣ, половчанинѣ, придворномъ врачѣ Владиміра I, в. князя Кіевскаго“ (*Друзь Просв.* 1804, май, 137—138), 9-го марта 1804 г., отправляя ее Хвостову для напечатанія, Евгеній говоритъ, что еще не успѣлъ разобрать своихъ бумагъ (въ Повгородѣ онъ пріѣхалъ 8-го февраля. Письмо Македонцу № 54) и посылаетъ „что первое на глаза попалось“ (*Сборникъ 2-ю отд. Акад. Наукъ, V, 1, стр. 98—99*). Конечно, не въ январѣ же 1804 г. писалъ онъ ее, во время хлопотъ, вызванныхъ новымъ положеніемъ. Вотъ почему мы и относимъ ее къ петербургскому періоду литературной дѣятельности Евгенія. — Остается еще упомянуть о переводѣ съ греческаго трехъ гимновъ: Ореевъ—о Богѣ, Клеановъ—къ Богу, и Каллимаха—острову Делосе („О Имнахъ“: *Друзь Просв.* 1804, июль, 55—64, съ предварительной характеристикой гимновъ). Пожалуй, даже вѣрнѣе отнести ихъ по времени къ 1790-мъ годамъ, такъ какъ въ мартѣ 1804 г. Евгеній отзывался о нихъ, какъ о „старинныхъ“ переводахъ (*Сборн. 2-ю отд. Акад. Наукъ, V, 1, стр. 100*).

⁷⁾ Письмо Македонцу № 45. Сравни. № 35.

⁸⁾ Ibidem, №№ 53, 55.

училищъ уже назрѣла въ тѣ годы исполнѣ; мѣры 1797 и 1798 гг. были только этапными пунктами къ указу 1808 г. Въ концѣ 1803 г. приступили къ выработкѣ проекта; если, можетъ быть, и не исполнѣ точны слова Евгенія, утверждавшаго, будто бы онъ „натолковалъ“ митрополиту Амвросію „сію идею“¹⁾; но несомнѣнно, что исполненіе ея было поручено никому иному, какъ ему²⁾. Но за скорымъ выѣздомъ въ Новгородъ, выполнить данное порученіе пришлось Евгенію уже внѣ Петербурга.

„Дѣла такъ же душать, какъ и прежде“³⁾, а каково вознагражденіе? Въ коронацію императора Александра получилъ онъ алмазный наперстный крестъ⁴⁾; но жалованья не доставало, и Евгеній радъ былъ, что „запасся деньгами“⁵⁾. „Вы дивитесь“, пишетъ онъ Македонцу, — „что я за нищенскій комитетъ ничего не получилъ. Да когда же я что-нибудь за труды получалъ? Во всю мою жизнь судьба моя была работать, а не получать за работу награды, а если что получалъ и получилъ я, то совсѣмъ не за труды, а какъ-то по случаю. Чудно! И здѣсь не стыдятся меня въ глаза даже хвалить и начальники, и свѣтскіе. Но или я причиною, что никогда и ничего себѣ я не просилъ и просить не хочу, или, можетъ быть, и Провидѣніе Божіе не хочетъ баловать меня и не за заслуги награждать меня хочетъ а туне, когда я не чаю“⁶⁾.

Вотъ почему, дѣйствительно, возведеніе въ санъ епископа съ назначеніемъ на должность викарія Новгородскаго было для Евгенія полною неожиданностью. Еще 20-го ноября 1803 г. говоритъ онъ о своемъ желаніи попасть въ Харьковскій университетъ⁷⁾; 18-го де-

¹⁾ Ibidem, № 59.

²⁾ Ibidem, № 59. *Знаменскій*, Чтенія изъ исторіи русск. церкви за время царствов. имп. Александра I, стр. 8—9. II. М., Изъ прошлаго. *Русск. Вѣстники* 1868 г., т. 74, № 4, стр. 485—486.

³⁾ Письмо Македонцу № 39.

⁴⁾ Автобіографія, 3. Письмо Македонцу № 24. Сравни. *Евгеніевскій Сборникъ*, 138. Евгеній извѣщенъ былъ о пожалованіи письмомъ митр. Амвросія 18-го сентября 1801 г. (изъ Москвы) за № 254: „въ вознагражденіе усерднаго служенія вашего... Усердно поздравляю васъ“. Амвросій подписался: „усердный доброжелатель“. Въ письмѣ этомъ Евгенія величали: „ваше преподобіе“ (оригиналъ письма въ не нумерованной связкѣ бумагъ въ Кіево-софійской бібліотекѣ).

⁵⁾ Письмо Македонцу № 8. Какъ преемствъ, онъ получалъ 250 р.; какъ архимандритъ—200 р., да еще 100 р. „на карету“. Сравни. №№ 31, 50.

⁶⁾ Ibidem, № 45.

⁷⁾ Ibidem, № 50.

кабры, передавая слухи о новыхъ назначеніяхъ, называетъ ректора Петербургской академіи вѣроятнымъ кандидатомъ въ Новгородъ ¹⁾; а между тѣмъ къ 1-му января 1804 г. уже подписанъ былъ указъ о назначеніи самого Евгенія на Новгородскую кафедру ²⁾. Хотя и готовый года за два передъ этимъ отклонить отъ себя подобное повышение ³⁾, Евгенийъ принялъ его теперь съ понятнымъ чувствомъ удовольствія и удовлетворенія. Въ особенности первое время по приѣздѣ въ епархію настроеніе у него было самое пріятное ⁴⁾. „Теперь душа на мѣстѣ“, замѣчаетъ онъ своему воронежскому корреспонденту, и, какъ бы оглядываясь на прожитые годы, какъ бы резюмируя впечатлѣнія петербургской жизни, добавляетъ: „служба была не долга, но крайне тяжела“ ⁵⁾.

Е. Шмурло.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Ibidem, № 52.

²⁾ Ibidem, № 53. Автобіографія, 3.

³⁾ Письмо Македонцу № 31.

⁴⁾ Ibidem, № 55.

⁵⁾ Ibidem, № 54.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Микрофонологія въ приѣненіи къ русской грамматикѣ.

В. А. Богородицкій. Курсъ грамматикѣ русскаго языка. Часть I. Фонетика. Варшава 1887.

Сочиненіе г. Богородицкаго составляетъ первую часть очень обширнаго—вѣроятно, университетскаго—курса русской грамматикѣ и состоитъ изъ 11-ти главъ: въ первой представлено общее обзорѣніе аrio-европейскихъ языковъ вообще, а славянскихъ въ частности, съ краткимъ обозначеніемъ ихъ діалектическихъ соотношеній, исторической преемственности и географическаго размѣщенія; во 2-й—довольно обстоятельная физиологія звуковъ русскаго языка, въ ихъ отношеніи къ буквенному выраженію и въ разныхъ подробностяхъ качественнаго и количественнаго различенія гласныхъ и согласныхъ, со сводомъ наблюденій въ особой „анатоми-физиологической таблицѣ звуковъ русскаго языка“ (31 стр.); въ 3-й—разсмотрѣніе нѣкоторыхъ особенностей русскаго правописанія, въ его отношеніяхъ къ исторіи нашего языка и къ научно-фонетической транскрипціи звуковъ и звукосочетаній; въ 4-й, озаглавленной „Введеніе въ этимологію“, находимъ нѣкоторыя соображенія о психологическихъ основахъ рѣчи, въ ея морфологическихъ и семасіологическихъ элементахъ; въ 5-й послѣ нѣсколькихъ методологическихъ замѣчаній представлена „научно-фонетическая транскрипція небольшого разказа (Ось и чека), съ подробными графическими и фонетическими объясненіями; въ 6-й изложены соображенія автора о вліаніи твердости и мягкости смежныхъ согласныхъ на ударяемые гласные, съ критикою предшество-

вавшихъ взглядовъ на это явленіе и съ провѣркою его на діалектологическихъ матеріалахъ Колосова для сѣверо-восточныхъ губерній; въ 7-й разсмотрѣны неударяемые гласныя со стороны „статической“, и „динамической“, съ провѣркою теоріи автора на данныхъ діалектологическихъ и историческихъ; въ 8-й идетъ рѣчь объ измѣненіи *ѣ* въ *ѓ* при различной звуковой обстановкѣ въ разныхъ вел.-русск. и мало-русск. говорахъ, съ параллелями изъ памятниковъ историческихъ; въ 9-й—о бѣглыхъ гласныхъ *о* и *е* въ различной звуковой и морфологической обстановкѣ, съ обзоромъ факторовъ этого явленія и его исторіи: въ концѣ этой же главы представлены краткія замѣчанія о первомъ и второмъ полногласіи; въ 10-й главѣ разсмотрѣны явленія „аккомодация“ въ области согласныхъ звуковъ, со стороны ихъ твердости и мягкости, звонкости и отношеній къ удареніямъ, съ таблицей смягченія согласныхъ передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ; наконецъ, въ 11-й главѣ трактуется о родствѣ звуковъ русскаго языка съ другими аrio-европейскими, со сводомъ новѣйшихъ мнѣній о подъемахъ въ этихъ языкахъ вообще, а славянскихъ въ частности.

Такимъ образомъ фонетика г. Богородицкаго обнимаетъ почти всѣ вопросы русскаго вокализма и консонантизма, хотя и въ неравномѣрномъ освѣщеніи. Съ наибольшою подробностію останавливается авторъ на любимыхъ имъ темахъ о неударяемыхъ гласныхъ и уподобленіяхъ въ составѣ слоговъ и словъ, посвятивъ первому предмету 76 страницъ (146—222), а второму 84 (124—146, 223—272, 294—308), то-есть, въ совокупности почти половину сочиненія (161: 317). Понятно, что при такомъ сосредоточеніи вниманія на однѣхъ сторонахъ предмета, другія должны были остаться въ тѣни. Такъ вопросъ о полногласіи исчерпанъ на 4 страницахъ (263—266, ср. 313), подъему же во всѣхъ аrio-европейскихъ языкахъ посвящено не болѣе 15 страницъ (302—317). Впрочемъ, отъ такой неравномѣрности освѣщенія наука ничего не теряетъ, ибо авторъ входитъ въ подробности по вопросамъ своего спеціальнаго изученія, гдѣ онъ имѣетъ сказать нѣчто новое, оставляя на заднемъ планѣ тѣ вопросы, по отношенію къ которымъ онъ чувствуетъ себя менѣе компетентнымъ. На оборотъ, мы должны быть благодарны автору за энергію и настойчивость, съ которою онъ продолжаетъ свои прежнія, извѣстныя и изъ магистерской диссертациі (Гласныя безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ. Казань. 1884) изслѣдованія о зависимости тембра гласныхъ и характера согласныхъ отъ звуковой ихъ обстановки въ

составѣ слоговъ и словъ. Конечно, и въ этой области онъ не лишенъ предшественниковъ (Ломоносовъ, Востоковъ, Гротъ, Бетлингъ, Колосовъ, Потебня, Бодуэнъ-де-Куртенъ и мн. др.), но за то не имѣетъ соперниковъ между нашими и заграничными языковѣдами въ подробности и обстоятельности изслѣдованія означенныхъ тонкостей русскаго вокализма и консонантизма.

Не одна, впрочемъ, детальность работы возвышаетъ настоящее сочиненіе надъ прежними по названнымъ спеціальнымъ вопросамъ. Авторъ обнаружилъ въ немъ и очень обстоятельное знакомство съ современнымъ ученіемъ объ анатомио-физиологическихъ условіяхъ образованія рѣчи, особенно съ нѣмецкой школой, одушевленнымъ представителемъ которой у насъ издавна служитъ даровитый учитель казанскихъ фонологовъ, профессоръ Бодуэнъ-де-Куртенъ. Сверхъ того, г. Богородицкій успѣлъ выработать въ себѣ довольно тонкое чутье къ явленіямъ живой рѣчи, способность къ методическому ея анализу и правильный взглядъ на взаимное соотношеніе звуковъ къ буквамъ вообще, а нашей графики въ частности. Отправляясь отъ современной живой рѣчи, какъ вѣрный послѣдователь нѣмецкой нео-грамматической школы, нашъ авторъ не пренебрегаетъ однако и историческими памятниками языка, а въ нужныхъ случаяхъ обращается и къ сравнительной грамматикѣ аrio-европейскихъ языковъ, съ новѣйшей разработкою которой онъ достаточно знакомъ.

Признавая всѣ эти достоинства сочиненія и рекомендуя его вниманію не только начинающихъ глоттологовъ, но и спеціалистовъ, въ особенности по вышеозначеннымъ спеціальнымъ вопросамъ русскаго вокализма и консонантизма, мы не можемъ однако скрыть нѣкоторыхъ своихъ недоумѣній относительно какъ научнаго метода автора, такъ и добытыхъ имъ обобщеній и выводовъ.

Въ принципѣ ничего нельзя возразить противъ расширенія области русской фонетики на минимальные звуковые оттѣнки, въ родѣ отличія тембра гласныхъ передъ слогами твердыми и мягкими на разстояніи одного, двухъ, трехъ слоговъ передъ удареніемъ или послѣ него. На оборотъ, отъ изученія такихъ оттѣнковъ можно ожидать важныхъ обобщеній въ области исторической діалектологіи, ибо жизнь звуковъ при нормальныхъ условіяхъ выражается въ ихъ незамѣтномъ, но непрерывномъ измѣненіи, обусловленномъ то анатомио-физиологическими, то психологическими, то этнологическими и историческими факторами. Минимальный анализъ столь же важенъ въ грамматикѣ, какъ въ наукахъ естественно-историческихъ, оперирую-

щихъ микроскопомъ. Но это методъ еще новый въ филологіи, не вполне установленный, а потому преисполненный опасностей. Для правильнаго пользованія микроскопомъ необходимы многія условія, между которыми вѣрный и опытный глазъ является, конечно, главнымъ, но далеко не единственнымъ. Во всякомъ случаѣ, для успѣха наблюденій микрофоническихъ необходимо имѣть твердую точку отправленія и опору въ результатахъ, добытыхъ изслѣдованіями макрофоническими. Спрашивается, можно ли это утверждать уже въ настоящее время относительно звуковъ человѣческой рѣчи?

Не отрицаемъ, что антропо-фонологія подвинулась очень далеко въ послѣднія десятилѣтія, благодаря трудамъ Пуркине, Брюкке, Гельмгольца, Чермака, Меркеля, Дондерса, Винтелера, Сиверса, Белли, Свита, Сторма и н. др.; но едва ли можно считать уже теперь на столько разъясненнымъ способъ образованія и характеръ всѣхъ основныхъ звуковыхъ типовъ нашихъ языковъ, чтобы считать своевременнымъ переходъ къ второстепеннымъ развѣтвленіямъ и минимальнымъ отбѣнкамъ этихъ типовъ.

Такъ, въ примѣненіи къ русскому языку мы можемъ указать на довольно важныя вопросы микрофонологіи, которые представляются спорными и послѣ изслѣдованій г. Богородицкаго.

Возьмемъ, на примѣръ, его ученіе объ „индифферентномъ укладѣ“ рта и издаваемыхъ при этомъ звукахъ. Нельзя отрицать, что вопросъ этотъ имѣетъ существенную важность при изученіи звуковыхъ типовъ въ области какъ вокальной, такъ и консонантной, ибо означенный укладъ служить исходною точкой для органовъ, идущихъ на звукообразующую работу, а вмѣстѣ конечной для органовъ, возвращающихся съ нея. Какимъ же звукамъ соответствуетъ этотъ укладъ въ большей или меньшей степени? На вопросъ этотъ у г. Богородицкаго находимъ не одинъ и даже не два, а нѣсколько довольно разнорѣчивыхъ отвѣтовъ: то онъ считаетъ „индифферентнымъ“ укладъ при артикуляціи гласнаго А (25, 37, 147, 184, 196), то признаетъ таковымъ укладъ узкій (179, 180, 187, 192), какимъ онъ является при образованіи гласныхъ У, Ы, І (181, 182), то укладъ при выговорѣ Ъ, Ь (187), то наконецъ укладъ при артикуляціи согласныхъ звуковъ (37). Уже одно сопоставленіе столь различныхъ укладовъ подъ общимъ наименованіемъ „индифферентныхъ“ возбуждаетъ сомнѣніе въ точности и опредѣленности значенія этого термина. Въ самомъ дѣлѣ, если индифферентнымъ считать укладъ узкій, то нельзя отнести сюда артикуляціи А, самаго широкаго изъ всѣхъ

звукѣ, и на оборотъ, если признавать таковымъ укладъ А, то возможно ли причислить сюда укладъ У или І, составляющихъ два противоположные полюса вокализма, имѣющаго своимъ средоточіемъ звукъ А? Если уклады Ы—І, даже артикуляція гласныхъ, съ одной стороны, а согласныхъ—съ другой, сопоставляются какъ однородные, то что же можетъ быть названо разнороднымъ въ этой области? Оперируя такъ часто терминомъ „индифферентный укладъ рта“, авторъ долженъ былъ дать точное опредѣленіе анатомио-физиологическихъ условій этого уклада. Терминъ „индифферентный“ не имѣетъ самъ по себѣ особенной опредѣленности. Подъ нимъ можно, напримѣръ, разумѣть и то состояніе органовъ рѣчи, въ которомъ они находятся при спокойномъ дыханіи, и то, при которомъ они начинаютъ, либо кончаютъ извѣстную звукообразующую работу, и которое можно принять за основной базисъ такой работы. Каждая изъ этихъ возможностей въ свою очередь подлежитъ замѣтнымъ видоизмѣненіямъ въ различныхъ языкахъ, такъ что „индифферентный укладъ“ англичанина будетъ нѣсколько отличаться отъ французскаго, этотъ же послѣдній отъ нѣмецкаго, русскаго и т. д.

Впрочемъ, не у одного г. Богородицкаго мы замѣчаемъ такую сбивчивость термина „индифферентный укладъ“: она встрѣчается и у другихъ фонологовъ. Такъ напримѣръ, Брюкке считаетъ звукъ А признакомъ и продуктомъ индифферентнаго уклада подъязычной кости ¹⁾. Къ этому взгляду склоняется и Г. Мейеръ ²⁾, допуская однако при этомъ, что спокойному положенію рта наиболѣе соответствуетъ укладъ І ³⁾. Румпельтъ, на оборотъ, признаетъ нѣмецкое Ö наиболѣе близкимъ къ индифферентному укладу ⁴⁾. Къ этому мнѣнію присоединился и Сиверсъ, утверждая положительно, что при индифферентномъ укладѣ рта производится никакъ не А, а скорѣе ä или ö ⁵⁾. Такъ приблизительно думаютъ и англійскіе фонологи, изъ коихъ Эллисъ считаетъ Ъ правукомъ всѣхъ гласныхъ, то-есть, общимъ базисомъ ихъ образованія ⁶⁾, Белль признаетъ таковымъ е muet ⁷⁾, Свигъ же среднее е ⁸⁾.

¹⁾ *Brücke*. Grundzüge der Physiologie und Systematik der Sprachlaute 2 24.

²⁾ *G. Meyer*. Unsere Sprachwerkzeuge 135.

³⁾ *Ib.* 307.

⁴⁾ *Rumpelt*. Das natürliche System der Sprachlaute 82.

⁵⁾ *Sievers*. Grundzüge der Lautphysiologie 15.

⁶⁾ *См. Brücke* 159.

⁷⁾ *Bell*. Sounds and their relations 41.

⁸⁾ *Sweet*. Handbook of phonetics 13.

Но и независимо отъ вопроса объ „индифферентномъ укладѣ“ встрѣчаются между фонологами разногласія и противорѣчія по многимъ основнымъ вопросамъ вокализма и консонантизма.

Такъ г. Богородицкій считаетъ укладъ А узкимъ (30), даже наклоняющимся иногда къ І (въ словѣ „мать“! 124), тогда какъ Г. Мейеръ признаетъ тотъ же укладъ широкимъ ¹⁾, Сиверсъ среднимъ ²⁾, а Брюкке измѣнчивымъ ³⁾: къ послѣднему мнѣнію присоединились впоследствии Белль ⁴⁾ и Свить ⁵⁾.

Мало сходства замѣтимъ мы и въ ученіи объ укладѣ Ы нашего автора, съ одной стороны (звукъ де узкій! 30 стр. 23), а Лепсіуса, Сиверса ⁶⁾, Белля и Свита ⁷⁾—съ другой.

Едва ли всѣ фонологи согласятся съ г. Богородицкимъ и во взглядѣ на взаимное отношеніе слоговъ: са-ся (40), ла-ля (153), ву-вю, вз-ве, во-вѣ (43, стр. 63, 223) и т. п. По его мнѣнію, все различіе этихъ слоговъ сводится къ твердому или мягкому выговору согласныхъ, при полномъ тождествѣ гласныхъ. Но можетъ ли быть тождество гласныхъ при сочетаніи съ различными по твердости и мягкости согласными? Самъ авторъ это оспариваетъ, различая тембръ гласныхъ передъ твердыми согласными отъ ихъ тембра передъ мягкими (129). Если такъ дѣйствуетъ на гласные сосѣдство послѣдующихъ согласныхъ, то почему бы не дѣйствовать въ аналогичномъ смыслѣ согласнымъ предшествующимъ? Различая въ звукахъ элементы начальный (эккурсія), срединный и конечный (рекурсія), г. Богородицкій долженъ бы обратить вниманіе на невозможность тождественной „эккурсія“ гласныхъ при различіи „рекурсія“ согласныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если согласные твердые артикулируются безъ подъема средней части языка къ нѣбу, а мягкіе съ таковымъ подъемомъ (25), то въ послѣднемъ случаѣ „эккурсія“ послѣдующаго гласнаго будетъ иная, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Постепенное передвиженіе средней части языка отъ нѣба къ нижней челюсти и составляетъ причину различія воевального тембра въ парахъ: ва-ва, во-вѣ, ву-вю, вы-вю и т. п. Тождество конечнаго

¹⁾ 297.

²⁾ 38.

³⁾ 25.

⁴⁾ 39.

⁵⁾ 9.

⁶⁾ 44—46.

⁷⁾ 26.

момента вокальной артикуляціи каждой изъ такихъ паръ (стр. 13) не исключаетъ само по себѣ различія ихъ начальныхъ и среднихъ моментовъ. Если мы назовемъ гласные въ слогахъ: ва, во, ву, вы звуками съ неизмѣннымъ діаметромъ надставной трубки, то въ слогахъ: вѣ, вѣ, вѣ, вѣ мы должны будемъ назвать гласные звуками съ измѣнчивымъ, именно съ увеличивающимся діаметромъ. А такъ какъ вертикальныя движенія языка, въ данномъ случаѣ сверху внизъ, соединяются съ легкимъ измѣненіемъ расположенія подъязычной кости, слѣдовательно и гортани, то понятно, что съ опущеніемъ послѣдней и длина надставной трубки постепенно увеличивается, отчего въ свою очередь слегка измѣняется тембръ гласнаго, образованнаго при возрастающемъ діаметрѣ. Совокупность этихъ анатомио-физиологическихъ условій и производитъ то различіе акустическаго характера гласныхъ, которое мы явственно замѣчаемъ при сравненіи слоговъ: ла-ла, ло-лѣ, лу-лю и т. п.

Г. Богородицкій иногда какъ будто нападалъ на это различіе гласныхъ, называя вторыя палатальными (223) или іотованными (237), по сравненію съ первыми; но эти счастливыя догадки заглушаемы были априорнымъ мнѣніемъ о тожествѣ гласныхъ послѣ твердыхъ и мягкихъ согласныхъ, которое онъ наследовалъ, если не ошибаемся, отъ фонологовъ польскихъ, соблазняемыхъ традиціонной ореографіей: la-la, lu-lu, lo-lo и т. п.

Изъ области консонантизма спорнымъ представляется намъ вопросъ о характерѣ звуковъ j, p, л, м, н по отношенію къ гортанному звону. Г. Богородицкій считаетъ эти звуки звонкими во всѣхъ позиціяхъ (18), слѣдуя въ этомъ отношеніи фонологамъ нѣмецкимъ, особенно Брюкке ¹⁾ и Сиверсу ²⁾, хотя они и колеблются въ этомъ отношеніи, особенно по отношенію къ Р, Л ³⁾. Между тѣмъ гораздо правдоподобнѣе мнѣніе фонологовъ англійскихъ Белла ⁴⁾ и Свита ⁵⁾, которые принимаютъ пары звонкихъ и глухихъ для каждого изъ названныхъ согласныхъ, со включеніемъ пожалуй еще полусогласнаго В ⁶⁾. Къ этому мнѣнію присоединился отчасти и Густ. Мейеръ ⁷⁾.

¹⁾ 42, 64.

²⁾ 56, 74.

³⁾ *Brücke* 55, 58.

⁴⁾ *Stevens* 51.

⁵⁾ 10, 11.

⁶⁾ 36.

⁷⁾ *Sweet* 36.

⁸⁾ 336.

Оно подтверждается характеромъ группъ при означенныхъ шести согласныхъ, а именно ихъ сочетаемостью и съ такими, и со звонкими, напримѣръ, въ русскомъ языкѣ: найдти-найду, тварь-дверь, право-браво, плѣнный-блѣдный и т. п. Пусть контрасты этихъ шести согласныхъ по звонкому или глухому произношенію не столь значительны и замѣтны, какъ въ остальныхъ согласныхъ; пусть они отличаются отъ послѣднихъ и своею близостью къ гласнымъ, особенно въ сонантномъ расположеніи и роли: все же мы должны допустить для нихъ пары звонкихъ и тихихъ, если не хотимъ колебать такихъ основныхъ законовъ консонантизма, какъ однородность по звуку согласныхъ группъ, ослабленіе звона въ повзвучномъ расположеніи и т. п. Во всякомъ же случаѣ, при разногласіи мнѣній по этому вопросу самыхъ авторитетныхъ фонологовъ нашего времени, мы не можемъ считать этотъ вопросъ окончательно рѣшеннымъ въ томъ смыслѣ, какъ принимаетъ г. Богородицкій, и въ правѣ указывать на него, какъ на доказательство слабой разработки самыхъ основныхъ вопросовъ консонантизма.

Не свободенъ отъ сомнѣній и вопросъ о слогообразователяхъ. Въ прежнее время таковыми считались лишь гласные. Позже къ нимъ присоединили группу сонантныхъ согласныхъ, тѣхъ самыхъ, о которыхъ выше была уже рѣчь. Теперь г. Богородицкій придерживается того ученія, что каждый согласный можетъ быть слогообразователемъ (175, стр. 115, 188, 307, 307). Теоретически это возможно, но въ примѣненіи въ русскому языку авторъ, кажется, слишкомъ расширилъ роль такихъ слогообразователей, игнорируя присутствіе и роль глухихъ гласныхъ въ такихъ сочетаніяхъ слоговъ, какъ: въ самомъ дѣлѣ = всамъдѣлѣ, а не всамдѣлѣ; поголому = пагбѣлму, а не пѣголому (стр. 106): а до деревни — а дѣ деревни, а не адд'еревни (ib.) и т. п. Такъ смотритъ на подобныхъ слогообразователей и проф. Потѣбня ¹⁾, и даже фонологъ одной съ г. Богородицкимъ школы, г. Александровъ (116).

Если столь основные вопросы вокализма и консонантизма, какъ сейчасъ отмѣченные нами, принадлежатъ къ числу спорныхъ, то не должны ли мы съ тѣмъ большимъ скептицизмомъ относиться къ микроскопическимъ наблюденіямъ и выводамъ нео-грамматистовъ вообще, а нашего автора въ частности?

Оригинальную особенность его изслѣдованій въ области русской

¹⁾ Въ исторіи звуковъ русскаго языка I, 29, 32, 36, 38.

микрофонологіи составляетъ уже то, что основной матеріалъ для нея заимствованъ изъ самонаблюденія (106, 197). Путь этотъ представляетъ нѣкоторыя преимущества, особенно со стороны возможности непрерывнаго повторенія и взаимной провѣрки опытовъ, но съ другой стороны онъ не свободенъ и отъ серьезныхъ неудобствъ, вслѣдствіе неизбежнаго смѣшенія объективныхъ моментовъ и данныхъ съ субъективными. Неудобства эти не ускользнули и отъ нашего автора, въ отношеніи какъ къ нему самому (212); такъ и къ основателю казанской школы фоологовъ г. Бодуэну де Куртене, котораго авторъ упрекаетъ въ „смѣшеніи своихъ умозрѣній съ изучаемою дѣйствительностію“ (139). А что, если и г. Богородицкій принималъ иной разъ первая за послѣднюю?

Возьмемъ, наприимѣръ, вопросъ о микрофоническихъ отличіяхъ гласныхъ, обусловленныхъ нахожденіемъ ударенія на нихъ, либо на слогахъ смежныхъ, то предшествующихъ, то слѣдующихъ за удареннымъ. Отличія эти столь минимальны, что самъ авторъ не разъ сознается въ невозможности уловить ихъ слухомъ. На стр. 155 онъ прямо говоритъ: „теперь становится поватною неувимостью, неопредѣленностью слабыхъ неударенныхъ гласныхъ. Напрасно мы старались бы въ точности уловить звукъ такого неудареннаго гласнаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ“. Но если эти отгѣнки неувимы, то возможно ли было на основаніи объективныхъ данныхъ составить таблицу этихъ отгѣнковъ (160—161), не восполняя этихъ данныхъ субъективными ощущеніями, быть можетъ, фикціями, составленными примѣнительно къ предвзятой теоріи?

То же должно сказать относительно минимальныхъ различій согласныхъ по твердости и мягкости въ разныхъ позиціяхъ. Во многихъ случаяхъ самъ г. Богородицкій констатировалъ невозможность различать согласные мягкіе отъ среднихъ, а средніе отъ твердыхъ въ группахъ (стр. 107—115, 276 и др.); въ другихъ случаяхъ это ясно читателю—хотя бы изъ значительной разницы „научно-фонетической“ транскрипціи одного и того же русскаго текста двумя казанскими фоологами, гг. Богородицинымъ (106) и Александровичемъ (116). Все это не помѣшало нашему автору составить даже подробную „таблицу смягченія согласныхъ передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ“ (стр. 279), какъ будто въ этой области не было ничего „неувимого“, ничего недоступнаго наблюденію!

Но быть можетъ, неувимое для другихъ или для непосредственнаго ощущенія стало ему доступно, благодаря какому-либо осо-

бымъ приборамъ или приѣмамъ микрофоническаго изслѣдованія? Коегдѣ авторъ упоминаетъ о такихъ приѣмахъ (211, 276), но сознается, что не пользовался ими, напримѣръ, методомъ окрашиванія языка (276). Почему же не пользовался? Очевидно, это дѣло не легкое и не вездѣ примѣнимое. Этими и объясняется, почему не только минимальныя, но и многія макрофоническія особенности звуковъ до сихъ поръ никѣмъ не разъяснены съ наглядностью и точностью естественно-историческаго метода.

Но быть можетъ, недостатки микрофоническаго изслѣдованія звуковъ своей собственной или чужой живой рѣчи восполняются ихъ проверкою по чужимъ записямъ—новаго и стараго времени? Къ сожалѣнію, и этого сказать нельзя, а скорѣе противное. Ко всѣмъ трудностямъ непосредственнаго наблюденія звуковъ здѣсь прибавляется еще одна новая: трудность и даже невозможность точнаго перевода рѣчи звуковой въ буквенную и на оборотъ. И эта трудность существуетъ не въ старыхъ лишь системахъ графики, въ родѣ китайской идеографіи или семитской силлабографіи, но и въ настоящей фонографіи, даже самаго усовершенствованнаго рода, какъ она употребляется въ сочиненіяхъ новѣйшихъ фонологовъ. Количество звуковыхъ оттѣнковъ живой рѣчи безконечно. Сколь велико ни было бы число графическихкихъ знаковъ, оно всегда будетъ недостаточно для полной фонографіи звуковыхъ волнъ человѣческой рѣчи. Въ наилучшемъ случаѣ мы можемъ надѣяться воспроизвести въ буквахъ лишь основныя типы звуковъ и главныя стадіи въ движеніи рѣчи; детали всегда будутъ тутъ угадываться и притомъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ при созерцаніи ландшафта на картинѣ, ибо соотношеніе буквы къ звуку отдаленнѣе, а слѣд. неуловимѣе, чѣмъ отношеніе красокъ живописи къ цвѣтамъ созерцаемой природы. Г. Богородицкій возлагаетъ, по видимому, большія надежды на стенографію, въ ея примѣненіи къ научно-фонетическому письму (197); но едва ли и на этомъ субстратѣ возможно достигнуть полнаго перевода знаковъ слышимыхъ въ зрительныя, или соорудить мостъ между областями акустики и оптики. Англійскій фонологъ Белль ¹⁾ сдѣлалъ попытку составить „видимую рѣчь“ (*visible speech*) изъ символическихъ знаковъ, соотвѣствующихъ условіямъ артикуляціи звуковъ; но, на сколько намъ извѣстно, никто не послѣдовалъ за авторомъ въ этомъ направленіи, предпочитая ученой „видимой рѣчи“ Белля даже безобразную, но привычную систему англійскаго письма.

¹⁾ *Bell. Sounds and their relations. London. 1882.*

Какъ бы то ни было, и въ исторической части работы г. Богородицкаго, основанной на письменныхъ памятникахъ прошлаго, можно указать не одинъ спорный вопросъ, получающій въ изложеніи автора неподобающій видъ вопроса разрѣшеннаго.

Такъ, онъ считаетъ не только праславянскіе, но и прарусскіе глухіе Ъ, Ь звуками равносильными съ У, І, лишь внослѣдствіи принявшими тембръ О, Е (247, 248, ср. 119, 121, 189, 272, 316 и т. д.). Авторъ слѣдовалъ, очевидно, въ этомъ Миклошичу, признававшему праславянскіе Ъ, Ь равными глухому У, І (*verklingendes И, І*¹⁾); но, во первыхъ, это ученіе Миклошича относится собственно къ церковнославянскому, древне-хорутанскому и древне-болгарскому, а не къ древнерусскому нарѣчію, въ которомъ онъ заповодрѣлъ существованіе глухихъ гласныхъ уже въ началѣ исторической эпохи²⁾; во вторыхъ, ученіе это въ книгѣ вѣнскаго слависта является въ органической связи съ принимаемою имъ, согласно съ Боппомъ, Поттомъ, Гриммомъ, Шлейхеромъ и др., вторичностью звуковъ О—Е, въ сравненіи съ первичными А—І—У, что теперь оспаривается большинствомъ нео-грамматистовъ, къ которымъ въ другихъ случаяхъ присоединяется и г. Богородицкій (ср. 302 сл.). Во всякомъ случаѣ, въ исторіи русскаго языка нѣтъ никакихъ данныхъ для предположенія о присутствіи въ Ъ—Ь тембра У, І въ какую бы ни было эпоху. На оборотъ, все указываетъ на исконную близость нашихъ глухихъ къ О—Е, въ которне они и перешли во всѣхъ русскихъ говорахъ, если не исчезли въ нуляхъ.

Прарусскій ринезмъ (120, 192, 266) также не можетъ считаться теперь вопросомъ рѣшеннымъ. Самъ Миклошичъ допускаетъ въ этомъ отношеніи и противоположное мнѣніе³⁾. Въ пользу послѣдняго можно привести теперь еще одно соображеніе, именно различіе вокальнаго тембра гласныхъ ринезованныхъ и ихъ замѣны въ нарѣчіяхъ болгарскомъ, хорутанскомъ и польскомъ отъ соответственныхъ слоговъ въ нарѣчіяхъ сербо-хорватскомъ, чешско-словенскомъ, серболужицкомъ и русскомъ. Въ первой группѣ вмѣсто ж, ѡ находимъ ринезованные или чистые о (ъ), е (ь); во второй же—У, Я, съ замѣною послѣдняго идѣ въ Е. Если мы спросимъ себя о причинѣ сохраненія первоначальнаго тембра О, Е въ нарѣчіяхъ съ ринезмомъ (теперь или прежде) и измѣненія этого тембра въ У, Я въ нарѣчіяхъ безъ ринезма (теперь, а можетъ быть и всегда), то са-

¹⁾ Vergl. Gram. 1879. I, 21.

²⁾ Ibid. 461.

³⁾ V. Gr. I, 463, ср. 93.

мым простымъ отвѣтомъ на такой вопросъ будетъ: тамъ согласный М, Н исчезъ не прямо, а постепеннымъ оглохновеніемъ ринезованнаго слога, тогда какъ здѣсь непосредственное исчезновеніе согласныхъ вызвало замѣнительное усиленіе предшествующаго гласнаго, которое и выразилось въ переходѣ О въ У, Е въ А, Я. Конечно, процессъ замѣнительнаго усиленія самъ по себѣ же представляется особенно понятнымъ фонетическимъ явленіемъ, но это не мѣшаетъ нашему автору часто прибѣгать къ нему въ другихъ случаяхъ (122, 227, 244). Съ другой стороны, сербское Е вмѣсто Ѧ вызываетъ нѣкоторыя подозрѣнія относительно своей вторичности и какъ будто указываетъ на ринезъ древне-сербскаго языка, въ противуположеніи съ переходомъ Ѧ въ У¹⁾. Но во всякомъ случаѣ, совокупность этихъ усложненій не только даетъ намъ право, но и налагаетъ обязанность считать вопросъ о ринезѣ въ прарусскомъ—спорнымъ, допускающимъ и отрицательное рѣшеніе.

Не особенно умѣстнымъ кажется намъ и тотъ догматизмъ, съ которымъ изложено у г. Богородицкаго ученіе нео-грамматистовъ о подъемѣ гласныхъ, примѣнительно къ схематизаціи этого явленія для славянскаго языка въ сочиненіи г. Крушевскаго (311, 313, 314). Въ изложеніи этомъ славянскіе подъемы принимаютъ такой сложный и запутанный видъ, который еще можетъ держаться въ теоріи, но никакъ не на практикѣ, въ организмѣ языка, особенно такого живаго, сильнаго и стройнаго, какъ славянскій. Что въ вокализѣ послѣдняго имѣются элементы для болѣе яснаго и простаго построенія скалы подъемнаго движенія звуковъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Попытка установленія такой скалы сдѣлана и нами въ „Начертаніи грамматики церк.-слав. языка“. Быть можетъ, она и не удачна, но все-таки г. Богородицкому не слѣдовало обходить ея въ главѣ о русскихъ подъемахъ, считая какимъ-то евангеліемъ и воспроизводя во всѣхъ подробностяхъ сбивчивое ученіе объ этомъ явленіи г. Крушевскаго. Нѣсколько страннымъ представляется намъ и смѣшеніе въ разбираемой книгѣ явленій подъема корневыхъ гласныхъ съ перегласовками окончаній, въ родѣ слѣдующихъ: дѣло—поле; несомъ—дѣломъ; дѣловъ—воинъ (308, 315), пятисъ—пятью (310) и т. п. Между этими двумя явленіями очень мало общаго даже въ томъ случаѣ, если мы откажемся на этотъ разъ отъ стараго разли-

¹⁾ Ср. съ этимъ частую замѣну Ѧ въ У въ Маріин. Ев., при относительно правильномъ употребленіи Ѧ.

ченія динамическихъ и механическихъ измѣненій гласныхъ и будемъ видѣть въ подъемѣ механическое дѣйствіе слоговъ конечныхъ на корневые, по теоріи Соссюра, Бругмана, Острофа и вообще нео-грамматистовъ. Все же и при такомъ генезисѣ подъемовъ мы не можемъ отрицать, что въ послѣдствіи они получили и динамическое значеніе, видоизмѣняя морфологическую роль и семасіологическія функціи корневыхъ слоговъ, чего никакъ нельзя сказать о перегласовкахъ флексивныхъ и суффиксныхъ гласныхъ. Это различіе не можетъ быть устранено однимъ замѣчаніемъ автора, что „фонетика всегда изслѣдуетъ звуковыя явленія въ связи съ морфологическими группами, въ которыхъ они имѣютъ мѣсто“ (103), ибо замѣчаніе это и само еще требуетъ доказательствъ, если мы говоримъ о такихъ звуковыхъ явленіяхъ, какъ, напримѣръ, превращеніе О въ Е въ церк.-слав. мягкихъ слогахъ, послѣ іота и прочихъ небныхъ согласныхъ, независимо отъ расположенія измѣняемаго гласнаго въ префиксѣ, корнѣ, суффиксѣ или флексіи и безъ вліянія на грамматическую роль соответственной морфемы.

Въ области консонантизма нѣкоторыя положенія автора также возбуждаютъ сомнѣнія. Онъ открылъ, напримѣръ, различіе согласныхъ ударенныхъ отъ неударенныхъ (271). Теоретически это возможно допустить въ примѣненіи къ языкамъ, замѣтно измѣняющимъ тембръ неудареннаго гласнаго, а слѣдовательно характеръ „экскурсій“ согласно послѣдующаго и „рекурсій“ предшествующаго. Но измѣненія эти столь минимальны даже въ примѣненіи къ нашимъ акающимъ говорамъ, что едва ли могутъ быть изслѣдуемы безъ какихъ-либо особыхъ микрофоническихъ приборовъ, особенно авторомъ, который не различаетъ и болѣе замѣтныхъ звуковыхъ отгѣнковъ, напримѣръ, характера гласныхъ въ слогахъ твердыхъ и мягкихъ: ла-ля, лу-лю, ло-ло и т. п., о чемъ сказано выше и который считаетъ возможною „ослышку“ словъ: „баня“ и „купальня“ (19).

Изъ историко-лингвистическихъ соображеній г. Богородицкаго слышкомъ смѣльнымъ кажется намъ его объясненіе такихъ народнопѣсенныхъ формъ, какъ „злато—серебро“, „младъ—ясень соколъ“ и т. п., гдѣ мы находимъ необычную въ русскомъ языкѣ огласовку группъ съ плавными. Авторъ не соглашается съ тѣми языковѣдами, которые видятъ тутъ церк.-слав. вліяніе и допускаетъ скорѣе „заимствованіе ихъ вмѣстѣ съ пѣснями у какого-нибудь славянскаго народа, имѣвшаго подобныя образованія, еще въ доисторическую пору, во время болѣе близкой жизни славянскихъ племенъ“, или, пожалуй,

даже „скудные остатки“ существовавшего де нѣкогда въ русскомъ языкѣ дуализма „образованій полногласныхъ и неполногласныхъ“ (206). Но какое преимущество имѣютъ эти гипотезы автора для объясненія въ русскомъ языкѣ формъ „злато“, „младѣ“ передъ традиционнымъ сближеніемъ ихъ съ массою нашихъ церковно-славянскихъ, въ родѣ: среда, прахъ, владѣть, врагъ, племъ, стража, пламя и т. п. ¹⁾? Ужели легче объяснить и эти формы „доисторическими“ вліяніями неизвѣстныхъ народовъ или гадательнымъ, нижѣмъ не доказаннымъ, дуализмомъ формъ: врана и ворона въ прарусскомъ языкѣ?

Столь же послѣднимъ кажется намъ и заключеніе автора о церковно-слав. происхожденіи въ русскомъ языкѣ префикса раз, при параллельномъ роз (163), флексій аго, яго, при параллельныхъ ого, его (219), даже окончаній кій, хій, вм. кый, хый (59).

Въ главѣ, посвященной обзору аріо-европейскихъ языковъ и славянскихъ нарѣчій, также есть мнѣнія, несогласныя съ общепринятыми и ничѣмъ не мотивированныя, въ родѣ, наиримѣръ, причисленія „языка лужицкаго“ къ группѣ „полабско-польской“ (8), вмѣсто чехо-словенской, а говоровъ словинскихъ къ группѣ сербо-хорваторезьянской (9). При такой группировкѣ славянскихъ нарѣчій теряется равномерность диалектологическихъ группъ съ ихъ подраздѣленіями, а именно выходятъ слѣдующія пропорціи:

вруск. : мрус. = луж. : пол. =
 серб. : хорут. : резьян. (1)

и т. п.

Такіе же недостатки перспективнаго оскѣщенія оказываются и въ предложенной авторомъ группировкѣ языковъ романскихъ съ одной стороны, а германскихъ съ другой: между первыми онъ принимаетъ не менѣ семи самостоятельныхъ группъ, тогда какъ въ послѣднихъ различаетъ всего три вѣтви, такъ что мы получаемъ отсюда пропорціи:

исп. : португ. = франск. : прованс. =
 готск. : скандинавск. : нѣмец. (4—7),

тогда какъ языки германскіе, на оборотъ, разошлись гораздо дальше романскихъ, такъ что взаимное пониманіе тирольца и ганнверца или исландца и шведа, пожалуй, труднѣе, чѣмъ италянца и провансальца, или француза и португальца.

Объ италянскомъ литературномъ языкѣ авторъ говоритъ, что

¹⁾ Ср. *Буслаевъ*, Ист. грам. I, § 29.

„Дантъ и другіе писатели, избравъ для литературныхъ цѣлей діалектъ тосканскій, въ то же время не вполнѣ примѣнили его, а устранили нѣкоторыя характерныя особенности, чтобы еще болѣе сблизить его съ языкомъ латинскимъ, и этотъ итальянскій литературный языкъ весьма мало измѣнился до настоящаго времени“ (4). Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ почти столько неточностей, сколько предложений, и онъ столь очевиденъ, что на нихъ не стоитъ и останавливаться.

Едва ли можно говорить и о „возстановленіи древняго латинскаго языка въ эпоху возрожденія“ (3). Кухонная латынь не вымерла (напримѣръ, въ Венгріи, Польшѣ и индѣ) въ XV—XVI вв., а классическая не воскресла и послѣ Петрарки, хотя нѣкоторые латинисты и умѣютъ подбирать фразы Цицерона въ прозаическомъ, а Горация— въ стихотворномъ изложеніи.

Въ рамкахъ русской фонологіи довольно неумѣстныя отступленія представляютъ многочисленныя экскурсіи автора въ область то слишкомъ элементарныхъ, то слишкомъ специальныхъ вопросовъ общей и сравнительной грамматики. Научное достоинство сочиненія не только не уменьшилось бы, но пожалуй, даже увеличилось бы, еслибы авторъ оставилъ въ своихъ запискахъ и не предавалъ печатной гласности всю первую главу, всю вторую, первую половину третьей (до 61 стр.), всю четвертую, которая вообще не имѣетъ никакого отношенія къ фонетикѣ, начало пятой (102—105) и большую часть одиннадцатой (281—307). Элементы физиологіи звуковъ не разъ уже и очень подробно были изложены и на русскомъ языкѣ. Достаточно сослаться на „Сверные вопросы русскаго правописанія“ академика Грота, а также на „Введеніе въ изученіе русскаго вокализма“ самого г. Богородицкаго (1883 г.).

Не разъ излагаемы были у насъ и элементы сравнительной фонетики аріо-европейскихъ языковъ, даже съ большими подробностями, напримѣръ, въ сочиненіи профессора Шерцля.

Что же касается такихъ специальныхъ вопросовъ, какъ разбираемые на стр. 289, 293, 308, то едва ли кто изъ специалистовъ сравнительнаго языковѣдѣнія станетъ обращаться за разрѣшеніемъ ихъ къ „Русской Грамматикѣ“ г. Богородицкаго, имѣя подъ руками сочиненія старыхъ и новыхъ корифеевъ этой науки.

Нѣсколько страннымъ звучать въ нашихъ ушахъ и такія выраженія автора какъ: „мы пришли къ обобщенію объ ослабленіи сонорности конечныхъ согласныхъ“ (177); „дѣло не въ названіяхъ, а въ

глубокомъ (у автора) изслѣдованіи явленій" (98); „прошу читателя (не слушателя ли?) внимательно слѣдить за развитіемъ мысли" (61); „рекомендую читателю (не студенту ли?) прочесть введене въ Историч. грамматику Буслаева" (8); „я предлагаю вамъ рѣшить... я думаю, что вы рѣшите" (17), „своимъ небольшимъ знаніемъ мы можемъ воспользоваться" (18) и т. п.

Къ числу особенностей казанской школы фонологовъ, отъ которыхъ ей не мѣшало бы освободиться, принадлежитъ страсть къ схематизации явленій языка и къ заморской терминологіи. И у г. Богородицкаго мы замѣчаемъ игру фонетическими формулами, взятыми изъ алгебры, но нисколько не приближающими насъ къ рѣшенію грамматическихъ задачъ и вопросовъ. Что касается терминовъ, то и у него еще встрѣчаемъ слова: спонтаннический (187), палятальный (119), агрегатъ ассоціацій (73), экскурсируютъ, рекурсируютъ (83) и т. п.; но при сравненіи съ сочиненіями г. Бодуэна, въ разбираемой книгѣ оказывается уже большой успѣхъ въ этомъ отношеніи: сказывается стремленіе если не къ полному пурризму, то хоть къ частичному освобожденію русской грамматики отъ безчисленныхъ варваризмовъ въ родѣ: кавзальной когеренціи, минимальной дивергенціи, эксплозиі, аккомодациі, гомогенныхъ коррелятивовъ и т. п., испестряющихъ сочиненія основателя казанской школы.

Къ неудачнымъ терминамъ г. Богородицкаго мы относимъ формы: нордійскій (5) вм. нордскій, оскійскій (242 сл.) вм. осскій, умбрійскій (293) вм. умбрскій, индо-германскій (1, 284, 291, 300, 301) вм. индо-европейскій.

Нѣкоторыя положенія формулированы такъ неудачно, что ихъ не возможно понять, напримѣръ, слѣдующее: „Благодаря повторенію (словъ), происходитъ ассоціація по сходству или по сродству. Такимъ образомъ сходство подразумѣвается смежностью, когда связь по смежности закрѣпляется черезъ повтореніе" (81). Или тутъ скрывается не исправленная опечатка?

Къ опечаткамъ относимъ мы: заголовокъ на стр. 160, гдѣ вторая графа перепутана съ третьею; „при уложеніи", вм. предъ уложеніемъ на стр. 295; отличаютъ вм. отличаются на стр. 315.

Съ особеннымъ удовольствіемъ должны мы отмѣтить въ заключеніи, что г. Богородицкій не раздѣляетъ нерасположенія прочихъ казанскихъ фонологовъ къ кириллицѣ и примѣняетъ ее, а не латинскую абечеду, къ „научно-фонетической" передачѣ звуковъ рус-
часть словъ, отд. 2.

ской рѣчи. Ему чужда и та „вуковская“ не любовь къ Ъ-ру, которою проникнуты многіе изъ нашихъ неограмматистовъ.

Все это утверждаетъ насъ въ убѣжденіи, что русская наука можетъ привѣтствовать въ г. Богородицкомъ не только даровитаго и свѣдущаго, но и самостоятельнаго языковѣда, отъ котораго можно ожидать много важныхъ вкладовъ въ научную грамматику русскаго языка. Мы посоветуемъ лишь ему не торопиться изданіемъ второй ея части, ибо первый набросокъ, даже первый университетскій курсъ всегда требуетъ неоднократнаго пересмотра, особенно когда авторъ желаетъ соединить въ немъ сводъ чужихъ изслѣдованій съ самостоятельно ихъ переработкой въ столь широкихъ рамкахъ, какъ „Курсъ“ казанскаго языковѣда.

А. Будиловичъ.

Записки Греческаго историческаго и этнологическаго Общества.

Δελτιον της ιστορικης και εθνολογικης εταιριας της Ελλάδος. Τ. II, τευχ. 7 (385—576). Αθην. 1887 (со снимкомъ и картой).

Обозрѣніе 7-го выпуска Записокъ Греческаго историческаго и этнологическаго Общества мы можемъ начать съ одного намъ близкаго и весьма отраднатоу явленія: въ этой книжкѣ редація помѣстила статьи русскихъ профессоровъ: Θ. И. Успенскаго и И. Е. Троицкаго.

Въ своей статьѣ: „Вопросы по изученію внутренней исторіи Византійскаго государства“ ¹⁾ г. Успенскій объясняетъ, какіе вопросы при изученіи византійской исторіи должны, по его мнѣнію, занять первое мѣсто съ точки зрѣнія всеобщей исторіи. „Настало время“, пишетъ онъ въ указанной статьѣ,— „когда исторія Восточной имперіи должна быть приведена въ связь съ исторіей Западной-Римской“ ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, хотя и есть такіе превосходные труды по Византіи, каковы труды Хопфа, Цахаріи и Паларигонпула, но они все же не могутъ удовлетворить нашимъ требованіямъ на столько же, какъ посвященныя западной исторіи сочиненія Гизебрехта, Вайца и Маурера. Вообще въ трудахъ по Византіи мы не можемъ найти осуществленія такого идеала исторіи, какой былъ предположенъ вѣчно памятнымъ византіевѣдцемъ Тафелемъ въ многочисленныхъ

¹⁾ Ζητήματα προς μελέτην της εσωτερικης ιστοριας του Βυζαντινου κρατους υπο Θεοδωρου Ουσπενσκη (533—552).

²⁾ Записокъ стр. 539.

его изслѣдованіяхъ¹. Я въ особенности потому привожу имена Вайца и Цахарія — продолжаетъ г. Успенскій, — что ихъ труды *Deutsche Verfassung* и *Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts* явственно показываютъ, чего недостаетъ въ византійскихъ занятіяхъ. Разслѣдованіе внутренней исторіи Византіи началось едва лишь въ послѣднее время: указаніе вопросовъ и методъ ихъ изслѣдованія это совсѣмъ новые предметы²). Далѣе г. Успенскій, напомнивъ читателямъ о вліяніи западнаго римскаго государства на вступившіе съ нимъ въ связь народы и объ ихъ воздѣйствіи на него, утверждаетъ, что то и другое было уже достаточно выяснено многими именитыми изслѣдователями. Но нельзя утверждать того же относительно Византіи: ибо хотя вліяніе византійскаго эллинизма на вошедшіе съ нимъ въ сношенія народы и извѣстно, но вопросъ о вліяніи иноплеменныхъ элементовъ на исторію Византіи остался почти не затронутымъ³). Таковъ, напримѣръ, фактъ о слѣдахъ обычнаго права въ сирско-римскомъ кодексѣ, лишь недавно уясненный учеными Захау и Брунсомъ. Слѣды сіи продолжали существовать на Востокѣ отъ Арменіи до Египта до XV в., не смотря на законодательство Юстиніаново. Таково, по мнѣнію автора, и значеніе въ византійской исторіи Земледѣльческаго Закона и Эклоги (ὁ Γεωργικός νόμος καὶ ἡ Ἐκλογή), которые, хотя и были устраняемы Македонскою династіей и Комнинами, какъ утратившіе свое значеніе, тѣмъ не менѣе продолжали дѣйствовать до XV в. При всемъ томъ, слѣдуя принятому доселѣ мнѣнію, которое истекаетъ изъ теоріи знаменитаго изслѣдователя византійскаго права Цахарія, вообще полагаютъ, что съ конца X вѣка всѣ поселане принадлежали чужой землѣ, на чужой землѣ проживали, какъ на это указываетъ ихъ названіе *κάρσικοι*³). Но если это было въ самомъ дѣлѣ такъ, то какимъ образомъ составлялись *ἀναγραφαὶ* изъ Земледѣльческаго Закона и вносились въ употребительныя судебныя руководства, когда притомъ этотъ Законъ признаетъ крестьянъ за свободныхъ? Авторитетъ Цахарія, оправдываемый его продолжительными серьезными трудами, воспрепятствовалъ новымъ послѣ него разысканіямъ по тѣмъ самымъ матеріаламъ, которыми снабдилъ изслѣдователей этотъ нѣмецкій юристъ. Дѣлая дальнѣйшія разысканія, мы находимъ, что и послѣ-юстиніанскія

¹) Тамъ же, стр. 533—534.

²) Тамъ же, стр. 534—536.

³) Тамъ же, стр. 538, и ссылка на *Zachariae, Geschichte...* § 61—65.

Новеллы, имъ самимъ собранныя и освѣщенныя, и такъ-называемая Пира, а въ особенности тѣ 239 относящихся къ земледѣльческому сословію документовъ, которые помѣщены въ сборникѣ Миклошича и Мюллера, служатъ доказательствомъ существованія свободныхъ поселянъ въ Византійской имперіи. Есть свидѣтельства, доказывающія, что это продолженное существованіе сословія поселянъ состоитъ въ связи съ обычнымъ правомъ славянъ¹⁾. Этими доказывається, заключаетъ авторъ, — что приложеніе сравнительнаго метода къ изученію византійскаго права освѣтитъ многіе неясныя пункты византійской исторіи. Важность примѣненія этого метода авторъ подтверждаетъ и другими примѣрами, а именно тою особенностью византійской исторіи, что мы въ ней не находимъ господствующимъ того типа государственнаго строя, которымъ охарактеризованы средневѣковыя государства западныя. Самыя энергическія старанія Запада не могли укоренить въ восточномъ государствѣ перенесенную въ него феодальную систему. И, сверхъ того, спрашивается: почему мы не видимъ на Востокѣ появленія того великаго ослабленія монархической власти, какое замѣчается на Западѣ, начиная съ X в.? Извѣстно, что развитію феодализма предшествовало подчиненіе свободныхъ поселянъ и паденіе мелкаго землевладѣнія. Поэтому эпоха феодализма обозначаетъ общественную и экономическую побѣду сословія господъ надъ поселянами. Въ то же время и на Востокѣ замѣчается соотвѣтственная борьба сильныхъ противъ бѣдныхъ, но здѣсь, въ противоположность Западу, побѣда оказалась на сторонѣ бѣдныхъ. Объясненіе причинъ этого любопытнаго явленія въ византійской исторіи, которымъ, по мнѣнію г. Успенскаго, объясняется и тысячелѣтнее существованіе имперіи, имѣетъ значеніе не только для византійской, но и для всемірной исторіи. Далѣе авторъ излагаетъ кратко тѣ свои воззрѣнія на существующую аналогію между поземельными общинами Востока и Запада, которыя имъ подробно были развиты въ приве-

¹⁾ Г. Успенскій пишетъ въ прим. 2-мъ на стр. 538: „Вопросъ, о которомъ мы здѣсь говоримъ въ общихъ чертахъ, рассмотрѣнъ былъ нами спеціально въ слѣдующихъ написанныхъ нами разсужденіяхъ: 1) Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи (*Ж. М. Н. Пр.* 1883, янв.); 2) Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византіи (тамъ же, 1884, янв. 1885); 3) Значеніе византійской и южнославянской прописи; 4) Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ XIV вѣкѣ (Одесса. 1883)“.

денныхъ выше сочиненіяхъ. Авторъ съ особенною силой настаиваетъ на томъ, что издаваемые новые тексты по внутренней исторіи Византіи довольно долгое время оставались критически не оцѣненными или изучались лишь поверхностно. Есть потребность въ новомъ изданіи византійскихъ историковъ и въ сводѣ всѣхъ источниковъ, разсѣянныхъ по разнымъ сочиненіямъ, каковы хрисовуллы и другіе акты для полученія матеріаловъ, какъ для внутренней исторіи Византіи и для другихъ задачъ, такъ и для уясненія языка и слога историковъ, и тѣхъ терминовъ, которыми выражались житейскія, экономическія, земледѣльческія и политическія понятія. Для такихъ занятій необходимо требуется богатый и хорошій словарь византійскаго языка, который содержалъ бы въ себѣ всѣ означенные термины вмѣстѣ съ выписками изъ византійской письменности. Этимъ дѣломъ давно уже занимаются и греческіе, и иноземные ученые, но для столь великаго дѣла потребны не только продолжительное время, но и соединенія работы многихъ изслѣдователей, а къ тому же и щедрая правительственная и академическая поддержка (стр. 540). Развивая этотъ взглядъ и указывая на тѣхъ западныхъ, греческихъ и русскихъ ученыхъ, которые старались о его осуществленіи, профессоръ Успенскій въ заключеніи своей статьи высказываетъ слѣдующія мысли:

„Россія на самыхъ первыхъ страницахъ перваго своего лѣтописца воздала глубокую благодарность просвѣтителю призванію Византіи. Древнія тѣсныя сношенія Руси съ царственной столицей оставили неизгладимые слѣды въ русскихъ памятникахъ и въ духовномъ развитіи русскаго народа. Древнее русское искусство и литература, политическіе и общественные идеалы образовались въ Россіи по образцамъ византійскимъ. Для русскихъ изученіе Византіи необходимо ради пониманія ихъ собственной исторіи. Заклучая въ себѣ богатія собранія византійскихъ рукописей, сохраняя въ своихъ національныхъ архивахъ любопытные памятники, относящіеся къ своимъ сношеніямъ съ греками, имѣя въ своихъ древнихъ аданіяхъ и церквяхъ иконы, исполненныя по византійскому типу,—Россія, по изученію Византіи, находится въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, нежели прочіе народы западной и сѣверной Европы. Но для того, чтобы византійскія размысканія происходили въ разныхъ странахъ и, издаваясь во многочисленныхъ сочиненіяхъ и на разныхъ языкахъ, могли подвигаться по одной и той же программѣ и преслѣдовать

опредѣленныя задачи, должны быть собраны средства для осуществленія научныхъ разысканій. Для этого необходимо учрежденіе международнаго общества и литературнаго органа по предмету византійскихъ изслѣдованій. Необходимость учрежденія такого общества сознаютъ всѣ занимающіеся византійскою исторіей. Но недостаетъ необходимаго къ тому побужденія, такъ какъ византинисты, которыхъ во всѣхъ мѣстностяхъ можно сосчитать по пальцамъ, не имѣютъ силы предпринять это великое научное дѣло. Какъ бы то ни было, а какое-либо начало должно быть положено. Кому же иному принадлежитъ починъ, не только по причинамъ научнымъ, но и по правамъ естественнымъ, какъ не самимъ грекамъ, которые всегда доказывали на дѣлѣ, что въ нихъ есть сила сосредоточивать разсыянные въ разныхъ странахъ идеи и сообщать имъ и образъ, восходящій до идеала, и то неизбѣжное жизненное движеніе, которымъ характеризуется все предназначенное къ жизни?"¹⁾

Этимъ чтеніемъ русскій ученый познакомилъ ученое общество греческое со своими взглядами и съ плодами своихъ разысканій по той самой отрасли историческаго знанія, которому, главнымъ образомъ, посвящены и работы этого общества. Оно помѣстило чтеніе русскаго историка на страницахъ своего органа и тѣмъ дало возможность и прочей любознательной греческой публикѣ узнать многое ей неизвѣстное о строѣ греческаго государства въ средніе вѣка. Русскій ученый этимъ не только внесъ самостоятельно выработанный вкладъ въ научную греческую литературу, но и содѣйствовалъ скрѣпленію той умственной связи между русскими и греками, которой надлежало бы расти и крѣпнуть.

Другой русскій вкладъ—это изслѣдованіе профессора И. Е. Троицкаго о Михаилѣ Палеологѣ, написанное имъ въ видѣ послѣсловія къ открытому имъ въ Московской синодальной библіотекѣ рукописному труду этого государя. Этотъ трудъ, какъ извѣстно, изданъ въ подлинникѣ и переводѣ въ Петербургѣ въ 1885 г. подъ заглавіемъ: „Автобіографія императора Михаила Палеолога и отрывокъ изъ устава, даннаго имъ монастырю святаго Димитрія. По рукописи Московской синодальной библіотеки за № 363“²⁾. До сихъ поръ греческіе ученые

¹⁾ *Записки*, 551—552.

²⁾ Эта книга имѣетъ и латинское заглавіе: *Imp. Michaelis Palaeologi de vita sua opusculum nec non regulae quam ipse monasterio S. Demetrii praescripsit, fragmentum. Nunc primum ad fidem codicis ms Graeci 363 Bibliothecae Mosquensis*

могли только ознакомиться съ греческимъ текстомъ, помѣщеннымъ въ приведенномъ изданіи, но не были знакомы съ приложенными къ тексту размыканіями издателя; теперь, благодаря старанію г. Г. Веглериса, они имѣютъ передъ собою ихъ греческій переводъ. Въ краткомъ, но многозначительномъ своемъ послѣсловіи г. Троицкій излагаетъ исторію находки памятника и приводитъ доводы, на основаніи которыхъ относитъ составленіе его „ко второй половинѣ 1282 года“¹⁾. Усматривая въ содержаніи памятника двѣ части, то-есть, автобіографію Михаила Палеолога и уставъ, имъ составленный для монастыря св. великомученика Дмитрія Муроточиваго въ Константинополѣ, издатель характеризуетъ каждую изъ сихъ частей. Касательно первой части проф. Троицкій утверждаетъ, что если устранить тенденцію автора относить къ себѣ рядъ совершившихся въ его царствованіе фактовъ и придавать всему провиденціальное значеніе, если обращать вниманіе лишь на фактическую сторону дѣла, то сообщаемыя имъ подробности не стоятъ ни въ какомъ противорѣчій съ сообщеніями современныхъ писателей о тѣхъ же фактахъ²⁾. Нѣкоторыми изъ этихъ подробностей пополняются даже свѣдѣнія, сообщаемыя другими писателями: таковы нѣкоторыя подробности географическія, а также свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о своемъ воспитаніи и образованіи. Вторая часть труда вѣнценоснаго писателя „вызываетъ изъ мрака прошедшаго цѣлую группу монастырей и метоховъ, давнымъ давно исчезнувшихъ съ лица земли и вмѣстѣ съ своими названіями. Здѣсь все ново и существенно пополняетъ исторію восточныхъ обитателей“³⁾. Свѣдѣніями, сообщаемыми въ новооткрытомъ памятникѣ, исторія монастыря св. великомученика Дмитрія становится на твердую историческую почву, которой до сихъ поръ недоставало. „Одну изъ особенностей устава Михаила Палеолога составляетъ то что онъ вводитъ штаты во всѣ перечисляемые имъ монастыри метохи. Идея штатовъ не новая въ византійской церковной практикѣ. Она была примѣнена еще Юстиніаномъ I и потомъ Иракліемъ въ

SS. Synodi edidit *Ioannes G. Troitski* Th. D. et P. O. in Academia Ecclesiastica Orthodoxa Petropolitana et Universitate Caesarea. Petropoli. 1885.

¹⁾ Троицкій, Автобіографія имп. Михаила Палеолога, стр. 45. Въ переводѣ, помѣщенномъ въ греческихъ *Запискахъ*, написано: „εις τοὺς χρόνους τῆς δευτέρας πεντηκονταετηρίδος δηλονότι τοῦ 1282 ἔτους (Δελτιον, 7, 525). Это не совсемъ точно.

²⁾ Г. Троицкій въ пр. 1, ст. 47: „cf. Асгорол. с. 46, 49, 65, 70, 71.—Pachum. I. I, с. 22; I. II, с. 6; I. IV, с. 32; I. V, с. 8, 9, 10; I. VI. Gregor. I. III, с. 5; I. IV, 5, 6, 9, 10; I. V, с. 1, 3, 4, 5, 6“. Въ Δελτιον это прим. 3, стр. 527.

клиру великой церкви. Но съ примѣненіемъ ея къ монастырямъ, и притомъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, мы встрѣчаемся впервые въ уставѣ Михаила Палеолога¹⁾. Къ своему переводу послѣловія г. Веглерисъ приложилъ нѣсколько своихъ и чужихъ попытокъ приурочить нѣкоторыя изъ зданій, упоминаемыхъ въ изданныхъ г. Троицкимъ матеріалахъ. Г. Веглерисъ исправилъ нѣсколько мѣстъ въ изданномъ нынѣ греческомъ текстѣ: исправленія сіи большею частію касаются правописанія и interpunctiōi. Замѣчаніемъ, что должно читать 'Ἄλλοριόδς, а не 'Ἄλλοριχοῦς²⁾ воспользуются, безъ сомнѣнія, при вторичномъ изданіи этого текста: нужно будетъ однако сохранить подъ страницей и написаніе 'Ἄλλοριχοῦς, если это написаніе при пересмотрѣ рукописнаго текста подтвердится. Ошибочность написанія ἐνδοκαθοῦντας была отмѣчена самимъ издателемъ; но это написаніе не было замѣнено болѣе вѣрнымъ чтеніемъ: предлагая читать ἐνῆδοκαθοῦντας, переводчикъ, по нашему мнѣнію, нашелъ настоящей смыслъ автора³⁾.

Перейдемъ къ четыремъ документамъ, относящимся къ царствованію Византійскаго императора Романа Лакапина и изданнымъ г. Саккеліономъ⁴⁾. Онъ развязываетъ по источникамъ о стараніяхъ этого государя рукоположить на константинопольскій патріаршій престолъ своего сына Теофилакта. Это требованіе по своей незаконности встрѣтило сопротивленіе въ православномъ греческомъ клирѣ, вслѣдствіе чего Романъ обратился съ просьбой о содѣйствіи къ Римскому папѣ Иоанну XI. При помощи податливой части духовенства и папскихъ легатовъ дѣло было слажено по желанію Романа: Теофилактъ былъ возведенъ на патріаршій престолъ въ 933 г. Извѣстные доселѣ факты теперь значительно дополняются и освѣщаются изданною въ Запискахъ благодарственной грамотой императора Романа къ папѣ Иоанну XI⁵⁾. Выражая свое удовольствіе, императоръ пишетъ папѣ между прочимъ, слѣдующее: „Ты явилъ образъ мыслей, вполне приличный архіерею Божию и достойный его верховныхъ учениковъ, по-

¹⁾ Троицкій, Автобіогр. стр. 50—Δελτιον, 532 (штаты, τάξεις).

²⁾ Греч. текста стр. 9, стр. 5 (Δελт. 533).

³⁾ Автобіогр. стр. 7, строка 2, гдѣ издатель подъ страницей помѣстилъ: „sic cod.“.—Δελт. 533.

⁴⁾ Σακκελίωνος, Ρωμανοῦ βασιλεως του Λακαπηνου επιστολαι. (Δελτιον, 7, 385—409).

⁵⁾ Δελτιον, 7, 395 — 400, гдѣ текстъ этой грамоты подъ заглавіемъ: Τη παπα Ρωμης. Она была отправлена, вѣроятно, не долго послѣ рукоположенія Теофилакта.

казавъ, какъ много должно бодрствовать надъ благосостояніемъ святыхъ Воинъхъ церквей и надъ духовнымъ спасеніемъ собранихъ въ нихъ самимъ Богомъ овецъ". Далѣе Романъ Лакапинъ, съ одной стороны, характеризуетъ, основанное на церковныхъ канонахъ сопротивленіе греческихъ іерарховъ, какъ попытку яко бы разрушить цѣлость церковнаго тѣла ¹⁾, но съ другой—все же косвеннымъ намекомъ какъ бы ставить папу на принадлежащее ему мѣсто. Вотъ его выраженія: „Когда возникаетъ какое-либо новшество по предмету нашей православной вѣры, тогда надлежитъ призывать іереевъ изъ Рима и отъ прочихъ престоловъ, да прострутъ руку помощи; по поводу же возведенія архіерея въ Константинопольской церкви доселѣ не было видно, чтобы кто-либо изъ прежнихъ призывалъ епископовъ изъ Рима по какому-нибудь опредѣленному дѣлу (ἐπ' αὐτῷ τοῦτο, ad hoc), кромѣ развѣ такихъ случаевъ, что по духовному закону дружбы и любви, иногда приглашались они ради поздравленія и сорадованія". Такая оговорка, высказанная царемъ уже по достиженіи той цѣли, къ которой онъ стремился, кажется намъ очень характеристическою. Изъ той же грамоты видно, что, отпуская римскихъ легатовъ, царь вмѣстѣ съ ними отправилъ къ папѣ и двухъ своихъ пословъ (ἀποκριταρίους), одного свѣтскаго, протоспаеарія и асверита Анастасія, другаго духовнаго, протонотарія Ореста, для оповѣщенія папы о ходѣ рукоположенія Теофилакта: „Да повѣдають они тебѣ“, сказано,—какую любовь и какое горячее чувство питаетъ къ тебѣ Теофилактъ, и да разрѣшать и примирять словами правды все, что у васъ есть спорное, и да покажутъ они, что столь разошедшіяся одна отъ другой церкви составляютъ одну церковь по единомыслію ²⁾. Романъ проситъ папу, чтобы онъ выдалъ посламъ его, за своею собственноручною подписью и за подписью всѣхъ подчиненныхъ папѣ архіереевъ и іереевъ, особое постановленіе (τόμος), въ которомъ утверждалось бы рукоположеніе его сына и предавались бы вѣчной анаемѣ всѣ сопротивляющіеся этому рукоположенію ³⁾. О просьбѣ папы, чтобы Романъ приложилъ стараніе „къ отместкѣ (εἰς ἀνδίκησιν) за святую римскую церковь“, царь пишетъ: „Мы не отказываемъ въ этой просьбѣ, ибо мы не изъ числа

¹⁾ Тамъ же, стр. 396.

²⁾ Единомысліе состояло въ томъ, что рукоположили патріархомъ Константинопольскимъ юношу, страстнаго любителя коноводства, допустившаго въ церковномъ пѣніи дикія выходки. См. Ζωνάρας XVI, 22.

³⁾ Δελτιον, 7, 399.

неблагодарныхъ; но мы предпочитаемъ, чтобы предметъ вашей просьбы былъ намъ высказанъ въ грамотѣ, для того, чтобы мы могли привести эту просьбу въ исполненіе со всѣмъ усердіемъ и благорасположеніемъ: ибо невозможное дѣло, чтобы отецъ, исполняющій просьбы своего сына, не нашелъ и его послушнымъ во всемъ, касающемся столь настоятельныхъ нуждъ¹⁾. Значитъ, довольно неопредѣленно и виѣстѣ съ тѣмъ осторожно выражается Греческій императоръ по просьбѣ объ отместкѣ за римскую церковь. Изъ конца его грамоты усматривается еще, что пала въ своей грамотѣ, на которую разбираемая служить отвѣтомъ, упоминалъ о заключеніи брачнаго союза между его сестрой и однимъ изъ сыновей императора. Для достиженія этой цѣли послѣдній предлагаетъ павѣ на выборъ разные способы перевоза невѣсты изъ Рима въ Константинополь. Г. Саккеліонъ замѣчаетъ, что этотъ бракъ по причинамъ неизвѣстнымъ не состоялся²⁾. Второй документъ, изданный г. Саккеліономъ, есть письмо, по приказанію того же императора написанное Дафнопатомъ Анастасію, митрополиту Ираклійскому, не соглашавшемуся на водвореніе Теофилакта на патриаршемъ престолѣ³⁾. Составитель письма уговариваетъ Анастасія не противиться этому рукоположенію и не считать несовершеннолѣтіе Теофилакта за поводъ къ такому сопротивленію. При этомъ приводятся изъ прошлаго случаи рукоположенія въ патриархи лицъ несовершеннолѣтнихъ; эти случаи яко бы не вызвали несогласія со стороны Анастасія. Въ заключеніе сказано: „Такъ какъ преждедочившими приснопамятными патриархами и самими митрополитами было постановлено, чтобы сей синкеллъ (то-есть, Теофилактъ) былъ рукоположенъ на 15-мъ году, а потомъ на 18-мъ, то не возможно ввести чужаго (ἀπείρακτον) патриарха при краткости этого промежутка времени⁴⁾. Посему, такъ какъ ими признано полезнымъ, чтобы былъ избранъ другой, а притомъ и недостойно и противно канонамъ, чтобы церковь вдовствовала, то они и предпочли рукоположить въ патриархи боголюбезнаго синкелла либо на 19-мъ, либо на 20-мъ году. Поэтому и ты самъ не помышляй, да и никто иной да не ожидаетъ, что будетъ рукоположенъ другой патриархъ“⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 400.

²⁾ Тамъ же, стр. 392.

³⁾ Αναστασιῷ μητροπολιτῇ Ἰρακλειῆς διανασχετουντι ἐπι τῇ χειροτονίᾳ τοῦ κυροῦ Θεοφιλακτοῦ τοῦ υἱοῦ Ρωμανοῦ βασιλεως τοῦ γεροντος (Δελт., 7. 401—404).

⁴⁾ Для насъ этотъ доводъ неясенъ; въ греческомъ текстѣ, стр. 404, сказано: ἀδύνατόν ἐστι, βραχέος ὄντος τοῦ ἀνα)μεταξὺ χρονικοῦ διαστήματος...

⁵⁾ Δελтιον, 7, 404.

По смыслу этихъ заключительныхъ словъ намъ представляется, что это письмо Дафнопата къ Анастасію было написано до рукоположенія Теофилакта (то-есть, до 933 г.) Издатель, старается подойти ближе къ опредѣленію времени этого акта. „Онъ, кажется, написанъ по пріѣздѣ эксарховъ западной церкви“, думаетъ г. Саккеліонъ,— „въ то время, когда при послѣдней попыткѣ къ убѣжденію Анастасія, послѣдній былъ вынужденъ представить письменныя возраженія. На нихъ-то и отвѣчаетъ Дафнопатъ, стараясь опровергнуть ихъ своими безсильными и неразумными доводами“. Что побудило почтеннаго издателя придвинуть письмо такъ близко къ самому событію рукоположенія—намъ неясно. Третій документъ есть „Рѣчь обращенная къ митрополитамъ по приказанію царя 1), (то-есть, того же Романа). Здѣсь выражено сѣтованіе относительно несогласія митрополитовъ съ видами царя по рукоположенію его сына и какъ бы готовность его признать патріархомъ другое лицо. Что эта рѣчь произнесена была до пріѣзда римскихъ легатовъ, въ этомъ мы съ издателемъ вполне согласны. Четвертый и послѣдній актъ есть „Письмо (Романа же) къ эмиру Египетскому“. Здѣсь говорится: „Любя миръ и освѣдомившись о той разумности и добротѣ, которыми ты превышаешь своихъ предшественниковъ, мы разсудили за благо, познакомить тебя и съ нашею любовью и показать тебѣ, какого блага ты былъ лишень отъ того, что не познакомился давно уже съ нашею царственностью“ 2). Желая привести въ исполненіе такое свое намѣреніе царь, за нѣсколько времени передъ симъ, отправилъ къ эмиру своего спаварокандидата и проксима Константина съ грамотой къ Какикію, правителю, чтобы убѣдить послѣдняго снестись съ эмиромъ; а такъ какъ встрѣтились препятствія, то императоръ посылаетъ эмиру это письмо. По изображенію великаго значенія своего государства, Романъ пишетъ: „Если ты желаешь и быть и называться нашимъ другомъ, то мы въ случаѣ, что тебѣ пріятно проживать въ тѣхъ мѣстахъ, почтимъ тебя званіемъ правителя правителей (ἄρχοντα τῶν ἀρχόντων) и поведемъ Какикію и магистру Анасикію и прочимъ правителямъ Востока (= Анатоліи), живущимъ въ тѣхъ мѣстахъ, подчиняться твоему слову и изволенію. Если же ты предпочитаешь имѣть убѣжище въ нашемъ царствѣ и проживать съ нами въ боголюбезномъ градѣ, то мы примемъ тебя блистательно и почетно и почтимъ зва-

1) Προσφωνησις ρηθειςια προς τους μητροπολιτας εκ προσταξως του βασιλεως (405—406).

2) Το αμνηρα της Αιγυπτου (Δελт. 7, 406—409).

ніемъ патрікія, анемпата и стратига въ любой еемѣ. Дадимъ тебѣ и домъ, и пригородъ, и богатство золотомъ, серебромъ и паволоками (βλατίου¹⁾), такъ что тебя будутъ ублажать всѣ живущіе на землѣ люди, и ты получишь отъ нашего державства и другія безчисленныя блага". Поясняя значеніе этого акта, издатель высказываетъ свои догадки о личности упомянутого эмира, а именно, что это могъ быть Аль-Ахшидъ Мохаметъ, и что—это тотъ самый Египетскій эмиръ, о которомъ въ Продолженіи Теофановой хроники сказано, что онъ, узнавъ о побѣдѣ византійцевъ надъ мусульманами, поспѣшилъ помириться съ Византійскимъ императоромъ. Изданіемъ четырехъ упомянутыхъ документовъ, своими примѣчаніями на нихъ и умѣлымъ изображеніемъ положенія дѣлъ на востокѣ, неутомимый въ своихъ разысканіяхъ г. Сакреліонъ значительно обогатилъ наши свѣдѣнія о царствованіи Романа Лакапина.

Онъ же обнаружилъ греческій договоръ, заключенный въ Дирахія (Dirazzo, Драчъ) въ 1359 г.²⁾ между патерами предикаторами (проповѣдниками) монастыря св. Доминика и Михаиломъ Дзентари Сквирдіемъ объ уступкѣ ему запущеннаго виноградника этого монастыря для его насажденія и обработки. Актъ сей принадлежитъ эпохѣ владычества венеціанъ, которые успѣли учредить въ Дураццо католическую архіепископію. Договоръ написанъ на внутренней сторонѣ пергаминнаго листа; на наружной же сторонѣ его читается надпись: „Выдачный актъ братьевъ проповѣдниковъ монастыря св. Доминика о виноградникѣ съ принадлежащею ему пустошью со всѣми его правами“ (= ἐκδοτήριον Ἐγγραφον³⁾ τῆς μονῆς τοῦ ἁγίου Δομενοῦχοῦ τῶν ἀδελφῶν κραιβηκατοῦρίων περὶ τοῦ ἀμπελίου σὺν τοῦ διαφέροντος αὐτοῦ χερσέου τόπου μετὰ τῶν δικαίων αὐτοῦ πάντων). Бумага написана нескладно и неправильно: ошибки подлинника намѣренно удержаны издателемъ. Отмѣтимъ нѣкоторые слова малоизвѣстныя, и такія, которыя хотя и извѣстны, но употреблены здѣсь въ особенномъ зна-

¹⁾ Издатель ссылается на Const. Porphyg. De Saecroniis II, 48, 396 и на прим. къ сему Рейске; кромѣ того, на Muralt, Chr. Byz. ст. 745.

²⁾ Συμβολαίον τῆς ΙΑ' ἐκατονταετηρίδος ὑπο L. Σαχκαλιωνος, Δελτ. 7, 468—475. Точная дата: ἐν μηνί Σεπτεμβρίῳ κς', ἡμερα ε', ἰνδιχτ. ιγ'. ετους ρωεή.

³⁾ Ἐκδοτήριον ἔγγραφον—такъ названъ въ двухъ мѣстахъ этотъ документъ въ самомъ этомъ документѣ. Мы перевели, быть можетъ, слишкомъ буквально, *выдачнымъ актомъ*, впродъ до приселанія лучшаго перевода этого термина. Это не продажа и не аренда. Просимъ русскихъ знатоковъ юридической старины указать на соответствующій терминъ въ русской письменности.

чени: ὄφος (то-есть, ὄφος, кажется, въ смыслѣ: актъ), ἐρημίτιον и ἐρημίτιον (запущенный виноградникъ), εἰς τὰς ρίπκας (на берегахъ?), οὐχόλα (рядомъ), κаторήγια (вмѣсто κаторόγια, отрогги), ἄθετος (не обработанный). Вотъ условія договора: монастырь отдаетъ означенному лицу на вѣчное пользованіе запущенный виноградникъ, съ тѣмъ, чтобъ оно его обрабатывало и выдавало монастырю четверть сбора плодовъ; монастырь же обязуется въ случаѣ какого-либо съ своей стороны нарушенія выдать этому лицу сто иперпировъ ¹⁾, а въ казну законную уплату. Въ началѣ акта стоитъ на латинскомъ языкѣ имена братьевъ предикаторовъ, утверждающихъ оный, а въ концѣ подпись писавшаго оный анагноста Іоанна, протонотарія и тавуларія митрополита Диррахійскаго, и свидѣтелей, изъ которыхъ одинъ, о которомъ говорится и въ самой грамотѣ, какъ о сосѣдѣ, здѣсь, въ концѣ ея отказывается отъ своихъ правъ сосѣдства. Это единственный подлинный актъ, хранящійся въ національной греческой библиотекѣ, изъ разряда тѣхъ многочисленныхъ гражданскихъ актовъ, которые издаваемы были въ 60-хъ и 70-хъ годахъ нынѣшняго вѣка греческимъ ученымъ Спридономъ Замбелиемъ и итальянскими учеными Spata, Trinchera, Cusa и совокупными усиліями Morcaldi, Schiani и Sylvano de Stephani; г. Саккеліонъ даетъ о нихъ обстоятельныя библиографическія свѣдѣнія, на которыя осмѣливаемся обратить вниманіе нашихъ казенныхъ библиотекъ.

Барселонскій профессоръ исторіи Антоній Рубіо у Lluch, занимающійся съ нѣкотораго времени въ испанскихъ архивахъ исторіей каталонцевъ въ Греціи, прислалъ обществу краткія свѣдѣнія объ основанныхъ въ XIV в. въ Греціи этими завоевателями феодахъ и католическихъ епархіяхъ ²⁾. Свѣдѣнія эти, напечатанныя въ Запискахъ извлечены имъ изъ аррагонскихъ архивовъ: они могутъ послужить дополненіемъ къ работамъ византиниста Хопфа (Chroniques). Замѣтимъ, что имена греческихъ мѣстностей въ аррагонскихъ реестрахъ являются иногда въ очень искаженномъ видѣ. Ученый Рубіо въ Mitre узнаетъ Димитριάду, въ Sola—Салоны, въ Bandoniça—Водолицу, въ Eguena—Эгину, въ Cadarniça—Кардицу, въ Calandri—Атланту, въ Cabrena—Капрену, въ Maguera—Мегары, въ Dablia—Давлію. Между приведенными испанскимъ ученымъ владѣтелями

¹⁾ Ἰπέρπικρα, солиды, золотая монета византийская.

²⁾ Συμβολαὶ εἰς τὴν ἱστορίαν τῶν Καταλωνίων ἐν Ἑλλάδι, ὑπὸ Αντ. Ρυβίο у Lluch. Δε λτ. 7, 458—466.

одинъ баронъ Аонинскаго дукатства названъ „Misili de novelle senyor del castell del Estanyol“. Подъ Misili онъ разумѣтъ Мелисина; но гдѣ лежала вѣрность Estanyol и какому названію соответствуетъ ея имя—ему не извѣстно. Никакой замѣтки объ этомъ вопросѣ не приложили и греческіе издатели Записокъ ¹⁾.

Изъ того же XIV вѣка извлекаетъ г. Савеліонъ искры богословско-философскія, печатая не изданныя до сихъ поръ „Двѣ бесѣды царя Матѳея Кантакузина“. Матѳеи былъ сыномъ знаменитаго царя-историка Кантакузина. Послѣ кратковременнаго царствованія Матѳеи постригся въ иноки и удалился на Афонъ. Здѣсь мы имѣемъ двѣ бесѣды его, написанныя имъ для своей дочери Теодоры, одну—о любви къ знанію (къ ученію), другую—о трехъ силахъ души ²⁾. Мы сообщимъ первую изъ нихъ въ извлеченіи. „Образованіе, разумъ и добродѣтель“, пишетъ онъ,—„учать людей состоятельныхъ не гордиться обладаніемъ тѣлѣнныхъ вещей, а несостоятельныхъ не унывать и не предаваться гнѣву. Они учать, что благополучіе не въ здоровьи и богатствѣ, а въ благости душевной, которая состоитъ въ познаніи хорошаго, достохвальнаго и хорошаго, того, чего надо избѣгать. Необходимость образованія и ученія вытекаетъ изъ Священнаго Писанія...“ „Въ самомудрости“, пишетъ Матѳеи, разумѣя Спасителя міра,—„нѣтъ ни малѣйшаго незнанія; ей извѣстно все до созданія всего, она вѣдаетъ это и по созданіи, вѣдаетъ въ точности предѣлы каждаго предмета. Но поучая насъ и словомъ, и самымъ дѣломъ любить знаніе, она прежде всего повелѣла „наслѣдовать писаніе“ (Ев. Іоан. 5, 39) и изучать содержащіяся въ немъ мысли. Спаситель міра, хотя ему извѣстно все сущее, дѣлалъ вопросы, разувывалъ, чтобъ дать урокъ, какъ нужно и намъ заботиться о приобрѣтеніи знанія. Хотя человекъ и облеченъ въ плоть, но такъ какъ душа его причастна сущности херувимовъ, то она должна по ихъ примѣру, стремиться къ просвѣщенію себя; но далеко отстоя отъ ихъ достоинства, она видитъ нынѣ какъ сквозь тусклое стекло, гадательно (1 Кор. 13, 12); когда же по разрѣшеніи хитона плотскаго, она облечется въ хитонъ тончайшій, тогда она, очищенная, узнаетъ

¹⁾ Не составилось ли Estanyol изъ словъ: εἰς τὸν Βῶλον, въ родѣ того, какъ западники изъ εἰς τὴν Κῶ образовали Stanchio, изъ εἰς Ἀθήνας или ἴς Ἀθήνας образовали Satina (въ испанск. документахъ Рубіо: Cetinea).

²⁾ Ματθαίου Βασιλέως τοῦ Καντακουζηνου λόγοι ἀνεκδοτοί: βου, ὑπο Ι. Σακκαλιωνος, Δελт. (7, 425—439). Λόγος περὶ φιλομαθίας εἰς τὴν αὐτοῦ θυγατέρα κυραὶ Θεοδωραν τὴν Καντακουζηνην. (428—436).

сущее тѣмъ же способомъ, какъ и они. Но пока душа пребываетъ въ тѣлѣ, какъ въ темницѣ, дотогѣ ей не возможно воспринимать что-либо нематеріально и не чисто (исполнѣ духовно и всецѣло). Для того-то намъ и нужно взаимное собесѣдованіе, чтобъ узнавать то, чего не знаемъ. Кто здѣсь не обученъ надлежащимъ образомъ, тотъ и въ тѣ мѣста вступить несвѣдущимъ; а кто отсюда отойдетъ просвѣщеннымъ, тотъ и тамъ легко познаетъ конецъ (совершенство, τὰ τέλη) ¹⁾. Что начало ученія должно быть положено на землѣ, это мы видимъ изъ примѣра чистѣйшихъ вмѣстелищъ божественнаго духа; такъ Моисей, познавшій отъ Бога то, что предшествовало сотворенію человѣка, узналъ исчисленіе народа отъ другаго лица. Особенная характеристика человѣческой души—въ томъ, что она не можетъ насытиться въ своихъ стремленіяхъ къ просвѣщенію себя. Все порожнее, либо совсѣмъ не способно быть чѣмъ-нибудь наполненнымъ, либо имѣя эту способность, хотя исподволь и можетъ быть наполненнымъ, но за симъ больше ужъ не выпускаетъ въ себя этого наполняющаго вещества; душа же, будучи способна къ приобрѣтенію знанія, постоянно воспринимая его, однако имъ не наполняется, но все больше и больше становится способною къ воспріятію, все больше и больше стремится къ насыщенію себя. Вглядываясь ближе, увидимъ нѣчто изумительное, а именно, что знаніе большаго количества предметовъ становится причиной большаго неувѣренности (въ своемъ знаніи). Самъ собою человѣкъ можетъ, пожалуй, познать то, что видѣлъ своими глазами; а ученіемъ онъ познаетъ то, что видѣли всѣ. Ученіе, какъ нѣчто посредствующее между вещественнымъ и невещественнымъ, содѣйствуетъ общенію между тѣломъ и душою: ученіе—та гѣствица, которая ведетъ души отъ низменнаго и приземнаго къ небесному ²⁾... Чего не можетъ даровать природа, то даруетъ ученіе. Жизнь человѣческая очень коротка для того, чтобъ уразумѣть дѣла Божіи и богатство Божіей благодати, хотя бы познающій принадлежалъ къ мудрецамъ; а путемъ ученія и предметы отъ вѣка существующіе становятся ясными людямъ любознательнымъ и научнымъ. Способность къ умственному развитію есть преимущество, отдѣляющее человѣка отъ животныхъ, которымъ свойственно не выступать изъ тѣхъ предѣловъ, въ которые они поставлены ³⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 431.

²⁾ Тамъ же, стр. 433.

³⁾ Тамъ же, стр. 434.

Сократъ былъ того мнѣнія, что человѣкъ лучше животнаго; но онъ, не довольствуясь этимъ положеніемъ, прибавилъ: „человѣкъ, образованный ученіемъ“. Этотъ „малый міръ“ (τὸν μικρὸν κόσμον), этого человѣка, восходящаго выше небесъ, украшаютъ науки, разумнѣіе сущаго и способность просвѣщаться. Безъ этого, по мнѣнію мудрецовъ, человѣкъ слѣпотствуетъ. Потому-то не однимъ молодымъ подобаетъ учиться, но и старцамъ, даже и самымъ ветхимъ, ибо ученіе, такъ сказать, дополняеъ душу. Побуждая свою дочь къ ученію, отецъ завершаеъ первую свою бесѣду Платоновскимъ изреченіемъ: „Начало всякаго знанія заключается въ признаніи своего незнанія“¹⁾. Бесѣда вторая „О трехъ силахъ души“, которой дошло до насъ только начало, представляетъ нѣкоторыя трудности, и мы его касаться не будемъ²⁾.

Однимъ изъ самыхъ умныхъ и энергическихъ греческихъ дѣятелей въ царствованіи трехъ послѣднихъ Византійскихъ императоровъ изображаютъ намъ историкъ Луку Нотарѣ. Свѣдѣнія о немъ однако такъ скудны, что нужно порадоваться обнародованію слова, произнесеннаго по случаю его смерти, однимъ изъ его современниковъ—Іоанномъ Москомъ. Это слово, помѣщаемое въ кодексѣ 2731 Парижской національной библіотеки, издано въ разбираемой книгѣ извѣстнымъ знатокомъ новогреческаго міра Эм. Леграномъ³⁾. Рѣчи, сказанныя на кончину общелюбимаго лица, и особенно, какъ въ настоящемъ случаѣ, лица казненнаго султаномъ завоевателемъ, — такія рѣчи носятъ обыкновенно характеръ энгоміастическій: не смотря на то, и изъ нихъ можно и должно извлекать біографическія и другія свѣдѣнія. Такъ, изъ нововыданнаго источника мы узнаемъ, что Лука Нотарѣ еще въ юношескомъ возрастѣ избѣгалъ увлеченій, свойственныхъ этому возрасту. Онъ прилежно занимался

¹⁾ Тамъ же, стр. 435.

²⁾ Тамъ же: Εἰς τὴν αὐτοῦ θυγατρὸς κηρὰν Θεοδώραν τὴν Κατακουζηνῆν περὶ τῶν τριῶν τῆς ψυχῆς δυνάμεων (стр. 436—439).

³⁾ Два года тому назадъ Легранъ написалъ въ своей Библиографіи такую замѣтку: „Что касается до надгробной рѣчи о Лукѣ Нотарѣ, изъ нея напечатанъ былъ лишь краткій отрывокъ Аллатіемъ (De Eclesiastice oss. atque orient. regeretua consensione, liv. III, ch. IV, p. 958): жаль, что она еще не обнародована, потому что въ ней находятся интересныя подробности о жизни и смерти Луки Нотарѣ (въ Bibliographie Hellénique. Paris. 1885, т. I. Introduction, p. XC. Теперь Легранъ исполнилъ свое желаніе и оказалъ большую услугу любителямъ исторіи и литературы, помѣстивъ эту рѣчь въ Δελτικὸν Ἰωαννοῦ τοῦ Μοσχου λόγος ἐπιταφικός ἐπὶ τῷ Λουκᾷ Νοτάρᾳ, ἐκδόμενος ὑπὸ Em. Legrand.—Δελτ., 7, 413—424.

философіей⁴, не тою, по выраженію Мосха, которая задается вопросом о существующемъ, дѣйствительно ли оно существуетъ (онъ и въ ней очевидно былъ свѣдущъ, впрочемъ не столько вслѣдствіе долгаго изученія, сколько силою природнаго ума); но преимущественно занимался онъ тою философіей, которая можетъ улучшить нравы, совершенствовать семейство и государство. Еще и раньше этихъ занятій онъ очень прилежно и основательно изучалъ государственные законы, какъ человѣкъ преданный правдѣ и всегда ее чтущій¹). Возведенный царемъ до высшихъ должностей, онъ имѣлъ постоянное попеченіе объ улучшеніи хода дѣлъ. Въ тѣ времена не безъ основанія всѣ воображали себѣ, что Римская имперія, избавившись отъ великихъ и опасныхъ смуть и отъ варварской грозы, больше ужъ не подпадетъ такой же участи, какъ прежде²). Однако могущество варваровъ все возростало; Византійское же государство по недостатку въ войскѣ и въ деньгахъ, по совѣту Нотарѣ и другихъ, обращалось за помощью къ иноземцамъ. Дальше авторъ рѣчи даетъ сжатый очеркъ личныхъ сношеній своего героя. Часто, говоритъ онъ, — за немѣннѣемъ важныхъ дѣлъ или по причинѣ непогоды, мѣшавшей Нотарѣ посѣщать царскій дворець, въ его домѣ собиралось большое общество, проводившее съ нимъ часть длинныхъ ночей. Изъ гостей одни толковали о догматахъ вѣры, другіе занимались теоріями и вопросами философіи, третьи читали книги историческія и разсуждали о дѣянїяхъ грековъ и римлянъ. Кто помоложе игралъ въ кости³)... Какъ по своимъ дѣламъ, такъ и за совѣтами, всѣ охотно обращались къ этому вельможѣ, увѣренные въ его умъ, прїятномъ обхожденіи и въ той силѣ, которою онъ пользовался у царя. Онъ не увлекался ни богатствомъ, ни почетомъ, былъ глубоко преданъ церкви, благотворилъ духовнымъ людямъ и почтительно выслушивалъ ихъ увѣщанїя⁴)... Все, что содержитъ въ себѣ рѣчь Мосха до этого мѣста, должно относиться, какъ мнѣ кажется, къ царствованїямъ Мануила и Іоанна Палеологовъ. Авторъ рѣчи выражается о нихъ, не только не называя по имени каждаго, но даже и не отдѣляя одного отъ другаго и пробавляясь выраженїемъ *ὁ βασιλεύς*. Слушатели знали, кого изъ нихъ онъ разумѣетъ. Высказанную нами догадку мы основываемъ на томъ, что

¹) Δελт., стр. 416.

²) Тамъ же, стр. 417. Этими словами, думается намъ, авторъ намекаетъ на осаду Константинополя Мурадомъ въ 1422 г. въ концѣ жизни императора Мануила.

³) Тамъ же, стр. 419.

⁴) Тамъ же, стр. 420.

Лука Нотарà уже упоминается какъ дѣятель при императорѣ Мануилѣ у Франдзі¹⁾; затѣмъ онъ является вліятельнымъ лицомъ при Іоаннѣ, о кончинѣ котораго и говоритъ въ своей рѣчи нашъ ораторъ въ слѣдующихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: „когда умеръ царь“²⁾ и т. д. Эта смерть была поводомъ къ незаконному притязанію Дмитрія, одного изъ братьевъ умершаго. Ораторъ стоитъ, какъ и Франдзі, на точкѣ зрѣнія легальной³⁾. Верховную власть надлежало получить законному наслѣднику, находившемуся тогда въ Пелопоннискѣ, говоритъ авторъ, разумѣя Константина IX, но не называя его. „Но нѣкоторые задумали возвести на престолъ того царскаго брата, который слѣдовалъ за наслѣдникомъ. Это произвело небывалую смуту, грозившую окончателно погубить государство. Но сей мужественный человѣкъ (Нотарà), всегда стоявшій за правду, не сопротивляясь этимъ людямъ ни словомъ, ни оружіемъ, но, какъ и надлежало, своимъ великимъ разумомъ, которому въ тишинѣ покорствовало большинство горожанъ, сохранилъ власть наслѣднику“⁴⁾. Воцарившись, царь осыпалъ его величайшими почестями, считая его своимъ лучшимъ совѣтникомъ и сподвижникомъ. „Но такъ какъ намъ надлежало, по причинамъ Богу извѣстнымъ, впасть въ величайшія бѣдствія и видѣть увѣ! общую погибель общаго отечества и націи, то ничего полезнаго не имѣло успѣха. Незадолго воцарившійся надъ варварами государь, нарушивъ данныя имъ клятвы о мирѣ⁵⁾, всѣми способами домогался сокрушить сохранявшуюся еще римскую державу, для того чтобъ оказаться совершившимъ то, чего ни одинъ изъ властителей варварскихъ никогда не могъ совершить“⁶⁾. Въ эту-то пору, предшествовавшую покоренію столицы, Лука Нотарà явился великимъ дѣятелемъ. „Это знаютъ“, говоритъ ораторъ,—„всѣ гражданае, а съ ними и всѣ пришельцы и сами, я думаю, варвары, бывшіе самовидцами разгрома“. Въ то время больше чѣмъ когда-нибудь была нужда въ деньгахъ: она была поводомъ рѣчи, произнесенной въ синклитѣ самимъ царемъ. Кротко и осторожно старался государь пробудить въ слушателяхъ усердную го-

¹⁾ Phrantzes, p. 118, ed. Bonn.

²⁾ Δελτιον, 7, 420.

³⁾ Phrantzes, p. 204—205, ed. B.

⁴⁾ Ср. Франдзі тамъ же.—Δελт. 7, 420.

⁵⁾ И Несторъ-Искандеръ упоминаетъ о нарушеніи клятвы Магмедомъ; см. въ началѣ Повѣсти о взятіи Цареграда.

⁶⁾ Та же мысль приписана завоевателю и Франдзіемъ, 233 Бон.

товность пособить государству въ общей нуждѣ. Тогда-то Лука Нотарѣ отвѣчалъ царю: „Еслибы твое величество держало рѣчь о чемъ-либо другомъ и ты созвалъ бы этотъ совѣтъ ради какаго-либо иного дѣла, то надлежало бы между разными подаваемыми мнѣніями разобрать, которое изъ нихъ и лучшее, и вмѣстѣ полезнаѣйшее: но такъ какъ обсуждается дѣло общаго спасенія и рѣчь идетъ объ изысканіи денежныхъ средствъ для избавленія отъ предстоящей опасности, то и не возможно иначе поступить, какъ послѣдовать твоему указанію; а именно—составить сборъ, не по царскому указу, не насильно, а добровольно, по благому расположенію и похвальной ревности. Итакъ, теперь не время разузнавать, каково преобладающее мнѣніе прочихъ лицъ, да я и не думаю, чтобы присутствующіе высказали мнѣнія отличныя отъ предложеннаго, или стали бы доказывать, что теперь деньги не нужны, или неохотно приняли бы предложеніе о сборѣ, такъ какъ имъ хорошо извѣстно, что никто не скажетъ: „для этого — сборъ будетъ выгоденъ, а для того невыгоденъ, одному будетъ хорошо, другому худо“. Нѣтъ! всѣмъ предстоитъ одно: это явно и не нуждается въ доказательствѣ: опасность, очевидно, для всѣхъ общая, твое же отъ Бога державство съ такою преданностью дѣлу и такъ основательно изложило всѣ возможные способы, что еслибы кто былъ и неусерднымъ, то легко бы перемѣнился. А главное: ты указываешь на то, чтобы сборъ произошелъ по желанію каждаго. Но такъ какъ я знаю, что многіе, хотя и имѣютъ усердіе, но желаютъ, чтобы починъ сбора былъ откуда-нибудь извнѣ, и чтобы пошелъ отъ меня, то я не вижу ни малѣйшаго повода не исполнить ихъ желанія“¹⁾). Послѣ этихъ словъ Нотарѣ первый внесъ свое пожертвованіе; за нимъ и всѣ прочіе члены синклита. Ничто однако не спасло столицы, пишетъ Москвѣ: „она не въ силахъ была противостоятъ многочисленнымъ войскамъ непріятельскимъ, разнообразнымъ машинамъ и алеполямъ“. По взятіи города, не смотря на общее избіеніе и порабощеніе, Нотарѣ остался въ живыхъ. „Узнавъ объ этомъ, варваръ призвалъ его къ себѣ и отложивъ варварскую жестокость, обласкалъ его и осыпалъ дарами и великими обѣщаніями“²⁾),—

¹⁾ Делт. 7, 422.

²⁾ Франдзи на оборотъ разсказываетъ, что Лука Нотарѣ поднесъ султану дары, что и послужило поводомъ къ чисто турецкой придирчивости втораго, 291 Б. Эта сцена передана въ подробности по Франдзию М. М. Стасюлевичемъ

такъ что сами варвары этимъ были изумлены. Но это не могло на долго оставаться въ такомъ видѣ: ни варварская натура не могла измѣниться, ни Богъ не допустилъ Луку быть зрителемъ гибели его націи и родины, оскверняемой нечестивыми словами и поработаемой варварскимъ управленіемъ и нравами. И онъ, и другіе савонники подверглись смертной казни. Когда палачъ былъ готовъ исполнить данный ему приказъ и ужь занесъ саблю, чтобы поразить и самого и его сыновей, отецъ замѣтилъ въ одномъ изъ нихъ признаки страха. Отецъ сказалъ палачу: „подожди немного!“, а къ сыну обратился съ такими словами: „Куда дѣвалась, мой милый, твоя любовь къ отцу? Не ты ли много разъ обѣщался мнѣ—охотно за меня умереть? Чтѣ сдѣлаешь ты со свидѣтельствомъ лицъ, слышавшихъ отъ тебя эти обѣщанія? Или ты думаешь, что эти обѣщанія слышали одни люди, а Богу они не извѣстны, и что Онъ отъ тебя не спроситъ въ нихъ отчета въ день страшнаго своего пришествія? Гдѣ родина? Гдѣ слава націи? Гдѣ римская держава? Гдѣ благопріимчивіе и скромность нравовъ и добрый порядокъ? Развѣ не видишь, что все это погубило? Близокъ общій владыка: Онъ вознаграждаетъ тебя благими дарами за исполненіе данныхъ тобою мнѣ, отцу твоему, обѣщаній! Этими словами укоренивъ въ душѣ юноши духъ безстрашія, онъ сказалъ палачу: „сперва ихъ умертви, а потомъ меня“. Послѣ казни дѣтей своихъ отецъ произнесъ радостно: „Слава Тебѣ, Христе царю“, и простерши руки со слезами сказалъ: „Прими душу мою и даруй мнѣ великую твою милость и содѣлай меня наслѣдникомъ благъ твоихъ и участникомъ оной блаженной жизни!“ Потомъ, подавъ знакъ палачу, принялъ блаженную кончину... „Какая же тема“, продолжаетъ ораторъ,—„заслуживаетъ бѣльшаго прославленія? Кто не признаетъ ее за достаточное свидѣтельство добродѣтели этого человѣка, еслибъ и не было о немъ никакихъ другихъ свидѣтельствъ?“ Рѣчь свою Іоаннъ Москъ заканчиваетъ такою мыслью: „Вся жизнь Луки Нотарà представляетъ намъ его добродѣтельнымъ и благочестивымъ, а его кончина это подтверждаетъ: нужно было проявиться и такому мужеству, которое пришлось по нраву и пылу варваровъ, такому мужеству, которому всѣ люди воздають дань справедливаго удивленія“¹⁾.

въ его сочиненіи: „Осада и взятіе Византіи турками (Ученныя Зап. 2-го Отд. Ак. Наукъ, I. 1854, кн. I, стр. 167—8).

¹⁾ Делт. 7, 424.

Къ рѣчи Іоанна Мосха не приложено примѣчаній о времени и мѣстѣ, гдѣ она была произнесена. Въ самой рѣчи нѣтъ, кажется, прямыхъ указаній ни на время, ни на мѣсто: тѣмъ не менѣе она дѣлаетъ такое впечатлѣніе, что она сказана вскорѣ послѣ кончины Нотарѣ, и притомъ въ томъ городѣ, гдѣ произошла кончина, то-есть, въ Константинополѣ. Особенно склоняютъ къ этому предположенію выраженныя авторомъ такія мысли: какое слово можетъ въ точности изобразить тѣ подвиги, которые онъ совершилъ для отраженія угрожавшей столицѣ опасности, такъ чтобъ они показались изумительными и тѣмъ, кто нехорошо освѣдомленъ? „Однако это знаютъ всѣ граждане, а съ ними и всѣ пришельцы и сами, я думаю, варвары, бывшіе самовидцами разгрома“. На насъ эти слова дѣйствуютъ такъ, какъ бы они были обращены къ современникамъ, и притомъ близкимъ къ событіямъ и по времени, и по мѣсту. По соображеніямъ Леграна, высказаннымъ два года тому назадъ, Іоаннъ Москъ умеръ приблизительно въ 1494 году ¹⁾; изъ приводимаго имъ же отрывка письма Арнольда Арленія къ испанскому вельможѣ Мендозѣ видно, что Іоаннъ Москъ умеръ старцемъ ²⁾; итакъ, приведенныя данныя не мѣшаютъ слѣдующему нашему предположенію: рѣчь могла быть произнесена близко къ 50-мъ годамъ XV в., когда окончилъ жизнь Нотарѣ.

Гг. Саккеліонъ и Пападопуло-Керамей приложили новыя усилія къ ознакомленію читателей съ новогреческою литературой XVII и XVIII вв. Подъ названіемъ Замѣтка о бесѣдахъ Мелетія Сирига ³⁾ Пападопуло-Керамей старается разъяснить нѣкоторыя подробности по біографіи этого незабвеннаго мужа, о которомъ Досифей выразился такъ: „Кто желаетъ узнать, какова была его жизнь, тотъ, при сравненіи ея съ жизнью кого угодно изъ святыхъ іерарховъ, найдетъ ее равною той, нисколько не ниже“ ⁴⁾. Критикъ, основываясь на не изданной рукописи, принадлежащей смирскому книгопродавцу Аванасію Захарію, приурочиваетъ многія бесѣды Мелетія Сирига къ ихъ годамъ и къ мѣстностямъ, гдѣ онѣ были произнесены, что бросаетъ свѣтъ и на біографію святителя. Этимъ попол-

¹⁾ *Legrand, Bibliographie Hellénique, t. I, p. LXXXIX.*

²⁾ На той же стр. см. прим. 3.

³⁾ Σημειώσεις περί των ομιλιών Μελετίου του Συρίγου, υπό Α. Παπαδοπούλου Κεραμειώς, Δελт. 7, 440—447.

⁴⁾ Выписка изъ Досифея заимствована нами изъ Б. Саеи, *Νεοελληνική φιλολογία* 258. См. тамъ: Жизнь и труды Мелетія Сирига, 255—260.

наются и исправляются свѣдѣнія, находимыя у г. Саенъ. Въ своихъ разысканіяхъ критикъ опредѣляетъ, сверхъ того, мѣстность нѣкоторыхъ константинопольскихъ святынь. Въ статьѣ, озаглавленной: „Исправленія на сочиненіе Николая Маврокордата: Брань табаку“ ¹⁾ (φόρος Νικοτιανῆς), г. Пападопуло-Керамей указываетъ на неисправность имѣющагося печатнаго изданія этого сочиненія, исправляя текстъ на основаніи той же рукописи, которая послужила и издателю. Остается пожелать, чтобъ названное сочиненіе „Брань табаку“ было снова издано лучше прежняго, такъ какъ оно очень одобряется греческими литературными критиками. Извѣстно, что по поводу этого сочиненія, которое въ свое время анонимно ходило по рукамъ, одинъ изъ современниковъ автора, іерокирикъ Митрофанъ, написалъ статью: „Похвала табаку“ (ἔπαινος Νικοτιανῆς). Эта послѣдняя статья пропала; но не пропалъ отвѣтъ на нее автора „Брани табаку“. Вотъ этотъ-то отвѣтъ, именующійся Діалогомъ (Διάλογος), въ первый разъ теперь изданъ въ Запискахъ г. Саккеліономъ ²⁾. Въ этомъ діалогѣ нѣтъ, какъ намъ кажется, ни остроумія, ни жгучести памфлета, ни того эстетическаго оттѣнка, который характеризуетъ образованныхъ людей, и котораго можно было ожидать отъ Николая Маврокордата, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ мужей своего времени (1670—1730 гг.). Чтеніе этой статьи тѣмъ особенно непріятно, что она усѣяна вычитанными изъ древнихъ писателей готовыми фразами и всякою площадною бранью. Издавшій этотъ Діалогъ г. Саккеліонъ замѣчаетъ, что издалъ его потому, что всѣ сочиненія знаменитыхъ людей, каковы бы они ни были, должны быть предаваемы гласности. Съ этимъ взглядомъ издателя нельзя не согласиться. Пусть читатели узнаютъ, что авторъ сочиненія „Объ обязанностяхъ“ (περὶ καθήκοντων), и другаго извѣстнаго подъ заглавіемъ „Досуги боголюбца“ (Φιλοθέου πάτερρα), могъ такъ далеко увлечься своимъ мелочнымъ самолюбіемъ, что не погнушался осипать своего литературнаго противника грубыми и оскорбительными выходками, одинъ изъ сильныхъ міра, Молдавскій господарь—маленькаго ученаго инока.

Въ своей статьѣ „Народная пѣсня о мертвомъ братѣ“ Н. Г. Полить, проводитъ ту мысль, что нѣтъ причины предпочитать сѣверное повѣрье о мертвомъ женихѣ, южному о мертвомъ братѣ, издалъ при своей

¹⁾ Διαρθώσεις εις τον φόρον Νικοτιανῆς, υπο Α. Παπαδοπούλου Κεραμειῶς Δελτ. 447—451.

²⁾ Νικολαου Μαυροκορδατου Διαλογος, υπο Γ. Σακκελιωνος 451—458.

статьѣ 17 греческихъ пѣсенъ по этому сюжету ¹⁾. Въ подтвержденіе высказаннаго Политомъ положенія о большой распространенности греческаго типа этой пѣсни, то-есть, того типа, гдѣ мертвецъ является братомъ, г. Политъ издалъ въ разбираемомъ выпускѣ Записокъ еще три греческія пѣсни: № 18 изъ Хіа (Хіоса), № 19, присланный изъ Эрмополя (изъ Сиры), и № 20 изъ Синасса (что въ Каппадокии ²⁾). Последняя пѣсня была имъ коротко пересказана въ прежней его статьѣ; здѣсь же она издана вся; она заимствована изъ собранія г. Каролида, обнародованнаго въ ббльшей своей части въ 33-мъ томѣ Записокъ Геттингенскаго университета и въ особомъ отискѣ подъ заглавіемъ: *Neugriechisches aus Klein-Asien von Paul de Lagarde. Göttingen. 1886.* Разумѣется, изъ новыхъ трехъ пѣсенъ третья представляетъ наиболѣе особенностей по языку; на примѣръ: ἄκεί (въ смыслѣ ἄκείνη), μίαν (μάν, μίαν), 'κὲ (δέν), ἀφιδάνατος (внезапная смерть), θεγό (θεός, θεόν), ἀγίφορι (праздничный нарядъ, ἄγιος и φορῶ), συντρίαινας (тревожишь). Мы держались, гдѣ сами были въ неизвѣстности, толкованія г. Каролида. Слово σφραγὴ самъ онъ объясняетъ не утвердительно; „можетъ быть σφραγὴ“. Было бы интересно знать о словѣ λαχυλίδι: опечатка ли это вмѣсто δαχυλίδι (перстень), или ъ иногда и въ каппадокійскомъ говорѣ переходитъ въ λ? Такъ древнее δάχνω, распространенное въ формѣ δαχάνω перешло по особенному выговору въ λαχάνω: не знаемъ, принадлежитъ ли это послѣднее къ какому-либо говору, но мы его часто слышали, и оно очень распространено. Есть въ этой пѣсни и одно слово, заимствованное изъ турецкаго, а именно: ἀμανέτι (порука, заложникъ, стар. таль), которое больше извѣстно въ формѣ ἀμανάτι и ἀμανέτι: ср. русское аманатъ и сербск. аманат, аманет (Сербско-русскій словарь П. А. Лавровскаго), которыя тоже изъ турецко-татарскаго источника.

Г. Прасса издалъ 60 дистиховъ (двустигій), собранныхъ изъ разныхъ мѣстностей; сюжетъ ихъ всегда любовь ³⁾. Здѣсь сохранилось нѣсколько древнихъ греческихъ словъ въ общемъ языкѣ неизвѣстныхъ или рѣдкихъ, на примѣръ: εὐγιά, ведро, ясная погода, изъ др. εὐδία; ἄψε, зажги, засвѣти, въ смыслѣ ἄναψε; κηπαρισσών, кипарисовая роща. Есть чисто новогреческія поэтическія слова и выраженія:

¹⁾ Το δημοτικὸν ἀσμα περὶ τοῦ νεκροῦ ἀδελφοῦ συμπληρωμα τοῦ Ν. Τ. Πολίτου, Δελτ. 7, 552—557.

²⁾ Мы говорили объ этомъ въ Сказаніи о братѣ-мертвецѣ, *Ж. М. Н. Пр.* 1886, мартъ.

³⁾ Ἀνεκδοτὰ κρητικὰ διςτίχα τοῦ Κ. Α. Πρασσά, 557—564.

τὸ τί τραβῶ γιὰ σένανε; τὸ ἄχ εἶνε μαζί μου; κακοθανάτιω, ἐλλησμονητῆρι, χορτάρισεν ὁ τάφος μου; ψηλομελαγχροινούλα μου и т. п. Немало однако словъ итальянскихъ и турецкихъ; ит. (вен.): *ἀλάργα, καδένα, βέργα*; тур. *γυαχίνι, σεβута, χатῆρι*.

Извѣстный ученый и переводчикъ Шекспира г. Д. Викала помѣстилъ, въ греческомъ переводѣ, письмо француза Густава Эйхтала, написанное послѣднимъ въ Афинахъ, 20-го мая (1-го іюня) 1835 г., въ самый день провозглашенія короля Оттона совершеннолѣтнимъ ¹⁾. Издатель полагаетъ, что „это письмо очень интересно для греческаго читателя, такъ какъ оно даетъ страницу изъ новогреческой исторіи по впечатлѣніямъ свидѣтеля-очевидца. Правду сказать“ ²⁾, продолжаетъ г. Викала, — „этотъ свидѣтель не можетъ считаться за вполне непристрастнаго. Его тѣсныя связи съ однимъ изъ предводителей соперничающихъ тогда партій (*κόμματα*), а вслѣдствіе того его антипатія и предубѣжденія къ другимъ, слишкомъ прогрессивнымъ идеѣмъ, вынесенныя имъ изъ его прошлой жизни, жаръ юношескаго возраста, самая его національность посреди сталкивающихся между собою интересовъ иностранныхъ державъ и посреди дипломатическихъ распрѣй ихъ представителей, все это должно быть принято къ соображенію, прежде чѣмъ признаемъ безошибочными его сужденія о лицахъ и дѣлахъ. Тѣмъ не менѣе искренность воспріятій и живость впечатлѣній этого наблюдателя филѣлина сообщаютъ нѣкоторымъ образомъ значеніе историческаго памятника его письму, написанному пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ“ ³⁾. Мы выписали мнѣніе г. Викалы; съ его мнѣніемъ трудно согласиться. Эйхталь въ письмѣ своемъ утверждаетъ, что Каподистрія былъ въ Греціи ненавидимъ за свою тираннію, то-есть, авторъ письма приписываетъ націи чувства одной крайней партіи, подогрѣваемая въ Греціи иноземцами: развѣ такой взглядъ можно считать только за не вполне непристрастный? Онъ вполне пристрастенъ. Эйхталь называетъ Θεοδώρα Колокотрони знаменитымъ клефтомъ: развѣ такъ смотрѣла и смотреть до нынѣшняго дня греческая нація на этого великаго мужа? Эйхталь превозноситъ значеніе Колетти: почему? Не потому ли, что этотъ государственный человѣкъ льстилъ французамъ и былъ ихъ сторонникомъ? Историческимъ памятникомъ, пожалуй, и можно считать напечатанное въ греческомъ историческомъ журналѣ

¹⁾ Επιστολή Γουσταβου Εἰχτάλ, ἀπὸ Δ. Βικέλα. Δελτ. 515—520.

²⁾ Δελт., 515—516.

письмо извѣстнаго француза, но историческимъ памятникомъ не столько по греческой политической исторіи, сколько по исторіи французскаго легкомыслія и крайней односторонности, съ которою въ то время относилась политика Франціи къ Греціи. Нужно быть благодарнымъ г. Вивелѣ за его сообщеніе, но согласиться съ нимъ не возможно, если подумать, какіе вредные элементы поддерживала тогда Франція въ не установившейся еще греческой державѣ.

Подробное описаніе Фолегандра, одного изъ Спорадскихъ острововъ, составленное г. Гавала, примыкаетъ къ тѣмъ монографіямъ острововъ, которыя необходимы для разработки исторіи и статистики Греціи ¹⁾. Обратимъ вниманіе археологовъ на найденныя на этомъ островкѣ написи: изъ нихъ нѣкоторыя, хотя и извѣстны, но авторомъ статьи провѣрены; интересна, особенно по содержанію, надгробная, гласящая, между прочимъ, что въ одну общую могилу положены братъ и сестра, по видимому, близнецы (начала нѣтъ; первое слово λαίχον см. стр. 484) ²⁾. Интересны для эллиниста мѣстныя слова, упомянутыя и объясненныя авторомъ по поводу описанія занятій жителей. Городакъ состоитъ изъ тѣсно построенныхъ домиковъ; тѣ изъ нихъ, которые пришли на края, стѣнами своими образуютъ такъ называемую крѣпость. Строенія такъ часты и такъ малы, что одному лишь дѣйствію животворныхъ морскихъ вѣтровъ должно приписать отсутствіе заразительныхъ болѣзней. Скученность населенія происходитъ отъ желанія жителей жить въ крѣпости, въ которой они нѣкогда были защищены отъ опасности внезапныхъ нападѣній морскихъ разбойниковъ. Впослѣдствіе времени привычка жить въ крохотныхъ домишкахъ до того была сильна, что и по минованіи всякихъ страховъ, дома, строящіеся и внѣ крѣпости, нисколько не отличаются отъ прежнихъ, хотя теперь нѣтъ никакого повода скучиваться въ маленькихъ домахъ. На распросы по этому предмету фолегандрійцы отвѣчаютъ мѣстною поговоркой: „жилиа столько, чтобъ помѣститься, а земли столько, сколько видишь“ (σπίτι δσο χωρεῖς καὶ γῆ ὅση θωρεῖς). Этотъ послѣдній глаголъ, происшедшій изъ древняго θεωρῶ, въ общегреческомъ новомъ языкѣ не употребляющійся, все еще держится, какъ намъ извѣстно и изъ другихъ данныхъ, на островахъ Архипелага.

¹⁾ Φολεγάνδρος, ὑπο Ζ. Α. Γαβαλά, Δελτ. 457—515.

²⁾ Бетати: въ *Запискахъ* помѣщена статья *I. Саккелиона* Περὶ μολοββοβούλων βραχέα τινά, гдѣ онъ объясняетъ одну извѣстную, но худо понятую напись, находящуюся на свинцовой византійской печати. Мы объ этомъ наведемъ поговорить въ другомъ мѣстѣ.

Пишущій эту рецензію припоминаетъ одинъ не безынтересный случай. Желая обрисовать глупость жителей одного изъ острововъ Архипелага, одинъ полуобразованный идиотъ разказывалъ мнѣ, что про этихъ жителей идетъ такая рѣчь. „Когда выросла и созрѣла пшеница, мужъ позвалъ жену свою, а самъ залѣзъ въ пшеницу и спросилъ ее: Видишь меня, жена?“ „Вижу тебя, мужъ!“ „Такъ на будущій годъ, чтобъ ты меня не видала!“ (θωρεῖς με, γυναικα;—θωρεῖ σε, ἀνδρα.—καὶ τοῦ χρόνου νὰ μὴ με θωρεῖς). Глупость этого человѣка въ томъ яко бы, что онъ желая сказать: „на будущій годъ пусть пшеница выростетъ еще выше и гуще“, и самъ того не понимая, намекнулъ на свою смерть—словами: „чтобъ ты меня не видала“. Смѣшно разумѣется показалось и то, что говорятъ θωρεῖς, а не βλέπεις, и то, что με поставлено послѣ глагола, между тѣмъ, какъ въ нынѣшнемъ общемъ языкѣ оно должно стоять прежде глагола. Между тѣмъ самый разговоръ между мужемъ и женой носить слѣды большой древности: кромѣ древности и слова, и конструкціи, мы имѣемъ въ немъ намекъ на еще болѣе древнее повѣрье и обрядъ. Сравните съ малороссійскою пѣсней:

Роди, Боже, жито
на новее лито
густее, колосистее
на стебло стеблистее,
щобъ наши диты мали
и стоячи жали.

Г. Сумцовъ, въ своемъ изслѣдованіи: „Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ“ (Харьковъ. 1885), приводя эту пѣсню изъ г. Чубинскаго, поясняетъ: „Стоячи жали“, то-есть, чтобы хлѣбъ былъ такой высокій, колосомъ выше человѣческаго роста (стр. 40, прим. 3) ¹⁾. Я слышалъ о подобныхъ повѣрьяхъ у литовцевъ отъ г. Вольтера, которому я сообщилъ разказъ идиота. Но возвратимся къ Фолегандру. Г. Гавалъ собралъ во едино всѣ извѣстія путешественниковъ объ этомъ островкѣ, приложилъ карту, составленную имъ по англійской картѣ Томаса Гревса (Graves), но съ переложениемъ англійской транскрипціи названій на греческую и съ исправлениемъ ошибокъ (см. стр. 487), приложилъ копию съ одного греческаго документа о разореніи острова и порабощеніи жителей въ 1715 г. отоманскимъ адмираломъ Джанум-Ходжа и т. д.

¹⁾ Кому изъ двухъ ученыхъ принадлежитъ это объясненіе, намъ, за неимѣніемъ подъ рукою книги г. Чубинскаго, осталось невѣстнымъ.

Къ конпу книжки приложенъ перечень оружій, медалей, грамотъ, частныхъ писемъ, и записокъ, пріобрѣтенныхъ Обществомъ или ему подаренныхъ. Любопытнаго тутъ много особенно для лицъ, интересующихся эпохою борьбы грековъ за независимость. По исторіи „Дружеской Этеріи“ (φιλική ἑταιρεία) Общество получило въ даръ бумагу, въ которой объяснены тайнописные условные знаки этеріи, тайнописное изложеніе присяги, приносимой членами ея, документъ, заключающій въ себѣ руководство относительно упомянутой присяги, и росписку о внесеніи платы въ казну этеріи. Упомянемъ еще объ одномъ письменномъ памятникѣ. Изумительные до неправдopodobія, но завѣренныя исторіей подвиги Аѳанасія Дьяка ¹⁾, усилѣли почти современно съ ихъ совершеніемъ сдѣлаться предметомъ народныхъ пѣсенъ. Прославилъ эти подвиги и національный поэтъ грековъ Валаоритъ въ драматической пьесѣ „Аѳанасій Дьякъ“. Этотъ герой какъ будто уже совсѣмъ вступилъ въ область народной фантазіи: но вотъ одинъ греческій гражданинъ даритъ Обществу документъ „о назначеніи Аѳанасія Дьяка капитаномъ Левадіи“. Возвращаясь къ эпосу. Я сближаю одну трапезундскую пѣсню, начинающуюся словами: „Когда городомъ правилъ богатырь Константинъ“, пѣсню полную борьбы грековъ съ турками и болѣзненно оплакивающую взятіе города мусульманами, съ пѣсней объ Аѳанасіи Дьякѣ. Первая относится, если не по формѣ, которую теперь носитъ, то по сюжету своему къ XV вѣку, а вторая сложилась въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія. И въ той, и въ другой главнымъ героемъ надъ всѣми высится Дьякъ. Въ первой поютъ, что послѣ того, какъ Дьякъ истребилъ триста турокъ и тринадцать пашей, „изломилась его сабля, изломилось его копье“. Приводятъ его къ турецкому военачальнику и тотъ хочетъ посадить его „въ тюрьму на прохладную постелю“. Дьякъ обѣщаетъ ему большія деньги, лишь бы даровалъ ему турокъ хоть пять-шесть дней пожить: тотъ деньги беретъ, а жизни ни на шесть, ни на пять дней ему не даритъ. „Дьякъ мой, стань туркой, я подарю тебѣ жизни!“ говоритъ мусульманинъ... „Назадъ, назадъ, чорный папа, чорный турецкій гражданинъ; я дьякомъ сталъ, дьякомъ и помру“. И онъ его убилъ, великаго сераскира“ ²⁾ Возьмемъ новую

¹⁾ См. у *Спиридона Трикупи*: *Ιστορία της ελλ. επαναστασεως, Λοιδιου, 1853*, томъ I, гл. 14 (1821 г.), гдѣ описаны чудесныя битвы при Фермопилахъ и при Гравья.

²⁾ Эта пѣсня подъ № 25 въ *Ιστορία και στατιστική Τραπεζουντος... υπο Σαβ. Ιωαννιδου Κωνσταντ. 1870*, и немного иначе она же приведена у *Legrand, Resueil*,

пѣсню, сложившуюся уже въ то время, когда старики нашего времени были еще ребятами,—что мы въ ней находимъ. Историческія названія: Омеръ Вріони, Одиссей, Калива; извѣстныя имена географическія—Ливадія, Зитуни, Аламана—а обстановка такая же эпическая, какъ и въ прежней пѣснѣ. „Остался Дьякъ одинъ съ осмнадцатью удалцами, и три часа воевалъ съ осмнадцатью тысячами“. Когда и ружье его разорвало, и сабля изломилась „попался Дьякъ живой въ руки враговъ. Тысяча ведетъ его сзади, двѣ тысячи спереди. А Омер-Вріони втихомолку по пути допрашиваетъ его: „Станешь ты туркой, Дьякъ мой, пережѣнишь ты вѣру? Будешь поклоняться въ мечети, церковь бросишь? „А тотъ отвѣчаетъ, въ сердцахъ говорить: „Пропадите, поганые, вы сами и съ вашею вѣрой: я грекомъ родился, грекомъ и помру. Хотите тысячу червонныхъ, тысячу махмудъ; только семь дней жизни подарите мнѣ, пока подойдутъ „Одиссей и Вая Өанасъ“. Какъ слышалъ то Халиль-бей, закричалъ съ пѣной у рта: „тысяча кошель дамъ я вамъ, да еще пятьсотъ: истребите Дьяка, страшнаго клефта: не то погаситъ онъ Турцію и всю нашу державу“. Тогда Дьяка берутъ и на колъ сажаютъ: прямешенько его поставили, а тотъ усмѣхается, ихъ вѣру позорить, самихъ поганцами называетъ: „Собаки вы! меня на колъ посадили: такъ что жъ? одинъ грекъ пропалъ: а дай Богъ здоровья Одиссею и капитану Никитѣ: они Турцію заждятъ и державу вашу пожгутъ“¹⁾. Вотъ въ короткихъ словахъ содержаніе пѣсни XV в. и пѣсни XIX в. Смѣшались ли подробности, или типическій Дьякъ повторяется изъ вѣка въ вѣкъ, какъ символъ героя-патріота изъ духовныхъ — здѣсь не мѣсто разбирать. Мы объ этихъ эпическихъ откликахъ упомянули только по поводу того, что вотъ недавно одинъ добрый человекъ, какъ мы уже сказали, подарилъ Обществу документъ „о назначеніи Аванасія Дьяка капитаномъ Ливадіи“. И вотъ опять ожилъ и историческій Дьякъ.

Гавріилъ Дестунисъ.

№ 49. Явнѣдъ полагаетъ, что паша убилъ Дьяка, который тутъ названъ великимъ сераскиромъ; а намъ кажется невѣроятнымъ, чтобы греческій діаконъ, герой въ пѣснѣ, былъ названъ великимъ сераскиромъ.

¹⁾ Мы разказали по *Форіелю*: Chants popul. de la Grèce moderne II, 33. См. нѣсколько иначе у *Замбели*: Δημοτικα αρατα, 632, 44. *Pavov*, Popul. Saghina, составилъ сводъ по упомянутымъ текстамъ, № 234.

Поиски золота.

Посоольство къ зюнгарскому хунъ-тайчжи Цванъ-Равтаву капитава отъ артиллери Ивана Унковскаго и путевоу журналъ его за 1722—1724 годы.—Документы, издавнине съ предисловіемъ и примѣчаніями д. чл. *Н. Ис. Веселовскаго*. С.-Пб. 1887. (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи, томъ X, выпускъ 2).

Запискамъ капитана Унковскаго суждено было явиться въ свѣтъ очень поздно. Отрывки изъ нихъ, и очень существенные, по содержанию, еще въ прошломъ столѣтіи были переведены на нѣмецкій и французскій языки, и ими пользовались очень многіе изслѣдователи, а о самомъ подлинникѣ позабыли или, вѣрнѣе, никто не вспомнилъ о немъ; между тѣмъ рукописи драгоцѣннаго путевоу журнала существовали и въ частныхъ рукахъ, и въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ семидесятыхъ годахъ одна рукопись записокъ Унковскаго доставлена была въ Русское Географическое Общество членомъ-сотрудникомъ его профессоромъ А. Н. Веселовскимъ, а вслѣдъ затѣмъ объявилась и вторая въ упомянутомъ сейчасъ архивѣ. Географическое Общество положило издать дневникъ Унковскаго. Профессоръ Н. И. Веселовскій, принявшій на себя трудъ печатанія записокъ и другихъ документовъ, относящихся къ посольству въ Зюнгарию, безъ сомнѣнія, оказалъ услугу исторіи русскихъ въ Средней Азій. Изданный имъ дневникъ Унковскаго—документъ весьма любопытный во многихъ отношеніяхъ. Географическія свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, были оцѣнены по достоинству давно, и очень многими изслѣдователями; но журналъ Унковскаго весьма важенъ также какъ одинъ изъ старѣйшихъ памятниковъ русскихъ дѣяній въ Средней Азій. Не смотря на сухое изложеніе, онъ читается съ большимъ интересомъ. Авторъ, конечно, не былъ мастерскимъ разказчикомъ; онъ писалъ дѣловыя записки, старался быть точенъ, а не занимателенъ, принимался за свой дневникъ даже и тогда, когда „никакой оказіи не было“, а слѣдовательно, по видимому и нечего было записывать; такихъ дней было не мало во время продолжительнаго пребыванія Унковскаго въ Ургѣ. Но рядомъ съ такими глухими и скучными днями, выдавались дни, полные живаго интереса. Послу приходилось бесѣдовать и съ хунъ-тайчжею, и съ его сановниками; такіе разговоры онъ передаетъ въ подробности, и рѣчи восточныхъ дипломатовъ, полныя оригиналь-

ности и занимательности. Бывали дни, когда автору приходилось наблюдать разныя стороны кочевой жизни, и все, что поражало его, онъ отмѣчаетъ въ своемъ журналѣ. Заноситъ онъ туда и распросныя свѣдѣнія. Такъ, къ журналу приложены (стр. 180 и сл.) статьи о контайшинѣ родствѣ и о его происхожденіи во владѣтели и т. д., о нынѣшней войнѣ между китайцевъ и контайшею (стр. 189 и слѣд.), реестръ контайшиной фамиліи (стр. 196), Фаболо, которую калмыки заподлинно почитаютъ (стр. 197 и слѣд.), о богомоли калмыцкомъ (стр. 204), о борьбѣ калмыцкой, какова имѣла быть при Ургѣ контайшиной іюня 26-го дня 1723 года, съ великимъ собраніемъ и съ вкладомъ (стр. 205). Въ приложеніи къ сочиненіямъ Унковскаго издатель собралъ рядъ документовъ, относящихся къ зюнгарскому посольству. Тутъ же помѣщено любопытное извлеченіе изъ донесеній маіора Угримова (стр. 233). Для вполнѣ точной оцѣнки послѣдняго документа необходимо имѣть постоянно въ виду, что было извѣстно европейцамъ въ первую четверть XVIII столѣтія объ этой части Азіи. Свѣдѣній было очень немного, да и тѣ явились нѣсколько поздиѣе, и шли отъ плѣнныхъ шведовъ, побывавшихъ въ Сибири. Въ концѣ книги приложено факсимиле карты, составленной Унковскимъ. Разъяснительныхъ примѣчаній, выясняющихъ историко-географическое значеніе журнала Унковскаго, въ настоящемъ изданіи нѣтъ, исключая пространнаго письма г. Поздиѣева къ издателю, озаглавленнаго: „Къ исторіи зюнгарскихъ калмыковъ“ (стр. 239—264). Письмо это, безъ всякаго сомнѣнія, очень интересно; авторъ на основаніи калмыцкихъ источниковъ (время составленія этихъ источниковъ не опредѣлено имъ) сдѣлалъ любопытное открытіе: Жербильонъ разказывалъ, что Ончонъ убитъ около 1658 г., и „вотъ уже два вѣка обманывался имъ (то-есть, и Жербильономъ, и его показаніемъ) европейскій міръ, и не одинъ изъ ученыхъ изслѣдователей исторіи зюнгаровъ не подумалъ заподозрить его достовѣрность. Три года тому назадъ онъ ввелъ и меня (то-есть, профессора Поздиѣева) въ такое же заблужденіе; но теперь я (то-есть, г. Поздиѣевъ) положительно могу засвидѣтельствовать, что разказы Жербильона составляютъ чистѣйшій вымыселъ“ (стр. 242). Ончонъ не былъ убитъ около 1658 г. Открытіе г. Поздиѣева—нужно думать—очень важно, но оно относится къ трагической судьбѣ личности, какъ кажется, не общезвѣстной, и о которой Унковскій ничего не говоритъ. Таково же и большинство поясненій г. Поздиѣева; они интересны какъ дополненія къ показаніямъ Унковскаго, но касаются малоизвѣстныхъ фактовъ, о которыхъ онъ не говоритъ.

Въ предисловіи къ своему изданію профессоръ Веселовскій, сообщаетъ документы, относящіеся къ исторіи миссій Унковскаго, и разъясняетъ, какъ, по его мнѣнію, возникла мысль объ этомъ посольствѣ, и чего добивалось русское правительство. По мнѣнію автора (къ сожалѣнію, нигдѣ имъ не доказанному), посольство Унковскаго находится въ связи съ обширнымъ планомъ Петра Великаго. Изъ документовъ, напечатанныхъ въ книгѣ г. Веселовскаго или обнаруженныхъ другими, не видно однако же, чтобъ у Петра существовалъ планъ о подчиненіи Россіи Средней Азіи, или чтобъ императоръ хорошо зналъ положеніе дѣлъ въ Средней Азіи и понималъ ея нужды (стр. I). Самъ авторъ на слѣдующей страницѣ (стр. II) высказываетъ подозрѣніе о томъ, что русскіе не знали, по видимому, что интересовавшій ихъ Яркендъ находился подъ властью калмыковъ. Хотя именно это и невѣрно, однако русскіе знали, все-таки, въ то время Среднюю Азію мало, и не была Россія на столько сильна, чтобы затѣвать мирное завоеваніе Азіи, то-есть, по изложенію г. Веселовскаго, разсылать русскихъ солдатъ къ разнымъ средне-азиатскимъ ханамъ для восстановленія ихъ власти и фактическаго приведенія въ подданство Россіи. Посылка Унковскаго къ контайшѣ возникла не изъ какого-либо плана, а была завершеніемъ дѣла ряда попытокъ по одному и тому же дѣлу, которое въ то время казалось имѣющимъ великую практическую важность. Петръ нуждался въ деньгахъ, а въ XVIII в. и въ Россіи, и на Западѣ Азія почиталась за золотое дно. Отсюда попытки завязать ближайшія сношенія съ азіатами.

Въ 1714 г. Сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ донесъ Петру Великому, что есть „городокъ калмыцкой Эркетъ, подъ которымъ на рѣкѣ Дарьѣ промышляютъ песочное золото“ ¹⁾. О песочномъ золотѣ, но въ другомъ мѣстѣ, доходили слухи еще ранѣе; въ 1713 г. въ Астрахань пріѣхалъ нѣкто хаджа Нефесъ, садыръ одного изъ туркменскихъ колѣнъ, и подружился съ княземъ Самоновымъ, который былъ родомъ изъ Гиляна, окрестился и принялъ это прозваніе и титулъ. Въ тайной бесѣдѣ онъ передалъ ему, что желаетъ предложить Русскому царю, чтобъ онъ съ помощію туркменовъ завладѣлъ страною при Аму-Дарьѣ, гдѣ будто бы находится золотой песокъ ²⁾. Старинные путешественники, бывшіе въ Яркендѣ, напримѣръ,

¹⁾ *Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащихъ*, 1760 г., стр. 7.

²⁾ *А. Н. Поповъ, Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою Зап. Имп. Р. Г. Общ.*, книжка IX, стр. 237.

Марко Поло или Гоэсъ, не упоминають о песочномъ золотѣ ни въ Яркендѣ, ни въ Аму-дарьи; только въ настоящемъ столѣтіи подтвердились эти слухи относительно Яркенда. По свѣдѣніямъ, собраннымъ экспедиціей Форсайта, золото низшаго достоинства, дѣйствительно, добывается въ Яркендѣ-дарьѣ ¹⁾ и въ значительномъ количествѣ ввозится въ Ле ²⁾. Экспедиція Форсайта привезла также свѣдѣнія о золотѣ въ бассейнѣ Аму-дарьи; о минеральныхъ богатствахъ въ бассейнѣ Кокчи ³⁾ рассказываетъ и пандитъ Манфуль въ своемъ известномъ отчетѣ ⁴⁾. Въ Россію свѣдѣнія объ этомъ доставлены были еще въ началѣ прошлаго столѣтія. Еще въ 1722 Беневени писалъ ⁵⁾, что „Аму-дарья начало свое имѣетъ не изъ золотыхъ рудъ, но въ нее впадаетъ рѣка Гиокча (то-есть, Кокча), изъ которой входитъ золотой песокъ въ Аму-дарью. Послѣдняя рѣка вытекаетъ изъ горъ богатыхъ рудами, близъ Бадагшана. При ея верховьяхъ тамошніе жители находятъ въ горахъ крупныя зерна золота, особенно въ лѣтнее время. Когда остригутъ овецъ, ихъ шерсть кладутъ въ воду, зарываютъ въ грязь и песокъ, потомъ вынимаютъ на берегъ, просушиваютъ и выбираютъ изъ нея чистое золото“. Еще болѣе подробныя свѣдѣнія о добываніи золота въ тамошнихъ мѣстахъ были доставлены въ Москву нѣкіемъ Минеромъ, по порученію Беневени, побывавшимъ въ Балкѣ и въ Бадакшанѣ. „Золото и серебро“, рассказываетъ онъ, — „въ Бадакшанѣ берутъ изъ рѣки Дарьи въ лѣтнее время, а именно: въ іюнѣ, въ іюлѣ, въ августѣ и въ сентябрѣ, когда бываютъ жары и воды въ той рѣкѣ мало. Оное золото натуральное, а не руда, и берутъ изъ песку, который берутъ изъ рѣки Дарьи и моютъ въ котлахъ, а потомъ высуша въ кожахъ, бьютъ прутками и такое оное золото межъ пескомъ означивается и вывѣвается отъ вѣтру песокъ, а остается самое чистое золото, и хотя и бываетъ нѣкоторая малая часть песку, то она въ сплавкѣ выгораетъ, и берутъ то золото подъ самымъ Бадаксаномъ“. То же самое рассказываетъ и князь Гагаринъ, уже будучи подъ слѣдствіемъ: „То золото перенимаютъ въ рѣкѣ подъ Эркетомъ попонами и коврами и сукнами, [а въ рѣкѣ той—мутъ и

¹⁾ Report of a Mission to Yarkund in 1873 стр. 476.

²⁾ *Aitchison*, Handbook of trade products of Leh, стр. 248.

³⁾ Report etc., 277 и слѣд.

⁴⁾ Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи, стр. 40. Объ этомъ говоритъ императору Петру посланецъ Хивинскаго хана. См. *Сочиненія и переводы*, 1760, стр. 9.

⁵⁾ *Поповъ*, стр. 300, 388.

прибыль водѣ, то въ то время и перенимають; а какъ збудетъ та прибылая вода, то де берутъ съ береговъ, и вымывають изъ песку то золото ¹⁾).

Вѣсти о песочномъ золотѣ, присланныя княземъ Гагариннымъ, побудили правительство отправить нѣсколько развѣдочныхъ экспедицій. Самъ кн. Гагаринъ предлагалъ, поселиться городами къ тому мѣсту "... Отъ Ямышева озера", писалъ онъ,—, и до Эркети (Яркендъ) кочуютъ калмыки, и будутъ противиться, какъ имъ возможно, чтобъ не допустить въ тѣхъ мѣстахъ строить городовъ дабы оваго ихъ промыслу не терять; а по вѣдомости въ тѣхъ мѣстахъ кочуютъ калмыки съ контайшею тридцать тысячъ человекъ...." Первый городъ, по его мнѣнію надлежало выстроить у Ямышева озера. Но кромѣ того, князь Гагаринъ предлагалъ: „Для той колмыцкой противности надлежитъ быть регулярнымъ двумъ или тремъ полкамъ, и тѣ полки набрать въ Сибири, а къ тѣмъ полкамъ нѣсколько офицеровъ да къ тому же уфинскіе башкирцы потребны, для того, что отъ Тобольска живутъ въ близости, и людство ихъ не малое и люди конные“ ²⁾).

Проектъ Гагарина, судя по послѣдующимъ распоряженіямъ и начинаніямъ правительства, вѣроятно, показался практически выполнимымъ, можетъ быть, потому, что, какъ о странахъ между Ямышевымъ и Яркендомъ, такъ и о самомъ Яркендѣ, свѣдѣній было очень мало. Въ XVIII вѣкѣ даже о положеніи Яркенда относительно Кашгара не имѣлось вѣрныхъ представленій. Въ этомъ столѣтіи, и то уже къ концу, въ Яркендѣ побывалъ Ефремовъ, да и тотъ о самомъ городѣ проронилъ только два-три слова: „Отъ Кашкары 5 дней ѣзды до Яркенду, и дорога песчаная, а вода проточная; у рынка же стоитъ круглый каменный столпъ вышиною въ 40, а тощиною въ 2 съ половиною сажени. Вотъ чтò говоритъ Ефремовъ (Странствованіе, изд. 1794, стр. 62). Были обнародованы расиросныя свѣдѣнія объ этихъ мѣстахъ, но едва ли знали ихъ въ Петербургѣ. Бернье въ своемъ путешествіи сообщаетъ свѣдѣнія о Кашгарѣ и разказываетъ, что Яркендъ находится къ сѣверу отъ Кашгара въ десяти дняхъ пути ³⁾. То же повторилъ Бентивегъ ⁴⁾. Городъ Яркендъ, говоритъ онъ,—въ настоящее время столица Малой Бухаріи, или, чтò то же, Кашгарской страны. Онъ лежитъ подъ 42° 40' с. ш. на сѣверъ отъ Кашгара,

¹⁾ Сочиненія и проч., стр. 12.

²⁾ Сочиненія и проч., 1760, стр. 8.

³⁾ Voyages de F. Bernier. MDCCIX.

⁴⁾ Histoire Genealogique des Tartars, 408, прим.

на берегу небольшой рѣчки, воды которой не почитаются здоровыми. Это большой городъ и довольно хорошо выстроенъ на восточный образецъ, хотя большинство его домовъ построено изъ сырцоваго кирпича. Въ этомъ городѣ есть замокъ, куда время отъ времени контайша прѣзжаетъ пожить на нѣсколько мѣсяцевъ, когда дѣла призываютъ его въ эту страну. А потому нѣкоторые почитаютъ этотъ городъ резиденціей калмыцкаго великаго хана. Яркендъ — складочное мѣсто для теперешней торговли между Индіей и Сѣверною Азіей, а также для торговли между Тангутомъ и Сибирью, или между Великою Бухарой и Китаемъ, а потому, естественно, городъ богатъ и очень населенъ. Сношенія между этими странами происходятъ при посредствѣ бухарцевъ, и въ ихъ рукахъ остается большая прибыль. Страны кругомъ Яркенда очень плодородны, доставляютъ въ обилии всякіе плоды и овощи. Господствующая религія — мусульманство, но при господствѣ калмыковъ всѣ другія религіи пользуются полною терпимостью. Если бы покойный Русскій императоръ пожилъ еще нѣкоторое время, неустанно стали бы стараться установить сношенія по рѣкѣ Иртышу между Яркендомъ и его государствомъ, и это принесло бы большія выгоды русскимъ подданнымъ. Свѣдѣнія Бентинка, какъ ни кратки онѣ, для того времени представляли любопытную новинку и, можно думать, что онѣ были извлечены изъ русскихъ источниковъ, едва ли, впрочемъ, писанныхъ. Его описаніе Яркенда гораздо подробнѣе сообщенія анонимаго автора Описанія Малой Бухаріи, о которомъ будетъ сказано далѣе. Изъ отчета послѣдняго мы узнаемъ только, что въ Малой Бухаріи есть два значительные города: столица — Яркендъ, и Кашгаръ. Первый — великъ и многолюденъ. Знали о Яркендѣ, такимъ образомъ, въ XVIII в. очень мало; Бентинкъ, вслѣдъ за Бернье, опредѣляетъ совершенно невѣрно его положеніе, да сверхъ того еще почитаетъ возможнымъ добратся до Яркенда по Иртышу. Въ Петербургѣ, въ то время, когда туда князь Гагаринъ докладывалъ о песочномъ золотѣ Эркета, едва ли это малое было извѣстно, и самъ князь Гагаринъ полагалъ, что песочное золото добывается подъ Эркетомъ въ р. Аму-Дарьѣ¹⁾.

Уже гораздо позже, люди, познакомившіеся нѣсколько съ географіей тѣхъ мѣстъ, пришли къ убѣжденію о трудности затѣи и о томъ, что онъ (кн. Гагаринъ) „произведеніе въ дѣйство онаго намѣренія себѣ представлялъ легче, нежели оно въ самомъ дѣлѣ было. Но, мо-

¹⁾ Сочиненія и пр., стр. 11.

жетъ быть, до полученія тѣхъ извѣстій, которыя мы нынѣ о сихъ мѣстахъ имѣемъ, еще бы цѣлые вѣки прошли, ежели бы учиненные туда по его предложенію отправленія къ полученію достовѣрнѣйшихъ извѣстій случая не подали¹⁾. И это послѣднее замѣчаніе совершенно вѣрно: достаточно припомнить, хотя бы, наприимѣрь, поѣздку Трушникова къ Хухунору. Она была свершена по инициативѣ князя Гагарина; не много свѣдѣній имѣется объ этомъ путешествіи, но самый фактъ посѣщенія Хухунора въ XVIII в. русскимъ—очень крупное явленіе въ исторіи развитія географическихъ свѣдѣній. О поѣздѣ Трушникова извѣстно только то, что сообщилъ объ этомъ Миллеръ²⁾. Князь Гагаринъ послалъ Трушникова въ 1713 году чрезъ Бухарію въ Китай „для навѣдыванія о песочномъ золотѣ и какимъ образомъ его добываютъ, и чтобы для доказательства привезъ съ собой съ онаго опыта. Трушниковъ поднесъ губернатору 200 ланъ песочнаго золота (а извѣстно, что китайскій ланъ около 9 золотниковъ россійскаго вѣсу въ себѣ содержитъ) и рапортомъ объявилъ, что онъ того золота въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его промышляютъ, купилъ у китайцевъ состоящихъ, за 7 рублей ланъ. Первое мѣсто было въ близости озера Коконора, гдѣ живутъ калмыки, по ихъ языку Хошотъ называемые. Тамъ-де находятъ песочное золото въ малыхъ рѣчкахъ и ручьяхъ, которые изъ горъ вытекаютъ. Вблизи большой дороги засталъ онъ въ семъ промислу 150 человекъ, которые сказывали, что каждый изъ нихъ собираетъ онаго золота въ лѣто по 20, по 30 и по 100 ланъ. Далѣе отъ сего мѣста къ югу оныя же калмыки и народъ, называемый тангуты, копаютъ золото на горѣ и на берегахъ рѣки Алтанъ-Голь, то-есть, золотая рѣка называемой, также и по другимъ малымъ рѣчкамъ. Отъ озера Коконора въ 20 дней разстоянія, проѣхавъ китайскую стѣну, Мунгальцами Калганъ называемую, видѣлъ онъ при китайскихъ городахъ Дабѣ и Селимѣ, изъ которыхъ первый на 3, а другой на 20 верстѣ отъ стѣны отстоитъ, что китайцы въ двухъ мѣстахъ песочное золото въ рѣчкахъ собираютъ, котораго онъ у нихъ купилъ; тѣ же люди и чистое золото изъ земли выкапываютъ. А каждой, который сію работу отправляетъ, долженъ заплатить хану одинъ золотникъ во все лѣто“.

Одновременно съ полученіемъ въ Петербургѣ проекта, представленнаго Сибирскимъ губернаторомъ, находился хивинскій посланецъ; спро-

¹⁾ Миллеръ въ *Сочиненіяхъ* и проч., стр. 19.

²⁾ Тамъ же, стр. 53.

силы его о песочномъ золотѣ, онъ подтвердилъ сообщеніе Гагарина; да кромѣ того прибавилъ, что такое же золото находится въ р. Аму, въ великой Бухаріи. Доходили объ этомъ свѣдѣнія и раньше до Петербурга. И вотъ правительству открылись двѣ дороги къ золоту: 1) Гагаринскій путь по р. Иртышу въ Малую Бухарію, то-есть, въ Эркентъ, и 2) на Хиву, къ Аму-Дарьѣ. Попытки сдѣланы были въ томъ и другомъ направленіи. О попыткахъ подобраться къ золотымъ россыпямъ по второй дорогѣ мы не будемъ говорить, такъ какъ онѣ не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ содержанію разбираемой книги, но считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что предшествовало экспедиціи Унковскаго въ Зунгарію.

Въ маѣ 22-го 1714 года, въ виду шведскаго флота, царь Петръ отдалъ приказъ: „построить городокъ у Ямыша озера, а буде можно и выше; а построя крѣпость, искать далѣе по той рѣкѣ въ верхъ, пока лодки пройти могутъ, и отъ того итти далѣе до города Эркети, и онимъ искать овладѣть“¹⁾. Предполагалось послать двѣ тысячи человекъ, а по нуждѣ полторы. Инженеровъ и артиллеристовъ предполагалось набрать изъ шведовъ (а съ ними мы въ то время воевали); изъ нихъ хотѣли набрать и такихъ, „кои хотя мало умѣютъ около минераловъ, также и офицеровъ нѣсколько, однако чтобъ ихъ было не болѣе трети“. Начальникомъ экспедиціи назначенъ былъ гвардіи капитанъ Иванъ Дмитрія сынъ Бухольцъ. Бухольцъ построилъ Ямышевскую крѣпость; но далѣе онъ не пошелъ. Экспедиція кончилась очень плачевно: нападеніе калмыковъ, продолжительная осада и наконецъ появившіяся болѣзни²⁾ принудили Бухольца отступить отъ начатого дѣла: крѣпость была срыта до основанія. Дома и казармы сломаны, и гарнизонъ въ количествѣ 700 человекъ, изъ которыхъ было много больныхъ, отправился по Иртышу въ Тобольскъ. До полученія свѣдѣнія о трагическомъ исходѣ экспедиціи Бухольца, князь Гагаринъ отправилъ въ февралѣ 1716 г., къ контайшѣ Василю Чередова и Тимоею Етигора. Имъ было поручено объяснить и представить контайшѣ въ благовидномъ свѣтѣ построеніе крѣпости, а также попытаться склонить калмыцкаго владѣтеля къ вступленію въ подданство. Гонцы проѣхали мимо Ямышевской крѣпости во время ея осады. Контайшу они нашли озлобленнымъ противъ русскихъ, онъ и слушать не захотѣлъ ихъ предложенія и цѣлыхъ пять лѣтъ

¹⁾ *Сочиненія* и проч., стр. 80.

²⁾ *Сочиненія* и проч., стр. 40—51.

держалъ ихъ въ плѣну. Не удалось Бухольцу удержаться въ Ямышевѣ, за то болѣе удачно было его второе предпріятіе: въ томъ же году онъ заложилъ Омскъ.

Гагаринъ между тѣмъ не оставлялъ своихъ помысловъ о Ямышевѣ и т. д. Лѣтомъ того же 1716 года, уже по возвращеніи Бухольца, онъ посылалъ туда подполковника Сибирскаго драгунскаго полка Федора Матигорова съ немногими людьми и въ то же время вступилъ опять въ сношеніе съ калмыцкимъ владѣтелемъ. Къ Контайшѣ былъ отправленъ съ письмомъ Алексѣй Маремьяниновъ; требовали назадъ и забранныхъ калмыками плѣнниковъ, и захваченную казну. О новомъ своемъ предпріятіи онъ извѣстилъ гоеударя. Петръ получилъ губернаторскую отписку на пути въ Амстердамъ; тогда же была отправлена государева грамота къ контайшѣ¹⁾. Въ государственной грамотѣ Контайшѣ заявлялось, что по волѣ великаго государя русскіе идутъ „сыскивать серебряныя и мѣдныя и золотныя руды, гдѣ потребно будетъ построить города“. Отъ Контайши требовалось, чтобы дѣлу этому онъ не мѣшалъ, а напротивъ „потребное вспоможеніе чинилъ“. Въ грамотѣ говорилось и о другомъ: контайшѣ обѣщалась такая же государева милость, каковая была оказана хану Аюкѣ; упоминалось о томъ, что губернатору повелѣно „отъ постороннихъ непріятелей“ его „оборонять и охранять“. Съ этою грамотою и съ письмомъ отъ Гагарина 7-го марта 1717 г. отправился тобольскій дворянинъ Григорій Вельяновъ. Къ Ямышеву, гдѣ тѣмъ временемъ Матигоровъ выстроилъ новой острогъ, отправлена была новая экспедиція подъ начальствомъ Прокоѣя Ступина. Ступинъ заложилъ основаніе новой крѣпости. Вельяновъ вернулся въ Tobольскъ, изъ контайшиной Урги въ маѣ 1718 г., и подалъ тогда же въ тамошнюю канцелярію дозвѣдъ. Выдержки изъ этого документа были обнаружены въ Сочиненіяхъ и переводахъ. стр. 113 и сл. Юня 27-го числа 1717 года былъ Вельяновъ на аудіенціи у контайши, который тогда стоялъ при рѣкѣ Харкиръ подъ горою Музартъ. Вельяновъ вручилъ ему царскую грамоту, контайша принялъ ее съ обыкновенными знаками почтенія, а ничего не говорилъ, но скоро потомъ приказалъ Вельянову отступить. „Губернаторское къ контайшѣ письмо принялъ дорука или судья, въ контайшиной Ургѣ къ разбиранію ссоръ опредѣленный“. Вельяновъ содержался до конца февраля мѣсяца слѣдующаго года подъ крѣпкимъ карауломъ и только нужное пропитаніе получалъ.

¹⁾ Она приведена въ *Сочиненіяхъ* и проч., стр. 104 и сл.

Послѣдняго числа февраля имѣлъ онъ опять аудіенцію, и 1-го марта былъ онъ у контайши на отпускѣ. Контайша приносилъ жалобы на управителей пограничныхъ городовъ Томска, Кузнецка и Красноярска, что они отъ подданныхъ его дани требуютъ а особливо жаловался онъ о крѣпостномъ строеніи, „о чемъ онъ еще и тогда не вѣрилъ, что Его Царское Величество о томъ знаетъ. Я де, говорилъ онъ къ Его Царскому Величеству о томъ писалъ, и ожидаю отвѣта“. Онъ также грозилъ отмщеніемъ, „ежели новопостроенныя крѣпости опять разорены не будутъ до основанія“. Свиданіе происходило въ обыкновенномъ зимнемъ кочевьѣ контайши при рѣкѣ Коргосъ, подъ горою Талки ¹⁾).

На жалобы контайши въ Tobольскѣ не обратили большаго вниманія. Тамъ знали, что положеніе дѣлъ было затруднительно для контайши: съ одной стороны, ему грозили витайцы, съ другой—его тревожили киргизы кайсаки. Съ послѣдними князь Гагаринъ находился въ дѣятельныхъ сношеніяхъ.

Объ эркетскомъ золотѣ не позабыли въ Петербургѣ и послѣ того, какъ Гагаринъ былъ отданъ подъ судъ. Въ именномъ указѣ Лихареву, посланному въ Сибирь для слѣдствія о законопреступныхъ дѣйствіяхъ князя Гагарина, ему между прочимъ приказано было „трудиться всѣми силами освидѣтельствовать, по сказкамъ поманутаго Гагарина и подполковника Бухольца о золотѣ эркетскомъ, а также „провѣдывать о пути отъ Сайзана озера къ Иркети“ ²⁾. Лихаревъ отправился изъ Tobольска къ озеру Зайсанъ 8-го мая 1720 г. И эта экспедиція не обошлась безъ столкновенія съ калмыками. Съ Лихаревымъ было всего 440 человекъ, да 13 малыхъ полевыхъ пушекъ и 6 мортиръ, а у нападавшихъ калмыковъ двадцать тысячъ всадниковъ. Стычки были неоднократныя, но артиллерія въ концѣ концовъ рѣшила дѣло въ пользу Лихарева. Калмыки потребовали толмача и пожелали мириться. Миръ былъ заключенъ. Лихаревъ, переславшись подарками съ Галданъ-Череномъ, отправился съ своею экспедиціею въ обратный путь. Одновременно контайша отпустилъ на родину Чередова и вмѣстѣ съ нимъ отрядилъ двухъ посланцевъ: одного Борокургана ко двору, въ Петербургъ, другаго Лазона къ Tobольскому губернатору ³⁾. Это посольство и было ближайшимъ поводомъ къ снаряженію экспедиціи Унковскаго.

¹⁾ *Сочиненія* и проч., стр. 115—116.

²⁾ *Сочиненія* и проч., стр. 123—124.

³⁾ *Веселовскій*, стр. IV.

Цеванъ Рабтанъ, который у насъ былъ извѣстенъ подъ своимъ (въ искаженномъ видѣ) титуломъ контайши, сталъ властвовать надъ калмыками послѣ своего дяди Вошокту хана. Подобно своему предшественнику, Цеванъ Рабтанъ былъ воинственъ и, какъ кажется, имѣлъ грандіозные завоевательные планы; они-то и привели его къ борьбѣ съ китайцами и заставили въ моментъ сильной неудачи искать покровительства у Русскаго императора. Анонимный авторъ описанія Малой Бухаріи, можетъ быть, даже бывший съ Цеванъ Рабтаномъ въ личныхъ сношеніяхъ, описываетъ его такъ ¹⁾: Этотъ владѣтель очень талантливъ; у него большія дарованія. Онъ кротокъ, храбръ и благочестивъ.... О немъ разказываютъ, по словамъ нашего автора, много анекдотовъ. Самъ авторъ приводитъ два: Разъ на охотѣ одинъ неловкій слуга выстрѣлилъ изъ лука и выкололъ глазъ хунтайжѣ. Свита бросилась на виновнаго и хотѣла тутъ же покончить съ жизнью несчастнаго, хунтайджа остановилъ мстителей, сказавъ слѣдующія замѣчательныя слова (если только они справедливы!): „Пусть онъ идетъ съ миромъ! О преступленіи слѣдуетъ судить на основаніи злонамѣренности виновнаго. Ненамѣренно онъ меня поранилъ, и его смерть не вернетъ мнѣ глаза, случайно утраченнаго“. Слуга не только былъ оставленъ въ живыхъ, но и ему дарована была свобода, въ вознагражденіе за ту опасность, которой онъ подвергался. Другой анекдотъ таковъ: Одинъ богатый человѣкъ три раза имѣлъ несчастіе впадать въ крайнюю бѣдность; три раза хунтайджа помогалъ ему выходить изъ нужды. Судьба его преслѣдовала, онъ обѣднѣлъ въ четвертый разъ, и вновь обратился за помощію къ хунтайжѣ. На этотъ разъ хунтайджа сказалъ ему: „Сынъ мой, ты помнишь, я помогалъ тебѣ три раза. Я помогъ бы тебѣ и теперь, но

¹⁾ Оригинальнаго изданія этого сочиненія мы не имѣли подъ рукою и пользовались только извлеченіями: 1) въ IV томѣ *The Astley's A New General Collection of Voyages and Travels*. На стр. 384 въ прим. говорится: *The following Account is taken from the Present State of Little Bukharia, published in 12 mo at Cologne, 1723, making the fourth and last Chapter of that Treatise. It bears the Title of The late Revolution, which happened in Little Bukharia; and by the proper Names, the Relation appears to have come from Russia. A Translation of it is inserted in the second Volume of the general History of the Turks, Moguls, and Tartars, composed out of the said Bentink's Notes to the Genealogical History of the Tartars, published by him in French, 1726;* 2) въ предисловіи къ *Nouvel Atlas de la Chine par D'Anville* извлеченія изъ этого сочиненія еще подробнѣе. Объ этой брошюрѣ и другаяхъ ея перепечаткахъ см. у *Григорьева* Восточный или Китайскій Туркестанъ, стр. 372 прим. Авторомъ Григорьевъ почитаетъ какого-нибудь шведскаго оеидера, почерпавшаго свои свѣдѣнія въ Сибирѣ.

судя по упорству злой судьбы небо осудило тебя на бѣдность. Не осмѣлюсь я помогать человѣку, котораго Богъ, очевидно, покинулъ. Вотъ этотъ-то герой и, по словамъ плѣннаго шведа, великій мудрецъ, когда увидѣлъ, что китайцы его одолеваютъ, и что не совладать ему съ ними безъ артиллеріи и обученной пѣхоты,—вспомнилъ о милостивомъ указѣ императора и отрядилъ къ Его Царскому Величеству своего посланца Борокурмана. Главная цѣль посольства было, конечно, заручиться сильною помощью. Передъ тѣмъ Цеванъ Рабанъ пробывалъ самъ, своими средствами завести у себя артиллерию. Помощникомъ ему въ этомъ дѣлѣ явился нѣкто Ренатъ, о которомъ Унковскій сообщаетъ, что онъ вылилъ контайшѣ 6 пушечекъ мѣдныхъ, да три матирца ¹⁾; отъ него мы имѣемъ карту Зюнгариі, прекрасно изданную Русскимъ Географическимъ Обществомъ ²⁾ Штыкъ-юнкеръ Іоганъ Ренатъ попалъ къ калмыкамъ въ плѣнъ во время осады Ямышевской крѣпости. Гагаринъ, ничего не зная о злой участи постигшей экспедицію, отправилъ въ новопостроенную крѣпость цѣлый караванъ съ съясными припасами и деньгами въ количествѣ двадцати тысячъ. Въ караванѣ были до семи сотъ человѣкъ; много купцевъ и промысловаго народа а также и нѣсколько шведовъ, всѣхъ ихъ калмыки забрали въ плѣнъ. Ренату, какъ кажется, повезло въ плѣну; онъ научилъ калмыковъ желѣзную руду плавить, выливалъ имъ пушки и бомбы, сдѣлался главнокомандующимъ калмыцкаго войска въ войнѣ ихъ съ китайцами, на послѣдокъ, разбогатѣвъ, съ накопленнымъ золотомъ, серебромъ и драгоценными каменьями въ 1733 году вернулся черезъ Сибирь и Россію, въ отечество ³⁾.

Еще въ Сибири на вопросъ мѣстныхъ властей о томъ, зачѣмъ контайша посылаетъ до царскаго величества посланца, Борокурманъ показалъ, „чтобъ де великій государь контайшу милостиво призрѣлъ такъ какъ презираетъ и Аюку хана. . . . . и чтобъ меня (то-есть, контайшу), обороните отъ Китайскаго государя“. Та же главная цѣль посольства заявляется въ контайшиномъ листѣ, который Борокурманъ вручилъ лично императору, и въ его словесномъ приказѣ, переданномъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ президенту графу Гаврилу Ивановичу Головкину ⁴⁾. Въ Петербургѣ повѣрили искренности этого намѣренія, и въ февралѣ 1722 г. къ контайшѣ поѣхалъ капитанъ Унковскій приво-

¹⁾ *Веселовскій*, стр. 232.

²⁾ *Carte de la Dzoungarie dressée par le Suédois Renat, St.-Petersbourg. 1881.*

³⁾ *Сочиненія* и проч. стр. 49.

⁴⁾ *Веселовскій*, стр. VI, X, XII, XV, XVII.

дить его подъ руку царя. Посольство это въ политическому отношеніи окончилось полнымъ неуспѣхомъ. Около года пробылъ въ Ургѣ у контайша и уѣхалъ оттуда ни съ чѣмъ, не только не приведя въ русское государство калмыковъ, но даже и не заключивъ какого-либо договора съ контайшею. Цеванъ Рабтанъ, по смерти Баянъ-си, почувствовалъ себя какъ бы самостоятельнымъ и, само собою разумѣется, какъ истый Азіатецъ, пересталъ цѣнить дружбу далекаго Русскаго царя.

Но, если неуспѣшна была политическая миссія Унковскаго, то неудача это нисколько не зависѣла отъ неумѣлости начальника миссіи и для позднѣйшихъ поколѣній отчасти смягчается любопытнымъ дневникомъ, привезеннымъ Унковскимъ изъ дальняго путешествія. Значенія историко-географическихъ свѣдѣній, собранныхъ Унковскимъ было понято, какъ мы сказали, еще въ прошломъ столѣтіи; его журналомъ пользовались и Миллеръ, и Дегинъ; послѣдній получилъ рукопись Унковскаго отъ Делиля ¹⁾. Замѣтки и наблюденія, а также разспросныя географическія показанія Унковскаго, несомнѣнно, въ свое время имѣли великій по своей новизнѣ интересъ и до сихъ поръ не утратили своего значенія въ исторіи развитія географическихъ свѣдѣній. Для уясненія этого значенія, къ сожалѣнію, издателемъ ничего почти не сдѣлано; онъ не обратилъ вниманіе даже на карту Рената и въ своемъ предисловіи, какъ намъ кажется, поверхностно и невѣрно изложилъ ходъ событій, имѣющихъ непосредственную и ближайшую связь съ посольствомъ Унковскаго. За всѣмъ тѣмъ, нельзя не признать, что Н. И. Веселовскій полезно потрудился для науки, издавъ любопытный историко-географическій памятникъ. Желательно, чтобы Русское Географическое Общество не остановилось на изданіи одного этого стариннаго памятника русской географической науки и извлекло бы наконецъ на Божій свѣтъ и другіе любопытные документы нашихъ старинныхъ сношеній съ Азіей, не приведенные до сихъ поръ въ должную извѣстность и хранящіеся подъ спудомъ въ разныхъ архивахъ.

И. Миннаевъ.

¹⁾ Histoire G. des Huns. T. IV, стр. 102 и сл., 375.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Лекціи по исторіи русскаго языка. *А. И. Соболевскаго*. Киевъ. — Исторія русскаго языка уже имѣла у насъ весьма почтенныхъ наследователей въ лицѣ покойныхъ Востокова, Срезневскаго и Колосова и продолжаетъ успѣшно разрабатываться столь замѣчательными учеными, какъ Ѳ. И. Буслаевъ, И. В. Ягичъ и А. А. Потебня. Но до сихъ поръ изданъ былъ только одинъ трудъ, охватывающій болѣе или менѣе весь предметъ, именно—книга Колосова: „Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе“. Однако и эта книга давно уже вышла изъ продажи. Тѣмъ пріятнѣе привѣтствовать появленіе „Лекцій“ профессора университета св. Владимира А. И. Соболевскаго. Содержаніе этого труда представляется въ слѣдующемъ видѣ: Во введеніи устанавливается точка зрѣнія на единство древне-русскаго языка и указывается на измѣненіе языка въ историческомъ развитіи, съ теченіемъ времени. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ—объ „источникахъ“—сообщаются библиографическія свѣдѣнія о рукописяхъ, объ ихъ мѣсто-нахожденіи, описаніяхъ, распредѣленіи по вѣкамъ, объ отношеніи ихъ къ мѣстнымъ говорамъ, объ отношеніи особенностей русскаго языка къ церковно-славянскому элементу, о рукописяхъ съ означеніемъ времени и мѣста ихъ происхожденія и безъ датъ. Въ третьей главѣ разсматриваются главныя звуковыя особенности русскаго языка: отсутствіе носовыхъ гласныхъ, своеобразное рефлексированіе смягченныхъ зубныхъ согласныхъ, полногласіе и проч. Далѣе въ краткихъ чертахъ авторъ обрисовываетъ главныя звуковыя особенности древне-русскихъ говоровъ. Такъ какъ еще во введеніи авторъ замѣтилъ, что онъ „излагаетъ не исторію отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ, а исторію всего русскаго языка“, то послѣ упомянутыхъ общихъ замѣчаній слѣдуютъ главныя части „Лекцій“: исторія звуковъ и формъ древне-русскаго языка, при чемъ каждому отдѣлу предпосылаются общія замѣчанія о звукахъ и о главныхъ формальныхъ особенностяхъ древне-русскаго языка. Основаніемъ для „Лекцій“ проф. Соболевскаго, кромѣ извѣстныхъ трудовъ его предшественниковъ, послужили двѣ его собственныя работы: „Исслѣдованія въ области русской грамматики“ (Варшава. 1881) и „Очерки изъ исторіи русскаго языка“ (Киевъ. 1884), въ которыхъ имъ уже собрано много цѣнныхъ данныхъ по исторіи языка, въ большинствѣ случаевъ извлеченныхъ изъ первоисточниковъ. Одна изъ главныхъ задачъ исторіи русскаго языка состоитъ именно въ данныхъ, извлеченныхъ изъ памятниковъ древне-русской письменности, свидѣтельствующихъ о дѣйствительномъ существованіи (а не предполагаемомъ только) извѣстныхъ особенностей въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ. Сравнительное изученіе русскаго языка со славянскими нарѣчіями и съ другими языками можетъ вести къ заключеніямъ о состояніи пераго только въ одинъ какой-либо моментъ—предполагаемаго древнѣйшаго или современнаго состоянія сравниваемыхъ языковъ. Изученіе же русскаго языка историческое, по памятникамъ, даетъ возможность прослѣдить извѣстныя особенности его отъ ихъ древнѣйшей формы до позднѣйшихъ постепенныхъ измѣненій. Въ этомъ отношеніи какъ ни важны древніе памятники письменности до XV вѣка, но имѣютъ значеніе и позднѣйшіе памятники XV, XVI, XVII вв. до нашего времени. Только такое изученіе и можетъ дать полную исторію русскаго языка. Кромѣ звуковъ и формъ, главного

предмета разсматриваемыхъ „Лекцій“, въ нихъ находится еще небольшая глава объ удареніи въ русскомъ языкѣ. Въ „заключеніи“ дается общая характеристика историческаго развитія русскихъ нарѣчій и говоровъ. Въ „приложеніи“ представляются образцы древне-русскаго склоненія и спряженія XI вѣка. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ „указателѣ“ звуковъ, формъ, и словъ, упоминаемыхъ въ „Лекціяхъ“, и о библиографическихъ данныхъ, которыми сопровождаются отдѣлы „Лекцій“, при чемъ о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ присоединены краткія критическія замѣчанія. Впрочемъ, авторъ не даетъ полной библиографіи своего предмета, отсылая читателя къ такимъ пособіямъ, какъ извѣстный трудъ Котляревскаго: „Объ изученіи древне-русской письменности“ (*Фил. Зап.* 1879—1880 гг.). Изъ этого краткаго обзора видно, что курсъ г. Соболевскаго стоитъ на высотѣ современнаго изученія исторіи русскаго языка и вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ въ себѣ немало собственныхъ изысканій и выводовъ самого автора. Все это дѣлаетъ книгу проф. Соболевскаго весьма важнымъ явленіемъ въ нашей ученой литературѣ, а равно и прекраснымъ учебнымъ пособіемъ для студентовъ нашихъ университетовъ.

Памятники законодательной дѣятельности Душана, царя сербовъ и грековъ. Исслѣдованіе *Тимофея Флоринскаго*, профессора Императорскаго университета св. Владимира. Кіевъ.—Солидный сколько по внѣшнему объему (491 стр. текста и 225 стр. приложений; сверхъ того, предисловіе и указатель), столько же и по содержанію, трудъ г. Флоринскаго составляетъ продолженіе его изслѣдованій въ области историческаго изученія греко-славянскаго міра, начатыхъ около десяти лѣтъ тому назадъ, и непосредственно примыкаетъ къ другому очень хорошо извѣстному сочиненію того же автора: „Южные Славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка“ (2 тома. С.-Пб. 1882). Въ этомъ послѣднемъ трудѣ выяснены были условія образованія Сербскаго царства и значеніе политической дѣятельности Душана; послѣ того стоялъ на очереди вопросъ о внутренней исторіи великой юго-славянской монархіи, и прежде всего—о законодательной дѣятельности Душана. Талантливый авторъ „Южныхъ славянъ“ не нашелъ однако возможнымъ теперь же представить цѣльную и обстоятельную характеристику внутренняго состоянія Сербскаго царства; оказались необходимыми предварительныя работы: критическое изученіе существующихъ или приведенныхъ въ извѣстность источниковъ, чего до сихъ поръ удовлетворительнымъ образомъ не было сдѣлано, а также поиски за новыми данными и матеріалами, ради чего авторомъ были предприняты неоднократныя путешествія за границу—въ славянскія земли, особенно въ Сербію и Болгарію. Плодомъ этихъ усердныхъ розысканій г. Флоринскаго является настоящая книга, въ главной своей части основанная на рукописномъ и архивномъ матеріалѣ и посвященная филологическому изслѣдованію и изданію памятниковъ, связанныхъ съ законодательною дѣятельностію царя Стефана Душана, а вмѣстѣ съ тѣмъ представляющихъ драгоценный матеріалъ для внутренней исторіи Сербскаго государства. Главный выводъ, къ которому привели изслѣдователя занятія надъ рукописями и памятниками, заключается въ слѣдующемъ: „Господствовавшій доселѣ взглядъ на объемъ и характеръ законодательной дѣятельности Душана требуетъ существенной поправки; дѣятельность эта вовсе не ограничивалась изданіемъ такъ-называемаго Законника и грамотъ, какъ обыкновенно думаютъ; она выразилась въ явленіи еще болѣе крупномъ и важномъ: въ обнародованіи полнаго кодекса серб-

скихъ законовъ, въ которомъ собственно Душановъ Законникъ представлялъ лишь одинъ небольшой отдѣлъ, и главную основу котораго составляли сборники византийскихъ законовъ — сокращенная Синтагма Матвѣя Властара и Законъ Юстиніана⁴. Развитію и обоснованію этого положенія отведено значительное мѣсто въ книгѣ. Такъ какъ упомянутые сборники византийскихъ законовъ еще не были предметомъ изслѣдованія, то на нихъ и пришлось по преимуществу сосредоточить вниманіе. Авторъ занимается вѣднѣе исторіей обонхъ памятниковъ: сербскими переводами Синтагмы, которые появились тотчасъ же за изданіемъ оригинала, и разными редакціями любопытной юридической компіляціи, извѣстной подъ названіемъ Закона царя Юстиніана; задача изслѣдователя заключается въ изученіи текстовъ и редакцій, въ подысканіи для нихъ греческихъ подлинниковъ и въ сличеніи съ послѣдними, въ опредѣленіи времени ихъ происхожденія, въ уясненіи ихъ отношенія къ сербскому Законнику Душана, наконецъ, въ критическомъ изданіи самыхъ памятниковъ. Въ обширныхъ приложеніяхъ, находящихся въ концѣ книги, помѣщены всѣ три памятника, о которыхъ идетъ рѣчь въ изслѣдованіи, притомъ самый Законникъ и Законъ царя Юстиніана въ нѣсколькихъ изводахъ, по новооткрытымъ спискамъ; сербскій же переводъ Синтагмы Матвѣя Властара или собственно передѣла ея, сопровождающая въ рукописяхъ текстъ Законника, является въ печати въ первый разъ. Особое приложеніе (восьмое) составляютъ греческія не изданныя грамоты Меникейскаго кодекса, приписываемыя Стефану Душану и напечатанныя по списку проф. В. И. Ламанскаго. Основная мысль этого сочиненія, представленнаго въ видѣ докторской диссертациі, въ историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, является столь важною и касается столь широкой области фактовъ, что ее можно было бы считать большимъ научнымъ открытіемъ, еслибъ она была окончательно и неопровержимо доказана. Но, какъ оказалось изъ хода университетскаго диспута, не всѣ аргументы, на которыхъ она основана, встрѣчаютъ признаніе со стороны специалистовъ. Въ диссертациі доказывается, что Душановъ Законникъ получаетъ свой смыслъ и удовлетворительное объясненіе только въ связи съ предшествующими ему въ рукописяхъ сборниками византийскихъ законовъ, что самый порядокъ статей Законника, лишенный видимой и логической системы, приуроченъ къ расположенію статей въ сокращенной Синтагмѣ, обусловленному вѣднѣе соображеніемъ первоначально алфавитнаго порядка. Но противъ этого проф. Ламанскимъ сдѣлано было довольно вѣское замѣчаніе, что Законникъ и самъ по себѣ не лишенъ системы, и что система эта, соответствующая общепринятой у римскихъ юристовъ послѣдовательности главныхъ раздѣловъ, была уже вѣкогда указана въ русской ученой литературѣ (С. В. Паханомъ). Не прошло безъ возраженія и другое положеніе диссертациі, представлявшее для автора большой интересъ, а именно—что сокращенная Синтагма носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды переработки примѣнительно къ условіямъ жизни и быта сербскаго народа; приурочленія эти проф. Васильевскому представлялись болѣе литературными, чѣмъ собственно правовыми, и во всякомъ случаѣ слишкомъ слабыми и недостаточными. Ставилъ автору въ упрекъ также и то, что онъ не обратилъ достаточно вниманія на существованіе у сербовъ болѣе ранняго перевода источниковъ византийскаго права, притомъ гораздо болѣе авторитетныхъ, чѣмъ частная компіляція Властара, каковъ напримѣръ, Прохиронъ, уже издавна сходявшій въ Сербскую Корчуну въ видѣ градскаго закона.

Такъ какъ сокращенная сербская Сянтагма извлекаетъ изъ подробной греческой именно то, что было и въ градскомъ законѣ, то спрашивалось: почему нуждалось въ новомъ признаніи и даже въ торжественной соборной санкціи уже давно извѣстное и признанное. Изъ всего этого слѣдуетъ только то, что основная мысль изслѣдованія г. Флоринскаго, какъ всякая новая значительная теорія, потребуетъ еще дальнѣйшихъ разъясненій, но тѣмъ плодотворнѣе она окажется для науки. Никакъ нельзя думать, что вышеприведенными возраженіями она окончательно устраняется, тѣмъ болѣе что они имѣли характеръ лишь вновь возбуждаемыхъ ученыхъ недоумѣній и запросовъ. Чрезвычайно благоприятнымъ предзнаменованіемъ для новой теоріи, развиваемой въ книгѣ, служить то любопытное обстоятельство, что къ подобному же взгляду совершенно независимо и одновременно пришелъ извѣстный нашъ ученый и знатокъ славянскаго и византійскаго права, проф. А. С. Павловъ; это высказано было имъ въ рефератѣ, читанномъ въ одномъ изъ засѣданій Общества исторіи и древностей русскійскихъ; содержаніе его изложено въ протоколахъ засѣданій общества въ *Чтеніяхъ* за 1885 г. Будемъ надѣяться, что со стороны такого могучаго союзника послѣдуетъ и поддержка, и надлежащая полная оцѣнка книгѣ, несомнѣнно заслуживающей такой чести. Но заранѣе можно быть увѣреннымъ, что она будетъ признана и останется украшеніемъ русской ученой литературы по славяновѣдѣнію.

Врачи у древнихъ римлянъ. Эпиграфическіе очерки *Алексія Сиртльцова*. М.— Въ этой превосходно изданной и прекрасно написанной монографіи авторъ—приватъ-доцентъ Московскаго университета—поставилъ себѣ задачей собрать во едино и по возможности освѣтить тотъ матеріалъ, который дошелъ до насъ по вопросу о положеніи у римлянъ одной общественной группы—группы врачей, съ той ранней поры, какъ она начала лишь слагаться изъ разрозненныхъ единицъ, до эпохи, когда она представила собою живое, органическое цѣлое и стала оказывать болѣе или менѣе существенное вліяніе на ходъ гражданской и политической жизни. Матеріалъ, который долженъ былъ привлечь авторъ для рѣшенія задачи, самый разнообразный: рядомъ съ данными юридическими и литературными, и притомъ преимущественно передъ ними, приняты во вниманіе данныя эпиграфическія. Этотъ матеріалъ собранъ авторомъ съ достаточною полнотою, особенно по отношенію къ надписямъ, при чемъ, кромѣ уже вышедшихъ въ свѣтъ и потому общедоступныхъ томовъ Берлинскаго *Corpus Inscriptionum Latinarum*, авторъ имѣлъ возможность сдѣлать необходимыя справки въ корректурныхъ листахъ трехъ не вышедшихъ еще томовъ, влѣдствіе чего его книга носить на себѣ отпечатокъ свѣжести. Точно также внимательно ознакомился авторъ и съ ученою литературою, изъ которой отъ его вниманія не ускользнуло ни одно болѣе или менѣе выдающееся сочиненіе. Собраннымъ матеріаломъ онъ сумѣлъ хорошо воспользоваться и расположилъ его по слѣдующимъ главнымъ группамъ: послѣ общаго очерка, въ которомъ говорится о положеніи врачей въ Римѣ и указывается, какъ изъ презрѣнныхъ рабовъ и отпущенниковъ они приобрѣли мало по малу высокое общественное положеніе, идетъ специальное разсмотрѣніе различныхъ категорій, на которыя дѣлились врачи у римлянъ: врачи въ войскѣ и флотѣ, архіатры и врачи, состояшіе на частной службѣ. Въ каждомъ изъ этихъ главныхъ отдѣловъ авторъ группируетъ однородныя свидѣтельства и образуетъ изъ нихъ особыя категоріи; такъ напримѣръ, послѣдній отдѣлъ разбираетъ данныя о врачахъ при циркахъ, врачахъ гладіаторовъ, врачахъ императорскихъ придворныхъ и рабовъ,

врачахъ рабовъ частныхъ лицъ, врачахъ рабочихъ коллегій, врачахъ для бѣдныхъ. Въ особенную заслугу автору слѣдуетъ поставить то, что при работѣ, которая состояла изъ подбора мелочныхъ деталей, онъ въ нихъ не потерялся, но сумѣлъ объединить ихъ и дать изложеніе, доступное не для однихъ только специалистовъ. Книгу г. Стрѣльцова прочтеть съ пользою для себя и всякій образованный читатель. Недостатки книги касаются деталей и не на столько значительны, чтобъ испортить общее хорошее впечатлѣніе, производимое работою.

Проф. *М. Н. Петровъ*. Лекціи по всемірной исторіи. Томъ II. Исторія среднихъ вѣковъ, обработанная и дополненная проф. *В. К. Надлеромъ*. Харьковъ.— Изданіе историческихъ курсовъ, читанныхъ покойнымъ профессоромъ *М. Н. Петровымъ* въ Харьковскомъ университетѣ, — предприятие очень полезное. Въ прошломъ году вышли въ свѣтъ его лекціи по исторіи древняго міра; изданный теперь курсъ исторіи среднихъ вѣковъ представляетъ собою, сравнительно съ лекціями по древней исторіи, трудъ болѣе самостоятельный, ибо въ немъ находится подробное обзорѣніе исторіи славянскаго міра, обыкновенно совсѣмъ опускаемой въ нѣмецкихъ и французскихъ сочиненіяхъ такого рода; равнымъ образомъ отведено значительное мѣсто и исторіи Византіи. Все это, равно какъ дополненія проф. *Надлера* и присоединеніе къ книгѣ обстоятельныхъ библиографическихъ указаній, дѣлаетъ означенное изданіе хорошимъ пособіемъ для студентовъ нашихъ университетовъ.

Чертъ домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшь, то-есть, въ нынѣшней Сѣдлецкой и Гродненской губерніяхъ, по актамъ XVI столѣтія. *Якова Головацкаго*. Вильна.— Небольшой, но весьма интересный трудъ, основанный на книгахъ земскихъ судовъ дрогичинскаго и гродненскаго съ 1556 по 1566 годъ. Изъ собранныхъ и изслѣдованныхъ г. Головацкимъ актовъ выясняются разныя стороны домашняго быта и обыденной жизни западно-русскихъ бояръ и земель въ то время, когда они оставались ещѣ русскими и православными и неподвергались ополяченію.

Памятники древней письменности. I.XX. Книга о чудесахъ пр. Сергія. Твореніе *Симона Азарьина*. Сообщилъ *С. Ф. Платоновъ*. С.-Пб.—Извѣстный своими агиографическими и историческими трудами старецъ Троице-Сергіева монастыря *С. Азарьинъ* былъ издателемъ житія св. Сергія въ 1646 г. По этому поводу онъ предпринялъ составить описаніе ново-явленныхъ чудесъ этого святаго, которое, однако, оставалось не изданнымъ до настоящаго времени. Нынѣ оно напечатано Обществомъ любителей древней письменности по рукописи Московской духовной академіи. Интересъ этого памятника усиливается особенно тѣмъ, что многія изъ ново-явленныхъ чудесъ, записанныхъ Азарьинимъ, относятся къ періоду московской смуты начала XVII вѣка.

Письма графини *Е. М. Румянцовой* къ ея мужу фельдмаршалу графу *П. А. Румянцову-Задунайскому*. 1762—1779 г. Съ портретомъ и факсимиле. Издалъ графъ *Д. А. Толстой*. С.-Пб.—Весьма любопытный и прекрасно изданный сборникъ, содержащій въ себѣ очень цѣнные матеріалы, какъ для біографіи *П. А.* и *Е. М. Румянцовыхъ*, такъ и для придворной, общественной и бытовой исторіи Екатерининскаго времени. Въ июньской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Пр. этому изданію будетъ посвящена особая статья.

Систематическій каталогъ дѣламъ Сибирскаго приваза, Московскаго комиссарства и другихъ бывшихъ учрежденій по части промышленности и торговли, хра-

нящимся въ архивѣ департамента таможенныхъ сборовъ. Составилъ *Н. Кайдановъ*. С.-Пб.—Систематическій каталогъ дѣламъ комиссіи о коммерціи и о пошлинахъ, хранящимся въ архивѣ департамента таможенныхъ сборовъ. Составилъ *Н. Кайдановъ*. С.-Пб. — Еще въ 1877 году изданъ былъ каталогъ дѣламъ департамента таможенныхъ сборовъ, составленный начальникомъ тамошняго архива г. Кайдановымъ. Два нынѣ изданные каталога составляютъ полезное къ нему дополненіе; какъ и прежній каталогъ, они имѣютъ характеръ не описательный, а только инвентарный и охранный; но во всякомъ случаѣ они даютъ понятіе о составѣ означеннаго архива, а потому должны служить необходимымъ пособіемъ для пользованія этимъ важнѣйшимъ хранилищемъ документовъ для исторіи нашей торговли и промышленности въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Замѣтки и дополненія къ статьямъ г. Пыпина, напечатаннымъ въ Вѣстникѣ Европы за 1885 и 1886 года. Сочиненіе *Якова Головацкаго*. Вильна.—Подъ этимъ общимъ заглавіемъ почтенный Я. О. Головацкій издалъ двѣ свои статьи: 1) Замѣтки и дополненія къ статьѣ „Обзоръ малорусской этнографіи“ (А. Н. Пыпина) и 2) Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ. Первая изъ нихъ уже была напечатана прежде, въ Русскомъ Вѣстникѣ 1886 года. Какъ уроженецъ Галичины, какъ отличный знатокъ русской народности въ Галиціи, засвидѣтельствовавшій свои знанія многочисленными и прекрасными этнографическими и историческими трудами, какъ горячій русскій патриотъ, испытавшій на самомъ себѣ всю тяжесть исключительныхъ польскихъ стремленій въ этомъ краѣ, г. Головацкій не могъ не чувствовать потребности опровергнуть тѣ неблагоприятныя сужденія о дѣятельности національной галицко-русской партіи, которая стремится къ объединенію съ обще-русскою культурою. Возраженіямъ г. Головацкаго и его сообщеніямъ о русско-польскихъ отношеніяхъ особенную цѣну придаетъ именно то обстоятельство, что здѣсь мы находимъ не мнѣнія, почерпнутыя изъ книгъ, а свидѣтельства и показанія очевидца. Такимъ образомъ, статьи г. Головацкаго имѣютъ большую цѣну и помимо своей полемической цѣли и должны обратитъ на себя вниманіе всѣхъ, кто изучаетъ безпристрастно печальный споръ между русскими и польскими элементами.

Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстаго. Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей. Ч. II. Составилъ *В. Зелинскій*. М. — Намъ уже случалось говорить о подобныхъ сборникахъ г. Зелинскаго, посвященныхъ нѣкоторымъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ писателей; мы указывали на полезное значеніе этихъ трудовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на неудовлетворительное ихъ исполненіе. Все это можетъ быть сказано и о настоящемъ сборникѣ. И въ немъ находимъ мы прежнюю безцеремонность въ перепечаткѣ цѣлыхъ статей разныхъ авторовъ и прежнюю произвольность въ ихъ выборѣ; по прежнему при книгѣ нѣтъ ни указателя, ни даже простаго оглавленія. Словомъ, и это изданіе г. Зелинскаго не лишено интереса, но редактировано очень плохо.

Еще замѣтка о Супрасльской рукописи (дополненіе къ статьѣ: „Судьба Супрасльской рукописи“). *П. О. Бобровскаго*. С.-Пб. — Отдѣльный оттискъ статьи, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Пр. за текущій годъ.

Русская Правда. Текстъ, изданный по тремъ спискамъ, съ предисловіемъ и краткимъ объяснительнымъ словаремъ, составленнымъ кандидатомъ правъ *А. Б. Гинцбургомъ*. Изданіе *Е. М. Гуркина*. С.-Пб.

Указатель статей, напечатанныхъ въ Филологическихъ Запискахъ на весь 25-лѣтній періодъ этого изданія. Воронежъ.

Педагогическій музей военно-учевныхъ заведеній. Труды собраній преподавателей языковъ русскаго и иностранныхъ. 1886—1887 учебный годъ. С.-Пб. — Въ составъ этого сборника вошли два, читанные въ означенныхъ собраніяхъ, реферата: 1) „Грамматическій матеріалъ въ русскихъ учебникахъ“—*В. Я. Стоюнина*, и 2) „О преподаваніи церковно-славянскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“—*Т. И. Филиппова*, и изложеніе преній, вызванныхъ этими докладами; кромѣ того, помѣщены обзоръ трудовъ собраній преподавателей французскаго и нѣмецкаго языковъ и выработанный ими проектъ нормальнаго плана преподаванія иностранныхъ языковъ.

Нѣмые диктанты (безъ диктующаго). Преподавателя русскаго языка *А. Злобина*. 2-е исправленное изданіе. Ч. I: Звуки и буквы. Ч. II: Части рѣчи. Томскъ. 1887.

Таблицы полнаго грамматическаго разбора. *А. Злобина*. Три выпуска. Томскъ. 1886.

Сусликъ и истребленіе его сѣрнистымъ углеродомъ Составилъ *Кирилъ Бербеико*. Необходимое руководство для сельскаго хозяина. Николаевъ.

— Выпущены въ свѣтъ шесть томовъ издаваемого Императорскимъ Русскимъ Обществомъ Сворняка. Содержаніе ихъ слѣдующее: тома 59-го—памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ за время съ 1538 по 1560 г.; тома 60-го—азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для русскаго библиографическаго словаря, ч. I: А—Л; тома 61-го—донесенія и бумаги англійскихъ пословъ, посланниковъ и резидентовъ при русскомъ указѣ съ 1711 по 1719 г.; тома 63-го—протоколы, журналы и указы верховнаго тайнаго совѣта за первую половину 1727 г.; тома 64-го—донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона и агента Маньяна за 1725—1727 гг.; тома 65-го—дипломатическіе акты, относящіеся до Тешенскаго конгресса 1779 года, извлеченные изъ архива князя Н. В. Репнина. Еще не вышедшій въ свѣтъ 62-й томъ будетъ заключать въ себѣ вторую половину азбучнаго указателя, начатаго въ томѣ 60-мъ. Изъ перечисленныхъ выше томовъ 59-й отпечатанъ подъ наблюденіемъ Г. Θ. Карпова, 60-й и 64—Г. Θ. Штендмана, 61-й—А. А. Половцева, 63-й—Н. Θ. Дубровина, и 65-й—Θ. Θ. Мартенса.

ПОПРАВКИ.

Въ отдѣлѣ „Критики и библиографія“ ССЛV-й части журнала (мартовская и апрѣльская книжки) вкрались нѣкоторыя ошибки, которыя необходимо исправить и именно:

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
273	17-я.	съ смѣлыми людьми	съ живыми людьми.
273	25-я.	тремя классами	третьимъ классомъ
531	13-я—14-я.	какъ сборники М. Милоевича или Вука Караджича, а составленный sine studio et sine ira	какъ сборникъ М. Милоевича, а въ родѣ Вука Караджича и составленный studio et sine ira

---

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА, составилъ *Эмилій Керковіусъ*. Вѣна и Одесса. 1887. Изданіе 4-е, вновь передѣланное. Въ 8-ку 527 стр. Цѣна 1 руб.

Практическій курсъ французскаго языка г. Керковіуса заключаетъ въ себѣ 447 параграфовъ, подраздѣленныхъ на пять отдѣленій; по видимому, каждое изъ этихъ отдѣленій должно составлять курсъ одного класса, такъ что, учебникъ слѣдовательно, назначается для пяти классовъ, отъ 2-го до 6-го включительно. Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что онъ, при составленіи своего руководства, придерживался метода Зейденштюккера и примѣнялся къ указаніямъ примѣрныхъ программъ „Учебнаго плана“. Этими двумя заявленіями авторъ самъ устанавливаетъ ту точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на его трудъ.

Зейденштюккеръ оказалъ, безспорно, весьма большую услугу первоначальному обученію чужому языку: онъ показалъ, что его слѣдуетъ начинать не остроумными и смѣхотворными анекдотами и не такимъ текстомъ, какъ „Левъ Андрокла“ (учебникъ Гуро), или „Исторія султана Махмуда“ (учебникъ Робертсона) или „Приключенія Телемака“, а самыми простыми фразами изъ круга разговорной рѣчи, съ тѣмъ чтобы постепенно знакомить начинающихъ съ главнѣйшими и необходимѣйшими формами и доступною ихъ пониманію и соответствующею ихъ развитію лексикой изучаемаго языка. Послѣ нѣсколькихъ десятковъ подготовительныхъ парагра-

---

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

фовъ, въ которыхъ слова и формы изучаются и усваиваются посредствомъ устныхъ и письменныхъ переводовъ съ иностраннаго языка на родной и обратно, Зейденштюккеръ переходитъ къ связанному тексту простѣйшихъ по языку и слогу статей и такимъ образомъ не откладываетъ на цѣлые годы ознакомленіе учащихся съ языкомъ литературнымъ. Первый у насъ подражатель Зейденштюккера, Марго, переноса его методъ на русскую почву, старался превзойти его и, не совсѣмъ правильно понимая основную его идею, создалъ цѣлыхъ 140 слишкомъ параграфовъ двойныхъ (съ французскаго и съ русскаго) упражненій, состоящихъ изъ безсвязныхъ пустыхъ фразъ, которыя въ сущности даютъ весьма скучный фонъ для классныхъ занятій. Никто изъ учащихся и учащихся не достигалъ до конца этого методическаго курса, гдѣ каждый параграфъ представляетъ смѣсь формъ изъ различныхъ грамматическихъ категорій, смѣсь, въ которой не возможно уловить какую-нибудь связующую нить; обыкновенно этотъ методическій курсъ покидаютъ на половинѣ его мудреной системы и переходятъ къ связанному тексту сборника. Въ послѣдней переработкѣ Марго, вѣроятно, чувствуя самъ излишество и растянutosть упражненій, сократилъ свою методическую часть до 114 двойныхъ параграфовъ, изъ коихъ нѣкоторые все-таки посвящаются разнымъ частностямъ, не имѣющимъ особаго значенія, какъ на примѣръ, употребленіе словъ *bon jour*, *bon soir*, *monsieur*, *madame* (§ 13), для чего, конечно, не стоитъ затрачивать цѣлый урокъ.

Г. Керковиусъ, въ свою очередь, желая, вѣроятно, превзойти Марго, изъ 447 параграфовъ своего руководства отдѣлилъ на методическую часть 296 параграфовъ. Смѣло можно сказать, что „Учебный планъ“, назначая по 3 урока въ недѣлю на французскій языкъ и рекомендуя знакомить учениковъ какъ можно скорѣе съ языкомъ литературнымъ и читать съ ними цѣльныя сочиненія, не имѣлъ въ виду погрузить ихъ на цѣлые пять лѣтъ въ океанъ безсодержательныхъ, безсвязныхъ фразъ, представляющихъ безцѣльную общезнаменитую болтовню. Г. Керковиусъ глубоко ошибается въ томъ, что посредствомъ перевода такого множества безсвязныхъ фразъ можно научить всю массу учащихся говорить по французски: этого, безъ постоянной разговорной практики, только при трехъ урокахъ въ недѣлю и достигнуть нельзя; не возможно даже при этихъ условіяхъ пройти въ теченіе курса то количество параграфовъ, которое приходится на его долю. Въ учебникѣ г. Керковиуса какимъ-нибудь

отдѣльными формамъ, какъ, напримѣръ, форма *tout, toute*, а также почти каждому неправильному глаголу, посвящаются двойные параграфы упражненій (съ французскаго и съ русскаго). Конечно, если бы все время, назначаемое въ гимназическомъ курсѣ на языкоученіе, было отдано на одинъ французскій языкъ, то, можетъ быть, удалось бы пройти всѣ параграфы разсматриваемаго учебника, но и въ такомъ случаѣ едва ли получился бы достаточный результатъ, такъ какъ бесодержательность текста отбиваетъ въ ученикахъ охоту къ ученію по мѣрѣ ихъ физическаго и умственнаго развитія. Что касается до системы учебника г. Керковіуса, то въ ней бросается въ глаза полная безсвязность: всего рельефнѣе это выдается, если прослѣдить распланировку самыхъ важныхъ при изученіи французскаго языка грамматическихъ формъ, формъ глагольныхъ: онѣ должны служить основными, такъ-сказать, столбами системы и связующими звеньями между отдѣльными частями ея. Первые четыре параграфа построены на третьемъ лицѣ ед. ч. глагола *être*, въ пятомъ параграфѣ появляется *présent* отъ *avoir*, въ девятомъ—*passé indéfini* правильныхъ глаголовъ и нѣкоторыхъ неправильныхъ, затѣмъ только въ 35-мъ параграфѣ дается глаголъ *être* во всѣхъ лицахъ, но за то сразу въ четырехъ временахъ—*présent, passé indéfini, futur simple* и *impératif*. При этомъ нужно замѣтить, что *plus-que-parfait* и *conditionnel présent* отъ *être* появляются раньше (въ § 37), чѣмъ *imparfait* отъ *avoir* (§ 41); въ § 39 также произвольно даны четыре вышеназванныя времени для глагола *avoir*, а въ § 43 въ одно упражненіе втиснуты сразу формы восьми временъ правильныхъ глаголовъ 1-го спряженія. Такимъ образомъ знакомство съ образованіемъ формъ всѣхъ лицъ для настоящаго времени перваго правильнаго спряженія достигается только въ § 43, тогда какъ ученики должны были понять и усвоить составленіе сложнаго прошедшаго времени (*passé indéfini*) въ § 9. Такое распланированіе важнѣйшихъ формъ языка, составляетъ ничѣмъ не оправдываемую странность системы въ учебникѣ г. Керковіуса; при этомъ не меньшую странность представляетъ и построеніе упражненій цѣлыхъ сорока двухъ начальныхъ параграфовъ на формахъ вспомогательныхъ глаголовъ, какъ самыхъ неправильныхъ: такой приѣмъ давно уже признанъ нераціональнымъ и оставленъ какъ противорѣчащій основному дидактическому принципу—переходить отъ простаго къ сложному, отъ правильнаго и общаго къ неправильному и частному. Дѣйствительно, въ учебникахъ, появив-

шихся за послѣдніе десять лѣтъ, подобная аномалія уже не встрѣчается. Отрицательный оборотъ въ учебникѣ г. Керковіуса появляется въ первый разъ только въ § 47, такъ что ученики, прошедшіе 46 параграфовъ, въ концѣ своего перваго курса не могутъ составить ни одного отрицательнаго предложенія, тогда какъ примѣрная программа „Учебнаго плана“ назначаетъ для перваго курса знаніе полнаго спряженія дѣйствительныхъ и среднихъ глаголовъ въ трехъ оборотахъ рѣчи. Тотъ же „Учебный планъ“ рекомендуетъ, чтобы при всякомъ случаѣ было указано ученикамъ на происхожденіе французскихъ этимологическихъ формъ отъ латинскихъ съ обозначеніемъ даже формъ переходныхъ: во всемъ учебникѣ г. Керковіуса даже ни малѣйшаго намека въ этомъ отношеніи. Не входя въ болѣе подробное разсмотрѣніе системы учебника г. Керковіуса, изъ приведенныхъ выше данныхъ можемъ заключить, что это руководство мало приспособлено къ указаніямъ „Учебнаго плана“ и вообще къ современнымъ педагогическимъ требованіямъ и школьнымъ условіямъ преподаванія иностраннаго языка. Набрать 447 параграфовъ упражненій, составить къ каждому параграфу методической части грамматическія объясненія и два алфавитные словари (съ французскаго и съ русскаго)—трудъ, конечно, не малый; но нерасчитанность и спутанность системы, неравновѣсіе въ частяхъ ея, безсвязность и безодержательность текста упражненій во всей методической части учебника, а также подавляющее множество самыхъ упражненій, заставляютъ признать, что трудъ г. Керковіуса совершенно неудобенъ для учебныхъ заведеній въ качествѣ учебнаго руководства.

NOUVELLES LEÇONS DE LANGUE FRANÇAISE, par A. Haenschild. Premier cours. С.-Петербургъ. 1887. Въ 8-ку стр. 155. Ц. 65 к.

Первый курсъ учебника г. Гаушильда заключаетъ въ себѣ тридцать-девять уроковъ, имѣющихъ французскій и русскій текстъ упражненій, шесть небольшихъ стихотвореній, грамматическія объясненія къ тексту уроковъ и вокабулы къ нему. Книжка эта, какъ видно изъ предисловія, назначается для первыхъ трехъ лѣтъ обученія французскому языку, то-есть, для элементарнаго курса, въ которомъ обыкновенно полагается, по теоріи языка, изучить всѣ этимологическія формы и нѣкоторыя болѣе общія синтаксическія правила, необходимыя для осмысленнаго составленія фразъ и для пониманія роли этимологическихъ формъ въ составѣ рѣчи. Тридцать-девять уроковъ въ учебникѣ г. Гаушильда представляютъ матеріалъ достаточный

для трехъ лѣтъ класснаго изученія, такъ какъ они всѣ, начиная съ перваго, заключаютъ въ себѣ отъ полутора до нѣсколькихъ страницъ текста. Основная часть каждаго урока (или параграфа) состоитъ изъ связнаго текста, составленнаго въ большинствѣ случаевъ въ діалогической формѣ; затѣмъ слѣдуютъ мелкія фразы на французскомъ и русскомъ языкѣ, представляющія перефразированіе связнаго текста. Обыкновенно, это перетираніе, такъ-сказать, переведеннаго, разобраннаго и выученнаго текста, когда онъ берется связный, предоставляется заботливости преподающаго, который и долженъ сообразоваться съ обстоятельствами данной минуты въ отношеніи количества, формы фразъ и вообще возможности такихъ практическихъ упражненій; г. Гаушильдъ считъ за лучшее дать преподавателю такую перефразировку готовую. Весь текстъ въ книгѣ г. Гаушильда, за нѣсколькими исключеніями, принадлежитъ перу самого автора, который имѣлъ полную свободу вводить въ него тѣ или другія формы, соответственныя своей цѣли и педагогическому такту.

Конечно, хорошо приспособленный связный текстъ имѣетъ много преимуществъ передъ отдѣльными фразами въ практическомъ отношеніи, но во всякомъ случаѣ, къ нему, особенно въ самомъ началѣ обученія въ школѣ, слѣдуетъ подходить съ большою осторожностью. Въ томъ классѣ, гдѣ начинается преподаваніе французскаго языка, учащіеся могутъ по этому предмету не имѣть никакой домашней подготовки, а потому и учебникъ, назначенный для элементарнаго курса, долженъ облегчать учащемуся приступъ къ чужому языку, постепенно освоить его съ чуждыми для него звуками, и помочь ему составить хотя самый скромный лексическій запасъ и потомъ постепенно подвести его къ ознакомленію съ формами языка и къ разъясненію правилъ теоретической грамматики. Съ этой точки зрѣнія книжка г. Гаушильда производитъ странное впечатлѣніе: первый урокъ начинается діалогомъ четырехъ лицъ, за которымъ слѣдуютъ два отдѣла французскихъ мелкихъ фразъ, представляющихъ такъ-называемыя *regulations*; въ этотъ текстъ входятъ самыя разнообразныя звуки и формы, сорокъ-пять словъ, два времени, *présent* и *impératif*, три оборота рѣчи, и ко всему этому должно быть присоединено разъясненіе о 4-хъ спряженіяхъ во французскомъ языкѣ, об образованіи лицъ въ *présent* и *impératif* глаголовъ 1-го спряженія, о роли мѣстоименій личныхъ, об образованіи вопросительнаго и отрицательнаго оборотовъ, о постановкѣ *accent aigu* на окончаніи перваго лица единственнаго числа и о вставкѣ *t-euphonique* въ

3-мъ лицѣ въ вопросительномъ оборотѣ, объ отбрасываніи буквы *s* изъ окончанія втораго лица един. ч. повелительнаго наклоненія, о постановкѣ обстоятельственныхъ словъ въ предложеніи, о размѣщеніи отрицательныхъ частицъ, о выраженіи отрицанія въ тѣхъ предложеніяхъ, въ которыхъ сказуемое подразумѣвается, и, наконецъ, о томъ, что *plus* при отрицаніи не выражаетъ прекращеніе дѣйствія. Затѣмъ, на слѣдующей страницѣ (9), совершенно уединенно вставлена между частями текста французская азбука съ названіемъ буквъ русскими буквами и съ ихъ произношеніемъ, изображеннымъ также русскими буквами. Во второмъ урокѣ изъ грамматики говорится объ обоихъ членахъ, ихъ значеніи, о вліяніи мѣста, занимаемаго существительнымъ въ предложеніи, на его падежное значеніе, о выраженіи вопроса въ томъ случаѣ, когда подлежащимъ предложенія есть имя существительное, о перифрастическомъ способѣ вопрошенія, о постановкѣ мѣстоименнаго дополненія при глаголѣ и замѣнѣ соединительныхъ формъ личныхъ мѣстоименій формами самостоятельными при *impératif* безъ отрицанія, о разницѣ между французскимъ и русскимъ языкомъ въ отношеніи наличности членовъ въ предложеніи и о замѣнѣ именъ существительныхъ мѣстоименіями въ качествѣ подлежащихъ и дополненій прямыхъ. Въ третьемъ урокѣ говорится уже между прочимъ о глаголахъ возвратныхъ; въ четвертомъ дается спряженіе неправильныхъ глаголовъ *dormir, mentir, partir, se repentir, sentir, servir, sortir*; въ пятомъ появляются глаголы *aller* и *venir*, объясняется разница въ употребленіи формъ *en, y*, разница въ значеніи предлоговъ *à, dans, en* и проч. и проч. Изъ этихъ указавій уже достаточно видно, какими исполненскими шагами шагаетъ г. Гаушильдъ въ области грамматической теоріи языка съ учениками, которыхъ онъ учитъ произносить предложенные діалоги со слуха за преподающимъ, переводить также со слуха и заучивать текстъ, поглядывая на вставленную въ средину перваго урока французскую азбуку. Если прибавить, что въ разсматриваемомъ элементарномъ курсѣ объясняются значеніе и употребленіе всѣхъ временъ и наклоненій до описательныхъ оборотовъ неокончательнаго наклоненія включительно (что едва доступно пониманію учениковъ пятаго класса), то можно составить себѣ довольно правильное сужденіе о пониманіи г. Гаушильдомъ условій и требованій элементарнаго преподаванія.

О методѣ и пріемахъ преподаванія г. Гаушильда можно судить изъ текста урока XI (стр. 30), носящаго заголовокъ — *Comment*

nous étudions le français, въ которомъ ученики разказываютъ весь процессъ изученія текста, то-есть, что преподающій громко читаетъ первую фразу, переводитъ ее на русскій языкъ, а ученики все это повторяютъ за нимъ поочередно и вводятъ въ нее, по мѣрѣ своихъ познаній, различныя видоизмѣненія и такъ далѣе. Вообще изъ описанія самими учениками способа обученія ихъ французскому языку по учебнику г. Гаушильда видно, что преподаватель постоянно долженъ исполнять роль хлопотливой няньки, которая, по избытку усердія, даетъ своимъ питомцамъ пищу неудобоваримую, и притомъ залпомъ. Для того, чтобы при такомъ способѣ обученія можно было соблюсти въ классѣ надлежащую благопристойность и достигнуть замѣтныхъ результатовъ, необходимы со стороны учениковъ идеальная дисциплина, понятливость, быстрое усвоеніе и охота къ ученію, а со стороны преподающихъ—столь же идеальныя умѣлость вести дѣло, терпѣніе и выносливость. Такъ какъ перечисленныя выше качества учащихся и учащихся рѣдко сочетаются въ учебныхъ заведеніяхъ вообще въ той мѣрѣ, которая требуется методомъ г. Гаушильда, то едва ли его руководство можетъ быть полезнымъ для нашихъ школъ. Оно скорѣе могло бы годиться для домашняго обученія дѣтей разговорному французскому языку чисто интуитивнымъ путемъ, при чемъ, разумѣется, слѣдовало бы удалить изъ книжки отдѣлъ „Грамматическихъ объясненій къ урокамъ курса“, чтобы уберечь учащихся отъ соблазна толковать дѣтямъ о вещахъ, не подходящихъ къ дѣтскому возрасту и далеко превосходящихъ степень ихъ пониманія.

Первое обученіе нѣмецкому языку. *А. Бадендикъ*. Витебскъ. 1887. Въ 8-ку стр. 46. Цѣна 30 коп.

Книжка, составленная г. Бадендикомъ для употребленія при первомъ обученіи нѣмецкому языку, состоитъ изъ 65 параграфовъ; въ каждомъ изъ этихъ параграфовъ помѣщены сначала слова для заучиванія и примѣры склоненій и спряженій, а затѣмъ — предложенія для перевода съ нѣмецкаго языка на русскій и съ русскаго на нѣмецкій; къ этому иногда присоединяется краткое правило, безъ котораго ученикъ не можетъ обойтись при переводѣ. По входящему въ эти упражненія грамматическому матеріалу учебникъ г. Бадендика весьма близко подходитъ къ курсу II-го класса, опредѣленному въ изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія учебныхъ планахъ. Разница состоитъ только въ томъ, что въ учебникѣ не указываются

главнѣйшіе признаки, по коимъ отличается родъ существительныхъ, опущены числительныя порядковыя и мѣстоименія указательныя, и наконецъ, исключены изъ спряженія глаголовъ формы сложныхъ временъ и сослагательнаго наклоненія.

Съ этими отступленіями помириться можно; что касается числительныхъ порядковыхъ и мѣстоименій указательныхъ, то на усвоеніе ихъ вполнѣ достаточно двухъ уроковъ, и они не представляютъ столь существенныхъ частей начального курса, чтобы нельзя было отложить изученіе ихъ до слѣдующаго класса, до прохожденія систематической грамматики. Впрочемъ, пропускъ этихъ статей можетъ быть случайностью, оба же другія отступленія сдѣланы, безъ сомнѣнія, намѣренно, и для нихъ можно указать на разумную причину, а именно на трудность опущенныхъ статей для начинающихъ. Правила о родѣ именъ существительныхъ въ нѣмецкомъ языкѣ столь сложны, что для начинающаго гораздо легче заучить каждое отдѣльное слово вмѣстѣ съ членомъ, показывающимъ родъ существительнаго, какъ это и приходится дѣлать пользующемуся книгою г. Бадендика, который, не предлагая склоненія члена отдѣльно, вездѣ и въ вокабулахъ, и въ парадигмахъ выставляетъ членъ рядомъ съ существительнымъ. Исключеніе изъ книги составныхъ формъ глагола—форма будущаго времени, конечно, помѣщена—и всѣхъ формъ сослагательнаго наклоненія не идетъ въ разрѣзъ съ требованіями учебныхъ плановъ, такъ какъ тамъ требуется просто прохожденіе спряженія глаголовъ, но не сказано, чтобы проходило полное спряженіе. Между тѣмъ сложныя времена, въ особенности въ глаголахъ, измѣняющихъ основную гласную, не легко даются ученику по причинѣ трудности образовать причастіе прошедшаго времени, а еще болѣе по причинѣ трудности понять значеніе этихъ временъ, напримѣръ, значеніе Perfecti и Plusquamperfecti въ сравненіи съ Imperfectum. Последняя причина не позволяла ввести въ упражненія и сослагательное наклоненіе; оно встрѣчается только въ придаточныхъ предложеніяхъ, а составитель не предлагаетъ такихъ въ своей книгѣ, довольствуясь лишь одними главными предложеніями.

Слова, изъ коихъ составлены предлагаемыя для перевода фразы извѣстнаго параграфа, всѣ встрѣчаются въ предыдущихъ упражненіяхъ, такъ что ученикъ не имѣетъ надобности прибѣгать къ другой помощи, кромѣ своей памяти; притомъ эти слова повторяются столь часто, что не могутъ не остаться въ памяти ученика. Понятно, что фразы, составленныя исключительно изъ запаса заученныхъ

словъ, не могутъ быть ни особенно разнообразны, ни особенно содержательны. Но нельзя не замѣтить, что и самыя простенькія фразы, предлагаемыя ученику, не должны быть однимъ только наборомъ словъ, лишеннымъ разумнаго смысла. Таковыхъ фразъ, однако, встрѣчается въ книгѣ не мало. Напримѣръ, на стр. 10: Вотъ перо жены. Перо здѣсь, но жены здѣсь нѣтъ“. Или: „Принесите солдатамъ бумагу. Не приносите женамъ солдатъ бумаги“. На стр. 14: „Buch, du bist sehr schlecht“. На стр. 21: „Das Weib ist ein Mensch, aber kein Mann“, и т. п.

Въ этомъ отношеніи предлагаемыя для перевода фразы, при новомъ изданіи книги, требуютъ весьма тщательнаго пересмотра и исправленія со стороны автора. Каждый параграфъ, представляющій пензумъ одного урока, содержитъ только отъ 8—10 словъ для заучиванія наизусть. Но не смотря на небольшое количество сообщаемаго лексическаго матеріала, авторъ, благодаря удачному выбору вокабулъ, успѣлъ составить изъ этихъ словъ нѣсколько простенькихъ связныхъ разказовъ, помѣщенныхъ имъ въ §§ 60—65. Такимъ образомъ ученикъ, прошедшій курсъ начальнаго (для нѣмецкаго языка) класса по учебнику г. Бадендіа, достаточно приготовленъ къ прохожденію систематическаго курса грамматики въ слѣдующемъ классѣ.

Нѣмецкая грамматика для русскихъ среднихъ-учивныхъ заведеній, составленная Андреемъ Ашаринимъ, преподавателемъ нѣмецкаго языка при Рижскихъ Александровской и Ломоносовской гимназіяхъ. Рига. 1887. Въ 8-ку стр. 135. Цѣна не обозначена.

Составленный г. Ашаринимъ учебникъ содержитъ весь курсъ грамматики нѣмецкаго языка и состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ первая носитъ заглавіе „Словопроизведеніе“ (такъ авторъ переводитъ термины Wortlehre и Etymologie), а вторая названа „Словосочиненіемъ“. Соединеніе обѣихъ частей грамматики въ одномъ и томъ же учебникѣ сравнительно небольшого объема весьма удобно и должно предпочитаться дробленію грамматическаго курса на части и назначенію для каждой части особаго учебника, приспособленнаго къ требованіямъ только одного или двухъ классовъ. Само собою разумѣется, что въ грамматикѣ, назначенной служить ученику въ продолженіе всего пребыванія въ учебномъ заведеніи, нельзя строго распредѣлить учебный матеріалъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онъ проходитъ въ отдѣльныхъ классахъ. По этому поводу авторъ, справедливо замѣтивъ въ предисловіи, что „занятіе граммати-

кой можетъ привести пользу только тогда, когда мы примѣняемъ ея правила къ практикѣ“, продолжаетъ: „въ виду этого, не распредѣливъ составленной мною грамматики по курсамъ, я предоставляю господамъ учителямъ по собственному педагогическому усмотрѣнію опредѣлить очередь отдѣльныхъ частей, которыя должны быть проходимы по утвержденной министерствомъ пограммѣ“. Намъ кажется однако, что свобода распредѣленія не должна преступать предѣлы, данные самимъ матеріаломъ, и что нельзя относить значительной части синтаксиса къ тому отдѣлу, въ которомъ проходитъ этимологія. Нѣтъ сомнѣнія, что весьма трудно провести рѣзкую межу между этими двумя областями грамматики, и что, рассматривая флексіи словъ, нельзя обойтись при случаѣ безъ синтаксическихъ объясненій. Но при сообщеніи въ этимологіи синтаксическихъ правилъ слѣдуетъ ограничиваться самыми необходимыми замѣтками. Въ учебникѣ г. Ашарина въ отдѣлѣ этимологіи отведено слишкомъ много мѣсто синтаксису. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ о спряженіи глаголовъ весьма обстоятельно говорится о значеніи и употребленіи глагольныхъ формъ (срв. §§ 20—22, 24, 25, 27 и 28); статьи о предлогахъ и союзахъ въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ являются въ учебникѣ, также скорѣе относятся къ синтаксису, чѣмъ къ этимологіи. Въ отдѣлѣ, посвященномъ синтаксису, нѣтъ статей, относящихся къ этимологіи, но за то въ него—а отчасти и въ первый отдѣлъ—вошло много правилъ и объясненій, относящихся къ общей грамматикѣ и, слѣдовательно, проходимыхъ на урокахъ русскаго языка. Сюда можно отнести изъ первой части § 12 о раздѣленіи именъ существительныхъ и § 20 о раздѣленіи глаголовъ по залогамъ, изъ второй части § 39 предварительныя понятія о предложеніяхъ, § 40 о простомъ предложеніи, § 41 о частяхъ предложенія, § 50 о періодѣ и т. п. Эти статьи не только лишни, но могутъ даже служить поводомъ къ недоразумѣнію, если сообщаемыя въ нихъ основныя правила общаго синтаксиса объясняются на урокахъ русскаго языка иначе, чѣмъ въ книгѣ г. Ашарина. Въ § 51 о знакахъ препинанія онъ поступилъ проще и практичнѣе, ограничившись замѣткою: „Употребленіе знаковъ препинанія какъ въ русскомъ языкѣ“.

Для упражненія въ примѣненіи грамматическихъ правилъ, гдѣ это казалось необходимымъ, помѣщены примѣры (срв. стр. 72—74, 77—79, 81—84, 113—116, 119—120 и 123—125). Это—нѣмецкія фразы, въ которыхъ по преподаванному правилу должны быть измѣнены или пополнены извѣстныя слова. Такія упражненія весьма полезны; относительно же примѣровъ на стр. 72—74 мы не вполне согласны

съ приѣмомъ автора: онъ выставилъ всѣ встрѣчающіеся въ предложеніяхъ глаголы въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія, съ тѣмъ чтобы ученикъ замѣнилъ ее требуемою смысломъ предложенія личною формою глагола. Предложенія отъ этого получаютъ чудовищный видъ, напримѣръ, *Gestern sein dein Geburtstag*. Добиваясь правильнаго употребленія формъ ученикомъ, не слѣдуетъ приучать его видѣть невѣрно составленныя предложенія передъ собою въ печатномъ видѣ, безъ обозначенія неправильности. По крайней мѣрѣ, слѣдовало заключить въ скобки слова, требующія измѣненія на вѣрную форму, въ такомъ видѣ, въ какомъ это сдѣлано авторомъ въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, на стр. 77 и сл.

По своему содержанію разсматриваемый учебникъ представляется достаточно полнымъ, и грамматическія явленія, за немногими исключеніями, объяснены правильно и опредѣленно. Желая по мѣрѣ силъ содѣйствовать улучшенію книги при будущемъ новомъ изданіи, укажемъ на нѣкоторыя замѣченныя нами, частныя промахи. Грамматическая терминологія не всегда употребляется, какъ слѣдуетъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 7 коренными словами называются глаголы, не произведенные отъ другихъ словъ, и тѣмъ же терминомъ на стр. 12 названы вторыя части сложныхъ словъ; это—противорѣчіе, такъ какъ вторая часть сложнаго слова можетъ состоять и изъ производнаго слова; самъ авторъ приводитъ примѣръ *der Reisegefährte*. Обозначеніе двухъ родовъ склоненій и спряженій названіями твердаго и мягкаго неудобно, потому что эти термины не выражаютъ свойства этихъ флексій; лучше возстановить столь удачно найденныя Гриммомъ общепринятыя термины: сильная и слабая флексія. Также неосновательно называть вносными предложеніями всѣ предложенія, „выражающія мысль упоминаемаго лица (*Anführungssätze*)“ (стр. 112). Вносными предложеніями такимъ образомъ считаются не только такія, какъ: „Солонъ сказалъ Крезу: „я не могу признать никого счастливымъ раньше смерти“, но даже такія, какъ: „учитель спросилъ учениковъ, кто изъ нихъ знаетъ урокъ“.

Встрѣчаются мѣстами: неудачныя примѣры, не выясняющіе правила. Такъ на стр. 6 для того, чтобы показать различіе между составными частями слова (корень, префиксъ и суффиксъ), приводится слово *Verg-zweif-lung* (sic); на стр. 12 примѣромъ сложнаго слова служить выраженіе *glückwünschen*, которое никакъ нельзя считать сложнымъ словомъ, съ чѣмъ, собственно, соглашается и самъ авторъ, судя по приводимой имъ тутъ же формѣ 1-го лица *indic. praes.: ich*

wünsche Glück. На стр. 30 слово gesund попало въ число односложныхъ прилагательныхъ, а прилагательныя blos и stumm — въ число допускающихъ степени сравненія. На стр. 38, въ прил. 2 читаемъ: „если мѣсто подлежащаго замѣняетъ безличное es, то притяжательное мѣстоименіе согласуется съ подлежащимъ въ родѣ и числѣ“. Правило само по себѣ выражено не точно; слѣдовало сказать, что въ данномъ случаѣ притяжательное мѣстоименіе употребляется въ существительной формѣ и согласуется съ тѣмъ словомъ, къ которому оно относится. Примѣромъ служить вопросъ и отвѣтъ: „Wessen ist das Haus? Es ist das meinige“, а для выясненія правила слѣдовало выбрать слово не средняго, а мужскаго или женскаго рода, напримѣръ: Wessen ist der Garten? Es ist der meinige. На стр. 121 на правило: „если сказуемое— глаголь, то относительное мѣстоименіе опускается, а глаголь превращается въ причастіе“ предлагается примѣръ: der Mensch (welcher ein Geschöpf Gottes ist) ein Geschöpf Gottes и т. д., то-есть, такой примѣръ, въ которомъ глаголь опускается (seiend).

Нѣкоторыя правила неточны вслѣдствіе недомолвки. Такъ, напримѣръ, на стр. 18 въ правилѣ о сліяніи предлоговъ съ членомъ сказано, что предлоги auf, durch и т. д. „сливаются съ членомъ только въ винительномъ падежѣ;“ слѣдовало прибавить „средняго рода“. На стр. 23 въ числѣ словъ, склоняющихся по примѣру der Name, пропущено слово der Glaube. На стр. 26 говорится, что названія ягодъ въ нѣмецкомъ языкѣ употребляются во множественномъ числѣ; не лишне было указать, что единственное число употребляется и обозначаетъ отдѣльную ягоду. На стр. 31 въ правилѣ, что степеней сравненія не имѣютъ имена прилагательныя сложныя, требовалось опредѣлить ближе составныя части относящихся сюда прилагательныхъ, такъ какъ многія сложныя имѣютъ степени сравненія, напримѣръ: unheilveroll, ehrlos, waldreich и т. д.

Отмѣтимъ еще нѣсколько промаховъ болѣе серьезнаго рода: на стр. 16 слово „die Geise“ пишется черезъ s вмѣсто ss; на стр. 20 предлагается не существующее множественное число отъ der Mund—die Munder; на стр. 52 утверждается, что ich bin gelobt worden=ich bin gelobt; на стр. 100 слова trinkbar и beachtenswerth, какъ вообще слова сложныя съ -bar и -werth, причислены къ словамъ, требующимъ косвеннаго дополненія въ дательномъ падежѣ; на стр. 55, въ примѣчаніи говорится, что въ предложеніи Meine Schwester hat mich kommen sehen, при перемѣщеніи обихъ послѣднихъ словъ, будто бы

слѣдуетъ сказать: *Meine Schwester hat mich gesehn kommen*. Это не-вѣрно, и все примѣчаніе должно быть уничтожено.

Наконецъ, укажемъ еще на двѣ опечатки, искажающія смыслъ правила: на стр. 32, строка 15 снизу напечатано „двѣнадцать“ вмѣсто „двадцать“ и на стр. 120, строка 3 снизу, передъ словомъ „одинаковы“ пропущено отрицаніе „не“. Къ числу желательныхъ улучшеній принадле-жить и прибавленіе указателя, столь необходимаго въ книгѣ, назначенной служить ученику въ продолженіе всего учебнаго курса до старшихъ классовъ.

Указанные нами недостатки книги, большая часть которыхъ при-надлежитъ къ числу менѣ существенныхъ, до значительной степени уравновѣшиваются такими преимуществами, каковы хорошее и нагляд-ное изложеніе склоненій и спряженій, помѣщеніе примѣровъ для упраж-ненія въ примѣненіи правилъ и проч.

Курсъ нѣмецкаго языка. Первоначальное руководство для практическаго из-ученія нѣмецкаго языка въ женскихъ и реальныхъ учебныхъ заведе-ніяхъ. Составилъ Фердинандъ *Мей*, преподаватель нѣмецкаго языка при Практической академіи коммерческихъ наукъ и II и IV Москов-ской военной гимназіи. Годъ первый, изданія 2-е и 3-е. Москва. 1883—1884. Стр. XIV+87. Годъ второй. 1884. Стр. XII+80. Годъ третій. 1884. Стр. VII+88. Цѣна каждой части 60 коп.

Грамматическія таблицы нѣмецкаго языка. Составилъ *Ф. Мей*. Этимологія. Москва. 1883. Стр. 26. Цѣна 20 коп.

Три части указаннаго на первомъ мѣстѣ учебника представляютъ столько же концентрическихъ курсовъ, назначенныхъ для прохо-жденія въ первые три года обученія нѣмецкому языку. Въ основаніе книги положенъ аналитическій методъ; она, слѣдовательно, относится къ числу такъ-называемыхъ методическихъ учебниковъ; но, призна-вая необходимость и синтезиса при изученіи языка въ школѣ, ав-торъ, насколько это позволяетъ практическая цѣль учебника, пред-лагаетъ упражненія въ послѣдовательности, соответствующей порядку отдѣльныхъ статей систематической грамматики.

Въ первой части, послѣ сообщенія необходимыхъ для состав-ленія небольшихъ предложеній формъ и словъ, проходятся скло-ненія: § 10 сильное, § 14 женское, § 20 слабое, § 24 склоненіе при-лагательныхъ и § 31 мѣстоименія личныя. Рядомъ съ склоненіемъ идетъ изученіе глагольныхъ формъ, изъ числа которыхъ простыя времена глаголовъ слабого спряженія указаны § 6, а въ § 16 *Im-perfectum* сильныхъ глаголовъ, примѣръ *rief*, § 22 *Praesens* и *Parti-*

сіріум Praeteriti глаголовъ, измѣняющихъ гласную и въ настоящемъ времени во 2-мъ и 3-мъ лицѣ единственнаго числа, § 30 Praesens глаголовъ kann, will, § 31 muss, soll и § 40 спряженіе сложныхъ глаголовъ, примѣръ: schreibe ab.

Ко второй части отнесены слѣдующія статьи этимологіи: § 2 спряженіе глаголовъ возвратныхъ, § 6 безличныхъ, §§ 8 и 10 образование Plusquamperfecti, §§ 12 и 14 Futuri exacti и §§ 16, 18 и 20 спряженіе глаголовъ въ страдательномъ залогѣ. Затѣмъ слѣдуютъ дополненія къ склоненіямъ: §§ 24, 26, 30, 32 и 34 образование формы множественнаго числа въ словахъ сильнаго склоненія, § 36 склоненіе слова Herz и т. п., § 38 словъ женскаго рода и § 40 такъ называемыя pluralia tantum.

Въ составъ третьей части вошли: § 2 Coniunctivus и Conditionalis, § 6 склоненіе именъ собственныхъ и § 8 причастій, § 10 степени сравненія, § 12 имена числительныя и ихъ склоненіе, § 16 склоненіе мѣстоименій, § 20 употребленіе Participii съ приставкою ge и Infinitivi съ предлогомъ zu, § 24 образование 2-го и 3-го лица Praesentis и 2-го Imperativi въ сильныхъ глаголахъ посредствомъ измѣненія гласной и § 28 образование въ нѣкоторыхъ глаголахъ сложныхъ временъ съ помощью вспомогательныхъ глаголовъ sein или haben, смотря по значенію глаголовъ. Такъ какъ главная задача этой третьей части состоитъ въ изученіи лексики нѣмецкаго языка, то рядомъ съ указанными статьями изъ грамматики проходятся правила о производствѣ словъ §§ 3, 4, 7, 12 и 13, и разбираются синонимы §§ 17, 19, 21, 23 и 27.

Къ каждой части учебника приложены статьи для чтенія (Lese-stücke); изъ приложенныхъ къ 1-й части 35-ти статейъ 16 первыхъ снабжены примѣчаніями, въ которыхъ преподаются основныя правила орфографіи. Статьи второй части примѣчаній не имѣютъ, но къ нимъ, какъ и къ статьямъ первой части, прибавленъ словарякъ, каковаго нѣтъ при статьяхъ третьей части, такъ какъ предполагается, что всѣ слова должны быть извѣстны ученику, прошедшему учебникъ съ начала до конца.

Самъ учебникъ устроенъ слѣдующимъ образомъ: начинается онъ съ азбуки; для постепеннаго изученія буквъ и для упражненія въ ихъ произношеніи буквы раздѣлены на извѣстныя группы; примѣры для упражненія въ чтеніи состоятъ сначала изъ отдѣльныхъ словъ, но уже съ 5-го урока (стр. 8) предлагаются для этой цѣли простенькія предложенія, которыя, при помощи тутъ же помѣщенныхъ

вокабулъ, должны также и переводиться на русскій языкъ и обратно воспроизводиться по находящемуся также здѣсь русскому тексту. Научившись читать и приобрьвъ по пути небольшой запасъ словъ и формъ, ученики приступаютъ къ изученію связнаго текста, который въ объемѣ 4—6 строкъ жирнымъ шрифтомъ напечатанъ во главѣ §§ 1, 5, 9, 13, 17, 21, 25, 33 и 37 первой части. Въ остальныхъ двухъ частяхъ этотъ связный текстъ, только въ нѣсколько большемъ объемѣ, распределенъ подобнымъ образомъ. Онъ служитъ для подробнаго разбора и для заучиванія наизусть. Разборъ дѣлается при помощи помѣщенныхъ подъ статьями вопросовъ, отвѣты на которые состоятъ въ повтореніи, болѣе или менѣе буквальномъ, выраженій, находящихся въ самой статьѣ. Послѣ каждой статьи сообщаются слова для заучиванія, грамматическія свѣдѣнія, фразы для перевода и повторенія, а также разговоры, содержаніе которыхъ заимствовано изъ ученической жизни.

Всѣ эти упражненія составлены умѣло и, безъ сомнѣнія, могутъ содѣйствовать скорому усвоенію учениками разговорнаго языка, между тѣмъ какъ помѣщенные въ книгѣ грамматическія указанія способствуютъ систематизаціи встрѣчающихся явленій языка. Жаль только, что авторъ для указанныхъ выше основныхъ статей связнаго текста не сумѣлъ подобрать болѣе подходящихъ по своему содержанію разказовъ; особенно №№ 17, 21, 25, 29 и 33, то-есть, почти всѣ предлагаемыя въ первой части основныя статьи — это анекдоты, въ которыхъ вся острота состоитъ въ глупомъ или будто бы остроумномъ отвѣтѣ или изреченіи. Къ тому же роду относятся тѣ весьма многочисленныя загадки, которыми авторъ хотѣлъ украсить вторую часть своего учебника. Разгадка напечатана подъ каждою загадкою отдѣльно, такъ что буквы поставлены вверхъ ногами. Это уже похоже на шутку, а шутки неумѣстны въ учебной книгѣ.

Грамматическія таблицы того же автора имѣютъ цѣлью служить дополненіемъ къ его методическому учебнику, представляя въ тѣсной рамкѣ наглядную картину склоненій и спряженій, между тѣмъ какъ по методическому учебнику формы флексій изучаются безъ систематической между собою связи. Въ систематической грамматикѣ, правда, содержится все сообщаемое въ таблицахъ въ надлежащемъ порядкѣ, но изъ массы правилъ, необходимыхъ для полнаго изложенія этимологии, самыя необходимыя для начинающихъ свѣдѣнія не выступаютъ такъ рельефно, какъ въ таблицахъ, представляющихъ только остовъ этимологии. Таковы соображенія, побудившія г. Мея издать грамма-

тическія таблицы, и онъ сумѣлъ составить ихъ такъ, что по нимъ ученику легко ориентироваться въ склоненіяхъ и спряженіяхъ и заучить ихъ твердо. Своей цѣли авторъ достигъ, главнымъ образомъ, обдуманнмъ употребленіемъ различнаго шрифта для обозначенія того, на что преимущественно ученикъ долженъ обратить свое вниманіе.

Таблицы эти могутъ заимѣть собою систематическую грамматику, по крайней мѣрѣ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ обученія нѣмецкому языку, тамъ, гдѣ въ основаніе преподаванія положенъ методическій учебникъ этого языка; но и рядомъ съ систематическимъ учебникомъ грамматическія таблицы могутъ употребляться не безъ пользы.

Методически обработанный сборникъ алгебраическихъ задачъ съ текстомъ общихъ объясненій и разнообразными практическими указаніями. Часть I, для классовъ третьяго и четвертаго. Составили *Н. А. Шапошниковъ*, доцентъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, и *Н. К. Вальцовъ*, преподаватель Коломенской гимназіи. Москва. 1887. Стр. VII+221. Цѣна 80 коп.

Названный сборникъ принадлежитъ къ числу тѣхъ весьма рѣдкихъ учебныхъ книгъ, которыя съ первой страницы привлекаютъ къ себѣ напряженное вниманіе рецензента и затѣмъ все болѣе и болѣе обнаруживаютъ высокое достоинство труда авторовъ.

Предназначеніе сборника и его качества указаны въ „Предисловіи“, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „Составленіе предлагаемой книги имѣло цѣлью дать для среднихъ учебныхъ заведеній серьезно обработанное практическое руководство по алгебрѣ, необходимое по размѣру современныхъ требованій и вполне достаточное для удовлетворенія этимъ требованіямъ... Первая часть сборника содержитъ 4580 задачъ. Книга эта не есть только задачникъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова, а представляетъ полное практическое руководство по алгебрѣ, замѣняющее въ младшихъ классахъ всякій иной учебникъ. Чтобы придать сочиненію подобный характеръ, отличающій его отъ однородныхъ трудовъ другихъ авторовъ, составителями приложены къ каждому отдѣлу задачъ краткія поясненія, напоминающія ученикамъ значеніе терминовъ, правила дѣйствій и наиболѣе важныя практическія приемы... Въ книгѣ собрано только то, что необходимо или по крайней мѣрѣ полезно... Излишнія затрудненія въ вычисленіяхъ тщательно устранялись и въ большинствѣ случаевъ выбраны

такія числа, при которыхъ достигаются упрощенія въ производствѣ дѣйствій и результаты также выражаются просто“...

Внимательное ознакомленіе со всѣми параграфами этого сборника, съ задачами, съ порядкомъ ихъ размѣщенія и съ объяснительнымъ текстомъ, убѣждаетъ, что все обѣщанное авторами въ „Предисловіи“ дѣйствительно ими выполнено; а потому это „Предисловіе“, замѣчательное между прочимъ по мѣткому и вѣрному взгляду на алгебру и на условія успѣшнаго обученія этой наукѣ, есть вѣрнѣйшая характеристика книги и правильная оцѣнка ея главныхъ качествъ. Эта книга не учебное пособие, не просто задачникъ, а руководство къ изученію началъ алгебры по самому благонадежному и цѣлесообразному методу, и именно—сознательнымъ и прочнымъ усвоеніемъ способовъ различныхъ преобразованій алгебраическихъ формулъ, сопряженнымъ съ яснымъ пониманіемъ сущности символовъ, смысла формулъ, значенія преобразованій этихъ формулъ и т. под. Нельзя не назвать блистательнымъ такой результатъ труда, несомнѣнно огромнаго, составителей сборника, въ интересахъ учениковъ и вообще на пользу учебнаго дѣла.

По своему педагогическому значенію сборникъ гг. Шапошникова и Вальцова заслуживаетъ подробнѣйшаго разбора. Но чтобы познакомить читателей съ его достоинствами, достаточно ограничиться очеркомъ котораго-нибудь одного изъ отдѣловъ, считающихся наиболѣе трудными, на примѣръ—четвертаго, имѣющаго заглавіемъ: „Разложеніе выраженій на простыхъ множителяхъ“, и о которомъ въ „Предисловіи“ справедливо сказано, что „въ этомъ отдѣлѣ настоящій сборникъ не имѣетъ себѣ соперниковъ по числу задачъ, разнообразію ихъ и тщательной классификаціи“. Во многихъ задачникахъ и учебникахъ элементарной алгебры этому разложенію удѣлено весьма мало мѣста, какъ бы предмету не особенно важному, но затрудняющему учениковъ, и въ большинствѣ случаевъ упражненія въ этихъ задачахъ ведутся безъ должной системы. Между тѣмъ это разложеніе, по существу однозначущее съ рѣшеніемъ уравненій, составляетъ если не исключительную (какъ полагали нѣкоторые изъ знаменитыхъ математиковъ), то во всякомъ случаѣ одну изъ главнѣйшихъ цѣлей алгебры и исчерпываетъ большую часть ея содержанія; поэтому уже то, что въ сборникѣ гг. Шапошникова и Вальцова этимъ упражненіямъ придана соответствующая имъ важность, слѣдуетъ признать однимъ изъ существенныхъ его достоинствъ. Упражненія эти приведены въ такую систему, что ученикъ, переходя незамѣтно отъ

случаевъ крайне простыхъ къ болѣе и болѣе сложнымъ и руководствуясь весьма ясными и удобопримѣнимыми указаніями, помѣщенными въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ сборника, не встрѣчаетъ особыхъ затрудненій даже въ наиболѣе сложныхъ задачахъ, пріобрѣтаетъ прочный навыкъ въ этихъ разложеніяхъ, а слѣдовательно, и вообще въ алгебраическихъ дѣйствіяхъ. Въ этомъ отдѣлѣ сборника обращаетъ на себя особенное вниманіе еще то обстоятельство, что при выборѣ задачъ различныхъ типовъ, авторы не ограничивались лишь тѣмъ соображеніемъ, чтобы задачи соотвѣтствовали типу, но избирали по преимуществу такія, которыя, выполнивъ удовлетворяя сказанному условію, имѣли бы вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственную связь съ дальнѣйшими частями науки. Напримѣръ. На стр. 80 и 81 кратко, но весьма ясно и полно, сказано о разложеніи трехчленовъ вида x^2+ax+b на простыхъ множителей, указанъ способъ этого разложенія и обстоятельно разъяснено, когда такой трехчленъ можно представить въ видѣ произведенія $(x+c)(x+d)$ и когда нельзя; затѣмъ на слѣдующихъ двухъ страницахъ говорится о подобномъ же разложеніи многочленовъ высшихъ степеней (имѣющихъ слѣдовательно соизмѣримые корни), и всѣ эти объясненія сопровождаются искусно подобранными примѣрами, вполне достаточными для пріобрѣтенія навыка въ такого рода разложеніяхъ. Такимъ образомъ, не выходя изъ предѣловъ начальныхъ упражненій и не усложняя предмета добавочными свѣдѣніями, не находящимися съ нимъ въ непосредственной связи, авторы сборника однимъ лишь искуснымъ выборомъ задачъ и надлежащимъ ихъ разъясненіемъ уже осваиваютъ учениковъ съ понятіями и методами, предстоящими имъ въ дальнѣйшихъ частяхъ науки. Подготовленные такимъ путемъ, ученики не только не будутъ утраиваемы или отталкиваемы отъ науки трудностями ея дальнѣйшаго изученія, но напротивъ того, будутъ привлекаться къ ней, такъ какъ съ каждымъ новымъ отдѣломъ для нихъ наука будетъ дѣлаться все болѣе и болѣе удободоступною; они будутъ сознавать возростаніе своихъ алгебраическихъ свѣдѣній и вообще развитіе своихъ математическихъ способностей.

Есть, однако, и въ разсматриваемомъ сборникѣ нѣкоторыя частности, которыя хотя и нельзя назвать „недостатками“—въ грубомъ смыслѣ этого слова, но желательно было бы ихъ измѣнить, что, вѣроятно, авторы и сдѣлаютъ въ слѣдующихъ изданіяхъ. Изъ такихъ частности заслуживаютъ указанія слѣдующія:

1) Авторы сборника дѣлаютъ нѣкоторыя отступленія отъ уста-

новившейся издавна и общепринятой терминологии, не вызванныя необходимостью, и которыя притомъ нельзя признать удачными. А именно, они вводятъ названія: сложнѣйшій общій множитель— вмѣсто наибольшій общій дѣлитель (стр. 88), простѣйшее общее кратное— вмѣсто наименьшее кратное (стр. 92), разностное отношеніе и разностная пропорція— вмѣсто ариметическое отношеніе и ариметическая пропорція, кратное отношеніе и кратная пропорція— вмѣсто геометрическое отношеніе и геометрическая пропорція (стр. 127 и 128). Измѣненія научныхъ терминовъ, не вызваннаго крайнею необходимостью (а въ особенности измѣненія произвольнаго или вводимаго лишь для того, чтобы согласовать эти термины съ его точкою зрѣнія на выражаемыя ими понятія), должно тщательно избѣгать, въ особенности въ учебныхъ книгахъ. Попытки такого рода всегда бываютъ неудачны: онѣ производятъ путаницу въ понятіяхъ или, по крайней мѣрѣ, колеблютъ опредѣленность и точность языка науки. Если весьма важна охрана обыкновенной разговорной рѣчи отъ новаторствъ, то еще несравненно важнѣе консерватизмъ въ научной терминологіи. Всѣ научныя названія болѣе или менѣе условны и не могутъ быть иными; слѣдовательно, если не обратить вниманія на эту условность, то почти каждое изъ нихъ можетъ быть забраковано, какъ недостаточно точное или неудобное въ томъ или другомъ отношеніи; но, очевидно, такая оцѣнка терминовъ была бы неправильна и нежелательна. Авторъ, знакомя читателей съ какимъ-либо научнымъ терминомъ, долженъ разъяснить условность его смысла и, если имѣется въ томъ надобность, предостеречь отъ присвоенія этому термину не принадлежащаго ему значенія; такое объясненіе будетъ вполнѣ достаточно и несравненно лучше, чѣмъ замѣна термина другимъ, болѣе правящимся автору. Употребленныя въ сборникѣ названія, вмѣсто общепринятыхъ, не менѣе условны, чѣмъ эти послѣднія. Напримѣръ, въ терминѣ „сложнѣйшій общій множитель“ слово „сложнѣйшій“ имѣетъ смыслъ столько же условный, сколько и слово „наибольшій“ въ терминѣ „общій наибольшій дѣлитель алгебраическихъ выраженій“: на стр. 1 сборника было сказано, что выраженіе называется сложнымъ, „если входитъ или подразумѣвается нѣсколько знаковъ дѣйствій“; на основаніи этого ученикъ въ правѣ сказать, что выраженіе $x^3 + ax^2 + a^2x + a^3$ сложнѣе разности $x^4 - a^4$, ибо въ первомъ подразумѣвается 11 дѣйствій (по два умноженія въ каждомъ изъ четырехъ членовъ и три сложенія), а во второмъ только

7 дѣйствиій (по три умноженія въ каждомъ изъ двухъ членовъ и одно вычитаніе). Подобное же замѣчаніе можетъ быть примѣнено къ термину „простѣйшее общее кратное“. Что же касается названій, употребленныхъ въ этомъ сборникѣ, для отношеній и пропорцій, то они еще болѣе не выдерживаютъ критики; напримѣръ, терминъ „кратное отношеніе“ ни въ какомъ смыслѣ не можетъ быть предпочтенъ установившемуся съ древнихъ временъ термину „геометрическое отношеніе“: названіе такого отношенія кратнымъ есть явное противорѣчіе понятію о кратности состава одного числа изъ другаго. (Развѣ преддущій членъ пропорціи долженъ быть кратнымъ своего послѣдующаго?)

2) Напрасно также сужено понятіе о формулѣ, а именно сказано (стр. 4): „Формулой называется соединеніе двухъ выраженій посредствомъ знака равенства или неравенства“. Весьма часто слову „формула“ придается болѣе широкій смыслъ, который не было надобности ограничивать; ничто не препятствуетъ, напримѣръ, назвать $a+b$ формулой даже и тогда, когда это $(a+b)$ не сравнивается ни съ какимъ другимъ выраженіемъ.

3) Въ отдѣлѣ VI параграфы, относящіяся до рѣшенія уравненій, обработаны съ тщательностью, соотвѣтствующею сказанному въ „Предисловіи“ объ этомъ отдѣлѣ: „При построеніи его серьезно разработана теоретическая часть, обращающаяся въ этомъ отдѣлѣ въ нормальный учебникъ и ставящая цѣлью то, чтобы ученики не механически, а вполне сознательно и частью самостоятельно усвоили себѣ первый и основной методъ алгебры“. Слѣдовало бы однако указать въ задачахъ отъ № 195 до № 200 которая изъ буквъ принимается за неизвѣстную. Въ эти задачи входятъ буквы: $k, l, u; m, n, p, v; p, q, r, w$, и ученику приходится угадать, что въ первыхъ двухъ уравненіяхъ за неизвѣстную принята u , въ слѣдующихъ двухъ v , а въ двухъ послѣднихъ уравненіяхъ w .

4) Въ параграфѣ о составленіи системы уравненій сказано (стр. 190): „Для рѣшенія определенной задачи, содержащей нѣсколько неизвѣстныхъ, нужно имѣть столько различныхъ условій, сколько есть неизвѣстныхъ. Столько же слѣдовало бы составить уравненій. Но обыкновенно не всѣ неизвѣстныя обозначаются независимо одно отъ другаго отдѣльными буквами, а выбираются нѣкоторыя главныя неизвѣстныя и черезъ нихъ, а также черезъ данныя величины, выражаются всѣ остальные неизвѣстныя. Въ такомъ случаѣ должно оказаться столько уравненій, сколько неизвѣст-

ныхъ обозначено разными буквами⁴. Но вслѣдъ за этимъ, вполне важнымъ и весьма полезнымъ практическимъ указаніемъ, приводятся, какъ примѣры для составленія системы уравненій, такія задачи какъ 441 или 442 и нѣкоторыя другія, которыя безъ всякаго затрудненія могутъ быть рѣшены съ помощью одного уравненія съ однимъ неизвѣстнымъ, и подобныхъ которымъ достаточное число было уже приведено въ § 5 того же отдѣла. А также на стр. 199 задача № 471 и нѣкоторыя за нею слѣдующія, легко рѣшаемыя съ помощью одного уравненія съ однимъ неизвѣстнымъ, отнесены къ 1 азряду задачъ, требующихъ для своего рѣшенія трехъ уравненій съ тремя неизвѣстными. По всей вѣроятности, такое кажущееся противорѣчіе вышесказанному авторами введено ими преднамѣренно, съ цѣлью указать возможность приводить одну и ту же задачу и къ большому, и меньшему числу уравненій; но въ такомъ указаніи не предстояло надобности.

5) Опечатокъ въ книгѣ весьма мало, и списокъ ихъ приложенъ. Встрѣчаются однако опечатки, не включенныя въ списокъ. Напримѣръ, въ двухъ послѣднихъ задачахъ страницы 22 пропущенъ показатель 3 надъ знакомъ радикала; на стр. 46, въ 5 строкѣ параграфа 5, пропущено слово „вычитаемаго“.

Совокупность достоинствъ разсматриваемой книги заставляеть желать, чтобы ея авторы довели до конца начатое ими дѣло и оказали старшимъ классамъ среднихъ учебныхъ заведеній такую же услугу, какую изданіемъ первой части своего сборника они оказали третьему и четвертому классамъ.

Курсъ женскихъ рукодѣлій, съ 1007 рисунками въ текстѣ, изданіе редакціи журнала Вѣстникъ моды. С.-Пб. 1887. 390 стр. Цѣна 3 руб., безъ пересылки.

Книга эта составляетъ сборникъ разнообразныхъ работъ, созданныхъ женскимъ досугомъ, которыя расположены въ порядкѣ постепенной трудности ихъ исполненія, начиная съ простаго обыкновеннаго шитья иглою до самыхъ замысловатыхъ вышивокъ и плетеній. Богатый разнообразіемъ матеріалъ распределенъ въ книгѣ на четыре части, изъ коихъ первая (стр. 1—101) содержитъ въ себѣ описаніе производства работъ иголкой, а именно: шитья (глава 1-я), штопку и починку бѣлья и платьевъ (глава 2-я), русское шитье-вышиванье (глава 3-я), рѣшетки и меретки (глава 4-я), шитье гладью (глава 5-я) шитье золотомъ (глава 6-я), шитье по канвѣ (глава 7-я) и шитье по

тюлю (глава 8-я); часть вторая (стр. 102—265) заключаетъ въ себѣ вязанье на спицахъ (глава 1-я), въ тамбуръ (глава 2-я), филе (глава 3-я), фриволите (глава 4-я), макраме (глава 5-я); часть третья (стр. 266—338) описываетъ кружевные работы, русскія кружева (глава 1-я), ирландскія кружева (глава 2-я), смирнскія кружева (глава 3-я) и тонкое кисейное кружево (глава 4-я); наконецъ, часть четвертая (339—384) описываетъ такъ-называемыя фантазіи, какъ-то: шитье-вышиванье смирнское, мальтійское, турецкое, мароккское, испанское, румынское, китайское, восточное, шведское, гобеленовое, османское, сербское, гринвей, булонское, флорентійское, венгерское, пике, рококо, ренессансъ, стебельчатое, узелковое, гипюрное, синелевое; скобленіе по кожѣ, работы изъ бумажной канвы, изготовленіе накладныхъ цвѣтовъ изъ сукна, работы изъ кожи, изготовленіе восковыхъ цвѣтовъ, рѣзбу по дереву, работу брызгами и живопись по бархату. Въ прибавленіи (стр. 385—390) сообщены способы и приемы сниманія узора, перевода рисунка на матерію, измѣненіе рисунка, приготовленіе клея для накладной работы, расправленіе и крахмаленіе работы, мытье, крахмаленіе, глаженіе и накалываніе кружевъ, мытье цвѣтной бумаги и пестрыхъ вышивокъ.

Въ изложеніи, по каждому отдѣлу работъ, сообщается сначала объ орудіяхъ и матеріалахъ, употребляемыхъ при исполненіи той или другой работы, и затѣмъ описывается самое исполненіе работы, которое послѣдовательно объясняется соответствующимъ изложенію рисункомъ. Изложеніе вездѣ правильное, понятное; рисунки большею частью довольно ясны, но въ нѣкоторыхъ рисункахъ густота краски затемняетъ очертаніе на столько, что требуется значительное усиліе для глаза, чтобы различить отдѣльныя части рисунка.

Въ предисловіи отъ издателя заявляется, что для составленія „Курса женскихъ рукодѣлій“ редакціи Вѣстника моды потребовалось почти три года, и что къ участію въ этомъ трудѣ привлечены были лучшіе спеціалистки въ области женскихъ рукодѣлій: Е. Е. Новосильцева, Ю. Г. Ванифантьева, А. Г. Надпорожская, А. О. Артикова и др. Приобрѣтенная этими дамами извѣстность въ отличномъ знаніи всего, что касается вышиванья и кружевнаго плетенія, служитъ полнымъ ручательствомъ за правильность и практичность излагаемыхъ ими приемовъ и способовъ исполненія той или другой работы. Кромѣ того, редакція говоритъ, что она, при составленіи курса женскихъ рукодѣлій, воспользовалась всѣмъ, написаннымъ за границей по этому предмету, а потому „Курсъ женскихъ рукодѣлій“ пред-

ставляетъ собою книгу, которая будетъ самымъ полнымъ руководствомъ по женскимъ руководѣльямъ, изданнымъ когда-либо и на какомъ-либо языкѣ.

Въ виду всего вышензложеннаго и принимая во вниманіе, что въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ послѣднее время обращено особенное вниманіе на обученіе руководѣльямъ, книгу, изданную редакціей журнала Вѣстникъ Моды, слѣдуетъ считать чрезвычайно полезнымъ пособіемъ при обученіи руководѣльямъ, какъ для ученицъ, такъ и для руководящихъ ими учительницъ.

Новый курсъ французской кройки бѣлья дамскаго, мужскаго и дѣтскаго, усовершенствованный, издательницы и учительницы *Анжелики Адамовичъ*. С.-Пб. 1887. 16 страницъ, съ приложеніемъ атласа подъ заглавіемъ: Курсъ французской кройки бѣлья дамскаго, мужскаго и дѣтскаго, усовершенствованный, 24 листа чертежей.

Руководство къ самоученію французской кройки и шитья дамскихъ нарядовъ, новая метода, издательницы и учительницы кройки и шитья *Анжелики Адамовичъ*. С.-Пб. 1887. 8 страницъ, съ приложеніемъ атласа подъ заглавіемъ: Школа кройки и шитья, новая французская метода, усовершенствованная, 20 листовъ чертежей.

Въ первой брошюрѣ на стр. 2 авторъ, объясняя поводъ и цѣль составленія и изданія руководства, говоритъ, что это руководство, послѣ изученія его многими, доказало несложность чертежей, удобопонятныхъ для всякаго возраста безъ помощи учителей, и указываетъ на небезполезность руководства для учащихъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ видѣ пособія во время ученія и впослѣдствіи. На стр. 2 начинается и на 13 стр. кончается изложеніе правилъ кройки бѣлья, состоящее въ указаніи сначала — по какимъ направленіямъ человѣческаго тѣла нужно снимать мѣрки, и потомъ, какъ начертить выкройку по снятымъ мѣркамъ мужской рубашки и кальсоновъ, дамскихъ дневной и ночной рубашекъ, ночной кофты, что и вырѣзывается на чертежѣ первыхъ 13 листовъ атласа. На стр. 14 и 15 приведенъ перечень разныхъ предметовъ бѣлья дамскаго, дѣтскаго, безъ всякаго объясненія; къ этому перечню относятся чертежи на послѣднихъ 11 листахъ атласа. На послѣдней стр. 16 сказано о замѣнѣ сантиметровой мѣрки масштабомъ безъ всякаго разъясненія значенія масштаба.

По разсмотрѣніи „Новаго курса французской кройки бѣлья“, оказывается, что по этой книгѣ совсѣмъ не возможно составить выкройку, что число измѣреній для мужской рубашки, предлагаемое г-жею Ада-

мовичъ (7 снимковъ), чрезмѣрно велико и бесполезно; извѣстно, что всѣ хорошіе портные и портники снимаютъ только двѣ мѣрки—воротъ и длину рукава, и въ крайнихъ случаяхъ только 3-ю мѣрку—длину переда. Далѣе, числовыя данныя въ сантиметрахъ для черченія выкройки указаны неправильно и безъ объясненія, какъ по одному размѣру дѣлать выкройки на всѣ возрасты; такимъ образомъ исполненіе этихъ выкроекъ не возможно. Въ описаніи черченія выкройки кофты не указано измѣреній (снимки мѣрокъ), по которымъ должно кроить и составить отдѣльныя части кофты, а по выкройкѣ лифа кроить кофту можетъ только такая особа, которая хорошо умѣетъ кроить и шить бѣлье. Со стороны понятности изложенія въ „Новомъ курсѣ“ слѣдуетъ признать многія мѣста почти безграмотными, такъ какъ встрѣчаются предложенія безъ подлежащаго, а на согласованіе прилагательныхъ съ существительными не обращено ни малѣйшаго вниманія, также какъ и на падежи. Такія погрѣшности противъ русскаго языка нельзя отнести къ опечаткамъ, особенно въ виду незначительнаго размѣра текста въ брошюрѣ и въ атласѣ, къ ней относящемся.

Вторая брошюра г-жи Адамовичъ есть не что иное, какъ отдѣльная перепечатка предисловія первой брошюры и затѣмъ страницъ 9 (№ 13)—13 и 15—16 той же первой брошюры, со всѣми вышеуказанными недостатками.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОНИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

I.

НОВОРОССІЙСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1886 ГОДУ.

Къ 1-му января 1887 года число штатныхъ преподавателей въ Новороссійскомъ университетѣ было слѣдующее: на историко-филологическомъ факультетѣ—ординарныхъ профессоровъ 10, экстраординарный 1, лекторовъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ 4; на физико-математическомъ — ординарныхъ профессоровъ 13, экстраординарныхъ 3; на юридическомъ — ординарныхъ профессоровъ 6, экстраординарный 1. Кромѣ того, состоялъ по штату профессоръ богословія. По всѣмъ тремъ факультетамъ штатныхъ преподавателей было: профессоръ богословія, ординарныхъ профессоровъ 29, экстраординарныхъ 5, лекторовъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ 4, итого 39 лицъ. Сравнительно съ предыдущимъ годомъ, въ 1886 году было двумя ординарными профессорами болѣе и двумя экстраординарными—менѣе. Сверхштатный преподаватель былъ одинъ: экстраординарный профессоръ по кафедрѣ чистой математики. Приват-доцентовъ состояло 19, именно: 7—на историко-филологическомъ факультетѣ, 8—на физико-математическомъ и 4—на юридическомъ. Изъ числа профессоровъ двое не имѣли требуемой уставомъ степени доктора: исправляющій должность ординарнаго профессора церковной исторіи магистръ Войтковскій и экстраординарный профессоръ по кафедрѣ энциклопедіи права, магистръ Чижовъ.

Не замѣщенными въ 1886 году оставались слѣдующія кафедръ: по историко-филологическому факультету: а) философія, б) географія и этнографія, по юридическому: а) торговаго права и торговаго судопроизводства, б) международнаго права, в) полицейскаго права, г) финансоваго права, д) церковнаго права, е) политической экономіи и статистики, ж) гражданскаго права и гражданскаго судопроизводства. Преподаваніе по семи изъ поименованныхъ кафедръ поручено было профессорамъ другихъ предметовъ, а географія съ этнографіей и торговое право вовсе не преподавались. Общее число преподавательскихъ вакансій къ 1-му января 1887 года было 14, именно: 5 ординарнаго профессора и 9 экстраординарнаго.

Въ 1886 году факультеты имѣли засѣдаій: историко-филологическій 17, физико-математическій 24 (изъ нихъ два публичныхъ), юридическій 23. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и лучшаго контроля надъ занятіями ихъ, студенты историко-филологическаго факультета по классической филологіи были раздѣлены для практическихъ занятій на четыре отдѣленія вмѣсто прежнихъ трехъ. Кромѣ преподавателей классической филологіи, практическія занятія велись и преподавателями другихъ предметовъ. Въ тѣхъ же видахъ на физико-математическомъ факультетѣ производились упражненія въ рѣшеніи задачъ и практическія занятія въ кабинетахъ и лабораторіяхъ; число задачъ было увеличено. Сверхъ того, по всѣмъ общеобязательнымъ предметамъ производились репетиціи, отъ одного до двухъ разъ въ полугодіе по курсу, а по предметамъ дополнительнымъ студентамъ задавались письменныя работы и требовались отъ нихъ рефераты о прочитанныхъ сочиненіяхъ. Юридическій факультетъ призналъ репетиціи главною формою повѣрки занятій студентовъ для зачета полугодій, предоставивъ въ то же время профессорамъ и преподавателямъ употреблять, съ согласія факультета, и другіе способы повѣрки, какъ-то рефераты, письменныя работы и т. п.

За сочиненія, представленныя на заданныя факультетами темы, удостоены награжденія медалями слѣдующіе студенты: золотыми — V семестра историко-филологическаго факультета Попруженко и окончившій курсъ по отдѣленію математическихъ наукъ Бржичковскій; серебряною — VII семестра историко-филологическаго факультета Нейфельдъ. Поименованными лицами представлены сочиненія: первымъ — „Географическія названія у Гомера“, вторымъ — „Опредѣленіе элементовъ эллиптической орбиты значительнаго эксцентриситета“.

тета изъ большаго числа наблюденій“, послѣднимъ— „По кодексамъ Θεодосія и Юстиніана изучить статьи о землевладѣніи и крестьянскомъ сословіи“. При историко-филологическомъ факультетѣ существуетъ премія И. Г. Вучины за лучшее драматическое сочиненіе для русскаго театра. Въ 1886 году комиссіею изъ трехъ профессоровъ факультета разсмотрѣны 33 представленныя сочиненія, изъ которыхъ премія удостоены два: въ 250 руб. — драма въ 5-ти дѣйствіяхъ подъ заглавіемъ „Своя вина“ и въ 100 руб. — комедія въ стихахъ въ одномъ дѣйствіи подъ заглавіемъ „Визитъ“.

Сверхъ исполненія служебныхъ обязанностей, профессора, преподаватели и другія служащія въ Новороссійскомъ университетѣ лица издали въ свѣтъ или помѣстили въ періодическихъ изданіяхъ слѣдующіе учено-литературные труды: профессора: Н. Кондаковъ напечаталъ „Histoire de l'art byzantin“ и „Византійскія церкви и памятники Константинополя“ и редактировалъ Труды VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ; В. Шерцль печаталъ въ Филологическихъ Запискахъ „Основные элементы языка и начала его развитія“, А. Трачевскій издалъ учебникъ средней исторіи и помѣстилъ статьи: въ Revue historique — „L'Espagne à l'époque de la révolution française“, въ газетѣ Новости — рецензіи на книги: Holland'a: „The rige of intellectual liberty“, Spüller'a: „Figures disparues“, „Depêches, circulaires, decrets, proclamations et discours de L. Gambetta“, въ Одесскомъ Вѣстникѣ — „Novicow: La polittique internationale“; Кочубинскій помѣстилъ: въ Archiv für slav. Philologie — „Eine Serbische Evangelienhandschrift“, въ Новомъ Времени — „Сектантское движеніе среди православныхъ сербовъ Австріи“, въ Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей — собранныя А. А. Андриевскимъ „Матеріалы, касающіеся Запорожья (1715 — 1774)“ и редактировалъ значительную часть XV тома названныхъ Записокъ; А. Кирпичниковъ издалъ 20 выпусковъ „Всеобщей исторіи литературы“, и помѣстилъ: въ Историческомъ Вѣстникѣ — т. XXIII сочиненія „Всеобщая литература въ нашихъ университетахъ“ и рецензіи на восемь книгъ и въ Одесскомъ Вѣстникѣ — двѣ статьи: „Объ И. С. Аксаковѣ“ и „О первомъ представленіи Ревизора“; В. Лигинъ напечаталъ въ Запискахъ Одесскаго отдѣленія русскаго технического Общества статью „О двигателяхъ для электрическаго освѣщенія театровъ“; Е. Сабининъ помѣстилъ въ Annali di mattematica pura applicata статью „Sur le minimum d'une intègrale“; Θ. Шведовъ напеча-

талъ двѣ статьи: въ журналъ русскаго физико-химическаго Общества — „Роль гидродинамики въ теоріи циклоновъ“ и въ *Revue scientifique* — „Les mouvements cycloniques“; А. Ковалевскій — три статьи: „Zur Verhalten des Rückengefäss und des guirlandenförmiges Zellenstrang der Musciden während der Metamorphosa“, „Zur Embryonalen Entwicklung der Musciden“ и „Исторія развитія Кавказскаго скорпіона“; В. Заленскій: въ *Zeitschrift für wiss. Zoologie* — „Zur Metamorphose des Pilidiums“ и въ *Biolog. Centralblatt* — „Ursprung der Heteroplastiden“; И. Синцовъ помѣстилъ въ Извѣстіяхъ геологическаго Комитета предварительный отчетъ о геологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ 1885 году въ Саратовской и Симбирской губерніяхъ; Н. Умовъ напечаталъ въ Запискахъ Одесскаго Отдѣленія Русскаго Техническаго Общества „О различныхъ системахъ электрическаго освѣщенія лампами каденія“; А. Коноповичъ въ Университетскихъ Запискахъ помѣстилъ отчетъ о сочиненіи на медаль подъ заглавіемъ: „Объ опредѣленіи вѣроятнѣйшихъ значеній элементовъ орбиты значительнаго эксцентриситета изъ большаго числа наблюденій“; А. Клоссовскій напечаталъ докладъ на международномъ конгрессѣ бальнеологовъ въ Біаррицѣ подъ заглавіемъ: „Traits caractéristiques du climat d'Odessa et la température de la mer Noire“ и помѣстилъ: въ Университетскихъ Запискахъ — „Образованіе грозъ на югѣ Россіи“ и „Метеорологическія наблюденія въ Одессѣ“, въ Запискахъ Общества естествоиспытателей — „Les orages en Russie“ и „Les orages au sud de la Russie“, въ журналъ *Matin* — „Electricité atmosphérique“, въ Сборникѣ Херсонскаго — „Отчетъ о метеорологическихъ наблюденіяхъ на станціяхъ дождевыхъ Херсонской губерніи съ мая по октябрь 1886 года“; П. Меликовъ помѣстилъ въ *Liebig's Annalen* статью: „Untersuchungen über die Glycidsäuren“. Приватъ-доценты: А. Маркевичъ напечаталъ брошюру „И. С. Аксаковъ“; Г. Аванасьевъ выпустилъ вторыми изданіями „Очеркъ дѣятельности Тюрго“ и „Внѣшняя политика Наполеона III“; Р. Прендель помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго Общества естествоиспытателей статью „Кристаллическія породы горы Кастель“; Ф. Каминскій напечаталъ въ Трудахъ С.-Петербургскаго Общества „Сравнительныя изслѣдованія по развитію и строенію пузырчатокъ (*Utriculari*)“. Сверхъ того, съ одобренія, на счетъ и отъ имени университета, въ Университетскихъ Запискахъ намечатаны слѣдующіе труды преподавателей: профессоровъ: Кочубинскаго —

„Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ Румянцовъ въ исторіи нашего просвѣщенія“, Успенскаго — „Переговоры въ Ямѣ Запольскомъ между московскими и польскими уполномоченными“, Клоссовскаго — „Грозные вихри“ и „Сводъ наблюдений Одесской метеорологической станціи“, Азаревича — „Полный курсъ римскаго права“, Сокольскаго — „Изъ лекцій по полицейскому праву“; приватъ-доцентовъ: Овсяннико-Куликовскаго — „Къ исторіи культа огня у индусовъ въ эпоху Ведъ“, Маркевича — 2-й выпускъ „Лекцій о гѣтописяхъ“, Гохмана — „О теоріи зацѣпленій“.

Публичныя лекціи въ 1886 году читали профессоръ Гротъ — „О душѣ въ связи съ современнымъ ученіемъ о силѣ“ и „Предѣлы знанія и антропоморфизмъ“, профессоръ Кирпичниковъ — „Жоржъ-Зандъ и Гейне“, профессоръ Шерцль — „Всемирный языкъ и начала человѣческой рѣчи“, профессоръ Успенскій — „Какъ возникъ на Руси восточный вопросъ“ и приватъ-доцентъ Овсяннико-Куликовскій — „Поклоненіе огню у древнихъ“. Командированы были: профессора Кондаковъ, Успенскій, Бочубинскій и Кирпичниковъ — въ Константинополь, для участія въ бывшемъ тамъ археологическомъ съѣздѣ, устроенномъ ученымъ обществомъ „Силлогосъ“, профессоръ Синцовъ — въ Саратовскую и Пензенскую губерніи, для геологическихъ изслѣдованій, и за границу профессора Меликовъ, Азаревичъ и Успенскій и лаборантъ Видгальтъ.

Къ 1-му января 1886 года въ Новороссійскомъ университетѣ состояло 576 студентовъ; въ теченіе 1886 года вновь поступило 172 (изъ гимназій 117, домашняго воспитанія по свидѣтельствамъ зрѣлости 18, изъ другихъ университетовъ 36, изъ другихъ учебныхъ заведеній 1); въ теченіе года вышло 160 (до окончанія курса 66, по окончаніи курса 94); затѣмъ къ 1-му январю 1887 года оставалось на лицо 588, то-есть, на 12 человѣкъ болѣе сравнительно съ предыдущимъ годомъ. Постороннихъ слушателей къ началу 1886 года было 43, къ началу 1887 года — 34, то-есть, на 9 менѣе противъ предыдущаго. Бывшіе къ началу 1887 года 588 студентовъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ — на историко-филологическомъ 64, на юридическомъ 327, на физико-математическомъ 197 (по отдѣленію математическихъ наукъ 102, по отдѣленію естественныхъ наукъ 95); б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 325, армяно-григоріанъ 18, римско-католиковъ 57, лютеранъ 9, евреевъ 178, магометанъ 1; в) по сословіямъ: сыновей дворянъ и чиновниковъ 250, духовнаго званія 49, почетныхъ гражданъ и купцовъ

1-й гильдіи 16, мѣщанъ, купцовъ 2-й гильдіи и разночинцевъ 224, крестьянъ 22, иностранныхъ подданныхъ 21, казачьяго сословія 6; г) по предварительному образованію: гимназистовъ 427, изъ другихъ учебныхъ заведеній 161; д) по учебнымъ округамъ, въ вѣдѣніи которыхъ находятся заведенія предварительнаго образованія: Петербургскаго учебнаго округа 50, Московскаго 21, Казанскаго 11, Оренбургскаго 1, Харьковскаго 42, Одесскаго 300, Кіевскаго 95, Виленскаго 5, Варшавскаго 14, Дорптскаго 2, Кавказскаго 45, заграничныхъ учебныхъ заведеній 2. Студенты изъ учебныхъ заведеній Одесскаго учебнаго округа (300) распределены были между факультетами слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 26, на физико-математическомъ 104 (по отдѣленію математическихъ наукъ 50, по отдѣленію наукъ естественныхъ 54), на юридическомъ 170. Изъ общаго числа бывшихъ въ 1886 году стипендіями пользовались 123 лица на сумму 29.520 руб., въ томъ числѣ изъ суммъ государственнаго казначейства 17.180 руб., изъ процентовъ пожертвованныхъ капиталовъ 8.600 руб., изъ суммъ, высылаемыхъ разными вѣдомствами 3.740 руб.; размѣръ стипендій—отъ 120 руб. до 420 руб. включительно; лишены стипендій были 5 студентовъ. Единновременными пособіями воспользовались 445 студентовъ на сумму 7.760 руб. 34 коп., въ томъ числѣ: изъ суммъ казны 1.965 руб. 4 коп., изъ частныхъ суммъ 6.331 руб., изъ процентовъ пожертвованныхъ капиталовъ 364 руб.; въ суммѣ, израсходованной на пособія, значатся 368 руб. 31 к., уплаченные за лѣкарства для студентовъ. Освобождено отъ платы за право слушанія лекцій 142 или 24, 1% общаго числа студентовъ; въ этомъ числѣ заключаются 94 стипендіата. Освобожденные отъ платы студенты распределяются по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: историко-филологическаго факультета 33, физико-математическаго 57 (отдѣленія математическихъ наукъ 34, отдѣленія наукъ естественныхъ 23), юридическаго факультета 52.

На основаніи дѣйствующихъ узаконеній, утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора зоологіи — магистръ Рѣпяховъ и возведенъ въ степень доктора ботаники, безъ представленія диссертации, профессоръ С.-Петербургскаго лѣснаго института Бородинъ; б) въ степени магистра зоологіи — кандидатъ Нуссбаумъ; в) въ степени кандидата—40 (по историко-филологическому факультету 6, по физико-математическому 15, по юридическому 19); г) въ званіи дѣйствительнаго студента—74 (по историко-филологическому факультету 8, по физико-математическому 21, по юридическому 45);

изъ утвержденныхъ въ званіи дѣйствительнаго студента 38 лицамъ предоставлено право представить диссертацию на степень кандидата.

Для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ механики отправленъ за границу на два года стипендіатъ университета, магистрантъ Занчевскій. Съ тѣмъ же цѣлю оставлены, на два же года, при университетѣ четыре (кандидаты: Шепелевичъ — по исторіи западно-европейской литературы, Піонтковскій — по уголовному праву, Логиновскій — по исторіи русскаго права, и Вуде — по русскому языку и русской литературѣ).

Денежныя средства университета находились въ слѣдующемъ положеніи. Штатныя суммы: къ 1-му января 1886 года оставалось 25.464 руб. 43 коп.; на содержаніе университета въ 1886 году отпущено изъ государственнаго казначейства по росписи 288.118 руб. 43 коп.; въ 1886 г. израсходовано 272.911 р. 63 к.; затѣмъ къ 1-му января 1887 г. остались не израсходованными по неполученію счетовъ на сдѣланные въ 1886 году заказы 15.206 р. 80 к. Специальныя средства: а) сборъ платы за слушаніе лекцій: оставалось отъ 1875 года 2.661 руб. 98 коп., въ 1886 году поступило 4.550 руб., израсходовано 5.712 руб. 67 коп., къ началу 1887 года имѣлось въ остаткѣ 1.499 руб. 31 к.; б) пожертвованные капиталы: къ 1-му января 1886 года состояло 194.962 руб. 9 коп., въ теченіе года поступило 35.190 руб. 48 коп., израсходовано въ тотъ же срокъ 15.162 руб. 8 коп.; затѣмъ къ 1-му января 1887 года имѣлось въ остаткѣ 214.990 руб. 44 коп. Главнѣйшіе расходы изъ пожертвованныхъ капиталовъ слѣдующіе: на стипендіи студентамъ 7.635 руб. 88 коп., процентными бумагами, вышедшими въ тиражъ, а также проданными на удовлетвореніе расходовъ по командировкѣ за границу и на другія нужды, согласно волѣ завѣщателей, 3.500 руб., на пособія командированнымъ за границу 3.000 руб., на пособія студентамъ 364 руб., на стипендіи ученикамъ гимназій 360 руб.

При Новороссійскомъ университетѣ состоитъ Общество естествоиспытателей, составъ и дѣятельность котораго въ 1886 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: Администрацію Общества составляетъ совѣтъ; состоящій изъ президента, трехъ вице-президентовъ, трехъ членовъ совѣта, казначея и секретаря. Число членовъ Общества къ 1-му января 1887 года было 133, изъ нихъ 17 почетныхъ, 108 дѣйствительныхъ и 8 членовъ сотрудниковъ. Общество имѣло въ теченіе года 9 общихъ собраній, въ которыхъ сдѣланы слѣдую-

ція научныя сообщенія: В. В. Заленскимъ—„О Лейкартовской теоріи происхожденія паразитизма“ и „Объ эмбріональномъ развитіи немертнѣ изъ личинки *Pilidium*“; А. П. Старковымъ—„Къ исторіи алгебраическаго обозначенія“; Р. А. Пренделемъ—„О кристаллическихъ породахъ горной группы Кастель-Урага-Ай-Тодоръ въ Крыму“ и „О мимезіи вилуита“; М. А. Шульгинимъ—„О строеніи центральной нервной системы пресмыкающихся животныхъ“ и „О воздушныхъ мѣшкахъ *Vagapus'a*“; А. П. Долинскимъ—„О ртутныхъ рудахъ въ с. Никитовѣ“, А. В. Клоссовскимъ—„О дѣятельности Елисаветградской метеорологической станціи“, А. О. Ковалевскимъ—„О всасывающей способности средней кишки и около сердечныхъ вѣтвѣхъ у насѣкомыхъ“, И. М. Красилицомъ—„О нѣкоторыхъ грибныхъ болѣзняхъ на насѣкомыхъ и на бессарабскихъ виноградникахъ“; И. И. Мечниковымъ—„Къ ученію о печени моллюсковъ“, И. М. Морянимъ—„Къ исторіи развитія пауковъ“, Л. А. Рижави—„О вліяніи внѣшнихъ факторовъ на образованіе формы растений“, М. Д. Сидоренко—„О геологическомъ строеніи средней части Днѣпровско-ингульскаго междурѣчья въ Херсонскомъ уѣздѣ“, Б. Томашевскимъ—„Къ вопросу о нѣкоторыхъ анатомо-патологическихъ измѣненіяхъ въ головномъ мозгу у идиотовъ низшаго типа“. Математическое отдѣленіе Общества имѣло одно засѣданіе, на которомъ сдѣланы были три сообщенія: Ф. Н. Шведовымъ—„Объ одномъ видоизмѣненіи электрометра Томсона“, Н. С. Починскимъ—„О геометрическомъ доказательствѣ формулы Кардана для рѣшенія уравненій 3-й степени“, С. П. Зейлигеромъ—„Объ интегралахъ уравненій Лапласа“. Въ видахъ содѣйствія изслѣдованію природы Россіи, Общество снарядило въ 1886 году въ Крымъ и Бессарабію три экспедиціи: ботаническую, зоологическую и геологическую, израсходовавъ на это изъ собственныхъ средствъ 500 руб. Изъ экскурсантовъ одинъ сдѣлалъ уже сообщеніе въ Обществѣ, другой прислалъ заявленіе о результатѣ своихъ изслѣдованій. Третій экскурсантъ, занимавшійся изслѣдованіемъ распредѣленія растений въ Крымѣ, собравъ около 900 сосудистыхъ растений и небольшую коллекцію мховъ и лишайниковъ, пришелъ къ заключенію, что флора Крыма состоитъ изъ двухъ частей: флоры гористой части полуострова и флоры крымскихъ степей. Въ первой, соотвѣтственно высотѣ надъ уровнемъ моря, можно различать четыре, болѣе или менѣе рѣзко обособленныхъ флоры: южнаго берега, южнаго склона, возвышенныхъ платъ и сѣвернаго склона. Относительно степной части Крыма, экскурсантъ за-

ключилъ, что степная флора образуется на счетъ постепеннаго отступанія водныхъ бассейновъ и измѣняется съ постепеннымъ высыханіемъ, выщелачиваніемъ бывшаго дна и накопленіемъ гумуса въ флору полянную, затѣмъ пререйную и наконецъ ковыльную.—Естественно-историческое отдѣленіе Общества, продолжая издавать свои труды подъ заглавіемъ Записокъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей, выпустило въ 1886 году первые два выпуска XI тома своего органа, въ которыхъ напечатаны слѣдующія статьи: И. Морина „Къ исторіи развитія рѣчнаго рака“, В. Хмѣлевскаго—„Къ морфологии *Harlotrichum roseum* Corda“, А. Ковалевскаго и М. Шульгина—„Къ исторіи развитія кавказскаго скорпіона“, В. Хавкина—„Къ вопросу о питаніи энглеи и астазіи и значенія у нихъ ротоваго аппарата“, И. Красицкаго—„О грибахъ болѣзняхъ у насѣкомыхъ“ и „Матеріалы къ естественной исторіи и систематикѣ флагеллатъ“, Р. Пренделя—„Кристаллическія породы горы Капель и прилегающихъ къ ней мѣстностей“, А. Классовскаго—„Метеорологическія наблюденія, произведенныя въ Одессѣ, а также на дождевыхъ станціяхъ Херсонской губерніи. Май—августъ 1886 г.“, Н. Андрусова—„Къ геологіи Керченскаго полуострова“, М. Шульгина—„Строеніе цереброспинальной системы амфибій и рептилій“. Математическая секція выпустила VII томъ Записокъ, въ составъ котораго вошли статьи: А. Классовскаго—„*Les orages en Russie*“ и „*Les orages au sud de la Russie*“, К. Слетинскаго—„Къ вопросу о разложеніи аналитическихъ функцій въ непрерывныя дроби“, С. Зейлигера—„Страничка анализа“, А. Старкова и В. Габбе—„Русская библіографія по математикѣ, астрономіи, физикѣ и метеорологіи за 1885 годъ“, и А. Старкова—„Къ исторіи алгебранческаго обозначенія въ связи съ развитіемъ азбучной и музыкальной письменности“. Въ 1886 году Общество вошло въ сношеніе, съ обмѣномъ изданій, съ 35 новыми иностранными Обществами и учрежденіями, такъ что число такихъ Обществъ достигло къ 1887 году до 114, изъ которыхъ 94 въ европейскихъ государствахъ, 15 въ Америкѣ, 2 въ Африкѣ и по одному въ Азій и Австраліи. Число подобныхъ Обществъ и учреждений въ Россіи дошло до 132, въ томъ числѣ 39 губернскихъ статистическихъ комитетовъ, которымъ Общество безплатно высылаетъ свои изданія. Общество принимало участіе въ празднованіи 500-лѣтней годовщины Гейдельбергскаго университета, въ празднованіи 50-лѣтняго юбилея Кассельскаго Общества естествоиспытателей и въ торжественномъ открытіи памятника покой-

ному академику Бэру. Изъ числа сдѣланныхъ Обществу въ 1886 году пожертвованій особенный интересъ представляютъ присланныя почетнымъ членомъ Н. Ѳ. Фанъ-деръ-Флитомъ корни растенія Mandragog'ы, замѣчательныя по своей человѣкообразной формѣ. Съ цѣлю увеличенія объѣма изданіями съ иностранными обществами, Новороссійское Общество естествоиспытателей разрѣшило авторамъ печатать свои статьи, по собственному усмотрѣнію, въ „Запискахъ“ Общества на иностранныхъ языкахъ.

II.

АЛЕКСАНДРОВСКОЕ УЧИЛИЩЕ ДЛЯ ЭСТОВЪ.

Лифляндскій, Эстляндскій и Курляндскій генералъ-губернаторъ препроводилъ въ 1869 году на усмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія прошеніе эстовъ объ учрежденіи высшей народной школы для мальчиковъ, которую просители предполагали назвать Александровскою въ знакъ признательности къ памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра I за освобожденіе крестьянъ Прибалтійскихъ губерній. При этомъ просители выразили желаніе, чтобы школа находилась въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, а не верховнаго комитета земскихъ школъ, которому подвѣдомственны всѣ народныя школы Лифляндской губерніи. Министерство народнаго просвѣщенія не встрѣтило препятствія къ принятію школы въ свое вѣдѣніе и извѣстію ея изъ вѣдомства верховнаго комитета; но принимая во вниманіе, что осуществленіе предположенія эстовъ зависитъ отъ разрѣшенія открыть на учрежденіе ея подписку, министерство вошло по сему предмету въ сношеніе съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. По всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, объявленное министромъ правительствующему сенату, 25-го августа 1869 года:

„Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что значительное число эстовъ, руководимое желаніемъ почтить память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра I, положило основать высшую для мальчиковъ народную школу, предполагая назвать ее „Александровскою“ въ знакъ признательности за освобожденіе крестьянъ Прибалтійскаго края отъ крѣпостной зависимости, съ тѣмъ, чтобы школа эта была подвѣдомствена министерству народнаго просвѣщенія. Учредители

школы, принимая во вниманіе, что открытіе предположенной школы потребуетъ издержекъ, которыя не могутъ быть удовлетворены ихъ средствами, ходатайствуютъ о разрѣшеніи открыть повсемѣстную подписку для сбора добровольныхъ приношеній.

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра внутреннихъ дѣлъ объ этомъ докладу, въ 14-й день августа сего года, Высочайше соизволилъ на открытіе по имперіи подписки для сбора добровольныхъ приношеній на учрежденіе эстской высшей народной школы съ наименованіемъ оной Александровскою, съ тѣмъ, чтобъ утвержденіе плана и программы этой школы было предоставлено, по установленному порядку, министерству народнаго просвѣщенія; всѣ же распоряженія по открытію подписки, а также по приему и храненію могущихъ поступить пожертвованій, сосредоточить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ“.

Увѣдомляя о такомъ Высочайшемъ повелѣніи попечителя Дерптскаго учебнаго округа, министр народнаго просвѣщенія присовокупилъ, что имъ сообщено о томъ генераль-адъютанту Альбединскому на тотъ конецъ, чтобъ учредители представили въ свое время планъ и программу школы, каковыя должны сообразоваться съ имѣющими быть собранными по подпискѣ денежными средствами.

Въ 1870 году образовался комитетъ эстонскаго Александровскаго училища, утвержденный въ 1871 году министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Тогда же напечатано было приглашеніе къ пожертвованіямъ, подписанное предсѣдателемъ комитета учредителей учителемъ гимназіи І. Гуртомъ. Въ этомъ воззваніи былъ указанъ общій характеръ школы, которую желательно было открыть. По словамъ предсѣдателя комитета, имѣлось въ виду учредить училище, курсъ котораго былъ бы продолженіемъ курса приходской школы: „это должно быть хорошее увѣданое училище или средняя *Bürgerschule*“; предполагалось также приспособить будущее училище къ приготовленію сельскихъ учителей и присоединить къ нему педагогическіе курсы, сверхъ общихъ четырехъ классовъ. Но всѣ эти предположенія ставились въ зависимость отъ денежныхъ средствъ, какія будутъ собраны по подпискѣ: „планъ и программа училища должны быть составлены въ томъ объемѣ, какой будетъ достижимъ при средствахъ, собранныхъ подпискою“.

Въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ по открытіи подписки не было заявлено ничего болѣе опредѣленнаго относительно характера Александровскаго эстонскаго училища. Но въ концѣ 1882 года и въ

началъ слѣдующаго представлено было два проекта. Еще 1-го ноября 1881 года комитетъ обратился съ письмомъ къ попечителю Дерптскаго учебнаго округа и просилъ его о содѣйствіи къ учрежденію сельско-хозяйственной школы. Письмо подписано пасторами Юрманомъ и Эйзеншмитомъ и учителемъ гимназіи Блумбергомъ. 6-го ноября того же года попечитель ходатайствовалъ объ уступкѣ для училища казеннаго имѣнія Вольмарсгофъ. О томъ же подано было всеподданнѣйшее прошеніе крестьяниномъ Петерсеномъ. 5-го мая 1882 года директоръ департамента земледѣлія и сельской промышленности увѣдомилъ попечителя, что съ Высочайшаго соизволенія предписано управляющему государственными имуществами въ Прибалтійскихъ губерніяхъ составить предварительный проектъ безплатнаго отвода земли эстонскому Александровскому училищу отъ 200 до 300 десятинъ изъ угодій казенной мывы Вольмарсгофъ. При этомъ указано, что отводъ земли могъ бы состояться только подъ условіемъ учрежденія школы сельско-хозяйственнаго характера, по соглашенію съ министерствомъ государственныхъ имуществъ.

Между тѣмъ каждый изъ двухъ образовавшихся комитетовъ Александровской школы представилъ попечителю свой проектъ: въ основаніе перваго, представленнаго въ началѣ 1882 года, положенъ былъ курсъ уѣднаго училища, со включеніемъ въ него сельскаго хозяйства, и штатъ опредѣлялся въ 6,600 рублей. Во второмъ проектѣ, поступившемъ въ февралѣ 1883 года, предполагались съ нѣкоторыми отступленіями низшіе классы реального училища, и штатъ былъ исчисленъ въ 8,400 рублей. Ни одному изъ этихъ проектовъ не было дано движенія, равно какъ и дѣлу объ отводѣ казенной земли. Второй изъ указанныхъ проектовъ поданъ былъ и въ министерство народнаго просвѣщенія.

13-го октября 1885 года министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа о полученіи отъ министерства внутреннихъ дѣлъ увѣдомленія, что на собранныя по подпискѣ въ пользу Александровской школы деньги былъ въ 1874 году купленъ домъ стоимостью отъ 20 до 30 тысячъ рублей, и что осталъная сумма въ количествѣ до 70,000 рублей передана въ уѣдныя казначейства. Полагая, что собранная сумма дастъ возможность приступить къ открытію Александровскаго училища, министерство внутреннихъ дѣлъ считало желательнымъ немедленное учрежденіе школы въ такихъ размѣрахъ, чтобы она, довольствуясь на первое время наличною нынѣ собранною суммою, могла расширять свою программу

и учебный курсъ по мѣрѣ поступления новыхъ пожертвованій. Соглашаясь съ изложенными соображеніями, министр народнаго просвѣщенія съ своей стороны предложилъ попечителю округа составить по соглашенію съ Лифляндскимъ губернаторомъ, проектъ положенія и штата Александровской школы и представить таковой на утвержденіе министерства. При этомъ приложенъ былъ проектъ устава реальнаго училища, поступившій непосредственно въ министерство народнаго просвѣщенія въ маѣ 1883 года.

При разрѣшеніи постановленнаго министромъ вопроса необходимо было принять въ основаніе Высочайшее повелѣніе 14 августа 1869 г. и имѣть въ виду другія условія осуществимости желанія первыхъ учредителей училища. Несомнѣнно, что Высочайшее повелѣніе относилось къ народной школѣ выше того типа училищъ, которыя находились въ вѣдѣніи верховнаго комитета земскихъ школъ. Это явствуетъ изъ просьбы учредителей изъять школу изъ вѣдомства означеннаго комитета и подчинить ее министерству народнаго просвѣщенія. Поэтому училище по своему курсу должно было превышать курсъ приходскаго. Затѣмъ училище, получившее право именоваться Александровскимъ, должно было получить такое устройство, при которомъ какъ учащіе, такъ и учащіеся, пользовались бы правами; поэтому къ нему слѣдовало приложить опредѣленные для правительственныхъ учебныхъ заведеній уставъ и штаты. При выборѣ типа училищъ министерства народнаго просвѣщенія необходимо было остановиться на томъ изъ нихъ, ежегодное содержаніе котораго не превышаетъ 4,500 рублей, то-есть, процентовъ съ капитала, собраннаго на Александровскую школу, дабы не откладывать на долгіе годы осуществленіе училища. Наконецъ, было желательно, чтобъ Александровское училище могло удовлетворять постоянно выясняющимся потребностямъ населенія и впоследствии расширяться по мѣрѣ увеличенія средствъ на его содержаніе.

Во всемъ этимъ условіямъ соотвѣтствуютъ городскія училища по положенію 1872 года. Въ нихъ можетъ быть введено преподаваніе дополнительныхъ предметовъ, равно какъ при нихъ могутъ быть учреждаемы классы ремесленные и промышленные; изъ городскихъ училищъ воспитанники легче всего могутъ поступить въ училища реальныя; наконецъ, означенныя училища представляютъ наибольшія удобства для послѣдующаго преобразованія въ реальныя и промышленныя. По всемъ этимъ соображеніямъ, Лифляндскій губернаторъ и попечитель Дерптскаго учебнаго округа остановились на типѣ трехкласснаго

городскаго училища по образцу другихъ таковыхъ училищъ, открытыхъ въ послѣдніе два года въ Дерптскомъ учебномъ округѣ. Увѣдомляя о томъ г. министра народнаго просвѣщенія, попечитель просилъ о введеніи въ Александровское училище обязательнаго преподаванія эстонскаго языка, такъ какъ это преподаваніе имѣлось въ виду при открытіи подписки на школу. Предположенія попечителя были утверждены г. министромъ. Затѣмъ попечитель, по соглашенію съ губернаторомъ, представилъ г. министру проектъ попечительнаго совѣта Александровскаго городскаго училища. Внесенный г. министромъ проектъ, по разсмотрѣніи его въ комитетѣ министровъ, удостоился Высочайшаго утвержденія 29-го сентября 1887 года. Попечительство состоитъ изъ шести членовъ эстонцевъ; трое изъ нихъ утверждаются попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа по соглашенію съ Лифляндскимъ губернаторомъ, двое—по такому же соглашенію съ Эстляндскимъ губернаторомъ; шестой членъ есть учитель и инспекторъ Александровскаго эстонскаго училища. Утвержденіе инструкции для попечительства предоставлено г. министромъ попечителю. 14-го января 1888 года назначены слѣдующія лица членами попечительства: Петръ Гейнрихсонъ, Айнъ Хенно, священникъ Василій Инкъ, Я. Кервъ и Гуго Трефнеръ. Изъ нихъ избраны: Генрихсонъ—предсѣдателемъ, Кервъ—его товарищемъ, священникъ Инкъ казначеемъ, Хенно—его помощникомъ, и Трефнеръ—дѣлопроизводителемъ. Такое избраніе попечителемъ утверждено.

Послѣ совѣщаній, бывшихъ 8-го декабря 1887 года въ Дерптѣ между предназначенными членами попечительства и окружнымъ инспекторомъ, дѣйств. ст. сов. Спѣшковымъ, попечителемъ округа 14-го января 1888 года утверждена слѣдующая, составленная ими

Инструкция попечительному совѣту Александровскаго эстонскаго городскаго училища.

А. Составъ совѣта.

1. При Александровскомъ эстонскомъ городскомъ училищѣ для завѣдыванія хозяйственною частію и для ближайшаго содѣйствія успешному развитію сего училища находится попечительный совѣтъ, состоящій въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія.

2. Въ составъ попечительнаго совѣта входятъ: учитель-инспекторъ Александровскаго эстонскаго городскаго училища и пять членовъ изъ эстонцевъ, назначаемые по соглашенію попечителя учебнаго округа относительно трехъ съ Лифляндскимъ и относительно двухъ съ Эстляндскимъ губернаторомъ.

Примѣчаніе. Если по какимъ-либо обстоятельствамъ кто-либо изъ членовъ совершенно выбываетъ, то совѣтъ можетъ съ своей стороны представить кандидатовъ съ ходатайствомъ о назначеніи изъ числа ихъ новаго члена.

3. Члены попечительнаго совѣта избираютъ изъ своей среды на три года предсѣдателя, казначея и дѣлопроизводителя и кандидатовъ на случай замѣщенія, при чемъ лица, занимавшія эти должности, могутъ быть избираемы и на новые сроки.

Примѣчаніе. Учитель-инспекторъ не можетъ быть избираемъ ни предсѣдателемъ, ни товарищемъ его, ни казначеемъ.

4. Всѣ члены попечительнаго совѣта служатъ на благо Александровскаго эстонскаго городского училища безвозмездно, но на канцелярскія и другія потребности расходуется совѣтомъ необходимая сумма.

В. Собранія совѣта.

5. Попечительный совѣтъ собирается, по приглашенію предсѣдателя, не менѣе четырехъ разъ въ годъ (въ сентябрѣ, декабрѣ, апрѣлѣ и іюлѣ мѣсяцахъ), а когда представится надобность, то и чаще.

6. Собранія совѣта проводятся въ помѣщеніи Александровскаго эстонскаго городского училища.

7. Собраніе совѣта считается состоявшимся, когда въ немъ присутствовало не менѣе трехъ членовъ, кромѣ предсѣдателя, при чемъ необходимо присутствіе въ числѣ ихъ казначея и дѣлопроизводителя или ихъ замѣстителей.

8. Рѣшенія совѣта постановляются простымъ большинствомъ голосовъ наличныхъ членовъ; въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Постановленіямъ совѣта составляется протоколъ за подписью присутствующихъ членовъ. Копія съ протоколовъ представляются учебному начальству.

В. Порядокъ храненія и расходованія суммъ Александровскаго эстонскаго городского училища.

9. Вся собранная по Высочайше разрѣшенной подпискѣ сумма по день закрытія комитетовъ для сбора пожертвованій составляетъ основной неприкосновенный капиталъ Александровскаго эстонскаго городского училища, который долженъ быть обращенъ въ государственныя процентныя бумаги и храниться въ Дерптскомъ уѣздномъ казначействѣ. Расходуемы могутъ быть только проценты съ основнаго капитала. Означенные проценты, а также вновь поступающія въ попечительный совѣтъ пожертвованія въ пользу Александровскаго эстонскаго городского училища, а равно и плата за ученіе, записываются въ кассовую книгу и вносятся въ особомъ сундукѣ на храненіе въ Дерптское уѣздное казначейство. Суммами этими распорядается попечительный совѣтъ и расходуетъ ихъ исключительно на содержаніе Александровскаго эстонскаго городского училища, отдавая при этомъ отчетъ управленію Дерптскимъ учебнымъ округомъ.

Примчаніе. О количествѣ пожертвованій объявляется въ годовыхъ отчетахъ совѣта съ означеніемъ времени ихъ поступления.

10. Могуція образоваться, за удовлетвореніемъ всѣхъ нуждъ училища, въ концѣ года свободныя суммы, кромѣ необходимыхъ на текущіе расходы, образуются въ государственныя процентныя бумаги и присоединяются къ неприкосновенному капиталу училища. Кассовыя книги прихода и расхода за подлпись председателя и сирѣною дѣлопроизводителя ведетъ казначей совѣта.

11. Назначаемая на содержание Александровскаго эстонскаго городского училища сумма выдается учителю-инспектору за каждые три мѣсяца или за каждый мѣсяцъ впередъ. Учитель-инспекторъ, распорядясь этою суммою, обязанъ вести расходамъ точныя счеты, очиняя выдачи, кромѣ мелкихъ хозяйственныхъ расходовъ, надлежащими росписками въ кассовыхъ книгахъ, такъ чтобы попечительный совѣтъ имѣлъ во всякое время возможность удостовѣриться въ сообразномъ употребленіи отпущенныхъ денегъ.

Г. Права и обязанности попечительнаго совѣта.

12. Попечительный совѣтъ сносится въ надлежащихъ случаяхъ съ попечителемъ округа чрезъ директора народныхъ училищъ.

13. Попечительный совѣтъ имѣетъ печать съ наименованіемъ: „Попечительный совѣтъ Александровскаго эстонскаго городского училища“.

14. Попечительный совѣтъ имѣетъ право представлять кандидатовъ на учительскія вакансіи, а также на должность учителя-инспектора Александровскаго училища, каковыя ходатайства приемиются начальствомъ въ уваженіе.

15. Попечительный совѣтъ можетъ входить чрезъ директора народныхъ училищъ съ ходатайствами къ попечителю округа о введеніи въ курсъ училища новыхъ дополнительныхъ предметовъ обученія, объ учрежденіи при училищѣ, если позволяютъ средства, пансіона и о другихъ мѣрахъ и способахъ развитія и благоустройства Александровскаго училища. О замѣченныхъ недостаткахъ или упущеніяхъ не по хозяйственной части училища попечительство можетъ доводить до свѣдѣнія учебнаго начальства, не дѣлая отъ себя никакихъ распоряженій.

16. Попечительный совѣтъ, завѣдывая хозяйственною частью училища, озабочивается: а) изысканіемъ средствъ къ матеріальному улучшенію Александровскаго училища; б) слѣдить за исправностію училищныхъ зданій, за цѣлостію и сохранностію имущества училища; в) составляетъ ежегодную приходо-расходную сѣтку, однако безъ увеличенія оклада жалованья учителей по сравненію со штатами городскихъ училищъ 1872 г.; учителю-инспектору можетъ быть назначено особое вознагражденіе за завѣдываніе пансіономъ; г) наблюдаетъ за правильнымъ употребленіемъ суммъ, отпущенныхъ на содержание училища; д) опредѣляетъ размѣры платы за обученіе и пансіонъ; е) увольняетъ отъ платы за ученіе и пансіонъ недостаточныхъ учениковъ; ж) назначаетъ пособия бѣднѣйшимъ ученикамъ, отличающимся прилежаніемъ и благонавіемъ; з) назначаетъ вознагражденіе за уроки по дополнительнымъ предметамъ, а также по уважительнымъ причинамъ и пособия служащимъ, въ обоихъ случаяхъ испрашивая согласіе попечителя округа.

17. На обязанности попечительнаго совѣта лежитъ составленіе подробнаго годоваго отчета по хозяйственной части. Годовой отчетъ составляется не за гражданскій, а за учебный годъ, то-есть, отъ 1-го іюля по 31-е іюня, и печатается въ Эстляндскихъ и Лифляндскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ не позже истеченія перваго мѣсяца вслѣдъ за отчетнымъ годомъ. Напечатанный отчетъ долженъ быть въ нѣсколькихъ экземплярахъ представленъ попечителю округа, Эстляндскому и Лифляндскому губернаторамъ, а также разосланъ по возможности лицамъ, принимавшимъ дѣятельное участіе по сбору пожертвованій на учрежденіе Александровской эстонской школы.

Примчаніе. Въ отчетѣ непременно должно быть упомянуто о поступившихъ пожертвованіяхъ съ обозначеніемъ времени ихъ поступления.

III.

ОТКРЫТІЕ БѢЛОВѢЖСКАГО АЛЕКСАНДРОВСКАГО НАРОДНАГО УЧИЛИЩА.

8-го октября 1887 года, въ присутствіи попечителя Виленскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Сергіевскаго и многихъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ, при многочисленномъ стеченіи крестьянъ БѢловѢжской, Александровской и сосѣднихъ волостей, освящено вновь отстроенное въ селѣ БѢловѢжѣ зданіе Александровскаго народнаго училища въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Божѣ почившаго Государя Императора Александра II, и вновь устроенное училище попечителемъ округа объявлено открытымъ.

За нѣсколько дней до открытія училища начаты были, подъ руководствомъ инспектора Малиновскаго, приготовленія къ предстоящему торжеству и, благодаря дружнымъ усиліямъ членовъ строительнаго комитета и другихъ лицъ, все приведено было въ стройный порядокъ. Училищное зданіе, выстроенное въ русскомъ стилѣ, какъ снаружи, такъ и внутри, было украшено зеленью и флагами. Въ украшеніи зданія охотно приняли участіе, кромѣ отца-законоучителя, учителя и волостнаго старшины, учащіяся и мѣстные крестьяне. Въ среду, 7-го октября, всѣ приготовленія были окончены, и училищное зданіе имѣло праздничный видъ. Предъ главнымъ входомъ въ училище устроена была изъ зелени арка, на которой начертаны были слова: „Боже, Царя храни“, а видъ самымъ входомъ въ училище утвержденъ транспарантъ съ вензелемъ Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы. На фронтонахъ зданія симметрично расположена часть сслѣд., отд. 4.

жены были цифры, сдѣланныя изъ зелени; посрединѣ видно было число 25, а по сторонамъ годы 1855 и 1880, указывающіе на значеніе училища, какъ памятника двадцатипятилѣтняго благодѣтельнаго царствованія покойнаго Государя Императора. Все училищное зданіе обведено было гирляндами и елками, а вся площадь вокругъ него была усыпана пескомъ. Просторная и свѣтлая классная комната украшена была гирляндами и вѣнками, при чемъ на стѣнахъ расположены были картины по священной исторіи и географическія карты. Портреты Государей Александра III и Александра II, украшенные гирляндами, утверждены были на драпировкѣ изъ краснаго сукна съ позументами и кистями. Святыя иконы были обвиты вѣнками, предъ ними горѣли лампады.

Въ 8 часовъ вечера, 7-го октября, прибылъ въ село Бѣловѣжу изъ г. Бѣльска попечитель округа. Выстроенные рядами предъ училищемъ учащіеся, въ количествѣ 85 мальчиковъ и 34 дѣвочекъ, встрѣтили попечителя пѣніемъ гимна: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“. Не смотря на вечернее время, почти всѣ жители ближайшихъ къ училищу деревень собрались тутъ же.

8-го октября, въ 9 часовъ утра, раздался благовѣстъ къ литургіи, и попечитель прибылъ въ Бѣловѣжскую церковь, куда собрались и всѣ должностныя лица, какъ живущія въ Бѣловѣжѣ, такъ и пріѣхавшія по случаю открытія училища. Крестьяне собрались въ такомъ количествѣ, что почти половина изъ нихъ не имѣла возможности помѣститься въ храмѣ. Въ церкви совершена была заупокойная литургія по въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ II; затѣмъ была совершена краткая литія. Во время провозглашенія вѣчной памяти Государю Императору Александру II, всѣ опустились на колѣни и горячо молились о упокоеніи души Царя-Освободителя. Затѣмъ совершенъ былъ къ училищу крестный ходъ. Погода благоприятствовала торжеству, день былъ ясный. Впередѣ шли попарно ученики и ученицы Бѣловѣжскихъ училищъ; два мальчика несли двѣ иконы Спасителя, а одна изъ дѣвочекъ — икону Божіей Матери. Хоръ, руководимый учителемъ, пѣлъ тропарь „Спаси, Господи, люди Твоя“. Взрослые крестьяне несли хоругви, иконы и кресты. Далѣе шли священники, а за ними слѣдовали: попечитель, должностныя лица и множество крестьянъ, пришедшихъ изъ отдаленныхъ деревень, чтобы принять участіе въ торжествѣ. Крестный ходъ прослѣдовалъ отъ церкви къ училищу на протяженіи версты.

По прибытіи крестнаго хода въ училище, крестьяне съ хоругвями расположились у входа, а духовенство, начальствующіе, учащіе и учащіеся вошли въ классъ, и начато было освященіе зданія. Послѣ окрошенія зданія святою водою, законоучитель Бѣловѣжскихъ училищъ, священникъ Михаилъ Ширинскій, сказалъ навидательное слово, въ которомъ выяснилъ значеніе открываемаго училища, какъ памятника покойному Царю-Освободителю крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ заключеніе проповѣдникъ пригласилъ слушателей крестьянъ постараться быть достойными памятника: питать полную привязанность къ православію и быть всегда готовыми положить жизнь свой за Царя и дорогое отечество Россію. По окончаніи слова, провозглашено было многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому, вслѣдъ затѣмъ вѣчная память въ Божѣ почившему Государю Императору Александру II, при чемъ всѣ присутствующіе благоговѣнно преклонили колѣна и выслушали гѣніе „вѣчная память“, стоя на колѣняхъ. Провозглашеніемъ многолѣтія св. синоду, создателямъ и устроителямъ вновь открываемой школы, начальствующимъ, учащимъ и учащимся закончилось освященіе училищнаго зданія. Затѣмъ сдѣланъ былъ небольшой отдыхъ, дабы возможно было приготовить классъ къ совершенію акта.

Актъ начался пѣніемъ молитвы „Царю небесный“. Засимъ Гродненскій директоръ народныхъ училищъ прочиталъ историческій очеркъ возникновенія и устройства открываемой школы, а училищный хоръ пропѣлъ: „Слався, нашъ Русскій Царь“. Послѣ этого попечитель поздравилъ учащихъ и учащихся съ открытіемъ училища, при чемъ, вручая, какъ даръ отъ себя училищу, отцу-законоучителю святую икону Спасителя, а учителю—святое Евангеліе, далъ завѣтъ, дабы обученіе въ новооткрытомъ училищѣ совершалось подъ сѣнію Божественнаго Учителя въ полномъ послушаніи Его ученію и св. апостоловъ. „Изъ этой школы, какъ и всякой нашей школы“, пояснилъ попечитель, — „должны выходить люди не только грамотные, свѣдущіе и разумные, но вмѣстѣ—люди глубоко-вѣрующіе, богобоязненные, горячо любящіе свою святую православную церковь, безпредѣльно преданные Великому Государю нашему Императору Всероссійскому, вполне сознающіе и убѣжденные, что за счастье быть Его вѣрноподанными, и что за радость и честь быть истинными сынами великаго отечества нашего, Россіи. Таковъ завѣтъ мой“, сказалъ въ заключеніе попечитель, — „вамъ, учащіе, вамъ, учащіеся, и вамъ,

родители, посылающіе дѣтей въ школу“. Съ окончаніемъ этихъ словъ, хоръ пропѣлъ народный гимнъ: „Боже, Царя храни“, и громкое „ура“ присутствующихъ огласило стѣны зданія. Засимъ мѣстный волостной старшина подошелъ къ столу и отъ лица всего общества въ простыхъ, но теплыхъ словахъ выразилъ благодарность заботливому начальству за открытіе въ селѣ Бѣловѣжѣ многознаменательнаго училища. „Всѣ мы, жители Бѣловѣжской пущи“, сказалъ старшина, — „несказанно рады открытію у насъ училища въ память въ Божѣ почившаго Государа Императора Александра II, Отца и Благодѣтеля нашего. Покойный Царь былъ здѣсь среди насъ, какъ отецъ среди дѣтей, и многіе изъ насъ удостоились видѣть свѣтлыя Его очи и навсегда сохранили въ сердцахъ своихъ Его образъ. Мы всегда молимся о душѣ покойнаго Царя и знаемъ, что дѣти и внуки наши, выходя изъ этой школы, будутъ также, какъ и мы, горячо молиться о Немъ. Благодаримъ ваше превосходительство за ваши заботы о дѣтяхъ нашихъ; земно кланяемся и благодаримъ за школы, и особенно за хорошее въ нихъ обученіе дѣтей нашихъ. Мы счастливы, что у насъ открытъ памятникъ покойному Царю и просимъ ваше превосходительство повергнуть наши вѣрнопоподданческія чувства къ стопамъ Ихъ Императорскихъ Величествъ“.

Рѣчь старшины произвела сильное впечатлѣніе на слушателей. Поблагодаривъ его, попечитель далъ ему просфору. Послѣ того Гродненскій директоръ народныхъ училищъ обратился къ попечителю съ краткимъ словомъ, въ которомъ высказалъ, что Гродненская дирекція народныхъ училищъ считаетъ себя счастливою, имѣя въ числѣ подвѣдомственныхъ ей народныхъ школъ и новооткрытую школу, какъ дорогой памятникъ покойному Государю; что для дирекціи будетъ священнымъ долгомъ тотъ завѣтъ попечителя, и что дирекція неуклонно будетъ слѣдить за исполненіемъ этого завѣта въ полной увѣренности, что въ дѣтяхъ, учащихъ въ Бѣловѣжской школѣ, будутъ развиваться и укрѣпляться тѣ безпредѣльныя чувства любви и преданности престолу и отечеству, которыя всегда горѣли въ сердцахъ жителей этой мѣстности; директоръ въ заключеніе предложилъ дѣтямъ пропѣть: „Славься, нашъ Русскій Царь“, что было исполнено ими съ воодушевленіемъ. По окончаніи пѣнія, раздалось долго несмолкаемое ура, какъ дѣтей, такъ и крестьянъ. Такъ какъ училище открыто въ память двадцатипятилѣтняго царствованія Государа Императора Александра II, то директоръ счелъ умѣстнымъ подарить, и

какъ вновь открытому Александровскому мужскому училищу, такъ и Бѣловѣжскому женскому, иллюстрированную исторію этого царствованія, и вручая одинъ экземпляръ учителю, а другой учительницѣ, пригласилъ ихъ чаще читать дѣтямъ подаренныя книги и развѣснять прочитанное. Засимъ попечителемъ собственноручно розданы были всѣмъ ученикамъ и ученицамъ экземпляры Новаго Завѣта на славянскомъ языкѣ, а равно книги и брошюры религіозно-нравственнаго содержанія. Актъ заключился пѣніемъ молитвы „Достойно есть“. Тутъ же составленъ былъ актъ объ открытіи училища и подписанъ попечителемъ и всѣми присутствовавшими должностными лицами.

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

XI.

Римъ. $\frac{2-\text{го}}{14-\text{го}}$ мая 1887.

Туринъ.—Проф. Кора.—Преподаваніе географіи.—Университетъ.—Судьбы города послѣ перенесенія столицы во Флоренцію.—Искусственное орошеніе въ Пьемонтѣ.—Посѣщеніе канала Кавура.—Система орошенія.—Выкупъ канала правительствомъ.—Интересъ къ колоніальной политикѣ.—Ненависть къ Франціи.—Поѣздка въ Монкальери.—Метеорологическая обсерваторія.—Станціи и изданія Метеорологическаго общества.—Флоренція.—Институтъ высшихъ знаній.—Мечтанія и дѣйствительность.—Сношенія съ флорентійскими учеными.—Римъ.—Uffizio centrale di meteorologia; его организація.—Соединеніе астрономіи и метеорологіи.—Директоръ Таккини и его помощники.—Д-ръ Феррари.—Предполагаемая поѣздка въ Россію для наблюденія солнечнаго затмѣнія.—Наблюденія надъ динамизмомъ земли.—Работы де-Росси и другихъ ученыхъ.—Соотношеніе вулканизма, землетрясеній, теченія подземныхъ водъ и т. д.—Планъ ихъ совмѣстнаго изученія.—Устройство обсерваторій.—Значеніе трещинъ.—Экскурсія въ Албанскія горы.—Обсерваторія для наблюденія землетрясеній въ Рокка ди-Папа.—Метеорологическая станція на Монте Каво.

По переѣздѣ черезъ Альпы я уже засталъ настоящую весну, теплые дни и яркую зелень. Первая остановка была въ Туринѣ. Прежде, чѣмъ отыскать кого-либо въ городѣ, пришлось, благодаря италіанскимъ таможеннымъ порядкамъ, потерять много времени.

Получивъ наконецъ багажъ, застрявшій въ туринской таможнѣ, я отыскалъ проф. Кора (Guido Cora), преподающаго въ Туринскомъ университетѣ географію и издающаго географическій журналъ Cosmos. Съ нимъ я уже ранѣе былъ въ перепискѣ. Ему я обязанъ тѣмъ, что въ короткое время видѣлъ многое въ Туринѣ и окрестностяхъ, недоступное или трудно доступное обыкновеннымъ туристамъ. Ознакомившись съ нѣкоторыми новыми работами проф. Кора, которыя я еще не зналъ, я, конечно, перешелъ къ курсу географіи.

Преподаваніе ведется, можно сказать, совершенно по нѣмецкимъ образцамъ, такъ что послѣ университетовъ Германіи я здѣсь не услышалъ ничего новаго. Проф. Кора читаетъ двѣ лекціи въ недѣлю; одна изъ нихъ посвящена общей географіи (Allgemeine Erdkunde), другая—болѣе подробному описанію отдѣльныхъ странъ свѣта. Затѣмъ еще особый курсъ для учителей (magisterio) и colloquia. По числу слушателей постоянно посѣщающихъ лекціи и colloquia, въ Туринѣ нѣтъ особенной разницы съ германскими университетами, кромя Берлинскаго, то-есть, и здѣсь оно не велико, и постоянные слушатели болѣею частью готовятся въ учителя географіи.

Туринскій университетъ помѣщенъ въ обширномъ зданіи среди города; оно лучше большинства главныхъ университетскихъ зданій въ Германіи, даже Берлинскаго. Туринскій университетъ по качеству преподаванія и учебнымъ пособиямъ занимаетъ едва ли не первое мѣсто въ Италіи, а по числу студентовъ уступаетъ лишь университету въ Неаполѣ. Онъ продолжаетъ развиваться, между тѣмъ какъ знаменитый Падуанскій университетъ въ послѣднее время очень упалъ. Короли Италіи и государственные люди изъ піемонтцевъ всячески стараются о томъ, чтобъ чѣмъ-нибудь вознаградить Туринъ за то, что онъ пересталъ быть столицей королевства. Одинъ изъ видовъ этого попеченія, особенно цѣнимый піемонтцами,—забота о Туринскомъ университетѣ.

Бывшая столица Піемонта теперь сравнительно мало посѣщается туристами. Они справедливо находятъ, что здѣсь еще не настоящая Италія, но тѣмъ не менѣе городъ, кѣмъ-то прозванный италіанскимъ Берлиномъ, имѣетъ несомнѣнный интересъ. Онъ хотя во постройки новыи, но на каждомъ шагѣ чувствуется крѣпкая связь его съ прошлымъ, только не съ прошлымъ Италіи лучшихъ временъ, а съ прошлымъ Піемонта и Савойи и особенно Савойской династіи. Она удивительно крѣпко срослась со своимъ старымъ государствомъ и прежнему столицей, и нигдѣ это не видно яснѣе, какъ при сравненіи Турина съ Римомъ. Въ Туринѣ замѣчательно между прочимъ и то, какъ онъ сравнительно быстро оправился отъ постигшаго его удара—переноса столицы во Флоренцію и затѣмъ въ Римъ. А ударъ былъ чувствительный. Еслибъ это случилось до 1848 года, то это было бы понятно. До этого года Туринъ былъ столицей небольшого Піемонтскаго государства, не болѣе, но съ того времени онъ все болѣе и болѣе становился столицей Италіи, и ростъ его былъ очень быстрый. Когда столица была перенесена во Флоренцію, туринцы жаловались,

шумѣли, но въ 1870 году жалобы прекратились. Итальянцы такъ долго и много говорили о Римѣ - столицѣ, что жаловаться на это считалось уже неприличнымъ. Съ того времени въ Туринѣ сильно развилась промышленность; въ этомъ отношеніи онъ уступаетъ лишь Милану; въ тому же онъ единственный крупный торговый центръ богатой области. Этому много помогаетъ превосходная густая сѣть желѣзныхъ дорогъ, расходящихся радіусами изъ бывшей столицы Пиемонта, какъ изъ центра. Хорошо устроенныя желѣзныя дороги большой скорости связываютъ Туринѣ съ главными городами Италіи, линія чрезъ Мон-Сени, первая изъ линій чрезъ главную цѣпь Альпъ ⁴⁾, даетъ удобное сообщеніе съ Франціей, а сношенія съ Франціей были прежде очень оживлены. Въ Туринѣ это видно на каждомъ шагѣ: французскій языкъ очень распространенъ, и сюда пріѣзжаетъ множество французскихъ купцовъ. Не менѣ важна и сѣть болѣе мелкихъ, дешевыхъ дорогъ, сходящихся въ Туринѣ. Здѣсь, какъ и въ Ломбардіи, уже лѣтъ двадцать какъ стали строить такіа дороги; инья изъ нихъ сначала были желѣзноконными, но теперь на нихъ ходятъ паровозы; онѣ такъ и называются tramways a vapeur.

Извѣстно, что равнина сѣверной Италіи — классическая страна орошеній въ Европѣ. Ранѣе оно развилось въ Ломбардіи, но теперь Пиемонтъ уже имѣетъ перевѣсъ; этимъ онъ обязанъ знаменитому государственному человѣку, который такъ много сдѣлалъ для единства Италіи. Онъ былъ землевладѣлецъ равнины Пиемонта, и какъ таковой, конечно, отлично понималъ пользу орошенія.

Мнѣ давно хотѣлось видѣть оросительный каналъ Кавура, самый значительный въ Европѣ. Благодаря любезному содѣйствію проф. Кора, поѣздка была очень удачна. Управляющій каналомъ, живущій въ Туринѣ, написалъ о моемъ пріѣздѣ какъ инженеру въ Кивассо (Chivasso), гдѣ начало канала, то-есть, отводится вода изъ р. По, такъ и въ Верчели (Vercelli), главный городъ одного изъ округовъ, орошаемыхъ каналомъ, предсѣдателю мѣстнаго товарищества орошенія. Тотъ и другой сдѣлали все возможное для меня, а управляющій каналомъ просилъ меня прислать ему еще вопросный листъ (questionnaire) по тѣмъ вопросамъ, на которые я не получилъ отвѣта на мѣстѣ. Я такъ и сдѣлалъ и нѣсколько позже, уже въ Римѣ, получилъ обстоятельный отвѣтъ. Оказывается, что дѣло идетъ объ общей системѣ

⁴⁾ Дорога чрезъ Земмерингъ между Вьной и Триестомъ открыта ранѣе, но здѣсь Альпы уже не высоки.

орошенія равнины Пиемонта, пользуясь для этого, какъ водами главной рѣки По, такъ и ея лѣвыхъ альпійскихъ притоковъ. Не вдаваясь въ излишнія подробности, передамъ лишь сущность того, что видѣлъ и узналъ.

Въ 1862 году пиемонтскому правительству принадлежала сѣть каналовъ на равнинѣ. Въ этомъ году наконецъ устроилась компанія для орошенія Пиемонта водами По и ея главнаго лѣваго притока въ Пиемонтѣ, Дора Балтея (Dora Baltea), вытекающей изъ альпійскихъ ледниковъ; объ устройствѣ этой компаніи особенно хлопоталъ графъ Кавуръ. Правительство уступило ей свои каналы за 20,300,000 франковъ. Построенный ею каналъ Кавура съ развѣтвленіями стоилъ 80 милліоновъ франковъ. Въ 1874 году правительство выкупило оросительные каналы у компаніи за 82 милліона, истратило вновь 10 милліоновъ и на этомъ не остановится, такъ какъ предполагается общее орошеніе равнины Пиемонта и пользованіе для этого всѣми водами По, Доры и Сезія. Кромѣ орошенія, водою каналовъ (у перепадовъ) пользуются многія промышленныя заведенія. Длина каналовъ съ развѣтвленіями около 1500 километровъ; все количество воды въ каналахъ, построенныхъ до сихъ поръ, даетъ 343 кубическихъ метра въ секунду (почти 40 кубич. сажень). По и Сезія, вытекающія изъ невысокихъ горъ и предгорій, имѣютъ недостаточно воды лѣтомъ, но бѣдѣ помогаетъ Дора, которая питается таяніемъ снѣговъ и ледниковъ Монблана и имѣетъ высокую воду съ мая по сентябрь.

Предполагается оросить всего 300 тысячъ гектаровъ ¹⁾; вода употребляется главнымъ образомъ на орошеніе рисовыхъ полей. Они требуютъ много воды до осени. Если вода не застаивается, то рисовыя поля не особенно вредны для здоровья. Затѣмъ вода употребляется на орошеніе огородовъ, луговъ и кукурузныхъ полей. Вода на орошеніе луговъ употребляется и зимой: это—такъ-называемые *stagite*. Здѣсь не столько важно орошеніе, какъ согрѣваніе почвы водой, дающее возможность имѣть луговую растительность и зимою. Воды По по своей высокой температурѣ особенно пригодны для этой цѣли.

Правительство взимаетъ плату за количество воды (кубической метръ), а не за орошаемое пространство подъ разными культурами. Оно старается имѣть дѣло съ большими товариществами землевладѣльцевъ, считая эту форму болѣе удобною, въ особенности тѣмъ, что избавляетъ правительство отъ мелочнаго контроля. Товарище-

¹⁾ Гектаръ лишь немного менѣ десятины.

ство покупаетъ воду, расплачивается за нее и распределяетъ ее между своими членами и другими лицами. До сихъ поръ есть одно такое большое товарищество въ провинціи Верчелли (Vercelli) между Дорой и Сезіей. Предсѣдатель его Патріарка (Patriarca), которому я былъ рекомендованъ, ѣздилъ со мною въ нѣмнія провинціи и далъ мнѣ много свѣдѣній объ орошеніи и хозяйствѣ. Затѣмъ предполагается еще большое товарищество для мѣстности между Сезіей и Тессіномъ, но до сихъ поръ правительство имѣетъ здѣсь дѣло съ небольшими товариществами и даже отдѣльными землевладѣльцами.

Во многихъ странахъ, напримѣръ, во Франціи, у насъ въ Закавказьѣ и т. д., орошеніе затрудняется тѣмъ, что нѣтъ быстрой процедуры по нарушеніямъ правъ на воду. Обыкновенная судебная процедура слишкомъ медленна и судьи-юристы недостаточно знакомы съ техникой дѣла. То же и въ Италіи по общему праву, т. е. при точномъ примѣненіи кодекса Наполеона. Но недавно впрогелъ законъ о товариществахъ (sindicati) орошенія. По этому закону допускаются и такіе уставы, которые передаютъ право безземельнаго рѣшенія лицамъ, избраннымъ для того.

Туринъ принимаетъ особенно въ сердцу колоніальные вопросы и ожидаетъ великихъ благъ отъ колоніальной политики Италіи, можетъ быть—потому, что онъ, какъ городъ континентальный, мало знакомъ съ заморскими странами. Въ главныхъ приморскихъ городахъ Италіи—Генуѣ, Ливорно, Неаполѣ и Венеціи—не такъ увлекаются колоніальною политикой.

Проф. Кора пригласилъ меня на засѣданіе Туринскаго географическаго общества, котораго онъ предсѣдатель, и на которомъ чловѣкъ, очень извѣстный здѣсь, проф. Арнаудо, долженъ былъ читать о колоніальной политикѣ. Зала была полна, Арнаудо—редакторъ самой распространенной туринской газеты. Онъ горячо стоялъ за приобрѣтеніе колоній, жаловался на Францію, мѣшающую Италіи приобрѣтать ихъ и притомъ самой не имѣющей условій для успешной колонизаціи. О выгодахъ колоній у Краснаго моря онъ не особенно распространялся, хотя и признавалъ отмищеніе за поражение при Догали необходимымъ, но за то тѣмъ болѣе говорилъ о необходимости приобрѣтенія Триполи, какъ страны близкой къ Италіи, имѣющей климатъ сходный съ италіанскимъ, и притомъ открывающей удобный путь отъ береговъ Средиземнаго моря къ Судану. На послѣднее обстоятельство уже не разъ указывали нѣмецкіе пу-

тешественники, хорошо знакомые со страной, особенно Нахтигаль и Рольфсъ.

Я легко могъ убѣдиться, что въ Туринѣ ненависть къ Франціи очень распространена, даже между людьми вліятельными на разныхъ поприщахъ. Раздраженіе давно накапливается въ Пьемонтѣ, гдѣ, казалось бы, близость къ Франціи и постоянныя сношенія съ нею должны были бы дѣйствовать иначе. Къ тому же, и населеніе Пьемонта, особенно горь, полуфранцузы, и пьемонтское нарѣчіе составляетъ переходъ отъ южнофранцузскихъ къ итальянскимъ. Дѣло въ томъ, можетъ быть, что пьемонтцы особенно преданы Савойской династіи и не могутъ до сихъ поръ забыть „позорнаго“, какъ они говорятъ, присоединенія Савойи и Ниццы къ Франціи въ 1860 году; затѣмъ особенно сильно повліяло на нихъ распространеніе французскаго протектората на Тунисъ, который они считали будущею итальянскою землей.

Изъ Турина я ѣздилъ въ сосѣдній городъ Монкальери (Moncalieri) и видѣлъ тамъ предсѣдателя Итальянскаго метеорологическаго общества (*Societa Meteorologica Italiana*) о. Денца (P. Denza), съ которымъ познакомился на географическомъ конгрессѣ въ Венеціи. Общество имѣетъ обширную сеть метеорологическихъ станцій, болѣе 200, особенно въ сѣверной Италіи. Результаты ихъ наблюденій печатаются ежемѣсячно въ изданіи, озаглавленномъ: *Societa meteorologica Italiana. Bulletino meteorologico del Osservatorio centrale del Collegio Carlo Alberto in Moncalieri*. Здѣсь печатаются мѣсячныя среднія для станцій общества (нѣкоторыя изъ нихъ, но далеко не всѣ, состоятъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ сношеніяхъ съ официальнымъ метеорологическимъ учрежденіемъ въ Римѣ) и, кромѣ того, корреспонденціи и статьи по разнымъ отдѣламъ метеорологіи. Особенное вниманіе обращается на свѣтвыя явленія.

Общество включило въ свою программу и землетрясенія, вулканическія изверженія и вообще всѣ явленія, которыя въ Италіи называются земными динамическими или относящимися къ *meteorologia endogena*. Вообще общество несомнѣнно полезно въ своей сферѣ и много способствуетъ распространенію знанія метеорологіи и охоты къ метеорологическимъ наблюденіямъ.

Прежнее изданіе общества называлось *Corrispondenza Alpino-Areppina* и давало результаты метеорологическихъ наблюденій въ одной Сѣверной Италіи. Общество и его предсѣдатель особенно ста-

рались устроить метеорологическія станціи въ горахъ и въ значительной степени успѣли въ этомъ. Нѣкоторыя станціи выше 2000 метровъ надъ уровнемъ моря, но всѣ онѣ—станціи 2-го разряда, между тѣмъ какъ Швейцарія имѣетъ вполне устроенную обсерваторію на горѣ Зентисъ (Säntis) выше 2400 метровъ надъ уровнемъ моря.

О. Денца, хотя очень еще не старъ, недавно пораженъ параличемъ и потому не могъ даже показать мнѣ инструментовъ, библиотеки и т. д., такъ какъ они находятся въ верхнемъ этажѣ. Туда пошелъ со мною одинъ изъ его помощниковъ. Здѣсь дѣйствуетъ изобрѣтенный Денцой метеорографъ; записи сосредоточиваются въ одномъ мѣстѣ, хотя инструменты поставлены въ разныхъ. Установка термометровъ и психрометра здѣсь очень отличается отъ видѣнной мною во Франціи. Термометръ помѣщенъ у окна, обращеннаго на сѣверо-западъ. Надъ нимъ крыша, съ трехъ сторонъ жалюзи, съ юго-запада двойная; термометръ на высотѣ 15 метровъ надъ поверхностью земли, окно обращено на узкій дворъ, да еще на половину высоты, то-есть, около 6—7 метровъ, черепичная крыша. Нѣтъ сомнѣнія, что такимъ образомъ получается слишкомъ высокая температура, особенно въ солнечные дни. Въ библиотекѣ много книгъ и журналовъ не только по метеорологіи, но и по разнымъ отраслямъ физико-математическихъ наукъ.

О. Денца—монахъ ордена барнабитовъ и преподаватель въ коллегіи Карла-Альберта (Collegio Carlo-Alberto). Она считается лучшимъ среднимъ учебнымъ заведеніемъ Пиемонта; здѣсь учатся дѣти пиемонтской аристократіи и богатыхъ людей; плата за ученіе высока. Коллегія, какъ мнѣ говорили, не стремится къ тому, чтобы ея воспитанники шли въ монашескіе ордена. Она скорѣе выпускаетъ свѣтскихъ людей. Мнѣ показали нѣкоторыя изъ помѣщеній коллегіи; видно было, что достаточно свѣта и воздуха и обращено достаточное вниманіе на гимнастику и гигиену. Оригинально и совершенно въ іезуитскомъ духѣ устройство спальни младшихъ мальчиковъ. Большая, длинная зала раздѣлена на-двое. Въ большей части все небольшія келліи, отдѣленные одна отъ другой перегородками, не доходящими до-верху, въ каждой по кровати. Каждая келлія имѣетъ дверь въ залу, верхняя часть ея изъ жалюзи. Воспитанники спятъ въ этихъ кельяхъ и запираются снаружи дежурнымъ воспитателемъ, который остается всю ночь въ залѣ и можетъ видѣть что дѣлаютъ мальчики, не открывая двери.

Послѣ Турина я остановился на нѣсколько дней во Флоренціи. Здѣсь до недавняго времени не было высшаго учебнаго заведенія,

лишь въ 60-хъ годахъ основанъ Istituto di studii superiori, который по первоначальному плану долженъ былъ имѣть небольшое число студентовъ, уже имѣющихъ знанія, обыкновенно сообщаемыя въ университетахъ, чтобы они здѣсь, подъ руководствомъ знаменитыхъ ученыхъ, могли усовершенствоваться въ научныхъ методахъ и сами производить научныя изслѣдованія. Дѣйствительность не вполне соответствовала первоначальному плану, и въ сущности во Флоренціи былъ основанъ новый университетъ, имѣющій нѣсколькихъ знаменитыхъ профессоровъ, но далеко не по всѣмъ отраслямъ наукъ. Отъ университетовъ Флорентійскій институтъ отличается отсутствіемъ юридическаго факультета.

Вообще нельзя не признать, что Флоренція не имѣетъ данныхъ для такого учрежденія. Оно уместно въ Парижѣ, гдѣ есть и люди, и денежные средства, но не здѣсь. Флоренція уже давно не стоитъ во главѣ европейской цивилизаціи, и эти времена не могутъ возвратиться. Этого не поняли благородные флорентинцы, горячо любящіе свой родной городъ—Риказоли, Перуцци, Камбре-Диньи. Въ настоящее время не хватаетъ даже денегъ на пополненіе кабинетовъ и музеевъ. Даже второстепенные нѣмецкіе университеты обставлены гораздо лучше въ этомъ отношеніи, хотя и не называются „институтами высшихъ знаній“.

Адресный указатель Флоренціи насчитываетъ 8 метеорологическихъ обсерваторій въ городѣ и ближайшихъ окрестностяхъ. Одна изъ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и астрономическая. Еслибъ я не былъ предупрежденъ заранѣе, то могъ бы вообразить, что здѣсь метеорологія процвѣтаетъ, и лишь пожалѣть, что значительныя суммы на наблюденія тратятся нерасчетливо.

На югѣ имѣютъ привычку къ гиперболамъ, и какъ учитель гимназіи, или реальнаго училища называется профессоромъ, такъ и простая станція втораго разряда, съ немногими дополнительными инструментами, носитъ названіе метеорологической обсерваторіи. Изъ восьми такъ называемыхъ „обсерваторій“ во Флоренціи ни одна не отвѣчаетъ вполне требованіямъ станціи перваго класса.

Изъ мѣстныхъ метеорологовъ мнѣ хотѣлось, но не удалось видѣть о. Чеки (Сесси), замѣчательнаго особенно изслѣдованіями о землетрясеніяхъ. Инструменты, устроенныя по его плану (сейсмографы), установлены во многихъ мѣстахъ Италіи. Когда я пріѣхалъ, онъ былъ опасно болѣнъ и до моего отъѣзда изъ Флоренціи умеръ. Столь же неудачны были попытки видѣть о. Бертелли (Bertelli),

также извѣстнаго своими трудами по изслѣдованію землетрясеній. Два раза я ѣздилъ къ нему за городъ въ Convento del Quercı и оба раза не засталъ. Не видѣлъ я и нашего извѣстнаго географа и путешественника П. А. Чихачева, уже давно живущаго во Флоренціи.

Изъ ученыхъ не своей специальности, съ которыми я былъ въ сношеніяхъ во Флоренціи, назову графа А. Губернатиса (Gubernatis), человѣка очень многосторонняго, извѣстнаго санскритолога и притомъ хорошо знакомаго съ русскимъ языкомъ. Онъ мнѣ много разказывалъ про свое путешествіе по Индіи. Наибольше любопытная область, посѣщенная имъ,—Каттіаваръ, то-есть, группа около 100 небольшихъ туземныхъ государствъ, вассальныхъ Англій, на полуостровѣ Гужератѣ (Guzerate). Здѣсь сохранилось множество храмовъ, между прочимъ буддійскихъ и джайнскихъ, замѣчательныхъ по своей архитектурѣ, а знатоку индійскихъ древностей представляется случай пріобрѣтать рукописи и другіе предметы, цѣнные для науки. До его поѣздки англичане обращали очень мало вниманія на Каттіаваръ и даже не имѣли резидентовъ при туземныхъ дворахъ. Такъ какъ туземныя государства этой мѣстности прилегаютъ къ морю, то могутъ торговать съ заграничными странами, безъ посредства англійскихъ таможенъ, что недоступно для другихъ туземныхъ государствъ Индіи, за исключеніемъ Траванкора. Губернатисъ обратилъ вниманіе на торговлю съ Каттіаваромъ и писалъ кому слѣдуетъ, что желательно бы пріобрѣсти отъ Португаліи островъ Діу у береговъ Каттіавара, съ превосходною гаванью. Португальское правительство въ то время совершенно пренебрегало этимъ отдаленнымъ владѣніемъ. Но какъ только мало извѣстный Каттіаваръ сталъ предметомъ особаго вниманія англичанъ, и бомбейскій губернаторъ съѣздилъ туда, то и португальское правительство назначило на островъ Діу новаго, энергическаго губернатора и позаботилось о портовыхъ работахъ.

Профессоръ Мантегацца (Mantegazza) показывалъ мнѣ собранный его попеченіями антропологическій музей; его пополненіе идетъ туго вслѣдствіе недостатка средствъ, Мантегацца—человѣкъ также очень многосторонній, врачъ, профессоръ аватоміи, много путешествовавшій и жившій долгіе года въ Южной Америкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ и талантливый писатель. Онъ собирался на екатеринбургскую выставку вмѣстѣ со своимъ соотечественникомъ Соммье (Sommier). Послѣдняго я тоже видѣлъ во Флоренціи. Онъ уже совершилъ путешествіе съ научною цѣлью въ Западную Сибирь, главнымъ образомъ для изслѣдованія нашихъ сѣверныхъ ижородцевъ. Описаніе его

путешествіа прекрасно издано и иллюстрировано и продается по дешевой цѣнѣ. Оказывается, что г. Соммье—богатый, человѣкъ, и изданіе стоило ему не дешево, а окупиться не можетъ.

Профессоръ географіи во Флорентійской школѣ высшихъ наукъ Мальфатти (Malfatti) читаетъ весьма обширный курсъ, между прочимъ и введеніе въ лингвистику. Нужно замѣтить, что въ Италіи географія причисляется къ историко-филологическому факультету, и преподаваніе профессора Мальфатти соотвѣтствуетъ этому.

Флоренція оставила во мнѣ прекрасное впечатлѣніе. Понятно, что множество иностранцевъ не только пріѣзжаетъ сюда, но и живетъ здѣсь по-долгу, и что очень часто пріѣхавшіе на короткое время поселяются здѣсь, становятся въ нѣкоторомъ родѣ флорентинцами.

Здѣсь сумѣли сочетать потребности новаго времени съ уваженіемъ къ старинѣ. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательны 1864—1870 годы, когда Флоренція была столицей Италіи, и когда сразу повнадобилось расширеніе города и приспособленіе его къ новымъ условіямъ. И тогда не тронули старый городъ, а вокругъ него построили новыя кварталы съ широкими улицами и бульварами, и притомъ построили съ большимъ вкусомъ; тогда же устроили безподобное мѣсто загородной прогулки—viale dei Colli. Правда, городъ сильно задолжалъ и, когда столица была перенесена въ Римъ, то оказался банкротомъ. Но и „гаусманнизируя“ старую Флоренцію, городъ также разорился бы. Въ послѣдніе годы стали, однако, ломать еврейскій кварталъ города, что оказалось необходимымъ въ санитарномъ отношеніи. Къ тому же этотъ кварталъ не имѣлъ построекъ, замѣчательныхъ по архитектурѣ.

Слѣдующая моя остановка была въ Римѣ, гдѣ прежде всего я посѣтилъ центральное метеорологическое учрежденіе (Uffizio Centrale di Meteorologia), находящееся въ зданіи Collegio Romano. Оно существуетъ лишь недавно, и притомъ на основаніяхъ, отличныхъ отъ подобныхъ учрежденій другихъ странъ Европы, за исключеніемъ, кажется, Испаніи.

Отличіе состоитъ въ томъ, что здѣсь соединены астрономія и метеорологія. Это соединеніе во многихъ отношеніяхъ неудобно. Астрономія не нуждается въ центральномъ учрежденіи въ каждой странѣ, астрономическія обсерваторіи вездѣ работаютъ самостоятельно, а необходимое соглашеніе достигается международными собраніями астрономовъ. Для метеорологіи соединеніе съ астрономіей неудобно потому, что директорами подобныхъ учрежденій назначаются

астрономы, и что они невольно дадутъ предпочтеніе своей спеціальности. Директоръ италіанскаго учрежденія Таккини (Taccini) и его помощникъ Миллошевичъ (Millosevich) — оба астрономы. Перваго я не засталъ—онъ былъ въ Парижѣ на собраніи астрономовъ, и я видѣлъ его передъ самымъ отъѣздомъ изъ Рима. Та часть Collegio Romano, гдѣ помѣщается теперь Ufficio Centrale, поприще работъ знаменитаго іезуита, о. Секки (Secchi). При конфискаціи имущества духовныхъ конгрегацій подвергся ей и Collegio Romano, но о. Секки оставили въ его прежнемъ помѣщеніи до смерти. Онъ, очевидно, не понималъ, или не хотѣлъ понять, что его лишь оставили на старомъ пепелищѣ во вниманіе къ его ученымъ трудамъ, и что это не давало ему никакого права распоряжаться помѣщеніемъ обсерваторіи по смерти. Онъ написалъ завѣщаніе, по которому предоставилъ инструменты и помѣщеніе обсерваторіи своему другу о. Феррари, тоже іезуиту, довольно извѣстному астроному. Послѣдній немедленно водворился, и профессору Таккини, по назначеніи его директоромъ Ufficio Centrale, пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію полиціи для удаленія о. Феррари.

Зданіе прежней іезуитской коллегіи обширно и высоко, и Ufficio Centrale помѣщается въ пятомъ этажѣ, а этажи высоки. Понятно, что добраться туда не легко. Благо еще есть телефонъ изъ комнаты привратника на верхъ. Проф. Таккини хорошо избралъ своихъ сотрудниковъ, занимающихся метеорологіей. Назову изъ числа ихъ Лули (Lugli), занимающагося синоптической метеорологіей, Кистони (Chistoni), извѣстнаго своими работами по опредѣленію влажности помощью психрометра и теоріей росы, и особенно Феррари (Ferrari). Послѣдняго не слѣдуетъ смѣшивать съ вышеупомянутымъ астрономомъ-іезуитомъ. Это еще молодой человекъ, учившійся въ Германіи и очень хорошо знакомый съ нѣмецкою метеорологическою литературой. Онъ извѣстенъ своими прекрасными изслѣдованіями о грозахъ. Съ нимъ я видѣлся очень часто въ Римѣ и нерѣдко ѣздилъ въ окрестности. Выборъ лицъ хорошъ, и италіанское учрежденіе могло бы сдѣлать много, еслибы были средства, но ихъ, къ сожалѣнію, очень мало. Италія нуждается также въ хорошо устроенной станціи перваго разряда, помѣщенной сообразно нынѣшнимъ требованіямъ науки внѣ большаго города.

Въ настоящее время наблюденія ведутся въ самомъ Collegio Romano, гдѣ есть самопишущіе инструменты, но условія таковы, что должна получиться слишкомъ высокая средняя температура: зданіе въ самомъ центрѣ города, гдѣ дома высоки, а улицы узки. Нѣтъ

никакой возможности хорошо установить термометры и психрометр. Кроме того, термометры помѣщены такъ высоко надъ поверхностью земли, что суточные колебанія гораздо менѣе, чѣмъ на той высотѣ, на которой обыкновенно помѣщаются термометры.

Только вчера прїѣхалъ профессоръ Таккини. Его, конечно, особенно интересовало предстоящее полное солнечное затмѣніе $7\frac{1}{19}$ -го августа, видимое на такомъ значительномъ пространствѣ въ Россіи. Онъ собирался ѣхать для наблюденія его и, конечно, спрашивалъ меня о томъ, что предпринято въ Россіи въ этомъ отношеніи, каковы условія путешествій и жизни, и затѣмъ—какой можно ожидать погоды.

Не получая давно писемъ изъ Россіи, я не могъ дать новѣйшихъ свѣдѣній о нашихъ экспедиціяхъ, но сказалъ, что дѣло обсуждалось въ нашемъ Физико-химическомъ обществѣ, и что, вѣроятно, будутъ двѣ русскія экспедиціи: одна—куда-нибудь въ среднія губерніи, другая—въ Красноярскъ. Я особенно совѣтовалъ Таккини и другимъ италіанскимъ астрономамъ ѣхать въ Тобольскъ и выбрать мѣсто наблюденій въ окрестностяхъ этого города; мой совѣтъ основывался на томъ, что здѣсь затмѣніе будетъ видно въ болѣе поздній утренній часъ, что не только удобно для самаго наблюденія явленій, но и даетъ большее вѣроятіе хорошей погоды, такъ какъ къ 9 часамъ утра обыкновенно разсвѣваются туманы и слоистыя облака, бывающія рано утромъ. Въ лѣтнее время путь до Тобольска хотя и длиненъ, но весьма удобенъ, такъ какъ совершается желѣзною дорогою и пароходами Волжской и Обьской системъ, и путешествіе стоитъ не особенно дорого; кромѣ того, можно брать съ собою тяжелые громоздкіе инструменты, которые нельзя было бы провезти, еслибы пришлось ѣхать на лошадяхъ¹⁾.

Организація италіанскаго Ufficio Centrale сходна съ организаціей парижскаго Bureau Central Météorologique; во главѣ его стоитъ совѣтъ; директоръ состоитъ его членомъ, а предсѣдателемъ—профессоръ Блазерна, сенаторъ королевства,—человѣкъ очень вліятельный въ Римѣ; я видѣлъ его въ Венеціи въ 1881 году, а по прїѣздѣ въ Римъ не засталъ; онъ воротился въ городъ только теперь.

Я выше замѣтилъ, что въ Италіанскомъ метеорологическомъ

¹⁾ Профессоръ Таккини со своимъ ассистентомъ Ринко были въ Россіи для наблюденія затмѣнія 7-го (19-го) августа; въ Петербургѣ имъ почему-то дали совѣтъ ѣхать не въ окрестности Тобольска, а въ Вятскую губернію. Результатъ вышелъ плачевный. Была пасмурная погода, и они ничего не видали. Ихъ сопровождалъ нашъ молодой ученый Клейберъ. (Позднѣйшее призываніе автора).

учрежденіи соединены астрономія и метеорологія, но вскорѣ присоединятся еще изслѣдованія земнаго динамизма, то-есть, землетрясеній, вулканическихъ изверженій и т. д. Такимъ образомъ въ римскомъ Ufficio Centrale соединятся три разряда изслѣдованій и наблюденій, обыкновенно не соединяемыхъ.

Италія— страна землетрясеній; здѣсь впервые обратили вниманіе на научное изслѣдованіе этого явленія. Сначала эти изслѣдованія велись частными лицами, лишь съ небольшими субсидіями правительства, при чемъ однако была нѣкоторая организація и большинство наблюдателей дѣйствовало по инструкціямъ, выработаннымъ де-Росси (Cav. Mich. Steph. de Rossi). Онъ римлянинъ по происхожденію; объ этомъ стоитъ упомянуть, такъ какъ почти всѣ извѣстные ученые и художники, работавшіе въ Римѣ, уроженцы сѣверной Италіи или сѣверной части средней Италіи (Тосканы, Умбріи).

Большая часть Россіи, какъ извѣстно, не страдаетъ отъ землетрясеній, или точнѣе, они очень рѣдки и не разрушительны; но и у насъ есть три области, гдѣ землетрясенія бывають часто и весьма разрушительны: это восточная часть Закавказья, въ особенности окрестности Шемахи, затѣмъ Семирѣченскій край и окрестности озера Байкала. Такимъ образомъ и для насъ изученіе землетрясеній имѣетъ значеніе, а потому я и дамъ краткій очеркъ того, какъ предлагаетъ организовать наблюденія италіанскій ученый, столь много потрудившійся по этому вопросу, на основаніи переданнаго имъ лично и его докладовъ международному метеорологическому конгрессу въ Римѣ въ 1879 году, Алжирскому съѣзду французскихъ натуралистовъ въ 1881 году и Италіанскому метеорологическому обществу въ 1882 году.

Де-Росси обращаетъ вниманіе на то, что земной динамизмъ не былъ еще до сихъ поръ предметомъ изслѣдованія, обнимающаго совокупность явленій; землетрясенія и вулканическія изверженія были предметомъ точныхъ и подробныхъ изслѣдованій многихъ геологовъ, но уже во время и послѣ явленій. Горячіе ключи, выходы газовъ, подземныя теченія воды, электрическія явленія точно также были лишь предметомъ отдѣльныхъ изслѣдованій, производимыхъ врачами, гидрологами и метеорологами. До послѣднихъ лѣтъ никто не думалъ о сравнительномъ и ежедневномъ ихъ наблюденіи, подобно тому какъ мы имѣемъ ежедневныя наблюденія воздушныхъ явленій, температуры, влажности, давленія воздуха и т. д. Это было впервые сдѣлано въ Италіи по инициативѣ де-Росси, который навелъ себѣ многихъ дѣятельныхъ сотрудииковъ. Оказалось, что динамическія

явленія, подобно бурямъ, проходятъ различные фазисы, и что различія замѣчаются и въ силѣ явленія, и въ величинѣ области его распространенія.

О. Бертели во Флоренціи, первый послѣ д'Аббади (d'Abbadie) и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ послѣдній, принялся за изслѣдованія небольшихъ колебаній земли, носящихъ нынѣ названіе микросейсмическихъ. Исслѣдованія этихъ явленій въ соединеніи съ изслѣдованіемъ настоящихъ землетрясеній, вулканическихъ изверженій, движенія водъ и газовъ создали особую отрасль физики земнаго шара, которую Росси предложилъ назвать внутреннею метеорологіей (*meteorologia endogena*). Съ 1874 года сталъ выходить журналъ, исключительно посвященный этимъ явленіямъ и называемый *Bullettino del vulcanismo Italiano*. Въ книгѣ де-Росси „*Meteorologia endogena*“ мы находимъ подробное изложеніе этихъ явленій по изслѣдованіямъ италіанскихъ ученыхъ. Въ болѣе краткомъ видѣ они описаны въ его же брошюрѣ: *Dell' Osservatorio ed archivio Geodinamico presso il R. comitato geologico d'Italia con istrozioni per le osservazioni. Roma. 1883.*

Примѣру Италіи первая послѣдовала Швейцарія, гдѣ дѣло тоже организовано систематически; здѣсь нужно въ особенности упомянуть о дѣятельности Ф. А. Фореля. Есть наблюденія и во Франціи, но, въ сожалѣнію, тамъ нѣтъ еще полной организаціи. Уже теперь ясно, что явленія динамизма наблюдаются постоянно, но съ очень различною силой; въ иные дни болѣе или менѣе сильныя движенія захватываютъ не только всю Италію, но всю цѣпь Альпъ, Юру и Пиреней; мало того, замѣчается отношеніе съ землетрясеніями Греціи и Алжиріи.

Изобрѣтенія микрофона и телефона дали возможность значительно расширить поле изслѣдованій. Весьма незначительныя движенія земли, не производящія никакого замѣтнаго глазу колебанія, становятся замѣтными уху посредствомъ микрофона. Я впервые познакомился съ этими изслѣдованіями осенью 1881 года въ Болоньѣ. Г. де-Росси показывалъ мнѣ обсерваторію для наблюденія динамическихъ явленій, устроенную въ Palazzo Malvasia. Пока мы осматривали инструменты, онъ сказалъ мнѣ: „Однако вамъ счастье, сегодня началось небольшое землетрясеніе, которое вы можете услышать въ микрофонъ“. Я приложилъ микрофонъ къ уху и дѣйствительно услышалъ совершенно явственный шумъ. Безъ точныхъ инструментовъ это землетрясеніе и сотни тысячъ другихъ остались бы совершенно незамѣченными.

Излагая программу наблюдений, де-Росси захватываетъ очень обширный кругъ явленій, при чемъ дѣлитъ ихъ на четыре главные отдѣла: во первыхъ, явленія подземнаго теченія водъ; во вторыхъ, явленія магнитныя и электрическія, рассматриваемыя какъ слѣдствія дѣятельности внутри земнаго шара; въ третьихъ, вулканическія изверженія; въ четвертыхъ—сейсмическія и микросейсмическія.

Относительно мѣстъ, гдѣ должны быть изслѣдованы явленія, нужно замѣтить, что вулканическія изверженія и все, что касается подземнаго теченія воды, должны быть наблюдаемы на мѣстахъ, а явленія сейсмическія и электрическія могутъ быть наблюдаемы и вдали отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ достигаютъ наибольшей силы, хотя и въ ослабленномъ видѣ. Поэтому желательно: 1) собирать свѣдѣнія о тѣхъ странахъ, гдѣ бывають болѣе или менѣе постоянныя динамическія явленія; 2) стараться устроить ежедневныя наблюденія этихъ явленій; 3) возстановить исторію этихъ явленій; 4) собирать свѣдѣнія о землетрясеніяхъ, обвалахъ горъ, взрывахъ газовъ въ рудникахъ и т. д.; 5) устроить наблюденія надъ уровнемъ водъ въ колодцахъ и озерахъ; 6) устроить точныя наблюденія сейсмическыхъ явленій на метеорологическихъ обсерваторіяхъ, въ физическихъ кабинетахъ и особенно въ рудникахъ, и 7) желательно, чтобы метеорологическія обсерваторіи, дающія ежедневные отчеты о своихъ наблюденіяхъ, прибавляли къ нимъ свѣдѣнія о сейсмическихъ явленіяхъ.

Относительно болѣе точныхъ сейсмическихъ наблюдений въ Италіи выяснились уже многія необходимыя предосторожности. Въ верхнихъ этажахъ зданій движеніе сильнѣе, какъ это хорошо видно во время сильныхъ землетрясеній; здѣсь сейсмическія движенія увеличены, но вмѣстѣ съ тѣмъ и значительно измѣнены направлениемъ стѣнъ; напротивъ того, въ подземельяхъ колебанія меньше, но направление ихъ не измѣнено. Необходимо помѣщать обсерваторіи въ зданіяхъ крѣпкой постройки съ глубокими фундаментами, такъ чтобы не были чувствительны колебанія, производимыя вѣтромъ, движеніемъ экипажей и т. д. Италія въ этомъ отношеніи находится въ счастливыхъ условіяхъ; здѣсь много прекраснаго строительнаго камня, превосходные естественные цементы и т. д. Люди тоже хорошо воспользовались этими условіями и до недавняго времени строили чрезвычайно прочно.

Сейсмическіе инструменты лучше всего или прочно прикрѣплять къ стѣнамъ, или помѣщать на особыхъ столбахъ, связанныхъ съ поверхностью земли и фундаментомъ: еще лучше имѣть два ряда инстру-

ментовъ, изъ которыхъ одни помѣщены въ верхнемъ этажѣ зданій солидной постройки, а другія—въ подземелья и прямо утверждены на скалѣ. Лучшее помѣщеніе для обсерваторіи—на вершинѣ холмовъ, такъ какъ здѣсь движенія замѣтнѣе. Затѣмъ, такъ какъ трещины земной коры имѣютъ большое вліяніе на землетрясеніе, равно какъ и рѣчные бассейны и подземныя скопленія водъ, то полезно помѣщать обсерваторіи вблизи подобныхъ трещинъ.

До послѣдняго времени геодинамическія обсерваторіи устраивались тамъ, гдѣ было возможно, то-есть, гдѣ находились наблюдатели и средства для пріобрѣтенія инструментовъ; но начиная съ собранія Итальянскаго метеорологическаго общества въ Неаполѣ въ сентябрѣ 1882 года, было обращено вниманіе на то, чтобъ устроить обсерваторіи въ центрахъ извѣстныхъ большихъ сейсмическихъ движеній, затѣмъ вблизи центровъ сѣти трещинъ земной коры, и наконецъ въ центрѣ гидрографическихъ бассейновъ. Эти обсерваторіи должны быть снабжены самыми многочисленными и точными инструментами, а вокругъ нихъ должны быть устроены болѣе простыя станціи, стоящія менѣе дорого и не требующія особенно большихъ знаній отъ наблюдателя. Для Аппенинъ еще тогда предполагалось устроить три ряда обсерваторій, соответствующихъ тремъ главнымъ осямъ поднятій и трещинъ, а именно — вдоль цѣпи между главными вершинами и по двѣмъ синклинальнымъ линіямъ. Затѣмъ предполагается еще имѣть, кромѣ постоянныхъ, такъ сказать, переносныя обсерваторіи; извѣстно, что землетрясенія почти никогда не кончаются однимъ днемъ, а обыкновенно повторяются въ тѣхъ же мѣстахъ черезъ довольно продолжительныя промежутки времени; поэтому на обсерваторіяхъ слѣдуетъ имѣть переносныя инструменты, которые можно брать съ собою, отправляясь въ мѣста, подверженныя сильнымъ землетрясеніемъ. Не стану описывать инструментовъ, употребляемыхъ для наблюденія землетрясенія, тѣмъ болѣе, что они достаточно описаны въ брошюрѣ, упомянутой выше.

Въ Италіи и Швейцаріи выработана въ настоящее время классификація землетрясеній по ихъ силѣ; въ краткихъ описаніяхъ они обыкновенно обозначаются сообразно этой программы цифрами отъ одного до десяти, а именно: 1) микросейсмическое движеніе столь слабое, что оно записывается лишь однимъ сейсмографомъ или сейсмографами одинаковой системы; 2) движеніе, записанное сейсмографами разныхъ системъ; 3) движеніе, замѣченное нѣсколькими лицами и на столько сильное, что его направленіе и продолжительность могутъ быть

опредѣлены; 4) землетрясенія, замѣченныя и людьми, находящимися въ движеніи, трескъ пола, оконныхъ рамъ и т. д.; 5) землетрясенія, замѣченныя всѣмъ населеніемъ, движеніе мебели, кроватей и т. д., звонъ нѣкоторыхъ колокольчиковъ; 6) землетрясеніе, достаточно сильное для того, чтобы разбудить всѣхъ спящихъ, звонъ всѣхъ колокольчиковъ, колебаніе люстръ, остановка стѣнныхъ часовъ, замѣтныя колебанія деревьевъ; 7) паденіе посуды и другой подвижности, а также штукатурки, звонъ церковныхъ колоколовъ, всеобщій ужасъ, но безъ серьезнаго поврежденія зданій; 8) паденіе дымовыхъ трубъ, трещины въ каменныхъ стѣнахъ; 9) частное или полное разрушеніе нѣкоторыхъ зданій; 10) большія разрушенія, трещины и сдвиги земной коры, обвалы горъ.

Изъ числа инструментовъ, употребляемыхъ для регистраціи землетрясеній, помѣщенные въ подземельяхъ находятся въ гораздо большемъ соотношеніи съ большими, хотя бы отдаленными землетрясеніями, чѣмъ съ сильными землетрясеніями небольшого района; такъ, напримеръ, они пришли въ болѣе сильное колебаніе въ Болоньѣ во время Загребскаго землетрясенія въ февралѣ 1880 г., хотя оно было очень слабо въ Болоньѣ, чѣмъ во время другаго, на столько сильнаго, что одна изъ башенъ въ городѣ треснула сверху до низу. Для точнаго указанія часа землетрясенія употребляютъ часы, обыкновенно стоящіе, со стрѣлками на 12 часахъ: землетрясеніе должно приводить ихъ въ движеніе, и наблюдателю легко видѣть, за сколько времени началось движеніе. Нужно однако замѣтить, что инструменты для изученія землетрясеній, сдѣланныя въ Италіи, дѣйствуютъ довольно неудовлетворительно. Это зависитъ отъ низкаго уровня механическаго искусства въ этой странѣ.

На основаніи наблюденій надъ землетрясеніями де-Росси опредѣлилъ и нанесъ на карту линіи трещинъ земной коры, которыя онъ приводитъ въ соотношеніе съ образованіемъ горъ.

Я, конечно, охотно принялъ предложеніе де-Росси сдѣлать экскурсію въ Албанскія горы, въ окрестностяхъ Рима, чтобы увидѣть строящуюся сейсмическую обсерваторію въ Рокка ди Папа (Rocca di Papa) и метеорологическую станцію на Монте Каво (Monte Cavo).

Рокка ди Папа—настоящее орлиное гнѣздо, и на самой верхней части горы строится обсерваторія. Твердая скала даетъ надежный фундаментъ для маятниковъ съ медленными колебаніями, а для тѣхъ, которые должны колебаться быстро, было предположено—надъ очень

высокимъ первымъ этажемъ построить еще башню; къ сожалѣнiю, постройка стоила дороже, чѣмъ предполагали сначала, и архитекторы предложили поэтому не строить башни. Де-Росси выразилъ другое мнѣнiе, именно предлагалъ отказаться отъ нѣкоторыхъ архитектурныхъ украшенiй, лишнiхъ для обсерваторiи, а башню все-таки строить. Правительство приняло постройку обсерваторiи на свой счетъ; она также будетъ входить въ кругъ дѣятельности центрального метеорологическаго учрежденiя.

Затѣмъ мы отправились на Монте Каво, высшую точку Албанскихъ горъ; она, какъ извѣстно, образовала въ прежнее время сопку (вулканъ) громаднхъ размѣровъ. Съ вершины, поднимающейся на 965 метровъ надъ уровнемъ моря, открывается обширный видъ на всѣ окрестности; на ней монастырь пассионистовъ, съ метеорологическою станцiей, устроенною еще старанiями е. Секки. Наблюдаетъ настоятель, очевидно, очень заинтересованный этимъ дѣломъ.

На самой верхней точкѣ башни установленъ анемометръ системы Денца, уже нѣсколько мѣсяцевъ испорченный. Термометры, какъ вообще въ Италiи, слишкомъ защищены отъ вѣтра, но здѣсь все-таки температура получается съ меньшими ошибками, чѣмъ на первоклассныхъ обсерваторiяхъ въ Римѣ и Монкальери, вопервыхъ, потому, что вѣтры сильнѣе, а потому почти не бываетъ застоя воздуха, вовторыхъ, потому что монастырь стоитъ совсѣмъ отдѣльно, и втретьихъ, потому что прямо подъ термометромъ дугъ, а не черепичныя крыши.

Не смотря на небольшую высоту Монте Каво надъ уровнемъ моря, положенiе этого пункта очень выгодно для метеорологической станцiи, такъ какъ гора совершенно изолирована, а болѣе высокiя встрѣчаются не ближе 50 верстъ. Къ сожалѣнiю, здѣсь станцiя далеко не перваго разряда, такъ какъ монастырь бѣденъ, а правительство не даетъ денегъ. Последнее, можетъ быть, зависитъ отъ слѣдующаго обстоятельства. Предполагалось конфисковать монастырь, какъ и другiя недвижности, принадлежащiя духовнымъ корпорацiямъ. Однако возникъ процессъ, такъ какъ монастырь находится на землѣ, принадлежащей князю Колонна. Можетъ быть, просто забыли формально передать недвижимость монастырю. Благодаря этому, князь Колонни выигралъ процессъ, тянувшiйся долго, и монастырь продолжаетъ существовать.

За три года (1879 — 1881) оказались слѣдующiя среднiя температуры въ Римѣ (Collegio Romano) и въ Монте Каво, въ градусахъ Цельзiя:

	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Октябрь.	Декабрь.	Годъ.
Римъ	6,7	14,4	25,1	16,2	7,2	15,4
Монте Каво	2,9	8,2	19,9	10,5	4,4	10,4

Какъ обыкновенно бываетъ при сравненіи отдѣльныхъ горъ съ равниной, температура убываетъ медленнѣе осенью и зимой, чѣмъ весной и лѣтомъ; здѣсь же она убываетъ на каждые 100 метровъ возвышенія на 0,55 Ц. въ средней за годъ, на 0,68 въ апрѣлѣ и всего на 0,32 въ декабрѣ.

Лѣто на Монте Каво не жарче, чѣмъ въ нашихъ среднихъ губерніяхъ, и извѣстно, что многіе жители Рима переселяются на лѣто въ Албанскія горы, спасаясь отъ римскихъ жаровъ и лихорадокъ. Такъ дѣлаетъ и мой спутникъ, который имѣетъ виллу въ Рокка ди Папа. Въ прежнее время и папы проводили лѣто въ горахъ, но съ 1870 года перестали туда ѣздить, такъ какъ превратились въ добровольныхъ узниковъ Ватикана.

А. Восковъ.

Н. Н. МИКЛУХА-МАКЛАЙ.

(Некрологъ).

2-го апрѣля текущаго года скончался въ Петербургѣ извѣстный путешественникъ Николай Николаевичъ Миклуха-Маклай.

Покойный ученый воспитывался въ Петербургѣ, во второй гимназiи, а затѣмъ слушалъ лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ отправился въ Германію, гдѣ занимался нѣсколько лѣтъ зоологіей и состоялъ одно время ассистентомъ профессора Геккеля. Изъ Германіи Н. Н. Миклуха-Маклай совершилъ поѣздку къ берегамъ сѣверной Африки и Краснаго моря, главнымъ образомъ для изученія морскихъ животныхъ. По возвращеніи въ Россію, онъ сообщилъ Императорскому Русскому Географическому Обществу отчетъ объ этой своей поѣздкѣ и въ то же время ходатайствовалъ о дозволеніи ему отправиться, въ 1870 году, на русскомъ военномъ суднѣ въ Восточный океанъ. Онъ предполагалъ высадиться прежде всего на Новой Гвинее, затѣмъ посѣтить нѣкоторые другіе острова и подвигаться постепенно на сѣверъ до Охотскаго моря, при чемъ главною цѣлю своихъ занятій ставилъ изслѣдованіе фауны океана, собраніе зоологическихъ коллекцій, вопросы по географіи животныхъ, а также антропологическія и этнографическія наблюденія. Н. Н. Миклуха-Маклай получилъ Высочайшее разрѣшеніе отправиться въ путешествіе на корветѣ „Витязъ“. Осенью 1871 года онъ высаждался на восточномъ берегу Новой Гвинее, въ бухтѣ Астралабіи, на той именно части берега, которая была еще совершенно неизвѣстна европейцамъ. Экипажъ „Витязя“ построилъ ему домикъ, въ которомъ онъ и поселился съ двумя слугами, однимъ—шведомъ, другимъ—полинезійцемъ. Покойный путешественникъ прожилъ цѣлый годъ среди дикарей-папуасовъ, которые сначала чуждались его, но

потомъ жили съ нимъ мирно. Черезъ годъ въ бухту Астролябіи зашелъ военный клиперъ „Изумрудъ“ и принялъ путешественника, который совершилъ затѣмъ поѣздку на Филиппинскіе острова и въ Гонгъ-Конгъ, а оттуда отправился въ Батавію, гдѣ и занялся обработкой своего матеріала. Здѣсь онъ напечаталъ въ журналѣ Батавскаго ученаго общества интересный антропологическій очеркъ папуасовъ и нѣсколько другихъ небольшихъ статей. Въ 1874 году покойный Н. Н. Миклуха-Маклай отправился снова на Новую Гвинею, на этотъ разъ на юго-западный ея берегъ, откуда вывезъ зоологическія коллекціи и новыя этнографическія наблюденія. Послѣ того онъ посѣтилъ нѣкоторые острова Микронезіи и написалъ о нихъ нѣсколько интересныхъ статей, помѣщенныхъ въ Извѣстіяхъ Русскаго Географическаго Общества. Въ 1876 году Н. Н. Миклуха-Маклай отправился въ третій разъ на Новую Гвинею, къ тѣмъ же папуасамъ, среди которыхъ онъ жилъ въ первый пріѣздъ, и провелъ снова въ добровольномъ заточеніи около полутора года, получивъ только въ январѣ 1878 года возможность возвратиться въ Сингапуръ. Пробывъ затѣмъ нѣкоторое время въ Сидней, Н. Н. Миклуха-Маклай предпринялъ поѣздку на острова Меланезіи и въ 1880 года снова вернулся въ Австралію, гдѣ имъ были собраны интересные свѣдѣнія о „безволосыхъ“ австралійцахъ, объ оригинальныхъ способахъ уродованія тѣла, практикуемыхъ австралійскими дикарями, и т. д. Всѣ эти наблюденія были помѣщены имъ, въ рядѣ отдѣльныхъ писемъ къ профессору Вирхову, въ протоколахъ Берлинскаго антропологическаго общества. Въ 1883 году путешественникъ вернулся въ Россію, истративъ всѣ собственныя средства, а также доставленныя ему пособія, и будучи вынужденъ оставить въ Австраліи большую часть своихъ коллекцій. Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Россіи, получивъ вновь значительное пособіе на обработку описанія своего путешествія, Н. Н. Миклуха-Маклай отправился снова въ Австралію. Пробывъ тамъ около двухъ лѣтъ, онъ пріѣхалъ опять въ Россію и занялся составленіемъ записокъ о своихъ путешествіяхъ. Имъ уже былъ написанъ первый томъ и начатъ второй, когда продолжительная болѣзнь свела его въ могилу. За это время имъ было помѣщено нѣсколько очерковъ объ отдѣльныхъ островахъ Великаго океана въ журналѣ Сѣверный Вѣстникъ.

Digitized by Google

N° 1.

ΙΚC
 ΟΛΗΣΤ.
 Α. ΣΤΕΦΑΝΩ. /
 -ΥΝΗΗΠΕΠΟ... ΑΙΠΣ
 ΚΑΙΤΦΝΓΙΑΥ. ΤΗΔΙ
 ΠΙΤΩΙΣΥΝΠΡΑΓΜΑΤΕΥΟΦ
 ΣΑΙΔΕΤΟΥΣΣΤΕΦΑΝΟΥΣΕ
 ΟΜΟΙΩΣΔΕΚΑΙΕΝΤΩΙΑΙΩΝΙΤ.
 ΤΩΙΑΠΟΛΛΩΝΙΤΩΙΔΗΛΙΩΙΝ. Ι. Ε
 ΩΣΗΜΩΝΚΑΙΑΥΤΟΥΣΚΑ. ΕΚΓΟΝΟΥΣ
 ΚΑΙΙΣ. ΕΛΕΙΑ. Λ. Τ. ΪΕΜΟΥΚΑ
 ΚΑΙΤΑΛΛΑΦΙ/. Ο. ΩΠΑΚΑΙΤΙ. ΑΠΛΗΝ
 ΚΑΙΕΥΕΙΓΕΤ. . . . ΙΣΠΟ. ΕΩΞΥΙΙ. ΧΕΙ
 ΠΡΟΣΤΕΤ. . . . . ΥΝ. . . . . ΑΙ
 ΡΩΜΑΙΟΥΣΑ. . . ΓΡΑ. Λ. . . . . Α. ΟΝΤ. . . ΟΙ
 ΚΑΙΑΝΑ. ΕΙΝΑΙΕΝΤΩΙ. . . . ΕΣΤΑΤΩΙ. ΠΩΙΤΗ
 ΣΥΝΕΔΡΙΟΝΙΑΙΤΟΝ. . . ΟΝΜΕΓΑΡΕΩ. ΙΑΙΠΛΙ
 ΤΟΥΗΦ. ΙΑΑΝΑΓΡ. . . ΠΑΡΑΥΤΟΙΣΕΝΤΩΙΕΠΙΦ
 ΛΕΩΣ. ΚΑΙΟΠΛΩΣΟΙΣΤΕ. Ν. . . ΑΓ. ΕΥ. ΩΣΙΝΕΙ
 ΔΟΥΝΛΙΔΓΑΥΤΟΙΣΚΑΙΞΕΝ. ΤΑ. . . . . ΕΚΤΩΝΝΟΙ
 ΠΙΞΕΝΙΑΕΙΣ. Ο. Ρ. ΤΑΝΕΙΟΝΕ. Ι. . . . . ΙΙΙ. . . . Τ. . .

Spatium vacuum

$\alpha = \text{ΑΔΑ}$ $\beta = \text{ΠΠ}$
 $\sigma = \text{ΣΞ}$

N° 3.

. . . . . ΟΝΚΑΙΣΑΡΑΞΕΛΜΖΤΥΗ.
 ΑΡΧΙΕΡΕΜΜΕΙΙ. ΤΟΝΔΗΜΑΡΧΙΙ. ΙΙΣΕΞΟΥΣΙ
 ΕΒΔΟΜΟΝΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΑΤΟΔΩΔΕΚΑΤΟ
 ΤΟΝΤΟΤΕΤΑΡΤΟΝΠΑΤΕΡΑΠΑΤΡΙΔΟΣ

№ 2.

ΓΕΚΑΚΟΤΑΘΙΑΝΤΕ
 ΝΕΡΑΝΔΕΠΟΙΩΝΤΑ
 ΕΙΣΤΑΚΟΙΝΑΤΑΣΠΟΛ
 ΣΥΝΕΔΡΟΙΚΑΙΟΔΑΜ
 ΤΕΣΧΑΡΙΤ.....
 ΔΕΥΠΑ.....ΟΙΣ
 ΤΕΛ.....ΛΙΤΟΙΣ
 Η ΝΟΣΕ...ΤΑΙΠΡ
 ΕΙΣ ΟΝΔΑΜΟΝΚΑΙΕ
 ΓΜΑΤΑΚΑΙΕΠΠΩΙΤΟ
 ΤΑΣΣΥΝΚΛΗΤΟΥΤΑ>
 ΜΑΡΚΟΥΚΑΛΕΙΔΙ●
 ΩΝΚΑΘΩΣΔΙΑΨΥΑ
 ΕΠΙΤΑΙΚΑΛΟΚΑΓΘΟΙΑ
 ΤΑΣΙΑΙΣΤΕΦΑΝΩΣΑΙ
 ΝΑΘΕΜΕΝΤΑΝΕΙΚΟΝΑ
 ΠΩΤΑΣΥΤΟΛΙΟΣΕΝΟΙΑ
 ΙΡΑΨΥ...ΑΣΟΤΙΟΔΑ
 ΗΡΙΩΝ...ΝΕΘΗΚΕΑΡ
 ΜΣΕΧ...ΙΑΤΕΛΕΙΕΙΣ
 ΜΑΣΤΟ...ΦΑΝΟΝΕΝ
 ΛΙΣΤΙΟΙ...Ι...ΥΤΟΙΣΤ
 ΝΕΜΕΙΟΙΣ...ΣΚΛΑΤΙΕ
 ΦΑΝΙΤΑ.....ΙΟΤΩ
 ΚΑΙΑΛΛΟ...ΜΘ...ΠΡΟΣΤ
 ΔΕΚΑΙΤΟΝΕΤΙΜ...ΤΑΝ
 ΜΕΝΤΑΡΑΤΑΝΕΙΚΟ...ΑΝΗ
 ΚΑΤΑΣ...ΣΑΙΔΕ...ΙΑΝ
 ΤΑΝΛΤΙ...ΕΛΕΙΑΝ...ΕΡΙΤΑ
 ΕΓΔΟΘΗΚΑΤΑΤΟΥΣΝΟΜΟ
 ΕΠΙΣΤΑΜΩΝ *υπο* ΜΝΑΜΩΝ

ΤΩ
 .....
 .....Ο.....

ΣΤΟΤΕ
 ΥΠΑ

α = ΑΑΑ η = ΠΠΠ

β = Σ

ΚΑΡΤΟΥΤ.ΣΑΝ Α.ΜΩΔΗΝΑ Σ.Π.Β.

ТРИ НЕ ИЗДАННЫЯ МЕГАРСКІЯ НАДПИСИ.

Во время моей поѣздки въ Мегариду, сдѣланной въ концѣ августа 1886 г., мнѣ удалось видѣть и списать довольно много надписей частью уже изданныхъ, частью не изданныхъ. Изъ нихъ семь опубликованы мною въ греческой 'Εφημερίς 'Αρχαιολογική 1886 года, съ краткимъ комментариемъ по принятому въ этомъ журналѣ обычаю. Здѣсь я воспроизвожу 3 изъ нихъ, которыя, какъ мнѣ кажется, заслуживаютъ бѣльшаго вниманія и болѣе пространнаго комментарія, нежели тотъ, какимъ онѣ снабжены въ 'Εφημερίς. 2-я и 3-я изъ этихъ надписей, на сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не были изданы.

1) Мегары. Домъ Σπόρος τοκᾶς. Фрагментъ плиты бѣлаго мрамора. Сильно стертъ. Выш. 0,39, шир. 0,44, буквы 0,007 — 0,01. Johann Schmidt въ Mittheilungen, т. VI, р. 352, издалъ недостающее въ настоящее время начало и строки 1—11 нашей копіи (строки 1—16 полнаго текста). Онъ такъ описываетъ камень: „24 Zeiliges Bruchstück von einem Ehrendecret etwa aus der Mitte des 2-ten Jahrh. v. Chr. Die Buchstaben sind vielfach verstossen, und die Abschrift ist deshalb zeitraubend. Ich musste wegen Zeitmangel die Copie abbrechen... Der Ausfall am Ende wird in den folgenden zeilen immer geringer, so dass in den letzten nur noch ein paar Buchstaben fehlen. Die Länge der Zeilen steht durch z. 14 fest wo doch wohl nicht anders ergänzt werden kann als: εἰρ[ήνης καὶ κατὰ γῆν καὶ]κατὰ κτλ“. На прилагаемой таблицѣ верхняя часть текста, въ настоящее время недостающая и издаваемая по копіи Шмидта, обведена чертой. Разумѣется, я не могу ручаться за вѣрность чтенія этой части (см. надп. № 1, на приложенной таблицѣ).

- [ο . . . . .] . . . . .
 [μουστεο] . . . . .
 [ταναγραιω] . . . . . στα .
 [φάνωι και ἐ]ικό[νι . . . . . ἐ.
 5. [ξαποστ]ολῆς τ . . . . .
 [χου.]α[ι]στεφανῶ[σ]α[ι . . . . .
 [σ]ύνη ήπεπο[ιητ] αι π . . . . .
 και τ[ὸ]ν γραμ[μα]τῆ δι[κ] . . . . . ἐ.
 πι τῶι συνπραγματεού[ντι . . . . . ἀναγορεῦ
 10. σαι δὲ τοὺς στεφάνους ἐ[ν] πᾶσι τοῖς ἀγῶσι οὐδς ἡ πόλις ἡμῶν τίθητι
 ὁμοίως δὲ και ἐν τῶι ἀγῶνιτ[ῶν] . . . . .
 τῶι Ἀπόλλωνι τῶι Δηλίωι εἰν[α]ι[δ]ῆ . . . . . προξένους τῆς πόλε
 ως ἡμῶν και αὐτοὺς κα[ι] ἐχγόνους[αὐτῶν] . . . . . εἶναι δὲ αὐτοῖς
 και ἰσο[τ]έλεια[ν] κ[α]ι πολέμου κα[ι] εἰρήνης και κατὰ γῆν και κατὰ
 θάλασσαν
 15. και τᾶλλα φιλ[άν]θ[ρ]ωπα και τί[μ]ια πάν[τα] ὄσα και τοῖς ἄλλοις
 προξένοις
 και εὐεργέτ[αις] τῆς πό[λ]εως ὑπ[άρ]χει . . . . .
 πρὸς τέτ . . . . . ον . . . . . αι . . . . .
 Ῥωμαίους ἀ[να]γρά[ψ]αι . . . . . ον . . . . . οι . . . . .
 και ἀνα[θ]εῖναι ἐν τῶι [ἐπιφαν]εστάτωι[τό]πωι τῆς πόλεως τὸ δὲ
 20. συνέδριον και τὸν[δῆμ]ον Μεγαρέω[ν] . . . . .]λαιπαι . . . . .
 τὸ ψήφ[ισμ]α ἀναγρ[άψα]ι παρ' αὐτοῖς ἐν τῶι ἐπιφα[νεστά] τωι τόπωι
 τῆς πό
 λεως.: και ὅπως οἱ στέ[φα]ν[οι] ἀναγ[ορ]ε[υ]θῶσιν ἐν τῶ[ν] . . . . . τῶι
 ἀγῶνι
 δοῦναι δὲ αὐτοῖς και ξέν[ια]τα . . . . . ἐκ τῶν νόμ[ων]. καλῆσαι δὲ
 αὐτοὺς ἐ
 πι ξένια εἰς [τ]ὸ [π]ρ[ο]τανεῖον ἐ . . . . . τ . . . . . ο . . . . .

Какъ видно изъ послѣднихъ строкъ и изъ нѣкоторыхъ дополне-
 ній, въ надписи пропало справа несравненно больше, чѣмъ думалъ
 Шмидтъ. Надпись написана на κοινή и относится, по видимому, къ
 началу римскаго періода, то-есть, къ концу II в. до Р. X. Точныхъ дан-
 ныхъ для датировки надписи нѣтъ никакихъ. Въ строкѣ 18 упоми-
 наются римляне, но это слишкомъ обще для какого-нибудь дальнѣй-
 шаго заключенія. Подобное же упоминаніе римлянъ находится въ
 мегарской надписи этихъ же временъ, изданной Куманудисомъ въ

ἸΑθήνατον, т. II, стр. 480—483 ¹⁾). Надпись наша представляет собою декретъ въ честь нѣсколькихъ лицъ. Къ отдѣльнымъ пунктамъ почти ничего не остается замѣтить.

Стр. 15. Вышеприведенное Шмидтово чтение καὶ κατὰ θάλασσαν — не вѣрно.

Стр. 24. Послѣ εἰς τὸ πρυτανεῖον, по видимому, не было стереописнаго ἐς αἴριον.

2) Мегары. Домъ Георгія Камара. Плита бѣлаго мрамора. Края сохранились сверху, слѣва и снизу. Справа обломлена. Выш. 0,68. Шир. вверху плиты 0,155—внизу 0,195. Толщина 0,10. Величина буквъ 0,007—0,01.

(См. № 2 на приложенной таблицѣ).

	[ἐπειδὴ ὁ δεῖνα . . . . . διατελεῖ
	. . . . .
	. . . . . πάσαν]
1.	τὴ κακοπαθίαν πε]πονθῶς . . . . . φα
	νερὰν δὲ ποιῶν τὰ[ν ἔνοιαν καὶ προθυμίαν . . . . .
	εἰς τὰ κοινὰ τᾶς πόλιος. Ὅπως οὖν οἱ ἄρχοντες καὶ οἱ
	σύνεδροι καὶ ὁ δᾶμος[. . . . . φαίνονται ἀποδιδόν
5.	τες χάρι[ας] . . . . . ο[. . . . .
	δ. υπα . . . . . οισ . . . . .
	τ . . . . . χ]αι τοῖς. . . . .
	η . . . . . [ν]οσ ε . . . . .ται пр . . . . .
	εἰς τὸν δᾶμον καὶ ε[. . . . . δό.
10.	γματα καὶ εππωιτο . . . . .
	τᾶς συνκλήτου τᾶς[Ῥωμαίων . . . . .
	Μάρκου Καλειδίου . . . . .
	ων καθῶς διὰ τ[ὰ] ψα[φίσματα] . . . . .
	ἐπὶ ταῖ καλοκαγαυία[ι . . . . . καὶ ἐσερ-
15.	γασίαи στεφανῶσαι [αὐτὸν χρυσοῖ στεφάνωι καὶ ἀ-
	ναθέμεν τὴν εἰκόνα . . . . . ἐν ἐπιφανεστάτῳ τό-
	πφ τᾶς πόλιος ἐν Οἰκν[θειαι]?. . . . . ἀνα
	γραψα[ντ]ας ὅτι ὁ δᾶ[μος] ὁ Μεγαρέων τὸν δεῖνα . . . . .

¹⁾ Напрямѣрь, строка 16... καὶ παροίκου; Ῥωμαίους... стр. 27 τοὺς (παρεπίδ) ἀροῦντας Ῥωμαίων... мы обращаемъ на эту интересную надпись особенное вниманіе, потому что она упущена изъ виду и вовсе не утилизирована Гильбертомъ во II томѣ его учебника государственныхъ древностей.

- ηρίων[ος ἀ]νέθηκε ἀρ[ετῆς ἕνεκα καὶ . . . . .
 20. ἀς ἔχ[ων δ]ιαταλεῖ εἰς [αὐτὸν . . . . .
 μας τὸ[ν στέ]φανον ἐν [πᾶσι τοῖς ἀγῶσι οὐς ἀ πό
 λης τίθ[ητι καὶ] ἰ[εῖν τοῖς Π[υθίοις? . . . . . καὶ
 Νεμείοις[καὶ Ἀ]σπλακτεῖ[οις . . . . . ἀγῶνι στε-
 φανίτα[ι . . . . . ω]σιν ὅπως . . . . .
 25. καὶ ἄλλο[ι ἀγ]αθ[οῖ π]ρος . . . . . ἐλεῖσθαι . . . . .
 δὲ καὶ τὸν ἐπιμ[ελέ]την . . . . .
 μὲν παρὰ τὰν εἰκό[. . .]άνα . . . . .
 κατασ[χευά]σαι δὲ . . . . . ιαν . . . . .
 τὰν ἐπι[μ]έλειαν[π]ερὶ τὰ . . . . . ὅπως
 30. ἐγδοθῆ κατὰ τοὺς νόμο[υς. υοε?
 ἐπιστάμων τας. μνάμων nomen tertii magistratus?

Хотя въ вышеприведенной надписи нѣтъ никакихъ прямыхъ и точныхъ указаній для опредѣленія ея времени—нѣкоторыя соображенія могутъ способствовать приблизительному ея датированію.

Формы буквъ указываютъ на 1-й или самый конецъ II в. до Р. X. ¹⁾. I adscriptum одинъ разъ (строка 17 несомнѣнное возстановленіе τόφφ)—опущена. Діалектъ смягченный доризмъ. Но самымъ важнымъ моментомъ для опредѣленія времени нашей надписи служитъ упоминаніе римлянина Марка Калидія, при чемъ его граепомен написано черезъ двѣ α—Μάρκος. Такой способъ написанія этого граепомен можно прослѣдить по надписямъ приблизительно съ 170 г. до Р. X. ²⁾. Такъ въ senatus consultum изъ Оисвы ³⁾, гдѣ встрѣчается Μάρκος Χλαυδῖος Μαάρκου υἱός; въ извѣстномъ большомъ спискѣ проксерновъ Дельфійскихъ ⁴⁾, относящемся также приблизительно къ этому времени, встрѣчаются Μάρκος Οὐαλέριος Ὀμοττόντης καὶ τοὶ υἱοὶ αὐτοῦ

¹⁾ Ср. Прекрасныя наблюденія и таблицы въ *Reinach. Traité d'Epigraphie grecque*, стр. 204 слл.

²⁾ Въ некоторыхъ надписяхъ болѣе древняго времени встрѣчается написаніе Μάρκος. Напримеръ, С. I. G. 3045 = *Le-Bas-Waddington. Asie* № 60, *Ditt. Syll.* № 204 въ честь М. Валерія Мессалы, бывшаго praetor peregrinus въ 193 г.

³⁾ *Foucart. Archives des missions scientifiques.* 1872, p. 321 слл. и отдѣльно *Senatus consulte inédit de l'année 170 avant notre ère.* 1872. *Mommsen. Eph. Epigr.* 1873, стр. 278 ff. *Ioh. Schmidt* въ *Mitth.* IV, стр. 235 слл. *Ditt. Syll.* n. 226; срав. *Boissier. Des reformes orthographiques, attribuées à Ennius et à Attius. Rev. Arch.* 1869 vol. II, стр. 42 слл.

⁴⁾ *Wescher-Foucart. Inscript. réc. à Delphes* n. 18; *Ditt. Syll.* n. 198; срав. *Aug. Mommsen. Die Delphische Archonten. Philol.* XXIV.

Πόπλιος Γαῖος Μάρκος Κοῖντος Ῥωμαῖοι (строки 86—88), Μάρκος Αἰμώλιος Δέπεδος Μαάρκου υἱός Ῥωμαῖος (строка 118). Къ надписи въ честь консула Квинта Марція Филиппа 169 г. ¹⁾ ргаепомен Μάρκος также написано черезъ двѣ α. Какъ на позднѣе примѣры такого написанія можно указать на одну надпись изъ Гнеіона ²⁾ и двуязычную аргосскую надпись ³⁾ въ честь консула Κοῖντον Μαάρκιο[ν Κοῖν]του υἱόν Ῥῆγα 686—67 года. Въ началѣ императорскаго періода встрѣчаются снова примѣры написанія Μάρκος. Напримѣръ, въ одной также Гнеійской надписи въ честь Агриппы ⁴⁾ читаемъ Μάρκον Ἀγρίππαν τὸν αὐτῆς εὐεργέταν ἃ πόλις. И такъ эпоха перемены правописанія Μάρκος въ Μάρκος для насъ опредѣляется промежуткомъ между годами 67—13 (годъ смерти Агриппы) до Р. X. Наша надпись, можетъ быть, еще точнѣе опредѣляетъ эти границы. А именно: упоминающійся въ ней М. Calidius можетъ быть принятъ за лицо, неоднократно упоминающееся у Цицерона ⁵⁾ въ качествѣ выдающагося оратора (Brut. 79, 80). Онъ былъ преторомъ въ 697—57 г. (Cic. post reditum in Senatu 9, 32). Въ 700—54 г. говорилъ рѣчь въ пользу тенедеосцевъ (ad Q. fratrem II 9 (11) ⁶⁾), чтò дозволяетъ думать, что онъ бывалъ также на востокѣ и, по всей вѣроятности, и въ Греціи.

Если М. Калидій, упоминающійся въ нашей надписи, есть дѣйствительно лицо, встрѣчающееся у Цицерона, то въ виду того, что главная дѣятельность его падаетъ на время нѣсколько позже 67 года, можно еще сузить предѣлы, между которыми произошла перемена правописанія Μάρκος въ Μάρκος, чтò можетъ имѣть значеніе для датированія другихъ надписей съ правописаніемъ Μάρκος.

Итакъ, наша надпись на основаніи всѣхъ вышеуказанныхъ соображеній можетъ быть отнесена приблизительно къ срединѣ I вѣка до Р. X.

Объ отдѣльныхъ пунктахъ можно сказать лишь немногое.

¹⁾ *Dittenb. Syll.* 227.

²⁾ *Le-Bas. Megaride et Peloponnese*, № 242^a, съ примѣчаніемъ Вадингтона.

³⁾ *Le-Bas*, № 124.

⁴⁾ *Le-Bas*, № 243^b.

⁵⁾ Этими свидѣніемъ я обязанъ И. В. Помяловскому. Къ сожалѣнію, я получилъ его сообщеніе, когда греческій текстъ моей статьи былъ уже готовъ и сданъ въ редакцію.

⁶⁾ См. *Pauly. Realencyklopæd.* M. Calidius, гдѣ по ошибкѣ помѣщены рядомъ двѣ статьи, касающіяся одного и того же М. Калидіа и принадлежащія двумъ разнымъ соудружкамъ.

Почти цѣликомъ пропавшее начало содержало *considerants*. Лицо, въ честь котораго написанъ декретъ, терпѣло какія-то неудобства, неприятности на своей службѣ государству.

Стр. 10. δόγματα—дополнение взято изъ упомянутой надписи, изданной въ Ἀθήναιον. Непонятное слово стоитъ совершенно ясно въ копии и на эстампахѣ.

Стр. 11 σύγκλητος, на сколько намъ извѣстно, обозначаетъ въ надписяхъ римскаго времени постоянно римскій сенатъ.

Стр. 17. Въ концѣ строки послѣ οα видѣны на камнѣ остатки буквы ν или μ. Предложенное восстановление Οιαυδεία (или Οίαυθη см. Steph. Byz s. v. Ρήν. IV, 3, 4) означало бы, что мегарцы почтили гражданина Ιαυείν, и что декретъ предложено выставить въ обоихъ городахъ.

Стр. 19 ...ῥίω[ος я считаю концомъ отчества лица почтеннаго декретомъ.

Стр. 21. Восстановление этой строки я считаю безспорнымъ. Судя по ней, надпись имѣла около 35 буквъ въ строкѣ.

Стр. 22. Послѣ Π[υθίοις, если только предложенное восстановление вѣрно, могли быть упомянуты еще Исеміи.

Въ обѣихъ только что упомянутыхъ надписяхъ встрѣчается нѣсколько данныхъ, интересныхъ для внутренняго устройства Мегаръ въ римскую эпоху: какъ-то συνέδριον, σύνεδροι καὶ δᾶμος, γραμματεὺς, ἐπιστάμων, μνᾶμων, ἐπιμελήτης.

Σύνεδροι καὶ δᾶμος упоминается въ вышеупомянутой надписи, изданной Кумандисомъ въ Ἀθήναιον¹⁾. Въ строкахъ 29—30 этой надписи читаемъ ἔδοξε τοῖς ἀρχοῦσι καὶ συνέδροις τοῖς ἐκ πάντων[υ τ]ῶν ἐσίων καὶ τοῖ δάμωι. Гильбертъ²⁾ замѣчаетъ, что συνέδριον и σύνεδροι въ позднѣйшихъ надписяхъ обозначаетъ совѣтъ—βουλή.

Γραμματεὺς. Въ мегарскихъ надписяхъ болѣе древняго времени упоминается два рода секретарей: γραμματεὺς βουλᾶς καὶ δάμου и γραμματεὺς τοῦ δάμου. Намъ кажется—ихъ слѣдуетъ считать за различныхъ чиновниковъ³⁾. Въ нашей первой надписи упоминается просто γραμματεὺς. Изъ этого можно заключить о перемѣнѣ обстоятельствъ. Се-

¹⁾ Надпись эта, кажется вовсе не имѣлась въ виду Гильбертомъ при составлении II тома его учебника греческихъ государственныхъ древностей.

²⁾ Handb. der Griech. Staatsalterthümer II, стр. 316.

³⁾ Также думаетъ Фугаръ въ Explications надписей *Le-Bas, Megaride* стр. 13. Противнаго мнѣнія держится Гильбертъ. Handbuch II, стр. 72.

кретарь во время написанія нашей надписи быть, вѣроятно, одинъ, такъ что не было надобности въ эпитетѣ.

Ἐπιστάμων и Μνάμων встрѣчаются въ Мегарахъ, на сколько мнѣ извѣстно, въ первый разъ. Магистратъ съ именемъ Μνάμων встрѣчается въ дорійской Сициліи „οἱ ἐν Σικελίᾳ Δωριεῖς“, читаемъ у Плутарха ¹⁾,— „ὡς ἔοικα, τὸν ἐπίσταθμον μνάμονα προσηγόρευον“. Въ одной надписи изъ Акръ Сицилійскихъ ²⁾, читаемъ μναμονεύσας ἀγναῖς θαλαῖς. Въ противоположность Францу (въ комментаріи въ упомянутой надписи) намъ кажется, что это тотъ же магистратъ, что и у Плутарха. Этотъ μνάμων есть нѣчто въ родѣ предсѣдателя на пирахъ, можетъ быть, и съ сакральнымъ оттѣнкомъ. Во всякомъ случаѣ μνάμων нашей второй надписи не можетъ быть признанъ подобнымъ магистратомъ. Несравненно ближе показаніе Аристотеля ³⁾: „ἑτέρα δ' ἀρχή, πρὸς ἣν ἀναγράφεται δαῖ τά τε ἴδια συμβόλαια καὶ τὰς κρίσεις ἐκ τῶν δικαστηρίων. παρὰ δὲ τοῖς αὐτοῖς τοῖσι καὶ τὰς γραφὰς τῶν δικῶν γίνεσθαι δαῖ καὶ τὰς εἰσαγωγὰς. ἐνιαχοῦ μὲν οὖν μερίζουσι καὶ ταύτην εἰς πλείους, ἔστι δὲ μὲν κορία τούτων πάντων καλοῦνται δὲ ἱερομνήμονες καὶ ἐπιστάται καὶ μνήμονες καὶ τοῖσι ἄλλα ὀνόματα σύνεγγος“. Въ значеніи, упомянутомъ Аристотелемъ, мы встрѣчаемъ μνήμονες или μνάμονες или „καὶ τοῖσι ἄλλα ὀνόματα σύνεγγος“ во многихъ государствахъ. Προμνάμονες и συμπρομνάμονες въ Аккарнаніи ⁴⁾, συμμνάμονες въ Херсонисѣ въ знаменитой надписи въ честь Діофанта ⁵⁾, μνάμονες въ Гортинѣ въ знаменитомъ кодексѣ ⁶⁾, μνήμονες въ Аликарнассѣ ⁷⁾ и Іалисѣ ⁸⁾. Не знаю, не слишкомъ ли погрѣшу противъ этимологіи и морфологіи, если предложу ἐπιστάμων считать палліативомъ слова ἐπιστάτης.

Ἐπιμελητής. Подъ такимъ именемъ встрѣчаемъ въ разныхъ государствахъ чиновниковъ съ самыми разнообразными функціями. Они бы-

¹⁾ Въ самомъ началѣ Συμποσιακῶν.

²⁾ С. I. G. 5431.

³⁾ Polit. VII. 8.

⁴⁾ Ditt. Syll. 521.

⁵⁾ *Latyschew. Inscriptioes orae Septentrionalis Ponti Euxini 185, Ditt. Syll. 252, ср. В. В. Латышевъ. Устройство Херсониса Таврическаго Ж. М. Н. Пр. 1884. т. 6-й.*

⁶⁾ Изъ обширной литературы упомяну *Bücheler* и *Zittelmann* „Das Recht von Gortyn“ *N. Rh. Mus. XL Ergänzungsheft*, стр. 54.

⁷⁾ Ditt. 5.

⁸⁾ Ditt. 77.

вали и постоянные, какъ въ Афинахъ, и назначаемые ad hoc, какъ въ Таврическомъ Херсонисѣ ¹⁾).

№ 3. Большая плита бѣлаго мрамора, служащая барьеромъ у лѣстницы, ведущей въ погребъ дома Γεωργίου Δαλλᾶς. Длина написанной стороны 1,18, ширина 0,23, буквы 0,027—0,03.

Τιβέριον Κλαύδι]ον Καίσαρα Σεβαστόν[Γερμανικόν
 Ἀρχιερέα μέγιστον, δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ τέ—
 ἔβδομον, αὐτοκράτορα τὸ δωδέκατον, βλα— р. Ch. 47.
 τον τὸ τέταρτον, πατέρα πατρίδος.

Последнее τε во 2-й строцкѣ я не знаю, какъ объяснить. Можетъ быть, можно признать ошибку рѣщика, начавшаго вырѣзать τέταρτον.

Императоръ, названный въ надписи, безъ сомнѣнія, Клавдiй. Это подтверждается, во первыхъ, тѣмъ, что пространство въ началѣ первой строки совершенно наполняется словами τιβέριον κλαυδι]ον, во вторыхъ, тѣмъ, что 12-е провозглашенiе императоромъ и четвертое консульство совпадаютъ съ 7-й трибунскою властью только въ 7-й годъ Клавдiя—47 по Р. X. и подобное совпаденiе не повторяется болѣе ни для какаго императора.

Клавдiй не пользовался, какъ извѣстно, титуломъ императора, какъ граепомен ²⁾): это также согласуется съ нашимъ восстановленiемъ 1-й строки и тѣмъ небольшимъ пространствомъ, которое пропало. Никакое имя императора не умѣстилось бы тамъ, еслибы ему предшествовало слово Ἀυτοκράτορα. Между тѣмъ, не можетъ быть подвержено сомнѣнiю, что ни одной строки сверху не пропало. Что касается провозглашенiя императоромъ, то въ этомъ отношенiи Клавдiй превзошелъ всѣхъ другихъ, принимая этотъ титулъ по нѣсколькx разъ въ годъ безъ всякаго особаго повода ³⁾. Это подтверждается и надписями, изъ которыхъ видно, что въ одномъ только 47 г., изъ котораго происходитъ и наша надпись, онъ принялъ нѣсколькx разъ:

Imp. XII (наша надпись и Ocelli-Henzen, № 331).

Imp. XIII (нѣтъ текстовъ).

Imp. XIV (,ex numis* Eckh. IV p. 249).

Imp. XV (C. I. L. VI 918—Wilmanns Exempla 898).

Когда въ точности онъ принялъ титулъ Imp. XII, нельзя сказать,

¹⁾ Ср. В. В. Латышевъ, вышеупомянутая статья стр. 43 (отдѣльн. оттиска).

²⁾ См. Eckhel. Doctr. Numm. Vet. VI стр. 247. Suet. vita Claudii, 12.

³⁾ Ср. Dio Cassius LX, 8. LX, 21. Eckh. D. N. VI стр. 248.

такъ какъ есть двѣ надписи противорѣчащія одна другой. Въ одной: trib. post. VI (=46 г.) imp. XII (Ostia Henz. 5098 Wilm. 738); въ другой: trib. pot. VII imp. XI (I. Neap. 6265. Wilm. 817 ¹).

Что касается титула *πατήρ πατρίδος* см. Dio Cass. LX. 3 Eckhel. VI, стр. 239. C. I. L. VI 2032 Acta fratrum Arvalium.

А. Щукаревъ.

.

---

¹) Въ сожалѣнiю, послѣднюю надпись не могу цитировать по IX или X томамъ С. I. L. за неимѣнiемъ хотя бы одного экземпляра ихъ въ Лейпзигѣ.

ЭЛЕГИ СЕКСТА ПРОПЕРЦІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Появляясь съ посильнымъ русскимъ переводомъ одного изъ оригинальнѣйшихъ и художественно-правдивыхъ римскихъ поэтовъ, чувствуемъ потребность, если не вполне высказаться, то по крайней мѣрѣ указать читателю на многое, безъ чего, по нашему мнѣнію, элегии Проперція не могутъ быть правильно оцѣнены въ ихъ историческомъ значеніи.

Въ послѣднія десять лѣтъ мы неоднократно появлялись передъ читателями съ переводами латинскихъ поэтовъ и считаемъ отряднымъ долгомъ принести сердечную благодарность тѣмъ немногимъ, которые отнеслись къ нашему труду съ благосклоннымъ вниманіемъ и серьезностью. Конечно, по пословицѣ „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“, мы, съ одной стороны, не отрицаемъ человѣческой предначертанности, но съ другой—ежеминутнымъ опытомъ убѣждены, что окончательный исходъ зависитъ отъ тысячи обстоятельствъ, ускользающихъ отъ человѣческой предусмотрительности. Эта вѣчная истина повторилась и въ нашей частной дѣятельности и поразила насъ, только когда при концѣ мы оглянулись на пройденный нами путь. Въ выборѣ послѣдовательности переводовъ мы не руководились ничѣмъ, кромѣ минутной склонности и влеченія. Не странно ли, что когда усиливающаяся слабость зрѣнія лишаетъ насъ надежды послужить дѣлу новымъ серьезнымъ трудомъ, мы появляемся съ переводомъ самаго беззавѣтно правдиваго представителя римской жизни въ моментъ ея высшаго эстетическаго развитія со всѣми особенностями духовныхъ и плотскихъ отношеній между поэтами? Поэтому Проперціей для яснаго своего уразумѣнія требуетъ наиболее зрѣлаго и сосредоточеннаго вниманія читателя. Если при переводахъ другихъ поэтовъ мы насчитываемъ своихъ читателей немногими сотнями, то при изданіи Проперція—въ правѣ разчитывать только

на единицы. Но тѣмъ сильнѣе въ насъ потребность высказаться передъ такими читателями.

Нашъ вѣкъ всюду, и преимущественно въ нашемъ отечествѣ, можно назвать центробѣжнымъ. Наше жизненное солнце старается во всѣ стороны какъ можно далѣе озарить окружающую тьму. Это совершенно законно и понятно, но сравненіе не вѣрно потому, что солнце, рассылая лучи изъ неизчерпаемаго источника, не готовитъ для себя эту рассылкою никакой личной дѣятельности, тогда какъ человѣкъ озаряетъ свой путь въ непосредственной надеждѣ дальнѣйшаго направленія своихъ шаговъ съ наибольшемъ безопасностью. Та логическая лабораторія, въ которой разумъ сводитъ всѣ известныя ему явленія къ одному умственному знаменателю, называется философскимъ міросозерцаніемъ, и къ этой - то лабораторіи, къ сожалѣнію, такъ равнодушно наше время, величающее себя реальнымъ. Оно какъ бы не подозреваетъ, что возможный порядокъ въ этой лабораторіи несравненно важнѣе для реальной жизни самыхъ дальнихъ предѣловъ, достигнутыхъ центробѣжными лучами ума; ибо мы скорѣе довернися проводнику съ фонаремъ въ рукѣ, освѣщающимъ дорогу лишь на пять шаговъ, но умѣющему найдтись въ данной мѣстности, чѣмъ кондуктору съ электрическимъ фонаремъ, не могущему сообразить ни состоянія пути, ни давленія собственнаго поѣзда. Что же однако происходитъ при такомъ отсутствіи разумной обработки безчисленныхъ фактовъ въ единое міросозерцаніе? Выходитъ, что и это хорошо и необходимо, и другое, прямо ему противоположное и его исключющее, еще болѣе хорошо и еще болѣе необходимо; другими словами, въ практической дѣятельности выходитъ по пословицѣ о журавлѣ въ болотѣ: „носъ вытащить—хвостъ увязнетъ, хвостъ вытащить—носъ увязнетъ“, а въ нравственной дѣятельности оказывается, что у всѣхъ высочайшій идеалъ человѣческаго достоинства не сходитъ съ языка во время публичной бесѣды; но какъ только каждый изъ собесѣдниковъ обратился къ своему насущному дѣлу, всѣ его помысленія устремлены на то, чтобы на рукахъ или платьѣ какъ-нибудь не задержалась хотя бы малѣйшая частица этого идеала, способная испортить его работу. Въ чемъ же заключается главная задача разума?

Онъ долженъ въ своей лабораторіи, признавая два противорѣчивыя по существу естественныя стремленія, стараться поставить каждое на своемъ мѣстѣ, не давая одному врываться въ область другаго точно также, какъ это дѣлаетъ, будничныи умъ, пользуясь для практическихъ цѣлей враждующими между собою стихіями. Не возможно подымать вопросъ о законности несомнѣнныхъ явленій огня и воды. Раздѣленные другъ отъ друга непроницаемою трубой, они исправно заставляютъ кипѣть самоваръ; но

разрушите существующую между ними преграду, и огонь потухнет, а вода смѣшается съ золою. Въ практической дѣятельности даже не бываетъ такого умственного смѣшенія. Человѣкъ, выпрадая нить, дѣлая кирпичъ или стрѣляя изъ ружья, не руководствуется никакими высшими соображеніями, которыя портили бы дѣло, только развлекаая его; равнымъ образомъ если онъ и предается какому-либо завѣдомо дурному влеченію, то не потому, что считаетъ его хорошимъ, а потому, что не въ силахъ противиться этому дурному, слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ никакой борьбы между логически противорѣчивыми началами не происходитъ; но когда дѣло идетъ объ отысканіи разумнаго принципа для совокупнаго дѣйствія, то не возможно не остановиться передъ явными противорѣчіями. Когда два такіа противорѣчивыа начала являются необходимыми условіями жизни, то и наилучшее распознаніе хорошаго отъ дурнаго, симпатичнаго отъ несимпатичнаго мало подвигаетъ самое дѣло. Задача не въ рѣшеніи—что лучше, вода или огонь, а въ томъ, какъ наилучшимъ образомъ поставить самоваръ, что возможно только при тщательномъ раздѣленіи смежныхъ и враждебныхъ другъ другу стижій. Но тамъ, гдѣ, какъ передъ произведеніями искусства, нашу задачу является не какое-либо дѣйствіе, а только одно пониманіе, строгое распредѣленіе противорѣчивыхъ началъ становится обязательнымъ, такъ какъ предстоящее произведеніе и представляетъ въ сущности гармоническое ихъ сочетаніе. Приступить къ Проперцію съ тѣми или другими понятіями, развивавшимися и сплывавшимися въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ, было бы равносильно рѣшенію заранѣе отказаться отъ всякаго пониманія, такъ какъ съ первыхъ же шаговъ приходится вступать въ міръ, совершенно чуждый намъ по принципамъ, если не по самымъ явленіямъ.

При чтеніи всѣхъ римскихъ лириковъ, съ которыми мы до сихъ поръ ниѣли дѣло, у насъ, можно сказать, рябитъ въ глазахъ отъ разнообразія струй, волнующихъ ихъ вдохновеніе. Начиная съ Катупла, мы рядомъ съ волненіями любви находимъ волненія насмѣшки, ненависти, дружбы, стремленіе къ домашнему очагу, къ красотамъ природы, торжественному настроенію триумфальныхъ и праздничныхъ дней и даже переходъ къ эпическому исчерпыванію прекраснаго. То же можно сказать о Горации и даже о Тибуллѣ, у котораго, если внимательно присмотрѣться, Деція и Немезида—только блестящіе узоры или гвозди, которыми онъ старается растянуть мягкій коверъ своей любви къ сельской жизни.

Совершенно не то у Проперція. Развивая одинъ за другимъ свитки элегій Проперція, мы съ первыхъ строкъ и до послѣднихъ, исключая четвертой книги (о которой скажемъ ниже), встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ

женщиной, составляющею главное содержаніе, тогда какъ все другое является только вспомогательнымъ средствомъ. Выбора нѣтъ: или мы должны понять эту женщину и ея отношеніе къ поэту, или отказаться отъ всякаго пониманія. Эта женщина—гетера Цинтія.

Греческое слово *ἑταῖρα* (подруга, пріятельница), вводя въ самое русло такъ-называемаго женскаго вопроса, вынуждаетъ насъ хотя сколько-нибудь внимательно оглянуться и рассмотреть: что это за теченіе, гдѣ его первоначальный исходъ и одинъ ли онъ или у него два истока?—о чемъ заставляетъ насъ догадываться явно различная окраска водъ, плохо сливающихся между собою, не смотря на частыя пересѣченія потока несущимися по немъ судами. Хотя водный резервуаръ извѣстной горной цѣпи можетъ быть одинъ и тотъ же, но это не даетъ намъ права увѣрять, что щелочный или желѣзный ключъ не отличается отъ прѣсноводной рѣчки, въ которую онъ впадаетъ. Равнымъ образомъ мечтательно игривое влеченіе половъ въ животномъ мірѣ по существу своему совершенно отлично отъ стремленія къ семейной жизни, а тѣмъ болѣе къ дѣторожденію, хотя по волѣ природы послѣднее является въ большинствѣ случаевъ послѣдствіемъ перваго. Въ самомъ первомъ проявленіи своемъ эти два жизненные тока—половое влеченіе и семейная жизнь—относятся другъ къ другу какъ поэзія къ прозѣ, и потому нечего удивляться, что всѣ поэты, подобно соловьямъ, воспѣваютъ первое, красивое и безцѣльное и молчатъ о второмъ, заботливо цѣлесообразномъ, высоко полезномъ и безмолвно почтенномъ. Нигдѣ отношеніе этихъ стремленій не выражено съ большею наглядностью, чѣмъ въ „Донъ-Жуанъ“ гр. Алексѣя Толстаго. Въ „Донъ-Жуанъ“, достигнувъ цѣли, каждый разъ воображаетъ, что онъ ошибся въ данномъ случаѣ въ поискахъ идеала, что только случайно послѣдняго не оказалось въ этой женщинѣ, но за то онъ несомнѣнно находится въ слѣдующей. Онъ не догадывается, что идеалъ находится въ томъ ненормально восторженномъ состояніи, въ которое онъ каждый разъ впадаетъ, и потому въ качествѣ идеала не можетъ быть тождественъ съ какимъ-либо реальнымъ явленіемъ. Съ объективной точки зрѣнія, на которую обязанъ остановиться безпристрастный изслѣдователь, негѣпо при видѣ двухъ разнородныхъ явленій спрашивать: что лучше—вода или трава, плѣнительная своими роскошными волосами Лилитъ, или Ева, на которую книга Бытія прямо указываетъ какъ на помощницу? Поставивъ вопросъ такъ, какъ онъ заявленъ самою природою, съ одной стороны, и гражданственностью—съ другой, посмотримъ, какъ онъ разрѣшался въ греческой и затѣмъ въ римской жизни.

У грековъ идеаломъ супруги, матери и хозяйки, можно сказать, навсегда оставалась Пенелопа, и другое прирожденное стремленіе къ любов-

ному обаянію выразилось въ той же „Одиссеѣ“ въ образѣ музыкальной волшебницы Цирцеи. Долговременное отсутствіе мужа въ глазахъ грековъ не давало никакого права Пенелопѣ принимать предложенія нахальныхъ жениховъ, и вернувшійся Одиссей, перебивъ нахаловъ, тотчасъ же повѣсилъ служанокъ, дозволившихъ себѣ предосудительное въ почтенномъ домѣ поведеніе. Иначе смотрѣли греки на положеніе мужчины. Могла ли Пенелопа удивляться отношеніямъ Одиссея къ прелестной Навзикаѣ или соблазнительной Калипсо, когда въ этихъ случаяхъ сама женская богиня Аенна (Одиссея Жуковского, пѣснь VI, ст. 231).

Кольцами кудри, какъ цвѣтъ гіацинта, ему закрутила.

Греческія женщины при полной зависимости отъ семьи были далеко менѣ развиты даже въ тѣлесномъ отношеніи, чѣмъ ихъ мужья. По крайней мѣрѣ Цицеронъ разказываетъ, что въ бытность свою въ Афинахъ видѣлъ много красивыхъ мужчинъ и далеко не такъ много красивыхъ женщинъ. Поэтому у грековъ потребность общенія съ образованными женщинами рано вызвала явленіе гетеръ. Мы впади бы въ большую ошибку, считая гетеру продажною женщиной. Изъ чтенія одного Проперція мы можемъ убѣдиться, что его Цинтія есть только женщина свободная отъ семейныхъ узъ и потому могущая безпрепятственно располагать своею благосклонностью. Никто не пойдетъ приносить вѣнковъ къ дверямъ продажнымъ и не станетъ напрасно вздыхать ночи напролетъ передъ общедоступнымъ порогомъ. Сердце Цинтіи неизмѣнно принадлежитъ Проперцію, но ея вѣрность нисколько для нея не обязательна.

Если раздѣленіе функций (отправленій) существуетъ во всей природѣ, то не можетъ его не быть и въ исторіи человѣчества, какъ части цѣлаго. И въ этомъ смыслѣ Грецію можно сравнить съ махровымъ цвѣткомъ, а Римъ—съ корнеплоднымъ растеніемъ. Если въ первой все и даже самый корень—для красоты, то во второмъ самое цвѣтеніе—только для наилучшаго развитія корня; вотъ почему мы видимъ, что утонченныя искусства рядомъ съ Аспазіями не вредили Афинамъ. Не на пышность цвѣтовъ нападалъ прозорливый Демосеенъ, а на дряблость корня. За то ясный эстетическій взоръ грека строго видѣлъ границу между тѣми двумя теченіями, о которыхъ мы говорили выше.

Грекъ всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ предѣлъ, за которымъ поэзія жизни переходитъ въ прозу, и собственнымъ примѣромъ разъ навсегда утвердилъ этотъ предѣлъ въ области поэзіи. Грекъ понималъ, что слабый полъ инстинктивно ждетъ опоры, и для того, чтобы рука мужчины протянулась, женщины необходимо нравиться, то-есть, дѣйствовать эстетическими средствами.

Совершенно иное историческое значеніе выпало на долю гетеры въ Римѣ, этомъ корнеплодномъ растеніи, коего природною задачею былъ не поэтической расцвѣтъ, а прочное вкорененіе и наибольшій захватъ земли. Характеристическою подкладкою римлянина была не эстетика, допускающая многообразныя химерическія сочетанія, а устойчивая гражданственность, требующая строго логическаго закономернаго развитія. Поэтому въ древнемъ Римѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо цѣнилось и уважалось призваніе гражданокъ (матронъ), этихъ строгихъ и неусыпныхъ блюстительницъ всяческой чистоты. Наилучшимъ объясненіемъ какого-либо хорошаго качества въ человѣкѣ было выраженіе „domi habet“, „онъ на этомъ выросъ“, „это у него семейное“. Мыслимо ли было любовное замгрываніе въ строго нравственной средѣ, римской матроны, въ средѣ, про которую Ювеналъ (сат. VI, ст. 339) говорить:

340. Тамъ, откуда и мышь, сознающая полъ свой, уходитъ,
Тамъ, гдѣ завѣсить велеть картину всякую, если
Изображается въ ней хоть что-либо пола другаго.
Былъ ли тогда человѣкъ, презиравшій боговъ?

Строго логическій римлянинъ понималъ, что безъ твердыхъ семейныхъ началъ нѣтъ ни твердой гражданственности, ни государственнаго единства. Поэтому если явленіе гетеры ни мало не шло наперекоръ эстетическому настроенію грека, все большее увлеченіе этимъ пришлымъ элементомъ было со стороны римлянина семейною, а потому и государственною измѣною, за которую Римъ расплатился своимъ бытіемъ. Если къ полной невозможности, для всякаго посторонняго, свободнаго общенія съ римскими семейными женщинами прибавить, что захваченный любовникъ вмѣстѣ съ виновною супругой подвергался безошадному гнѣву мужа, то понятно, что римлянинъ, вкусившій плоды эллинскаго образованія, искалъ такого общенія у свободныхъ женщинъ, которыя, отказываясь отъ почета, приобретали тѣмъ легчайшій доступъ къ изяществу въ средѣ образованнаго мужскаго общества, подобно тому, какъ и въ наше время артисты, выдающіеся своимъ дарованіемъ, приглашаются въ дома, при чемъ нравственныя ихъ качества не идутъ въ соображенія.

Какъ бы то ни было, молодой Проперцій появился съ своими элегіями въ то время, когда гетеры стали въ Римѣ уже туземнымъ и обычнымъ явленіемъ. Каждая строка витіеватыхъ элегій Проперція, обращенная къ свободной Цинтіи, совершенно понятна, тогда какъ обращенная къ семейной женщинѣ, была бы логическою и историческою бессмыслицей.

Если справедливо было сказать, что безъ Лезбіи Катуллъ не освободился бы отъ подражанія александрийцамъ, то не менѣе справедливо, что безъ

Цинтия не было бы и самых элегий Проперция. Настоящее имя Цинтия было Гостия. Она родилась в Тибурѣ и происходила отъ второстепеннаго поэта Гостия. Незамужняя и проводящая жизнь либертины, она находилась въ связи то съ неизвѣстнымъ намъ преторомъ (кн. I, 8; кн. II, 16), то съ другими возлюбленными. Поразивъ наружною прелестью молодаго Проперция, она привлекла его необыкновеннымъ образованіемъ и, послѣ долгихъ и томительныхъ уклоненій, наконецъ ошастливила его своею благосклонностью. Ея пѣніе, танцы, даръ краснорѣчія и поэзіи и способность цѣнить поэтическій даръ молодаго Проперция навсегда покорили его сердце. Онъ испыталъ, что всякія жалобы на ея легкомысленную невѣрность и даже сребролюбіе только раздражали ее и вызывали на противорѣчіе. Поэтому онъ всюду успѣшно прибѣгаетъ къ ласкательствамъ. Таковъ строй его элегий, въ которыхъ онъ всѣ ея недостатки и пороки украшаетъ цвѣтами поэзіи, приравнивая ее ко всѣмъ богинямъ и героинямъ, прославившимся любовными похождениями, такъ какъ и онѣ, стоя внѣ семьи, были въ этомъ отношеніи гетерами. Но по врожденному чувству правды онъ постоянно указываетъ на вѣрность героинь къ своимъ избраннымъ въ различіе отъ безсовѣстной неразборчивости современныхъ дѣвъ. Старше Проперция лѣтами Цинтія умерла раньше его, и по смерти ея онъ вспоминаетъ о ней, какъ напримѣръ IV, 7. Даже при поверхностномъ знакомствѣ съ произведеніями нашего поэта мгновенно чувствуется, что передъ нами не простое отраженіе современныхъ картинъ и обстоятельствъ, а самобытная творческая сила, придающая всему свой духовный отпечатокъ. Это не ассигнація, указывающія на извѣстную цѣнность, а чистое золото, само представляющее эту цѣну. Поэтому его пѣсни не только ласкаютъ наши чувства, но и вызываютъ на подражаніе, о чемъ говоритъ самъ Гете въ письмѣ отъ 28-го ноября 1798 года: „Элегии Проперція, прочтенныя мною почти всѣ въ переводѣ Кнебеля, произвели въ моей природѣ обычное подобнымъ вещамъ сотрясеніе: желаніе произвести нѣчто подобное, котораго я долженъ избѣгать, такъ какъ въ настоящее время имѣю въ виду инныя задачи“. Гете дѣйствительно вспоминаетъ Проперція въ своей элегии „Германъ и Доротея“ и подражаетъ ему въ стихотвореніи „Besuch“, принося своей спящей милой плоды и цвѣты.

Вторымъ признакомъ творческой жизненности произведеній Проперція служитъ неисчерпаемое богатство мотивовъ, которыми онъ наполнилъ столь тѣсный, по видимому, кругъ любовныхъ стихотвореній, такъ что постоянно изумляетъ насъ невсякакомыи ключемъ поэтическаго богатства. Не умомъ придуманы эти мотивы, а возникли изъ живаго созерцанія, какъ это видно изъ того, что всѣ они мѣстны, личны, непосредственны и

до того пластичны, что кажется, будто мы ощупываемъ руками выпуклые предметы. Наконецъ, все это изумительное богатство образовъ вырѣзано такимъ острымъ рѣзцомъ на твердомъ гранитѣ римской рѣчи и въ то же самое время выглажено въ такія мягкія очертанія, что вся его индивидуальность съ полною ясностью сохранилась въ теченіе тысячелѣтій. Желая доставить и русскимъ читателямъ-неспеціалистамъ возможность полюбоваться этими пышными узорами, мы и на этотъ разъ старались воздержаться отъ соблазнительнаго и столь легкаго приема сглаживания своеобразной рѣчи поэта, согласно требованіямъ современнаго гладкаго стиха. Конечно, чѣмъ болѣе стирать и сравнивать выпуклости античнаго рельефа, тѣмъ глаже выйдетъ онъ на ошупь. Но на такого рода переводъ у насъ не подымается рука. За то мы убѣждены, что читатель, вооружившись терпѣніемъ и пользуясь приложенными примѣчаніями, близко подойдетъ съ нашими переводомъ къ впечатлѣнію самого подлинника.

Настоящій переводъ по отношенію къ тексту составленъ главнымъ образомъ по четыремъ изданіямъ: нынѣ устарѣвшему Квинелю, въ большинствѣ случаевъ исправленъ по Луціану Мюллеру, и затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предпочтеніе отдано изданіямъ Палея и Беренса.

Жизнь Проперція.

Секстъ Проперцій родился въ 708 году отъ основанія Рима, въ Умбріи, въ которой множество городовъ, какъ напримѣръ, Амерія, Асвзій, Гиспелль, Сполетій считаются его родиной. Происходя изъ средней по положенію и состоянію фамиліи, онъ рано уже потерялъ отца и часть оставленнаго ему наслѣдства и выросъ на глазахъ матери, умершей только въ 730 году. Съ раннихъ лѣтъ мальчикъ былъ отправленъ ею для образованія въ Римъ, гдѣ вскорѣ предался ревностному изученію александрійскихъ поэтовъ, преимущественно Каллимаха и Филета, которыхъ избралъ своими образцами. (Отрывки подражаній „*Aitias*“ Каллимаха въ примѣненіи къ римскимъ условіямъ сохранились въ IV-й книгѣ элегій нашего поэта). Между сверстниками поэта, вмѣстѣ съ Понтикомъ, творцомъ эпоса, воспѣвавшаго походъ семерыхъ противъ Фивъ, и Эліемъ Галломъ, погибшимъ въ качествѣ египетскаго префекта въ несчастномъ походѣ 730 года въ Аравіи, находился и П. Овидій Назонъ: онъ былъ только тремя годами моложе Проперція, но послѣдній нигдѣ не упоминаетъ о немъ. Къ важнымъ лицамъ, стоявшимъ во главѣ государства, Проперцій былъ введенъ, можетъ быть, Тулломъ (см. заглавіе I, 1), напримѣръ, къ Мecenату, у котораго онъ и жилъ на Эсквлинѣ; но по одному уже неравенству лѣтъ отношеніе Проперція къ другу и покровителю всѣхъ римскихъ талантовъ не могло быть такимъ короткимъ, каковымъ оно было у Виргилія и Горация. Самому Августу Проперцій сталъ близокъ своимъ нелицемѣрнымъ къ нему почтеніемъ, и именно своею элегіей „На смерть Марцелла“ (III, 18) и прелестнымъ заключительнымъ стихотвореніемъ „На смерть Корнеліи“, падчерицы Августа по Скрибоніи и супруги Эмилиа Павла (IV, 11). Это послѣднее стихотвореніе (738 г. отъ осн. Р.), по видимому, было и лебединою пѣсней нашего поэта, который и умеръ на 30-мъ году отъ рожденія; по крайней мѣрѣ ничто въ его стихотвореніяхъ не указываетъ на позднѣйшее время.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Къ Туллу.

Глазками Цитиѣ я несчастный плѣвненъ былъ впервые,
 Похотямъ прежде того недосыгаемъ ничуть.

Тутъ глаза преклонилъ моею непрестанной гордынѣ,
 И на голову мнѣ ноги поставилъ Амуръ.

- б. Такъ-то меня наконецъ баловникъ научилъ ненавидѣть
 Дѣвъ непорочныхъ и жить, всякія цѣли забывъ.
 Годъ уже цѣлѣй меня преслѣдуетъ это безумство,
 Хоть неприязненныхъ я долженъ боговъ выносить.
 Миланіонъ никакихъ, о Туллъ, трудовъ не чуждаясь,
10. У Іазиды успѣлъ гордую спѣсь побѣдить.
 То онъ безумцемъ бродилъ по всѣмъ Партенійскимъ пещерамъ,
 И высматривать шелъ всюду косматыхъ звѣрей.
 Даже тяжелымъ сукѣмъ Гилея ударенъ до раны,
 Язвой страдая, стоналъ онъ по Аркадскимъ скаламъ.
15. Вотъ онъ и смогъ наконецъ покорить быстроногую дѣву;
 Такъ-то могучи въ любви просьбы и подвиговъ власть.
 Ни о какихъ мой Амуръ лѣнивый не думаетъ средствахъ,
 Даже не помнить путей, коими прежде ходилъ.
 Вы же, которымъ сводить луну удается уловкой,
20. Также и жертву, трудясь, класть на волшебный очагъ,
 Вотъ обратите скорѣй моею владычицы мысли
 И заставьте ее больше меня поблѣднѣть.
 Тутъ ужъ повѣрю я вамъ, что можете звѣзды и рѣки,
 Какъ хотите, водить пѣсней Цитейскою вы.
25. Или и вы-то друзья, что окликнули надшаго поздно,
 Постарайтесь сыскать помощь для груди больной.
 Буду отважно терпѣть желѣзо и пламень свирѣпый,
 Было бѣ вольно говорить то, что внушаетъ мнѣ гнѣвъ.
 Мчите меня чрезъ края отдаленные, мчите чрезъ волны,
30. Чтобы пути моего женщинамъ вѣкъ не узнать:
 Вы оставайтесь, кому божество благосклонно внимаетъ,
 И да пребудеть въ любви проченъ всегда вашъ союзъ.
 Мнѣ же Венера моя накопляетъ лишь горькія ночи,

- Даже на время не дасть мнѣ позабыться Амуръ.
 35. Этого, я говорю, бѣгите вы зла, оставайся
 Каждый съ зазубой своей, мѣста любви не мѣнай.
 Если кто слухъ обратитъ на моя увѣщанья лѣнливо,
 Горе! съ мученьемъ какимъ, вспомнить слова онъ мой.

II.

Бъ Цинтіи.

- Что за радость, душа, ходитъ разукрасивши кудри
 И волновать на груди Косскую тонкую тканьъ?
 Или къ чему волоса обливаетъ Оронтіюскою муррой?
 И заграничныхъ убранствъ блескомъ себя выставлятъ?
 5. Что природенную прелесть губить покупнымъ украшеньемъ,
 И своимъ не давать членамъ блистать ихъ красой?
 Вѣрь мнѣ, наружность твоя ни въ какихъ не нуждается средствахъ.
 Нагъ вѣдь Амуръ, никакихъ самъ онъ не любитъ прикрасъ.
 Что за цвѣты, посмотри ты, земля въ красотѣ производитъ,
 10. Какъ пышнѣе растутъ сами собою плющи;
 Близъ одинокихъ пещеръ роскошнѣй встаетъ земляничникъ,
 И неуказнымъ путемъ рѣчка умѣетъ бѣжать;
 Пестрыхъ сами даютъ берега по природѣ каменьевъ,
 И безо всякихъ искусствъ птичка пріятнѣй поютъ.
 15. Въ Басторѣ пламень зажгла не этимъ Левкиппова Феба,
 Поллуку милъ не нарядъ былъ Илаиры сестры.
 Споръ возбудила не тѣмъ межъ Идасомъ когда-то и Фебомъ
 Страстнымъ, Эвенова дочь на берегу у отца.
 У фригійскаго мужа не лживымъ плѣнила убранствомъ
 20. Ипподамія, умчась въ даль на колесахъ чужихъ.
 Но выходило лице безъ займа у блестящихъ каменьевъ
 Цвѣтомъ, какой Апеллесъ придалъ картинамъ своимъ,
 И набирать изъ толпы онѣ не старались влюбленныхъ:
 Пышной довольно краснъ было въ стыдливости имъ.
 25. Все жъ я теперь не страшусь, чтобъ былъ тебѣ хуже я прочихъ,
 Та, что мила одному, дѣва нарядна вполне.
 Но къ тому же тебѣ и Фебъ свои пѣсни даруетъ,
 А Калліона слѣшитъ лиру вручить Аонидъ,
 И владѣешь ты всѣмъ изяществомъ рѣчи пріятной,
 30. Всѣмъ, что Венера могла или Минерва хвалить.

Этимъ будешь всегда моею ты жизни отрадой,
Лишь бы противна тебѣ жалкая роскошь была.

III.

Къ Цинтіа.

- Какъ во время ухода Тезеевой барки лежала
Гвоздянка вся истомясь на опустѣвшихъ берегахъ,
Какъ Цефеева дочь Андромеда впервые склонилась
Въ сонъ, свободна уже отъ неподатливыхъ скалъ,
5. И не хуже эдонки, что, долгой измучена пляской,
Пала на зелень травы близъ Апидонской рѣки,
Цинтію я увидалъ, дышащую мягкимъ покоемъ,
И подпиравшую чуть голову слабой рукой;
Какъ я Вакха вкусивъ, тащилъ охмѣлѣвшія ноги,
10. И на разсвѣтѣ несли мальчики факелы мнѣ.
Къ ней, покуда еще не совсѣмъ потерявши сознание,
Мягкое ложе сдвинувъ, замышляю прилечь;
И хоть пыломъ двойнымъ обуяннаго нудили сильно,
Тутъ Амуръ, тамъ Либерь, мощныя два божества,
15. Попытаться слегка подкинуть лежащей объятья,
И съ лица у руки нѣжно унести поцѣлуй;
Но владычицы я не дерзнулъ нарушить покоя,
Уже испытанной мнѣ въ ярости брани страшась,
Но смотрѣлъ на нее я также, очей не спуская,
20. Какъ Инахиды рога странныя Аргусъ стерегъ.
И затѣмъ сталъ снимать вѣнки со своей головы я
И на твои возлагать, Цинтіа, тутъ же виски.
То забавлялся свивать я волосы, что растрепались,
То въ пригоршни ей рукъ яблоки тайно влагалъ.
25. Неблагодарному сну я всѣ расточалъ приношенья,
Всѣ приношенья не разъ круто катились съ груди.
И не разъ, только ты, хотъ и изрѣдео, тихо вдыхала,
Я содрогался душой, вѣря примѣтамъ пустымъ:
Не сновидѣнья ль тебѣ необычнаго страха приносить
30. Или нежданно какой хочеть насильно обнять.
Такъ покуда Луна, пробѣжавъ по окошкамъ напротивъ,
(Чѣмъ бы свѣтитъ не спѣша, такъ тороплива Луна),
Легкимъ сіаньемъ своимъ ея очей не раскрыла.

- Локоть уперши въ постель мягкую, та говорить:
35. „Наконецъ-то позоръ воротилъ тебя къ нашему ложу,
Какъ другая тебя, дверь затворивъ, прогнала.
Гдѣ все время моей ты долгой ночи растратилъ,
Протаскавшись, увь! до захожденія звѣздъ?
О, хоть бы ты проводилъ, безпутный, такія же ночи,
40. Какъ заставляешь меня, бѣдную, ихъ проводить.
То старалась я сонъ обмануть пурпурною пражей,
То, утомясь, чтобы пѣть, лиру Орфея брала;
Между тѣмъ про себя я, покинута, тяжко роптала,
Что изъ-за чуждой любви часто ты медлишь вдали;
45. Сонъ наконецъ распустилъ надо мною усталую крылья,
То исцѣленіемъ слезъ было послѣднимъ моимъ“.

IV.

Къ Бассу.

- Что же такъ многихъ ты дѣвъ выхваляя, о Бассъ, вынуждаешь,
Чтобъ измѣнясь, отошелъ я отъ своей госпожи?
Отчего ты не дашь, на сколько всей жизни продлится,
Мнѣ скорѣй провести въ службѣ привычной своей?
5. Ты бы хотя красоту Антиопы самой Никтеиды
Также спартанки хвалилъ, ты Герміоны самой,
И всѣхъ тѣхъ, что въ вѣкахъ времена красоты порождали,
Цинтія ихъ именамъ славиться дальше не дастъ.
А ужъ не то, чтобъ она, представъ среди лицъ обиденныхъ,
10. По приговору судьи строгаго, худшей ушла.
Но красота эта часть моего лишь безумства меньшая:
Многое, ради чего, Бассъ, я готовъ пропадать.
Цвѣтъ прирожденный лица и многихъ искусствъ украшенье,
И вся радость, что скрыть ищетъ одежда молчкомъ.
15. Чѣмъ ты нашу любовь порвать стараешься болѣ,
Тѣмъ мы обманемъ скорѣй, вѣрны другъ другу, тебя.
Даромъ тебѣ не пройдетъ; узнаетъ безумная дѣва
И, не смолчавши никакъ, станетъ враждебна тебѣ.
Не довѣритъ тебѣ меня уже, Цинтія, даже
20. И не спроситъ, гдѣ ты, помня провинность твою.
Въ гнѣвѣ, по всѣмъ и другимъ она обнесетъ тебя дѣвамъ;
Горе! не приметъ тебя ужъ ни единый порогъ,

- Ни одного алтаря она не пропуститъ безъ плача,
 Ни одного-то какъ есть камня святаго нигдѣ.
25. Никакой не терзаема Цинтія пуще напастью,
 Чѣмъ, коль бездѣйствуетъ богъ, милаго сердцу умчавъ,
 Пуще всего же меня; чтобъ такой и осталась, молю я:
 И никогда бъ не найти въ ней мнѣ, на что попенять.

V.

Бъ Галлу, желавшему пригласить Цинтію.

- Ты удержи наконецъ, завистнигъ, досадныя рѣчи,
 И предоставь намъ идти нашей дорогой вдвоемъ.
 Хочешь чего, сумасбродъ? Мое ли извѣдать безумство?
 Бѣдный! вѣдь самъ ты слѣшишь крайнее горе узвать;
5. И несчастный стопы по огнямъ неизвѣстнымъ направить,
 И повыпитъ весь ядъ по Фессалійской странѣ.
 Вѣдь нельзя приравнять ее къ бродячимъ дѣвицамъ...
 Не сумѣетъ она злиться слегка на тебя.
 Если быть можетъ она и не противъ твоихъ домогательствъ,
10. Сколько же тысячъ заботъ этимъ доставитъ тебѣ?
 Ни твоихъ уже сновъ, ни очей не оставитъ въ покоѣ.
 Неукротимыхъ мужчинъ можетъ вязать лишь она.
 Сколько отверженный разъ къ моему прибѣжишь ты порогу,
 Какъ въ рыданья твоя гордая рѣчь перейдетъ,
15. И холодная дрожь подымется съ плачемъ печальнымъ,
 И черту проведетъ гнусную страхъ по лицу,
 И для жалобъ тебѣ ни одинаго слова не хватить,
 И не будешь ты знать, гдѣ ты, несчастный, и что.
 Тутъ, какъ тяжело служить дѣвицѣ моей, ты узнаешь,
20. И каково уходить прогнаннымъ ею домой.
 Блѣдности уже моей ты такъ часто дивиться не станешь,
 И почему всѣмъ своимъ тѣломъ сошелъ я на нѣтъ.
 Тутъ не поможетъ тебѣ, влюбленному, самая знатность:
 Не уступаетъ любовь ликамъ и предковъ ничуть.
25. Только своей ты вины хоть слѣдъ небольшой гдѣ покажешь,
 Изъ знаменитости ты баснею станешь какъ разъ.
 Тутъ утѣшенье подать на твои я просьбы не въ силахъ,
 Такъ какъ средствъ у меня нѣтъ противъ собственныхъ золъ.
 Но несчастныхъ любовь намъ общая вмѣстѣ принудитъ
30. Насъ обняться и такъ плакать другъ дружкѣ на грудь.

Вотъ почему вопрошать о томъ, что Цинтіа можетъ,
Галль, ты оставь: безъ бѣды звать не придется ее.

VI.

Бъ Туллу.

- Нынѣ съ тобой не страшусь а Адриі море извѣдать,
Тулль, иль вести паруса черезъ Эгейскую выбь;
Я съ тобою бы могъ на Рипейскія горы взобратъся,
Даже проникнуть готовъ дальше Мемнонскихъ жилищъ
5. Но замедляютъ меня слова обнимающей дѣвы,
И съ измѣненнымъ лицомъ властныя просьбы ея.
Цѣлыя ночи трещитъ она о любви мнѣ горячей,
И, если брошу, твердить, что уже нѣтъ и боговъ.
То отступаетъ быть ужъ моею, то тѣмъ угрожаетъ,
10. Чѣмъ подруга въ тоскѣ мужу упрямцу грозить.
Часу я не могу выносить подобныхъ стenanій.
О пропади, кто любить можетъ съ холодной душой.
Или такъ дорого мнѣ ученныя свѣдаты Аонны,
Или старинную всю Азія роскошь узрѣть,
15. Чтобы, какъ спустятъ корабль, меня провожала проклятьемъ
Цинтіа, ярой рукой портя свое же лице?
И говорила, что шлетъ поцѣлуи лишь вѣтрамъ противнымъ,
И что лютой ничего мужа невѣрнаго нѣтъ?
Ты стремись перегнуть сѣкиры преславныя дяди,
20. И союзникамъ ихъ древнее право верни.
Ты жъ на вѣку никогда не бездѣйствоваль ради Амура,
Вооруженной всегда преданъ отчизнѣ ты былъ.
Пусть этотъ мальчикъ тебѣ никогда не несетъ нашихъ бѣдствій
И всего, что мнѣ стало извѣстно слезамъ.
25. Мнѣ, кому пребывать въ безвѣстности рокъ предназначилъ,
Ты дозволяй обращать душу къ бездѣлю вполне.
Много охотно людей въ любви долготѣней погубило,
Пусть бы меня въ томъ числѣ также покрыла земля.
Я не для славы рожденъ и къ оружію я не способенъ,
30. А вотъ на этой войнѣ рокъ мнѣ велѣлъ послужить.
Ты же, туда ль поспѣшишь, гдѣ Іонія въ нѣгѣ простерлась,
Иль гдѣ струями Пактолъ Лидіи красить поля,
По землѣ ли пѣшкомъ ты пойдешь, иль въ морѣ на веслахъ,

Власти полученной быть частью придется тебѣ:

35. Тутъ какъ часъ на тебя найдеть, что меня упомянешь,
Будешь ты знать, что живу я подъ суровой звѣздой.

VII.

Бѣ поэту Понтику.

Понтикъ, покуда ты самъ воспѣваешь Кадмейскія Оивы,
Вмѣстѣ съ оружіемъ той братской печальной войны,
И, въ часъ добрый сказать, за великимъ Гомеромъ стремишься,
Только была бы судьба къ пѣснямъ привѣтна твоимъ;

5. Я, по обычаю, все возжусь со своею любовью.
Да ищущу, чѣмъ бы мнѣ можно смягчить госпожу.
И не столько служить вдохновенію, сколько печали,
Я принужденъ, и роптать также на тягость время.
Вотъ надъ чѣмъ провожу я жизнь и въ томъ моя слава.
10. Вывести отсюда хочу имя я пѣсни своей.
Хвалить пускай, что одинъ я правился дѣвѣ ученой,
Понтикъ, что часто ея гнѣвъ я неправый терпѣлъ.
Пусть непрестанно меня читаетъ несчастный влюбленный,
И, да поидеть ему въ прокъ знаніе бѣдствій моихъ.
15. Ты жъ, если мальчикъ тебя ототъ съ вѣрнаго лука ударить,
Хоть не желалъ бы такихъ дѣйствій я нашихъ боговъ,
Будешь ты плакать, бѣднякъ, что и лагерей семь и отрядовъ
Молча далеко лежать, въ вѣчной забыты пыли;
И напрасно сложить извѣженный стихъ ты захочешь,
20. Пѣсни тебѣ не внушить твой запоздалый Амуръ.
Тутъ не разъ ты меня не послѣднимъ признаешь поэтомъ;
Дарованіямъ ты римскимъ меня предпочтешь;
И на могилѣ моей молодежь не сказать ужъ не можетъ:
Нашего пламени здѣсь спишь ты, великій поэтъ.
25. Бойся пѣсни мои презирать въ своей ты гордынѣ,
Съ лихвою, часто большой, поздній приходитъ Амуръ.

VIII.

Бѣ Цинтіи.

Ты не съ ума ли сошла? Тебя моя страсть не удержать?
Или холодной тебѣ хуже Иллири я?
Или ужъ тотъ-то тебѣ, кто бъ ни былъ онъ, дорогъ на столько,
Что безъ меня ты нестишься съ вѣтромъ готова любимъ?

5. Или ты можешь внимать ворчанью безумнаго моря?
Или на твердомъ лежать вытерпишь ты корабль?
Нѣжными можешь ли ты ногами ступать по морозу?
Можешь ли, Цинтія, ты снѣгъ непривычный терпѣть?
О когда бы зимы холодной удвоилось время
10. И корабельщикъ бы ждалъ, празднѣтъ, оставшихъ Плеядъ;
Пусть не отвяжутъ тебѣ на песокѣ Тирренскомъ каната
И враждебный мнѣ вѣтръ просьбъ не уноситъ моихъ;
Иль увидалъ бы ужъ я подобныхъ вѣтровъ затиханье,
Какъ помчатъ твой корабль черезъ пучины волна
15. И на пустомъ берегу недвижимо стоять мнѣ уважаетъ,
Чтобъ ненавистной рукой часто жестокою звать.
Но какъ дурно со мной ты, коварная, ни поступила,
Пусть Галатея тебя не покидаетъ въ пути.
Чтобы, когда обогнешь Керавны весломъ ты счастливымъ,
20. Орикъ воспринялъ тебя тихой равниною водъ.
Ибо меня совратить никакой уже факелъ не можетъ,
Чтобъ на порогѣ твоемъ, жизнь моя, я не стоналъ.
Не премину вопрошать я всѣхъ корабельщиковъ встрѣчныхъ:
„Въ портѣ скажите какомъ дѣва моя заперта?“
35. И скажу, пусть она пребываетъ на взморьи Автарскомъ,
Или въ Гиллейскомъ, она все-таки будетъ моя.

* VIII. *

- Здѣсь ей остаться; здѣсь жить поклялась; враги сокрушайтесь.
Наша взяла; не снесла просьбъ непрестанныхъ она.
Алчная зависть пускай отложить напрасную радость:
30. Цинтія наша отъ всѣхъ новыхъ путей отреклась.
Я ей милъ; и по мнѣ, говоритъ она, Римъ всѣхъ милѣе
Ей: безъ меня для нея лучшій царства ничто.
Даже со мной опочить она и на тѣсной постели
Предпочитаетъ, и быть, какъ бы ни будь, да моей,
35. Чѣмъ приданымъ владѣтъ Гипподаміи царствомъ древнѣйшимъ,
Или богатствомъ, что встарь кони въ Элиду внесли.
Хоть бы онъ много давалъ, хоть далъ бы со временемъ болѣ,
Все же отъ груди моей алчно она не ушла.
Вѣдь и не золотомъ я, не индѣйскими я жемчугами
40. Могъ ее преклонить;—ласковой пѣсней одной.
Стало быть музы, то есть и Фебъ помогаетъ влюбленнымъ:

Имъ довѣряясь, люблю. Цинтія, прелесть—моя.

Нынѣ подошвами мнѣ наступить подобаетъ на звѣзды:

День ли, наступить ли ночь, знаю, она все моя.

45. Вѣрной любви у меня никакой не отниметь соперникъ;
Этой бы славы пребыть и до моей сѣдины.

IX.

Къ Понтику.

Яговорилъ, что къ тебѣ, насмѣшникъ, Амуръ подобрется;

И что не вѣчно тебѣ рѣчью свободной владѣть.

Вотъ ты, смиреннаю склонясь, принимаешь велѣнья отъ дѣвы,

И, какъ угодно, тобой нынѣ владѣетъ раба.

5. Лучше мена о любви не изречь голубямъ хаонійскимъ,
Дѣва какая какимъ юношей будетъ владѣть.
Скорби и слезы меня по дѣломъ содѣлали мудрымъ,
Лучше ужь, бросивъ любовь, неукомъ мнѣ бы прослыть.
Польза какая тебѣ бѣдняку пѣть важныя пѣсни?
10. Плакать надъ городомъ, что лирой создалъ Амфіонъ?
Стихъ Миннерма въ любви гораздо Гомерова выше;
Пѣсенъ умильныхъ всегда требуетъ кроткій Амуръ.
Сдѣлай ты милость, ступай, отложи свои скучныя книги,
Пой, о чемъ бы узнать дѣвѣ хотѣлось любой.
15. Что, еслибъ доступъ тебѣ не легко нашелся? Безумецъ,
По срединѣ рѣки нынѣ ты просишь воды.
Ты не блѣднѣешь еще и огнемъ настоящимъ не тронуть,
Это лишь искра одна горя того, что придетъ.
Встрѣтиться съ тиграми ты арменскими лучше захочешь,
20. И скорѣй колеса адскаго цѣпь испытать,
Чѣмъ до мозга костей почувствовать мальчика стрѣлы,
И не мочь ужь ни въ чемъ гнѣвной своей отказать.
Не придаетъ и Амуръ никому свободныхъ столь крыльевъ,
Чтобы другою рукой не придержалъ онъ его.
25. Не утѣшайся ты тѣмъ, что она у тебя подъ рукою.
Та донимаетъ сильнѣй, Понтикъ, тебя, чтѣ твоя.
Такъ какъ уже отводить не возможно очей на свободѣ,
И не дозволить Амуръ думать о дѣлѣ другомъ.
Станетъ онъ явнъ тогда, какъ рукой до костей доберется.
30. Кто бы ты ни былъ, увя! ласкъ непрестанныхъ бѣги.

Даже камня онъ и дубы увлечь въ состояннѣ,
 А не только тебя, твой легкомысленный духъ.
 Такъ, если стыдно тебѣ, скорѣй въ заблужденяхъ признайся;
 Высказать, что насъ томить, часто отрадно въ любви.

X.

Бъ Галлу.

- О, отрадная ночь, когда свидѣтелемъ первой
 Былъ я любви, и дѣлилъ общія слезы у васъ.
 О, ту ночь вспоминать для меня отрадное счастье!
 О, какъ часто ее я призываю назадъ!
5. Какъ тебя умирающимъ, Галлъ, я въ объятіяхъ дѣвы
 Видѣлъ, и какъ ты слова, долго тннувъ, испускалъ.
 Хоть и сонъ отягчалъ мои утомленные очи,
 И среди неба Луна яркихъ кавала коней,
 Все же отъ вашей игры не могъ я никакъ оторваться,
10. Силенъ ужъ былъ до того пылъ во взаимныхъ рѣчахъ.
 Но какъ довѣриться мнѣ ты самъ не питаешь опасенья,
 То за участие мое въ радости даръ мой прими.
 Я не только молчать научился о вашихъ печаляхъ,
 Нѣчто и лучшее, другъ, вѣрности есть у меня.
15. Разошедшихся свестъ могу я снова влюбленныхъ,
 И у владычицы вскрыть долго упрямую дверь;
 И у другаго могу исцѣлить я недавнія раны,
 И не въ пустыхъ лишь словахъ скрыто лѣкарство мое.
 Цинтіей я наученъ, къ чему намъ надо стремиться,
20. И чего избѣгать; много помочь тутъ Амурь.
 Бойся ты затѣвать съ раздраженной дѣвою ссору,
 Съ ней свысока говорить, или же долго молчать;
 Если попросить чего, не отказывай съ ликомъ суровымъ,
 Также любезныхъ рѣчей,—ты пустякомъ не считай.
25. Раздражится она, когда замѣтитъ презрѣнье,
 И за обиду угрозъ правыхъ не въ силахъ забыть.
 Но чѣмъ больше смиренъ ты будешь и преданъ Амуру,
 Тѣмъ хорошихъ ты самъ чаще добьешься плодовъ.
 Тотъ счастливымъ съ одной пребывать только дѣвой способенъ,
30. Кто свободенъ душой хладной не будетъ во вѣкъ.

XI.

Бъ Цинтія.

- Есть ли въ тебѣ, о Цинтія, какъ проживаешь ты въ Ваяхъ,
 Гдѣ Геркулеса тропа вдоль береговъ пролегла,
 И любоваться начнешь на покорную власти Протея
 Власти, что тутъ же вблизи у благородныхъ Мизенъ,
5. Мысль обо мнѣ, какъ, увн! провожу я ночи тоскуа?
 При окончаньи любви мѣсто осталось ли мнѣ?
 Или не знаю, какой тебя врагъ мой пыломъ притворнымъ
 Изъ пѣснопѣвнй моихъ, Цинтія, вовсе умчалъ?
 Пусть бы ужь лучше тебя, довѣрена весламъ короткимъ,
10. Задержала ладья крошка въ Лукринскихъ водахъ.
 Иль пусть объемлетъ тебя въ волнахъ неглубокихъ Тевтранта
 Влага, сдаваясь легко поочередно рукѣ:
 Чѣмъ преклоняла бы слухъ ты на шепотъ любовный другаго,
 На молчаливый сама берегъ въ истомѣ склоняясь;
15. Какъ, съ удаленіемъ стража, обычно коварная дѣва
 Падаеть, общихъ боговъ рада при этомъ забыть.
 Не потому, чтобъ не зналъ за тобою я славы хорошей,
 А потому, что всего въ этомъ страшится любовь.
 Этого ради прости, еслибъ наше письмо причинило
20. Горестъ какую тебѣ; въ этомъ виновенъ мой страхъ.
 Развѣ сильнѣй бы берегъ свою я милую мать,
 Или была бъ безъ тебя жизнь мнѣ хоть малость цѣнна?
 Цинтія, ты мнѣ одна и домъ, и родители ты же,
 Всей и отрады моей время единое ты.
25. Грустенъ ли я приду къ друзьямъ, или веселья напротивъ:
 Чѣмъ бы я ни былъ, скажу, Цинтія въ этомъ виной.
 Ты же, какъ можно скорѣй, покинь развращенна Бая.
 Этотъ берегъ уже многихъ къ разлукѣ привелъ.
 Этотъ берегъ, что такъ цѣломудреннымъ дѣвамъ враждебенъ:
30. Ахъ, да погибнетъ вода Бая, погибель любви.

XII.

Бъ другу.

Что не бросаешь взводить на меня обвиненіе въ лѣни,
 Будто любовью своей Цинтія свявою мнѣ?

- Миль на столько жъ она отъ моей отдалилась постели,
 Какъ отъ Гипана далеку самъ Эриданъ у Венеть.
5. Ужь не питаетъ во мнѣ любви обычнымъ объятіемъ
 Цинтія, и у меня сладко въ ухахъ не звенить.
 Былъ я ей нѣкогда милъ: никому не случилось въ то время,
 Чтобъ съ подобною онъ вѣрностью могъ полюбить.
 Всякій завидовалъ намъ: или богъ покаралъ меня? Или
10. Насъ разлучила трава, съ горъ Прометей взята?
 Я ужъ не тотъ, что я былъ; путь долгій дѣвъ измѣняетъ.
 Въ этотъ ничтожнѣйшій срокъ что за любовь унеслась!
 Нынѣ впервые узнать въ одиночку я долгія ночи
 Вынужденъ, и для своихъ самъ быть несносенъ ушей.
15. Счастливъ, кому довелось рыдать въ присутствіи дѣвы!
 Сильно бываетъ Амуръ радъ проливанію слезъ.
 Если жъ отверженный смогъ измѣнить направленіе пламя,
 То наслажденіе есть рабство свое обмѣнить.
 Мнѣ ни другой полюбить не дано, ни вотъ этой покинуть:
20. Цинтія первой была, Цинтія будетъ концомъ.

XIII.

Бъ Галлу.

- Ты, какъ бывало, не разъ надъ моей возликуешь невѣгодой,
 Галль, что лишенный любви, я остаюся одинъ.
 Но твоимъ я рѣчамъ не хочу подражать, вѣроломецъ,
 Пусть не задумаетъ, Галль, дѣва тебя обмануть.
5. Даромъ, что слава растетъ, чѣмъ болѣе дѣвъ проведешь ты,
 Ты и не ищешь нигдѣ прочной задержки въ любви;
 Вдругъ предъ одною блѣднѣть начинаешь, растерянь ты въ страсти
 Поздней, и долженъ уйдти, съ первой же схватки сраженъ.
 Эта накажетъ тебя за все презрѣнье къ ихъ мукамъ,
10. И за многихъ одна взыщетъ несчастныхъ съ тебя.
 Эта уйметъ у тебя любви повседневной проказы,
 Недругомъ будешь всегда поисковъ ты новизны.
 Этому я наученъ не сплетнями или Августомъ,
 Самъ я видѣлъ; въ глаза можешь ли мнѣ отрицать?
15. Видѣлъ я самъ, какъ ты млѣлъ, всю шею предавши объятіямъ,
 И какъ плакалъ ты, Галль, руки закинувъ свои,
 И старался къ губамъ прильнуть перелить всю и душу,

- Все наконецъ, что таю, другъ мой, я ради стыда.
И никакъ я не могъ расторгнуть вашихъ объятій:
20. Такъ у обоихъ у васъ ярость безумна была.
Превратясь въ Энипея Гемонскаго и Салмониду
Въ легкой любви не снималъ самъ и Тенарскій такъ богъ.
Къ Гебѣ небесной не такъ Геркулесъ загорѣлся любовью,
Какъ онъ съ Этейскихъ огней къ радости первой пришелъ.
25. Этотъ единственный день успѣлъ превзойти всѣхъ влюбленныхъ:
Ибо не слабый огонь та подъ тебя подвела.
Не допустила тебя ни къ прежней вернуться гординѣ,
Ни отвлекаться не дастъ; твой же помчитъ тебя пылъ.
Дивно ли, если она достойна Зевеса и Леды,
30. Лединныхъ самыхъ дѣтей, даже прелестнѣй всѣхъ трехъ.
Вѣдь она и любезнѣе всѣхъ героинь Инахійскихъ,
Рѣчью своею она нудитъ Зевеса къ любви.
Ты же, если тебѣ суждено въ любви и погибнуть,
То и держись; звать иныхъ ты недостойнѣ дверей.
35. Будь же ты счастливъ при ней, коль вышла неожиданно ошибка,
И чего бъ ты желалъ, будь она всѣмъ для тебя.

XIV.

Къ Туллу.

- Пусть у Тибровыхъ волнъ, въ отрадной раскинувшись нѣгѣ,
Ты съ Лесбоса вино пьешь изъ Менторовскихъ чаръ;
То изумленъ, что бѣгутъ такъ скоро проворныя лодки,
То, что медленно такъ плоть за канатомъ идетъ,
5. Что, вся роща свои насажденные выси подъявля,
Ростомъ могучихъ деревьевъ напоминаетъ Кавказъ;
Но все это съ моею не можетъ равняться любовью
Не уступаетъ любовь самымъ богатствамъ большимъ.
Ибо хоть медлитъ она со мной въ вождельнннмъ покоѣ,
10. Хоть и въ доступной любви день проведетъ она весь,
Тутъ подъ кровлю мою текутъ всѣ воды Пактола
И собирается тутъ жемчугъ изъ красныхъ морей.
Что должны мнѣ цари уступить, мнѣ порукою радость;
Пусть она длится, пока сгнбнуть заставитъ судьба.
15. Кто же богатству-то радъ, какъ скоро Амуръ отвернется.
Проку бы я не нашелъ съ гнѣвной Венерой ни въ чемъ!

- Властна она надломить великія силы героевъ,
 Даже и твердымъ сердцамъ скорбь въ состояннѣ принесть.
 Не побоятся она шагнуть черезъ порогъ аравійскій,
 20. И не страшится, о Туллъ, къ пурпуру ложа идти,
 И по постели-то всей несчастнаго юношу мнѣть.
 Чѣмъ же и серскій узоръ тканей его облегчить?
 Какъ ко мнѣ подойдетъ она ласкова, тутъ язираю
 Сверху на царства, на все, чѣмъ такъ богатъ Альциной.

XV.

Къ Цинтія.

- Отъ твоего легкомыслія многого зла я боялся,
 Этого, Цинтія, все жъ я вѣроломства не ждалъ.
 Видишь, къ напасти какой меня увлекаетъ Фортуна,
 Ты же при страхѣ моемъ ходишь, ничуть не спѣша.
 5. Ты убирать волоса вчерашніе можешь руками
 И стараться лице въ долгій присѣсть украшать,
 И не менѣе грудь наряжать жемчугами востока,
 Чѣмъ красавица, что къ юному мужу идетъ.
 Но Калипса не такъ, Итакійца волнуясь уходомъ,
 10. Нѣкогда слезы лила у опустѣвшихъ зыбей.
 Не причесавши волосъ, печальная много сидѣла
 Дней и жестокимъ волнамъ много сказала она.
 И, хотъ знала, что больше его не увидитъ, грустила
 Все жъ, сознавая свою долгую радость она.
 15. А въ истомѣ, что вѣтры несутъ отъ нея Эзонида,
 Ипсифила одна въ спальнѣ осталась своей.
 Ипсифила съ тѣхъ поръ никакой ужъ любви не питала,
 Какъ предъ Эмонскимъ она гостемъ растаяла разъ.
 Альфезибей за мужа своимъ отомстила и братьямъ,
 20. Самую кровную связь эта любовь порвала.
 На несчастномъ огнѣ у мужа Эвадна кончалась,
 Пала, стыдливости женъ ставши Аргивскихъ красой.
 Мыслей твоихъ ни одна изъ нихъ повернуть не сумѣла,
 Чтобъ благороднымъ тебѣ видти преданьемъ самой.
 25. Брось же въ своихъ ты рѣчахъ повторять всѣ лживыя клятвы,
 Цинтія, и раздражать бойся забытыхъ боговъ.
 Дерзкая, ахъ! черезчуръ, о моей загрустишь ты напасти,

- Ежели худшее что часомъ случится съ тобой.
 Рѣки скорѣй потекутъ безмолвно въ пространное море,
 30. Годъ скорѣй поведетъ на оборотъ времена,
 Чѣмъ въ груди у меня по тебѣ истощится забота,
 Будь ты чѣмъ хочешь уже, только не будь мнѣ чужой.
 Да не покажутся мнѣ противными эти вотъ глазки,
 Ради которыхъ не разъ вѣрилъ коварности я.
 35. Ими клялась ты, что чуть ты ложное что-либо скажешь,
 Пусть они въ руки твои валатся прямо тогда,
 И ты можешь еще возводить ихъ къ великому солнцу?
 И провинность свою зная сама, не дрожать?
 Кто же тебя принуждалъ блѣднѣть, измѣняясь нерѣдко.
 40. И затѣмъ проливать слезы невольно изъ глазъ?
 Нынѣ я гибну отъ нихъ, въ назиданье подобно влюбленнымъ.
 О, безопасно нельзя ласкамъ такимъ довѣрять.

XVI.

Жалобы двери.

- Я, что отверста была когда-то великимъ триумфамъ,
 Дверь, знакома притомъ чистой Тарпей моей,
 Чей порогъ золотыми былъ колесницами пышетъ,
 И слезами мольбы горестныхъ плѣнныхъ смоченъ;
 5. Нынѣ задѣта не разъ полуночными драками пьяныхъ,
 Я подъ ударами ружъ всѣхъ негодяевъ воплю.
 Въ гнусныхъ, висащихъ на мнѣ вѣнкахъ, тоже нѣтъ недостатка,
 И устраниннаго знакъ, факелы вѣчно лежатъ.
 Все не могу госпожи защитить отъ ночей я позорныхъ;
 10. Ставъ пресловутою, я пѣснямъ срамнымъ предана.
 Но нельзя упросить, чтобъ она свою славу щадила,
 И не жила бы сама хуже развратныхъ временъ.
 Тою порой среди всѣхъ нестерпимыхъ стenanій страдальца
 Плакаться нудитъ, увь, вѣчная стража меня.
 15. Тотъ вѣдь моимъ вереемъ никогда отдохнуть не дозволить,
 Пѣсни онъ все мнѣ поетъ, лестью украсивши ихъ:
 „Дверь, знать больше самой госпожи, что внутри, ты жестока,
 Что жъ предо мной, заперта ты въ половинкахъ, молчишь?
 Отчего никогда ты любви моей, вскрывшись, не вступишь,
 20. И не умѣешь моей скрытной мольбы передать?”

- Иль не дано мнѣ конца своей дожидаться печали?
И, согрѣвая порогъ, грустно придется мнѣ спать?
Мучаетъ полночь меня и позднее звѣздъ захожденье,
Какъ я лежу, и затѣмъ утренній съ вѣтромъ морозъ.
25. Ты лишь одна, никогда надъ бѣдой человѣка не сжалась,
Отвѣчаешь молчкомъ петель безмолвныхъ твоихъ.
О когда бы мое словечко проникло сквозь щелку
И, къ госпожѣ донесясь, прямо попало въ ушко!
Пусть хоть будетъ она терпѣливѣй скалы Сикудійской,
30. Тверже желѣза пускай будетъ и стали самой,
Все же не сможетъ она совладѣть со своими глазами
И при невольныхъ слезахъ вырвется вздохъ у нея.
Нынѣ въ объятяхъ лежитъ она иного счастливца,
А въ полуночный зефиръ падаютъ рѣчи мои.
35. Ты же одна для меня величайшая скорби причина,
Не уступаешь моимъ, дверь, никогда ты дарамъ.
Ни однимъ мой языкъ тебя не затронулъ нахальствомъ,
Какъ неприятно остра, ихъ произносить толпа.
Какъ заставляешь меня ты, охрипшаго съ жалобы долгой,
40. На перекресткѣ томясь, прокараулить всю ночь.
Я же такъ часто въ стихахъ выводилъ тебѣ новыя пѣсни,
И по ступенямъ твоимъ крѣпко лобзанія клалъ.
Сколько, коварная, разъ я къ твоимъ веревямъ обращался
И надлежащую дань тайно въ рукахъ приносилъ“.
45. Это и все, что еще вамъ горькимъ влюбленнымъ извѣстно,
Утреннимъ птицамъ, гляди! онъ ужъ навстрѣчу ореть.
Такъ-то пороками все госпожи и слезами влюбленныхъ
Ненависть нынѣ себѣ я навлекаю на вѣкъ.

XVII.

Бѣ Цинтіи по случаю морской бури.

- И по дѣломъ вотъ за то, что сумѣлъ убѣждать я отъ дѣвы,
Нынѣ къ пустыннымъ однимъ я альціонамъ зову.
И Кассіона на мой, какъ обычно, корабль не посмотреть,
Всѣ и обѣты мои мчатся къ глухимъ берегамъ.
5. Даже заочно тебѣ покорны, Цинтія, вѣтры.
Видишь, какою грозой страшною буря шумить.
Или Фортуна уже не придетъ, ураганъ утишая?

- Иль этотъ скудный песокъ тѣло покроетъ мое?
Ты же на милость склони жестокія эти проклятыя,
10. Барой довольной зачти вочи и отмелей страхъ.
Въ силахъ ли жребій ты мой представить съ сухими глазами?
Кости моей ни одной къ груди своей не прижать?
Ахъ! будь проклять же тотъ, кто парусъ и челнъ изготавилъ
Первый, и путь проложилъ чрезъ враждебную хлябь.
15. Развѣ не легче бы мнѣ снести госпожи раздраженье?
(Хоть и сурова, а все рѣдкая дѣва была).
Чѣмъ вотъ тѣ берега, неизвѣстнымъ объятые лѣсомъ,
Видѣть, и тщетно искать въ помощь себѣ Тиндаридъ?
Еслибы тамъ-то судьба моя скоронила печали,
20. И надъ любовью моей камень надгробный стоялъ;
То драгоценныхъ волосъ бы она принесла на могилу
И на подстилку изъ розъ кости сложила мои;
Имя она бы мое надъ прахомъ еще возгласила,
Чтобы земля никакимъ гнетомъ на мнѣ не легла.
25. Вы же, богини морей, Дориды красавицы дщери,
Хоромъ на счастье холстъ бѣлый раскройте вѣтриль.
Если съ полета Амуръ и къ вашимъ волнамъ прикасался,
Ласково на берегахъ скройте товарища вы.

XVIII.

Жалоба въ уединеніи.

- Эти безспорно мѣста пустыни и къ жалобамъ нѣмимъ,
Въ этомъ заглушемъ лѣсу царствуетъ только Зефиръ.
Здѣсь безопасно могу я высказывать скрытыя скорби,
Если отдѣльно скалы вѣрность способны хранить.
5. Такъ съ чего я начну про твою, моя Цинтія, гордость?
Въ чемъ причину ты мнѣ, Цинтія, слезъ подаешь?
Я, недавно въ числѣ счастливыхъ любовниковъ слышій,
Долженъ въ любви у тебя нынѣ съ отмѣткою быть.
Чѣмъ заслужилъ я? Какой мой проступокъ тебя такъ мѣняетъ?
10. Дѣва ужь новая что ль грусти причина твоей?
Пусть бы вернулась ко мнѣ ты такъ благосклонна, какъ вѣрно,
Что чрезъ порогъ мой не шла стройной ногой ни одна.
Хоть мое горе тебѣ и одолжено многимъ суровымъ,
Только свирѣпымъ такимъ все же не выйдетъ мой гнѣвъ,

15. Чтобы дѣйствительно ввелъ я тебя въ раздраженъе, и съ плача
Очи тускнѣли твои отъ упадающихъ слезъ.
Ужь не то ль, что примѣтъ не даю я лицомъ измѣненнымъ,
И про вѣрность мои не восклицаютъ уста?
Вы свидѣтели мнѣ, если есть любовь у деревьевъ,
20. Букъ и, Аркадскому, ты, милая богу, сосна,
Ахъ, какъ часто звучитъ моя рѣчь подъ нѣжною тѣнью,
И на вашей корѣ Цинтія тутъ я пишу!
Ахъ какъ много заботъ твоя родила мнѣ обида.
Что молчаливымъ однѣмъ вѣдомо лишь вереемъ!
25. Всѣ повелѣнья привыкъ я отъ гордой сносить боязливо
И никогда не роптать громко на участь свою.
И за то мнѣ ручки съ высоты и холодныя скалы,
Да, на тропинкѣ глухой, жесткій покой суждены,
И обо всемъ - то, о чемъ разказать мои жалобы могутъ,
30. Птицамъ пѣвчимъ однѣмъ вынужденъ я говорить.
Но какой ты ни будь, пусть лѣса мнѣ Цинтія вторать,
И въ пустынныхъ свалахъ имя твое прозвучитъ.

XIX.

Бъ Цинтіи.

- Нынѣ печальныхъ тѣней, моя Цинтія, я не страшуся,
И не смущаюсь костру должную дань отдавать.
Но чтобъ случайно мой прахъ не оставленъ твоей былъ любовью,
Этотъ - то страхъ для меня жестче самихъ похоронъ.
5. Не для того же слегка заглядывалъ мальчикъ мнѣ въ очи,
Чтобъ оставался мой прахъ, всю позабывши любовь.
Тотъ герой Филакидъ никакъ въ состояніи не былъ
Милой супруги своей въ темныхъ мѣстахъ позабыть:
А чтобъ отрады своей коснуться лишь призракомъ пальцевъ,
10. Въ древній свой домъ онъ пришелъ, какъ ессалийская тѣнь.
Тамъ чѣмъ ни буду, а все твоею слыть буду я тѣнью,
И къ роковымъ берегамъ все жъ переходить любовь.
Тамъ пускай хороводъ героинь прекрасныхъ приходитъ
Тѣхъ, что дарданскій погромъ выдалъ аргивскимъ мужамъ;
15. Все ни одной для меня тебя, Цинтія, краше не будетъ,
И справедливая-то такъ да позволить земля.
Хоть бы замедлились дни твои и старостью долгой,

- Все дорогими слезамъ кости пребудуть монимъ!
 Пусть бы почувствовать могъ смѣшеніе съ ними мой пепель,
 20. То и горькою смерть мнѣ бы нигдѣ не была.
 Какъ я боюсь, чтобъ тебя, забывшую, Цинтія, прахъ мой,
 Злобный Амуръ не увлекъ прочь, презирая костерь,
 И текущихъ бы слезъ отереть не заставилъ насильно:
 Сдаться предъ силой угрозъ вѣрная дѣва должна.
 25. Такъ возликуемъ же мы, влюбленные, благо возможно,
 Не довольно долга въ каждое время любовь.

XX.

Бѣ Галлу.

- Ради любви тебя, Галлѣ, постоянной я увѣщаю,
 Этого ты проронить прально не долженъ душой:
 Счастье неосторожнымъ влюбленнымъ нерѣдко мѣшаетъ;
 Миніямъ вредный о томъ могъ бы Асканій сказать.
 5. Милый есть у тебя съ красотою и съ именемъ тѣмъ же
 Точно таковъ же, какъ самъ Тіодамантскій былъ Гиль.
 Этого же, хоть пойдешь вдоль токовъ тѣнистаго лѣса,
 Иль Аніена тебѣ ноги волной оплеснетъ,
 Или ты выйдешь гулять къ побережью владѣній гигантовъ,
 10. Или къ раздолью любой гостепріимной рѣки,
 Спротивляйся всегда хищеніямъ нимфъ похотливыхъ.
 Ахъ! не слабѣе любовь и у авзонскихъ Дріадъ.
 Чтobъ по суровымъ горамъ не пришлось по утесамъ холоднымъ,
 Галлѣ, или къ озерамъ вѣчно подъ страхомъ ходить;
 15. Какъ это все претерпѣвъ, по брегамъ неизвѣстнымъ блуждая,
 Предъ Асканіемъ злымъ плакался самъ Геркулесъ.
 Нѣкогда вѣдь говорятъ, изъ Пагазской пристани Арго
 Вышелъ, чтобъ на Фазисъ долгимъ путемъ проходить;
 И уже миновалъ Атамантидины волны,
 20. Тихо къ мизійскимъ скаламъ плывшій причалилъ корабль.
 Здѣсь героевъ толпа лишь вышла на берегъ отрадный,
 Разложивши листвы, мягкій покрыла откосъ.
 Непобѣдимаго юноши спутникъ отправился далѣ
 Рѣдкой воды отыскать въ уединенномъ ключѣ.
 25. Тутъ увязались за нимъ два брата, сыны Аквилона,
 Цетъ несется надъ нимъ, мчится надъ нимъ и Калай,

- Крылья раскинувъ они старались хватать поцѣлуи
И, въ перебой подлетѣвъ, навзничъ съ высотъ цѣловать.
Тотъ подъ локтемъ своимъ въ смущеніи ищетъ укрыться
30. И крылатыхъ сукомъ гонить обидчиковъ прочь.
Ужь Оритіи сыны, Пандіоновой внуки отстали;
Ахъ, тутъ Гилъ и пошелъ, гамадриадамъ бѣда:
Здѣсь подъ вершиной горы аргонатовой Пеге струился,
Тинскихъ нимфъ это былъ влажный, отрадный пріютъ.
35. Тамъ висѣли надъ нимъ, ни въ какой не нуждаясь заботѣ,
Въ дымкѣ росистой плоды уединенныхъ деревьевъ,
И на влажномъ лугу вокругъ подымались лилии,
Съ пурпурнымъ макомъ свою всюду смѣшавъ бѣлизну.
Нѣжными пальцами ихъ не медля нарвавъ, какъ ребенокъ,
40. Предпочелъ онъ цвѣты дѣлу, за конемъ пошелъ,
И въ невѣдѣнны тутъ надъ прекрасною влагой нагнувшись,
Онъ замедляетъ обманъ милымъ видѣніемъ своимъ.
Тутъ зачерпнуть изъ рѣки захотѣлъ онъ, руки спуская,
Правымъ налегши плечомъ, полный онъ тащить сосудъ.
45. Воспламенились его бѣлизною дѣвы Дриады
И въ изумленьи водить бросили свой хороводъ;
И скользящаго внизъ легко увлекли онѣ въ воду,
Друга позвавши тогда громко тутъ Гилъ возопилъ,
И ему Алкидъ не разъ вдали отовался,
50. Вѣтеръ же имя его гонить отъ дальнихъ ключей.
Такъ упрежденный, о Галль, береги своего ты любимца,
Гиля прекраснаго ты, кажется, нимфамъ вручилъ.

XXI.

Галль говорить.

- Ты, что желая теперь спастись отъ подобной напасти,
Раненый воинъ бѣжишь прочь отъ этрусскихъ валовъ,
Что на стenanья мои обращаешь припухшія очи?
Самъ же недавно еще воиномъ былъ я у васъ.
5. Такъ-то спасеніемъ своимъ доставь ты родителямъ радость,
И по слезамъ твоимъ пусть правды сестра не пойметъ,
Что отъ ударовъ мечей всѣхъ цезарскихъ Галль хоть спасенный,
Рукъ неизвѣстныхъ никакъ все же избѣгнуть не могъ;
И какія она ни найдетъ разнесенныя кости,
10. Здѣсь, на этрусскихъ горахъ, знай она, это мои.

XXII.

Туллу о своей родинѣ.

Кто я, откуда мой родъ и гдѣ мои, Туллъ, и пенаты,
 Ради ты дружбы меня все вопрошаешь о томъ.
 Если знаешь могилы Перузiи ты, погребенной
 Родины, во времена злыя Италии всей,

5. Какъ на усобицу Римъ своихъ подвигнулъ согражданъ:
 (Будь во главнѣйшую скорбь ты мнѣ Этрурiи прахъ,
 Бровнаго ты моего дозволилъ валяться останкамъ,
 Кости несчастнаго ты горстью земли не покрылъ).
 Ту ть сосѣдняя съ ней на низменныхъ Умбрiа нивахъ
10. Породила меня, сильная тукомъ, земля.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ КНИГЪ I-Й.

Элегія I.

Эта элегія написана Проперціемъ къ Воллатію Туллу, своему покровителю и другу, который въ 721 отъ о. Р. былъ консуломъ вмѣстѣ съ Цезаремъ Октавіаномъ. При написаніи этой элегіи поэтъ, по видимому, помышлялъ уже, какъ видно изъ ст. 29, о будущей поѣздкѣ своей въ Аенны (см. примѣч. къ ал. XVII). Онъ жалуется на судьбу, что не въ состояніи склонять къ себѣ Цинтію, гордую и непреклонную дѣву, глазами которой онъ плѣненъ, и ищетъ различныхъ средствъ, которыя могли бы исцѣлить его любовный недугъ; въ то же самое время онъ считаетъ блаженными тѣхъ, къ молебамъ которыхъ богъ благосклоненъ (стихъ 31) и совѣтуетъ имъ быть всегда неизмѣнными по отношенію къ предмету любви (стихъ 32). Подруга Проперція Цинтія, въ дѣйствительности называвшаяся Гостіей, была, по свидѣтельству Апулея, внучкою того Гостія, который воспѣлъ истрийскую войну, почему въ кн. II, 13, 10, предки ея названы славными. Самъ Проперцій называетъ ее дѣвушкой ученою, хвалитъ ея пѣніе и мастерство въ сочиненіи стиховъ, краснорѣчіе, искусство въ руководствіяхъ и грацію въ пляскахъ, и сравниваетъ ее съ Юриною и Саффою. Чрезвычайно красивая и непостоянная Цинтія была въ теченіе пяти лѣтъ безумно любима Проперціемъ.

8. Преклонилъ—заставилъ смиренно опустить.

9. Миланіонъ. Примѣръ указываетъ на аркадскую дѣву Аталанту, дочь Іазія. Воспитанная охотниками въ лѣсу, она, въ качествѣ неустрашимой героини, нанесла первый ударъ калидонскому кабану, убитому Мелеагромъ, за которымъ и послѣдовала, а равно приняла участіе въ походѣ Аргонавтовъ, но вернувшись оттуда, вышла замужъ за Миланіона. Чтобы поправиться отъ тяжелой охотничьей, Миланіонъ бродилъ по пещерамъ аркадской горы Партенія.

10. Центавръ Гилей, отъ притязаній котораго Миланіонъ защищалъ Аталанту, ранилъ его палицей, но самъ за то былъ застрѣленъ Аталантой.

11. Поэтъ обращается къ чародѣйкамъ, умѣвшимъ, по понятіямъ древнихъ, волшебными пѣснями сводить луну съ неба.

12. Цита—городъ въ Колхидѣ, родинѣ знаменитой волшебницы Медеи. Пѣсней Цитейскою, то же, что Колхійскою, или Меденной.

13. Большой выговариваетъ себѣ свободу сердиться и бранить своихъ учителей.

14. Венера моя. Полагаютъ, что тутъ подразумѣвается Цинтія, но намъ кажется, что скорѣе должно подразумѣвать самую богиню любви, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ упоминается и сынъ ея Амуръ.

15. Мѣста любви—очевидно, предмета любви.

Элегія II.

2. Знаменитыя шелковыя ткани съ острова Коса были такъ тонки, что скорѣе выставляли, чѣмъ покрывали тѣло.

3. Миррой, добывавшеюся изъ Индіи черезъ Сирію, слѣдовательно, восневно съ рѣки Оронта.

15. Слѣдуютъ миеологическіе примѣры женщинъ прелестныхъ не наридомъ. У Мессенскаго царя Левкиппа были двѣ дочери—Феба и Илаира, въ которыхъ влюбилсь близнецъ Касторъ и Поллуксъ и похитили ихъ.

17. У Этолійскаго царя Евена была красавица дочь Марпесса, въ которую влюбленъ былъ Фебъ и въ то же самое время сынъ Афарея, Идасъ. Послѣдній похитилъ красавицу. Отецъ похищенной погнался за бѣглецами, но не догнавъ ихъ у рѣки Ликорма, въ раздраженіи бросился въ потокъ, именованійся съ тѣхъ поръ Евеномъ, почему—на берегу у отца.

Страстный Фебъ, догнавъ бѣглецовъ, завязалъ съ Идасомъ распрю; но Юпитеръ чрезъ посредство Меркурія прекратилъ оную предложеніемъ Марпессѣ свободнаго выбора. Красавица, боясь собственной старости рядомъ съ безсмертнымъ Фебомъ, выбрала Идаса.

20. Царю Элды Эномаю была предсказана оракуломъ смерть отъ руки зятя. Поэтому онъ губилъ всѣхъ искателей руки прекрасной его дочери Ипподаміи слѣдующимъ образомъ: Получивъ отъ Нептуна необычайно рѣзвыя коней, онъ поручалъ управленіе колесницею сыну Меркурія Миртиллу и, поставивъ условіемъ полученія руки Ипподаміи побѣду въ состязаніи на ристалищѣ, онъ пускалъ соискателя на его колесницѣ впередъ. Затѣмъ съ поднятымъ копьемъ всходилъ на колесницу и пускался вслѣдъ за женихомъ. Поровнявшись съ послѣднимъ, Эномай пронзалъ его копьемъ. Послѣ множества погнбшихъ героевъ явился Фригійскій царь Пелопсъ и, предупрежденный, что надо брать хитростью, сговорился съ возницею Миртиломъ, тоже влюбленнымъ въ Ипподамію, обѣщавъ ему награду. Пелопсъ подмѣнилъ въ колесницѣ Эномая желѣзныя чеки восковыми, и когда Эномай убили, Пелопсъ увезъ Ипподамію на своей колесницѣ.

21. Но выходило лицо—у этихъ красавицъ.

22. Аппелесъ—знаменитый живописецъ острова Коса.

Элегія III.

1. Лежашую на постели Цнантию поэтъ сравниваетъ со многими красавицами. Ариадна, дочь Критскаго царя Миноса, называется гнозянкой по городу Гнозу; освободивъ Тезея изъ лабиринта и будучи увезена имъ, она, уснувъ на пустомъ берегу острова Наксоса, была тамъ покинута имъ. Дочь царя Цефея Андромеда, прикованная къ скаламъ на съѣденіе морскому чудовищу, была освобождена Персеемъ.

5. По имени еракійской горы Эдона, посвященной Вакху, вакханки назывались эдонками.

6. Апиданъ—рѣка во Фракіи.

20. Ио—дочь царя Инаха была ревнивою Юноной превращена въ телку; Аргусъ былъ приставленъ стеречь ее, не зная самъ, что рогатая телка есть превращенная Ио.

Элегія IV.

Бассъ, извѣстный творецъ ямбовъ, о коемъ говоритъ первый стихъ VI-ой сатиры Персія, и котораго упоминаетъ Овидій Trist. IV. 10, 47.

5. Красавица Антиопа—дочь царя Никтея, породившая отъ Юпитера Амфіона и Цета, была въ рабствѣ у тетки своей Дирки. Когда послѣдняя, настигнувъ убѣжавшую, вздумала казнить ее, то Амфіонъ и Цетъ, признавшіе мать, подвергли Дирку казни, предназначаемой ею Антиопѣ. Они привязали ее къ дикому быку, что изображено въ знаменитой статуѣ Неаполитанскаго Фарнесскаго быка.

6. Спартанки. Спарта еще у Гомера славилась красотой женщинъ. Герміона—дочь Менелая и Елены.

7. Времена красоты, героическія времена, въ которыя являлось много красавицъ,

21. Ни одного камня: Термина, Герма и всяческихъ каменныхъ изображеній на перекресткахъ она не пропуститъ, чтобы, молясь, не испрашивать тебѣ наказанія.

26. Бездѣйствуетъ богъ—Амуръ.

Элегія V.

Галль, человѣкъ напыщенный своею знатностью и успѣхами у легкихъ женщинъ, просилъ, какъ видно, Проперція познакомить его съ Цинтіей. Не желая разделять любви Цинтіи съ Галломъ, Проперцій ловко излагаетъ ему всѣ невыгоды, какихъ онъ можетъ дожидаться отъ своихъ затѣй.

2. Вдвоемъ—съ Цинтіей.

5. Идти по золѣ, скрывающей невѣдомый огонь, какъ и у Горація II, 17:

На почву ты ступилъ, гдѣ пламень затаенный
Прикрытъ обманчивой золой.

6. Фессалия славилась какъ своими волшебницами и ядосмѣстельницами, такъ и обиліемъ ядовитыхъ растений.

21. Любовь не принимаетъ въ соображеніе тѣхъ восковыхъ изваяній предковъ, длиннымъ рядомъ которыхъ гордилась римская знать.

Элегія VI.

3. Рилейскія горы въ смыслѣ сѣверныя, скинскія горы.

4. Мемнонь—сынъ Тисеона и Авроры. У Катюлла 66, 53: Братъ Эеіона Мемнона.

19. Это относится къ консульству Люція Волкатія Тулла. Консуламъ, какъ извѣстно, предшествовали ликторы со связками розогъ вокругъ сѣкары.

20. Помогли Мессалѣ возстановить права греческихъ и азіатскихъ союзниковъ, которыя были нарушены и пренебрежены во время

гражданскихъ войнъ. Эта рѣчь обращена къ Туллу, которому поэтъ (ст. 34) говоритъ, что ему придется принять на себя известную часть власти.

20. Войнѣ—любви.

22. Пактоль—индійская рѣка съ золотососнымъ пескомъ.

Элегія VII.

Понтикъ—творецъ потерянной нынѣ эпической поэмы „Энхавиды“. Этотъ Понтикъ въ свое время былъ знаменитымъ поэтомъ, въ которому Проперцій обращался еще въ IX-ой элегии этой книги, и котораго Овидій, Trist. IV, 10, 47, называетъ прославившимся героическимъ стихотвореніемъ.

1. Кадмейскія Фивы, основанныя въ Беотіи сыномъ Финикійскаго царя Агенора.

2. Печальной войны, въ которой два брата Этеоклъ и Полиникъ, дѣти Эивскаго царя Эдипа, враждовавшіе между собою изъ-за престола, оба пали въ единоборствѣ.

3. Вставочную поговорку торжественно и положительно чего-либо утверждающаго ita vim felix, греческое: ες ἄβυσσος εἶπεν (будь я на столько счастливъ), мы въ сумѣли передать по русски иначе, какъ „въ часъ доброй сказать“.

10. Имя здѣсь означаетъ известность, славу.

17. Строевъ—семи предводителей, пришедшихъ ко въ Фивы.

Элегія VIII.

Весьма правдоподобно предположеніе, что съ 27-го стиха начинается новая элегія, въ которой поэтъ выражаетъ свою радость.

10. Шлеяды — семь звѣздъ во лбу быка поставлены здѣсь вмѣсто весны, которая, конечно, отстала бы при удвоеніи зимней поры. Мы дозволили себѣ поставить слово Шлеяды, тогда какъ въ подлинникѣ онѣ названы Бергиліями.

11. На тирренскомъ прибрежьи — на Этрусскомъ морѣ, такъ какъ корабль на этотъ разъ отправлялся изъ Остин, дѣлая большой обходъ, тогда какъ ѣдущіе въ Иллирію садились обыкновенно на корабль въ Брундузіи.

12. Порядокъ стиховъ съ 12-го по 17-й по Беренсу.

16. Галатея—прекрасная морская нимфа, дочь Нерея и Дориды.

18. Керавны—у Горация I, 3, 20: Акрокеравній—утѣсь въ Элирѣ, нынѣ il Monte della Chimera.

20. Городъ Орикъ (Гораций III, 7, 5) въ сѣверной части Эпира, на берегу Іонійскаго моря.

25. Атракъ—городъ въ Фессаліи, здѣсь вмѣсто самой страны.

28. Подразумѣвается Ахайя, которую Эномай, побѣжденный Целопсомъ, отдалъ въ приданое за дочь свою Гипподаміей.

29. Цивтія, предѣсть — моя; смыслъ: поэзія одержала верхъ, и вотъ же Цивтія стала моею.

Элегія IX.

1. Насмѣшникъ: Понтикъ издѣвался надъ его любовію.

2. Важныя пѣсни—эпическія.

10. См. Гораций Посл. къ Пизон. 394:

И Амфіонъ, говорятъ, еванскихъ стѣнъ основатель.

11. Мимнермъ Колофонскій, греческій элегическій поэтъ, творецъ пентаметра.

12. Отложи (въ ящикъ) свои грустныя книги (см. элег. VII, 2).

13. Пытка Иксіона, прикованнаго къ вертящемуся колесу.

14. Образъ, взятый съ ребяческихъ игръ, когда мальчикъ одною рукою пускаетъ птичку летѣть, а другою придерживаетъ нитку, къ которой она привязана.

Элегія X.

8. Луна всего ярче на серединѣ неба. Древніе приписывали лунѣ колесницу также, какъ и солнцу.

Элегія XI.

1. Бай—приморскій городъ въ Кампаніи между Мизеномъ и Путеоланъ съ горячими ключами и красивымъ мѣстоположеніемъ, о которомъ Гораций (посланій I, 1, 88) говоритъ:

Нѣтъ на свѣтѣ залива соперника Бай блестящей.

Этотъ городъ привлекалъ передъ началомъ зимы и весны богатыхъ римлянъ, предававшихся здѣсь всякимъ чувственнымъ наслажденіямъ, почему Проперцій ниже въ стихѣ 27-омъ, называетъ Бай развращенными.

2. Подразумѣвается дорога мимо Бай вдоль берега, которую будто бы проложилъ Гераклъ, увозя быковъ Геріона; впоследствии она была украшена Агриппою.

3. Подъ Теспротовымъ царствомъ преимущественно разумѣется берегъ Путеолъ въ Кампаніи, занятый нѣкогда вышедшимъ изъ Эпира народомъ теспротами.

8. Поэтический скачокъ мыслей: не отвлекъ ли тебя какой либо мой соперникъ притворною любовью до той степени, что мнѣ не придется болѣе воспѣвать тебя?

9. Смыслъ въ прозѣ: ужь лучше бы ты ради удовольствія каталась по сосѣднему Лукринскому озеру въ тѣхъ крошечныхъ лодочкахъ, которыя управляются короткими веслами.

11. Или плавала въ волнахъ неглубокой рѣчки Тевтранта, струи которой легко бы уступали движенію обѣихъ твоихъ рукъ.

12. Чѣмъ ты бы стала слушать любовныя нашептыванія другаго.

Элегія XII.

10. Съ горъ Прометея, Кавказа, знаменитаго волшебными травами Медин.

Элегія XIII.

8. Съ первой же схватки—выраженіе, заимствованное у палестры.

11. Салмониду. Тира, дочь Салмоней, сына Эола, была влюблена въ Энипея, бога потока Гемонскаго (ѳессалійскаго). Узнавъ объ этомъ, Нептунъ,

(по своему храму на лагонскомъ мысѣ Тенарѣ названный здѣсь Тенарскимъ богомъ), принявъ образъ Энипея и легко овладѣвъ Солманидою.

24. Геркулесъ, мучительно сгорѣвшій на вершинѣ Этны, получилъ на небесахъ въ награду за свои труды прелестную Гебу.

25. Этотъ единственный день—смысли поэтической оборотъ, приписывающій дню поступокъ чековѣка. Въ прозѣ: ты въ этотъ день превзошелъ всѣхъ влюбленныхъ.

26. Ледяныхъ самыхъ дѣтей. Леда, супруга Лагонскаго царя Тиндара, родила отъ Юпитера, превратившагося въ лебедя, двухъ дочерей, Елену и Клитемнестру.

27. Героини Инахійскихъ—аргивскихъ (ибо Инахъ былъ первымъ царемъ аргивявъ).

28. Вышла неожиданно ошибка, если ожидая легкой побѣды, ты самъ попался въ плѣвъ.

Элегія XIV.

9. Менторъ былъ знаменитый литейщикъ изъ серебра. Ювеналъ 8, 104 говорить:

въ рѣдкость былъ столъ не Менторомъ рѣзанъ.

10. Красныхъ морей. Древніе, по причинѣ восхожденія румяной зари съ востока, называли всѣ восточныя моря красными.

11. Порогъ аравійскій; изъ аравійскаго мрамора, вмѣсто „въ чертоги богатыхъ“.

12. Серами римляне прозывали азіатскій народъ въ нивѣшной Бухарин и высоко цѣнили привозимыя оттуда тончайшія шелковыя ткани.

Элегія XV.

Проперцій объявляетъ Цинтія, что ему угрожаетъ великая опасность; на какую опасность намекаетъ Проперцій, опредѣлить трудно, но можно предполагать, что онъ говоритъ о задуманной имъ поѣздкѣ въ Аены (слич. XVII).

9—11. Калипсо плакала при отъѣздѣ итакійца Улисса, пробывшаго шесть лѣтъ на ея островѣ. У опустѣвшихъ зыбей—когда у берега уже не стало Улисса.

Отъ 15-го стиха по 20-й послѣдовательность стиховъ составлена по изданію Л. Мюллера.

12. Алфезибей—дочь Аркадскаго царя Фега, супруга Алкмеона, который женился на ней послѣ того, какъ отецъ ея очистилъ его отъ тяготившаго его убійства матери, которое онъ совершилъ по приказу отца своего Амфіара. Тѣмъ не менѣе Алкмеонъ, мучимый угрызениями совѣсти, покинулъ Алфезибей и на островѣ потока Ахелоя обрѣлъ спокойствіе, женившись на дочери этого рѣчнаго бога Калироѣ. Братья Алфезибей убили за это Алкмеона. Тутъ преданіе разногласитъ. По тому, котораго держался здѣсь Проперцій, Алфезибей, все еще любивша мужа, истребила своихъ братьевъ.

17. Эзоніа. Сынъ Эзона Язонъ, прибывши на островъ Лемносъ съ

прочими Аргонавтами, былъ благосклонно принять царицею острова Иси-филой, которая его полюбила.

21. Эвадна—супруга Капанея, до того была вѣрна своему отсутствующему мужу, что, когда тѣло убитаго подѣ Фивами супруга было привезено, она сама къ нему бросилась на смертный костеръ.

Элегія XVI.

У Капитолійскаго холма со времяъ Ромула стоялъ полуразрушенный домъ, въ которомъ нѣкогда жила весталка Тарпея. Во время написанія элегій въ томъ же домѣ проживала непотребная дѣвица. Дверь этого дома поэтъ заставляетъ жаловаться на утрату прежняго ея достоинства и на настоящее безславіе. Нѣкоторые толкователи затруднились (ст. 2) эпитетомъ чистой по отношенію къ Тарпей, которую Проперцій самъ же кн. IV эл. 4 описываетъ безстыдной; но весталку Тарпею, влюбленную въ Сабинскаго царя Тація, поэтъ могъ съ полнымъ правомъ назвать чистой сравнительно съ публичною женщиной, и въ IV-й книгѣ Тарпея осуждается не какъ развратница, а какъ предательница.

3. Золотыми ... колесницами обозначаются знатные владѣльцы дома, отправлявшіеся къ триумфу или съ него возвращавшіеся.

Элегія XVII.

Не будучи въ состояніи побѣдить суровость и упрямство Цинтіи (см. ст. 15), Проперцій, ища другаго средства исцѣлиться отъ любовнаго недуга, отправился, какъ видно, въ долгій путь въ Аенны (кн. III эл. 21); сличи кн. I эл. 1, 29, но по опыту узнавъ, что разлука не въ состояніи ни уменьшить, ни истребить любви.

2. Альціоны (зимородки) пустынные и стонущія птицы, утишающія волненіе моря, особенно во время насиживанія яицъ (см. Овид. Прев. XI, 745).

3. Поэтъ жалуется на то, что надъ кораблемъ его скрылись всѣ звѣзды и даже не видать самой блестящей Кассіоны. Кассіона, супруга Цефея, ставила свою красоту превыше красоты Нерейдъ; за это Нептунъ наславъ на страну Цефея наводненіе, отъ котораго, по изреченію Аммона, можно было избавляться только, приковавъ дочь Цефея, Андромеду, къ скалѣ на съѣданіе морскому чудовищу.

18. Тиядариды—спасительное для мореплавателей созвѣздіе Кастора и Поллуска, сыновей Юпитера и Леды, супруги Тиядара.

19. Еслибы тамъ - то - въ Римѣ.

25. Красавица Доридя, дочь Океана и Теисы, супруга Нерей и мать Нерейдъ.

27. Если подобно мнѣ и вамъ придется влюбиться.

Элегія XVIII.

2. Зефиръ—западный вѣтеръ, здѣсь вообще вмѣсто вѣтра, кромѣ котораго въ лѣсу нѣтъ обитателей.

4. Отдѣльно—стоящія.

8. Получавшіе отъ цензора дурную отгѣтку исключались изъ сената, трибы и т. д., слѣдовательно получившій отгѣтку въ любви, изгонялся изъ сердца какъ недостойный.

20. Сосна была священнымъ деревомъ аркадскаго Пана.

Элегія XIX.

5. У Проперція не разъ Амуръ обозначается однимъ словомъ мальчикъ.

7. Царь ессалійскаго города Филака Протезилай, сынъ Ифика, внукъ Филака, выйдя первымъ изъ грековъ на троянскій берегъ, былъ убитъ Гекторомъ (Илиад. II, 698), но и въ области тѣней не забывалъ супруга своей Лаодаміи и взаимно ею любимый, онъ или супруга его испросилъ у боговъ три часа времени, въ которые онъ могъ бы побывать у супруги своей. Послѣ этого свиданія Лаодамія сама лишила себя жизни.

14. Троянцы по имени вранодителя ихъ царскаго рода Дардана назывались Дарданцами. дарданскій погромъ есть разрушеніе Трон.

16. Венера, ревнивая къ своей красотѣ, пусть не противится этому, если она правосудна.

18. Кости; смыслъ: если и переживешь меня, любя мой прахъ.

19. Этотъ стихъ измѣненъ по Беренсу; по прежнимъ изданіямъ онъ гласилъ бы:

„Пусть бы надъ пепломъ моимъ живая ты тожь ощутила.“

23. Во всякое время любовь не достаточно продолжительна.

Элегія XX.

4. Миніи — ессалійскій народъ. Здѣсь подъ миніями подразумѣваются Аргонавты, изъ которыхъ многіе были изъ этого народа. Асканій — рѣка въ Вионіи и Мизіи. Въ какомъ смыслѣ Асканій оказался вреднымъ для Аргонавтовъ, уяснится ниже. Когда Аргонавты прибыли къ рѣкѣ Асканію и Геркулесъ пошелъ отыскивать дерева на весло, а Гила послалъ за ключевой водою, нимфы рѣчныя увлекли красавца мальчика. Этотъ любимый поэтами эпизодъ подвергся въ настоящей элегіи самобытной обработкѣ Проперція.

6. У Геркулеса былъ любимый мальчикъ Гилъ, сынъ царя дріоновъ Тіодаманта.

8. Аніена, Аніенъ или Аніо рѣка, впадающая въ Тибръ.

9. Куманская область въ Кампаніи, гдѣ древле жили гиганты, сражавшіеся съ богами.

12. И авзонскія (итальянскія) дріяды влюбчивы не менѣе мизійскихъ, похитившихъ Геркулесова любимца.

17. Пагаза—приморскій городъ въ Эссалии, гдѣ былъ построенъ корабль Арго.

18. Фазисъ—рѣка въ Колхидѣ, нынѣшній Ріонъ.

19. Атамантійской волною обзывается Геллеспонтъ, въ которомъ погибла Гелла, дочь Атаманта (см. кн. II, 28, 19).

21. Рѣдкой (въ той мѣстности) воды.

25. Внучка Аонискаго царя Пандіона, дочь Эрехта, Оритія была похищена сѣвернымъ вѣтромъ Аквилономъ, отъ котораго родила двухъ сыновей,

Цета и Калаа, которые, согласно природѣ отца, были съ крыльями; тѣмъ не менѣе они участвовали въ походѣ Аргонавтовъ. Крылатая природа ихъ вѣроятно подала Проперцію мысль къ изображаемой здѣсь живописной сценѣ, какъ они стараются на лету срывать поцѣлуги, для чего конечно должны перевертываться навзничь.

29. Стихъ этотъ переведенъ согласно толкованію Палея; по толкованію Квинела этотъ стихъ переводится такъ:

Тотъ, на краю крыла повиснувъ, ищетъ укрыться.

Тотъ, то-есть, Гилъ, подхваченный на воздухъ и стараясь укрыться между крыломъ и плечомъ обидчика, защищается отъ нихъ первымъ появившимся сукомъ.

31. Ортія, похищенная Бореемъ, Овид. Пр. VI, 607, приходится Пандіону, отцу Аеннскаго царя Эрехта, внукою.

33. Аргантъ—гора въ Мизіи съ которой струился источникъ Пеге, гдѣ Гилъ, черпающій воду, былъ похищенъ нимфами.

Элегія XXI.

Галъ, родственникъ Проперція (см. эл. XXII, 7), стоявшій во время Перузинской войны на сторонѣ Антонія противъ Августа, (см. ниже стихи 7 и 8) 714 годъ отъ осн. Р. палъ, но здѣсь усопшій приводится говорящимъ. Онъ какъ бы передъ смертью даетъ убѣгающему сотоварищу порученія къ сестрѣ своей.

2. Отъ этрусскихъ валовъ, которыми Октавіанъ окружилъ этрусскій городъ Перузю.

Элегія XXII.

3. Могила Перузін (см. эл. XXI, 2); самъ городъ былъ разрушенъ и большинство жителей перебито.

4. Во времена всеобщаго гражданскаго волненія, возбужденнаго Фульвіей противъ Октавіана за роздачу войнамъ земель.

А. Фетъ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1-го МАЯ вышла и разослана подписчикамъ V-я книга
историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII-мъ и первой половинѣ XIX в. Очеркъ магистра русской исторіи В. И. Семевскаго.—II. Василій Трофимовичъ Нарѣжскій. Историко-биографическое изслѣдованіе. Очеркъ первый. Состав. Н. А. Бѣлозерская.—III. Разказы Прасковьи Егоровны Анненовой, рожденной Гебль. (Окончаніе).—IV. Въ странахъ средней Азіи. Путевыя впечатлѣнія Генриха Мозера, 1882—1883 гг. Извл. и перев. В. В. Тимошукъ. (Окончаніе).—V. Воспоминанія Ильи Ефимовича Рѣпина: Иванъ Николаевичъ Крамской.—VI. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Пятигорскъ, какъ мѣсто его жизни и дуэли. Сообщ. Е. С. Некрасова.—VII. Саль-Стефано и Константинополь въ февралѣ 1878 г. Забѣтки кн. В. Д. Дабижа.—VIII. Россія и Англія на дальнемъ Востокѣ. Историческая справка ко дню открытія Каспійско-Самаркандской желѣзной дороги 15-го мая 1888 г. Сообщ. Л. Н. Соболевъ.—IX. Мъ вопросу о женскихъ гимназіяхъ. (Окончаніе). Сообщ. А. А. Чумиковъ.—X. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ: 1. Пятидесятилѣтіе литературно-поэтической его дѣятельности. 2. Сборникъ „Лунныя ночи“, 1839 г.—XI. Библиографическій листокъ.

Приложенія: I. Портретъ Прасковьи Егоровны Анненовой, гравир. художн. И. И. Матюшинъ.—II. Рисунки къ соч. Генриха Мозера, четыре гравюры исполнены въ Парижѣ.

Продолжается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1888 г.

Девятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться на 1888-й годъ въ книжномъ магазинѣ г. ЦИНЗЕРЛИНГА, на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора. Въ Москвѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, д. № 7.

Продается у г. Цинзерлинга новая книга: «Альбомъ М. И. Семевскаго, книга автобиографическихъ замѣтокъ 850 современныхъ дѣятелей». Цѣна ДВА руб. съ доставкой. Доходъ отъ этой книги въ пользу бѣдныхъ учащихся въ Спб. городскыхъ училищахъ.

Изд.-ред. Мих. Ив. Семевскій.

Во всѣхъ главнѣйшихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ имѣются слѣдующія учебныя пособія преподавателя

А. ЗЛОБИНА:

НѢМЫЕ ДИКТАНТЫ

(БЕЗЪ ДИКТУЮЩАГО).

Полный и систематическій сборникъ по русскому правописанію для самостоятельныхъ работъ учащихся въ классѣ и дома.

1) «Нѣмые Диктанты» (безъ диктующаго). Ч. I. Фонетика. Курсъ средне-учебныхъ заведеній. Ц. 60 к., съ пересылкою 75 к. Изд. 2-е.

2) «Нѣмые Диктанты» (безъ диктующаго). Выпускъ II. Части рѣчи. Курсъ гимназическій. Ц. 60 съ пересылкою 75 к. Изд. 2-е.

3) Полный курсъ синтаксиса, въ образцахъ и примѣрахъ для грамматическаго разбора. Курсъ гимназическій. 2-е дополненное изданіе. Ц. 50 к., съ пересылкою 60 к.

4) Таблицы полного грамматическаго разбора, въ объемѣ курса средне-учебныхъ заведеній. Изданіе 4-е. Таблицы I кл. 6 к., съ пересылкой 8 к., II кл. 8 к. съ пересылкой 10 к., III кл. 10 к., съ пересылкой 12 к. (Первое изданіе таблицъ было допущено какъ необязательное учебное пособіе по Одесскому учебному округу).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLVII.

1888.

ЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.
1888.

**Визначення кап., л № 78.
2821**

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

3. (7-го марта 1888 года). О промышленных училищахъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о промышленныхъ училищахъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: За предсѣдателя государственнаго совѣта, статсъ-секретарь баронъ Николаи.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о промышленныхъ училищахъ, мнѣніемъ положилъ:

І. Проектъ основныхъ положеній о промышленныхъ училищахъ поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

ІІ. Предоставить министру народнаго просвѣщенія: 1) образовать, для ближайшей разработки вопроса объ открытіи промышленныхъ училищъ на счетъ государственнаго казначейства, особую временную комиссію изъ представителей министерствъ: народнаго просвѣщенія, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, возложивъ на эту комиссію опредѣленіе мѣстностей, гдѣ таковыя училища должны быть открыты, указаніе спеціальностей, которымъ они должны быть посвящены, а равно начертаніе уставовъ

и штатовъ сихъ училищъ; 2) предположенія сей комиссіи, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ, внести на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

III. Отпускаемые по ст. 6 § 8 смѣты министерства народнаго просвѣщенія пятнадцать тысячъ семьсотъ руб. на приготовленіе учителей механики для реальныхъ училищъ обратить на приготовленіе учителей специальныхъ предметовъ какъ въ реальныхъ, такъ и въ промышленныхъ училищахъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
Въ С.-Петербургѣ. 7-го марта 1888 года.

„Быть по сему“.

Основныя положенія о промышленныхъ училищахъ.

1. Промышленныя училища для мужскаго населенія Имперіи имѣютъ цѣлю распространеніе въ семь населеніи образованія техническаго средней и низшей степени и ремесленнаго.

2. Среднія техническія училища сообщаютъ знанія и умѣнія, необходимыя техникамъ, какъ ближайшимъ помощникамъ инженеровъ и другихъ высшихъ руководителей промышленнаго дѣла.

3. Низшія техническія училища, на-ряду съ обученіемъ приемамъ какого-либо опредѣленнаго производства, сообщаютъ знанія и умѣнія, необходимыя ближайшимъ и непосредственнымъ руководителямъ труда рабочихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ.

4. Ремесленныя училища имѣютъ цѣлю практическое обученіе приемамъ какого-либо производства и сообщеніе знаній и умѣній, необходимыхъ для осмысленной въ семь производствѣ работы.

5. Промышленныя училища каждаго изъ поименованныхъ (ст. 2—4) видовъ могутъ существовать или отдѣльно, или въ соединеніи съ другими подобными же училищами различныхъ степеней и специальностей. Если въ общемъ управленіи соединяются среднія техническія училища съ низшими или ремесленными, то такая совокупность учебныхъ заведеній носитъ названіе общаго промышленнаго училища. Съ промышленными училищами, въ мѣрѣ возможности, соединяются дополнительныя школы для обученія занятыхъ въ промышленныхъ заведеніяхъ рабочихъ въ свободное отъ промышленныхъ работъ время.

6. Промышленныя училища (ст. 2—4) могутъ быть соединяемы съ приготовительными къ нимъ школами общаго образованія (ст. 13).

Въ учебныхъ заведеніяхъ этого рода преподаваніе нѣкоторыхъ общеобразовательныхъ предметовъ можетъ быть завершаемо въ классахъ, назначенныхъ для прохожденія специальныхъ предметовъ и, наоборотъ, обученіе нѣкоторымъ прикладнымъ предметамъ и практическимъ работамъ можетъ начинаться до окончанія общеобразовательнаго курса училища, съ тѣмъ, однако, чтобы въ среднихъ техническихъ училищахъ преподаваніе прикладныхъ предметовъ и практическія работы начинались не ранѣе, какъ по окончаніи учениками общеобразовательнаго курса, соответствующаго курсу третьяго класса реальныхъ училищъ.

Примѣчаніе. Промышленное училище, соединенное съ общеобразовательною школою, не можетъ быть соединяемо съ промышленными училищами другихъ разрядовъ.

7. Промышленныя училища содержатся: или на счетъ казны, или на счетъ земствъ, обществъ, сословій и частныхъ лицъ, или же на совмѣстныхъ средства, получаемыя изъ сихъ источниковъ. Училища, содержимыя на средства казны или съ пособіемъ отъ нея, подчиняются всѣмъ правиламъ, устанавливаемымъ для нихъ правительствомъ, а служащіе и учащіеся въ нихъ пользуются всѣми правами и преимуществами, въ настоящемъ положеніи изъясненными. Съ утвержденія правительства эти права и преимущества могутъ быть распространяемы и на училища, содержимыя сполна на счетъ земствъ, обществъ, сословій или частныхъ лицъ.

8. Поступающія въ промышленныя училища пожертвованія, плата за ученіе и доходъ отъ продажи издѣлій, изготовленныхъ въ училищныхъ мастерскихъ, составляютъ неотъемлемую собственность училищъ. Плата за ученіе употребляется преимущественно на пополненіе штатныхъ суммъ сихъ заведеній, на вознагражденіе преподавателей параллельныхъ отдѣленій, на усиленіе учебныхъ пособій, затѣмъ на вспоможеніе лицамъ, состоящимъ или состоявшимъ на службѣ при заведеніи, и ихъ семействамъ на непредвидимые расходы, и, наконецъ, на пособія и стипендіи бѣднымъ учащимся. Доходъ отъ продажи издѣлій употребляется преимущественно на нужды мастерскихъ.

9. Въ промышленныхъ училищахъ преобладающее значеніе дается преподаванію предметовъ, прямо относящихся къ спеціальности училища, а также графическимъ занятіямъ и практическимъ упражненіямъ въ приемахъ производства. Преподаваніе же общеобразовательныхъ предметовъ ограничивается преимущественно повтореніемъ курса,

пройденнаго въ приготовительной къ училищу школѣ общаго образованія (ст. 13), съ дополненіемъ этого курса лишь тѣми познаніями, которыя необходимы для практической дѣятельности, въ коей готовятся ученики.

10. Объемъ учебнаго курса въ промышленныхъ училищахъ, указаніе предметовъ, входящихъ въ составъ этого курса, а также времени, которое должно быть посвящаемо графическимъ занятіямъ и практическимъ упражненіямъ въ приемахъ производства, опредѣляются издаваемыми для училищъ положеніями и уставами, по соображенію съ специальностью, для которой назначается училище, и мѣстными условіями и потребностями. На томъ же основаніи устанавливается и продолжительность курса промышленныхъ училищъ, при чемъ наблюдается, чтобы курсъ среднихъ техническихъ училищъ заканчивался не болѣе какъ въ четыре года, а курсъ низшихъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ — не болѣе какъ въ три года. Въ промышленномъ училищѣ, соединенномъ съ общеобразовательнымъ (ст. 6), общая продолжительность курса не должна превышать нормальной продолжительности курса обоихъ училищъ. Сообразно съ симъ, ремесленные училища, дополняющія общее образованіе начальныхъ училищъ до степени двухкласснаго сельскаго училища, не могутъ имѣть болѣе чѣмъ пятилѣтній курсъ.

11. Промышленные училища, содержимыя на счетъ казны или съ пособіемъ отъ нея, открываются по распоряженію министра народнаго просвѣщенія; училища же, содержимыя на счетъ иныхъ источниковъ, учреждаются: техническія — съ разрѣшенія министра, а ремесленные — съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа. Технические училища состоятъ въ вѣдѣніи попечителя учебнаго округа, ремесленные же — въ вѣдѣніи директора народныхъ училищъ.

12. Къ обученію въ промышленныхъ училищахъ допускаются лица всѣхъ состояній и вѣроисповѣданій.

Примѣчаніе. Въ училищахъ, содержимыхъ вполнѣ на средства сословій или частныхъ лицъ, могутъ быть вводимы въ этомъ отношеніи ограниченія, разрѣшаемыя министромъ народнаго просвѣщенія по ходатайству учредителей училищъ.

13. Для поступленія въ ремесленные училища требуется представленіе свидѣтельства объ окончаніи курса въ начальномъ, или церковно-приходскомъ, или одноклассномъ сельскомъ, или же городскомъ приходскомъ училищѣ; для поступленія въ низшее техническое училище — предъявленіе аттестата объ окончаніи курса город-

скаго училища по положенію 31-го мая 1872 г., уѣзднаго или двух-класснаго сельскаго училища, а для поступленія въ среднее техническое училище—удостовереніе объ окончаніи курса пяти классовъ реальнаго училища или другаго среднеобразовательнаго заведенія, курсъ коего будетъ признанъ министромъ народнаго просвѣщенія равнымъ по степени, съ дополнительнымъ въ послѣднемъ случаѣ испытаніемъ изъ нѣкоторыхъ предметовъ по указанію министра.

14. Лица, не удовлетворяющія изъясненнымъ въ предыдущей статьѣ условіямъ, допускаются къ приему въ промышленныя училища въ томъ лишь случаѣ, если они работали не менѣе двухъ лѣтъ въ промышленныхъ заведеніяхъ и по производствѣ имъ надлежащаго испытанія доказали, что могутъ успѣшно слѣдовать за курсомъ училища, въ которое желаютъ поступить. Прежде приема такихъ лицъ, начальство училища обязано навести точныя о нихъ справки въ мѣстѣ ихъ промышленныхъ занятій.

15. Подробныя правила о приемѣ учениковъ въ промышленныя училища, а равно правила о переходныхъ и выпускныхъ испытаніяхъ въ сихъ училищахъ, издаются министромъ народнаго просвѣщенія и публикуются во всеобщее свѣдѣніе.

16. Промышленныя училища должны имѣть: 1) бібліотеку; 2) кабинетъ пособій для черченія и рисованія; 3) гдѣ возможно, особое помѣщеніе съ приспособленіями для лѣпленія; 4) необходимыя учебныя пособія сообразно той специальности, для изученія которой училище предназначено. Сверхъ того, при сихъ училищахъ должны быть надлежащія приспособленія для практическихъ занятій воспитанниковъ, или же возможность такихъ занятій должна быть обезпечена въ постороннихъ промышленныхъ учрежденіяхъ.

17. При промышленныхъ училищахъ могутъ быть учреждаемы, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, пансіоны или общежитія, которые находятся въ непосредственномъ управленіи начальства промышленныхъ училищъ.

18. Пансіоны и общежитія содержатся или на суммы государственнаго казначейства, или на счетъ платы за пансіонеровъ, или же на особыя пожертвованія земствъ, сословій, обществъ или частныхъ лицъ, или же, наконецъ, на совмѣстныя средства, получаемыя изъ сихъ источниковъ.

19. Устройство надзора и управленія въ пансіонахъ или общежитіяхъ при промышленныхъ училищахъ опредѣляется особою инструкціею, издаваемою министромъ народнаго просвѣщенія.

20. Въ промышленныхъ училищахъ, содержащихъ всецѣло на средства казны или съ ея участіемъ, размѣръ платы за ученіе утверждается: для техническихъ училищъ министромъ народнаго просвѣщенія, а для ремесленныхъ—попечителемъ учебнаго округа. Въ училищахъ же, учреждаемыхъ на средства обществъ, земствъ, сословій или частныхъ лицъ, размѣръ платы опредѣляется тѣми учрежденіями или лицами, которыя ихъ содержатъ.

21. Составъ и порядокъ управленія промышленными училищами опредѣляются издаваемыми для нихъ уставами и штатами, составляемыми, по соображеніи съ дѣйствительной потребностью, примѣнительно къ уставамъ и штатамъ существующихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній равныхъ степеней.

22. Законоучители промышленныхъ училищъ избираются начальниками сихъ учебныхъ заведеній и, по одобреніи избираемаго лица мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, утверждаются въ должности попечителемъ учебнаго округа.

23. Учителя и руководители работъ въ техническихъ училищахъ избираются изъ лицъ, имѣющихъ, по своему образованію, право на занятіе соответствующихъ должностей въ реальныхъ училищахъ. Въ ремесленныхъ же училищахъ учителя общеобразовательныхъ предметовъ избираются изъ лицъ, имѣющихъ званіе учителя уѣзднаго или городского училища по положенію 31-го мая 1872 г. Учителя геометрическаго (линейнаго) черченія и рисованія избираются изъ лицъ, получившихъ техническое или художественное образованіе, а учителя техническихъ предметовъ, технического черченія и руководители практическихъ занятій—изъ лицъ, получившихъ образованіе не ниже средняго технического учебнаго заведенія.

24. Состоящіе при промышленныхъ училищахъ законоучители, учителя наукъ, прикладныхъ предметовъ, черченія и рисованія, руководители практическихъ занятій, лаборанты, а равно мастера, имѣющіе званіе техника (ст. 39), числятся на дѣйствительной государственной службѣ. Мастера же, не имѣющіе означеннаго званія, а также учителя лѣвленія, гимнастики, музыки и танцевъ, гдѣ сіи предметы преподаются,—приглашаются по найму.

Примѣчаніе. По представленію училищнаго начальства и съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа обученіе всѣмъ вообще предметамъ въ промышленныхъ училищахъ можетъ быть поручаемо преподавателямъ, приглашаемымъ по найму.

25. Для усиленія учебной части и для образованія опытныхъ преподавателей въ техническія училища могутъ быть опредѣляемы сверх-

штатные учителя изъ лицъ, имѣющихъ право на занятіе въ нихъ учительскихъ должностей. Лица сіи, если окажутся достойными, имѣютъ, при открытіи вакансіи, преимущество предъ другими на занятіе штатной должности и, въ случаѣ опредѣленія на таковую, — время исправленія сверхштатной должности зачитывается имъ въ срокъ выслуги на пенсію.

26. Преподаватели техническихъ училищъ опредѣляются къ должностямъ по правиламъ, установленнымъ для реальныхъ училищъ, а преподаватели ремесленныхъ училищъ — по правиламъ, опредѣленнымъ для городскихъ училищъ.

27. Штатные преподаватели и руководители практическихъ занятій въ техническихъ училищахъ, содержимыхъ на счетъ казны или съ пособіемъ отъ нея, раздѣляются на четыре разряда по окладамъ получаемого ими содержанія. Оклады сіи назначаются: для среднихъ техническихъ училищъ въ 960 руб., 1,200 руб., 1,440 руб. и 1,800 руб., а для низшихъ техническихъ училищъ въ 750 руб., 900 руб., 1,250 руб. и 1,500 руб., при чемъ каждый изъ этихъ окладовъ полагается за 12 предметныхъ уроковъ, за 15 часовъ руководства графическими занятіями, за 20 часовъ руководства въ лабораторіяхъ и за 25 часовъ руководства практическими работами въ мастерскихъ, съ вычетомъ за каждый изъ недостающихъ до нормы часовъ въ соразмѣрности съ получаемымъ окладомъ. Число вакансій третьяго разряда (въ 1,440 руб. и 1,250 руб.) назначается по одной на четыре, а четвертаго разряда (въ 1,500 руб. и 1,800 руб.) по одной на восемь однолѣтнихъ классовъ техническихъ училищъ соотвѣтственнаго разряда. Преподаватели, получающіе оклады третьяго и четвертаго разрядовъ, именуются заслуженными, съ каковымъ званіемъ, однако, не соединяется никакихъ другихъ правъ и преимуществъ.

28. Поступающіе вновь на службу по учебной части въ технические училища преподаватели и руководители занятій (ст. 27) опредѣляются на низшій окладъ содержанія и ближайшій высшій окладъ получаютъ по выслугѣ пяти лѣтъ въ одномъ и томъ же заведеніи. Назначеніе слѣдующихъ затѣмъ окладовъ, когда откроется вакансія, производится, по старшинству учебной службы, за продолжительную, полезную и ревностную дѣятельность преимущественно въ одномъ и томъ же заведеніи, съ разрѣшенія каждый разъ министра народнаго просвѣщенія, при чемъ окладъ третьяго разряда не можетъ быть назначенъ ранѣе десяти лѣтъ, а четвертаго — ранѣе пятнадцати лѣтъ учебной службы.

Примѣчаніе 1. Преимуществомъ повышенія окладовъ не пользуются: законоучители во всѣхъ техническихъ училищахъ, преподаватели счетоводства въ низшихъ техническихъ училищахъ и учителя математики въ среднихъ техническихъ училищахъ, не соединенныхъ съ приготовительными къ нимъ школами общаго образованія (ст. 6). Всѣ эти лица получаютъ определенное жалованье, соразмѣрно числу преподаваемыхъ ими уроковъ.

Примѣчаніе 2-е. Преподаватели и руководители занятій, перемѣщенные изъ одного училища въ другое до истеченія пяти лѣтъ ихъ службы, сохраняютъ право на полученіе оклада второго разряда по выслугѣ пяти лѣтъ въ томъ случаѣ, если перемѣщеніе ихъ послѣдовало по распоряженію начальства, въ видахъ пользы службы или по другимъ уважительнымъ причинамъ.

29. За дополнительные уроки или часы занятій учителя техническихъ училищъ, означенныхъ въ ст. 27, получаютъ добавочное вознагражденіе, которое въ среднихъ техническихъ училищахъ рассчитывается по 75 руб. за каждый предметный урокъ, по 60 руб. за каждый часъ графическихъ занятій, по 45 руб. за каждый часъ занятій въ лабораторіи и по 36 руб. за каждый часъ руководства занятіями въ мастерскихъ, а въ низшихъ техническихъ училищахъ— по 60 руб. за каждый предметный урокъ, по 48 руб. за каждый часъ графическихъ занятій, по 36 руб. за каждый часъ занятій въ лабораторіи и по 30 руб. за каждый часъ руководства занятіями въ мастерскихъ.

30. Преподаватели въ ремесленныхъ училищахъ, содержащихся на счетъ казны или съ пособіемъ отъ нея, получаютъ вознагражденіе по числу часовъ, занятыхъ ими въ недѣлю для преподаванія и руководства какъ графическими занятіями, такъ и практическими работами, при этомъ за уроки по закону Божію и специальнымъ предметамъ полагается по 50 руб. за годовой часъ, за уроки по общимъ предметамъ по 40 руб., а за руководство практическими занятіями по 25 руб. за годовой часъ.

31. Въ каждомъ низшемъ и среднемъ техническомъ училищѣ съ одною или двумя специальностями полагается по одному, въ среднемъ техническомъ училищѣ съ тремя специальностями—по два, а въ общемъ промышленномъ учебномъ заведеніи—по четыре надзирателя, выбираемыхъ изъ лицъ, имѣющихъ право преподавать въ сихъ училищахъ. На надзирателей возлагается обязанность помогать начальству учи-

лица въ наблюденіи за поведеніемъ и успѣхами учащихъся, а равно замѣщать отсутствующихъ преподавателей.

32. При соединеніи нѣсколькихъ среднихъ техническихъ училищъ въ одно общее учебное заведеніе, въ каждое его отдѣленіе, посвященное извѣстной специальности, назначается изъ преподавателей или руководителей работъ въ отдѣленіи особое лицо, для завѣдыванія въ немъ учебною частію. Обязанности завѣдывающаго учебною частію въ одномъ изъ отдѣленій исполняетъ директоръ, не получающій за то особаго вознагражденія, а прочимъ завѣдывающимъ опредѣляется добавочное за исполненіе сихъ обязанностей вознагражденіе по штату.

33. При промышленныхъ училищахъ, въ случаѣ надобности, можетъ быть учреждаема должность врача. Врачъ при техническихъ училищахъ утверждается въ должности попечителемъ учебнаго округа по представленію директора училища, а при ремесленномъ училищѣ—директоромъ народныхъ училищъ по представленію инспектора училища.

34. При промышленныхъ училищахъ, смотря по ихъ разряду и составу учебнаго персонала, могутъ быть учреждаемы педагогическіе совѣты и хозяйственные комитеты, на основаніяхъ, установленныхъ для такихъ же учреждений въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ соответствующихъ разрядовъ.

35. При техническихъ училищахъ могутъ быть учреждаемы должности почетныхъ попечителей, а при ремесленныхъ училищахъ—должности почетныхъ смотрителей. Въ отношеніи порядка опредѣленія на эти должности, а также правъ и обязанностей занимающихъ оныя лицъ, соблюдаются правила, существующія для почетныхъ попечителей среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и для почетныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ.

36. Промышленнымъ училищамъ предоставляется: 1) имѣть печать съ изображеніемъ на ней государственнаго герба и наименованія училища; 2) пріобрѣтать недвижимыя имущества и принимать всякаго рода пожертвованія; 3) выписывать изъ-за границы безпошлинно потребные для нихъ учебныя и художественныя предметы, съ соблюденіемъ при томъ правила ст. 1279 уст. там. по прод. 1886 года; 4) впредь до разрѣшенія общаго вопроса о бесплатной пересылкѣ корреспонденціи правительственныхъ установленій, пересылать слѣдующіе по дѣламъ ихъ пакеты, послыки и тюки, вѣсомъ до одного пуда въ одномъ отправленіи, безъ платежа вѣсовыхъ денегъ.

37. Въ случаѣ взятія подъ арестъ кого-либо изъ служащихъ или учащихся въ техническомъ училищѣ, лица сѣ немедленно представляются имъ начальству. Если же они задержаны по участію или подозрѣнію въ уголовномъ преступленіи, то лицо по распоряженію коего они задержаны, увѣдомляетъ объ этомъ ихъ начальство также безъ замедленія.

38. Лица, занимающія въ промышленныхъ училищахъ должности по учебной и воспитательной части съ правами государственной службы, приравниваются, относительно всѣхъ служебныхъ преимуществъ, не исключая и правъ на пенсіи и единовременныя пособія; въ техническихъ училищахъ—къ соотвѣтствующимъ должностнымъ лицамъ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, а въ ремесленныхъ—къ соотвѣтствующимъ должностямъ городскихъ училищъ. При томъ въ низшихъ техническихъ училищахъ директору присвоиваются VI классъ и разрядъ, а инспектору VII классъ и разрядъ по должности и мундиру; инспекторъ же ремесленнаго училища пользуется по должности и мундиру VIII классомъ и разрядомъ.

39. Ученики, успѣшно окончившіе образованіе въ среднемъ техническомъ училищѣ съ четырехлѣтнимъ курсомъ, получаютъ званіе техника по соотвѣтственной специальности. Окончившіе же образованіе въ училищѣ съ трехъ или двухлѣтнимъ курсомъ удостоиваются отъ училища званія техника только послѣ непрерывной двухлѣтней или трехлѣтней промышленной дѣятельности.

Примѣчаніе. Перерывъ промышленной дѣятельности для отбыванія воинской повинности не служитъ препятствіемъ къ удостоенію званія техника.

40. Удостоеннымъ званія техника, если они по происхожденію не имѣютъ высшихъ правъ, предоставляется право на личное почетное гражданство, безъ взиманія установленной за грамоты пошлины, а также право поступать въ высшія техническія училища соотвѣтственной специальности, по правиламъ, установленнымъ для приѣма въ эти училища.

41. Окончившіе съ успѣхомъ курсъ среднихъ техническихъ училищъ, если до поступленія въ оныя не пріобрѣли высшихъ правъ, пользуются относительно вступленія въ государственную службу, чиновпроизводства и отбыванія воинской повинности правами лицъ, окончившихъ курсъ въ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Окончившіе же курсъ въ низшихъ техническихъ и реме-

сленныхъ училищахъ пользуются въ указанномъ отношеніи правами, соотвѣтствующими полученному ими общему образованію.

Подписаль: за предсѣдателя государственнаго совѣта, статсъ-секретарь баронъ Николай.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Высочайшимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія, 24-го сего апрѣля:

Произведены: въ дѣйствительные статскіе совѣтники, за отличіе: статскіе совѣтники: причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія: членъ ученаго комитета сего министерства Путята и Воннель.

Въ губернскіе секретари, не имѣющій чина помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія Иванъ Смирновъ.

Въ коллежскіе регистраторы, не имѣющій чина, бывшій учитель зельтингофскаго лютеранскаго приходскаго училища Оттонъ Целлинскій.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, 24-го сего апрѣля, пожаловать по министерству народнаго просвѣщенія ордена:

Св. Анны 1-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: заслуженному ординарному профессору Императорскаго Московскаго университета Павлову — во вниманіе къ ревностной службѣ его и къ отличнымъ трудамъ, снискавшимъ ему въ ученомъ мірѣ почетную извѣстность, и директору Московскаго учительскаго института Раевскому — во вниманіе къ ревностной службѣ его и отличными трудамъ.

Св. Станислава 1-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: ординарному профессору Императорскаго университета св. Владиміра Бецу—во вниманіе къ ревностной службѣ его и отличными трудамъ, и почетному попечителю Курской гимназіи Левковичу — во вниманіе къ усердію его на пользу образованія юношества.

Св. Владиміра 3-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: ординарному профессору Императорскаго университета св. Владиміра Субботину и директору Туркестанской учительской

семинаріи Брачковскому — въ воздаяніе отлично-усердной и ревностной ихъ службы.

Св. Владимира 4-й степени: экстраординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскому совѣтнику Сергѣевскому — въ воздаяніе отлично-усердной и ревностной службы, и находившемуся въ экспедиціи на крайнемъ сѣверѣ Сибири въ качествѣ врача и натуралиста, доктору медицины, надворному совѣтнику Бунге—во вниманіе къ ученымъ его трудамъ.

Св. Анны 3-й степени—находившемуся въ той же экспедиціи, кандидату естественныхъ наукъ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскому секретарю барону Толю — также во вниманіе къ ученымъ его трудамъ.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, 1-го сего мая, пожаловать директору Рязской губернской гимназіи, дѣйствительному статскому совѣтнику Крангалъсу, орденъ св. Анны 1-й степени, во вниманіе къ ревностной службѣ его и неутомимымъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ трудамъ.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Всемилостивѣйше соизволилъ, 8-го апрѣля сего года, на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, за труды ихъ по народному образованію, званіемъ личнаго почетнаго гражданина: учителя Червоискаго приходскаго училища, Житомирскаго уѣзда, Волынской губерніи, изъ крестьянъ, Василя Вахно; завѣдующаго Иченскимъ, Нѣжинскимъ уѣзда, Черниговской губерніи, двухкласснымъ сельскимъ народнымъ училищемъ, изъ крестьянъ, Макарія Конопли; учителя Понатовскаго однокласнаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Тираспольскаго уѣзда, мѣщанина Дмитрія Васильева; учителей народныхъ училищъ: Бормянскаго, Рогачевскаго уѣзда, Могилевской губерніи, изъ крестьянъ, Никиты Кожанова; Вевиржанскаго, Россіенскаго уѣзда, Ковенской губерніи, изъ мѣщанъ, Іосифа Соколовскаго; Эмельчинскаго, Новоградволинскаго уѣзда, Волынской губерніи, изъ крестьянъ, Ерооея Тригубы и Остропольскаго, Житомирскаго уѣзда, Волынской губерніи, изъ мѣщанъ, Ивана Васильева; учителя Яжелбидскаго однокласнаго министерства народнаго просвѣщенія народнаго училища, Валдайскаго уѣзда, Новгородской губерніи, Дмитрія Рябинина и бывшаго учителя начальнаго училища при Преславской учительской семинаріи, изъ солдатскихъ дѣтей, Севастіана Державина, и серебряными медалями, съ над-

писью „за усердіе“, на Александровской лентѣ, для ношенія на груди: учителя Рыпинскаго однокласснаго городского начальнаго мужскаго и воскресно-ремесленнаго училищъ, Плоцкой губерніи, коллежскаго секретаря Келлера; учителя Порѣчскаго городского приходскаго мужскаго училища, губернскаго секретаря Каверзнева; коллежскихъ регистраторовъ: учителя, завѣдывающаго первымъ приходскимъ училищемъ гор. Троицка, Оренбургской губерніи, Болховитянова; учителя Пензенскаго 1-го городского мужскаго приходскаго училища Ансера; учителя Симбирскаго, въ слободѣ Канавѣ, городского начальнаго училища Бѣловольскаго; завѣдывающаго Суворовскимъ двухкласснымъ сельскимъ училищемъ, Кубанской области, Стражева и учителей сельскихъ училищъ Кубанской области: Казанскаго—Нижебицкаго, Упорненскаго—Долгова и Новолабинскаго—Подлужнаго: не имѣющихъ чиновъ: учителей городскихъ приходскихъ училищъ: Рославльскаго—Василія Разумѣева, Казанскаго 1-го—Виктора Андреева, Свияжскаго—Бориса Торопова и Борисоглѣбскаго 2-го, Тамбовской губерніи—Александра Мирошкина; учителей училищъ: Бирскаго башкирскаго приходскаго, Уфимской губерніи, Дмитрія Аптріева; городскихъ: Млавскаго начальнаго мужскаго и воскресно-ремесленнаго, Плоцкой губерніи, Антона Гронвальда; Закрочимскаго начальнаго мужскаго, Плонскаго уѣзда, Плоцкой губерніи, Людовика Марковскаго; Добржинскаго начальнаго общаго, Липновскаго уѣзда, Плоцкой губерніи, Густава Ковнацкаго. Хенцинцинскаго общаго начальнаго и воскресно-ремесленнаго, Кѣлецкой губерніи, Михаила Собѣскаго; общаго и воскресно-ремесленнаго начальныхъ въ гор. Насельскѣ, Пултускаго уѣзда, Ивана Миланча и начальнаго мужскаго, въ гор. Кольнѣ, Ломжинской губерніи, Владиміра Павлова; завѣдывающихъ двухклассными училищами: Бричанскимъ министерства народнаго просвѣщенія, Хотинскаго уѣзда, Захарія Степаненко и Усть-Лабинскимъ Александровскимъ сельскимъ, Кубанской области, Θεодосія Шныпкина; учителей министерства народнаго просвѣщенія училищъ: Нижнешкафтинскаго двухкласснаго сельскаго, Городищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи, Михаила Бѣликова и Василія Гомерова; одноклассныхъ: Бендерскаго уѣзда: Авдорскаго—Степана Иванова, Кирсовскаго—Михаила Сѣдлецкаго, Пелицаго—Петра Лeko, Сусленскаго, Оргѣвскаго уѣзда—Павла Бeю, Корнештскаго, Бѣлецкаго уѣзда—Михаила Кольцова, Чучульскаго, Бѣлецкаго уѣзда—Василія Діаконовича; Нижне-Добринскаго сельскаго начальнаго народнаго, Саратовской губерніи, Θεдора Смирнова и

Митиковскаго сельскаго, Юхновскаго уѣзда, Евенма Бартелева; учителей двухклассныхъ училищъ: Богородицкаго, Орловской губерніи и уѣзда, Петра Синягина и Софійскаго сельскаго мужскаго земскаго, Бахмутскаго уѣзда, Тимоея Винника; учителей городскихъ начальныхъ училищъ: Симбирскаго 3-го—Николая Щеглова, Саратовскаго 5-го—Леонида Устинова, Балашовскаго 2-го—Николая Зиновьева, Рыбинскаго 2-го мужскаго—Павла Владимірскаго и Пензенскаго 3-го мужскаго—Владиміра Иванова; учителей народныхъ училищъ: Вауловскаго, Покровскаго уѣзда, Андрея Островскаго и Кривойскаго, Хотинскаго уѣзда, Василя Лунга; учителей станичныхъ училищъ Кубанской области: Дядьковскаго—Федора Скрыпченко и Курджинскаго—Кондратія Глотова; учителей начальныхъ училищъ: Клитомскаго, Пошеховскаго уѣзда, Федора Знаменскаго; Больше-Куликовскаго, Орловской губерніи и уѣзда, Алексѣя Николаевскаго; въ городѣ Москвѣ: Преображенскаго мужскаго—Алексѣя Смирнова, Петровско-Хамоническаго—Михаила Яхонтова, Петровско-Лефортовскаго—Николая Поспѣлова, Петровско-Пятницкаго—Алексѣя Погожева, Петровско-Мясницкаго—Митрофана Кулькова, Петровско-Сущевскаго—Ивана Ильинскаго, Петровско-Тверскаго—Николая Яновскаго и Серпуховскаго-Смѣшаннаго—Василя Елчина; Юрловскаго, Московскаго уѣзда, Дмитрія Невскаго; Раменскаго, Бронницкаго уѣзда, Федора Преображенскаго и Ивана Шабельникова; Кубанской области: Екатеринодарскихъ: 2-го—Пантелеймона Бердина и 3-го—Ивана Кочарова; Моисеевскаго, Уфимскаго уѣзда, Владиміра Тимашева; Тамбовской губерніи: Нижнечуевскаго, Борисоглѣбскаго уѣзда, Веніамина Остроумова; Красивскаго, Козловскаго уѣзда, Василя Добровольскаго и Бѣлорѣченскаго, Шацкаго уѣзда, Николай Петропавловскаго мужскаго въ городѣ Щучинѣ, Ломжинской губерніи, Александра Якоби; общихъ: въ посадѣ Замбровѣ, Ломжинскаго уѣзда, Романа Черминскаго; въ деревнѣ Росохатѣ, Островскаго уѣзда, Ломжинской губерніи, Викентія Уфналя; гминныхъ общихъ: въ деревнѣ Пухалы, Ломжинской губерніи и уѣзда, Станислава Гриневицкаго; Плоцкой губерніи: Ступскаго, Млавскаго уѣзда, Густава Домбковскаго; Держговскаго, Праснышскаго уѣзда, Адама Бурхацкаго; Козебродскаго, Серпецкаго уѣзда, Осипа Рохминскаго; Лемицкаго, Плоцкаго уѣзда, Викентія Малкевича и Скрвильновскаго, Рыпинскаго уѣзда, Осипа Щегловскаго; Влощовскаго посадскаго общаго, Влощовскаго уѣзда, Кѣлецкой губерніи, Франца Кавенцкаго; Пинчовскаго

уѣзда: Загоспскаго гминнаго общаго, Болеслава Хеллера и Гурскаго гминнаго общаго, Ѳедора Малишевскаго; еврейскихъ общинъ: въ городѣ Островѣ, Ломжинской губерніи, Давида Чапницкаго и въ городѣ Щучинѣ, Вульфа Зусьмановича; учителей сельскихъ начальныхъ народныхъ училищъ: Аткарскаго уѣзда: Галаховскаго—Ивана Беневскаго, Широко-Уступскаго—Ивана Юловскаго, Переѣзденскаго—Павла Алѣева и Широко-Карамышскаго—Дмитрія Покровскаго; Больше-Карайскаго 1-го, Балашовскаго уѣзда, Ивана Маторина; Суровскаго, Симбирскаго уѣзда,—Николая Степанова; Карсунскаго уѣзда: Пермизскаго—Ивана Цвѣткова, Мало-Хамутереваго—Харитона Марошкевича, Вешкаймнскаго—Алексѣя Степанова, Больше-Березнскаго — Данила Кольина, Арсашскаго — Дмитрія Щеглова и Базарно-Сызганскаго—Василія Демкина; Мамадышскаго уѣзда: Омарскаго—Григорія Петрова, Кокмарскаго—Владимира Баранова и Красногорскаго—Дмитрія Мячина; Чулпановскаго, Казанскаго уѣзда, Константина Михайлова; Больше-Четашевскаго, Царевковшайскаго уѣзда, Василія Воскреснскаго; Теньковскаго, Свіязскаго уѣзда, Степана Переухина; Чебоксарскаго уѣзда: Синьзлскаго—Алексѣя Ласанова; Кокшаморскаго—Ивана Никольскаго и Аттиковскаго—Степана Зайкова; Баймузисскаго, Тетюшскаго уѣзда, Ѳедора Кузнецова; Бабыновскаго, Юхновскаго уѣзда, Митрофана Ефремова; Даниловичскаго, Елнинскаго уѣзда, Василія Канутовскаго; Рахмѣяскаго, Кернскаго уѣзда, Пензенской губерніи, Петра Поуровскаго и Соловдовскаго, Пензенской губерніи и уѣзда, Ивана Потапова; учителей сельскихъ училищъ: Каспльнскаго народнаго, Порѣчскаго уѣзда, Филиппа Горедскаго; Кернскаго 1-го начальнаго, Пензенской губерніи, Александра Ермолаева; Петропавловскаго-Александровскаго, Кубанской области, Александра Кривцова; Островскаго, Ливнскаго уѣзда, Орловской губерніи, Алексѣя Макавеева и Пречистнскаго, той же губерніи и уѣзда, Ѳомы Величковскаго и учителя Смоленскаго училища, Мценскаго уѣзда, Орловской губерніи, Асанасія Привичева.

III. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

15-го апрѣля 1888 г. Утвержденъ на три года, дѣйствительный статскій совѣтникъ Терещенко — вновь почетнымъ помощителемъ Киевской второй гимназіи, съ 20-го февраля 1888 года.

часть сслѣд., отд. 1.

2

Командированы въ Россію и за границу, экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, надворный совѣтникъ Стольниковъ, съ 15-го мая по 1-е сентября 1888 года; за границу: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, коллежскій совѣтникъ Армашевскій, съ 20-го августа по 25-е сентября 1888 года; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Теофилактъ, съ 15-го августа по 25-е сентября 1888 года, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: св. Владимира; статскій совѣтникъ Шиллеръ и Варшавскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Будиловичъ и коллежскій совѣтникъ Первольфъ; исправляющій должность ординарнаго профессора сего университета, протоіерей Дьячанъ; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: св. Владимира Кнауеръ и Коротневъ; Варшавскаго — коллежскій совѣтникъ Ментинъ, надворный совѣтникъ Лапчинскій и Тумасъ; приватъ-доцентъ Императорскаго университета св. Владимира Троицкій и адъюнктъ-профессоръ Харьковскаго технологическаго института Гемиліанъ, на лѣтнее вакаціонное время 1888 года; ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Веселовскій, съ 15-го мая и на вакаціонное время 1888 года; наставникъ Дерптской второй учительской семинаріи Шаталовъ, съ 15-го іюня по 1-е сентября 1888 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій совѣтникъ Сазоновичъ, на лѣтнее вакаціонное время 1888 года и 25 дней; Императорскаго Казанскаго университета: экстраординарный профессоръ Усовъ, сверхштатный хранитель зоотомическаго кабинета Зефтигенъ и студентъ Грибовскій, на лѣтнее вакаціонное время 1888 года и 28 дней; директоръ Дерптскаго ветеринарнаго института, статскій совѣтникъ Раунахъ, на три мѣсяца, съ 1-го мая 1888 года; лаборантъ химической лабораторіи Императорской Академіи Наукъ, титулярный совѣтникъ Бракау, съ 1-го мая по 15-е августа 1888 года, экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Любимовъ, съ 25-го апрѣля по 1-е сентября 1888 года; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Павинскій, на лѣтнее вакаціонное время по 1-е октября 1888 года; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Лагоріо, съ 20-го мая по 1-е ноября 1888 года; прозекторъ при кафедрѣ патологической анатоміи Импе-

раторскаго Харьковскаго университета, докторъ Высоковичъ, съ 1-го мая 1888 года по 1-е января 1888 года.

Объявлена Высочайшая Его Императорскаго Величества благодарность за труды по комиссіи о женскомъ образованіи: предсѣдателю комиссіи, товарищу министра народнаго просвѣщенія, егермейстеру Высочайшаго двора, сенатору, тайному совѣтнику князю Волконскому и членамъ комиссіи, тайнымъ совѣтникамъ: предсѣдателю ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія Георгіевскому и директору департамента народнаго просвѣщенія Аничкову.

Объявлено Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе: за участіе въ трудахъ комиссіи о женскомъ образованіи: директору С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, тайному совѣтнику Ильину; дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: ректору Императорскаго университета Св. Владиміра Ренненкампу; чиновнику особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, въ званіи камергера Хрущову; окружному инспектору С.-Петербургскаго учебнаго округа Гельбке; директору С.-Петербургской 1-й гимназій Груздеву и директору С.-Петербургскаго учительскаго института Сентъ-Илеру; статскимъ совѣтникамъ: предсѣдателю педагогическаго совѣта женской гимназій княгини Оболенской Герду и преподавателю С.-Петербургской 6-й гимназій Верещагину; за труды по той же комиссіи: дѣлопроизводителямъ комиссіи: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ, членамъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія: Весселю и особаго отдѣла по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, дѣлопроизводителю V класса департамента народнаго просвѣщенія Родевичу и помощнику дѣлопроизводителя комиссіи, дѣлопроизводителю VII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскому ассессору Таскину.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

5. (13-го апрѣля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени коллежскаго ассессора Ильи Даниловича Стефановича при Полтавской Маріинской женской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Полтавской Маріинской женской гимназій учреждается одна сти-

пендія имени коллежскаго ассессора Ильи Даниловича Стефановича, предсѣдателя правленія полтавскаго земельного банка, на счетъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ руб., пожертвованнаго съ этою цѣлью акціонерами земельного банка.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% банковыхъ билетахъ 2-го выпуска, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіатка избирается И. Д. Стефановичемъ, а въ случаѣ неназначенія имъ таковой къ началу учебнаго года, — попечительнымъ совѣтомъ гимназій изъ бѣднѣйшихъ ученицъ означенной гимназій, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами.

§ 4. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ той части, которая, по закону 20-го мая 1885 г. о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, подлежитъ поступленію въ казну, обращаются на уплату за право ученія избранной стипендіатки, а остальная часть выдается попечительнымъ совѣтомъ гимназій родителямъ, опекунамъ или другимъ лицамъ, на поеченіи или иждивеніи которыхъ состоитъ стипендіатка.

§ 5. Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала, по случаю незамѣщенія стипендіи, присоединяются къ основному капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

6. (13-го апрѣля 1888 года). Положеніе о шести стипендіяхъ имени тайнаго совѣтника М. Н. Каткова при шести Московскихъ гимназіяхъ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 6.350 руб., ассигнованнаго Московскою городскою думою, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго налога, по закону 20-го мая 1885 г., учреждаются шесть стипендій по одной при каждой изъ Московскихъ мужскихъ гимназій, имени тайнаго совѣтника М. Н. Каткова.

§ 2. Означенный капиталъ хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названныхъ заведений, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала употребляются на уплату за ученіе каждаго стипендіата по 50 р. въ годъ.

§ 4. Стипендіаты избираются городскимъ головою съ его товарищемъ и членами городской управы изъ дѣтей недостаточныхъ жителей гор. Москвы, православнаго исповѣданія, но пользоваться стипендіею могутъ только ученики, отличающіеся, по удостовѣренію начальства гимназій, хорошимъ поведеніемъ и успѣхами.

§ 5. Остатки, образующіеся по уплатѣ за стипендіи, причисляются къ капиталу для учрежденія новой стипендіи.

§ 6. Начальство гимназій каждое полугодіе увѣдомляетъ городскую управу о ходѣ занятій каждаго стипендіата, а равно и о выходѣ стипендіата изъ гимназій.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

7. (20-го апрѣля 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Софіи и Александры Грековыхъ при Кіевской женской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи руб., пожертвованнаго женою коллежскаго секретаря Анною Александровною Грековой, учреждаются при Кіевской женской гимназій двѣ стипендіи имени Софіи и Александры Грековыхъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ перваго восточнаго займа, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Кіевской женской гимназій.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выхода процентныхъ бумагъ въ тиражъ погашенія, онѣ должны быть обмѣнены гимназіей на другія такія же бумаги.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за вычетомъ изъ оныхъ 5% государственнаго налога, выдаются пополугодно въ уплату за право ученія въ гимназій двухъ стипендіатовъ, на покупку для нихъ книгъ и учебныхъ пособій.

§ 4. Стипендіями пользуются бѣднѣйшія ученицы названной гимназій дворянскаго происхожденія, православнаго исповѣданія, по выбору педагогическаго совѣта гимназій.

§ 5. Стипендіатки пользуются стипендіями до окончанія курса или выбитія ихъ по какимъ-либо причинамъ изъ гимназій, но во время пребыванія ихъ въ заведеніи могутъ быть, по опредѣленію

педагогическаго совѣта, лишены стипендій за неудовлетворительные успѣхи въ наукахъ или неодобрительное поведеніе.

§ 6. Могушіе образоваться, вслѣдствіе временнаго незамѣщенія стипендій, остатки причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

8. (23-го апрѣля 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени инженера путей сообщенія Дмитрія Акимовича Андріевскаго при Кіевской 2-й гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ двѣ тысячи семьсотъ руб., собраннаго служащими на юго-западныхъ желѣзныхъ дорогахъ и заключающагося въ облигаціяхъ восточнаго займа, учреждаются при Кіевской 2-й гимназій двѣ стипендіи имени инженера путей сообщенія Д. А. Андріевскаго.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится въ Кіевскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназій и составляетъ неотъемлемую ея собственность, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей, согласно закону 20-го мая 1885 г. о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, поступленію въ казну, употребляются на ежегодное пособіе для уплаты за право ученія двухъ стипендіатовъ и на приобрѣтеніе для нихъ учебныхъ принадлежностей.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ Д. А. Андріевскому, а послѣ его смерти—обществу юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ.

§ 5. Стипендіаты избираются изъ дѣтей бѣднѣйшихъ служащихъ въ обществѣ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ.

§ 6. Въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія стипендіатовъ, педагогическому совѣту гимназій предоставляется право лишать ихъ стипендій, и въ такомъ случаѣ, а равно при выбитіи стипендіатовъ изъ гимназій по другимъ причинамъ, ихъ вакансіи замѣщаются новыми лицами.

§ 7. Стипендіатъ, остающійся въ томъ же классѣ на повторительный курсъ по особо уважительнымъ причинамъ, не лишается права на пользованіе стипендіею.

§ 8. Могушіе образоваться отъ незамѣщенія стипендій, или по

важнѣ-либо другимъ причинамъ, остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

9. (30-го апрѣля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени астраханскаго купца Харитона Ефремовича Ефремова при Астраханскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго астраханскимъ купцомъ Харитоновъ Ефремовичемъ Ефремовымъ капитала въ тысячу руб. учреждается при Астраханскомъ реальномъ училищѣ одна стипендіа имени астраханскаго купца Харитона Ефремовича Ефремова.

§ 2. Обеспечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ 3-го восточнаго займа, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Астраханскаго реальнаго училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей, на основаніи закона 20-го мая 1885 года о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, передачъ въ казну, назначаются для взноса платы за ученіе одного изъ учениковъ Астраханскаго реальнаго училища, отличающагося хорошими успѣхами и отличнымъ поведеніемъ.

§ 4. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по ка-кимъ-либо другимъ причинамъ остатки присоединяются къ капиталу или вносятся за ученіе другихъ учениковъ означеннаго реальнаго училища.

§ 5. Стипендіатъ избирается при жизни жертвователя имъ самимъ, а по смерти его выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту реальнаго училища, при чемъ преимущество должно быть отдаваемо бѣднымъ родственникамъ жертвователя.

§ 6. Стипендіатъ пользуется стипендіей во все время продолженія ученія въ реальномъ училищѣ, если онъ заслуживаетъ того по своимъ успѣхамъ и поведенію; если же стипендіатъ останется на второй годъ въ томъ же классѣ, то стипендіа можетъ быть оставлена за нимъ только по особо уважительнымъ причинамъ, признаннымъ педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

10. (30-го апрѣля 1888 года). Положеніе о стипендіи коммерціи совѣтника Александра Константиновича Трапезникова при Кунгурскомъ техническомъ, Губкина, училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881-года, по случаю исполненія двадцатипятилѣтій торговой дѣятельности коммерціи совѣтника, иркутскаго первой гильдіи купца Александра Константиновича Трапезникова, на проценты съ пожертвованнаго представителями сибирскаго купечества капитала въ четыре тысячи руб., учреждается при Кунгурскомъ техническомъ, Губкина, училищѣ одна стипендія имени А. К. Трапезникова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 2-го восточнаго займа, составляетъ неприкосновенный фондъ, находится въ вѣдѣніи Кунгурскаго технического, Губкина, училища и хранится въ числѣ его спеціальныхъ средствъ. Деньги, полученныя за вышедшія въ тиражъ облигаціи, подлежатъ обращенію на покупку болѣе выгодныхъ правительственныхъ бумагъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ суммы, причитающейя, по закону 20-го мая 1885 года, поступленію въ казну, обращаются на содержаніе стипендіата; образовавшійся же за снѣмъ остатокъ выдается ему въ пособіе при выходѣ изъ училища по окончаніи курса.

§ 4. На означенную стипендію принимаются дѣти лицъ, принадлежащихъ къ купеческому сословію или происходящихъ изъ таковаго, равно какъ дѣти лицъ мѣщанскаго и ремесленнаго сословія христіанскаго вѣроисповѣданія.

§ 5. Назначеніе стипендіата изъ выдержавшихъ испытаніе кандидатовъ или изъ числа отлично окончившихъ курсъ ученія въ городскихъ училищахъ по положенію 31-го мая 1872 года, подходящихъ подъ приведенныя выше условія, предоставляется попечительному комитету Кунгурскаго технического, Губкина, училища.

§ 6. Лишеніе стипендіата пользованія стипендіей по малоуспѣшности или неодобрительному поведенію, предоставляется учебному комитету Кунгурскаго технического, Губкина, училища, не иначе какъ съ одобренія попечительнаго комитета.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (5-го мая 1888 года). Положеніе о стипендіи имени архіепископа Тверскаго и Кашинскаго Саввы, при Тверской Маріинской женской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. при Тверской Маріинской женской гимназіи учреждается одна стипендія имени архіепископа Тверскаго и Кашинскаго Саввы на счетъ процентовъ съ шестисотъ руб., пожертвованныхъ съ этою цѣлью Тверскою городскою думою.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ шести облигаціяхъ 2-го Восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ означенной гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ той части, которая, по закону 20-го мая 1885 года, подлежитъ обращенію въ казну, употребляются на уплату за право ученія избранной стипендіатки; а могущіе образоваться остатки причисляются къ основному капиталу.

§ 4. Право выбора стипендіатки принадлежитъ пожизненно преосвященному архіепископу Саввѣ, а затѣмъ переходитъ къ Тверской городской думѣ, при чемъ стипендіатками могутъ быть лишь дѣти обывателей города Твери.

§ 5. Стипендіатка, оказывающая при хорошемъ поведеніи удовлетворительные успѣхи въ наукахъ, сохраняетъ за собою право пользованія вышеозначенною стипендіею до окончанія полнаго курса ученія въ гимназіи, или до выхода изъ оной по какимъ либо другимъ причинамъ. За малоуспѣшность же въ наукахъ, происходящую отъ нерадѣнія, или же неодобрительное поведеніе стипендіатка, согласно опредѣленію педагогическаго совѣта гимназіи, можетъ быть лишена права пользованія стипендіею и ранѣе окончанія курса ученія, или выхода изъ заведенія.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

12. (11-го мая 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени фридрихсгамскаго и с.-петербургскаго 1-й гильдіи купца Эрнста Фридриха Юнкера при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ десять тысячъ рублей, по-

жертвованнаго по духовному завѣщанію фридрихсгамскаго и с.-петербургскаго купца Эрнста Фридриха Юнкера, учреждаются при С.-Петербургскомъ университетѣ двѣ стипендіи имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ 5^о/₁₀₀ бумагахъ, составляетъ на вѣчныя времена неприкосновенную собственность университета.

§ 3. Стипендіи въ 250 руб. каждая, назначаются, согласно существующимъ для частныхъ стипендій общимъ правиламъ, недостаточнымъ студентамъ всѣхъ факультетовъ.

§ 4. Для получения и сохраненія стипендій необходимо выполненіе условий, требуемыхъ дѣйствующими правилами о назначеніи студентамъ стипендій и пособій.

§ 5. Такъ какъ доходъ съ этого капитала подлежитъ 5^о/₁₀₀ государственному сбору, то стипендіи вначалѣ выдаются за вычетомъ этого сбора. Могущіе же образоваться остатки обращаются по усмотрѣнію правленія университета, или на приращеніе капитала стипендій, или на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

13. (11-го мая 1888 года). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Флегонта Васильевича Гроздова при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ руб., заключающихся въ 5^о/₁₀₀ билетахъ государственнаго банка, пожертвованнаго по духовному завѣщанію вдовы тайнаго совѣтника Маріи Яковлевны Гроздовой, учреждается при С.-Петербургскомъ университетѣ стипендія имени „тайнаго совѣтника Флегонта Васильевича Гроздова“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5^о/₁₀₀ билетахъ государственнаго банка, составляетъ на вѣчныя времена неприкосновенную собственность университета.

§ 3. Стипендія въ 300 руб. назначается, согласно существующимъ для частныхъ стипендій общимъ правиламъ, недостаточнымъ студентамъ всѣхъ факультетовъ, преимущественно уроженцамъ Ярославской губерніи.

§ 4. Для получения и сохраненія стипендіи необходимо выполненіе условий, требуемыхъ дѣйствующими правилами о назначеніи студентамъ стипендій и пособій.

§ 5. Такъ какъ доходъ съ этого капитала подлежитъ 5% государственному сбору, то стипендія вначалѣ выдается за вычетомъ этого сбора. Могущіе же образоваться остатки обращаются, по усмотрѣнію правленія университета, или на приращеніе капитала стипендіи, или на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (11-го мая 1888 года). Положеніе о стипендіи имени саратовскаго мѣщанина Дмитрія Денисовича Грачева при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ три тысячи рублей сер. учреждается при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ стипендія имени саратовскаго мѣщанина Дмитрія Денисовича Грачева, завѣщавшаго означенную сумму на сей предметъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ % облигаціяхъ восточнаго займа, составляетъ на вѣчныя времена неотъемлемую собственность С.-Петербургскаго университета.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за исключеніемъ государственнаго сбора, употребляются на выдачу стипендіи, согласно существующимъ для частныхъ стипендій общимъ правиламъ, студенту физико-математическаго факультета, преимущественно уроженцу Саратовской губерніи.

§ 4. Для полученія и сохраненія стипендіи необходимо выполненіе условій, требуемыхъ дѣйствующими правилами о назначеніи студентамъ стипендій и пособій.

§ 5. Могущіе образоваться остатки отъ незамѣщенія стипендіи или по другимъ причинамъ присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

15. (13-го мая 1888 года). Положеніе о стипендіи имени коллежскаго ассессора Ильи Даниловича Стефановича при Полтавской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ пять тысячъ руб., пожертвованнаго акціонерами Полтавскаго земельнаго банка, учреждается

при Полтавской гимназіи одна стипендія имени Ильи Даниловича Стефановича.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ 5% банковыхъ билетахъ, составляетъ неотъемлемую собственность гимназіи и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за право ученія стипендіата, остающіяся же затѣмъ процентныя деньги выдаются родителямъ, опекунамъ или же другимъ лицамъ, на поличеніи или иждивеніи которыхъ состоитъ стипендіатъ, въ мартѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, со дня избранія стипендіата, на учебныя нужды послѣдняго.

§ 4. Право выбора стипендіата принадлежитъ И. Д. Стефановичу, а въ случаѣ неназначенія имъ такового къ началу учебнаго года, стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ гимназіи и утверждается попечителемъ Кіевского учебнаго округа.

§ 5. Могущіе образоваться остатки отъ незамѣщенія стипендіи присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 6. Стипендіей могутъ пользоваться воспитанники гимназіи православнаго вѣроисповѣданія, всѣхъ сословій и достойнѣйше по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 7. Стипендіатъ пользуется стипендіей до окончанія курса, или до выхода его по какимъ-либо причинамъ изъ гимназіи, но и во время пребыванія его въ заведеніи можетъ быть, по опредѣленію педагогическаго совѣта, лишенъ стипендіи за безуспѣшность или неодобрительное поведеніе.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

16. (15-го мая 1888 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго отставнаго коллежскаго ассессора Михаила Никифоровича Козьмина при Нижнеломовскомъ городскомъ 4-хъ классномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. на счетъ процентовъ съ капитала въ пятьсотъ руб., пожертвован-

наго Нижнеломовскимъ уѣзднымъ земствомъ, Пензенской губерніи, учреждается при Нижнеломовскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ одна стипендія имени умершаго отставнаго коллежскаго ассессора Михаила Никифоровича Козьмина.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ правительственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ, составляетъ неприкосновенную собственность Нижнеломовскаго городского 4-хъ класснаго училища и хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названнаго училища.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ 5% государственнаго налога, выдаются стипендіату по-полюгодно.

§ 4. Стипендіатъ избирается Нижнеломовскою земскою управою изъ числа рекомендованныхъ педагогическимъ совѣтомъ Нижнеломовскаго городского училища безъ различія сословія, но православнаго вѣроисповѣданія.

§ 5. Стипендіатъ пользуется стипендіей до окончанія курса въ названномъ городскомъ училищѣ, но, въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія, можетъ быть лишенъ стипендіи, по опредѣленію педагогическаго совѣта училища.

§ 6. Въ случаѣ преобразования Нижнеломовскаго городского 4-хъ-класснаго училища въ другое учебное заведеніе, капиталъ остается неприкосновенною собственностью преобразованнаго училища, и проценты съ капитала сохраняютъ свое назначеніе,

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

V. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

22-го апрѣля 1888 года утверждены: приватъ-доцентъ Императорскаго университета св. Владимира, докторъ классической филологіи Ледиусъ — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ классической филологіи, съ 10-го марта 1888 года; исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ римской словесности Вѣховъ — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ римской словесности, съ 10-го марта 1888 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго университета

св. Владиміра, докторъ медицины Подвысоцкій — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ общей патологіи, съ 1-го апрѣля 1888 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ политической экономіи Георгіевскій—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ политической экономіи, съ 6-го апрѣля 1888 г.; главный инспекторъ училищъ Восточной Сибири, дѣйствительный статскій совѣтникъ Раевскій, согласно его желанію, — директоромъ Московскаго учительскаго института, съ 20-го марта 1888 г.; генералъ-майоръ графъ Толстой—почетнымъ попечителемъ Лебедянской прогимназіи, на три года; коллежскій регистраторъ Францовъ—почетнымъ попечителемъ Одесской второй прогимназіи, на три года, съ 1-го января 1888 г.; дѣйствительный статскій совѣтникъ Басаковъ; потомственные почетные граждане: Войченко и Топчиевъ и ростовскій-на-Дону 1-й гильдіи купецъ Максимовъ—членами попечительства Петровскаго Ростовскаго-на-Дону реальнаго училища, на три года; коллежскій секретарь Голубевъ, кандидатъ правъ Макаровъ, технологи: Бурджаловъ и Плотниковъ, астраханскіе купцы: Чурбаковъ, Артемьевъ и Федоровъ — членами попечительства Астраханскаго реальнаго училища, на три года; купцы: Пушниковъ, Вяткинъ, Голдобинъ, Иващичкій, Кухтеринъ, Валгусовъ; Ереневъ, Михайловъ, Головановъ и Озоринъ — членами попечительства Томскаго Алексѣевского реальнаго училища, на три года; бѣлозерскій землевладѣлецъ, надворный совѣтникъ Афанасьевъ—вновь почетнымъ попечителемъ Череповской учительской семинаріи, на три года, съ 22-го марта 1888 г.; титулярный совѣтникъ Ралли — вновь почетнымъ попечителемъ Байрамчской учительской семинаріи, на три года, съ 9-го февраля 1888 г.; исправляющій должность директора Молодечненской учительской семинаріи, надворный совѣтникъ Вогоявленскій—въ сей должности, съ 17-го марта 1888 года.

Назначены: экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ Смирновъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ турецко-татарской словесности, съ 1-го марта 1888 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, коллежскій ассессоръ Костюлинъ — ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ общей патологіи, съ 1-го марта 1888 г.; бывший экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣй-

ствительный статскій совѣтникъ Пихно—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ политической экономіи и статистики, съ 6-го апрѣля 1888 года.

Опредѣлены: въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ Случевскій — членомъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, съ 10-го марта 1888 г., съ оставленіемъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министрѣ государственныхъ имуществъ и причисленнымъ къ главному управленію государственнаго коннозаводства; изъ отставныхъ статскій совѣтникъ Михаилъ Владимірскій вновь на службу, причисленнымъ къ министерству народнаго просвѣщенія, съ 6-го апрѣля 1888 года.

Оставлены на службѣ: по 15-е іюля 1888 г. — директоръ Рижской губернской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Брангалъсъ; на одинъ годъ — инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сизъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской, статскій совѣтникъ Коленко, съ 5-го марта 1888 г.; по 1-е іюля 1890 г.: директоръ Кишиневскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кодрянъ и директоръ Херсонской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Леонтовичъ; на два года — директоръ С.-Петербургской Ларинской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кноррингъ, съ 24-го марта 1888 г.; на три года — директоръ Казанскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Парамоновъ, съ 28-го марта 1888 г.; на пять лѣтъ — директоръ Ставропольской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гниповъ, съ 12-го января 1888 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бугаевъ, съ 1-го марта 1888 г.; директоръ Мянскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Самойло, со 2-го марта 1888 года.

Оставленъ на службѣ по выслугѣ 35-ти лѣтъ по учебной части, ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Петрушевскій, съ 10-го марта 1888 года.

Командированы съ ученою цѣлію: директоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Скворцовъ — въ Московскій учебный округъ, на одинъ мѣсяць; сверхштатный ординаторъ при влиингѣ

первнхъ болѣзней Императорскаго Московскаго университета, лѣкаръ Вяземскій — на Кавказъ, на лѣтнее вакаціонное время 1888 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Коршъ — на югъ Россіи, на пять мѣсяцевъ и двадцать дней.

Уволены въ отпускъ: а) въ Россіи: на двѣ недѣли окружной инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ; на двадцать дней — директоръ Бердянской гимназіи, статскій совѣтникъ Сигъ, по болѣзни; на двадцать восемь дней: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Некрасовъ и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Селивановъ; на двадцать девять дней — дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Новицкій, по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1888 года — директоръ Симферопольской гимназіи, статскій совѣтникъ Тимошевскій; на четыре мѣсяца — чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Якевичъ, по болѣзни; б) въ Россіи и за границу: директоръ Острожской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Богатовъ, съ 3-го іюня по 15-е августа 1888 г., по болѣзни; директоръ Варшавской VI мужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стефановичъ, на лѣтнее вакаціонное время 1888 г. и пятнадцать дней, по болѣзни; директоръ Варшавской IV мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Веденипинъ, на лѣтнее вакаціонное время 1888 г. и двадцать восемь дней, по болѣзни, и в) за границу: на пять дней — учитель Варшавскаго реальнаго училища Врублевскій; на девять дней — ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-Валь; на тринадцать дней — учитель Харьковской первой гимназіи Межеллаукъ; на пятнадцать дней: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гарничъ-Гарницкій, по болѣзни, и экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій совѣтникъ Дегио; на двадцать восемь дней: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фолькъ; причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія: титулярный совѣтникъ, въ

званіи камеръ-юнкера, князь Абамелекъ-Лазаревъ и губернской секретарь Пенскій; съ 1-го іюня по 1-е августа 1888 г.: учителя Θεодоссійской гимназіи: статскій совѣтникъ Ретовскій и надворный совѣтникъ Колли; на лѣтнее вакаціонное время по 3-е августа 1888 года—инспекторъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, статскій совѣтникъ Левенштейнъ; на лѣтнее вакаціонное время 1888 года: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: св. Владиміра, статскій совѣтникъ Шмальгаузенъ, Новороссійскаго, Кириичниковъ и Дерптскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мюлау, статскіе совѣтники: Вейраухъ, Бруннеръ и Кобертъ, коллежскій совѣтникъ Штауде и не имѣющій чина Шульце; доценты сего университета: статскій совѣтникъ Мазингъ, коллежскій совѣтникъ Шредеръ и не имѣющій чина Штадельманъ, учитель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, надворный совѣтникъ Аттай, директоры гимназій: Новгородсѣверской, статскій совѣтникъ Ронталеръ и Люблинской, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сѣнгаевичъ, завѣдывающій Ломжинскою женскою гимназіею, надворный совѣтникъ Жуковъ; исправляющій должность инспектора С.-Петербургской десятой гимназіи, коллежскій совѣтникъ Сѣдлатый, учителя гимназій: С.-Петербургскихъ: Ларинской—Копсовичъ и Ростовцевъ и десятой—надворные совѣтники: Струнке и Гриваръ, Псковской—статскій совѣтникъ Прохаска, Московскихъ: первой—коллежскій совѣтникъ Гавелька, третьей—коллежскій совѣтникъ Шенрокъ и четвертой—коллежскій ассесоръ Стрѣльцовъ, Нижегородской—Ржига, Керченской Александровской—коллежскій ассесоръ Штепенко, Ставропольской Юртель, Калишской мужской: коллежскіе ассесоры: Смогоржевскій и Бальчевскій, титулярный совѣтникъ Галчинскій и Реутъ, Ломжинской мужской Кершъ, Люблинской мужской—Алексѣевичъ, Либавской Николаевской—коллежскіе совѣтники; Гессъ и Ульманъ, Рижской городской—коллежскій ассесоръ Элерсъ и Императора Александра II въ Виркенруэ: Бемъ, Трейманъ, Старке и Браншаръ, инспекторъ Сандомирской мужской прогимназіи, статскій совѣтникъ Крашановскій, учителя Херсонской прогимназіи: Марекъ и Индра, директоръ Херсонскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Месняевъ, учителя реальныхъ училищъ: Скопинскаго—Фогль, Ровенскаго—Таурке, Ейскаго—надворный совѣтникъ Сукупъ и Рижскаго городского реальнаго—надворный совѣтникъ Бюнгнеръ, Вассеръ и сверхштатный Бергенгринъ, учителя главнаго вѣмецкаго училища при евангеличе-

ско-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ: Бороновичъ, Давыдовъ, Миллеръ, Штейманъ, Натингъ, Фремонъ, Глевекъ и Бонжуръ и учитель Московскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ Варравва; на десять дней и лѣтнее вакаціонное время 1888 г. учитель Рижской городской гимназін Данненбергъ, по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1888 г. и четырнадцать дней—сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, тайный совѣтникъ Мейковъ, по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1888 г. и пятнадцать дней—учитель Варшавской V-й мужской гимназін, статскій совѣтникъ Стефановичъ, по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1888 г. и двадцать-восемь дней ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго—Шерцль и Дерптскаго—статскій совѣтникъ Крепелинъ, управляющій Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ въ званіи камергера Ляхницкій, исполняющій обязанности инспектора Θεодосійской гимназін, статскій совѣтникъ Стовикъ и главная воспитательница Холмскаго Маринскаго женскаго училища Нолле,—изъ нихъ Шерцль, Ляхницкій, Стовикъ и Нолле—по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1888 г. и двадцать-девять дней: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шмидтъ и начальница Владимірской земской женской гимназін Кокоскина; на три мѣсяца—учитель Смоленскаго 2-го городскаго училища, коллежскій ассесоръ Даниловъ; на четыре мѣсяца—привать-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета Оршанскій и сверхштатный учитель Ахтырскаго училища Безсоновъ; послѣдній по болѣзни.

Отчисленъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, согласно прошенію, причисленный къ сему министерству, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мясоѣдовъ, съ 15-го марта 1888 г.

Уволены отъ службы: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мѣржинскій, за выслугу срока, съ 3-го февраля 1888 г., съ дозволеніемъ носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный; ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Рунге, согласно прошенію, съ 20-го марта 1888 года.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: законоучителю Хотиновскаго начальнаго народнаго

училища министерства народнаго просвѣщенія, Валдайскаго уѣзда, Новгородской губерніи, священнику Рождественскому—за исправное и усердное исполненіе законоучительскихъ обязанностей и многолѣтнюю заботливость о благосостояніи сего училища; дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника Вангейгеймъ — за усердіе къ дѣлу народнаго образованія; женѣ нерчинскаго 1-й гильдіи купца Бутиной—за попеченіе ея о процвѣтаніи Нерчинской женской прогимназіи; почетному блюстителю Хировскаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Новгородской губерніи и уѣзда, архимандриту Александро-Невской лавры Исаѣй и почетному попечителю Курскаго реальнаго училища графу Клейнмихелю—за пожертвованія ихъ въ пользу сихъ заведеній; старобѣльскому городскому головѣ, купцу Ковтунову—за пожертвованіе его для церкви Старобѣльской гимназіи.

Умершіе исключены изъ списковъ: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, почетный попечитель Елецкой гимназіи и коллегіи Императора Александра II для студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Поляковъ, помощникъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Малиновскій и профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лѣтниковъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Жизнь и труды М. П. Погодина, Николая Барсукова. Книга первая. Изданіе Ал. Дм. и Петра Дм. Погодинныхъ. С.-Пб. 1888. Цѣна 2 руб. 50 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній (для старшихъ классовъ); а по окончаніи этого труда, онъ могъ бы оказаться полезнымъ и для раздачи ученикамъ въ видѣ награды при окончаніи курса.

— Книги: 1) „Оукидидъ. Исторія Пелопонесской войны въ восьми книгахъ. Переводъ съ греческаго Ѳ. Г. Мищенка, съ его пре-

дисловіемъ, примѣчаніями и указателемъ. Томъ II (книги V—VIII съ примѣчаніями). Указатель. Москва. 1888. Въ 8-ку стр. 540. Цѣна 4 руб.“—2) „Эукидидъ и его сочиненія. Ѳ. Г. Мищенко. Послѣдствіе въ переводу. Москва. 1888. Въ 8-ку стр. ССXL. Цѣна 2 р.“ — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Сборникъ общеупотребительныхъ греческихъ словъ. Часть 1. Грамматическій вокабулярій. Учебное пособіе при первоначальномъ изученіи греческаго языка Г. Ленца. Для русскихъ гимназій обработалъ В. Канскій, преподаватель С.-Петербургской 7-й гимназій. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку стр. 43. Цѣна 30 коп.“—одобрить въ видѣ учебнаго пособія для III и IV классовъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Ergählungen aus der Geschichte der alten Kulturvölker. Für den ersten Geschichtsunterricht in Real- und Mädchenschulen. Von Friesendorf. St.-Petersburg. 1888“—одобрить для употребленія въ реальныхъ училищахъ и женскихъ школахъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книгу: „Новый элементарный учебникъ французскаго языка, состоящій изъ трехъ частей. Составилъ П. Мозеръ, преподаватель Сибирской военной гимназій. Изданіе 2-е. Москва. 1887. Часть I, стр. 72, цѣна 30 коп.; Часть II, стр. 123, цѣна 50 коп.; Часть III, стр. 197, цѣна 60 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія по французскому языку.

— Книгу: „Систематическое изложеніе особенностей французскаго синтаксиса въ сравненіи его съ русскимъ. Составилъ П. Мозеръ. Москва. 1887. Стр. 120, въ 8-ку. Цѣна 65 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства по французской грамматикѣ для старшихъ классовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Краткая русская грамматика для первыхъ трехъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ задачъ для устныхъ и письменныхъ упражненій. Составилъ А. Преображенскій, преподаватель Московской IV гимназій. Часть I. Этимологія. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1888, стр. X+98. Цѣна 40 коп.“—одобрить какъ руководство для I, II и III классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Русская хрестоматія для третьяго и четвертаго клас-

совъ средне-учебныхъ заведеній. Составилъ Н. Покровскій. Часть III. Москва. 1887, стр. VII+376. Цѣна 1 руб.“—допустить какъ учебное пособіе для III и IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Систематическій сборникъ ариметическихъ задачъ для гимназій и прогимназій, мужскихъ и женскихъ, реальныхъ уѣздныхъ и городскихъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій. Составили: В. Арбузовъ, А. Мининъ, В. Мининъ, Д. Назаровъ. Изданіе 4-е. Москва. 1888. Цѣна 50 коп.“—одобрить какъ учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также для учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Методы рѣшенія геометрическихъ задачъ на построенія и Сборникъ геометрическихъ задачъ съ полными и краткими рѣшеніями. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній (для старшихъ классовъ). Составилъ И. Александровъ, преподаватель Тамбовской гимназій. Изданіе 3-е, исправленное и переработанное. Москва. 1888, стр. VI—138. Цѣна руб., съ пересылкою 1 руб. 20 коп.“—одобрить какъ учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: 1) „Краткая нѣмецкая грамматика. Основы, этимологій и синтаксиса. Составилъ Александръ Еше, преподаватель Московской 2-й гимназій. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1888. Въ 8-ку, стр. VIII+90. Цѣна 40 коп.“, и 2) того же автора *Kurzgefasste deutsche Grammatik. Grundzüge der Etymologie und Syntax.* Moskau. 1888. Въ 8-ку VIII+88 стр. Цѣна 40 коп.“.—рекомендовать въ качествѣ руководство при изученіи нѣмецкой грамматики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, и притомъ нѣмецкое изданіе для такихъ учебныхъ заведеній, преимущественно женскихъ, гдѣ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книгу: „Дѣтскія игры, преимущественно русскія (въ связи съ исторіей, этнографіей, педагогіей и гигиеной). Н. В. Покровскаго. (съ 105 рисунками). Москва. 1887. Въ 8-ку стр. 368. Цѣна 2 руб.“—рекомендовать для основныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

ВИ. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Наша родина. Книга для чтенія въ старшемъ отдѣленіи городскихъ и сельскихъ одноклассныхъ народныхъ училищъ. Съ рисунками и картами въ текстѣ. Составилъ Ѳ. Ѳ. Пудыковичъ. Изд. 2-е, исправленное. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 215 стр. Ц. 50 коп.“ — одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ и какъ классное пособіе по исторіи и географіи.

— Книгу: „Способы православно-христіанскаго воспитанія дѣтей въ семьѣ и обученія ихъ закону Божию въ начальной школѣ. Составилъ священникъ Іоаннъ Платоновъ. Черниговъ. 1886. Въ 8-ку 130 стр. Цѣна не обозначена“ — допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Апеннины и Анды. Разказъ для дѣтей Э. де-Амичисъ. Переводъ В. Крестовскаго (псевдонимъ). С.-Пб. 1887. Въ 12-ю д. л., 89 стр. Цѣна 30 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки средняго возраста городскихъ училищъ, а также среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Гонецъ. Казачье чтеніе. Новочеркасскъ. 1888“ — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ казачьихъ войскъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Господинъ министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ увеличить размѣръ платы за ученіе: 1) въ Глуховской прогимназіи съ 30 до сорока руб. въ годъ съ каждаго ученика съ будущаго 1888—1889 учебнаго года; 2) Ршелевской гимназіи съ 60 до семидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика съ начала будущаго 1888—1889 учебнаго года; 3) въ Варшавской 2-й гимназіи съ 40 до пятидесяти шести руб. въ годъ съ каждаго ученика, съ буду-

щаго 1888—1889 учебнаго года; 4) въ Томской и Омской гимназіяхъ до сорока руб. въ годъ съ каждаго ученика; 5) въ Читинской гимназіи до сорока руб. въ годъ съ каждаго ученика, съ будущаго 1888—1889 учебнаго года; 6) въ Каменецъ-Подольской гимназіи, съ начала 1888—1889 учебнаго года, съ 40 до пятидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика; 7) въ 6-мъ и 7-мъ классахъ Красноуфимскаго реального училища съ 15 до двадцати-пяти руб. въ годъ съ каждаго ученика названныхъ классовъ, съ 1888—1889 учебнаго года; и 8) въ Варшавской 5-й мужской гимназіи во всѣхъ классахъ съ 46 руб. на пятьдесятъ руб. въ годъ съ каждаго ученика съ 1888—1889 учебнаго года.

— Господинъ министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ сдѣланное въ началѣ текущаго года распоряженіе г. попечителя Харьковскаго учебнаго округа объ увеличеніи размѣра платы за ученіе въ Новочеркасской гимназіи до сорока руб. въ годъ съ каждаго ученика.

ОБЪЯВЛЕНІЕ**отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.****I.**

Для соисканія премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, ученымъ комитетомъ, съ разрѣшенія его высокопревосходительства г. министра народнаго просвѣщенія, къ 1-му ноября 1888 года назначена группа: „русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесностью и логика; сюда присоединяется педагогика съ дидактикой и методикой примѣнительно къ гимназіямъ“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію по логикѣ.

II.

По настоятельной потребности въ учебникахъ „по всеобщей географіи для низшихъ трехъ классовъ гимназій и прогимназій и по всеобщей исторіи“ срокъ для представленія таковыхъ на соисканіе премій Императора Петра Великаго продолженъ также до 1-го ноября 1888 года.

ПРАВИЛА ИСПЫТАНІЙ ВЪ КОММИССІИ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПО ОТДѢЛЕНІЮ МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

§ 1. Для производства испытанія молодымъ людямъ, кои въ зачетно восемь полугодій по отдѣленію математическихъ наукъ физико-математическаго факультета, при каждомъ изъ Россійскихъ университетовъ, управляемыхъ на основаніи общаго ихъ устава, Высочайше утвержденнаго 23-го августа 1884 г., назначается испытательная физико-математическая коммиссія.

§ 2. Испытательная физико-математическая коммиссія по отдѣленію математическихъ наукъ состоитъ изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ соотвѣтственно отдѣламъ испытанія: по математикѣ, по физикѣ, по механикѣ и по астрономіи.

§ 3. Предсѣдатель и члены коммиссіи назначаются министромъ народнаго просвѣщенія ежегодно къ 1-му іюня.

§ 4. Для производства испытанія по предмету химіи, а также для раздѣленія труда испытанія по математикѣ и по нѣкоторымъ частямъ другихъ упомянутыхъ выше предметовъ, предсѣдателю коммиссіи предоставляется приглашать соотвѣтственныхъ спеціалистовъ-экзаменаторовъ изъ числа университетскихъ преподавателей, настоящихъ или бывшихъ, какъ штатныхъ, такъ и привать-доцентовъ, или вообще изъ лицъ, обладающихъ спеціальными свѣдѣніями по предмету испытаній, въ послѣднемъ случаѣ съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія.

§ 5. Предсѣдатель испытательной коммиссіи, кромѣ общаго наблюденія и руководства, имѣетъ право участвовать въ трудахъ каждаго экзаменнаго отдѣла и предсѣдательствовать въ этихъ отдѣлахъ (комитетахъ).

§ 6. Испытанія производятся въ соответственныхъ помѣщеніяхъ, назначенныхъ попечителемъ округа и приспособленныхъ къ цѣлямъ испытанія, по соглашенію, въ подлежащихъ случаяхъ, предсѣдателя комиссіи съ ректоромъ университета, или начальствомъ того учрежденія, въ коемъ назначается испытаніе.

§ 7. Испытанія производятся въ теченіе осенняго и весенняго учебныхъ полугодій. Въ началѣ іюня для осенняго полугодія и въ началѣ декабря для весенняго — попечитель учебнаго округа помѣщаетъ въ наиболѣе распространенныхъ столичныхъ и мѣстныхъ газетахъ публикаціи о мѣстѣ и времени, назначенныхъ для приема прошеній предсѣдателемъ испытательной комиссіи, съ присовокупленіемъ адреса сего послѣдняго.

§ 8. Въ указанныя въ публикаціи сроки желающіе подвергнуться испытанію обязаны подать предсѣдателю испытательной комиссіи собственноручно написанное прошеніе о допущеніи къ экзамену и слѣдующія къ нему приложенія: а) свою фотографическую карточку; б) выпускное университетское свидѣтельство о зачетѣ восьми полугодій физико-математическимъ факультетомъ по отдѣленію математическихъ наукъ; в) свидѣтельство университетской инспекціи о безупречномъ поведеніи; г) сочиненіе или работу по одному изъ предметовъ испытанія, произведенныя въ теченіе послѣднихъ трехъ полугодій пребыванія въ университетѣ на тему, одобренную факультетомъ; д) конспекты курсовъ, прослушанныхъ испытуемымъ въ университетѣ по предметамъ, избраннымъ имъ для дополнительнаго испытанія; е) квитанцію университетскаго казначейства о взносѣ 20 рублей. Этотъ взносъ ни въ какомъ случаѣ не возвращается.

Примѣчаніе. Удостоенные за диссертациі на темы, заданныя факультетомъ, медалей или почетнаго отзыва или премій, освобождаются отъ представленія сочиненія или работы, но для свѣдѣнія комиссіи прилагаютъ самыя диссертациі. Испытуемому предоставляется также представлять въ комиссію и другіе свои труды, сдѣланные во время прохожденія курса подъ руководствомъ преподавателей.

§ 9. Представленныя сочиненія и работы разсматриваются членами комиссіи по специальности каждаго и ихъ оцѣнка выражается на самыхъ рукописяхъ замѣчаніями о достоинствахъ и недостаткахъ и слѣдующими отмѣтками: неудовлетворительно, удовлетворительно и весьма удовлетворительно. Трудъ, признанный членомъ-рецензентомъ

неудовлетворительнымъ, разсматривается и оцѣнивается комитетомъ изъ трехъ членовъ; члена, разсматривавшаго трудъ, и двухъ другихъ по назначенію предсѣдателя. Вопросъ о допущеніи автора такого труда къ дальнѣйшему испытанію рѣшается комитетомъ по большинству голосовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ члены комиссіи, по принадлежности ознакомляются и съ прочими трудами просителя въ бытность его студентомъ.

§ 10. Авторы сочиненій и трудовъ, признанныхъ удовлетворительными, раздѣляются, соответственно содержанію оныхъ, на группы. Для каждой группы назначается предсѣдателемъ особое засѣданіе изъ двухъ членовъ комиссіи, повѣряющихъ посредствомъ бесѣды съ каждымъ представившимъ сочиненіе или работу дѣйствительно ли онъ ихъ авторъ. При отрицательномъ рѣшеніи этого вопроса проситель не допускается къ дальнѣйшему испытанію.

§ 11. Допущенные къ испытанію раздѣляются на группы по усмотрѣнію предсѣдателя комиссіи. Каждой группѣ назначается два дня для письменныхъ отвѣтовъ на вопросы согласно программѣ, утвержденной министромъ народнаго просвѣщенія.

§ 12. Не явившійся на какое-либо изъ письменныхъ или устныхъ испытаній въ назначенный для него срокъ теряетъ право на продолженіе испытанія. Комиссіи предоставляется допускать отступленія отъ сего правила лишь въ случаяхъ особо уважительныхъ причинъ неявки.

§ 13. Вопросъ для письменнаго отвѣта вынимается испытующимъ въ присутствіи предсѣдателя и одного изъ членовъ комиссіи изъ урны, куда вложены въ первый день письменнаго испытанія основные вопросы указанной программы по предмету чистой математики; въ другой день письменнаго испытанія — таковые же вопросы программы по предметамъ механики, физики и астрономіи.

Если испытующий затрудняется отвѣчать на вынутый вопросъ, ему дозволяется, не позже однако получаса, заявить о томъ и вынуть изъ урны другой билетъ, но не болѣе.

§ 14. Письменный отвѣтъ готовится экзаменуемымъ подъ надзоромъ одного изъ членовъ комиссіи по назначенію предсѣдателя. Экзаменуемымъ воспрещается пользоваться какими бы то ни было пособиями и нарушать мѣры, направленные къ обезпеченію порядка и цѣли испытанія. Виновный въ нарушеніи установленныхъ мѣръ лишается права продолжать испытаніе и можетъ быть допу-

щенъ къ нему только въ слѣдующій срокъ экзамена, а виновный въ томъ вторично теряетъ право экзаменоваться въ испытательныхъ комиссіяхъ навсегда, о чемъ отмѣчается на его выпускномъ университетскомъ свидѣтельствѣ.

Примѣчаніе. Къ такимъ же послѣдствіямъ ведетъ нарушеніе правилъ, установленныхъ для устнаго испытанія.

§ 15. На изготовленіе письменнаго отвѣта полагается не болѣе пяти часовъ. Изготовленные отвѣты разсматриваются и оцѣниваются членами испытательной комиссіи по спеціальности каждаго, а результатъ оцѣнки выражается на рукописяхъ отмѣтками: неудовлетворительно, удовлетворительно, весьма удовлетворительно.

Письменный отвѣтъ, признанный членомъ-рецензентомъ неудовлетворительнымъ, разсматривается и окончательно оцѣнивается порядкомъ, указаннымъ выше въ § 9.

§ 16. Испытуемые, коихъ письменные отвѣты признаны удовлетворительными, допускаются къ устному испытанію. Для устнаго экзамена испытуемые раздѣляются на группы и испытаніе каждой группы распредѣляется на пять дней, раздѣленныхъ промежутками въ нѣсколько дней по усмотрѣнію предсѣдателя, который сообразуется съ числомъ испытуемыхъ.

Испытаніе производится въ первый день по математикѣ (первыя четыре отдѣла экзаменныхъ требованій); во второй день по математикѣ (остальныя отдѣлы требованій); въ третій день по физикѣ; въ четвертый день по механикѣ; въ пятый день по астрономіи.

§ 17. По каждому изъ четырехъ отдѣловъ: а) математики, б) физики, в) механики и г) астрономіи испытаніе производится соотвѣтствующимъ комитетомъ изъ члена комиссіи по сему отдѣлу, другого члена комиссіи, по назначенію предсѣдателя, и приглашенныхъ экзаменаторовъ, или двухъ членовъ комиссіи, по назначенію предсѣдателя, въ томъ случаѣ, если нѣтъ приглашенныхъ экзаменаторовъ.

Въ каждомъ комитетѣ предсѣдательствуетъ членъ комиссіи по отдѣлу испытанія.

Примѣчаніе. Испытаніе по предмету химіи производится въ одинъ изъ пяти дней экзамена, или въ особый день, въ комитетѣ, состоящемъ изъ члена комиссіи по предмету физики, другого члена — по назначенію предсѣдателя комиссіи, и приглашеннаго экзаменатора.

§ 18. Вопросы устного экзамена вынимаются по жребію изъ урны, заключающей въ себѣ билеты съ означенными на нихъ вопросами утвержденной министромъ народнаго просвѣщенія программы испытанія въ физико-математической комиссіи по отдѣленію математическихъ наукъ. Въ случаѣ отказа испытуемаго отвѣчать на вынутый вопросъ, ему дается другой билетъ изъ урны, но не болѣе. Независимо отъ вопроса, вынутого изъ урны, члены экзаменнаго комитета могутъ предлагать испытуемому и другіе вопросы въ предѣлахъ экзаменныхъ требованій по предмету испытанія.

§ 19. Испытанія по двумъ предметамъ, избраннымъ испытуемымъ для дополнительнаго экзамена, не производятся отдѣльно, но присоединяются къ испытанію по тѣмъ отдѣламъ, къ которымъ предметы эти относятся. Испытательныя требованія по симъ предметамъ опредѣляются, согласно § 10 экзаменныхъ требованій, конспектами, представленными (см: выше § 8) испытуемымъ и одобренными комиссією.

§ 20. Оцѣнка испытанія производится всѣми членами экзаменнаго комитета и выражается отмітками; неудовлетворительно, удовлетворительно и весьма удовлетворительно. При раздѣленіи мнѣній относительно оцѣнки отвѣта, вопросъ рѣшается по большинству голосовъ.

§ 21. Испытуемымъ выставляются слѣдующія отмітки: 1) двѣ отмітки за два письменныхъ отвѣта; 2) двѣ отмітки по предмету математики, соотвѣтственно раздѣленію испытанія на двѣ части; 3) одна отмітка по предмету физики; 4) одна отмітка по предмету механики; 5) одна отмітка по предмету астрономіи; 6) отмітка по одному изъ предметовъ дополнительнаго испытанія, по выбору испытуемаго. Оцѣнка свѣдѣній по другому изъ дополнительныхъ предметовъ дѣлается вмѣстѣ съ оцѣнкою свѣдѣній по тому отдѣлу испытанія, къ коему предметъ этотъ относится.

§ 22. Отмітка „неудовлетворительно“ по одному изъ предметовъ испытанія не служитъ препятствіемъ къ продолженію испытанія. Двѣ таковыя отмітки прекращаютъ дальнѣйшее производство испытанія и получившіе ихъ признаются не выдержавшими испытанія.

§ 23. По окончаніи испытанія данной группы, комиссія разсматриваетъ полученныя испытуемыми отмітки и другія экзаменныя данныя и по совокупности оныхъ поставяетъ рѣшеніе о присужденіи диплома 1-й или 2-й степени или же о призваніи экзамена не выдержавшимъ.

Для удостоенія диплома первой степени должно изъ полученныхъ восьми удовлетворительныхъ отмітокъ имѣть не менѣе половины съ обозначеніемъ „весьма удовлетворительно“. Неудовлетворительная отмітка по одному изъ предметовъ лишь въ томъ случаѣ не препятствуетъ выдачѣ диплома второй степени, если экзаменовавшійся имѣеть въ числѣ своихъ отмітокъ по крайней мѣрѣ двѣ съ обозначеніемъ „весьма удовлетворительно“.

§ 24. Въ дипломѣ обозначаются: а) имя, отчество, фамилія, вѣроисповѣданіе и званіе получающаго дипломъ; б) перечень предметовъ и результатъ оцѣнки письменнаго и устнаго испытанія по каждому изъ нихъ; в) перечень правъ, предоставляемыхъ дипломомъ. Дипломы изготовляются испытательной комиссіей, подъ наблюденіемъ ея предсѣдателя, и выдаются по принадлежности, за подписью попечителя учебнаго округа и за скрѣпою правителя канцеляріи попечителя. Копіи съ дипломовъ вмѣстѣ съ документами, приложенными къ прошеніямъ (§ 8-й), хранятся въ канцеляріи попечителя учебнаго округа.

§ 25. Не выдержавшему испытанія возвращается его выпускное свидѣтельство съ обозначеніемъ, что предъявитель подвергался въ такой-то срокъ испытанію, но такового не выдержалъ.

§ 26. Не выдержавшій испытанія можетъ подвергнуться повторительному экзамену изъ всѣхъ предметовъ въ одинъ изъ слѣдующихъ экзаменныхъ сроковъ, не позже однако какъ чрезъ два полугодія послѣ того, въ которое онъ подвергался испытанію.

§ 27. Не выдержавшій испытанія можетъ просить попечителя учебнаго округа о допущеніи его къ занятіямъ въ университетѣ, въ качествѣ посторонняго слушателя, на время до повторительнаго испытанія.

§ 28. Къ прошенію о повторительномъ испытаніи прилагаются: а) фотографическая карточка просителя, б) выпускное университетское свидѣтельство, в) свидѣтельство инспекціи (если желающій экзаменоваться слушалъ лекціи въ качествѣ посторонняго слушателя) или полиціи о безупречномъ поведеніи, г) квитанція университетскаго казначейства о сдѣланномъ вновь взносѣ 20 рублей.

Примѣчаніе. Представленія новаго сочиненія или работы не требуется.

§ 29. Повторительныя испытанія производятся во всемъ согласно съ вышеизложенными правилами и допускаются не болѣе двухъ разъ

въ теченіе четырехъ полугодій послѣ того полугодія, въ которое имѣло мѣсто первое испытаніе. Не выдержавшіе во второй разъ повторительнаго испытанія не допускаются къ нему болѣе ни въ какой испытательной физико-математической комиссіи по отдѣленію математическихъ наукъ, о чемъ дѣлается помѣта председателемъ комиссіи на выпускномъ университетскомъ свидѣтельствѣ.

§ 30. Получившіе дипломъ 2-й степени имѣютъ право на вышеизложенныхъ основаніяхъ повторить экзаменъ для получения диплома 1-й степени.

§ 31. Протоколъ испытанія по каждому изъ отдѣловъ его ведется председателствующимъ въ отдѣлѣ членомъ комиссіи. Общій протоколъ испытанія составляется, подъ наблюденіемъ председателя комиссіи и по его порученію, однимъ изъ членовъ оной.

§ 32. Испытательная комиссія, по истеченіи годоваго срока, на который назначена, представляетъ попечителю учебнаго округа отчетъ о своей дѣятельности съ замѣчаніями о состояніи научнаго образованія, обнаруженнаго экзаменовавшимися. Этотъ отчетъ попечитель учебнаго округа съ своимъ заключеніемъ представляетъ министру народнаго просвѣщенія.

§ 33. На печатаніе дипломовъ, на вознагражденіе экзаменаторовъ и другіе расходы, связанныя съ производствомъ испытаній, назначается двадцати рублевый сборъ съ cadaго испытуемаго и приплата изъ государственнаго казначейства за cadaго впервые испытуемаго (мнѣніе Государственнаго Совѣта Высочайше утвержденаго 15-го августа 1884 г. ст. IV п. 6.). Распредѣленіе этой суммы производится на основаніи особаго распоряженія министерства народнаго просвѣщенія.

ПРОГРАММЫ ОБЩАГО ИСПЫТАНІЯ ВЪ КОММИССИИ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПО ОТДѢЛЕНІЮ МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

ПРОГРАММА ИСПЫТАНІЯ ПО ЧИСТОЙ МАТЕМАТИКѢ.

Аналитическая геометрія.

Опредѣленіе положенія точекъ на плоскости при помощи координатъ прямолинейныхъ и полярныхъ. Преобразование координатъ на плоскости. Геометрическое значеніе уравненій между координатами: подраздѣленіе линій по виду ихъ уравненій. Значеніе уравненія 1-й степени относительно прямолинейныхъ координатъ. Употребительные виды уравненія прямой и значеніе его коэффициентовъ.

Основные задачи о точкахъ и прямыхъ на плоскости: а) выраженіе разстоянія между двумя точками; опредѣленіе координатъ точки, дѣлящей его въ данномъ отношеніи; площадь треугольника по координатамъ его вершинъ; б) уравненія прямыхъ, проходящихъ черезъ одну или двѣ точки, черезъ данную точку параллельно данной прямой, черезъ точку пересѣченія 2-хъ данныхъ прямыхъ; в) условія, что три данныя точки находятся на одной прямой и что три прямыхъ встрѣчаются въ одной точкѣ; г) опредѣленіе угла между двумя данными прямыми, условіе ихъ взаимной перпендикулярности; уравненіе и длина перпендикуляра, проведеннаго изъ данной точки къ данной прямой; выводъ отношенія, въ которомъ данная прямая дѣлитъ разстояніе между двумя данными точками.

Исслѣдованіе вида кривыхъ 2-го порядка по общему ихъ уравненію.

Центръ, діаметръ, сопряженные діаметры и оси кривыхъ линій второго порядка; уравненія ихъ касательныхъ и поляръ, относящихся къ данной точкѣ.

Приведеніе общаго уравненія линій второго порядка къ простѣйшему виду при помощи свойствъ діаметровъ и осей.

Построеніе эллипса и круга, гиперболы и параболы и выводъ ихъ основныхъ свойствъ изъ уравненій простѣйшаго вида.

Фокусы и направляющія (директриссы) кривыхъ второго порядка.

Общее уравненіе кривыхъ 2-го порядка, отнесенное къ вершинѣ. Простѣйшія ихъ уравненія въ полярныхъ координатахъ.

Опредѣленіе положенія точекъ въ пространствѣ посредствомъ координатъ прямолинейныхъ и полярныхъ. Преобразование координатъ. Геометрическое значеніе одного или совокупности двухъ уравненій между координатами.

Выраженіе разстоянія между двумя данными точками и определеніе координатъ точки дѣлящей его въ данномъ отношеніи; косинусы угловъ, опредѣляющихъ направленіе прямой; косинусъ угла между двумя прямыми даннаго направленія.

Уравненіе плоскости; углы, образуемые перпендикуляромъ къ ней съ координатными осями. Условія параллельности двухъ плоскостей. Уравненіе плоскости, проходящей черезъ одну, черезъ три данныя точки и черезъ данную точку параллельно данной плоскости. Пересѣченіе трехъ плоскостей. Выраженіе косинуса угла между двумя плоскостями. Условіе взаимной перпендикулярности двухъ плоскостей.

Уравненія прямой; условія параллельности двухъ прямыхъ. Уравненія прямыхъ, проходящихъ черезъ одну или двѣ данныя точки и черезъ данную точку, параллельно данной прямой. Уголъ между двумя прямыми, условіе ихъ перпендикулярности; условіе пересѣченія двухъ прямыхъ.

Условіе параллельности между прямой и плоскостью, условія чтобы данная прямая лежала въ данной плоскости. Уравненіе плоскости, проходящей черезъ данныя точку и прямую. Уголъ между прямой и плоскостью, условіе взаимной перпендикулярности прямой и плоскости. Уравненіе плоскости, проведенной черезъ данную точку перпендикулярно къ данной прямой; уравненія и длина перпендикуляра, проведеннаго изъ данной точки къ данной плоскости. Уравненія и длина перпендикуляра проведеннаго изъ данной точки къ данной прямой. Уравненія и длина перпендикуляра къ двумъ даннымъ прямымъ.

Центръ, діаметральная плоскость и главныя діаметральныя плоскости поверхностей 2-го порядка.

Приведеніе къ простѣйшему виду уравненій поверхностей 2-го порядка съ центромъ и безъ центра.

Исслѣдованіе вида эллипсоида, обоихъ гиперболоидовъ и обоихъ параболоидовъ по ихъ простѣйшимъ уравненіямъ въ прямолинейныхъ координатахъ.

Исслѣдованіе круговыхъ сѣченій и прямолинейныхъ производящихъ поверхностей 2-го порядка.

Высшая алгебра.

Существованіе корня алгебраическаго уравненія; разложеніе на множители цѣлой функціи; число корней уравненія, сопряженность мнимыхъ корней, составленіе коэффициентовъ изъ корней.

Разысканіе соизмѣримыхъ корней уравненія съ рациональными коэффициентами.

Приведеніе рѣшенія уравненія съ равными корнями къ рѣшенію нѣсколькихъ уравненій безъ равныхъ корней.

Назначеніе высшаго и низшаго предѣловъ дѣйствительныхъ корней уравненія.

Теорема Ролля. Отдѣленіе корней уравненія по способу Штурма. Отдѣленіе корней уравненія по способу Фурье.

Вычисленіе приближенной величины корней уравненія по способу Ньютона (съ дополненіемъ Фурье и съ объясненіемъ геометрическаго значенія этого приема).

Формулы Ньютона для выраженія суммъ одинаковыхъ степеней корней уравненія чрезъ его коэффициенты. Вычисленіе рациональныхъ симметрическихъ функцій отъ корней даннаго уравненія. Примѣненіе симметрическихъ функцій къ преобразованію уравненія. Составленіе произведенія квадратовъ разностей корней даннаго уравненія.

Приведеніе дробной функціи отъ корня уравненія къ цѣлой функціи отъ того-же корня.

Приложеніе симметрическихъ функцій къ исключенію одной неизвѣстной изъ двухъ уравненій съ двумя неизвѣстными.

Алгебраическое рѣшеніе уравненій третьей и четвертой степени.

Разложеніе дробныхъ рациональныхъ функцій на частныя дроби.

Дифференціальное исчисленіе.

Предѣлъ переменной величины. Безконечно малая и безконечно большія величины. Предѣлы выраженій $\frac{\sin \alpha}{\alpha}$ и $(1 + \alpha)^{\frac{1}{\alpha}}$ при α безконечно маломъ. Безконечно малая различныхъ порядковъ.

Производная и дифференціалъ функціи отъ одной независимой переменной величины; ихъ геометрическое значеніе. Производныя простѣйшихъ функцій. Производныя функціи отъ функцій. Производныя суммы, произведенія и частнаго.

Частныя производныя и полный дифференціалъ функціи отъ нѣсколькихъ независимыхъ переменныхъ. Общая формула дифференцированія сложной функціи.

Производныя и дифференціалы высшихъ порядковъ функціи отъ одной независимой переменной.

Частныя производныя и полный дифференціалъ высшаго порядка функціи отъ нѣсколькихъ переменныхъ. Независимость величины производной отъ порядка дифференцированія.

Дифференцированіе неявныхъ функціи.

Преобразование данныхъ дифференціальныхъ выраженій при измѣненіи переменныхъ.

Формулы Тейлора и Маклорена съ дополнительнымъ членомъ. Разложеніе въ ряды простѣйшихъ функціи. Опредѣленіе истиннаго значенія функціи, принимающихъ неопредѣленный видъ при частномъ значеніи переменной. Свойство однородныхъ функціи, составляющее теорему Эйлера.

Возрастаніе и убываніе функціи. Махима и минума функціи отъ одной или отъ нѣсколькихъ независимыхъ переменныхъ. Случай когда переменныя связаны условными уравненіями.

Касательная и нормаль въ данной точкѣ плоской кривой.

Признаки выпуклости, вогнутости и перегиба плоской кривой въ данной ея точкѣ.

Дифференціалъ дуги плоской кривой. Кривизна, радіусъ кривизны и координаты центра кривизны; выраженіе радіуса кривизны въ полярныхъ координатахъ. Примененіе общихъ формулъ къ кривымъ 2-го порядка, къ циклоидѣ и къ логарифмической спирали.

Огибающая даннаго семейства кривыхъ. Порядокъ касанія между линіями лежащими въ одной плоскости. Соприкасающіеся съ данной кривой прямая линія и кругъ. Эволюты и ихъ свойства. Эволюты кривыхъ 2-го порядка, циклоиды и логарифмической спирали.

Касательная прямая и нормальная плоскость въ данной точкѣ кривой двоякой кривизны; дифференціалъ ея дуги, радіусъ первой кривизны.

Косинусы угловъ составляемыхъ касательною и главною нормалью съ осями координатъ. Соприкасающаяся плоскость или плоскость кривизны. Косинусы угловъ образуемыхъ перпендикуляромъ къ соприкасающейся плоскости и осями координатъ. Вторая кривизна или кривизна крученія кривыхъ линій. Примененіе къ винтовой линіи.

Касательная плоскость и нормаль къ поверхности въ данной ея точкѣ. Дифференціальныя уравненія поверхностей цилиндрическихъ, коническихъ, вращенія и развертывающихся. Огибающія поверхности.

Интегральное исчисленіе.

Опредѣленный и неопредѣленный интегралы. Главныя приемы интегрированія.

Интегрированіе раціональныхъ функцій.

Простѣйшіе случаи интегрированія, въ конечномъ видѣ, ирраціональныхъ дифференціаловъ.

Условія интегрируемости и формулы приведенія интеграла отъ дифференціального бинорма.

Простѣйшіе случаи интегрированія трансцендентныхъ дифференціаловъ.

Основныя свойства опредѣленнаго интеграла, вытекающія изъ его опредѣленія и распространеніе его на случаи, когда становятся безконечными предѣлы интеграла или подынтегральная функція.

Рядъ Тейлора съ дополнительнымъ членомъ въ видѣ опредѣленнаго интеграла.

Приближенное вычисленіе опредѣленнаго интеграла при помощи рядовъ или интерполированія (способъ трапецій, формула Симпсона).

Дифференцированіе опредѣленнаго интеграла по параметру, интегрированіе подъ знакомъ опредѣленнаго интеграла. Примѣры приложенія этихъ приемовъ къ отысканію значенія опредѣленныхъ интеграловъ.

Эйлеровы интегралы двухъ видовъ или функціи $B(p, q)$ и $\Gamma(p)$; приведеніе перваго вида ко второму, основныя свойства функціи $\Gamma(p)$.

Интегралы между мнимыми предѣлами. Теорема Коши и ея главнѣйшія слѣдствія.

Выводъ общихъ формулъ для вычисленія площадей, ограниченныхъ кривыми линіями, длины дугъ кривыхъ линій вообще, объемовъ и поверхностей тѣлъ вращенія. Примѣры на различные случаи этихъ общихъ задачъ.

Двойные и вообще кратные опредѣленные интегралы. Преобразованіе переменныхъ въ кратныхъ интегралахъ.

Вычисленіе объемовъ ограниченныхъ кривыми поверхностями. Квадратура поверхностей. Примѣры на различные случаи этихъ общихъ задачъ.

Теорія інтегрування дифференціальнихъ уравненій.

Условія інтегруемости выраженій вида

$$p_1 dx_1 + p_2 dx_2 + \dots + p_n dx_n,$$

гдѣ $p_1, p_2, \dots, p_n$ суть данныя функціи отъ перемѣнныхъ независи-
мыхъ $x_1, x_2, \dots, x_n$.

Дифференціальныя уравненія обыкновенныя и съ частными про-
изводными. Раздѣленіе ихъ по порядкамъ. Образование обыкновен-
наго дифференціального уравненія черезъ исключеніе постоянныхъ
произвольныхъ.

Общій интегралъ обыкновеннаго уравненія. Разложеніе его въ
ряды.

Обыкновенныя уравненія перваго порядка; случай, когда пере-
мѣнныя отдѣляются; случай, когда въ уравненіе не входитъ пере-
мѣнная независимая или зависимая.

Уравненія линейныя. Уравненія однородныя. Уравненія простѣй-
шія, которыя приводятся къ линейнымъ и однороднымъ.

Задача о траекторіяхъ.

Множитель уравненія перваго порядка; выраженіе всѣхъ множи-
телей, когда извѣстенъ одинъ изъ нихъ. Уравненіе съ частными
производными, которому удовлетворяетъ множитель. Множитель урав-
ненія линейнаго и уравненія однороднаго.

Особенныя рѣшенія уравненій 1-го порядка; нахожденіе ихъ, когда
извѣстенъ общій интегралъ.

Уравненія высшихъ порядковъ. Уравненія вида

$$\frac{d^n y}{dx^n} = f(x), f\left(\frac{d^{n-1} y}{dx^{n-1}}, \frac{d^n y}{dx^n}\right) = 0, f\left(\frac{d^{n-2} y}{dx^{n-2}}, \frac{d^n y}{dx^n}\right) = 0$$

Пониженіе порядка: въ уравненіяхъ вида

$$f(x, y, y^{(k)}, y^{(k+1)}, \dots, y^{(n)}) = 0,$$

въ уравненіяхъ вида

$$f(y, y', y'', \dots, y^{(n)}) = 0$$

и въ уравненіяхъ однородныхъ относительно неизвѣстной функціи и
ея производныхъ.

Уравненія линейныя, общія свойства ихъ интеграловъ и пониженіе
ихъ порядка при помощи частныхъ рѣшеній.

Измѣненіе постоянныхъ произвольныхъ. Линейныя уравненія съ постоянными коэффициентами.

Уравненія обыкновенныя совокупныя; интегрированіе ихъ приводится къ интегрированію одного обыкновеннаго уравненія. Линейныя совокупныя уравненія съ постоянными коэффициентами.

Интегрированіе уравненій съ частными производными перваго порядка, линейныхъ относительно производныхъ неизвѣстной функціи.

Вариационное исчисленіе.

Вариация простаго интеграла. Кратчайшее разстояніе между двумя точками. Геодезическая линія. Наименьшая поверхность вращенія. Брахистохрона. Задача объ изопериметрахъ.

Исчисленіе конечныхъ разностей.

Выраженіе равности высшаго порядка помощью значеній функціи и наоборотъ выраженіе значенія функціи помощью ея послѣдовательныхъ разностей. Задача интерполированія и формулы интерполированія Ньютона и Лагранжа.

Конечное дифференцированіе и суммованіе простѣйшихъ функціи. Числа Бернулли. Формула Эйлера для перехода отъ суммъ къ интеграламъ и обратно. Формула Стирлинга.

Рѣшеніе линейныхъ уравненій въ конечныхъ разностяхъ 1-го порядка. Рѣшеніе линейныхъ уравненій въ конечныхъ разностяхъ какаго угодно порядка, въ томъ случаѣ когда коэффициенты числа постоянныя.

Теорія вѣроятностей.

Мѣра вѣроятности и основныя правила исчисленія вѣроятностей. Вѣроятность сложнаго событія, зависящаго отъ повтореній простаго событія.

Законъ большихъ чиселъ и его слѣдствія.

Опредѣленіе вѣроятностей гипотезъ и будущихъ событій.

Основанія способа наименьшихъ квадратовъ.

Испытаніе по элементарнымъ частямъ математики, сверхъ гимназическаго курса, включаетъ: ученіе о главнѣйшихъ свойствахъ опре-

дѣлителей и ихъ приложение къ рѣшенію системъ линейныхъ уравненій; дѣйствія надъ мнимыми выраженіями, формулу Моавра, тригонометрическое рѣшеніе двучленныхъ уравненій; простѣйшіе признаки сходимости рядовъ; первыя основанія теоріи чиселъ (о дѣлимости чиселъ, теоремы Фермата и Эйлера, рѣшеніе сравненій 1-й степени); начала сферической тригонометріи; построеніе алгебраическихъ формулъ и приложение алгебры къ рѣшенію геометрическихъ задачъ.

Примѣчаніе. На билетахъ предлагаемыхъ для устнаго испытанія имѣютъ быть соединяемы вопросы изъ разныхъ мѣстъ программы по данному отдѣлу.

Вопросы для письменнаго испытанія по предмету чистой математики, требуемаго §§ 11 и 13 „Правилъ о производствѣ испытаній въ комиссіи физико-математической“ будутъ предлагаться изъ области первыхъ четырехъ отдѣловъ программы (аналитическая геометрія, высшая алгебра, дифференціальное исчисленіе, интегральное исчисленіе) и преимущественно по тѣмъ частямъ оной, кои даютъ возможность отвѣчающему примѣнить начала къ рѣшенію тѣхъ или другихъ частныхъ вопросовъ и задачъ. Таковыя вопросы и задачи будутъ присоединяться на билетахъ къ предлагаемымъ для письменнаго отвѣта основнымъ вопросамъ, выбраннымъ изъ программы по упомянутымъ четыремъ отдѣламъ. Отъ испытываемаго требуется краткое изложеніе началъ и примѣненіе ихъ къ рѣшенію предложенныхъ примѣровъ.

Въ дополненіе къ лекціонному изложенію, различными преподавателями, въ качествѣ необязательныхъ пособій для приготовленія къ испытанію въ предѣлахъ указанныхъ программю, рекомендуются, принадлежащими пополненіями и исключеніями, слѣдующія сочиненія на русскомъ и иностранномъ языкахъ:

По *аналитической геометріи*:

Андреевъ, „Основной курсъ аналитической геометріи“. 1887. Харьковъ.

Briot et Bouquet, „Leçons de géométrie analytique“. 1878. 9-me ed.

Salmon, „A treatise on Conic Sections“; есть на русскомъ языкѣ въ переводѣ Ващенко-Захарченка; а на нѣмецкомъ въ переработкѣ Fiedler'a: „Analytische Geometrie der Kegelschnitte“ (3 Aufl., 1873).

Также Carnoy, „Cours de géométrie analytique“. 1880.

Lefébure de Fourcy, „Leçons de géometrie analytique“. 1846. 6-me ed.

По высшей алгебрѣ:

Тихомандрицкій, „Краткій курсъ высшей алгебры“. Харьковъ. 1887.

Ващенко-Захарченко, „Алгебраическій анализъ или высшая алгебра“. Кіевъ. 1887. Въ сочиненіи находятся свѣдѣнія по теоріи чиселъ, удовлетворяющія требованіямъ испытанія по элементарнымъ частямъ математики.

Соходкій, „Высшая алгебра“. Часть I. Рѣшеніе численныхъ уравненій. С.-Петербургъ. 1882.

Serret, „Cours d'algèbre supérieure“. 1885. 5-me ed.

По дифференціальному, интегральному и вариационному исчисленіямъ:

Sturm, „Cours d'analyse de l'École polytechnique“. 6-me ed. 1880.

Serret, „Cours de calcul différentiel et intégral“. 1868.

(Имѣются русскія переводы этихъ сочиненій, но мало удовлетворительные).

Todhunter, „Treatise on the Differential Calculus, 7 ed. 1875. (Русскій переводъ съ дополненіями г. Имшенецкаго).

Schlömilch, „Compendium der höheren Analyse“. Къ нему задачникъ „Uebungsbuch zum Studium der höheren Analyse.

Другіе задачники: Зонке, „Собраніе упражненій по дифференціальному и интегральному исчисленію“, переводъ Галахова 1867; Frenet: „Recueil d'exercices sur le calcul infinitésimal“ 1873. (Имѣется русскій переводъ).

Алексѣевъ, „Интегральное исчисленіе“; 1874.

Ермаковъ, „Дифференціальныя уравненія перваго порядка съ двумя переменными“, Кіевъ, 1887.

Jordan, „Cours d'analyse de l'École Polytechnique“, 3 voll. 1882—1887 (для пополненій).

Для ознакомленія съ отдѣльными статьями экзаменныхъ требованій и для дополненія къ элементарному курсу рекомендуются:

Bertrand, „Traité du calcul différentiel et intégral“, 1870, 2-me volume, chap. X (приближенное вычисленіе интеграловъ, формула Эйлера).

Lacroix, „Traité élémentaire du calcul différentiel et intégral“ (9-me ed, 1881). Appendice: „Des différences et des séries“—по теоріи конечныхъ разностей.

Serret. „Traité de trigonométrie“, 1875 (начала сферической тригонометрии, дѣйствія надъ мнимыми выраженіями, формула Моавра, двучленные уравненія).

Bertrand, „Traité d'algèbre, 10-mè ed. 1876. 1-re и 2-me parties“. Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ изложеніе многихъ вопросовъ программы, относящихся какъ къ элементарной, такъ и высшей математикѣ.

Dostor, „Elements de la théorie des déterminants“, № 1—133. (Начала теоріи опредѣлителей).

Gauss, „Méthode des moindres carrés“, trad. par Bertrand 1855 (способъ наименьшихъ квадратовъ).

Маіевскій. „Изложеніе способа наименьшихъ квадратовъ“, 1881.

Ермаковъ. „Способъ наименьшихъ квадратовъ“, Кіевъ 1887.

Ермаковъ. „Теорія вѣроятностей“. Кіевъ, 1879.

Lacroix. „Traité élémentaire de calcul des probabilités“, 4 ed. 1864.

Moigno (l'abbé). „Leçons du calcul des variations“, rédigées en collaboration avec M. Lindelöf. 1861.

Чебышевъ. Теорія сравненій, 2-е изданіе.

ПРОГРАММА ИСПЫТАНІЯ ПО ФИЗИКѢ.

I. Механическая часть физики со включеніемъ физики частичныхъ силъ.

1. Основныя механическія понятія.

Движеніе тѣлъ: скорость, ускореніе. Сила, какъ причина ускореній. Понятіе масса. Законы движенія (инерція, независимость дѣйствія силъ отъ скорости и другихъ силъ; дѣйствіе равное противодѣйствію).

Работа. Энергія. Энергія кинетическая и энергія потенциальная. Начало сохраненія энергіи.

2. Употребительнѣйшія мѣры и измѣрительные приборы.

Единицы длины, массы, времени, скорости, ускоренія, силы и работы. Абсолютныя единицы. Производныя единицы; размѣръ единицъ и переходъ отъ одной системы единицъ къ другой.

Компараторъ. Дѣлительная машина. Нониусъ. Сферометръ. Катетометръ. Микрометръ. Волюмометръ. Измѣреніе угловъ при помощи зеркала и шкалы. Основанія устройства гониометра.

3. Ученіе о тяжести.

Законы паденія тѣлъ и приборы для ихъ изученія.

Движеніе брошенныхъ тѣлъ.

Вѣсы. Условія ихъ вѣрности и чувствительности; условіе независимости чувствительности отъ нагрузки. Способы взвѣшиванія.

Плотность тѣлъ. Способы опредѣленія плотности твердыхъ и жидкихъ тѣлъ (въ зависимости отъ температуры). Наибольшая плотность воды.

Опредѣленіе вѣса и плотности газовъ.

Опредѣленіе вѣса и плотности паровъ.

Рѣшенія задачъ касательно опредѣленія вѣса, плотности, объема тѣлъ и ихъ давленія (въ случаѣ тѣлъ газообразныхъ), при постоянной температурѣ и при измѣненіяхъ температуры.

Маятникъ. Малня качанія простаго маятника (какъ простое гармоническое движеніе). Физическій маятникъ; центръ качанія.

Опредѣленіе величины g и ея измѣненія въ различныхъ случаяхъ.

Ньютоново доказательство, что дѣйствіе земной тяжести простирается до луны. Всеобщее тяготѣніе и его законъ. Опыты, доказывающіе взаимное тяготѣніе тѣлъ.

4. Частичныя силы въ твердыхъ тѣлахъ.

Растяженіе проволокъ, модуль упругости. Поперечное сжатіе. Крученіе тѣлъ. Крутильные вѣсы. Разрывъ и разломъ.

Ударъ тѣлъ неупругихъ и упругихъ.

Законы тренія тѣлъ въ простѣйшихъ случаяхъ.

5. Жидкія тѣла.

Сжимаемость жидкостей.

Распространеніе давленія чрезъ жидкость. Гидравлическій прессъ. Давленіе жидкости на дно и стѣнки сосуда. Жидкости въ сообщающихся сосудахъ.

Давленіе жидкости на погруженныя въ нее тѣла (Архимедовъ законъ).

Поверхностное натяженіе жидкостей. Смачиваніе. Явленія волосности и ихъ элементарное объясненіе. Опыты Плато; жидкія пленки. Явленія диффузіи жидкостей. Свойства коллоидальныхъ тѣлъ; діализъ.

Законы истечения жидкостей. Строение струи.
Растворы.

6. Газообразныя тѣла.

Связь между объемомъ, давленіемъ и температурою данной массы газа. Законы Мариотта (Бойля) и Гей-Люссака. Уклоненія отъ закона Мариотта.

Поглощеніе газовъ жидкими и твердыми тѣлами.

Диффузія газовъ. Законъ газовыхъ смѣсей (законъ Дальтона).

Снаряды, основанные на упругости газовъ и атмосферномъ давленіи: воздушные насосы съ поршнемъ и ртутные; сифонъ, ливеръ, перемежающійся фонтанъ, Мариоттовъ сосудъ.

Истеченіе газовъ.

II. Ученіе о звукѣ.

1. Ученіе о волнообразномъ движеніи.

Простое гармоническое колебаніе. Волнообразное движеніе. Колебанія продольныя и поперечныя. Сложеніе двухъ волнообразныхъ движеній, распространяющихся по одному направленію. Понятіе о теоремѣ Фурье. Сложеніе двухъ взаимно перпендикулярныхъ колебаній одинаковаго періода. Эллиптическое колебаніе. Интерференція волнъ; стоячія волны.

2. Происхожденіе и распространеніе звука. Звукъ какъ ощущеніе.

Колебательное состояніе звучащаго тѣла. Звукъ музыкальный и шумъ. Высота, напряженіе, тембрь (оттѣнокъ) звука.

Измѣреніе числа колебаній, соответствующаго данному звуку. Музыкальная гамма.

Оптическое изученіе колебательныхъ движеній. Опыты Лиссажу.

Распространеніе звука. Скорость звука въ воздухѣ и газахъ. Формула Лапласа. Скорость звука въ водѣ и другихъ тѣлахъ.

Отраженіе и преломленіе звука.

Интерференція звука.

Законы колебанія струнъ и пластинокъ; хладніевы фигуры.

Усиливающіе звукъ трубы и ящики (резонаторы). Звучація трубы, открытыя и закрытыя.

Фонографъ.

Гармоническіе тоны, сопровождающіе основной тонъ. Тоны простые и сложные. Анализъ звука. Разложеніе ухомъ сложныхъ тоновъ на простые. Происхожденіе тембра, воспроизведеніе гласныхъ. Явленіе созвучія, какъ основаніе теоріи слуха.

Біенія или дрожанія звука. Объясненіе, по Гельмгольтцу, консонанса и диссонанса тоновъ.

III. Лучистыя явленія.

1. Геометрическая оптика.

Прямолинейное распространеніе свѣта. Образованіе тѣни и изображеній въ темной комнатѣ чрезъ малое отверстіе.

Законы отраженія свѣта. Законы простаго преломленія свѣта. Полное внутреннее отраженіе.

Преломленіе въ средахъ съ параллельными стѣнками.

Преломленіе въ призмѣ и формулы, относящіяся къ этому случаю. Способы опредѣленія показателей преломленія.

Образованіе оптическихъ изображеній, мнимыхъ и дѣйствительныхъ, помощью плоскаго, вогнутаго и выпуклага зеркаль.

Образованіе оптическихъ изображеній, мнимыхъ и дѣйствительныхъ, помощью оптическихъ стеколъ собирающихъ и разсѣвающихъ. Сферическая и хроматическая абберрація. Ахроматизмъ. Условіе ахроматизма двухъ призмъ. Ахроматическія стекла.

2. Зрѣніе и оптическіе инструменты.

Глазъ какъ оптический инструментъ. Приспособленіе глаза. Оптическіе недостатки глазъ (классификація глазъ въ оптическомъ отношеніи), и ихъ устраненіе помощью очковъ.

Зрѣніе какъ ощущеніе. Чувствительность ретины. Слѣпое пятно. Продолжительность впечатлѣній и явленія отъ нея зависящія. Ощущеніе цвѣтовъ; контрастъ цвѣтовъ (субъективныя изображенія, цвѣтныя тѣни).

Зрѣніе какъ психическій актъ. Сужденіе о положеніи, величинѣ и разстояніи предметовъ.

Зрѣніе двумя глазами. Стереоскопъ.

Теорія дупы или увеличительнаго стекла. Простой микроскопъ. Солнечный микроскопъ. Волшебный фонарь. Камера-обскура. Гелиостать.

Сложный микроскопъ. Объективная и окулярная системы. Увеличеніе. Освѣщеніе.

Зрительныя трубы (галилеева, астрономическая, земная) и вообще телескопы катоптрическіе и діоптрическіе. Увеличеніе. Поле зрѣнія. Сравненіе катоптрическихъ и діоптрическихъ инструментовъ. Окуляры.

3. Спектроскопія, фотометрія, ученіе о свѣтовыхъ, тепловыхъ и химическихъ дѣйствіяхъ лучей.

Образованіе спектра. Спектръ субъективный (разсматриваемый глазомъ) и объективный (на экранѣ). Спектроскопъ.

Простые цвѣта; сложеніе цвѣтовъ; дополнительные цвѣта.

Типы спектровъ. Спектръ отъ раскаленныхъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ; спектръ раскаленныхъ газовъ и паровъ; спектръ съ темными полосами. Обращеніе спектровъ. Солнечный спектръ; Фраунгоферовы линіи и ихъ происхожденіе; инфра-красные и ультра-фіолетовые лучи. Приложеніе спектральнаго анализа въ химіи и астрономіи. Понятіе объ аномальной дисперсіи. Цвѣта тѣлъ. Флуоресценція. Фосфоресценція.

Сравненіе силы освѣщенія различныхъ источниковъ. Фотометры.

Тепловое дѣйствіе лучей. Спектральное изученіе теплыхъ лучей отъ источниковъ высокой температуры (солнце, электрической свѣтъ). Темные лучи; калоресценція. Лучи теплоты отъ источниковъ невысокой температуры. Изученіе лучей теплоты помощью термо-электрическаго столбца. Болومترъ.

Отраженіе и рассяніе лучей свѣта и теплоты. Испускательная и поглощательная способность тѣлъ относительно лучей теплоты. Подвижное равновѣсіе температуры. Кажущееся отраженіе холода.

Прохожденіе лучей свѣта и теплоты черезъ тѣла. Опыты Меллони надъ прохожденіемъ черезъ тѣла лучей отъ различныхъ источниковъ. Теплопрозрачность тѣлъ.

Радиометръ Крукса.

Химическія дѣйствія лучей и понятіе о фотографіи.

4) Физическая оптика.

Измѣреніе скорости свѣта помощью астрономическихъ наблюденій и помощью опыта. Скорость распространенія свѣта въ различныхъ средахъ.

Приложеніе ученія о волнообразномъ движеніи къ теоріи свѣта. Принципъ интерференціи. Принципъ Гюгенса.

Опыты надъ интерференціей свѣта. Дѣйствіе тонкой прозрачной пластинки на пути одного изъ интерферирующихъ лучковъ.

Диффракція свѣта. Элементарное объясненіе случаевъ: края экрана, узкаго отверстія, узкаго тѣла. Явленіе оптическихъ рѣшетокъ (сѣтокъ). Диффракціонные спектры. Отличіе диффракціоннаго спектра отъ призматическаго.

Цвѣта тонкихъ пластинокъ и кольца Ньютона.

Цвѣта толстыхъ пластинокъ. Интерференція разсѣяннаго свѣта.

Способы опредѣленія длины свѣтовыхъ волнъ. Объясненіе отраженія и простого преломленія луча по теоріи волненія.

Двойное преломленіе. Оптическая ось одноосныхъ кристалловъ. Законъ Малюса. Призмы съ двойнымъ преломленіемъ; призма Николя, призма Фуко. Поверхность волнъ и построеніе преломленныхъ лучей въ одноосныхъ кристаллахъ. Дву-осные кристаллы. Коническое преломленіе.

Поляризація свѣта чрезъ двойное преломленіе, чрезъ отраженіе и простое преломленіе (законъ Брюстера). Интерференція поляризованныхъ лучей; поперечность свѣтовыхъ колебаній.

Хроматическая поляризація. Цвѣта пластинокъ параллельныхъ оси. Пластинки перпендикулярныя къ оси (въ сходящихся лучахъ); цвѣтныя кольца въ одно-осныхъ и дву-осныхъ кристаллахъ.

Поляризація полная, частная, эллиптическая и круговая.

Вращеніе плоскости поляризаціи въ кварцѣ и другихъ тѣлахъ. Объясненіе вращательной поляризаціи по Френелю. Сахариметръ. Магнитное вращеніе плоскости поляризаціи.

IV. Теплота.

1) Термометрія и ученіе о расширеніи тѣлъ.

Расширеніе тѣлъ отъ тепла. Коэффициентъ линейнаго расширения твердыхъ тѣлъ. Способы его опредѣленія.

Абсолютное и кажущееся расширеніе ртути и другихъ жидкостей. Опредѣленіе кубическаго расширения стекла и другихъ тѣлъ.

Опредѣленіе коэффициента расширения газовъ. Термометры ртутный, вѣсовой и воздушный.

Задачи на расширеніе тѣлъ.

2) Калориметрія и ученіе о переходѣ тѣлъ изъ одного состоянія въ другія.

Опредѣленіе удѣльной теплоты тѣлъ по способу смѣшенія. Ледяной калориметръ.

Соотношеніе между удѣльною теплотою и атомнымъ вѣсомъ тѣлъ (законы Дюлонга и Пти).

Удѣльная теплота газовъ при постоянномъ давленіи и при постоянномъ объемѣ.

Плавленіе тѣлъ. Переохлажденіе жидкостей. Вліяніе давленія на точку плавленія. Явленіе смерзанія. Определеніе скрытой теплоты плавленія. Холодящія смѣси.

Кипѣніе и испареніе. Зависимость точки кипѣнія отъ давленія. Перегрѣваніе жидкостей (замедленіе кипѣнія). Явленіе сферондальнаго состоянія тѣлъ.

Обращеніе газовъ въ жидкости; критическая температура.

Пары насыщенные и не насыщенные. Определеніе упругости пара, воды и другихъ тѣлъ при различныхъ температурахъ.

Скрытая теплота пара.

Задачи по вопросамъ о теплоемкости и о скрытой теплотѣ.

3) Нагрѣваніе и охлажденіе тѣлъ, теплопроводность.

Нагрѣваніе и охлажденіе тѣлъ: а) чрезъ лученоспусканіе (законы охлажденія); б) чрезъ теплопроводность, в) чрезъ переносъ теплоты (смѣшеніе слоевъ).

Распространеніе теплоты въ стѣнѣ. Окончательное распредѣленіе температуръ. Коэффициентъ теплопроводности. Распространеніе теплоты въ брусьѣ. Теплопроводность кристалловъ, жидкостей и газовъ.

4) Начала механической теоріи тепла.

Опредѣленіе механическаго эквивалента теплоты опытомъ и вычисленіемъ на основаніи разницы между удѣльною теплотою газовъ при постоянномъ давленіи и при постоянномъ объемѣ.

Главныя положенія кинетической теоріи газовъ. Что такое давленіе и температура газа? Объясненіе закона Мариотта. Определеніе скорости газовыхъ частицъ. Законъ Авогадро.

Изотермическія и адиабатическія измѣненія состоянія газа.

Цикль Карно. Второй законъ механической теоріи тепла, для обрацаемыхъ круговыхъ процессовъ. Общее понятіе о теоріи термическихъ машинъ.

V. Ученіе объ электричествѣ и магнетизмѣ.

A. Электричество отъ тренія и электростатика.

Источники электричества.

Электроскопы и электрометры.

Законы взаимнаго дѣйствія электрическихъ массъ и опытная ихъ повѣрка. Электростатическая единица количества электричества.

Электричество чрезъ вліяніе (электростатическая индукція).

Электрическая машина съ треніемъ. Машина Гольца, машина Армстронга.

Конденсаторъ и лейденская банка.

Электрофоръ.

Разрядъ электричества. Термическія, магнитныя, химическія и фیزیологическія дѣйствія разряда. Чередующійся разрядъ. Скорость разряда и длина искры.

Прохожденіе электрическаго разряда чрезъ разрѣженный газъ (Гейслеровы трубки, опыты Брукса).

Количество (зарядъ) электричества, плотность заряда, потенціалъ.

Условія равновѣсія электричества на проводникахъ. Дѣйствіе остріевъ. Электрическая емкость. Емкость шара. Электростатическая индукція. Емкость конденсатора.

Діэлектрики. Индуктивная способность діэлектриковъ.

B. Магнетизмъ.

Основные факты магнетизма: тѣла магнитныя и діаманитныя, притяженіе и отталкиваніе магнитовъ, магнитное вліяніе и намагнитченіе (мягкое желѣзо, сталь). Теорія вращающихся молекулярныхъ элементовъ.

Магнитное поле и его напряженіе. Линіи магнитной силы. Магнитный моментъ.

Законъ взаимодѣйствія магнитныхъ полюсовъ и опытная его повѣрка. Два Гаусовыхъ положенія.

Анализъ дѣйствія земли на магнитную стрѣлку.

Вліяніє температури и вѣдшихъ механическихъ дѣйствій на временный и остаточный магнетизмъ.

Распредѣленіє свободнаго магнетизма вдоль магнита.

Діамагнетизмъ. Діамагнитная полярность.

В. Гальванизмъ.

1) Электрическія явленія соприкосновенія тѣлъ. Гальваническіе и термоэлектрическіе элементы.

Основные опыты. Рядъ Вольты. Электровозбудительная сила, какъ разность потенциаловъ.

Соприкосновеніє металловъ съ жидкостями.

Соприкосновеніє жидкостей между собою и металловъ съ газами.

Распредѣленіє потенциала въ замкнутой цѣпи.

Гальваническіе элементы различнаго устройства. Газовая батарея.

Термоэлектрическіе токи и элементы. Термомультипликаторъ.

2) Дѣйствія электрическаго тока.

Дѣйствіє тока на магнитную стрѣлку (опытъ Эрстеда). Правило Ампера. Гальванометръ Тангенсъ и синусъ-гальванометры.

Дѣйствіє круговаго тока на магнитный полюсъ.

Намагниченіє дѣйствіємъ тока. Формы электромагнитовъ.

Взаимодѣйствіє токовъ. Исслѣдованія и законъ Ампера. Электродинамометръ Вебера.

Соленоидъ. Магнитная теорія Ампера.

Дѣйствіє земли на токи.

Вращенія, происходящія отъ взаимнаго дѣйствія токовъ, отъ дѣйствія магнита на токъ и тока на магнитъ.

Термическія дѣйствія тока. Законъ нагрѣванія дѣйствіємъ тока. Явленіє Пельтье. Вольтова дуга. Электрическое освѣщеніє.

Химическія дѣйствія тока. Законы Фарадея. Вольтметръ. Химическіе процессы въ элементѣ. Поляризація электродовъ и ея измѣреніє. Аккумуляторъ. Устраненіє поляризаціи въ постоянныхъ элементахъ.

Понятіє о гальванопластикѣ.

3) Физическая теорія тока.

Законъ Ома и его повѣрка опытомъ.

Параллельныя и послѣдовательныя соединенія элементовъ. О наи-

выгоднѣйшихъ соединеніяхъ элементовъ. Развѣтвленіе тока, законы Кирхгофа; Уитстоновъ мостикъ.

Измѣреніе сопротивленія проводниковъ. Вліяніе температуры на сопротивление тѣлъ. Опредѣленіе сопротивленія элементовъ. Свойство селена. Фотофонъ.

Электровозбудительная сила, способы ея измѣренія; компенсаціонный способъ.

4) Электрическая индукція.

Индуктивные токи, происходящіе отъ дѣйствія токовъ и отъ дѣйствія магнитовъ. Законъ Ленца. Индуктивные токи высшихъ порядковъ. Экстра-токъ.

Магнетизмъ вращенія. Магнитные успокоители.

Индуктивный снарядъ Румкорфа; примѣненіе къ нему конденсатора. Опыты съ Румкорфовымъ снарядомъ.

Магнито-электрическія и динамо-электрическія машины. Кольцо Грамма; катушка Сименса.

Электро-магнитные двигатели. Обратимость магнито-и динамо-электрическихъ машинъ (употребленіе ихъ въ качествѣ двигателей). Понятіе объ электрической передачѣ работы на разстояніе.

Электрическіе телеграфы. Распространеніе электричества въ кабеляхъ.

Телефонъ. Микрофонъ.

5) Единицы электрическихъ величинъ.

Единицы электрическихъ величинъ: омъ, вольтъ, амперъ, кулонъ, фарада, ваттъ. Задачи на примѣненіе электрическихъ единицъ.

VI. Метеорологія.

1) Инструменты и способы наблюденія.

Термометръ; maximum и minimum термометры. Различныя системы барометровъ. Поправки при употребленіи барометра. Aneroidъ. Гигрометры; психрометръ. Анемометръ. Дождемѣръ.

Самопишущіе инструменты. Обработка метеорологическихъ наблюденій. Метеорологическія обсерваторіи и станціи. Часы наблюденій.

2) Атмосфера. Термическія явленія на земномъ шарѣ.

Измѣненіе температуры съ высотой. Составъ атмосферы и толщина ея слоя.

Солнечное лучеиспускание. Поглощение лучей въ атмосферѣ.

Температура почвы; суточные и годовыя колебанія. Слой постоянной температуры. Внутренняя теплота земнаго шара. Температура воздуха въ низшихъ слояхъ атмосферы. Изотермы. Изономали.

3) Давленіе воздуха; воздушныя теченія.

Давленіе воздуха. Суточные и годовыя колебанія. Изобары. Градіентъ и его опредѣленіе. Распредѣленіе давленія на земной поверхности.

Измѣненіе давленія съ высотой. Барометрическое нивелированіе. Примѣненіе формулъ барометрическаго нивелированія къ приведенію барометра къ уровню моря.

Воздушныя теченія. Связь ихъ съ распредѣленіемъ давленія.

Циклоны и антициклоны. Восходящее и нисходящее движенія воздуха въ нихъ. Условія равновѣсія воздуха. Понятіе о работахъ Гульдберга и Мона. Передвиженіе циклоновъ и антициклоновъ. Явленія, сопровождающія циклоны. Сужденіе о предстоящей погодѣ, основанное на теоріи циклоновъ и антициклоновъ.

Смерчи. Торнады.

Распредѣленіе вѣтровъ на земной поверхности. Связь съ распредѣленіемъ давленія. Пассаты. Муссоны. Мѣстные вѣтры (бора, фенъ, мистраль).

4) Влажность воздуха и гидрометеоры.

Абсолютная и относительная влажность воздуха. Измѣненіе ихъ съ высотой. Суточный и годовой ходъ ихъ.

Роса; иней. Туманъ; облака; виды облаковъ; облачность.

Дождь, снѣгъ, градъ, крупа.

Распредѣленіе осадковъ по земной поверхности. Снѣговая линія. Ледники; ледяныя горы; морской ледъ. Вліяніе ихъ на климатъ

5) Электрическія явленія въ атмосферѣ.

Способы изслѣдованія атмосфернаго электричества.

Грозы. Связь явленія съ циклонами. Виды молніи и ея дѣйствія. Громоотводъ.

Полярныя сіянія.

6) Свѣтотыя явленія въ атмосферѣ.

Небесный сводъ. Цвѣтъ неба. Сумерки; заря. Земная рефракція; миражъ. Радуга. Солнечные и лунные вѣпцы. Круги около солнца и луны. Дождныя солнца и луны.

7) Земной магнетизмъ.

Опредѣленіе склоненія магнита и горизонтальной составляющей силы земнаго магнетизма. Определеніе магнитнаго наклоненія (инклинаторъ, земной индукторъ). Определеніе измѣненій склоненія и горизонтальнаго напряженія. Понятіе о магнитографѣ. Магнитныя карты. Суточные, годовыя и вѣковыя измѣненія элементовъ земнаго магнетизма. Магнитныя бури. Земныя токи.

Примѣчаніе. На билетахъ предлагаемыхъ для устнаго испытанія имѣютъ быть соединяемы вопросы изъ разныхъ мѣстъ программы.

Вопросы для письменнаго испытанія будутъ предлагаемы по отдѣламъ программы: ученіе о тяжести, газообразныя тѣла, ученіе о волнообразномъ движеніи, геометрическая оптика, физическая оптика (за исключеніемъ ученія о поляризованныхъ лучахъ), термометрія, калориметрія, магнетизмъ, дѣйствія электрическаго тока, физическая теорія тока. Въ вопросамъ имѣютъ быть присоединяемы соотвѣтствующія задачи.

Въ дополненіе къ лекціонному наложенію, различными преподавателями, въ качествѣ необязательныхъ пособій для приготовленія къ испытанію въ предѣлахъ указываемыхъ программу, рекомендуются, съ надлежащими пополненіями и исключеніями, слѣдующія сочиненія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ:

1) Руководства для элементарныхъ частей программы. Учебники Любимова, Краевича, Малинина и Буренина. Ganot et Manceuvre „Traité élémentaire de Physique“.

Paul Reis, „Lehrbuch der Physik“. 1885.

2) Болѣе подробные курсы:

Шимковъ, „Курсъ опытной физики“.

Петрушевскій, „Курсъ наблюдательной физики“.

Müller-Pouillet, „Lehrbuch der Physik“, herausg. v. Pfaundler.

Pellat, „Cours de Physique“ (не окончены).

Jamin et Bouty, „Cours de Physique de l'École Polytechnique“.

Wüllner, „Lehrbuch der Experimental Physik“.

Violle, „Cours de Physique“ (еще не окончанный).

3) По метеорологiи:

Mohn, „Grundzüge der Meteorologie“ (русскiй переводъ).

Sprung, „Lehrbuch der Meteorologie“, 1885.

Обширный трактатъ: Günther, Lehrbuch der Geophysik.

Зворыкинъ, „Лекциi физическои географiи“, 1885.

4) Сборники задачъ и упражненiй:

Kohlrausch, „Leitfaden der praktischen Physik“ (русскiй переводъ Ламанскаго).

Jacquier, „Problèmes de Physique“, 1885.

Jays, „Problèmes de Physique“.

Хвольсонъ, „Абсолютныя единицы“, 1887.

Fliehdner, „Aufgaben aus der Physik“.

ПРОГРАММА ИСПЫТАНІЯ ПО МЕХАНИКѢ.

1. Статика.

Сложеніе и разложеніе силъ, приложенныхъ къ одной точкѣ. Многоугольникъ силъ.

Условiя равновѣсія силъ, приложенныхъ къ одной матеріальной точкѣ, свободной или несвободной. Случай, когда точка принуждена оставаться на неподвижной поверхности или на неподвижной линiи, гладкихъ или представляющихъ треніе. Случай, когда точка можетъ перемѣщаться въ пространство по одну сторону поверхности.

Выводъ условiй равновѣсія несвободной точки при помощи начала возможныхъ перемѣщенiй.

Моментъ силы относительно точки и оси. Теорема о моментѣ равнодѣйствующей силъ, приложенныхъ къ одной точкѣ.

Теорiя паръ силъ; эквивалентныя пары; сложеніе и разложеніе паръ.

Приведеніе системы силъ, приложенныхъ къ различнымъ точкамъ твердаго тѣла, къ двумъ силамъ или къ одной силѣ и парѣ силъ. Наименьшiй главный моментъ и центральная ось системы силъ.

Условіе, чтобы система силъ приводилась къ одной равнодѣйствующей силѣ. Система параллельныхъ силъ. Центръ параллельныхъ силъ.

Центръ тяжести и центръ массъ. Формулы для координатъ центра тяжести матеріальныхъ линій, площадей, частей кривыхъ поверхностей и объемовъ. Примѣры приложенія этихъ формулъ.

Условія равновѣсія твердаго тѣла свободнаго и несвободнаго, когда оно имѣетъ: одну неподвижную точку или неподвижную ось и когда тѣло можетъ свободно скользить по плоскости, опираясь на нее нѣсколькими точками.

Доказательство и примѣненіе начала возможныхъ перемѣщеній къ выводу условій равновѣсія системы матеріальныхъ точекъ, подчиненныхъ даннымъ связямъ.

Условія равновѣсія веревочнаго и стержневаго многоугольника.

Дифференціальныя уравненія, выражающія условія равновѣсія свободной гибкой и нерастяжимой нити, находящейся подъ дѣйствіемъ данныхъ силъ. Обстоятельства равновѣсія свободной тяжелой и однородной гибкой нерастяжимой нити.

Дифференціальныя уравненія равновѣсія гибкой нерастяжимой нити, натянутой на гладкой поверхности.

2. Ученіе о притяженіи.

Потенціальная функція силъ притяженія или отталкиванія, дѣйствующихъ изъ какихъ-либо центровъ на точку. Поверхности уровня. Потенціальная функція силъ, дѣйствующихъ по закону Ньютона, въ случаѣ притяженія точки сплошнымъ тѣломъ. Притяженіе точки однороднымъ сферическимъ слоемъ и шаромъ.

Свойства потенциальной функціи и ея производныхъ. Теоремы Лапласа и Пуассона.

3. Кинематика и динамика.

Понятія: скорость и ускореніе. Проекціи скорости на оси координатъ прямолинейныхъ прямоугольныхъ, полярныхъ и сферическихъ. Проекціи ускоренія на оси прямоугольныхъ прямолинейныхъ и полярныхъ координатъ. Проекціи ускоренія на касательную и главную нормаль траекторіи.

Масса, какъ количество матеріи; матеріальная точка. Понятіе: сила; измѣреніе силъ. Начало инерціи; начало независимости дѣйствія силъ отъ скоростей и другихъ силъ; начало дѣйствія равнаго противодѣйствію.

Дифференціальныя уравненія движенія свободной матеріальной точки; ихъ интегралы.

Рѣшеніе вопроса о свободномъ движеніи матеріальной точки по прямой линіи при дѣйствіи постоянной силы (паденіе тѣла въ пустотѣ и движеніе тѣла, брошеннаго внизъ или вверхъ по вертикальной линіи). Случай сопротивленія среды пропорціональнаго скорости или квадрату скорости.

Рѣшеніе вопроса о движеніи матеріальной точки по прямой линіи при дѣйствіи силы притяженія пропорціонально разстоянію отъ центра силы (гармоническое движеніе). Случай отталкиванія по тому же закону.

Рѣшеніе вопроса о криволинейномъ движеніи матеріальной точки при дѣйствіи постоянной силы (движеніе тяжелаго тѣла, брошеннаго наклонно къ горизонту). Случай сопротивленія среды, пропорціональнаго скорости.

Рѣшеніе вопроса о криволинейномъ движеніи матеріальной точки подъ вліяніемъ силы притяженія къ неподвижному центру, пропорціональной разстоянію. Случай такой же отталкивающей силы.

Дифференціальныя уравненія моментовъ количества движенія матеріальной точки вокругъ осей координатъ. Случай, въ которыхъ имѣетъ мѣсто законъ площадей.

Работа силы. Живая сила. Дифференціальное уравненіе живой силы для свободной матеріальной точки. Законъ живой силы или сохраненія энергіи.

Рѣшеніе простѣйшихъ вопросовъ объ опредѣленіи движенія свободной матеріальной точки подъ вліяніемъ центральной силы, которая есть функція разстоянія точки отъ центра силы. Случай, когда точка притягивается къ центру обратно-пропорціонально квадрату разстоянія. Законъ Кеплера. Выводъ Ньютонова закона притяженія изъ законовъ Кеплера.

Дифференціальныя уравненія движенія матеріальной точки, остающейся на данной удерживающей поверхности, выведенныя съ помощію разсмотрѣнія силы реакціи поверхности и давленія точки. Опредѣленіе реакціи поверхности и давленія точки. Случай, въ которыхъ имѣетъ мѣсто законъ живой силы. Движеніе точки по геодезической линіи.

Дифференціальныя уравненія движенія матеріальной точки по данной кривой. Реакція кривой и давленіе точки. Центробѣжная сила.

Рѣшеніе вопроса о движеніи тяжелой точки по наклонной плоскости, о движеніи математическаго маятника, о движеніи тяжелой точки по циклоидѣ.

Импульсъ. Мгновенныя силы. Ударъ матеріальной точки о данную поверхность при данномъ коэффициентѣ восстановления.

Условія, которымъ должны удовлетворять скорости и ускоренія точекъ, связанныхъ удерживающею связью.

Совокупныя дифференціальныя уравненія движенія системы свободныхъ матеріальныхъ точекъ, связанныхъ геометрическими связями, выводимыя съ помощію замѣны удерживающихъ связей силами или изъ начала Даламбера. Реакціи связи. Число независимыхъ координатъ, интеграловъ и постоянныхъ произвольныхъ.

Общій законъ движенія центра инерціи. Условія при которыхъ центръ инерціи движется прямолинейно и равномерно.

Дифференціальныя уравненія проэкцій главнаго момента количества движенія системы на оси координатъ. Условія, при которыхъ имѣетъ мѣсто законъ площадей во всякой плоскости, проходящей черезъ неподвижную точку. Неизмѣняемая плоскость.

Условія, при которыхъ имѣетъ мѣсто законъ площадей въ плоскостяхъ, движущихся поступательно вмѣстѣ съ центромъ инерціи системы.

Начало наименьшаго дѣйствія въ формахъ Лагранжа и Гамильтона. Дифференціальныя уравненія движенія Лагранжа въ координатныхъ параметрахъ.

О малыхъ колебаніяхъ матеріальной точки около ея положенія равновѣсія. Условіе устойчивости и неустойчивости ея равновѣсія. Объ устойчивости и неустойчивости положеній равновѣсія системы.

Скорости и ускоренія точекъ твердаго тѣла, движущагося параллельно неподвижной плоскости. Угловая скорость и угловое ускореніе. Мгновенный центръ.

Скорости точекъ твердаго тѣла, вращающагося вокругъ неподвижной точки. Мгновенная ось вращенія. Проекціи угловой скорости на неподвижныя оси координатъ и на оси координатъ неизмѣнно связанна съ твердымъ тѣломъ.

Моментъ инерціи. Зависимость между моментами инерціи вокругъ осей, проходящихъ черезъ одну и ту же точку. Эллипсоидъ инерціи. Зависимость между моментами инерціи вокругъ параллельныхъ осей.

Дифференціальныя уравненія живой силы системы точекъ. Силы, имѣющія потенціалъ. Законъ живой силы.

Дифференціальныя уравненія движенія свободного или несвободнаго твердаго тѣла, движущагося параллельно неподвижной плоскости.

Дифференціальныя уравненія вращенія твердаго тѣла вокругъ неподвижной точки и дифференціальныя уравненія движенія свободнаго твердаго тѣла.

Вращеніе твердаго тѣла вокругъ неподвижной постоянной оси. Дифференціальное уравненіе вращенія и опредѣленіе давленій на точки опоры оси. Физическій маятникъ. Условія, при которыхъ ось тѣла можетъ быть свободною постоянною осью вращенія. Вращеніе твердаго тѣла вокругъ неподвижной точки, когда на него не дѣйствуютъ внѣшнія силы.

Объ ударѣ системы матеріальныхъ точекъ о связи. Теоремы Карно.

О дѣйствіи мгновенной силы на свободное твердое тѣло и на тѣло, имѣющее постоянную неподвижную ось. Центръ удара. Приложение къ баллистическому маятнику.

Скорости и ускоренія относительнаго движенія точки по отношенію къ движущейся неизмѣняемой средѣ. Зависимость между скоростями движеній абсолютнаго и относительнаго. Зависимость между ускореніями движеній абсолютнаго и относительнаго. Поворотное ускореніе. Теорема Кориолиса.

Дифференціальныя уравненія движенія матеріальной точки по отношенію къ неизмѣняемой движущейся средѣ. Примѣры на опредѣленіе относительнаго движенія.

4. Гидростатика и гидродинамика.

Общія уравненія и условія равновѣсія жидкостей несжимаемыхъ и газовъ.

Равновѣсіе тяжелой несжимаемой жидкости въ сосудахъ. Давленіе на дно и стѣнки сосуда. Давленіе на плоскую стѣнку. Центръ давленія.

Совокупность давленій жидкости на погруженное тѣло. Законъ Архимеда.

Условія равновѣсія тяжелаго твердаго тѣла, плавающего въ тяжелой несжимаемой жидкости.

Общія дифференціальныя уравненія движенія жидкостей, необладающихъ треніемъ. Дифференціальное уравненіе неразрывности.

Установившееся движеніе. Теорема Д. Бернулли.

5. Приложение закона живыхъ силъ къ машинамъ.

Передача и преобразование работы посредствомъ машинъ въ различные періоды ихъ движенія. Назначеніе регуляторовъ. Пассивныя

сопротивленія и другіе источники потери работы. Коэффициентъ полезнаго дѣйствія.

Примѣчаніе. На билетахъ, предлагаемыхъ для устнаго испытанія, имѣютъ быть соединяемы вопросы изъ разныхъ мѣстъ программы.

Вопросы для письменнаго испытанія будутъ предлагаться изъ отдѣловъ: статика, кинематика и динамика (преимущественно точки), по тѣмъ въ особенности частямъ, кои даютъ возможность отвѣчающему примѣнять начала къ рѣшенію тѣхъ или другихъ частныхъ вопросовъ и задачъ. Таковыя вопросы и задачи будутъ присоединяться на билетахъ къ предлагаемымъ для письменнаго отвѣта основнымъ вопросамъ программы, выбраннымъ по упомянутымъ отдѣламъ. Отъ испытываемаго требуется краткое изложеніе началъ и примѣненіе ихъ къ рѣшенію предложенныхъ примѣровъ.

Въ дополненіе къ лекціонному изложенію, различными преподавателями, въ качествѣ необязательныхъ пособій для приготовления къ испытанію въ предѣлахъ, указанныхъ программой, рекомендуются, съ надлежащими пополненіями и исключеніями, слѣдующія сочиненія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ:

Слудскій, „Курсъ теоретической механики“. Москва. 1881. Въ этой книгѣ заключается все требуемое программой, за исключеніемъ статьи о приложеніи закона живыхъ силъ къ машинамъ.

Бобылевъ, „Курсъ аналитической механики“. С.-Петербургъ; часть кинематическая, 1-е изданіе 1880, 2-е изданіе 1886; часть кинетическая. 1881—1883. Въ этой книгѣ нѣтъ ученія о притяженіи, гидростатики и гидродинамики, начала Гамильтона и приложенія закона живыхъ силъ къ машинамъ.

Bour „Cours de mécanique et machines professé a l'Ecole Polytechnique“, Paris; 1-е fascicule: Cinématique, avec atlas de 30 planches, 1865; 2-е fascicule: Statique, avec atlas de 8 planches 1868; 3-е fascicule: dynamique et hydraulique 1874. Въ этой книгѣ нѣтъ начала Гамильтона.

H. Laurent, „Traité de mécanique rationnelle“, Paris, 1878.

W. Schell. „Theorie der Bewegung und der Kraefte“, Leipzig, 1880.

Gilbert, Cours de mécanique analytique, Louvain, 1877. Въ этой книгѣ нѣтъ теоріи притяженія.

Poinsot, „Eléments de statique“, Paris, 1861. Эта книга можетъ служить для изученія статики твердаго тѣла.

ПРОГРАММА ИСПЫТАНІЯ ПО АСТРОНОМІИ.

*Измѣреніе угловъ. Раздѣленные круги. Верньеръ. Уровень. Пассажный инструментъ. Меридианный кругъ. Универсальный инструментъ. Экваторіалъ. Часы и хронометры.

*Небесная сфера. Сферическія координаты. Высота и азимуть, склоненіе и часовой уголъ. Связь между часовымъ угломъ и прямымъ восхожденіемъ. Преобразование прямого восхожденія и склоненія въ широту и долготу; обратная задача. Прямоугольныя координаты; ихъ взаимное преобразование. Связь между сферическими и прямоугольными координатами.

*Вращательное движеніе земли. Слѣдствія его. Отклоненіе свободно падающихъ тѣлъ отъ отвѣсной линіи. Вращеніе плоскости качанія маятника. Измѣненія силы тяжести.

Видимое годовое движеніе солнца. Эклиптика; ея наклонность къ экватору. Точки равноденствій и солнцестояній. Зодіакъ. Времена года. Поясы земного шара; ихъ астрономическое различіе.

*Звѣздное время. Солнечное истинное и среднее время. Уравненіе времени. Превращеніе истиннаго времени въ среднее и обратно. Превращеніе звѣзднаго времени въ среднее и истинное, и обратная задача.

*Опредѣленіе, для даннаго мѣста и времени, высоты и азимута свѣтила, котораго извѣстны прямое восхожденіе и склоненіе или долгота и широта. Обратная задача. Высота и время прохожденія свѣтила черезъ меридианъ или другой вертикаль даннаго мѣста. Высота, азимуть и часовой уголъ звѣзды, находящейся въ элонгаціи. Высота и часовой уголъ звѣзды, находящейся въ плоскости перваго вертикала. Время восхода и заката свѣтилъ.

*Видъ и размѣры земли. Разность между географической и геоцентрической широтой. Вліяніе параллакса на видимое положеніе свѣтилъ. Определеніе параллакса по высотѣ и азимуту, по прямому восхожденію и склоненію. Вліяніе параллакса на видимый радіусъ свѣтилъ.

Общіе законы рефракціи. Дифференціальное уравненіе астрономической рефракціи. Общее понятіе о его интегрированіи. Средняя рефракція. Вычисленіе рефракціи для всякаго состоянія атмосферы. Таблицы рефракціи. Дѣйствіе рефракціи на видимый восходъ и закатъ свѣтилъ, на видъ солнца и луны близь горизонта.

Поступательное движеніе земли вокругъ солнца. Движеніе планетъ вокругъ солнца.

*Аберрація неподвижныхъ звѣздъ вообще. Годовая аберрація. Постоянная аберрація. Аберрація по долготѣ и широтѣ. Эллипсъ, описываемый звѣздой отъ аберраціи. Суточная аберрація и ея постоянная. Суточная аберрація по прямому восхожденію и склоненію. Опредѣленіе постоянныхъ аберраціи и опредѣленіе скорости свѣта. Аберрація солнца.

*Годичный параллаксъ неподвижныхъ звѣздъ. Годичный параллаксъ по долготѣ и широтѣ звѣзды. Эллипсъ, описываемый звѣздой отъ параллакса. Видимые пути звѣздъ вокругъ средняго мѣста.

Видимыя движенія планетъ. Системы древнихъ. Системы Птолемея и Тихо-де-Браге. Ихъ неудовлетворительность. Система міра Коперника.

Кеплеровы законы движенія планетъ. Открытіе Ньютономъ закона всемірнаго тяготѣнія. Слѣдствія его. Понятіе о возмущенномъ движеніи.

*Приливы и отливы.

Общія понятія объ измѣняемости основныхъ плоскостей въ пространствѣ. Прецессія и нутація. Основныя формулы прецессіи и нутаціи. Прецессія по широтѣ и долготѣ. Прецессія по склоненію и прямому восхожденію. Положеніе полюса экватора въ данное время. Тропическій и звѣздный годъ. Основныя формулы нутаціи по наклонности и долготѣ, по прямому восхожденію и склоненію.

Видимое и среднее или истинное положеніе звѣзды на небесной сферѣ. Приведеніе видимаго мѣста звѣзды на среднее, и наоборотъ; собственное движеніе звѣздъ.

Движеніе солнца въ пространствѣ. Составленіе звѣздныхъ каталоговъ. Обзорѣніе главнѣйшихъ изъ нихъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ.

Календарь Юліанскій и Григоріанскій. Опредѣленіе воскресныхъ чиселъ даннаго мѣсяца въ данномъ году Юліанскаго календаря. Опредѣленіе дня недѣли по данному числу мѣсяца и данному году.

* Нахожденіе элементовъ эллиптическаго движенія солнца и большихъ планетъ изъ наблюденій. Кеплерова задача.

Движеніе луны. Ея фазы. Возмущеніе луннаго движенія. Движеніе лунныхъ узловъ. Движеніе луннаго перигея. Лунные мѣсяцы и періоды. Вращеніе луны. Либрація.

* Лунныя и солнечныя затмѣнія. Повторяемость затмѣній. Пред-

вычисленіе лунныхъ затмѣній. Вліяніе земной атмосферы на лунныя затмѣнія.

Описаніе лунной поверхности. Лунная атмосфера. Лунные кратеры.

Общій видъ солнца. Фотосфера. Солнечныя пятна. Вращеніе солнца. Хромосфера и выступы. Солнечная корона. Физическое состояніе солнца. Источники солнечной теплоты.

Общее описаніе солнечной системы. Меркурій. Венера.

Марсъ и его спутники. Юпитерь и его спутники. Система Сатурна. Уранъ и его спутники. Открытіе Нептуна; спутникъ Нептуна. Малыя планеты.

Наружный видъ кометъ. Движеніе кометъ. Періодическія кометы. Хвосты кометъ. Физическое строеніе кометъ.

Падающія звѣзды. Періодическіе метеорные дожди. Радіантъ. Происхожденіе падающихъ звѣздъ. Связь метеорныхъ потоковъ съ кометами. Разложеніе кометъ. Явленіе зодіакальнаго свѣта. Гипотезы о его происхожденіи.

Неподвижныя звѣзды. Видъ неба. Величина звѣздъ. Цвѣтъ звѣздъ. Число звѣздъ. Распредѣленіе звѣздъ на небѣ. Совзвѣдія. Небесныя глобусы и карты.

Переменныя звѣзды. Типы переменныхъ звѣздъ. Новыя звѣзды. Гипотезы о переменныхъ и новыхъ звѣздахъ.

Сложныя звѣзды. Двойныя звѣзды. Орбиты двойныхъ звѣздъ.

Звѣздныя кучи и туманности. Классификація звѣздныхъ кучъ и туманностей. Распредѣленіе ихъ по небу. Физическое строеніе туманностей.

Распредѣленіе звѣздъ въ пространствѣ. Млечный путь. Строеніе видимаго неба.

Примѣчаніе. На билетахъ, предлагаемыхъ для устнаго испытанія, имѣютъ быть соединяемы вопросы изъ разныхъ мѣстъ программы.

Вопросы для письменнаго испытанія будутъ предлагаться изъ числа отмѣченныхъ въ программѣ звѣздочкою.

Въ дополненіе къ лекціонному изложенію, различными преподавателями, въ качествѣ необязательныхъ пособій для приготовленія къ испытанію въ предѣлахъ, указанныхъ программой, рекомендуются, съ надлежащими пополненіями и исключеніями, слѣдующія сочиненія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ:

Савичъ, А. „Курсъ Астрономіи“, т. 1-й Сферическая Астрономія. С.-Пб. 1874 (для вопросовъ по сферической астрономіи).

Шидловскій, „Руководство Сферической Астрономіи“, по сочиненіямъ Брюннова, Шовене и др. Кіевъ. 1866—1869 (для вопросовъ по сферической астрономіи).

Dubois, „Cours d'Astronomie“, 3-е édition, Paris (для вопросовъ по всѣмъ частямъ программы).

Newcomb, S. „A Popular Astronomy“; 2 edit. London 1883; нѣмецкій переводъ R. Engelmann: Leipzig 1881 (для вопросовъ по описательной астрономіи).

Faye, „Cours d'Astronomie“, 2 vol. Paris, 1881—1883 (кромѣ вопросовъ описательной астрономіи).

ПРОГРАММА ИСПЫТАНІЯ ПО ХИМІИ.

Элементы. Вѣсовыя отношенія при соединеніи элементовъ между собою: законъ постоянныхъ и кратныхъ отношеній.

Атомическая гипотеза. Атомъ и частица. Опредѣленіе вѣса атома (атомныхъ вѣсовъ) элементовъ и частичныхъ вѣсовъ химическихъ соединеній.

Водородъ и его свойства.

Кислородъ. Озонъ.

Вода и перекись водорода.

Галоиды. Соединенія ихъ съ водородомъ. Кислородныя кислоты хлора.

Сѣра. Сѣрнистый водородъ. Сѣрнистая кислота и сѣрнистый ангидридъ. Сѣрная кислота и сѣрный ангидридъ.

Азотъ. Воздухъ. Амміакъ и его соли. Азотистая и азотная кислоты; закись и окись азота.

Фосфоръ, его видоизмѣненія; фосфористый водородъ; фосфорная кислота, пятихлористый фосфоръ, хлорокись фосфора, трихлористый фосфоръ.

Мышьякъ, сурьма.

Углеродъ; аллотропическія видоизмѣненія. Углеродистые водороды. Окись углерода. Угольный ангидридъ.

Кремній; кремнекислота; силикаты; стекло.

Періодическій законъ. Атомность элементовъ.

Кислоты: основность кислотъ.

Соли: среднія и кислыя; электролизъ солей.

Щелочные металлы: калий и натрій; щелочи; поташъ и сода; повареная соль; селитра.

Кальцій, известь, гипсъ, бѣлильная известь; углекальціевая соль.

Барій; перекись барія; тяжелый шпатель.

Магній. Магнезія; угле-и сѣрномагніевая соли.

Цинкъ. Цинковый купоросъ.

Ртуть: амальгамы; закисныя и окисныя соединенія ртути.

Мѣдь: закисныя и окисныя соединенія; сплавы.

Серебро, получение; азотнокислое серебро; хлористое серебро.

Золото и его соединенія.

Алюминій. Глиноземъ: глина; квасцы; фарфоръ.

Олово, соединенія; сплавы.

Свинець. Окись и перекись; углекислая соль; бѣлила.

Хромъ; хромистый желѣзнякъ; окись хрома и хромовая кислота.

Марганецъ; важнѣйшія соединенія.

Желѣзо; металлургія; соединенія закиси и окиси желѣза.

Никкель; кобальтъ; платина.

ТРЕБОВАНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ИСПЫТАНИЯ.

Согласно § 8 экзаменныхъ требованій по отдѣленію математическихъ наукъ, для дополнительнаго испытанія испытываемому представляются на выборъ два предмета изъ нижеслѣдующихъ:

1) Теорія чиселъ, 2) высшая алгебра, 3) теорія эллиптическихъ функцій, 4) высшая геометрія.

5) Теорія потенциала въ приложеніи къ явленіямъ электричества и магнетизма, 6) кинетическая теорія газовъ, 7) математическая теорія свѣта, 8) математическая теорія упругости твердыхъ тѣлъ, 9) математическая теорія тепла.

Примѣчаніе. Ближайшее содержаніе указываемыхъ здѣсь отдѣловъ математической физики (какъ и вообще отдѣловъ дополнительнаго испытанія) опредѣляется конспектами упоминаемыми ниже, кои представляются испытываемыми въ комиссію. При этомъ допускается ограничивать избранный отдѣлъ болѣе или менѣе полнымъ развитіемъ какой либо его существенной части. Такимъ образомъ по пятому отдѣлу—теорія потенциала, конспектъ испытанія можетъ обнимать: или теоретическую электростатику, или теорію магнетизма. Отдѣлъ можетъ быть также замѣненъ теоретической электродинамикой. По отдѣлу математической теоріи свѣта конспектъ испытанія можетъ обнимать или теорію свѣта въ прило-

женіи къ тѣламъ изотропнымъ, или теорію свѣта въ приложеніи къ тѣламъ кристаллическимъ. Конспектъ математической теоріи теплоты можетъ обнимать собою или термодинамику, или теорію теплопроводности. Крімъ того въ число отдѣловъ математической физики, кои могутъ быть избираемы для дополнительнаго испытанія, найдено возможнымъ включить: а) теорію капиллярности, б) теоретическую акустику. Наконецъ, экзаменуемому предоставляется замѣнить испытаніе по какому либо изъ приведенныхъ отдѣловъ математической физики общимъ испытаніемъ изъ началъ математической физики въ объемѣ преподаваемыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ курсовъ (примѣнительно къ трехчасовой недѣльной нормѣ преподаванія въ теченіе года) и соотвѣтственно конспекту, имѣющему обнимать наиболѣе выдающіяся и доступныя положенія математической физики.

10) Кинематика абсолютныхъ и относительныхъ движеній.

11) Общая теорія движенія твердаго тѣла.

Примѣчаніе. Такъ какъ главныя положенія этихъ отдѣловъ введены въ програму общихъ требованій по механикѣ, то конспекты по этимъ отдѣламъ должны обнимать достаточно полное изложеніе сихъ главъ съ примѣненіями.

12) ученіе о движеніи небесныхъ тѣлъ по коническимъ сѣченіямъ,

13) ученіе о движеніи возмущенномъ, 14) практическая астрономія, 15) геодезія.

Испытуемому предоставляется замѣнить испытаніе по двумъ изъ изложенныхъ выше отдѣловъ испытаніемъ изъ практической механики и начертательной геометріи, причеиъ онъ долженъ умѣть чисто и отчетливо чертить.

При дополнительномъ испытаніи отъ испытуемаго требуется представленіе въ комиссію конспектовъ курсовъ, прослушанныхъ въ университетѣ по избраннымъ предметамъ или вообще приобретенныхъ по симъ предметамъ знаній. Конспектами этими, въ случаѣ одобренія ихъ комиссіею, опредѣляются испытательныя требованія по этимъ предметамъ.

ЕВГЕНІЙ МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ ¹⁾

ІХ

Личность Евгенія.

Характеристика Евгенія, какъ чловѣка.—Литературные взгляды и симпатіи Евгенія.—Ходъ развитія русской исторіографіи.—Место митрополита Евгенія въ ряду русскихъ историковъ.—Заключеніе.

Переѣздъ въ Новгородъ совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда личность Евгенія, какъ чловѣка и писателя, окончательно сложилась и получила вполне опредѣленную окраску. Ему было въ то время 36 лѣтъ, то-есть, для него наступила та пора возмужалости, когда умственный и нравственный обликъ чловѣка можно рисовать безъ опасенія быть вынужденнымъ при дальнѣйшемъ обзорѣ рѣзко измѣнить наложенныя тѣни. На рубежѣ между Петербургомъ и Новгородомъ Евгеній уже является такимъ, какимъ знаетъ его впоследствии исторія. Поэтому да позволено будетъ собрать въ одно цѣлое тѣ индивидуальныя черты, что разбросанно сказались повсюду въ перепискѣ и сочиненіяхъ изученнаго нами періода. Впрочемъ для своей цѣли мы воспользуемся не только матеріаломъ, уже рассмотрѣннымъ, но и перепиской позднѣйшихъ годовъ: въ ней раскроются передъ нами тѣ же симпатіи и тѣ же убѣжденія.

То сословіе, къ которому принадлежалъ Болховитиновъ, и та среда, въ которой онъ воспитывался, подобно тому какъ и теперь, стояла не вдалекѣ отъ народной жизни, не будучи обхвачена слѣпымъ подражаньемъ Западу, чему подпали наши культурные слои, но трезво и прямо глядѣла на жизнь, не подкрашивая ее ничѣмъ.

---

¹⁾ См. майскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за 1888 г.
часть ССLVII, отд. 2.

Въ этой средѣ легче было отличить кривду отъ правды; если и встрѣчались попытки закрыть на нее глаза, то дѣлалось это еще такъ неумѣло, попытка выходила такою наивно-грубою, что трудно было сю кого-нибудь обмануть. Много было въ этой средѣ закорузлаго и „нецивилизованнаго“, но была чуткость къ истинѣ и здоровое отношеніе къ дѣлу. Въ умахъ, выдающихся надъ обыденною толпою, черты общія какъ имъ, такъ и этой толпѣ, отражаются обыкновенно выпуклѣе и рельефнѣе. Оно и понятно: на то онъ и умъ высшаго порядка, чтобы въ немъ, какъ въ фокусѣ, отражались тѣ типичныя черты, что разбросаны въ массѣ, а потому не такъ и замѣтны. Болховитиновъ, несомнѣнно возвышавшійся надъ окружающими, не былъ исключеніемъ въ данномъ случаѣ.

Черезъ всю его жизнь проходитъ трезвое, неприкрытое ложью отношеніе къ окружающимъ явленіямъ. Рано познакомившись съ жизнью, съ ея оборотною медалью, знакомый съ нуждою и зависимою, Евгенийъ рано научился понимать людскія отношенія, ту взаимную и сложную сѣть хитросплетеній, изъ которыхъ состоятъ они. На свѣтѣ есть правда и ложь, честь и низость, доброта и сухой эгоизмъ. Одно есть достоинство, другое—безнравственность. Первое есть долгъ, обязанность порядочнаго человѣка; второе—позорное пятно. Вотъ краткая формула нравственныхъ возрѣній Евгения, и ея онъ неуклонно держался въ теченіе всей своей жизни. Отъ всего, отзывавшагося мелкими, личными побужденіями, сторонился Евгенийъ; дразни общественныя настолько противны ему, что заставляютъ иногда избѣгать людей и рѣдко появляться въ свѣтѣ ¹⁾. Но это отчужденіе не болѣе, какъ внѣшнее: онъ не запирается въ свою скорлупу, а только, скрывшись въ сторонѣ, удобнѣе подмѣчаетъ взаимныя людскія отношенія и при случаѣ метко характеризуетъ ихъ ²⁾. „Быть довольну настоящимъ есть истинное наше счастье“ ³⁾. „Первыя блага житейскія—довольство и спокойствіе (курсивъ подлинника). Первое можно найти сопряженное и съ высокими честями; но послѣднее съ ними очень рѣдко совмѣщается“ ⁴⁾. Вопросъ объ истинномъ счастьи, источ-

¹⁾ Письмо Македонцу № 56.

²⁾ „Впрочемъ этимъ лѣкарямъ (ветеринарямъ) выгодноѣе человѣческихъ. Ибо у нихъ и умершіе ихъ, и больные имъ полезны по крайней мѣрѣ хоть шкурою“. Письма Городчанину. *Ж. М. Н. Пр.* 1857, т. ХСIV, стр. 10.

³⁾ Письмо Македонцу № 25.

⁴⁾ Письмо Анастасевичу. *Др. и Нов. Рос.* 1881 г., № 2, стр. 306—307.

никъ котораго во внутреннемъ мірѣ человѣка, былъ одною изъ любимыхъ проповѣдныхъ темъ Евгенія ¹⁾).

Такъ какъ общество въ большинствѣ случаевъ руководится личными симпатіями, то, право, не стоитъ особенно полагаться на его мнѣнія. Какъ нечего восхищаться его похвалою, такъ не стоитъ и скорбѣть отъ его неодобренія: „чтобы замѣтить худое, на это почти всѣ способны; но замѣтить доброе, способны только добрые“ ²⁾; тѣмъ болѣе, что „судъ потомства лестнѣе современнаго“ ³⁾, ибо оно безпристрастно взглянетъ на твои дѣла и отличить въ нихъ хорошее отъ дурнаго, достойное похвалы отъ стоящаго порицанія ⁴⁾. Вотъ отчего Евгеній и на полемику смотритъ, какъ на потѣшный турниръ, способный только разсмѣшить публику, которой неловко выставляются на показъ недалекость оскорбленнаго самолюбія и упорство тупаго ума ⁴⁾. И только къ той критикѣ, „откуда рождается свѣтъ“, онъ относится съ полнымъ уваженіемъ ⁵⁾. Сознаніе ничтожности людскихъ интересовъ, суетности всего преходящаго и сознаніе, что онъ стоитъ цѣлою головою выше окружающихъ, что ему трудно найти точку соприкосновенія съ ними,—заставляетъ Болховитинова замыкаться въ тѣсный пріятельскій кружокъ, искать скромной, тихой жизни.

Это стремленіе уединиться, уйти подальше отъ „городскаго шума“, зарыться въ тиши рабочаго кабинета среди книгъ, единственныхъ своихъ друзей, способныхъ откликнуться на его потребности,—стремленіе это сказывается постоянно во всю послѣдующую жизнь Евгенія. Ему не нравится Петербургъ, съ его суетнымъ населеніемъ, гдѣ пороки, матеріальныя потребности сказываются рельефнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, — и онъ бѣжитъ изъ него или въ Сергіеву пустынь, или въ Хутынъ, или въ Новгородъ, или въ Псковъ. Тамъ,

¹⁾ Напрямѣръ, Собраніе поучительныхъ словъ митрополита Евгенія, часть I, стр. 238—239. Срани. В. Пшоничкій, Проповѣднич. труды митр. Евгенія. *Труды Кіевск. Дух. Акад.* 1867, № 12. стр. 542—544.

²⁾ Письмо Хвостову. № 98.

³⁾ Письмо Хвостову № 44.

⁴⁾ Каченовскому „лучше..... продолжать свое дѣло журнальное, котораго критики не унижатъ“ (Письма Селивановскому. *Библ. Записки* 1859, № 3, стбц. 78).

⁵⁾ „Пусть они перебраниваются, пишетъ онъ Хвостову; а мы читать будемъ и смѣяться“ (№ 74). „Перебранка журналистовъ, говорить онъ ему же въ другомъ письмѣ, веселитъ читателей“ (№ 103).

⁶⁾ Письмо Хвостову № 103.

въ сторонѣ отъ „большихъ дорогъ“¹⁾, ищетъ онъ нравственнаго успокоенія и отдыха²⁾.

Но такая уединенная жизнь отнюдь не значила отчужденія отъ жизни, чего-нибудь въ родѣ квіетизма. Напротивъ, замыкаясь въ тѣсный пріятельскій кружокъ, Евгенийъ тѣмъ съ большею свободою и одушевленіемъ предавался любимымъ занятіямъ. Его энергическій, дѣятельный умъ стремился вылиться въ конкретныхъ формахъ, не терпя бездѣятельности. Сколько бодрости и свѣжести духа слышится въ увѣренности, что дѣла Казанскаго университета пойдутъ лучше послѣ прежняго вялаго попечителя³⁾, или когда онъ объясняетъ, что не гордится „титломъ кандидата въ Россійскую академію... потому что въ академіи сей всякая всячина набита въ членство; даже и такіе, которые отъ роду никогда ничего не писывали русскаго“⁴⁾. Его правдивое чувство возмущено, какъ несправедливымъ выборомъ, такъ и косностью людскою, неспособностью къ движенію. Евгенийъ не удовлетворяется даже дѣятельностью какою-нибудь; необходима болѣе положительная, съ осязательными результатами, въ ре-

¹⁾ Письмо Македонцу № 81.

²⁾ Указаніи на стремленіе къ тихой жизни весьма много; приведемъ нѣкоторые. Объ уединеніи онъ уже думаетъ, говоря въ „Описаніи Воронежской губерніи“ объ одномъ монастырѣ (стр. 95). Сравни его первыя письма къ Македонцу изъ Новгорода, гдѣ такъ ярко выступаетъ довольство простой, тихой жизнью, чего былъ лишенъ онъ въ Петербургѣ. — Вологда понравилась ему, такъ какъ отдалена отъ „большихъ дорогъ“, люди тамъ „любезные и примодушные“ (пис. Македонцу, № 81); „дай Богъ только спокойно пожить“, прибавляетъ Евгенийъ (пис. Городчанину 19-го марта 1808. *Ж. М. Н. Пр.* 1857, т. XCIV, стр. 4). „Москва покойнѣе Питера (говоритъ онъ въ другой разъ), который всѣ бока вытеръ“ (Ibid., стр. 5, письмо 4-го янв. 1809). „Я живу въ пяти верстахъ отъ города, пашеть Евгенийъ изъ Пскова, и ни къ кому не ѡзжу иначе, какъ только изъ обѣдн“ (пис. Хвостову № 99). — „Бѣдный Псковъ для меня пріятнѣе богатой столицы“, пишетъ онъ Державину (Сочиненія *Державина*, изд. *Грота*, VI, 387). „Я нигдѣ еще такъ доволно, спокойно и для наукъ досужно не жываль“, какъ въ Псковѣ (пис. Анастасевичу *Др. и Нов. Россія* 1881, № 2, стр. 306). „Я, слава Богу, успѣлъ отпроситься въ Кіевъ, пишетъ Евгенийъ изъ Петербурга, и въ полонный генваря надѣюсь выѣхать отсюда. Избави Боже!“ — прибавляетъ онъ. Вернувшись, въ свой уголъ, онъ сообщаетъ: „Изъ Петербурга я въ восьмой день поспѣлъ домой, — такъ спѣшилъ я къ своему покою отъ столичныхъ суетъ безконечныхъ!“ (пис. Селивановскому, *Библ. Записки* 1859, № 3, столб. 75)

³⁾ Письмо Городчанину 11 сентября 1812 года, *Ж. М. Н. Пр.* 1857, т. XCIV, стр. 16.

⁴⁾ *Сборн. 2-ю отд. Акад. Наукъ*, V, 1, 50—51.

альныхъ формахъ, возможно скорѣе. Лучше не задаваться широкими идеями, лучше быть скромнымъ въ своихъ задачахъ, но выполнять ихъ добросовѣстно, вкладывая въ нихъ всю душу, не самообольщаясь легкостью, не боясь затрудненій. Настоящая жажда дѣятельности заставляла браться за все его многосторонній умъ. Вотъ объясненіе, почему въ теченіе своей долгой жизни онъ и церковную исторію пишетъ, и палеографіей занимается, производитъ археологическія раскопки, знакомитъ съ исторіей родной земли, составляетъ библиографическія пособия, работаетъ надъ стилистикой и грамматикой русскаго языка.

Отзывчивость увлекающагося ума заставляла его иногда откладывать начатыя работы, чтобы только имѣть возможность приняться за другія (напримѣръ, Исторія княжества Псковскаго). Можно пожалѣть, что Евгенийъ не создалъ ничего дѣльнаго и крупнаго, что онъ слишкомъ много интересовался виѣшней стороною человѣческой жизни; но это все были обстоятельства воспитанія и самаго времени. Многостороннюю любознательность Евгения наглядно характеризуютъ нѣкоторыя его письма къ Городчанину: онъ совѣтуетъ Казанскому обществу словесности не походить на другія недѣятельныя учрежденія и отличатьса „особливо казанщиною, а не иностранщиною“ ¹⁾, проводя ту мысль, что необходимымъ фундаментомъ для построенія національно-историческаго зданія является предварительная разработка мѣстнаго матеріала,—мысль, которой слѣдовалъ Евгенийъ во всю свою жизнь. „Въ переводахъ развѣ съ татарскаго только, черемисскаго, мордовскаго и чувашскаго переводы могутъ быть вамъ приличны. Весьма бы желательно, чтобы сочлены ваши занялись собраніемъ и объясненіемъ словъ и фразъ татарскихъ, шведскихъ въ нашъ языкъ. У васъ сіи способы подъ руками“ ²⁾. Онъ подаетъ совѣты, указываетъ на средства и точно завидуетъ, что эти средства есть у другихъ. Будь все это подъ руками у меня, какъ бы хотѣлъ сказать онъ, съ какимъ жаромъ накинулся бы я на это изученіе! Онъ сожалѣетъ, что отдалъ свои татарскія и калмыцкія грамоты Московскому обществу исторіи: „въ Москвѣ онъ будутъ только на показъ“, а онъ не для этого отдавалъ ихъ ³⁾. Сожалѣя, что Фрэнъ покидаетъ Казань, Евгенийъ добавлялъ: „онъ много бы еще намъ открылъ въ

¹⁾ Письма Городчанину. *Ж. М. Н. Пр.* 1857, т. XCIV, стр. 19.

²⁾ *Ibidem.*

³⁾ *Ibidem*, стр. 20.

нашемъ полу-татарскомъ краю. А сколько еще за Волгою въ степяхъ и подъ землею не изслѣдовано памятниковъ восточныхъ! ¹⁾

Такимъ образомъ необходимость работы была присуща понятіямъ Евгенія; трудъ не былъ для него дѣломъ вѣшнимъ, постороннимъ, но былъ необходимымъ элементомъ его существованія; безъ него не такъ бы легко дышалось и думалось. Трудъ былъ и отдыхъ, и успокоеніе, и счастье. Это всего нагляднѣе объясняется отношеніемъ Евгенія къ своимъ произведеніямъ. Работою своею нечего хвастаться и тщеславиться—она дѣлается изъ душевной потребности, а не изъ какихъ-нибудь иныхъ побужденій. „При изданіи вами Словаря, пишеть онъ Снегиреву, не упоминайте о моемъ имени, журналисты и публика сами вспомнятъ обо мнѣ, а по смерти моей какъ хотять“ ²⁾. Онъ отказывается подносить государю отъ своего имени „Описаніе Воронежской губерніи“, имъ же самимъ написанное, „дабы не быть нахальною выскочкою“ ³⁾; отклоняетъ предложеніе Державина сдѣлать на него ссылку въ приготовляемомъ къ изданію „Разсужденіи о лирической поэзіи“, въ составленіи котораго Евгеній между тѣмъ принималъ большое участіе ⁴⁾; просить уволить его отъ всякихъ похвалъ и благодарностей ⁵⁾: „мое дѣло было всегда работать для общей пользы и не ожидать наградъ“, замѣчаетъ онъ ⁶⁾. Съ скромностью истиннаго ученаго оцѣниваетъ Евгеній значеніе своихъ трудовъ ⁷⁾. Поэтому, какъ на щету земную, смотритъ онъ и на всѣ знаки отличія. Его не льститъ выборъ въ члены Россійской академіи; для него важна не кличка, не форма, а содержаніе ⁸⁾. Онъ не завистливъ и скромнъ въ своихъ требованіяхъ ⁹⁾.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ *И. Снегиревъ*, Старшина Русской Земли, стр. 133. Вспомните, что главнѣйшіе труды Евгенія: Историческое изображеніе Грузии, Разговоры о Новгородѣ, Словарь, Кіево-Печерская Лавра, Кіево-Соевійскій соборъ—вышли безъ имени автора; не упомянуто и его участіе въ Исторіи російской іерархіи.

³⁾ Письмо Македонцу № 13.

⁴⁾ *Сбор. 2-го отд. Акад. Наукъ*, V, 1, стр. 85.

⁵⁾ Письмо Хвостову № 11.

⁶⁾ Письмо Македонцу № 35.

⁷⁾ „Вы говорите, что въ жизни перемарали много бумаги безъ пользы. Натъ... ваше маранье полезнѣе нашего для ближнихъ. Мы пишемъ для удовольствія, а вы для облегченія несчастныхъ“ (письмо Македонцу № 34).

⁸⁾ *Сбор. 2-го отд.*, V, 1, 50—51.

⁹⁾ Письмо Македонцу № 25.

Но эта скромность не исключала способности понимать и глубоко цѣнить себя. Самое простое разсужденіе подсказывало ему, что онъ выше многихъ тѣхъ, которые „только проповѣдуютъ себя (во всемъ) знатоками, а ничего не дѣлаютъ“ ¹⁾. Однако это сознаніе онъ пряталъ отъ постороннихъ взоровъ и не кичился имъ; онъ позволялъ только высказывать, что „судъ потомства лестнѣе современнаго“ ²⁾. Единственно сознаниемъ своего собственнаго достоинства и тѣмъ прямымъ, откровеннымъ взглядомъ на вещи, который былъ развитъ его честнымъ отношеніемъ къ дѣлу, единственно этимъ, думаемъ мы, возможно объяснить ту незастѣнчивость въ рѣзкихъ выраженіяхъ, переходящую иногда въ грубость, отсутствіе льстивыхъ фразъ, ту откровенность, съ какою выражалъ онъ несовсѣмъ пріятное для слушателя мнѣніе, — что попадаетъ намъ такъ не рѣдко въ сношеніяхъ Евгенія съ современниками. Напримѣръ, въ перепискѣ его съ Румянцовымъ рѣзко выдается разница между изысканностью выраженій канцлера и простотой, даже какъ бы холодностью преосвященнаго: все это лишнее и до дѣла (а вѣдь мы для него только и работаемъ!) не относится. Тутъ же (да и въ другихъ мѣстахъ) встрѣчаемъ мы и ту рѣзкость сужденій, которую не стѣсняется высказывать Евгеній относительно своихъ собратьевъ по наукѣ: всякій, вѣдь, способенъ ошибаться, а поэтому, ради самаго дѣла, необходимо указывать на ошибки; мелкое самолюбіе надо отбросить въ сторону, чему Евгеній самъ подавалъ примѣръ ³⁾; тѣмъ болѣе, что смыслъ спора таковъ: „объясненія чаще сближаютъ, нежели раздружаютъ сердца“ ⁴⁾.

Въ перепискѣ Евгенія разбросано чрезвычайно много отзывовъ о современникахъ, иногда въ рѣзкой формѣ и всегда съ независимымъ образомъ мыслей ⁵⁾. На ряду съ такими заглазными за-

¹⁾ Переписка Евгенія съ Румянцовымъ, 53,,.

²⁾ Сравни. письмо Македонцу № 45.

³⁾ Письма Хвостову №№ 35, 42.

⁴⁾ Ibidem, № 21.

⁵⁾ Преосв. *Амеросій* (Орнатскій) „изъявился“ (пис. Анастасевичу. *Древн. и Нов. Россія* 1880, декабрь, 625). *Берлинскій* — „жалкій необтесанный школяръ“ „преврательный педагогъ“ (ibidem, 1881, февраль, 308). *Востоковъ* — „въ трудахъ медленъ и лѣнивъ“ (Переписка Евгенія съ Румянцовымъ, 58,); онъ съ *Ермолаевымъ* изъ „лѣниваго гнѣзда“ (ibidem, 61,). О *Грамматикѣ* (переводчикъ Слова о Полку Игоревѣ) рѣзкій отзывъ въ письмѣ къ Хвостову № 109; въ письмѣ къ Румянцову (стр. 75,2) — нѣсколько мигче. Особенно рѣзко отзывался Евгеній о *Калайдовичѣ*: онъ „соггалъ“; „хвастливость, догадливость и часто невѣрность сего любителя нашихъ древностей давно всемъ извѣстна“ (переписка

мѣчавіями Евгенію приходилось и прямо въ лицо говорить, не стѣсняясь, истину. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ Розенкампу по поводу приготавлиаемаго этимъ послѣднимъ Обзорѣнія Кормчей книги: „pour accélérer l'édition il faut enfin terminer corrigenda et addenda, qui ne font point d'honneur à l'auteur“¹⁾.

съ Румянцовымъ, 54); лѣтнимъ, „умный, но по молодости разсѣянный“; въ другомъ мѣстѣ названъ „лѣтнимъ издателемъ“ и упомянуто о его „враньяхъ“ (пис. Анастасевичу. *Древн. и Нов. Россія* 1880, октябрь, 342; 1881, февраль, 306, 308); „на чужбину былъ всегда охотникъ“ (второе письмо Снегиреву въ Старинѣ Русской Земли). О *Карамзинѣ*: „задачу о началѣ Галицкой митрополіи“ онъ „не рѣшилъ, а больше только затруднилъ“ (пер. съ Румянц., 106,1). *Каченовскій* названъ „сумасшедшимъ“ за слептицизмъ къ Нестору (письма Н. Н. Муравкевичу, *Кіевск. Епарх. Вид.* 1868, № 10, стр. 387). О *Копитарѣ* и *Круи* въ перепискѣ съ Румянц. (109,2, 69—70, 72,2, прим.). Бѣднѣй отзывъ о *Лобойкѣ* въ письмѣ Анастасевичу (*Древн. и Нов. Россія* 1881, февраль, 301, 307—308. Срав. переп. съ Румянц. 95,1, примѣч.). Письмо *Мальтбрена* названо „похвалбой“ и „ничего кромя бреда“ не содержащимъ (переп. съ Румянц. 75,2). *Пинкертонъ*—„хвастливый и невѣрный изслѣдователь“ (*ibid.*, 91,1). Письмо *Полюдина* „вагъляиво“, „догадки его неосновательны“, а „вопросы безсвѣтны“ (*ibid.*, 119—120). *Ремюза* и *Семъ-Мартенъ* написали сочиненія „больше ученныя, чѣмъ вѣрныя“ (*ibid.*, 46,1). *Розенкампу*—„хвастливый баронъ“ (пис. Снегиреву. Старина Русск. Земли, 113). *Румянцовъ*—„бояринъ“, „щедры на комплименты, никогда не исполняющій“ своихъ обѣщаній (пис. Анастасевичу *Древн. и Нов. Россія* 1880, декабрь, 638. Срав. стр. 628, 634). *Семинъ*—„безпрестанно вретъ“; „статья его чудовищная“ (пис. Снегиреву. Старина Русск. Земли, 118). *Татищевъ*—„врунъ“, „вретъ“ (замѣчанія на „Опытъ“ Сопикова. Рукопись Кіево-сое. библ. № 594). *Успенскій* (Г. П.)—авторъ „многословнаго, недостаточнаго и невѣрнаго сочиненія“ (переп. съ Румянц. 13,1). *Френъ*—выказалъ „ученую спесь“ (*ibid.*, 94,2). Преосвященный *Феофилактъ Горскій*—„на ученомъ поприщѣ очень малъ“; „его латинская богословія есть посрамленіе ему и цѣлой Россійской церкви“; „я пощадилъ еще его въ своемъ словарѣ“ (пис. Хвостову № 97).—Съ такою же независимостью говорить Евгеній и объ ученыхъ обществахъ. Въ *Академіи Россійской* „всякая всячина набита въ членство“ (*Сборн. 2-го отд. Акад. Наукъ*, V, 1, стр. 51); „между членами ея весьма многіе совершенные трутни“ (*ibid.*, 118. Сравн. 194). Московское *Общество исторіи и древностей*—„васнуло“, отъ него „ничего успѣшнаго ожидать... Они даже готоваго, уже собраннаго исправно издать не умѣютъ“ (пис. Анастасевичу. *Древн. и Нов. Россія* 1880, декабрь, 612). *Университетъ Казанскій*—„безплоднѣе вѣзхъ прочихъ и истинно сибирской“ (*ibid.*, 621). Въ *Кіевѣ* „своего ничего не знаютъ“ (пис. Городчанову. *Сборн. 2-го отд. V*, 1, 15), а тамошніе профессора стремятся къ одной наживѣ денегъ (пис. Муравкевичу. *Кіевск. Епарх. Вид.* 1868, № 10, стр. 383).

¹⁾ Евгеніевскій Сборникъ, стр. 66. Сравн. отзывъ о Розенкампѣ въ письмахъ къ Снегиреву отъ 3-го января и 5-го декабря 1828 года въ Старинѣ Русской Земли.

Въ сношеніяхъ съ Хвостовымъ найдемъ грубость, даже шокирующую непривычное ухо: „худая корректура очень отличаетъ нашъ журналъ... меня можетъ извинить отдаленіе мое, а васъ—не знаю что“¹⁾; „еще страннѣе забывчивость редактора въ томъ, что онъ въ августѣ въ другой разъ напечаталъ ученныя статьи такіа, которыя напечатаны уже въ іюнѣ нашего журнала, и притомъ ребяческой и въ иныхъ мѣстахъ бессмысленной даже переводъ. Что жъ скажетъ публика о такой забывчивости? скажетъ, что мы уже записались до безпамятства. Нѣтъ, ваше сіятельство, полно издавать журналъ, чтобы болѣе не покраснѣть намъ“²⁾. „Врядь перестаньте и думать“, говоритъ Евгеній Анастасевичу,—„что вы, имѣя Скопулу (словарь), знаете греческій языкъ. Въ васъ есть смѣшная глоттоманія по словарямъ на всѣ азбуки и языки. Послѣ сообщенной мною вамъ догадки, что гривна сіа Владиміра Великаго, перестаньте и публиковать свои догадки“³⁾. Не даромъ же говорилъ Евгеній: „А самъ очень, очень скупъ я на похвалы“⁴⁾. Понятно, что и все, сколько-нибудь намекающее на лесть, имъ горячо не допускалось⁵⁾. Вообще эта черта шла въ соотвѣтствіи съ пылкимъ и горячимъ темпераментомъ Евгенія: вспомнимъ характеристику, слѣланную имъ самимъ себѣ въ письмѣ къ Селивановскому: „я часто бываю горячъ до бѣшенства, и если въ сіи минуты горячности моей случится мнѣ писать, то я противу воли обижаю...; я горячъ и въ горячности неумѣренъ“⁶⁾. Другая замѣчательная черта въ Евгеніи, прямо объясняемая той высотой развитія, на которую онъ поставилъ себя,—это отсутствіе всякаго признака узкаго схоластическаго взгляда на явленія, лежація внѣ круга церковно-религіозныхъ объясненій. Ко всѣмъ явленіямъ духовнаго и физическаго міра Евгеній прилагалъ общечеловѣческую мѣрку. Описывая, напримѣръ, случившееся землетрясеніе, онъ говоритъ: „все это въ Россіи дѣло бывалое и прежде, и, слѣдовательно, яко натуральное происшествіе, не можетъ наводить никакого страха“; причемъ слѣ-

¹⁾ Письмо Хвостову, № 39.

²⁾ Письмо Хвостову, № 41.

³⁾ *Древн. и Нов. Россія* 1881 г., № 2, стр. 302. Сравни замѣчанія его Державину (Сочиненія *Державина*, изд. *Грота*, VI, 209—210. Сравни. *Сборн. 2-ю отд. Акад. Наукъ*, V, 1, стр. 74, 85) и Снегиреву (пис. Хвостову, № 123).

⁴⁾ Письмо Хвостову, № 24.

⁵⁾ Онъ ни за что не соглашался издать „въ щету своихъ произведеній“ автобіографію Дашковой, полную неумѣстныхъ самовосхваленій (пис. Хвостову, № 20).

⁶⁾ *Библиопр. Записки* 1859, № 3, стбц. 72.

шить объяснить явленіе естественными причинами: „надобно ожидать какого-нибудь извѣстія объ изверженіяхъ огнедышущихъ горъ. Всѣ другія пророчества излишни. Предъ тѣмъ у насъ были великія отъ моря наводненія“ ¹⁾. Въ другой разъ Евгений опровергаетъ космическія воззрѣнія Дамаскина, прибавляя: „отцы (церкви) намъ въ физикѣ не учителя. Да и Писаніе учить насъ только нравственной и благочестивой физикѣ (Сираха гл. 43)“ ²⁾. Когда предпринятый во вторую половину царствованія императора Александра I переводъ Библии на русскій языкъ вызвалъ опасенія въ возможности возбудить соблазнъ, Евгений открыто заявилъ себя на сторонѣ противоположнаго мнѣнія ³⁾. Все это, конечно, отнюдь не означало безвѣрія и даже индифферентизма къ дѣламъ религіознымъ. Бывшій переводчикъ „Волтеровыхъ заблужденій“ навсегда остался горячимъ противникомъ вольномыслія. Среди словъ, которыя произносилъ онъ съ церковной кафедрѣ, есть не мало посвященныхъ вопросамъ вѣры ⁴⁾. Если многіе изъ проповѣдей и говорились въ силу извѣстнаго положенія, то въ выборѣ темы авторъ болѣе или менѣе всегда былъ свободенъ ⁵⁾.

Нападая на современное ему „модное петербургское воспитаніе“ за то, что оно дѣлаетъ человѣка „безпристрастнымъ къ отечеству“ ⁶⁾, онъ, однако, крѣпко стоитъ за школьное, публичное, въ противоположность домашнему, обученіе. „Жизнь дома“, пишетъ онъ Македонцу, — „еще не есть предохраненіе отъ развращенія, а школа между тѣмъ приучитъ мальчика къ жизни, пониманію ея потребностей, своихъ обязанностей; среди людей сдѣлаетъ человѣка если и рѣзвѣе, но за то оборотливѣе и догадливѣе... Правда, прежде времени узнаетъ (онъ) всѣ плутни и лукавства, но за то не будетъ и розинее“ ⁷⁾. Тому,

¹⁾ Письмо Македонцу, № 37.

²⁾ *Русск. Архивъ* 1875 г., кн. III, стр. 316, письмо преосвящ. Паренину. — Сравни. разказъ о его находчивости, когда во время грозы въ комнату влетѣлъ огненный шаръ: Евгений велитъ всемъ спрятать кресты; у кого на сюртукахъ были металлическія пуговицы, то снять ихъ и затѣмъ отворить окно. Шаръ вылетѣлъ и все обошлось благополучно. *Волод. Епар. Вѣд.*, 1867, № 22, стр. 746.

³⁾ Письмо Анастасевичу, *Древн. и Нов. Россія* 1880, декабрь, 628.

⁴⁾ *Лѣтисчикъ*, Проповѣдническіе труды митр. Евгенія. *Труды Киевск. Духовн. Акад.* 1867, № 12, стр. 554—555.

⁵⁾ Сравни. его письмо о *Сіонскомъ Вѣстникѣ* въ *Москвитянинѣ* 1848, № 8, стр. 173—174.

⁶⁾ Письма Македонцу, №№ 25, 26.

⁷⁾ Письмо Македонцу № 30.

что высказывалось въ частной перепискѣ, Евгений не противорѣчить и въ официальной церковной бесѣдѣ. Поучая воспитанію дѣтей, онъ говоритъ о страхахъ Божиихъ, объ отсутствіи всего внѣшняго, но не совѣтуетъ заперать ихъ или обучать непременно дома ¹⁾. Ученикъ Платона, Евгений далеко былъ отъ малѣйшаго намека на аскетизмъ: служить Богу можно и въ мірѣ, поучалъ онъ. „Живущимъ среди міра и въ нѣдрахъ семействъ своихъ невозможно не помышлять о приобрѣтеніи и сохраненіи своего имѣнія“, ибо это ихъ прямая обязанность ²⁾. Не было въ немъ и формализма, приверженности къ буквѣ. Онъ предлагаетъ послать женѣ Македонца „пары двѣ зеренъ (янтариныхъ) на серги. Нѣтъ нужды, что съ четокъ“, которыя онъ носилъ, какъ монахъ ³⁾. Истинно православный, онъ, думая, лишень былъ глубокаго, религіознаго чувства: описывая свое постриженіе, Евгений передаетъ, можно сказать, одну его обрядовую сторону; во время церемоніи онъ, видимо, нетерпѣливо ждетъ, когда окончится этотъ обрядъ, и ждетъ не столько въ силу нахлынувшаго сердечнаго волненія, сколько въ силу неловкости быть объектомъ наблюденій. Сообщая о постриженіи, едва ли не болѣе занятъ онъ разказомъ о своихъ визитахъ и полученныхъ подаркахъ... Ни въ одной строкѣ не прорвалось лирическаго отступленія при мысли о новой жизни и о разрывѣ со старымъ навсегда.

Въ соотвѣтствіи съ направленіемъ своего вѣка, не чуждъ былъ Евгений чувствительности ⁴⁾ и нѣсколько сантиментальной любви къ природѣ. Въ его письмахъ разсѣяны указанія на то, какъ онъ любовался „прелестными мизами“ ⁵⁾, какъ любилъ наслаждаться зеленью садовъ, „плесканьемъ тихихъ волнышекъ, умывающихъ берега“, „смотрятъ съ балкона въ море на Кронштадтъ, на летящіе надменные парусами корабли“, и послѣ городскаго шума восклицаться уединеніемъ своимъ“ ⁶⁾. Пониманіе прекраснаго было ему доступно и въ области искусства ⁷⁾. Воспитанникъ Платона, переводчикъ Экенсайда, онъ остался таковымъ на всю жизнь.

¹⁾ Собраніе поучительныхъ словъ, III, 463—470; слово № 121.

²⁾ Ibid., I, 285; слово № 30.

³⁾ Письмо Македонцу № 3.

⁴⁾ Сравн. письмо Македонцу № 6.

⁵⁾ Ibid., № 29.

⁶⁾ Письма Македонцу №№ 42, 45, особенно № 34.

⁷⁾ Сравн. вѣстетическое наслажденіе, которому онъ предавался, разсматривая картину: *Введеніе во храмъ* (Пис. Македонцу № 3). „Прощу увѣдомить меня“

Вообще, былъ онъ характера „веселаго и насмѣшливаго“ ¹⁾, съ „последней и отрывистой“ рѣчью ²⁾; нрава горячаго ³⁾, мало выдержаннаго, увлекающагося, такъ что первая серьезная неудача его останавливала ⁴⁾, и вмѣстѣ съ тѣмъ открытаго и широкаго, нетерпящаго стѣсненій ⁵⁾; ума, всѣмъ интересующагося, въ высшей степени наблюдательнаго ⁶⁾, яснаго и трезваго ⁷⁾, холоднаго ⁸⁾, живаго и блестящаго ⁹⁾—такимъ представляется намъ Евгений Болховитиновъ въ цвѣтущую пору развитія его духовныхъ силъ.

Что же касается до литературныхъ воззрѣній и вкусовъ Евгения, то прежде всего надо помнить, что послѣдній жилъ въ эпоху, когда доманіе копій за правильное пользованіе роднымъ языкомъ служило въ то же время и формой для выраженія политическихъ симпатій, общественнаго развитія и умственнаго роста образованнаго класса.

писать Евгений нѣсколько позже Хвостову, издававшему *Друзь Просвѣщенія*,— „кто у васъ обрабатываетъ статьи о художествахъ. За многое я ему сердечно благодаренъ“ (пис. Хвостову, № 4).

¹⁾ *Сбор. 2-го отд. V, I, 210, пр. 3.* Срав. его шутки надъ А. Келембетомъ въ статьѣ А. Сулоцкого: *Странникъ 1874, октябрь, 11—12.*

²⁾ *Сбор. 2-го отд. Ак. Н. V, I, 210 стр., пр. 3.*

³⁾ *Библиогр. Записки 1859, № 3, стбд. 72.* См. выше.

⁴⁾ Изъ-за неприяностей съ московской цензурой по поводу „Волтеровыхъ заблужденій“ хотеть перенести въ Тамбовъ печатаніе своихъ книгъ. *Библи. Зап. 1859, столб. 68.* „Владыко требуетъ строгости. Я принялся было, но раздражилъ вольныхъ здѣшнихъ студентовъ. За то хочу бросить все тщаніе. Скорѣе самому лопнуть можно, нежели упрямыхъ исправить“. (пис. Македонцу № 11).

⁵⁾ „Жить по ящэйски не хочется... смерть придетъ, все пропадетъ. Лучше же познать, чѣмъ Богъ послалъ. День нашъ, вѣкъ нашъ“. (пис. Македонцу № 8).

⁶⁾ Провѣзая по чухонскимъ деревнямъ, не упускаетъ случая обратить вниманіе на особенности быта, страны, языка. пис. Македонцу № 17. Срав. пис. № 9 о посѣщеніи кусткамеры и Академіи Художествъ.

⁷⁾ „Видѣлъ книгъ двадцать его (Е. Булгара) рукописныхъ сочиненій, но большая часть ихъ на старинный складъ схоластическій и для свѣта бесполезный“ (пис. Македонцу № 10).

⁸⁾ „О нищихъ вышелъ указъ не позволять имъ волочиться по Петербургу и ссылатъ всѣхъ безъ разбора на поселеніе.... Указъ прекрасный. Теперь по Петербургу чисты улицы“ (пис. Македонцу № 4. Сравни. № 41).

⁹⁾ Прося Македонца прислать для Словаря эпиграмму на Голицына, Евгений прибавляетъ: „вы видите, что я все еще школярничая и, думаю, по смерти не отстану“ (пис. Македонцу № 61); „Римская императрица съ министрамъ своимъ Кобенцелемъ тайно даже отъ мужа заключила миръ. Вотъ каковы итальянки! Это похоже на пару г. Простакова и г-жи Простаковой въ Недорослѣ“ (*ibidem* № 65). Сравни. его незатѣйливые каламбуры въ письмахъ Македонцу №№ 20, 26; Городчанину, 5 янв. 1809 г. (*Журн. М. Н. Пр. 1857 г., т. XCIV, стр. 5*).

Въ этой безурядицѣ и путаницѣ направленій легко было потеряться: или исключительно держаться той или другой крайности, или бессознательно смѣшать всѣ. Евгенийъ счужьлъ избѣгнуть этого. Внимательно вдумываясь въ разбросанныя и нигдѣ цѣльно не выраженные взгляды Евгенія, нельзя не придти къ заключенію, какъ сознательно и трезво понималъ онъ литературныя условія своего времени. По воспитанію принадлежа XVIII вѣку, онъ, конечно, и въ новый XIX-й внесъ литературныя симпатіи, господствовавшія въ годы его молодости. Не разъ, можетъ быть, онѣ окажутся устарѣвшими, идя въ разрѣзъ съ новымъ направлениемъ; тѣмъ не менѣе, отдавая дань старому, Евгенийъ не отказывался и въ немъ видѣть дурное. Постоянныя занятія „науками мысленными“ приучили его только строго относиться къ разбираемому явленію, и потому онъ въ особенности не терпитъ глумленія, легкомысленнаго отношенія. Прежде всего Евгенийъ является горячимъ послѣдователемъ Новикова, заботившагося „о сохраненіи памяти своихъ писателей“, и горько сѣтуетъ на наше пренебреженіе къ заслугамъ соотчичей, доходящее до того, что мы оставляемъ безъ вниманія хулу иностранцевъ и вдобавокъ сами же бранимъ своихъ ¹⁾). Какъ въ письмахъ, такъ и въ проповѣдяхъ не менѣе горячо возстаетъ онъ противъ этого слѣпаго увлеченія всѣмъ иноземнымъ ²⁾).

Руководствуясь отчасти этими соображеніями, отчасти признаніемъ непосредственнаго достоинства, Евгенийъ является постояннымъ защитникомъ Тредьяковскаго, настаивая на необходимости судить о писателѣ не сплошь по всѣмъ его произведеніямъ, часть которыхъ могла относиться къ тому времени, когда онъ былъ или „перезрѣвшій старикъ“ или „несозрѣвшій ребенокъ“ ³⁾). Къ писателю должно приглядывать мѣрку исторической критики, какъ единственно вѣрной: „вкусъ словесности съ вѣками перемѣняется, и для потомства, можетъ быть, многіе изъ нашихъ современниковъ покажутся Тредьяковскими“ ⁴⁾), тѣмъ болѣе, что „слогъ живыхъ языковъ есть не что иное, какъ платье до износу или до перемѣны моды... Развѣ и въ Ломоносовѣ не брезгуемъ уже мы почти половиною его словъ? А бѣдный Сумароковъ, позднѣйшій его, еще болѣе огрубѣлъ уже для насъ. Вотъ чѣмъ можно изви-

¹⁾ Письмо Хвостову № 37.

²⁾ Срав., напримѣръ, Слово № 99 въ Собраніи поучительныхъ словъ, ч. III, стр. 212—225.

³⁾ Письмо Хвостову № 53.

⁴⁾ Письмо Хвостову № 96.

нить и Тредьяковскаго¹⁾. Поэтому „почтенный по многимъ отношеніямъ Тредьяковскій не безполезенъ остается и...для потомковъ“²⁾, какъ „первый творецъ Россійской оды“³⁾. Къ самому даже переводу Телемахиды относился Евгений съ уваженіемъ, „многія мѣста сей поэмы“ читая „съ удовольствіемъ“⁴⁾. Нѣкоторыми сторонами онъ ставилъ этого писателя выше Кантемира⁵⁾, въ которомъ видѣлъ одного только „не подражателя, а чаще всего спищика“ Боало, Горациа и Ювенала, „безвкуснаго переводчика“, находя, что въ сравненіи съ нимъ Сумароковъ—сатирикъ выказываетъ „больше оригинальности и сатирической оборотливости мыслей“⁶⁾. „При сочиненіи диссертациа о русскомъ языкѣ“ Евгений совѣтуетъ „ссылаться больше на мертвыхъ писателей, а не на живыхъ, которыхъ и хвалить, и критиковать еще не время“⁷⁾.

Среди корифеевъ западно-европейской словесности Евгений охотнѣе обращается къ Горацию и Боало, ища въ нихъ опоры своимъ литературнымъ сужденіямъ⁸⁾; при выборѣ книгъ для своей библіотеки останавливается на Ж.-Б. Руссо, Théâtre Корнеля, Dergéaux Боало на Расинѣ и на трагедіяхъ Вольтера⁹⁾. Не безынтересенъ взглядъ его на „Духъ Законовъ“ Монтескье: „не могу не одобрить вашего отреченія отъ переводу Монтескіевой книги. Авторъ писалъ ее во время повсемственнаго почти нечестія, которое тогда было въ модѣ и которымъ всякій тогдашній ученый шеголять старался. Впрочемъ скажу вамъ, что и по философскому отношенію мыслей, книга сія давно уже признана во многихъ своихъ началахъ неосновательною и запутанною, а индѣ темною до непонятности, сколько ни писано было на оную даже комментаріевъ. И такъ книга сія и въ философскомъ мірѣ вышла уже изъ моды. Слѣдовательно, напрасно Соликовъ

¹⁾ Письмо Хвостову № 53.

²⁾ Письмо Хвостову № 52.

³⁾ Замѣчанія на Разсужденіе Державина О лирической поэзіи. Сочиненія Державина, изд. Грота, VII, 624.

⁴⁾ Библ. Записки 1859, № 8 стр. 249. Письмо Хвостову.

⁵⁾ „Кантемиръ... котораго... слогъ хуже еще Тредьяковскаго“ (пис. Хвостову № 53). „Въ Тредьяковскомъ даже больше поэзіи, нежели въ Кантемирѣ. Но въ вкусъ у обонхъ равенъ и, право, нельзя предпочитать одного другому“ (ibidem, № 55).

⁶⁾ Письмо Хвостову, № 55.

⁷⁾ Письма Городчаншнову, Журн. Мин. Нар. Пр., 1857 г., т. XCIV, стр. 21.

⁸⁾ Ibidem, 5, 21.

⁹⁾ Ibidem, 8, 9—10.

думаетъ ввести ее въ моду у русскихъ. Довольно для насъ и выписокъ изъ нея въ Наказѣ. Прочія мысли пусть останутся въ обаяніи революціонныхъ головъ, отъ которыхъ да избавитъ Господь Богъ отечество наше. И такъ уже много затѣвается у насъ ежедневно почти разныхъ переворотовъ. Новизнолюбивые ¹⁾ умы чаще всего бываютъ не истиннолюбивы, а только славолубивы, хотя бы то на счетъ общаго блага. Они похожи на непріятелей отечеству ²⁾.

Къ современной литературѣ онъ въ большинствѣ случаевъ относился отрицательно. Принадлежа во многомъ къ старой литературной школѣ, придавая большое значеніе риторикѣ и такъ-называемому „краснорѣчію“ ³⁾, „плѣняясь“ гекзаметрами Хвостова ⁴⁾, не будучи въ состояніи понять Пушкина ⁵⁾, даже въ Карамзинѣ—литераторѣ, своемъ прежнемъ любимцѣ, съ годами находя недостатки ⁶⁾; Евгений, не смотря на все это, умѣлъ высоко возвыситься надъ современниками въ своихъ требованіяхъ, обращенныхъ къ литературѣ. Ея задача—служить выраженіемъ господствующихъ идей, а также споспѣшествовать общественному развитію, и потому всякое произведеніе должно быть оцѣниваемо главнымъ образомъ со стороны его содержанія: поэта „надобно судить не по числу хорошихъ стиховъ, а по числу хорошихъ шестъ“ ⁷⁾, т. е. при оцѣнкѣ всякаго произведенія на первомъ планѣ слѣдуетъ ставить идею стихотворенія, а не отдѣльные художественные образы. Что касается до выбора сюжета, то чѣмъ меньше стѣсненія, тѣмъ лучше; кажущееся для насъ непривычнымъ, еще не есть некрасивое, неизящное. „Предметы художествъ и словесности безчисленны, и не надобно стѣснять числа ихъ появившимся только донныѣ числомъ искусниковъ“ ⁸⁾.

Указанная выше черта—способность дорожить національными силами, не мѣшала одобрительно относиться ко всему иностранному,

¹⁾ По изданію преосв. Макарія: *Новизнолюбивые* (Ж. М. Н. Пр., 1857, т. XCIV, стр. 11), что едва ли не вѣрно.

²⁾ Письмо Городчанину (Сб. 2-го отд. Ак. Н., V, 1, стр. 55—56).

³⁾ Сбор. 2-го отд. Ак. Н., V, 1, стр. 55.

⁴⁾ Письмо Хвостову, № 78; его одобрительныхъ отзывовъ о Хвостовѣ очень много, такъ что это не случайный примѣръ.

⁵⁾ „Онъ былъ хорошій стихотворецъ, но худой сынъ, родственникъ и гражданинъ“ (письма Снегиреву, Старина Русской Земли, 135). Поэму „Русланъ и Людмила“ обозвалъ „книжонкой“ (пис. Хвостову, № 99).

⁶⁾ Сборн. 2-го отд. Ак. Н., V, 1, стр. 55, 119.

⁷⁾ Письмо Хвостову, № 44.

⁸⁾ Сочиненія *Державина*, изд. Грота, VI, 354.

разъ оно заслуживало вниманія, и даже отдавать ему, когда надо, предпочтеніе передъ своимъ: „лучше помѣщать переводное, да хорошее, нежели иное оригинальное, да безвкусное“, говоритъ Евгенийъ Хвостову ¹⁾.

Евгенийъ даже для Державина, котораго всегда высоко ставилъ, считалъ необходимымъ приостановить свое творчество, чтобъ не плодить „посредственнаго“ ²⁾. Выше было уже указано, какъ относился Евгенийъ къ современной ему критикѣ; въ перепискѣ съ Хвостовымъ повсюду разсыпаны подтвержденія презрительнаго взгляда его на критиковъ. При мелочности и бездарности они тѣмъ не менѣе имѣли голосъ, приобретаѣли вліяніе, тѣмъ болѣе опасное, что и сама литература оставляла ожидать много лучшаго — вотъ причины, почему Евгенийъ такъ рѣзко и сильно порицалъ ее. Вотъ что говоритъ онъ: „нѣтъ ничего скучнѣе, какъ приравниваніе нашихъ сочиненій къ иностраннымъ таковымъ же. Намъ надобно пока судить только по себѣ самимъ, кто у насъ лучше, а не кто во всемъ свѣтѣ. Литература наша во всесвѣтной — еще азбука. Вездѣ у насъ только что переводы и самые журналы набиты ими, такъ что очевидно, что наши писатели или, лучше сказать, писцы, больше знаютъ чужое, нежели свое. Послѣ сего, какъ можно хвалиться литературою?“ ³⁾; и въ другомъ мѣстѣ: „прежде спросите, имѣемъ-ли мы о сѣю пору свою классическую словесность. Не все-ли у насъ заимствованное? Есть-ли хотя 200 книгъ оригинальныхъ русскихъ? Исчислите ихъ и опишите, тогда и эта книга будетъ классическою въ словесности нашей. Самая Россійская академія не установила еще порядочныхъ правилъ языка и не объявила въ ономъ классиковъ. Многихъ изъ писакъ нашихъ мы называли и Расинами, и Виргиліями, и Гораціями, и Пиндарами. Но что-то никто не вѣритъ; и чаще иностранцы говорятъ про насъ по Ювеналу: о *imitatores! Severum recus!*“ ⁴⁾.

Авторъ „Литературныхъ Мечтаній“ четверть вѣка спустя, впервые выступая на литературное поприще, не выскажетъ чего-либо новаго сравнительно съ только что приведенными выдержками.

Путь, какимъ развивалась наша отечественная историографія,

¹⁾ Письмо Хвостову, № 22. Та же мысль и въ *Дружбѣ Просвѣщенія* 1804, I, 134.

²⁾ Письмо Хвостову № 58.

³⁾ Письмо Хвостову № 88.

⁴⁾ Письма Городничанову, *Ж. М. Н. Пр.* 1857, т. XCIV, стр. 12; письмо отъ 10-го іюля 1810 г.

даетъ возможность—не вдаваясь въ подробности—намѣтить въ немъ три послѣдовательныхъ ступени: наивное бытописаніе, ненасытную погоню за фактами на ряду съ посильнымъ ихъ анализомъ и работу синтетическую на почвѣ пріобрѣтенныхъ теорій и сложившихся взглядовъ. Конечно, ни одна изъ этихъ ступеней не исключаетъ безусловно чертъ, характеризующихъ вторую или третью, но не ими опредѣляется ея фізіономія, не на нихъ останавливается вниманіе наблюдателя.

Въ основѣ всякаго знанія лежитъ сравненіе. Старая Русь спокойно переживала поколѣніе за поколѣніемъ въ намѣченной колѣѣ, бессознательно воспринимая видоизмѣненіи стараго быта; но когда естественный ходъ развитія сталъ постепенно вводить ее въ общеніе съ иными народностями, съ иными національными интересами тогда постепенно стала сказываться и у насъ потребность національнаго и государственнаго самоопредѣленія, а это въ свою очередь естественно повело къ литературной обработкѣ историческаго прошлаго. Но, захваченная въ распλοхъ, русская мысль нашла подъ рукой или сухія мертвящія лѣтописи, или сказанія, въ которыхъ легендарный элементъ совершенно скрывалъ слабое зерно правды. Дѣтски наивная, она довѣрчиво и неумѣло черпала в се что попадалось подъ руки. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ изъ первыхъ литературныхъ произведеній, воспроизводящихъ нашу отдаленную старину, выходило нѣчто неуклюжее. Таковы были Сокращеніе Россійской исторіи дьяка Грибоѣдова, Густынская лѣтопись, Хроника Феодосія Сафоновича, Синописисъ Иннокентія Гизеля, и Исторія неизвѣстнаго автора, составленная по повелѣнію царя Феодора Алексѣевича.

Появленіе Петра Великаго, усиленное сближеніе съ Западомъ, съ его своеобразной обстановкой, съ его столь непохожими цѣлями жизни и средствами достиженія, — особенно должно было вызвать у насъ желаніе заглянуть въ свое прошлое и попытаться въ немъ отыскать объясненій своему я. Однако, первое время желаніе далеко еще не соответствовало ни реальной возможности, ни пониманію самой задачи. Эпоха государственныхъ идеаловъ Ришелье и прусскаго Вильгельма; эпоха, когда мыслили не о созиданіи живыхъ организмовъ, а объ искусствѣ механическаго соединенія разнородныхъ элементовъ,—такая эпоха и въ исторіографіи могла рисовать одну только наружную оболочку конкретныхъ явленій, и, самое большее, добросовѣстно сводить матеріалъ. Нечего было ждать

исторической оцѣнки. Татищевъ подойдетъ къ своей задачѣ съ мѣркой утилитарной, Ломоносовъ возьмется за перо, какъ литераторъ; Щербатовская „Исторія Россіи“ станетъ разсматривать наше прошлое со стороны общечеловѣческой, совершенно отрѣшенно, ограничиваясь „одною внѣшнею логическою и нравственною оцѣнкою“¹⁾.

Но подобное положеніе дѣлъ долго продолжаться не могло. Чѣмъ тѣснѣе сходились мы съ Западомъ, тѣмъ настоятельнѣе стучалась въ двери потребность „народнаго самосознанія“; къ тому же самое это сближеніе знакомило со средствами, выработанными наукой, указывало выходъ изъ неудовлетворявшаго положенія. Труды Волландистовъ, Монфокона, Бандури, Тассена и Дюканжа не могли пройти безслѣдно для русскихъ ученыхъ. Въ дѣятельности Байера, Миллера, а тѣмъ болѣе Шлецера слышится сознаніе новыхъ требованій. Надо не только собирать, но и изучать памятники. Въ виду этого и самое собраніе получаетъ иной смыслъ. Усиленное изданіе лѣтописей въ царствованіе Екатерины, кропотливая работа Бантышъ-Каменскаго, сборники Новикова, Голикова, Туманскаго должны теперь только готовить почву для новыхъ работниковъ, дѣятелей второй категоріи! На ряду съ горячими поисками за матеріаломъ идетъ опредѣленіе того, что считать за самый матеріалъ.

При такомъ взглядѣ на задачи исторіи, тѣ грубые штрихи, неясныя очертанія, въ какихъ рисовалось до той поры родное прошлое, положительно перестаютъ болѣе удовлетворять. „Нельзя писать исторіи безъ доказательствъ“ — эти слова Карамзина становятся лозунгомъ времени. Восхищенному взору неожиданно представило необъятное поле скривавшихся данныхъ. Все уходитъ на разработку деталей. Всякая мелочь приобретаетъ цѣну, во первыхъ, какъ новинка, вовторыхъ, вслѣдствіе пробудившагося сознанія, что каждому кусочку найдется свое мѣсто при возведеніи цѣлаго зданія. Но самое зданіе пока еще впереди. Въ своемъ порывѣ этотъ кипучій муравейникъ становится даже близорукимъ и за ближайшей цѣлью не всегда видитъ конечную. Правда, на глазахъ его растетъ „Исторія Государства Россійскаго“, но вѣдь кто же и строить ее? Карамзинъ, подобно гиганту, стоитъ одинокимъ, далеко опередивъ своихъ современниковъ.

¹⁾ Слова С. М. Соловьева. Писатели русской исторіи XVIII в. *Архивъ Истор. и Юрид. свѣдѣній*, т. II, пол. I, стр. 50.

Эта одновременная работа анализа и синтеза безъ какихъ-либо заранѣе приготовленныхъ опоръ, работа, исполненная однимъ человекомъ, открыла послѣдующимъ поколѣніямъ широкую возможность—задачу построенія возвести на строго научную степень.

Такъ представляется намъ—въ общихъ чертахъ—ходъ развитія исторической науки. Такимъ образомъ эпоха Карамзина, взятая въ ея цѣломъ, особенно въ лицѣ современниковъ историографа, является тѣмъ узломъ, гдѣ сходятся нити прошлаго и настоящаго. Это по преимуществу эпоха переходная. А какъ таковая, она представляетъ самый живой интересъ для историка. Конечно, подобныя эпохи не дадутъ ни готовыхъ формулъ, ни яркихъ определенныхъ тѣней, но за то въ этомъ хаосѣ, въ этомъ движеніи здоровой напряженной силы всегда будутъ слышаться живая энергія и запросы ума. Въ этихъ неустанныхъ поискахъ разгоряченной мысли предъ вами раскроется много такого, что, будучи предложено въ законченномъ видѣ, неизбежно потеряетъ и первоначальную свѣжесть, и оправданіе своей наивной простоты.

Съ другой стороны, въ эпохи переходныя сталкиваются противоположныя теченія. Старое еще не погибло, цѣпко хватаясь за обломки; молодое еще не пустило крѣпкихъ корней и дѣйствуетъ не всегда увѣренно. Начало отживающее, драпируясь въ пренебрежительное самодостоинство, золотитъ горькую пядю; а новые ростки напускной кривливостью слѣшаютъ предупредить пока еще только грядущую побѣду. Процессъ перерожденія, таинственный гевезисъ бываетъ иногда раскрытъ здѣсь до мельчайшихъ подробностей.

Въ такую переходную эпоху жилъ тотъ ученый, которому посвящены страницы настоящаго труда. И въ раннихъ, и въ самыхъ позднихъ своихъ произведеніяхъ Евгеній проявляетъ одинаковую разбросанность и разносторонность. Если позже онъ оставляетъ слѣды своей дѣятельности въ исторіи и археологіи—церковной, литературной, политической и правовой—въ палеографіи и медицинѣ, въ библиографіи и древней географіи, въ сферѣ догматики и гомилетики, критики и простаго собиранія фактовъ; то такимъ же по существу остается онъ и въ изученный нами періодъ жизни, одинаково отражая преобладающія черты своего времени. Уже и теперь онъ можетъ быть названъ историкомъ церковнымъ и гражданскимъ, богословомъ и педагогомъ, біографомъ и историкомъ литературы, авторомъ книгъ и статей по географіи, языкованію и философіи.

Какъ истинный представитель эпохи переходной, онъ подаетъ

руку уходящему и нарождающемуся: духъ XVIII вѣка слышится въ немъ по той нетребовательности, съ какою, особенно на мѣрку нашего времени, нерѣдко подбираетъ онъ факты въ свою гостепримную сокровищницу; съ другой стороны—и это уже преобладающая, руководящая идея—ни одно слово не принимается на вѣру, но только послѣ предварительнаго анализа, критики, какъ бы неустойчива, какъ бы субъективна ни была послѣдняя. Очистка матеріала, тщательная разработка его—вотъ та ближайшая программа, практическому осуществленію которой, какъ извѣстно, посвящаетъ въ то время свои силы далеко не одинъ Евгеній.

Дѣятели первой четверти XIX вѣка точно спохватились, съ ужасомъ раскрывъ для себя, въ какой бесплодной пустотѣ витала доселѣ ихъ мысль, и съ горячностью новообращенныхъ ринулись на новый путь. Платоновская Исторія церкви, наприимѣръ, не удовлетворяетъ Евгенія, не почему иному, какъ потому что событія разказаны въ ней „безъ порядка“, а „исторія“, замѣчаетъ онъ,—„должна быть въ системѣ, то-есть, въ раздѣленіи на періоды, эпохи, и въ подборѣ единообразныхъ матерій по статьямъ или главамъ: а тутъ, хотя видишь главы, но не найдешь причины, почему та или другая глава начинается на этой, а не на другой страницѣ“. Большимъ недостаткомъ представляется ему и отсутствіе ссылокъ на источники: это вызываетъ необходимость „опять читать лѣтописи и все повѣрять“¹⁾. Въ приведенныхъ замѣчаніяхъ прекрасно сказываются главныя требованія исторической науки того времени: каждая мелочь должна быть внимательно прослѣжена и поставлена на указанное мѣсто, и весь матеріалъ—проверенъ и очищенъ: нечего и думать о постройкѣ безъ такой предварительной работы.

Такъ занимались всѣ въ ту пору. Отсутствіе чего либо цѣльнаго, нѣкоторая мозаичность работы заставляла позже отказывать Евгенію въ крупномъ значеніи въ исторической литературѣ и низко цѣнить руководящую идею его произведеній (архіеп. Филаретъ). Но мы теперь знаемъ, что форма и направленіе его дѣятельности обусловились совокупностью задачъ всего того времени. Если результаты этой дѣятельности и не всегда были осязательными, то это отнюдь еще не умаляетъ дѣйствительную ихъ результатность. Кучеобраз-

---

¹⁾ Письмо Евгенія отъ 8-го апрѣля 1806 г. *Москвитинъ* 1848 г., № 8, стр. 172.

ность и набросанность ¹⁾ историческихъ фактовъ въ сочиненіяхъ Евгенія не зависѣла отъ его воли и въ данную минуту была явленіемъ временнымъ; „слѣдствій“ и „причинъ“ не видно было потому, что еще некогда было отыскать ихъ; пробѣлы, связующіе явленія прошедшія съ послѣдующими, происходили прямо отъ недостатка матеріала въ наличное время. Предпочитали оставить пустое мѣсто, чѣмъ заполнять его гадательными соображеніями. Объективность, строгая правда требовала лучше открыто признать свою невозможность отвѣта на вопросъ, чѣмъ закрывать незнаніе мантией ложныхъ разсужденій ²⁾. Но выводить отсюда отсутствіе „систематическаго взгляда на явленія исторіи“ ³⁾ еще не было никакихъ основаній. Мы видѣли сейчасъ укоръ, брошенный Евгеніемъ книгѣ митрополита Платона. Когда явится возможность, то-есть, когда матеріалъ будетъ собранъ, распределенъ и очищенъ, когда историкъ станетъ хозяиномъ въ накопленныхъ фактахъ, тогда наступитъ пора ориентироваться и приняться за возведеніе зданія;—и примутся съ любовью, интересомъ къ дѣлу, съ пониманіемъ серьезности его значенія. Еслибы авторъ „Обзора русской духовной литературы“ знакомъ былъ съ рукописнымъ трудомъ Евгенія: „Исторія Славено-русской церкви“, можетъ быть, онъ и остерегся бы отъ рѣзкаго своего приговора. Надъ этимъ сочиненіемъ, начатымъ послѣ 1812 года, Евгеній работалъ въ теченіи многихъ лѣтъ, постоянно поправляя и дополняя, и снова возвращаясь къ нему послѣ временныхъ перерывовъ. „Исторія Славено-русской церкви“ можетъ не удовлетворять наше время, но она

---

¹⁾ Припомнимъ отзывъ архіепа. Филарета: „вы видите кучи историческихъ явленій, но не соединенныхъ общею мыслью и не оживленныхъ чувствомъ. У него нѣтъ охоты даже къ тому, чтобы попадающіеся ему на глаза явленія раздѣлять на классы ихъ; онъ передаетъ вамъ ихъ, какъ попались они ему случайно. Факты собираются у него безъ различія важнаго отъ пустаго и безъ вниманія къ тому, что въ ряду ихъ недостаетъ тамъ и здѣсь событій, служившихъ переходомъ отъ одного событія къ другому; причинъ и слѣдствій событія не увидите у него, развѣ тамъ, гдѣ они попались ему на глаза“ (Обзоръ русск. духовн. литерат., издан. 2-е, II, 229).

²⁾ Архіеп. Филаретъ замѣчаетъ: „Писали: умеръ по Коссову въ 1057 г., по Копыстенскому—въ 1062, по Саковичу—въ 1069; но въ какомъ именно году умеръ, оставляли нерѣшеннымъ“ (Обзоръ, изд. 2-е, II, стр. 280). Очевидно, Евгеній и Филаретъ принципиально расходились другъ съ другомъ.

³⁾ Архіеп. Филаретъ, *ibidem*, 229.

была серьезной попыткой дать пѣльное и связное изображеніе судебъ русской церкви вполнѣ на основѣ тѣхъ научныхъ требованій, какъ оны понимались современниками Евгенія¹⁾. Трудъ этотъ представляетъ какъ бы оправданіе всей предшествовавшей собирательной дѣятельности Евгенія и становится вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ роста его научнаго сознанія. Но начало этого роста можно прослѣдить и въ болѣе раннее время: не „бездѣйствіе размышляющей силы“ обусловило прогрессъ петербургскихъ работъ Евгенія сравнительно съ его воронежскими и тѣмъ болѣе преимущественныя достоинства „диссертаций“ 1802—1803 гг. надъ актовыми рѣчами 1800—1801 гг. Постепенно-прогрессивный выходъ автора на дорогу историка національнаго прошлаго не можетъ подлежать сомнѣнію уже и въ эту пору.

Е. Шмурло.

---

¹⁾ Рукопись Кіево-сов. библ. № 158.

МОСКОВСКІЯ ВОЛНЕНІЯ 1648 ГОДА.

Въ одной изъ рукописей Императорской Публичной Библиотеки намъ удалось встрѣтить очень любопытный документъ, касающійся исторіи извѣстнаго московскаго бунта 1648 года. Оцѣнокъ этого документа, до сихъ поръ неизвѣстнаго въ печати, и посвящены предлагаемыя замѣтки.

До настоящаго времени главными источниками свѣдѣній о московскихъ волненіяхъ 1648 года служили показанія иностранцевъ. Довольно подробно описалъ московскій бунтъ Олеарій. Но самъ онъ не былъ въ Москвѣ во время бунта и писалъ по разказамъ другихъ, намъ неизвѣстныхъ лицъ, чѣмъ и объясняются нѣкоторыя неточности и хронологическая путаница въ его повѣствованіи ¹⁾. Гораздо болѣе точенъ разказъ о бунтѣ его очевидца, напечатанный на голландскомъ языкѣ въ 1648 году особою брошюрой въ Лейденѣ. Разказъ составленъ въ формѣ письма „нарочито знатною и достовѣрною особою“, какъ выражается заглавіе брошюры ²⁾. Особа эта, по всей вѣроятности, принадлежала къ голландскому посольству, бывшему въ Москвѣ въ іюнѣ 1648 года, — и легко можетъ быть, что

---

¹⁾ *Olearii Beschreibung*, въ изданіи 1656 года стр. 253—260; въ переводѣ Барсова стр. 270—279. Олеарій въ послѣдній разъ былъ въ Москвѣ въ 1639 году.

²⁾ Описание голландской брошюры въ „Замѣткѣ“ о ней г. *Феттерлейна* (*Вѣсти. Европы* за 1880 г., февраль, стр. 895—898). Переводъ брошюры—у К. Н. Бестужева-Рюмина „Московскій бунтъ 23-го іюня 1648 года“ (*Историч. Вѣстникъ* за 1880 г., январь, стр. 69—73).

напечатанное повѣствованіе представляетъ собою отрывокъ изъ официальныхъ посольскихъ донесеній ¹⁾).

Что касается до русскихъ извѣстій о бунтѣ, то, не смотря на ихъ многочисленность, они даютъ исторіку весьма мало. Въ официальныхъ документахъ находимъ только самыя краткія упоминанія о московскихъ волненіяхъ. Патриархъ Іосифъ, особыми грамотами извѣщая свою паству о смутахъ, призывалъ ее молиться, чтобы Господь „православное христіанство отъ межоусобныя брани свободилъ“; но онъ считалъ излишнимъ излагать причины и ходъ московскихъ волненій въ своихъ грамотахъ къ русскимъ архіереямъ ²⁾). Въ разрядныхъ книгахъ о „межусобствѣ“ говорится кратко, неточно и съ невѣрною датой ³⁾). Въ прочихъ же, до сихъ поръ извѣстныхъ бумагахъ, касающихся бунта, вовсе нѣтъ его описаній ⁴⁾). И частныя русскія извѣстія, уцѣлѣвшія въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ памятникѣхъ XVII вѣка, не разказываютъ о бунтѣ подробно. Въ одномъ изъ списковъ Новаго Лѣтописца (въ такъ называемой „Лѣтописи о многихъ мятежахъ“) обстоятельно перечислены событія только перваго дня народныхъ волненій, все же остальное передано сбивчиво и въ немногихъ строкахъ ⁵⁾). Лучше, хотя и кратко повѣствуетъ о бунтѣ другой списокъ того же Лѣтописца, изданный въ отрывкѣ княземъ М. А. Оболенскимъ ⁶⁾). Наконецъ, въ напечатанныхъ А. Н. Поповымъ дополненіяхъ къ хронографу поздней редакціи находятся очень краткія замѣчанія о бунтѣ; они сдѣланы, по всѣмъ признакамъ, очевидно и прекрасно восстанавливаютъ хронологію событій, но очень бѣдны фактическимъ содержаніемъ ⁷⁾). Болѣе другихъ современниковъ бунта словоохотливъ извѣстный троицкій келарь Симонъ

¹⁾ О голландскомъ посольствѣ—въ Дворц. Разрядѣхъ, III, 94—95. Авторъ повѣствованія—,наочито *матвая*“ особа—врядъ ли могъ принадлежать къ числу торговыхъ и служилыхъ голландскихъ выходцевъ, осѣдо жившихъ въ Москвѣ. Самый тонъ разказа, дѣловой и сухой, и обѣщаніе извѣстить о дальнѣйшихъ событіяхъ въ Москвѣ, „если что еще прозойдетъ здѣсь“, даютъ поводъ думать, что мы имѣемъ дѣло съ дипломатическою депешей.

²⁾ Акт. Арх. Эксп. IV, № 30.

³⁾ Дворц. Разряды, III, 93—94.

⁴⁾ Русск. Ист. Библиотека, X, стр. 412.—*Латкина* Земскіе соборы древней Руси, стр. 210.

⁵⁾ Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, стр. 357—358.

⁶⁾ „Новый Лѣтописецъ по списку кн. Оболенскаго“. М. 1853 (и во *Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Др.*, XVII), Приложение I, стр. 5—6.

⁷⁾ Изборникъ А. Н. Попова, стр. 247—248.

Азарынъ: въ своей „Книгѣ о чудесахъ преп. Сергія“ онъ описываетъ бѣгство изъ Москвы, поимку и гибель Траханиотова и очень ярко рисуетъ его хищничество и самоуправство. Но разказъ Симона ничего не даетъ для изображенія событій, происходившихъ въ самой Москвѣ въ смутные дни 1648 года ¹⁾).

Таковъ матеріалъ, находящійся въ распоряженіи изслѣдователей въ настоящее время. И теперь онъ не кажется достаточно полнымъ, а въ старое время, когда не знали и половины обнаруженныхъ нынѣ документовъ, неполнота матеріала заставляла писателей спутывать обстоятельства московскихъ бунтовъ 1648 и 1662 года и излагать ихъ вмѣстѣ ²⁾). Карамзинъ первый замѣтилъ такіа погрѣшности въ предшествовавшихъ ему трудахъ и первый далъ подробное описаніе народныхъ волненій 1648 года, руководясь Олеаріемъ и „Лѣтописью о многихъ мятежахъ“ ³⁾). Въ этихъ источникахъ день бунта обозначенъ различно: въ Лѣтописи—2-го іюня, у Олеарія—6-го іюля. Карамзинъ не принялъ этихъ чиселъ, основываясь на томъ показаніи Олеарія, что первая вспышка народнаго неудовольствія произошла во время крестнаго хода въ Срѣтенскій монастырь; „а крестный ходъ въ сей монастырь бываетъ 23-го числа іюня“. Къ этому-то послѣднему дню Карамзинъ съ полною увѣренностью и отнесъ начало волненій. Позднѣе Арцыбшевъ предпочелъ ту дату—25-го мая, каковую онъ нашелъ въ разрядной книгѣ ⁴⁾); а Берхъ, считая „вѣрнѣйшимъ матеріаломъ“ официальную грамоту о московскомъ пожарѣ 3-го іюня 1648 года, бывшемъ во время бунта, полагалъ первымъ днемъ бунта 2-е іюня ⁵⁾). Такимъ образомъ возникло въ литературѣ хронологическое противорѣчіе, не вполне разрѣшенное

¹⁾ „Книга о чудесахъ преп. Сергія“ (въ Памятникахъ древней письменности. LXX. С.-Пб. 1888), стр. 123—125.

²⁾ См., напримѣръ, *Хилкова (Манкіева) Ядро Росс. Исторіи*, по изд. 1770 г. стр. 361—362.—Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской битвы, IV, стр. 8—9.—*Голицына Дѣянія Петра В.*, изд. 2-е, XIII, стр. 12—13.—Нужно замѣтить, что и въ наше время еще возможны подобныя ошибки: въ книгѣ г. *Латкина „Земскіе соборы“* (стр. 211) извѣстіе Котошихина о бунтѣ 1662 г. отнесено къ бунту 1648 года.

³⁾ Въ статьѣ „О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича“ („Сочиненія Карамзина“, изд. 3-е, т. VIII, М. 1820, стр. 229—253).

⁴⁾ *Арцыбшевска Повѣствованіе о Россіи*, т. III, кн. VI, стр. 93.—Дворц. Разряды, III, 93.

⁵⁾ Царствованіе ц. Алексѣя Михайловича. С.-Пб. 1831, стр. 48—49 и прил. 35 и 36.

и до настоящаго времени. С. М. Соловьевъ слѣдуетъ примѣру Арцы-
бышева и разказываетъ о бунтѣ подѣ 25-мъ мая, отвергая извѣстіе
Олеарія о крестномъ ходѣ въ день бунта ¹⁾). К. Н. Бестужевъ-Рю-
минъ за Карамзинимъ считаетъ днемъ бунта 23-е іюня, когда со-
вершался обычный въ Москвѣ крестный ходъ въ Срѣтенскій мо-
настырь ²⁾). А гг. Латкинъ и Зерцаловъ приводятъ нѣсколько дан-
ныхъ за наиболѣе вѣроятную дату — день 2-го іюня, хотя и не
пытаются объяснить недоразумѣніе, возникающее по поводу того
крестнаго хода, о которомъ говоритъ не одинъ Олеарій, но и рус-
скій хронографъ ³⁾).

Помимо хронологическихъ недоразумѣній, въ источникахъ о бунтѣ
1648 года оказываются и фактическія противорѣчія. Сопоставленіе
русскихъ текстовъ съ текстомъ Олеарія и анонимною Лейденскою
брошюрой не разъ ставитъ читателя въ тупикъ. Большой пожаръ,
происшедшій во время смуть, Олеарій относитъ къ третьему дню
народныхъ волненій, анонимная же брошюра—ко второму дню, и
это послѣднее подтверждается нѣкоторыми другими документами.
Казнь Траханиотова, по Олеарію, происходила ранѣе пожара, въ
третій день бунта. Анонимная брошюра передаетъ объ этой казни
безъ точнаго указанія времени, но послѣ разказа о пожарѣ. Согласно
съ брошюрой и неопредѣленные показанія Симона Аваряина. Хро-
нографъ же, не разъ упомянутый нами, точно указываетъ и день—
5-го іюня, и даже самый часъ казни Траханиотова. Эта точная дата
противорѣчитъ не только Олеарію, но и „Лѣтописи о многихъ мяте-
жахъ“, по точному смыслу которой Траханиотовъ былъ казненъ до
пожара, „во второй день“ беспорядковъ. Не говоримъ о другихъ
разностяхъ въ разказахъ о бунтѣ: значительная часть ихъ отмѣчена
К. Н. Бестужевымъ-Рюминимъ въ его примѣчаніяхъ къ переводу
голландской брошюры.

Намъ кажется, что повѣствованіе о бунтѣ, случайно встрѣченное
нами, разъясняетъ окончательно хронологическія недоразумѣнія, пока-
занныя выше, и до нѣкоторой степени помогаетъ выйти изъ противо-
рѣчій, представляемыхъ прочими источниками. Какъ уже сказано, это по-
вѣствованіе находится въ сборникѣ Императорской Публичной Библіо-
теки Q. XVII. 70 (изъ собранія графа Ѳ. А. Толстаго, отд. II, № 237).

¹⁾ Ист. Россіи, X, по изд. 1877 г. стр. 138.

²⁾ Историч. Вѣстникъ за 1880 г., январь, стр. 69.

³⁾ Латкина Земскіе соборы, стр. 210.—Изборникъ А. Н. Попова, стр. 247.

Сборникъ составленъ (судя по переплету, въ позднѣйшее время, быть можетъ, для самого графа Толстаго) изъ нѣсколькихъ небольшихъ рукописей, не имѣющихъ одна къ другой ни малѣйшаго отношенія. Рукописи писаны разными почерками, на разной бумагѣ и въ разное время ¹⁾. Последняя по счету рукопись, вошедшая въ этотъ сборникъ (л. 34—47), есть не что иное, какъ собраніе лѣтописныхъ замѣтокъ, вѣроятно, заключающихъ собою какой-нибудь обширный лѣтописный трудъ. Замѣтки писаны четкою скорописью второй половины XVII вѣка и посвящены описанію московскихъ событій за время отъ января 1648 до ноября 1653 года. Во всемъ своемъ объемѣ онѣ не представляютъ большаго историческаго интереса, приближаясь и литературнымъ стилемъ, и до нѣкоторой степени подборомъ событій къ тому лѣтописному отрывку, какой былъ изданъ княземъ Оболенскимъ въ дополненіяхъ къ его Новому Лѣтописцу ²⁾. Любопытно только начало замѣтокъ—о событіяхъ 1648 года. Здѣсь мы находимъ хотя довольно сжатый, но обстоятельный и вполне оригинальный разказъ о бунтѣ съ такими подробностями, какихъ нѣтъ въ другихъ русскихъ повѣствованіяхъ.

¹⁾ Такой характеръ сборника избавляетъ насъ отъ необходимости вдаваться въ разборъ всѣхъ его составныхъ частей. Вкратцѣ содержаніе сборника изложено *Калайдовичемъ* и *Стросеммъ* въ ихъ извѣстныхъ обстоятельномъ описаніи славяно-російскихъ рукописей гр. *В. А. Толстова*. М. 1825, стр. 386—387.

²⁾ Новый Лѣтописецъ по списку ин. *Оболенскаго*, Приложение I.—Кромѣ тѣхъ статей о событіяхъ 1648 года, которыя будутъ приведены ниже цѣликомъ, въ сборникѣ Q. XVII. 70 находимъ слѣдующія замѣтки: 1) л. 38—о смерти царевича Дмитрія Алексѣевича (кратко); 2) л. 38 об.—о дарованіи 25-го декабря 1651 года „его государеву духовнику Благовѣщенскому протопопу“ (Слефану Вонисатьеву „властелинской шапки“; 3) л. 38 об.—40—о перенесеніи мощей патріарха Іова (подробнѣе, чѣмъ въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго*, стр. 8); 4) л. 40—о смерти патріарха Іосифа (кратко); 5) л. 40—41 об.—о пяти пожарахъ въ Москвѣ 29-го мая—5-го іюня 1652 г. (подробнѣе, чѣмъ въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго*, стр. 8—9); 6) л. 41 об.—45—о перенесеніи мощей митр. Филиппа (подробнѣе, чѣмъ въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго*, стр. 9—10); 7) л. 45—45 об.—объ устреніи завода, чтобы „дѣлать колоколь большой“; „а вылить колоколь 162 году ноября въ 5 день“ (это самая поздняя дата въ рукописи); 8) л. 45 об.—46 об.—объ избраніи и поставленіи Никона на патріаршество и о поднесеніи ему митры (вкратчѣ, чѣмъ въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго*, стр. 10—12); 9) л. 46 об.—47—объ объявленіи войны Польшѣ (кратко); 10) л. 47—объ отправленіи 9-го октября 1653 года В. В. Бутурлина „къ пану Богдану Хмелинскому съ черкасы принять ево и ко кресту привезть“, и о посылкѣ В. П. Шереметева во Псковъ „на ливонскіе горды“.

Прежде всего этотъ разказъ даетъ полную разгадку хронологическихъ недоразумѣній. Относя начало бунта ко 2-му іюня, авторъ нашего памятника объясняетъ, почему именно въ этотъ не обычный день состоялся крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь, тогда какъ въ другіе годы ходъ совершался раньше—именно 21-го мая ¹⁾. По словамъ автора, церковное торжество было отложено, „потому что было мая 21 число...въ самый праздникъ, въ Троицынъ день“. Государь по обычаю былъ въ день Пятидесятницы въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, „а безъ себя государь праздновати Владимирской иконѣ не велѣлъ“. Въ Москву царь Алексѣй возвратился только 1-го іюня, и на другой же день совершенъ былъ тотъ крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь, съ которымъ связалось начало волненій. Такимъ образомъ, показаніе Олеарія и русскаго хронографа о крестномъ ходѣ въ день бунта находить не только подтвержденіе, но и полное объясненіе. Если вспомнимъ, что въ официальной выходной книгѣ 7156 (1648) года крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь показанъ также 2-го іюня ²⁾, то для насъ не останется уже никакихъ сомнѣній относительно того, что народное движеніе въ Москвѣ началось 2-го іюня,—число, котораго, не смотря на многія свидѣтельства, не рѣшались принять С. М. Соловьевъ и К. Н. Вестушевъ-Гюминъ.

Что касается до фактическихъ показаній нашего памятника, то оцѣнить ихъ легче всего можно путемъ непосредственнаго знакомства съ изучаемымъ текстомъ. Небольшой объемъ его позволяетъ привести здѣсь цѣликомъ начало памятника—три первыя его статьи, касающіяся событій 1648 года. Пробѣгая эти статьи, читатель увидитъ какъ литературныя особенности изучаемаго лѣтописца, такъ и богатство его фактическихъ данныхъ въ сравненіи съ прочими русскими повѣствованіями о бунтѣ, а также и полное соответствіе хронологическихъ показаній нашего текста съ показаніями помнутаго уже хронографа и другихъ русскихъ источниковъ. Подстрочныя примѣчанія къ тексту, отмѣчая параллельныя мѣста прочихъ документовъ, имѣютъ цѣлью облегчить для читателя сопоставленіе данныхъ разныхъ источниковъ для исторіи бунта.

¹⁾ Объ учрежденіи крестнаго хода 21-го мая въ лѣтописяхъ сохранились обстоятельныя извѣстія: П. Собр. Р. Лвт., VI, 254; VIII, 254.

²⁾ „Выходы государей царей“ и пр. М. 1844, стр. 181—182.

Разказъ о происшествіяхъ 1648 года въ нашемъ документѣ дословно таковъ:

[л. 34] „156 (1648)-го году генваря въ 16 день совокупился государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи съ благовѣрною царицею и великою княгинею Марьею Ильиничною. А радость у него государя была въ седмомъ часу дни. А пришелъ государь-царь и съ царицею въ соборъ къ обѣднѣ, а послѣ обѣдни вѣнчаніе было. А во дни было часовъ 8. А взялъ онъ государь царицу Ильину дочь Данилова сына Милославсково и ему Ильѣ пожаловалъ государь царь на своей царьской радости окольникство“.

„156(1648)-го іюня въ 2 день праздновали Стрѣтенію чудотворныя иконы Владимирскія, [л. 34 об.] потому что было маія 21 число царя Константина и матери его Елены въ самый праздникъ въ Троицнѣ день. А государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи былъ втѣпоры у праздника у живоначальные Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ и съ царицею; а безъ себя государь праздновати Владимирской иконѣ не велѣлъ, а отъ Троицы государь пришелъ іюня въ 1 день. И на праздникъ Стрѣтенія чудотворныя иконы Владимирскіе было смятеніе въ мірѣ, били челомъ всею землею государю на земсково судью на Левонтя Степанова сына Плещѣева. что отъ него въ міру стала великая налога и во всякихъ разбойныхъ и татинныхъ дѣлахъ по ево [л. 35] Левонтьеву наученью отъ воровскихъ людей напрасныя оговоры ¹⁾. И государь царь того дни всей землѣ ево Левонтя не выдалъ“.

„И того жъ дни возмутились міромъ на ево Левонтьевыхъ заступниковъ, на боарина и государева царева датку на Бориса Иванова сына Морозова, да на окольникчево на Петра Тиханова сына Траханиотова, да на думново дьяка на Назарья Иванова сына Чистово и иныхъ многихъ единомыслениковъ ихъ, и дома ихъ міромъ разбили и розграбили. И самово думново дьяка Назарья Чистого у него въ дому до смерти прибили“ ²⁾.

„И іюня въ 3 день, видя государь царь такое въ міру [л. 35

¹⁾ Подобное же обвиненіе противъ Плещеева встрѣчается у *Олеарія* (по изд. 1656 г. стр. 253; въ переводѣ *Барсова* стр. 268).

²⁾ О грабежахъ и смерти Чистого подъ тѣмъ же числомъ 2-го іюня говорится въ Лѣт. о мн. мѣт. (изд. 2-е, стр. 358) и въ хронографѣ (Изборникъ, стр. 247). *Олеарій* (по изд. 1656 г. стр. 255—256; въ переводѣ стр. 271—273) и Лейденская брошюра (*Ист. Вѣстн.*, стр. 69—70) обстоятельно и довольно согласно описываютъ убійство Чистого и грабежи.

об.] великое смятеніе, велѣлъ ево Земсково судью Левонтя Плещѣева всей землѣ выдать головою, и ево Левонтя миромъ на Пожарѣ прибили ослопемъ ¹⁾. И учели миромъ просити и заступниковъ ево единомыслениковъ Бориса Морозова и Петра Траханіотова. И государь царь высылалъ на Лобное мѣсто съ образомъ чудотворныя иконы Владимирскія патриарха Іосіа Московскаго и всеа Русіи, и съ нимъ митрополитъ Серапіонъ Сарскій и Подонскій, и архіепископъ Серапіонъ Суздальскій ²⁾, и архимандриты, и игумены, и весь чинъ священный. Да съ ними жъ государь посылалъ своего царьскаго сигклиту боярь своихъ: своего государева дядю боярина Никиту Ивановича Романова, [л. 36] да боярина князя Дмитрея Мамстроковича Черкассково, да боярина князя Михайла Петровича Пронсково ³⁾, и съ ними многихъ дворянъ,—чтобъ миромъ утолилися. А заступниковъ Левонтьевыхъ Бориса Морозова и Петра Траханіотова указалъ де государь съ Москвы розослать, гдѣ де вамъ міряномъ годно, и впредь де имъ Борису Морозову и Петру Траханіотову до смерти на Москвѣ не бывать и не владѣть и на городѣхъ у государевыхъ дѣлѣ ни въ какихъ приказѣхъ не бывать. И на томъ государь царь къ Спасову образу прикладывался, и миромъ и всею землею положили на ево государскую волю ⁴⁾.

¹⁾ О казни Плещеева 3-го іюня говорится въ Лѣт. о ми. мят. (изд. 2, стр. 358), въ хронографѣ (Изборникъ, стр. 247—248), въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго* (стр. 6) и въ Лейденской брошюрѣ (стр. 71). *Олеарій* даетъ наиболее подробное описаніе смерти Плещеева (по изд. 1656 г. стр. 257—258; въ переводѣ стр. 275).

²⁾ Серапіонъ, архимандритъ Владиміро-Рождественскій, былъ митрополитомъ Сарскимъ въ 1637—1653 гг. Серапіонъ, игуменъ Тольскій, былъ архіепископомъ Суздальскимъ въ 1634—1653 гг. (*Строева* Списки Іерарховъ, ст. 1035 и 662; 656 и 344).

³⁾ Объ этихъ боярахъ см. Др. Росс. Вивл., изд. 2, XX, 102, 103, 105.

⁴⁾ Объ этой бесѣдѣ царскихъ посланныхъ съ народомъ говорятъ одни иностранцы. *Олеарій* упоминаетъ одного только Н. И. Романова и разказываетъ, что народъ черезъ Романова просилъ у царя выдачи Морозова, Траханіотова и Плещеева; казнь Плещеева и была будто бы слѣдствіемъ этой просьбы народа (въ изд. 1656 г. стр. 257; въ переводѣ стр. 274). Но мы видимъ уже случай замѣтить, что *Олеарій* путалъ порядокъ событій. Лейденская брошюра, вообще точнѣе *Олеарія* передающая факты, разказываетъ (стр. 71), что самъ царь вышелъ къ народу и просилъ его подождать и не требовать смерти Морозова и Траханіотова втеченіе двухъ дней. Показанія брошюры о смыслѣ происходившихъ переговоровъ довольно сходны съ нашими памятникомъ. Но русскій писатель, почтительно относясь къ особѣ царя Алексѣя, не говоритъ, что государь

„И того жъ дни тѣ презреченные Борисъ Морозовъ и Петръ [л. 36 об.] Траханиотовъ наученіемъ дьявольскимъ рослали людей своихъ по всей Москвѣ, велѣли всю Москву выжечь. И онѣ люди ихъ большую половину Московского государства выжгли: отъ рѣки Неглинки Бѣлой городъ до Чертольскіе стѣны каменново Бѣлово города, и Житной рядъ и Мучной и Солодяной, и отъ тово въ міру сталъ всякой хлѣбъ дорогъ; а позади Бѣлова города отъ Тверскихъ воротъ по Москву рѣку да до Землянова города ¹⁾. И многихъ людей ихъ зажигальщиковъ переимали и къ государю царю для ихъ измѣнничья обличенья приводили, а иныхъ до смерти побивали“ ²⁾.

„И іюня въ 4 день міромъ и всею землею опять за ихъ великую измѣну и за пожегъ возмутились [л. 37] и учели ихъ измѣнниковъ Бориса Морозова и Петра Траханиотова у государя царя просить головою ³⁾. А государь царь тое ночи іюня противъ 4 числа послалъ тово Петра Траханиотова въ ссылку на Устюгъ Желѣзной воеводою ⁴⁾. И видя государь царь во всей землѣ великое смятеніе, а ихъ измѣнничью въ міръ великую досаду, послалъ отъ своего царьскаго лица окольниково своего князь Семена Романовича Пожарсково, а съ нимъ 50 человекъ московскихъ стрѣльцовъ, велѣлъ тово Петра Траханиотова на дорогѣ сугнать и привести къ себѣ государю къ Москвѣ. И окольниковъ князь Семенъ Романовичъ Пожарской сугналъ ево Петра на дорогѣ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ и привезъ ево къ Мо-

---

лично бесѣдовалъ съ народомъ. Однако слова: „и на томъ государь царь къ Спасову образу прикладывался“ и т. д.,—заставляютъ думать, что царь Алексѣй принималъ очень близкое участіе въ переговорахъ съ толпою и что голландская брошюра, быть можетъ, права въ своемъ показаніи.

¹⁾ О размѣрахъ пожара—въ Лѣт. о мн. мѣт. (изд. 2, стр. 358), въ хронографѣ (Изборникъ, стр. 248), въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго* (стр. 6), въ Дворц. Разр. (III, 93—94) и у *Олеарія* (въ изд. 1656 года стран. 258; въ переводѣ стр. 276).

²⁾ Извѣстіе нашего текста о поджогахъ сходится съ разказомъ Лейденской брошюры (стр. 72). Очевидно, оба документа передаютъ дѣйствительно существовавшее убѣжденіе народной массы въ томъ, что поджигали Москву „измѣнники“ бояре.

³⁾ Нашъ текстъ приводитъ совершенно тотъ же мотивъ новаго возмущенія 4-го іюня, какъ и Лейденская брошюра (стр. 72).

⁴⁾ Трудно сказать, что слѣдуетъ разумѣть здѣсь: Устюгъ ли Великій, или Устюжну Желѣзнопольскую. Замѣчаніе *Симона Азарина*, что Траханиотовъ бѣжалъ изъ Москвы „Ярославскою дорогою“,—не рѣшаетъ дѣла (Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 125).

сквѣ связана іюня въ 5 день ¹⁾. И государь царь велѣлъ ево [л. 37 об.] Петра Траханиотова за ту ихъ измѣну и за московской пожечь передъ міромъ казнить на Пожарѣ ²⁾. А тово Бориса Морозова государь царь у міру упросилъ, что ево сослать съ Москвы въ Кириловъ монастырь на Бѣлоозеро, а за то ево не казнить, что онъ государя царя дятка, вскормилъ ево государя. А впредь ему Борису на Москвѣ не бывать и всѣмъ роду ево Морозовымъ нигдѣ въ приказѣхъ у государевыхъ дѣлъ, ни на воеводствахъ не бывать и владѣть ничѣмъ не велѣлъ. На томъ міромъ и всюю землю государю царю челомъ ударили и въ томъ во всемъ договорилися ³⁾. А стрѣльцовъ и всякихъ служивыхъ людей государь царь пожаловалъ, велѣлъ имъ свое государево жалованье давать денежное и хлѣбное вдвое. А которые погорѣли, и тѣмъ государь жаловалъ на дворовое строенье [л. 38] по своему государеву разсмотрѣнью. А дятку своею Бориса Морозова іюня въ 12 день сослалъ въ Кириловъ монастырь подъ началъ ⁴⁾.

„157 (1648)-го октября противъ 22 числа въ ночи родился государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Русіи сынъ, благовѣрный царевичъ Дмитрей Алексѣевичъ, на самый праздникъ Явленія чудотворныя иконы Казанскіе. И для тое радости государь пожаловалъ дятку своею Бориса Морозова опять къ Москвѣ“.

Таковы замѣтки нашего текста о московскихъ волненіяхъ 1648 года. Значеніе этихъ замѣтокъ прежде всего въ томъ, что съ по-

¹⁾ О повикѣ Траханиотова, кромѣ *Симона Азарина*, говоритъ *Олеарій* (въ изд. 1656 г. стр. 258; въ переводѣ стр. 275). Дата 5-го іюня—вполнѣ сходится съ показаніемъ хронографа (Изборникъ, стр. 248).

²⁾ Нашъ текстъ указываетъ, что Траханиотова казнили „на Пожарѣ“; то же находимъ въ Лѣт. о мн. мят. (изд. 2, стр. 358) и въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго* (стр. 6). *Симонъ Азаринъ* говоритъ иначе: „на Земскомъ дворѣ отъ черныхъ людей убиень бысть“ (Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 125).

³⁾ По прямому смыслу этого мѣста выходитъ, что царь говорилъ съ народомъ о Морозовѣ лично и въ тотъ же день 4-го іюня, когда рѣшился выдать Траханиотова. Такъ представляеть дѣло и Лейденская брошюра (стр. 72). *Олеарій* же разказываетъ, что государь лично вступился за Морозова уже тогда, когда мятежъ совсѣмъ утихъ (въ изд. 1656 г. стр. 259—260; въ переводѣ стр. 277—279).

⁴⁾ Это извѣстіе съ тою же датой читаемъ въ Лейденской брошюрѣ (стр. 73: „12-го іюня часа за два до разсвѣта“) и въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго* (стр. 6: „іюня же въ 12 день, за часъ до дня“). Въ брошюрѣ разказано, что высылка Морозова послѣдовала по причинѣ новаго волненія народа. На то же могутъ намекать и слова Лѣтописца *Оболенскаго*, что Морозова сослали „по ихъ же черныхъ людей челобитью“.

мощью ихъ мы можемъ лучше оцѣнить пространные разказы современниковъ бунта, иностранцевъ: теперь легко опредѣлить ошибки Олеарія и степень точности свѣдѣній, переданныхъ неизвѣстнымъ голландцемъ на его родину. Новый русскій текстъ, вмѣстѣ съ известными ранѣе краткими записями русскихъ людей, даетъ для исторіи бунта матеріалъ, безъ сомнѣнія, болѣе прочный, чѣмъ показанія чуждыхъ русской жизни иноземцевъ, какъ бы правдивы ни были въ данномъ случаѣ ихъ разказы. И поддаваясь теперь критической провѣркѣ на основаніи русскихъ данныхъ, эти иноземные разказы сами пріобрѣтаютъ большую опредѣленность и цѣнность въ глазахъ изслѣдователя. Съ другой стороны, помимо своей фактической полноты, новый текстъ любопытенъ еще и тѣмъ, что сохранилъ намъ очень яркое отраженіе взглядовъ и чувствъ москвича-современника бунта, не умѣвшаго справиться со своими впечатлѣніями. Авторъ замѣтокъ о бунтѣ стоитъ совершенно на точкѣ зрѣнія бунтовщиковъ. Тогда какъ другіе русскіе писатели зовутъ ихъ „мятежниками“, „черными людьми“, иногда „земскими людьми“,—онъ называетъ ихъ „миромъ“ и „всею землею“. Эти названія, слишкомъ почетныя для московской толпы, указываютъ, что авторъ замѣтокъ считалъ поведеніе и притязанія москвичей дѣломъ вполне правымъ и законнымъ. Бояре, пострадавшіе въ бунтѣ, въ глазахъ автора „измѣнники“, а нѣкоторые даже и поджигатели. Онъ безъ всякаго сожалѣнія говоритъ о гибели ихъ, какъ о достойной карѣ за „ихъ измѣнничью въ мірѣ великую досаду. Онъ еще на столько подавленъ впечатлѣніями отъ происшедшаго, что не считаетъ нужнымъ скрывать уступокъ, сдѣланныхъ толпѣ молодымъ и мягкимъ царемъ Алексѣемъ: другіе русскіе лѣтописатели ни слова не говорятъ о томъ, что государь „къ Спасову образу прикладывался“, и что онъ Морозова „у міру упротилъ“. Всѣ эти черты разбираемаго разказа, обнаруживая одностороннее отношеніе автора къ событіямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣлствуютъ, что авторъ вполне искренно, безъ предвзятыхъ соображеній и внѣшнихъ стѣсненій, передавалъ свои воспоминанія о бунтѣ. Это усиливаетъ интересъ памятника и служитъ въ то же время ручательствомъ, что мы имѣемъ дѣло съ очевидцемъ, записавшимъ факты вскорѣ послѣ того, какъ они произошли,—вѣроятно, даже раньше, чѣмъ совершилось возвращеніе Морозова въ Москву. Объ этомъ возвращеніи въ памятникѣ повѣствуется уже совершенно инымъ, спокойнымъ тономъ.

С. Платоновъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ДРАМЫ¹⁾.

VI.

Во время своего заграничнаго путешествія Петръ Великій повсюду имѣлъ случай видѣть театральныя представленія и убѣдиться, что они служатъ для европейскаго общества однимъ изъ самыхъ любимыхъ увеселеній. Въ 1697 году въ Амстердамѣ данъ былъ въ его присутствіи великолѣпно обставленный балетъ „Купидонъ“; въ Вѣнѣ и Лондонѣ онъ посѣщаль представленія италіанской оперы, въ то время только что входившей въ моду, и восхищался лондонскою примадонной Кроссъ. Съ конца XVII столѣтія при европейскихъ дворахъ мало по малу прививается обычай устраивать такъ-называемыя *Wirthschaften*, нѣчто въ родѣ импровизированныхъ домашнихъ спектаклей или маскарадовъ съ куплетами и танцами, преимущественно пасторальнаго содержанія. Государи и государыни разыгрывали обыкновенно роли хозяйина и хозяйки; гостями являлись принцы и ближайшіе придворные, одѣтые крестьянами, пастухами, матросами, солдатами и т. п. Съ подобными представленіями часто соединялись аллегорическія маскарадныя процессіи, отличавшіяся особенною роскошью и затѣйливостью. Въ бытность свою въ Вѣнѣ (11-го іюля 1698 года), Петръ самъ принималъ участіе въ одной изъ такихъ *Wirthschaften*, вмѣстѣ съ императоромъ Леопольдомъ; онъ явился въ костюмѣ фрисландскаго крестьянина и по окончаніи спектакля очень много танцовалъ²⁾. По видимому, царю очень понравились подобныя

---

¹⁾ *Продолженіе*. См. апрельскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1888 г.

²⁾ *Wesselofsky*, *Deutsche Einfl.*, 38—39; *Brückner*, *Peter der Grosse* (Berl. 1880), 164; *Устряловъ*, *Ист. П. В.*, III, 142. О *Wirthschaften* см. *Flögel-Ebeling*, *Gesch. des Grotesk-Komischen*, 5-te Aufl., 296—297; *Prutz*, *Vorlesungen*, 132—133, 164—166.

увеселенія, такъ какъ, возвратившись изъ путешествія, онъ сталъ заводить и у себя разнаго рода маскарадныя потѣхи и процессіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, у него явилась мысль и о возобновленіи давно заброшеннаго комидійнаго дѣйства.

Осуществленіе этой мысли представляло такія же трудности, какъ и первоначальное заведеніе театра при дворѣ царя Алексѣя Михайловича. Четверть вѣка прошла съ той поры, какъ „минули комедіи“; отъ школы Грегори и Чижинскаго не осталось и слѣда; комидійной палаты не было и въ поминѣ, и всѣ ея принадлежности давно истлѣли. Старый театръ пропалъ безъ вѣсти; едва ли даже кто-нибудь вспоминалъ о немъ, и возобновить его домашними средствами не было никакой возможности. Приходилось начинать все дѣло сызнова и опять, какъ въ 1671—1672 гг., прискивать такого человѣка, который взялъ бы на себя устройство новой потѣхи. Нѣмецкая слобода на этотъ разъ, по видимому, не могла сослужить царю такую же службу, какую она сослужила за четверть вѣка передъ тѣмъ: въ числѣ ея жителей не было ни профессиональныхъ актеровъ, ни любителей театра, которые были бы въ состояніи сейчасъ же устроить комедію. Пришлось искать комедіантовъ за рубежомъ, и по этой части предложилъ свои услуги нѣкто Янъ Славскій,—личность довольно темная, по всей вѣроятности, одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ въ то время авантюристовъ, которые, потерпѣвъ неудачу у себя на родинѣ, отправлялись искать счастья въ далекую и почти мифическую для нихъ Московію. Янъ Славскій, родомъ изъ Венгріи (можетъ быть, словакъ), поступилъ на русскую службу въ 1698 году и именовался капитаномъ. Въ іюнѣ 1701 г. онъ былъ командированъ за границу съ порученіемъ на вербовать и привезти въ Москву труппу актеровъ ¹⁾. Исполняя это порученіе, Славскій въ Данцигѣ договорился съ принципаломъ одной изъ нѣмецкихъ странствующихъ труппъ, Іоганномъ Христіаномъ Кунстомъ, и приготовилъ уже все нужное къ дорогѣ; но въ рѣшительную минуту Кунстъ отказался ѣхать въ Москву, приводя тѣ же самые резоны, какими за 25 лѣтъ передъ тѣмъ отговаривался Фельтень. „Тамо мнѣ говорено“, доносилъ Славскій,—„что здѣшняя (то-есть, Русская) земля столь худа есть, что

¹⁾ Дальнѣйшее изложеніе основано на документахъ, напечатанныхъ Н. А. Поповымъ въ статьѣ: „Вызваніе комедіанты при Петрѣ“ (*Библиогр. Записки*, III (1861), 415—417) и Е. В. Барсовымъ въ *Чтеніяхъ Общ. Ист.* 1882, кн. III („Новыя размысканія о первомъ періодѣ русскаго театра“).

никто въ оной исправиться не можетъ; но какъ я о томъ спрашивалъ, отъ кого они то слышали, и на то мнѣ отвѣчено, что отъ игроца кукольнаго Гордона (который для убойства казненъ былъ кнотомъ и послѣ того воровскимъ пособіемъ ушелъ), что онъ у его величества служилъ въ капитанскомъ чинѣ, а какъ онъ о жалованьѣ билъ челомъ, то его велѣли бить кнотомъ, и для того онъ сбѣжалъ,— и то неправда¹. Такимъ образомъ, нѣмецкіе актеры отказались ѣхать въ Москву, напуганные разказами своего товарища по профессіи, и Славскій не могъ исполнить данное ему порученіе.

Узнавъ объ этой неудачѣ, государь, находившійся тогда въ Воронежѣ, тотчасъ же приказалъ Славскому письменно снести съ приглашенными комедіантами и обнадѣжить ихъ точнымъ исполненіемъ заключенныхъ имъ условій. При этомъ было поставлено на видъ, что если комедіанты вздумали бы возвратиться на родину, то задержки имъ никакой не будетъ. Но Славскій заявилъ, что переписка дѣлу не поможетъ, и что для успѣха ему необходимо снова самому поѣхать въ Данцигъ, заручившись полномочіями для найма актеровъ, и „для подлиннаго увѣренія“ взявъ съ собою подъячаго. Въ виду такого доклада, государь указалъ Славскому вмѣстѣ съ подъячимъ Сергѣемъ Ляпуновымъ ѣхать въ Данцигъ, куда они и отправились въ январѣ 1702 года. На этотъ разъ цѣль была вполнѣ достигнута: Славскій „во имя царскаго величества“ заключилъ 12-го апрѣля съ Кунстомъ контрактъ, по которому комедіантскій принципаль со своими „дѣйствующими людьми“, за ежегодное жалованье въ 6000 ефимковъ (по тогдашнему курсу—4200 рублей), обязался „яко вѣрному рабу надлежить, его царскаго величества всѣми вымыслами и потѣхами увеселять, и для того всегда бодръ, трезвъ и готовъ быти“¹).

Въ приглашенной такимъ образомъ труппѣ, кромѣ „начальнаго комедіанта“ Кунста (онъ назывался также „его царскаго величества комедіантскимъ правителемъ“) и его жены Анны, было семеро актеровъ: Яганъ Мортонъ Бейдляръ, Яковъ Эрдманнъ Старкей, Яганъ Плантинъ, Антоній Родакъ, Михаилъ Виртъ, Карлъ Эрнестъ Ницъ и Михаилъ Езовскій. Имена двухъ первыхъ²) указываютъ на ихъ

¹) Текстъ этого договора—у Барсова, 1. с., 8—9.

²) Какъ уже было замѣчено А. Н. Веселовскимъ, Deutsche Einfl., 42. Нѣкоторые изъ этихъ семи актеровъ, кромѣ „комедіальнаго дѣйствія“, должны были исполнять и другія обязанности по театру: Антонъ Родакъ приготовлялъ для труппы парики и накладки, Яковъ Эрдманнъ былъ театральнымъ портнымъ, и т. д. Пенарскій, Н. и Л., I, 422.

англійское происхожденіе и, можетъ быть, на принадлежность ихъ къ одной изъ англійскихъ бродячихъ труппъ, которыя въ ту пору доживали свой вѣкъ въ Германіи. Въ концѣ іюня 1702 года актеры прибыли въ Москву, а недѣли черезъ двѣ Кунстъ уже явился въ посольскій приказъ съ пространною жалобою на Славскаго и Ляпунова, съ которыми онъ, какъ видно, успѣлъ посориться во время пути. Главныя обвиненія, предъявленныя имъ противъ своихъ приставовъ, заключались въ томъ, что они не дали ему времени и возможности „промыслить добрыхъ комедіантовъ, которые искусны въ поучихъ дѣйствахъ“, то-есть, въ операхъ, и въ дорогѣ притѣснили его и его жену. Жалобѣ, какъ видно, не придали особеннаго значенія; но вообще къ Кунсту относились очень предупредительно, жалованье платили впередъ и исполняли всѣ его требованія по театальной части. „Царскаго величества комедіантскій правитель“ (Directeur von Ihro zarischen Majestät Hof-Komödianten) прежде всего предполагалъ приступить къ постройкѣ „дѣлательнаго двора“, который, по его плану, долженъ былъ имѣть 20 сажень въ длину, 15 въ ширину и 6 въ вышину. Онъ надѣялся покончить всѣ работы въ три недѣли, если только ему дадутъ нужныхъ для постройки мастеровыхъ,—плотниковъ, портныхъ, живописцевъ и необходимые строительные матеріалы. Дѣло, однакожь, затянулось на цѣлыя полгода. Лѣтомъ 1702 года, когда прибыла въ Москву нѣмецкая труппа, царь находился въ Архангельскѣ. вмѣстѣ съ нимъ былъ въ походѣ и бояринъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ, начальникъ посольскаго приказа, въ вѣдѣніи котораго (какъ и ранѣе, во времена Алексѣя Михайловича) находился театръ. Въ половинѣ іюля Головинъ писалъ дьякамъ посольскаго приказа, чтобъ они, подъ руководствомъ Кунста, поспѣшили устройствомъ комедіи, „дабы конечно, совсѣмъ наготово была учинена и сдѣлана къ пришествію великаго государя безъ всякаго мотчанія“; при этомъ рекомендовалъ взять подъ комедію „Разстригины палаты“, близъ Срѣтенской церкви. По отзыву Кунста, эти палаты оказались неудобными; тогда Головинъ приказалъ (въ началѣ августа) строить комидійный домъ въ Кремлѣ, „въѣхавъ въ Никольскія ворота на лѣвой сторонѣ“. Это заочно выбранное мѣсто дьяки нашли неудобнымъ для постройки: „напошено кирпичу и всякаго лому, и земли отъ старыхъ палатъ великія горы“. Получивъ донесеніе дьяковъ, Головинъ велѣлъ построить комедіальную хоромину на Красной площади, близъ триумфальныхъ избъ. Дьяки были поражены выборомъ такого „знатнаго мѣста“ для комедіи. Они уже давно тяготились такимъ

необычнымъ для себя и ничтожнымъ дѣломъ, каково строеніе комедіи, хотѣли сбыть его съ рукъ и рѣшились просить, чтобъ оно было передано въ Оружейную палату: „намъ такія дѣла не заобычны, и волочиться, ей, государь, не можемъ“. Головинъ отвѣчалъ на ихъ жалобы: „О комедіи, что дѣлать велѣно, вельми скучаете? Гораздо вы утѣснены дѣлами? Кажется, здѣсь суетняѣ и безпокойнѣе вашего, — дѣлають бескучно. Какъ напередъ сего къ вамъ писано, дѣлайте и слѣшайте къ пришествію великаго государя амбаръ построить. Скучно вамъ стало!“ Получивъ такое категорическое приказаніе, дьяки, все-таки, не могли помириться съ выборомъ Красной площади для „комедіальнаго амбара“ и еще разъ попытались убѣдить Головина перенести этотъ амбаръ куда-нибудь подальше: „въ томъ мѣстѣ (отписывались они) подъ то строеніе земли столько не будетъ, а если по нуждѣ и построится, и отъ той хоромины площадь и триумфальная свѣтлицы заставятся; а лѣсъ, государь, весьма дорогъ“. При этомъ дьяки сомнѣвались и относительно качества новой заморской потѣлки: „Комедіантъ совершенный ли мастеръ“ докладывали они Головину, — „и съ утѣшныя дѣла станетъ ли подлинно, невѣдомо, и опыту ему не было... А какую комедію готовить, и тому принесъ нѣмецкое письмо; а по разговорамъ, государь, переводчиковъ слышимъ, что мало въ ней пристойства. А ежели, государь, хоромы въ такомъ знатномъ мѣстѣ и великимъ иждивеніемъ построятъ, а дѣло у нихъ будетъ малое, и за то, государь, опасны твоему гнѣву“.

Но воля царя была неизмѣнна. Изъ-подъ Нотебурга, за три дня до штурма крѣпости, 8-го октября, Головинъ лаконически отвѣтилъ дьякамъ: „О комедіи и о комедіантахъ учините по прежнему моему о томъ къ вамъ письму“. Черезъ два мѣсяца комедіальная хранина была готова, „а въ ней театрумъ и хоры, и лавки, и двери, и окна; и внутри ея потолокъ подбитъ и кровля покрыта, а снаружи обита тесомъ“¹⁾.

Такимъ образомъ, постройка театра въ 1702 году встрѣтила гораздо болѣе противодѣйствія (правда, чисто пассивнаго), чѣмъ за четверть вѣка передъ тѣмъ, когда приказы царя Алексѣя Михайловича исполнялись безъ всякаго прекословія. Объясненія этому факту, кажется, нужно искать въ томъ, что при Алексѣѣ Михайловичѣ ко-

¹⁾ *Тихонравовъ*, I, стр. XXV — XXVI; *Есиповъ*, Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ, II, 311—312; *Пекарскій*, I, 423; *Барсовъ*, Нов. разысканія, 17—20.

медія являлась исключительно царскою и придворною потѣхою, теперь же ей придавался характеръ общедоступнаго публичнаго зрѣлища: новый театръ устроивался по нѣмецкому образцу, въ видѣ увеселительнаго учрежденія, куда за извѣстную плату предполагалось открыть входъ для всякаго желающаго. Стало быть, это было дѣло совсѣмъ новое и необычное, существенно отличавшееся отъ старой комидійной игры, и потому вызывавшее сомнѣнія и опасенія со стороны людей, по мнѣнiю которыхъ театральная забава не заслуживала такого вниманія и такого „великаго издивенія“. Вопросъ о томъ, быть или не быть русскому театру (въ смыслѣ общественнаго учрежденія) былъ рѣшенъ утвердительно по почину самого цара, съ его обычною энергiей и быстротою, помимо общества и даже вопреки желанiямъ его чиновныхъ представителей.

Комидiйная хоромина была отстроена только въ декабрѣ ¹⁾, такъ что представленiя въ ней, по всей вѣроятности, открылись на святкахъ 1702—1703 гг. „Для посвѣщенiя“ велѣно было, не дожидаясь окончанiя этой постройки, устроить временный театръ въ домѣ генерала Франца Яковлевича Лефорта, въ Нѣмецкой слободѣ.

Вслѣдъ за актерами были выписаны изъ Гамбурга, черезъ посредство иноземцевъ Попповъ, семеро музыкантовъ ²⁾. Кромѣ того, послу Измайлову было поручено купить въ Берлинѣ „робятъ маленькихъ съ гобой и сипоши“ и на покупку была отпущена довольно значительная сумма. Въ 1703 году староста Жмудскiй, князь Григорiй Огинскiй, прислалъ въ Москву четырехъ музыкантовъ изъ своего оркестра, которые и были приняты на царскую службу. Начальнику гамбургскаго оркестра Сиенкнехту были отданы русскiе „спѣваки“, 12 человекъ, для обученiя игрѣ на гобояхъ.

Какъ прежде, во времена Грегори, такъ и теперь, съ комедiей была соединена театральная школа. Нѣмецкая труппа Кунста, ко-

¹⁾ Постройка обошлась болѣе тысячи рублей,—деньги, по тогдашнему времени, не малы. Размѣры зданiя были, сравнительно съ первоначальнымъ планомъ, нѣсколько уменьшены „за умаленiемъ мѣста“, а именно: хоромина имѣла въ длину 18 и въ ширину 10 сажень. Она освѣщалась свѣчами, при чемъ были приняты нѣкоторыя мѣры на случай пожара; въ особенности же слѣдившимъ за порядками подъячимъ посольскаго приказа было предписано наблюдать, чтобы не было куренiя. См. по этому поводу курьезное донесенiе о неистовствѣ и озорничествѣ одного шведа—у *Барсова*, 22.

²⁾ Генрихъ Сиенкнехтъ, Годфридъ Отто Молливиусъ, Петеръ Молливиусъ, Томасъ Шелле, Геннингъ-Геронимусъ Лоренцъ, Францъ Эрастъ Румисъ и Гергардъ Дростъ. Контрактъ—у *Барсова*, 14.

нечю, не могла давать спектаклей на русскомъ языкѣ; чтобы скорѣе завести русскій театр, Головинъ, одновременно съ распоряженіями о постройкѣ комедіальной храмины, приказалъ дать Кунсту въ ученики десять человекъ „изъ русскихъ ребятъ, какихъ чиновъ сыщутся, къ тому дѣлу удобныхъ“. Въ началѣ октября 1702 года „робята“ были выбраны изъ подъячихъ и посадскихъ и отданы въ науку нѣмцу, который долженъ былъ ихъ комедіямъ всякимъ учить съ добрымъ радѣніемъ и со всякимъ откровеніемъ. Въ началѣ 1703 г., по челобитью этихъ учениковъ, что они, „ходя въ Нѣмецкую слободу по всѣ дни, платьемъ и обувью обносились и испроѣлись“, царь указалъ выдать, для ихъ скудости, за ученье съ октября по январь, сто рублей; затѣмъ имъ было положено жалованье, „смотря по персонамъ: за кѣмъ дѣла больше, тому дать больше, а за кѣмъ дѣла меньше, тому меньше“¹⁾. Изъ дѣла посольскаго приказа видно, что Кунстъ былъ не совсѣмъ доволенъ прилежаніемъ и бережливостью своихъ учениковъ: онъ просилъ, чтобы ихъ обязали являться на представленія въ одно время, чего многіе изъ нихъ не исполняли, и рѣшительно отказывался давать имъ костюмы: „невозможно русскихъ комедіантовъ во всѣхъ комедіяхъ своими театерскими платьями, перьями, накладными волосами, башмаками, чулками, рукавицами, лентами и иными вещами нарядить, понеже имъ такихъ вещей на полгода не будетъ, а мнѣ больше 1.500 рублей стали, oprичъ турецкихъ и персидскихъ, которые еще готовить надобно“²⁾...

Обстановка комидійной храмины была, по тому времени, очень роскошна: въ ней было много декорацій, машинъ и разныхъ приспособленій; костюмы также изготовлялись въ изобиліи и отличались изяществомъ, хотя принциалу и приходилось выслушивать „попре-

¹⁾ Впослѣдствіи число этихъ актеровъ удвоилось. Вотъ имена ихъ, въ томъ порядкѣ, какъ они приводятся *Пекарскимъ* (I, 423): изъ ратуши — Федоръ Бусласевъ (получалъ высшій окладъ—40 руб. въ годъ), Семенъ Смирновъ, Никита Кондратовъ, Іовъ Невѣжинъ; изъ сибирскаго приказа—Дмитрій Яковлевъ, Михайло Совѣтовъ, Тимофей Степановъ; изъ монастырскаго приказа: Петръ Гизышевъ, Иванъ Потаповъ; изъ ратуши: Петръ Божовъ, Петръ Долговъ, Иванъ Васильевъ меньшей, Яковъ Комарской, Михайло Егоровъ, Гаврило Евсеевъ; изъ помѣрной—Василій Кошелевъ; изъ посадскихъ, а былъ въ истопникахъ—Василій Теленковъ (онъ же Шмага пьяный). Въ „Разысканіяхъ“ *Барсова* упоминаются еще Борисъ Гуторовскій, Романъ Амосовъ, Никита Кубасовъ, Иванъ Кузьминъ.

²⁾ *Пекарскій*, I, 423—424.

кательныя и укорныя слова¹⁾, зачѣмъ онъ дѣлаетъ платья только полотняныя и обшиваетъ ихъ мишурой, а не настоящимъ золотомъ. „Не размышляютъ“, оправдывался онъ,— „аще бы прямое золото было, то при свѣчахъ не яшилось и на театрѣ не тако явилсяя; а прямымъ (золотомъ) на сто тысячъ рублей нечего дѣлать... Никоторому комедіанту надлежитъ толикое перемѣненіе въ операхъ лтаніемъ и махинами смѣтовъ оказать (?), однако азъ же творить готовъ“, и т. д.²⁾

Въ концѣ 1703 г. Кунстъ умеръ³⁾, и его труппа была отпущена на родину; на нѣкоторое время остались въ Москвѣ только вдова принципала, Анна Кунстъ, да актеръ Бейдляръ, которымъ было поручено продолжать занятія съ русскими учениками. Въ мартѣ 1704 г. во главѣ труппы и театральнаго училища является новое лицо — Отто Фирстъ (по русски его звали Артеміемъ), вѣроятно, незадолго предъ тѣмъ пріѣхавшій въ Москву, и по своей специальности вовсе не актеръ, а золотыхъ дѣлъ мастеръ. Неподготовленность и неумѣлость этого новаго руководителя комидійнаго дѣла вскорѣ сказалась въ раздорахъ его съ комедіантами: послѣдніе жаловались, что онъ вовсе не занимается ихъ обученіемъ, „и которыя комедіи они, комедіанты, выучили,—и тѣ комедіи, за нерадѣніемъ его въ кумпленентахъ и за недознаніемъ въ рѣчахъ, дѣйствуютъ не въ твердости для того, что онъ, иноземець, ихъ русскаго поведенія не знаетъ“. Дѣйствительно, изъ донесенія дьяковъ посольскаго приѣзда Головину видно, что въ теченіе зимы 1704 года русскіе ученики „дѣйствовали только три комедіи, и многіе безъ дѣла праздны прибываютъ, а для ученія особо комедій никакихъ не дѣйствуютъ“, такъ что возбуждался даже вопросъ, давать ли имъ жалованье. вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагали „впредь для лучшаго обученія комедій дѣйствовать имъ (актерамъ) явственнѣ“, то-есть, публично. Съ своей стороны, актеры просили для надзора за комедіей выбрать изъ нихъ же одного или

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Въ статьѣ г. В. С.: Матеріалы для исторіи русскаго театра, въ *Муз. и Театр. Вѣстникѣ* 1856, № 4, составленной по Малиновскому (*Сѣв. Архивъ* 1822, IV, 179), съ разными украшениями, разказывается, будто Кунстъ бѣжалъ изъ Россіи, не уплативъ своихъ долговъ, вслѣдствіе чего все театральное имущество было продано съ аукціона. Этотъ разказъ, въ которомъ столько же ошибокъ, сколько словъ, придуманъ единственно для того, чтобы включить въ статью довольно неудачно измышленное смѣхотворное объявленіе о продажѣ трехъ бутылокъ молніи, 1½ дюжигъ облаковъ, поддержаной радуги и т. п.

двухъ учениковъ, а иноземца отставить. Просьба эта, однако, не была уважена.

Въ то же время и на комедіантовъ стали поступать жалобы, что они пьянствуютъ, заводятъ ссоры и драки, не платятъ долговъ, дѣла своего не дѣлаютъ и вообще чинятся во всемъ непослушны. За подобныя безчинства одинъ изъ нихъ былъ, по приказу Головина, битъ батоги, и впредь велѣно поступать также, буде кто изъ комедіантовъ явится въ какомъ плутовствѣ ¹⁾).

Въ теченіе 1704 года труппа Фирста давала представленія на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, а начиная съ 1705 года только на русскомъ. Въ нѣмецкихъ пьесахъ женскія роли исполняли: дѣвица Іоганна фонъ-Вилихъ и жена генеральнаго доктора Германа Паггенкампфъ (въ русскихъ документахъ называемая по просту Поганковой). Русскихъ актрисъ въ это время, вѣроятно, еще не было; по крайней мѣрѣ, никакихъ извѣстій о нихъ не имѣется.

Отъ временъ Кунста и Фирста до насъ дошли нѣкоторыя подробности о вѣдшей исторіи комидійной храмины. Такъ, мы знаемъ, что мѣста въ этомъ театрѣ были четырехъ разрядовъ: въ 10, 6, 5 и 3 копейки ²⁾). Ярлыки или входные билеты печатались на толстой бумагѣ и продавались сторожами въ особыхъ „чуланахъ“. Въ теченіе 1703 года собрано „съ комидійной храмины смотрящихъ людей“ 406 рублей 23 алтына; въ 1704 году, съ 15 мая по 10 ноября—388 рублей 9 алтынъ 4 деньги. Такъ какъ спектакли давались два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четвергамъ, то за шесть мѣсяцевъ 1704 года было дано 48 спектаклей; такимъ образомъ, средній сборъ за одинъ спектакль составлялъ 8 р. 9 к.; полагая среднюю цѣну билета въ 6 копѣекъ, получимъ среднюю цифру зрителей каждаго спектакля—135 человекъ. Въ докладѣ о театральныя сборахъ 1704 года, откуда мы заимствуемъ эти данныя, объяснено, что въ лѣтніе большіе дни бывало сбору по 24, по 20, по 15, по 8 и по 5 рублей на день, (стало быть, иногда приходило въ театръ до 400 человекъ), для того, что тѣ комедіи дѣйствовали днемъ, а не ночью; въ осеннее же время, для малыхъ дней, дѣйствуютъ ночью, и смотрящихъ бываетъ въ пріѣздѣ малое число, для того, что сверхъ комедійнаго пла-

¹⁾ Пекарскій, 424—426; Барсовъ, 24.

²⁾ Въ Берлинѣ, во времена Фридриха-Вильгельма I, первое мѣсто въ театрѣ стоило 8 грошей, второе—6, третье—4 и послѣднее—2 гроша. Въ Вѣнѣ, въ началѣ прошлаго столѣтія, за ложи платили по дукату. *Pritz, Vorlesungen*, 167.

тежу, по воротамъ вездѣ платять, двойной платежъ, какъ въ комедію, такъ и изъ комедіи, и за тѣмъ сборъ въ комедіи малый, по 7, по 4, по три и по два и по полтора рубля въ день (стало быть, на иные спектакли собиралось только по 25 человекъ). Въ виду такихъ свѣдѣній, ради облегченія посѣтителей и успленія театральныхъ сборовъ, государь, 5-го января 1705 года, указалъ: „Комедіи на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ дѣйствовать и при тѣхъ комедіяхъ музыкантамъ на разныхъ инструментахъ играть въ указные дни въ недѣлѣ, въ понедѣльникъ и четвергъ, и смотрящимъ всякихъ чиновъ людямъ російскаго народа и иноземцамъ ходить повольно и свободно безъ всякаго опасенія, а въ тѣ дни воротъ городовыхъ по Кремлю, по Китаю городу и по Бѣлому городу въ ночное время до 9-го часу ночи не запираеть и съ проѣзжихъ указной по воротамъ пошлины не имать, для того чтобы смотрящіе того дѣйствія ѣздили въ комедію охотно“. Эти указы были прибиты къ воротамъ, а посольскому приказу предписано наблюдать, приведетъ ли эта мѣра къ увеличенію сборовъ ¹⁾).

По видимому, однако, указъ о бесплатномъ проѣздѣ въ комедію смотрящихъ людей не оправдалъ ожиданій: театральные доходы не увеличивались, а напротивъ, оскудѣвали; зданіе портилось, а на починку его денегъ не было. Государь и дворъ оставили Москву, переселившись въ новую столицу, и московскій театръ началъ понемногу гложуть. Мы не знаемъ съ точностью, когда именно прекратилась дѣятельность Фирста; извѣстно только, что въ 1706 году его группа принимала участіе въ процессіи при погребеніи Головина, и для этого ей выданы были изъ театральнаго платя „латы добрыя всея воинскія одежды и съ поручи, и съ рукавицами“ ²⁾. Въ 1707 году представленія, по видимому, совсѣмъ прекратились: какой-то Корчминъ „за именнымъ великаго государя указомъ“ началъ разбирать комидійную хранину; затѣмъ эта работа была остановлена, но Корчминъ успѣлъ уже многое перепортить, а на починку, по отзыву посольскаго приказа, денегъ давать было не откуда. Все „уборство“ изъ комедіи было взято въ село Преображенское, для домашняго театра, устроеннаго царевною Наталіей Алексѣвной, по всей вѣроятности, въ началѣ 1707 года ³⁾ Еще нѣсколько лѣтъ стояло полуразрушен-

¹⁾ Барсовъ, 22—25.

²⁾ Пекарскій, 427.

³⁾ Такъ, 19-го января туда было отправлено, кромѣ нѣсколькихъ камзоловъ и кафтановъ съ кружевомъ и бахромою мишурное, арабское платье: камзолъ да

ное зданіе, изъ котораго постепенно вывозились всѣ театральныя принадлежности и „перспективы“. Послѣ 1713 года комидійная хранина уже не упоминается.

Такимъ образомъ, публичный театръ въ Москвѣ пересталъ существовать. На смѣну ему явился частный театръ царевны Натальи, а съ отъѣздомъ ея въ Петербургъ—театръ царицы Прасковьи, все въ томъ же Преображенскомъ дворцѣ, видѣвшемъ нѣкогда представленія учениковъ Грегори. Этотъ домашній театръ существовалъ до конца петровскаго царствованія или, вѣрнѣе, до смерти вдовствующей царицы; въ особенности заботилась о немъ ея старшая дочь, Екатерина Ивановна, герцогиня Мекленбургская, большая любительница всевозможныхъ увеселеній; вторая дочь, Анна Ивановна, съ 1700 года—герцогиня Курляндская, нерѣдко гостила у матери и приглашала ее къ себѣ, въ Ригу и Митаву, гдѣ, конечно, существовалъ въ то время нѣмецкій театръ, служившій образцомъ для московскаго. По свидѣтельству камеръ-юнкера Бергхольца, который не разъ бывалъ въ театрѣ Преображенскаго дворца, театръ этотъ былъ устроенъ очень изящно, только костюмы были не особенно хороши, и зрительный залъ освѣщался со сцены, такъ что когда опускался занавѣсъ, всѣ сидѣли въ потемкахъ. На эти спектакли собиралось (конечно, бесплатно) довольно большое общество; труппа состояла изъ любителей, въ числѣ которыхъ были и благородныя дѣвицы, и профессиональные актеры, быть можетъ, ученики Кунста или Фирста. Герцогиня сама распоряжалась представленіемъ и находилась большею частью за кулисами ²⁾).

Преображенскій театръ, конечно, существовалъ главнымъ образомъ для придворныхъ, хотя иногда, можетъ быть, въ него допускались и всѣ желающіе: Бергхольцъ разказываетъ, что однажды во время спектакля у него вытащили табакерку, а у двухъ его товарищей—шелковые носовые платки; этого, конечно, не могло бы случиться, еслибы зрителей пускали въ театръ съ разборомъ. Въ самой Москвѣ вмѣсто публичной комидійной хранины устроился театръ въ большомъ

штаны черные крашенныя, фартукъ доброй, на подобіе объяри серебряной, шляпка съ перьями; 9-го сентября—кастанъ шитой стеклами, самой дорогой, къ нему фартукъ шитой же; двѣ япанчи королевскія, окладены кружевомъ мишурнымъ, обш. крашенныя; пара шутовскаго пестраго платья; корона бѣлаго жѣлва съ часами; двѣ бороды волосяныхъ, и пр.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Дневникъ 1722 г., ноябрь, у *Пекарскаго*, 432—433.

госпиталѣ, въ которомъ давали представленія ученики хирургической школы. Для объясненія этого факта, на первый взглядъ довольно страннаго, слѣдуетъ имѣть въ виду, что начальникъ московскаго госпиталя докторъ Бидло постоянно старался привлечь въ свою хирургическую школу учениковъ славяно-латинской академіи, что не разъ подавало академическому начальству поводъ къ жалобамъ и пререканіямъ ¹⁾. По настоянію духовной администраціи, штатсъ-конторь-коллегія въ 1719 году запретила доктору Бидло принимать учениковъ славяно-латинскихъ школъ въ московскій госпиталь безъ особливаго указа; но докторъ спокойно продолжалъ переманивать ихъ въ госпиталь, ссылаясь на то, что ему необходимы ученики, знающіе латинскій языкъ, и что, кромѣ того, ученики поступаютъ къ нему добровольно, сами желая быть въ хирургической наукѣ. По справкамъ въ синодѣ оказалось, что только за три года, съ 1719 по 1722, изъ славяно-латинскихъ школъ перешло въ госпиталь 108 учениковъ. Находясь въ академіи, эти молодые люди, конечно, принимали участіе въ школьныхъ акціяхъ, которыя какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, были заведены въ Москвѣ одновременно съ „латинскими учениями“; слѣдовательно, у нихъ уже была нѣкоторая опытность въ подобнаго рода представленіяхъ и охота къ нимъ, которыя и нашли себѣ практическое примѣненіе на подмосткахъ госпитальнаго театра. Этотъ театръ существовалъ довольно долго: видимо, представленія въ госпиталѣ вошли въ обычай и повторялись изъ году въ годъ, на святкахъ и на масленицѣ. Бергхольцъ ²⁾ упоминаетъ о суетакляхъ 29-го декабря 1722 и 4-го января 1723 года; Штелинь ³⁾ разказываетъ, что въ 1742 году онъ видѣлъ въ госпиталѣ комедію о Тамерланѣ. Независимо отъ госпитальнаго театра, студенты московской академіи, вмѣстѣ съ приказными служителями, въ праздничное время также давали представленія, пользуясь для этой цѣли какимъ-нибудь сараемъ, съ самою незатѣйливою обстановкой ⁴⁾.

¹⁾ „Докторъ Бидловъ, невѣдомо какою властію, потаенно, словено-латинскихъ школъ что ни лучшихъ учениковъ къ себѣ призываетъ и записуетъ въ анатомическое ученіе безъ ректорскаго и преекторскаго вѣдома; и буде помянутому доктору таковой умыселъ хитрый указомъ изъ св. синода не заградится, то весьма школамъ словено-латинскимъ быть въ разореніи“. Донесеніе преектора Гедееона Грембечкаго, въ Опис. синод. архива, I, 676—678.

²⁾ *Пекарскій*, 433.

³⁾ *Haigold's Beilagen zum Neuveränd. Russl.*, I, 398.

⁴⁾ *Свя. Архивъ* 1822, ч. IV, стр. 185.

Такимъ образомъ, театръ, заведенный въ Москвѣ Петромъ Великимъ, уже не прекращалъ своего существованія. Мѣнялись только его формы, мѣнялись исполнители, но охота къ театральнымъ зрѣлищамъ не ослабѣвала, а напротивъ, распространялась въ массѣ, такъ что и самый театръ изъ придворнаго все больше и больше обращался въ простонародный. О школьныхъ дѣйствахъ московской славяно-латинской академіи мы будемъ говорить въ особой главѣ.

Въ Петербургѣ, еще до втораго путешествія царя за границу, театръ былъ устроенъ царевной Натальей Алексѣевной. По разказу мекленбургскаго посланника Вебера ¹⁾, для помѣщенія театра былъ выбранъ огромный пустой домъ, гдѣ устроили партеръ и ложи. Труппа состояла изъ десяти актеровъ и актрисъ; всѣ они были природные русскіе, не выдавшіе ничего, кромѣ Россіи, но, можетъ быть, учившіеся комидійному дѣлу подъ руководствомъ Кунста или Фирста. Театръ этотъ былъ общедоступный и бесплатный.

Во время своего заграничнаго путешествія царь очень часто посѣщалъ театры, при чемъ ему въ особенности нравились шутовскія арлекинады, бывшія въ то время въ большомъ ходу въ Германіи. По возвращеніи на родину, онъ снова задумалъ завести у себя постоянный театръ, но не нѣмецкій, а по возможности русскій, доступный болѣе обширному кругу зрителей. Съ этою цѣлью Ягужинскому, находившемуся тогда въ Вѣнѣ, было поручено прискаты такихъ искусныхъ актеровъ, которые знали бы по чешски, конечно, въ надеждѣ, что они гораздо скорѣе нѣмцевъ могутъ овладѣть русскимъ языкомъ. Изъ сохранившейся переписки по этому дѣлу (1721 г.) между Ягужинскимъ и кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ ²⁾ видно, что эта попытка не имѣла успѣха. Прежній агентъ Ягужинскаго ³⁾ сообщалъ ему, что изъ чешскаго народа въ такомъ ихъ главномъ дѣлѣ (in Hauptactionen) искусныхъ людей нѣтъ, развѣ можно четырехъ человекъ прибрать, которые однакожъ въ интермедіяхъ, а не въ самой комедіи употреблены быть имѣютъ; да еслибъ и можно

¹⁾ Пекарскій, 441—442.

²⁾ Пекарскій, 436—437.

³⁾ По догадкѣ А. Н. Веселовскаго (*Deutsche Einfl.*, 66), это былъ нѣкто Іоганнъ Карлъ Эренбергъ, который во второй половинѣ того же года предлагалъ изъ Гамбурга привести въ Россію труппу актеровъ и канатныхъ плясунновъ. Ср. *Семевскаго*, Царяца Прасковья (С.-Пб. 1861), стр. 109. Въ письмѣ Ягужинскаго упоминается, однако, другое лицо, русскій посланникъ въ Вѣнѣ Ланчинскій.

было найти подходящихъ актеровъ изъ чеховъ, то, все-таки, языкъ ихъ будетъ мало понятенъ русскимъ, а по русски они едва ли будутъ въ состояніи выучиться даже и въ два года. Съ своей стороны, агентъ предлагалъ составить труппу изъ 12 человекъ нѣмцевъ, съ тѣмъ, что они, если угодно, нѣ годъ выучатся по чешски (какъ будто бы все дѣло было именно въ чешскомъ языкѣ!); „за композицію и учрежденіе въ комедіяхъ, безъ платья и другаго, что на театрѣ надобно будетъ“, эта компанія желала получать по 300 гульденовъ (150 р.) въ недѣлю, и притомъ—за мѣсяцъ впередъ, оговариваясь, впрочемъ, что „когда театрѣ единожды въ состояніе приведенъ будетъ и платье все изготовится, и съ приходящихъ для смотрѣнія столько собрано будетъ, что компанія безъ жалованья тѣмъ себя содержать можетъ, при такомъ случаѣ можно сей театрѣ, и съ сборомъ, сей компаніи отдать и насупротивъ того договоренное жалованье удержать“. Эти условія были признаны, однако, слишкомъ обременительными и соглашенія не послѣдовало.

Въ концѣ 1723 года является въ Петербургѣ труппа нѣкоего Манна, дававшая представленія на нѣмецкомъ языкѣ, начиная съ 27-го ноября. По видимому, этой труппѣ особенно покровительствовала императрица Екатерина: изъ ея расходной книги видно, что Маннъ не разъ получалъ награды. Въ театрѣ нерѣдко бывало семейство государя и находившійся въ то время въ Петербургѣ герцогъ Голштинскій (впослѣдствіи—супругъ царицы Анны Петровны), со своею свитою. По словамъ Штелина, труппа Манна состояла изъ весьма дурныхъ комедіантовъ, „которые, однако, въ зрителяхъ не имѣли никакого недостатку“. Театрѣ ихъ помѣщался гдѣ-то на Мойкѣ.

Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть о существованіи въ Петербургѣ уже совсѣмъ простонароднаго театра. Штелинъ разсказываетъ, что на масляницѣ служители царскихъ конюшенъ, въ рогожныхъ костюмахъ, давали въ разныхъ мѣстахъ представленія въ родѣ *sotties théâtrales*, то-есть, балаганныхъ фарсовъ. Для извѣщенія о томъ публики, въ окнѣ выставлялся бумажный фонарь и играли на рожкахъ; представленія назывались игрищами; зрители платили за мѣста отъ 1 до 4 копѣекъ. Никакихъ другихъ извѣстій объ этихъ народныхъ спектакляхъ мы не имѣемъ и даже не можемъ связать съ увѣренностью, что они начались еще при Петрѣ: Штелинъ, говоря о нихъ въ 1769 году, употребляетъ общее выраженіе, что такъ бывало въ старину.!

Мы старались сгруппировать всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія

относительно внѣшней исторіи русскаго театра въ первой четверти XVIII столѣтія, не опуская ни одной подробности, сколько-нибудь характерной, и оставляя, покуда, въ сторонѣ московскую школьную драму, которая имѣла свое особое развитіе и значеніе. Обратимся теперь къ изученію внутренней стороны петровскаго театра и посмотримъ, что было имъ внесено въ русскую драматическую литературу.

Репертуаръ различныхъ „компаній“, подвизавшихся въ царствованіе Петра Великаго на московскихъ и петербургскихъ сценахъ, былъ довольно обширенъ и разнообразенъ. Съ одной стороны онъ, подобно репертуару Грегори, находится въ тѣсной связи съ нѣмецкою драматическою литературою конца XVII и начала XVIII столѣтія, съ другой—сохраняетъ традиціонныя черты драмы библейской и школьной. Кунстъ и Фирстъ „съ товарищи“ играли нѣмецкія комедіи и оперы въ оригиналѣ и въ переводахъ, которые изготовлялись въ посольскомъ приказѣ; кромѣ того, иногда имъ приходилось сочинять и разыгрывать такъ-называемыя *pièces de circonstance*. Такъ, тотчасъ же вслѣдъ за прибытіемъ Кунста въ Москву, въ августѣ 1702 года, ему было приказано изготовить триумфальную комедію по случаю взятія Орѣшка; онъ увѣрялъ, что „никакой комедіантъ на свѣтѣ вовсе новую, невиданную и неслыханную комедію въ недѣлю на письмо изготовить и въ три недѣли сказать и дѣйствовать можетъ; онъ же, Кунстъ, любви ради и униженной должности противъ царскаго величества то на себя принимаетъ и совершитъ; при этомъ онъ просилъ только „для удобнаго подлинника дать ему на письмѣ, какимъ поведеніемъ тотъ городъ взять“. Дѣйствительно ли эта комедія была написана и представлена,—свѣдѣній не имѣется. Въ декабрѣ 1704 года подобный же приказъ былъ данъ Фирсту: „велите комедіантамъ“, писалъ Головинъ,—учить комедію торжественную на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и чтобъ они оную изучили къ пришествію великаго государя къ Москвѣ, конечно имъ съ подтвержденіемъ велите дѣлать ту комедію“. Изъ посольскаго приказа на это отвѣчали, что, по словамъ Фирста, „комедія новая триумфальная на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ у него къ пришествію великаго государя будетъ готова, да и спускательныя вещи (фейерверкъ) у него будутъ же“. И объ этой комедіи мы не имѣемъ никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій. Подобныя триумфальныя дѣйства были въ тѣ времена въ большемъ ходу при дворахъ нѣмецкихъ государей, у насъ же, какъ увидимъ ниже, изобрѣтеніемъ ихъ занималась преимущественно славяно-латинская академія.

Преображенскій театръ царевны Натальи и царицы Прасковьи былъ, по языку, чисто русскій, точно также, какъ и театръ, устроенный впоследствии царевною Натальею въ Петербургѣ. Здѣсь давались русскіе переводы комедій изъ репертуара Кунста и Фирста и, кромѣ того, оригинальныя пьесы библейскаго содержанія. О самой царевнѣ Натальѣ Бассевичъ и Веберъ сообщаютъ, что она сочинила двѣ пьесы „расположенныя по очень удачному плану, въ которыхъ были подробности, не лишенныя красоты“¹⁾. Ученики госпитальной школы разыгрывали также или духовныя драмы (въ стилѣ школьных дѣйствъ), или пьесы, заимствованныя изъ нѣмецкаго театра; наконецъ, репертуаръ простонароднаго театра школьничковъ и подъячихъ въ Москвѣ и Петербургѣ состоялъ изъ передѣлокъ тѣхъ же нѣмецкихъ пьесъ и, всего болѣе, изъ арлекинадъ и шутовскихъ интермедій.

Такимъ образомъ, влияніе нѣмецкой драматической литературы широко захватило зарождавшійся русскій театръ почти во всѣхъ его проявленіяхъ. Что же могла дать и что давала намъ нѣмецкая сцена того времени?

Тридцатилѣтняя война тяжело отозвалась на развитіи городской и народной жизни въ Германіи и существенно измѣнила характеръ литературы. Многочисленные нѣмецкіе князья успѣли, пользуясь благоприятными политическими обстоятельствами, значительно усилить свою власть; ихъ дворы, соперничавшіе другъ съ другомъ въ блескѣ и роскоши, сдѣлались центрами культуры, образованія и художественныхъ стремленій. Наступила эпоха подражанія чужимъ образцамъ, увлеченія чужою, преимущественно французскою модой, эпоха блескокъ и мишуры, париковъ, церемоній, мелочного этикета, условной фразы, лести и лицемерія. Князья видѣли свой идеалъ въ Версалѣ и заботились только о томъ, чтобы усвоить всѣ французскіе порядки; дворянство и разбогатѣвшіе горожане изъ всѣхъ силъ таянулись за дворомъ; образованное общество денационализировалось; въ немъ господствовало полное отчужденіе отъ народной жизни и пренебреженіе къ ея грубости. Это анти-національное направленіе „вѣка моды“ (à la mode Zeitalter, какъ [называли это время писатели, не утратившіе сознанія своей народности) не замедлило отразиться и въ литературѣ значительнымъ пониженіемъ ея уровня. Въ эпоху реформаціи ученые и образованные люди всегда стояли

¹⁾ Пекарскій, 431, 440.

на сторонѣ народа, шли съ нимъ рука объ руку и дѣйствовали въ его интересахъ; классическая древность, изученіемъ которой они такъ ревностно занимались, увлекала ихъ не столько формальною своею стороною, сколько своимъ содержаніемъ, богатствомъ высокихъ и жизненныхъ идей, которыя, вытѣсняя средневѣковыя абстракціи, помогали выработать новое міросозерцаніе. Но гуманистическое движеніе постепенно все больше и больше ослабѣвало и, наконецъ, остановилось; древность перестала дѣйствовать своимъ содержаніемъ, и все сосредоточилось на одной внѣшности, на правильной, изящной, тонко отдѣланной, но совершенно отвлеченной, безжизненной и безсодержательной формѣ. Ученые писатели стремятся усвоить античную форму и, на ряду съ классическими, высоко цѣнятъ тѣ изъ новѣйшихъ европейскихъ литературъ, которымъ раньше нѣмецкой удалось достигнуть этой отвлеченной цѣли, — литературу голландскую, италянскую и, наконецъ, французскую. Наступаетъ вѣкъ нѣмецкаго псевдо-классицизма, самаго тяжеловѣснаго изъ всѣхъ возможныхъ; ученое стихотворство плодится и множится и убиваетъ живую поэзію; между людьми учеными и неучеными, между педантами, которые изъ-за книгъ не видятъ и не хотятъ видѣть жизни, и живою, но невѣжественною и приниженною толпою профановъ образуется непреходимая пропасть: интересы, обычаи, все міросозерцаніе, даже языкъ той и другой стороны расходятся все болѣе и болѣе. Характеръ и форма литературы измѣняются. Старыя народныя повѣсти уступаютъ мѣсто многотомнымъ придворнымъ романамъ, въ которыхъ широковѣщательно излагаются разныя княжескія приключенія, любовныя похождения и придворныя интриги; народная пѣсня заглушается италянскою аріей изъ модной оперы; живое, непосредственное чувство, свѣжая, оригинальная мысль теряются въ бесплодномъ, вымученномъ словоназвѣтіи...

Ученые писатели этой эпохи обращали особенное вниманіе на драму, какъ потому, что она представляетъ, въ литературномъ отношеніи, наиболѣе совершенную форму творчества, такъ и потому, что драма была въ то время въ модѣ въ литературахъ, считавшихся за образцовыя, въ особенности въ голландской и французской. Наконецъ, и сцена, для которой писали эти ученые стихотворцы (если только вообще они имѣли въ виду какую-нибудь сцену, а не работали ради одной отвлеченной системы) была уже не та, на которой подвизались странствующие труппы авантюристовъ; съ своими произведеніями, въ которыхъ форма и внѣшность деспоти-

чески господствовала надъ содержаніемъ, эти писатели обращались туда, гдѣ форма всегда играла первенствующую роль, въ дворахъ нѣмецкихъ государей, и посвящали свое дарованіе преимущественно прославленію придворныхъ торжествъ. Въ драматической литературѣ этого времени самое выдающееся мѣсто (по количеству произведеній) занимаютъ аллегорическія торжественныя піесы „на случай“, въ которыхъ напыщенно-льстивымъ тономъ изображаются современныя политическія отношенія. Этого рода піесы находятся въ близкомъ родствѣ съ школьными панегирическими дѣйствами и въ особенности—съ іезуитскими *ludi caesarei*, представляя разницу лишь въ формальномъ отношеніи. Затѣмъ идутъ приторныя пасторали, вошедшія въ моду, подъ вліяніемъ литературы италіанской, какъ разъ въ то время, когда въ дѣйствительной жизни Германіи не было рѣшительно ничего идиллическаго,—въ самый разгаръ Тридцатилѣтней войны,—опера, *Wirthschaften*, балетъ. Наконецъ, особую и довольно замкнутую литературную группу представляетъ такъ называемая „учевая“ драма ¹⁾.

Этотъ новый видъ драматической литературы, главнѣйшими представителями котораго были поэты такъ называемой первой и второй силезской школы Опицъ (1597—1633 гг.), Грифіусъ (1616—1664 гг.) и Лоэнштейнъ (1635—1689 гг.), является скорѣе филологическимъ упражненіемъ на извѣстныхъ правилахъ піитики, чѣмъ продуктомъ поэтическаго творчества. Опицъ ограничивался исключительно переводами чужихъ образцовъ: Софокловой „Антигоны“, „Троянокъ“ Сенеки, италіанской пасторали „Дафна“ Оттавіо Ринуччини. Грифіусъ и Лоэнштейнъ явились уже самостоятельными писателями. Для перваго образцами служили главнымъ образомъ голландцы, въ особенности — Joost van den Vondel (1567—1679 гг.), для втораго—италіанскія и французскія ложно-классическія трагедіи. Оба эти писателя выработали строго опредѣленный типъ драмы, съ строгимъ соблюденіемъ классическихъ единствъ времени и мѣста, съ раздѣленіемъ на пять дѣйствій, антракты между которыми наполнены хорами (*Reuen*) аллегорически-нравоучительнаго содержанія, напоминающими старинныя *moralités* они надолго закрѣпили господство ими же впервые введеннаго въ нѣмецкую литературу александрійскаго стиха и сдѣлали его для

¹⁾ *Felix Robertag*, Die deutsche Kunsttragödie des XVII Jahrhunderts. *Archiv für Literaturgesch.*, V, 152—190. *Bud. Genée* Lehr- und Wanderjahre des deutschen Schauspiels, Berl. 1882, S. 292—314. *Prutz*, Vorlesungen, 123—133.

драмы обязательнымъ. Что касается содержанія этихъ ученыхъ трагедій, то оно заимствовалось преимущественно изъ классической древности, при чемъ авторъ обыкновенно снабжалъ свое произведеніе множествомъ ученыхъ примѣчаній и цитатъ изъ греческихъ, римскихъ и даже еврейскихъ писателей; иногда сюжетомъ служили разказы изъ восточной, византійской, англійской исторіи, старинныя новеллы и сказанія. Все это обрабатывалось по строгимъ правиламъ и обильно уснащалось всевозможными цвѣтами краснорѣчія. Въ трагедіяхъ Лоэнштейна, особенно увлекавшагося подражаніемъ стилю Марини и другихъ италіанскихъ поэтовъ той же школы, эта изысканная напыщенность рѣчи доведена до крайнихъ предѣловъ возможности, часто до абсурда, такъ что слово „lohensteinisch“ долго оставалось въ нѣмецкой критикѣ для обозначенія яркаго, пестраго, надуту-кричащаго словоизвѣтія. Естественное назначеніе драмы—служить изображеніемъ жизни—было забыто: ученая драма писалась не столько для театра, сколько для чтенія; въ ней не было живого дѣйствія, живыхъ людей, а было только ученое резонерство, бомбасть и полное отсутствіе какихъ-либо національныхъ чертъ. Къ этому у Лоэнштейна присоединялась еще необыкновенная кровожадность, тѣмъ болѣе замѣчательная, что самъ Лоэнштейнъ, по увѣренію біографовъ, былъ самый мирный и даже робкій нѣмецкій бюргеръ, городской синдикъ въ Бреславлѣ. Въ его трагедіяхъ всегда изображаются безумныя страсти, нагромождены другъ на друга всевозможные ужасы, кровь хлещетъ черезъ край, и къ каждой зияющей ранѣ добросовѣстно приклеены билетикъ съ объяснительнымъ примѣчаніемъ...

Такова была эта ученая драма, имѣющая большое значеніе въ исторіи нѣмецкой литературы, но очень малое въ исторіи театра, для котораго она вовсе и не предназначалась. Грифіусъ и Лоэнштейнъ занимали солидное общественное положеніе, и стихотворство было для нихъ приличнымъ, даже, до извѣстной степени, блестящимъ „упражненіемъ“ въ свободныя часы, но не профессією и не главною цѣлью въ жизни. Въ литературѣ они были не болѣе, какъ дилеттантами, первый — болѣе даровитымъ, второй — болѣе трудолюбивымъ, и поэзія, бывшая плодомъ ихъ досуга, была такого же достоинства, какъ та ученость, которая является результатомъ дилеттантскихъ занятій „золотой молодежи“ науками. Ученая драма представляетъ полную противоположность старой, „англійской“ комедіи: послѣдняя понятна только на сценѣ и всецѣло рассчитана на актера и зрителя, первая — преимущественно, если не исключи-

тельно, имѣть въ виду читателя; тамъ на первомъ планѣ стоитъ богатство и занимательность содержанія, здѣсь — тщательная отдѣлка формы; тамъ жизнь кипитъ ключемъ и дѣйствія такъ много, что оно едва умѣщается въ тѣсныхъ рамкахъ пьесы, здѣсь, при строгомъ соблюденіи единствъ, первое мѣсто отведено разсужденіямъ и декламации. Ученыя драмы не годятся для сцены, да, кажется, многія изъ нихъ никогда и не игрались; это — произведенія чисто-книжныя; „англійскія“ комедіи не годятся для литературы и никогда въ полномъ видѣ не записывались; это — произведенія чисто-сценическія.

Это новое, подражательное и придворное, направленіе, принятое нѣмецкою поэзіею XVII вѣка вообще и драматическою литературою въ частности, весьма неблагопріятно отозвалось на развитіи нѣмецкаго театра. Оно уничтожило живую, тѣсную связь между сценою и поэтами, такъ какъ народныя и даже школьныя драматурги теперь уже не имѣли сцены, для которой они могли бы работать. Старыя народныя комедіи уже отжили свой вѣкъ; онѣ продолжали существовать только въ захолустьяхъ, которыхъ не коснулась Тридцатилѣтняя война, напримѣръ, въ Швейцаріи; но и тамъ ихъ развитіе было уже стѣснено. Школьная драма также стала падать и постепенно вырождаться; ей недоставало прежней свободы и увѣренности въ выборѣ сюжетовъ, и публика все болѣе и болѣе охлаждѣвала къ ней. Образованное и зажиточное общество тянулось вслѣдъ за придворными сферами къ помпезнымъ зрѣлищамъ въ иностранномъ вкусѣ, къ операмъ, маскарадамъ и балетамъ; ученые писали свои тяжеловѣсныя трагедіи, нисколько не заботясь о сценѣ; для народа, для толпы, всегда охочей до зрѣлищъ, не было своего театра; ему оставался только одинъ исходъ — тянуться вслѣдъ за другими и питаться крохами, падающими съ роскошнаго княжескаго стола. И вотъ, мало по малу забывая тѣ простыя, нескладныя, но полныя жизни и вполне народныя картины, которыми нѣкогда веселили своихъ соотечественниковъ Гансъ Саксъ и его послѣдователи, толпа начинаетъ гоняться за высовопарностью трагедій, за блескомъ роскошныхъ праздничныхъ спектаклей, за великолѣпіемъ оперы и балета. Народная нѣмецкая сцена XVII и первой половины XVIII столѣтія является грубымъ, нерѣдко до каррикатурности, отраженіемъ сцены придворно-ученой, фантастически-причудливою смѣсю обломковъ придворной трагедіи, оперы и балета; по мѣткому выраженію одного изъ ея историковъ, это „супъ для бѣдныхъ, сваренный изъ объѣдковъ прид-

ворнаго пиршества". Въмѣсто роскошно убранной театральнoй залы мы видимъ передъ собою простой балаганъ, вмѣсто великолѣпной оперной сцены—наскоро сколоченныя подмостки, вмѣсто золота—позолоченную бумагу, вмѣсто искусныхъ пѣвцовъ—охрипшихъ пьяницъ, наконецъ—нерѣдко мѣсто живыхъ актеровъ заступаютъ деревянныя куклы; но и здѣсь, и тамъ—одинъ и тотъ же духъ, одно и то же содержаніе или, вѣрнѣе, одна и та же безсодержательность...

„Англійская комедія“, въ эпоху Тридцатилѣтней войны уже сошедшая со сцены, оставила по себѣ важное наслѣдство. Съ одной стороны, она развила въ массѣ извѣстные литературные вкусы; съ другой—вызвала въ жизни цѣлое сословіе профессиональных актеровъ, которые и были ея носителями. Образовалось множество странствующихъ актерскихъ компаній, которыя во все продолженіе XVII и XVIII вѣковъ постоянно переходили изъ конца въ конецъ нѣмецкой земли, поддерживая свое существованіе скудными приношеніями любопытной толпы ¹⁾. Это была новая метаморфоза средневѣковыхъ вагантовъ, бродячихъ пѣвцовъ и народныхъ увеселителей; какъ ваганты рекрутировались большею частью изъ школьной молодежи, такъ и среди этихъ бродячихъ актеровъ видное мѣсто занимали студенты, отбитые отъ университетовъ войною и ея послѣдствіями. Кочевая, цыганская жизнь, хотя нищенская, за то вольная и богатая всевозможными приключеніями, поэтическимъ разгуломъ и театральными лаврами, жизнь вѣчно дѣятельная, вѣчно мѣняющаяся, увлекательно дѣйствовала на романтически-настроенное воображеніе молодежи, и студенты цѣлыми компаніями шли подъ мишурныя знамена какого-нибудь принципала странствующей труппы, чтобы дѣлится съ нею радостъ и горе. Среди этихъ труппъ во второй половинѣ XVII столѣтія выдвинулась и скоро приобрѣла огромную популярность компанія, во главѣ которой стоялъ образованный и высоко-талантливый человѣкъ, всею душою преданный театру, лейпцигскій магистръ Іоганнъ Фельтенъ ²⁾. Его дѣятельность имѣетъ важное значеніе въ исторіи нѣмецкаго театра, такъ какъ онъ явился представителемъ новаго направленія народной драмы, и такъ какъ его традиціями жили луч-

¹⁾ Перечень этихъ труппъ см. у *Prutz*, 218—219 и *Genée*, 314—315.

²⁾ Имя его пишется различно: *Velten*, *Velthen*, *Veltheim*. О его жизни и дѣятельности см. *Devrient*, I, 224—267; *Prutz*, 183—185; *Genée*, 317—324; *Fürstenaу*, *Zur Gesch. der Musik und des Theaters in Dresden*, I, 82, 251—271; *Pröls*, *Gesch. des Hoftheaters zu Dresden*, 75 sqq.

шія нѣмецкія труппы XVIII столѣтія. Большое вліяніе оказала эта дѣятельность и на русскую сцену петровскихъ временъ.

Лейпцигская университетская молодежь издавна отличалась особенною любовью къ театру; латинскія и нѣмецкія комедіи съ давнихъ поръ разыгрывались въ ратушѣ, въ Collegium Carolinum и школѣ св. Николая. Среди студентовъ существовалъ, въ 60-хъ годахъ XVII столѣтія, правильно организованный драматическій кружокъ, старшиною (regens) котораго былъ Христофоръ Кормартенъ, обработавшій (1669) для нѣмецкой сцены трагедію Корнеля „Полиевтъ“. Въ этой-то пьесѣ, именно въ заглавной ея роли, и выступилъ на сцену молодой Фельтенъ. Вскорѣ затѣмъ мы видимъ его уже во главѣ труппы, составившейся преимущественно изъ студентовъ, которая въ началѣ 70-хъ годовъ появляется поочередно во всѣхъ главныхъ городахъ Германіи и скоро пріобрѣтаетъ въ устахъ народа названіе „знаменитой труппы“. Болѣе двадцати лѣтъ странствовалъ съ нею Фельтенъ, неутомимо работая, какъ принципаль, актеръ и драматургъ. Это была, безспорно, личность блестящая и весьма характерная, человѣкъ, одушевленный вѣрою въ свое призваніе, твердый и энергичный. Будучи хорошо образованъ и знакомъ съ древними и новыми литературами, въ особенности съ италіанскою и французскою, Фельтенъ поставилъ себѣ цѣлью возродить народный театръ и довести его до возможной степени совершенства. Главнымъ образцомъ и исходнымъ пунктомъ служили для него „англійскія“ комедіи, которыми опредѣлялись его литературные вкусы и приемы, вполне соответствовавшіе вкусамъ той публики, для которой онъ работалъ; но онъ далеко оставилъ за собою и совершенно устранилъ со сцены этихъ своихъ старыхъ учителей. Ихъ ремесленной рутинѣ онъ противопоставилъ юношеское одушевленіе, ихъ традиціонной неподвижности—живую энергію, которая сумѣла овладѣть всѣми эффектами и средствами сцены. Піесы Фельтеновой труппы привлекали любопытную публику новизною содержанія и прелестью постановки; въ нихъ было, сравнительно съ „англійскими комедіями“, гораздо больше разнообразія, свѣжести и изобрѣтательности; но по сущности своей онѣ мало отличались отъ „англійскихъ“ и были только дальнѣйшимъ шагомъ впередъ въ томъ же направленіи. Фельтенъ старался расширить и обогатить свой репертуаръ, пользуясь для этой цѣли всевозможными литературными произведеніями, изъ которыхъ можно было заимствовать сюжетъ для піесы: разнаго рода исторіями, модными романами, наконецъ, даже учеными трагедіями.

которыя приспособлялись къ духу и потребностямъ народной сцены и являлись передъ зрителями въ совершенно переработанномъ видѣ. Пудренные парики ложно классическихъ героевъ безпощадно растрепывались, важныя, мѣрныя рѣчи, затянутыя въ торжественный александрійскій стихъ, обращались въ патетическія тирады, изложенныя вольною прозою, знатные герои сильно демократизировались; о „единствахъ“ не было и помину; напротивъ того, дѣйствіе усиливалось и разнообразилось до послѣдней возможности. Все должно было служить сценѣ, все было расчитано на сильное впечатлѣніе; придумывались самыя вопіющіе эффекты, самыя невѣроятныя положенія; грубый шаржъ и преувеличеніе доходили до крайнихъ предѣловъ. Для характеристики стиля и манеры этихъ пьесъ достаточно обратиться къ „Полювкту“, передѣланному Кормартеномъ, который такъ воодушевилъ Фельтена къ сценической дѣятельности: небольшой анализъ этой трагедіи покажетъ наиболѣе существенныя черты созданнаго Фельтеномъ репертуара ¹⁾.

Кормартенъ не только значительно увеличилъ число дѣйствующихъ лицъ (между прочимъ, ввелъ въ трагедію „адскія силы“), но и сдѣлалъ добавленія совершенно въ духѣ кровавыхъ англійскихъ трагедій, съ преувеличенно-ужасными сценами. Пьесою Корнеля онъ воспользовался только какъ канвою для собственныхъ узоровъ и старался сдѣлать ея содержаніе какъ можно болѣе конкретнымъ и нагляднымъ. Все, о чемъ у Корнеля только разказывается, здѣсь обращено въ дѣйствіе и происходитъ на сценѣ. Между прочимъ, два „персіянскіе“ христіанина привязываются на сценѣ къ столбамъ, и подъ ними раскладывается огонь. Одинъ изъ этихъ мучениковъ продолжаетъ громко исповѣдывать Христа; тогда стоящій у костра солдатъ поражаетъ его сѣкирой. „Онъ мучится нѣкоторое время и умираетъ. Послѣ того будутъ лишены жизни и еще нѣсколько христіанъ: однихъ побьютъ камнями, другихъ прободутъ копьями, иныхъ бросятъ въ огонь“, говорится въ сценаріи пьесы. Послѣ казни Полювекта сценарій замѣчаетъ: „Отрубивъ ему голову, палачъ высоко

¹⁾ *Genée*, 318. Пьеса носитъ заглавіе: *Polyuctus, oder christlicher Märtyrer. Meist aus dem französischen des Herrn Corneille ins deutsche gebracht. Lpz. 1669.* Въ томъ же стилѣ другая трагедія Кормартена: *Maria Stuart, oder gemarterte Majestät, nach dem holländischen J. van Vondels, auf Anleitung und Beschaffenheit der Schaubühne einer studierenden Gesellschaft in Leipzig ehemals aufgeführt. Lpz. 1672.* Ср. *Gottsched*, *Nöthiger Vorrath zur Gesch. d. deutsch. dramatischen Dichtkunst* (Lpz. 1757—1765), I, 232; II, 257.

поднять ее за волосы и унести, другіе палачи уйдутъ, унося съ собою плаху, и обезглавленное тѣло, въ крови, будетъ лежать на сценѣ, zur Vorstellung“. Такія „украшенія“ считались необходимыми для того, чтобы придать піесѣ сценическую эффе́ктность. Публика, для которой назначались эти представленія, обладала очень крѣпкими нервами, по которымъ нужно было бить очень сильно, чтобы произвести впечатлѣніе. Отсюда—необходимость изображать все какъ можно болѣе рѣзкими чертами, какъ можно болѣе яркими красками: Blut ist ein ganz besondrer Saft!

Сцена Фельтена обладала всѣми средствами, чтобы обаятельно дѣйствовать именно на такую публику. Зритель видѣлъ передъ собою удивительнѣйшіе подвиги историческихъ или баснословныхъ героевъ и царей, кровавые ужасы рядомъ съ напыщенною галантносью влюбленныхъ принцевъ и принцессъ и нахальнѣйшими выходками „дурацкой персоны“, элементы придворной оперы и пасторали, волшебства и превращенія, „машины и летаніе“, сны и привидѣнія, небо и адъ, и все это въ самомъ причудливомъ соединеніи съ торжественно-поучительными аллегоріями, интермедіями, танцами, сраженіями, хорами, аріями, иллюминаціей и фейерверкомъ. Сценическая изобрѣтательность не забывала ничего, что только могло привлечь и очаровать публику, и публика охотно шла въ эти театры, повсюду встрѣчая Фельтеновую труппу съ распростертыми объятіями.

Таковъ былъ этотъ новый репертуаръ, создавшійся, по почину Фельтена, „среди труппъ странствующихъ нѣмецкихъ актеровъ, совокупными усиліями, собирательнымъ творчествомъ этихъ сценическихъ рассодовъ XVII столѣтія“¹⁾. Подобно эпическимъ рассодіямъ, піесы этого репертуара никогда не были вполне записаны, не говоря уже о печати: литература, въ своей ученой замкнутости, считала себя слишкомъ важною для того, чтобы дать пріютъ этимъ безформеннымъ произведеніямъ бродячихъ комедіантовъ. Тексты ходили по рукамъ въ видѣ тетрадокъ, расписанныхъ на отдѣльныхъ роли, хранились у принципаловъ и у отдѣльныхъ актеровъ и передавались изъ труппы въ труппу, изъ поколѣнія въ поколѣніе въ постоянно мѣняющемся, не закрѣпленномъ окончателно видѣ, часто лишь въ общихъ очеркахъ и программахъ. Да и не было надобности записывать ихъ и печатать: публика, для которой назначались эти піесы, не умѣла читать,—она только смотрѣла; актеры же большею частью импрови-

¹⁾ Тихомировъ, I, стр. XXX.

зировали подробности своихъ ролей, готовясь къ этому репетиціями, такъ что имъ достаточно было знать лишь общій планъ пьесы, ея скелетъ, и характеръ отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ. Кромѣ того, подобная пьеса была для труппы на столько цѣнною вещью, какъ средство для пріобрѣтенія выгодъ (да и самая сцена имѣла значеніе чисто-практическое, финансовое, а не литературное), что напечатаніе текста было бы равносильно уничтоженію монополіи даннаго театра на изобрѣтенное труппою сценическое сочиненіе. Оттого-то эти пьесы такъ ревниво охранялись отъ опаснаго любопытства постороннихъ людей.

Всѣ эти сценическія расходи не имѣли даже техническаго наименованія: онѣ назывались просто дѣйствами, „главными дѣйствами“ (Hauptactionen), въ отличіе отъ интермедій (Zwischenspiele) и небольшихъ пьесокъ, которыми заключался спектакль (Nachcomödien). Впослѣдствіи, уже въ XVIII столѣтіи, для большей выразительности, онѣ стали называться „великолѣпными главными дѣйствами“, Haupt- und Staatsactionen ¹⁾. Первымъ и главнымъ условіемъ подобной пьесы было, чтобы дѣйствующими лицами являлись люди именитые или знаменитые, цари, полководцы, герои: народная масса, какъ и все остальное общество, тянулась къ верху, въ область придворнаго блеска и, не имѣя въ дѣйствительности никакого общенія съ сильными міра, желала видѣть ихъ, по крайней мѣрѣ, на театральныхъ подмосткахъ. Здѣсь передъ ея глазами бесѣдовали между собою короли и императоры, воздвигались и рушились троны, основывались и гибли сильныя царства; здѣсь развѣтывалась предъ нею картина недоступныхъ ей политическихъ событій, отражаясь хотя бы и въ кривомъ зеркалѣ. Вторымъ не менѣе необходимымъ условіемъ было присутствіе „дурацкой персоны“ — Пикельгеринга или Гансвурста, этого неизбѣжнаго дѣйствующаго лица старыхъ „англійскихъ“ комедій. Шутъ и король, герой и его карриатура, трагическій паеосъ и кабацкое остроуміе идутъ рука объ руку, и эта быстрая смѣна трагическихъ и комическихъ положеній, этотъ яркій контрастъ образовъ и постоянное появленіе на сценѣ двухъ противоположныхъ элементовъ, конечно, составляютъ наиболѣе привлекательную силу этихъ

¹⁾ Это названіе не встрѣчается на аѣишахъ ранѣе 1738 года: *Koberstein*, Grundriss, II^s, 262. По объясненію Вобертага (I. c., 186) и Коберштейна, *Staat* означаетъ Prunk, Pracht, Aufwand; ср. такія выраженія, какъ Staatswagen, Staatskleid, Staat machen и т. п.

пьесъ. Языкъ ихъ, съ одной стороны, отзывался торжественностью придворной литературы XVII столѣтїа, ея галантныхъ романовъ, героидъ, панегирической лирики и дидактическихъ поэмъ, съ другой—въ нихъ слышалась грубѣйшая площадная рѣчь, переполненная самыми циническими шутками, которыя, конечно, посвящались соотвѣтствующею мимикой ¹⁾). Актеры пускали въ ходъ всевозможныя средства, чтобы заинтересовать и привлечь въ театръ какъ можно больше публики. Утромъ въ день представленїа всѣ дѣйствующїя лица разѣзжали по городу въ костюмахъ, съ трубами и литаврами и, останавливаясь на перекресткахъ и площадяхъ, торжественно провозглашали афишу; Гансвурстъ, обыкновенно ѣхавшїй на лошади задомъ на передъ, держась за хвостъ, выдѣлывалъ всевозможныя штуки, пѣлъ, заикался, гнусилъ и т. п. Самыя афиши отличались характеромъ яркой вывѣски ²⁾, и въ нихъ нерѣдко подробно перечислялись всѣ декораціи данной пїесы. Впослѣдствїи, въ первомъ десятилѣтїи XVIII вѣка и позже, ко всѣмъ этимъ привлекательнымъ эффектамъ прибавился еще новый: составители „главныхъ дѣйствъ“ начали брать сюжеты изъ современныхъ политическихъ событїй, представляя въ лицахъ газетныя реляціи. Такъ, въ 1702 году, всего два года спустя послѣ битвы подъ Нарвой, мекленбургъ-шверинскїе комедїанты уже разыгрывали въ Ростовѣ пїесу: „Побѣдоноснымъ его королевско-шведскаго величества оружіемъ благополучно освобожденная Нарва, съ великолѣпною и почти неслышанною побѣдою надъ царемъ московскимъ“; вскорѣ послѣ того, какъ по Германїи разнеслась вѣсть о внезапной, загадочной смерти Карла XII, на сценѣ странствующей труппы, преемницы трудовъ и начинанїй Фельтена, является дѣйство: „Карль XII передъ Фридрихсгалломъ“, въ которой Карль пространно повѣствуетъ о себѣ слогомъ газетнаго некро-

¹⁾ До чего иногда доходилъ этотъ цинизмъ, можно видѣть изъ русскихъ пїесъ XVIII столѣтїа и изъ разказа одной знатной дамы, леди Монтэгью, видѣвшей въ 1716 году въ Вѣнѣ представленїе Мольерова „Амелїона“. Въ этой пїесѣ оба Совин, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли они во всемъ похожи другъ на друга, раздѣвались и мѣрялись на сценѣ, при громкомъ одобренїи публики. *Pröls, Hofth. zu Dresden, 174.*

²⁾ Напримѣръ: *Die Verfolgung aus Liebe, oder die grausame Königin der Tegeanten Atalanta, mit Hanns Wurscht, dem lächerlichen Liebes-Ambassadeur betrogenen Curiositätenseher, einfältigen Meuchelmörder, interessirten Kammerdiener, übel belohnten beiden Achselträger, unschuldigen Arrestanten, interessirten Aufseher, wohl exercirten Soldaten und Inspector über die bei Hoff auf der Stiegen essende Galantuomini. Pröls, 173. Cp. Prutz, 214—215.*

лога; въ 1731 году, когда „безродный баловень счастья“, Меншиковъ, былъ еще въ живыхъ, баденскій гофъ-комедіантъ Титусъ Маасъ пріѣхалъ въ Берлинъ съ маріонетками и приглашалъ публику смотрѣть „достойное посѣщенія, совершенно вновь выработанное главное дѣйство, называемое замѣчательною игрою счастья и несчастья съ Алексѣемъ (!) Даниловичемъ княземъ von Mentzikorff“ и т. д. ¹⁾). Одновременно съ этимъ комическая часть „главныхъ дѣйствъ“ постепенно разрастаясь, начинаетъ мало по малу выдѣляться въ особыя Гансвурстиады (Hanswurst-komödien), въ которыхъ „дурацкая персона“ является уже главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, во всевозможныхъ героическихъ положеніяхъ. Первый и наиболѣе выдающійся представитель этой новой шутовской комедіи, Иосифъ-Антонъ Странницкій, занималъ первоначально амплу Гансвурста (или „Куртизана“) въ труппѣ Фельтена. Мѣстомъ его новой дѣятельности была Вѣна, гдѣ также и Haupt- und Staatsactionen достигли наибольшаго блеска и великолѣпія и вытѣснили со сцены всѣ остальные зрѣлища, за исключеніемъ только оперы.

Возвращаемся къ самому Фельтену. Обѣхавъ со своею труппою всѣ главные города Германіи, въ 1685 году онъ получилъ отъ Саксонскаго курфирста Иоанна-Георга III приглашеніе принять управленіе дрезденскимъ театромъ и на нѣсколько лѣтъ основался въ саксонской столицѣ. Это былъ первый по времени придворный театръ въ Германіи. Такимъ образомъ, Фельтеновы „дѣйства“ приобрѣли уже болѣе высокихъ зрителей; конечно, и характеръ этихъ дѣйствъ долженъ былъ въ нѣкоторой степени измѣниться: видное мѣсто въ его репертуарѣ заняли комедіи Мольера. Въ 1690 году Фельтень былъ въ Берлинѣ, а подъ конецъ жизни—въ Гамбургѣ, гдѣ въ то время въ особенности процвѣтала опера. Годъ и мѣсто смерти Фельтена съ точностью не извѣстны; полагаютъ, что онъ умеръ около 1694 года. Послѣ его смерти труппою въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ управляла его вдова, Катерина Фельтень, сохранявшая привилегію, данную ея мужу Саксонскимъ курфирстомъ ²⁾).

Мы имѣемъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ піесахъ Фельтенова репертуара, тѣмъ болѣе интересныя, что всѣ эти піесы имѣются или, по крайней мѣрѣ, упоминаются въ репертуарѣ Кунста и Фирста.

¹⁾ *Genée*, 349; *Prutz*, 180; *Тихонравовъ*, 1. с.

²⁾ Въ концѣ XVII в. труппа Фельтена носила названіе Königlich Polnische und Churfürstlich Sächsische Hof-Komödianten. *Genée*, 348.

Въ 1690 году въ Торгау труппою Фельтена были представлены слѣдующія дѣйства: 1) *Don Juan, oder des Don Pedro Todtengastmahl*; 2) *Von Genoveva*; 3) *Von dem grossen Rechtsgelehrten Papiniano*; 4) *Von des Alexanders Liebeskrieg*; 5) *Der gezwungene Arzt* ¹⁾. Эти дѣйства представляютъ передѣлки пьесъ французскихъ, испанскихъ, италіанскихъ и нѣмецкихъ. Въ 1694 году труппою Фельтена (какъ предполагаютъ, не имъ самимъ) былъ изданъ, подъ заглавіемъ „*Histrion Gallicus comico-satiricus*“ переводъ (или передѣлка) комедій Мольера ²⁾. Какъ мы упоминали уже, нѣкоторыя изъ этихъ комедій явились въ нѣмецкой передѣлкѣ еще въ 1670 году, въ сборникѣ: „*Schaubühne englischer und französischer Komödianten*“; теперь онѣ явились въ новомъ видѣ. Фельтенъ вообще очень высоко цѣнилъ комедіи Мольера и далъ имъ видное мѣсто въ своемъ репертуарѣ. Обыкновенно, онѣ игрались въ видѣ *Nachspiele*, послѣ „главнаго дѣйства“.

Фельтенова труппа, подъ руководствомъ его самого и его жены, просуществовала болѣе сорока лѣтъ ³⁾. Въ продолженіе этого долгаго времени она дала жизнь множеству другихъ странствующихъ труппъ, которыя, дѣйствуя въ томъ же духѣ, разошлись по всей Германіи и даже за ея предѣлы—въ Голландію, Данію, Швецію, Польшу. Нѣкоторыя изъ нихъ приобрѣтали осѣдлость и приручивали свою дѣятельность къ большимъ городамъ и владѣтельскимъ столицамъ; другія продолжали вести кочевую жизнь, увеселяя провинціальную и ярмарочную публику. Конечно, достоинство этихъ труппъ было весьма различно, и фельтеновскія традиции не всѣми поддерживались съ одинаковою строгостью. Въ большинствѣ случаевъ артистическое отношеніе къ дѣлу, одушевлявшее Фельтена и первыхъ его товарищей, уступало мѣсто чисто ремесленному актерству; прежняя популярность этихъ компаній все болѣе и болѣе падала, матеріальныя средства истощались, многія труппы впадали въ крайнюю нищету и съ трудомъ могли кое-какъ поддерживать свое существованіе. Въ концѣ концовъ, актерамъ часто приходилось уступать свое мѣсто кукольному театру, какъ болѣе удобному и дешевому; въ сцениче-

¹⁾ *Devrient*, I, 263—264.

²⁾ *Histrion Gallicus comico-satiricus, sine exemplo. Oder die überaus amnuthigen und lustigen Comödien des fürtrefflichen und unvergleichlichen königlich frantzösischen comödiantens Herrn von Molière. Wieder aufs Neue in das reine Teutsche übersetzt. In drey Theile abgetheilt. Nürnberg. 1694* (слѣдующія изданія 1695 и 1700 гг.). Четвертая часть этого собранія вышла въ 1696 году.

Въ ³⁾ послѣдній разъ онъ упоминается въ 1711 году. *Genée*, 343.

свомъ отношеніи маріонетки „дѣйствовали“ вичуть не хуже иныхъ живыхъ актеровъ-ремесленниковъ. Такимъ образомъ, въ началѣ XVIII столѣтія на ряду съ кочующими трупами мы видимъ въ Германіи возрожденіе стараго кукольнаго театра; теперь куклы овладѣваютъ тѣми самыми „великолѣпными главными дѣйствами“, которыя до тѣхъ поръ составляли гордость и украшеніе странствующихъ актерскихъ ассоціацій. Торжественныя рѣчи героевъ и смѣхотворныя присказки Гансвурста начали раздаваться съ подмостковъ переносной кукольной сцены, отъ лица деревянныхъ фигурокъ, двигавшихся на проволокахъ. Нѣкоторые изъ драматическихъ сюжетовъ, какъ, напримѣръ, сага о Фаустѣ, сдѣлались даже исключительнымъ достояніемъ кукольнаго театра и пріобрѣли отъ него особый, оригинальный отпечатокъ.

Труппа, привезенная въ Москву Кунстомъ, безъ сомнѣнія, была составлена изъ актеровъ, близкихъ къ труппѣ Фельтена: и репертуаръ послѣдней, и манера игры, и всѣ сценическіе приемы были перенесены Кунстомъ въ Россію. Здѣсь ему пришлось нарушить только одинъ, освященный давностью, обычай странствующихъ комедіантовъ: онъ долженъ былъ выдать переводчикамъ посольскаго приказа текстъ своихъ піесъ. „Не долженъ есмь“, писалъ онъ по этому поводу, — „комедіи свои отдавать и переводить, наипаче русскихъ научать; вѣжества же ради не отказываю“¹⁾. Впрочемъ, не всѣ эти піесы были даны въ полныхъ текстахъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣлись только въ изложеніи, въ общемъ эскизѣ, и назывались „перечневыми“; слѣдовательно, импровизація на сценѣ того времени уже признавалась возможною (во времена Грегори, какъ мы видѣли, ея не было). Такимъ образомъ, дѣятельность Кунста (и его преемника Фирста, какъ принципала той же или такой же труппы) является продолженіемъ дѣятельности Фельтена на русской почвѣ, и первые шаги нашего петровскаго театра направляются по пути, указанному нѣмецкой сценѣ знаменитымъ магистромъ-драматургомъ.

Обстоятельныя свѣдѣнія о репертуарѣ нашего театра въ первые годы XVIII столѣтія мы имѣемъ благодаря случайно сохранившемуся „Описанію комедіямъ, что какихъ есть въ государственномъ посольскомъ приказѣ мая по 30 число 1709 года“²⁾. Нѣкоторые изъ перечисленныхъ здѣсь піесъ уцѣлѣли въ рукописяхъ и изданы Н. С. Тихонра-

¹⁾ *Тихонраговъ*. I. с., XXXIII—XXXIV.

²⁾ Напечатано у *Пекарскаю*, 428—429.

вовымъ; другія остаются пока извѣстными только по заглавіямъ. Вотъ этотъ списокъ ¹⁾:

1. О Фронталлѣ (Фронталисѣ?), королѣ Эпирскомъ, и о Мирандонѣ, сынѣ его, и о прочихъ.

*2. О честномъ измѣнникѣ, въ ней же первая персона арцухъ (герцогъ) Фридрихъ фонъ Попплей.

*3. Донъ Педро, почитанный шляхта, и Амариллисъ, дочь его (О донъ-Янъ и донъ-Педръ).

4. Прельщенный любящій.

*5. Принцъ Пикель-Гарингъ, или Жюделетъ комедія, самый свой тюрьмовый заключникъ.

6. О крѣпости Грубстона (?), въ ней же первая персона Александръ Македонскій.

*7. Сципіо Африканъ, вожь римскій, и погубленіе Софонизбы, королевы Нумидійскія.

8. О графинѣ Тріерской Геновевѣ.

9. Два завоеванные города, въ ней же первая персона Юлій Кесарь.

10. Постоянный Палиньянусъ.

*11. Порода (рожденіе) Геркулесова, въ ней же первая персона Юпитеръ („Амфитріонъ“ Мольера).

*12. О Баязетѣ и Тамерланѣ.

13. О докторѣ битомъ (Докторъ принужденный), шутовская („Médecin malgré lui“ Мольера).

14. О Тенерѣ, Лизеттинѣ отцѣ, винопродавцѣ, перечневая, шутовская, Семена Смирнова ²⁾.

15. О Тонвуртинѣ, старомъ шляхтичѣ, съ дочерью, перечневая, шутовская, Семена Смирнова.

Списокъ, достаточно характеризующій содержаніе репертуара. Здѣсь мы видимъ и „главныя дѣйства“, и *Nachspiele* въ видѣ комедій Мольера ³⁾, и импровизированныя шутовскія комедіи. По содер-

¹⁾ По примѣру Печарскаго, отмѣчаемъ сохранившіяся пьесы звездочкою.

²⁾ Это былъ одинъ изъ русскихъ учениковъ Кунста, взятый на сцену изъ подъячнхъ ратуши. Въ 1703 г. онъ „позалованъ“ былъ въ посольскій приказъ въ подъячье“. *Ессиповъ*, Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ, II, 316.

³⁾ *Der gezwungene Arzt* былъ уже давно извѣстенъ въ Германіи; передѣлка этой комедіи находится, между прочимъ и въ сборникѣ *Histrion Gallicus*.

жанію своему, эти піесы являются отголосками драматической литературы нѣмецкой, французской, италянской, испанской, вольною обработкою сюжетовъ, заимствованныхъ отовсюду, изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ и приспособленныхъ къ потребностямъ сцены, какъ понимала эти потребности труппа Фельтена. Не имѣя данныхъ для болѣе точнаго хронологическаго приуроченія русскихъ переводовъ 1702—1709 гг., мы рассмотримъ дошедшія до насъ піесы въ томъ порядкѣ, какой намъ представляется наиболѣе удобнымъ.

Какъ видно изъ списка, этихъ піесъ всего шесть. Первое мѣсто, по старшинству, занимаетъ комедія о Баязетѣ и Тамерланѣ. Это старое Темиръ-Аксаково дѣйство временъ Грегори, которое пережило крушеніе перваго московскаго театра и разыгрывалось, какъ мы уже знаемъ, учениками московской госпитальной школы даже въ 1742 году. Дѣйствительно ли эта піеса входила въ составъ репертуара Кунста или Фирста—рѣшить трудно; но, можетъ быть, ее и играли русскіе актеры подъ руководствомъ нѣмецкаго принципала, такъ какъ по типу своему она мало чѣмъ отличается отъ остальныхъ извѣстныхъ намъ „главныхъ дѣйствъ“.

Комедія Сципіо Африканъ, вождь римскій, и погубленіе Софонизбы, королевы Нумидійскія ¹⁾ представляетъ характерный примѣръ отношеній Фельтена къ нѣмецкой ученой драмѣ. Это не что иное, какъ сценическое приспособленіе трагедіи Лознштейна „Софонизба“ (1666 г.). О стилѣ и характерѣ произведеній этого писателя мы уже говорили; „Софонизбу“ Гервинусъ считаетъ наиболѣе повѣстическою, наиболѣе удачною изъ всѣхъ его трагедій, но при этомъ замѣчаетъ, что ее можно сравнивать развѣ только съ самыми слабыми трагедіями Корнеля,—до такой степени дѣйствіе загромождено всевозможными препятствіями, и характеръ самой Софонизбы, этой любимой героини всѣхъ тогдашнихъ трагиковъ, лишентъ всякой опредѣленности и полонъ самыхъ странныхъ противорѣчій ²⁾. Дѣй-

¹⁾ Рукопись Имп. Публ. б-ки, Q. XIV. 10.—*Тихомировъ*, Русск. др. произв., II, 34—104. Рукопись перешла изъ Архангельской бібліотеки къ графу Ф. А. Толстому, что видно изъ надписи: *Ex bibliotheca Arceangelina*, и была прежде помѣчена II, № 406 (см. *Строева*, Опис. рукоп. Толстого, 544). Она состоитъ изъ четырехъ тетрадокъ, писанныхъ различными почерками и переплетенныхъ въ одну книгу, и заключаетъ въ себя, кромѣ „Софонизбы“, еще комедіи: „Принцъ Пикельгерингъ“, „Честный измѣнникъ“, два списка „Даоны“ и отрывокъ изъ комедіи о донъ-Янъ и донъ-Педръ. Обзоръ содержанія рукописи сдѣланъ *Лескарскимъ*, 459—474.

²⁾ *Gesch. der deutsch. Dichtung*, III², 566—567.

ствительно, о психологii у Лoэнштейна нѣтъ и помину, да „ученая“ драма и вообще не заботилась о психологическомъ анализѣ и мотивировкѣ, потому что изображала не живыхъ людей, а лишь отвлеченныя схемы и къ сюжету относилась съ чисто формальной стороны. За то, именно тѣ недостатки, которые видить въ „Софонизбѣ“ новѣйшая критика,—быстрая смѣна дѣйствiя, постоянные переходы отъ одного положенiя къ другому, противоположному, различные вѣншіе эффекты,—можеть быть, сдѣлали эту трагедію, въ глазахъ Фельтена, особенно удобною для приспособленiя къ его сценѣ, для переработки въ *Hauptraktion*. Сравненіе текста Лoэнштейновой „Софонизбы“¹⁾ съ русскою пiесою, дословно переведенною съ нѣмецкаго, поможетъ намъ уяснить приемы подобной переработки и наглядно покажеть разницу между ученою книжною и сценическою драмою XVII вѣка въ Германіи.

Прежде всего трагедіа Лoэнштейна подверглась значительному сокращенію, но такъ, что первые три акта ея совершенно переработаны, при чемъ введено довольно много оригинальныхъ сценъ, а изъ послѣднихъ двухъ актовъ просто вычеркнута первая половина, вторая же переведена почти буквально. Хоры (*Reuen*) аллегорическихъ фигуръ (Страхъ, Мщеніе, Любовь, а въ концѣ даже духъ императора Лeопольда и четыре части свѣта) отброшены. Изъ 27 дѣйствующихъ лицъ оставлено только 10, при чемъ иногда нѣсколько ролей соединено въ одну. За то въ нашей пiесѣ прибавлено одно дѣйствующее лицо, котораго нѣтъ и не могло быть у Лoэнштейна. Это—Гансвурстъ, являющійся здѣсь въ видѣ „издѣвочнаго слуги“ Эрсилы. Многія сцены сочинены специально для этой шутовской персоны и не имѣютъ никакой связи съ общимъ ходомъ дѣйствiя; но есть и такія сцены, въ которыхъ Эрсиль необходимъ, потому что на него перенесены слова и дѣйствiя разныхъ второстепенныхъ лицъ трагедіи. Вообще дѣйствіе значительно усилено. Длинныя монологи, которыми въ особенности изобилуетъ трагедіа, сокращены такимъ образомъ, что изъ нихъ оставлено только самое существенное; напыщенная трагическая риторика почти совсѣмъ пропала; изысканныя сравненiя и ме-

¹⁾ Пользуемся изданіемъ: *Daniel Caspers von Lohenstein Sophonisbe, Trauerspiel*. Breslau, auf Unkosten Jesaias Fellgibels, Buchhändlers aldar. 1680. 8° XXVII нел.—176 стр. О Лoэнштейнѣ см. *Konr. Müller, Beiträge zum Leben und Dichten von Lohenstein*, въ *Germanistische Abhandlungen von K. Weinhold*. Bresl. 1882, Н. 1. *Gödecke* II², 269.

тафоры переданы самою простою рѣчью, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ остались вовсе не понятными. Далѣе, въ піесу вставлены коротенькія „аріи“, въ чемъ, конечно, нужно видѣть вліяніе модныхъ въ то время въ Германіи оперъ. Одну изъ этихъ арій, въ началѣ 2-го дѣйствія, поетъ „Эолусъ, богъ вѣтренный“. Наконецъ, для большаго эффекта, составители піесы ввели въ нее картины африканской природы: на сценѣ видны деревья, является крокодилъ (для котораго даже нарочно сочинена цѣлая сцена), бѣгаетъ обезьяна. Эрсигъ ловитъ ее и учитъ показывать, „какъ дѣвицы дѣлаютъ, когда ихъ блохи укусаютъ, какъ солдаты оружіемъ своимъ пойдутъ, какъ собаки черезъ посохъ скачутъ“ и т. д.

Обращаясь къ подробностямъ, передадимъ содержаніе трагедіи Лопштейна сравнительно съ нашею піесой.

Дѣйствіе (Abhandlung) I. Царь Массинисса, въ лагерѣ подъ осажденнымъ римлянами городомъ Циртою, показываетъ посламъ отъ Нумидійской царицы Софонизбы плѣннаго ея мужа, Сифакса, въ оковахъ, угрожая казнить его, если городъ не сдастся; но Сифаксъ мужественно уговариваетъ своихъ друзей защищаться. Приказавъ посламъ передать Софонизбѣ о судьбѣ ея мужа, Массинисса оставляетъ одного изъ нихъ, Гемпсала, въ видѣ заложника и старается привлечь его на свою сторону, чтобы тотъ помогъ римлянамъ овладѣть городомъ. Тотъ соглашается и обѣщаетъ свое содѣйствіе.

Между тѣмъ Софонизба въ храмѣ оплакиваетъ поражение своихъ войскъ. Являются послы и разказываютъ о печальной участи Сифакса. Софонизба въ отчаяніи сперва хочетъ убить себя, затѣмъ рѣшается сдать городъ и, наконецъ, снова рѣшившись защищаться, велятъ остричь себѣ волосы и надѣваетъ латы и шлемъ. Пасынокъ ея Вермина, готовясь принести жертву лунѣ, одѣвается въ женское платье, и Софонизба велитъ двумъ своимъ сыновьямъ, Адгербалу и Іербѣ, бросить жребій—кому изъ нихъ придется пожертвовать собою для блага отечества. Жребій выпадаетъ Іербѣ, и Софонизба сама хочетъ положить его на раскаленные руки богини; но въ это время является Сифаксъ, успѣвшій освободиться изъ плѣна, и приказываетъ жрецу Богудесу принести въ жертву лунѣ и солнцу, вмѣсто Іербы, двухъ плѣнныхъ римлянъ.

Въ нашей піесѣ изъ этого перваго акта Лопштейновой трагедіи сдѣлано два и часть третьяго, всего 16 явленій, изъ которыхъ половина представляетъ оригинальное сочиненіе, а другая половина—переработку трагедіи. Дѣй-

ствіе открывається сѣтованіями Сифакса, заключеннаго въ оковы ¹⁾, и издѣвательствами надъ нимъ Эрсилъ; затѣмъ „Сципіо, Массиниса, Леліусъ и начальныя люди“ укоряютъ Сифакса и бесѣдуютъ между собою о взятіи Цирты-Эрсилъ объявляетъ о прибытіи нумидійскихъ пословъ; слѣдуютъ сокращенныя изъ трагедіи сцены Массиниссы съ послами и Гемпсаломъ (который въ нашей пьесѣ слитъ въ одно лицо съ Миципсой и носитъ имя послѣдняго), послѣ чего Массинисса заключаетъ дѣйствіе аріей ²⁾.

Аріею же (бога Эола) открывається второе дѣйствіе нашей пьесы. Вслѣдъ за Эоломъ на сцену является Эрсилъ и ловить „облезана“ (въ другихъ мѣстахъ пьесы называемаго „облезанкою“). Слѣдуетъ перифразированный изъ монолога Софонизбы разговоръ ея съ жрецомъ Богудесомъ („солнечный и лунный священникъ старъ арапскихъ“, Sonn- und Mondpriester der arabischen Staaten), потомъ разказъ Вермины и Миципсы о плѣнѣ Сифакса. Сцена прерывается перемѣною декораціи и появленіемъ Эрсилъ съ обезьяной и разговоромъ его съ Массиниссою. Затѣмъ выходитъ сынъ Сифакса Іерба, затѣваетъ ссору съ Эрсиломъ, прогоняетъ его и убиваетъ неожиданно выбѣжавшаго крокодила.

Въ третьемъ дѣйствіи продолжается такъ неловко прерванный посторонними сценами разговоръ Софонизбы съ послами и дѣтьми. Богудесъ готовится совершить жертвоприношеніе Іербы и поетъ арію. Появленіе Сифакса и жертвоприношеніе плѣнниковъ изложены очень кратко, между тѣмъ какъ въ трагедіи подробно описаны всѣ приготовленія къ обряду и самый обрядъ.

Дѣйствіе II. Сифаксъ и Софонизба узнаютъ, что Гемпсалъ измѣнилъ имъ и открылъ ворота Цирты непріятелю. Массинисса врывается въ крѣпость и беретъ Сифакса въ плѣнъ; Софонизба съ сыновьями бросаются къ ногамъ побѣдителя, умоляя не выдавать ихъ римлянамъ. Массинисса обѣщаетъ пощадить ихъ и велитъ отвести Сифакса въ тюрьму. Туда же является Софонизба, переодѣтая рим-

¹⁾ „Заключи, Полноеме, око твое, о страже кругу земному! и претвори свѣтлый полдень въ черное затмѣніе (Finsterniss), дабы самое приключеніе не увидѣло свое немилосердіе, еже свое пристрашное сосланіе (счаstopаденіе) надо мною содѣваетъ!“ и т. д. Здѣсь словомъ *сосланіе* переведено, по всей вѣроятности, нѣмецкое Schicksal; *счаstopаденіе*—Glücksfall.

²⁾

Надежда утѣшаетъ мя;
Когда грозить уклониться,
То явится
Твоя радость внутренна.
Надежда утѣшаетъ мя.

*

Упованія лишная,
Вся бо уже погублена;
Игра
Ищетъ мою кончину;
Упованія лишная.

скимъ воиномъ, и освобождаетъ мужа, помѣнявшись съ нимъ платьемъ. Приходитъ Массинисса и хочетъ убить Сифакса, но узнаетъ Софонизбу, отерываешь ей свою давнишнюю любовь и убѣждаетъ сдѣлаться его женою.

Соотвѣтствующія этому сцены находятся въ концѣ третьяго и въ четвертомъ дѣйствіи нашей пьесы. Передѣлкѣ подверглась только первая сцена этого акта трагедіи, гдѣ къ Сципіону и Лелію въ видѣ вѣстника является Эрсиль. Тотъ же „надѣвочный слуга“ прерываетъ нѣжныя объясненія Массиниссы и Софонизбы шутками на счетъ женскаго непостоянства. Во всемъ остальномъ текстъ нашей пьесы очень близко передаетъ нѣмецкій оригиналъ, лишь сокращая его длиноты.

Дѣйствіе III. Друзья пытаются отговорить Массиниссу отъ брака съ Софонизбою, который будетъ очень непріятенъ Сципіону и римлянамъ; но Массинисса упорно держится своего рѣшенія. Свадьба Массиниссы, съ дурными предзнаменованіями. Является Лелій съ воинами, упрекаетъ Массиниссу, хочетъ арестовать Софонизбу. Массинисса и его приближенные обнажаютъ мечи; но друзья ихъ успокоиваютъ. Стража приводитъ трехъ мавровъ, которые, переодѣвшись римлянами, пытались бѣжать изъ плѣна. Лелій приказываетъ Богудесу принести ихъ въ жертву богамъ. Тотъ отказывается. Тогда Софонизба вызывается исполнить это вмѣсто него, чтобы заслужить лаговоленіе римлянъ. Но когда плѣнниковъ раздѣли, она, по знаку на груди, узнаетъ въ одномъ изъ нихъ Сифакса. Сифаксъ осыпаетъ ее упреками и хочетъ убить; но Лелій не допускаетъ этого и велитъ всѣхъ арестовать, въ ожиданіи Сципіона, который долженъ произнести приговоръ надъ виновными.

Изъ этого акта только первая сцена (разговоръ Массиниссы съ друзьями) взята въ начало пятаго дѣйствія нашей пьесы; остальное же совершенно измѣнено. Дѣйствіе открывается арією Массиниссы:

Любовь, любовь приносили
 Жаръ и оиміанъ.
 Престань ты прельщати
 И вовсе блазнити,
 Ты бо мя
 Ничѣмъ утѣшаешь.
 Любовь, любовь приносили
 Жаръ и оиміанъ.

Эта арія нѣсколько напоминаетъ начало „хора любви“, предшествующаго третьему акту трагедіи:

Kommt nun Hell, Erde, Himmel, Meer,
 Kommt, streut mir offernd Weihrauchher, и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ упомянутый выше разговоръ, въ которомъ „Миципса“ нашей пьесы замѣняетъ собою двухъ лицъ трагедіи (Бомилькара и Манастабела). Далѣе идутъ отдѣльными, ничѣмъ не связанныя между собою сцены. Эрсиль извѣщаетъ Сципіона и Леліа о свадьбѣ Массиниссы. Закованный Сифаксъ плачется на вѣроломство жены. Софонизба радуется своему счастью и оправдываетъ свой поступокъ тѣмъ, что изъ двухъ золъ нужно выбирать меньшее. Является Эрсиль и привѣтствуетъ ее. Наконецъ, Массинисса, удрученный тяжкими мыслями, желаетъ забыться сномъ, велитъ музыкантамъ играть „сонную арію“ и поетъ: „Морфей, закрой мои очи и дай мнѣ долго спати“, и т. д. Онъ засыпаетъ, „а ему во снѣ Софонизба объявится, какъ смерть поведетъ и любовь ея“.

Дѣйствіе IV. Леліа разказываетъ Сципіону (который у Лозштейна только теперь впервые является на сцену) о взятіи Цирты и представляетъ ему плѣннаго Сифакса, который открываетъ ему свое злополучіе и вѣроломство жены. Является Массинисса, привѣтствуетъ Сципіона, вручаетъ ему скипетръ и корону завоеваннаго Нумидійскаго царства; Сципіонъ настойчиво доказываетъ ему невозможность брака съ Софонизбой и заставляетъ согласиться съ своими доводами. Въ сердцѣ Массиниссы происходитъ сильная борьба любви и разсудка; наконецъ, онъ рѣшается покинуть Софонизбу, но посылаетъ ей, чрезъ слугу Дизалка, чашу съ ядомъ, чтобы, согласно своему обѣщанію, спасти ее отъ позора быть добычею римлянъ.

Изъ этого дѣйствія взята въ нашу пьесу вторая половина, начиная съ разговора между Сципіономъ и Массиниссою. Текстъ трагедіи переданъ дословно, но съ пропусками отдѣльныхъ стиховъ. Роль слуги Дизалка исполняетъ Эрсиль.

Дѣйствіе V. Духъ Дидоны возвѣщаетъ Софонизбѣ о гибели ея и Каррагена и пророчествуетъ о будущемъ, говоря, что потомки Массиниссы недолго будутъ процвѣтать въ Нумидіи, что затѣмъ Африкою овладѣютъ готы и венды, а послѣ нихъ—сарацины и арабы; послѣдніе будутъ побѣждены Фердинандомъ II, Карломъ V, Филиппомъ II и, наконецъ, императоромъ Леопольдомъ, и мало по малу будутъ оттуда вытѣснены. Софонизба, узнавъ свою судьбу, приходитъ въ отчаяніе и, чтобы избѣжать римскаго рабства, хочетъ вмѣстѣ съ двумя сыновьями сжечь себя въ храмѣ Солнца; но жрица не допускаетъ ее до этого. Слуга приноситъ посланный Массиниссой ядъ; Софонизба, послѣ трогательнаго прощанія съ дѣтьми и приближенными женщинами, выпиваетъ чашу и даетъ остатокъ дѣтямъ. Прибѣгаетъ Массинисса и въ отчаяніи хочетъ пронзить себя мечемъ, но во-время подоспѣвшій Сципіонъ удерживаетъ и успокоиваетъ его

Онъ даетъ Массиниссѣ позволеніе торжественно похоронить Софонизбу и вручаетъ ему корону Нумидійскаго царства.

И. изъ этого акта въ нашу піесу взята только вторая половина, начиная съ прихода слуги съ ядомъ. Смерть Софонизбы и отчаяніе Массиниссы переданы очень кратко; за то послѣдняя сцена переведена дословно и безъ пропусковъ ¹⁾.

Въ русскомъ переводѣ, который, какъ можно видѣть по его языку, сдѣланъ буквально съ нѣмецкаго, общій характеръ рѣчи Лознштейна значительно упростился. Метафоры большею частью устранены; миеологическіе намеки и сравненія, на которыя былъ въ особенности щедръ нѣмецкій писатель, замѣнены простыми выраженіями; вообще видно, что лицо, приспособившее трагедію для сцены, старалось сдѣлать ее доступнѣе для пониманія „большой публики“. Вотъ нѣсколько примѣровъ, объясняющихъ отношеніе передѣлки къ основному тексту:

Die Flott' ist in die Luft geschwefelt aufgefahen,
Das Lager Asdrubals, des Syphax freche Schaaren
Hat brennend Schilf vertilgt. Und was dort Flamm' und Schwerdt
Den Feinden übrig liess, hat itzt mein Arm verzehrt.
Die Funcken stieben selbst schon auf Carthagens Zinnen....

¹⁾ Соотношеніе нашей піесы и трагедіи Лознштейна можетъ быть наглядно представлено въ слѣдующей таблицѣ:

<i>Наша піеса.</i>	<i>Лознштейнъ.</i>
Дѣйствіе I, сѣнь 1—4	Нѣтъ.
„ „ 5 и начало 6-й	I, 19—98, 137—214.
„ „ конецъ 6-й сѣни	Нѣтъ.
„ „ Арія Массиниссы	Нѣтъ.
Дѣйствіе II, сѣнь 1—2	Нѣтъ.
„ „ 3—4	I, 215—240.
„ „ 5—7	Нѣтъ.
Дѣйствіе III, сѣнь 1—3	I, 241—500.
„ „ 4—6	Нѣтъ.
„ „ 7, 8	II, 1—214.
Дѣйствіе IV, сѣнь 1—4	II, 219—436.
Дѣйствіе V, сѣнь 1 (арія)	Нѣтъ.
„ „ 2	III, 1—28.
„ „ 3—8	Нѣтъ.
„ „ 9	IV, 264—345.
„ „ 10	VI, 449—455.
„ „ 11, 12	Нѣтъ.
„ „ 13	V, 293—319.
„ „ 14	V, 439—486.
„ „ 15, 16	V, 551—618.

... Wollt ihr dem Trotz uns sprechen,
 Bis eure Mauern wir zermalmen und zerbrechen?
 Soll auch kein Kind verschont im Mutterleibe sein!
 — Man jagt mit Worten Furcht nur feige Hasen ein;
 Das rauhe Jägerhorn schreckt Gemsen, keine Löwen,
 Die Welle—keinen Fels; uns—kein erhitztes Dreuen.

„Флота ваша не жупеломъ ли утомлена? и войска Аздрубалева не разоренна ли? И что осталось, то мои руки погубили; огонь въ городъ Картагинъ засыпался (sic!). Учитесь во время разумнымъ быти и совѣтуйте, иначе бо и младенецъ во утробѣ не пощадится“.

— „Звонъ рожный устрашаетъ токмо зацовъ, а левъ тому смѣется И могутъ ли морскія волны каменной горѣ вредить?“ (40).

Verteufelt-falscher Hund! sind solcher Heuchler Motten
 Aus zartem Wurmgespinnst und Purper nicht zu rotten?

„Проклятая собака! Того ради мы тебя такъ въ чести держали, чтобъ ты наипаче насъ въ бѣду привелъ?“ (65)

Слѣдующія два мѣста не понаты переводчикомъ:

Trifft den Entlaufenen mit seinem Schwarme man
 In diesem Kefichte vergifter Schlangen an?
 Stracks! dass man ingesammt sie in die Ketten schliesse.

„Обрѣтаемъ мы здѣсь бывшаго Сифакса съ своею змѣнною невѣстою; въ сей клѣткѣ скоро заключите ихъ всѣхъ въ желѣзяхъ“ (86).

... Du eben bist der Drache,
 Der Africa verschlingt und seine Freiheit legt
 Den Römern unter's Joch; der eine Wolfen hegt
 In seiner eignen Schoss, die ihn bald selbst wird fressen.

„Ты той же змѣй, иже всю Африку проглотилъ и ихъ вольность подъ римскимъ ярмомъ положилъ; волчицу въ нѣдрѣ твоемъ держишь; но я уповаю, что тебя конечно пожретъ“ (67).

Mir stinkt das Aloe des sauern Lebens an,
 Das das Verhängniss selbst mir nicht verzuckern kann,
 Weil ja kein Kürbskern mag Granatenäpfel zeugen.

„Горестъ печальнаго житія мнѣ гнусна сице, что я только умрети желаю“ (68).

Sag', ob ein Ikarus die Sonne schelten kann?
 — Sie ist ein blutig Stern, ein Irrwisch, ein Comete.
 — Dass für der Lästerung dein Antlitz sich erröthel!

„То токмо догаданія—Я узрю ю, яко грозную комиту ко зло-

полученію.—Какъ не очермленѣть лице твое за такую прешрашную злобу?« (84).

Языкъ перевода до такой степени испещренъ германизмами, что нѣтъ почти ни одной фразы, которая была бы отъ нихъ свободна. Видно, что переводчики посольскаго приказа, которымъ впервые приходилось имѣть дѣло съ необычайнымъ слогомъ нѣмецкой торжественной трагедіи, были совершенно подавлены этою задачею, непользу для тогдашняго русскаго языка, и все спасеніе видѣли въ буквливости. Приведемъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ примѣровъ.

Жестокое пребываніе (*harter Stand*, 43); какимъ подобіемъ? (*auf welche Weise?* 43); онъ на меня поѣдетъ (*wird auf mich losfahren*, 46); умре же онъ? (*ist er doch todt?* 49); предбудущіе послѣдніе (*künftige Nachkommenschaft*, 61); моего ради (*meinetwillen*, 73); скоро они того, скоро внаго обвиняютъ (*der bald dies bald jenes Bild umfasst*, 75); а она велѣла себя отъ него въ желѣзахъ заключитися (*und sie hat sich für ihn in Ketten schrauben lassen*, 77); она Сифакса переговорила (*überredete*, 85); Glas переведено словомъ стекло вм. стаканъ (96); *Feldherr* — полевой воевода (98), и т. д. Благодаря буквливости перевода, построеніе фразы часто грѣшитъ противъ русскаго синтаксиса. Судя по нѣкоторымъ выраженіямъ, можно думать, что переводчикомъ былъ полякъ или выходецъ изъ южной Россіи. На это указываютъ полонизмы: цнотость (42, 95, 104); употребленіе *и* вмѣсто *с*: пушкаешъ (35), мышли (36, 70), *з* вмѣсто *ж*: порозную (97) и замѣна *и* черезъ *ъ*: образумѣтися=образумитеса (дабы гнѣвъ нашихъ великихъ боговъ на васъ не умножилса, 47). Нѣкоторыя слова въ рукописи написаны согласно съ произношеніемъ писавшаго: вольна вм. волна; фивать вм. вивать, и т. п.

Изъ отдѣльныхъ словъ заслуживаютъ вниманія: статьи (въ смыслѣ: договорныя статьи, условія, — „тяжкія мнѣ статьи предлагаешъ“, 44); милость (=молитва: „боги милость нашу услышали 48); таборъ лагерь, 50); муравный болтунъ (? 54); ерлички (ярлички, жребіи, 57); приказокъ (=призракъ, 58); краша (=украшеніе, 100); вздерите ему изъ рукъ шпаги (102). Въ рѣчахъ шута Эрсла есть нѣсколько пословицъ: сахаръ на послѣдокъ не безъ перца будетъ (82); не вѣдаю, кто поваръ, кто ключникъ (45); для вставки одной пословицы оставлено было переводчикомъ мѣсто: „извѣстно по старой присловицѣ (что никому вѣрить),—стр. 53.

Въ піесѣ есть не мало сценическихъ указаній для исполнителей,

но совершенно отсутствуют указанія на декорации, весьма обстоятельно описанныя Лознштейномъ; только въ одномъ мѣстѣ (86) Спиронъ говоритъ Лелію: „Приходи, мой друже, и наслаждаемся стѣни сихъ изрядныхъ древесъ противъ солнечнаго жару“ (у Лознштейна этого мѣста нѣтъ). Такая бѣдность указаній на обстановку объясняется, можетъ быть, условіями сцены, которая далеко не всегда и не вездѣ могла располагать большими декоративными приспособленіями, такъ что составитель пьесы не хотѣлъ связывать режиссера заранѣе опредѣленными требованіями.

Изъ произведеній другого ученаго драматурга силезской школы, Авдрея Грифійуса, Фельтенъ приспособилъ для своей сцены трагедію „О великомъ правовѣдѣ Паниніанѣ“ ¹⁾. Въ этой трагедіи, бѣдной дѣйствіемъ, но очень богатой сентенціями, юристъ Паниніанъ, въ противоположность жестокому и своевольному тирану Каракаллѣ, является строгимъ исполнителемъ долга и вмѣстѣ съ сыномъ гибнетъ жертвою своей справедливости. Пьеса Фельтена входила въ репертуаръ Кунста подъ заглавіемъ: Постоянный Паниніанусъ; но текстъ ея не сохранился ²⁾.

Комедія Честный измѣнникъ или Фридерико фонъ-Поплей и Алоизія, супруга его ³⁾, представляетъ переводъ нѣмецкой передѣлки трагедіи Чиконьини: „Il tradimento per l'honore, ovvero il vendicatore pentito“ (Bologna. 1668). Флорентинскій поэтъ первой половины XVII столѣтія, Giacinto Andrea Cicognini, по мнѣнію Клейна ⁴⁾, выдѣляется изъ всѣхъ современныхъ ему итальянскихъ драматурговъ оригинальностью и талантомъ, не смотря на всѣ странности и преувеличенія, какими отличаются его произведенія. Это — представитель романтической драмы, посвященной преимущественно изображенію сильныхъ страстей, единственный итальянскій поэтъ XVII вѣка, нѣсколько приближающійся къ направленію Кальдерона и Шекспира. Строгіе послѣдователи ложно-классической теоріи упрекали его въ

¹⁾ *Andreae Gryphii* Grossmüthiger Rechtsgelehrter, oder sterbender Aemilius Paulus Papinianus. Trauerspiel. Breslau. 1659. См. *Abendzeitung*, 1819, № 240. Литература о Гривеусѣ указана у *Gödecke*, III^a, 217.

²⁾ Трагедіи Лознштейна и Гривеуса представлялись большею частью на школьномъ театрѣ въ Бреславлѣ, при чемъ всѣ роли, какъ мужскія, такъ и женскія, исполнялись учениками. *Alt*, Theater und Kirche, 631.

³⁾ Рукопись Имп. П. Библиот. Q. XIV. 10; *Тихонравова* II, 196—239; ср. I, XXXVIII—XXXIX.

⁴⁾ *Gesch. des Dramas*, V, 666—717.

мелодраматизмъ, въ томъ, что онъ соединялъ важныя трагическія дѣйствія съ смѣшными, переиживалъ въ своихъ пьесахъ стихи съ прозой и прозу со стихами и такимъ образомъ нарушалъ всѣ поэтическія правила. Не смотря на все это, Чиконьини считался, однако же, въ свое время „возстановителемъ театра“. Гольдони въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что изъ всѣхъ комическихъ писателей, которыхъ онъ читалъ и перечитывалъ, Чиконьини нравился ему больше другихъ: „Этотъ флорентинскій писатель, весьма мало извѣстный въ изящной литературѣ, написалъ много пьесъ, въ которыхъ слезливо-патетическія сцены были переиживаны съ тривиально-комическими. Но въ нихъ было много и привлекательнаго: онъ обладалъ искусствомъ возбуждать ожиданія и привлекать вниманіе развитіемъ интриги“.

Въ трагедіи „Честный измѣнникъ“ Чиконьини является предшественникомъ трагедій новаго времени, изображающихъ событія изъ тѣснаго круга домашней жизни. Въ этомъ тѣсномъ семейномъ кругу онъ ставитъ своего героя въ положеніе Отелло или дон-Гутьерре („Врачъ своей чести“) и, крупными чертами рисуя развитіе страсти, приводитъ къ оригинально задуманной катастрофѣ. Такъ какъ въ русскомъ переводѣ пьеса не имѣетъ конца, и кромѣ того, 8-е явленіе (сѣнь) втораго дѣйствія осталось не дописаннымъ, то для объясненія хода дѣйствія и развязки считаемъ нужнымъ представить анализъ трагедіи Чиконьини по Клейну ¹⁾.

Федерико, герцогъ Поплей, проводитъ медовый мѣсяцъ съ молодою своею супругою Аловизіей. Эта женщина обладаетъ чарующею красотою, и скоро въ нее влюбляется слуга герцога, Родриго, безумной страсти котораго она, однако, не замѣчаетъ. Альфонсо, маркизъ di Rudiano, еще до замужества Аловизіи, однажды танцевалъ съ нею на балу и страстно въ нее влюбился, но не могъ открыть ей свое чувство. Случайно онъ охотится на землѣ герцога. Федерико приглашаетъ его къ себѣ въ замокъ и представляетъ своей женѣ. Альфонсо остается наединѣ съ Аловизіей, и между ними сейчасъ же начинается быстрый обмѣнъ страстныхъ восклицаній и вопросовъ, характеризующихъ манеру Чиконьини:

Маркизъ. О Боже! *Аловизіа.* Увы! больно мнѣ! *М.* Что я вижу? *А.* Что я слышу? *М.* О, англичская (sic) красота! *А.* О, свирѣпый любви огонь!.. *М.* Милостивая арпугина! Многая имѣлъ бы вамъ сказать, но мнѣ больше того

¹⁾ Gesch. d. Dramas VI, 53—58.

не смогу, токмо что я называюсь вашимъ слугою. *А.* Господине маркизе! много бѣ мнѣ съ вами говорить, но нынѣ довольно, что я рабынею вашею называюсь. *М.* Прости, прекрасная арпугиня! *А.* Прости, господине маркизе! *М.* Прошу, изволь выразумѣть. *А.* Прошу, изволь выслушать. *М.* Чего вы изволите? *А.* Что вы говорить хотите? *М.* Я ничего. *А.* И я ничего. *М.* О вы, божи! каковое сіе помѣшаніе! *А.* А я вамъ сердце мое открою, и т. д. ¹⁾

Родриго незамѣтно подкрадывается и подслушиваетъ ихъ любовное объясненіе и „обязательство“, и затѣмъ, мучимый ревностью, доноситъ обо всемъ герцогу. „Еслибы ты молчалъ“ говоритъ послѣдній доносчику, — „я не былъ бы обезчещенъ. Теперь ты налагаешь на меня обязанность убить маркиза и герцогиню“. „Вы испѣлите этимъ свою честь“, отвѣчаетъ Родриго. „Конечно, но я потеряю Аловизию, въ которой вся моя жизнь“. Онъ посылаетъ Родриго въ жасминную бесѣдку, гдѣ любовники назначили свиданіе, но вслѣдъ затѣмъ слышитъ шумъ въ сосѣдней комнатѣ, стучится въ дверь, — оттуда выбѣгаетъ смущенная Аловизія. Герцогъ идетъ туда, находитъ спрятавагося подъ кровать Альфонса и хочетъ его убить; но пистолетъ даетъ осѣчку; герцогъ даритъ маркизу жизнь и прогоняетъ его изъ замка. Оставшись одинъ, герцогъ говоритъ, что Родриго—единственный человѣкъ, которому извѣстенъ его позоръ, а потому шпіонъ долженъ умереть ²⁾. Родриго возвращается; герцогъ приказываетъ ему осмотрѣть комнату жены и убиваетъ его сзади. „Такъ-то всѣмъ бываетъ, которые устъ своихъ преодолѣть не могутъ“, говоритъ герцогъ, и выбрасываетъ трупъ за окно, произнося двустишіе, въ которомъ заключается основной мотивъ пьесы:

Ch' al fine il saggio dice,
Che per l'onore il tradimento lice ³⁾.

¹⁾ Русск. драм. проза., II, 204—208. Итальянскій текстъ почти совершенно соответствуетъ русскому:

М. O Dio! *А.* Ohimé! *М.* Che veggio? *А.* Che sento? *М.* Che beltà! *А.* Che ardore!. *М.* Vi sarò servo. *А.* Jo ancilla. *М.* Parto, duchessa. *А.* Addio, o marchese. *М.* Sentite. *А.* Uditemi. *М.* Che? *А.* Cosa? *М.* Nulla. *А.* Niente. *М.* O Dio! *А.* Che confusione! *М.* Che sconvolgimento! (Последнее не понято переводчикомъ).

²⁾ „Ну, уже нынѣ безчестіе мое никому больше не вѣдомо, кромѣ того, иже мнѣ то объявилъ. И для того я его устрою, чтобъ безчестіе мое затаено было“ (218).

³⁾ „Мудрецъ говоритъ, что для огражденія чести дозвоительно и предательство“.

Въ началѣ втораго акта трагедіи мы видимъ герцогиню въ траурѣ. Герцогъ спрашиваетъ ее о причинѣ этого траура; она отвѣчаетъ, что, лишившись его любви, она считаетъ себя уже мертвою, и проситъ поразить ее кинжаломъ въ сердце. Герцогъ говоритъ, что помня ея прежнюю любовь, онъ щадитъ ея жизнь, но любить ее уже не можетъ ¹⁾. Въ слѣдующемъ затѣмъ монологѣ (въ русской піесѣ его нѣтъ) герцогъ разсуждаетъ о мести. По его мнѣнію, лучше всего месть холодная: „Vendetta flemmatica io voglio“, говоритъ онъ. Далѣе мы видимъ маркиза Альфонса, погруженнаго въ глубокую скорбь. Его мучаютъ угрызения совѣсти. „Я вижу вокругъ себя разрушеніе“, говоритъ онъ; — „смерть въ сердцѣ моемъ. О любви! о герцогиня! о раскаяніе!“ ²⁾.

Между тѣмъ герцогъ, рѣшившись отомстить хладнокровно, начинаетъ говорить женѣ о своей любви. „Я васъ люблю, герцогиня; вѣрите ли вы мнѣ?“ „Мнѣ отрадно этому вѣрить“. „Кланетесь ли вы быть мнѣ вѣрною?“ „О, вѣчно!“ „А я кланусь вѣчно любить васъ“. Такъ готовится къ мести этотъ итальянскій Отелло. Герцогиня ждетъ его къ себѣ ночью, а онъ, между тѣмъ, приглашаетъ маркиза къ себѣ на ужинъ. Приносятъ два закрытыя блюда: на томъ, которое подаютъ маркизу, лежитъ портретъ герцогини; на блюдѣ герцога — кинжалъ. Альфонсо понимаетъ намѣреніе герцога и сильно смущается. „Недостаетъ еще вина“, любезно говоритъ герцогъ разстроенному гостю. При этихъ словахъ входятъ четыре замаскированные человѣка, вооруженные алебардами. „Какія печальныя кушанья!“ восклицаетъ Альфонсо. „Вы можете, однако, утѣшиться портретомъ герцогини“, говоритъ ему герцогъ, — „пейте нектаръ изъ ея устъ“. Маркизъ жалуется на варварство, съ какимъ обманули его довѣріе; алебардщики бросаются на него и убиваютъ его; герцогъ приказываетъ отнести трупъ въ заранѣе назначенное мѣсто и заключаетъ актъ своимъ любимымъ изреченіемъ: „Мудрецъ говоритъ, что для огражденія чести дозволительно и предательство“ ³⁾

¹⁾ Въ русской піесѣ, въ отвѣтъ на мольбы Аловизіи о прощеніи, герцогъ говоритъ только: „О, противный еенихсы!“ (или по другому списку: „О, противный гамаюне!“) и уходитъ, а герцогиня произноситъ жалобный монологъ.

²⁾ „Mi veggio le straggi d'intorno e rovine à canto, la morte nel cuore. O amore, a ducheszo, o pentimento!“ — „Любовь, учиненное мое преступленіе, страхъ, со отчаяніемъ содруженный, провожаютъ меня со всѣхъ сторонъ... О любви! о арцугиня! о печальное показаніе! Къ чему азъ приведенъ?“ (229—230).

³⁾ Это—именно та сцена, конца которой недостаетъ въ нашей рукописи

Герцогиня, въ кругу своихъ дамъ, слушаетъ чтеніе модной въ то время піесы Гварини „Pastor fido“. Она замѣчаетъ, что это—совершеннѣйшее произведеніе нравится болѣе въ чтеніи, нежели на сценѣ; сравниваетъ свое положеніе съ положеніемъ Амариллы и проситъ дамъ прочесть ту сцену, въ которой Титиро оплакиваетъ позоръ своей дочери. „Довольно!“ говоритъ Аловизія;—„эти слова поражаютъ меня въ самое сердце. Не читайте болѣе!“ Входитъ герцогъ и, любезно привѣтствуя ее, спрашиваетъ, чѣмъ она занята. Она вышиваетъ цвѣты. „Какіе?“ „Иммортелі“¹⁾. Герцогъ замѣчаетъ, что вѣтви кипариса были бы умѣстнѣе. „Хотите ли идти въ постель, супругъ мой?“ спрашиваетъ Аловизія. „Какъ будетъ угодно вашей свѣтлости“, отвѣчаетъ герцогъ²⁾.

Послѣдняя сцена происходитъ въ спальнѣ. Герцогъ вытаскиваетъ изъ мѣшка трупъ Альфонса, кладетъ его на постель и задергиваетъ пологъ. Входитъ герцогиня въ ночномъ платьѣ; герцогъ нѣжно встрѣчаетъ ее. „Чего же вы ждете?“ спрашиваетъ она. „Чтобы вы шли въ постель“, отвѣчаетъ герцогъ, подавая ей зажженный факель и приказывая отдернуть пологъ. „Кровь стынетъ во мнѣ“, говоритъ Аловизія, предчувствуя бѣду. „Однако же, я знаю“, возражаетъ герцогъ,—„что нѣкогда вы радостно спѣшили къ этому ложу, чтобы вкушать блаженство на груди любовника“.—„О горькое воспоминаніе!.. Не настала ли, о Боже, часъ покаянія?“ „Поговорите же съ тѣмъ, кто лежитъ въ постели“. „Кто же лежитъ въ постели?“ „Тотъ, кто такъ васъ любилъ“. Герцогъ открываетъ пологъ; Аловизія видитъ трупъ Альфонса и въ глазахъ мужа читаетъ свой смертный приговоръ. Герцогъ объявляетъ ей, что только ея кровью можетъ быть смытъ его позоръ: „Эта сталь,

---

Герцогъ говоритъ: «Не надобно вамъ, господине маркизе, удивляться, что такъ мало кушениа готовлено; но обладаю васъ, что никогда вамъ никакое кушеніе укусиа не было, какъ то, котораго образецъ предъ собою имѣете. Но сіе кушеніе, которое предо мною“... (233). На этомъ сцена и прерывается; но что и въ нашей піесѣ она была доведена до конца, видно, во первыхъ, изъ того, что въ перечнѣ дѣствующихъ лицъ упомянуто „четыре машкаратчиковъ“, а вторыхъ — изъ словъ Лентуло въ началѣ слѣдующей сцены: „То презрѣнное дѣйство! О бѣдный маркизъ, сколь зѣло худо въ гостѣхъ былъ еси!“ и т. д.

¹⁾ Въ русскомъ текстѣ: „Миртовое листвіе“.

²⁾ „Арцугиня! Не изволите ль, чтобъ утѣшеніе наше употребляли?“ — „По вашему изволенію.“—„Я еще здѣсь на малое время въ комнатѣ моей помедлю.“— „И такъ я съ женскимъ своимъ поломъ (то-есть, съ своими дамами) прощусь“ (237).

поразившая твоего любовника, должна теперь умертвить и тебя, о моя безстыдная супруга! Поручи же свою душу небу!" Она бросается къ его ногамъ и молить—не о милости, но о прощевіи. „Вотъ моя грудь, дорогой мой супругъ. Я жду твоего удара. Пусть душа испить вину грѣшнаго тѣла“. „Уми же, Аловизіа!“ восклицаетъ герцогъ, закалывая жену.—„Прощай! Поручаю тебя милосердію Божію, которое ты заслужила своимъ раскаяніемъ. Я не могу безъ слезъ смотрѣть на твою кончину“.. Замороженная месть этого „флегматика“ начинаетъ таять, и онъ заключаетъ трагедію слѣдующимъ обращеніемъ къ чести: „О глупая химера! къ чему приводишь ты насъ? И все-таки человѣкъ, носящій благородное имя, необходимо долженъ приносить чести подобныя жертвы, ибо въ концѣ концовъ, справедливо говорить мудрецъ, что для огражденія чести доволительно и предательство“.

Содержаніе трагедіи Чиконьини подходило къ литературнымъ вкусамъ Фельтеновой труппы, такъ какъ эта трагедія по своему тону и приемамъ стоитъ довольно близко къ типу *Hauptactionen*, господствовавшему на нѣмецкой сценѣ въ XVII столѣтіи. Не имѣя подъ руками текста трагедіи и пользуясь только пересказомъ Клейна, мы не можемъ рѣшить вопроса, на сколько нѣмецкая передѣлка отличалась отъ италіанскаго оригинала. По видимому, однако, эти отличія были незначительны и состояли, главнымъ образомъ, въ сокращеніяхъ. Такъ, въ русскомъ текстѣ „Честнаго измѣнника“ нѣтъ сцены чтенія „*Pastor fido*“. Съ другой стороны, какъ можно видѣть, изъ сравненія русскаго текста съ немногими, приведенными у Клейна, отрывками италіанскаго оригинала, въ нѣмецкой передѣлкѣ довольно вѣрно были соблюдены литературные приемы и стиль флорентинскаго писателя. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ русской пьесы есть „веселый музыкантъ“ Лентуло, напоминающій „издѣвочнаго слугу“ Эрсила въ нашей „Софонизбѣ“,—одно изъ безчисленныхъ воплощеній италіанскаго арлекина, родного брата нѣмецкому Гансвурсту. Клейнъ не упоминаетъ объ этомъ лицѣ (какъ и о нѣкоторыхъ другихъ, напри- мѣръ, о Фидальбо, „вѣрномъ капитанѣ“ маркиза Альфонса); но самое имя Лентуло указываетъ, что эта роль не сочинена нѣмецкимъ передѣльвателемъ, а находилась уже у самого Чиконьини, который, по свидѣтельству современниковъ, любилъ перемѣшивать серьезные сцены съ комическими. Далѣе, въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ названъ Прологъ („Предисловіе“); но въ самой пьесѣ „предисловіе“ состоитъ изъ цѣлой сцены, въ которой являются „духъ мар-

кизовъ, отъ Купида связанъ“ и Алоизія спящая. „Духъ маркизовъ“ поетъ довольно длинную арію, въ первой половинѣ которой три раза повторяется припѣвъ: „Попущеніе! ах! куда азъ несенъ буду?“ Далѣе, въ разныхъ мѣстахъ піесы, веселый музыкантъ Лентуло поетъ три небольшія пѣсенки. Эти музыкальныя вставки принадлежатъ, по всей вѣроятности, нѣмецкому передѣльвателю, и въ нихъ сказалось вліяніе господствовавшей въ то время моды на оперу. По крайней мѣрѣ, въ піесахъ Чиконьими не оказывается подобныхъ вставокъ. Въ русскомъ переводѣ всѣ эти пѣсни переданы прозой; но по нѣмецки онѣ, безъ сомнѣнія, были написаны стихами; по крайней мѣрѣ, одна изъ нихъ даетъ возможность легко возстановить нѣмецкія рѣзны ¹⁾. Выше мы привели замѣчаніе о томъ, что Чиконьими нерѣдко прерывалъ прозаическую рѣчь стихами; примѣръ такого смѣшенія есть и въ нашей піесѣ: Алоизія, рассказывая въ своемъ преступленіи, въ длинномъ монологѣ разказываетъ, какъ сурово принялъ ее отецъ, хотѣвшій даже казнить ее за вѣроломство, и какъ герцогъ „пожаловалъ ее животомъ“ (то-есть, подарилъ ей жизнь). Она рѣшается облечься въ трауръ и „со слезами о грѣсѣхъ своихъ тужити“ и заключаетъ монологъ стихами:

Кто любовь не знаетъ,
Тотъ не знаетъ обманство:
Убо что жаромъ ся именуеть,
Иного не приводитъ—токмо ужасное мученье.
Называютъ любовь богомъ,
Однакожь пуще мучить, нежели смерть.

Переводъ „Честнаго измѣнника“ изобилуетъ германизмами не менѣе предыдущей піесы ²⁾ и, можетъ быть, сдѣланъ тѣмъ же ли-

¹⁾ „Роги суть курантовъ товары; сіи деньги куются на всякій мѣсяцъ на весь годъ. Правда, всякій принужденъ ихъ носить тайно или явно. Роги суть курантовъ товары“. Въ оригиналѣ, вѣроятно, было: „Hörner sind currente Waar; далѣе—что-нибудь въ такомъ родѣ: sie sind bereit für's ganze Jahr, s'ist wahr, jeder muss sie tragen gar, heimlich oder offenbar.“

²⁾ Вотъ нѣсколько примѣровъ: Я ни во что почитаю любви бездѣліе, ибо оно *зачаетъ дробью* пострѣлено есть (mit Hasenschrott, 202); кавалеръ *отъ* высокихъ достоинствъ (203); *живи здраво* (lebe wohl, 204); услышали бъ вы мое *томленіе* (въ черновомъ: *вработѣ*—Erdrückung, 206); маркизъ *Онгъ-Родіано переломляетъ бракъ* (bricht die Ehe, 211); *браколонникъ*,—ица (исправлено: *прелюбодѣй*,—ица, Ehebrecher,—in, 216); а послѣ того *пропаду* (въ черновомъ: *къ разоренію пойду*—zu Grunde gehen werde, 211); *казна* моя (исправлено: *сокровище* мое, mein Schatz, 203), и пр.

цомъ, потому что и здѣсь встрѣчаются слѣды южно-русскаго произношенія и нѣсколько польско-русскихъ словъ: укусиѣ (233); презряднимъ, шляхетный (198); огородъ (ogród, садъ, 204); власную (217); адскій чищець (огонь, 229); костельный (въ черновомъ: церковный; очевидно, это слово сочтено было за неумѣстное въ нѣмецкой піесѣ; 231); шкодитъ (234); матухна (235); вполѣ (wrół, на половину, 235). Изъ отдѣльныхъ выраженій заслуживаютъ вниманія: названіе бала—балетомъ (имѣлъ честь танцовать съ нею на балетѣ, 202) и употребленіе глагола нишкнуть вм. молчать (217, 219). Русскій языкъ того времени, совершенно не приспособленный къ передачѣ патетическихъ монологовъ и изысканныхъ любовныхъ объясненій, при всей добросовѣстности переводчиковъ польскаго приказа, былъ въ ихъ рукахъ слишкомъ грубымъ и тупымъ орудіемъ, между тѣмъ какъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ XVII вѣка поэтический языкъ былъ доведенъ до крайней утонченности и вычурности. Вслѣдствіе этого неустранимаго противорѣчія, переводъ очень часто оказывался совершенно непосильною невозможною работою, и чѣмъ изысканнѣе былъ оригиналъ, тѣмъ топорнѣе выходила русская его передача. Высоко комическое впечатлѣніе производятъ, наиримѣръ, сентиментальныя рѣчи „арцуга“ къ своей супругѣ, вродѣ слѣдующихъ:

„Удовольствованія полное время, когда мы веселость весны безъ препатія и овощъ любви безъ зазрѣнія употреблять могли. Придя, любовь моя! Поводъ чрезъ смотрѣніе нашпхъ цвѣтовъ очеса и чрезъ изрядное воневіе чувствованія нашего наполнить“, и т. д. (198).

Иногда въ подобныхъ случаяхъ русскій переводъ обращался въ полнѣйшую бессмыслицу. За то „издѣвочныя“ рѣчи и грубо-комическія выходки шутовскихъ персонъ передавались обыкновенно съ замѣчательнымъ искусствомъ: видно, что здѣсь переводчикъ вполне овладѣвалъ и оригиналомъ, и собственнымъ языкомъ.

Комедія „Принцъ Пикель-Гярингъ (скоморохъ), или Жодельетъ самый свой тюрьмовый заключникъ“¹⁾ представляетъ собою любопытный образчикъ Гансвурстіады. Старинная шутовская персона, въ „англійскихъ“ комедіяхъ чаще всего называвшаяся Пикельгерингомъ, является здѣсь съ именемъ одного изъ очень популярныхъ

¹⁾ Рукоп. Имп. П. Б-ни, Q. XIV. 10; Русск. драм. пр., II, 105—195; ср. I, XXXV—XXXVI; *Пекарскій*, I, 461—462.

типовъ французской комедіи XVII вѣка. Jodelet ¹⁾—сценическое имя даровитаго комика Julien Bedeau, подвизавшагося на парижской сценѣ въ продолженіе цѣлаго полустолѣтія и успѣвшаго приобрѣсти громкую извѣстность, какъ создатель характерной комической маски. Еще очень молодымъ человѣкомъ вступилъ онъ, въ 1610 году, на сцену театра du Marais, а въ самомъ концѣ 50-хъ годовъ перешелъ оттуда въ труппу Мольера и умеръ въ мартѣ 1660 года. Последняя четверть XVI и первая половина XVII вѣка были во Франціи эпохою процвѣтанія итальянской комической импровизаціи (commedia dell' arte), имѣвшей большое вліяніе на французскую комедію того времени. Характерные типы commedia dell' arte приобрѣтали право гражданства на французской сценѣ и получали здѣсь дальнѣйшее развитіе. Жюльенъ Бедо овладѣлъ однимъ изъ этихъ типовъ, именно—фигурою „издѣвочнаго слуги“ (Scapino, Brighella, Beltrame) и подъ именемъ Жоделета содалъ изъ него новую шутовскую персону. Жоделеть—глупый и въ то же время плутоватый слуга, который постоянно является переодѣтымъ, въ роляхъ и положеніяхъ, не соответствующихъ его лакейскому званію. Онъ выступаетъ на сцену въ черномъ костюмѣ, похожемъ на костюмъ Бельтрама ²⁾ и еще болѣе отгѣнявшемъ блѣдность его лица, обсыпаннаго мукою (enfariné), по обычаю старинныхъ фарсеровъ, до сихъ поръ удержавшемуся у клоуновъ цирка ³⁾. У Жоделета были большіе усы и узкая борода клиномъ; въ своихъ движеніяхъ онъ отличался нѣкоторою величественностью. Мольеръ еще болѣе отгѣнилъ эту важность Жоделета, поставивъ его (въ *Précieuses ridicules*) рядомъ съ вертлявымъ и неутомимымъ Маскарилемъ. Мольеръ же очень прозрачно намекаетъ и на причины гнусливости, составляющей, вмѣстѣ съ некрасивою наружностью, одинъ изъ отличительныхъ признаковъ этого комическаго персонажа ⁴⁾.

¹⁾ *Herrmann Fritsche*. Ein Namenbuch zu Molière's Werken, 2-te Ausg. (Berl. 1887), 130—131.

²⁾ Костюмъ Бельтрама состоялъ изъ сѣраго суконнаго казакина съ талими же штанами и не крахмаленнымъ полотнянымъ воротничкомъ; на кожаномъ поясѣ, спереди,—сумочка, похожая на патронташъ. *L. Moland*, Molière et la comédie italienne (P. 1867), 146; Бельтрамъ изображенъ на приложенномъ тутъ же рисункѣ.

³⁾ У Лаеонтена въ одномъ балетѣ говорится о мельникѣ:

Le meunier semble un *Jodelet*
Fariné d'étrange manière.

Fritsche, l. c.

⁴⁾ Je ne fais que sortir de maladie. *Préc. Rid.*, sc. 13

Таланту Бедо были обязаны своимъ успѣхомъ очень многія комедіи XVII вѣка (между прочимъ „Лжецъ“ Корнеля). Скарронъ первый написалъ для него піесу, въ которой Жоделету была дана главная роль. Это передѣланная съ испанскаго комедіи *Jodelet ou le maître-valet* (1645); друга комедія того же писателя носитъ названіе: „*Jodelet-duelliste*“ (1646). Примѣру Скаррона послѣдовали и другіе французскіе писатели: д'Увилль въ комедіи *Jodelet astrologue*, Брекуръ—*La feinte morte de Jodelet* и Мольеръ, включившій „виконта Жоделета“ въ число дѣйствующихъ лицъ „*Précieuses ridicules*“; Томасъ Корнель предоставилъ ему главную роль въ комедіи *Jodelet prince ou le geolier de soi-même*. Содержаніе этой піесы (1655) взято Корнелемъ изъ комедіи Кальдерона *El Alcaide de sí mismo*, которая была почти одновременно переработана Скаррономъ (*Le gardien de soi-même*) и италіанскими актерами, сдѣлавшими изъ нея нѣсколько комедій *dell'arte*, на примѣръ: *Arlecchino cavaliere per accidente*, *Arlecchino creduto principe*, и т. п. ¹⁾ Въ 1681 году во Флоренціи явилась комедія *Melani: Carceriere di se medesimo*, а годомъ раньше въ Гамбургѣ была представлена нѣмецкая опера: *Der närrische Prinz Jodelet, oder sein Selbstgefangener* ²⁾. Фельтеновская труппа не замедлила воспользоваться этимъ сюжетомъ: въ ея репертуарѣ, какъ извѣстно, находилась піеса *Prinz-Pickelhering*, которая въ свое время считалась даже знаменитою ³⁾. Съ этою-то піесомъ, въ русскомъ, наскоро приготовленномъ переводѣ, мы, по всей вѣроятности, и имѣемъ дѣло.

„Принцъ Пикель-Гарингъ или Жоделетъ“ представляетъ собою переработку названной выше комедіи Томаса Корнеля, которая, въ свою очередь, заимствована изъ піесы Кальдерона. Такимъ образомъ, въ основѣ нашей піесы лежитъ испанская комедія, которая, по изслѣдованію Шака ⁴⁾, представляетъ произведеніе совершенно оригинальное, вполне принадлежащее фантазіи Кальдерона. Содержаніе этой комедіи слѣдующее:

¹⁾ *Moland*, о. с., 269—274, 369 № 19, 370 № 10.

²⁾ *Deutsche Oper in 5 Acten, mit Prolog. Text v. Matsen, nach dem französischen umgedichtet, Musik v. Franck*. Та же опера, съ новой музыкой *Kaizers*, была поставлена въ Гамбургѣ въ 1726 году. См. *Allgem. Musik-Zeitung* 1877, S. 449; *Gödecke*, III², 333, 338; *Lindner*, *Die erste stehende deutsche Oper*, Berl. 1855, S. 190.

³⁾ *Flögel-Ebeling*, о. с., 175.

⁴⁾ *Schack*, *Gesch. der dram. Literatur und Kunst in Spanien*, III (Epz. 1846), 217—218.

Сицилианскій принцъ Федерико убитъ на турнирѣ въ Неаполѣ королевскаго племянника и, спасаясь отъ преслѣдованія, бѣжалъ. Въ Неаполѣ неизвѣстно имя убійцы, такъ какъ принцъ былъ на турнирѣ инкогнито и съ опущеннымъ забраломъ; его видѣла только дочь короля, инфанта Маргарита, въ которую онъ влюбленъ и съ которою передъ турниромъ имѣлъ свиданіе. Чтобы удобнѣе скрыться, онъ бросаетъ въ лѣсу свое платье и вооруженіе и одѣвается въ нищенскій костюмъ; въ этомъ костюмѣ онъ приходитъ въ замокъ одной знатной дамы и проситъ у нея пріюта, говоря, что его ограбили разбойники; владѣтельница замка не только даетъ ему пріютъ, но и назначаетъ его своимъ интендантомъ. При этомъ Федерико съ ужасомъ узнаетъ, что его благодѣтельница—принцесса Елена, сестра убитаго имъ принца, и что она употребляетъ всѣ усилія, чтобы разыскать убійцу. Съ своей стороны, и король также его разыскиваетъ.

Между тѣмъ, глуповатый, но веселый крестьянинъ Бенито находитъ въ лѣсу брошенное принцемъ платье и надѣваетъ его, чтобы пощеголять передъ товарищами и передъ своею подругой Антоной. Солдаты, которые, по приказу короля, всюду ищутъ убійцу, хватаютъ Бенито и ведутъ ко двору; его крестьянскія манеры и рѣчи считаются за притворство, и король, увѣренный, что передъ нимъ находится Федерико, отсылаетъ его въ замокъ принцессы Елены, чтобы содержать его тамъ, какъ плѣнника, до выясненія дѣла. Надзоръ за нимъ Елена поручаетъ своему новому интенданту, то-есть, настоящему Федерико, который, такимъ образомъ, и становится „стражемъ самого себя“ (*el alcaide de sí mismo*). Инфанта Маргарита, узнавъ о мѣстѣ заключенія своего возлюбленнаго, является въ замокъ Елены, чтобы съ нимъ видѣться, и во время этого свиданія Федерико разыгрываетъ роль заключеннаго. Послѣ цѣлаго ряда забавныхъ *qui pro quo*, инфанта выпрашиваетъ своему возлюбленному прощеніе короля, все разъясняется и дѣло кончается свадьбой ¹⁾:

Въ этой комедіи Кальдерона главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Федерико, „стражъ самого себя“, между тѣмъ какъ простоватый Бенито занимаетъ совершенно второстепенное мѣсто, и весь его комизмъ заключается въ противорѣчьи его фигуры съ тѣмъ положеніемъ, въ какое она поставлена, и въ томъ, что онъ постоянно перевираетъ собственныя имена: вмѣсто *Federico de Sicilia* онъ говоритъ *Fueborrico de Cecilia*, *Fray Francisco de Sencilla*, *Freno rico de Cecina* и т. п.,

¹⁾ Biblioteca de autores españoles, t. 9 (Madr. 1855), p. 511—528.

вмѣсто Diana—dona Ana, вмѣсто Neron—fanfaron, вмѣсто Sardana-palo—sardina de palo и т. п. Въ Jodelet prince Корнеля комическое лицо Жоделета имѣетъ уже больше значенія, роль его болѣе развита и выдвинута впередъ, чѣмъ соответствующая роль въ комедіи Кальдерона; но центральнымъ лицомъ все-таки остается принцъ Frédéric и на первомъ планѣ стоятъ его отношенія къ инфантѣ Лаурѣ (замѣнившей собою Кальдеронову Маргариту). Въ нашей пьесѣ, передѣланной, какъ сказано, изъ комедіи Корнеля, на оборотъ, именно скомороху Жоделету предоставлена главная, первенствующая роль: всѣ сцены, въ которыхъ онъ участвуетъ, и всѣ его рѣчи значительно распространены, а сцены, въ которыхъ его нѣтъ, или вовсе отброшены, или сокращены до такой степени, что не зная пьесъ Кальдерона и Корнеля, мы были бы лишены даже возможности понять ходъ дѣйствія нашей комедіи ¹⁾. Эта непонятность еще увеличивается вслѣдствіе того, что въ нашей пьесѣ инфанта Лаура и принцесса Изабелла (Кальдеронова Елена) смѣшаны между собою: въ первомъ дѣйствіи и начальныхъ шести сѣняхъ второго—Изабелла является дочерью Неаполитанскаго короля, то-есть, инфантой, а начиная съ 7-й сѣни второго дѣйства инфанта называется Лаурой; въ самомъ концѣ пьесы королевская дочь опять носитъ имя Изабеллы и выходитъ за Фридриха, который передъ тѣмъ все время объяснялся въ любви съ Лаурой. Получается такая путаница, въ которой не возможно что-либо разобрать: видно только, что или передѣлка корнелевской пьесы была исполнена слишкомъ торопливо и главное вниманіе было обращено только на роль Жоделета, или же наша рукопись представляетъ переводъ черноваго, не исправленнаго списка нѣмецкой комедіи. Последнее, кажется, вѣрнѣе, потому что въ рукописи многія реплики и даже цѣлыя сцены (какъ съ участіемъ Жоделета, такъ и безъ него) или остались не дописанными, или только намѣчены первыми словами. Можетъ быть, впрочемъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ остаткомъ такъ-называемой „перечневой“ комедіи, въ кото-

¹⁾ Комедія Корнеля состоитъ изъ пяти актовъ, заключающихъ въ себя, въ суммѣ, 38 явленій; въ нашей пьесѣ 19 сѣней; впрочемъ, счетъ ихъ перепутанъ и послѣ 3-го дѣйства прямо слѣдуетъ 5-е: трудно рѣшить, пропускъ это или ошибка; вѣроятнѣе последнее, потому что три послѣднія явленія IV акта Корнелевой комедіи вполне соответствуютъ первымъ тремъ сѣнямъ третьяго дѣйства нашей пьесы (стр. 165—177). Наперсницы двухъ принцессъ, Юлія и Флора (обѣ онѣ соответствуютъ Кальдероновой Серафинѣ) въ нашей пьесѣ отсутствуютъ.

рой намѣчался только планъ дѣйствія, и актерамъ предоставлялась полная свобода импровизаціи. Комедія „Prinz Pickelhäring“ въ репертуарѣ Фельтена считалась одною изъ знаменитѣйшихъ пьесъ; понятно, что такую пьесу труппа должна была особенно оберегать отъ опаснаго любопытства конкурентовъ и подражателей; потому очень вѣроятно, что ея нѣмецкій оригиналъ представлялъ лишь общее, „перечневое“ изложеніе сюжета. Въ Москвѣ отъ Кунста потребовали, чтобъ онъ представилъ въ посольскій приказъ свою комедію на письмѣ; въ виду этого, наскоро, кое-какъ, съ пропусками и ошибками, былъ изготовленъ списокъ, а съ него сдѣланъ и русскій переводъ. Таково, на нашъ взглядъ, наиболѣе вѣроятное объясненіе пропусковъ и недомолвокъ нашей рукописи.

Жоделеть-Пикельгерингъ, являясь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ нашей комедіи, развертывается на сценѣ во всей своей красѣ (или, лучше сказать, во всемъ своемъ безобразіи). „Самый свой турмовый заключеніе“ почти совсѣмъ исчезъ изъ глазъ зрителей; передъ ними уцѣлѣлъ одинъ нѣмецкій скоморохъ. Нашему времени непонятна самая возможность представленія на сценѣ этой оргіи грязнаго шутовства, на которую благосклонно и съ интересомъ смотрѣли въ XVII вѣкѣ при нѣмецкихъ дворахъ. Въ комедіи Кунста „мало было пристойности“, и говоря это, переводчики посольскаго приказа были совершенно правы¹⁾. Изъ устъ Жоделета постоянно сыплются самыя грубыя циническія шутки и пошлые каламбуры, составляющіе яркій контрастъ съ тою (весьма, впрочемъ, слабою) тѣнью рыцарскаго и придворнаго тона, которая уцѣлѣла въ комедіи. Герой балаганнаго фарса, въ который превратилась на нѣмецкой сценѣ чинная и складная пьеса французскаго писателя, всячески ломается, рыгаетъ, ковыряетъ въ зубахъ и даритъ затѣмъ свою зубочистку принцессѣ, ругается, дерется и т. д.²⁾. Эта растянутая и

¹⁾ Слова *Н. С. Тихомирова*, I, XXXVI.

²⁾ Потасовки и пощечины считались въ то время однимъ изъ необходимыхъ комическихъ эффектовъ. Припомнимъ, съ какою щедростью расточаются онѣ у Мольера и даже у Гольберга, не говоря ужъ о народной сценѣ; гансвурстѣада безъ нихъ была просто немислима. Въ театрахъ того времени выработался даже особенный тарифъ, въ силу котораго актеръ долженъ былъ получать по гульдену за каждый ударъ, наносимый ему на сценѣ; изъ этого тарифа не исключалась даже знаменитая пощечина, получаемая Сидомъ... Конечно, это условіе соблюдалось только въ театрахъ, обладавшихъ извѣстною зажиточностью; въ большинствѣ же страждующихъ труппъ нормальнымъ тарифомъ было „побоевъ сколько хочешь, а денегъ ни гроша“. *Prutz, Vorles.*, 214.

ничѣмъ не сдерживаемая гансвурстіада можетъ служить хорошимъ образцомъ комическихъ сценъ нѣмецкаго народнаго театра XVII столѣтія: для публики этого театра и въ ужасномъ, и въ смѣшномъ нужны были самыя рѣзкія, вопіющія крайности, съ одной стороны—каннибальская бойня, съ другой—безшабашная вульгарность. У насъ подобныя вещи не привыкли видѣть на сценѣ, потому что и самая сцена только что еще зачиналась, и Петръ Великій былъ не особенно доволенъ подобными представленіями. По словамъ Бассевича ¹⁾, театръ первыхъ годовъ XVIII столѣтія былъ „сборищемъ площадныхъ фарсовъ, гдѣ удачное выраженіе и ловкая сатира затеривались въ безобразной смѣси романическихъ чувствъ, разглагольствованій, декламируемыхъ королями и рыцарями, съ шутовствомъ гансвурстовъ, ихъ наперсниковъ. Вкусъ императора, всегда вѣрный и здравый, даже въ искусствахъ, не совсѣмъ ему знакомыхъ, побудилъ его обѣщать премію актерамъ, если они дадутъ трогательную піесу, безъ этой любви, которую всюду навязываютъ (что надоѣдало царю), и веселый фарсъ безъ шутовства. Конечно, представленныя по этому случаю піесы не удались, но для поощренія ихъ все-таки выдана была награда“.

Многія шутки нашего Жюделета имѣютъ характеръ литературный. Такъ, онъ любитъ каламбуры, основанные на переименованіи именъ: „Какъ тебя зовутъ?“ спрашиваетъ онъ камергера. „Октавіаномъ“. „Павіаномъ? то скаредное имя; я лучше тебя хотѣлъ называть облезляномъ, нежели Павіаномъ“ (143—144). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Октавіанъ говоритъ ему: „Въ началѣ я у вашего величества былъ секретаріусъ“. Жюделеть спрашиваетъ: „Аль ты тотъ человѣкъ, который единожды въ секретъ упалъ?“ И переводчикъ чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ значеніи этого слова, тутъ же и поясняетъ его соотвѣтствующимъ русскимъ выраженіемъ (141). Подобно своему испанскому прототипу, Венито ²⁾, нашъ Жюделеть пе-

¹⁾ Пекарскій, 432.

²⁾ Замѣчательно, что въ комедіи Корнеля этотъ комическій эффектъ отсутствуетъ. Въ нашей піесѣ есть еще и другая черта, сближающая ее съ отдаленнымъ испанскимъ оригиналомъ: одѣвшись въ платье Фридриха и взявъ его оружіе, Жюделеть говоритъ своему пріятелю Пашкалу: „Гляди на меня теперь: не подобенъ ли я рыцарю Георгію, который змію закололъ? А въ дѣйствѣ пройду чужимъ рыцаремъ и назовуся рыцаремъ съ замороженнымъ оружіемъ“ (117). У Корнеля, въ соотвѣствующихъ стихахъ, Георгій не упоминается; тамъ сказано просто: „Suiwant des grands guerriers les traces si vantées, je suis le chevalier

ревираетъ имена: инфанта называетъ елефантомъ (183), бога Марса—Марценною (168), Нептуна—Кинтурусомъ (190); далѣе, онъ любитъ щегольнуть латинью, употребляя такія выраженія, какъ: „виксъ кредо“ (193), „то противъ всего жорпусу юрисъ“ (140), „то чрезъ парентезинъ (вмѣщеніе) говорено“ (166) и т. п. Наконецъ, въ рѣчахъ Жоделета есть намеки и на литературныя произведенія,—спеціально на народныя лубочныя книжки. Такъ, при первомъ же своемъ появленіи на сцену, онъ сообщаетъ Пашкалу, что недавно читалъ „книжицу прозваніемъ Рамазка Лисенокъ и видѣлъ въ ней, какъ лисицы показиваютъ въ изрядныхъ кружевныхъ платьяхъ и въ желтыхъ фрезеяхъ“. Далѣе онъ сообщаетъ кое-что и о содержаніи книжицы: „Вѣдаю, будто Рамазка лисенокъ возлюбилъ овогда колбасъ, великимъ желаніемъ хотѣлъ устомъ своимъ съ ними переговорить и объявилъ любовь желудка своего возмущенною грамотою“ (слѣдуетъ изложеніе „грамоты“, 109). Безъ сомнѣнія, дѣло идетъ объ одномъ изъ безчисленныхъ изданій извѣстной народной книжки о *Reineke Fuchs* съ гравированными изображениями ¹⁾. Далѣе, пародируя въ циническомъ тонѣ напыщенно-сентиментальныя объясненія въ любви, Жоделеть спрашиваетъ: „Что тебѣ мнится, Пашкаль? Не всѣ ли сердцапроходительныя рѣчи суть? Цѣль ли ты? Овогда лучше между возлюбленныхъ людей въ книжицѣ Прекрасная Магдалыне...“ (114). Здѣсь разумѣтся „Исторія о храбромъ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключахъ и о прекрасной королевицѣ Магиленѣ Неаполитанской“, французскій рыцарскій романъ, извѣстный въ нашей литературѣ съ конца XVII столѣтія, а въ XVIII перешедшій даже въ лубочныя картинки. На западѣ этотъ романъ былъ переведенъ на всѣ языки и имѣлъ множество изданій ²⁾; по увлекательности разказа, нѣжности выраженій и силѣ чувства онъ представляется однимъ изъ наиболее поэтическихъ произведеній средневѣковой повѣствовательной литературы. Жоделеть, представляя Пашкалу, какъ сталъ бы онъ объясняться въ любви, пародируетъ нѣжныя „сердцапроходительныя“ рѣчи, съ какими провансальскій рыцарь Петръ обращается къ своей

aux ames enchantées“; у Кальдерона же Бенито говоритъ: „Pues Antona, que diga? Que só con figura extraña San Jorge Mata-la-agaña“ (о. с., 516). Эти совпаденія наводятъ на мысль, что, можетъ быть, немецкій передѣльватель зналъ, кромѣ Корнея, и піесу Кальдерона.

¹⁾ Объ этихъ изданіяхъ см. *Gödecke*, I², 482—3.

²⁾ *Bobertag*, *Gesch. d. Rom.*, I, 74; *Gödecke*, II, 20; *Пипинъ*, *Очеркъ*, 235—237; *Романскій*, *Нар. карт.*, I, 116; IV, 152.

возлюбленной Магелонъ ¹⁾. Далѣе въ словахъ Жоделета есть намеки на астрологию („знатно, что ты подъ песочнымъ мѣсяцемъ родился“, 116), альманахи, календари и т. д. Вообще, эта роль въ нашей пьесѣ, очень мало похожая на соответствующую роль у Корнеля, обнаруживаетъ въ авторѣ человѣка съ нѣкоторымъ литературнымъ образованіемъ, и притомъ—человѣка, имѣвшаго въ виду не совсѣмъ безграмотную публику.

Что касается до перевода, то онъ по стилю и манерѣ одинаковъ съ двумя предыдущими. Здѣсь мы также встрѣчаемъ полонизмы ²⁾, слѣды южно-русскаго произношенія ³⁾ и множество германизмовъ въ отдѣльныхъ словахъ и цѣлыхъ выраженіяхъ ⁴⁾. Весьма вѣроятно, что переводчикомъ всѣхъ трехъ разобранныхъ нами пьесъ было одно и то же лицо, тѣмъ болѣе, что въ то время, къ которому эти пьесы относятся, переводчиковъ въ посольскомъ приказѣ было очень не много. Однажды Головинъ, донося царю о затрудненіяхъ при выборѣ посла въ Римъ, писалъ, между прочимъ, что въ Москвѣ въ 1706 году, кромѣ

¹⁾ Рѣчи Жоделета—въ такомъ родѣ: „Шамаданъ (чемоданъ) моихъ возлюбленныхъ мыслей! Непобѣдимая корча любительной прѣжки! Твои стрѣлыны пищали огневыхъ глазъ твоихъ черезъ многоличную стрѣльбу сѣмо и овамо черны тѣлесную замутили... Увы! не загородите къ сердцу приступнымъ прогономъ благорѣчей моей путь и переправу, но пропустите ихъ чрезъ камитку ушейъ вашихъ въ караулъ сердца вашего. Обнадеживаю васъ, моя маленькая поросенка“ и т. д. (113—114).

²⁾ *Шурмованіе* (поединокъ), *шурмоваться* (*szegmować*, 106, 127, 136, 154, 168)—слово, встрѣчающееся и въ лубочныхъ текстахъ начала прошлаго столѣтія (*Росинскій*, I, 118); *жарта* (124, 185); *облуда* (=притворство, 153) и т. п.

³⁾ *Укусенъ* (=вкусенъ, 166); *домишляеть* (185). Въ двухъ словахъ вмѣсто *ш* с: *крѣсичка* (=грошечка, 188) и *стучки* (190; но *штуки*, 111).

⁴⁾ Приводимъ наиболѣе характерныя: *Пошли лучше* (*gehen wir besser*, 108, 145, 165); *поставь имъ поклонъ* (*bestelle Ihnen Gruss*, 112); *ты добръ глубоко съ зайчье сало вступилъ* (*du hast in's Hasenfett getreten*=ты большой дуракъ 115); *статъ* (*Hofstaat*, 126); *предложенное убивство* (=предназначенное, *vorsätzlich*, 128); *съ контру* играть (*contre spielen*, играть на квать, 131); а будто *шаръ семьеръ* (*Schergewenzel*, валеть, 138); принцъ *Покельфлейшиъ* (*Pokelfleisch*, солонина, 167); *ротъ держи* (*halt's Maul*, 188) и мн. др. Отмѣтимъ также слова и выраженія, показавшіяся намъ почему-либо замѣчательными: *станы* (=состояніе, платье, а швогда=штаны, 108, 120, 122); *замденный* (? замденнымъ добромъ просрѣлена 113); *карпельный* (вызывающій на поединокъ, 114); *марманную* (? аще ты на круговую марманную обвою, 115); *сложденіе* (=турниръ, 128); *торумѣтъ* (=метущій рынокъ, 137); *цыркаль* (=зеркало, 138); *камарниръ*, *комарный чинъ* (=Kammerherr, 170, 174); *тинтякъ* (? овъ прямой глупый тинтякъ, 187).

переводчика латинскаго языка да двухъ молодыхъ подъячихъ, знающихъ иностранные языки, никого не было ¹⁾).

Въ числѣ пьесъ, игранныхъ труппою Фельтена въ 1690 году въ Торгау, находилась комедія: *Don Juan, oder des Don Pedro Todtengastmahl* ²⁾). По всей вѣроятности, именно эта комедія была переведена на русскій языкъ подъ заглавіемъ: „Донъ Педро, почитанный шляхта и Амариллисъ, дочь его“ (или, по другому названію, Комедія о донъ-Янѣ и донъ Педрѣ³⁾). Отъ нея дошло до насъ только послѣднее (пятое) дѣйство ³⁾.

Легенда о Донъ-Жуанѣ, получившая въ европейской литературѣ такое широкое распространеніе, какъ извѣстно, впервые была обработана въ драматической формѣ Габріелемъ Теллезомъ (*Tirso de Molina*, „*El burlador de Sevilla y convidado de piedra*“, 1620). Въ 1652 году въ Неаполѣ явилась италіанская передѣлка драмы Теллеза, подъ тѣмъ же заглавіемъ „*Il convitato di pietra*“, принадлежащая перу *Onofrio Giliberti da Solofra*. Пьеса Джилиберти вызвала въ италіанской литературѣ XVII вѣка цѣлый рядъ подражаній и передѣлокъ (между прочимъ, извѣстный уже намъ Чиконьини, авторъ „Честнаго измѣнника“, сдѣлалъ изъ нея въ 1662 г. „*opera famosissima ed esemplare*“); ея не замедлили овладѣть и странствующія труппы италіанскихъ актеровъ, которыя занесли ее и во Францію: всего пять лѣтъ спустя послѣ появленія пьесы Джилиберти, въ 1657 году, италіанцы уже разыгрывали ее въ Парижѣ, на театрѣ *Petit Bourbon*, конечно, приспособивъ ея содержаніе къ требованіямъ *commedia dell'arte* ⁴⁾). Въ слѣдующемъ году *Dorimont*, одинъ изъ актеровъ труппы *de Mademoiselle* (племянницы Людовика XIII), передѣлалъ пьесу Джилиберти въ плохіе французскіе стихи, при чемъ въ самомъ заглавіи была допущена ошибка, не исправленная позднѣйшими писателями (въ томъ числѣ и Мольеромъ): именно, слово *convitato* (гость) было понято, какъ *convito* (пирь), и благодаря этому заглавіе было передано *Le festin de Pierre* ⁵⁾. Имя Пьера

¹⁾ *Пекарскій*, I, 187.

²⁾ *Devrient*, I, 263.

³⁾ Русск. драм. пр. II, 240 — 249; ср. I, стр. XXXVII. Еще равнѣе напечатано *Пекарскимъ*, I, 468 — 474, по той же рукописи Публ. б-ни, Q. XIV. 10.

⁴⁾ Анализъ этой передѣлки см. у *Moland*, *Molière et la comédie italienne* 191—208.

⁵⁾ Любопытно, что недоразумѣніе, возникшее вслѣдствіе этой ошибки переводчика (а можетъ быть, ошибки въ рукописномъ текстѣ италіанскаго подлин-

(или Педро), явившееся благодаря этой случайности, было дано — прежде безыменному — командору, котораго убиваетъ Донъ-Жуанъ, соблазнитель его дочери. Подъ тѣмъ же заглавіемъ (*Le festin de Pierre ou le fils criminel*) явилась въ 1659 году „трагикомедія“ другаго актера (*de la cour Royale*), de Villiers, которая вскорѣ сдѣлалась ходячею провинціальною пьесю. Эта „трагикомедія“ ¹⁾ представляетъ уже не передѣлку, а стихотворный переводъ пьесы Джилиберти, съ незначительными измѣненіями въ именахъ дѣйствующихъ лицъ и въ расположеніи сценъ. Эта-то пьеса, по всей вѣроятности, послужила оригиналомъ для нѣмецкой переработки, заглавіе которой, приведенное выше, совпадаетъ съ заглавіями Доримона и де Виллье. Заключаемъ такъ потому, что въ трагикомедіи послѣдняго „издѣвочный слуга“ Донъ-Жуана впервые названъ Филиппомъ, — имя, оставшееся за нимъ и въ нашемъ отрывкѣ, между тѣмъ какъ у Доримона онъ носитъ еще италіанское имя Бригеллы. По словамъ Фурнеля ²⁾, имя Филипина во второй половинѣ XVII столѣтія было обычнымъ именемъ комическихъ слугъ, и какъ Бедо назывался по сценѣ Жоделетомъ, такъ и де-Виллье носилъ прозвище Филипина, конечно, потому, что самъ игралъ эту роль во многихъ комедіяхъ. Въ пьесѣ Мольера (*Don Juan, ou le festin de Pierre*, 1665) Филипинъ замѣненъ Сганарелемъ, но характеръ его остался почти безъ измѣненій.

Такимъ образомъ, наша комедія о Донъ-Явѣ и Донъ-Педрѣ оказывается переводомъ нѣмецкой передѣлки перваго по времени „Донъ-Жуана“, представленнаго на французской сценѣ ³⁾ и вскорѣ затѣмъ сдѣлавшагося достояніемъ нѣмецкихъ бродячихъ труппъ. Съ переходомъ на нѣмецкую сцену „Донъ-Жуанъ“, конечно, явился въ новой обстановкѣ, испытавъ на себѣ тѣ приемы, которые прилагались ру-

---

ника пьесы), было устранено только Пушкинымъ, который возвратилъ пьесѣ ея старое, вѣрное заглавіе: „Каменный гость“. Всѣ другіе драматурги, писавшіе на эту тему (кромя, разумеется, италіанцевъ), неизменно повторяли ошибку Доримона, если не называли своихъ пьесъ просто именемъ Донъ-Жуана. См. библиографію Донъ-Жуана, К. Званцова, въ *Муз. и Театр. Вѣстникѣ* 1859, №№ 6—9.

¹⁾ Ея анализъ у *Parfait*, Hist. du théâtre fr., VIII, 255—264.

²⁾ V. *Fourmel*, Les contemporains de Molière, I, 8.

³⁾ Пьеса Доримона, написанная годомъ раньше трагикомедіи де-Виллье, была представлена только въ 1661 году (и тогда же напечатана), между тѣмъ какъ де-Виллье уже въ 1659 г. успѣлъ поставить свою трагикомедію на сцену Hôtel de Bourgogne.

ководителями этой сцены ко всѣмъ пьесамъ, попадавшимъ въ ихъ руки: сущность его осталась та же, но нравоучительныя разсужденія, точно также какъ и сцены, замедлявшія ходъ дѣйствія, были откинута, а комическій элементъ усиленъ. Филиппъ побратался съ нѣмецкимъ Гансвурстомъ и сначала многое у него переналъ, а потомъ и совсѣмъ уступилъ ему свое мѣсто. Въ кукольныхъ комедіяхъ, куда съ теченіемъ времени переселился „Донъ-Жуанъ“, слугой его является уже Гансвурстъ.

Главныя дѣйствующія лица въ трагикомедіи де-Виллье, въ нѣмецкихъ кукольныхъ пьесахъ и въ нашемъ отрывкѣ—одни и тѣ же: Донъ-Педро, командоръ (у де-Виллье—*gouverneur*, у нѣмцевъ—*Stadthalter*; наше названіе „почитанный шляхта“ значитъ, конечно, „почтенный дворянинъ“); Амариллисъ, его дочь; Донъ-Филиппъ, ея женихъ; Донъ-Жуанъ; Донъ-Альваро, его отецъ, отшельникъ, Филиппъ и др. Содержаніе сохранившагося въ рукописи пятого акта въ общемъ сходно съ соотвѣтствующими сценами де-Виллье. Донъ-Жуанъ приказываетъ Филиппу накрывать ужинъ, къ которому онъ пригласилъ убитаго Педро; слуга исполняетъ приказаніе, но такъ, что при этомъ самъ почти все съѣдаетъ и выпиваетъ. Стучать; является „духъ Донъ-Педра“; Донъ-Жуанъ проситъ его садиться и кушать. „Не требую земного подчинянья“ отвѣчаетъ духъ,—„но токмо сюда пришелъ посмотреть, хочешь ли ты отъ своихъ хульныхъ и порочныхъ дѣлъ отстать“¹⁾. Донъ-Жуанъ смѣется надъ нимъ, пьетъ за здоровье его дочери; Педро приглашаетъ его въ гости, въ полночь, къ своей могилѣ. Слѣдуетъ эпизодическая сцена крестьянской свадьбы („мужики съѣли ѣсть и бражничать и танцуютъ“) и похищенія невѣсты Донъ-Жуаномъ („Донъ-Янъ, пришедъ къ нимъ, восхити невѣсту и побѣжалъ; отецъ и мать за нимъ гонють“). Затѣмъ Донъ-Жуанъ зоветъ Филиппина въ гости на могилу; „задняя завѣса открывается и гробъ Донъ-Педра является“ (въ глубинѣ сцены). Педро снова пытается усовѣстить Донъ-Жуана, говоря, что небо уже устало смотрѣть на его злодѣйства. „Не спрашиваю я ни неба, ни ада, ни діавола, ни матери его!“ отвѣчаетъ Донъ-Жуанъ. „Я пойду паки своимъ путемъ“. „Добро“, говоритъ Педро,—„когда тебѣ никакое ученіе не угодно, и ты прими мзду,

¹⁾ Въ параллель къ этому мѣсту Н. С. Тихонравовъ приводитъ слова Донъ-Педро изъ нѣмецкой кукольной комедіи, напечатанной *Scheible* (Kloster, III, 713): „Jüngling! Ich bin nicht gekommen irdische Speisen zu essen, sondern am dich mit den ewigen zu erquickken“.

которая тебѣ изготовлена⁴. Донъ-Жуанъ проваливается вмѣстѣ съ статуей („оба нисходятъ“), и Филиппъ заключаетъ піесу шутовскимъ нравоученіемъ, обращеннымъ къ самому себѣ.

Переводъ сдѣланъ, какъ видно изъ приведеннаго выше перечня комедій, въ посольскомъ приказѣ, но не съ польскаго, какъ предполагалъ Пекарскій ¹⁾, а несомнѣнно съ нѣмецкаго, потому что труппы Бунста и Фирста пользовались исключительно нѣмецкими оригиналами. Языкъ имѣющагося у насъ отрывка, однако, отличается отъ языка другихъ (разобранныхъ выше) піесъ своею чистотой и отсутствіемъ германизмовъ ²⁾. Даже слово календарь или альманахъ переведено чисто-русскимъ названіемъ: „богословля рука“ ³⁾.

Изъ комедій, перечисленныхъ въ приведенной выше описи посольскаго приказа, къ репертуару Фелтена несомнѣнно принадлежали еще слѣдующія: Von des Alexanders Liebeskrieg, Von Genuova и Der gezwungene Arzt. Комедія „О крѣпости Грубстона, въ ней же первая персона Александръ Македонскій“ до насъ не дошла; равнымъ образомъ намъ не удалось разыскать и предполагаемаго нѣмецкаго ея оригинала. Берггольцъ въ своемъ дневникѣ, подъ 4-го января 1723 года, сообщаетъ, что онъ видѣлъ на сценѣ московскаго госпиталя представленіе комедіи, сюжетомъ которой была исторія Александра Македонскаго и Дарія. Состояла эта піеса изъ 18 актовъ, изъ которыхъ 9 давались въ одинъ разъ, а остальные—на другой день; между антрактами были забавныя интермедіи. Эти послѣднія были очень плохи и оканчивались всегда потасовкой. Піеса (Hauptaction) была серьезнаго содержанія, но исполнялась дурно ⁴⁾. Можетъ быть, это и была комедія о крѣпости Грубстона.

Комедія о графинѣ Триерской Геновевѣ, несомнѣнно, представляла драматическую обработку извѣстной нѣмецкой повѣсти,

¹⁾ Пекарскій (I, 468) основывалъ свое предположеніе на формѣ имени: Донъ-Диз; но такая форма легко могла явиться изъ нѣмецкаго произношенія Don Juan (Донъ-Юанъ).

²⁾ За исключеніемъ, можетъ быть, одного выраженія: „Ты *нестыдливой зеть*“ (=du unverschämtes Thier, 241).

³⁾ Слова Филиппа (249): „А буде кто пойдетъ по правую руку, то потерплю: *написано бо въ моей богословле рукъ*: дураки тебѣ по правую сторону поидуть“. Очевидно, дѣло идетъ о календарѣ съ предсказаніями. У де-Виллье Филиппъ также въ затруднительныхъ случаяхъ обращается за совѣтомъ къ календарю.

⁴⁾ Пекарскій. 433.

очень популярной въ Германіи и много разъ издававшейся, какъ народная книга ¹⁾). Мы встрѣчаемъ ее также и въ репертуарѣ нѣмецкаго кукольнаго театра.

Комедія О Юліи Кесарѣ, можетъ быть, была отдаленнымъ отголоскомъ драмы Шекспира или другой англійской обработки этого сюжета ²⁾).

Объ остальныхъ пьесахъ, перечисленныхъ въ описи и принадлежавшихъ репертуару Кунста и Фирста, мы не имѣемъ совершенно никакихъ свѣдѣній.

II. Морозовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Eine schöne anmuthige und lesenswürdige Historie von der unschuldig bedrängten heiligen Pfalzgräfin *Genoveva*, wie es ihr in Abwesenheit ihres herzlieben Ehegemahls ergangen. См. *Simrock*, Deutsche Volksbücher, I, 1—55.

²⁾ *Wisselofsky*, Deutsche Einfl., 54.

„ПАДЕНІЕ ПОЛЬШИ“ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ¹⁾

V.

Историческіе взгляды на польскій вопросъ въ русской публицистикѣ.

Въ своемъ обзорѣ историческихъ трудовъ о паденіи Польши мы должны были дать нѣкоторое мѣсто и публицистамъ, высказывавшимъ тѣ или другіе взгляды на причины гибели Рѣчи Посполитой: въ публицистикѣ, какъ польской, такъ и иностранной, впервые были сформулированы нѣкоторыя воззрѣнія на предметъ, которыя впоследствии легли въ основу историческихъ трудовъ о послѣднихъ временахъ Рѣчи Посполитой. Мы не послѣдовали однако за публицистами по „польскому вопросу“ въ XIX вѣкѣ: во первыхъ, о самихъ публицистахъ XVIII вѣка мы завели рѣчь лишь по ихъ отношенію къ исторической литературѣ нашего столѣтія, составляющей главный предметъ всего этого обзора; во вторыхъ, въ XIX вѣкѣ, особенно по поводу 1830 и 1863 гг., писалась такая масса книгъ, брошюръ и статей, что, разбираясь въ этомъ публицистическомъ матеріалѣ, рѣшительно пришлось бы отодвинуть историковъ на второй планъ и, вмѣсто „паденія Польши“ въ XVIII вѣкѣ, заняться исторіей „польскаго вопроса“ въ XIX столѣтіи. Вотъ почему, какъ при обзорѣ литературы польской, такъ и при обзорѣ исторіографіи западно-европейской въ нашемъ столѣтіи, мы совершенно игнорировали всю публицистику по польскому вопросу. Исключеніе сдѣлано будетъ — и именно въ этой главѣ — только по отношенію къ русской литературѣ, и вотъ почему. До сихъ поръ намъ не приходилось говорить о русскихъ взглядахъ на причины паденія Польши потому, что общественное

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. майскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

мнѣніе у насъ по польскимъ дѣламъ стало высказываться въ печати очень поздно: и въ Рѣчи Посполитой, и въ западной Европѣ издавна существовала политическая литература, которой у насъ суждено было появиться только на нашей памяти. Д. И. Иловайскій въ своей исторіи гродненскаго сейма говоритъ, что русскія газеты того времени отличаются крайнею скудостью извѣстій относительно нашей политики: „мы“, прибавляетъ онъ,—„встрѣчаемъ въ нихъ только манифесты и указы“¹⁾. „Въ литературѣ нашей“, говоритъ А. Н. Пыпинъ въ одной изъ своихъ статей о „польскомъ вопросѣ въ русской литературѣ“²⁾,—„въ литературѣ нашей польскій вопросъ появляется очень недавно, то-есть, какъ предметъ, о которомъ могутъ быть два разныя мнѣнія. Старая точка зрѣнія была немногосложна: она указывалась дѣйствіями правительства — оставалось восклицать, какъ въ стихахъ Державина на взятіе Варшавы: пошелъ—и гдѣ тристаты злобы! Этого было достаточно; изслѣдованіе, откуда брались тристаты, было излишне. Общество XVIII вѣка не задавало себѣ подобныхъ политическихъ вопросовъ; оно едва ихъ ставило и въ XIX столѣтіи“³⁾. Притомъ долгое время польскій вопросъ „былъ совсѣмъ недоступенъ для свободного сужденія публицистическаго. Въ журналахъ того времени (рѣчь идетъ о тридцатыхъ годахъ) напрасно было бы искать такого сужденія о польскомъ вопросѣ; политическіе сюжеты были вообще недоступны для тогдашней литературы“⁴⁾. Извѣстно, что стихотворенія Тютчева и Хомякова, внушенныя событіями 1831 г., равно какъ начатая въ томъ же году статья Погодина о польскихъ дѣлахъ увидѣли свѣтъ въ печати только черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ. Странно было бы однако въ русскомъ обзорѣ литературы по исторіи паденія Польши, касающемся польскихъ и западно-европейскихъ публицистовъ, хотя и прошлаго вѣка, обойти русскихъ публицистовъ, тѣмъ болѣе, можно еще прибавить, что послѣдніе, равно какъ и историки наши, обратили вниманіе на такую сторону паденія Рѣчи Посполитой, которая оставалась совершенно неизвѣстною на западѣ и невѣрно представлялась или просто замалчивалась поляками. Если далѣе польскіе и западно-европейскіе историческіе труды о паденіи Польши мы поставили въ извѣстную связь съ публицистическими произведеніями о польскихъ дѣлахъ, то аналогичная связь суще-

¹⁾ *Иловайскій*. Гродненскій сеймъ. М. 1870. Стр. VIII.

²⁾ *Вѣстникъ Европы*. 1880, евр., апр., май, окт. и ноябрь.

³⁾ *Ibid.*, евр., 706.

⁴⁾ *Ibid.*, евр., 718.

ствуеть и въ нашей литературѣ. Въ послѣдней своей статьѣ о „польскомъ вопросѣ“ г. Пыпинъ упоминаеть вскользь, что у насъ вопросъ этотъ „былъ изслѣдуемъ еще и въ трудахъ историческихъ“,— и прибавляетъ, что „въ историческомъ освѣщеніи старыхъ русско-польскихъ отношеній отзывалась болѣе или менѣе и мысль объ отношеніяхъ современныхъ“¹⁾. Наконецъ, какъ мы увидимъ, въ этой главѣ, самими русскими публицистами, особенно славянофилами и отчасти писателями другихъ направленій высказывались общіе взгляды на историческія судьбы польскаго народа,—взгляды, настолько новые и оригинальные послѣ всего того, что намъ уже извѣстно по части польской и западно-европейской публицистики и исторіографіи, что было бы непростительнымъ пробѣломъ не воспроизвести ихъ здѣсь, какъ нѣчто такое, что само по себѣ заслуживаетъ вниманія.

Политическіе и историческіе писатели, взгляды которыхъ мы разсматривали въ предыдущихъ главахъ, весьма односторонне и неполно представляли и понимали роль Россіи въ исторіи трехъ раздѣловъ, прекратившихъ политическое бытіе Рѣчи Посполитой. Они проникали въ политическіе виды Екатерины II, разсматривали и обсуждали дѣйствія ея посланниковъ въ Варшавѣ, интересовались дѣйствіями русской дипломатіи, измѣряли квадратными милями пріобрѣтенныя отъ Польши Россіей территоріи и высчитывали количество душъ, перешедшихъ въ подданство къ новому правительству, но они не понимали, въ чемъ Екатерина слѣдовала по пути и въ чемъ отступала отъ политики прежнихъ московскихъ царей, какова была традиціонная политика Россіи по отношенію къ Польшѣ, что представляла изъ себя вся исторія тѣхъ странъ, которыя въ 1772, 1793 и 1795 гг. были „забраны“ у Рѣчи Посполитой. Самое большее, что дѣлали эти писатели, далеко не могло освѣтить вопроса: говоря о русской политикѣ вообще, они не шли далѣе Петра Великаго, а касаясь населенія „забранныхъ“ Россіей земель, упоминали, да и то не всегда и не вполнѣ отдавая себѣ отчетъ во всемъ значеніи факта, что населеніе это готово было перейти подъ новое подданство вслѣдствіе своего единоврѣя съ русскимъ правительствомъ. Планы Екатерины и диссидентскій вопросъ, какъ политическое орудіе, — вотъ два предмета, около которыхъ вертится все дѣло. Изучая польскую и западно-европейскую литературу по исторіи паденія Рѣчи Посполитой, поражаешься въ ея произведеніяхъ гро-

¹⁾ Ibid., ноябрь, 307.

маднымъ количествомъ самыхъ важныхъ пробѣловъ во всемъ, что касается историческихъ русско-польскихъ отношеній. Даже Смиттъ, писавшій свои книги по русскому архивному матеріалу и оправдывавшій польскую политику Екатерины II, какъ мы видѣли, не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Тѣмъ большее вниманіе должны мы обратить на то, какъ представляли себѣ и обсуждали паденіе Рѣчи Посполитой русскіе писатели, — публицисты и историки.

„Съ X в. обозначается соперничество и борьба двухъ славянскихъ народовъ—русскаго и польскаго. Это важнѣйшая сторона исторіи обоихъ народовъ“. Такими словами начинается Костомаровъ свой большой историческій трудъ о паденіи Польши ¹⁾. Не касаясь относящихся сюда фактовъ изъ X—XIII вв., вспомнимъ, что въ XIV в. образовались два центра, около которыхъ стали собираться русскія земли, и что одинъ изъ этихъ центровъ, Литва, слилась съ Польшею въ одно политическое цѣлое. Другимъ центромъ была Москва, у которой преемники литовскаго князя Ягеллы, ставшаго королемъ польскимъ, начали оспаривать господство надъ Русью. Отсюда и начинается вѣковая борьба за собираніе Руси: польско-литовское государство стремится овладѣть Русью, принадлежавшею Москвѣ, а послѣдняя предъявляетъ свои права на русскія области, входившія въ составъ польско-литовской Рѣчи Посполитой. Войны между обоими государствами безпрестанно возобновлялись, и прочнаго мира между ними не было: заключались только перемирія. Уже Иванъ III считалъ справедливымъ, чтобы древнія русскія земли, подчинившіяся Литвѣ, отошли къ Москвѣ, какъ подчинился ей Новгородъ, передавшійся было литовскому великому князю, да и въ этихъ земляхъ была партія православныхъ князей и бояръ, пріятствовавшая московскому великому князю. Заключивъ перемиріе съ своимъ зятемъ Александромъ, вел. кн. литовскимъ, Иванъ III такъ объяснялъ черезъ пословъ все дѣло своему союзнику крымскому хану Менгли-Гирею: „Великому князю нашему съ литовскимъ прочнаго мира нѣтъ; литовскій хочетъ у великаго князя тѣхъ городовъ и земель, какія у него взяты, а князь великій хочетъ у него своей отчины, всей земли русской; взяли же съ нимъ перемиріе для того, чтобы люди поотдохнули, да чтобы взятые города укрѣпить“. Императорскому послу

¹⁾ Н. Костомаровъ. Последніе годы Рѣчи Посполитой. С.-Пб. 1886 (изданіе 3). I, 1.

Герберштейну, прїѣзжавшему къ Василю Ивановичу, чтобы устроить перемиріе между Москвою и Польшей, московскіе бояре также говорили, что государь ихъ хочетъ всей отчины русской, которою владѣли его прародители: Кіева, Полоцка, Витебска и пр. Сигизмунду Августу, предлагавшему въ 1549 г. Москвѣ „вѣчный“ миръ, Иванъ Грозный далъ такой отвѣтъ: „за королемъ наша отчина извѣчная, Кіевъ, Волынская земля, Полоцкъ, Витебскъ и многіе другіе города русскіе, такъ пригоже ли съ королемъ миръ заключить? Если теперь заключить миръ вѣчный, то впередъ уже черезъ крестное дѣлованіе своихъ вотчинъ искать нельзя, а я крестнаго дѣлованія нигдѣ никакъ нарушить не хочу“. Позднѣе Иванъ IV думалъ получить всѣ эти „вотчины“, какъ приданое сестры Сигизмунда-Августа, съ которымъ прекращалась литовская династія,—но различіе вѣръ помѣшало такому браку. По смерти Сигизмунда-Августа въ Литвѣ возникъ даже замыселъ избрать на престолъ Рѣчи Посполитой московскаго царя, но Иванъ заявилъ, что ему было бы прїятнѣе быть избраннымъ только въ великіе князья литовскіе, то-есть, онъ мечталъ о расторженіи только что заключенной тѣсной уніи между Литвой и Польшей. Когда Стефанъ Баторій предложилъ „вѣчный“ миръ, царь опять потребовалъ Кіева, Витебска и др. земель, которыя называлъ своими отчинами. Подобный отвѣтъ послу Стефана Баторія дали московскіе бояре и при Ѳеодорѣ Ивановичѣ въ 1586 г.: „нашъ государь у вашего просить искони вѣчной вотчины своей Кіева съ уѣздомъ и пригородами и прочихъ вотчинъ своихъ“. Когда умеръ Баторій, въ Литвѣ снова была поставлена кандидатура московскаго царя на престолъ Рѣчи Посполитой, но московское правительство отправило посла къ литовскимъ панамъ, убѣждавшаго ихъ избрать Ѳеодора только на великое княжество Литовское отдѣльно отъ Польши. „Вы знаете“, говорилъ этотъ посолъ,—„поляки вѣрують съ хрестіанами ровню, а вы, панн-рада литовская, и вся земля литовская съ нашею землею одной вѣры и одного обычая, и вы бы пожелали себѣ государя нашего“. Кромѣ того, онъ предлагалъ сообщать отнять у Польши непосредственно къ ней причисленныя русскія области. „Начальное государство кіевское“, говорили они,—„отъ прародителей слѣдуетъ нашему государю, а теперь изневолено, отъ литовскаго государства оторвано къ коронѣ польской (по акту люблинской уніи); и не однимъ Кіевомъ польскіе люди завладѣли у васъ, литовцевъ, да присоединили къ польской землѣ насильствомъ: такъ государю нашему, какъ всего этого у поляковъ не отнять и къ государству Московскому не присоединить?“

Со смертью Федора Ивановича и въ Москвѣ прекратилась династія; вслѣдъ затѣмъ произошли смуты, во время коихъ поляки хотѣли завладѣть московскимъ государствомъ и, только когда имъ это не удалось, ограничились приобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ областей. При новой династіи на московскомъ престолѣ въ 1632 г. въ первый разъ былъ заключенъ „вѣчный“ миръ между обоими государствами, но польскіе послы никакъ не могли вынудить у московскихъ условія, чтобы ихъ государь не титуловался царемъ „всѣя“ Руси, въ чемъ они видѣли притязаніе на русскія земли Рѣчи Посполитой. „Вѣчный“ миръ продолжался лишь двадцать лѣтъ: казаки и южнорусскій народъ возстали противъ поляковъ и втянули въ свое дѣло Москву. Южная Русь отдавалась Алексѣю Михайловичу добровольно, а Литву онъ завоевалъ, тогда какъ остальными областями въ то же время завладѣлъ шведскій король, такъ что возникъ первый проектъ раздѣла Польши, противъ чего однако возсталъ Алексѣй Михайловичъ, имѣвшій виды на польскую корону по смерти Яна Казимира. „Вѣковой вопросъ о русскихъ областяхъ“, говоритъ Костомаровъ, — „казалось, могъ рѣшиться добровольнымъ соединеніемъ. Но обстоятельства повернулись иначе. Война за Малороссію возобновилась и затянулась на долго“. Приостановившись по андрусовскому перемирію, она окончилась извѣстнымъ „вѣчнымъ“ миромъ 1686 г., расширявшимъ предѣлы московскаго государства по Днѣпру съ Смоленскомъ и Кіевомъ. „Миръ этотъ“, продолжаетъ историкъ, — „былъ постыднымъ для Россіи: она упустила изъ своихъ рукъ то, чего добивалась цѣлое столѣтіе и что еще недавно отдавалось ей добровольно“ ¹⁾. Въ XVIII в., съ Петра Великаго Россія стала налегать вообще уже на всю Польшу и ставить ее отъ себя въ зависимость, и когда прусскій король предлагалъ Августу II подѣлить между собою Польшу, давъ Петру I Ливонію, то русскій государь не одобрилъ такого проекта (1710 г.); черезъ 11 лѣтъ этотъ проектъ возобновился, но онъ и тогда былъ противъ него: не зачѣмъ было дѣлиться съ нѣмцами, когда вся Польша готова была сдѣлаться въ той или другой формѣ достояніемъ Россіи. И Екатерина II смотрѣла первоначально на дѣло не иначе ²⁾. Русскіе

¹⁾ Ibid., I, 13.

²⁾ Болѣе подробно указанную исторію русско-польскихъ отношеній см. у Костомарова, I, 1—18. См. также стр. 97—99 о заступничествѣ русскихъ государей (начиная съ Ивана III) за православныхъ въ польско-литовскомъ государствѣ.

публицисты и историки, касавшіеся паденія Рѣчи Посполитой, и должны были обратить особое вниманіе на то, что польскими раздѣлами, собственно говоря, закончилось собираніе русской земли Московію, которое началось почти за пять вѣковъ до паденія Польши,—на то, что въ населеніи русскихъ областей Рѣчи Посполитой всегда въ той или другой степени обнаруживалось тяготѣніе къ Россіи и усиливалось во время религиозныхъ гоненій со стороны католиковъ, — и на то, наконецъ, что въ эпоху раздѣловъ русской народъ, находившійся подъ властью польскихъ или ополяченныхъ пановъ, надѣялся, что Россія его освободитъ изъ-подъ неволи. Такимъ образомъ, для отторженія русскихъ земель польско-литовскаго государства къ Россіи существовали весьма важныя причины—политическая (собираніе русской земли), религиозная (преслѣдованія диссидентовъ католиками) и социальная (стремленіе крѣпостнаго народа освободиться изъ панской неволи). Эта-то сторона дѣла и ускользала совершенно изъ историческихъ соображеній польскихъ и западно-европейскихъ публицистовъ и историковъ: они просто въ достаточной мѣрѣ не знали или не понимали всего этого ¹⁾, чему вовсе не слѣдуетъ удивляться, такъ какъ и сами-то мы познакомились достожднымъ образомъ съ этою стороною дѣла лишь недавно.

Въ XVIII в. у насъ въ силу причинъ, о которыхъ здѣсь распространяться не мѣсто, затемнилась весьма ясная и опредѣленная политика по отношенію къ Рѣчи Посполитой, характеризующая московскій періодъ: во первыхъ, на главный планъ было выдвинуто обладаніе всею Польшею, а не отторженіе отъ нея русскихъ областей, что объясняется и измѣнившимися обстоятельствами, и перемѣнившимися взглядами; вовторыхъ, когда это не удалось, то при первомъ раздѣлѣ древнее галицкое княжество, одна изъ частей русской земли, было отдано Австріи. „Страннымъ должно показаться“, говоритъ Костомаровъ, — „что, повидимому, въ веденіи этого дѣла забыты были тѣ

---

¹⁾ Что русины были вѣтвью польскаго народа, поляки издавна привыкли этому вѣрить и искренне въ это вѣрили. Конечно, теперь утверждать это поляки могутъ только тенденціозно, но болѣе ранняя увѣренность была результатомъ невнанія исторіи и этнографіи. См. объ этомъ въ ст. *А. Н. Пыпина* „Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ“ (*Вѣстн. Евр.*, 1886, февраль, 745 яд., 754 яд. и др.). Въ этихъ статьяхъ (февраль—мартъ), равно какъ въ указанныхъ ниже (ср. „Вѣдурсская этнографіа“ *Вѣстн. Евр.*, 1887, май, 226 и др.), весьма много матеріала, которымъ можно было бы воспользоваться для дополненій къ статьѣ о польскомъ вопросѣ въ русской литературѣ.

притязанія на коренныя русскія земли, которыя московское государство нѣкогда постоянно предъявляло, изъ-за которыхъ въ теченіи вѣковъ не хотѣло мириться съ поляками“¹⁾. Съ этой точки зрѣнія, какъ увидимъ, русскіе публицисты и историки находили очень важные недостатки въ польской политикѣ Екатерины. Правда, когда намѣчался второй раздѣлъ Польши, Екатерина, давая Потемкину званіе казацкаго гетмана, видѣла въ этомъ восстановленіи популярнаго казацкаго званія особаго рода средство ободрить „всѣхъ обитателей Польши російской вѣры и російскаго происхожденія“²⁾, а годъ спустя въ ея рескриптахъ новому посланнику въ Варшавѣ Сиверсу и начальнику русскихъ войскъ въ Польшѣ Игельстрому, въ коихъ она уже прямо говоритъ о своемъ намѣреніи относительно втораго раздѣла, поясняется, что это дѣлается, дабы „набавить землю и грады, нѣкогда Россіи принадлежавшіе, единоплеменниками ея населенные и единую вѣру съ ними исповѣдующіе, отъ соблазна и угнетенія имъ угрожающихъ“, что такъ присоединятся „къ нашему государству земли, вошедшія въ составъ польской республики, которыя въ древности принадлежали къ Россіи, гдѣ города построены русскими князьями, гдѣ жители происходятъ отъ одного племени, какъ и русскіе, и притомъ—наши единовѣрцы“³⁾, — но эти соображенія Екатерины были только однимъ изъ оправданій раздѣла, а не истиннымъ его мотивомъ. Равнымъ образомъ и у помощниковъ императрицы мы встрѣчаемся съ такимъ отношеніемъ къ русскому народу въ Рѣчи Посполитой, которое могло возникнуть только на почвѣ „шляхетскаго“ отчужденія отъ „быдла“, и, напримѣръ, дѣйствовавшій въ диссидентскомъ вопросѣ русскій посланникъ Репнинъ, какъ говоритъ Костомаровъ, — „былъ хотя и православный, но безъ сердечности относился къ православному народу; онъ былъ баринъ по своимъ понятіямъ и сочувствіямъ: православная вѣра въ Рѣчи Посполитой была почти исключительно достояніемъ простаго народа; по его личному воззрѣнію не стоило вовсе и хлопотать о томъ, что годится только для черни. Репнинъ не видалъ православныхъ между знатыми, родовитыми и богатыми господами... Для Репнина лично какъ будто не существовало того важнаго обстоятельства, что въ русскихъ краяхъ Рѣчи Посполитой католичество и унія распространялись съ насиліями,

¹⁾ Ibid., I, 144.

²⁾ Слова изъ письма императрицы къ Потемкину. Ibid., I, 504.

³⁾ Ibid., II, 214. Ср. объявленіе Екатерины отъ 2-го марта 1793 г. II, 245.

что утѣсняемый и насилуемый народъ долго отстаивалъ свою вѣру, проливалъ за нее кровь и, изнемогая въ многолѣтней борьбѣ, обращался съ надеждами и моленіями къ Россіи, что на Россіи лежала историческая обязанность, усвоенная прежними вѣками — поддерживать своихъ единовѣрцевъ и пользоваться для этой цѣли всѣми благопріятными обстоятельствами¹. Онъ даже высказывалъ Екатеринѣ боязнь, „чтобъ, даруя православнымъ больше правъ, чѣмъ имѣютъ униаты, не побуждать униатовъ возвращаться къ православію. Такъ-то“, заключаетъ историкъ, — „русскіе бояре вмѣстѣ съ прадѣдовскими кафтанами и бородами, теряли и завѣтные преданія своихъ предковъ“²). Еще менѣе можно было ожидать надлежащаго отношенія къ дѣлу со стороны нѣмцевъ, бывшихъ въ русской службѣ. Какъ мало иногда понимали дѣло исполнители воли Екатерины, можно видѣть, напримеръ, изъ сдѣланнаго ей Сиверсомъ предложенія о способѣ обрусенія губерній, которыя отходили отъ Польши по второму раздѣлу, — все до нихъ относящееся „печатать по русски, латинскими буквами, по польскому произношенію“³), точно сама русская грамота безъ такихъ передѣлокъ не могла найти для себя никакихъ читателей среди населенія вновь пріобрѣтеннаго края. Наконецъ, что касается до освобожденія закрѣпощеннаго русскаго народа отъ „ляшской неволи“, то оно равнымъ образомъ не входило въ виды русскаго правительства, даже помогавшаго полякамъ усмирять хлопскіе бунты въ то же время, какъ и православное духовенство призывало крестьянъ къ терпѣнію. „Безъ этихъ счастливыхъ для поляковъ условий“, говоритъ Костомаровъ, — „народъ, безъ сомнѣнія, кинулся бы истреблять и выгонять изъ своей земли своихъ поработителей и передалъ бы въ свое время русскій край русской державѣ въ томъ видѣ, что въ немъ, по выраженію народной пѣсни, не было бы уже ни ляха, ни жида, ни уни“³). Мало того: извѣстно, что въ слухахъ о намѣреніи Польши освободить своихъ крестьянъ и въ манифестѣ Костюшки видѣли опасность, которая заставила приступить къ третьему раздѣлу. Въ 1794 году канцлеръ графъ Безбородко писалъ Репнину: „образъ мыслей поляковъ сдѣ-

¹) Л. с., I, 112—113. Интересныя подробности объ отношеніи Репнина къ крестьянамъ у Крашевскаго: *Polska w czasie trzech rozbiorów*, III, 668: поздравляе онъ запрещалъ произносить имя Костюшки, который хотѣлъ освободить хлопковъ.

²) *Костомаровъ*, II, 241.

³) *Ibid.*, I, 309.

лался такого рода, что зараза легко и далѣе распространиться можетъ, вольность крестьянъ и т. п. удобны раздражить нашихъ поселянъ. Сіи разсужденія рѣшили на уничтоженіе Польши и на раздѣлъ ея земель¹⁾.

И въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка не было настоящаго пониманія того, что присоединявшіеся отъ Рѣчи Посполитой края были населены преимущественно, если не брать въ расчетъ шляхетства и горожанъ, русскимъ же народомъ, да часто этому обществу не откуда было и узнать о томъ. Напримѣръ, въ 1766 г. была издана переводная (съ нѣмецкаго) книжка о тогдашнемъ состояніи Польши²⁾, и въ ней ни однимъ словомъ авторъ не обмолвился о существованіи православныхъ въ Рѣчи Посполитой, переводчикъ же не замѣтилъ пробѣла. Въ недавнихъ, весьма интересныхъ статьяхъ А. Н. Пыпина о малорусской и бѣлорусской этнографіи³⁾ собрано множество свидѣтельствъ о нашемъ прежнемъ невѣжествѣ относительно русскаго элемента въ бывшей Рѣчи Посполитой, и нѣтъ, конечно, необходимости обвинять въ этомъ западное образованіе, яко бы оторвавшее насъ отъ почвы: незнаніе это началось раньше и было результатомъ историческаго обособленія Малороссіи и Бѣлоруссіи отъ Великороссіи, употребляя современные термины⁴⁾, съ одной стороны, а съ другой—въ политикѣ того времени вообще мало обращали вниманіе на народъ. Наша наука и литература притомъ же очень поздно начали свои труды по изученію Россіи, а потому не мудрено, что бѣлорусскій, напримѣръ, край долгое время считался у насъ вполне или по большой части польскимъ и чужимъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія вышли, напримѣръ, въ Петербургѣ „Записки путешествій по западнымъ провинціямъ російскаго государства или минералогическія, хозяйственныя и другія примѣчанія, учиненныя во время проѣзда чрезъ оныя въ 1802 г. академикомъ Василиемъ Севергинымъ“. Авторъ былъ чловѣкъ ученый и весьма образованный, но, вращаясь среди мѣстной интеллигенціи описаннаго края, онъ взглянулъ на него глазами послѣд-

¹⁾ *Русскій Архивъ*, 1873, стр. 478.

²⁾ Исторія о нынѣшнемъ состояніи правительства польскаго; съ нѣмецкаго языка переведена секретаремъ *Василіемъ Лебедевымъ*. Въ Санктпетербургѣ 1766 года.

³⁾ *Вѣстн. Европы*, 1885—1886, январь (Малорусская этнографія за послѣднія 25 лѣтъ), февраль—мартъ (Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ), ноябрь (Зоріанъ Доленга-Ходаковскій) 1887, апрѣль—июнь (Бѣлорусская этнографія).

⁴⁾ *Ibid.*, 1887, апрѣль, 653 sq.

ней, такъ что православныхъ въ Бѣлоруссіи онъ называетъ по католической терминологіи „схизматиками“. „Извѣстно“ (!), пишетъ онъ, — „что шизматики отличаются отъ унеатовъ тѣмъ, что сіи послѣдніе повинуются папѣ, а первые патриарху Цареградскому. Одѣяніе шизматиковъ подобно одѣянію грекороссійскихъ монашествующихъ особъ. Также расположеніе церкви и обряды при богослуженіи во всемъ почти подобны россійскимъ (!). Находясь въ прусской (по тогдашнему) части Польши и не умѣя, впрочемъ, ни слова по россійски (?), совершаютъ они богослуженіе по россійскимъ церковнымъ книгамъ... Говоря о шизматикахъ, нельзя не упомянуть мнѣ также о унеатахъ. Исповѣданіе и особенно богослуженіе унеатовъ во всемъ сходно съ богослуженіемъ шизматиковъ. Какъ въ прусской, такъ и въ россійской части Польши, называютъ они себя россіанами“¹⁾.

Г. Пыпинъ приводитъ еще нѣкоторыя мѣста ихъ „Топографическихъ примѣчаній на знатнѣйшія мѣста путешествія Ея Императорскаго Величества въ Бѣлорусскія намѣстничества“ (1780). „Эта книжка, по словамъ автора статьи о бѣлорусской этнографіи, сообщаетъ о возвращенномъ русскомъ краѣ только внѣшнія топографическія и историческія свѣдѣнія, мало останавливаясь на вопросѣ о русскихъ свойствахъ населенія и его быта, что вообще забывалось тогда за соображеніями политическими“²⁾. Объясненіе подобныхъ фактовъ, переходящее иногда въ оправданіе (подобно тому, какъ простое констатированіе принимаетъ иногда характеръ обличенія) мы встрѣтимъ, между прочимъ, у де-Пуле въ его книгѣ о Литвѣ въ исходѣ XVIII вѣка.

Отсылая къ указаннымъ статьямъ А. Н. Пыпина за извѣстіями по исторіи этнографическихъ знаній нашихъ о древнерусскихъ земляхъ, входившихъ въ составъ Рѣчи Посполитой, упомянемъ только, что, напримѣръ, серьезное изученіе бѣлорусскаго племени начинается съ шестидесятыхъ годовъ³⁾. Но къ этому же времени относится и начало нашей публицистики по польскому вопросу⁴⁾. Ранѣе, какъ мы упомянули, высказывался только Погодинъ, но его статьи были напечатаны впервые только въ шестидесятыхъ же годахъ.

¹⁾ Ibid., 1887, апрѣль, 667—668.

²⁾ Ibid., май, 233—234.

³⁾ Ibid., 1887, апрѣль, 665.

⁴⁾ Въ знаменитой запискѣ Карамзина 1819 г. вопросъ о западномъ краѣ, который поляки надѣялись присоединить къ царству польскому, ставился только съ вышней политической стороны и нѣтъ рѣчи объ его національной и социальной сторонѣ.

Говоря о Погодинѣ, мы укажемъ только на его взглядъ относительно причинъ паденія Польши. „Я давно уже увѣрился“, писалъ, онъ (въ 1865 г.),—„въ западномъ, кельтическомъ или романскомъ происхожденіи шляхты (sic!), но теперь еще увѣрился вотъ въ чемъ: пришецы въ Польшѣ никогда не соединялись съ туземцами, какъ соединились они у насъ и въ другихъ странахъ, болѣе или менѣе, такъ что шляхта и народъ составляютъ тамъ до сихъ поръ два совершенно различныя общества... Шляхта нынѣшняя, какъ древніе евреи, изведенные изъ Египта, должна погибнуть въ сорокалѣтнемъ странствіи по пустынѣ европейской, а новая Польша съ освобожденными крестьянами и городами должны начать новую жизнь, новую исторію въ соединеніи съ Россією“¹⁾. Въ этихъ немногихъ словахъ высказался взглядъ Погодина на старую и новую исторію Польши, Далѣе, говоря словами г. Пыпина, „Погодинъ опровергалъ обвиненія поляковъ противъ Россіи за раздѣлы: причиной раздѣловъ была не одна Россія, а прежде всего распаденіе самой государственной системы польскаго королевства; Польша сама вела себя къ тому концу, какимъ завершились времена ея независимости; при внутреннемъ разложеніи она физически не могла сохраниться среди сильныхъ сосѣдей,—притомъ Россія брала (въ западномъ краѣ) свое же древнее достояніе“²⁾. Вотъ это-то возвращеніе Россіей своего древняго достоянія и сдѣлалось главнымъ ея оправданіемъ въ польскомъ дѣлѣ для нашей публицистики. Наиболѣе въ данномъ случаѣ заслуживаютъ вниманія воззрѣнія славянофиловъ, коими довольно много мы и займемся въ настоящей главѣ.

Въ этихъ воззрѣніяхъ нужно различать двѣ стороны: въ нихъ вопервыхъ, мы находимъ то, что, собственно говоря, является результатомъ историческаго изученія русской народной жизни на всемъ протяженіи Русской земли, слѣдовательно, и въ предѣлахъ бывшей Рѣчи Посполитой, а вовторыхъ,—нѣчто такое, что объясняется уже исключительно съ точки зрѣнія а priori созданной славянофильской теоріи. Не излагая здѣсь самой теоріи и тѣмъ менѣе еще желая входить въ ея разборъ по существу, мы не можемъ однако не упомянуть, что для славянофиловъ католическая Польша должна была представляться, какъ нѣчто противорѣчащее самому духу славянства, нашедшему на-

¹⁾ Пыпинъ. Польскій вопросъ. *Вѣстн. Европы* 1880, февраль, 721.

²⁾ Ibid., февраль, 722. Въ одной статьѣ 1856 г. Погодинъ, свѣтуя предоставленіе Польши самой себѣ, видитъ въ немъ „искушеніе великаго европейскаго грѣха (не нашего)“. Ibid., февраль, 729.

стоящее свое выраженіе въ православіи, и это-то сообщило славянофильскимъ воззрѣніямъ на польскую исторію своеобразную окраску. „Подобнаго рода теоріи“, замѣчаетъ однако г. Пыпинъ,—„въ нравственно-историческихъ предметахъ бывають похожи на поэзію. Онѣ могутъ быть очень хороши въ книгѣ, онѣ могутъ поразить воображеніе и чувство, но могутъ быть угловаты и невозможны въ жизни. Самъ Самаринъ признавалъ у Мицкевича „высокую поэзію“ тѣхъ самыхъ идей, которыя у писателей дюжинныхъ казались ему (не безъ основанія) комическими и которыя онъ приводилъ въ образчикъ, до чего можетъ доходить національное заблужденіе“¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, если для нашихъ славянофиловъ лучшимъ сосудомъ христіанскихъ идей и славянскаго духа является Россія, то для только что упомянутаго польскаго поэта и другихъ польскихъ патріотовъ такое мѣсто въ христіанскомъ и славянскомъ мірѣ принадлежитъ не кому иному, какъ Польшѣ,—явленіе, которое повторяется и въ историко-философской литературѣ другихъ народовъ: англійскіе, италіанскіе, нѣмецкіе и французскіе писатели нерѣдко грѣшили тѣмъ же, доказывая каждый превосходство своего народа во всемірной исторіи или, по крайней мѣрѣ, среди другихъ европейскихъ націй²⁾.

Пользуясь изданіями сочиненій главныхъ представителей славянофильской школы, мы имѣемъ возможность, не роаясь въ старыхъ журналахъ и газетахъ, собрать довольно значительное количество матеріала по интересующему насъ вопросу. Само собою разумѣется, что, приводя мнѣнія Ю. Самарина, Гильфердинга, И. Аксакова, мы будемъ имѣть въ виду не то, какъ они понимали польскій вопросъ въ настоящемъ (главнымъ образомъ съ 1863 г.), а какъ они освѣщали фактъ паденія Рѣчи Посполитой.

На первый планъ поставимъ статью Ю. О. Самарина подъ заглавіемъ „Современный объемъ польскаго вопроса“.

„Изъ всѣхъ когда-либо занимавшихъ Европу вопросовъ“, говоритъ Ю. Самаринъ,—„польскій едва ли не самый запутанный и сложный. Это оттого, что онъ слагается изъ трехъ вопросовъ, по су-

¹⁾ *Вѣстн. Евр.* 1880, апр., 699. Относительно „угловатости“ прибавимъ, что, разсмотрѣвъ болѣе позднихъ публицистовъ славянофильской школы, г. Пыпинъ отмѣчаетъ, что „суровая исключительность первоначальной школы у нихъ сильно смягчена критическимъ вниманіемъ къ исторической судьбѣ польскаго племени“. *Ibid.*, май, 270.

²⁾ См. мое сочиненіе „Основные вопросы философіи исторіи“. С.-Пб. 1887 (изд. 2), т. I, стр. 211—218.

ществу своему различныхъ, не смотря на ихъ тѣсную связь. Поляки, какъ народъ, какъ особенная стихія въ группѣ славянскихъ племенъ. Польша, какъ самостоятельное государство. Наконецъ, Польша, или точнѣе полонизмъ, какъ просвѣтительное начало, какъ представительство и вооруженная пропаганда латинства въ средѣ славянскаго міра. Эти три понятія постоянно смѣшиваются и переходятъ одно въ другое. Вся политика поляковъ заключается въ ихъ отождествленіи; наша политика въ ихъ разъединеніи“¹⁾. Съ первой точки зрѣнія авторъ признаетъ, съ одной стороны, и національныя права поляковъ, съ другой—и то, что поляки „не могутъ требовать подчиненія себѣ каковой-либо другой народности“, что „притязанія польской національности не должны простираться далѣе предѣловъ ея фактическаго господства“²⁾. Само собою разумѣется, что эта точка зрѣнія, приложенная къ польскимъ раздѣламъ, должна дать основу для оправданія въ этомъ фактѣ той его стороны, которая заключается въ освобожденіи русскаго населенія Рѣчи Посполитой отъ чужеземной власти. Съ общенациональными правами далѣе, по Самарину, не слѣдуетъ смѣшивать политической самостоятельности, ибо послѣдняя зависитъ отъ множества внѣшнихъ условій въ родѣ обладанія морскимъ берегомъ, свободы внѣшняго сбыта и привоза, естественной замкнутости въ стратегическомъ отношеніи, надежныхъ границъ и т. п.³⁾ „Польша“, говоритъ Самаринъ,—„была и перестала быть государствомъ. Она имѣетъ богатую политическую исторію, въ которой мы видимъ эпохи зарожденія, разростанія, могущества, упадка и разложенія. Можетъ быть, ни одно изъ новѣйшихъ государствъ не испытало такихъ превратностей, такого быстрого расширенія и одинаково быстрого стѣсненія своихъ предѣловъ“⁴⁾. Авторъ спрашиваетъ, гдѣ же тѣ историческія границы, въ которыхъ желаютъ возстановить Польшу. Поляки не довольствуются этнографическими предѣлами, ибо обозначить ихъ трудно, а еслибы и удалось это, то „такое государство, сдавленное Россіей, Пруссіей и Австріей, пользовалось бы только номинальною независимостью и ни-

¹⁾ Современный объемъ польскаго вопроса. Сочиненія Ю. О. Самарина. М. 1877. I, 325. Статья написана въ 1863 г. Ее А. Н. Пылинъ считаетъ „наиболѣе цѣльнымъ, логическимъ и нагляднымъ изложеніемъ славянофильской теоріи“.

²⁾ Ibid., 326.

³⁾ Ibid., 327.

⁴⁾ Ibid., 328.

когда бы не выходило изъ вассальныхъ отношеній къ своимъ могучимъ сосѣдямъ" ¹⁾). Противъ польскихъ притязаній на большее авторъ возражаетъ указаніемъ на то, что обширныя земли, нѣкогда входившія въ составъ Польши, принадлежали инымъ народностямъ, а эти народности и въ свое время сопротивлялись польскому владычеству, теперь же возстали бы противъ него еще сильнѣе, такъ что еслибы и образовалось снова государство по идеалу польскаго патриотизма, ему грозило бы опять паденіе по причинѣ внутреннего раздора, котораго польское правительство не было прежде, и въ будущемъ, вѣроятно, не будетъ въ состояніи примирить. „По свидѣтельству безпристрастнѣйшихъ изъ польскихъ историковъ и публицистовъ“, говоритъ Самаринъ,—„двѣ причины сгубили ихъ родину: польскій гоноръ не мирился съ мыслью о равноправности бѣлорусовъ и малороссіянъ съ поляками, а іезуитизмъ не могъ допустить рядомъ съ собою православной церкви“ ²⁾).

Такъ рѣшаются у Самарина двѣ первыя части польскаго вопроса. Гораздо болѣе оригинальныхъ взглядовъ представляетъ изъ себя разсужденіе о колонизмѣ. Не касаясь того, какія средства рекомендуетъ авторъ для рѣшенія вопроса, мы остановимся на томъ, какъ съ точки зрѣнія этихъ разсужденій онъ освѣщаетъ историческія судьбы Польши. Теорія Самарина есть въ сущности общая теорія славянофильства, какъ она изложена была Хомяковымъ и Гильфердингомъ. Для Самарина Польша есть „острый клинъ, вогнанный латинствомъ въ самую сердцевину славянскаго міра съ цѣлью расколоть его въ щепы“. „Глубокая несовмѣстимость и непримиримость латинства съ славянствомъ доказана историческимъ опытомъ вѣковъ“, говоритъ онъ далѣе.—„Всегда и вездѣ, чѣмъ добровольнѣе и искреннѣе латинство принималось славянскою природою, чѣмъ глубже оно въѣдалось въ нее, тѣмъ быстрѣе, подъ вліяніемъ этого тонкаго и всепроникающаго яда, она чхла, разлагалась и гибла. Ни одно изъ племенъ славянскихъ не отдавало себя на службу латинству такъ беззавѣтно, какъ польское“. Самаринъ указываетъ тутъ на Чехію, „спасшую свою народность“ въ гуситскомъ движеніи. „Не тѣмъ путемъ шла Польша“, продолжаетъ онъ.—„Мы обращаемся къ свидѣтельству ея собственныхъ историковъ и публицистовъ новѣйшаго времени. Одинъ говоритъ вамъ: исторія Польши представляетъ борьбу славянской народной

¹⁾ Ibid., 329.

²⁾ Ibid., 331.

стихиі съ латинскимъ просвѣтительнымъ началомъ; другой договариваетъ: и попытку примирить ихъ сдѣлкою; да, прибавляетъ третій, но нельзя не сознаться, что всякій разъ, когда латинство брало перевѣсъ, звѣзда Польши блѣднѣла и гасла“¹⁾. Самаринъ на счетъ „латинства“ относитъ тутъ и то, что дѣйствительно возникло въ Польшѣ подъ вліяніемъ католицизма, и то, что объясняется иными причинами, какъ напр., образованіе шляхты. Со времени іезуитскаго вліянія „высшее сословіе окончательно замкнулось въ себѣ самомъ и разбилось на партіи; начались гоненія на инопорцевъ и иновѣрцевъ, и наконецъ Польша пала жертвою внѣшняго вмѣшательства, вызваннаго ея внутреннимъ разложеніемъ“²⁾. Развивая свой взглядъ, авторъ объясняетъ, что подъ латинствомъ онъ разумѣетъ не однѣ догматическія и іерархическія особенности католицизма, но „и все то, что выросло изъ сѣмянъ его, всю совокупность нравственныхъ понятій и бытовыхъ отношеній, обусловленныхъ римско-католическимъ возрѣніемъ“³⁾. „Прослѣдите“, читаемъ мы далѣе, — „до психологической ихъ основы всѣ историческія явленія, которыми сопровождалась прививка латинства къ славянской стихиі—образованіе ненародной, строго-замкнутой и пританутой къ Риму іерархіи, постепенное возникновеніе около нея аристократіи военно-политической, отторженіе власти отъ подданныхъ, высшихъ слоевъ общества отъ низшихъ, быстрое развитіе цивилизаціи въ кругу привилегированныхъ сословій, но цивилизаціи, не проникающей въ народныя массы, и постепенное сгущеніе тьмы въ низменныхъ слояхъ общества и т. д.—и вы убѣдитесь, что все это совершилось не случайно“⁴⁾. Указавъ на участіе поляковъ въ подавленіи гуситовъ, въ іезуитскихъ гоненіяхъ, въ походахъ Наполеона, въ турецкихъ рѣзняхъ, авторъ продолжаетъ: „сдѣлавшись отравленнымъ мечемъ и орудіемъ гибели для другихъ, сама Польша, какъ племя славянское, хотя и измѣнившее своей природѣ, должна была прежде всѣхъ заразиться тою же отравкою; дѣйствительно, ту же враждебную силу, во имя которой она ополчалась на своихъ братьевъ, она внесла въ свою плоть и кровь. Далѣе самоубійства ни отдѣльное лицо, ни народъ идти не можетъ. Польша дошла до этого предѣла, но переродиться въ племя неславянское, измѣнить свою

¹⁾ Ibid., 333.

²⁾ Ibid., 334.

³⁾ Ibid., 336.

⁴⁾ Ibid., 337—338.

природу или промѣнять ее на другую—она всетаки не смогла¹⁾. Одну изъ „живыхъ уликъ неспособности славянской природы окончательно ужиться въ тискахъ латинства“ Самаринъ видитъ въ томъ развитіи, какое получило польское государство. „Въ самомъ дѣлѣ“, говоритъ онъ,—„отчего въ XVII в., въ то время, какъ въ сосѣднихъ земляхъ, не безъ тяжелыхъ жертвъ всякаго рода сплывалось государственное единство—въ одной просвѣщенной и начитанной Польшѣ власть не только не крѣпла, а напротивъ отступала шагъ за шагомъ передъ небывалою въ мірѣ силою произвольно организованнаго своеволия? Не оттого ли это произошло, что она переносила въ область условныхъ отношеній, безъ которыхъ немыслима никакая политическая организація, предносившійся ей идеалъ общежитія, которому въ области духа латинство не дало развиваться?“²⁾ „Какъ двѣ души, заключенныя въ одномъ тѣлѣ, славянство и латинство, вели и доселѣ ведутъ внутри самой Польши борьбу непримиримую, на животь и на смерть. Въ ней-то и заключается глубокой трагическій интересъ польской исторіи“³⁾. Самаринъ выразилъ намѣреніе „когда-нибудь подробнѣе развить эту тему, только мимоходомъ, какъ самъ онъ говоритъ, имъ затронутую“, но этого онъ не сдѣлалъ⁴⁾.

Таковы въ существенныхъ чертахъ взгляды Самарина. Около того же времени, когда онъ ихъ излагалъ въ печати, высказывался по польскому вопросу и Гильфердингъ.

Гильфердингомъ по этому предмету въ 1863 г. были написаны три статьи, которыя соединены въ одно цѣлое подъ заглавіемъ „Польскій вопросъ“ во II томѣ собранія его сочиненій⁵⁾. Авторъ въ первой статьѣ рѣшаетъ вопросъ о причинахъ борьбы между русскими и поляками. „Корень борьбы Россіи и Польши теряется въ глубинѣ вѣковъ. Зародышъ ея, можно сказать, существовалъ въ славянскомъ племени уже тогда, когда ни Россія, ни Польша не являлись на историческомъ поприщѣ и когда историческая жизнь

¹⁾ Ibid., 340.

²⁾ Ibid., 341.

³⁾ Ibid., 342.

⁴⁾ Та же страница. Въ томъ же томѣ Сочиненій Ю. О. Самарина помѣщена замѣтка о книгѣ „L'église officielle et le messianisme“, гдѣ высказаны подобныя же взгляды. Замѣтка относится къ 1849 г.

⁵⁾ Собраніе сочиненій А. Гильфердинга. С.-Пб. 1868. II, 291 вк. Статьи назывались: первая—„За что борются русскіе съ поляками?“, вторая—„Въ чемъ искать разрѣшенія польскому вопросу?“, третья — „Положеніе и задача Россіи въ Царствѣ Польскомъ“.

сосредоточивалась въ другихъ славянскихъ народахъ, на юго-западѣ. Едва эти народы вступали въ кругъ дѣятельности исторической, передъ ними становился вопросъ: войдутъ ли они органически, всею своею духовною, общественною и политическою жизнью въ составъ старшаго, болѣе образованнаго римско-германскаго міра или устоятъ на началахъ самостоятельнаго развитія? ¹⁾... Жизнь славянскаго племени сосредоточилась преимущественно въ двухъ народахъ сѣверо-восточной равнины европейской: въ Польшѣ и Россіи... Польша, оставаясь славянскою, сдѣлалась вполне членомъ латино-германской семьи народовъ, единственною славянскою страной, вступившею въ эту семью всецѣло и свободно, не въ силу матеріальнаго завоеванія, а добровольнымъ принятіемъ западно-европейскихъ стихій въ основу своей собственной, славянской жизни... Между тѣмъ русская земля шла другимъ, несравненно болѣе медленнымъ и тяжелымъ путемъ развитія ²⁾... Уже въ XIV в. Польша представляла общество вполне развитое, созрѣвшее подъ вліяніемъ Запада, проникнутое всѣми началами его жизни. Дѣятельность ея должна была обратиться на востокъ, на русскую землю... Ибо коль скоро польскій народъ всецѣло отдался западно-европейской жизни, коль скоро тѣ идеи, которыя владѣли западнымъ міромъ, идеи католицизма, рыцарства, латинской образованности, вошли въ плоть и кровь поляковъ и сдѣлались для нихъ высшимъ идеаломъ челоувѣчества, — то нести этотъ идеалъ, нести католицизмъ, рыцарство, латинскую образованность другимъ славянамъ, ихъ чуждавшимся, становилось священнымъ завѣтомъ польскаго народа ³⁾... Когда“, продолжаетъ Гильфердингъ,—, Польша въ XIV вѣкѣ кончила первый фазисъ своего развитія, фазисъ внутренняго органическаго сліянія своего съ латино-германскою Европою и могла обратиться на русскій востокъ съ пропагандою воспринятыхъ ею началъ, невѣроятные успѣхи сопровождали первые шаги ея. Русская земля влеклась, такъ сказать, сама къ свѣту цивилизаціи, къ развитому общественному строю, съ которымъ выступала Польша... Но внутреннія, живыя, хотя безсознательныя славянскія начала не поддались стихіямъ польской жизни. Русская народность, особенно въ дѣлахъ вѣры, стала поды-

---

¹⁾ Ibid., 294.

²⁾ Ibid., 295.

³⁾ Ibid., 296. Такъ, говоритъ авторъ, понимаютъ дѣло и сами историки польскіе: Гильфердингъ ссылается на Шайноху (Bolesław Chrobry, стр. 11) Ibid., 297.

мать голову противъ польскихъ началъ. Въ XVI вѣкѣ Польшѣ приходится уже полунасиломъ упорочивать свое господство надъ русскимъ народомъ. Полунасиломъ заставляеть она литовско-русскія области окончательно соединиться съ нею въ одно государство (люблинская унія 1569 года); полунасиломъ заставляеть она русскихъ людей подписать церковную унію съ Римомъ (брестская унія 1596 года) и насильственно вводитъ эту унію. Наконецъ, полное торжество Польши надъ русско-славянскимъ міромъ кажется достигнутымъ: польское знамя водружено въ Москвѣ, вся восточная Русь должна подчиниться пропагандѣ польской цивилизаціи. Но тутъ-то совершился великій историческій переломъ, рѣшившій судьбу славянскаго міра. Народъ восточной Руси не призналъ превосходства польской цивилизаціи и захотѣлъ остаться при своихъ началахъ жизни; на столько развилось уже въ русской землѣ сознание ея внутренней самобытности. Изгнаніе поляковъ изъ московскаго государства было первымъ шагомъ въ этомъ новомъ историческомъ періодѣ: Русская земля полагала въ себѣ предѣлъ распространенію польскихъ началъ. Возстаніе Малороссіи было вторымъ шагомъ: русская земля заявляла потребность освободиться отъ нихъ и тамъ, гдѣ они уже водворились. Третьимъ шагомъ была реформа Петра I, которая имѣла въ русско-польскомъ вопросѣ то огромное значеніе, что она отняла у польской пропаганды на Руси разумную цѣль, что она упразднила, такъ сказать, историческую задачу въ отношеніи къ русской землѣ... Петръ былъ первый изъ русскихъ царей, который ни разу не воевалъ съ Польшею, и первый, который хозяйничалъ въ ней, какъ скоро Россія овладѣла сама послѣднимъ орудіемъ ея прежняго обаянія — западною образованностью. Весь XVIII вѣкъ былъ эпохою разложенія государственнаго зданія старой Польши. Обширныя русскія области, которыя она въ XIV и XV вѣкахъ притянула къ себѣ своимъ тогдашнимъ нравственнымъ и общественнымъ перевѣсомъ надъ Русью, всѣ эти области (за исключеніемъ лишь Галиціи) возвратились въ составъ русскаго государства, опять-таки почти безъ насилія (ибо если и было сопротивленіе, то лишь въ разныхъ мѣстахъ со стороны польской шляхты, а не со стороны туземнаго населенія). Польская земля, то-есть, земля, населенная поляками, старая земля Казимира Великаго, очутилась какимъ-то жалкимъ обрубкомъ среди сложившихся вокругъ нея государствъ, похожая на человѣка, котораго весь жизненный подвигъ

оказался несостоятельнымъ и который, потерявши все, остается безпріютнымъ и сирымъ среди новыхъ лицъ, новыхъ потребностей“¹⁾).

Вторая статья Гильфердинга, относящаяся равнымъ образомъ къ 1863 г. (іюль), озаглавлена была: „Въ чемъ искать разрѣшенія польскому вопросу?“ Въ этой статьѣ нѣтъ ничего такого, что здѣсь стоило бы отмѣтить. Въ концѣ 1863 г. Гильфердингъ написалъ третью статью, въ которой разсматриваетъ „положеніе и задачу Россіи въ царствѣ польскомъ“. Если первая статья интересна по заключающимся въ ней воззрѣніямъ на историческія русско-польскія отношенія, игравшія столь важную роль и въ паденіи Рѣчи Посполитой, то въ послѣдней—обращаетъ на себя вниманіе взглядъ автора на внутреннія причины разложенія Польши. Одною изъ особенностей русскихъ писателей является ихъ склонность при объясненіи причинъ паденія Польши выдвигать на первый планъ хлопско-шляхетскія отношенія въ Рѣчи Посполитой, и именно такъ смотритъ на дѣло Гильфердингъ. „Историческая жизнь Польши“, говоритъ онъ,—оказалась несостоятельною: въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Мы присутствуемъ теперь не при возрожденіи исторической жизни Польши, а при разложеніи ея стараго организма. Нѣтъ страны въ Европѣ, гдѣ внутреннее разложеніе и паденіе явилось бы въ такой страшной, осязательной наготѣ, какъ въ старой Польшѣ XVIII вѣка. Дѣло въ томъ, что тутъ разлагался и падалъ не цѣльный народъ,—народы не такъ легко умираютъ,—а классъ людей, поглотившій въ себя всю историческую жизнь польскаго народа, сосредоточившій въ себѣ все польское государство. Множество примѣровъ доказываютъ, что чѣмъ уже и исключительнѣе та общественная среда, въ которой заключается историческая дѣятельность государства, тѣмъ быстрѣе совершается процессъ его исторической жизни, тѣмъ быстрѣе оно возрастаетъ и доходитъ до своего апогея и тѣмъ скорѣе полное развитіе силъ смѣняется упадкомъ и разложеніемъ. Такимъ образомъ, и государство польское, возникшее въ одно и то же время съ Россіей, успѣло совершить полный кругъ своего развитія, когда Россія едва кончила періодъ своего сложенія, и умерло своею смертью въ исходѣ XVIII вѣка. Что бы ни говорили о насильственности раздѣловъ, объ этомъ *assassinat d'une nation*, несомнѣнно то, что польское государство отжило свой вѣкъ, и что его могли разнять на куски именно потому, что это былъ трупъ, а не живой организмъ. Еслибы какими-нибудь судьбами удалось заста-

¹⁾ Ibid., II, 299—302.

новить Польшу, какъ государство, то развѣ она въ состояніи была бы развиваться? Польская нація, на сколько она дѣйствовала въ исторіи и выражалась въ государственной жизни Польши, то-есть, польское шляхетство или такъ-называемое обывательство, заключавшее въ себѣ весь государственный организмъ Польши,—польская нація имѣла въ славянскомъ мірѣ весьма опредѣленное значеніе, весьма опредѣленный путь развитія. Это было общество и государство, по преимуществу представлявшее собою въ славянскомъ мірѣ западно-европейскій католицизмъ и западно-европейское рыцарство. Идеи эти составляли духъ польскаго государства, оно ихъ воплощало въ себѣ: онѣ имѣли свою блестящую эпоху въ Польшѣ XVI вѣка, и польское общество, и государство тогда разцвѣло; и мало-по-малу обличились онѣ въ своей односторонности и, наконецъ, дошли ad absurdum въ явленіяхъ XVIII вѣка, въ іезуитизмѣ и шляхетскомъ правѣ *liberum veto*. По мѣрѣ паденія этихъ идей, разлагалось польское общество и государство: вслѣдствіе такого разложенія, государство погибло; но общество осталось¹⁾. Изображеніе довольно вѣрно, но объясненіе представленныхъ явленій дано съ точки зрѣнія условной теоріи. Но еще болѣе стоитъ сдѣлать выписку изъ того мѣста статьи, гдѣ характеризуется отношеніе этого общества къ народу. „Въ Польшѣ“, именно говоритъ Гильфердингъ, — „въ Польшѣ существуютъ собственно два народа: одинъ, жившій историческою жизнью, пріобрѣтшій огромныя владѣнія и потомъ потерявшій ихъ,—народъ, весь погруженный въ преданія прошлаго и представляющій очевидные признаки разлагающагося организма. Другой народъ, отдѣляемый отъ перваго не только общественнымъ, но и бытовымъ характеромъ, не знаетъ про бывшее величіе шляхетской республики; вся старая жизнь Польши прошла надъ нимъ, не коснувшись его духа, не внушивъ ему участія къ политической судьбѣ своего отечества, въ которомъ онъ ожилъ нѣсколько лишь тогда, когда оно перестало быть самостоятельнымъ государствомъ. Это не два отдѣльныхъ класса въ одномъ народѣ; нѣтъ, польскій крестьянинъ, пашущій землю, и полякъ, отрѣшившійся отъ простоты земледѣльческаго быта, принадлежатъ къ двумъ особымъ мірамъ, къ двумъ особымъ политическимъ сферамъ.. Въ Польшѣ эта раздвоенность такова, что она уже сдѣлалась, такъ сказать, существенною, органическою принадлежностью польской націи; она сроднилась съ польскими поня-

¹⁾ Ibid., II, 345—346.

тіями такъ, что полякъ ея уже не чувствуетъ и не замѣчаетъ, и она поражаетъ только иностранца, какъ нѣчто ненормальное... Легко прослѣдить въ исторіи Польши, какъ образовалось это раздвоеніе, какъ крестьянское населеніе съ теченіемъ времени устранилось болѣе и болѣе отъ участія въ жизни и судьбахъ польскаго государства, и какъ государство это сдѣлалось исключительно принадлежностью шляхты и примыкающихъ къ ней классовъ, горожанъ и духовенства, или того, что въ польскомъ языкѣ стало называться польскимъ народомъ, жителями края (обывателями). Такова несомнѣнная причина всегдашняго безучастія польскаго крестьянства къ патріотическимъ стремленіямъ обывательства¹⁾. Гильфердингъ отмѣчаетъ и то явленіе, что польскому уму иначе не представлялось уничтоженіе этой розни, какъ въ формѣ постепеннаго приобщенія народа къ шляхтѣ „Конституція 3-го мая 1791 г.“, говоритъ онъ,—„какъ извѣстно, хотѣла искупить грѣхи старой Польши относительно народа — открытіемъ широкаго доступа низшимъ классамъ въ шляхетское сословіе, постепеннымъ ушляхетненіемъ всего польскаго народа. Иначе бытъ не можетъ съ той точки зрѣнія, которая въ польскомъ шляхетствѣ полагаетъ идеалъ совершенства и высшую цѣль своего народа; и это стремленіе ввести простой народъ въ шляхетскую сферу проглядываетъ, со времени не удавшейся конституціи 3-го мая 1791 года, во всѣхъ идеяхъ польскихъ либераловъ относительно будущей роли простаго польскаго народа, даже въ самомъ крайнемъ представителѣ польскихъ демагоговъ, въ Мѣрославскомъ²⁾. Это—путь не растворенія шляхты въ народѣ, а прониканія народа въ шляхетскую среду.

Заклучимъ передачу славянофильскихъ взглядовъ на исторію русско-польскихъ отношеній и на причины паденія Рѣчи Посполитой выдержками изъ двухъ статей И. С. Аксакова, помѣщенныхъ въ III томѣ собранія его сочиненій, который почти весь занятъ польскимъ вопросомъ. Обѣ статьи интересны по затронутому въ нихъ вопросу о степени нравственной виновности Россіи въ паденіи Польши. Слѣдующія выдержки довольно подробно передадутъ мысли Аксакова объ этомъ предметѣ.

Въ первой изъ этихъ статей (1861 г.), которая озаглавлена въ въ собраніи сочиненій „Наши нравственныя отношенія къ Польшѣ“, Аксаковъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Нѣтъ сомнѣнія,

¹⁾ Ibid., II, 350—351.

²⁾ Ibid., II, 356.

что паденіе Польши было подготовлено внутреннимъ разложеніемъ польскаго общества, ложью шляхетства и католицизма, измѣною ея славянскимъ началамъ, гордыней и нетерпимостью польской національности, ненавистью, возбужденною ею въ прочихъ братскихъ народахъ. Существованіе Польши въ ея прежнемъ видѣ и устройствѣ, на основаніи началъ, выразившихъ себя въ ея исторіи, было, по всѣмъ историческимъ вѣроятностямъ, уже долѣе невозможно; зазорное, безпокойное сосѣдство препятствовало свободному развитію Россіи, и историческая Немезида отомстила Польшѣ всѣ неправды ея, совершенныя надъ русскимъ народомъ въ началѣ XVII вѣка. Все это, положимъ, и справедливо, но событія, сопровождавшія конецъ Польши, помѣшавши ея политическому бытію умереть свободою смертию, обновили новою жизнью польскую національность и сообщили ей ту нравственную силу, которую она проявляетъ и до сихъ поръ. По новѣйшимъ историческимъ изслѣдованіямъ оказывается несомнѣннымъ, что весь планъ, на основаніи котораго совершился раздѣлъ Польши, принадлежитъ изобрѣтательности Фридриха II, такъ-называемаго Великаго, который умѣлъ въ то же время такъ искусно повести дѣло, что осужденіе легло всею своею тяжестью на Россію, менѣе всѣхъ неправую въ этомъ дѣлѣ. Извѣстно всѣмъ, что Россія при раздѣлѣ Польши возвратила себѣ только древнія рускія области и взяла Литву, и что такъ-называемое царство польское досталось намъ уже по рѣшенію вѣнскаго конгресса. Конечно, Россія могла бы совершить это возвращеніе инымъ, болѣе прямымъ способомъ, по требованію ли угнетеннаго народа въ тѣхъ русскихъ областяхъ, или открытою войною,—но все это еще не составляетъ большой важности при несомнѣнномъ ея правѣ на эти земли¹⁾. „Если въ чемъ можно отыскать нашу вину, то развѣ въ томъ потворствѣ властолюбивымъ притязаніямъ нашихъ сосѣдей и въ согласіи на подчиненіе свободного славянскаго племени иноземному владичеству. Вообще говоря, Россія менѣе всѣхъ неправа въ раздѣлѣ и уничтоженіи Польши, но, какъ сторона нравственная, тяжелѣе всѣхъ чувствуетъ то, что была неправою въ этомъ дѣлѣ“²⁾.

Въ другой статьѣ, озаглавленной „Въ чемъ вина Россіи передъ Польшею?“ (1881 г.), между прочимъ, излагаются вкратцѣ русско-польскія отношенія. „До половины XVI вѣка“, говоритъ здѣсь Акса-

¹⁾ *И. Аксаковъ*. Полное собраніе сочиненій. М. 1886. III, 9.

²⁾ *Ibid.*, III, 9—10.

ковъ,—связь Западной Россіи съ Польшей, при господствовавшей въ Польшѣ вѣротерпимости, казалось довольно искреннею и прочною. Неизвѣстно, на чьей бы еще сторонѣ оказался окончательный перевѣсъ, еслибъ такъ-называемый „золотой вѣкъ“ Сигизмунда-Августа не сталъ поворотной точкою въ польской исторіи. Во второй половинѣ XVI вѣка водворяются въ Польшѣ іезуиты: католическій фанатизмъ, неугомонное духовное властолюбіе сочетались съ властолюбіемъ политическимъ, и поляки ступили на ту наклонную плоскость, которая рано или поздно должна была привести ихъ къ гибели. Успѣхи католической пропаганды, совращеніе русскихъ князей, пановъ и шляхты въ латинство, насильственное введеніе уніи водворяютъ ровнь между ними и массаи православнаго народа, отчуждаютъ послѣдніа отъ правительства и кладутъ начало взаимной ненависти и ожесточенной борьбы“¹⁾. Затѣмъ, говоря о времени Екатерины II, онъ замѣчаетъ, что „заступничество за диссидентовъ, то-есть, за православныхъ — малоруссовъ и бѣлоруссовъ, стало ея знаменемъ, и благодаря самимъ полякамъ — тѣмъ рычагомъ, которымъ наконецъ свороченъ былъ самый центръ тяжести польскаго государственнаго бытіа“. Общія причины паденія Рѣчи Посполитой онъ понимаетъ слѣдующимъ образомъ: „немногіе безпристрастные историки“, говоритъ онъ,—„сами приписываютъ паденіе Польши преимущественно внутреннему растлѣнію, полной гражданской и нравственной деморализаціи общества, особенно въ XVII вѣкѣ. Въ той же мѣрѣ слѣдуетъ отнести вину этого паденія къ католическому фанатизму и къ внутреннему безобразному гражданскому строю. Польское племя—безспорно одно изъ самыхъ талантливыхъ славянскихъ племенъ, но племя женственное, или по крайней мѣрѣ женственно-страстное, подвижное и легкомысленное; надѣленное блистательными качествами и дарованіями, оно какъ-то органически обдѣлено разсудительностью и здравымъ, особенно государственнымъ смысломъ и тактомъ“²⁾. Далѣе указывается на „католицизмъ въ самой злой, опасной фанатической своей формѣ—формѣ іезуитизма“, „исказившаго въ полякѣ его славянскую природу“, на государственный строй Польши, основанный „на преобладаніи какого-то аристократическаго начала въ формѣ демократической“, и т. д.³⁾. Изобразивъ внутреннее разложеніе Польши

¹⁾ Ibid., III, 570—571.

²⁾ Ibid., III, 572.

³⁾ Ibid., III, 573.

и сказавъ нѣсколько словъ о происхожденіи перваго раздѣла, авторъ продолжаетъ: „при этомъ Россія присоединила къ себѣ не польскія, а русскія земли, именно Бѣлоруссію, которая уже давно тянула къ ней и, безъ сомнѣнія, равно какъ и всѣ остальные русскія земли, даже и безъ всякаго раздѣла, согласно желанію народному, въ силу единовѣрія и единоплеменности, рано или поздно неминуемо слилась бы съ Россіей. Это воссоединеніе съ Россіей оторванныхъ отъ русскаго древняго единства русскихъ земель, произошло окончательно при второмъ и третьемъ раздѣлѣ, которые были уже естественнымъ послѣдствіемъ перваго. Въ этомъ воссоединеніи, вполнѣ законномъ, вполнѣ справедливымъ, нѣтъ не только ничего, чего бы мы могли стыдиться или смущаться, какъ это до сихъ поръ въ обычаѣ у нѣкоторой части русскаго общества, но совершенно наоборотъ: въ немъ исполненіе нашего народнаго долга и историческаго призванія. Одинъ грѣхъ тяготѣетъ на русской совѣсти, но грѣхъ впрочемъ вынужденный, по неволѣ, это—уступка древняго Галича Австріи... Предотвратить паденіе Польши Россія не могла. Съ отдѣленіемъ отъ Польши Украины и Бѣлоруссіи (а это должно было необходимо совершиться), она становилась слишкомъ слабою, и существованіе польскаго независимаго государства между тремя могущественными державами, при томъ государства неблагоустроеннаго, безпокойнаго, съ преданіями былого величія, съ притязаніями на прежнее политическое значеніе, съ ненасытною жаждою мести, дѣлалось немислимо. Россія не въ силахъ была ни предотвратить раздѣлъ, ни присоединить къ себѣ всего польскаго королевства (что было бы выгодно для польской національности). Она ограничилась только возвращеніемъ себѣ исконныхъ, русскихъ же земель, да присоединила, къ счастью, къ себѣ же по послѣднему раздѣлу (1795 г.) и Литву: лучше было, безъ сомнѣнія, что она досталась не Пруссіи, а Россіи“¹⁾.

Славянофильскій взглядъ на польскіе раздѣлы выраженъ еще въ извѣстномъ сочиненіи Данилевскаго „Россія и Европа“²⁾. Доказывая во второй главѣ этого историко-философскаго произведенія, что Рос-

¹⁾ Ibid., III, 574—575. Нельзя не отмѣтить здѣсь еще статью подъ заглавіемъ „Можетъ ли сравниться право Пруссіи на Познань съ правомъ Россіи на Западный край?“ Ibid., III, 527—532.

²⁾ Н. Я. Данилевскій. Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германо-романскому. С.-Пб. 1871. Изданіе исправленное и дополненное. Въ вышнемъ году эта книга появилась въ 3-мъ изданіи.

сія не можетъ быть названа завоевательнымъ государствомъ, авторъ указываетъ на то, что въ западномъ краѣ мы только возвращали свое ¹⁾). Первый раздѣлъ Польши онъ видитъ въ приобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ отъ Рѣчи Посполитой при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, но тогда Россія не взяла всего, что могла взять. „Раздѣлъ Польши“, говоритъ авторъ,—„на сколько въ немъ участвовала Россія, могъ бы совершиться уже тогда,—слишкомъ за сто лѣтъ ранѣе, чѣмъ онъ дѣйствительно совершился,—и, конечно, съ огромною для Россіи пользою, ибо тогда не бродили еще гуманитарныя идеи въ русскихъ головахъ (sic!); и край былъ бы закрѣпленъ за православіемъ русскою народностью прежде, чѣмъ успѣли бы явиться на пагубу русскому дѣлу Чарторыскіе“ ²⁾). Почему, спрашиваетъ онъ, оправдывая Екатерину,—то, чтò было законнымъ въ половинѣ XVII в. становится незаконнымъ къ концу XVIII? Разница въ томъ, что за эти сто лѣтъ Россія вступила въ политическую систему европейскихъ государствъ („имѣла счастье вступить“, выражается Данилевскій) и не могла возвратитъ себѣ „по праву ей принадлежавшаго“, не допуская къ раздѣлу Австрію и Пруссію. Въ уничтоженіи настоящей Польши „въ ея законныхъ предѣлахъ Россія не имѣла никакой выгоды“. „Не очевидно ли“, спрашиваетъ авторъ,—„что все, чтò было несправедливо въ раздѣлѣ Польши,—такъ сказать, убійство польской національности,—лежитъ на совѣсти Пруссіи и Австріи, а вовсе не Россіи, удовольствовавшейся своимъ достояніемъ, возвращеніе котораго не только составляло ея право, но и священнѣйшую обязанность“ ³⁾). „Если“, читаемъ мы черезъ двѣ страницы,—„при раздѣлѣ Польши со стороны Россіи была несправедливость, то она заключалась единственно въ томъ, что Галичъ не былъ воссоединенъ съ Россіей. Не смотря на все это, негодованіе Европы обрушилось всею своею тяжестью не на дѣйствительно виновныхъ,—Пруссію и Австрію,—а на Россію“ ⁴⁾). Далѣе Данилевскій касается уже настоящей Польши, частью которой, какъ онъ выражается, Россія, „къ несчастью, владѣетъ“, неся на себѣ „упрекъ въ неправомъ стяжаніи, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ Пруссіей и Австріей“, но владѣетъ не по завоеванію, а по сантиментальному великодушію. По Данилевскому, возстановленную На-

---

¹⁾ Ibid., 27 sq.

²⁾ Ibid., 29.

³⁾ Ibid., 30.

⁴⁾ Ibid., 32.

полеономъ Польшу слѣдовало предоставить прежней участи, а себѣ взять восточную Галицію ¹⁾). Въ другомъ мѣстѣ авторъ пишетъ, что „есть народы, заслуживающіе лишенія свободы, которую всегда употребляли во зло. Таковы“, поясняетъ онъ, — „поляки. Ненормальное отношеніе высшихъ классовъ къ низшимъ, неумѣніе охранять собственную народность, — а между тѣмъ стремленіе угнетать другія народности, лишая ихъ не только политической жизни, но и всякой свободы религіозной и бытовой, — смуты, производимыя въ сосѣднихъ государствахъ и наконецъ измѣна своему племени (?) достаточно доказали неспособность поляковъ къ государственной жизни... Только навязывать Польшу, дѣлать ее безвредною имѣла право одна Россія, противъ которой, равно какъ и противъ всего славянства, Польша постоянно была виновата. Каковы были на это права Австріи и Пруссіи—это другой вопросъ“ ²⁾).

Особое и весьма понятное отношеніе къ польскому вопросу имѣли писатели, представляющіе малорусскую точку зрѣнія, или такъ-называемые украинфильскіе писатели, споры которыхъ съ польскими авторами касались вообще трехъ главныхъ пунктовъ: происхожденія русскаго племени и національной принадлежности малоруссовъ, судьбы Малороссіи подъ польскимъ владычествомъ и, наконецъ, современныхъ отношеній польскаго панства къ малорусскому народу ³⁾). Для насъ, конечно, важнѣе здѣсь второй пунктъ, и вотъ какъ передаетъ эту полемику А. Н. Пыпинъ ⁴⁾:

„По мнѣнію польскихъ публицистовъ, національность „русиновъ“ не представляетъ опредѣленнаго характера, есть только „поле битвы между двумя соперничающими національностями“, ея прошедшее, ея стремленія и преданія склоняютъ ее гораздо больше къ польскому, чѣмъ къ московскому элементу, который она „всегда отбивала и отвергала“. Здѣсь Костомаровъ давалъ ясный и категорическій отвѣтъ... „Часть южно-русскаго народа“, говоритъ онъ, — „въ концѣ XIV столѣтія была покорена оружіемъ Польшы, а не добровольно съ ней соединилась. Другая, въ соединеніи съ великимъ княжествомъ литовскимъ, составляла государство русское какъ по характеру, такъ и по массѣ народонаселенія, и хотя въ XV вѣкѣ и въ

¹⁾ Ibid., 33.

²⁾ Ibid., 237.

³⁾ Пыпинъ. Польскій вопросъ въ русской литературѣ. *Вѣстн. Евр.* 1880, октябрь, 681, 687.

⁴⁾ Ibid., окт., 689—691.

первой половинѣ XVI на польскій престолъ выбирались великіе князья литовскіе, но это отнюдь не давало русско-литовскому государству видъ присоединенія къ Польшѣ. Дѣйствительное соединеніе совершилось уже въ 1569 г., на люблинскомъ сеймѣ. Съ русской стороны дѣйствующимъ классомъ народа, рѣшившимъ судьбу своего края, было одно дворянство.—Но и оно, въ окончательномъ рѣшеніи питало увѣренность въ особенности внутренняго политическаго быта своей земли. Когда великое княжество литовское соединялось съ Польшей на началахъ федеративныхъ, южная Русь присоединялась къ ней, какъ провинція; но и здѣсь дѣйствовало одно дворянство, и то не все: и въ немъ было противодѣйствіе и ропоть. Народа не спрашивали; за нимъ въ тѣ времена и не признавали права голоса; но его настроеніе скоро сказалося. Къ концу XVI в. уже появляются извѣстія о вооруженныхъ шайкахъ простонародья, нападавшихъ на шляхетскіе дворы и замки. „Вражда народа (далѣе опять слова Костомарова) къ дворянству и вмѣстѣ съ тѣмъ къ Польшѣ разрасталась, и ея проявленія дѣлались шире и грознѣе по мѣрѣ того, какъ это дворянство, безъ спроса у народа отдавшее южную Русь Польшѣ, стало принимать въ себя польскіе элементы и терять народность своихъ предковъ. Церковная унія и покушенія католичества на свободу древней отеческой вѣры еще болѣе раздражили народъ и даровали его противодѣйствію священное знамя религіи. Корпорация казаковъ стала зерномъ народной оппозиціи... Матехи слѣдовали за матехами... Это было выразительное заявленіе народной воли по вопросу о люблинской уніи... Окончательною функціею этого народнаго отзыва было соединеніе съ Великороссіей. Въ то время это было событіе всенародное, дѣло массы: Хмельницкій угадалъ ея побужденія“... Московская политика не умѣла пользоваться обстоятельствами и расположеніемъ малорусскаго народа, и западная часть южной Руси была уступлена Польшѣ. Но броженіе продолжалось, и такъ называемая коливщина снова напомнила о дѣйствительномъ настроеніи массъ относительно польскаго господства... „По присоединеніи къ Россіи, совершившемся въ концѣ XVIII вѣка, южнорусскій народъ надолго остался подѣ властью польскихъ помѣщиковъ, и правду надобно сказать, только силѣ русскаго правительства эти польскіе паны должны быть благодарны за безмятежное сохраненіе своей власти надъ древнерусскими землями и поработченными русскими земледѣльцами“. Только крестьянская реформа 1861 г. освободила южно-русскихъ крестьянъ отъ произвола пановъ и подаетъ

прочную надежду на окончательную сдачу въ архивъ трехвѣкового дѣла о заявленіи народной воли по вопросу о соединеніи Руси съ Польшею“.

„Споръ объ этихъ отношеніяхъ велся и ранѣе, и за нѣсколько лѣтъ до изданія журнала Основа (1861—1862 гг.) г. Кулишъ въ своихъ „Запискахъ о южной Руси“ помѣстилъ статью извѣстнаго польскаго критика Грабовскаго съ собственнымъ отвѣтомъ по вопросу объ отношеніяхъ старой Польши къ Малороссіи. Грабовскій защищалъ правительство старой Польши, и народныя возстанія малорусскія изображалъ какъ крестьянскіе бунты, какіе бывали повсюду въ Европѣ, и поводъ ихъ указывалъ никакъ не въ общемъ характерѣ Рѣчи Посполитой, а только въ частныхъ, личныхъ злоупотребленіяхъ“.

„Въ концѣ концовъ Костомаровъ считалъ всѣ эти историческія пререванія совершенно безплодными для опредѣленія отношеній современныхъ. Споры объ „историческихъ правахъ“ пора бросить... „На старыя договоры и межевыя записи уже и потому нельзя опираться, что послѣдующіе договоры и размежевки уничтожили дѣйствительность первыхъ: послѣдующіе такъ же точно опирались на силу, какъ прежніе въ свое время“.

Подъ властью Польши была не одна Малороссія: еще болѣе испытала на себѣ польское владычество Бѣлоруссія, и наша литература по польскому вопросу вслѣдствіе этого заключаетъ въ себѣ публицистическія произведенія, такъ сказать, специально бѣлорусскаго оттѣнка. Къ произведеніямъ, разсматриваемымъ въ этой главѣ, можно именно отнести книгу проф. Кояловича „Чтенія по исторіи западной Россіи“. Первоначально это были, дѣйствительно, лекціи, которыя проф. Кояловичъ читалъ въ 1864 г. въ Петербургѣ „въ небольшомъ обществѣ лицъ высшаго круга, пожелавшихъ ознакомиться съ исторіей этой страны, гдѣ тогда усмиралась польская смута“, какъ самъ авторъ объясняетъ происхожденіе книжки. Отношу разсмотрѣніе взглядовъ, выраженныхъ въ послѣдней, въ главу о публицистикѣ, во первыхъ, вслѣдствіе того, что „чтенія“ были непосредственно вызваны одною изъ злобъ дня первой половины шестидесятыхъ годовъ, а во вторыхъ потому, что въ нихъ историческій судъ преобладаетъ надъ историческимъ изслѣдованіемъ, по крайней мѣрѣ, въ той небольшой лекціи, которая посвящена паденію Рѣчи-Посполитой. Этоть-то судъ проф. Кояловича и необходимо здѣсь отмѣтить.

Первое изданіе „Чтеній по исторіи западной Россіи“ вышло въ свѣтъ въ 1864 г., третье—въ 1884 г., и въ послѣднемъ изданіи нѣ-

которыя чтенія, особенно касающіяся XVIII вѣка, были написаны вновь. Это—популярная исторія русско-польскихъ отношеній въ западномъ и югозападномъ краѣ: послѣ двухъ вступительныхъ главъ авторъ излагаетъ указанную исторію съ древнѣйшихъ временъ, причемъ эпохѣ паденія Рѣчи Посполитой посвящена особая глава (чтеніе XV), занимающая около 45 страницъ ¹⁾. Точка зрѣнія, съ какой смотритъ проф. Кояловичъ, опредѣляется самимъ авторомъ такимъ образомъ: „Исторія послѣднихъ временъ русско-польскаго государства состоитъ изъ двухъ, совершенно отдѣльныхъ и непримиримыхъ исторій. Впервыхъ, исторія верхняго слоя этого государства, исторія шляхетско-польская, тѣсно связанная своими элементами съ исторіей западной Европы и еще тѣснѣе съ дипломатіей сосѣднихъ государствъ... Другая исторія русско-польскаго государства послѣднихъ временъ—это исторія народная, западно-русская. На эту исторію писатели или вовсе не обращали вниманія, или видѣли въ ней лишь интригу русскаго правительства. Для насъ она имѣетъ особенное значеніе и мы увидимъ въ ней самое логическое развитіе прежней западно-русской исторіи. Между этими двумя исторіями паденія русско-польскаго государства, исторією польско-шляхетской и западно-русской, народной, есть очень и очень немногіе пункты общіе, и то не пункты сдѣлки между западно-рускимъ народомъ и шляхетскою Польшею, какъ мы видѣли, напримѣръ, при Хмѣльницкомъ или еще болѣе при Выговскомъ и Мазепѣ, а пункты борьбы, самой рѣшительной и неутомимой, при которой обѣ стороны уже совершенно расходились. Шляхетская Польша шла на западъ, западно-русскій народъ къ Россіи“ ²⁾. Разсказавъ далѣе вкратцѣ исторію русско-польскихъ отношеній въ XVIII вѣкѣ, авторъ останавливается нѣсколько подробнѣе на оживленіи происшедшемъ въ русскомъ народѣ Рѣчи Посполитой въ срединѣ этого столѣтія. „Начало этого новаго оживленія западной Россіи“, говоритъ онъ,—„тѣсно связано съ именемъ русской государыни Елисаветы Петровны, а необычайное развитіе его—съ именемъ другой русской государыни Екатерины II. Русское, православное направленіе жизни, обнаружившееся въ Россіи съ самаго начала царствованія Елисаветы Петровны, сейчасъ же стало

¹⁾ Приводится литература предмета: соч. Соловьева, Костомарова, Иловайскаго, затѣмъ „Исторія воссоединенія уніатовъ старыхъ временъ“ самого автора (1873 г.), „Исторія Замосецкаго собора“ Хрущевича (1880 г.) и „Апелляція къ папѣ Льву XIII“ о. І. Наумовича (1893 г.)

²⁾ Кояловичъ. Чтенія по исторіи западной Россіи. С.-Пб. 1884. Стр. 265—267.

отражаться во всей западной Россіи и возбуждало оживленныя надежды на лучшее будущее, а случайно вызванное въ Елисаветѣ (Разумовскимъ) вниманіе къ малороссамъ произвело точно завоеваніе западной Россіи, особенно Украины¹⁾. Начиная отсюда, изложеніе дѣлается подробнѣе, и, упомянувъ о возстаніи Желѣзняка, авторъ замѣчаетъ: „изъ исторіи даже новѣйшихъ временъ извѣстно, что нныя государства не только пользовались подобными смутами у сосѣдей, но даже возбуждали ихъ для своихъ цѣлей. Такъ, между прочимъ, та же Польша не только пользовалась нашими самозванческими смутами, и пробовала завоевать Россію, но несомнѣнно и возбуждала ихъ съ самаго начала. Русское государство временъ Екатерины II, несмотря даже на то, что Польшу тогда распатывалъ русскій же, православный народъ, составлявшій изъ древности достояніе Россіи и теперь жестоко страдавшій отъ Польши, не сочло позволительнымъ пользоваться для своихъ цѣлей такими бѣдствіями Польши. Оно, напротивъ, само возстало противъ уманскихъ гайдамаковъ...“²⁾ „Такимъ образомъ“, заключаетъ авторъ свой рассказъ о подавленіи гайдамацкаго возстанія,—„такимъ образомъ Екатерина II не только теперь устранилась, подобно Петру I, отъ разрѣшенія русско-польскаго вопроса по указаніямъ западно-русскаго народа и помогла Польшѣ покорить себѣ этотъ народъ, но поступила еще гораздо суровѣе, чѣмъ Петръ I. Но по примѣру же Петра I, Екатерина не нашла возможнымъ отступить отъ защиты важнѣйшей стороны жизни этого народа,—православія...“³⁾. Въ Украинѣ и значительной части Волны, казалось, вполне и окончательно возстановлялась русская православная жизнь и русское управленіе. Такимъ образомъ, народъ опять наводилъ русское правительство на рѣшеніе его гражданской участи. Ходили слухи, что такъ и будетъ. Въ то же время и политическія событія вынудили Екатерину взяться за гражданское разрѣшеніе русско-польскаго вопроса⁴⁾. По поводу перваго раздѣла Рѣчи Посполитой, къ которому и привели упомянутыя событія, авторъ говоритъ слѣдующее: „раздѣлъ этотъ произведенъ такъ, что Россіи досталась самая неплодородная часть русской Польши, восточная Бѣлоруссія, а самая богатая по землѣ и энергій народа Украина, къ наумленію и прискорбію русскаго населенія ея, осталась подъ

¹⁾ Ibid., 273—274.

²⁾ Ibid., 284.

³⁾ Ibid., 286.

властью Польши, и, что еще болѣе странно, къ этому раздѣлу привязалась держава, не положившая никакихъ трудовъ для усмиренія буйной Польши, именно, Австрія, получившая даромъ, къ великой обидѣ русскаго народа, Галицію, не выдававшуюся ни польской, ни даже русской смутой, хотя несомнѣнно тяготѣвшую и къ Украйнѣ, и къ Россіи вообще¹⁾).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи интересны соображенія автора „Чтеній“ о новыхъ смутахъ народныхъ, происходившихъ въ Рѣчи Посполитой въ эпоху четырехдѣтняго сейма. Между прочимъ, онъ указываетъ на то, что были и среди поляковъ люди, считавшіе нужнымъ облегчить положеніе хлоповъ. „Событія“, продолжаетъ проф. Кояловичъ,—, показали, что и среди вышеупомянутыхъ ревнителей широкой польской свободы крестьянская воля представлялась лишь какъ средство повредить Россіи. Они видѣли, и иные изъ нихъ прямо высказывали, что Россія владѣетъ умами и чувствами русскаго народа въ Польшѣ. Поэтому они думали, что если дать свободу русскому хлопцу въ Польшѣ, то можно не только оторвать его отъ Россіи, но идти съ нимъ воевать самую Россію и разрушить ее. Очевидно, они думали повторить пугачевскую исторію..... Вотъ подлинная исторія Польши того времени внизу, въ русскомъ народѣ этого государства. Изъ нея можно видѣть, каковы были задатки благъ жизни для этого народа и какіе въ ней были настойчивые для Россіи вызовы взяться опять за дѣла Польши и рѣшить ихъ по указаніямъ этой исторіи внизу, въ самомъ народѣ. Но, кромѣ этой ясной и указывающей безповоротное рѣшеніе русско-польскаго вопроса, была еще другая, польская исторія наверху, въ шляхетской средѣ, которая и тогда ослѣпляла у многихъ глаза для наблюденія и уразумѣнія дѣйствительнаго хода дѣлъ, и до сихъ поръ ослѣпляетъ²⁾. Послѣднія слова относятся главнымъ образомъ къ конституціи 3-го мая, о которой авторъ „Чтеній“ высказываетъ такое мнѣніе: „поляки превозносятъ свою майскую конституцію. Конечно, она имѣетъ достоинства, особенно въ сравненіи съ прежними порядками польской государственной жизни. Но считать ее образцомъ совершенства могутъ только одни польскіе шляхтичи. Въ ней сразу бросаются въ глаза два капитальныхъ недостатка. Въ ней нѣтъ свободы совѣсти. Латинство въ ней признается такъ же фанатически господствующимъ, какъ и въ старыя вре-

¹⁾ Ibid., 287.

²⁾ Ibid., 296.

мена. Иновѣрцамъ дается только частная, личная свобода въ предѣлахъ вѣротерпимости, очевидно, по подражанію вѣротерпимости въ Россіи, но гораздо уже ея, то-есть, безъ равноправности въ государственной средѣ. Затѣмъ, въ ней нѣтъ свободы хлопству. Допущено только облегченіе, напримѣръ, въ томъ, что хлопа нельзя было убить безнаказанно, какъ въ старыя времена. Но извѣстно, что это постановленіе сдѣлано было еще на радомскомъ сеймѣ и сдѣлано по настоянію представителя Россіи, князя Репнина¹⁾. Происхожденіе второго раздѣла авторъ видитъ именно въ притѣвленіяхъ, какимъ снова подвергся русскій хлопь, и въ попыткѣ четырехлѣтняго сейма дать русской церкви въ Рѣчи Посполитой новую организацію, которая „отрѣзывала бы хлопа отъ Россіи и въ дѣлахъ вѣры“. „Русское правительство“, говоритъ онъ,—„вполнѣ тогда сознавало и это свое право, и эту свою обязанность. Никогда прежде Екатерина II не дѣйствовала по отношенію къ Польшѣ съ такою рѣшительностью и въ такомъ русскомъ, народномъ направленіи, какъ теперь. Она быстро заняла русскія области Польши для окончательнаго присоединенія ихъ къ Россіи. Когда послѣдовалъ въ 1793 году такъ-называемый второй раздѣлъ Польши, то Екатерина велѣла отчеканить медаль съ изображеніемъ карты отнятыхъ областей и съ надписью кругомъ ея: „отторженное возвратихъ“. Эта надпись была справедлива въ томъ смыслѣ, что въ отнятыхъ теперь у Польши областяхъ не было ни одной мѣстности, не принадлежавшей когда-либо Россіи, и что въ этихъ областяхъ жизнь возстановлялась съ такою быстротой и силой, что не могло возникать никакого сомнѣнія въ прочности сліянія съ остальною Россіей этихъ, нѣкогда отторгнутыхъ и теперь возвращенныхъ областей. Но эта надпись не вѣрна въ томъ смыслѣ, что второй раздѣлъ не возвращалъ Россіи всѣхъ русскихъ областей Польши... Неестественность второго раздѣла Польши“, продолжаетъ авторъ,—„еще больше увеличена была самими поляками и дипломатіею того времени и увеличена до того, что совѣмъ закрыла собою живое историческое дѣло,—разрѣшеніе русско-польскаго вопроса“²⁾. Торговичская конфедерація своимъ протестомъ противъ политической реформы впутала въ дѣло дипломатію, особенно прусскую. „Такимъ образомъ, все дѣло второго раздѣла Польши, перенесенное въ область шляхетства и дипломатіи, переставало быть исключительно

¹⁾ Ibid., 297—298.

²⁾ Ibid., 298—299.

русскимъ дѣломъ, какимъ ему слѣдовало быть, обращалось въ общее дѣло сосѣдей Польши, и раздѣлу подвергалась уже и чисто-польская земля, съ польскимъ народомъ, на историческую гибель въ чужомъ, германскомъ мірѣ. Понятно, что разсматриваемый съ этой шляхетской и дипломатической точки зрѣнія второй раздѣлъ Польши представлялся дѣломъ измѣны дурныхъ поляковъ и еще больше дѣломъ дипломатическихъ интригъ и неправдъ“¹⁾.

Глава заканчивается такими словами: „Польша кончила свое старое существованіе. Самое имя ея было уничтожено. Надъ ней совершился историческій приговоръ, давно заявленный исторіей и давно требовавшій раздѣленія ея, какъ польско-русскаго государства на двѣ части: русскую и польскую. Это былъ неминуемый приговоръ. Но къ этому приговору, который могъ бы и не касаться политической жизни чисто польской части Польши, Пруссія прибавила свою давнюю страсть усиливаться западно-славянскими землями, а примѣру Пруссіи послѣдовала и Австрія, которая, какъ извѣстно, вся сложена изъ различныхъ кусочковъ и для которой все равно, какіе получаютъ кусочки чужой земли, лишь бы получались“²⁾.

Эти взгляды на паденіе Рѣчи Посполитой были отчасти повторены, отчасти дополнены въ другомъ, недавно вышедшемъ трудѣ автора „Чтеній по исторіи западной Россіи,“ именно въ „Исторіи русскаго самосознанія“, гдѣ проф. Кояловичъ касается паденія Польши въ главѣ, посвященной обзору дѣятельности С. М. Соловьева³⁾. Здѣсь онъ доказываетъ тезисъ, „что русское общество временъ Екатерины и сама Екатерина слишкомъ далеко стояли отъ народа и даже отошли отъ него дальше, чѣмъ были при Елизаветѣ“,—и лучшимъ доказательствомъ этого признаетъ то, какъ разрѣшился тогда польскій вопросъ „Екатерина“, говоритъ онъ,—„наслѣдовала отъ Елисаветы богатую подготовку для чисто русскаго, народнаго разрѣшенія польскаго вопроса. Елизавета твердо стояла на исторически приобрѣтенномъ Россіей правѣ защищать православныхъ польскаго королевства и своею народною политикою привлекла къ себѣ весь западно-русскій народъ“. Далѣе говорится, какъ быстро этотъ народъ „воскресалъ къ полной русской жизни“, какъ малорусское крестьянство „стало разрушать все

¹⁾ Ibid. 300.

²⁾ Ibid., 301.

³⁾ М. О. Кояловичъ. Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ. С.-Пб. 1884. Стр. 384—386.

польское и жидовское“. „Тѣмъ удобнѣе было“, продолжаетъ авторъ, — „русскому правительству взять въ свои руки народное движеніе, что оно началось во имя его и что въ то же время все панское и латинское сомкнулось въ союзъ противъ Россіи и православія въ такъ называемой барской конфедерации. Правительство Екатерины, дѣйствительно, взяло въ свои руки то и другое движеніе, но усмирило то и другое не для интересовъ Россіи. Страну, очищенную отъ барскихъ конфедератовъ и отъ гайдамаковъ, усмиренныхъ русскими войсками и даже передаваемыхъ на муки панамъ, оно оставило подъ властью Польши, а воспользовалось всѣмъ этимъ лишь косвеннымъ образомъ, — присоединило къ себѣ часть Бѣлоруссіи, дозволивъ Пруссіи и Австріи взять даромъ богатія провинціи съ запада и юго-запада“. По объясненію автора это „странное явленіе“ случилось потому, что политика, выражаясь его словами, затуманила тогда русскіе глаза. „Россія“, поясняетъ онъ, — „взялась защищать не прямо православныхъ Польши, а вообще такъ называемыхъ диссидентовъ, то-есть, православныхъ и протестантовъ вмѣстѣ. Это уже предрѣшало союзъ съ протестантской Пруссіей, за которую ввязалась и Австрія“. Другая причина такого разрѣшенія русско-польскаго вопроса была, по проф. Кояловичу, слѣдующая. „По той же страсти къ политикѣ“, говоритъ онъ, — „Екатерина вмѣшивалась въ чисто польскія дѣла и, воображая, что имѣетъ прочную партію въ Польшѣ, подкапывала всю Польшу въ пользу нѣмцевъ. Вмѣсто того, чтобы брать отъ Польши русскія области и защищать чистую Польшу отъ нѣмцевъ, Екатерина дѣйствовала такъ, что выходило на оборотъ: нѣмцы усильно добывали Польшу, а мы съ поразительною косностью возвращали свои русскія области“. На этомъ не кончается обвиненіе Екатерины. „По той же страсти къ политикѣ и пристрастію къ интеллигентной средѣ, Екатерина задумала посредствомъ Бѣлоруссіи упрочить за собою сочувствіе польской интеллигенціи вообще и съ этою цѣлью возстановила въ этой странѣ іезуитскій орденъ и ввѣрила ему воспитаніе юношества“. Кромѣ того, Бѣлоруссія „обнаружила“, какъ выражается авторъ, — „поражающую изнанку теоріи религіозной вѣротеримости: вслѣдствіе этой теоріи въ Бѣлоруссіи многіе десятки тысячъ русскаго народа, съ нетерпѣніемъ ждавшіе возстановленія русской власти, чтобы бросить насильно навязанную унию и возвратиться въ православіе, должны были оставаться въ униі“. Только второй раздѣлъ авторъ признаетъ совершеннымъ „въ гораздо болѣе русскомъ, народномъ направленіи. Унія снесена была съ лица земли. Екатерина,

продолжаетъ онъ,—сознавала, что дѣлаетъ русское дѣло и даже особеннымъ образомъ увѣковѣчила этотъ великій моментъ въ своей жизни, изобразивъ на медали карту присоединенныхъ областей съ подписью „отторженная возвратихъ“, что, впрочемъ, было невѣрно въ томъ смыслѣ, что не все, отторженное когда-либо Польшей, возвращено было Россіи и даже древнее русское княжество—Галиція—было отдано чужимъ—Австріи“. Извѣстно, что всю вину раздѣловъ Польши сваливаютъ на Россію, но эту вину нужно, замѣчаетъ авторъ, объяснять иначе, нежели это обыкновенно дѣлается. „Мысль о раздѣлѣ Польши на русскую и польскую части всегда жила въ русскомъ народѣ западной Россіи и со временъ Іоанна III высказывалась и въ восточной Россіи, а мысль о раздѣлѣ польской части Польши, принадлежитъ нѣмцамъ, и на Россію можетъ лишь падать славянской укоръ за содѣйствіе такому раздѣлу Польши“¹⁾.

Не перебирая всего, что у насъ писалось по польскому вопросу, такъ какъ глава эта и безъ того разрослась, мы остановимся еще на указанныхъ выше статьяхъ г. Пыпина, хотя онѣ и не имѣютъ строго-публицистическаго характера, относясь скорѣе къ области научной критики. Но именно это-то послѣднее обстоятельство и заставляетъ насъ обратиться къ названнымъ статьямъ: если у писателей славянофильской школы или у представителей малорусской и бѣлорусской народностей мы встрѣчаемся съ такими отгѣнками политической мысли, которые объясняются національнымъ субъективизмомъ,—хотя, повторяю, съ фактической стороны въ общемъ указанные авторы и правы,—то г. Пыпинъ именно желаетъ стать на объективно-научную точку зрѣнія, отрѣшенную отъ злобы дня. Съ его отношеніемъ къ вопросу можно познакомиться прежде всего изъ такихъ мѣстъ его статей, въ которыхъ онъ разсматриваетъ вообще, какъ къ данному вопросу у насъ относились въ послѣднее время. Вотъ что говоритъ онъ, напримѣръ, въ началѣ статьи „Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ“: „Общераспространенное въ нашей литературѣ представленіе объ отношеніяхъ Польши къ Россіи, какъ о вѣчной злостной „интригѣ“ и „коварствѣ“ (которымъ, наконецъ, придается чисто баснословный размѣръ), какъ, съ другой стороны, и польское представленіе о Россіи и „наѣздѣ“ заключаетъ въ себѣ обыкновенно одну грубую ошибку, при которой невозможно правильное пониманіе ни прошедшаго, ни современной дѣйствительно-

¹⁾ Ibid 387.

сти. Обѣ стороны упускаютъ изъ виду, что историческія и общественныя явленія имѣютъ всегда свою глубокую психологическую подкладку въ цѣломъ народномъ міровоззрѣніи, создающемся вѣками, что событія имѣютъ свою логику, что цѣлыя народы не могутъ быть „коварными“ и заниматься „интригой“, какъ, съ другой стороны, „наѣздъ“ не совершался по одному насилію для насилія. Относительно польскаго общества, у насъ рѣдко обращали вниманіе на то, хотя весьма простое соображеніе, что идеи, за которыя боролось это общество, рискуя самыми страшными опасностями, рискуя самымъ существованіемъ національности, что эти идеи бывали самымъ искреннимъ убѣжденіемъ цѣлыхъ общественныхъ массъ, убѣжденіемъ, которое имѣло и свои историческія основанія. Съ польской стороны долго не хотѣли видѣть (и теперь хотятъ видѣть только слишкомъ немногіе), что вмѣшательство Россіи въ судьбу польскаго народа было приведено весьма ясными причинами, въ ряду которыхъ крупнѣйшую роль играли внутреннія политическія ошибки самой Польши, что эти ошибки издавна (напримѣръ еще въ XVII вѣкѣ) были ясно сознаваемы въ средѣ самого польскаго общества и бывали даже съ большою энергіей высказываемы—при другихъ поводахъ — въ самой польской литературѣ. Когда начинается кризисъ, когда исторія сводитъ свои итоги, то поколѣнія данной минуты рѣдко бывають въ состояніи отнестись спокойно къ совершающимся событіямъ: фактъ настоящей минуты, опасность родины поглощаетъ всё ихъ чувства, наполняетъ ихъ энтузіазмомъ къ національному преданію и не дозволяетъ видѣть въ немъ какой-либо недостатокъ, въ его прошедшемъ—какую-либо ошибку, хотя въ другое время эта ошибка была уже видима; сторона побѣждающая столь же мало бываетъ способна относиться справедливо къ противнику, а иногда и правильно оцѣнить свое собственное дѣло. Взаимное уразумѣніе бываетъ возможно вообще только тогда, когда пройдетъ первая горячка раздора, когда спокойная мысль въ состояніи будетъ явиться на мѣсто страстнаго раздраженія; и такой мысли, конечно, слѣдуетъ равнѣе вступить въ свои права на той сторонѣ, которая не испытала горькаго чувства утраты и паденія. Эта спокойная мысль должна въ особенности обращаться къ анализу далекихъ историческихъ корней, какіе имѣетъ всякая обширная общественная идея. Наблюденіе историческаго процесса, съ одной стороны, можетъ объяснить источникъ современнаго явленія, указывать въ немъ органическіе элементы, а не одинъ произволь; съ другой, можетъ открыть явленія

иною порядкомъ, столь же органическія и законныя, которыя требуютъ себя мѣста въ политической и соціальной жизни: въ результатъ для разумныхъ руководителей общества является необходимость въ безпрепятственномъ уравниваніи общественныхъ элементовъ, имѣющихъ за собой жизненное право. И русская, и польская литература, весьма богатая полемикой и взаимными обличеніями, въ сожалѣнію, очень бѣдна такими трудами, которые были бы продиктованы этимъ чувствомъ исторической справедливости. Надо надѣяться,—и нѣкоторые отдѣльные факты обѣихъ литературъ подтверждаютъ эту надежду,—что болѣе отчетливое изученіе исторіи (если ему не помѣшаютъ какія-нибудь новыя общественныя тревоги) поможетъ развиваться научному, а затѣмъ общественному безпристрастію, которое можетъ стать залогомъ примиренія, нужнаго для обѣихъ сторонъ. Какъ до сихъ поръ обѣ эти стороны отыскивали одна въ другой лишь предметы антипатіи и ненависти, такъ со временемъ, мы думаемъ, для нихъ могутъ открыться предметы взаимнаго уваженія и сочувствія и, быть можетъ, окажется, что между ними есть гораздо больше точекъ соприкосновенія, чѣмъ онѣ предполагали, и, при всей несомнѣнной разницѣ національныхъ характеровъ и историческихъ положеній, можетъ найдтись почва для мирнаго сожителства въ интересѣ обѣихъ сторонъ¹⁾.

Однимъ словомъ, авторъ цитированной статьи стремится очистить вопросъ, подлежащій научному и историческому изученію, отъ тѣхъ ненаучныхъ примѣсей, которыя вносятся въ него какъ съ русской, такъ и съ польской стороны, или, употребляя его собственное выраженіе, поставить „спокойную мысль на мѣсто страстнаго раздраженія“. Нельзя не высказать здѣсь сочувствія основной идеѣ приведеннаго отрывка и вмѣстѣ съ тѣмъ не выразить желанія, чтобы именно по этому пути шла дальнѣйшая разработка исторіи русско-польскихъ отношеній, въ которой такое важное мѣсто принадлежитъ паденію Рѣчи Посполитой: какъ для внутренней исторіи польской націи фактъ этотъ имѣетъ значеніе общаго итога ея прежней исторіи и исходнаго пункта исторіи новѣйшей, такъ и въ русско-польскихъ отношеніяхъ этимъ фактомъ заключается одинъ періодъ и открывается другой.

Не возвращаемся къ статьямъ г. Пшнина. Ихъ автору приходится говорить о паденіи Польши лишь мимоходомъ, и тѣмъ не менѣе здѣсь стоить отмѣтить нѣкоторые его взгляды, въ которыхъ мы находимъ

1) *Вѣстникъ Европы*, 1886, февр., 726—727.

отвѣтъ на вопросъ, на сколько въ „возвращеніи отторженнаго“ играла роль русская національная политика, и насколько правы тѣ писатели, которые судили эту политику съ современной точки зрѣнія.

Въ одной изъ своихъ статей („Бѣлорусская этнографія“), изложилъ вкратцѣ исторію русско-польскихъ отношеній, г. Пыпинъ ставитъ и рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи русскаго правительства къ населенію „возвращенныхъ“ отъ Польши земель въ XVIII в. „Въ чемъ же“, спрашиваетъ онъ,—заключалось теперь отношеніе русскаго правительства (представлявшаго собою русское національное начало) къ народу юго-западной Россіи? Историки Малороссіи и Западной Россіи не разъ указываютъ въ этомъ отношеніи имперіи къ юго-западнымъ отраслямъ русскаго народа длинный рядъ недоразумѣній, взаимнаго непониманія, даже раздраженія, причеиъ это послѣднее могло съ полной силой высказываться только съ сильнѣйшей стороны. Въ этомъ недоразумѣніи дѣйствовали весьма различныя причины: политика прежнихъ вѣковъ мало думала о народныхъ массахъ и ихъ желаніяхъ; этими массами распоряжались, какъ чисто-служебною силою, распредѣляли ихъ по простому территориальному расчету, дѣлили земли, не обращая вниманія на желаніе или нежеланіе ихъ населеній; народныя стремленія играли при этомъ самую послѣднюю роль. Такимъ образомъ могло и теперь произойти, что въ раздѣлахъ Польши цѣлыя милліоны русскаго народа отошли въ руки Австрій, гдѣ они владѣли съ тѣхъ поръ странное и печальное существованіе. Популярныя исторіи нерѣдко обвиняютъ XVIII вѣкъ, или „петербургскій періодъ“, и его политику и дипломатію, не умѣвшія понимать „русскаго дѣла“, и т. п. Справедливость требуетъ добавить, что тѣ соображенія о „русскомъ дѣлѣ“, на которыя опираютъ теперь эти обвиненія, въ то время не существовали не только въ видахъ правительства, но и въ понятіяхъ самой массы русскаго общества, не говоря о русскомъ „народѣ“, не имѣвшемъ понятія о политическихъ дѣлахъ;—громѣ того, у самихъ проповѣдниковъ русскаго дѣла эти соображенія и въ настоящую минуту не отличаются особой ясностью и послѣдовательностью. Въ самомъ дѣлѣ, XVIII столѣтіе вообще не помышляло о томъ „народѣ“, интересъ котораго хотятъ теперь принимать такъ близко къ сердцу; „народъ“—это была подаявольная, служебная,—въ громадномъ числѣ и въ самой имперіи, и въ южномъ и западномъ краѣ, о которомъ шло дѣло,—прямо крѣпостная, масса, не имѣвшая никакого голоса, состоявшая и, по тогдашнему мнѣнію, долженствовавшая состоять подъ полной, исключительной опекой;

слишкомъ извѣстно, что въ самомъ русскомъ общественномъ строѣ другой взглядъ на этотъ предметъ, самая слабая попытка говорить въ защиту этого народа принималась за покушеніе противъ цѣлости государственнаго порядка,—и если положеніе вопроса было таково у себя дома, относительно народа, составлявшаго самую русскую имперію, то нельзя было ожидать, чтобы другая точка зрѣнія была примѣнена къ такому же крѣпостному народу другаго государства. Очевидно, что главной основой для дѣйствій правительства были здѣсь соображенія чисто внѣшнія, политическія. Съ точки зрѣнія „народной“,—даже какъ понимаютъ ее нынѣшніе популярныя историки и публицисты (которые далеко не всегда правы),—дѣло Польши и юго-западнаго русскаго края должно было бы рѣшиться въ XVIII вѣкѣ совершенно иначе, чѣмъ оно рѣшалось: Польша должна бы быть оставлена въ покоѣ въ ея этнографическихъ границахъ и у нея не должны были быть отнимаемы средства къ внутреннему преобразованію, которое предвидѣлось, а Россія могла бы стремиться только къ освобожденію того русскаго населенія, которое чувствовало нарушенными свои народныя и религіозныя требованія и права. Въ XVIII вѣкѣ о народности не думали вовсе, выдвигался на сцену вопросъ религіозный, защита правъ „диссидентовъ“, а главнымъ образомъ имѣлись въ виду цѣли политическія—уничтоженіе безпокойнаго сосѣда и увеличеніе государственной территоріи. Было чистою случайностью, что въ трехъ раздѣлахъ Польши на долю Россіи достались западныя и южныя земли, населенныя русскимъ племенемъ, а, напримѣръ, Пруссіи достались земли польскія и литовскія; причина была въ географическомъ положеніи земель,—въ другомъ углу бывшаго польскаго государства, по этой же географической причинѣ, Австрія получила два, три милліона русскаго населенія, совершенно однороднаго съ жителями Волыни и Подоля! Въ послѣднее время“, продолжаетъ г. Пыпинъ,—„въ оправданіе политики императрицы Екатерины доказываютъ, что мысль о раздѣлахъ принадлежала вовсе не русскому правительству, а Фридриху II, но вопросъ инициативы довольно безразличенъ, когда мысль была выполнена. Что касается до самаго русскаго народа и общества, о которыхъ надо вспомнить, если идетъ рѣчь о „народномъ вопросѣ“ юго-западнаго края, то, какъ мы замѣчали, они не имѣли здѣсь голоса, а, можетъ быть, и мнѣнія; народъ былъ безучастенъ къ событіямъ, слишкомъ отъ него далекимъ и мало понятнымъ, и носился съ своимъ собственнымъ тяжелымъ положеніемъ; общество было едва ли не столько же безучастно—оно не знало

дѣлъ западной Руси, съ которою не имѣло тогда никакихъ ближайшихъ соотношеній; единственное, что могло быть понятно, это — враждебный инстинктъ къ Польшѣ, который не проходилъ съ XVII вѣка и до нашихъ дней. Въ существѣ западно-русскаго движенія прошлаго вѣка, въ борьбѣ ослабѣвающей православнаго населенія противъ религиозныхъ притѣсненій, несомнѣнно бился живой историческій нервъ; происходившія событія имѣли несомнѣнное цѣльно-русское національное значеніе и съ полнымъ правомъ могли бы возбуждать интересъ въ обществѣ, себя сознающемъ и имѣющемъ возможность выражать свое сознаніе, — но того и другаго не было въ русскомъ обществѣ прошлаго вѣка, — и интересъ отсутствовалъ. Здѣсь опять, какъ во второй половинѣ XVII вѣка, мы встрѣчаемся съ фактомъ историческаго разъединенія и отчужденія: западная отрасль племени такъ долго жила отдѣльною жизнью, такъ долго была частью чужаго государства, что это разъединеніе и было понятно, а болѣе высокое представленіе о народной солидарности, о народномъ правѣ и т. п. не существовало. Какъ въ старину самыя настоящія русскія западнаго края были, по понятію людей Московскаго царства, „литовскіе люди“, такъ и теперь люди „бѣлорусскіе“ были порядочно чужды русскому обществу: исторія была мало знакома, народныя стремленія — мало вразумительны; „Бѣлоруссія“ была новая страна съ тѣми же помѣщиками и крестьянами; помѣщики были полки (не столько чистые поляны, сколько ополяченные старыя русскія землевладѣльцы), а въ этомъ качествѣ они именно и были близки русскому помѣщичьему обществу, какъ съ другой стороны, Бѣлоруссія доставляла новый матеріалъ для раздачи крестьянъ; здѣсь, какъ и въ Малороссіи, „освобождаемый“ отъ Польши русскій народъ оставался въ рукахъ польскихъ помѣщиковъ, и крѣпостное право упрочилось силою русской администраціи. Такимъ образомъ, воссоединеніе русскихъ земель имѣло, по преимуществу, характеръ политическій; онѣ подпали русскому административному распоряженію, но были еще далеки отъ національнаго сліянія: ни русскіе въ имперіи не считали этихъ земель тождественными съ Россіей, ни мѣстные русскіе не утратили своей бытовой и культурной особенности“ ¹⁾).

Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ г. Пыпинъ ссылается на извѣстныя намъ „Чтенія“ проф. Коляловича, гдѣ собрано достаточное количество фактовъ для оцѣнки характера, каковой имѣло присоеди-

¹⁾ Ibid., 1887, апрѣль, 654—657.

неніе Бѣлоруссіи. „Не смотря¹⁾, заключаетъ г. Пыпинъ свои ссылки, — на раздѣлы прошлаго столѣтія, прервавшіе старое польское владычество, этотъ край былъ такъ тѣсно связанъ съ Польшей прежнею исторіей и ея культурными вліяніями, что онъ и долго послѣ тянулъ къ Польшѣ въ той или другой степени, въ томъ или другомъ отношеніи. И, не смотря на то, что этотъ западный край былъ несомнѣнно русскій по массѣ своего населенія и историческому преданію и что, поэтому, его сліяніе съ русскимъ цѣлымъ представлялось весьма естественнымъ, — исторія этого воссоединенія указываетъ, что оно не было, однако, простымъ сліяніемъ тождественныхъ стихій: западная Русь нуждалась въ обезпеченіи своей церковной жизни и въ народномъ освобожденіи, — и, нашедши, до извѣстной степени, первое, долго не нашла втораго; что Россія, въ этихъ отношеніяхъ къ западному краю, руководилась гораздо менѣе чувствомъ національнаго единства, чѣмъ вѣдшими политическими соображеніями“¹⁾).

Автору не разъ приходится указывать на это явленіе. „Въ западномъ краѣ“, говоритъ онъ, напримѣръ, — „еще и послѣ паденія польскаго государства шла та же польская жизнь, въ иныхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, даже подкрѣпленная русскою властью. Такъ, напримѣръ, здѣсь какъ и на Украйнѣ, польское крѣпостное право надъ русскими крестьянами приобрѣло болѣе спокойную прочность; иезуитство было уничтожено въ 1773 г. въ Польшѣ, но въ областяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, оно было сохранено наперекоръ папской буллѣ, потому что иезуиты случили здѣсь выставить себя вѣрнѣйшими подданными, и въ то время, когда въ самой Польшѣ (до послѣдняго раздѣла) началось и сильно развивалось движеніе въ болѣе новомъ просвѣдательномъ духѣ, въ западномъ краѣ еще долго господствовала иезуитская школа въ старомъ духѣ. Высшіе классы оставались и подъ русскимъ владычествомъ тѣмъ же, чѣмъ были прежде, и судьба народа оставалась та же“²⁾). Указавъ на новое „воссоединеніе“ Бѣлоруссіи послѣ 1863 г., г. Пыпинъ замѣчаетъ, что „упомянутое воссоединеніе русской народности было, конечно, очень запоздалое; главныя части бѣлорусскаго края почти уже сто лѣтъ находились въ соединеніи съ имперіей, и можно было бы ожидать, что національные инстинкты раньше окажутъ свое дѣйствіе и произведутъ то сліяніе, о которомъ стали такъ много говорить съ 60-хъ годовъ“²⁾).

1) Ibid., апрѣль, 662—663.

2) Ibid., май, 225.

3) Ibid., май, 232.

Конечно, такія отношенія не могли пройти безслѣдно для дальнѣйшей исторіи „забранных“ краевъ, и только на почвѣ такихъ отношеній и возможно было полякамъ мечтать о границахъ 1772 г. „Нѣтъ сомнѣнія“, говоритъ авторъ по поводу возстанія 1863 г.,— „что самая возможность этихъ печальныхъ событій являлась слѣдствіемъ историческаго и этнографическаго недоразумѣнія, долго прикрывавшаго западно-русскій край и въ которомъ болѣе или менѣе повинны были обѣ стороны. Фактически польскій элементъ господствовалъ въ западномъ краѣ, какъ землевладѣльческій и культурно-бытовой; русскій народъ, со времени перваго раздѣла и вплоть до начала 60-хъ годовъ, до 19-го февраля 1861 г., былъ крѣпостнымъ, подвластнымъ населеніемъ, которое здѣсь, какъ и въ самой Россіи, не имѣло и не могло имѣть никакого голоса, никакой защиты ни своего гражданскаго, ни даже національнаго положенія. Въ теченіи почти ста лѣтъ послѣ паденія своего государства, польская часть населенія, высшій его классъ, привыкла считать себя хозяевами края, его гражданскими, интеллигентными представителями; никто ей въ томъ не противорѣчилъ, и хотя правительство сурово карало примѣры политическихъ протестацій, отголосковъ возстанія 1831 г., во власть охраняла крѣпостное право польскихъ или колонизованныхъ помѣщиковъ надъ русскимъ народомъ, и это питало иллюзію польскихъ патріотовъ, считавшихъ край польскимъ въ отношеніи національномъ“¹⁾).

Такимъ образомъ, и съ той точки зрѣнія, которая представляется въ нашей литературѣ г. Пыпинимъ, польскіе раздѣлы XVIII в. были возвращеніемъ къ Россіи русскихъ земель Рѣчи Посполитой, хотя при этомъ и обращается вниманіе на чисто политическій характеръ совершенныхъ Екатериною территоріальныхъ присоединеній отъ Польши. Отсюда то, что въ глазахъ современныхъ русскихъ писателей служитъ высшимъ оправданіемъ политики этой императрицы по отношенію къ Польшѣ, является какъ бы однимъ изъ случайныхъ результатовъ этой политики, мотивы коей были совсѣмъ иныя, но здѣсь же находятъ свое объясненіе и та сторона этой самой политики, которая нашими писателями болѣе или менѣе осуждалась.

Приведенныя въ этой главѣ историческія воззрѣнія остаются весьма мало извѣстными русской, а тѣмъ болѣе польской публикѣ.

¹⁾ Ibid., июль, 640—641.

Послѣдняя вообще мало знакома съ тѣмъ, что дѣлается въ русской литературѣ, наша же публика, интересующаяся статьями по польскому вопросу, главное вниманіе обращаетъ на современное положеніе дѣлъ. Притомъ и приведенныя мною мѣста представляютъ изъ себя большею частію незначительныя отрывки историческаго содержанія, вставленные въ публицистическія статьи по текущимъ вопросамъ, вслѣдствіе чего и могли быть мало замѣченными при чтеніи. Вотъ почему мы нашли удобнымъ привести какъ можно больше выдержекъ, а теперь считаемъ необходимымъ подвести нѣкоторые общіе итоги.

Польскіе и иностранные писатели всегда отождествляли Польшу, какъ народъ, съ Польшею, какъ государствомъ, и главною идеей русскихъ публицистовъ сдѣлалось разъединить эти два понятія, для чего научную основу дали труды по исторіи юго- и сѣверо-западной Россіи и по этнографіи ея народонаселенія въ настоящее время. Съ этой точки зрѣнія польскіе раздѣлы были, по крайней мѣрѣ, одною своею стороною только освобожденіемъ русскаго населенія Рѣчи Посполитой отъ польской государственной власти, хотя населеніе это до 19-го февраля 1861 г. и оставалось подъ польскою властью—помѣщичьей. Русскіе писатели для освѣщенія русско-польскихъ отношеній обращаются къ временамъ болѣе равнымъ, нежели эпоха Петра Великаго, и тамъ ищутъ зародыша раздѣловъ—въ политикѣ ли собирателей Русской земли, или въ народной волѣ русскаго элемента въ Рѣчи Посполитой. Къ тѣмъ воззрѣніямъ, которыя на почвѣ такихъ соображеній возникали у публицистовъ славянофильскаго или неславянофильскихъ направленій, къ воззрѣніямъ общерусскаго характера нужно присоединить болѣе спеціальныя малорусскую и бѣлорусскую точки зрѣнія, въ которыхъ именно преобладаетъ опредѣленіе отношеній, въ какихъ находилась польская Рѣчь Посполитая къ своимъ малорусскимъ и бѣлорусскимъ подданнымъ. Такъ какъ вслѣдствіе колонизаціи верхнихъ слоевъ русскаго народа въ Рѣчи Посполитой различіе между полякомъ и русскимъ совпадало съ различіемъ между паномъ и хлопомъ, бывшими притомъ разныхъ вѣрѣ, изъ коихъ одна угнеталась другою, то весьма естественно, что русскіе писатели должны были обратить особое вниманіе на социальныя и религіозныя отношенія въ шляхетско-католической республикѣ. Такъ какъ наша публицистика и исторіографія по польскому вопросу, вызванныя главнымъ образомъ событіями 1863 г., возникли въ эпоху, когда Россія у себя освобождала крестьянъ, то этотъ великій актъ, породившій у насъ обширную литературу по

крестьянскому вопросу, отразился и на нашей литературѣ по польскому вопросу—въ признаніи того важнаго значенія, какое имѣло для самого политическаго бытія Польши положеніе въ ней народныхъ массъ. Конечно, на это указывали и въ самой Польшѣ и на западѣ Европы еще въ XVIII вѣкѣ, но тамъ крестьянскій вопросъ въ Рѣчи Посполитой не выдвигался съ такою силою на первый планъ при обсужденіи причинъ паденія Польши, какъ у насъ. Въ XVIII вѣкѣ гораздо болѣе шуму надѣлалъ вопросъ диссидентскій, но и для него русская литература по польскимъ дѣламъ создала новую постановку, хотя послѣдняя принимаетъ иногда вѣроисповѣдннй характеръ, что мы видѣли, напримѣръ, у славянофиловъ. Впрочемъ въ сужденіяхъ писателей этой школы о „полонизмѣ“ и „латинствѣ“ нельзя не отмѣтить, кромѣ вѣроисповѣднаго субъективизма, стремленіе къ апіорному построению всей исторіи русско-польскихъ отношеній изъ основъ особой теоріи о противоположности греко-славянскихъ и романо-германскихъ началъ, хотя это не мѣшаетъ однако признать, что въ общемъ фактическія отношенія Россіи и Польши представлены у нихъ вѣрно.

Съ тѣхъ точекъ зрѣнія, на которыя становятся русскіе публицисты при рассмотрѣніи польскихъ раздѣловъ, многое въ политикѣ, приведенной къ этимъ раздѣламъ, весьма естественно подвергается осужденію: дѣла шли не такъ, какъ имъ слѣдовало бы идти. Между взглядами образованныхъ русскихъ людей второй половины XIX в. и русскихъ государственныхъ дѣятелей XVIII вѣка, то-есть, между взглядами судей и тѣхъ, которые подвергаются суду, разница—та, что одни исходятъ изъ понятія народной массы, народа въ національномъ и социальномъ смыслахъ, тогда какъ другіе имѣли въ виду государство и политическія отношенія, господство надъ сосѣдомъ или прирѣзку отъ него территоріи съ извѣстнымъ количествомъ душъ,—разница, вообще объясняющаяся различіемъ временъ нашего и тогдашняго. При судѣ въ исторіи это необходимо брать въ расчетъ не для того, чтобы защищать, оправдывать и обѣлять обвиняемыхъ, а для того, чтобы самое обвиненіе знало настоящую мѣру. Съ другой стороны, иногда высказывались взгляды, при которыхъ, такъ сказать, не принимаются въ расчетъ условія, въ какихъ приходилось рѣшать въ XVIII вѣкѣ русско-польскій вопросъ: безъ дипломатіи обойтись было нельзя, Пруссію и Австрію отъ вмѣшательства устранить было нельзя. Другой вопросъ—не было ли сдѣлано дипломатическихъ ошибокъ и на сколько Пруссія или Австрія перекинули нашу

политику въ этомъ дѣлѣ. Съ этими оговорками можно принять однако многія замѣчанія, сдѣланныя относительно политики Екатерины, не столько впрочемъ ради ея обвиненія, сколько ради выясненія настоящаго характера этой политики, ея мотивовъ, ея отношенія къ старой московской политикѣ, къ желаніямъ и нуждамъ той части населенія Рѣчи Посполитой, за которую она заступалась и которая поступала въ русское подданство, благодаря раздѣламъ, и т. д. Сопоставляя приобрѣтенія, сдѣланныя Екатериною II отъ Рѣчи Посполитой, съ завѣтными стремленіями московскихъ собирателей Руси, мы видимъ въ польскихъ раздѣлахъ завершеніе вѣковаго историческаго процесса, но настоящіе мотивы политики, приведшей къ этому результату, имѣли весьма мало общаго съ русскимъ дѣломъ, вслѣдствіе чего политическое соединеніе юго-западной Россіи съ Русскимъ государствомъ ничѣмъ почти не ознаменовалось для русскаго народа, освобождавшагося отъ Рѣчи Посполитой.

Большинство нашихъ публицистовъ обсуждаетъ поведеніе Россіи въ польскихъ раздѣлахъ и съ нравственной точки зрѣнія. Кромѣ соображенія, общаго и многимъ иностраннымъ писателямъ, что Польша сама себя погубила, главный доводъ въ пользу Россіи тотъ, что она возвращала себѣ древнія русскія области: она имѣла на нихъ право, и вопросъ былъ только въ способъ возвращенія. Въ вину Россіи названные русскіе писатели ставятъ то, что она допустила раздѣлъ самой этнографической Польши между нѣмцами, коимъ отдана даже и часть русской земли. Выѣстъ съ этимъ, однако, нельзя не обратить вниманія на встрѣчающуюся у тѣхъ же писателей мысль, что этнографическая Польша безъ русскихъ земель, которымъ естественно было слиться съ Россіей, не могла бы существовать, какъ вполне самостоятельное государство, между такими державами, какъ Россія, Австрія и Пруссія.

Н. Каръевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Въ какомъ году крестился св. Владимиръ?

О мѣстѣ и времени крещенія св. Владимира и о годѣ крещенія кіевлянъ. *В. Завитневича*. Кіевъ. 1888.

Профессоръ Завитневичъ, въ виду предстоящаго празднованія девяти-сотлѣтней годовщины крещенія Руси, взялъ на себя трудъ рассмотреть русскія, греческія и арабскія извѣстія о мѣстѣ и времени крещенія Владимира святаго и о годѣ крещенія кіевлянъ и въ выше назван-ной брошюрѣ (отдѣльный оттискъ изъ Трудовъ Кіевской духов-ной Академіи 1888 года № 1) пришелъ къ выводу, что Владимиръ крестился въ Кіевѣ въ 987 г., а кіевляне были крещены въ 990 г.

Этотъ выводъ несогласенъ съ показаніями нашей древнѣйшей, Не-сторовой лѣтописи, которая относитъ крещеніе Владимира и кіев-лянъ къ одному и тому же 988 г. и называетъ Корсунъ мѣстомъ крещенія святаго князя. Но г. Завитневичъ считаетъ нашу лѣ-топись не заслуживающимъ довѣрія источникомъ и игнорируетъ ея показанія. Хотя мы держимся почти противоположнаго взгляда на лѣтопись и думаемъ, что при нѣкоторомъ умѣнши отнестись крити-чески къ ея даннымъ, можно выдѣлить изъ нея много вполне досто-вѣрныхъ свѣдѣній, тѣмъ не менѣе мы послѣдуемъ примѣру г. Завит-невича и оставимъ въ сторонѣ лѣтопись. „Изъ писателей, оставившихъ намъ свѣдѣнія по разсматриваемому вопросу“, говоритъ авторъ,— первое мѣсто, конечно, должно быть отведено двумъ русскимъ: Іакову Мниху, написавшему „Похвалу“ князю Владимиру и „Сказаніе страстей и похвалу объ убьеніи святуу мученику Бориса и Глѣба“, и преподоб-

ному Нестору Печерскому, написавшему „Чтеніе о житіи погубленіи блаженную страсготерпицу Бориса и Глѣба“. По общему мнѣнію всѣхъ ученыхъ, оба эти писателя, какъ лица, ближайшія по своей жизни ко времени Владимира (оба—современники сына его Ярослав), имѣли полную возможность знать истину и не имѣли никакого повода на мѣрно исказить ее. Ясно, что изслѣдователь, желающій узнать настоящую историческую правду, показанія этихъ писателей долженъ положить въ основаніе своихъ розысканій“. И такъ, авторъ хочетъ основываться на трехъ древне-русскихъ произведеніяхъ—на „Похвалѣ“ Владимиру—Іакову Мниха, на „Сказаніи“ о Борисѣ и Глѣбѣ и на „Чтеніи“ о Борисѣ и Глѣбѣ—Нестора. Изъ нихъ первое несомнѣнно принадлежитъ Іакову Мниху, но мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о томъ, когда жилъ этотъ писатель. Мнѣніе, что онъ—тотъ Іаковъ, котораго Феодосій Печерскій хотѣлъ назначить своимъ преемникомъ, не имѣетъ за себя никакихъ данныхъ и есть не что иное, какъ ни на чемъ не основанная догадка. Старанія „Похвалы“ оправдать канонизацію Владимира и уничтожить сомнѣнія въ его святости („не дивимся, возлюбленніи, аще чудесь не творить по смерти“) показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ едва ли не того времени, когда Владиміръ былъ канонизованъ нашею церковью, то-есть, конца XII или начала XIII столѣтія, слѣдовательно, съ памятникомъ, уступающимъ въ древности нашей лѣтописи. Іаковъ Мнихъ, очевидно, не зналъ лѣтописи и пользовался какимъ-то другимъ, кажется, очень важнымъ источникомъ, который намъ неизвѣстенъ, вслѣдствіе чего мы можемъ дѣлать только догадки объ отношеніи „Похвалы“ къ этому источнику и о способѣ Іакова имъ пользоваться. Второе произведеніе, на которомъ основываетъ свои выводы г. Завитневичъ, „Сказаніе“ о Борисѣ и Глѣбѣ, принадлежитъ неизвѣстному автору. Личность этого послѣдняго мы не въ состояніи опредѣлить, но можемъ вмѣстѣ съ г. Иловайскимъ сказать, что онъ—лицо отличное отъ Іакова Мниха, и что онъ жилъ позже нашего перваго лѣтописца ¹⁾. Его произведеніе по своему изложенію (не лишенному изящества) не представляетъ ни малѣйшаго сходства съ „Похвалою“ Іакова; оно въ своей главной части есть не что иное, какъ извлеченіе изъ лѣтописи, къ которому авторъ прибавилъ отъ себя цитаты изъ Священнаго Писанія, молитвы святыхъ князей и свѣдѣнія о ихъ чудесахъ и перенесеніи ихъ мощей при Владимірѣ Мономахѣ. Послѣд-

¹⁾ Исторія Россія, I, 313.

ное упоминается лѣтописью (по Лаврентьевскому списку) подъ 1115 г., послѣ известной приписки Сильвестра, слѣдовательно, не въ Несторовой лѣтописи, а въ ея продолженіи, въ такъ-называемой Кіевской лѣтописи. Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что старшій списокъ „Сказанія“ (въ Успенскомъ сборникѣ) относится къ XII в. или, самое большее, къ первой половинѣ XIII вѣка, показываетъ, что авторъ „Сказанія“ или былъ младшимъ современникомъ нашего перваго лѣтописца, или принадлежалъ уже къ слѣдующему за нимъ поколѣнію. Третье приведеніе— „Чтеніе“ о Борисѣ и Глѣбѣ—памятникъ несомнѣнно важный. Его авторъ—Несторъ діаконъ, лицо отличное отъ преподобнаго Нестора лѣтописца, упоминаемаго въ Печерскомъ Патерикѣ и, вѣроятно, составителя нашей древнѣйшей лѣтописи,—былъ младшимъ современникомъ этого послѣдняго. Онъ упомянулъ о Владимірѣ нѣсколько разъ почти мимоходомъ и при этомъ показалъ, что онъ, говоря о Владимірѣ, пользовался не лѣтописью, а какимъ-то другимъ намъ неизвѣстнымъ источникомъ, о достоинствѣ котораго мы не можемъ судить.

Что же говорить эти три источника, всѣ уступающіе въ древности нашей первой лѣтописи?

Ни одинъ изъ нихъ не называетъ мѣста крещенія Владимира. Іаковъ Мнихъ, сказавъ о томъ, что Владиміръ „умыслилъ“ на Корсунь, влагаетъ ему въ уста молитву: „Господи Боже, Владыко всѣхъ, сего у тебе прошу, даси ми градъ, да приму и и да приведу люди крестьяны и попы на свою землю, и да научать люди закону крестьянскому“. Г. Завитневичъ дѣлаетъ отсюда заключеніе, что Владиміръ до взятія Корсуни былъ уже христіаниномъ. Оно было бы основательнымъ, еслибъ Іаковъ не изображалъ Владимира расположеннымъ къ христіанству съ самаго дѣтства и не указывалъ на то, что „благодать Божія просвѣщаше сердце его и рука Господня помогаше ему“ при войнахъ съ вятичами, радимичами, ятвягами и др., задолго до похода на Корсунь, и еслибъ у Іакова, вслѣдъ за приведенною нами молитвою, не было сказано: „и послуша Богъ молитвы его, и прія градъ Корсунь,.... и посла къ нимъ (Греческимъ царямъ), прося у нихъ сестры оженитися, да ся бы больма на крестьянскій законъ направилъ“. Послѣднія слова: „чтобы болѣе утвердиться въ христіанствѣ“, „чтобы совсѣмъ утвердиться въ христіанствѣ“, показываютъ, что Владиміръ, по Іакову, при всемъ своемъ сочувствіи къ христіанству, послѣ взятія Корсуни, до самой женитьбы на греческой царевнѣ, не былъ христіаниномъ, то-есть, не былъ крещенъ.

И такъ, главные источники г. Завитневича вовсе не указываютъ на Кіевъ, какъ на мѣсто крещенія нашего князя, и ни мало не препятствуютъ намъ вѣрить разказу нашей древней лѣтописи.

Годъ крещенія Владимира такъ или иначе указанъ во всѣхъ трехъ источникахъ. Іаковъ Мнихъ говоритъ, что Владимиръ, умершій въ 1115 г., „по святомъ крещеніи поживе лѣтъ 28“. „Сказаніе“ о Борисѣ и Глѣбѣ почти повторяетъ слова Іакова; въ немъ мы читаемъ: Владимиръ умеръ „минушемъ лѣтомъ 28 по святѣмъ крещеніи“. Несторъ діаконъ называетъ годомъ крещенія 987 годъ. Г. Завитневичъ, опредѣляя годъ крещенія по Іакову, предполагаетъ, что въ его 28 годахъ вужно видѣть ровно 28 лѣтъ—не больше и не меньше, и потому отсчитываетъ эти 28 лѣтъ отъ 15-го іюля 1015 года по точнымъ правиламъ ариметики. Конечно, у него получается 987 годъ. Но древне-русскіе люди были мало знакомы съ именованными числами и производили дѣйствія съ ними не по ариметическимъ правиламъ, а какъ-нибудь проще, вѣроятно, по пальцамъ; при этомъ, высчитывая годы отъ событія до событія, они обыкновенно включали въ ихъ число оба года, въ которые совершились эти событія. Поэтому нашъ древній лѣтописецъ въ извѣстномъ хронологичекомъ перечнѣ опредѣлялъ количество лѣтъ княженія Русскихъ князей, считавъ всѣ годы съ года вступленія на столъ по годъ смерти включительно. Такъ, Ярополкъ по перечню княжилъ 8 лѣтъ, Ярославъ—40 лѣтъ, хотя изъ лѣтописнаго разказа видно, что первый былъ убитъ на 8-мъ году, прежде чѣмъ исполнилось цѣлыхъ 8 лѣтъ княженія, а второй умеръ на 40-мъ году, опять прежде истеченія 40 лѣтъ княженія. Потому же нашъ первый лѣтописецъ сказалъ, что сынъ Владимира Судиславъ сидѣлъ въ порубѣ 24 года, хотя его даты—дата заключенія въ порубъ 1036 годъ и дата освобожденія 1059 годъ—показываютъ, что онъ сидѣлъ только 23 года и былъ освобожденъ въ 24-мъ. Потому же авторъ Кіевской лѣтописи сказалъ, что Владимиръ Мономахъ, жилъ 73 года, хотя видѣлъ, что онъ не прожилъ полныхъ 73 лѣтъ (1125—1053 гг.), то-есть, умеръ на 73-мъ году жизни. Въ виду такого способа опредѣленія количества лѣтъ между двумя событіями, мы должны, чтобъ узнать годъ крещенія Владимира по Іакову, вычесть изъ 1015 не 28, а 27, и признать искомымъ годомъ 28-й—988 годъ, то-есть, тотъ годъ, подъ которымъ говорится о крещеніи въ лѣтописи. Этотъ годъ находить себѣ подтвержденіе въ дальнѣйшихъ показаніяхъ Іакова, если мы ихъ сопоставимъ съ показаніями лѣтописными. Онъ указываетъ, что городъ Переяславль

былъ основанъ „на пятое лѣто“ по крещеніи, то-есть, въ 992 году; лѣтопись по древнѣшему и наиболѣе авторитетному списку—Лаврентьевскому—помѣщаетъ это событіе подъ тѣмъ же годомъ; онъ говоритъ, что десятина для Десятинной церкви была установлена Владиміромъ въ „девятое лѣто“ по крещеніи то-есть, въ 996 году; лѣтопись по всѣмъ спискамъ помѣщаетъ установленіе десятины также подъ 996 годомъ ¹⁾. Только одно указаніе Іакова не подтверждаетъ 988 года, какъ года крещенія. Онъ говоритъ, что Владиміръ крестился въ „десятое лѣто“ по убіеніи Ярополка, случившемся, какъ сообщаетъ лѣтопись, вскорѣ послѣ занятія Владиміромъ Кіева. Но это указаніе не противорѣчитъ 988 году, такъ какъ намъ не извѣстно, къ какому году источникъ Іакова относилъ смерть Ярополка; весьма возможно, если принять во вниманіе обстоятельства, описанныя въ лѣтописи, что занятіе Кіева Владиміромъ, случившееся по Іакову въ 978 году, произошло значительно раньше, чѣмъ убіеніе Ярополка, приблизительно за годъ, и источникъ Іакова относилъ смерть Ярополка къ 979 году. Что касается до другихъ источниковъ, то изъ нихъ одинъ, „Сказаніе“ о Борисѣ и Глѣбѣ, какъ основанный на лѣтописномъ разказѣ, указываетъ только на то, что мы правильно понимаемъ 28 лѣтъ „Похвалы“ Іакова: авторъ „Сказанія“ имѣлъ передъ собою лѣтописныя цифры годовъ 988 и 1015 и пространство между ними опредѣлилъ въ 28 лѣтъ; другой—„Чтеніе“ Нестора—мимоходомъ упоминаетъ, что крещеніе Владиміра имѣло мѣсто въ 987 году, и мы не думаемъ, чтобы его случайная замѣтка могла заслуживать предпочтеніе передъ датой Іакова, тѣмъ болѣе, что послѣдняя есть также дата лѣтописи.

И такъ, одинъ изъ источниковъ г. Завитневича, которому онъ придаетъ огромное значеніе, по нашему мнѣнію, даже большее, чѣмъ онъ заслуживаетъ, „Похвала“ Іакова, относитъ крещеніе Владиміра къ лѣтописному 988 году: другой, „Чтеніе“ Нестора,—къ 987 году. Г. Завитневичъ въ своихъ вычисленіяхъ основывается, главнымъ образомъ, на „Похвалѣ“, и потому его годъ крещенія Владиміра—987 годъ—является результатомъ простой ошибки.

¹⁾ Опредѣляя 5-й, 9-й и 10-й годъ, мы принимаемъ за первый годъ—самый годъ событія, согласно съ древне-русскимъ способомъ вычисленія, употребленнымъ, между прочимъ, въ нашей древней лѣтописи. Въ ней, напримѣръ, упоминается о томъ, что жена Яня, Яневая, умерла въ 18-й годъ по смерти Θεодосія Печерскаго. Смерть ея упомянута подъ 1091 г., а смерть Θεодосія подъ 1074 г.; следовательно, за первый годъ принять годъ смерти Θεодосія.

О времени крещенія кіевлянъ ни одинъ изъ трехъ источниковъ г. Завитневича не упоминаетъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что крещеніе кіевлянъ имѣло мѣсто послѣ крещенія Владимира, то-есть, не раньше 988 года; можно думать согласно съ лѣтописью, что Владимиръ успѣлъ воротиться въ Кіевъ и крестить жителей своей столицы въ тотъ же годъ¹⁾; можно думать, что это случилось въ слѣдующемъ 989 году; но трудно, съ достаточнымъ вѣроятіемъ, считать кіевлянъ крестившимися въ 990 г., какъ дѣлаетъ г. Завитневичъ. Его мнѣніе основано, главнымъ образомъ, на одной подробности „Похвалы“ Іакова. Въ ней, послѣ разказа о взятіи Корсуни Владимиромъ и о женитьбѣ его на греческой царевнѣ съ цѣлію окончательнаго принятія христіанства, мы читаемъ: Владимиръ „въ третьемъ лѣтѣ (по крещеніи) Корсунъ городъ взя“. Г. Завитневичъ полагаетъ, что Владимиръ сначала крестился, потомъ отправилъ войско на помощь Византіи противъ бунтовщика Варды Фоки, потомъ взялъ Корсунъ, потомъ женился и, наконецъ, крестилъ кіевлянъ, и что походъ на Корсунъ случился черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ крещенія Владимира; но приведенная подробность „Похвалы“ не получаетъ себѣ черезъ это объясненія. Іаковъ весьма ясно отличаетъ взятіе Корсуни Владимиромъ-язычникомъ отъ взятія имъ Корсуни „на 3-е лѣтѣ“ по крещеніи, и потому желающіе, подобно г. Завитневичу, вѣрить „Похвалѣ“ Іакова во всѣхъ ея подробностяхъ должны допустить два похода Владимира на Корсунъ и двукратное взятіе имъ этого города. Что же касается до насъ, то мы позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что Іаковъ въ своемъ извѣстіи о взятіи Корсуни на третій годъ по крещеніи дурно воспользовался своимъ древнимъ источникомъ, смѣшавъ два Корсуни, греческій и русскій, и сообщивъ о взятіи Владимиромъ греческаго Корсуни въ то время, къ которому въ источникѣ было отнесено основаніе Владимиромъ Корсуни на рѣкѣ Роси, упоминаемаго въ лѣтописи въ XII в., но

¹⁾ Мы не знаемъ, когда именно выступилъ Владимиръ въ походъ для осады Корсуни. Если принять во вниманіе, что онъ могъ выступить не изъ Кіева, а изъ соседней съ Корсунемъ Тмуторокани, то нѣтъ основанія относить начало похода непременно къ веснѣ 988 г.: оно могло быть и раньше. Равнымъ образомъ, намъ неизвѣстно, сколько времени продолжалась осада города. Шестъ мѣсяцевъ, о которыхъ упоминаетъ приписываемое (безъ всякаго основанія) Іакову житіе Владимира, не находятъ себѣ подтвержденія въ источникѣ этого житія—въ лѣтописи, разказъ которой, въ сокращеніи, составилъ главную часть житія и такимъ образомъ представляется внушающимъ очень мало довѣрія.

основаннаго, безъ сомнѣнія, Владимирою вскорѣ послѣ взятія его греческаго соименника.

Итакъ, мы должны отнестись отрицательно къ установленному г. Завитневичемъ году крещенія кievлянъ — 990 г., какъ не имѣющему за себя никакихъ данныхъ.

Мы не будемъ долго останавливаться на извѣстіяхъ иноземныхъ писателей о Владимірѣ, почерпнутыхъ г. Завитневичемъ изъ статей проф. Васильевскаго. Главные изъ этихъ источниковъ, на нашъ взглядъ, ни мало не подтверждаютъ выводовъ г. Завитневича и не противорѣчатъ показаніямъ „Похвалы“ Іакова. Изъ нихъ арабскій писатель конца X—начала XI в. Яхья разказываетъ, что начальникъ греческихъ войскъ въ Малой Азійѣ Варда Фока въ сентябрѣ 987 г. поднялъ знамя бунта противъ императора Василія, что когда онъ овладѣлъ всею Малою Азіею до Пропонтиды, испуганный императоръ послалъ пословъ къ Русскому князю просить помощи, что послѣдній согласился дать ему помощь и креститься подъ условіемъ выдачи за него въ замужество сестры императора, что посланный Русскимъ княземъ вспомогательный отрядъ въ апрѣлѣ 989 г. разбилъ Варду Фоку и положилъ конецъ возстанію. Византійцы Зонара и Кедринъ дополняютъ этотъ разказъ Яхьи тою подробностью, что русскій вспомогательный отрядъ прибылъ въ Византію послѣ женитбы Русскаго князя на греческой царевнѣ, слѣдовательно, и послѣ его крещенія. Такъ какъ трудно предположить, чтобъ императоръ послалъ пословъ къ Владимиру тотчасъ по полученіи свѣдѣній о начавшемся бунтѣ, и такъ какъ для переговоровъ и переѣздовъ черезъ Черное море должно было потребоваться довольно значительное количество времени, то необходимо допустить, что крещеніе Владимира и бракъ его могли совершиться не ранѣе весны 988 года.

Но въ источникѣ сравнительно не важномъ (въ немъ очень мало говорится о Владимірѣ и событіяхъ на Руси), въ разказѣ Льва Діакона, есть одна подробность, заслуживающая съ нашей стороны нѣкотораго вниманія.

Этотъ авторъ, упомянувъ о взятіи Корсуна русскими и о взятіи Веррии болгарами, замѣчаетъ, что названія бѣдствія для Византійской имперіи были предвозвѣщены появленіемъ на небѣ кометы и огненныхъ столбовъ. Такъ какъ о тѣхъ же знаменіяхъ говоритъ Яхья, относящій появленіе огненныхъ столбовъ къ 7-му апрѣля 989 г., а появленіе кометы—къ 27-му іюля того же года, то должно

думать, что Левъ Діаконъ считалъ взятіе Корсуня совершившимся послѣ 7-го апрѣля или послѣ 27-го іюля 989 г., слѣдовательно, въ 989 или въ 990 г. Такимъ образомъ, извѣстіе Льва Діакона, не говоря нисколько въ пользу выводовъ г. Завитневича, до нѣкоторой степени совпадаетъ съ извѣстіемъ „Похвалы“ Іакова о вторичномъ взятіи Корсуня Владимиромъ въ 990 г. и какъ бы находитъ себѣ въ послѣднемъ подтвержденіе. Но, по нашему мнѣнію, мы имѣемъ здѣсь дѣло со случайностью: какъ Іаковъ могъ сдѣлать ошибку, замѣнивъ глаголь созда глаголомъ взя, такъ точно и Левъ Діаконъ, писавшій, конечно, нѣсколько времени спустя послѣ упомянутыхъ имъ событій, могъ смѣшать событіе 938 г., взятіе Корсуня, съ событіями 989 г. и увидѣть въ знаменіи послѣдняго года предвѣстіе событія 938 г. Во всякомъ случаѣ мы не видимъ достаточнаго основанія относить взятіе Корсуня, крещеніе Владимира, его женитьбу, вопреки всѣмъ русскимъ источникамъ, вопреки Яхъѣ, Кедрину и Зонарѣ, къ 989 г., какъ это должно дѣлать на основаніи извѣстія Льва Діакона.

Мы показали, что источники, на которыхъ основывается г. Завитневичъ, взятыя всѣ вмѣстѣ, не позволяютъ признать вѣрными его выводы. Но у насъ есть еще источникъ, которымъ онъ не захотѣлъ воспользоваться,—наша древняя лѣтопись. Ея авторъ несомнѣнно имѣлъ подѣ руками какія-то древнія записи IX—X вв. Они дали ему, кромѣ множества фактическихъ подробностей, дату смерти Ольги, дату смерти Владимира, двѣ даты прихода на Русь „въ первый разъ“ печенѣговъ, дату смерти Малфреда, Изяслава Владимировича, царицы Анны. Они должны были заключать въ себѣ также дату событія такой важности, какъ крещеніе Владимира, на которое не могли не обратить вниманія современники, и которое должно было быть записаннымъ и описаннымъ, если были записаны другія, сравнительно маловажныя событія; 938 годъ—годъ крещенія Владимира и его дружины (ее можно считать представительницею всей Руси съ не меньшимъ правомъ, чѣмъ жителей Кіева) уже потому одному, что онъ названъ въ лѣтописи, заслуживаетъ съ нашей стороны полнаго довѣрія.

А. Соболевскій.

Письма графини Г. М. Румянцевой къ ея мужу фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву-Задунайскому 1762—1779 г. съ портретомъ и факсимиле. Издавъ графъ Д. А. Толстой. С.-Пб. 1888.

Съ тѣхъ поръ, какъ явилась болѣе широкая возможность ближе познакомиться съ людьми и событіями XVIII вѣка и начала XIX вѣка, стали появляться сборники матеріаловъ, относящихся и къ былевой, и къ бытовой исторіи; но не смотря на то, что напечатано уже довольно частныхъ записокъ, сборниковъ писемъ, все же знанія наши о семейной жизни нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ еще не особенно значительны. Вотъ почему появленіе каждаго новаго сборника такихъ матеріаловъ приноситъ особое удовольствіе любителямъ русской старины; къ сожалѣнію, матеріалы такого рода появляются болѣею частію въ журналахъ, гдѣ дробятся на нѣсколько нумеровъ, а иногда даже одна часть попадаетъ въ одинъ журналъ, а другая—въ другой; приходится розыскивать, собирать, а вслѣдствіе того теряется цѣльность впечатлѣнія. Изданія Русскаго Историческаго Общества, составляющія въ настоящее время наилучшіи сборники матеріаловъ, дороги въ особенности тѣмъ, что въ нихъ по большей части матеріалы однородные печатаются вмѣстѣ, располагаясь по серіямъ. Для изслѣдователя, даже просто для любителя порядокъ этотъ наиболѣе желателенъ. Первый взглядъ на сборникъ, лежащій передъ нами, производитъ такое же пріятное впечатлѣніе, ибо здѣсь собранъ однородный матеріалъ; ближайшее знакомство съ сборникомъ только увеличиваетъ это пріятное впечатлѣніе: собранный матеріалъ вноситъ новыя черты въ бытовую исторію XVIII вѣка. Передъ нами рисуется довольно ярко образъ русской барыни времянь Екатерины: вѣрной жены, попечительной матери, хорошей хозяйки. Интересъ еще усиливается, когда мы вспомнимъ, что писавшая эти письма была матерью канцлера Румянцева, оказавшаго такія услуги русской наукѣ, и достойной біографіи котораго мы еще не имѣемъ, хотя давно уже миновала столѣтняя годовщина его рожденія. Въ этой біографіи образъ матери долженъ будетъ занять подобающее мѣсто. Дочь знаменитаго Петровскаго фельдмаршала князя М. М. Голицына, жена великаго полководца времянь Екатерины, графиня Екатерина Михайловна заслуживаетъ полнаго вниманія историка русскаго общества. Изданіе, лежащее передъ нами, даетъ обильные матеріалы, хотя, къ сожалѣнію, писемъ самого Румянцева мы не имѣемъ, а безъ нихъ многое остается не объяснимымъ въ изданныхъ письмахъ, какъ всегда бываетъ, когда слышится голосъ только одной стороны. Графиня Ру-

мянцова была очень несчастлива съ мужемъ, который не хотѣлъ жить съ нею вмѣстѣ: когда онъ не былъ въ походахъ, то большею частью они жили или въ разныхъ деревняхъ, или въ разныхъ городахъ; разъ даже, съѣхавшись въ Петербургъ, они жили въ разныхъ домахъ. Нѣтъ никакого повода искать какой-либо причины къ такому разѣзду со стороны графини. Пока приходится довольствоваться предположеніемъ издателя: „Княжна Е. М. Голицына вышла за мужъ за графа Румянцова въ 1748 году, въ весьма зрѣлыхъ лѣтахъ: ей было 34 года, она была 11-ю годами старше своего мужа, и этимъ, вѣроятно, объясняется, почему бракъ этотъ не былъ счастливъ“ (стр. IV). Свѣдѣнія, сообщенныя Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ о молодости кагульского героя, проливаютъ дополнительный свѣтъ на его отношенія къ женѣ: „Онъ удалствомъ превосходилъ товарищей“ — читаемъ мы въ „Словарѣ достопамятныхъ людей“ — „пламенно любилъ прекрасный полъ и самъ былъ любимъ женщинами, не зналъ препятствій и часто, окруженный солдатами, въ виду ихъ торжествовалъ надъ непреклонными; заплатилъ одному оскорбленному мужу двойной штрафъ и въ тотъ же день воспользовался правомъ своимъ, сказавъ: „онъ не можетъ жаловаться, ибо получилъ впередъ удовлетвореніе!“ Проклазы Румянцова до высочайшаго свѣдѣнія, заставили императрицу Елизавету Петровну, въ уваженіе заслугъ графа Александра Ивановича, отправить къ нему виновнаго, чтобъ онъ, какъ отецъ, наказалъ его. Къ чести графа Петра Александровича должно сказать, что и въ полковничьемъ чинѣ онъ передъ отцомъ былъ покоренъ какъ ребенокъ“ (изд. 1836, IV, 353—354). Графиня не только сама своими дѣйствіями не вызвала измѣны мужа, но и не искала случая отомстить ему тѣмъ же, ибо и въ XVIII вѣкѣ бывали примѣры женской невѣрности, въ чемъ многіе напрасно видятъ особенность нашего времени: свободная любовь проповѣдывалась и въ XVIII вѣкѣ, хотя, можетъ быть, число послѣдователей этого ученія и болѣе теперь, чѣмъ тогда. Къ нимъ не принадлежала графиня Румянцова. Она продолжала любить мужа, горько жаловалась на его отсутствіе, старалась возбудить въ немъ сожалѣніе къ дѣтямъ: „Шесть лѣтъ живучи“, пишетъ она 27-го іюля 1762 года, — „и такъ быть огорченной! Боже мой, когда бы конецъ мой вѣкъ прекратилъ, можетъ быть бѣдныя дѣти въ жалость пришлѣ тебѣ“ (стр. 2). Когда графъ собирался изъ Данцига ѣхать къ водамъ съ какою-то особою, какъ о томъ разузнала графиня, то она писала къ нему длинное письмо, въ которомъ на случай, если онъ поѣдетъ, отказывается отъ управ-

ленія имѣніями графа, а потомъ прибавляетъ: „Буде надобно и хочешь жить такъ, какъ жила прежде, а не титулярною женою, и приѣдешь сюда, или мнѣ къ себѣ быть велишь, все забываю, люблю теперь душою и, увидя тебя, къ себѣ по прежнему, не иначе, какъ вѣрность любви и дружбы еще болѣе докажешь, и до конца пребуду непоколебима, и ниже прошедшее вспомню когда“ (стр. 8). Въ то же время она отговаривала мужа отъ намѣренія подать въ отставку. Въ 1764 году, когда графъ желалъ, чтобъ она съ дѣтьми ѣхала за границу, графиня съ негодованіемъ отвергала это предложеніе: „Я рождена отъ таковыхъ родителей“, писала она 27-го февраля,— „что дай Боже вамъ все вѣкъ свой-то нажить, что отецъ покойникъ счастіемъ своимъ нажилъ; насъ, благодаря Бога, шесть человекъ, всѣ сыты живемъ, всякой по препорціи имѣетъ, такъ я для себя фортуны большую ни въ какомъ градусѣ не могу почитать, я не саложникова и не кузнецова дочь. Думала ли я въ жизни, чтобы вы когда-нибудь столько противъ меня имѣли, что дѣлать пропозицію, что поѣзжай я одна съ дѣтьми въ чужіе края; вѣдь, сударь, это разумѣется, хоть чортъ меня возьми, только я съ вамъ не буду. Пристойно ли это въ свѣтѣ и слыханныя ли дѣла, чтобы жена, оставя мужа, ѣздила по бѣлу свѣту“ (стр. 19—20). Когда графъ поселилъ въ одномъ изъ своихъ помѣстій свою, какъ говорили тогда, метрессу, то графиня писала: „Меня легко весьма избавиться; скажите опять, что то ирраву моего ревность проклятая, ни одна жена въ свѣтѣ себѣ товарища не хочетъ, а я горестъ свою осьмой годъ претерпѣваю, правда по слову вашему, что мнѣ и до сорока лѣтъ недолго, да и то не забудьте, что по чьей я милости и жить 30 лѣтъ перестала.... Буде же жалости никакой не имѣешь и я противна тебѣ и въ томъ не нудъ себя, Бога ради, лишь дѣтей помни, я съ охотою жертвовать готова, лишь будь ты спокоенъ и дѣти бѣдныя благополучны“ (стр. 22—23, письмо отъ 5-го апрѣля 1764 г.). Таковъ общій характеръ жалобъ графини; но она продолжала любить мужа, исполнять его волю, просить его разрѣшенія во всѣхъ дѣлахъ и заботиться о немъ. Когда, временно съѣхавшись въ Петербургъ, они жили однако въ разныхъ домахъ, графиня постоянно посылала узнавать о здоровьи заболѣвшаго мужа и приѣзжала къ нему, когда онъ позволить: „Прикажи, батюшка“, писала она,— „каковъ ты и мнѣ когда прикажешь къ обѣду или послѣ обѣда къ тебѣ приѣхать“ (стр. 244).

Главная забота графини была о дѣтяхъ: для нихъ она выносила все отъ мужа, заботилась объ ихъ образованіи. На сколько она сама

была образована, не извѣстно: знаемъ, что она говорила по французски, какъ всѣ знатныя дамы того времени, даже въ русскія письма вносила французскія слова: профитовать, экзкузоваться, порцелиновый, сир сапа (въ другомъ мѣстѣ вѣрнѣе сирсака—sirsacas; индѣйская бумажная ткань), аверсія, сакрифировать, куры (сиге—гѣченіе) и т. п. Она любила читать французскія газеты и просила присылать ихъ ей въ деревню. Русскую орографію она, конечно, не знала, да кто и зналъ ее тогда изъ людей свѣтскихъ? Въ изданіи орографіа исправлена, и нѣкоторыя слова оставлены на обрацикъ: захоть (вм. заходъ, то-есть, ватерклозеть), слаботь (вмѣсто слободъ) и т. д. Писала она не литературнымъ языкомъ,—оттого письма ея сохраняютъ всю свѣжесть устной рѣчи: напримѣръ, слѣдовать (вмѣсто произвести слѣдствіе), изъ вологодскихъ доставшихъ (то-есть, деревень, доставшихся по наслѣдству), неприсмотривъ (говорится о лакеѣ, то-есть, не можетъ ни за чѣмъ присмотрѣть), отдалили (то-есть, находятся далеко) и т. п. Необходимость образованія для дѣтей она вполне понимала и постоянно писала о томъ мужу; когда по отъѣздѣ гувернера Моно (о письмахъ котораго къ графу, хранящихся въ государственномъ архивѣ, упоминается въ предисловіи), ходилъ къ нимъ въ Глуховѣ учитель, но неисправно, графиня писала: „Пожалуй, батюшка, сдѣлай милость, поищи, нѣтъ ли такого человѣка, чтобы и французскій и понѣмецки бы пора учить. Буде тутъ не можно, то хоть отпниши, куда во Гданскъ, или Варшаву, чтобы тамъ кого и сюда бы прямо черезъ Польшу прислали. У етмана (гетманъ Разумовскій) всѣ лучшіе учителя были изъ Варшавы, потому что они тамъ такой плати неполучаютъ въ лучшемъ домѣ, какъ у насъ въ Россіи послѣднему даютъ“ (стр. 49, письмо отъ 25-го февраля 1766). !Потомъ думала она было помѣстить ихъ въ шляхетскій корпусъ, гдѣ, какъ извѣстно, воспитывался и самъ Румянцовъ. Мая 28-го 1767 г. пишетъ она изъ Москвы: „Я къ нимъ (дѣтямъ) беру уже здѣсь француза, который будетъ жить и (здѣсь неразобрано слово, вѣроятно: учить) географіи, исторіи и рисованіе по 300 въ годъ, а другой такъ будетъ для математики и нѣмецкаго языка къ намъ пріѣзжать, а то все время теряла, такъ ужъ теперь беру“ (стр. 80). „Что касается до дѣтей“, пишетъ она 15-го февраля 1765 г.,—„то я теперь спокойна, потому что я нонеча взяла учителя въ домъ, который и въ математикѣ силенъ, они уже и фортификацію и тригонометрію кончили, а теперь планы стануть чертить, а я ему даю по 400 р. въ годъ“ (стр. 92). Съ 1774 года по 1776 видимъ у дѣтей ея учителемъ знаменитаго Гримма (стр. 178),

который вѣдиль съ ними за границу. Графиня вела переписку съ нимъ и дѣтьми, а графу сообщала только выписки. Дѣти по тогдашнему обыкновенію были записаны на службу съ колыбели; графиня хлопотала объ ихъ производствѣ и устраивала имъ хозяйство, когда они уѣзжали. Въ 1775 г. пыталась она устроить бракъ своего старшаго сына съ дочерью графа Гаврила Ивановича Головкина (стр. 187—188). Не знаемъ, отчего этотъ проектъ не осуществился.

Примѣрная жена, попечительная мать, графиня Румянцова была отличною хозяйкой. Жалуясь постоянно на стѣсненные обстоятельства, на неудобство жить на два дома, она строитъ домъ, заводитъ фабрики, беретъ на себя поставку вина въ казну, для чего собираетъ толково и точно разныя свѣдѣнія; желающіе ознакомиться съ этою стороною ея дѣятельности найдутъ любопытныя подробности въ ея письмахъ. Приведемъ для образца письмо отъ 16-го августа 1769 г. „Въ ноябрѣ будутъ контракты я не намѣрена меньше какъ по рублю за ведро, и то не иногда (вѣроятно не иначе) какъ въ одинъ Алатырь по способности, а въ Балахну не безъ тягости мужикамъ, хотя и по рублю съ бочки имъ платится. Мнѣ хочется одинъ Алатырь взять и чтобы не больше десяти тысячъ ведеръ и не ниже рубля; въ сихъ новыхъ кондиціяхъ сей пунктъ тяжелъ, что для перваго году половину поставки всей суммы должна выставить въ декабрѣ, а другую половину въ іюнѣ мѣсяцѣ. Такъ вѣдь надо считать и то, что отъ генваря по іюнь будетъ усышка велика, да къ тому же новѣйшій годъ страшитъ, на низу хлѣбы столь худы ржи, а яровые почти пропали отъ засухъ, а послѣ дожди пошли, такъ новые всходы сдѣлали, а во ржи все трава, зерна почти нѣтъ; въ Талызинѣ пишутъ, что нажали 190 копенъ, а сто четвертей сѣву, думаютъ сѣмянъ не возьмутъ (то-есть, не воротятъ); шпеницы очень плохи, полба и макъ и не выхода какъ все пропало. Вотъ тебѣ какія вѣсти: до Арзамасу хлѣбы очень хороши, а отъ Арзамасу далѣе до Симбирску очень худы; къ лучшему-ли намъ будетъ служить, что можетъ быть не дороже-ли будетъ подрядъ, черезъ что хлѣбъ былъ около тѣхъ мѣстъ въ полтора рубля, а нонеча уже сталъ въ два, къ зимѣ считаютъ въ три рубля войдетъ. Такъ я коли возьму, то одинъ Алатырь и не больше 10 тысячъ ведеръ и не меньше, какъ по рублю за ведро; не дадутъ этой цѣны, то считаю лучше такъ оставить, черезъ четыре года могу для переду и заводъ весь поправить и опять съ хлѣбами завестися. Намъ въ Нижнемъ надобно будетъ контрактъ заключить, а не здѣся (то-есть, въ Москвѣ), о чемъ

сожалѣю, а то бы Алексѣй Петровичъ (Мельгуновъ) конечно, всѣ способы для меня, что можно сдѣлали; я ихъ пріятствамъ очень довольна, они ко мнѣ и я къ нимъ ѣду; я хочу о всемъ томъ, какъ торгъ будетъ, спрашиваться его совѣту, что мнѣ дѣлать“ (стр. 141—142). Такою толковою и внимательною хозяйкою была графиня Румянцова. Она не только вникала въ главныя статьи дохода и старалась объ его увеличеніи, но не упускала и мелкихъ подробностей хозяйства: заботы о посудѣ, мебели и т. п., о закупкѣ припасовъ, домашнихъ заготовленіяхъ и т. д.

Любопытны ея разказы о прислугѣ, напримѣръ, о садовникѣ-нѣмцѣ, который въ болѣзненномъ состояніи порубилъ деревья въ оранжереѣ. Для характеристики быта любопытно письмо ея къ свекрови: „А что изволите писать милостивая государыня, чтобы вамъ сыскать карлика хорошенькаго, буду стараться. У меня теперь два одинъ у дѣтей, другой у меня вмѣсто дѣвки служить и оба очень хороши. Какъ услышали, что я искать для отсылки стала, голосомъ взвыли, боялись, чтобы я ихъ не отослала“ (стр. 247). Интересно также слѣдующее сообщеніе: „Повѣса арапъ все промоталъ, ни кафтана, ни куртука нѣту, ошейникъ (?) его нашли въ шинкѣ, заложилъ съ октября мѣсяца уже“ (стр. 47). Въ письмахъ графини находимъ свѣдѣнія о знаменитомъ тогда Ерофенчѣ, изобрѣтателѣ всероссійской извѣстности настойки (см. о немъ у Успенскаго: „Опытъ повѣствованія о древностяхъ Россійск.“ изд. 2-е, т. I, стр. 76). Графиня сообщаетъ, что онъ учился на китайской границѣ, вылѣчиваетъ въ недѣлю отъ всякой болѣзни, а лѣкарства его состоятъ изъ травъ, за которыми будто бы послали курьера на китайскую границу, а также на Украйну, что пріѣзжаютъ лѣчиться у него изъ Митавы и Мемеля, и что императрица пожаловала ему 5000 р. „Дохтура петербургскіе иначе не могутъ ничего говорить противу его, какъ надобно осени ждать, что съ этимъ, кого онъ лѣчилъ, послѣдуетъ“ (стр. 100). Ерофенчъ этотъ не умѣлъ совсѣмъ грамотѣ.

Изъ Петербурга и изъ Москвы, въ особенности, когда тамъ былъ дворъ, графиня сообщала мужу разныя новости, между прочимъ, о возвышеніи Потемкина, его благосклонности къ Румянцову и отношеніяхъ къ Орлову. Какъ ни мимолетны эти извѣстія, но и они могутъ послужить историку для справки и соображеній.

Изданныя письма извлечены изъ двухъ собраній: часть ихъ хранится въ бібліотекѣ графа Д. А. Толстого, и часть въ государственномъ архивѣ, куда пожертвованы кн. И. П. Голицынымъ, род-

ственникомъ Румянцовыхъ, вмѣстѣ съ другими семейными бумагами, обнаруженіе которыхъ также очень желательно. Письма, къ сожалѣнію, сохранились не всѣ, да и сохранившіяся не всегда въ полномъ видѣ. Издатель приложилъ предисловіе, въ которомъ находимъ свѣдѣнія о лицѣ писательницы писемъ; при текстѣ писемъ находимъ часто биографическія данныя о лицахъ, въ нихъ упоминаемыхъ; сверхъ того, приложенъ портретъ очень характеристическій, факсимиле почерка, обстоятельный указатель и хронологическій списокъ писемъ.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Fr. Miklosich et Jos. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi. Vol. V. Vindobona. 1887.

Кто ожидалъ съ нетерпѣніемъ выхода въ свѣтъ пятого тома извѣстнаго сборника Миклошича и Мюллера, тотъ несомнѣнно потерпѣлъ нѣкоторое разочарованіе. Мы не думали увидѣть много новаго въ этомъ дополнительномъ томѣ, но надѣялись, что въ немъ будутъ перепечатаны всѣ монастырскіе акты и документы, разбросанные по разнымъ рѣдкимъ изданіямъ и греческимъ журналамъ. На самомъ же дѣлѣ издатели сочли нужнымъ перепечатать хрисовулы, изданные Саею въ его *Bibliotheca graeca*, даже два документа, имѣющіяся въ общераспространенномъ *Jus Graeco-Romanum* Цахаріэ, и совершенно игнорировали не только русскія изданія, но и нѣкоторыя греческія, напримѣръ, аеинскій журналъ Аеиней и константинопольскую Церковную Правду (*Ἐκκλησιαστικὴ ἀλήθεια*). Греческіе документы, напечатанные въ Россіи, издатели игнорировали какъ будто умышленно; изъ примѣчанія видно, что имъ извѣстны Аеонскіе акты г. Флоринскаго и даже сочиненіе того же автора „Южные славяне и Византія“. Западно-европейскіе ученые едва ли будутъ довольны этимъ; пишущему эти строки не разъ приходилось слышать (особенно въ Парижѣ) жалобы на то, что русскія изданія остаются совершенно неизвѣстными на западѣ.

Отъ недостаточнаго знакомства съ греческими журналами явились такіе пробѣлы, какихъ нельзя было ждать отъ почтенныхъ издателей. Пятый томъ *Acta et diplomata* начинается съ семи хрисовуловъ, данныхъ Византійскими императорами такъ-называемому Новому монастырю (*Νέα μονή*) на островѣ Хиосѣ. Эти семь документовъ были напечатаны Саккеліономъ въ журналѣ Пандора. Но из-

датели не знали, что Гедеонъ помѣстилъ въ журналѣ 'Εκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια (1884 г. № 28, 29, 30, 31) 16 хрисовуловъ, касающихся того же монастыря, въ томъ числѣ и тѣ семь, которые напечатаны Саккеліономъ. Изданіе Гедеона лучше уже по одному тому, что онъ, кромѣ прежняго изданія, имѣлъ въ рукахъ два кодекса—Іерусалимскаго подворья въ Константинополѣ № 160 (XVI в.) и богословской школы на островѣ Халки № 85.

Историку, конечно, важно знать, имѣлъ ли Саккеліонъ въ рукахъ подлинныя документы, или, если копія, то какого времени? Издатели не даютъ полнаго отвѣта на такой вопросъ; вообще они почему-то не считаютъ нужнымъ давать возможно точныя указанія на источникъ, откуда почерпнуть тотъ или иной документъ. Такъ и въ данномъ случаѣ мы узнаемъ изъ примѣчанія только то, что Саккеліонъ напечаталъ хрисовулы по копіи, предоставленной въ его распоряженіе Григоріемъ Фотиномъ и что послѣдній имѣлъ въ рукахъ копію съ хрисовуловъ, хранящуюся на остр. Самосѣ. Подробности объ этихъ документахъ издатели могли бы найти въ книгѣ Παρίσις εἰς τὰς μονὰς καὶ μετόχια τῆς Σάμου κατὰ τὰ 1854 ὑπὸ Ἐμμανουὴλ Κρητικίδου. Ἐκδόσις Β. Ἐρμούπολις Σύρου. 1873 ¹⁾). Критикидъ сообщаетъ, что въ монастырѣкъ пророка Іліи на остр. Самосѣ, считающемся подворьемъ Новаго монастыря на Хіосѣ, онъ видѣлъ копіи съ семи хрисовуловъ, написанныя на свиткѣ изъ толстой бумаги длиною въ 14 пядей (ἀπὸ τριῶν). Этотъ свитокъ сильно пострадалъ отъ моли, а потому во многихъ мѣстахъ нельзя разобрать цѣлыхъ словъ. Съ этого свитка снялъ копію Григорій Фотинъ. Кромѣ того, изъ той же книги мы узнаемъ, что монастырѣкъ св. Ільи построенъ не ранѣе 1625 года; слѣдовательно, едва ли можно думать, чтобы помянутый свитокъ былъ сколько-нибудь древній. Оказывается, что кодексы, которыми пользовался Гедеонъ, гораздо исправнѣе, и не смотря на переизданіе хіосскихъ хрисовуловъ Миклошичемъ и Мюллеромъ, придется обращаться къ Церковной Правдѣ, изданію, къ сожалѣнію, мало распространенному.

Съ удовольствіемъ увидѣли мы, что въ сборникѣ Миклошича и Мюллера напечатана въ первый разъ подробная опись земель, принадлежавшихъ католической Кефалонской епископіи въ 1264 году ²⁾).

¹⁾ Перваго изданія, сдѣланнаго въ Смирнѣ въ 1866 г. безъ имени автора, я не видалъ. Во второмъ изданіи помѣщены семь хрисовуловъ, раньше напечатанные Саккеліономъ.

²⁾ Въ заглавіи документа у Миклошича и Мюллера по ошибкѣ 1262 г.

Объ этой описи, занимающей 51 страницу, сказано, что она печатается съ *apographum asservatum in fabulario ecclesiae Sancti Marci civitatis Lacynthi*. Стоитъ только взглянуть на этотъ документъ въ томъ видѣ, какъ онъ изданъ въ разбираемомъ сборникѣ, чтобы убѣдиться, что зантская копія, должно быть, очень неисправна. Ошибокъ много, пропущены цѣлыя слова, нѣкоторыя слова не дописаны. Является вопросъ: когда и кѣмъ была сдѣлана эта копія, вопросъ, на который издатели не даютъ отвѣта.

Въ январѣ прошлаго года, командированный Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ, я провелъ двѣ недѣли на островѣ Занте и потому могу сообщить подробныя свѣдѣнія о Кефалонской описи. Въ архивѣ католической церкви въ Занте, куда я былъ допущенъ, благодаря любезности католическаго епископа Діонисія, хранится подлинная опись земель Кефалонской епископіи 1262 года. Это длинный пергаментный свитокъ, писанный почеркомъ XIII вѣка, со свинцовою печатью безъ всякой надписи. Кромѣ этого свитка, въ томъ же архивѣ имѣется тетрадь, писанная не особенно разборчивымъ почеркомъ конца XVII вѣка. Первое, что заключается въ этой тетради, это копія съ помянутаго пергамента. Далѣе слѣдуетъ опись земель 1677 года, написанная тѣмъ же почеркомъ на новогреческомъ языкѣ. Въ 1677 г., какъ извѣстно мнѣ изъ документовъ, хранящихся въ зантскомъ городскомъ архивѣ, губернаторъ Ионическихъ острововъ (*proveditore generale*) приказалъ сдѣлать новую перепись земель; тогда, по всей вѣроятности, была снята копія съ подлиннаго документа. Слѣды этому сохранились на пергаментномъ свиткѣ; на оборотной сторонѣ его сдѣлана помѣтка на италіанскомъ языкѣ, изъ которой видно, что онъ былъ явленъ въ 1677 году по требованію губернатора. Переписчикъ XVII вѣка плохо разбиралъ пергаментный документъ; онъ иногда пропускалъ цѣлыя слова, замѣняя ихъ точками, иногда ставилъ только первыя буквы незнакомыхъ ему именъ. Вообще говоря, нельзя довѣрять этому переписчику. Но Миклошичъ и Мюллеръ издали помянутую опись по этой поздней копіи, не сличивъ ее съ оригиналомъ, въ чемъ убѣдиться очень легко. Впервыхъ, заглавія, которое напечатано у нихъ на стр. 16, нѣтъ на пергаментномъ свиткѣ; оно составлено переписчикомъ XVII вѣка. Далѣе первая строка напечатана съ тою же ошибкою, какъ въ копіи: 'Η ἀρχιγραφὴ τῆς ἀγιωτάτης ἐπισκοπῆς Κεφαλονίας ἀρξεται ἀπὸ τὸ μέρος Πολιτικῆς. Въ оригиналѣ написано правильно ἀρχεται. Сличая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ копію съ оригиналомъ, я убѣдился, что про-

пуски явились не отъ того, что пергаментъ попорченъ, а отъ того, что переписчикъ XVII вѣка не всегда умѣлъ разобрать старинный почеркъ. Слѣдовательно, всѣ пробѣлы, имѣющіеся въ печатномъ изданіи, могутъ быть восполнены.

Миклошичъ и Мюллеръ рѣшились издать Кефалонскую опись, не свѣривъ ее съ оригинальнымъ документомъ. Не удивительно, что на 14 строкахъ у нихъ оказывается 13 ошибокъ. Я разумѣю 14 строкъ конца отдѣла на стр. 44. Тутъ читается: οὗτοι οἱ ἄνωθεν διαδηλωμένοι ὀφείλουσι προσμένειν καὶ ἐκδολεῦν τῇ ἀγιωτάτῃ ἐπισκοπῇ ἕως ἐσχάτης αὐτῶν ἀναπνοῆς αὐτοῖ τε καὶ οἱ παῖδες ἐξ ὀσφύου ἐξ αὐτῶν τιτόμενοι γόνου τε καὶ ἔγγονοι. Въ пергаменномъ свиткѣ написано правильно *δεδηλωμένοι* и *ὀσφύος*, а вмѣсто безсмысленнаго *οἱ παῖδες* читается *πάντες οἱ*. Далѣе, вмѣсто *κόντης Ῥιχιάρδος*, въ оригиналѣ *κόντες Ῥεχιάρδος*; вмѣсто *Ζακύνθου*—*Υακίνθου* (ср. *Норф. Griechische Geschichte*, въ Энциклопедіи Ерша и Грубера, т. 85, стр. 182); вмѣсто *ἐπιβεβαιῶν*—*ἐπιεβαιῶν*; вмѣсто *ἐκτέθη διὸ καὶ ἐπληρώθη τὸ κάτω πρακτικόν*—*ἐκτέθη δὲ καὶ ἐπληρώθη τὸ παρὸν πρακτικόν*; вмѣсто *κατ' αὐτῶν*, что безсмысленно—*μετ' αὐτῶν*; вмѣсто *καθῶς*—*ἦν*; вмѣсто *ἐκ πάλαι*—*ἐκπαλαι*.

Даже не побывавъ на Занте, можно было знать, что въ мѣстномъ архивѣ хранится не только копія, но и оригинальный документъ. Кефалонская опись 1264 года была извѣстна многимъ историкамъ, и ею не разъ пользовались, но въ незначительной степени, потому что она до сихъ поръ никѣмъ не была списана вполнѣ. О ней упоминаютъ Ремондини (*Remondini. De Zacynthi antiquitatibus et fortuna commentarius*, р. 237 и 240. Venet. 1756), Мустоксидъ (въ журналѣ *Ἑλληνομνημῶν*, р. 222), Бюшонъ (*La Grèce continentale*, р. 35 и *Recherches historiques* II, 478), Лундзи (въ исторіи Ионическихъ острововъ, стр. 60), Хіоти (въ исторіи Ионическихъ острововъ, т. II, 612, гдѣ напечатано даже нѣсколько строкъ документа). Наконецъ, Гопфъ въ исторіи Греціи ссылается нѣсколько разъ на пергаментный документъ Зантскаго архива и называетъ его *Originalrolle* (Энциклопедія Ерша и Грубера, т. 85, стр. 144, 182, 315).

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что свитокъ, о которомъ я сказалъ нѣсколько словъ, не копія, а подлинникъ, писанный въ XIII вѣкѣ. Вопросъ можетъ идти только о томъ, не переводъ ли это съ латинскаго или италіанскаго оригинала. Такъ какъ опись земель Кефалонской епископіи составлена въ то время, когда острова Кефалонія, Занте и Итака принадлежали Палатинскому графу (или по нѣмецки пфальцграфу) Ричарду Орсини, и рѣчь идетъ о латинской

церкви, такое предположеніе не можетъ считаться невѣроятнымъ. Нѣкоторыя обстоятельства навели насъ на такую мысль. Въ срединѣ документа сказано, что онъ скрѣпленъ печатью графа Ричарда; между тѣмъ на сохранившейся свинцовой печати нѣтъ никакой надписи, и по видимому, она не именная. Далѣе, въ томъ мѣстѣ, гдѣ у Миклопича и Мюллера стоитъ заглавное Ἄρτελία (стр. 40), на пергаментномъ свиткѣ очень ясно написано: Vigne. Трудно предполагать, чтобъ это слово было вписано впоследствии, потому что, еслибы составитель документа не хотѣлъ выставить заглавія, онъ не оставилъ бы пустаго мѣста въ нѣсколько строкъ.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собою текстъ, какой не привыкли видѣть въ другихъ изданіяхъ глубоко нами уважаемаго Миклопича, текстъ, въ которомъ къ ошибкамъ переписчика XVII вѣка присоединяются еще ошибки списавшаго эту копию и опечатки. Не всѣ вышеуказанныя ошибки могутъ быть отнесены на долю переписчика XVII вѣка; а въ одномъ случаѣ я положительно могу утверждать, что нѣтъ ошибки въ зантской копіи. На стр. 19, на строкѣ 3-й, два раза напечатано совѣмъ непонятное и, на сколько мнѣ извѣстно, не существующее слово δόσηθλον. Между тѣмъ въ зантской копіи стоитъ: δόσχολον, терминъ часто встрѣчающійся въ разбираемомъ документѣ и означающій, кажется, неудобную землю въ противоположность χωράφιον, землѣ пахотной.

При болѣе внимательномъ отношеніи издатели могли бы исправить много ошибокъ; вѣдь они не считали возможнымъ печатать текстъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ имъ доставленъ, а вводили своиправки. Между тѣмъ мы замѣчаемъ, что названія округовъ (περιοχή), на примѣръ, пишутся различно. Два раза напечатано τῶν Τρώτων и разъ τῶν Τριωτῶν, чтò, по всей вѣроятности, то же самое имя. Мы находимъ Βουστάσις (въ родительномъ падежѣ) на ряду съ Βουστάσιως и Βουστάσις, Σκινέως и Σκινέου, Φοίνικος и Φίνικος, Θουσίας и Θηνίας. Но вѣрнѣе ли послѣднее, и не есть ли это современный димъ Θηνιά въ эпархіи Палина островѣ Кефалоніи? ¹⁾ Не понятна форма ἀποδήδει, много разъ встрѣчающаяся въ Кефалонской описи, но совершенно понятно ἀποδίδει (кончается или доходитъ до), какъ правильно напечатано, на примѣръ, на стр. 45. Можно было бы указать еще нѣ-

¹⁾ Название этого дима мы нашли въ изданіи греческаго министерства внутреннихъ дѣлъ. Statistique de la Grèce. Mouvement de la population pendant les années 1878—1883. Ἐν Ἀθήναις.

сколько примѣровъ, что на ряду съ правильными формами, напечатаны ошибочныя.

Историки еще кое-какъ могутъ пользоваться Кефалонскою описью, хотя трудно дѣлать этнографическіе выводы изъ множества имѣющихся здѣсь собственныхъ именъ, въ виду того, что написаніе ихъ не установлено. Но я боюсь, что филологи будутъ введены въ большое заблужденіе. Разбираемый документъ чрезвычайно интересенъ въ лексическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ. Здѣсь замѣтно уже италянское вліяніе (напримѣръ, *στράτα*), встрѣчаются слова, не внесенныя ни въ средне—ни въ ново-греческіе словари, и народныя формы, не попадающіяся въ другихъ памятникахъ XIII вѣка. Филологи, конечно, заинтересуются такими формами, какъ *μίσο* вмѣсто *ῥμίσο*, или *ἀπό ταις Ἀλωπότρουταις* (р. 19), *ἀπ'αὐταῖς* (р. 26), *ἀκδέαις* (винительномъ падежѣ р. 26). Такъ какъ предлогъ *ἀπό* въ разбираемомъ документѣ соединяется всегда съ винительнымъ падежемъ, ясно, что это не дательные падежи, а народныя винительныя (потому правильнѣе *ταῖς* и *αὐταῖς*), до сихъ поръ не встрѣчавшіяся въ столь раннихъ памятникахъ. Но вопросъ заключается въ томъ, дѣйствиительно ли такъ написано въ оригинальномъ документѣ XIII вѣка, или это невольныя описки переписчика XVII вѣка. Въ послѣднемъ случаѣ указанныя формы не представляютъ ничего интереснаго, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что въ XVII вѣкѣ онѣ были уже общепринятыми.

Я позволю себѣ указать еще нѣкоторыя небрежности, замѣченныя мною въ 5-мъ томѣ сборника Миклошича и Мюллера. На стр. 233 напечатана грамота Константинопольскаго патріарха Іереміа I, данная Игнатію, основателю Луговаго монастыря (*τοῦ λεριῶνος*) на остр. Митилини и помѣченная 1527 г. Грамота эта, изданная въ первый разъ Пападопуло-Керамевсомъ, подписана, кромѣ Іереміа, еще Сильвестромъ, патріархомъ Александрійскимъ. Замѣтивъ, что Сильвестръ занялъ патріаршю кафедру не ранѣе 1565 г., г. Лопаревъ (Правосл. Палестинскій Сборн., вып. 18-й, стр. 72) заподозрѣлъ ошибку Пападопуло-Керамева и предложилъ вмѣсто 1527 г. читать 1587 г., когда патріархами были въ Константинополѣ Іереміа II, а въ Александріи—Сильвестръ. Но г. Лопаревъ не обратилъ вниманія на то, что Игнатій, которому дана была грамота, называется въ ней іеромонахомъ, а въ 1530 г. онъ былъ уже митрополитомъ Меонимскимъ, наконецъ—и это самое важное—что Игнатій умеръ 14-го ноября 1568 г. и, слѣдовательно, не могъ получить грамоты 20 лѣтъ спустя. Дѣло объяс-

няется гораздо проще, и къ тому же оно объяснено Пападопуло-Керамевсомъ на той самой страницѣ, на которой напечатана грамота. „Много лѣтъ спустя“ (то-есть, послѣ написанія грамоты), говорить онъ, — „грамоту скрѣпилъ своею подписью Сильвестръ, патриархъ Александрійскій“¹⁾. Это дѣлалось очень часто; вмѣсто того, чтобы писать новую грамоту, подписывались на старой въ доказательство, что она не потеряла силы. Вотъ это обстоятельство слѣдовало бы оговорить издателямъ *Acta et diplomata*; въ томъ видѣ, какъ грамота напечатана у нихъ, она можетъ показаться подложною.

На стр. 135—138 напечатанъ изданный въ греческой библіотекѣ Саенъ хрисовуль, данный императоромъ Михаиломъ Дукою Атталіату въ 1074 г. Издатели провѣрили этотъ хрисовуль по константинопольскому кодексу и уличаютъ Саену въ большомъ недосмотрѣ. Оказывается, что хрисовуль былъ данъ не въ томъ мѣсяцѣ, какой значится у Саенъ. *Sathas scribit ἀπρίλλιον*, говорятъ издатели, — *in cod. legitur ὀκτώβριον*. Но неприятно поражаетъ то, что у Саенъ читается не *ἀπρίλλιον*, а *κατὰ τὸν μάρτιον* (*Biblioth. graeca. I, 57*).

Усмотрѣвъ въ одномъ документѣ (р. 87) несоотвѣтствіе индикта съ годомъ, издатели предлагаютъ въ словахъ τοῦ ἑξακισχιλιοστοῦ ὀκταχοσιοστοῦ αἰχιστοῦ ἐνάτου ἔτους вмѣсто ἐνάτου читать δεκάτου (!), да еще какъ бы въ насмѣшку ставятъ въ скобкахъ ι, то-есть, 10.

Въ 5-мъ томѣ Миклошича и Мюллера напечатаны 81 документъ Византійской имперіи и 27 изъ времени послѣ паденія Константинополя (съ 1527—1814 гг.). Жаль, что переговоры съ Саккеліономъ не привели ни къ какому результату, и что 50 хрисовуловъ, списанныхъ послѣднимъ въ монастырѣ Іоанна Богослова, все еще остаются не изданными. Но три хрисовула могли бы появиться, потому что они были напечатаны Саккеліономъ въ 4-мъ томѣ журнала Аѳиней (греческаго) и 6-й части сборника, издаваемаго Аѳинскимъ Обществомъ исторіи и этнологіи. Византинисты были бы, конечно, благодарны издателямъ, еслибъ они перепечатали важный для исторіи землевладѣнія документъ, изданный единственный разъ въ каталогѣ Смирнской библіотеки Пападопуло-Керамевса, грамоты, изданныя В. Г. Васильев-

¹⁾ Во избѣжаніи всякихъ недоразумѣній приводимъ подлинныя слова Пападопуло-Керамевса: „διό μεταβὰς τῷ αὐτῷ ἔτει εἰς Κωνσταντινούπολιν προὐκάλεσε τὴν ἔκδοσιν τοῦ ἐπομένου γράμματος τοῦ πατριάρχου Ἱερεμίου Α ὅπερ μετὰ πολλὰ ἔτη ἐπεχώρῳσαν διὰ τῆς ὑπογραφῆς αὐτῶν ὁ Ἀλεξανδρείας Σίλβεστρος καὶ ὁ Ἀντιοχείας Ἰωακείμ.

скимъ въ Журн. Мин. Нар. Пр. (апрѣль 1885 г.), аеонскіе документы, напечатанные въ исторіи Аеона преосвященнаго Порфирія Успенскаго, въ о "Αθωκ Γεδεона и акты русскаго Пантелеймоновскаго монастыря.

Кромѣ документовъ, Миклошичъ и Мюллеръ сочли нужнымъ перепечатать четыре монастырскіе устава. Уставъ монастыря Богородицы Мехерадской на о. Кипрѣ, написанный ктиторомъ монастыря Ниломъ въ 1210 г., очень интересенъ и появляется все равно что въ первый разъ, потому что извлеченъ изъ рѣдкаго венеціанскаго изданія 1756 г. Но остальные уставы хорошо извѣстны изслѣдователямъ: это, вопервыхъ, уставы изданные Саею въ 1-мъ томѣ его Греческой Библиотеки, вовторыхъ, уставъ женскаго монастыря, данный императрицей Ириною въ 1118 г., изданный въ первый разъ Монфокономъ и перепечатанный въ Патрологіи Мина. Но русскимъ ученымъ пріятнѣе было бы увидѣть аеонскій уставъ, напечатанный преосвященнымъ Порфиріемъ Успенскимъ, и уставъ, изданный И. Е. Троицкимъ въ Христіанскомъ Читеніи 1885 г. О послѣднемъ издателя могли бы знать изъ рецензіи, напечатанной мною въ *Revue archéologique* (mai 1886).

III. Безобразовъ.

Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи въ связи съ отношеніями сего послѣдняго къ народу. А. *Поддимова*. С.-Пб. 1887. (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи, т. XVI).

Послѣ того какъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, прорвана была плотина, заграждавшая европейцамъ доступъ въ Китай, волны путешественниковъ нахлынули на него со всѣхъ сторонъ не съ меньшею силою, чѣмъ нынѣ волны Хуанхэ, прорвавъ воздвигнутую чело-вѣческими трудами плотину у Чжэнчжоу, устремились на юго-западъ. Обширныя китайскія владѣнія — этотъ неизвѣстный доселѣ западу огромный материкъ — привлекли любознательность со всѣхъ сторонъ; кромѣ всего, болѣе удобнаго для путешественника, восточнаго побережья, проложены пути и съ двухъ оконечностей Индіи — съ западной изъ Кашемира и Ладака, и съ восточной — чрезъ Бирманъ. Двинулись путешественники изъ Ферганы, Семирѣчья, Семипалатинска и далѣе изъ всей русскаго пограничной полосы, не исключая и Зауссурійскій край. Даже нынѣшній японскій посланникъ въ
часть ССѢИИ, отд. 2.

Россіи (г. Нисси) возвращался въ свое отечество чрезъ Сибирь, Монголію и Пекинъ. Этимъ же путемъ не разъ пользовались и пользуются европейцы, какъ посланники, такъ и путешественники. Понятно, что вслѣдствіе такого наплыва появилась огромная литература о Средней Азій, разбѣянная въ газетахъ, журналахъ, брошюрахъ и многотомныхъ изданіяхъ. Теперь не успѣваешь читать всего, чтó появляется въ литературѣ, тогда какъ прежде нечего было читать.

Въ этомъ случаѣ и Россія принесла львиную долю касательно изученія Азій. Кто во всемъ образованномъ мірѣ не слыхалъ имени знаменитаго Пржевальскаго, кто не интересовался трудомъ Пясецакаго? Не говоря уже о правительствѣ, сколько экспедицій снаряжено съ нашей стороны и частными лицами! Извѣстны щедрія пожертвованія Бутина, Морозова, Сукачева и др. Какъ не отозваться съ восторгомъ объ увлекательномъ всегда разказѣ о своихъ странствованіяхъ г. Пржевальскаго! Надобно удивляться, какъ онъ, странствуя по пескамъ и горнымъ трупобамъ, всегда почти останавливаясь внѣ людскаго жилья, умѣетъ между тѣмъ возбудить интересъ и къ собственнымъ приключеніямъ и впечатлѣніямъ, и къ своимъ любимцамъ птицамъ и звѣрямъ, относясь къ нимъ съ большимъ сочувствіемъ, чѣмъ къ людямъ. Нельзя не признать великаго достоинства и за скучно, но обстоятельно разказаннымъ путешествіемъ г. Потанина. Въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія у насъ появилось путешествіе Тимковскаго, переведенное на европейскіе языки; нельзя было обойтись безъ него ни въ одинъ проѣздъ по Монголіи изъ Бяхты и послѣ. Такъ точно, поѣхавъ по пути, проложенному г. Потанинымъ, нельзя обойтись безъ его книги путешественнику; такой точности въ описаніи всѣхъ извилинъ пути, его грунта, поднятій и опущеній окружающихъ мѣстностей вы не встрѣтите у г. Пржевальскаго. Когда въ нашемъ Географическомъ Обществѣ г. Пыльцовъ читалъ описаніе пути, пройденнаго имъ отъ Цзайсана до Куээхото, то одинъ извѣстный нашъ ученый, подойдя къ нему заявилъ: „Я сорокъ лѣтъ болѣе или менѣе изучаю востокъ, въ томъ числѣ и Монголію, но только теперь я могу понять ея географическій строй“. А можно ли забыть имена другихъ нашихъ путешественниковъ—отца Палладія, гг. Куропаткина, Барабаша, Венюкова, Каульбарса, Костенка, Ровинскаго и т. д.?

Такъ вотъ чтó дала одна русская литература въ самый короткій періодъ, послѣдовавшій за открытіемъ Китая. Нужно ли добавлять, что изъ западной Европы появилось еще больше путешественниковъ—Рихтгофенъ, Эдкинсъ, Вилльямсъ, Симонъ и проч.?

Но пусть обратятъ вниманіе на то, что мы нарочно ставимъ слово литература, а не наука; на это различіе до сихъ поръ, кажется, всѣмъ не обращаютъ вниманія; если открывается возможность ѣхать въ извѣстномъ направленіи, то у насъ всегда выберутъ литератора, а не ученаго; я увѣренъ, что еслибъ и на луну можно было послать кого, такъ и туда отправили бы не астронома, не естествоиспытателя, а литератора. Для лучшаго поясненія нашей мысли мы укажемъ на слѣдующій фактъ. Представимъ себѣ, что китаецъ, который также по-своему умѣетъ писать витіевато и картинно, странствуя по Россіи, посѣтитъ наши Кіевъ, Москву, Нижній, Смоленскъ и будетъ описывать только то, что онъ видѣлъ, съ кѣмъ встрѣчался, что говорилъ чрезъ переводчика. Дастъ ли онъ своимъ соотечественникамъ то, что мы знаемъ, что онъ долженъ былъ бы сказать о пройденныхъ мѣстностяхъ, о прежнемъ историческомъ ихъ значеніи, о ихъ святыняхъ, о чувствахъ и взглядахъ жителей? Можетъ быть, онъ соберетъ и растенія и продукты, но опредѣлять ихъ будутъ на его родинѣ. Нашъ путешественникъ, проѣзжая по Китаю, непременно постарается измѣрить вамъ высоту или толщину городскихъ стѣнъ, ширину улицъ; восходя на вадую-нибудь гору, будетъ восхищаться открывающимися видами. А знаетъ ли онъ, что въ собственномъ Китаѣ нѣтъ ни одного мѣстечка, которое не было бы описано съ подробностью да и съ историческими воспоминаніями? Миссія Сосновскаго проѣзжала мимо Цзиначжоу, Сянь-Лянь, а намекнула ли она хоть словомъ о стратегическомъ и историческомъ значеніи этихъ городовъ, изъ коихъ одинъ былъ неоднократно столицей, и обладаніе имъ доставляло обладаніе всѣмъ югомъ, а другой составлялъ такой оплотъ противъ непріятельскаго вторженія, что сами монголы осаждали его три года?

До сихъ поръ мы не имѣли еще ученыхъ путешественниковъ по собственному Китаю; въ нашихъ миссіяхъ большая часть членовъ знакома съ языкомъ и отличается учеными трудами, но только такими, которые доступны на мѣстѣ. Ихъ не посылаютъ путешествовать. Не говоримъ уже о несчастной экспедиціи Сосновскаго, который вовсе и не думалъ, на что ему надо обратить вниманіе, пробѣгая какъ угорѣлый, чтобы не тратиться, самыя интересныя мѣстности, и останавливался лишь тамъ, гдѣ его кормили; а между тѣмъ едва ли удастся еще разъ снарядить экспедицію, которая объѣхала бы такое пространство при подобныхъ же благопріятныхъ обстоятельствахъ, при томъ особенномъ вниманіи, какое оказывали мѣстныя власти экспедиціи Сосновскаго. Но при всѣхъ на-

шемъ уваженіи къ такому аккуратному путешественнику, какъ г. Потанинъ, какъ не пожалѣть, что онъ все-таки ѣздилъ безъ языка? Зашелъ онъ въ такія мѣстности, гдѣ говорятъ на любопытнѣйшихъ въ свѣтѣ нарѣчіяхъ, гдѣ подлѣ новыхъ вѣрованій стоятъ устарѣлыя, гдѣ является рѣдкая народная литература тибетцовъ и гириновъ, и въ такомъ-то краю онъ не нашелся, о чемъ спросить, что собирать, вывезти! Какъ не пожалѣть объ этомъ, хотя, конечно, коллекціи г. Потанина, какъ и г. Пржевальскаго, составятъ предметъ разработки для многихъ ученыхъ обществъ на много лѣтъ. Позволю себѣ однако сдѣлать замѣчаніе касательно коллекцій, представляемыхъ нашими путешественниками. Конечно, когда г. Пржевальскій заходитъ въ пустыни сѣвернаго Тибета, куда никогда не проникала нога путешественника, все, что онъ не вывозитъ оттуда (а кажется, и онъ не собиралъ почвы и минераловъ), все будетъ имѣть значеніе по новости; но мы расскажемъ, какъ собиралъ коллекціи покойный докторъ Татариновъ еще въ сороковыхъ годахъ, при чемъ его коллекціи, по отзыву академика Максимовича, до сихъ поръ считаются лучшими и возбуждаютъ удивленіе. Для ближайшихъ мѣстностей вокругъ Пекина онъ самъ выѣзжалъ постоянно со своимъ слугою (которому платилось 2 р. въ мѣсяцъ) и показывалъ ему, что дѣлать съ растеніями для ихъ сохраненія. Приучивъ такимъ образомъ слугу, онъ сталъ посылать его въ отдаленныя мѣстности, въ которыхъ тогда было не удобно показываться европейцу, да и накладно для негугаго кармана (700 р. жалованья). Слуга былъ на столько аккуратенъ, что записывалъ ему и мѣстныя названія растеній на китайскомъ языкѣ, — чего не дѣлаютъ другіе собиратели какъ бы изъ презрѣнія къ научнымъ вопросамъ. Дома Татариновъ приглашалъ мѣстнаго живописца, который въ одинъ день (за 500 чоховъ, то-есть, 20 копѣекъ) со всею аккуратностью, разумѣется, сначала пока не приучился, подѣ тщательнымъ наблюденіемъ и руководствомъ самого Татаринова, составлялъ тѣ драгоцѣнныя рисунки, которые хранятся въ коллекціи нашего Ботаническаго сада. Тутъ вы видите всѣ прожилки, всѣ пестики, всѣ развѣтвленія корешковъ (живописецъ иногда снималъ 2, 3 рисунка въ день). По истинѣ можно сказать и дешево, и мило! И никакъ не вѣримъ мы, чтобъ именно путешественникъ, проѣзжая или проходя дальнія пространства, не останавливаясь въ каждой мѣстности по годамъ, могъ собрать и флору, и фауну безъ пособія самихъ приученныхъ китайцевъ. Укажу еще на одно обстоятельство касательно особенно собственнаго Китая; не только каждая провинція, но часто департаментъ,

уѣздъ, даже небольшая, но интересная въ послѣднемъ мѣстности имѣютъ свое описаніе на китайскомъ языкѣ. Кромѣ другихъ данныхъ, въ этомъ описаніи вы всегда найдете главу, посвященную мѣстнымъ произведеніямъ, мѣстной флорѣ и фаунѣ. Не лучше ли съ такою книгой въ рукахъ дѣлать коллекцію? А потрудился ли кто собрать коллекцію китайскаго рису, бобовъ, гороховъ и прочихъ злаковъ, которыхъ китайцы различаютъ десятками, и которымъ даны названія? Есть ли коллекціи китайскихъ холстовъ, шелковыхъ тѣлецъ, шерстяныхъ матерій и проч.?

Впрочемъ, какъ кому угодно. Можетъ быть, мы, занимаясь изученіемъ востока, предъявляемъ къ нашимъ путешественникамъ свои слишкомъ одностороннія требованія; какъ бы то ни было, они заключаются въ томъ, чтобы путешественники разъяснили намъ съ мѣста тѣ вопросы, которые создаются въ кабинетѣ, свѣрjali, такъ-сказать, книгу съ дѣйствительностью, опредѣляли бы, такъ ли все то, какъ оно описывается въ книгахъ. Дѣйствительность безъ этой подкладки можетъ быть обманчива; или путешественникъ умолчить, не понявъ, что создало эту дѣйствительность. Г. Симонъ былъ превосходный наблюдатель; живя долго, онъ прекрасно передалъ эту дѣйствительность, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ непогрѣшимо; но если онъ не зналъ конфуціанства, которое наблюдаетъ за духовнымъ и умственнымъ развитіемъ и жизнью Китая, и не имѣлъ понятія о китайской исторіи, можемъ ли мы на него положиться? Конечно, нѣтъ! Онъ не можетъ объяснить, какъ создалась эта дѣйствительность, которая у него въ рукахъ.

Какъ бы то ни было, тотъ, кто путешествуетъ по странѣ съ знаніемъ языка и литературы, будетъ писать совсѣмъ не то, что авторъ простыхъ путевыхъ впечатлѣній, странствователь по сушѣ и морямъ. Всѣ эти мысли и взгляды пришли намъ на умъ сами собою при сравненіи трудовъ г. Позднѣва съ другими путешествіями по Средней Азіи вообще, а касательно Монголіи его одного. Только что успѣлъ онъ окончить курсъ въ факультетѣ восточныхъ языковъ, какъ въ это время снаряжалась экспедиція г. Потанина, и ужъ собиралась было взять себѣ въ переводчики какого-то бурята, какъ ей рекомендовали г. Позднѣва. Но онъ долженъ былъ скоро отъ нея отдѣлиться, потому что и совсѣмъ юный ученый все же не можетъ найти себѣ достаточно удобнымъ идти въ хвостѣ не достаточно подготовленнаго начальника экспедиціи. Отдѣлившись, г. Позднѣвъ, зная языкъ, сталъ самъ прокладывать себѣ дорогу чрезъ Монголію, объѣхалъ ее съ за-

пада на востокъ, съ сѣвера на югъ. Какіе же результаты его путешествія? Тотчасъ по возвращеніи, онъ издалъ свои книги: „Описаніе городовъ сѣверной Монголіи“, „Ургинскіе Хутухты“ и проч.

Развѣ другой, не зная языковъ, могъ бы сдѣлать такія сообщенія, которыя, конечно, для науки важнѣе, чѣмъ разсужденіе о китайскихъ солдатахъ или незнаніе существованія секты бонбо? Нельзя же, ѣздя по новой странѣ, держаться только картиннаго описанія природы! Невольно возникаетъ вопросъ: гдѣ же люди? Какъ они существуютъ, какъ они живутъ, какіе мотивы ихъ жизни, каково ихъ умственное развитіе и религіозное вѣрованіе! Всего этого обыкновенный туристъ не затрогиваетъ, потому что не знаетъ языка. Наши военные тоже проходили по путямъ, ведущимъ къ великой стѣнѣ, и пожалуй, укажутъ, гдѣ можно провезти пушки, гдѣ важный стратегическій путь. Но кто изъ нихъ вздумалъ спросить: по чьей землѣ онъ ѣдетъ, въ какихъ отношеніяхъ находится ея владѣтель къ пекинскому двору, какъ велика его сила и т. п.? Такому путешественнику даже и не въ домекъ припомнить, что вся Монголія разбита болѣе чѣмъ на сотни участковъ, управляемыхъ своими князьями, гдѣ онъ ѣдетъ и не сумѣетъ ни слова сказать! Онъ даже не въ состояніи отличить калмыка отъ монгола или урянхайца!

Буддизмъ занимаетъ въ настоящее время важное значеніе въ наукѣ востоковѣдѣнія; кромѣ того, это не только научный, но и практическій вопросъ для такихъ, напримѣръ, государствъ, какъ Англія, уже давно владѣющая Цейлономъ и недавно втершаяся въ Бирманъ, слѣдовательно, владѣющая двумя странами, въ которыхъ буддизмъ составляетъ, какъ и въ Кохинхинѣ, волнуемой подъ французскимъ обладаніемъ, господствующую религію. У насъ въ Россіи хотя и нѣтъ особыхъ буддійскихъ провинцій, но при нашей растерянности между космополитизмомъ и государственностью, буддійскій вопросъ еще болѣе знаменателенъ; мы, подъ влияніемъ космополитизма, не зная, какъ справиться даже съ шаманизмомъ чувашъ, тунгузовъ и другихъ инородцевъ, мы тѣмъ больше пасуемъ предъ ламаизмомъ, то-есть, буддизмомъ, доведеннымъ до самой высшей степени буддійскаго уродливаго и искаженнаго, но за то самаго импозантнаго между невѣждами развитія. На глазахъ нашего управленія наши бураты, перешедшіе въ русское подданство еще шаманистами, передались, какъ бы для негласнаго протеста противъ своихъ господъ, на сторону религіи, исповѣдуемой ихъ единородцами въ сосѣдней странѣ, подчиненной чужому вѣдомству. На нашей памяти эти же бураты стали сильно

импонировать на живших до того времени изолированно наших калмыков; теперь они шлютъ къ нимъ огромные тюки съ священными книгами, и тогда какъ мы были близки къ убѣжденію, что народится еще одно поколѣніе, и калмыки превратятся въ русскихъ, теперь они (въ началѣ столѣтія бросившіе косы и монгольскій костюмъ) стали отъ насъ еще гораздо дальше...

Ученое значеніе буддизма возрастаетъ постоянно; открываются и изучаются новые источники; языки санскритскій, пали, китайскій, тибетскій и монгольскій предлагаютъ къ услугамъ ученаго свою буддискую литературу; въ ней скрывается древній индійскій міръ съ его мировоззрѣніями, народными вѣрованіями, легендами, поговорками, сказками, прибаутками. Ученый преслѣживая шагъ за шагомъ развитіе народившагося въ Индіи и сланнаго тамъ въ архивъ или, лучше сказать, совсѣмъ истребленнаго ученія, которое однако нашло себѣ самый радушный пріютъ не только между невѣжественными обитателями Тибета и Монголіи, но и между такимъ практическимъ и здравомыслящимъ народомъ, какъ китайцы. Философъ ищетъ въ свойствахъ человѣческой природы объясненія, какимъ образомъ въ такой націи могло утвердиться довѣріе къ бреднямъ и фантазіямъ, взлелѣаннымъ на индійской почвѣ. Буддизмъ есть продуктъ грубаго обмана, къ которому только и способенъ нищій (бикшу), какимъ былъ первоначальный буддистъ. Попрошайка готовъ все сочинить, все отвергнуть и все принять, только бы ему самому хорошо было жить; морочить другихъ никто лучше его не способенъ. И вотъ, ученый и мыслитель открываетъ, какъ мало по малу этотъ грязный, оборванный нищій превращается въ богато одѣтаго, ожирѣвшаго монаха, предъ которымъ наконецъ преклоняются цари; самъ онъ становится даже царемъ (Далай-Лама). Прежде у этого нищаго не было, какъ говорится, ни кола, ни двора; онъ обязательно жилъ подъ деревомъ; потомъ у него является шалашъ, изъ шалаша вырастаетъ келья, являются огромные, населенные десяткомъ тысячъ монаховъ монастыри. Зданія ихъ блещутъ отдѣлкой, скульптурными и живописными изображеніями, позлащенными и чисто золотыми огромнѣйшей высоты кумирами съ вставленными вмѣсто глазъ алмазами, съ грудью, увѣшанною десятками четокъ, въ которыхъ каждое зерно чуть не въ кулакъ величиной, а эти зерна—или изумрудъ, или яхонтъ, кораллъ! Монастырь готовъ сочинить про себя какую угодно легенду, только бы привлечь какъ можно болѣе поклонниковъ съ богатыми дарами и вкладами; къ нему приписываютъ тысячи рабовъ (это было нѣкогда

въ Индіи, какъ нынѣ въ Тибетѣ и Монголіи). Превнній нищій ничего не хотѣлъ знать, онъ считалъ обязанностію заглушить въ себѣ и мысль, и чувство, чтобъ исчезнуть изъ міра (Нирвана). Теперь онъ находитъ въ самомъ отрицаніи матеріалъ утверждать все. Во время его развитія на родинѣ (въ Индіи) является, напимѣръ, современное ученіе, которое хочетъ его одолѣть, но онъ сейчасъ изворачивается. Да Будда вѣдь именно этому-то и училъ! Старое ученіе смѣняется новымъ... Да, вѣдь Будда училъ и эдакъ... Намъ не хочется слѣдовать за оборваннымъ нищимъ въ его Нирвану.— Прекрасно! Дѣлай только доброе дѣло: корми меня; это величайшая добродѣтель, за нее ты переродишься или царемъ, министромъ или въ мірѣ боговъ, гдѣ будешь миллионы лѣтъ наслаждаться блаженствомъ!— Да, вѣдь твой Будда въ Нирванѣ, вѣдь онъ исчезъ уже!— Какъ исчезъ? Міровъ, принадлежащихъ безчисленнымъ буддамъ, существуетъ безчисленное множество; у нихъ свои ученики, имъ поклоняются и боги-міроздатели, и міродержители (Индра и Брами). Міры эти представляютъ все, что только можетъ быть вообразено (образчикомъ выставляется описаніе міра Суковати, въ которомъ живетъ Амитаб'а — міръ, попасть куда молятся теперь всѣ буддисты). Да что пустое блаженство! Хочешь и самъ сдѣлаешься буддой: вѣдь всѣ будды были нѣкогда людьми. Возмѣй только эту святую мысль, и сдѣлаешься, если будешь творить добродѣтели, то-есть, кормить учениковъ будды!— Но вѣдь больно долго ждать! По вашему ученію, нужно пройти миллиарды лѣтъ (еще больше, а мы употребили только это уже и безъ того намъ кажушееся большимъ число), чтобы сдѣлаться буддой, и въ это время описываемая жизнь Будды (Шакіамуни) подвергалась постоянно великимъ мучительнымъ пожертвованіямъ!— А, тебѣ хочется въ этой же жизни пріобрѣсти званіе Будды, что жъ и это можно. Предайся вотъ такому-то созерцанію! А созерцаніе велитъ тебѣ представлять себя богомъ въ свойственномъ ему дворцѣ со свитой и богиней, припадшею на грудь и колѣни; отъ постояннаго упражненія въ такомъ сочетаніи, называемомъ слитіемъ разума съ пустотой, въ одно прекрасное утро и самъ превратишься въ будду.... Буддизмъ, дошедшій въ ламаизмѣ (въ китайской литературѣ сохранились только зачатки) до этого верха нелѣпости, гордится между тѣмъ этимъ ученіемъ, которое онъ называетъ самымъ верховнымъ, высшимъ своимъ ученіемъ; такихъ созерцателей (дیانчи) съ испитыми гнусными фзіономіями не рѣдко встрѣчаютъ во всей Монголіи (и Тибетѣ).

Едва ли какая литература, религіозная или свѣтская, прибѣгала когда-

либо къ такимъ фокусамъ, которыми пользуется буддйская. Что легенда, разказанная первоначально кратко, потомъ развивается въ цѣлую поэму или драму, про это мы знаемъ; но чтобъ одно и то же содержаніе изъ маленькой тетрадки, какъ Вачжра цедика, превратить въ 16-томный юмъ посредствомъ неупотребленія мѣстоименій (они, всѣ они) и перечисленія при каждомъ случаѣ сотни терминовъ съ приложеніемъ къ каждому изъ нихъ особо одного и того же прилагательнаго, такъ что, не заглядывая даже въ книгу, вы напередъ можете прочесть наизусть цѣлые тома,—на это нашлась только буддйская литература! Такія книги такъ и называются раздутыми (вайпуліа)! А потому, что же удивительнаго, что Буддѣ приписываются сотни томовъ его ученія, изъ котораго онъ, собственно говоря, не сказалъ ни одного слова!

Кромѣ того, только въ ламаизмѣ являются на сцену во-очію такъ-называемые живые боги (хубилганы, хутухту). Число ихъ растетъ съ каждымъ годомъ, потому что чуть только какой лама прославился святостію жизни или ученостію или просто приобрѣлъ благоволеніе богдыхана или вліятельнаго князя и составилъ себѣ состояніе, какъ ученики его, по его смерти, ищутъ уже его перерожденца, который и называется хубилганомъ. Можно ли сомнѣваться въ ошибкѣ, когда этого перерожденца указалъ, можетъ быть, даже самъ Далай—Лама или Банъченъ эрдени, да и онъ еще въ дѣтствѣ показываетъ, что переродился изъ такого-то! Можетъ быть даже по нѣскольку перерожденцевъ одного и того же ламы въ одно и то же время: одинъ перерожденецъ тѣла, другой слова, третій мысли (души) покойнаго! Нужно ли говорить, что такой перерожденецъ пользуется бѣльшимъ значеніемъ между невѣжественными поклонниками, чѣмъ самый главный первосвященникъ на Цейлонѣ или въ Бирмѣ, чѣмъ въ самомъ Китаѣ или даже и Тибетѣ и Монголіи настоятели большихъ монастырей, не считающіеся перерожденцами. Хотя бы, выросши, такой перерожденецъ и оказался полнымъ невѣждой, но ему не откажутъ даже въ титулѣ всевѣдущаго; какъ бы дурно ни велъ онъ себя, простой народъ увѣренъ, что святитель съ умысломъ притворяется.

Притомъ, подъ вліяніемъ буддизма, почти цѣлая страна ($\frac{5}{8}$ всего населенія, какъ упоминаетъ г. Позднѣвъ на стр. 176), наводнилась монашествомъ (вѣроятно однако, что въ показаніи г. Позднѣва считаются и міряне, принявшіе только нѣкоторые обѣты). Хотя бы большинство, какъ монастырскіе послушники, и принуждено было само работать для прокормленія своихъ принципаловъ, но уже одно это

размноженіе ламъ, обязанныхъ целибатовъ, ведетъ къ разрушенію нравственности. Мы знаемъ, что и въ другихъ странахъ не всё строго придерживаются правилъ нравственности, но никогда и нигдѣ нарушение ихъ не принимало такого открытаго осмѣянія и издѣвательства, какъ среди ламаитовъ.

Объ экономическомъ разореніи края при сплошномъ почти ламскомъ населеніи и говорить нечего; положимъ, что лица низшаго посвященія и отправляютъ нѣкоторыя домашнія работы, занимаются извозомъ и торговлей; но мы знаемъ, куда все это идетъ: на прокормленіе высшихъ, на содержаніе монастырей. Ургинскій хутухта владѣеть десятками тысячъ крѣпостныхъ (шабинары); другіе перерожденцы и монастыри съ каждымъ годомъ увеличиваютъ число своихъ рабовъ и скота, составляющаго главное имущество номадовъ. Мы не слышимъ о свѣтскихъ зажиточныхъ классахъ въ Монголіи, за исключеніемъ княжескихъ родовъ, но и эти едва ли могутъ соперничать съ перерожденцами; свѣтскій для того и старается что-нибудь приобрести, чтобы сдѣлать вкладъ въ кумирню или поднести богатый подарокъ боготворимому имъ перерожденцу. Съ такимъ-то буддизмомъ, или—самымъ крайнимъ и великимъ его развитіемъ ламаизмомъ, приходится считаться намъ, русскимъ. Ламаизмъ переливается страшнымъ, все болѣе увеличивающимся потокомъ въ сопредѣльныя съ Монголіей наши окраины, все болѣе охватываетъ нашихъ подданныхъ бурятъ и отчасти тунгузовъ, а тѣхъ и другихъ насчитываются сотни тысячъ; какъ мы уже упомянули выше, этотъ разливъ коснулся и береговъ Волги, куда судьба закинула калмыковъ. До сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія они были совершенно разобщены съ своими единовѣрцами и могли пользоваться только тѣми буддйскими книгами, которыя были принесены ими въ XVII столѣтіи, съ выходомъ изъ Цюнгариі; не слышно было у нихъ о какихъ-нибудь діянчи; самое вредное ученіе, тавтрійское, называемое самими ламами по справедливости за свое уродство таинственнымъ, было имъ извѣстно только отчасти; у нихъ не было полного собранія Танчжура, тѣмъ болѣе Каньжура. Но съ сороковыхъ годовъ они стали ѣздить въ Забайкалье и тамъ запасаться книгами, теперь проникли въ Монголію, нужно предположить—и въ Тибетъ; не далѣе какъ въ прошломъ году чрезъ иркутскую таможену провезено было огромное количество книгъ. Надобно посудить, во чтѣ обходится такое паломничество бѣдной горсти захудалаго народа—потому что оно составляетъ негласный налогъ на всѣхъ, при чемъ къ дѣйствительнымъ расходамъ нужно

прибавить еще то, что пристанетъ къ рукамъ отправляющихся на общій счетъ наломниковъ, начальства и ламъ. Въ Монголію нельзя явиться съ пустыми руками; надобно поклониться святынямъ, то-есть, сдѣлать богатыя вклады монастырямъ и особо живущимъ въ нихъ перережденцамъ; такого, какъ Чжебцзунъ-дамба Хутуету, нельзя лицезрѣть за пустыяи. Но такіа траты еще болѣе разорительны для нашихъ бурятъ, которымъ послѣ Пекинскаго трактата открылся свободный доступъ въ Монголію и чрезъ нее въ Амдо и Тибетъ. Тамъ еще болѣе знаменитыя святыни, тамъ самъ Далай-Лама и Баньчэнъ Эрдени!

Сдѣлавшись нашими подданными, буряты познакомились съ новою жизненною дѣятельностью; не оставивъ вполнѣ кочевой жизни (благодаря общинной землѣ), они однако занимаются и хлѣбопашествомъ, даже умѣютъ проводить оросительные каналы; они считаются въ Забайкальѣ отличными плотниками, каменщицами и кузнецами. Но вмѣстѣ съ тѣми матеріальными благодѣяніями, которыя мы доставляли бывшему до насъ невѣжественному народу, на насъ лежитъ тотъ грѣхъ, что мы допустили посреди его распространиться еще большому духовному невѣжеству. Шаманство, которому были преданы буряты, при поступленіи въ наше подданство есть безгрѣшная, можно сказать, въ сравненіи съ буддизмомъ, первобытная религія первобытнаго человѣка. Привязанность или любовь къ живымъ старшимъ, какъ отецъ, продолжается въ ней и по ихъ смерти; какъ бы невидимо присутствуютъ они между нами, какъ будто ихъ повелѣнія и распоряженія продолжаютъ и по смерти. Такая привязанность и любовь превращаются въ почитаніе, а для знаменитаго лица правителя, государя—въ обоготвореніе даже не однимъ потомствомъ, но и всѣмъ народомъ. Видимая природа внушаетъ тоже почтеніе или страхъ; солнце оживляетъ, земля питаетъ; рѣки, горы, дождь снабжаютъ своими дарами: это то же, что милость покойныхъ предковъ и ихъ смѣшиваютъ, то-есть, если населяютъ ихъ особыми духами, то распорядителями поставляютъ тѣхъ же предковъ. Злые духи, наводящіе засуху или наводненіе, эпидеміи на скотъ или людей, это—или пострадавшіе невинно, или при жизни отличавшіеся злобой! Таково шаманство! Если изъ почтенія къ роднымъ (предполагая, что они носятъ между нами), мы не смѣемъ притронуться къ любимому нами кушанью, не предоставивъ его прежде какъ бы въ угощеніе имъ, то и для умилостивленія злыхъ духовъ нужны также жертвы. Но это все же не такъ разорительно; эти жертвы только

послѣ стали пожираться жрецами или стали принадлежностью птицъ и дивныхъ звѣрей. Изъ шаманства можно лѣпить воскъ, но въ несчастію, касательно бурятъ лѣпщиками явились не христіанскіе, а ламайскіе миссіонеры. Сначала въ 1729 году появились между бурятами только нѣсколько заграничныхъ ламъ; въ 1822 году считалось уже 2502 ламъ (въ томъ числѣ, вѣроятно, были уже и свои, а не одни заграничные), къ 1837 году 4637; а въ настоящее время, говорятъ, ихъ является на большихъ молебствіяхъ уже болѣе десяти тысячъ. Сначала въ 1757 году былъ построенъ одинъ монастырь на берегахъ Чикоя, въ 1822 году 19, а въ 1831 году 34; теперь официально извѣстно чуть не 100 монастырей; но кромѣ того, каждый зажиточный или пріобрѣтшій извѣстность лама устраиваетъ въ своемъ частномъ жилищѣ кумирню, которая впоследствии можетъ превратиться тоже въ монастырь. Появились уже и свои перерожденцы. Такимъ образомъ содержаніе ламъ съ ихъ храмами, домашнихъ алтарей съ кумирами, книгами, жертвенными вещами, которыми заботится обзавестись всякій и простой буряты, поглощаетъ всѣ тѣ доходы отъ работъ, которымъ научились буряты подъ русскимъ подданствомъ. Присоедините къ этому негласные поборы, дѣлаемые старшинами, соединившимися съ вліятельными ламами, для противодѣйствія христіанской проповѣди подкупа властей, наконецъ, самое убыточное въ общегосударственной экономіи паломничество въ Монголію, Тибетъ и сообразите, во что обходится нашимъ подданнымъ пришлое ученіе.

Но еще большее зло, конечно, заключается въ томъ, что буряты, благодаря вліянію именно ламства, годъ отъ году становятся упрямѣе въ оппозиціи нашей цивилизаціи. Ламаство находитъ выгоднѣе для себя, чтобы буряты оставались номадами, не сближались съ русскими; въ этомъ оно находитъ для себя поддержку и между старшинами, которымъ выгоднѣе народное невѣжество.

Здѣсь вопросъ о свободѣ совѣсти получаетъ, по нашему мнѣнію, новое освѣщеніе. Въ данномъ случаѣ въ этомъ вопросѣ скрывается политическая подкладка. Правительство всякаго государства должно заботиться о своей силѣ и укрѣпленіи, заключающихся въ объединеніи и единодушіи. Что значитъ въ этомъ объединеніи различіе вѣрованій, это понятно всякому, и если недавно мы читали чужеземное приглашеніе нашему правительству допустить переходъ изъ православія въ лютеранство или католичество, то почему не могутъ явиться добрые совѣтники допустить переходъ и въ еврейство, магометанство и,

навонецъ, даже въ такое звичество, какъ ламаизмъ и шаманизмъ? Простой народъ легко можетъ быть увлеченъ всякими бреднями; никогда не будетъ недостатка въ учителяхъ невѣжества, потому что оно оплачивается дороже истиннаго просвѣщенія. Между необразованнымъ людемъ очень распространено вѣрованіе въ колдовство. Нигдѣ мы не найдемъ такого подробнаго ученія о чародѣйствѣ, какъ въ ламаизмѣ: кромѣ наставленія, какъ сдѣлаться самому буддой, оно обѣщаетъ или учитъ, какъ приобрести сверхъестественныя сказочныя силы: неуязвимость отъ оружія, скороходство, отыскиваніе богатства и проч. Въ немъ—предполагается—хранятся секреты, какъ вызвать того или другаго духа и бога къ своимъ услугамъ. Дайте только волю такимъ шарлатанамъ учить, и они найдутъ миллионы вѣрующихъ не хуже монголовъ. Вы скажете, что увлекшіеся скоро убѣдятся въ недѣйствительности такого ученія. Ничуть не бывало; шарлатанство прикрывается извѣстными требованіями; оно объясняетъ неудачи или прежними грѣхами, или неточнымъ исполненіемъ предписаній, недостаткомъ требуемыхъ для чародѣйства снадобій, и такимъ образомъ всегда найдетъ себѣ оправданіе, и вѣра будетъ только усиливаться...

Конечно, прежніе приемы къ поборонію невѣжества въ дѣлѣ религіи оказались недѣйствительными, достигавшими противоположныхъ цѣлей. Но вопросъ долженъ быть перенесенъ именно на внутренне-политическую почву. Государственный мужъ долженъ быть всего менѣе прозелитъ и фанатикъ; для него важнѣе всего, чтобы было единство, единодушіе въ народѣ, составляющемъ государство; онъ держится господствующей религіи, какъ религіи большинства, къ которой легче прикнуть остальнымъ отдѣльнымъ массамъ, чѣмъ большинству распастся на части. Потому-то онъ и прибѣгаетъ къ чисто государственнымъ, а не инквизиціоннымъ мѣропріятіямъ.

Въ отношеніи нашихъ инородцевъ, не однихъ только бурятъ, но и вообще всѣхъ кочевниковъ (магометанство также распространилось благодаря нашему невниманію между киргизами), мы уже не разъ указывали на дѣйствительныя мѣры. Съ какой стати поручать управленіе мусульманами или ламаитами только ихъ единовѣрцамъ? Въ нашихъ губерніяхъ и мордва, и черемисы, и чуваша управляются же русскими чиновниками; католики, лютеране, евреи не смѣютъ требовать особаго управленія. Между бурятами, калмыками и киргизами всегда найдутся и христіане и образованные. Станутъ ли они покровительствовать негласнымъ

сборамъ въ пользу магометанства или ламаиства? Конечно связать своими земляками въ дѣлѣ перехода въ христіанство; онъ долженъ или выселиться, или подвергнуться преслѣдованію. Земля общинная — вслѣдствіе этого онъ будетъ стѣсненъ даже въ пользованіи ею. Выдѣлите каждому его долю (конечно, не свыше опредѣленнаго количества на душу) въ собственность, чтобы онъ могъ ею свободно распоряжаться; онъ можетъ перепродать ее русскимъ, которые такимъ образомъ явятся дѣйствительными цивилизаторами среди степняковъ. Остальные кочевья обложите по количеству скота, дѣйствительно могущаго на немъ прерокормиться, а не по показываемому всегда фальшиво состоящимъ на лицо. Ввести по возможности какъ можно въ большихъ процентахъ посреди кочевниковъ русской элементъ, вотъ лучшее и едва ли не единственное средство для нихъ образованія и обрусенія.

Но мы завлеклись очень далеко; однако намъ необходимо было показать, что изученіе буддизма составляетъ для насъ не одинъ только ученый интересъ, но и внутренний государственный. Мы видимъ теперь значеніе для насъ ламаиства; видимъ, что если врага надобно изучать, чтобы принимать противъ него мѣры, то только въ его источникѣ. Ламаиство можетъ быть изучено только въ Монголіи, и кто изъ нашихъ путешественниковъ могъ бы начертать такую картину быта буддійскаго духовенства въ Монголіи, какую представляетъ трудъ г. Позднѣева? Мы знаемъ, что буддизмъ распространенъ и въ Китаѣ, и въ Японіи, и въ Загангской Индіи, и на Цейлонѣ, и въ Непалѣ; но ни для одной страны мы не имѣемъ такого тщательнаго и обстоятельнаго изложенія. Шагъ за шагомъ г. Позднѣвъ знакомитъ насъ съ подраздѣленіемъ монастырей, ихъ постройкой, архитектурой, внутренностью храмовъ, рисунками, жертвенными принадлежностями; затѣмъ переходитъ къ лицамъ ихъ управленія, различію ламъ по самому посвященію, наконецъ, къ самому богослуженію. Правда, на все это ученый найдетъ подлинныя документы въ буддійскихъ книгахъ и объяснитъ изъ нихъ мотивы самыхъ постановленій; но это уже не будетъ дѣйствительностью; буддизмъ представляетъ много отступленій и измѣненій отъ своихъ каноновъ въ каждой странѣ, въ которой онъ водворился; эти измѣненія и отступленія можетъ подмѣтить и указать только путешественникъ, ознакомленный съ предметомъ и являющийся въ буддійскую страну съ знаніемъ языка его жрецовъ. Таковъ г. Позднѣвъ, и въ этомъ его заслуга и преимущество. Сверхъ того, такіа описанія, какъ статья о даянчи (стр. 202—233) и о хубилга-

ганахъ (стр. 233—275), составляютъ совершенно новый вкладъ въ науку. Они не были еще никѣмъ до сихъ поръ изложены съ такою картинностью.

Но излагать подробности значило бы переписать всю книгу г. Позднѣва. Мы удовольствуемся приведеніемъ одного отрывка, изъ котораго будетъ видно, до какой степени ламство захватило всѣ богатства и безъ того бѣднаго народа, разбитаго на кучки подъ управленіемъ своихъ помѣщиковъ-князей въ Монголіи:

„Устроивъ храмъ, халхаскіе князья дарили его обыкновенно хутухтѣ, при чемъ каждый князь отдѣлялъ еще изъ числа своихъ данниковъ нѣсколько семей и также передавалъ ихъ на вѣчное владѣніе хутухтѣ. Съ тѣхъ поръ эти семьи составили уже собою отдѣльное вѣдомство и получали названіе шабинаровъ того хутухты, которому они были подарены. Они освобождались навсегда отъ платы податей своимъ прежнимъ свѣтскимъ правителямъ и въ замѣнъ сего обязаны были содержать своего хутухту, равно какъ и принадлежащій ему монастырь; въ кочевья имъ отводилась обыкновенно земля вокругъ этого монастыря, и въ административномъ отношеніи они зависѣли отъ монастырскаго начальства. Число шабинаровъ у различныхъ халхаскихъ хутухтъ обусловливается главнымъ образомъ знатностью и значеніемъ въ народѣ самихъ хутухтъ, а потому весьма различно: мы знаемъ, напримѣръ, что количество шабинаровъ Чжабцунъ-дамба хутухты превосходитъ 20,000 семей, между тѣмъ какъ у Оромбо-гэгэна едва насчитывается ихъ до 150. Само собою разумѣется, что отъ этого количества шабинаровъ не мало зависитъ и богатство каждаго монастыря, но за всѣми тѣмъ всякій хутухта всегда и совершенно вѣрно разчитываетъ, что благосостояніе монастыря его вполнѣ упрощено коль скоро у него явилось 50 или 100 семей шабинаровъ. Источники доходовъ отъ шабинаровъ у монастыря и хутухты самые разнообразны, тѣмъ болѣе что въ вѣдѣніи монастырей и хутухтъ обыкновенно ни одинъ человѣкъ не останется безъ дѣла. Бобыли и бездомные одиночки по большей части живутъ при монастырскихъ табунахъ и стадахъ монастырскаго скота, а въ самыхъ монастыряхъ они исполняютъ обязанности работниковъ; семейные и занятые отъ этихъ работъ увольняются, но за то они несутъ на себѣ повинности, которыя, конечно, приносятъ хутухтамъ еще болѣе важные доходы. Первымъ видомъ доходовъ, доставляемыхъ этими послѣдними шабинарами, являются прямыя подати: каждый шабинаръ изъ имѣющихся у него двадцати овецъ обязанъ отдать ежегодно въ пользу монастыря одну; при этомъ пять коровъ, три лошади или два верблюда приравняются къ двадцати овцамъ. Если шабинаръ имѣетъ менѣе двадцати овецъ тогда онъ платитъ подать хлѣбомъ, чаемъ или наконецъ деньгами. Съ десятка овецъ или двухъ коровъ у различныхъ хутухтъ шабинары платятъ различно: отъ пяти до шести котловъ проса, отъ четырехъ до пяти кирпичей чаю, или же отъ двухъ до двухъ съ половиною ланъ серебра; съ пяти овецъ, или одной коровы почти у всѣхъ вносятся три котла проса, два кирпича чаю, или же лана серебра деньгами. Но уходъ за скотомъ и вообще всякаго рода домоводство лежитъ у монголовъ, какъ извѣстно, на обязанности женщинъ; отсюда помянутая подать, соб-

ственно говоря, берется съ женскаго труда и достатка; что же касается мужчинъ, то они въ свою очередь не мало платятся недостатками своего труда въ монастырь. Въ этомъ отношеніи для хутухтъ особенно выгоднымъ является извозничество шабинаровъ. Китайскіе купцы, постоянно перевозятъ свои товары изъ Китая въ Монголію и обратно изъ Монголіи за великую стѣну, обыкновенно пользуются для этого транспорта монгольскими вьючными животными. Но такъ какъ для нихъ всегда удобнѣе, выгоднѣе и безопаснѣе имѣть дѣло съ зажиточными возчиками, то они въ этихъ случаяхъ прежде всего заботятся о томъ, чтобы сдать весь транспортъ въ руки и на отвѣтственность одного лица. Въ Халхѣ въ настоящее время уже никто, кажется, такъ не богатъ скотомъ, какъ монастырскіи обитатели, и потому ежели какому-либо китаюцу потребуются караванъ въ 50, 60 верблюдовъ, то поставщикомъ такого каравана всегда является казначейство того или другаго монастыря, того или другаго хутухты. Отправляя животныхъ изъ своихъ стадъ, монастырское казначейство посылаетъ при этомъ погонщиками тѣхъ самыхъ бобылей изъ своихъ шабинаровъ, которые дома у него или ухаживаютъ за монастырскимъ скотомъ, или же состоятъ при монастырѣ въ качествѣ работниковъ. Очень часто бываетъ при этомъ, что въ составѣ такихъ монастырскихъ каравановъ и не всѣ животныя принадлежатъ монастырю, но часть ихъ составляетъ собственность шабинаровъ, причисленныхъ къ вѣдомству хутухты. Въ этомъ случаѣ у халхасовъ идетъ, такъ сказать, круговая порука. Шабинаръ, имѣющій у себя три, пять, десять верблюдовъ, не могъ бы одинолично получить для себя выгоднаго подряда, и вотъ онъ присоединяется съ своими верблюдами къ хутухтинскому каравану и везетъ транспортъ какъ бы везли его верблюды хутухтинскаго казначейства. Этотъ способъ особливо практикуется въ казначействахъ хутухтъ малозначительныхъ и небогатыхъ, которые безъ взаимной помощи своихъ шабинаровъ не могли бы, пожалуй, сами по себѣ и держать подрядовъ; но не менѣе часто можно видѣть то же самое и въ караванахъ, снаряжаемыхъ отъ богатыхъ монастырей, потому что такое присоединеніе шабинаровъ къ ихъ караванамъ является далеко небезвыгоднымъ для монастырскихъ казначействъ. Дѣло въ томъ, что каждый шабинаръ, пожелавшій присоединиться къ монастырскому каравану, обязанъ платить за это позволеніе присоединиться или, другими словами, платить за то, что ему доставляется выгодная работа; за то, что по немъ поручаются, за то, наконецъ, что ему будетъ легче и безопаснѣе идти въ большомъ караванѣ, — и плата за все это полагается довольно значительная. Какой-либо нормы для опредѣленія ея мнѣ никогда не приходилось встрѣчать въ монгольскихъ монастыряхъ, и собственно говоря, этой нормы, по всей вѣроятности, не существуетъ вовсе; ибо я наблюдаю, что при договорѣ съ своимъ шабинаромъ со стороны монастырскихъ ламъ всегда принимается въ разчетъ выгоды заключеннаго ими подряда, дальность и удобство пути, время совершенія путешествія, количество верблюдовъ шабинара и вообще всѣ, идущія къ дѣлу обстоятельства. Высшую плату, какъ мнѣ пришлось видѣть въ монастырѣ Угэй-вор'скомъ, составляло то, что при подрядѣ отъ Улсутаа до Урги (при цѣнѣ 12 ламъ за cadaго вьючнаго верблюда) изъ числа трехъ верблюдовъ шабинара одинъ шелъ въ пользу монастырскаго казначейства; самая низшая плата была наблюдаема мною въ монастырѣ Барунъ-хурѣ, гдѣ, при перевозѣ

осушаетъ кошѣны суммами въ 3, 5, 8 тысячъ ланъ серебра, получая за нихъ отъ 10 до 30 годовыхъ процентовъ; тѣ же самыя операціи производятъ и казначейства другихъ хутухтинскихъ монастырей. Отсюда-то всегда происходило и происходитъ то, что незначительныя гэгэновскіе сумэ и хиты, вслѣдъ за поднесеніемъ хутухтѣ шабинаровъ, постоянно преобразовываются въ богѣ или менѣ значительныя монастыри Халхи“.

Итакъ, вотъ какой результатъ ждетъ и нашихъ бурятъ при пресловутой свободѣ совѣсти. Мы видимъ, что вся сѣверная Монголія находится въ рукахъ хутухтѣ; не избѣжать этого и нашимъ подданнымъ, если у нихъ разведутся гэгэны, а они уже завелись..

В. Васильевъ.

АПОЛОГІЯ ЛАМСТВА.

Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи въ связи съ отношеніями сего послѣдняго къ народу. *А. Позднѣва.* С.-Пб. 1887. (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи, т. XVI).

Трудъ г. Позднѣва, по собственнымъ словамъ автора, „представляетъ собою почти дословную выписку изъ дневниковъ, которые онъ велъ во время путешествія по Монголіи въ 1876—1879 гг.“. Отвлекаемый многообразными научными работами, авторъ лишенъ былъ возможности издать эти дневники непосредственно по прибытіи въ Петербургъ, и только въ 1887 году почелъ благовременнымъ издать очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи. Благовременность изданія оправдывается, по мнѣнію автора, тѣмъ, что 1887 годъ монголы считаютъ годомъ трехсотлѣтняго юбилея возрожденія буддизма въ Халхѣ. Въ 1587 году изъ Тибета прибылъ въ монастырь Эрдэни-цэу лама Шиддиту габжу; онъ совершилъ великое освященіе эрдэни-цэускихъ храмовъ и учредилъ правильное ламское общежитіе: „вѣра будды какъ солнце просіяла въ Халхѣ; животворныя лучи ея согрѣли души халхасовъ и смирили ихъ жестокія нравы: халхасы совершенно вступили на путь десяти бѣлыхъ добродѣтелей и стали весьма прилежны къ дѣваніямъ высокородныхъ святыхъ“.

Такіе отзывы монгольскихъ лѣтописцевъ, говоритъ г. Позднѣвъ, — по видимому, исполнены олицетворенной правды, и въ подтвержденіе того авторъ приводитъ рядъ свидѣтельствъ старыхъ и новыхъ пу-

тешественниковъ о распространеніи буддизма среди монголовъ. Авторъ могъ бы тутъ же припомнить еще и свое собственное, несомнѣнно столь же правдивое, показаніе, сдѣланное вскорѣ послѣ прибытія изъ Монголіи: „Никто не зналъ“, говорилъ г. Позднѣевъ по поводу событія, трехсотлѣтній юбилей котораго онъ нынѣ ознаменовалъ изданіемъ своихъ очерковъ,—„что, возвращая это дерево (то-есть, буддизмъ), халхасы возвращаютъ смертоносный маншинель, который своимъ ядомъ долженъ былъ отравить все ихъ существо и въ самой его основѣ. Теперь, впрочемъ, это дерево только ласкало ихъ зрѣніе, пронзаятъ же свои губительные плоды и отуманивать существо несчастныхъ халхасовъ оно начало только со времени перерожденія въ Халхѣ хубилгана Чжэбцзунъ-дамба-хутухты“¹⁾).

Знаменательное событіе, трехсотлѣтній юбилей котораго былъ ближайшимъ поводомъ къ обнародованію объемистой книги профессора Позднѣева, такимъ образомъ, освѣщалось самимъ ученымъ монголистомъ неодинаково, въ разные времена... Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что юбилей, празднуемый г. Позднѣевымъ, имѣетъ высокое религіозное значеніе не только для халхасовъ, но и для буддистовъ внѣ Монголіи, напримѣръ, для русскихъ подданныхъ бурятъ. Г. Позднѣевъ разказывалъ когда-то, что „ламы у бурятъ... вселяютъ въ сердца ихъ вѣру въ духовное величіе буддійскихъ святынь въ отдаленныхъ мѣстахъ снѣжнаго царства или соплеменной бурятамъ Монголіи... ламы естественно хотятъ выставить и себя по крайней мѣрѣ отраженіемъ того же величія, а отсюда при стремленіи ихъ стать выше народа, возникаетъ желаніе отдѣлиться отъ него именно въ ту сторону, гдѣ блистаетъ это величіе, и въ сторону Халхи... бурятскіе ламы всѣми силами души стремятся считаться халхасами и, отвергая отъ себя всякое постороннее вліяніе, презирая все, что могло бы привзойти въ ихъ жизнь со стороны Руси, хотятъ быть похожими только на халхасовъ... бурятскій лама считаетъ для себя постыднымъ говорить по русски и напротивъ прежде и ближе всѣхъ старается объ усвоеніи у себя халхасскихъ особенностей рѣчи“²⁾). Словомъ, очевидно, празднуемое нынѣ авторомъ событіе—обще-ламское торжество... Впрочемъ, у автора при изданіи его книги, кромѣ

¹⁾ Позднѣевъ, Монгольская летопись Эрдэнийнъ эрхизъ, стр. 114.

²⁾ А. Позднѣевъ, Образцы народной литературы монгольскихъ племенъ, тр. 223.

желанія принять сильное участіе въ халкаскомъ юбилеѣ, были, по всей вѣроятности, и другія еще цѣли.

Собранныя имъ свѣдѣнія — разказываетъ онъ намъ — касательно быта монгольскихъ монастырей и монголо-буддійскаго духовенства въ свое время встрѣтили самое лестное вниманіе со стороны нашихъ администраторовъ Восточно-Сибирскаго края, какъ духовнаго, такъ и гражданскаго вѣдомства. Администраторы двухъ вѣдомствъ не только выражали автору свое желаніе, но даже указывали на необходимость изданія его замѣтокъ по возможности скорѣе. Въ частныхъ бесѣдахъ автору были выяснены и тѣ нужды, которымъ собственно долженъ былъ бы удовлетворять его трудъ. Администраторы того и другаго вѣдомства требовали, чтобы проф. Позднѣвъ далъ имъ свѣдѣнія о должной, обыденной обстановкѣ и жизни буддійскихъ монастырей и монаховъ, изложилъ бы именно тѣ правила, которыми руководствуется теперь буддійское духовенство, сообщалъ бы о каждомъ предметѣ именно то ученіе, тѣ понятія и вѣрованія, которыя распространены о немъ у современныхъ буддистовъ (стр. XIV предисловія). Убѣжденный этими доводами и желая послужить дѣлу несомнѣнно практической важности, проф. Позднѣвъ издалъ свою книгу. Для практическихъ дѣятелей, замѣчаетъ авторъ, — для людей, поставленныхъ въ ближайшее отношеніе къ буддистамъ, такого рода свѣдѣнія (то-есть, то, что есть въ его книгѣ) гораздо болѣе необходимы, чѣмъ даже научныя изысканія объ историческомъ ходѣ развитія буддійскихъ идей. Руководясь такими практическими соображеніями, съ цѣлью дать читателю книги возможность всецѣло войти въ область именно монгольскаго буддизма (стр. XV предисловія), авторъ, прежде всего, усвоилъ очень оригинальное написаніе общепринятой специалистами буддійской терминологіи: такъ какъ въ книгѣ говорится о буддизмѣ у монголовъ, то авторъ почитаетъ за болѣе вѣрное давать вещамъ и монгольскія названія, или если не монгольскія, то по монгольски искаженныя. Вѣдь мы пишемъ же ангель, іерей, — „никто“, говоритъ проф. Позднѣвъ, — „не станеть въ видахъ научности называть эти предметы ихъ греческими именами“. Совершенно вѣрно, но никто до сихъ поръ въ научныхъ книгахъ ради большей вразумительности не писалъ анделъ или тому подобныя искаженія въ устахъ народа греческихъ словъ. Къ этому мы вернемся ниже.

Россія, говоритъ авторъ, — въ настоящее время можетъ считать у себя уже миллионы (неужели миллионы? такъ ли?) поклонниковъ

будды по сектѣ Цзонхавы, а между тѣмъ что знаемъ мы о цзонхавинскомъ вѣроученіи?.. „Почти ровно ничего“, отвѣчаетъ проф. Позднѣевъ. Но у насъ не только отсутствіе свѣдѣній въ этой области, но что еще горше, у насъ господствуютъ, по мнѣнію автора, превратныя представленія о буддизмѣ среди монголовъ. „Намъ постоянно твердятъ о томъ“, говоритъ проф. Позднѣевъ, — „что духовенство у ламантовъ отличается невѣжественностью и корыстолюбіемъ.... Мы читаемъ и слышимъ въ нихъ (то-есть, въ описаніяхъ монгольскаго духовенства) огульное порицаніе цѣлаго класса.... Намъ говорятъ, что ламство невѣжественно.... Намъ говорятъ, что ламство угнетаетъ народъ.... Намъ говорятъ о бездѣятельности ламства.... Намъ говорятъ, что ламство своевольно“ и т. д. (предисловіе, стр. XI). Кто все это говорилъ г. Позднѣеву—къ сожалѣнію, мы не знаемъ; лично мы читали, между прочимъ, всѣ таковыя обвиненія въ произведеніяхъ самого автора. Въ одномъ изъ раннихъ трудовъ его, изданномъ черезъ годъ по возвращеніи изъ Монголіи ¹⁾, о буддизмѣ говорится, что „онъ убилъ въ нихъ (то-есть, въ монголахъ) всякую энергію жизни.... теперь монголъ, подъ предлогомъ совершенствованія своего внутренняго существа, а на самомъ дѣлѣ пожалуй и просто по лѣни, проводитъ цѣлую жизнь, ничего не дѣлая и бессмысленно повторяя шесть пресловутыхъ слоговъ“ ²⁾.... Ихъ ламы, говорится въ другомъ мѣстѣ тамъ же, — „вопреки обѣтамъ безбрачія, живутъ открыто съ женами и имѣютъ дѣтей; пьютъ вино какъ воду.... наконецъ они прославились даже и какъ разбойники.... Буддизмъ докончилъ дѣло убійства халхасовъ.... Халхасъ не живетъ, а только въ періодъ своего существованія на землѣ извращаетъ свою природу и страдаетъ душою и тѣломъ. Черезъ три года послѣ появленія на свѣтъ, онъ дѣлается ламой и балованнымъ ребенкомъ; съ десяти до семнадцати заучиваетъ нѣсколько молитвъ и усваиваетъ себѣ науку ханшества, притворства и обмановъ; въ двадцать лѣтъ начинается у него жизнь полная разгула и лишеній, крайней неумѣренности и грубыхъ чувственныхъ наслажденій“ и т. д. ³⁾. Китайскій императоръ „построилъ имъ на свой счетъ нѣсколько обширныхъ монастырей, и, выставляя это зло какъ примѣръ своей заботливости и милостивыхъ благодѣяній, ежегодно собираетъ теперь

¹⁾ А. Позднѣевъ, Образцы народной литературы монгольскихъ племенъ, стр. 72.

²⁾ Стр. 80, 81.

³⁾ Стр. 130.

съ народа дань по два и по три раза. Такимъ образомъ, бѣднѣя годъ отъ года и истощаясь больше и больше, олбты начинаютъ чувствовать себя неспособными осуществить свое благо на землѣ, а потому невольно переходятъ къ мечтамъ о блаженствѣ на небѣ¹⁾. Приведенныхъ выписокъ, полагаемъ, совершенно достаточно, для уразумѣнія того, какъ г. Позднѣвъ смотрѣлъ прежде на буддизмъ; теперь, „при ближайшемъ знакомствѣ съ буддизмомъ я нашелъ“, утверждаетъ нашъ авторъ,—въ буддійскихъ монастыряхъ стройныя правила жизни ламъ²⁾. Изъ этого послѣдняго заявленія, слѣдуетъ ли, что все то, что „намъ говорить“, и что отчасти самъ г. Позднѣвъ прежде утверждалъ, есть ложь и клевета, и администраторы гражданскаго и духовнаго вѣдомства приглашаются ли вѣрить послѣднему, болѣе зрѣло обдуманному мнѣнію автора? Дѣло идетъ не о разъясненіи какихъ-либо научныхъ воззрѣній, несомнѣнно вырабатывающихся среди тиши кабинетной и естественно могущихъ измѣняться у каждаго ученаго; рѣчь касается наблюденія жизненныхъ явленій. Прежде, тотчасъ по возвращеніи изъ Монголіи, авторъ живописалъ ламъ пьяницами и развратниками; теперь, нѣсколько лѣтъ спустя, въ годъ халхаскаго юбилея онъ утверждаетъ, что въ ламскихъ монастыряхъ существуютъ стройныя правила жизни.

Вопросъ не въ томъ, есть ли въ буддійской литературѣ правила строгой нравственности. Объ этомъ едва ли можно спорить. Но нельзя не недоумѣвать, когда одинъ и тотъ же авторъ по одному и тому же факту, подлежащему его наблюденію, даетъ два мнѣнія совершенно противоположныя: то онъ говоритъ: „покупать водку и пьянствовать въ монгольскихъ монастыряхъ не въ обычаѣ, да притомъ ламы не обладаютъ для сего и достаточными средствами“³⁾; а раньше, по всей вѣроятности на основаніи тѣхъ же своихъ дневниковъ, свидѣтельствовалъ, что ламы „пьютъ вино какъ воду... приносятъ подарки, стоящіе десятки тысячъ рублей, хотя первое правило ламы — крайняя нестяжательность“⁴⁾.

Гдѣ же правда? Куда вкралась кривда? Конечно, можно и не сильно добиваться отвѣта, можно успокоиться на томъ соображеніи, что указанные противорѣчія имѣютъ значеніе только для характеристики

¹⁾ Тамъ же, стр. 145.

²⁾ Предисловіе, стр. XII.

³⁾ Очерки, стр. 179.

⁴⁾ Образцы и проч., стр. 81.

нашего автора, а не въ практическомъ дѣлѣ, которому онъ хотѣлъ послужить, издавая свои наблюденія надъ монастырскою жизнью монголовъ; и несомнѣнно, что администраторы обоихъ вѣдомствъ, какъ гражданскаго, такъ и духовнаго, для которыхъ настоящая книга должна быть руководствомъ къ познанію ламства, при непосредственныхъ сношеніяхъ съ буддистами имѣютъ полную возможность провѣрить справедливость показаній г. Позднѣва, предпринявшаго въ настоящей книгѣ неблагодарный трудъ защитника ламъ, апологета хураловъ и хувараконъ.

Но тонъ апологета, принятый авторомъ въ предисловіи, не выдерживается послѣдовательно въ книжкѣ: проскользываютъ факты, прямо противорѣчащіе тому, что заявлено въ предисловіи. О нихъ можно было бы не упоминать, но, описавъ ихъ въ подробности, трудно защитить и извинить ихъ чудовищность. Вотъ, для примѣра, нѣсколько отрывковъ изъ разказовъ автора о хутухтахъ: „Съ возрастомъ очень многіе изъ нихъ нерѣдко впадаютъ въ какую-нибудь слабость: одни, болѣе флегматичные пристращаются къ вину, другіе къ женщинамъ.... По этому поводу нужно замѣтить еще, что монголы смотрятъ болѣе снисходительно на такого рода связи, если хутухта мѣняетъ женщинъ; если же живетъ онъ съ одною, то-есть, прямо заводитъ себѣ наложницу, то теряетъ въ народѣ всякое уваженіе“ (стр. 269). Ужь если хутухта имѣетъ наложницъ, то само собою разумѣется, простой лама и подавно въ этомъ грѣшенъ; это признаетъ и г. Позднѣвъ (стр. 176), замѣчая, по поводу того, что лама, сходясь съ женщиной, не платитъ калыма, не совершаетъ никакихъ религіозныхъ церемоній: „Все это вѣдь внѣшнія формы, которыя при ихъ обычности, мало имѣютъ значенія для нравственнаго чувства — въ сущности лама точно также любитъ свою жену и своихъ дѣтей, какъ и монголъ, сочетавшійся бракомъ“. Любопытно, извѣстна ли и халхаскимъ хувараконъ эта точка зрѣнія на сожительство внѣ брака и жоржъ-зандовскія вольныя мысли о бракѣ?

Въ числѣ этихъ воплощеній святости и мудрости бывають вотъ еще какія: объ одномъ хутухтѣ разказываютъ, по словамъ г. Позднѣва, что „по дорогамъ буквально не было проѣзда отъ его шайки; онъ грабилъ не только отдѣльныхъ кочевниковъ, но и цѣлыя купеческія караваны, забирая все награбленное въ свой монастырь, и путемъ подачекъ, избѣгая всякой отвѣтственности“. Наконецъ его поймали и судили въ Пекинѣ, послѣ чего приказомъ богды-

хана ему навсегда запрещено было перерождаться (стр. 271). Вотъ и стройныя правила жизни!

Трудъ г. Позднѣева, богатый разнообразнымъ содержаніемъ, раздѣляется на пять главъ: въ первой, озаглавленной: „Общія замѣчанія о буддійскихъ монастыряхъ Монголіи“, мы имѣемъ описаніе монастырей, ихъ названій, ихъ происхожденія и матеріальной обезпеченности. Во второй—„Монголо-буддійскія кумирни и ихъ принадлежности“—дается подробное описаніе храмовъ. Въ третьей—„Духовенство“—описывается жизнь ламы. Въ четвертой говорится о хубилганахъ. Въ пятой и послѣдней описываются буддійскія собранія или богослуженія, какъ предпочитаетъ переводить слово хуралъ нашъ авторъ, хотя, какъ извѣстно, монгольское слово хуралъ есть переводъ санскритскаго śābha, а послѣднее значить сборище, сходка, но никакъ не богослуженіе.

Въ европейской литературѣ, едва ли не начиная съ появленія знаменитыхъ трудовъ Бюрнуфа, вошли въ общее употребленіе два термина при описаніи буддизма. Исслѣдователи говорятъ о сѣверномъ и южномъ буддизмѣ. Термины эти совершенно понятны, когда ими характеризуется современное состояніе буддизма въ Цейлонѣ, Бирмѣ, Сіамѣ, съ одной стороны, и въ Непалѣ, Сиккимѣ, Тибетѣ, Китаѣ, Монголіи—съ другой. Буддизмъ на югѣ и съ вѣшней стороны—постройкою храмовъ, предметами культа, облаченіями монаховъ, своими праздниками, и съ внутренней—своею литературою, своимъ ученіемъ сильно отличается отъ буддизма на сѣверѣ. У храмовъ мѣстный архитектурный стиль на Цейлонѣ свой, а въ Бирмѣ, въ настоящее время, подъ вліяніемъ китайской архитектуры развился совершенно особый и отличный отъ цейлонскаго. И на Цейлонѣ, и въ Бирмѣ, и въ Сіамѣ народъ молится передъ изображеніемъ Сакьямуни или Майтреи. Другихъ бодхисатвъ, которымъ повлоняются на сѣверѣ, тамъ не знаютъ даже и по имени. Монахи южные съ своими бритыми и непокрытыми головами, въ желтыхъ тогахъ, не имѣютъ и отдаленнаго сходства съ тѣми тибетскими монахами, которыхъ намъ приходилось видѣть и въ Сиккимѣ, и въ Катманду. Священная литература юга извѣстна теперь на столько, что несходство ея по содержанію съ Канджуромъ или съ Санъ-цзаномъ едва ли можетъ быть оспариваемо.

Вотъ два крупные факта въ современномъ буддизмѣ: есть южный буддизмъ, съ тремя питаками на языкѣ пали, и сѣверный, сохранившій обширную литературу въ переводахъ на тибетскомъ и

китайскомъ языкахъ, и отчасти въ оригиналахъ, въ Непалѣ. Буддизмъ въ Монголіи не есть явленіе, стоящее внѣ этихъ двухъ важныхъ фактовъ. Монголы приняли буддизмъ изъ Тибета, никогда не знали подлинниковъ своей священной литературы, переводили съ тибетскаго, и хотя есть извѣстіе, что весь Канджуръ былъ переведенъ на монгольскій языкъ, но, какъ кажется, этотъ переводъ остался безъ употребленія. Г. Позднѣвъ свидѣтельствуеетъ, что священное писаніе и богослужебныя книги у монголовъ написаны на тибетскомъ языкѣ (стр. 133, ср. стр. 135), и что буддійскіе молитвенники у монголовъ и читаются въ кумирняхъ на тибетскомъ языкѣ (стр. 306). Совершенно очевидно, что какого-то особливаго монгольскаго буддизма нѣтъ. Можно предполагать, что въ жизни буддизмъ у монголовъ проявляется какъ-нибудь оригинально въ отдѣльныхъ случаяхъ; но несомнѣнно, все книжное у нихъ тибетское, и безъ знанія тибетской литературы нельзя основательно описывать буддизмъ въ Монголіи. И это блестяще подтвердилъ нашъ авторъ.

Правда, онъ кое-гдѣ ссылается на дульбу и на что-то подъ названіемъ буддійской каноники, но собственно Винаи на тибетскомъ языкѣ онъ не знаетъ, хотя случайно въ книгу и вкралась (на стр. 286) тибетская цитата; будь авторъ знакомъ самымъ поверхностнымъ образомъ съ Винаей, что требовалось самымъ предметомъ и содержаніемъ его книги, онъ, конечно, разгадалъ бы, что это такое служеніе Яра (!? стр. 285), или Сочжинъ, и описалъ бы и то, и другое не такъ, какъ это имъ сдѣлано въ его книгѣ (стр. 341). Все это такія старинныя, обще-буддійскія учрежденія, толковать которыя автору обширнаго труда о буддійскихъ монастыряхъ и т. д. даже нѣсколько неловко. Мы этого и не возьмемъ на себя, будучи увѣрены, что авторъ найдетъ разъясненія по этому вопросу въ очень многихъ и многихъ книгахъ о буддизмѣ. Словомъ, знакомство съ Винаей было настоятельно необходимо при описаніи именно того, что главнымъ образомъ составляетъ содержаніе очерковъ г. Позднѣва. Онъ можетъ, конечно, указать на то мѣсто своего предисловія, гдѣ говорится, что содержаніе книги составляютъ почти дословныя выписки изъ дневниковъ, то-есть, его личныя наблюденія, а не изслѣдованія по литературнымъ памятникамъ; но этого заявленія предисловія авторъ въ книгѣ нигдѣ строго не придерживается, а иногда даже какъ будто и совсѣмъ забываетъ его, потому что начинаетъ глухо называть свои источники или рассказывать происхожденіе какого-нибудь обряда

или культа. Къ сожалѣнію, и то, и другое въ большей части слу-
чаевъ неудовлетворительно.

Незнакомство автора съ Винаей, хотя, повторяемъ, большая часть его книги касается сторонъ религіозной жизни буддизма, описанныхъ въ Винаѣ, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что о существованіи на монгольскомъ языкѣ такого важнаго памятника, какъ Прätимокша, онъ узналъ лишь послѣ того, какъ ламы рекомендо-
вали ему его чтеніе (стр. 349). Трудно себѣ представить существованіе общины гелуновъ безъ Прätимокши, и Прätимокша, конечно, необходимо должна была быть переведена съ тибетскаго на монгольскій, да и самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 149), упоминаетъ что гелунамъ, для лучшаго знакомства съ обѣтами, рекомендуется изучать Прätимокшу; однако, самъ г. Позднѣевъ узналъ этотъ памятникъ лишь послѣ того, какъ ламы указали ему на одну рукопись. Содержаніе памятника, въ которомъ г. Позднѣевъ открылъ Прätимокшу, передается собственными словами и въ извлеченіи, а потому по внѣшней формѣ этотъ памятникъ совсѣмъ не схожъ съ Прätимокшей, и мы склоняемся къ мысли, что это лишь какой-нибудь поздній пересказъ содержанія Прätимокши. По внѣшней формѣ Прätимокши разныхъ сектъ совершенно сходны, и именно эта форма изложенія отсутствуетъ въ сообщаемомъ г. Позднѣевымъ памятникѣ. Здѣсь считаемъ не лишнимъ замѣтить, что Прätимокша, изданная нами, написана не на санскритскомъ языкѣ ¹⁾, а на пали; въ Европѣ послѣ нашего изданія часть памятника, именно Бхикку-пätимоккха была переиздана всего одинъ разъ Диксономъ. О томъ, что Прätимокша издавалась въ Европѣ нѣсколько разъ, мы не слышали. А переводилась она, дѣйствительно, нѣсколько разъ съ китайскаго и съ тибетскаго, и эти переводы не худо было бы автору принять къ свѣдѣнію при описаніи монгольскаго перевода.

Авторъ, безъ сомнѣнія, при нѣкоторомъ знакомствѣ, хотя бы и поверхностномъ, съ современными изслѣдованіями о буддизмѣ или съ Винаей, едва ли сталъ бы съ такою смѣлостью говорить о монголо-буддійскихъ сочиненіяхъ, разумѣя подъ этимъ выраженіемъ не просто переводы и сочиненія на монгольскомъ языкѣ, а произведенія съ оригинальнымъ монголо-буддійскимъ содержаніемъ; такъ, напримѣръ, на стр. 54 и сл. г. Позднѣевъ кратко передаетъ тѣ правила, которыми буддисты-живописцы слѣдуютъ при изготовленіи изображеній

¹⁾ Прätимокша на санскритскомъ языкѣ до сихъ поръ не извѣстна.

будды. Этому изложенію онъ предпосылаетъ слѣдующую оговорку: „Такъ какъ европейская литература до сего времени еще не была знакома съ характеромъ монголо-буддійскихъ сочиненій по иконографіи, то я позволю себѣ представить нѣсколько краткихъ выдержекъ изъ сочиненій этого рода“. Если авторъ разумѣетъ здѣсь, что до сихъ поръ никто не извлекалъ такого рода свѣдѣній изъ сочиненій на монгольскомъ языкѣ, то, по всей вѣроятности, онъ правъ; но если г. Позднѣвъ полагаетъ при этомъ еще, что такого рода свѣдѣнія совершенно не были извѣстны изъ источниковъ на другихъ языкахъ, напримѣръ, изъ тибетскихъ или санскритскихъ, то онъ сильно ошибается; и по сравненіи сообщаемыхъ имъ свѣдѣній съ тѣми, что уже ранѣе и давно было извѣстно, онъ едва ли назвалъ бы свой источникъ монголо-буддійскимъ.

Не останавливаясь на всѣхъ частныхъ вопросахъ, по поводу которыхъ можно было бы возражать автору, слѣдуетъ вообще признать, что лучшую часть книги составляютъ страницы, гдѣ авторъ описываетъ то, что онъ видѣлъ, иными словами — когда онъ пользуется своими дневниками; но какъ только дѣло касается предметовъ, требующихъ знакомства съ литературными источниками, то сейчасъ начинаютъ сказываться великіе недочеты. Такъ, на стр. 306 и слѣд. идетъ описаніе буддійскихъ молитвенниковъ и говорится: „Третья часть буддійскихъ молитвенниковъ носитъ названіе... (не приводимъ монгольскаго и тибетскаго) тантра—и дѣлится на четыре отдѣла“... (стр. 308). Трудно себѣ вообразить молитвенникъ, одну часть котораго составляли бы тантры. Какія же? Неужели всѣ? Простая справка съ извѣстными обзореніями содержанія Канджура могла бы убѣдить автора, что молитвенникъ, часть котораго тантры, — обширная бібліотека, прочесть которую и въ цѣлый годъ трудно.

Иногда, хотя и рѣже, нельзя согласиться и съ предлагаемыми авторомъ толкованіями даже и того, что онъ видѣлъ; въ такихъ случаяхъ, едва ли г. Позднѣвъ передаетъ дословную или вообще какую бы то ни было выписку изъ своего дневника; такъ, напримѣръ, при описаніи и истолкованіи одного изображенія, рисунокъ котораго приложенъ къ книгѣ, авторъ даетъ очень странныя объясненія, и трудно предположить, чтобы какой-либо даже малосвѣдущій лама могъ ввести его въ заблужденіе, не лишенное нѣкотораго комизма. Рисунокъ изображаетъ различные, хорошо извѣстные моменты изъ жизни Цзѣкьямуни. На стр. 63 читается: „Подъ этимъ изображеніемъ видите вы фигуру бѣлаго слона, по толкованію—священнаго... Этотъ слонъ есть

первое превращеніе Шигемуни...“ Слонъ этотъ вовсе не первое превращеніе, а есть тотъ образъ, который принялъ бодхисатва для зачатія въ своемъ послѣднемъ земномъ бытіи. Онъ, какъ изстари учили одни буддисты, испустился въ утробу матери въ образѣ слона, или какъ утверждали другіе, мать увидѣла во снѣ бѣлаго слона и зачала. Затѣмъ авторъ говоритъ: „Въ дальнѣйшемъ рисункѣ является нѣсколько непослѣдовательнымъ“ (хотя, замѣтимъ кстати, эта непослѣдовательность была обща для всѣхъ тѣхъ экземпляровъ, которые намъ случилось когда-либо видѣть). Непослѣдовательность эта, однакоже, показала автору оттого, что онъ не разгадалъ очень извѣстныхъ эпизодовъ буддійской легенды. Такъ, № 3 г. Позднѣевъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Храмъ представляется раздѣленнымъ на двѣ комнаты, и въ одной изъ нихъ сидитъ женщина, держа въ рукахъ ребенка, а въ другой—вы видите постель, на которой лежитъ женщина, — въ ногахъ ея по одну сторону сидеть мужчина въ царской тиарѣ, а по другую — юноша, въ почтительной (то-есть, согбенной) позѣ“. „Оба эти рисунка“, продолжаетъ авторъ, — „долженствуютъ знаменовать собою воспитаніе Шигемуни въ домѣ родителей, а именно: первый изъ нихъ его воспитаніе во младенчествѣ, а второй—въ періодъ отрочества“. При первомъ же взглядѣ на рисунокъ видно, что фигура, которую авторъ описываетъ какъ юношу и въ почтительной (то-есть, согбенной) позѣ, облачена въ женскій костюмъ и не имѣетъ необходимаго признака бодхисатвы ушанйшы (уснира, какъ нашъ авторъ съ непохвальнымъ упорствомъ искажаетъ всюду это санскритское слово) или пучка волосъ на макушкѣ. И почему—сидѣть, согнувшись у постели матери, значить воспитываться, да еще въ отрочествѣ? Эта группа трехъ фигуръ есть непосредственное продолженіе содержанія легенды о зачатіи: Бодхисатва въ образѣ слона испускается изъ неба Тушита; въ рисунокѣ № 3 передъ зрителемъ царица, почившая на ложѣ, прислужница и царь—это моментъ зачатія. Фигура на лѣво, которую авторъ описываетъ, какъ женщину съ ребенкомъ на рукахъ, есть та же опять царица съ младенцемъ въ утробѣ. Буддисты изстари имѣли особливое ученіе о томъ, въ какомъ видѣ ихъ учитель пребываетъ въ утробѣ матери. Объ этомъ упоминается во всѣхъ жизнеописаніяхъ Сальямуни.

„Сюда“, говоритъ авторъ на стр. 65,—„должно причислить рисунокъ (№ 4), на которомъ тотъ же юноша Шигемуни представляется сидящимъ въ царскихъ носилкахъ, везомыхъ парюу бѣлыхъ лоша-

дей и окруженнымъ вѣсколькими слугами⁴. Здѣсь опять авторъ женскую фигуру принялъ за фигуру юноши. Рисунокъ № 4 представляетъ очень извѣстный моментъ легенды: царица-мать отправляется въ садъ Лумбини. Затѣмъ слѣдуетъ рисунокъ подъ № 5 или рожденіе. Непослѣдовательность, въ которой нашъ авторъ упрекаетъ туземнаго артиста, на самомъ дѣлѣ существуетъ только въ его толкованіяхъ.

Не останавливаемся на томъ, что всѣ санскритскія слова, даже правильно написанныя въ словарѣ Ковалевскаго, въ книгѣ проф. Позднѣева являются въ искаженномъ видѣ; авторъ еще въ предисловіи заявилъ, что такъ эти слова понятнѣе. Но вотъ чего онъ не разъяснилъ намъ: если санскритское слово въ искаженномъ видѣ истолковывается какъ монгольское, становится ли оно отъ того также вразумительнѣе? И если да, то для кого? Авторъ даже такое извѣстное слово, какъ *самсара*, почитаетъ за монгольское (стр. 78); какъ монгольское толкуется часто встрѣчающееся въ буддійской литературѣ названіе камня мусарагалва (стр. 23). Слово *нирвана* хотя и не почитается за монголо-буддійское, но въ книгѣ является совершенно непонятнымъ; напримѣръ, на стр. 48 читаемъ: „когда ты сдѣлаешься нирваной“, а на стр. 60 попадаетея „проникновеніе нирваной“.

Нѣкоторымъ любопытнымъ явленіямъ въ буддійской жизни авторъ хотя и посвятилъ много страницъ, но описалъ ихъ все-таки очень неудовлетворительно.

Описанію созерцателей, или даянчи, какъ предпочитаетъ называть ихъ авторъ, вѣроятно полагая, что это испорченное санскритское слово очень вразумительно, — посвящается не мало страницъ (202—333). Изъ своихъ личныхъ наблюденій авторъ, къ сожалѣнію, сообщилъ очень немного; описаніе созерцателей сдѣлано по одной книжкѣ и потому крайне недостаточно. Изъ фактовъ же непосредственнаго наблюденія самими любопытными, кажется, слѣдуетъ почитать показанія о томъ, что святые созерцатели и кушаютъ, и почиваютъ, и развлекаются даже, занимаясь освѣщеніемъ своихъ юртъ. Авторъ видѣлъ созерцателей въ то время, когда имъ разносили пищу (стр. 207). Одного изъ созерцателей, самаго типичнаго, онъ описываетъ такъ: „Видѣ его былъ изможденный до крайности, лицо такое блѣдное и исхудалое, что ламу этого можно было принять скорѣе за восковую статую, чѣмъ за человѣка. Онъ сидѣлъ неподвижно въ молитвенной позѣ, руки были опущены на

колѣна, въ правой рукѣ онъ держалъ четки, но дѣйствительно даже не перебиралъ ихъ, какъ говорилъ мнѣ нирба; глаза его были совершенно закрыты, лицо, по видимому покойное, но совершенно безчувственное.... Мертвая неподвижность произвела на меня какое-то ужасное, гнетущее впечатлѣніе.... Въ двухъ (кельяхъ) нашли мы созерцателей спящими, въ одной даячи зажигалъ лампы передъ бурханами, въ остальныхъ наблюдалось однообразное зрѣлище" (то-есть, сейчасъ описанное). Таковы профессиональные созерцатели, но созерцать можетъ всякій, и случается, что „настанетъ теплое, лѣтнее время, богатенькій лама, надумавъ посидѣть въ созерцаніи, беретъ съ собою юрту, провизію, одного или двухъ прислужниковъ и уѣзжаетъ изъ монастыря куда-нибудь на уединенный островокъ рѣки, или въ горы, въ которыхъ обыкновенно не кочуютъ монголы лѣтомъ. Выбравъ удобное для созерцанія мѣсто, лама ставитъ саженахъ въ 200 или 300 отъ него юрту, гдѣ помѣщаетъ своихъ прислужниковъ, назначаетъ имъ часъ и время, когда они должны приносить ему пищу, а самъ садится на подвигъ. Созерцаніе продолжается иногда 30 дней, а иногда 49. Въ теченіе этого времени лама-созерцатель не видитъ никого изъ людей, принимаетъ пищу иногда разъ въ день, а иногда разъ въ два и три дня. Пищу эту готовить и приносить прислужникъ и ставить въ заурочное мѣсто, послѣ чего беретъ ее созерцатель, но такъ, чтобъ опять-таки не видать и своего прислужника. Окончивъ созерцаніе, лама возвращается въ монастырь и начинаетъ вести свою обычную жизнь, съ тою только разницею, что за нимъ закрѣпляется слава созерцателя, и слѣдовательно, онъ начинаетъ пользоваться большимъ почетомъ" (стр. 204). Пробовалъ авторъ спрашивать такихъ созерцателей, и вотъ каковъ былъ результатъ: „Добиться отъ нихъ чего-либо дѣльнаго по отношенію къ вопросамъ, какъ провелъ каждый изъ нихъ время созерцанія, какъ и чтѣ созерцалъ, чтѣ испыталъ и прочувствовалъ", — онъ рѣшительно не могъ: одни изъ этихъ созерцателей, отъ которыхъ можно было бъ узнать что-либо, отвѣчали ему, чтѣ это нигуца (тайна); о другихъ авторъ замѣчаетъ: „они были такъ негавиты и невѣжественны, что трудно и представить, что могли они думать, сидя въ созерцаніи". Но вѣдь отъ мышленія-то и нужно отрѣшиться при созерцаніи! Обратился авторъ съ такими же вопросами къ тому ламѣ, который показывалъ ему созерцателей, и добился отъ него только того, что тотъ далъ ему

сочиненіе, въ которомъ излагаются всѣ основныя понятія и порядкъ созерцанія.

Полагаемъ, что автору и передъ тѣмъ уже было извѣстно, какъ много есть буддійскихъ сочиненій о созерцаніи. Намъ не извѣстно, какое значеніе приписываютъ монголы тому сочиненію, которымъ пользовался авторъ, и извлеченіе изъ котораго онъ представилъ на стр. 209 и сл.; но на основаніи сообщенныхъ авторомъ данныхъ едва ли не слѣдуетъ считать все это сочиненіе очень поздною компиляціей и далеко неудовлетворительною, такъ какъ самыя существенныя моменты въ духовной и практической дѣятельности созерцателя или совсѣмъ не разъяснены въ немъ, или очень плохо описаны. Если авторъ, не вдаваясь даже въ далекія розысканія о томъ, что и какъ учатъ о дхјанахъ южныя буддисты или индійскіе іогі, справится только съ книжкой проф. Васильева (Религіи Востока, стр. 109 и слѣд.), онъ долженъ будетъ признать, что все сообщенное имъ о монгольскихъ даанчи очень недостаточно, сбивчиво, а порой и совсѣмъ неясно. Предметъ, о которомъ онъ говоритъ на этихъ страницахъ, давно интересовалъ изслѣдователей; о немъ писано много; правда, многое осталось еще темнымъ и загадочнымъ въ этомъ ученіи о созерцаніяхъ и ихъ послѣдствіяхъ, но авторъ какъ будто и не подозреваетъ этого неяснаго въ своихъ обстоятельныхъ описаніяхъ разныхъ самади, наименѣе существенной стороны всего ученія. А между тѣмъ это такое важное явленіе въ религіозной жизни Азии и даже всего человѣчества, что имъ стоило бы заняться во время пребыванія въ буддійскомъ монастырѣ. Дѣло не въ томъ только, что люди видятъ и что ощущаютъ, предаваясь созерцаніямъ. Удивительно даже, что ламы объ этомъ не поразказали автору. Эти видѣнія, ощущенія и т. д. описаны во множествѣ книгъ, даже на европейскихъ языкахъ: но буддизмъ и іога выработали цѣлую систему приемовъ для нравственнаго и физическаго совершенствованія человѣка; множество людей на всемъ азіатскомъ востокѣ вѣрятъ, что человѣкъ, продѣлавъ всѣ эти приготовительныя дѣла, изложенныя систематически въ разныхъ компендіяхъ, начинаетъ обладать сверхъестественными свойствами, что онъ неограниченъ плотью, живетъ внѣ физическихъ условій, которымъ подчинены обыкновенные люди. Разказы о такихъ странныхъ феноменахъ встрѣчаются у старыхъ и новыхъ путешественниковъ, начиная отъ правдиваго Марко Поло и кончая живымъ Жаколіо и болтливою Радда-Вай. Что же далъ намъ авторъ? О приготовленіи къ созерцанію онъ говоритъ очень коротко (стр. 209—

211); затѣмъ слѣдуетъ описаніе нѣсколькихъ самѣдхи, иначе (въ данномъ случаѣ) видѣній (стр. 212—220) и, наконецъ, высшихъ созерцаній (то-есть, собственно четырехъ дхъянь, стр. 221—229). Въ концѣ приложенъ списокъ монгольскихъ названій разныхъ самѣдхи. Подлинныя санскритскія названія, а также переводъ ихъ, давно уже извѣстны.

Въ заключеніе авторъ передаетъ свой разговоръ съ ламою-руководителемъ; діалогъ любопытенъ. „Ужели же въ самомъ дѣлѣ“, спрашивалъ профессоръ Позднѣевъ, — „есть у нихъ (то-есть, у ламъ) такіе даянчи, которые, окончивъ жизнь свою, прямо сдѣлаются Нирвѣной?“ (стр. 228). Трудно понять этотъ вопросъ, а потому не легко и отвѣчать на него. Руководитель, однакоже, отвѣчалъ, а профессоръ Позднѣевъ записалъ и напечаталъ этотъ отвѣтъ: „Знать душевное состояніе того или другаго созерцателя трудно (особенно посмертное-то душевное состояніе!), а потому и нельзя отвѣчать положительно на этотъ вопросъ“...

Указавъ съ полною откровенностью на нѣкоторые недостатки въ книгѣ г. Позднѣева, по совѣсти, все-таки не можемъ не признать, что его описаніе монастырей, хураловъ и хувараковъ—трудъ очень интересный, и что специалистъ прочтетъ его съ удовольствіемъ; въ особенности любопытны тѣ страницы, на которыхъ авторъ безъ всякой предвзятой мысли описываетъ то, что самъ видѣлъ. Чисто-сердечнымъ и горячимъ признаніемъ достоинствъ книги, полагаемъ, мы хоть нѣсколько искупили въ глазахъ автора наше прямодушное отношеніе къ слабымъ сторонамъ его важнаго труда, написаннаго по его же собственному заявленію съ практической цѣлью.

И. Миннаевъ.

Отвѣтъ профессору Ренненкамифу.

Въ мартовской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія проф. Ренненкамифъ напечаталъ разборъ monkъ „Лекцій по общей теоріи права“. Въ книгѣ своей я старался дать курсу энциклопедіи права новую постановку, какъ общей теоріи права. Выполненіе этой задачи представляло весьма большія трудности, такъ какъ именно въ настоящее время въ разработкѣ общихъ вопросовъ науки права борются самыя разнообразныя направленія. При такихъ усло-

віяхъ я, конечно, не могъ претендовать не только на совершенство, но даже на сколько-нибудь полную законченность своей книги. Я смотрю на нее только какъ на попытку—не болѣе. Поэтому для меня было очень интересно встрѣтить въ печати обширную рецензію почтеннаго профессора, который и самъ уже много лѣтъ читаетъ энциклопедію права и еще въ 60-хъ годахъ напечаталъ свой курсъ. Я съ большимъ вниманіемъ прочелъ его критическія замѣчанія и считаю долгомъ выразить ему мою искреннюю признательность за собранныя съ такимъ тщаніемъ указанія на шероховатости моего изложенія. Но въ остальномъ рецензія вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія, требующія, какъ мнѣ кажется, разъясненія.

Не смотря на свою обширность, рецензія не даетъ не только никакой общей характеристики книги, но даже и простаго перечня ея содержанія. Вся критическая оцѣнка сводится лишь къ отдѣльнымъ, разрозненнымъ замѣчаніямъ, и нѣкоторыя изъ нихъ таковы, что оставить ихъ безъ возраженія представляется мнѣ неудобнымъ. Такъ, во многихъ мѣстахъ рецензіи мнѣ приписывается то, чего я и не думалъ вовсе говорить, иногда даже приводятся, какъ возраженіе, мои же собственныя слова

Въ самомъ началѣ рецензіи (стр. 247) приводится, какъ мое собственное, только приводимое мною въ ряду другихъ опредѣленіе задачи общей теоріи права, какъ оно формулировано П. Мюллеромъ: „обработка практическаго матеріала права въ систематическомъ, спекулятивно-идеалистическомъ, историческомъ и эмпирико-реалистическомъ направленіяхъ“. Между тѣмъ изложенію моего собственного пониманія задачи этой науки посвященъ особый параграфъ (§ 5), гдѣ нѣтъ ни слова о подобномъ смѣшеніи противоположныхъ направленій.

На слѣдующей страницѣ (249) проф. Ренненкампфъ, указавъ, что я къ задачамъ общей теоріи права отношу, между прочимъ, руководство выборомъ и постановкой вопросовъ для спеціальныхъ изслѣдованій и повѣрку ихъ результатовъ, спрашиваетъ съ удивленіемъ: „какимъ образомъ начинающіе слушатели могутъ выполнять одновременно столь высокія задачи?“ Однако самъ же онъ нѣсколькими строками выше приводитъ мои слова, что общая теорія „должна имѣть мѣсто какъ въ системѣ обученія, такъ и въ разработкѣ права“, и если кто прочиталъ мою книгу всю, тотъ долженъ знать, что совершенно съ этимъ я различаю учебныя и самостоятельныя научныя цѣли общей теоріи. Учебная цѣль заключается въ томъ, чтобы слу-

жить введеніемъ или заключеніемъ изученія отдѣльныхъ юридическихъ наукъ: все другое относится уже къ самостоятельнымъ научнымъ цѣлямъ, достиженіе которыхъ вообще не есть дѣло начинающихъ.

Все это, конечно, мелочи. И если я останавливаюсь на нихъ, то только потому, что съ нихъ начинается свою ученую критику и проф. Ренненкампфъ. Но далѣе идутъ недоразумѣнія болѣе крупныя. На стр. 252 говорится, будто я „разборъ общихъ опредѣлений права“ оканчиваю ссылкой на Альб. Поста, и даже дѣлается ссылка на стр. 29 моей книги, а затѣмъ мой критикъ иронически спрашиваетъ: „Неужели авторъ не нашелъ болѣе твердыхъ и признанныхъ авторитетовъ для опроверженія идей Аристотеля и Канта о сверхчувственномъ мірѣ и для поддержанія своихъ воззрѣній?“ Но, прежде всего, я вовсе не касаюсь въ своихъ лекціяхъ ни чьихъ „идей о сверхчувственномъ мірѣ“. Я, правда, говорю о сверхчувственномъ познаніи, и полагаю, мой ученый рецензентъ и самъ понимаетъ различіе между сверхчувственнымъ познаніемъ и сверхчувственнымъ міромъ. Затѣмъ на стр. 29, на которую онъ ссылается, ничего не говорится объ общихъ опредѣленіяхъ права. Еслибы проф. Ренненкампфъ внимательно прочелъ хотя бы только оглавленіе моей книги, онъ увидѣлъ бы, что стр. 29 входитъ въ составъ § 4 (стр. 25—31), посвященнаго разбору не „общихъ опредѣлений права“, а опредѣлений общей теоріи права. Разборъ же различныхъ опредѣлений права я начинаю только со стр. 53, и потому никакъ не могъ его закончить уже на стр. 29.

Въ рецензій дѣло представляется такъ, будто Постъ является у меня какимъ-то выдающимся, рѣшающимъ авторитетомъ. Не понимаю, откуда г. Ренненкампфъ сдѣлалъ такое заключеніе. Характеризуя основныя различія въ воззрѣніяхъ на право, о воззрѣніяхъ Поста я даже не упоминаю. Да и вообще имя это встрѣчается во всей моей книгѣ всего два раза—на стр. 29 и 30, гдѣ излагаются взгляды Поста на задачу общей теоріи права—и въ этомъ мѣстѣ, конечно, нельзя было не упомянуть о Постѣ, давшемъ въ своихъ *Bausteine einer allgemeiner Rechtswissenschaft* (2 Bde. 1880 и 1881) и *Die Grundlagen des Rechts* (1884), попытку построить общую теорію права на сравнительно-этнологической основѣ. Правда, проф. Ренненкампфъ не знаетъ этихъ довольно объемистыхъ новѣйшихъ произведеній Поста, а знакомъ только съ его брошюрками 70-хъ годовъ, но это уже не моя вина.

Разграничивая нравственныя и юридическія нормы, я говорю, между прочимъ, что нравственныя нормы даютъ „оцѣнку цѣлей и интересовъ“: „Станемъ ли мы выводить нравственныя правила изъ принципа пользы, истины, гармоніи, красоты, состраданія, любви, свободы или изъ самостоятельнаго врожденнаго чувства нравственности,—во всякомъ случаѣ, въ практическомъ примѣненіи, они будутъ служить намъ правилами оцѣнки интересовъ. Различіе основаній нравственныхъ теорій ведетъ къ различію критерія, мѣрила нравственной оцѣнки, но каждая нравственная теорія непременно даетъ какое-нибудь мѣрило оцѣнки. Нравственныя правила служатъ высшимъ руководящимъ началомъ всей нашей дѣятельности“ (мои Лекціи, стр. 40). Можно ли отсюда заключить, что, по моему мнѣнію, „все основаніе и содержаніе нравственности заключается въ цѣляхъ и интересахъ?“ (рецензія, стр. 259). Между тѣмъ такой именно выводъ приписываетъ мнѣ проф. Ренненкампфъ, очевидно, упустивъ изъ вниманія различіе предмета оцѣнки отъ ея основанія и содержанія. А казалось бы различіе немаловажное! Поступки людей не составляютъ ни содержанія, ни основанія христіанской религіи, и тѣмъ не менѣе христіанское вѣроученіе несомнѣнно даетъ намъ мѣрило для ихъ оцѣнки.

На стр. 255 почтенный критикъ даетъ довольно справедливую оцѣнку извѣстной книги Іеринга *Der Zweck im Recht*: „Оставивъ твердую почву римскаго и общаго гражданскаго права, на которой Іерингъ стоялъ въ своихъ первыхъ трудахъ, доставившихъ ему имя одного изъ первыхъ и даровитыхъ современныхъ правовѣдовъ, онъ вступилъ въ шаткую, измѣнчивую и одностороннюю сферу соціально-политическихъ ученій, вслѣдствіе чего его *Der Zweck im Recht*, хотя и заключаетъ въ себѣ талантливныя страницы, глубокія и вѣрныя замѣчанія, не вноситъ однако въ ученіе о правѣ ни твердости, ни ясности, исполнено искусственныхъ построеній, одностороннихъ выводовъ и едва ли многимъ переживетъ произведенія Поста“. Съ такимъ приговоромъ, пожалуй, и можно согласиться: не понятно только, какое отношеніе имѣетъ онъ къ моей книгѣ? Проф. Ренненкампфъ говоритъ, будто я „воззрѣніе Іеринга о правѣ, какъ оно выражено въ сочиненіи *Der Zweck im Recht*“ нахожу „наиболѣе широкимъ и нравственнымъ“. Хотя эти послѣднія слова приведены въ рецензіи въ кавычкахъ, однако они принадлежатъ не мнѣ, а самому рецензенту. Излагая научныя теоріи, я вообще никогда не вдаюсь въ ихъ нравственную оцѣнку. Это—вопервыхъ; а вовторыхъ, о „воз-

зрѣніи Іеринга на право, какъ оно выражено въ „Zweck im Recht“, я вовсе и не говорю. Я останавливаюсь только на воззрѣніяхъ, развитыхъ имъ въ Geist des römischen Recht, Bd. III, § 60, то-есть, какъ разъ въ томъ именно произведеніи, гдѣ Іерингъ стоитъ еще „на твердой почвѣ римскаго права“. Поэтому и слѣдующій затѣмъ въ рецензіи на трехъ страницахъ разборъ Zweck im Recht, къ лекціямъ моимъ никакого отношенія не имѣеть.

Въ двухъ случаяхъ въ рецензіи приводится, какъ возраженіе мнѣ, то самое, что я самъ говорю въ своей книгѣ. Приступая къ выясненію понятія права, я отправляюсь отъ обыденныхъ о немъ представленій и замѣчаю при этомъ, что они „слишкомъ неопредѣленны и не точны“ (стр. 33): „Если отбросить въ обыденныхъ взглядахъ всѣ субъективныя особенности, то мы получимъ, какъ общепризнанное, стоящее внѣ споровъ, слѣдующее положеніе. Право есть правило, норма человѣческой дѣятельности, осуществляемая чрезъ посредство сознательной воли человѣка и потому допускающее нарушенія“. И сейчасъ же затѣмъ оговариваюсь: „Такое опредѣленіе, конечно, слишкомъ широко. Правила нравственности и цѣлесообразности также подойдутъ подъ это опредѣленіе“ (стр. 34). Кажется, ясно, что въ приведенныхъ съ разрядкой словахъ я не думалъ давать опредѣленія права. Оно формулировано у меня въ слѣдующемъ параграфѣ, на стр. 42. Что же дѣлаетъ проф. Ренненкампфъ? Онъ приводитъ мою формулировку того, что въ обыденныхъ представленіяхъ о правѣ является общепризнаннымъ, такъ, какъ будто это и есть принятое мною опредѣленіе права, и затѣмъ, конечно, безъ труда разбиваетъ его, замѣтивъ только, что подъ него подойдутъ „нормы нравственныя, религіозныя, правила логики, грамматики, гигиены“ (стр. 250). Но вѣдь это именно то самое, что и я говорю въ концѣ цитируемой страницъ 34.

Разсматривая вопросъ о значеніи въ правѣ принужденія, я прихожу къ тому заключенію, что принудительное осуществленіе допускаютъ нормы только двухъ категорій: запретительныя и, изъ повелительныхъ, только требующія не личнаго дѣйствія, а предоставленія какой-нибудь вещи (стр. 67). И на стр. 254 этотъ выводъ мой дословно приведенъ рецензентомъ. Но нѣсколько раньше, на стр. 251, говоря о томъ же, онъ въ видѣ возраженія мнѣ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Если законъ требуетъ отъ извѣстныхъ лицъ уплаты налоговъ, долговъ, исполненія повинностей, и если за неисполненіе сего

назначаетъ въ продажу и продаетъ имущество неисправнаго плательщика или должника, то можно ли сказать, что никакая сила не можетъ заставитьъ человѣка уплатить слѣдующій съ него налогъ или долгъ"? Неужели проф. Ренненкампфъ не понимаетъ, что законы, устанавлиющіе налоги, относятся именно къ законамъ, требующимъ предоставленія вещи. Но всего любопытнѣе, что на стр. 254, приводя мои слова, выражающія то же самое, рецензентъ тамъ ихъ оспариваетъ, указывая, что вещь можно сдѣлать негодною и тѣмъ помѣшать принудительному осуществленію обязанности предоставить вещь, и не замѣчая, что такимъ образомъ онъ противорѣчитъ самому себѣ. Конечно, это доказываетъ разносторонность критики, но едва ли не чрезмѣрную.

Кромѣ этихъ возраженій, основанныхъ очевидно лишь на невнимательномъ чтеніи разбираемой книги, въ рецензій имѣются и другія замѣчанія, дѣйствительно относящіяся къ тому, что изложено въ моихъ Лекціяхъ. По самому свойству предмета, мнѣ приходится касаться столькихъ общихъ и спорныхъ вопросовъ науки права, что книга моя не можетъ не вызвать самыхъ разнообразныхъ возраженій. Свобода воли, происхожденіе права, соотношеніе права и нравственности, классификація формъ правленія, выясненіе природы общества и государства, ученіе объ источникахъ права, все это такіе вопросы, что дать не только рѣшеніе, но даже хотя бы просто изложеніе ихъ, не допускающее возраженій, въ общемъ курсѣ не возможно. Внимательная, основанная на серьезномъ знакомствѣ съ дѣломъ критическая оцѣнка моей книги, какъ въ интересѣ самаго дѣла, такъ и въ моемъ личномъ интересѣ, можетъ быть только желательна. Но въ числѣ возраженій, заключающихся въ рецензій, есть нѣсколько такихъ, въ которыхъ тономъ поученія ставится мнѣ въ вину незнаніе или непониманіе нѣкоторыхъ яко бы общепризнанныхъ положеній науки. А на повѣрку оказывается, что вина едва ли на моей сторонѣ.

Проф. Ренненкампфъ признаетъ совершенно невѣрнымъ мое утвержденіе, что первый, установившій опредѣленнымъ образомъ не только различіе, но и противоположность между правомъ и нравственностью, былъ Томазіи, и въ доказательство ссылается на Гроція и Пуффендорфа. Я не стану останавливаться на томъ, что рѣшительное большинство излагателей исторіи философіи права, подобно мнѣ считаетъ Томазія первымъ, „опредѣленнымъ образомъ“ установив-

шимъ различіе права и нравственности ¹⁾. Но и самъ Томазіи считаетъ свою теорію первою, установившею опредѣленное различіе права и нравственности. Вотъ что онъ говоритъ въ предисловіи ко второму изданію (1708 г.) своихъ *Fundamenta*: „Eadem ex causa etiam factum fuit, ut obligatio interna, quae est nobilissima obligationis species, non fuerit distincta ab obligatione externa, sed sola haec posterior fere pro obligatione ventilata. Porro cum sine hac obligationis utriusque exacta differentia non possit accurate concipi differentia justī a decoro, vel etiam ab honesto quae differentia tamen ad primaria capita disciplinae moralis pertinet et Doctores Scholastici fere unanimiter justum et honestum confuderint, de decoro vero plane non cogitaverint; idem error et a nobis fuit commissus, praepremis cum et Puffendorfius justum et honestum, seu jus naturae et doctrinam Ethicam miscuerit“ (§§ 11 и 12, pp. 5 и 6). Видѣть въ теоріи Томазіи только дальнѣйшее развитіе принимаемаго Пуффендорфомъ различія совершенной и несовершенной обязанности нельзя уже потому, что Томазіи считаетъ нравственную обязанность болѣе совершенною, высшею изъ всѣхъ обязанностей. „Obligatio enim intrinseca inter stultos fere non habetur pro obligatione, quia vel ignorant vel contemnunt connexionem rerum necessariam et magis timent mala arbitraria“ (L. I, c. VI, § 63). „At sapiens obligationem internam habet pro nobilissima specie, quia timet malum necessarium et sperat bonum necessarium“ (ibid. § 64). „Et cum obligatio interna sit perfectior externa ea non potest dici imperfecta, haec perfecta“ (Lib. I, c. V, § 24). Нельзя также видѣть различенія права и нравственности въ устанавливаемомъ Гуго Гроціемъ противоположеніи *facultas* и *aptitudo*, *justitia explectrix* и *justitia attributrix*. Во-первыхъ, и то, и другое суть только частные виды *justi*, праваго. Во-вторыхъ, особенность *aptitudo* заключается лишь въ томъ, что ей не соотвѣтствуютъ обязанности. А развѣ можно построить понятіе о нравственности, отбросивъ понятіе обязанности? Проф. Ренненкампфъ утверждаетъ, будто въ ученіи о наказаніи Гуго Гроціи „провелъ весьма отчетливо“ различіе между правомъ и нравственностью. Но въ дѣйствительности границы наказанія онъ сводитъ къ тремъ принципамъ: 1) наказаніе не должно касаться чисто внутреннихъ дѣйствій (*actus mere interni*, l. II, c. XX, § 18); 2) дѣйствій, неизбѣжныхъ для человѣческой природы (*actus*

¹⁾ *Warnkönig*. Rechtsphilosophie, 1839, S. 55. *Несомнѣннѣе*. Энциклопедія законо-
новѣдѣнія, I, § 415. *Stahl*. Geschichte der Rechtsphilosophie, 1870, S. 183. *Walter*.
Naturrecht und Politik, § 542, S. 435.

inevitabiles naturae humanae, § 19), и 3) прегрѣшеній, которыя ни прямо, ни косвенно не касаются человѣческаго общества или ближняго (peccata quae nec directe nec indirecte spectant ad societatem humanam at ad hominem alterum, § 20). И ни одно изъ этихъ ограниченій не соотвѣтствуетъ различію *justitio explectrix* и *justitio attributrix*. Замѣчу кстатѣ, что самъ Томазій видитъ въ несовершенномъ правѣ Гроція намекъ на обособленіе не честнаго (*honestum*), а только приличнаго (*decorum*): „*Patet porro divisionem juris Grotianam in perfectum et imperfectum non bene se habere. Jus imperfectum non ulterius tendit, quam ad ea quae ab altero peto ex regulis decori non justit*“ (I. I, c. V, § 23). Проф. Ренненкампфъ утверждаетъ также, что Томазій вовсе не противопоставляетъ права нравственности. Въ отвѣтъ я позволю себѣ только напомнить слѣдующее мѣсто изъ *Fundamenta juris naturae et gentium*, I. I, c. VI, § 72: „*Regulae justitiae coercerent malum summum. Regulae decori coercerent malum medium. Regulae honesti malum infimum. § 73. Contra regulae justitiae promovent bonum infimum. Regulae decori promovent bonum medium. Ergo regulae honesti promovent bonum summum*“. Тутъ ясно вырожено именно противоположеніе *honestum* и *justum*, а *decorum* отведено посредствующее мѣсто.

По мнѣнію моего критика, „съ первыхъ же дней была обнаружена вся слабость, искусственность и несостоятельность выдѣленія общества, предложеннаго Р. Молемъ, и оно не образовало даже школы. Значительными защитниками этого ученія были только Штейнъ (передававшій его въ своеобразномъ видѣ), и до нѣкоторой степени Беръ и Гирке; но они не оказали никакого дѣйствительнаго вліянія на успѣхи этой доктрины; наиболѣе значительные новѣйшіе публицисты Германіи—Гельдъ, Лабандъ, Шульце, Гарейсъ—не даютъ ему самостоятельнаго мѣста въ своихъ системахъ“ (стр. 267). Не понятно, почему Штейнъ и Гирке только „были“ защитниками этого ученія. Сколько извѣстно, они и до сихъ поръ, слава Богу, живы и возрѣній своихъ по этому вопросу не мѣняли. Еще непонятнѣе, какъ Штейнъ могъ „передать“ ученіе Моля въ измѣненномъ видѣ, когда статья Моля была впервые напечатана въ 1851 году, а Штейнъ излагалъ свое ученіе объ обществѣ еще въ 1842 году въ своемъ сочиненіи: *Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs*. Въ 1850 же году онъ далъ уже вполне выработанное ученіе объ обществѣ, подъ заглавіемъ: *Der Begriff der Gesellschaft und die sociale Geschichte der französischen Revolution*. И еслибы проф. Реннен-

кампфъ внимательно прочелъ хотя бы статью Моля, онъ увидѣлъ бы, что тотъ ссылается на Штейна, какъ на своего предшественника.

Утверждая, что защитниками выдѣленія общества были „только“ Штейнъ, Беръ и Гирке, почтенный рецензентъ, очевидно, забываетъ не только о разныхъ *dii minores* германской науки, каковы Rösler, Riehl, Ahrens, Gumplowicz и т. д., но даже о такомъ авторитетномъ ученомъ, какъ Рудольфъ Гнейстъ, который въ своемъ *Rechtsstaat* (2-te Ausg. 1879, стр. 333) прямо говоритъ, что учение Штейна объ обществѣ имѣло для его обработки исторіи англійской конституціи „*massgebende Bedeutung*“, который все свое учение о правовомъ государствѣ и о самоуправленіи строитъ на понятіи о „*Wechselbeziehungen zwischen Staat und Gesellschaft*“. Даже и тѣ писатели, которыхъ рецензентъ приводитъ, какъ рѣшительныхъ противниковъ обособленнаго отъ государства понятія общества, на дѣлѣ вовсе не отвергаютъ его, по крайней мѣрѣ Гельдъ и Шульце. Вотъ что говоритъ послѣдній въ своемъ *Einleitung in das deutsche Staatsrecht*. 2-te Ausg. 1867, стр. 121: „*Will man die in einem Staate vereinigte Menschenmasse an und für sich betrachtet, also abgesehen von der Staatsform und Staatsgewalt, als bürgerliche Gesellschaft bezeichnen und in ihren Coexistenzverhältnissen beleuchten, so lässt sich dagegen nicht nur nichts einwenden, sondern eine solche Betrachtungsweise kann sogar sehr fruchtbringend sein*“. Если же въ „Прусскомъ государственномъ правѣ“ Шульце дѣйствительно не отведено „самостоятельнаго мѣста“ разсмотрѣнію общества, то это ничего еще не доказываетъ: и у самого Моля въ его изложеніи вюртембергскаго или германскаго имперскаго государственнаго права мы найдемъ то же самое. Учение объ обществѣ вообще не мѣсто разсматривать въ системѣ положительнаго государственнаго права. Что же касается Гельда, то онъ, также не говоря ничего объ обществѣ въ своемъ *Verfassungsrecht*, написалъ одноако трехтомное сочиненіе подъ заглавіемъ: „*Staat und Gesellschaft*“.

Но дѣло не въ томъ, сколько и какіе именно писатели принимаютъ или отвергаютъ понятіе объ обществѣ, а въ томъ, что понятіе общества сдѣлалось основаніемъ всей современной теоріи конституціонализма и самоуправления. Въ этомъ отношеніи учение объ обществѣ по своему значенію можетъ сравниться только съ ученіемъ Монтескье о раздѣленіи властей. Какъ конституціоналисты старой школы все сводили къ выясненію взаимнаго соотношенія различныхъ

властей, такъ теперь, слѣдуя Штейну и Гнейсту, въ основу конституціонной теоріи владутъ соотношеніе общества и государства. Извѣстны попытки Лешкова и Рёзлера поставить административное право именно какъ ученіе объ общественно-правовыхъ отношеніяхъ, а профессоръ Мартенсъ кладетъ понятіе общества въ основу своей системы международнаго права. Поэтому отрицать значеніе выдвинутаго Штейномъ и Модемъ понятія объ обществѣ для современной юридической науки не возможно, и я считаю положительно необходимымъ—излагать на лекціяхъ исторію этого ученія хотя бы для того, чтобы слушатели мои не считали теорію Штейна видоизмѣненной передачей ученій Моля.

Изъ всей моей книги наиболѣе рѣшительнымъ нападеамъ со стороны профессора Ренненкампа подверглось то мѣсто, гдѣ я признаю „творческій характеръ судебной практики“. „Изложенное мнѣніе г. Коркунова, о творествѣ судебной практики“, читаемъ мы въ рецензій, — „есть явленіе почти исключительное; можно сказать, что ни одинъ изъ авторитетныхъ юристовъ не признаетъ подобнаго значенія за судебнымъ правомъ. Допускается толкованіе, примѣненія по аналогіи, однако всегда въ предѣлахъ смысла закона и законодательства, но судебное творчество, которое имѣло бы право „отвергать компромиссы, введенные въ законодательный актъ“, могло бы обращать „общее правило въ исключеніе, а исключеніе въ общее правило“, и которое „для пополненія пробѣловъ или устраниенія противорѣчій могло бы черпать матеріалъ и руководящія начала изъ научнаго мышленія о правѣ“—противорѣчить всѣмъ понятіямъ о дѣйствительномъ судѣ и правѣ (стр. 262). Начать съ того, что у меня нигдѣ не говорится о правѣ суда „отвергать компромиссы, введенные въ законодательный актъ“, хотя въ рецензій эти слова и поставлены въ кавычкахъ. Я говорю только, что „рѣдкій законодательный актъ есть цѣльное выраженіе одной мысли“, „такъ какъ каждый почти законъ является продуктомъ компромисса“. „Если же единства логическаго нельзя найти въ самомъ законодательствѣ, его приходится прискивать суду самостоятельно, и это, конечно, творческая дѣятельность“ (стр. 275). Это, очевидно, совсѣмъ не то же, что „отвергать компромиссы, введенные въ законодательный актъ“. Что, „сводя законодательныя постановленія къ одному логическому цѣлому, устраняя пробѣлы, судъ черпаетъ для того матеріалъ и руководящія начала въ выводахъ научнаго мышленія о правѣ“—я дѣйствительно говорю. Но за то рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ профессоръ Реннен-

кампфъ видитъ въ этомъ „исключительное явленіе“, какииъ образомъ онъ рѣшается утверждать, что это мнѣніе не раздѣляется ни однимъ авторитетнымъ юристомъ. Правда, сужденія объ авторитетности могутъ быть разнообразны. Однако я думаю, никто не откажетъ отнести къ числу авторитетныхъ юристовъ Савиньи и Пухту. А между тѣмъ эти корифеи исторической школы относили къ числу самостоятельныхъ источниковъ права и научное мышленіе о правѣ, проявляющееся, какъ въ теоретической, такъ и въ практической дѣятельности юристовъ ¹⁾. А въ современной нѣмецкой литературѣ можно найти весьма извѣстныхъ юристовъ, идущихъ въ признаніи творческаго характера судебной практики еще гораздо дальше. Такъ, напримѣръ, Oskar Bulow (*Gesetz und Richteramt*, 1885, S. 3), говоритъ, что „es ist noch kein geltendes Recht, es ist nur ein Plan, nur der Entwurf einer zukünftigen erwünschten Rechtsordnung, was der Gesetz geben von sich aus fertig zu bringen vermag: и далѣе (S. 48): „nicht das Gesetz sondern Gesetz und Richteramt schafft dem Volke sein Recht!“ Принятое мною мнѣніе не только не составляетъ „исключительнаго явленія“ въ литературѣ, а даже какъ разъ на оборотъ исключительнымъ представляется то абсолютное отрицаніе творческаго характера судебной практики, какое высказываетъ почтенный критикъ. Существующія въ литературѣ разногласія касаются собственно частнаго вопроса: составляетъ ли судебная практика особый, самостоятельный источникъ права, или въ ней слѣдуетъ видѣть лишь особую форму обычнаго права? Возможность созданія судебной практикой новаго обычнаго права не отрицаютъ ни Stobbe, ни Unger, ни Föbster, ни Wachter, ни, въ нашей литературѣ, Малышевъ, а вѣдь ссылки на соответствующія мѣста ихъ сочиненій приведены въ моей книгѣ.

Не смотря на рѣзкость, съ какою проф. Ренненкампфъ нападаетъ на заимствованное мною у Савиньи и Пухты положеніе, собственная его аргументація сводится въ сущности къ простой ссылкѣ на ст. 47 основныхъ законовъ, исключаящей будто бы возможность у насъ творчества права судебною практикой (стр. 263). Но вѣдь если толковать такъ, то статья эта исключаетъ точно также и обычное право, о которомъ она тоже не упоминаетъ. Однако помнится мнѣ, что въ „Очеркахъ юридической энциклопедіи“ проф. Ренненкампфа обычное право признается самостоятельнымъ источникомъ права, и дѣйствіе

¹⁾ *Savigny*, System I, S. 45. *Puchta*, Gewohnheitsrecht, I, S. 161; его же—Vorlesungen, 5-te Ausg., S. 40.

обычнаго права въ Россіи не считается исключеннымъ постановленіемъ ст. 47 основныхъ законовъ.

Я все еще не исчерпалъ всѣхъ отдѣльныхъ возраженій профессора Ренненкампа. Но остальные представляются или непонятными, или совершенно голословными, или наконецъ, сводятся къ простому выраженію одного лишь недоумѣнія.

Такъ, я рѣшительно не понимаю возраженія, сдѣланнаго въ рецензій противъ принятой мною классификаціи формъ правленія. И тутъ, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, приводятся въ ковычкахъ вовсе не мои слова и даже приписана мнѣ совершенная нелѣпость. Цитируя стр. 239 моихъ Лекцій, проф. Ренненкампфъ выписываетъ мои слова такъ: „если власть эта не самостоятельна (то-есть, не есть делегація, данная народомъ), мы будемъ имѣть республику“ (рецензія, стр. 269). Слова поставленныя въ скобкахъ, составляютъ собственную прибавку рецензента и, конечно, совершенно искажаютъ мою мысль, превращая ее въ положительную бессмыслицу. Но дѣло не въ этомъ. Самое возраженіе проф. Ренненкампа оказывается совершенно непонятнымъ. Я говорю, что „правительство можетъ править государствомъ или самостоятельно, по собственному праву, или по порученію народа, отъ котораго оно тогда и зависитъ, которому и обязано тогда отвѣтомъ. — Въ первомъ случаѣ оно принимаетъ монархическую форму, во второмъ — республиканскую“ (стр. 238 и 239). Такимъ образомъ самостоятельную власть я противопоставляю делегированной отъ народа; первую считаю признакомъ монархіи, вторую — республики. Профессоръ же Ренненкампфъ увѣряетъ, что „согласно моей классификаціи „къ республикамъ приходится отнести и Бельгію, Италію и даже Пруссію!“ Онъ, очевидно, смѣшалъ понятіе неограниченной власти съ понятіемъ власти самостоятельной, не делегированной. Пруссія хотя и ограниченная монархія, однако Пруссійскій король все-таки король Божіею милостію, безотвѣтственный, правящій не по чьему-либо уполномочію, а по собственному праву, самостоятельно.

Въ своей попыткѣ объяснить происхожденіе права я, слѣдуя примѣру исторической школы, отправляюсь отъ аналогіи права съ языкомъ и ссылаюсь при этомъ на ученіе о происхожденіи языка Штейнтала. Рецензентъ считаетъ теорію Штейнтала устарѣлою, опровергнутою „новѣйшими изслѣдованіями по языковѣдѣнію“, умалчивая однако, какія же это такія „новѣйшія изслѣдованія“. Аналогія между правомъ и языкомъ, по словамъ проф. Ренненкампа, „оказывается

невѣрно" (стр. 260), но въ доказательство онъ даетъ лишь общую неопредѣленную ссылку на „отрывочные, но знаменательные факты, которые можно найти у Спенсера, Фримена, Лейбока“, опять не указавъ, хотя бы для примѣра, ни одного изъ этихъ „фактовъ“.

По вопросу о свободѣ воли и личной самостоятельности почтенный рецензентъ выписываетъ изъ разныхъ мѣстъ моей книги нѣсколько фразъ и затѣмъ ограничивается однимъ выраженіемъ недоумѣнія. Вопросъ о свободѣ воли—такой спорный и серьезный, что при всемъ желаніи я не могу здѣсь, въ коротенькой журнальной замѣткѣ, разъяснить его рецензенту.

Н. Корнуновъ.

Ближнія новости.

Волынь. Историческія судьбы Юго-Западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ *П. Н. Батюшковымъ*. Съ 2-мя хромолитографіями и 69-ю гравюрами. С.-Пб.—Четко и красиво отпечатанный, снабженный множествомъ художественныхъ иллюстрацій томъ (288 страницъ основнаго текста, 113 страницъ примѣчаній и объяснительныхъ статей къ рисункамъ, сверхъ того, указатель) содержитъ въ себѣ обзорніе историческихъ судебъ той части Юго-Западнаго края, которая соответствуетъ предѣламъ нынѣшней Волынской губерніи, не совсѣмъ совпадая съ древнимъ Волынскимъ княжествомъ и Волынскою землею или воеводствомъ, такъ какъ послѣднее не захватывало всей прежней земли Древянской и городовъ Овруча и Житомира, выключенныхъ въ Волынскую губернію только въ новѣйшее время. Эту точку отправленія отъ современнаго административнаго дѣленія нужно имѣть въ виду, чтобы объяснить себѣ нѣкоторое отсутствіе единства въ историческомъ изложеніи и постоянныя вторженія въ область собственно кievской исторической территоріи, къ которой, конечно, принадлежалъ бы скорѣе Овручъ съ его уѣдомъ. За то изложеніе почти не касается сосѣдней Подоліи или Подольской земли, которой, однако, едва ли будетъ уделенъ особый томъ въ предполагаемой новой серіи общепользныхъ изданій, посвященныхъ историческому обзорнію нашихъ юго-западныхъ окраинъ. Вышедшая теперь книга является вторымъ выпускомъ въ этой серіи; первый выпускъ включалъ въ себѣ исторію Холмской Руси и былъ въ свое время подробно рассмотрѣнъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Сверхъ того, почтенное имя инициатора, завѣдующаго изданіемъ, напоминаетъ о прежнихъ трудахъ въ этомъ родѣ, появленіе которыхъ составило также одну изъ его заслугъ русскому дѣлу. Мы разумѣемъ „Памятники старины въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ имперіи“. Какъ теперь выясняется, новая серія во многомъ и существенно отличается отъ прежняго ряда выпусковъ, и это служитъ къ ближайшему опредѣленію ея характера. „Памятники старины“ болѣе имѣли въ виду

научныя цѣли, а новая серія главнѣйшимъ образомъ преслѣдуетъ цѣли популяризаціи. Прежде предполагалось знакомить русское образованное общество съ мало известными или совсѣмъ забытыми остатками общей древнерусской жизни въ возвращаемыхъ къ нормальной русской жизни губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края, имѣлось въ виду противопоставить тенденціознымъ и одностороннимъ произведеніямъ польской ученой исторической литературы, на которыхъ опирались и всякія другія усердно популяризуемыя польскія книжки, такія русскія изслѣдованія или же изданія, которыя давали бы любознательности заинтересованныхъ читателей возможность познакомиться съ прошлыми судьбами края, не прибѣгая къ помощи польской литературы или же находя въ серьезныхъ и заслуживающихъ довѣрія трудахъ, опирающихся на документальныя свидѣтельства, необходимыя дополненія и поправки. Въ новой серіи, издаваемой П. Н. Ватюшковымъ, основная цѣль, конечно, остается та же, но пути къ ея достиженію избираются другіе, да и сама ближайшая задача по ставлена нѣсколько иначе. Во введеніи къ только что вышедшему тому заявляется, что книга написана по готовымъ изслѣдованіямъ, и что она имѣетъ въ виду послужить важнѣйшимъ задачамъ Русскаго государства и общества посредствомъ проведенія въ сознаніе мѣстнаго населенія мысли о необходимости и неизбежности полнѣйшаго объединенія описываемой окраины съ другими коренными ея частями. Это значить, что книга больше будетъ обращаться къ жителямъ Волыни и преподавать имъ уроки обще-русской исторіи, показывая, какъ обще-русская исторія (тутъ нужно разумѣть, конечно, и русско-литовскую) касалась Волыни и захватывала ее, и менѣе того будетъ заботиться объ особенныхъ и своеобразныхъ признакахъ и проявленіяхъ мѣстной, но все той же русской жизни съ ея памятниками и остатками, хотя, конечно, и послѣдніе будутъ упоминаться, такъ сказать, попутно. Собразно съ этимъ въ книгѣ есть цѣлыя ряды страницъ, излагающихъ общерусскіе факты въ объемѣ общедоступныхъ или даже учебныхъ сочиненій, но за то нѣтъ многихъ такихъ специальныхъ свѣдѣній, на какія могъ бы предъявить требованіе любой знатокъ русской исторіи, желающій восполнить свои общія познанія, и тѣмъ болѣе ученый ея изслѣдователь: нѣтъ систематическаго обобрѣнія отдѣльныхъ княжествъ и удѣловъ, нѣтъ списковъ удѣльныхъ князей, нѣтъ тщательно составленнаго обобрѣнія церковныхъ епархій съ указаніемъ упоминаемыхъ въ памятникахъ іерарховъ, нѣтъ генеалогическихъ данныхъ о княжескихъ и знатныхъ семействахъ, тѣсно связанныхъ съ судьбами Волыни. Равнымъ образомъ въ иллюстраціяхъ найдутся портреты Георгія Конисскаго, который больше принадлежитъ Бѣлоруссіи, Карамзина, императора Николая Павловича, но не окажется ни подробной топографической, ни исторической, ни даже какой-либо иной карты Волыни, Волынскаго княжества, Волынскаго воеводства, Волынской губерніи. Послѣднее уже во всякомъ случаѣ представляетъ пробѣлъ, независимо отъ того или другаго плана изданія, отъ той или другой ближайшей его цѣли. Отсутствие прочихъ подробностей и частныхъ никакъ не можетъ быть поставлено въ упрекъ составителямъ книги: таковъ былъ планъ и такова была сознательно поставленная задача изданія, и профессора Кіевской духовной академіи П. П. Петровъ и И. И. Малышевскій исполнили ее добросовѣстно и вполнѣ удовлетворительно. Кромѣ общихъ трудовъ—Бестужева-Рюмина, Иловайскаго Антоновича, Костомарова, они постоянно ссылаются въ примѣчаніяхъ на разныя весьма многочисленныя мелкія изслѣдованія въ повременныхъ мѣ-

стныхъ изданіяхъ — въ Волинскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, въ Кіевской Старинѣ и т. д. Иной разъ бываетъ жаль, почему не извлечено изъ такихъ мало распространенныхъ въ край и мало доступныхъ трудовъ больше данныхъ, больше подробностей. Изъ всего сказаннаго видно, что книга назначается преимущественно для образованныхъ мѣстныхъ читателей и представляетъ нѣчто среднее между ученою спеціальною монографіей и популярною книгой, написанною для народнаго чтенія. Нужно то и другое, нужнѣе всего, можетъ быть, третье, но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ быть благодарнымъ за то, что даютъ. Основную идею своего труда составители выражаютъ такъ, что имъ предстояло прослѣдить, какимъ образомъ русская народность и православіе въ край, не смотря на всѣ препятствія со стороны враждебныхъ имъ иноплемениковъ и иновѣрцевъ, развивались и укрѣплялись здѣсь отъ временъ Владиміра Святаго и до нашихъ дней и въ общемъ итогѣ содѣйствовали возростанію могущества и славы Россіи. Соотвѣтственно важнѣйшимъ государственнымъ перемѣнамъ, какія испытывала Волынь, составители раздѣляютъ ея исторію на слѣдующіе четыре періода: 1) первый періодъ—отъ начала историческаго существованія Волыни и до прекращенія линіи самостоятельныхъ русскихъ князей изъ Рюрикова дома въ началѣ XIV вѣка; 2) второй періодъ—періодъ господства Литвы надъ Волынью, или литовско-русскій, съ начала XIV вѣка и до окончательнаго соединенія Литвы съ Польшей въ 1569 году; 3) третій періодъ—польскаго владычества въ край, или польско-русскій, съ 1569 года и до втораго раздѣла Польши въ 1793 году; и 4) четвертый періодъ—возсоединенія Волыни съ Россіей съ 1793 года, или періодъ возстановленія русской народности и православія въ край, продолжающейся до настоящаго времени: „Во всѣхъ этихъ періодахъ коренною почвою, на которой созидалась исторія Волыни, служили родственныя племена одного и того же русскаго народа; но въ различные періоды эти племена находились въ различныхъ положеніяхъ. Въ первомъ періодѣ русскій народъ на Волыни находился подъ верховною властью русскихъ князей, которые распространяютъ и поддерживаютъ на Волыни православную вѣру, защищаютъ страну отъ иноплемениныхъ и иновѣрныхъ враговъ и вообще содѣйствуютъ самостоятельному, народному ея развитію. Второй періодъ исторіи Волыни, литовско-русскій, представляетъ собою переходное время или переходную ступень отъ самостоятельнаго развитія русскаго народа на Волыни къ подчиненію его чуждому латинско-польскому господству и вліянію. Въ это время Волынь съ сосѣдними русскими землями, хотя и подчиняется власти великихъ князей литовскихъ, перенимавшихъ польскіе порядки и гражданственность и старавшихся водворить ихъ въ своемъ государствѣ, но, не смотря на то, еще пользуется защитой и покровительствомъ удѣльныхъ и служилыхъ литовско-русскихъ князей и вельможъ на Волыни, пока, наконецъ, и они не начинаютъ мало по малу увлекаться польскими порядками и совращаться въ католичество. Третій періодъ исторіи на Волыни есть время ополченія и окатоличенія, если не всей страны, то по крайней мѣрѣ высшихъ сословій, время введенія вѣроисповѣдной уніи, какъ переходной ступени для простаго народа къ совращенію въ польское католичество, и упорной и продолжительной борьбы русской народности и православія съ поляками-католиками за свою цѣлость и неприкосновенность. Этотъ періодъ заканчивается наружнымъ совращеніемъ почти всего русскаго населенія Волыни въ унію и раздѣлами Польши между сосѣдними

государствами. Четвертый и последний период истории Волыни есть период восстановления первобытных, основных начал русской народности и православия в крае, восстановления, совершающагося медленно и до настоящего времени еще не закончившагося, вследствие упругости чуждых, враждебных влияний долго тяготѣвших надъ страной и пустившихъ въ ней довольно глубокіе корни". Вслѣдъ за историческимъ обзоромъ, составленнымъ проф. Петровымъ и Малышевскимъ, слѣдуютъ статьи, представляющія объясненія къ рисункамъ и принадлежащія другому перу. Объясненія эти, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ, занимаютъ очень много мѣста (стр. 27—113 съ обозначеніемъ счета внизу), и не всѣ въ одинаковой степени были необходимы, такъ какъ и самыя иллюстраціи, въ которыхъ онѣ относятся, иногда выходятъ явнымъ образомъ изъ рамокъ предположенной задачи. Кромѣ лишняго и посторонняго, здѣсь встрѣчаются также повторенія того, что уже разъ было сказано въ основной части, и притомъ въ формѣ несколько не худшей, а скорѣе гораздо лучшей. Напримѣръ, о дѣятельности князя Острожскаго уже относительно достаточно было сказано въ главномъ отдѣлѣ, и не зачѣмъ было еще разъ разъяснять, что онъ не могъ помѣшать установленію церковной уніи 1596 года, и что онъ и послѣ того, съ развитіемъ іезуитскаго измышленія (?), выказалъ себя истиннымъ и непреложно вѣрнымъ сыномъ православной церкви (стр. 40); не зачѣмъ было снова разъяснять, что начало уніи съ Римомъ положено было состоявшимся соглашеніемъ четырехъ западно-русскихъ епископовъ, и что польское правительство всѣми силами старалось объ укорененіи и распространеніи этого зачатка (стр. 42). Въ литературномъ отношеніи не совсѣмъ также удовлетворительны краткая біографія Георгія Конисскаго, гдѣ говорится, что онъ создалъ духовное и матеріальное состояніе своей епархіи, и такая же біографія униатскаго митрополита Ираклія Лисовскаго (стр. 60). Кого нужно разумѣть подъ Цареградскимъ митрополитомъ Неофитомъ, о которомъ говорится въ главѣ о Почаевской лаврѣ (стр. 84),—догадаться трудно. Значительное количество объяснительныхъ статей все-таки заключаетъ въ себѣ полезныя и нужныя дополнительныя свѣдѣнія о мѣстныхъ памятникахъ и мѣстныхъ святыхъ, то-есть, именно то, чего всего скорѣе сталъ бы искать въ книгѣ вообще любознательный и просвѣщенный читатель, знакомый съ дѣятельностью Карамзина, а также и съ исторіею княженія Владимира Святаго изъ другихъ источниковъ... Объ отсутствіи карты мы уже замѣтили; скажемъ, что и указателя однихъ только личныхъ именъ недостаточно; необходимъ былъ указатель упоминаемыхъ мѣстностей, указатель географическій: иначе какъ найти въ книгѣ желательную справку хотя бы, напримѣръ, о Пугинской или Туминской обители? Да и самый указатель личныхъ именъ не лишенъ погрѣшностей: напримѣръ, имя древлянскаго князя Мала поступило въ него прямо въ родительномъ падежѣ.—Слѣдующій выпускъ, по видимому, долженъ относиться къ исторіи Бѣлоруссіи и Литвы. Здѣсь новому изданію придется выдержать конкуренцію съ очень хорошою и весьма распространенною, по истинѣ популярною (не только по намѣренію, но и фактически) книжкою проф. М. О. Кояловича „Чтенія по исторіи Западной Россіи“. Пожелаемъ, чтобъ отыскана была такая форма изложенія и такой планъ изданія, какія вполне оправдывали бы конкуренцію и дѣлали бы необходимымъ или хотя бы полезнымъ существованіе рядомъ двухъ произведеній, преслѣдующихъ одинаковую цѣль.

Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси, изданный комиссіей для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Киевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Киевъ. — Изданный названною комиссіей томъ содержитъ въ себѣ шесть новыхъ памятниковъ, изъ которыхъ четыре заимствованы изъ музея Оссолинскихъ во Львовѣ и до сихъ поръ не были печатаны, а два другіе представляютъ новые варианты уже извѣстныхъ памятниковъ. Новыми являются: а) Киевская лѣтопись (1241—1621 гт.); б) Межигорская лѣтопись (1608 — 1700 гт.); в) Дневникъ похода противъ казаковъ запорожскихъ (1625 г.); г) Лѣтопись событій въ южной Руси львовскаго каноника Яна Юзефовича (1624—1700 гт.). Варианты представляютъ: д) Лѣтопись или описаніе краткое знатѣйшихъ дѣйствъ и случаевъ... въ Украинѣ Малороссійской... (1506—1737 гт.) (особенно съ 1692 г. гораздо болѣе полный текстъ, чѣмъ у Бѣловерскаго въ „Южно-русскихъ лѣтописяхъ“; г. Антоновичъ въ предисловіи называетъ эту лѣтопись Лизогубовскою) и е) Витебская лѣтопись (болѣе исправная, чѣмъ у г. Сапунова въ „Витебской Старинѣ“). Всѣ эти памятники касаются преимущественно исторіи казачества и главнымъ образомъ съ 40-хъ годовъ XVII вѣка. Время предшествующее затрогивается ими лишь весьма бѣгло, иногда не безъ грубыхъ промаховъ; напримѣръ, въ Лизогубовской лѣтописи подъ 1622 г. сказано: „Около сихъ годовъ кн. Острожскій Константинъ, котораго статура мрачная есть въ церкви Печерской (слѣдовательно, Ивановичъ), за обѣды русские супликовалъ до сената польскаго на Ляховѣ“. Естатіи объ Острожскихъ: въ Киевской лѣтописи показана дата смерти Василія—Константина — 13-е февраля 1608 г. (какъ и у Максимовича), но слѣдующая затѣмъ лѣтопись Межигорская начинается показаніемъ, что и 18-го іюля того же 1608 г. онъ былъ еще живъ. Такимъ образомъ дата смерти знаменитаго Острожскаго продолжаетъ оставаться неизвѣстною. Въ Киевской лѣтописи особенно важенъ послѣдній ея отдѣлъ съ 1608 по 1621 г. Онъ писанъ современникомъ и доказываетъ между прочимъ, что возстановленіе западно-русской іерархіи обусловлено было со стороны Сигизмунда III участіемъ казаковъ въ войнѣ съ турками. „Дневникъ“ разъясняетъ возстаніе казацкаго гетмана Жмайла и Куруковский договоръ, а лѣтопись Юзефовича интересна, какъ по живымъ подробностямъ осады Хмельницкимъ Львова, такъ и вообще по освѣщенію фактовъ. Кромѣ указанныхъ памятниковъ, въ приложеніяхъ помѣщены интересныя документы, изъ которыхъ особенно важными кажутся намъ: а) Письма Стефана Хмельцкаго къ королю по поводу побѣды, одержанной надъ татарами у Бѣлой Церкви въ 1629 г. (побѣда эта обыкновенно приписывалась лѣтописцами Богдану Хмельницкому); б) Дѣнадцать писемъ Хмельницкаго къ магистрату города Львова 1655 г., и в) Десять писемъ королевскаго секретаря Д. Вилька къ королю Іоанну III—живая хроника происшествій въ южной Руси за 1694 — 1695 гг. Въ началѣ помѣщено обстоятельное предисловіе В. Б. Антоновича, а въ концѣ указатель именъ и мѣстъ.

Н. И. Любомичъ. Къ исторіи иезуитовъ въ Литовско-русскихъ земляхъ въ XVI вѣкѣ. Варшава.—Брошюра г. Любовича, являясь отголоскомъ занятій русскаго ученаго въ Ватиканскомъ архивѣ, представляетъ собою весьма пріятное явленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаетъ не мало горькихъ чувствъ. Непсчерпаемая богатства Ватиканскаго архива, какъ сообщаетъ авторъ,—быть можетъ, скоро будутъ закрыты, такъ какъ, по слухамъ, по смерти папы Льва XIII доступъ въ

архивъ будетъ или совершенно прекращенъ, или историкамъ будутъ выдаваться для занятій документы только до XVI вѣка; слѣдовательно, исчезнетъ надежда освѣтить наиболѣе интересное и важное время для западно-русской исторіи новыми матеріалами. Знаемый съ Ватиканскимъ архивомъ, авторъ имѣетъ, конечно основанія жалѣть объ этомъ болѣе другихъ, и его настоящая брошюра представляетъ какъ бы наглядное доказательство важности указаннаго архива для русскихъ историковъ. Самая брошюра утверждаетъ, что въ возрожденіи католицизма въ Польшѣ заслуга принадлежитъ не однимъ іезуитамъ, склоннымъ, особенно въ исторіяхъ своего ордена, преувеличивать значеніе своей дѣятельности, но и другимъ органамъ католической церкви, а также энергіи курии, обнаруживающей особенно съ 1555 года; приложенные шесть документовъ (въ томъ числѣ два письма Бенедикта Гербеста) наглядно представляютъ образъ дѣйствій іезуитовъ, которые, хотъ и не были единственными виновниками успѣховъ католицизма, но во всякомъ случаѣ значительно ускорили ихъ. Кстати позволимъ себѣ еще разъ вернуться къ Ватиканскому архиву. Въ Краковѣ по поводу 300-лѣтней годовщины смерти Стефана Баторія было издано о немъ сочиненіе В. Закржевскаго, представляющее собою образецъ монографіи, опредѣляющей настоящее состояніе науки по данному вопросу и выдѣль съ тѣмъ указывающей, чтó въ немъ еще предстоитъ сдѣлать. Оказывается, что въ Ватиканскомъ архивѣ въ настоящее время работаетъ чуть ли не цѣлая экспедиція молодыхъ польскихъ историковъ, и что одинъ изъ нихъ занимается дѣятельностью іезуитовъ и пользуется донесеніями ихъ нунціямъ, въ которыхъ, какъ онъ сообщаетъ Закржевскому, и какъ это видно изъ документовъ г. Любовича, сообщается объ успѣхахъ дѣятельности іезуитовъ и даже о числѣ обращенныхъ ими. До сихъ поръ польскіе историки, въ разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ Западною Русью, далеко отставали отъ русскихъ. Этому нечего радоваться, но этимъ справедливо можно гордиться. Неужели теперь они насъ опередятъ? Правда, наши историки весьма мало воспользовались даже Тейнеромъ, но онъ не уйдетъ, а наше игнорированіе Ватиканскаго архива, если слухи, сообщаемые г. Любовичемъ, справедливы, можетъ надѣлать намъ не мало и вреда, и стыда.

Archiw Książat Łubartowiczów Sanguszków. Изданіе владѣльца, подъ редакціей Радзивиловскаго, при участіи Скобелевскаго и Горчака. Львовъ. 1887.—Документы (числомъ 133), помѣщенные въ 1-мъ томѣ названнаго изданія, обнимаютъ собою время съ 1366 по 1506 г.; они по преимуществу русскіе, касаются Волынской земли и многіе являются въ печати впервые: достаточно оснований, чтобы признать за изданіемъ весьма важное значеніе и считать его вполне необходимымъ для всякаго, занимающагося исторіей Волыни и вообще Литвы. Къ сожалѣнію, изданіе оставляетъ желать многого. Прежде всего поражаетъ отсутствіе точнаго плана, столь необходимаго въ подобномъ сборникѣ. Отчасти это оговаривается въ предисловіи; тѣмъ не менѣе, чтобы быть сножнымъ на счетъ вѣрности названія, приходится справляться не только въ опечаткахъ, занимающихъ три страницы, но и въ указателяхъ мѣстъ и лицъ, и въ примѣчаніяхъ, все это въ разныхъ мѣстахъ. Съ изданіемъ, очевидно, торопились: такъ, въ него включены два документа (№№ 100 и 101), которые собственно не должны были по времени войти въ настоящій томъ; также точно, только по отпечатаніи текста редація пришла къ заключенію, что объясненія названій мѣстъ должны

быть помѣщены отдѣльно (стр. 153 прим.). Все это—обстоятельства, не говоряща въ пользу редакціи. Трудно понять, почему непременно понадобилось раскрывать принятія въ кириллицѣ сокращенія и обозначать ихъ особыми скобками, во всякомъ случаѣ произвольными. Однимъ словомъ, по широтѣ замысловъ и неудачности исполненія настоящей томъ напоминаетъ изданную тѣмъ же г. Радзминскимъ, въ сообществѣ Руликковскаго, еще въ 1880 г. книгу: „Kniaziowie i Szlachta“. Слѣдуетъ однако надѣяться, что дальнѣйшіе томы изданія „Архива“ (оно предполагается въ 3 или даже 4 томахъ), при тѣхъ матеріальныхъ средствахъ, которыми оно располагаетъ, будутъ свободны отъ недостатковъ перваго. Прибавимъ отъ себя, что въ вопросахъ, касающихся русской іерархіи, никакъ не слѣдуетъ опираться на Бонецкаго („Rozset godów“), ибо въ такомъ случаѣ очень легко сдѣлать ошибку (напримѣръ, въ примѣчаніи къ № 100 Іосифъ Солтанъ на основаніи списка Бонецкаго является митрополитомъ съ 1499 года). Что касается другихъ замѣчаній, то мы отошлемъ читателя къ рецензіи такихъ знатоковъ литовской исторіи и генеалогіи, какъ Прохаска и Вольфъ (см. варшавскій Атепеш 1887, № 12), такъ какъ каждому, желающему пользоваться „Архивомъ Сангушковъ“, необходимо предварительно исправить ошибки, нерѣдко существенныя, по ихъ указаніямъ. Прибавимъ еще, что въ рецензіи г. Вольфа приложенъ документъ, окончательно утверждающій происхожденіе Сангушковъ отъ Федора Ольгердовича: г. Вольфъ оказался болѣе счастливымъ, чѣмъ редакторы специально Сангушковскаго изданія.

Девятисотлѣтіе русской іерархіи. 988—1888. Епархіи и архіереи. Составилъ Н. Д. С.-Пб. — Это — перечень епархій и именъ іерарховъ за указанный въ заглавіи періодъ времени. Какъ справочная книга или, лучше сказать, какъ списокъ архіереевъ, доведенный до мая текущаго года, изданіе это очень полезно. Преимущество его передъ спискомъ архіереевъ, издаваемымъ св. синодомъ, заключается въ указаніи фамилій іерарховъ, хотя и безъ приведенія ихъ именъ до постриженія. Такой полноты подборъ лицъ, занимающихъ касседры, нѣтъ ни въ одномъ спискѣ синодальномъ; списки іерарховъ и настоятелей П. М. Строева представляютъ иногда значительныя пробѣлы; то же должно сказать и о спискѣ архіереевъ Ю. В. Толстаго; такимъ образомъ, по обилію и точности указаній „Девятисотлѣтіе“ составляетъ послѣднее слово въ ряду перечней архіереевъ Русской церкви. За то противъ плана этого изданія можно бы сказать многое. Равнымъ образомъ нельзя одобрить и заглавіе: оно общааетъ не списокъ архіереевъ, а скорѣе историческій очеркъ русской іерархіи; чего въ книгѣ нѣтъ. Разсматриваемое изданіе снабжено указателемъ, но справки при его помощи оказываются не легкимъ трудомъ; если бы, при указаніи епархій, вслѣдъ за именемъ лица проставлена была цифра страницы, гдѣ искомое лицо упоминается, дѣло справокъ было бы очень упрощено, но такъ какъ страницы не указаны, то приходится сперва найти въ концѣ книгѣ перечень епархій и затѣмъ по этому перечню уже опредѣлять страницу, на которой въ данной епархіи найдется искомое лицо.

С. О. Платоновъ. Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. С.-Пб.—Читателямъ журнала извѣстно это сочиненіе, напечатанное на его страницахъ въ прошломъ и текущемъ годахъ. Въ

отдѣльномъ изданіи оно снабжено введеніемъ, перечнемъ изслѣдованныхъ рукописей и указателемъ именъ личныхъ и географическихъ. Надобно надѣяться, что ученая критика скорѣй выскажетъ свое мнѣніе объ этомъ замѣчательномъ трудѣ.

А. А. Титовъ. Ростовская и Ярославская старина. Вып. 2-й. Ярославль.— Во 2-мъ выпускѣ этого сборника помѣщено четыре документа по мѣстной исторіи изъ XVIII вѣка; наиболѣе любопытный изъ нихъ—собраніе замѣчательнѣйшихъ надписей въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ.

Новые материалы для исторіи царствованія Петра Великаго. (Сношенія Россіи съ Франціей). *В. С. Иконникова.* Кіевъ.—Этюдъ, заключающій въ себѣ систематическое разсмотрѣніе донесеній французскихъ дипломатовъ, бывшихъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ и изданныхъ въ *Сборникѣ* Русскаго Историческаго Общества.

В. В. Латышевъ. Очеркъ греческихъ древностей. Пособіе для гимназистовъ старшихъ классовъ и для начинающихъ филологовъ. Часть I-я. Государственные и военныя древности. Изд. 2-е. С.-Пб.—Въ ожиданіи подробнаго разбора этого прекраснаго сочиненія, считаемъ долгомъ обратить на него вниманіе читателей, интересующихся древнимъ міромъ и его изучающихъ. Въ книгѣ г. Латышева они найдутъ весьма цѣнное пособіе для ознакомленія съ тѣмъ, что зовется „древностью“, и въ частности, съ древностями государственными и военными древнихъ грековъ. До появленія труда г. Латышева (первое его изданіе вышло въ 1880 г.) въ нашей литературѣ существовалъ лишь „Краткій очеркъ греческихъ древностей“ Страшкевича, книга характера компилятивнаго, изложенная не всегда удачно и значительно устарѣвшая даже для того времени, когда она появилась въ свѣтъ. Между тѣмъ, потребность въ хорошемъ руководствѣ по греческимъ древностямъ чувствовалась болѣе или менѣе сильно, и трудъ г. Латышева удовлетворилъ ей какъ нельзя лучше. Авторъ оказалъ вполне на высотѣ своей задачи: множествомъ отдѣльныхъ монографій по тому или другому вопросу изъ государственной жизни Греціи, монографій, примыкавшихъ почти всегда въ какому-либо вновь открытому и издаваемому г. Латышевымъ эпиграфическому тексту, а затѣмъ и своимъ капитальнымъ сборникомъ греческихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря, авторъ заявилъ себя въ качествѣ знатока политической жизни Греціи, и потому, ему, какъ знатоку, составленіе очерка греческихъ древностей было какъ разъ дѣломъ подходящимъ. Очеркъ этотъ представляетъ собою трудъ вполне самостоятельный, какъ въ разработкѣ, такъ и въ расположеніи материала: послѣ историческаго обзора развитія формъ государственной жизни еллиновъ, авторъ разсматриваетъ въ подробности политическій строй Спартанскаго и Аѣннскаго государствъ и заканчиваетъ обзоръніемъ международныхъ отношеній и союзовъ грековъ. Чтобы дать понятіе о ходѣ изложенія, выпишемъ перечисленіе главъ, изъ которыхъ состоитъ изложеніе устройства Аѣннскаго государства: послѣ географическаго очерка Аттики и топографіи Аѣннъ, идетъ историческій обзоръ развитія аѣннскаго государственнаго устройства съ древнѣйшихъ временъ до македонскаго владычества; затѣмъ слѣдуетъ систематическій обзоръ демократическаго устройства Аѣннъ, въ которомъ разсматриваются: народонаселеніе Аттики, органы верховной власти народа, должностныя лица, судоупроизводство, войско и флотъ,

финансы. Каждая глава состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ, посвященныхъ частнѣйшимъ вопросамъ. Матеріалъ, изъ котораго черпаетъ г. Латышевъ, можетъ быть названъ весьма полнымъ; въ особенноти близко знакомъ составитель съ эпиграфическими данными, которыми, благодаря находкамъ недавняго времени, заняли одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ въ ряду источниковъ для знакомства съ государственною жизнью Греціи. Это знакомство можно поставить г. Латышеву въ особую заслугу, потому что эпиграфическій матеріалъ, въ отличіе отъ литературнаго, давно уже собраннаго и систематизированнаго, представляется еще до сихъ поръ разсыяннымъ и разбросаннымъ и требуетъ для своего примѣненія большаго труда и разнообразной начитанности. Какъ полно собранъ авторомъ матеріалъ, также добросовѣстно изучены имъ и пособія, начиная отъ обширныхъ сводовъ и учебниковъ до отдѣльныхъ монографій и журнальныхъ статей. Молодымъ филологамъ, для которыхъ предназначаетъ, между прочимъ, свою книгу авторъ, и подъ которыми онъ, очевидно, разумѣетъ студентовъ историко-филологическаго факультета нашихъ университетовъ, особенную пользу принесутъ библиографическія указанія, которыми г. Латышевъ сопровождаетъ каждый отдѣлъ своего труда. Они всѣ очень обстоятельны и составлены съ большимъ тактомъ и умѣньемъ. Вообще, въ трудѣ г. Латышева мы имѣемъ явленіе весьма почтенное, и слѣдуетъ желать, чтобъ авторъ довелъ своей очеркъ до конца, подаривъ намъ обзоръ греческихъ древностей религіозныхъ и частныхъ.

IOANNIS SOMMELI MEDICI VITA IOANNIS CANTACUZENI ROMANORUM IMPERATORIS. Edidit graece *Chrysanthos Loparew* Samarouensis. Petrojoli. (Hic libellus lectoribus dono datur). — Молодой ученый г. Лопаревъ, извѣстный своими трудами по изданію и изученію русскихъ паломниковъ во Святую Землю, а также нѣсколькими статьями, обязавшими его принадлежность къ образующейся и развивающейся школѣ русскихъ византинистовъ (между прочимъ, имѣемъ въ виду статейку о чинѣ вѣнчанія Русскихъ государей, помѣщенную въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія), еще на студенческой скамьѣ успѣлъ приобрести любовь къ греческимъ рукописямъ вмѣстѣ съ хорошимъ навыкомъ и умѣньемъ читать ихъ, а въ недавнее время отыскалъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ собраніи бывшаго епископа Порфирія, не изданное сочиненіе греческаго ученаго XVII вѣка Іоанна Комнина (+1710), содержащее въ себѣ біографію Византійскаго императора XIV в. Іоанна Кантакузина. Хотя оно при небольшомъ объемѣ не заключаетъ въ себѣ какихъ-либо важныхъ новыхъ историческихъ данныхъ и даже не можетъ считаться самостоятельнымъ источникомъ, какъ произведеніе позднее и очевидно компилятивное, тѣмъ не менѣе оно привлекло къ себѣ вниманіе издателя ссылками на первоначальные источники, между прочимъ на такія главы въ историческомъ сочиненіи самаго Кантакузина, которыя въ печатныхъ изданіяхъ не отыскиваются; сверхъ того, оно представляется не лишнимъ интереса съ точки зрѣнія исторіи новогреческой литературы и языка. Оно поэтому и отпечатано въ небольшомъ числѣ экземпляровъ г. Лопаревымъ, который при этомъ случаѣ обнаружилъ въ себѣ многообъщающіе задатки самоотверженнаго и страстнаго любителя, готоваго свои изданія раздавать даромъ, только были бы для нихъ читатели: Hic libellus lectoribus dono datur! Написанное на латинскомъ языкѣ введеніе содержитъ въ себѣ краткія біографическія свѣдѣнія объ Іоаннѣ Комнинѣ и перечисленіе его трудовъ изданныхъ и не из-

данныхъ; въ числѣ изданныхъ наиболее видное мѣсто занимаетъ извѣстный и въ русскомъ старинномъ переводѣ Прокминтарій Святой горы Афона. Текстъ сопровождается латинскими примѣчаниями внизу страницы, въ которыхъ отмѣчаются соотвѣтствующія параллельныя мѣста изъ оригинальныхъ сочиненій самаго Кантакузина, Пахимера, Грегори и проч. Нѣкоторыя особенности правописанія, принятаго г. Лопаревымъ, напримѣръ, написаніе энклитики *тоо*, употребляемой въ смыслѣ мѣстоименія третьяго лица, слитно съ предшествующимъ существительнымъ, едва ли будутъ одобрены всѣми знатоками; поправки текста, предлагаемыя издателемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, можетъ быть, не всѣ окажутся необходимыми; латинскій стиль примѣчаній и особенно введенія потребовалъ исправленій уже по отпечатаніи книжки и все еще не доведенъ до совершенства; но это мелкіе недостатки, которые несколько не умаляютъ чести, подобающей труду и труженнику, тѣмъ болѣе, что трудъ слѣдуетъ признать нужнымъ и полезнымъ не только въ качествѣ перваго опыта на соответствующемъ поприщѣ начинающаго дѣятеля, но и безотносительно.

Проф. *М. Н. Петровъ*. Лекціи по всемирной исторіи, изданныя подъ редакціей проф. *В. К. Надлера*. Т. III. Исторія новыхъ вѣковъ (реформаціонная эпоха) въ обработкѣ приватъ-доцента *В. П. Бузескула*. Харьковъ.—Курсъ новой исторіи читанъ покойнымъ профессоромъ Петровымъ подробнѣе, чѣмъ лекціи исторіи древности и среднихъ вѣковъ; поэтому и въ изданіи г. Бузескула онъ составилъ два выпуска. Въ 1-мъ выпускѣ, послѣ общаго введенія, предлагается очеркъ гуманизма, а затѣмъ идетъ собственно исторія реформаціи въ Германіи и на Скандинавскомъ сѣверѣ; слѣдующія главы изображаютъ Францію до Людовика XIV, Англію до революціи, возстаніе Нидерландовъ, католическую реакцію на западѣ Европы, Тридцатилѣтнюю войну и, наконецъ, реформаціонный періодъ въ Польшѣ. Этотъ послѣдній параграфъ составленъ г. Бузескуломъ, тогда какъ все остальное только обработано имъ по запискамъ слушателей Петрова. Подобно прежнимъ выпускамъ лекцій покойнаго харьковского профессора, настоящій курсъ не отличается самостоятельностью возвращеній, но можетъ быть разсматриваемъ какъ хорошій сводъ историческихъ взглядовъ, выработанныхъ западно-европейскою наукой.

Первое полное собраніе сочиненій *Д. И. фонъ-Визина*, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ. 1761—1792. Съ портретомъ автора. М.—Первый взглядъ на это изданіе производитъ впечатлѣніе довольно неблагоприятное: самое заглавіе кажется рекламой; это впечатлѣніе еще усиливается отсутствіемъ имени лица, которое приняло на себя редакцію, отсутствіемъ предисловія и примѣчаній, за исключеніемъ помѣтокъ при статьяхъ, не входившихъ въ прежнія изданія. Мы стали требовательны къ изданіямъ великихъ нашихъ писателей: однихъ изданій *Я. К. Грота* достаточно для оправданія такихъ требованій. Мы говоримъ здѣсь не только о *Державинѣ*, но также и о *Хемницерѣ*. Относительно фонъ-Визина такое требованіе тѣмъ законнѣе, что матеріалы для удовлетворительнаго изданія были подготовлены въ книгѣ князя *П. А. Вяземскаго*, въ изданіяхъ *Перевѣтскаго* (гдѣ собраны критическія статьи о фонъ-Визинѣ) и *П. А. Ефремова*, добросовѣстно отнесшагося къ тексту фонъ-Визина. Впрочемъ, новое изданіе имѣетъ и свои достоинства: оно чисто, хотя вѣщнымъ его на-

звать нельзя, особенно по дѣйствію. Текстъ, на сколько можно судить по сдѣланнымъ на выдержку сличеніямъ, напечатанъ исправно. Самое же большое достоинство его заключается въ переизданіи переводовъ фонъ-Визина, нѣмало доступныхъ. Изученіе этихъ переводовъ можетъ быть полезнымъ для исторіи русскаго языка, а также для характеристики литературныхъ вкусовъ. Пожелаемъ только, что издатель не ввѣстъ напечатанныхъ кн. Виземскимъ Геснеровой „Смерти Авеля“ и отрывковъ изъ „Іліады“ а также не отыскалъ указанного книземъ же Виземскимъ перевода: „О вольности французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина“. Случая новое изданіе съ изданіемъ П. А. Ефремова, мы пожелаемъ объ отсутствіи „завѣщанія фонъ-Визина“, а также о томъ, что не перепечатаны письма и приписки его братьевъ. Мы уже говорили объ отсутствіи примѣчаній, но и краткія замѣтки при нѣкоторыхъ произведеніяхъ, вновь появившихся въ изданіи, иногда слишкомъ неудовлетворительны: только про „Альзир“, въ первый разъ изданію вполне, читаемъ: „печатается въ первый разъ: 1-е явленіе 1-го дѣйствія по списку Чергзовской городской и Голлицынской бібліотеки, исправленному самимъ фонъ-Визинимъ; это явленіе разобрано А. И. Станкевичемъ и напечатано въ октябрьской книжкѣ *Русскаго Архива* 1887; всѣ же остальные по списку Московск. Публичн. и Руманц. музеевъ, № 2968“. Есть сомнѣніе въ томъ, не одна ли это и та же рукопись. Оглавленіе составлено крайне небрежно: кнѣ изъ статей, вошедшихъ въ изданіе, не попали въ оглавленіе; такъ, не помѣчены отрывки: „Комедія“, „Добрый наставникъ“, „Обманчивая наружность“. Расположеніе тоже похвалить нельзя: въ полномъ изданіи сочиненій фонъ-Визина, нужномъ только для людей, внимательно изучающихъ старую русскую литературу, желательно было бы расположеніе хронологическое или по крайней мѣрѣ хронологическій списокъ всѣхъ произведеній издаваемого автора. Такимъ образомъ, новое изданіе является лишь дополненіемъ къ изданію П. А. Ефремова, и то лишь для специалистовъ. Публика же, конечно, всего фонъ-Визина читать не станетъ; въ тому же для публики и для учащихся даже „Недоросль“ и „Бригадиръ“ требуютъ примѣчаній и предисловій. Пожелаемъ же, чтобы поскорѣе появилось изданіе фонъ-Визина, достойное его имени, и непремѣннымъ условіемъ котораго, кромѣ всего указаннаго выше, было бы сличеніе старыхъ изданій; есть слухъ, что найденъ наконецъ экземпляръ перваго изданія „Бригадира“, долго считавшагося утраченнымъ, представляющій значительные варианты.

Русская художественная словесность въ началѣ нынѣшняго вѣка и развитіе ея въ лицѣ К. Н. Батюшкова. *Н. Невзорова*. С.-Пб.—Этюдъ этотъ вызванъ вышедшимъ въ прошломъ году критическимъ изданіемъ сочиненій Батюшкова съ біографіей поэта и примѣчаніями. Г. Невзоровъ отнесся однако къ предмету своего очерка самостоятельно и весьма удачно характеризуетъ даровитаго поэта, который въ развитіи нашей художественной словесности былъ ближайшимъ предшественникомъ Пушкина.

Островскій въ его произведеніяхъ. Первый періодъ дѣятельности (до историческихъ хроникъ). *А. Незеленова*. С.-Пб.—Старательно составленный комментарий къ такъ-называемымъ „бытовымъ“ пьесамъ нашего великаго драматурга. Ограничиваясь пока обзоромъ отдѣльныхъ драмъ и комедій Островскаго, авторъ отлагаетъ общее свое сужденіе о немъ до слѣдующихъ выпусковъ.

МАТЕРІАЛИ И ЗАМѢТКИ по старинной славянской литературѣ. *Матей Соколова*. Выпускъ первый. М. — Весьма замѣчательный трудъ, посвященный разсмотрѣнію нѣсколькихъ литературныхъ памятниковъ, найденныхъ авторомъ въ одной сербской рукописи, но по происхожденію принадлежащихъ частью Сербіи, частью же Болгаріи и Россіи. Подробный разборъ книги г. Соколова появится въ июльской книжкѣ журнала.

Н. Карневъ. Историческая философія гр. Л. Н. Толстаго въ „Войнѣ и Мирѣ“. С.-Пб.

Отчетъ Православнаго Палестинскаго Общества за 1886—1887 годъ. С.-Пб.—
Содержаніе: 1) Поѣздка въ Іерусалимъ—*Т. В. Кибальчича*; 2) Поперегъ Малой Азіи и сухопутная дорога въ Святую Землю—*А. Б. Елистева*; 3) Отчетъ отдѣленія поддержанія православія въ Св. Землѣ; 4) Отчетъ Общества, съ приложениями.

Единицы и физическія постоянныя. *J. D. Everett'a*. Перевели *П. Н. Вербицкий* и *И. О. Жеребятъевъ*. С.-Пб. — Книга англійскаго ученаго Эверетта составляетъ пособіе для количественнаго изученія физическихъ явленій. Содержаніе ея слѣдующее: гл. I—общая теорія единицъ; II—выборъ трехъ основныхъ единицъ; III—механическія единицы; IV—гидростатика; V—напряженіе, деформация и упругость; VI—астрономія; VII—скорость звука; VIII—свѣтъ; IX—теплота; X—магнетизмъ; XI—электричество. По мысли автора, количественное изученіе физическихъ явленій въ особенности облегчаетъ опредѣленіе отношеній между различными разрядами ихъ; приведенный перечень главъ указываетъ, что въ своемъ очеркѣ авторъ успѣлъ обозрѣть всю совокупность содержанія физики, какъ науки. Книга профессора Эверетта пользуется большою извѣстностью въ англійской литературѣ и весьма заслуживала перевода; русскіе переводчики исполнили свой трудъ очень усѣбно и притомъ снабдили переводъ нѣсколькими полезными приложениями изъ русскыхъ источниковъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Теорія Словесности. Составилъ *Е. Воскресенскій*. Въ 8-ву, стр. 131. Москва. 1888. Цѣна 70 к.

Трудъ г. Воскресенскаго рекомендуетъ себя выгодно: по содержанию и изложенію, сжато, но ясному, онъ доступенъ пониманію учащихся, а по объему—удобно одолѣваемъ ихъ памятью. На эти качества указываетъ и въ предисловіи слѣдующими словами: „Учебникъ нашъ долженъ служить только какъ бы памятною книжкою для учащихся, по которой они могутъ припомнить все то, что сдѣлали сами въ классѣ вмѣстѣ съ преподавателемъ; поэтому онъ отличается конспективнымъ характеромъ“. Такое свойство учебнаго руководства обусловлено требованіемъ учебныхъ плановъ министерства народнаго просвѣщенія „вездѣ, гдѣ только возможно, свѣдѣнія по теоріи словесности должны добываться ученикомъ, подъ руководствомъ учителя изъ самыхъ произведеній“.

Не смотря, однако, на сжатость изложенія, дающую книгѣ конспективный характеръ ²⁾, все существенное въ ней имѣется, есть и менѣе важное, не обязательное для учащихся, но оно помѣщено въ примѣчаніяхъ, напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ.

Заслуживаетъ одобренія и то, что содержаніе книги, то-есть, всѣ положенія и правила теоріи словесности, извлечены изъ образцовъ, находящихся въ одномъ учебномъ пособіи, именно въ хрестоматіи г. Галахова, „какъ наиболѣе распространенной“. Это освобождаетъ учащихся отъ необходимости приобрѣтать для одного и того же учебнаго предмета нѣсколько разныхъ пособій. При отсутствіи нуж-

---

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

²⁾ Стилетика, вмѣстѣ съ введеніемъ, занимаетъ 24 страницы, а теорія прозы—12; болѣе просторное мѣсто отведено теоріи поэзіи—47 страницъ.

наго образца въ означенной хрестоматіи (что, впрочемъ, случается очень рѣдко), г. Воскресенскій помѣщаетъ его въ самомъ учебникѣ, таковы, напримѣръ, описанія Днѣпра по географіи Кузнецова и по сочиненію Гоголя (стр. 26—28), небольшіе отрывки изъ Несторовой лѣтописи (стр. 34—35), изъ записокъ Порошина (стр. 35—36), Исторіи Карамзина и пр. Только „Скупой Рыцарь“ Пушкина помѣщенъ цѣликомъ въ приложеніи, на концѣ книги, какъ образецъ, дающій возможность опредѣлить свойства драматической поэзіи.

Приводимые примѣры часто разбираются, и изъ разбора выводятся планъ ихъ постройки, знакомящій учениковъ съ частями цѣлаго, съ ихъ взаимнымъ отношеніемъ и съ ходомъ мыслей. Таковы планы разсужденія Карамзина: „О любви къ отечеству и народной гордости“ (стр. 39—41), повѣсти Пушкина: „Капитанская дочка“ (стр. 64—65), духовной оды Дмитріева: „Размышленіе по случаю грома“ (стр. 73—74), его же сатиры „Чужой толкъ“ (стр. 76—77), двухъ элегій: Пушкина и Лермонтова (стр. 75—76), „Ревизора“ Гоголя (стр. 87—88) Во второмъ приложеніи (стр. 111—115) предложены планы нѣкоторыхъ описаній, характеристикъ, повѣствованій и разсужденій, помѣщенныхъ въ хрестоматіи г. Галахова.

Наконецъ, для надлежащаго разъясненія нѣкоторыхъ параграфовъ теоріи поэзіи и для болѣе отчетливаго разбора разсужденій, не бесполезны „Краткія свѣдѣнія изъ психологіи и логики“, данныя въ первомъ приложеніи (стр. 98—110).

Заключаемъ нашъ отчетъ мелкими замѣтками. Вѣроятно, отъ спѣшности печатанія или отъ несовсѣмъ внимательной корректуры вкравлись опечатки, напримѣръ, народъ вм. языкъ (стр. 7), состоятъ вм. ставятъ (стр. 80). Авторъ часто употребляетъ сокращенія, въ родѣ слѣдующихъ: какъ н. (нибудь, стр. 8), какую ниб. так. обр. (такимъ образомъ, стр. 9). Разказы, о прошедшихъ событіяхъ умѣстны не въ одной поэзіи эпической (стр. 83): они могутъ быть и въ монологахъ драмъ, напримѣръ, при воспоминаніи лица о своей прошлой жизни. Очень жалко, что при книгѣ нѣтъ оглавленія: его необходимо приложить къ слѣдующему изданію.

Историческая Хрестоматія. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и преподавателей.—Выпускъ III. Составилъ В. Докровскій (инспекторъ Московской 5-й женской гимназіи). Въ 8-ку стр. VIII+624. Москва. 1888. Цѣна 2 р.

Особенность настоящаго выпуска Исторической хрестоматіи, какъ и первыхъ двухъ выпусковъ, состоитъ въ томъ, что онъ содержитъ

въ себѣ не образцы сочиненій тѣхъ или другихъ писателей, которыхъ дѣятельность излагается въ исторіи литературы, а историко-литературныя статьи разныхъ лицъ, обсуживающія эту дѣятельность и ея значеніе. Это—замѣна собственнаго изложенія чужимъ, постороннимъ. Такъ, напримѣръ, отзывы о Максимѣ Грекѣ взяты изъ сочиненій Горскаго, Иконникова, митроп. Макарія; о Симеонѣ Полоцкомъ—у Татарскаго, Майкова, изъ Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, и т. д. Однимъ словомъ, историческая хрестоматія г. Покровскаго по отношенію къ исторіи русской словесности то же, что трудъ г. Стасюлевича: „Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ“, по отношенію къ этой исторіи.

Достоинство подобнаго сборника зависитъ, конечно, отъ научнаго достоинства избранныхъ статей; съ этой стороны мы находимъ книгу г. Покровскаго удачною, хотя онъ самъ въ предисловіи замѣтилъ, что между большими статьями попадаются и незначительныя. Къ этому слѣдуетъ прибавить другое замѣчаніе: сборникъ слишкомъ обширенъ для среднеучебнаго заведенія. Три выпуска обнимаютъ собою только древнерусскую литературу; для новой потребуется, пожалуй, вдвое больше, и тогда получится девять выпусковъ почтеннаго объема. Еще небольшая замѣтка: статьи изъ „Исторіи Русской церкви“, митроп. Макарія обозначаются такъ: пр. (то-есть, преосвященнаго) Макарія; почему не митрополита? На стр. 329—337 помѣщена статья о Кіево-могилянской коллегіи, въ XVII вѣкѣ, съ подписью Булгаковъ; надлежало сказать, что это тотъ же митрополитъ Макарій, а не другое лицо.

Латинская грамматика. Составилъ *Суворовъ*. Чт. I и II. Варшава. 1837.

Грамматика г. Суворова представляетъ, сравнительно съ другими, не мало особенностей: прежде всего, во внѣшности, читатель поражается тѣмъ, что за стр. 28 первой части слѣдуетъ вдругъ стр. 79, а стр. 29—78 находятся въ концѣ книги; стр. 193—197 повторяются два раза, а въ концѣ книги, вслѣдъ за стр. 78 слѣдуетъ непосредственно стр. 197. Такое своеобразное расположеніе объясняется тѣмъ, что авторъ соединяетъ изложеніе грамматической теоріи съ вокабуларіемъ, и потому переходитъ отъ одной къ другому. Можно усумниться въ удобствѣ такого приѣма на практикѣ, такъ какъ ученики, особенно младшихъ классовъ, для которыхъ авторъ предлагаетъ свой учебникъ, легко теряются при этомъ и, переходя къ практикѣ, за-

бываютъ теорію. Изложеніе автора черезъ мѣру подробно и переполнено такими данными, которыя представляются совершенно неумѣстными; иногда встрѣчаются и прямые промахи. О чрезмѣрной подробности изложенія можно судить по тому, что къ первому склоненію авторъ приступаетъ только на стр. 13, ученіе о предлогахъ занимаетъ цѣлыхъ 8 страницъ (149—157), и т. д. Изъ отдѣльныхъ деталей, представляющихся неумѣстными и частью ошибочными, можно составить длинный списокъ. Ограничимся слѣдующими:

Ч. I, стр. 5: говоря о томъ, что въ латинскомъ языкѣ восемь частей рѣчи, авторъ считаетъ нужнымъ цитовать: *rhethorica Burgii*.

На стр. 6 опредѣленіе имени существительнаго, какъ названіе предмета, и имени прилагательнаго, какъ означающаго качество, неполны, а потому и неточны.

Стр. 10: Слово *fas* неточно переводится черезъ: естественный законъ.

Стр. 79: форма *selegimus* принимается за сравнительную степень.

Стр. 83: при прилаг. *dignus* обозначено, будто оно употребляется только у Теренція.

Стр. 89: мѣстоименія и нарѣчія, образующіяся черезъ прибавку *supque*, неточно зовутся неопредѣленными.

Стр. 107: *plusquamperfectum* тоже опредѣляется не точно, какъ дѣйствіе, бывшее прежде другаго дѣйствія.

Стр. 108: совершенно оригинально и совершенно не вѣрно объясненіе окончаній глагольнаго спряженія; своеобразность этого объясненія доходитъ до того, что въ суффиксѣ *mini* авторъ видитъ присутствіе *r*, образовавшагося изъ мѣстоименія *se*.

Стр. 124: приводится не существующая форма *conj. praes.* отъ глагола *sum*, въ видѣ *siam*, *vm. siem*.

Стр. 139: невѣрно говорится, будто слово *comitium* можетъ означать, сверхъ мѣста народнаго собранія, и самое народное собраніе; тутъ же невѣрно отождествляются *comitia calata* съ *comitia curiata*.

Стр. 173: невѣрно производится русское слово нумизматика отъ латинскаго *nummus*.

Стр. 182: *spolia opima* невѣрно переводится черезъ: богатая добыча.

Стр. 29 вокабуларія: *angustiae* невѣрно переводится черезъ: хитрость.

Стр. 30: при сл. *ferula* авторъ счелъ почему-то нужнымъ при-

вести слова Ювенала: *et nos ergo malum ferulae subduximus*, при сл. *infula* (стр. 31)—*praelatus infulatus*.

Стр. 35: *porta Carana* ошибочно зовутся: Капуанскія ворота. Сравн. стр. 40.

Стр. 41: *comitia tributa* отождествляется съ *comitia curiata*.

Стр. 42. при объясненіи сл. *Xanthus* авторъ счелъ нужнымъ привести стихи Жуковского:

Вкругъ ужъ пусто, смогли бои,
Тихи Бсантъ и Симонсъ,
И уже вкругъ башень Трон
Плющъ и терній обвѣлись,

а на стр. 75—заявить, что химеру описываетъ Тредіаковскій, какъ будто кромѣ него, ее не описывалъ никто.

Стр. 43: приводятся невѣрныя формы: *quintilius* и *sextilius*.

Стр. 44: выраженіе Горация: *segeti felix* невѣрно переводится черезъ: счастливый своимъ слабоуміемъ, а на стр. 45 выраженіе: *foenum in cogni* невѣрно сопоставляется съ русскимъ: пушокъ на рыльцѣ.

Стр. 63: слово *oscep* невѣрно производится отъ *ostendere*.

Не мало курьезовъ заключаетъ въ себѣ и вторая часть, содержащая этимологическій вокабулярій; такъ на стр. 2: слово *idus* производится отъ корня *IDH*—горѣть, а между тѣмъ объясняется, какъ день, раздѣляющій мѣсяцъ пополамъ.

Стр. 15: читаемъ невозможную цитату: *Ulpiam. legum XV*.

Стр. 16: слово жрецъ производится отъ жрать—*vorare*.

Стр. 19: *fugam dare* переводится черезъ: дать легкій бѣгъ на корабль.

Стр. 21: сл. *coena* ставится въ связь съ глаг. *subare*.

Ibid. domus производится отъ гл. *domare*, и такая этимологія объясняется тѣмъ, будто тутъ указывается на побѣду человѣка надъ природой.

Стр. 141: приводится совершенно нецензурная пословица: *barba crescit, mentula nescit*.

Общій курсъ латинской грамматики. По руководству *Гольцвейссига*, обработанный согласно учебному плану для гимназій и прогимназій *П. Симсономъ* и *В. Фаминскимъ*. Одесса. 1887. Цѣна 1 рубль.

Грамматика *Гольцвейссига* принадлежитъ къ числу тѣхъ, появляющихся въ новѣйшее время руководствъ, которыя имѣютъ въ виду приготовить учащихся какъ можно скорѣе къ самостоятельному чте-

нію латинскихъ текстовъ. Съ этою цѣлью авторы этихъ руководствъ опускаютъ изъ своихъ учебниковъ все неважное, второстепенное и рѣдко встрѣчающееся и ограничиваются лишь самымъ необходимымъ, для того, чтобы оно было твердо усвоено учащимися. Въ прежнее время тоже практиковался этотъ приемъ, но практиковался на обыкновенныхъ грамматикахъ такъ, что изъ нихъ вычеркивалось все, не подходившее потребностямъ извѣстнаго возраста. Теперь же этотъ приемъ, прежде представлявшій большую свободу преподавателю, нормируется въ особомъ учебникѣ, въ которомъ грамматическій матеріалъ представляется ограниченнымъ до *minimum'a*, правила изложены вкратцѣ и сопровождаются однимъ или двумя наиболѣе характерными примѣрами. Какъ на особенность грамматики Гольцвейссига, слѣдуетъ указать на то, что въ ней грамматическій матеріалъ распредѣленъ посредствомъ употребленія различныхъ шрифтовъ и знаковъ, для поясненія которыхъ авторомъ приложена особая таблица. Со всѣхъ этихъ сторонъ учебникъ Гольцвейссига заслуживаетъ одобренія, почему заслуживаютъ его же и гг. Симсонъ и Фаминскій, рѣшившіеся ознакомить съ нимъ русскую публику. Переводъ ихъ сдѣланъ въ общемъ удовлетворительно, хотя и встрѣчается не мало мѣстъ, выраженныхъ не полно и не точно (при чемъ часть падаетъ на долю оригинала), или переданныхъ неправильно. Вотъ образчики:

Стр. 1. При способѣ устной передачи знака *C* сказано, что онъ соотвѣтствуетъ русскимъ *ц* и *к*, тогда какъ слѣдовало бы сказать наоборотъ, потому что произношеніе *c* какъ *ц* есть, собственно говоря, неологизмъ, закрѣпленный италянцами времени возрожденія.

Стр. 7. § 13. Не основательно смѣшиваются понятія корня и основы.

Стр. 8. § 17. Слѣдовало бы указать на употребленіе *Gen. familias* при словахъ множественнаго числа.

Стр. 14. § 29. Рядомъ съ формой *subus* у Цицерона встрѣчается и форма *subus*, которую, слѣдовало бы отмѣтить.

Ibid. Лучше было бы поставить форму *vibus* впередъ, какъ преобладающую надъ *vobus*.

Стр. 15. § 30. Слѣдовало бы упомянуть о формѣ *Acc. plur.* на *as* въ формахъ греческаго склоненія.

Стр. 17. Въ парадигмѣ *согни*, дательный падежъ единств. числа дается въ формѣ *согниі*, а на стр. 18, § 35, говорится, что *іі* часто сокращается въ *и* въ словахъ средняго рода. Если это сокращеніе

встрѣчается часто, то значить, форма на *и* попадаетъ рѣдко; тогда зачѣмъ же ей стоять въ парадигмѣ?

Стр. 20. § 41. Сл. *fas* неточно передается черезъ: „право“.

Стр. 30, прим. 4. Въ двухъ строкахъ подъ рядъ встрѣчаются неудобныя опечатки: мѣстоимѣніе.

Стр. 31. § 70. Желая выразить разницу съ значеніяхъ указательныхъ мѣстоименій *hic* и *iste* переводчики передаютъ первое черезъ: который здѣсь...этотъ, а второе—черезъ: который тутъ...тотъ. Послѣдній переводъ не совсѣмъ удаченъ.

Стр. 88. § 125. Говорится, что *queo* и *pequeo* спрягаются точно также, какъ *eo*, только имѣютъ не всѣ формы. Слѣдовало бы указать, какія именно.

Стр. 94. § 140. Говорится, что *quidem* (послѣ словъ съ удареніемъ) значить: правда. Поставленныя въ скобкахъ слова выражены не точно.

Синтаксисъ Гольцвейссяга заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что авторъ сдѣлалъ въ немъ попытку соединить указанія грамматическія съ данными стилистическими, и тѣ его замѣчанія, которыя относятся къ стилистическому употребленію существительныхъ, прилагательныхъ, нарѣчій, мѣстоименій, числительныхъ, глаголовъ и союзовъ, нельзя не признать весьма подходящими и удачными. Впрочемъ, и по поводу этого отдѣла можно сдѣлать нѣсколько замѣчаній, напримѣръ:

Стр. 13. § 170. Выраженіе: *postulare aliquem de vi* не точно передано черезъ: „жаловаться на чье-либо насиліе“.

Стр. 17. § 176. Говорится, что послѣ сложныхъ глаголовъ часто повторяется предлогъ, въ особенности когда выставляется на видъ его мѣстное значеніе, и приводится въ примѣръ: *incumbere in litteras*—ревностно заниматься науками. Гдѣ же тутъ мѣстное значеніе предлога?

Греческая грамматика гимназическаго курса. Э. Чернаго. Часть II. Синтаксисъ, изложенный сравнительно съ русскимъ и латинскимъ. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Москва. 1888. Въ 8-ку стр. 346. Цѣна 1 р. 30 к.

Четвертое изданіе Синтаксиса г. Чернаго, при полномъ сохраненіи общаго расположенія и количества прежняго матеріала, сравнительно съ третьимъ представляетъ лишь немногія и притомъ не существенныя исправленія, ограничивающіяся нѣкоторыми дополненіями, опущеніями и перемѣщеніями (преимущественно въ главѣ о

мѣстоименіяхъ, наклоненіяхъ и въ указатель, значительно дополнено). Но чѣмъ незначительнѣе эти исправленія, тѣмъ болѣе они показываютъ, съ какою тщательностью почтенный составитель позаботился объ усовершенствованіи своего труда, который въ новомъ видѣ удерживаетъ за собою приобрѣтенное уже имъ право занимать почетное мѣсто между другими учебниками того же рода. Хотя этотъ пространнѣй синтаксисъ (въ противоположность „Братскому руководству къ греческому синтаксису для русскихъ гимназій. Москва. 1887“ того же автора) по объему и способу изложенія, собственно не пригоденъ для употребленія при начальномъ преподаваніи греческаго языка въ гимназіяхъ, однако для высшихъ классовъ, особенно для восьмаго, онъ можетъ служить весьма полезнымъ руководствомъ или пособіемъ по изученію греческаго языка, тѣмъ болѣе, что составитель, какъ педагогъ и ученый, вполне понявъ важность общепринятой терминологіи греческой грамматики, при сопоставленіи временъ и наклоненій греческаго глагола съ русскими видами, не увлекается тщетною попыткою, въ ущербъ логической ясности, вводить въ составъ греческой грамматики не свойственныя ей категоріи. Поэтому ни въ одной греческой грамматикѣ на русскомъ языкѣ сходство извѣстныхъ группъ временъ греческаго глагола съ видами русскаго и различіе послѣднихъ отъ первыхъ не изложены съ такою основательностью, подробностью и съ такимъ знаніемъ дѣла, какъ въ разсматриваемомъ синтаксисѣ г. Чернаго, который первый въ такихъ размѣрахъ затронулъ этотъ предметъ.

Сворникъ общеупотребительныхъ греческихъ словъ, часть первая. Грамматическій вокабулярій. Учебное пособіе при первоначальномъ изученіи греческаго языка Г. Ленца. Для русскихъ гимназій обработалъ В. Канский, преподаватель. С.-Петербургской 7-ой гимназій. С.-Пб. 1888. Въ 8-ву стр. 43. Цѣна 30 коп.

Неоднократно замѣченъ былъ тотъ фактъ, что ученики гимназій, дошедшіе до высшихъ классовъ, не обладаютъ запасомъ вокабуловъ, необходимыхъ для безпрепятственнаго пониманія читаемыхъ въ классѣ древнихъ авторовъ. Фактъ этотъ вызвалъ уже въ Германіи изданіе нѣсколькихъ учебныхъ пособій, съ цѣлью устранить это дидактическое неудобство, которое имѣетъ свое начало преимущественно въ низшихъ классахъ. Эти пособія, въ томъ числѣ и трудъ Г. Ленца: Griechisches Vocabularium für den Anfangsunterricht grammatisch geordnet von Dr. phil. Hermann Lentz, Gymnasial-Lehrer zu Wolfenbüttel. (Leipzig. 1877). посвящены первоначальному изученію древнихъ языковъ. Книга

Ленца, служившая основаніемъ вышеозначеннаго труда г. Канскаго, представляетъ собою дѣльно составленный сборникъ отдѣльныхъ греческихъ словъ, которыя должны быть выучены наизусть въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ преподаванія греческаго языка. Чтобы помочь памяти учащихъся, не связанныя ничѣмъ отдѣльныя слова подведены въ учебникѣ подъ общія категоріи, вытекающія изъ системы грамматическаго изложенія. Такимъ образомъ весь матеріалъ именъ раздѣленъ по склоненіямъ, а въ этихъ предѣлахъ опять по ударенію и по роду; имена же третьяго склоненія и глаголы сгруппированы по основамъ.

Г. Канскій, заимствовавъ отъ Ленца почти цѣликомъ лексической матеріалъ и общій планъ расположенія, позволилъ себѣ лишь нѣкоторыя и притомъ несущественныя отступленія отъ своего подлинника, именно—переставилъ нѣкоторые отдѣлы, опустилъ около 267 словъ изъ числа 2492 и прибавилъ отъ себя нѣсколько новыхъ вокабуловъ. Помимо удачнаго выбора словъ, имѣющихъ въ виду преимущественно сочиненія Ксенофонта, сборникъ г. Канскаго въ то же время представляетъ собою обильный матеріалъ для письменныхъ и устныхъ упражненій въ склоненіяхъ и спряженіяхъ; кромѣ того, помѣщенные въ учебникѣ выдающимся шрифтомъ собственные имена имѣютъ весьма практическое значеніе, такъ какъ даже въ высшихъ классахъ ученики затрудняются правописаніемъ словъ этого разряда. Вообще книга г. Канскаго, составляющая первую часть вышедшаго еще въ 1884 г. труда того же составителя подъ заглавіемъ: *Греческій вокабулярій* В. Тодта, можетъ принести большую пользу учащимся въ III и IV классахъ гимназій и прогимназій.

Учебникъ всокровщій географіи съ вѣщами и задачами для самостоятельнаго рѣшенія учащимися и чертежами въ текстѣ. Курсъ приготовительный. Свѣдѣнія изъ математической, физической и политической географіи для 1-го класса среднихъ учебныхъ заведеній. Составили *Н. Медеръ* и *Е. Шумторскій*. С.-Пб. 1887. Стр. 93 въ 8-ву. Цѣна 50 коп.

Первый отдѣлъ книги, именно „Свѣдѣнія изъ математической географіи“, изложенъ только, но онъ оказался бы болѣе цѣлесообразнымъ, еслибы методическія указанія были выдѣлены изъ матеріала, предназначаемаго для затверживанія учениками. Второй отдѣлъ, „Свѣдѣнія изъ физической географіи“, есть наилучшій въ книгѣ: матеріалъ изложенъ въ строгой системѣ, объясненія терминовъ правильны и большею частью толковы. Нельзя только не пожалѣть, что составители при внесеніи географическихъ названій видимо не

руководились официальной программой и объяснительной къ ней запиской и вслѣдствіе того крайне обременили книжку такимъ матеріаломъ, который потребуется по частямъ въ высшихъ классахъ. Этотъ недостатокъ, впрочемъ, отчасти общій настоящему учебнику съ другими руководствами, уже пережившими много изданій; но наши авторы мѣстами довели его до крайности. Такъ, для примѣра: въ 1-мъ классѣ требуется обозначить только наиболѣе выдающіяся плоскогорія и низменности земного шара, а въ разсматриваемой книжкѣ перечисляются почти всѣ таковыя на каждомъ материкѣ, и при этомъ нѣкоторыя изъ нихъ описываются; точно также въ 1-мъ классѣ требуется только указаніе на океаны и на ихъ относительную величину,—наши же авторы останавливаются на очертаніи береговъ, по крайней мѣрѣ главныхъ изъ нихъ, и т. п. Съ этимъ недостаткомъ, впрочемъ, преподаватели еще могутъ справиться, какъ они справляются съ учебникомъ Смирнова, то-есть, лишнія названія могутъ быть вычеркнуты. Труднѣе поступить съ цифрами, которыя, такъ сказать, органически связываются съ текстомъ; между тѣмъ въ руководствѣ гг. Медера и Шумигорскаго нагромождена такая масса цифръ, какой намъ не приходилось встрѣчать ни въ одномъ учебникѣ. Вообще географическія цифры первоклассниками запоминаются съ трудомъ, но наши авторы усилили еще эту трудность употребленіемъ двухъ, даже трехъ измѣреній для одного и того же предмета. Такъ, для примѣра: „Твердая поверхность земного шара... занимаетъ одну четвертую часть всей поверхности земного шара, а именно: 2.450,000 кв. миль или 135 милліоновъ кв. километровъ“ (стр. 40); или: „наибольшая высота на земномъ шарѣ надъ уровнемъ моря достигаетъ до 30,000 футовъ или 8,000 метровъ, а наибольшая впадина лежитъ почти на 1,200 футовъ или 400 метровъ ниже уровня моря“ (стр. 41); или: „жаркій, или тропическій поясъ лежитъ между тропиками въ ширину до 700 миль, или около 5,000 верстъ, и занимаетъ 200 милліоновъ кв. километровъ“, и т. д.

Въ свѣдѣніяхъ изъ политической географіи, кромѣ неизбѣжнаго вопроса о народонаселеніи, перечисляются важнѣйшія государства всѣхъ материковъ, а затѣмъ коротко обзрѣвается Россійская имперія; эта послѣдняя статья, какъ и въ другихъ учебникахъ, очевидно, назначается для низшихъ учебныхъ заведеній, и слѣдовательно, наши авторы, подобно Смирнову и другимъ, предоставляютъ уже искусству преподавателей проходить ее исключительно по картѣ.

Каждая статья учебника снабжена вопросами и задачами. На нѣкоторые вопросы и задачи отвѣтъ даетъ непосредственно текстъ

учебника; для разрѣшенія другихъ вопросовъ и задачъ ученики должны сопоставлять и комбинировать факты извѣстные и на основаніи ихъ доходить до новыхъ свѣдѣній. Въ отдѣлѣ изъ физической географіи есть много такихъ вопросовъ, которые могутъ быть разрѣшены только на основаніи разсматриванія учениками карты. Конечно, составители не имѣютъ въ виду, чтобы всѣ эти вопросы предлагались учителемъ въ классѣ, такъ какъ для этого не достанетъ времени; вѣроятно также, они не предполагаютъ, чтобы каждый ученикъ могъ отвѣтить на каждый вопросъ, ибо нѣкоторые вопросы замысловаты, а нѣкоторые требуютъ рѣшенія при помощи вычисленія. Вообще же вопросы составлены толково и послѣдовательно. Укажемъ только на неумѣстность слѣдующихъ и подобныхъ имъ вопросовъ: „Можетъ ли на водной поверхности сѣверной части восточнаго полушарія помѣститься суша остальной части земного шара?“ (стр. 43). „Почему рѣки въ срединѣ текутъ быстрѣе, чѣмъ у береговъ?“ (стр. 67). „Надъ какими частями водной поверхности воздухъ отличается большею сыростью?“ (стр. 71). На первый изъ этихъ вопросовъ опредѣлительнаго отвѣта дать нельзя, и одни ученики будутъ отвѣчать—да, другіе—нѣтъ; на второй вопросъ можно отвѣчать только при помощи физики; третій вопросъ неясенъ.

Со стороны точности свѣдѣній учебникъ долженъ быть признанъ удовлетворительнымъ, если не имѣтъ въ виду мелкихъ недосмотровъ, въ родѣ слѣдующихъ: Индійскій океанъ названъ Индѣйскимъ; р. Паргвай признается притокомъ Лапаты; объ Эгейскомъ морѣ сказано, что оно „получило названіе Архипелага оттого, что на немъ много острововъ“.

Изложенъ учебникъ правильнымъ языкомъ, но не всюду столь сжато, чтобъ ученикамъ не приходилось путаться и затверживать пустяки слова, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сообщаются нѣкоторыя преждевременныя тонкости. Для примѣра: Стр. 22: „Земной шаръ со всѣхъ сторонъ окруженъ воздухомъ, который составляетъ наружную оболочку нашей планеты. Воздухъ—есть газъ прозрачный и безцвѣтный, онъ не имѣетъ опредѣленной формы, а проникаетъ повсюду, наполняя глубокія долины и ущелья и простираясь далеко вверхъ. При различныхъ положеніяхъ земли и при движеніяхъ ея, она никогда не выходитъ изъ своей воздушной оболочки, отъ которой зависитъ растительная и животная жизнь на земномъ шарѣ... Воздухъ есть смѣсь двухъ газовъ (кислорода и азота), изъ которыхъ одинъ (кислородъ) необходимъ для жизни человѣка, животныхъ и растений. Кромѣ двухъ главныхъ составныхъ частей, въ атмосферѣ

находится въ видѣ примѣси незначительное количество газовъ и водяные пары, отъ которыхъ зависитъ влажность воздуха“...

Стр. 57: „Дожди, падая на сушу и образуя потоки воды, оставляютъ на ея поверхности, хотя и въ маломъ видѣ, слѣды разрушенія и созиданія. Они сглаживаютъ неровности земли, образуютъ измѣненія въ склонахъ горъ, производятъ долины и т. п. Снѣгъ, ложась толстымъ слоемъ на землѣ, отъ дѣйствія солнца превращается въ воду (растаяваетъ) и дѣйствуетъ одинаково, какъ и дождевая вода. Снѣгъ на высокихъ горахъ сносится въ углубленія и расщелины и въ нихъ, то подтаивая, то вновь замерзая, превращается въ ледъ, который образуетъ ледники и глетчеры“...

Напечатанъ учебникъ на прекрасной бумагѣ и четко; въ типографскомъ отношеніи также удовлетворителенъ, и опечатокъ весьма немного, на примѣръ, Балеарскіе острова вмѣсто Балеарскіе и Кенія вмѣсто Кенія. Появленіе учебника въ сокращенномъ и исправленномъ видѣ желательно.

Учебникъ педагогики. Основанія психологій и логики въ связи съ педагогическими примѣненіями. Для средне-учебныхъ заведеній. Составилъ *Т. Докучаевъ*. М. 1887.

Очень трудно опредѣлить содержаніе и цѣль этой книги. Совершенно невѣрно она названа учебникомъ педагогикки, потому что предметъ педагогикки есть воспитаніе, а о воспитаніи въ разбираемой книгѣ вовсе не говорится сколько-нибудь научнымъ образомъ. Чтобы пояснить понятіе педагогикки возьмемъ за образецъ „Курсъ общей педагогикки“ Юркевича; тутъ разсматривается прежде всего идея воспитанія, потомъ говорится о воспитанникѣ, объ изученіи индивидуальностей, о воспитательныхъ мѣрахъ, и побужденіяхъ, то-есть, о средствахъ воспитанія, и т. д. Ничего подобнаго нѣтъ въ разсматриваемой книгѣ. Мы видимъ отсюда, что то искусство или та наука, которая называется педагогикой, или еще не имѣетъ вполне установившагося содержанія, или же вѣрнѣе, что это содержаніе нашъ авторъ полагаетъ не въ томъ, въ чемъ оно обыкновенно полагается. Его учебникъ прямо открывается отдѣломъ объ ощущеніяхъ; затѣмъ идутъ отдѣлы о представленіяхъ, о главныхъ формахъ и способахъ мышленія, о чувствованіяхъ, и наконецъ, послѣдній отдѣлъ озаглавленъ область воли.

Въ этихъ отдѣлахъ, конечно, разсѣяно много замѣчаній, касающихся воспитанія вообще, и преимущественно обученія, но такія

отрывочныя и частныя замѣчанія не могутъ дать яснаго понятія о предметѣ педагогики, взятомъ въ его цѣлости.

Гораздо точнѣе, по видимому, обозначается содержаніе разбираемой книги ея вторымъ заглавіемъ: основанія психологій и логики. Такъ какъ педагогика есть наука прикладная, а психологія и логика принадлежать къ тѣмъ чистымъ наукамъ, которыя должны быть прилагаемы къ дѣлу воспитанія, то безъ сомнѣнія, знаніе этихъ наукъ необходимо для изученія педагогики. Но въ какой мѣрѣ? Конечно, самое лучшее было бы полное и основательное изученіе психологій и логики, равно какъ и физиологій, науки о языкѣ, эстетики, этики, богословія—всѣхъ наукъ, имѣющихъ столь очевидное значеніе для педагогики. Но какъ подобное требованіе не выполнимо, то слѣдуетъ задаться вопросомъ, не о наилучшемъ условіи, а о томъ, что лишь крайне необходимо въ этомъ дѣлѣ. Наименьшее требованіе, конечно, будетъ такое, что изучающій педагогикѣ долженъ быть на столько знакомъ съ психологіей, логикой и т. д., чтобы понимать педагогическія наставленія, имѣть возможность читать книги и слушать уроки такихъ людей, съ которыми онъ никакъ не можетъ стать наравнѣ по познаніямъ и опытности. Такъ, напримѣръ, въ дѣлѣ школьной гигиены, нужно понимать совѣты врачей, но самому нѣтъ надобности быть врачомъ.

Въ какомъ же смыслѣ излагаются психологія и логика въ разбираемой книгѣ? Объ этомъ трудно судить потому, что изложеніе въ ней лишено всякой систематичности. Авторъ нигдѣ не даетъ ни общихъ обзоровъ, ни подраздѣленій, ни опредѣленій. Отъ начала до конца книги остается неизвѣстнымъ, въ какой области мы находимся, что кончилось и что начинается. Такое отсутствіе всякихъ систематическихъ формъ неудобно не только для учащихся но, какъ мы думаемъ, и для самого излагателя; эти формы составляютъ руководящую нить, предохраняющую отъ всякой неполноты и всякаго беспорядка. Разсматриваемая книга даже по внѣшности уклоняется отъ правильнаго расчлененія; каждый параграфъ имѣетъ видъ сплошной рѣчи, въ которой нѣтъ остановокъ, обозначаемаыхъ новою строкою.

Особенно жаль, что авторъ не позаботился объ опредѣленіяхъ, тогда какъ книга его вся испещрена терминами. Въ памяти учащихся должны, по крайней мѣрѣ, оставаться точныя значенія логическихъ и психологическихъ терминовъ, если и не будутъ усвоены точныя взгляды на трудный предметъ этихъ наукъ.

Изложеніе логики въ нашей книгѣ начинается, нужно полагать, съ третьяго отдѣла (стр. 111), который озаглавленъ такъ: О глав-

ныхъ формахъ и способахъ мышленія. Любознательный ученикъ, конечно, задастъ себѣ вопросы: что называется формами и что способами мышленія? И далѣе: какіе именно формы и способы суть главныя и какіе не главныя, второстепенныя? Но на эти вопросы онъ не найдетъ никакого отвѣта, да авторъ, очевидно, и не считалъ нужнымъ такого отвѣта и составилъ свое заглавіе именно съ тѣмъ, чтобы въ немъ не было строгой опредѣленности.

За заглавіемъ отдѣла прямо слѣдуетъ заглавіе параграфа: Процессъ образованія понятій. Казалось бы, что тутъ прежде всего должно быть объяснено, что такое понятіе, а потомъ уже долженъ описываться процессъ его образованія; между тѣмъ параграфъ начинается такъ: „Чтобы разъяснить, какъ образуются въ нашемъ сознаніи понятія о томъ или другомъ предметѣ, необходимо предварительно сдѣлать разграниченіе признаковъ предмета на существенныя и случайныя“ (стр. 111). При такой формѣ рѣчи можно подумать, что понятіе есть нѣчто совершенно извѣстное, не требующее опредѣленія; между тѣмъ слѣдовало бы указать, что пока это лишь одно слово, значеніе котораго далѣе выяснится. Точно также логическій терминъ признакъ нельзя употреблять безъ всякаго объясненія; но объясненія ему нигдѣ не дается.

Посмотримъ теперь опредѣленіе понятія. Авторъ говоритъ: „Существенныя признаки, повтораясь въ каждой отдѣльной особи, оставляютъ болѣе глубокой слѣдъ въ нашей памяти, чѣмъ признаки случайныя, повторяющіеся только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ особахъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе обособляются существенныя признаки въ нашемъ сознаніи отъ случайныхъ признаковъ, и наконецъ они, какъ сходныя элементы, сольются въ одно цѣлое; это-то умственное цѣлое и есть понятіе“ (стр. 112).

Не лучше ли было бы вмѣсто этого описанія, по которому понятіе слагается какъ-то механически, дать обыкновенное опредѣленіе понятія? Тутъ совершенно невѣрно существенныя признаки названы сходными элементами; между собою они не только различны, но и никакъ не должны терять этого различія. Не вѣрно и то, что они сольются; ихъ соединеніе чисто умственное, не представляющее никакого сліянія. Очевидно, истинная природа понятія вовсе здѣсь не выяснилась.

Далѣе, на той же страницѣ, гдѣ начинается изложеніе логики, мы читаемъ: „Въ ряду существенныхъ признаковъ предмета различаютъ родовыя, присущіе всѣмъ предметамъ одного и того же рода, и видовыя, присущіе нѣсколькимъ предметамъ одного и того же рода“

(стр. 111). Это опредѣленіе никуда не годится; нельзя объяснить, что такое родовые и видовые признаки, не объяснивъ сперва, что такое родъ и видъ, слѣдовательно, что такое подчиненіе понятій, слѣдовательно, что такое понятія вообще. Между тѣмъ, нашъ авторъ говоритъ это прежде своего опредѣленія понятія, говоритъ тамъ, гдѣ ему это вовсе не нужно, а потомъ уже нигдѣ и не объясняетъ, что такое родъ и видъ. Такая неясность и сбивчивость изложенія была бы не возможна при нѣкоторой систематичности.

Кажется, вообще, авторъ не обратилъ надлежащаго вниманія на отношеніе между родомъ и видомъ. Выпишемъ мѣсто, гдѣ все должно бы основываться на этомъ отношеніи: „Отъ количества и значенія общихъ и отличительныхъ признаковъ зависитъ ббольшая или меньшая степень сродства и различія въ содержаніи понятій. Большее значеніе въ данномъ случаѣ имѣютъ родовые признаки понятія, а не видовые. Родовые признаки понятія составляютъ главную часть его содержанія. Тѣ понятія, въ содержаніи которыхъ родовые признаки одни и тѣ же, называются однородными (тигръ, левъ; сосна, ель; русскій, нѣмецъ). Какія понятія называются разнородными? Привести примѣры разнородныхъ понятій! Не всѣ однородныя понятія имѣютъ одинаковую степень сродства“. „Равнымъ образомъ не всѣ разнородныя понятія въ одинаковой степени отличаются одно отъ другаго. Возьмемъ для примѣра разнородныя понятія: левъ, дубъ, гранитъ. Сравнивая ихъ между собою, нельзя не замѣтить, что понятіе левъ болѣе отлично отъ понятія гранитъ, чѣмъ отъ понятія дубъ“ (стр. 116, 117).

Параграфъ, изъ котораго мы выписали эти строки, называется: Дѣленіе понятій по содержанію; между тѣмъ, очевидно, тутъ рѣчь ведется объ отношеніи между родовыми и видовыми понятіями и о соподчиненныхъ понятіяхъ, то-есть, о дѣленіи понятій по объему. Никогда въ логикѣ понятія не раздѣлялись на однородныя и разнородныя; во всѣ логики говорятъ, что частныя понятія принадлежатъ къ одному роду, когда ихъ объемы входятъ въ объемъ нѣкотораго общаго понятія. Такъ и левъ, дубъ и гранитъ суть виды одного рода, который мы называемъ естественный предметъ, или произведеніе природы.

Потребовалось бы слишкомъ много труда и заняло бы слишкомъ много мѣста, еслибы мы подобнымъ образомъ остановились на всѣхъ неточностяхъ и неправильностяхъ разбираемой книги. Поэтому скажемъ лишь вообще, что ихъ очень много во всѣхъ отдѣлахъ и параграфахъ.

Общій характеръ или, такъ сказать, направленіе книги нельзя назвать неправильнымъ. Авторъ во многихъ случаяхъ показываетъ, что онъ держится началъ, несогласныхъ съ духомъ ходячаго эмпиризма и сенсуализма. Но эти начала не вездѣ выдержаны, не проведены послѣдовательно, и рѣчь, большею частью, сводится подъ конецъ на самыя обыкновенныя эмпиристическія и сенсуалистическія положенія. Какъ образчикъ заключеній автора, выводимыхъ имъ изъ своихъ основаній логики и психологіи, приведемъ слѣдующее мѣсто: „Чтобы развить логическое мышленіе, надо развивать память и воображеніе. Для успѣшности мышленія важнымъ условіемъ является ясность и раздѣльность воспринимаемыхъ сознаніемъ ощущеній, что въ свою очередь обуславливается частью вниманіемъ, частью природными особенностями внѣшнихъ чувствъ. Отъ ясности ощущеній зависитъ ясность представленій и понятій. Кто хорошо различаетъ извѣстнаго рода впечатлѣнія, напримѣръ, зрительныя или слуховыя, тотъ ихъ хорошо и запоминаетъ, и слѣдовательно, разсудокъ можетъ легко пользоваться ими для своихъ работъ. Въ природныхъ особенностяхъ внѣшнихъ чувствъ кроется причина, почему умственное развитіе человѣка принимаетъ впослѣдствіи извѣстное специальное направленіе, если тому не помѣшали какія-либо постороннія причины, не зависѣвшія отъ его воли. Кто отъ природы имѣетъ музыкальный слухъ, изъ того легко можетъ выработаться при благоприятныхъ условіяхъ хорошій музыкантъ. О Францѣ-Листѣ разказываютъ, что 5-ти лѣтъ онъ довольно вѣрно напѣвалъ сложныя музыкальныя пьесы, разъ только прослушавши ихъ. Кто отъ природы хорошо различаетъ отѣнки, цвѣта, картины, изъ того при благоприятныхъ условіяхъ легко можетъ выработаться живописецъ и поэтъ“ (стр. 182, 183).

Все это односторонне, преувеличено и потому въ сущности несправедливо. Изученіе логики должно бы привести къ выводу, что памяти и воображенія еще далеко не достаточно для строго-логическаго мышленія, а изученіе психологіи должно бы показать, что музыкальный слухъ, то-есть, способность къ музыкѣ, какъ художеству, вовсе не то же, что острый и тонкій слухъ; вообще, что душа человѣка никакъ не есть *tabula rasa*, и что никакія благоприятныя обстоятельства не могутъ изъ нея ничего выработать, а могутъ лишь дать просторъ развитію тѣхъ задатковъ, которые въ ней есть и которые не составляются механически изъ сочетанія внѣшнихъ вліяній.

утвержденъ правительствомъ. По этому новому положенію, существеннымъ нововведеніемъ является образованіе постоянного совѣта Общества, который учрежденъ былъ въ послѣдніе годы въ видѣ временной мѣры для опыта. Опытъ оправдалъ полезность этой мѣры. Кроме того, согласно новому уставу, для наблюденія за правильнымъ и успѣшнымъ ходомъ изданій Общества учрежденъ редакціонный комитетъ, въ составъ котораго входятъ секретарь Общества и нѣсколько членовъ его. Кроме должностныхъ лицъ (вице-предсѣдателя А. Ѡ. Бычкова, секретаря гр. И. И. Толстаго, казначея А. К. Маркова и предсѣдателей отдѣленій гр. А. А. Бобринскаго, Н. И. Стояновскаго и барона В. Р. Розена) членами совѣта въ минувшемъ году состояли: В. Г. Васильевскій, И. П. Минаевъ и И. В. Помяловскій. Послѣдній, кроме того, принималъ участіе и въ редакціонномъ комитетѣ вмѣстѣ съ В. В. Латышевымъ и Н. В. Покровскимъ.

Ученая дѣятельность Общества выразилась печатаніемъ его изданій, а равно періодическими собраніями его, какъ въ полномъ составѣ, такъ и по отдѣленіямъ; въ собраніяхъ этихъ былъ сдѣланъ рядъ ученыхъ сообщеній болѣе чѣмъ двадцатью лицами, и затѣмъ содержаніе этихъ сообщеній своевременно обнародывалось въ Запискахъ Общества; нѣкоторые же рефераты напечатаны въ нихъ цѣликомъ. Важнѣйшія изъ этихъ сообщеній суть слѣдующія: Н. М. Ядринцева—о его археологической поѣздкѣ въ Сибирь; В. В. Сулова—о деревянныхъ церквахъ на сѣверѣ Россіи; Н. И. Веселовскаго—о курганахъ Бердянскаго уѣзда; А. В. Комарова—о древностяхъ въ Закаспійской области; В. В. Стасова—о трудахъ фотографа И. Ѡ. Барщевскаго по воспроизведенію древностей во многихъ мѣстностяхъ сѣверной и средней Россіи; Н. В. Покровскаго—объ иконографическихъ типахъ Евхаристіи въ мозаикахъ Кіево-Софійскаго собора; Н. П. Кондакова—о фрескахъ на дѣлстницѣ того же храма; Н. Е. Бранденбурга—о произведенномъ имъ, по порученію Общества, разслѣдованіи развалинъ двухъ древнихъ церквей въ Старой Ладогѣ и т. д.

Въ отчетномъ году выпущены въ свѣтъ слѣдующія изданія Общества: 1) Записки Общества, 3-й выпускъ тома II-го и 1-й и 2-й выпуски тома III-го; 2) Записки отдѣленія славяно-русской археологій, т. IV; 3) Записки восточнаго отдѣленія, 4-й выпускъ I-го тома и 1-й и 2-й выпуски тома II-го; 4) Труды восточнаго отдѣленія, т. XII, выпускъ 1-й. О содержаніи всѣхъ этихъ изданій было сообщено въ Журналѣ Министерства Народнаго

Просвѣщенія по мѣрѣ ихъ выхода въ свѣтъ. Затѣмъ изданы еще: 1) біографія покойнаго ориенталиста В. В. Григорьева, составленная Н. И. Веселовскимъ, и 2) четвертый выпускъ атласа рисунковъ Кіево-Софійскаго собора. Этимъ выпускомъ заканчивается воспроизведеніе знаменитыхъ мозаикъ и фресокъ этого древняго храма, много лѣтъ назадъ тому начатое Обществомъ. Уже и въ настоящемъ своемъ видѣ, безъ объяснительнаго текста, атласъ этотъ является весьма важнымъ вкладомъ въ русскую археологію. Надобно однако надѣяться, что вскорѣ приступлено будетъ къ составленію и изданію объяснительнаго текста.

Въ минувшемъ году Общество приняло участіе въ занятіяхъ происходившаго въ Ярославлѣ VII-го археологическаго съѣзда, при чемъ официальными представителями на немъ Общества были П. И. Савваитовъ и гр. И. И. Толстой; какъ эти лица, такъ и нѣкоторые другіе члены Общества, присутствовавшіе на съѣздѣ, Н. Е. Бранденбургъ, Л. Н. Майковъ, князь П. А. Путятинъ, представили ему свои рефераты.

Сношенія Общества съ своими корреспондентами русскими иногородными, а также заграничными, продолжали дѣятельно поддерживаться; въ этомъ отношеніи особенно слѣдуетъ упомянуть о сообщеніи почетнаго члена о. архимандрита Антонина, пребывающаго въ Іерусалимѣ и принесшаго въ даръ Обществу цѣнное собраніе египетскихъ, палестинскихъ и греческихъ древностей. Кромѣ того, г. Чахотинимъ изъ Константинополя и г. Успенскимъ изъ Урги доставлены весьма замѣчательныя восточныя монеты, а г. Пантусовымъ—нѣкоторые древніе предметы домашняго быта изъ Средней Азіи. Таковыя обогащенія музея Общества заставляютъ сожалѣть о тѣснотѣ помѣщенія его коллекцій, препятствующей ихъ правильному размѣщенію и удобству ихъ изученія. Общество однако имѣетъ надежду въ скоромъ времени расширить предѣлы своего музея.

Библіотека Общества до послѣдняго времени также не была приведена въ порядокъ; но въ теченіе 1887 года это неудобство устранено дѣятельными трудами г. Гинсбурга, и отнынѣ она вполне доступна для пользованія членовъ.

Согласно установившемуся обычаю, Общество присуждаетъ почетныя награды за лучшіе русскіе труды по археологіи. Въ минувшемъ году большая золотая медаль присуждена, на основаніи отзыва Н. В. Покровскаго, проф. Н. П. Кондакову за его капитальный трудъ: „Византійскія церкви и памятники Константинополя“.

ИМПЕРАТОРСКОЕ МОСКОВСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1887 ГОДУ.

1887 годъ былъ двадцать-четвертымъ годомъ существованія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Представляемъ обзоръ важнѣйшихъ фактовъ его дѣятельности за это время (или, точнѣе, за періодъ съ 17-го февраля 1887 г. по 17-е февраля текущаго года) на основаніи отчета, составленнаго секретаремъ Общества В. К. Трутовскимъ.

32
Въ засѣданіи 24-го апрѣля 1887 года предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества графиня П. С. Уварова обратила вниманіе членовъ на то крайне печальное положеніе, въ которомъ находятся развалины древняго Херсониса, занимающаго столь важное мѣсто въ событіи принятія великимъ княземъ Владиміромъ Святимъ и всею Русью святаго крещенія. Въ 1853 году покойный графъ А. С. Уваровъ былъ командированъ для археологическихъ изслѣдованій въ Крымъ и, по возвращеніи оттуда, представилъ на воззрѣніе государя Николая Павловича отчетъ о результатахъ своей поѣздки. Изъ этого отчета ясно видно, какъ многочисленны и богаты были тогда остатки древняго Херсониса. Важно было слѣдить за неприкосновенностью этихъ остатковъ и для пользы науки охранять ихъ отъ невѣжественныхъ изыскателей, но прошло тридцать-четыре года, и отъ древняго города почти ничего не осталось. Раскопки за весь истекшій срокъ поручались большею частью монахамъ мѣстнаго монастыря, не подготовленнымъ къ подобной дѣятельности, и велись безъ опредѣленнаго плана; находимые предметы частью уничтожались, частью продавались или же употреблялись на новыя постройки. Въ виду такой гибели херсонисскихъ древностей, а также въ виду имѣющаго испол-

нитесь въ текущемъ году девятисотлѣтія крещенія Руси, Общество постановило повергнуть къ стопамъ своего Августѣйшаго Покровителя Государя Императора всеподданнѣйшую просьбу о сохраненіи древнихъ памятниковъ Херсониса отъ грозящаго имъ уничтоженія. По поднесеніи этой просьбы на Высочайшее усмотрѣніе г. министр народнаго просвѣщенія увѣдомилъ Общество, что Государь Императоръ, разсмотрѣвъ всеподданнѣйшую записку о мѣрахъ къ сохраненію остатковъ древняго Херсониса, противъ того мѣста, гдѣ сказано, „что въра въ любовь Государя къ старинѣ русской дозволяетъ обратиться къ Его Величеству съ всеподданнѣйшею мольбой спасти древній Херсонисъ отъ дальнѣйшей гибели“, изволилъ собственноручно начертать: „очень имъ благодаренъ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше повелѣтъ соизвоилъ: 1) объявить, что производство дальнѣйшихъ раскопокъ на мѣстности древняго Херсониса строго воспрещается и будетъ преслѣдуемо; 2) возложить на Императорскую Археологическую Коммиссію, совмѣстно съ Одесскимъ Обществомъ исторіи и древностей, ежегодно въ опредѣленное время производить раскопки въ Херсонисѣ; 3) для предметовъ, найденныхъ и имѣющихъ быть найденными въ Херсонисѣ, устроить музей и ввѣрить его охраненіе заслуженнымъ ветеранамъ-воинамъ, подъ управленіемъ специалиста-археолога; 4) на все сіе назначить достаточную сумму денегъ, въ размѣрѣ не свыше трехъ-пяти тысячъ рублей ежегодно; 5) теперь же строго воспретить монашествующимъ производить раскопки и продавать найденныя вещи, и 6) представить Его Императорскому Величеству заключеніе Императорской Археологической Коммиссіи о мѣрахъ къ охраненію открытыхъ въ Херсонисѣ остатковъ базилики и другихъ древнихъ зданій, которыя она предположить совмѣстно съ Одесскимъ Обществомъ исторіи и древностей. Въ дополненіе къ этому сообщенію статсъ-секретарь Делановъ увѣдомилъ Общество о томъ, что согласно отзыву оберъ-прокурора св. синода Высочайшая воля о воспрещеніи монашествующимъ Херсонскаго св. Владиміра монастыря продавать постороннимъ лицамъ древнія вещи, найденныя въ раскопкахъ древняго Херсониса, объявлена всѣмъ инокамъ. Благодарительные результаты этого ходатайства Московскаго Археологическаго Общества и воспослѣдовавшаго за нимъ Высочайшаго повелѣнія не замедлили оказаться мѣрами, принятыми въ 1887 году Одесскимъ Обществомъ исторіи и древностей для охраненія херсонскихъ древностей.

Самымъ крупнымъ фактомъ внѣшней дѣятельности Московскаго

Археологическаго Общества въ 1887 году является устройство археологическаго съѣзда, происходившаго въ Ярославль въ августъ мѣсяцѣ. Не распространяясь о ходѣ занятій этого съѣзда (о чемъ уже было сообщено на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія), скажемъ нѣсколько словъ о выставкѣ древностей, при немъ устроенной. По богатству коллекцій, по полнотѣ и разнообразію отдѣловъ можно смѣло назвать ее наиболѣе выдающеюся и наиболѣе богатою изъ всѣхъ прочихъ выставокъ при съѣздахъ. За содѣйствіемъ къ устройству ея Московское Общество не только заранее обратилось ко всѣмъ другимъ археологическимъ обществамъ и владѣльцамъ археологическихъ собраній, но и само снарядило ученыхъ экспедиціи въ восточныя губерніи Россіи. Результаты этихъ экспедицій (о коихъ будетъ сказано ниже) занимали на выставкѣ весьма видное мѣсто. Кромѣ того, выдающее участіе приняли въ ней провинціальныя экспоненты, а именно: Вятскій губернской статистическій комитетъ (собраніе вятскихъ древностей), Казанское общество археологіи, исторіи и этнографіи, приславшее большую коллекцію доисторическихъ предметовъ, найденныхъ въ Казанской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ, Тверской музей (рукописи и фотографіи мѣстныхъ древностей), Эстонское ученое общество въ Дерптѣ (вещи изъ раскопокъ древнихъ могилъ въ Терселѣ), Рязанская ученая архивная коммиссія (древности преимущественно христіанскія, найденныя въ Старой Рязани), Ковенскій губернской статистическій комитетъ и др. Нѣкоторыми частными лицами изъ внутреннихъ губерній также были доставлены богатые собранія, а именно: А. Е. Теплоуховымъ — пермскія чудскія древности, С. А. Мазараки — древности скифской эпохи изъ Полтавской губерніи, А. В. Адриановымъ — древности изъ окрестностей Томска и Минусинска, А. Л. Гурко — изъ Могилевской, Гродненской и Смоленской губерній, В. Н. Поливановымъ — изъ Симбирской губерніи, гг. Ласкинымъ, Гурьевымъ и Ушаковымъ изъ Ярославской губерніи, А. А. Дмитріевымъ — изъ Перми (собраніе рукописей), г. Овсянниковымъ — планы и фасады древнихъ церквей и рукописи, О. В. Москательниковымъ — коллекція монетъ и другихъ древностей изъ г. Данилова Ярославской губерніи, и проч. Московское Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи выставило собраніе вещей изъ кургановъ, древнихъ вогульскихъ могилъ и друг., графиня П. С. Уварова доставила изъ Порѣцкаго музея замѣчательное по богатству и рѣдкости собраніе старинныхъ

византийскихъ, русскихъ и западныхъ финифтяныхъ издѣлій, а также древніе предметы изъ Владимирской и другихъ губерній и проч.: Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ прислалъ собраніе рукописей, относящихся до исторіи Ярославскаго края, и древнихъ плановъ и чертежей, какъ ярославскихъ, такъ и другихъ, напримѣръ, Псковскихъ, Новгородскихъ, Муромскихъ церквей; Императорская Публичная Библіотека прислала древнія рукописи, частью писанныя въ Ярославлѣ, частью трактующія о немъ, И. А. Вахрамѣевъ выставилъ различныя рукописи, ему принадлежащія, Н. В. Султановъ и В. В. Грязновъ — фасады и планы различныхъ древнихъ церквей, фотографъ И. О. Барщевскій — коллекціи снимковъ съ ярославскихъ, московскихъ и другихъ древностей, князь П. А. Путятинъ — издѣлія каменнаго вѣка изъ окрестностей с. Бологаго, и проч. Во время самаго стѣзда изготовленъ былъ каталогъ выставки, который составляетъ брошюру въ 10 печатныхъ листовъ, а въ настоящее время Д. Н. Анучинъ приготовляетъ болѣе подробное и научное описаніе выставки съ приложеніемъ фотографій и снимковъ съ наиболѣе интересныхъ предметовъ.

Въ истекшемъ году Московскимъ Археологическимъ Обществомъ были организованы экспедиціи въ Приуральскій край съ цѣлью изученія чуждскихъ древностей. Въ этихъ экспедиціяхъ приняли участіе преподаватель исторіи въ г. Вяткѣ А. А. Спицынъ, инспекторъ народныхъ училищъ Глазовскаго уѣзда, Вятской губерніи, Н. Г. Первухинъ, секретарь антропологическаго отдѣла Общества любителей естествознанія Н. Л. Гондатти и, сверхъ того, Ф. Д. Нефедовъ, Д. Н. Анучинъ и гр. О. А. Уваровъ.

А. А. Спицынъ, уже ранѣе заявившій себя нѣсколькими работами по исторіи и археологіи Вятскаго края, объѣхалъ лѣтомъ 1887 года значительную часть его съ цѣлью розысканія древностей. Въ виду того, что кургановъ въ губерніи не имѣется, а древніе могильники крайне рѣдки, г. Спицынъ долженъ былъ обратить особенное вниманіе на городища, встрѣчающіяся довольно часто по рр. по Камѣ, Вяткѣ, Чепцу, а также и въ другихъ мѣстахъ. Изъ этихъ городищъ наибольшее число находокъ дали такъ-называемыя „костеносныя“ — по Камѣ, Вяткѣ и Пинемѣ. Такихъ городищъ извѣстно 8; онѣ отличаются массами находимыхъ въ нихъ костей животныхъ и разныхъ костяныхъ издѣлій. Кромѣ того, попадаются въ нихъ изрѣдка бронзовые кельты и желѣзныя вещи; больше же всего встрѣчается маленькихъ глиняныхъ тиглей для плавки. Костяныя издѣлія нерѣдко укра-

шены узорами и изображеніями животныхъ. Совершенно другой характеръ находокъ представляютъ городища по р. Чепцу; онѣ богаты разными металлическими подвѣсками и украшеніями, иногда болгарскаго типа; вмѣстѣ съ вещами попадаются и восточныя монеты VII—X вв. Наконецъ, вдали отъ рѣкъ, позади костеносныхъ городищъ, есть еще особый видъ городищъ, бѣдныхъ находками и называемыхъ черемисами одо-лемъ, то-есть, вотяцкое жилище—очевидно, древнія вотяцкія укрѣпленія. Г. Спицынъ доставилъ въ Общество вещи изъ городищъ Пинемскаго, Ижевскаго, Еманаевскаго, Буйскаго, Покровскаго, Грозянскаго, Свиногорскаго, Шуйскаго и Котельничскаго, всего болѣе 600 нумеровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прислалъ предварительный отчетъ о своихъ изслѣдованіяхъ, а также двѣ статьи, изъ коихъ одна трактуетъ о каменномъ вѣкѣ въ Вятской губерніи.

Н. Г. Первухинъ уже ранѣе представившій Московскому Археологическому Обществу „Краткій очеркъ кладовищъ, встрѣчающихся въ Глазовскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, и находокъ, сдѣлавшихся здѣсь извѣстными“, посвятилъ лѣто 1887 года обслѣдованію городищъ и могильниковъ въ Глазовскомъ уѣздѣ. Имъ были произведены пробныя раскопки въ 22 городищахъ и въ 14 могильникахъ и, кромѣ того, собраны свѣдѣнія о 27 другихъ городищахъ и могильникахъ. Всего собрано вещей, путемъ раскопокъ и приобрѣтенныхъ у мѣстныхъ крестьянъ (591 нумеръ). Г. Первухинъ доставилъ въ Общество коллекцію вещей, предварительный отчетъ о своихъ изысканіяхъ и каталогъ древностей, собранныхъ имъ лѣтомъ 1887 года.

Н. Л. Гондатти, нѣсколько лѣтъ тому назадъ уже совершившій по собственному почину поѣздку въ Тобольскую губернію для изученія вогуловъ, остяковъ и самоѣдовъ и для раскопки древнихъ инородческихъ могилъ, взялъ на себя порученіе объѣхать Верхотурскій, Соликамскій и Чердынскій уѣзды Пермской губерніи съ цѣлью розысканія тамъ чудскихъ древностей. Кургановъ въ уѣздахъ этихъ также не имѣется, а есть только городища и мѣстами пещеры, да на скалахъ попадаются „писанцы“. Городища Верхотурскаго уѣзда оказались очень бѣдными по содержанію; въ пещерахъ были найдены только слѣды жертвоприношеній вогуловъ (уголья, кости лошадей и медвѣдей). Г. Гондатти проѣхалъ на сѣверъ до поселенія Никито-Ивделя, осмотрѣлъ мѣста по рр. Лавѣ, Ивделю и по Южной Сосвѣ до Сосвинскаго завода, а на обратномъ пути обслѣдовалъ берега рр. Салды и Татла. По Татлу, между деревнями Прянишниковой и Боренковой, въ семи мѣстахъ находятся писанцы, сдѣланные на скалахъ красно-

бурю краской и въ настоящее время иногда едва замѣтны. Г. Гондатти снялъ съ нихъ фотографіи, сдѣлалъ рисунки начертаній отъ руки и привезъ образцы краски. Посѣтивъ затѣмъ городище у Юрьевского озера на югѣ Верхотурскаго уѣзда, г. Гондатти отправился въ Соликамскій уѣздъ, осматривалъ многія городища по рр. Обвѣ и Инвѣ и произвелъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ раскопки, давшія много мелкихъ металлическихъ вещей и черепковъ. Отправившись затѣмъ въ Чердынскій уѣздъ, г. Гондатти посѣтилъ поселенія Вилогортъ, Камгортъ и Искоръ, гдѣ въ городищахъ имъ также были найдены нѣкоторыя металлическія вещи, тождественныя по типу съ соликамскими. Предварительный отчетъ о своей поѣздкѣ г. Гондатти уже доложилъ Обществу, а подробный имѣеть быть представленъ въ непродолжительномъ времени.

Ф. Д. Нефедовъ, производившій уже археологическія изслѣдованія въ губерніяхъ Костромской, Владимірской, Уфимской и въ Тургайской области, занимался раскопками въ южной части Приуралья, въ Оренбургской и сосѣднихъ губерніяхъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ имъ были обследованы курганы и городища въ Илецкомъ уѣздѣ Тургайской области въ районѣ р. Илека, въ губерніи Оренбургской по Орскому тракту, близъ станицы Каменноозерной и при Меревыхъ Соляхъ, и въ Бузулукскомъ уѣздѣ Самарской губерніи. Всего было вскрыто 76 кургановъ и произведены пробныя раскопки въ двухъ городищахъ. Въ курганахъ Тургайской области были находимы человѣческіе скелеты съ костями животныхъ, каменными и мелкими металлическими издѣліями, а въ курганахъ по южному берегу р. Илека—бронзовыя и желѣзныя стрѣлы, берестяные колчаны, украшенія сбруи, серпы, остроги, зеркала, серги и желѣзный идолъ. Всего было добыто 34 черепа и около 200 вещей. Кромѣ того, г. Нефедовымъ были доставлены бронзовые сосуды, кельты и другія вещи изъ самарскихъ кургановъ, имѣвшіеся въ музеѣ Самарскаго реальнаго училища.

Д. Н. Алучинъ посвятилъ два мѣсяца на ознакомленіе съ чудскими древностями, находящимися въ Казани и Екатеринбургѣ, на раскопки нѣкоторыхъ городищъ по Камѣ и на обследованіе Екатеринбургскаго уѣзда. Спутникомъ его былъ графъ Э. А. Уваровъ, производившій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самостоятельныя раскопки. Въ виду отсутствія въ посѣщенномъ районѣ кургановъ, главное вниманіе было обращено на городища, золотыя прѣски и мѣста древнихъ плавленъ. Изъ городищъ были обследованы четыре по р. Камѣ—

близъ с. Шурана, у Сорочьихъ горъ, близъ Воткинскаго завода и д. Галкиной; изъ нихъ Воткинское оказалось позднѣйшимъ укрѣпленіемъ, а городища у Шурана и Сорочьихъ горъ дали главнымъ образомъ костяныя издѣлія. Въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ было обследовано шесть городищъ; изъ нихъ два — около деревни Палкиной и по р. Полденкѣ, въ 14-ти верстахъ отъ с. Нижняго Тагеля, — дали предметы каменнаго вѣка и три — на озерахъ близъ Кыштымскаго завода — костяныя и металлическія вещи. Раскопки у озера Багаряка и близъ с. Городка, въ окрестностяхъ Кыштымскаго завода, гдѣ, по слухамъ, были находимы кости, не привели къ удовлетворительному результату. Изъ золотыхъ приисковъ были посѣщены находящіеся близъ Верхневинскаго завода и у Аятскаго озера. При содѣйствіи служащихъ на приискахъ были добыты здѣсь костяныя, деревянныя, каменные и бронзовыя издѣлія изъ слоя глины подъ торфомъ, на глубинѣ 5—11 аршинъ. Слѣды древнихъ плавильнъ были встрѣчены близъ Полевскаго и Сѣверскаго заводовъ, при чемъ въ окрестностяхъ послѣдняго, на Караульной горѣ, были добыты раскопками многія бронзовыя изображенія птицъ. Отъ мѣстныхъ жителей и отъ г. Соломирскаго, на Сѣверскомъ заводѣ, были получены еще другія бронзовыя древности, а равно нѣкоторыя издѣлія изъ чудской копи у заброшеннаго нынѣ и залитаго водою Гумешевскаго рудника. Графъ Уваровъ совершилъ еще поѣздку въ степную часть губерніи, въ Камышловскій и Шадринскій уѣзды, гдѣ произвелъ раскопки кургановъ у с. Рыбниковскаго, у д. Чекаревой и у с. Замараевскаго. Всего было раскопано 12 кургановъ, въ томъ числѣ одинъ большой, около 19-ти футовъ въ вышину. Кости и вещи оказались въ фрагментарномъ состояніи; сохранилось лишь нѣсколько череповъ, бусы, мелкія бронзовыя вещи и обломки желѣзнаго оружія. На возвратномъ пути г. Авучинъ посѣтилъ с. Ильинское (Пермскаго уѣзда), гдѣ ознакомился съ коллекціей г. Теплоухова, произвелъ пробную раскопку одного костыща и получилъ небольшую коллекцію металлическихъ вещей чудско-болгарскаго типа.

Наиболѣе крупнымъ фактомъ внутренней дѣятельности Общества въ истекшемъ году является при немъ учрежденіе особой восточной комиссіи, которая, образовавшись изъ живущихъ въ Москвѣ лицъ, изучающихъ востокъ, предполагаетъ обратить особое вниманіе на древности Средней Азіи и Кавказа, а также Египта, Халдеи, Сиріи и Финикіи. Восточная комиссія начала свою дѣятельность съ сентября 1887 года; предсѣдателемъ ея состоялъ О. Е. Коршъ, а секретаремъ —

дическое сочиненіе Имамъ-Убей-дуллакъ-Махмуда (XIV в.); самая рукопись написана въ 960 году гиджры (то-есть, въ 1552 г.); комментарий къ арабскому тексту написанъ на турецкомъ языкѣ. Помимо прямой разработки древностей, комиссія выслушала и обсудила нѣсколько рефератовъ по разнымъ другимъ вопросамъ ориентальной науки. В. Θ. Миллеръ прочелъ рефератъ о языкѣ кавказскихъ евреевъ, а В. А. Грингмутъ — объ образованіи множественнаго числа въ древне-египетскомъ и коптскомъ языкѣ въ связи съ общою методологіей египетской грамматики; В. К. Трутовскій представилъ комиссіи изслѣдованіе о городѣ Золотой орды Гулистанѣ, построенное главнымъ образомъ на нумизматическихъ данныхъ.

Состоящая при Обществѣ комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ въ восьми своихъ засѣданіяхъ и въ пяти собраніяхъ Общества разсмотрѣла 30 докладовъ по сохраненію древнихъ русскихъ памятниковъ; изъ нихъ большинство относится до обсужденія проектовъ возобновленія, исправленія и расширенія древнихъ церквей. Комиссія заботилась о принятіи мѣръ къ охранѣ древнихъ частей зданій; въ случаяхъ же болѣе важныхъ, касавшихся памятниковъ первостепенной важности, ходатайства Общества повергались на взрѣніе Его Императорскаго Величества и удостоились Высочайшаго одобренія. Въ годичномъ собраніи Общества 27-го марта 1887 года графиней П. С. Уваровой было доложено письмо г. министра народнаго просвѣщенія, съ извѣщеніемъ, что Государь Императоръ на докладѣ, представленномъ г. оберъ-прокуроромъ св. синода, о производствѣ работъ по возстановленію въ древнемъ видѣ наружной стороны стѣнъ Владимірскаго Успенскаго собора, противъ объясненія о томъ, что Московское Археологическое Общество считаетъ своею обязанностию поручить одному изъ своихъ членовъ наблюденіе за предполагаемыми работами, изволилъ собственноручно начертать: „очень желательно“. Въ засѣданіи 24-го апрѣля Общество избрало для наблюденія за этими работами Н. В. Никитина совмѣстно съ И. Е. Забѣлинымъ, которые осматривали соборъ до начала работъ, чтобы выяснитъ и опредѣлитъ то направленіе, какого должно держаться при производствѣ работъ по возобновленію древняго храма. Ими изслѣдованы формы кровли и куполовъ и опредѣленъ способъ возобновленія обвѣтшавшихъ каменныхъ частей; для устраненія причины, отъ которой появились трещины въ стѣнахъ собора и въ сѣверо-западномъ маломъ куполѣ, они признали необходимымъ произ-

вести точное изслѣдованіе фундамента и укрѣпленіе его по наступленіи весны 1888 года.

Въ числѣ памятниковъ, изслѣдованныхъ экспедиціей 1886 года на восточномъ берегу Чернаго моря, докладъ о которыхъ былъ сдѣланъ г. Никитинымъ въ томъ же году, есть весьма замѣчательный древній храмъ въ имѣніи великаго князя Константина Николаевича Учъ-Дере. Храмъ этотъ стоитъ на водораздѣлѣ рѣчекъ Нижи и Лоо, въ недалекомъ разстояніи отъ берега Чернаго моря. Онъ построенъ изъ крупнаго и крѣпкаго известковаго камня. Положеніе упавшихъ стѣнъ его сводовъ показываетъ, что онъ разрушенъ землетрясеніемъ. Храмъ открытъ недавно и не подвергся, подобно другимъ, расхищенію отъ новыхъ поселенцевъ кавказскаго побережья. Восстановленіе его потребовало бы сравнительно небольшихъ затратъ, а подъ упавшими сводами можно надѣяться найти нѣкоторые предметы его внутренняго убранства. Графиня П. С. Уварова ходатайствовала предъ Августѣйшимъ владѣльцемъ имѣнія объ изслѣдованіи и восстановленіи этого замѣчательнаго памятника. Согласно этому ходатайству, управляющему имѣніемъ Учъ-Дере предписано постепенно отрыть и сохранить для науки тамошній древній храмъ.

Получивъ свѣдѣніе, что въ древнемъ Ростовскомъ соборѣ возобновлена стѣнопись и притомъ записано нѣсколько древнихъ иконъ, Общество поручило своимъ членамъ В. Е. Румянцову и Н. В. Никитину осмотрѣть соборъ и сдѣланныя въ немъ работы. Въ осмотрѣ и составленіи акта пожелалъ также принять участіе гр. М. В. Толстой. Изслѣдователи пришли къ прискорбному заключенію о неудовлетворительности этой реставраціи.

Священникъ Петропавловской церкви въ городѣ Плѣсѣ, Костромской губерніи, прислалъ въ Общество описаніе древнихъ склеповъ, имѣющихся въ церкви, и просилъ объ ихъ изслѣдованіи; осмотръ ихъ былъ произведенъ А. М. Павлиновымъ, который представилъ докладъ о томъ и чертежи церкви.

Кромѣ того, въ теченіе отчетнаго года въ комиссію обращались многія духовныя консисторіи, мѣстныя епархіальныя начальства, губернаторы и другія лица съ просьбами объ осмотрѣ древнихъ зданій и памятниковъ русскаго церковнаго зодчества и искусства и о разрѣшеніи передѣлокъ, исправленій и поправокъ таковыхъ. Комиссія охотно принимала на себя исполненіе этихъ просьбъ, и члены

ея, главнымъ образомъ В. Е. Румянцевъ, Н. В. Никитинъ, А. П. Поповъ, А. М. Павлиновъ и Ю. Д. Филимоновъ, не только высказывали свое сужденіе по предлагаемымъ вопросамъ, но нерѣдко принимали поѣздки на мѣсто нахождения этихъ памятниковъ и представляли рисунки и чертежи предполагаемыхъ исправленій. Къ сожалѣнію, было нѣсколько случаевъ, что указанія коммиссіи, хлопившіяся къ сохраненію древностей, не принимались во вниманіе при ихъ реставраціи.

Въ концѣ отчетнаго года при Обществѣ былъ образованъ предварительный комитетъ по устройству VIII-го археологическаго съѣзда, мѣстомъ для занятій котораго была выбрана Москва, а временемъ— январь 1890 года. Въ виду того, что VIII-й археологическій съѣздъ соединяется съ торжествомъ празднованія двадцатипятилѣтняго юбилея Московскаго Археологическаго Общества, оно, желая почтить память своего основателя, графа А. С. Уварова, положило, по соглашенію съ графиней П. С. Уваровой, учредить единовременныя юбилейныя преміи имени графа А. С. Уварова, назначенныя къ выдачѣ при празднованіи этого юбилея. Предположено установить три преміи: одну въ 1.000 р. и двѣ въ 800 р.; онѣ присуждаются Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, которое и печатаетъ ихъ на свой счетъ. Сочиненія подаются въ рукописяхъ подѣ девизомъ, а срокомъ подачи ихъ назначается 1-е октября 1887 г. Въ составленію рецензій приглашаются спеціалисты, и рецензіи премированныхъ сочиненій печатаются. Темы, предлагаемыя на соисканіе премій, суть слѣдующія: 1) Заслуги графа А. С. Уварова, какъ ученаго археолога, для русской исторіи.— 2) Сводъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній древнихъ (классическихъ) писателей о Русской землѣ, съ изложеніемъ комментаріевъ на эти извѣстія въ русской и иностранной литературѣ.— 3) Историческій очеркъ развитія археологическихъ изслѣдованій въ Россіи, съ приложеніемъ систематической библіографіи сочиненій и статей археологическаго содержания.— 4) Къ какому заключенію о бронзовомъ и желѣзномъ періодѣ приводятъ насъ свѣдѣнія о находкахъ бронзовыхъ и желѣзныхъ предметовъ на Кавказѣ?— 5) Въ какія времена какія измѣненія происходили въ нашей иконописи (въ школахъ Новгородской и Московской), и какія нововведенія произвело въ ней вліяніе западное, относительно рисунка, пошиба, содержания, символики и др.?— 6) Вліяніе византійской иконописи и миниатюрной живописи на русскую иконопись и миниатюрную живопись съ X по XVII вѣкъ. Взаимо-

дѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной. Исторія русскаго иконостаса (съ подробнымъ описаніемъ важнѣйшихъ памятниковъ), какъ со стороны художественной, такъ и иконографической.— 7) Архитектурный стиль московскаго періода: его характеристическія черты и особенности; планъ, способъ постройки, внутреннее устройство и наружная обработка церковныхъ и гражданскихъ зданий. Въ чемъ обнаружилось вліяніе западно-европейской архитектуры на московское зодчество? Какое вліяніе и какимъ путемъ имѣла на него восточная архитектура? Какія можно отмѣтить эпохи въ его развитіи?

Ко времени засѣданій предварительнаго комитета VIII-го съѣзда Общество, желая подвинуть вопросъ о составленіи археологическаго словаря, издало брошюру, въ которой собраны въ алфавитномъ порядкѣ, но безъ объясненія, всѣ уже напечатанныя въ „Древностяхъ“ матеріалы, и приложило къ ней краткую программу желательныхъ для этого словаря свѣдѣній. Результатъ этого изданія не замедлилъ сказаться въ значительномъ количествѣ новыхъ матеріаловъ, поступившихъ за послѣднее время въ Общество. Сверхъ того, Общество, имѣя въ виду, что отъ прежнихъ съѣздовъ осталось много не разрѣшенныхъ вопросовъ и запросовъ, разбросанныхъ по малодоступнымъ большинству программамъ и трудамъ съѣздовъ, собрало всѣ эти вопросы и запросы въ отдѣльную брошюру и разослало оба эти изданія всѣмъ членамъ Общества, равно какъ и ученымъ обществомъ и учреждениямъ.

Всѣхъ засѣданій Общества въ отчетномъ году было 16, въ томъ числѣ обыкновенныхъ—7, экстраординарныхъ—8, и редакціоннаго комитета—1.

Въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ были прочитаны слѣдующіе доклады: Д. Н. Анучина—о древнемъ лукѣ и стрѣлахъ; о древностяхъ Минусинскаго музея; объ употребленіи саней, коней и лады при погребеніи; И. М. Анисимова—о поѣздѣ въ Дагестанъ; г. Бернацкаго—объ ископаемыхъ остаткахъ ищернаго медвѣдя и челоувѣка; М. А. Веневитинова—объ Уваровскихъ спискахъ Даниилова Хожденія; Н. Л. Гондатти—о поѣздѣ на Сѣверной Уралъ; А. К. Жизневскаго—объ изразцахъ на Старицкомъ соборѣ, построенномъ въ 1561 году; М. М. Ковалевскаго—археологическія замѣтки изъ путешествія по Кавказу; Н. О. Красносельцева—о Чиновникѣ Архангелогородскаго кафедральнаго собора; А. О. Лихачева—о слѣдахъ бронзоваго періода въ Казани; объ археологическихъ находкахъ

въ Казанской губерніи; В. Θ. Миллера—археологическія наблюденія въ области горскихъ обществъ Кабарды; А. С. Павлова—о вновь открытомъ памятникѣ русской литературы XII в., поученіи Новгородскаго епископа Іоанна—Ильи; А. М. Павлинова—объ архитектурѣ въ Россіи въ до-монгольскій періодъ; А. А. Русова—о раскопкахъ близъ Херсона; И. В. Цвѣтаева—о начальныхъ школахъ древнихъ римлянъ; г. Цилюссани—о раскопкѣ въ церкви древняго монастыря въ Сухумскомъ округѣ; А. Н. Шварца—опытъ объясненія не изданнаго античнаго бронзоваго бюста изъ собранія гр. А. С. Уварова. Кромѣ того, въ Общество были переданы статьи: барона Д. О. Шеппинга—До-христианское воззрѣніе на загробную жизнь; Н. Е. Бранденбурга—Краткія извѣстія о времени построенія старинныхъ церквей въ Новгородскомъ, Пусторжевскомъ, Великолуцкомъ и другихъ уѣздахъ; Д. А. Клеменца—Очеркъ Минусинскихъ древностей; Θ. Θ. Чекалина—Остатки древнихъ каменныхъ сооружений въ Кузнецкомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи. Матеріалы для археологическаго словаря были доставлены Д. И. Прозоровскимъ, Н. Е. Бранденбургомъ, барономъ Д. О. Шеппингомъ, А. Н. Минхомъ, Н. И. Троицкимъ и друг.

Въ личномъ составѣ Общества произошли въ теченіе отчетнаго года слѣдующія перемѣны: на должность бібліотекаря и хранителя музея, вмѣсто окончившаго свой трехгодичный срокъ В. И. Сизова, былъ избранъ В. К. Трутовскій, а затѣмъ онъ же приглашенъ къ исправленію должности секретаря Общества вмѣсто А. В. Орѣшниковъ, который оставилъ ее вслѣдствіе усиленія другихъ своихъ занятій. М. В. Никольскій, за избраніемъ его секретаремъ Восточной комиссіи, оставилъ должность товарища секретаря Общества. Въ дѣйствительные члены избраны изъ членовъ-корреспондентовъ и вновь — В. Н. Бензенгръ, Н. И. Веселовскій, Н. Θ. Красносельцевъ, Н. В. Покровский, В. К. Трутовскій, А. Н. Шварцъ и С. М. Шпилевскій; въ члены-корреспонденты — А. В. Адриановъ, А. С. Архангельскій, Н. Л. Гондатти, Д. А. Клеменцъ, Н. И. Мартыановъ, П. Н. Милуковъ, Ф. Д. Нефедовъ, Н. Г. Первухинъ, А. В. Селивановъ, Н. А. Спасскій, А. А. Спицинъ, С. С. Слуцкій, Г. И. Тимошевскій, И. Н. Холмогоровъ, г. Цилюссани и Н. А. Янчукъ.

За то же время Общество понесло тяжелую утрату въ лицѣ скончавшихся своихъ членовъ: В. Д. Левшина, А. П. Попова, К. И. Гревинга, И. С. Полякова, А. К. Киркора, Г. М. Дѣвочкина, И. К. Купріянова и гр. Гоццадини въ Болоньѣ.

Изъ изданій Общества, кромѣ уже упомянутыхъ выше, въ отчетномъ году былъ выпущенъ въ свѣтъ 3-й выпускъ XI-го тома „Древностей“ и „Труды V-го Археологическаго Тифлискаго съѣзда“. О содержаніи ихъ уже было сообщено своевременно на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Библіотека Общества, продолжала пополняться по примѣру прежнихъ лѣтъ, а музей значительно обогатился древностями, собранными во время тѣхъ экспедицій, которыя были снаряжены въ минувшемъ году въ восточныя губерніи Россіи.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

О ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТАХЪ НА ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ.

Письменныя работы по древнимъ языкамъ, по русскому языку и словесности, и по математикѣ, установленныя правилами объ испытаніяхъ, утвержденными г. министромъ народнаго просвѣщенія 8-го декабря 1872 г. (§ 49), и въ настоящее время служатъ, безспорно, главнымъ основаніемъ для сужденія объ умственномъ развитіи, отчасти и о нравственномъ направленіи экзаменующагося; въ нихъ отражается по преимуществу знаніе ученикомъ всего гимназическаго курса, и его умѣніе примѣнять приобретенныя познанія къ рѣшенію представляющихся и предлагаемыхъ ему вопросовъ ¹⁾).

По § 71 тѣхъ же упомянутыхъ выше правилъ объ испытаніяхъ, протоколы испытательныхъ комиссій и письменныя работы всѣхъ экзаменовавшихся, по выдачѣ тѣмъ изъ сихъ послѣднихъ, которые удовлетворительно выдержали экзаменъ, надлежащихъ аттестатовъ или свидѣтельствъ зрѣлости, отсылаются въ управленіе учебнаго округа и тамъ тщательно разсматриваются профессорами мѣстнаго университета и иными членами попечительнаго совѣта. О результатахъ этой повѣрки сообщается директорамъ гимназій и доводится до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія. Участіе въ разсмо-

---

¹⁾ Хотя циркуляромъ министерства отъ 28-го апрѣля 1881 года и отиѣнено было рѣшающее значеніе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, письменныхъ испытаній, гѣмъ не менѣе, въ томъ же циркулярѣ указывалось на *важное или значеніе*, какъ лучшаго средства опредѣлить степень развитія подвергающагося экзамену. О вліяніи, какое имѣлъ означенный циркуляръ на успѣшность испытаній въ различныхъ учебныхъ округахъ, объяснено ниже въ нашемъ изложеніи.

трѣннн ученическихъ работъ, принимаемое профессорами университета, устанавливаетъ ближайшую связь этого высшаго разсадника наукъ съ гимназіями, подготовляющими для него слушателей. Личный авторитетъ означенныхъ лицъ ручается, въ извѣстной мѣрѣ, и за правильность составляемыхъ отчетовъ объ испытаніяхъ. Поэтому ихъ отзывы и по ихъ отзывамъ состоявшіяся заключенія попечительскихъ совѣтовъ не лишены интереса при изученіи внутренней жизни нашихъ гимназій.

Въ дополненіе къ статистическимъ даннымъ объ испытаніяхъ зрѣлости, своевременно напечатаннымъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, предлагаемъ здѣсь бѣглый обзоръ такихъ отзывовъ и заключеній за послѣднія семь лѣтъ съ 1879 по 1885 годъ.

1. Древніе языки.

Успѣшность испытаній въ числовыхъ данныхъ обыкновенно опредѣляется указаніемъ на большее или меньшее число не выдержавшихъ испытаній. Процентное отношеніе не выдержавшихъ письменныхъ испытаній изъ латинскаго языка не превышало въ 1879 г. 2,4%, въ 1880 г. 1,2%, въ 1881 г. 0,8%, въ общей сложности по всѣмъ учебнымъ округамъ; число не выдержавшихъ письменныхъ испытаній изъ греческаго языка не превышало въ 1879 г. — 2,1%, въ 1880 г. — 1,4%, въ 1881 г. — 0,7%. Начиная съ 1881 г., число не выдержавшихъ письменныхъ испытаній стало увеличиваться и составляло на испытаніяхъ изъ латинскаго языка: въ 1882 г. — 3,2%, въ 1883 г. — 4,9%, въ 1884 г. — 4,7% и въ 1885 г. — 5,9%; на испытаніяхъ изъ греческаго языка въ 1882 г. — 3,1%, въ 1883 г. — 3,7%, въ 1884 г. — 4,1% и въ 1885 г. — 5,3%.

На основаніи правилъ объ испытаніяхъ (§ 59) экзаменующійся, не выдержавшій письменнаго испытанія по какому-либо предмету, не допускался къ испытаніямъ устнымъ, а потому число не выдержавшихъ устныхъ испытаній по древнимъ языкамъ было крайне ограничено, и не превышало по латинскому языку въ 1879 г. 2 человѣкъ изъ числа 1717 подвергавшихся испытанію или 0,1%, въ 1880 г. 4 изъ 1959 или 0,2%, въ 1881 г. 7 изъ 2210 или 0,3%, по греческому въ 1879 г. 2 или 0,1%, въ 1880 г. 3 или 0,15%, въ 1881 г. 7 или 0,3%, по всѣмъ учебнымъ округамъ, за исключеніемъ Дерптскаго, въ которомъ допущены были нѣкоторыя от-

ступленія отъ установленныхъ общихъ правилъ ¹⁾. Циркуляромъ 28-го апрѣля 1881 г. разрѣшено учениковъ, представившихъ письменныя работы не вполне удовлетворительныя, допускать къ испытаніямъ устнымъ, и съ этого времени стало также увеличиваться число не выдержавшихъ этихъ испытаній; изъ оказавшихъ неудовлетворительныя успѣхи въ письменной своей работѣ весьма многіе обнаруживали неудовлетворительное знаніе и на испытаніяхъ устныхъ. Въ 1882 г. таковыхъ оказалось на испытаніяхъ изъ латинскаго языка 73 человекъ или 2,5% въ общей сложности по всѣмъ учебнымъ округамъ, включая и Дерптскій, а на испытаніяхъ изъ греческаго языка 58 чел. или 2%, въ 1883 г. по обѣимъ древнимъ языкамъ 75 (2,7%) и 70 (2,3%), въ 1884 г. 83 (2,7%) и 71 (2,3%), въ 1885 г. 83 (2,7%) и 78 (2,4%).

Болѣе подробное указаніе числа и процентнаго отношенія не выдержавшихъ испытаній за послѣдній отчетный 1885 годъ, съ распределеніемъ ихъ по учебнымъ округамъ, приведено въ нижеслѣдующихъ двухъ таблицахъ:

Число получившихъ неудовлетворительныя отмѣтки изъ латинскаго языка:

Въ учебныхъ округахъ..	На испытаніяхъ:		Число подвергавшихся испытаніямъ.
	Письменныхъ.	Устныхъ.	
С.-Петербургскомъ	12 (3%)	8 (2%)	394.
Московскомъ	52 (10%)	10 (1,9%)	519.
Казанскомъ	4 (2,4%)	—	162.
Оренбургскомъ	3 (4,7%)	—	64.
Харьковскомъ	22 (8,4%)	8 (3%)	262.
Одесскомъ	12 (4,3%)	—	278.
Кіевскомъ	14 (3,3%)	24 (5,7%)	419.
Виленскомъ	14 (6,9%)	8 (3,9%)	202.
Варшавскомъ	27 (7,1%)	8 (2,1%)	380.
Дерптскомъ	18 (5,6%)	15 (4,7%)	319.
Кавказскомъ	9 (7%)	7 (5,4%)	129.
Восточной Сибири	2 (10%)	—	20.
Туркестанскомъ краѣ и Западной Сибири	—	—	40.
Всего	189 (5,9%)	88 (2,7%)	3188.

¹⁾ Въ Дерптскомъ учебномъ округѣ не выдержало устныхъ испытаній изъ латинскаго языка въ 1879 г. 7 изъ 227 или 3,1%, въ 1880 г. 11 изъ 273 или 4%, въ 1881 г. 6 изъ 257 или 2,3%, изъ греческаго въ 1879 г. 5 или 2,2%, въ 1880 г. 10 или 3,6%, въ 1881 г. 6 или 2,3%.

Число получившихъ неудовлетворительныя отиѣтки изъ греческаго языка.

Въ учебныхъ округахъ.	На испытаніяхъ:	
	Письменныхъ.	Устныхъ.
С.-Петербургскомъ	10 (2,5%)	10 (2,5%)
Московскомъ	37 (7,1%)	5 (1%)
Казанскомъ	4 (2,4%)	1 (0,6%)
Оренбургскомъ	2 (3,1%)	—
Харьковскомъ	24 (9,1%)	6 (2,3%)
Одесскомъ	6 (2,1%)	4 (1,4%)
Кіевскомъ	15 (3,6%)	14 (3,3%)
Виленскомъ	11 (5,4%)	3 (1,5%)
Варшавскомъ	29 (7,6%)	6 (1,6%)
Дерптскомъ	22 (6,9%)	22 (6,9%)
Кавказскомъ	7 (5,4%)	7 (5,4%)
Восточной Сибири	2 (10%)	—
Всего	169 (5,3%)	78 (2,4%)

Въ вышеприведенныхъ исчисленіяхъ показаны собственно ученики правительственныхъ и частныхъ гимназій, а также ученики пользующихся правами правительственныхъ гимназій училищъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Въ числѣ постороннихъ лицъ, являющихся къ тѣмъ же испытаніямъ для полученія гимназическаго свидѣтельства зрѣлости, встрѣчается значительно болѣе молодыхъ людей, неудовлетворительно подготовленныхъ.

Общее число не выдержавшихъ письменнаго испытанія изъ латинскаго языка въ этой категоріи экзаменующихся составляло въ 1879 г. 61 изъ 269 подвергавшихся испытаніямъ или 22,6%; устнаго экзамена по тому же предмету не выдержали 30 чел. (11,1%); письменныхъ испытаній изъ греческаго не выдержали 59 (21,9%), устнаго 35 (13%).

Въ 1885 году постороннихъ лицъ подвергалось испытаніямъ зрѣлости во всѣхъ учебныхъ округахъ 423 человека; изъ нихъ не выдержали письменнаго испытанія изъ латинскаго языка 158 (37,3%), устнаго 69 (16,3%), письменныхъ испытаній изъ греческаго языка 145 (34,2%), устнаго 66 (15,6%).

Въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ, профессоръ И. В. Помяловскій присутствовалъ въ 1879 г. на устномъ испытаніи изъ

латинскаго языка учениковъ 2-й гимназіи и просматривалъ письменныя работы учениковъ 2-й, 5-й и реформатскаго училища. Работы, по его мнѣнію, оказались удовлетворительными, нѣкоторыя онъ считаетъ весьма хорошими; онѣ выказываютъ, по его словамъ, твердое усвоеніе грамматическихъ правилъ и достаточный лексическій запасъ, мѣстами желалось бы болѣе знакомства съ фразеологіею. Преподаватель университета Г. И. Лапшинъ нашелъ латинскіе переводы учениковъ 6-й гимназіи не свыше посредственности; они большею частью оцѣнены были отмѣткою 3. Впрочемъ, на устныхъ испытаніяхъ даже посредственные ученики отвѣчали на вопросы изъ грамматики правильно. Работы учениковъ 1-й гимназіи произвели на него лучшее впечатлѣніе; многія были написаны съ полнымъ вниманіемъ и знаніемъ дѣла; на устныхъ испытаніяхъ ученики этой гимназіи обнаружили вообще знаніе удовлетворительное, нѣкоторые бойко отвѣчали, хорошо понимали предложенныя имъ для перевода мѣста изъ Цидерона и Виргилія, стихи читали вѣрно и правильно. Преподаватель университета О. А. Шеборъ разсматривалъ въ томъ же году работы 3-й, 4-й С.-Петербургскихъ гимназій и гимназіи Человѣколюбиваго Общества и присутствовалъ на устныхъ испытаніяхъ въ 3-й и 4-й. По его отзыву, большинство учениковъ 3-й гимназіи переводили изъ Ливія, Виргилія, Горація отчетливо и бойко, не стѣсняясь особенностями языка и слога означенныхъ авторовъ, они видимо хорошо вчитались въ этихъ писателей. Нѣсколько ниже оказался уровень знаній учениковъ 4-й гимназіи, хотя и въ ней большинство отвѣчали вполне удовлетворительно; многіе не умѣли справиться съ орфографіею встрѣчавшихся въ письменномъ переводѣ историческихъ именъ. Переводы учениковъ гимназіи Человѣколюбиваго Общества нисколько не уступали экстерпориальнѣе учениковъ 3-й гимназіи. Профессоръ Г. С. Дестунисъ и доцентъ Э. Э. Соколовъ объ устныхъ и письменныхъ экзаменахъ по греческому языку въ гимназіяхъ Ларинской и Человѣколюбиваго Общества, за тотъ же годъ, также отозвались съ похвалою. Послѣдній пишетъ, что вынесъ пріятное впечатлѣніе; усердіе преподавателей, прилежаніе и способности учениковъ были очевидны. Экстерпориали остальныхъ гимназій округа повѣряли окружные инспекторы: Гельбке—по греческому языку, Аничковъ—по латинскому языку и представили отзывы не менѣе одобрительные. Въ письменныхъ работахъ по латинскому языку, удостоенныхъ высшей отмѣтки, они не замѣтили ошибокъ этимологическихъ и синтаксическихъ, попадались только нѣкоторыя лексическія не-

точности ¹⁾; въ большинствѣ работъ получившихъ отмѣтку 4, не было ошибокъ этимологическихъ; изъ 216 латинскихъ переводовъ 41 или 15,4% оцѣнены были отмѣткою 5, и 102 или 38,3% отмѣткою 4. Въ греческихъ переводахъ ошибокъ въ правописаніи собственныхъ именъ оказалось довольно много; удареніе выставлялось довольно правильно.

Таковы отзывы о письменныхъ работахъ, отчасти и объ устныхъ отвѣтахъ по древнимъ языкамъ за 1879 г. Въ послѣдующихъ годахъ представляемы были въ попечительскій совѣтъ того же округа отзывы, если не всегда столь же одобрительные въ общемъ результатѣ, то во всякомъ случаѣ опредѣляющіе приблизительно въ той же мѣрѣ знаніе латинскаго и греческаго языковъ, приобретаемое въ гимназіяхъ. Такіе отзывы объ устныхъ и письменныхъ экзаменахъ представлены были въ 1880 и слѣдующихъ годахъ преподавателями университета Шеборомъ, Лапшинымъ, Холоднякомъ, профессоромъ Помяловскимъ и доцентомъ Никитинымъ.

Весьма подробныя рецензіи письменныхъ работъ всѣхъ гимназій округа, приблизительно съ тѣми же основными выводами, представили по латинскому языку окружные инспекторы Аничковъ за 1880, 1881 и 1882 гг., Ройскій за 1884 и 1885 гг. и за тѣ же годы по греческому языку окружной инспекторъ Гельбе.

Коснемся нѣкоторыхъ подробностей и частныхъ.

Въ видахъ возможнаго улучшенія переводовъ со стороны стилистической, въ 1880 году профессоръ Помяловскій рекомендовалъ обращать болѣе вниманія на курсорное чтеніе древнихъ авторовъ, мнѣніе, которое онъ повторилъ и въ своемъ отзывѣ о работахъ 1884 г.; напротивъ, г. Гельбе въ томъ же 1880 году, перечисляя чаще встрѣчающіяся ошибки въ греческихъ экстемпораліяхъ (орфографическія — θ вмѣсто τ , двойной $\lambda\lambda$ вмѣсто λ , долгія гласныя вмѣсто краткихъ; этимологическія — въ спряженіи глаголовъ; синтаксическія — неправильное употребленіе члена, времени глаголовъ, въ особенности въ причастной формѣ и т. п.) и замѣчая нѣкоторое пониженіе въ качествѣ переводовъ, противъ прежнихъ лѣтъ, полагаетъ, что вниманіе преподавателей было слишкомъ исключительно обращено на чтеніе авторовъ, а грамматика ими поставлена была на

¹⁾ Напримѣръ: *domicilio condito*, лучше было бы *collocato* или *constituto*; *ut sentio populi advocaretur*, преподаватель-рецензентъ замѣчаетъ: въ такомъ соединеніи *advocare* употребляется рѣдко, впрочемъ у Ливія (I, 26).

задній планъ. Г. Никитинъ по тому же предмету и въ томъ же году свидѣтельствовалъ, что на устныхъ испытаніяхъ ученики гимназій выказываютъ болѣе знанія языка и грамматики, нежели въ письменныхъ своихъ работахъ ¹⁾. Въ 1881 г., не отрицая, что между изготовленными на испытаніяхъ зрѣлости переводами есть даже замѣчательно хорошія работы ²⁾, рецензенты указываютъ на нѣкоторое ухудшеніе и въ работахъ по латинскому языку, и въ работахъ по греческому языку. Одинъ изъ нихъ приписываетъ это прискорбное явленіе отчасти „слухамъ о различныхъ преобразованіяхъ по учебной части, направленныхъ будто бы не въ пользу того строя, который окружалъ учениковъ гимназій“; по мнѣнію того же рецензента „подобныя преждевременныя и неосновательныя слухи, подхватываемыя ежедневной прессой, не могутъ не отражаться на успѣхахъ и занятіяхъ учениковъ старшихъ классовъ“. Другою причиною уменьшенія числа удовлетворительныхъ отиѣтокъ и удовлетворительныхъ переводовъ, замѣченнаго на испытаніяхъ 1882 г., рецензенты, считаютъ министерское распоряженіе, коимъ разрѣшено учениковъ, представившихъ переводы неудовлетворительныя, допускать къ устному экзамену. Преподаватели послѣ этого распоряженія стали строже оцѣнивать письменныя работы, зная, что неудовлетворительная отиѣтка, выставленная за работу, не лишитъ экзаменующагося права продолжать испытаніе; ученики, по тѣмъ же соображеніямъ, стали менѣе внимательно относиться къ исполненію задаваемыхъ имъ письменныхъ работъ. По свидѣтельству окружнаго инспектора Аничкова, число переводовъ, признанныхъ неудовлетворительными, не превышало въ С.-Пб. учебномъ округѣ въ 1879 г.—8-ми, въ 1880 г. ихъ было 8, въ 1881 г.—26, въ 1882 г.—36. Г. Аничковъ высказалъ мнѣніе, что слѣдуетъ предоставить усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ гимназій опредѣлять случаи, когда необходимо или возможно допустить ученика къ устному экзамену, не распространяя министерскаго разрѣшенія безразлично на всѣхъ. Г. Никитинъ, присутствовавшій въ 1882 году на устныхъ испытаніяхъ изъ греческаго языка въ трехъ

¹⁾ „На устныхъ испытаніяхъ абитуриенты точно и ясно излагали и толково примѣняли къ разбору греческихъ текстовъ тѣ самыя правила синтаксиса, которыми забыли воспользоваться въ письменныхъ работахъ“.

²⁾ Такъ, напримѣръ, *Шкабича*, ученика 7-й гимназій, *Свѣшниковъ* — гимн. Имп. Человѣколюб. Общества, *Бороздина* — ученика Реформатскаго училища, *Залемскаго* — Псковской гимн., *Извольскаго* — посторонняго лица, экзаменовавшагося въ Ларинской гимназій.

столичныхъ гимназіяхъ и разсматривавшій письменныя работы учениковъ этихъ гимназій, нашелъ неудачнымъ составъ старшаго класса 1-й С.-Петербургской гимназіи и познанія учениковъ слабѣе въ сравненіи съ предыдущими выпусками той же гимназіи, знакомыми ему по прежнимъ его посѣщеніямъ; за то хвалить онъ выпускныхъ учениковъ Ларинской гимназіи, отзываясь, что они обнаружили „такое прекрасное умѣніе понимать греческіе тексты, которое не дается безъ значительной начитанности въ авторахъ“; ихъ начитанность отразилась и на письменныхъ работахъ. Онъ замѣтилъ у нихъ, однако же, неумѣніе передавать соотвѣтствующими греческими формами видъ русскаго глагола; напротивъ, въ работахъ учениковъ гимназіи Человѣколюбиваго Общества, по его отзыву, прежде всего бросается въ глаза, именно, воплѣ похвальная точность въ передачѣ глагольныхъ формъ. Проф. Соколовъ, присутствовавшій въ томъ же году на устныхъ испытаніяхъ во 2-й и 7-й С.-Петербургскихъ гимназіяхъ и разсматривавшій письменныя работы ихъ учениковъ, остался ими недоволенъ: „рѣдкая фраза“, пишетъ онъ въ своемъ отзывѣ, „составлена правильно и написана по гречески; большая часть фразъ такова, что древній грекъ навѣрно ничего бы въ нихъ не понялъ“. Многіе знаменитые ученые отвергали, по его словамъ, пользу переводовъ на греческій языкъ, именно потому, что подобныя вымученныя мнимогреческія фразы приводили ихъ въ отчаяніе. Не оспаривая, съ своей стороны, пользы такихъ переводовъ для изученія языка, онъ желалъ бы видѣть въ нихъ болѣе умѣнія обращаться съ греческимъ синтаксисомъ и съ этимологіею. Вопросъ о предпочтеніи изученія авторовъ упражненіямъ въ переводахъ съ русскаго на греческій языкъ былъ снова возбужденъ въ попечительскомъ совѣтѣ округа при обсужденіи результатовъ испытаній зрѣлости за 1884 г. Высказано было мнѣніе, что пользы и необходимости изученія авторовъ, конечно, отрицать нельзя, но что письменныя упражненія всего болѣе способствуютъ усвоенію твердаго знанія грамматики и къ этой цѣли должно преимущественно стремиться преподаваніе древнихъ языковъ въ гимназіяхъ; подробное знакомство съ авторами можетъ явиться и впоследствии, при дальнѣйшемъ ихъ изученіи. Въ отзывѣ о работахъ по греческому языку за 1884 г. окружной инспекторъ Гельбе указываетъ, какъ на новое явленіе, на лучшую подготовку постороннихъ лицъ, являющихся къ испытаніямъ зрѣлости; въ 1884 году 44% изъ ихъ числа получили удовлетворительные баллы, въ прежніе годы рѣдко

кому изъ учащихся этой категоріи удавалось получить удовлетвори- тельную отмѣтку.

Въ особенности обращаютъ на себя вниманіе отзывы о письмен- ныхъ работахъ за ближайшій къ намъ 1885 отчетный годъ. По от- зыву г. Никитина о двухъ столичныхъ гимназіяхъ (г. Мая и Вве- денской), работы по греческому языку въ большинствѣ удовлетво- ряютъ тѣмъ требованіямъ, какія для нихъ установлены; этимологи- ческихъ ошибокъ не много, синтаксическія большею частью объяс- няются случайнымъ недоразумѣніемъ или разсѣянностью, замѣчается неправильное употребленіе существ. οἶκος вм. οἶκία, прилаг. μέγας вм. κολός, но, прибавляетъ рецензентъ, „отъ гимназиста нельзя тре- бовать знанія греческой синонимии или стилистики“, устные отвѣты вообще удовлетворительны. По отзыву приватъ-доцента Холоднаго о латинскихъ переводахъ гимназій 4-й, 8-й, 9-й и Реформатскаго училища, они были выполнены, за весьма немногими исключеніями, удовлетворительно, многіе хорошо, а нѣкоторые „блестящимъ обра- зомъ“. По отзыву проф. Помяловскаго, латинскіе переводы гимназій 5-й, 7-й и училища при лютеранской церкви св. Екатерины оказались довольно удовлетворительными, нѣкоторые выказали навыкъ къ упо- требленію латинскихъ выраженій, достаточный запасъ словъ и фразъ, твердое знаніе грамматики; правда, встрѣчались довольно грубыя ошибки (*cum cohortis, rediebant, sex millis* и др.), но профессоръ объясняетъ ихъ возбужденнымъ состояніемъ экзаменующагося и сроч- ностью работы. О переводахъ въ училищѣ при евангелической церкви св. Анны г. Шеборъ отзывался, что большинство ихъ свидѣтельствуетъ о весьма солидныхъ познаніяхъ, начитанности въ римскихъ писате- ляхъ и хорошемъ навыкѣ выражаться по латыни; нѣсколько ниже онъ считаетъ работы въ училищѣ св. Петра и въ гимназій Человѣ- колюбиваго Общества, хотя и тутъ, кромѣ двухъ работъ постороннихъ лицъ, рѣшительно неудовлетворительныхъ онъ не замѣтилъ. Окруж- ной инспекторъ Ройскій въ своемъ донесеніи пишетъ, что изъ числа 416 работъ, выполненныхъ на испытаніяхъ изъ латинскаго языка, оцѣнены были высшею отмѣткою 5 только 26 или 6,25%, отмѣткою 4—89 или 21,39%, и 3—215 или 51,68%, не заслуживающими удовлетворительной отмѣтки были признаны 86 или 20,60% (въ томъ числѣ 29 переводовъ постороннихъ лицъ изъ числа 38 ими представленныхъ); вообще работы по латинскому языку, по его мнѣ- нію, слѣдуетъ признать удовлетворительными, ихъ составители выка- зали знаніе не только этимологіи и синтаксиса, но до нѣкоторой

степени и знакомство со стилистикой и синонимикой, нѣкоторыя совершенно свободны отъ ошибокъ этимологическихъ и синтаксическихъ; оцѣнка вообще правильная, хотя не всегда равномерная во всѣхъ гимназіяхъ, въ иныхъ отличается большею строгостью, въ другихъ меньшею, исправленіе работъ большею частью сдѣлано преподавателями весьма тщательно, хотя и встрѣчаются пропуски, указанные другими членами испытательныхъ комиссій. По свѣдѣніямъ, представленнымъ за тотъ же годъ окружнымъ инспекторомъ Гельбке, изъ 411 переводовъ съ русскаго языка на греческій удостоены были отмѣтки 5—23 или 5,6%, балла 4—84 или 20, 4% и балла 3—229 или 55,7%, остальные 75 или 18, 2% (въ томъ числѣ 27 переводовъ постороннихъ лицъ) признаны неудовлетворительными. Оцѣнку г. Гельбке считаетъ вообще правильною, соотвѣтствующею достоинству работъ, хотя и встрѣчаются случаи излишней снисходительности, какъ въ отношеніи цѣлаго класса, вызываемой неудачнымъ его составомъ, такъ и въ отношеніи къ отдѣльному ученику, въ виду его усердія, извѣстнаго преподавателю, и хорошихъ успѣховъ, имъ оказанныхъ въ продолженіи гимназическаго курса. Руководствуясь не исчисленіемъ выставленныхъ отмѣтокъ или количествомъ сдѣланныхъ ошибокъ, но общимъ впечатлѣніемъ своимъ, вынесеннымъ изъ просмотра представленныхъ работъ, г. Гельбке относится къ результатамъ письменныхъ испытаній по греческому языку за 1885 г. скептически и признаетъ ихъ не вполне удовлетворительными. Лучшими переводами онъ считаетъ принадлежащіе ученикамъ училищъ св. Анны и св. Петра; по его словамъ, „это вполне сознательный и толковый переводъ, отличающійся не только соблюденіемъ правилъ этимологій и синтаксиса, но хорошимъ подборомъ словъ и выраженій, выказывающій значительное для ученика знакомство съ греческимъ слогомъ и свойственными греческому языку оборотами рѣчи, плодъ усерднаго и разумнаго чтенія древнихъ авторовъ“. Ближе къ этимъ работамъ подходят по своему достоинству переводы учениковъ Ларинской и Царскосельской гимназій, хорошими вообще слѣдуетъ признать переводы во 2-й, 5-й, 6-й и Кронштадтской, удовлетворительными — 7-й и 8-й, Новгородской, Гельсингфорской, реформатскаго училища и отчасти 3-й гимназій, менѣе удовлетворительными переводы — 9-й, 10-й, гимназій Человѣколюбиваго Общества, Нарвской, Псковской, Архангельской, Екатерининскаго училища, частной гимназій Гуревича и всѣхъ хуже — переводы учениковъ 1-й гимназій, Вологодской, Олонецкой и частной гимназій Мая, хотя и эти послѣдніе несравненно

лучше переводовъ, исполненныхъ посторонними лицами, подвергавшимися въ различныхъ гимназіяхъ испытаніямъ зрѣлости. Во многихъ исполненныхъ переводахъ г. Гельббе замѣтилъ „недостатки лексическаго знанія, неумѣніе справиться съ значеніемъ глаголовъ ἵστημι и προίστημι въ смыслѣ „править“, искаженіе собственныхъ именъ Сицилія, Никій, Алкивіадъ, незнаніе правописанія греческихъ словъ, невнимательное отношеніе къ постановкѣ надстрочныхъ знаковъ ударенія и придыханій; грубыхъ этимологическихъ ошибокъ, по его свидѣтельству, не особенно много, ошибки противъ правилъ синтаксиса замѣчаются чаще, именно, въ управленіи глаголовъ δέομαι и προέστυχα, въ конструкціи придаточныхъ предложений, зависящихъ отъ глаголовъ ἐλπίζω и φοβέομαι, въ употребленіи асс. с. inf. вм. пом. с. inf., въ выборѣ безличнаго оборота при φαίνομαι и φαίνομαι ἐπι вм. личнаго и т. п.

Попечительскій совѣтъ Московскаго учебнаго округа, выслушавъ отзывъ профессора Иванова, о письменныхъ работахъ по древнимъ языкамъ за 1879 годъ, вывелъ изъ него заключеніе, что успѣхи учениковъ гимназій по этимъ предметамъ оказываются вообще весьма удовлетворительными. Почтенный рецензентъ пересмотрѣлъ до 598 переводовъ на латинскій и греческій языки. По его отзыву, ошибки этимологическія вообще немногочисленны и встрѣчаются преимущественно въ работахъ, признанныхъ неудовлетворительными. Наиболѣе затрудняли испытуемыхъ: требованіе выразить число мѣсяца по римскому календарю; въ греческихъ переводахъ—построеніе условныхъ предложений въ косвенной рѣчи, правила котораго недостаточно подробно разработаны въ нашихъ учебникахъ, а также трудно различимы для русскаго perfecta participia отъ прошедшихъ нарицательныхъ (imperfectum) и выраженіе исключочащаго раздѣленія aut—aut; постановка члена, особенно такъ-называемаго действительскаго при собственныхъ именахъ; употребленіе мѣстоименій, на примѣръ, гомерическаго αὐτόςъ вмѣсто ὅς, родит. личн. мѣстоименія вмѣсто притяжательнаго и т. п. Съ выставленною на работахъ оцѣнкою профессоръ не всегда соглашался; онъ указывалъ на нѣкоторыя преувеличенія въ высшихъ отмѣткахъ, и на оборотъ, иныя гимназіи (Тверскую, 2-ю Московскую, Ярославскую), весьма скупы на высшія отмѣтки. Къ сожалѣнію, заключаетъ профессоръ Ивановъ, теперь все болѣе и болѣе выводится прежній обычай, въ силу котораго каждый членъ испытательной комиссіи мотивировалъ свое мнѣніе, высказывая его

съ большею или меньшею подробностью. Большинство ассистентов соглашались съ мнѣніемъ перваго рецензента или повторяютъ его иными словами. Профессоръ считаетъ особеннымъ удовольствіемъ заявить, что гимназіи, недавно присоединенныя къ округу, Нижегородская, Орловская и Нижегородскій Александровскій институтъ, рѣзко выдѣлявшіяся своею отсталостью отъ прочихъ гимназій, вошли, наконецъ, въ общій уровень успѣховъ. Слабѣ другихъ оказался выпускъ Елецкой гимназіи, признавшей 4 работы своихъ учениковъ изъ 16, и притомъ вполне справедливо, неудовлетворительными.

„Въ отчетномъ году“, продолжаетъ профессоръ Ивановъ, — „выступили съ доказательствомъ умственной зрѣлости два новыя учебныя заведенія и, притомъ, столь успѣшно, что нельзя не привѣтствовать ихъ появленія и не пожелать столь же удачнаго продолженія ихъ педагогической дѣятельности. Я разумѣю Петропавловское мужское училище и женскую классическую гимназію г-жи Фишеръ. Работы учениковъ Петропавловскаго училища, числомъ три, очень хороши, а работы ученицъ гимназіи (4) можно поставить на ряду съ хорошими работами мужскихъ гимназій“. Замѣчательные успѣхи этихъ ученицъ свидѣтельствуютъ, по словамъ профессора, что классическое образованіе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ могло бы доставлять небогатымъ семействамъ наставницъ, которыя сумѣли бы замѣнить собою, въ домашнемъ воспитаніи и для приготовленія въ учебныя заведенія, мужской персоналъ, и дорогой, и рѣдкій, и не всегда благонадежный; а съ другой стороны, „живымъ примѣромъ доказываютъ, что изученіе древнихъ языковъ въ объемѣ гимназическаго курса вовсе не представляетъ для учащагося юношества какихъ-то непреодолимыхъ трудностей, какъ въ этомъ желаютъ увѣрить лица, или незнакомыя съ классическимъ образованіемъ, или почему-либо другому ему не сочувствующія“¹⁾.

¹⁾ Гимназія г-жи Фишеръ не входитъ въ общую отчетность объ испытаніяхъ зрѣлости. Работы ея ученицъ до такой степени изумили иностранцевъ на послѣдней Парижской выставкѣ, что не забыты были и впоследствии. Парижскій корреспондентъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, сообщая о предположеніяхъ по устройству во Франціи женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній на подобіе лицеевъ, прибавляетъ: „Вы видите, что учебный курсъ менѣе обширенъ, чѣмъ курсъ русскихъ женскихъ гимназій, ибо *отъ него не входятъ древніе языки*“ (*Ж. М. Н. Пр.*, мартъ 1880 г., стр. 78). Г-жа Фишеръ удостоилась на выставкѣ почетной и рѣдко назначаемой награды, званія *officier de l'Académie*.

О письменныхъ работахъ по древнимъ языкамъ за 1881 г., г. Ивановъ представлялъ отзывъ вообще одобрительный; лучшими онъ считалъ работы учениковъ 4-й и 5-й Московскихъ гимназій и Лазаревскаго института; по его отзыву, онѣ отличались „высотой требованій и точностью отмѣтокъ“ со стороны преподавателей, а также ровностью познаній, обнаруженныхъ писавшими. Изъ провинціальныхъ гимназій Костромская обратила особенное его вниманіе; тамъ ошибки по латинскому языку почти исключительно фразеологическія и въ греческихъ замѣтна твердость въ этимологіи, не чувствуется только различія между *imprf.* и *aorist.* для обозначенія *actionis infectae* и *perfectae*. Въ работахъ прочихъ гимназій онъ указываетъ, однако, случаи слишкомъ высокой оцѣнки, излишняго снисхожденія, старанія оправдывать или извинять ошибки экзаменуемыхъ, въ ихъ переводахъ значительное число ошибокъ не поправленныхъ и даже не отмѣченныхъ, забвеніе нѣкоторыхъ требованій, установленныхъ правилами объ испытаніяхъ. Замѣчанія профессора побудили попечительскій совѣтъ округа подтвердить всѣмъ директорамъ гимназій, что министерскій циркуляръ отъ 28 апрѣля 1881 г. за № 5196, предлагая новый способъ оцѣнки знанія учениковъ—совокупностью результатовъ, какъ письменнаго, такъ и устнаго отвѣтовъ,—оставляетъ во всей силѣ прочіе параграфы изданныхъ правилъ объ испытаніяхъ, а потому всѣ условія, указанныя въ означенныхъ правилахъ, должны быть съ точностью соблюдаемы.

Экстраординарный профессоръ Шварцъ, разсматривавшій латинскія и греческія экстемпоралии того же учебнаго округа за 1884 г.¹⁾ нашелъ результаты испытаній вообще удовлетворительными; въ большинствѣ случаевъ молодые люди, удостоенные аттестата зрѣлости, писали довольно смѣло, самоувѣренно и выказали достаточное знакомство съ этимологіей и синтаксисомъ, въ особенности со строемъ латинской рѣчи и съ ея отличіями отъ русской, хотя и попадаются непріятно дѣйствующія на читающаго ошибки, въ родѣ *morietur* и столь же часто встрѣчающагося невѣрнаго сочетанія словъ *unus ex perfugatis*, но эти описки профессоръ относитъ къ возбужденному состоянію экзаменуемыхъ, вниманіе которыхъ было развлечено другими оборотами рѣчи, представлявшими, по видимому, болѣе трудно-

¹⁾ Отчетъ о письменныхъ работахъ на испытаніяхъ зрѣлости по Московскому учебному округу за 1880, 1882 и 1883 гг. не были доставлены въ министерство.

сти. Изъ 478 латинскихъ переводовъ, имъ пересмотрѣнныхъ, профессоръ признаетъ 355 несомнѣнно удовлетворительными, неудовлетворительными признаны 41, и 82 работы, за которыя испытательная коммиссія нашли возможнымъ поставить отиѣтку 3, онъ полагалъ бы понизить балломъ; изъ 474 греческихъ переводовъ несомнѣнно удовлетворительными профессоръ считаетъ 360, неудовлетворительными 30, и за 84 работы также полагалъ бы понизить баллъ съ 3 до отиѣтки неудовлетворительной или не вполне удовлетворительной. Большинство случаевъ его разногласія съ испытательными коммиссіями, впрочемъ, по его словамъ, выпадаетъ на долю немногихъ гимназій округа, въ которыхъ вынужденная снисходительность испытательныхъ коммиссій зависѣла или отъ неудачнаго состава выпускнаго класса, или отъ случайной и частной переиѣны преподавателя, а иногда отъ снисхожденія экзаменующаго къ малоспособному ученику, ради его прилежанія и усердныхъ занятій въ продолженіи года.

Темы, заданныя по древнимъ языкамъ въ 1885 г. въ гимназіяхъ Московскаго учебнаго округа, по отзыву того же проф. Шварца, произвели впечатлѣніе въ педагогическихъ кружкахъ, и съ различныхъ сторонъ, отчасти со стороны испытательныхъ коммиссій, подверглись нареканію за чрезмѣрную строгость предъявляемыхъ требованій. Профессоръ Шварцъ съ этимъ мнѣніемъ не соглашается. Воплнѣ соотвѣтствуя темамъ, предлагавшимся въ Московскомъ округѣ въ 70-хъ годахъ, онъ преимущественно направлены были къ повѣрѣ грамматическихъ познаній абитуриентовъ; при твердомъ усвоеніи основныхъ правилъ грамматики, среднихъ способностей ученики могли справиться, и въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно справлялись очень удачно съ предложенною имъ задачею. Чего-либо такого, что могло бы потребовать отъ ученика продолжительныхъ соображеній, въ темахъ не было. Профессоръ выражаетъ желаніе, чтобы подобныя темы чаще задавались на испытаніяхъ зрѣлости. Исполненные переводы выказали весьма ясно нѣкоторые пробѣлы въ преподаваніи, такъ, напримѣръ, во многихъ гимназіяхъ, очевидно, недостаточно были разъяснены учащимся правила грамматики при изученіи временныхъ предложений (при такъ-называемыхъ *cum inversum, priusquam* и *diu* или *quoad*), зависимыхъ предложений косвенной рѣчи и условныхъ періодовъ. За исключеніемъ 5-й Московской гимназіи, Нижегородской и гимназіи г-жи Фишеръ, во всѣхъ прочахъ абитуриенты писали по гречески гораздо лучше, нежели по латыни, и выказали болѣе пониманія строя греческаго языка; и въ примѣненіи

отдѣльныхъ правилъ синтаксиса, и даже въ словорасположеніи, въ греческихъ переводахъ замѣтно болѣе умѣнія, ловкости и навыка, нежели въ переводахъ латинскихъ. Происходитъ ли это отъ того, что многія особенности греческаго языка гораздо яснѣе понимаются русскимъ мальчикомъ, нежели особенности латинскаго языка, или по другимъ причинамъ, проф. Шварцъ не беретъя рѣшить, но считаетъ это вліяніе не нормальнымъ и рекомендуетъ при упражненіи въ переводахъ подбирать такіе примѣры, которые выясняли бы съ большею наглядностью различіе языковъ латинскаго и русскаго ¹⁾. Въ числѣ замѣченныхъ недостатковъ профессоръ указываетъ во многихъ случаяхъ проявляющуюся небрежность и разсѣянность; она выразилась, въ греческихъ работахъ, произвольной разстановкой надстрочныхъ знаковъ (напримѣръ, *Kῶρος* и *Kῶρος*, *ὀὶος* и *οὶος*), въ смѣшеніи 1, 2 и 3 лица глагола; по латыни—въ уклоненіи отъ даннаго текста, въ пропускахъ, пренебреженіи къ пользованію данными вокабулами, въ невѣрномъ перенесеніи въ бѣловой листъ предложеній, правильно переведенныхъ въ черномомъ и т. д. Наболѣе удачными работами по латинскому языку г. Шварцъ считаетъ представленныя женскою гимназіею г-жи Фишеръ, и въ той же гимназіи оказалась, по его мнѣнію, лучшая работа всего учебнаго округа (ученицы Анны Маятъ); очень не дурны и греческіе переводы этой гимназіи; за тѣмъ, особенно хорошими по латинскому языку онъ считаетъ работы, исполненныя въ 6-й, 5-й, 4-й Московскихъ гимназіяхъ, въ Костромской, Рязанской, Смоленской, Ярославской; по греческому языку онъ указываетъ цѣлый рядъ гимназій, которыя не доставили ни одной неудовлетворительной работы (напримѣръ, Московская 4-я, Владимірская, Рязанская, частныя г-жи Фишеръ и Креймана) или крайне незначительный процентъ неудовлетворительныхъ (каковы, напримѣръ, основное отдѣленіе Московской 2-й, 5-я и 6-я гимназіи, Лазаревскій и Нижегородскій институты).

Вышеприведенный обзоръ исполненныхъ работъ обнаружилъ, по словамъ того же рецензента, какъ много еще остается потрудиться нѣкоторымъ гимназіямъ, какъ столичнымъ, такъ и провинціальнымъ, чтобы достигнуть желательнаго высокаго уровня знаній, уже достигнутаго другими школами, въ которыхъ преподаваніе поставлено болѣе

¹⁾ Профессоръ въ этомъ отношеніи рекомендуетъ преподавателямъ, какъ руководство, *D. J. Rothfuchs, Syntaxis ornata, pädagogisch-didaktische Aphorismen zur Methodik des lateinische. Unterrichts. Marburg, 1875, in 4°.*

правильно; но вмѣстѣ съ тѣмъ обзоръ убѣждаетъ, что, за немногими прискорбными исключеніями, ученики правительственныхъ и частныхъ гимназій выказали вполнѣ удовлетворительное знаніе древнихъ языковъ и подтвердили на дѣлѣ добрую славу, установившуюся въ этомъ отношеніи за большинствомъ гимназій Московскаго округа.

Что же касается до работъ постороннихъ лицъ, подвергавшихся испытаніямъ зрѣлости въ томъ же 1885 г., то, по мнѣнію проф. Шварца, три изъ нихъ, исполненныя при 6-й Московской гимназій, при гимн. Рязанской и Тульской, выполнены вполнѣ удовлетворительно, значительное большинство остальныхъ принадлежитъ къ упражненіямъ рѣшительно неудачнымъ; именно, при ихъ чтеніи, можно убѣдиться въ высокомъ преимуществѣ учениковъ гимназій, послѣдовательно и систематически изучавшихъ грамматику древнихъ языковъ и усвоившихъ тѣ познанія, безъ которыхъ вѣрное и точное пониманіе древнихъ авторовъ едва ли возможно. Въ дѣятельности испытательныхъ комиссій, по отзыву г. Шварца, замѣчается все болѣе и болѣе вниманія со стороны отдѣльныхъ членовъ къ исправленію работъ и правильная оцѣнка представленныхъ переводовъ; образцовыми по тщательности и обдуманности отзывовъ, всегда строго согласованныхъ съ правилами объ испытаніяхъ зрѣлости, въ особенности являются рецензіи преподавателей гимназій Московской 5-й, 4-й, 6-й, Костромской, Ярославской, Владимірской и Смоленской.

Ординарный профессоръ Бѣляевъ, разсматривавшій переводы учениковъ гимназій Казанскаго округа за 1879 года, утверждаетъ, что преподаваніе древнихъ языковъ въ означенныхъ гимназіяхъ идетъ вполнѣ удовлетворительно; неудовлетворительны были познанія учениковъ, по обоимъ языкамъ, только въ Симбирской гимназій и въ нихъ, благодаря уже принятымъ мѣрамъ, стало замѣтно нѣкоторое улучшеніе. Въ работахъ остальныхъ гимназій, въ особенности Вятской, Астраханской, 2-й Казанской, профессоръ указываетъ „высокія достоинства, работы образцовыя, не оставляющія почти ничего желать лучшаго“. Всѣ работы учениковъ Астраханской гимназій, по его словамъ, вообще очень хороши, замѣтно въ нихъ, не только основательное знаніе главнѣйшихъ правилъ грамматики, ошибки противъ которыхъ очень рѣдки, но и привычка передавать русскую рѣчь хорошимъ греческимъ и латинскимъ языкомъ, не стѣсняясь буквою даннаго текста. Работы оцѣнивались значительно строже, нежели въ прошломъ; исправленіе работъ въ большинствѣ гимназій очень внимательно и сдѣлано со знаніемъ дѣла, лучше по латинскому языку, нежели по греческому.

Одобривъ работы учениковъ гимназій Казанскаго округа, профессоръ замѣчаетъ, что постороннія лица, подвергавшіеся испытаніямъ въ тѣхъ же гимназіяхъ, во многихъ случаяхъ оказывались „совершенными невѣждами въ древнихъ языкахъ“. Комиссіи относились къ нимъ съ большою снисходительностію.

Тѣ же общіе выводы подтвердили отзывы проф. Доброворскаго, а также приватъ-доцентовъ Гвоздева и Берга о работахъ по древнимъ языкамъ за 1880 и 1881 гг. Симбирская гимназія продолжала оказываться наиболѣе слабою по латинскому языку, а Самарская по греческому.

По отзыву лицъ, разсматривавшихъ греческіе и латинскіе переводы, исполненные въ 1882 году (орд. проф. Бѣляевъ разсматривалъ переводы учениковъ трехъ гимназій г. Казани; исправляющій должность инспектора 2-й Казанской гимназіи Бергъ и инспекторъ 1-й Казанской гимназіи, приватъ-доцентъ мѣстнаго университета Гвоздевъ занимались пересмотромъ работъ, исполненныхъ въ прочихъ гимназіяхъ округа), въ числѣ греческихъ переводовъ учениковъ 1-й и 2-й Казанскихъ гимназій много хорошихъ, которые могли бы быть еще лучше, еслибы въ нихъ выказано было болѣе навыка и умѣнія выражаться по гречески. Лучшее впечатлѣніе производятъ греческіе переводы 2-й Казанской гимназіи; нѣкоторые изъ нихъ написаны вовсе безъ ошибокъ, или съ весьма незначительными погрѣшностями, отличаются весьма удачнымъ подборомъ словъ, чисто греческими оборотами и построеніемъ предложеній; работы учениковъ Вятской и Астраханской гимназій уступаютъ работамъ прежнихъ выпусковъ, но Симбирская обращаетъ на себя вниманіе совершившимся въ ней переворотомъ, и тогда какъ прежде представляла самыя плохіе греческіе переводы, въ 1882 году опередила достоинствомъ работъ гимназіи Саратовскую и Самарскую, въ которыхъ и въ 1882 году преобладала не вполнѣ одобрительная посредственность.

Для перевода на латинскій языкъ въ этомъ году задана была тема изъ средне-вѣковой исторіи: о дѣйствіяхъ Тилли и Густава Адольфа подъ Магдебургомъ. Ученики довольно удачно справились съ нею, хотя ихъ видимо затрудняло обиліе нѣмецкихъ собственныхъ именъ, не встрѣчавшихся имъ прежде въ латинской формѣ. Между исполненными переводами, по свидѣтельству проф. Бѣляева, не мало оказалось такихъ, которые дѣлаютъ честь авторамъ и ихъ преподавателямъ. Въ Симбирской гимназіи изъ 21 перевода оказалось 16 вовсе безъ этимологическихъ ошибокъ и 4 заключавшіе по одной

ошибкѣ; кромѣ одной работы, оцѣненной отмѣткою 2, во всѣхъ остальныхъ въ общей сложности встрѣтилось не болѣе 40 погрѣшностей противъ синтаксиса, у нѣкоторыхъ учениковъ проявлялись болѣе или менѣе удачныя попытки къ построению періодической рѣчи.

Латинскіе переводы, исполненные на испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ Казанскаго учебнаго округа въ 1883, 1884, 1885 г., разсматривалъ ординарный профессоръ Нагуевскій, а греческіе переводы—ординарный профессоръ Бѣляевъ. Въ общемъ результатѣ отзывы означенныхъ лицъ заключаютъ приблизительно тѣ же выводы, какіе приведены выше за предыдущіе годы. Наиболѣе слабыми въ обоихъ древнихъ языкахъ оказались въ 1884 г. ученики гимназій Самарской и Саратовской, а въ латинскомъ языкѣ ученики Вятской гимназіи; излишняя снисходительность въ оцѣнкѣ поставлена на видъ преподавателямъ Казанской 3-й гимназіи въ 1884 г. и въ 1885 г.—преподавателямъ Самарской и Вятской. Въ 1885 г., по отзывамъ рецензентовъ, замѣтно было нѣкоторое возвышеніе успѣшности по греческому языку въ гимназіяхъ 3-й Казанской и Симбирской и болѣе значительное въ Саратовской; лучшими по достоинству греческіе переводы оказались въ гимназіяхъ Астраханской и 2-й Казанской, а латинскіе переводы во всѣхъ трехъ Казанскихъ, въ Симбирской, и большинство латинскихъ переводовъ въ гимназіяхъ Астраханской и Царицынской. Въ Астраханской гимназіи, по отзыву г. Бѣляева, нѣкоторыя работы 1885 г. по греческому языку можно считать образцовыми; во 2-й Казанской всѣ работы въ этомъ году не только исполнены безъ ошибокъ, но и написаны прекраснымъ греческимъ языкомъ, доказывающимъ, что ученики усвоили правила грамматики и поняли духъ языка; греческіе переводы въ остальныхъ гимназіяхъ округа не выше посредственности. По отзыву г. Нагуевского, изъ 9 гимназій округа латинскіе переводы 7-ми гимназій могутъ быть отнесены къ разряду отличныхъ и очень хорошихъ, въ особенности работы учениковъ 2-й Казанской гимназіи; въ нихъ, если и встрѣчаются погрѣшности, то весьма незначительныя (напримѣръ, *ab Attalo Rhodiisque* вм. *Att. et. Rhodiis*, *Aetolis* вм. *Actolis*, *relinquere* вм. *deserere*, *supergate* вм. *vincere*, *finitimi* вм. *propinqui*), въ работахъ, даже оцѣненныхъ отмѣткою 3, бѣольшая часть ошибокъ относится къ фразеологіи, то-есть, къ тѣмъ отдѣламъ языка, которые всего труднѣе усваиваются учениками малоспособными. Замѣтное улучшеніе противъ прежнихъ лѣтъ проявляется въ работахъ по латинскому языку гимназій Вятской, Астраханской и 3-й Казанской;

наиболѣе отсталыми оказываются гимназіи Самарская и Саратовская, хотя и въ первой изъ нихъ уже замѣтно противъ прошлаго болѣе твердое знаніе главныхъ отдѣловъ грамматики. Изъ 22 работъ, представленныхъ этою гимназіею, только 5 свободны отъ ошибокъ этимологическихъ, прочія работы страдаютъ ими очень чувствительно; работы Саратовской гимназіи также изобилуютъ ими, но здѣсь болѣе, чѣмъ въ Самарской, проявляется неустойчивость въ примѣненіи правилъ синтаксиса.

Попечитель Оренбургскаго учебнаго округа въ представленномъ отчетѣ за 1879 годъ указываетъ на затрудненія, еще встрѣчавшіяся къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ мѣстъ по древнимъ языкамъ. Тѣмъ не менѣе, и не смотря на строгія требованія, которыми обставлено учебное дѣло въ гимназіяхъ округа, или вѣрнѣе, благодаря имъ, ученики начали выказывать, за немногими исключениями, основательное знаніе пройденнаго. По греческому языку лучшею гимназіею въ этомъ году оказывалась Екатеринбургская, за нею слѣдовала Оренбургская; прискорбное исключеніе составляла Уфимская гимназія, ученики которой обнаруживали неудовлетворительную подготовку въ низшихъ классахъ и снисходительный переводъ ихъ въ высшіе. Лучшие латинскіе переводы принадлежали ученикамъ Уральской гимназіи; Уфимская и по исправности латинскихъ переводовъ занимала послѣднее мѣсто.

Изъ протоколовъ попечительскаго совѣта, сообщаемыхъ въ отчетахъ по тому же учебному округу, усматривается, что въ слѣдующихъ годахъ, съ 1880 по 1884, лучшими гимназіями по преподаванію латинскаго языка считались Оренбургская, Пермская и Екатеринбургская; въ первой изъ нихъ указывается умѣніе учениковъ передавать прямую русскую рѣчь косвенною латинскою, хотя и здѣсь замѣчаются погрѣшности противъ фразеологіи, употребленія мѣстоименій и логическаго размѣщенія словъ; по другимъ гимназіямъ округа указаны въ латинскихъ переводахъ преимущественно погрѣшности противъ фразеологіи и правилъ синтаксиса, въ употребленіи мѣстоименій, временъ и наклоненій, ошибки лексическія и многіе случаи излишней снисходительности или небрежнаго исправленія представленныхъ работъ. Наболѣе слабою по познаніямъ учениковъ постоянно оказывается гимназія Уфимская.

Изъ греческихъ переводовъ лучшими попечительскій совѣтъ считалъ принадлежащіе гимназіямъ: Пермской, Оренбургской и Екате-

ринбургской, усматривая въ нихъ довольно твердое знаніе этимологіи и синтаксиса, правильное построеніе условныхъ предложеній, правильную постановку удареній, у иныхъ учениковъ даже изящество слога и навыкъ въ выборѣ подходящихъ выраженій, вообще оцѣнку работъ со стороны преподавателей довольно строгую; противоположное впечатлѣніе совѣтомъ вынесено изъ рассмотрѣнія переводовъ Уфимской гимназіи, въ коихъ оказывалось не мало ошибокъ противъ согласованія, постановки удареній, правописанія, противъ образованія времени и управленія предлоговъ. Въ 1881 г. замѣтно было нѣкоторое улучшеніе преподаванія въ этой гимназіи, но въ послѣдующіе годы эти успѣхи не оправдались.

Латинскіе и греческіе экстемиорали за 1885 годъ рассматривалъ окружной инспекторъ Великановъ. По его отзыву, и въ тѣхъ, и въ другихъ замѣтно несомнѣнное улучшеніе въ сравненіи съ предыдущими годами. Изъ 65 представленныхъ переводовъ на латинскій языкъ, болѣе половины (36) оцѣнены отмітками 4 и 5 и только 4 признаны неудовлетворительными, не болѣе 6% общаго ихъ числа во всѣхъ гимназіяхъ округа; оцѣнку онъ считаетъ въ большинствѣ случаевъ вѣрною и справедливою. Въ представленныхъ переводахъ, по его отзыву, грубыхъ ошибокъ противъ этимологіи и синтаксиса почти не встрѣчается и притомъ незначительное число грамматическихъ ошибокъ само по себѣ уже свидѣтельствуетъ о твердомъ усвоеніи курса. Незначительно и число случаевъ неправильнаго расположенія словъ; чаще встрѣчаются погрѣшности противъ стилистики и фразеологіи, неудачный выборъ словъ и оборотовъ рѣчи, мало соотвѣтствующій характеру латинскаго языка, но и въ этомъ отношеніи незначительное число аномалій свидѣтельствуетъ о навыкѣ въ переводахъ съ русскаго на латинскій языкъ и умѣніе пользоваться лексическимъ запасомъ, приобретеннымъ при чтеніи классиковъ. Лучшими переводами онъ считаетъ принадлежащіе ученикамъ гимназій Оренбургской и Екатеринбургской, послѣднее мѣсто по достоинству переводовъ занимаетъ Троицкая гимназія. И въ переводахъ учениковъ Уфимской гимназіи онъ замѣтилъ не только хорошее знаніе грамматики, но также извѣстную степень начитанности въ произведеніяхъ римскихъ классиковъ и достаточный навыкъ въ переводахъ; хотя и встрѣчаются въ нихъ по одной или по двѣ ошибки противъ правилъ синтаксиса и столько же противъ этимологіи, но въ большинствѣ случаевъ незначительныя или, очевидно, происходящія отъ описки, волненія и торопливости (напримѣръ, *Suturnus* вм. *Saturninus*, *broba-*

turum, blebis, glatulabatur вм. probaturum, plebis, gratulabatur). Греческія экстемпораліи обнаруживаютъ еще болѣе успѣха; изъ 65 представленныхъ работъ 41 или 63% оцѣнены высшими отмѣтками 4 или 5 и только 2 признаны неудовлетворительными, и такая оцѣнка соотвѣтствуетъ общему впечатлѣнію, слагающемуся при разсмотрѣніи работъ. Лучшими по качеству изъ представленныхъ работъ въ 1885 году онъ считаетъ принадлежащія гимназіямъ Оренбургской и Уральской, наименѣе удачными переводы учениковъ Уфимской и Троицкой; но и въ гимназіи, занимающей послѣднее мѣсто, усматриваетъ успѣшность вполне достаточную, этимологию и главнѣйшія правила синтаксиса считаетъ основательно усвоенными и стилистику удовлетворительною, такъ какъ встрѣчающіяся погрѣшности относительно выбора словъ, оборотовъ рѣчи, употребленія члена, за немногими исключеніями, не принадлежатъ къ числу особенно важныхъ ¹⁾.

Оцѣнка ученическихъ работъ во всѣхъ гимназіяхъ Харьковскаго учебнаго округа въ 1879 г., по свидѣтельству профессора Деллена, была произведена испытательными комиссіями „съ одинаковою благоразумною строгостью“. Большинство работъ оцѣнены отмѣткою 3; въ 7 гимназіяхъ изъ 11, не было вовсе учениковъ, не выдержавшихъ испытаній по древнимъ языкамъ.

Латинскія и греческія экстемпораліи того же округа за 1882 1883 и 1884 гг. разсматривалъ профессоръ мѣстнаго университета Шерцль ²⁾. Въ общемъ выводѣ онъ нашелъ, что греческіе переводы 1882 г. исполнены лучше, нежели латинскіе; въ греческихъ переводахъ ошибки встрѣчаются сравнительно рѣже и даже погрѣшности въ употребленіи удареній не особенно многочисленны, синтаксическія правила по обоимъ языкамъ усвоены учениками удовлетворительно, оцѣнку преподавателей специалистовъ, за немногими ченіями, онъ находитъ весьма точною и справедливою, лучшими гимназіями по обоимъ древнимъ языкамъ считаетъ 1-ю Харьковскую, затѣмъ Тамбовскую и Усть-Медвѣдицкую; въ Новочеркасской гимназіи латинскіе переводы оказались слабыми: въ нихъ замѣтно

¹⁾ Въ 7 переводахъ, представленныхъ Оренбургскою гимназіею, оказывается 7 ошибокъ у 5 учениковъ: ἀπὸ γούρου αορίστ. вм. ἰμπερί, καταδικάζοντα part. p. αοισ. act. вм. part. αοισ. pass., δουράμενοι πολίται, вѣроятно, описка, ἦγευχε вм. ἔφερα, ὁ ἰχάστος, χῆρις вм. χῆρις и членъ вм. относ. мѣстоим.

²⁾ Отчеты по Харьковскому учебному округу за 1880, 1881 и 1885 гг. не доставлены въ министерство.

множество погрѣшностей противъ синтаксиса и этимологіи, отличныхъ работъ почти вовсе нѣтъ и хорошихъ очень немного. Тѣ же самыя замѣчанія онъ относитъ и къ латинскимъ переводамъ Пензенской гимназіи, за тотъ же 1882 г., и такое же впечатлѣніе приблизительно произвели на него работы, исполненныя въ 1883 году. Въ общемъ выводъ онъ ихъ нашелъ по обоимъ древнимъ языкамъ вполне удовлетворительными, средній уровень пріобрѣтенныхъ учениками свѣдѣній по этимологіи и синтаксису онъ считаетъ совершенно нормальнымъ, и въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ выше нормального; въ этомъ отношеніи онъ нашелъ, что по греческому языку особенно выдаются работы учениковъ гимназій 1-й и 3-й Харьковскихъ и Бѣлгородской, по латинскому языку Усть-Медвѣдицкой; работы учениковъ Новочеркасской по прежнему оказались очень слабыми, работы же постороннихъ лицъ, исполняемыя на испытаніяхъ зрѣлости по обоимъ языкамъ, — „ниже всякой критики“. Разсмотрѣвъ подробно и внимательно работы 1884 г., тотъ же профессоръ пришелъ къ заключенію, что въ общемъ выводъ ихъ уровень противъ предыдущаго года нѣсколько понижился; особенно его поразило множество грубыхъ ошибокъ, повторяющихся во многихъ переводахъ учениковъ чуть ли не всѣхъ гимназій Харьковскаго округа; онъ приписываетъ эти ошибки скорѣе непростительной небрежности, нежели незнанію (напримѣръ, *urbes perculti* или *percelsi*, *bellum dilatum* и *dislatam* и др.): въ латинскихъ переводахъ, пишетъ онъ далѣе, этимологическихъ погрѣшностей мало, но важнѣйшія правила синтаксиса, особенно *consecutio temporum*, употребленіе залоговъ и наклоненій, составляютъ для большинства испытуемыхъ камень преткновенія. Въ греческихъ переводахъ, по его отзыву, ошибки въ удареніи встрѣчаются рѣдко, но познанія въ этимологіи и синтаксическій строй въ общемъ выводъ слабы. Какой-нибудь самостоятельности въ оборотахъ и свободы концепціи на этотъ разъ въ письменныхъ работахъ онъ не замѣтилъ. Къ лучшимъ работамъ въ 1884 г. онъ причисляетъ переводы учениковъ гимназій 1-й и 3-й Харьковскихъ (особенно по греческому языку) и Тамбовской (по греческому и латинскому), сравнительно хорошими работами считаетъ переводы Новочеркасской, Пензенской (по обоимъ языкамъ) и Воронежской (особенно по латинскому), работы 2-й Харьковской нашелъ лучше прежнихъ по обоимъ языкамъ.

Доцентъ Новороссійскаго университета Лебедевъ, разсмотрѣвъ латинскія и греческія экстерпориали гимназій Одесскаго округа за

1879 г. замѣтилъ въ нихъ „тѣ же существенныя достоинства, которыя принадлежать сочиненіямъ предыдущаго года“; но, продолжаетъ онъ въ своемъ отзывѣ, если ихъ сопоставить съ переводами, исполненными нѣскольکو лѣтъ назадъ, напримѣръ, въ 1875 г., „нельзя не замѣтить, значительнаго успѣха“. Это улучшение замѣтно, какъ въ лучшихъ переводахъ, такъ и въ работахъ только удовлетворительныхъ, оцѣненныхъ балломъ 3. Въ переводахъ послѣдней категоріи этимологическія ошибки бывали не рѣдки, въ переводахъ послѣднихъ лѣтъ ихъ почти не встрѣчается. Въ экстемпораліяхъ Таганрогской гимназіи ему попадались, правда, нѣскольکو грубыхъ ошибокъ, какъ, напримѣръ, неправильное образованіе отъ глагола *vinco*—*vinci* вмѣсто *vinci*; но, по числу, подобнаго рода ошибки такъ незначительны, что въ общей массѣ переводовъ ихъ слѣдуетъ признавать исключеніями. При равномѣрности достоинствъ, трудно указать гимназіи, которыхъ переводы лучше. Особенное удовольствіе доставило ему чтеніе переводовъ Керченской гимназіи, которые онъ считаетъ „рѣшительно безукоризненными“; Рипельевская и 2-я Одесская съ давняго времени заслужили въ этомъ отношеніи лестную репутацію. Указывая на добросовѣстность рецензій, на аттестацію, производимую съ должною строгостью и безпристрастіемъ, г. Лебедевъ повторяетъ: онъ пять лѣтъ сряду просматривалъ переводы абитуриентовъ Одесскаго учебнаго округа, съ 1875 по 1879 годъ, и считаетъ обязанностью заявить, какъ фактъ — „что преподаваніе древнихъ языковъ въ гимназіяхъ округа сдѣлало замѣтныя успѣхи“.

То же мнѣніе объ удовлетворительномъ состояніи преподаванія древнихъ языковъ, о постоянномъ его улучшеніи, по видимому, раздѣляетъ и доцентъ мѣстнаго университета (впослѣдствіи ординарный профессоръ греческой словесности) Л. Ф. Воеводскій, разсматривавшій переводы, исполненные на испытаніяхъ зрѣлости въ послѣдующихъ годахъ, съ 1880 и по 1885 г. Число переводовъ простиралось ежегодно отъ 200 до 275 по латинскому языку и столько же представляемо было по греческому, не считая письменныхъ работъ, исполненныхъ посторонними лицами. Изъ общаго числа ученическихъ работъ неудовлетворительными признаны въ 1880 году 1 латинскій переводъ и 2 греческіе, въ 1881 г.— 14 латинскихъ и 10 греческихъ, въ 1882 г. 36 и 27, въ 1885 г. 28 и 8.

Оцѣнку испытательныхъ комиссій г. Воеводскій считаетъ справедливою, скорѣе строгою, чѣмъ снисходительною; отмѣтка 3, пишетъ онъ о латинскихъ переводахъ 1880 г.,—ставилась нерѣдко за

такія работы, которыя не заключаютъ въ себѣ ни одной ошибки противъ этимологіи или синтаксиса и страдаютъ только нѣкоторыми, иногда весьма извинительными, фразеологическими погрѣшностями. Если и попадаются случаи снисходительности и выставляется изрѣдка отмѣтка 3 на такихъ работахъ, которыя могли бы казаться неудовлетворительными, то въ этихъ случаяхъ приняты во вниманіе прилежаніе и успѣхи ученика въ теченіе курса или душевное волненіе, естественнымъ образомъ уменьшающее достоинство работъ во время испытаній. Такимъ волненіемъ могутъ быть объяснены описки въ родѣ: *summus* вм. *sumus*, *color* вм. *iga*, (фр. *la colègre*) и т. д. Попадающіяся иногда ошибки противъ фразеологіи, дурной подборъ словъ, несогласный съ настоящимъ ихъ значеніемъ, онъ не считаетъ доказательствомъ недостатка начитанности учениковъ; подобныя погрѣшности возможны и при хорошемъ знаніи латинскаго языка, такъ какъ требуется тутъ, кромѣ знанія, и находчивость, способность быстро припоминать подходящія выраженія, необходимо при томъ же благопріятное настроеніе духа, обыкновенно отсутствующее во время испытаній. Работы по греческому языку ничѣмъ существенно не отличаются отъ переводовъ латинскихъ. Ошибокъ противъ этимологіи и синтаксиса въ нихъ мало, недосмотры въ просодіи попадаютъ не слишкомъ часто, главный недостатокъ сводится къ ограниченности лексическаго знанія и фразеологіи. Есть однако нѣсколько несомнѣнно отличныхъ работъ. Какъ на характеристическій примѣръ усердія и любви, съ которыми изучался греческій языкъ и читались древніе авторы, можно указать на работу ученика Одесской 3-й гимназіи, написавшаго въ видѣ эпиграфа къ своему переводу соотвѣтственное содержанію темы четверостишіе на греческомъ языкѣ, и заключившаго работу греческимъ дистихомъ, въ которомъ извиняется, если работа вышла нескладною.

Въ 1882 году г. Воеводскій замѣтилъ нѣкоторое ухудшеніе въ греческихъ переводахъ Ананьевской и Бишиневской гимназій (19 неудовл.), тѣмъ не менѣе признаетъ, что громадное большинство работъ исполнено удовлетворительно; въ томъ же году и въ тѣхъ же двухъ гимназіяхъ оказалось неудовлетворительныхъ латинскихъ переводовъ 17, во всѣхъ прочихъ гимназіяхъ округа не болѣе 10 (всего 27 изъ представленныхъ 275). Много работъ, пишетъ онъ далѣе въ своемъ отзывѣ, „обнаруживаютъ не только отличное знаніе этимологіи и синтаксиса, но и значительное знакомство съ фразеологією и стилистикой, вообще обнаруживаютъ значительный навыкъ

переводить съ русскаго языка на латинскій. Тема задана была довольно длинная (43 гл. III кн. Ливія), и ни одна работа не осталась не оконченною; одинъ изъ учениковъ Ришельевской гимназіи успѣлъ даже, не болѣе какъ черезъ 1 часъ 10 м. послѣ начала диктовки русскаго текста, представить хорошій латинскій переводъ, переписанный имъ уже на-чисто.

Разсматривая ученическія работы, онъ замѣтилъ, что тѣ изъ нихъ, которыя лучше по содержанію, отличаются вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшимъ почеркомъ и вообще болѣе красивымъ наружнымъ видомъ, и на оборотъ, работы, написанныя небрежнымъ и некрасивымъ почеркомъ, весьма рѣдко удостоиваются хорошей отмѣтки. Въ виду такой связи внѣшней формы съ внутреннимъ содержаніемъ, онъ выразилъ желаніе, чтобы учителя древнихъ языковъ побуждали учениковъ обращать вниманіе и на внѣшнюю сторону исполненія письменныхъ работъ. Въ 1883 г. нѣсколько учениковъ Ришельевской и другихъ гимназій обнаружили особенное усердіе, обозначивъ въ концѣ работы число 11 мая (день, въ который происходило испытаніе) по латыни a. d. V Idus Maias; на вопросъ преподавателя, не слѣдуетъ ли это счесть за ошибку, въ виду того, что 11 мая стараго стиля—23 мая новаго стиля (что по латыни было бы a. d. X Cal. Iun.), г. Воеводскій замѣчаетъ, что тутъ нѣтъ никакой ошибки, такъ какъ римляне употребляли наше лѣтосчисленіе, установленное Юліемъ Цезаремъ. Въ 1884 году онъ указываетъ нѣсколько случаевъ, возбуждавшихъ сомнѣніе въ самостоятельности представленныхъ работъ и соотвѣствующихъ случаю мѣропріятія со стороны испытательныхъ комиссій. О латинскихъ переводахъ 1885 года онъ пишетъ: за исключеніемъ гимназій Мариупольской, Таганрогской и въ особенности Θεодосійской, въ работахъ которой бросается въ глаза замѣчательно скудный запасъ словъ и нетвердое знаніе грамматики, результатъ испытанія во всѣхъ другихъ гимназіяхъ оказывается вполне удовлетворительнымъ. Этимологическія и синтаксическія ошибки встрѣчаются лишь очень рѣдко. Большинство работъ обнаруживаетъ, кромѣ твердаго знанія грамматики, обладаніе значительнымъ запасомъ словъ и оборотовъ и умѣніе пользоваться ими. Недостатки менѣе удачныхъ работъ сводятся главнымъ образомъ къ неудачному подбору словъ ¹⁾.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ попадаетъ орфографическая ошибка оррогеге. Въ числѣ этимологическихъ ошибокъ всего чаще являются неправильно образованныя формы отъ продиктованнаго, рѣдко встрѣчающагося глагола *illicio*,

(впослѣдствіи профессоръ) и Фокковъ. Основываясь на ихъ отзывахъ, попечительскій совѣтъ округа призналъ въ 1879 г. работы учениковъ вообще удовлетворяющими требованіямъ правилъ объ испытаніяхъ и не хуже работъ предыдущихъ лѣтъ, хотя въ нихъ и незамѣтно тѣхъ успѣховъ, которыхъ слѣдовало ожидать отъ учениковъ, пользовавшихся во все время учебнаго курса увеличеннымъ по новому уставу числомъ уроковъ и при большемъ числѣ учителей, основательно подготовленныхъ къ преподаванію. Попечительскій совѣтъ нашелъ необходимымъ сдѣлать это указаніе въ своихъ протоколахъ потому, что въ Кіевскомъ учебномъ округѣ въ недавнее еще время ощущаемъ былъ нѣкоторый недостатокъ въ преподавателяхъ древнихъ языковъ, устраненный только съ первымъ выпускомъ, въ 1878 г., окончившихъ курсъ изъ Нѣжинскаго Историко-филологическаго института. По мнѣнію попечительскаго совѣта, при переходѣ учениковъ изъ IV въ V классъ, по латинскому языку, должна быть твердо усвоена этимологія, отъ учениковъ VI класса слѣдуетъ требовать твердаго знанія синтаксиса и навыка въ правописаніи наиболѣе употребительныхъ словъ. Тогда въ двухъ старшихъ классахъ съ пользою можетъ быть обращено преимущественное вниманіе на чтеніе и толкованіе болѣе трудныхъ авторовъ, на лексическія и стилистическія тонкости латинскаго языка.

Эти указанія попечительскій совѣтъ сообщилъ къ руководству директорамъ гимназій въ 1880 году и повторялъ ихъ въ слѣдующихъ годахъ. Обсуждая работы, исполненныя на испытаніяхъ 1880 года, совѣтъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: хотя по представленнымъ латинскимъ переводамъ не замѣтно, чтобы экзаменовавшіеся съ особенною любовью занимались латинскимъ языкомъ, чтобы они вчитались въ авторовъ, усвоили себѣ тонкости латинской рѣчи, но съ основными правилами грамматики и съ обыкновенною фразеологіей они достаточно ознакомились, и въ этомъ отношеніи переводы мало заключаютъ погрѣшностей. Лучшими по успѣхамъ оказались въ этомъ году гимназіи Нѣжинская, Кіевская 1-я, Житомирская и Немировская; въ Черниговской гимназіи слишкомъ снисходительная оцѣнка переводовъ испытательною комиссіею свидѣтельствуетъ, по мнѣнію совѣта, о невысокомъ уровнѣ знанія ея учениковъ. По греческому языку большинство письменныхъ работъ доказываютъ достаточное усвоеніе учащимися правилъ просодіи и этимологіи, ошибки противъ правилъ синтаксиса, какъ и въ прежніе годы, попадаютъ нерѣдко; къ сожалѣнію, встрѣчаются отдѣльныя

работы, признанныя испытательными комиссіями удовлетворительными и даже хорошими, съ крупными ошибками противъ правилъ объ удареніяхъ и придыханіяхъ, въ спряженіяхъ глаголовъ и даже въ склоненіяхъ именъ и мѣстоименій. Наименѣе удовлетворительными оказались переводы учениковъ Черниговской и въ особенности Новгородсѣверской гимназій, оцѣнку ихъ работъ слѣдуетъ признать не въ мѣру снисходительною. Въ 1881 г. попечительскій совѣтъ замѣтилъ въ латинскихъ переводахъ улучшение: процентъ работъ слабыхъ весьма былъ не великъ; работъ хорошихъ оказалась половина и не мало работъ, исполненныхъ безукоризненно. По греческому языку, напротивъ, большинство письменныхъ работъ не свободны были отъ ошибокъ не только синтаксическихъ, но даже этимологическихъ или просодическихъ; въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, какъ, на примѣръ, въ Киевской 2-й, уровень познаній учениковъ оказался ниже въ сравненіи съ предыдущими годами, оцѣнку работъ совѣтъ признавалъ въ большинствѣ случаевъ снисходительною, а въ Киевскихъ 1-й и 2-й гимназіяхъ нашелъ, что эта снисходительность переступила должную мѣру; исключеніе въ этомъ отношеніи, по свидѣтельству попечительскаго совѣта, составляетъ только одна Нѣжинская гимназія. Въ слѣдующемъ 1882 году греческіе переводы оказались болѣе исправными, по заключенію того же совѣта; они вообще обнаружили достаточное знакомство съ просодією, этимологією, синтаксисомъ и съ лексическимъ матеріаломъ языка; лучшіе переводы представлены были коллегіей Галагана, гимназіями Нѣжинскою, Полтавскою и Киевскою 3-ю, и по латинскому языку знаніе грамматики признано удовлетворительнымъ, выражено желаніе, чтобы проявлялось болѣе стилистической правильности, чтобы переводы были болѣе проникнуты духомъ латинскаго языка, по крайней мѣрѣ принадлежащіе лучшимъ ученикамъ. Въ слѣдующемъ 1883 г. такое же улучшение обнаружено въ греческихъ переводахъ, но латинскіе переводы оказались неудачными: даже въ признанныхъ испытательными комиссіями за удовлетворительные встрѣчались нерѣдко грубыя ошибки противъ правилъ этимологіи и синтаксиса, непростительныя для учениковъ, оканчивающихъ полный гимназическій курсъ.

Въ Киевскомъ учебномъ округѣ съ давняго времени установился обычай назначать по тому же предмету для производства письменныхъ испытаній одну общую тему для четырехъ или пяти гимназій, другую тему для остальныхъ гимназій округа; въ 1881 году попечительскій совѣтъ признавалъ полезнымъ, для болѣе правильной поста-

новки учебнаго дѣла, вовсе отказаться отъ права назначать темы и задачи, предоставленнаго ему § 52 правилъ объ испытаніяхъ, и поручить ихъ выборъ и назначеніе педагогическому совѣту каждой гимназіи по его усмотрѣнію. Неудобство этого новаго порядка вскорѣ обнаружилось, и въ протоколы того же попечительскаго совѣта занесены слѣдующія указанія: въ 1883 г. предложенныя ученикамъ темы по греческому языку оказались далеко не одинаковы по степени трудности во всѣхъ гимназіяхъ; такъ, самый легкій для перевода и незначительный по объему текстъ заданъ былъ въ Черниговской, въ текстѣ Кіевской 2-й гимназіи замѣтно стараніе, по возможности, меньше провѣрить экзаменующихъ на счетъ ихъ навыка въ передачѣ синтаксическихъ особенностей греческаго языка: чуть ли не всѣ предложенія можно передать простою рѣчью и изъяснительнымъ наклоненіемъ; текстъ Нѣжинской гимназіи обнаруживаетъ желаніе дать ученикамъ случай показать свое знакомство не только съ орографіею и этимологіею, но и съ синтаксисомъ, только въ русскомъ текстѣ этой темы замѣтно неумѣніе передавать греческіе обороты соотвѣтственными русскими.

Въ 1884 году переведенные учениками гимназій 14 текстовъ оказались не равны между собою, ни по размѣрамъ, ни по характеру; наиболѣе увѣренности въ своихъ ученикахъ обнаружили преподаватели Кіевской 1-й и Нѣжинской гимназій, а равно и коллеги Павла Галагана; сравнительно проще тексты Полтавской, Новгородсѣверской, Кіевской 2-й, Немировской и другихъ гимназій; легче другихъ для перевода назначены были тексты въ Житомирской, Лубенской, Прилукской и Каменецъ-Подольской.

По свидѣтельству того же попечительскаго совѣта, въ 1885 году темы для переводовъ на греческій языкъ были предложены весьма разнообразныя: у учениковъ одной гимназіи переводъ занимаетъ болѣе 50 строкъ, у другихъ—около 20, а въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ онъ немногимъ болѣе 10 строкъ; при диктовкѣ словъ въ предложеннымъ текстамъ, въ одной гимназіи предполагались неизвѣстными такія вокабулы, какъ владѣю, расхищаю и т. под., другому же составу экзаменующихся не дано почти-что никакихъ лексическихъ вспомоствованій при русскомъ отрывкѣ; въ одномъ изъ предложенныхъ текстовъ почти нѣтъ распространенныхъ подчиненныхъ предложений, тогда какъ въ другихъ находится изрядное количество періодическихъ словорасположеній; одни изъ составителей русскаго текста выполняли обычныя требованія правильной русской рѣчи, другіе же на-

прасно старались освободить свою рѣчь отъ греческихъ конструкцій. Кромѣ того, встрѣчаются даже русскіе тексты съ нерусскою конструкціею, иногда столь неудачно редактированные, что ученики затруднялись въ пониманіи ихъ смысла.

Сравнивая латинскіе переводы 1884 г. съ письменными работами предыдущихъ 2 или 3 лѣтъ, попечительскій совѣтъ, какъ видно изъ представленныхъ протоколовъ, не находитъ въ нихъ ни замѣтнаго улучшенія, ни особой перемѣны къ худшему: погрѣшности противъ элементарныхъ правилъ латинской грамматики встрѣчаются почти у всѣхъ учениковъ, съ тою только разницею, что въ лучшихъ работахъ погрѣшности являются въ видѣ исключеній, а среднія и слабыя работы испещрены ими сплошь и рядомъ. При томъ положеніи, которое занимаетъ латинскій языкъ въ курсѣ гимназій, при семи, восьми урокахъ въ недѣлю въ классѣ, требованія по этому предмету отъ оканчивающихъ курсъ должны быть, по мнѣнію совѣта, значительно возвышены, работы на испытаніяхъ зрѣлости должны быть не только свободны отъ ошибокъ противъ элементарныхъ правилъ грамматики, но и выражать большее или меньшее знакомство съ образцовою рѣчью читанныхъ классиковъ; здѣсь можно требовать знанія стилистики и лексикологии латинскаго языка. Одна изъ главныхъ причинъ низкаго уровня преподаванія въ гимназіяхъ округа лежитъ, по мнѣнію совѣта, въ постановкѣ обученія латинскому языку въ низшихъ классахъ. Преподаватели этихъ классовъ часто передаютъ учениковъ въ старшіе классы далеко не съ тою подготовкой, какой можно требовать при серьезномъ и правильномъ обученіи. И преподаватели старшихъ классовъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, съ такими учениками не въ состояніи поставить свой предметъ на должную высоту. Что же касается до греческихъ переводовъ, то какъ ни велико въ нихъ число этимологическихъ и синтаксическихъ ошибокъ и какъ ни разнообразны онѣ, но почти во всѣхъ гимназіяхъ есть работы дѣйствительно хорошія, а во многихъ даже такія, которыя совершенно свободны отъ ошибокъ въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Лучшею гимназіею округа по преподаванію латинскаго языка, рѣзко выдѣляющеюся изъ общаго уровня, совѣтъ признаетъ Нѣжинскую, лучшими по греческимъ переводамъ — Нѣжинскую, Кіевскую 1-ю и коллегію Павла Галагана.

По Виленскому учебному округу, въ своемъ отчетѣ объ испытаніяхъ зрѣлости за 1879 годъ, окружной инспекторъ Фелицинь

представилъ полный списокъ всѣхъ ошибокъ, встрѣчающихся въ латинскихъ переводахъ того же года: общее число всѣхъ письменныхъ работъ простиралось до 128; ошибокъ противъ орфографіи оказалось 62 въ 57 работахъ (въ томъ числѣ часто встрѣчающееся сокращеніе именъ—*Magus*, *Manlius* въ *M'*); противъ этимологіи—41 ошибка въ 26 переводахъ; менѣе удовлетворительнымъ представляется соблюденіе правилъ синтаксиса, но и въ этомъ отношеніи большинство экзаменованныхъ не сдѣлало въ своихъ переводахъ болѣе 1 или 2 ошибокъ. Что же касается до лексикологіи, синонимики и фразеологіи, то, по мнѣнію рецензента, желательно было бы въ этомъ отношеніи нѣкоторое улучшеніе. „Красота рѣчи“, пишетъ онъ въ своемъ отзывѣ,—„много теряетъ отъ употребленія слова не въ истинномъ (точномъ) его значеніи“. Лучшими переводами оказались работы учениковъ гимназій Виленской, Витебской и Могилевской. Греческіе переводы, въ качественномъ отношеніи, стоятъ еще выше: всѣ абитуриенты безъ исключенія въ 1879 г. выдержали удовлетворительно испытанія по этому предмету, неудовлетворительныхъ работъ вовсе не оказалось. По отзыву разсматривавшаго ученическія работы директора Виленской гимназіи Болвановича, ошибокъ противъ этимологіи въ нихъ насчитывалось 23 въ 19 работахъ, 104 перевода совершенно отъ нихъ были свободны; неправильныя ударенія попадались въ 33 работахъ, орфографическія ошибки по одной въ 21 переводѣ; въ 123 переводахъ не было ни одного пропуска, который указывалъ бы на незнаніе того или другаго слова, соответствующаго русскому тексту; знаніе главныхъ правилъ синтаксиса и стилистическая сторона также признаны весьма удовлетворительными.

Въ слѣдующихъ 1880—1885 гг. латинскіе переводы просматривали окружные инспекторы Фелицинъ (за 1880 г.) и Бѣлецкій (1884 и 1885 гг.), преподаватель Витебской гимназіи Зембергъ (1881 и 1882 гг.), греческіе—директоръ Виленской гимназіи Болвановичъ и окружный инспекторъ Бѣлецкій (послѣдній въ 1884 и 1885 гг.).

Значительнаго измѣненія въ уровнѣ познаній учениковъ они не замѣтили. Погрѣшности противъ правописанія и этимологіи въ латинскихъ переводахъ были немногочисленны, и могутъ быть отчасти объяснены случайною разсѣянностью (*oportet* вм. *oportet*, *conscriptas* вм. *conscriptas*, *ducobus* вм. *duobus*, *tegro* вм. *tergo*, *videte* вм. *videtis*, *latero* вм. *latere* и т. п.); чаще встрѣчались ошибки противъ правилъ синтаксиса, по согласованію, по управленію падежей, по

бирать формы глаголовъ, соотвѣтствующія требованіямъ русскаго текста и правиламъ греческаго синтаксиса.

Профессоръ Мѣржинскій, разсматривавшій латинскіе и греческіе переводы учениковъ 10 гимназій Варшавскаго учебнаго округа въ 1879 году, представилъ въ попечительскій совѣтъ одобрительные отзывы о работахъ учениковъ 3-й, 4-й, 5-й Варшавскихъ гимназій, Калишской, Люблинской и Сувалской; такъ, напримѣръ, онъ пишетъ о работахъ по греческому языку учениковъ 3-й гимназіи: „ошибокъ противъ удареній очень мало, крупныхъ этимологическихъ нѣтъ, синтаксическихъ я также не нашелъ, пропусковъ очень мало“. Профессоръ присутствовалъ на испытаніяхъ въ означенной гимназіи, „самъ экзаменовалъ всѣхъ учениковъ, убѣдился въ твердомъ знаніи ими грамматическихъ правилъ“, и свидѣтельствуеетъ, что преподаваніе греческаго языка во всѣхъ классахъ ведется хорошо.

Напротивъ, тотъ же рецензентъ признаетъ латинскіе переводы 1-й Варшавской гимназіи не вполне удовлетворительными, указываетъ въ нихъ недостатки лексическаго знанія и фразеологіи, ошибки этимологическія и нерѣдкія въ построеніи предложеній. Еще менѣе удовлетворительными ему показались греческіе и латинскіе переводы Ломжинской гимназіи; въ исправленіи переводовъ преподавателями означенной гимназіи и въ ихъ рецензіяхъ профессоръ Мѣржинскій замѣтилъ крайнюю небрежность и „легкомысленное отношеніе къ столь важному дѣлу, какъ испытанія зрѣлости“.

Экстраординарный профессоръ по кафедрѣ греческой словесности, протоіерей Дьячанъ разсматривалъ переводы остальныхъ 8 гимназій того же учебнаго округа. Въ латинскихъ переводахъ, за исключеніемъ четырехъ изъ нихъ, во всѣхъ онъ замѣтилъ достаточное ознакомленіе съ этимологіей; но во всѣхъ гимназіяхъ, хотя и не въ одинаковой степени, усмотрѣлъ недостатки въ примѣненіи правилъ синтаксиса и въ употребленіи мѣстоименій, предлоговъ и союзовъ. Греческіе переводы 6-й и Сѣдлецкой гимназій, не смотря на нѣкоторыя погрѣшности, по его мнѣнію, вполне удовлетворяютъ требованіямъ устава; работы по тому же предмету Холмской гимназіи обнаруживаютъ слабое знаніе главныхъ правилъ синтаксиса; а работы Плоцкой и Бѣльской, сверхъ того, не вполне удовлетворительное знаніе словоударенія и этимологіи. Присутствуя лично на испытаніяхъ по греческому и латинскому языкамъ во 2-й и 6-й Варшавскихъ гимназіяхъ, профессоръ вполне убѣдился въ хорошихъ познаніяхъ уче-

что уровень познаній по греческому языку несравненно выше, чѣмъ по латинскому. Орѳографія, этимологія и синтаксисъ греческаго языка оказываются усвоенными гораздо полнѣе и сознательнѣе, грубыя ошибки встрѣчаются гораздо рѣже и только въ работахъ, признанныхъ неудовлетворительными, ошибки противъ правилъ синтаксиса заключаются преимущественно въ неправильномъ употребленіи падежей, а также видовъ глагола, залоговъ и наклоненій.

Въ 1885 году наименѣе удовлетворительные переводы представили по латинскому языку Радомская и Маріампольская гимназіи, по греческому Кѣлецкая и Ломжинская.

Въ 1883 году послѣдовалъ первый выпускъ учениковъ изъ Ташкентской гимназіи, открытой въ 1878 г. въ составѣ приготовительнаго, I-го и II-го классовъ. Изъ 5 учениковъ, окончившихъ курсъ въ означенномъ году, только 3 удостоены аттестата зрѣлости, и ихъ работы по древнимъ языкамъ оказались весьма слабыми; въ 1884 году всѣ подвергавшіеся испытаніямъ 8 учениковъ удостоены аттестата зрѣлости, но въ ихъ латинскихъ переводахъ указывалось на признаки недостаточнаго знакомства со стилистикой, съ синонимикою, съ важнѣйшими правилами синтаксиса и даже на грубыя этимологическія ошибки; по греческому языку рецензенты находили въ нихъ также довольно значительное число этимологическихъ ошибокъ и невѣрныхъ удареній. Въ греческихъ переводахъ, исполненныхъ въ 1885 году, ошибокъ грамматическихъ, противъ правилъ этимологій и синтаксиса, встрѣчается уже не много; латинскіе переводы оказались также удачнѣе предыдущаго года.

Изъ отчетовъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа за 1884 и 1885 гг. усматривается, что въ гимназіяхъ округа работы на испытаніяхъ изъ латинскаго языка, отмѣченныя 5 и 4 баллами, исполнены хорошо и отличаются точнымъ выборомъ словъ, знаніемъ требуемыхъ переводомъ оборотовъ и умѣніемъ сочетать слова въ правильномъ расположеніи. Затѣмъ работы, отмѣченныя 3 баллами, свидѣтельствуютъ объ удовлетворительномъ знаніи латинской этимологіи, но страдаютъ въ фразеологическомъ отношеніи, а иногда и ошибками противъ правилъ синтаксиса. Что же касается работъ, отмѣченныхъ 2 и 1 балломъ, то таковыя не могутъ быть признаны удовлетворительными. Какъ примѣры ошибокъ грамматическихъ и фразеологическихъ, встрѣчающихся въ ученическихъ работахъ, приведены слѣдующія: *puella* вмѣсто *virgo*, *stipendium* вм. *merces*,

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Неаполь $\frac{9\text{-го}}{31\text{-го}}$ мая.

Италянское географическое общество.—Санитарныя условія Рима.—Малая смертность.—Ближайшія окрестности (Кампанья).—Неаполь.—Обсерваторія на Везувіѣ.—Проф. де Лука.—Обсерваторія и лечебное заведеніе на Сольфатарѣ.—Поездка на о. Искію.—Рѣзкое различіе температуры воды залива.—Ея причина.—Множество зеленн на Искіи.—Слѣды землетрясенія въ Казамичіолѣ.—Объемъ разрушенія.—Университеты въ Италіи.—Статистическія свѣдѣнія.—Большіе и малые университеты.—Туринъ и Неаполь, какъ крайніе типы первыхъ.—Колебаніе числа студентовъ въ послѣдніе 30 лѣтъ.—Преобладаніе юристовъ и медиковъ.

Въ томъ же старинномъ іезуитскомъ зданіи, Collegio Romano, гдѣ помѣщено метеорологическое учрежденіе, находится и Италянское географическое общество. Оно, слѣдовательно, какъ и наше, пользуется помѣщеніемъ отъ казны, между тѣмъ какъ наиболѣе богатые географическія общества Лондонское и Парижское помѣщаются въ собственныхъ домахъ, а всѣ остальные—въ нанятыхъ квартирахъ. Не смотря на свое недавнее основаніе, общество имѣетъ довольно большую бібліотеку, доступную, конечно, и иностраннымъ ученымъ, пріѣзжающимъ въ Римъ.

Сообразно нынѣшнимъ стремленіямъ Италіи, географическое общество обращаетъ наибольшее вниманіе на Африку, особенно на страны близъ Краснаго моря; затѣмъ вопросы объ изслѣдованіи сѣверныхъ и южныхъ полярныхъ странъ также много занимали общество, благодаря двумъ выдающимся его членамъ, Х. Негри (Negri) и лейт. Бове (Bove). Первый, извѣстный ученый и государственный человѣкъ, дѣйствовалъ словомъ и печатью, второй принималъ участіе въ экспе-

диции Норденшюльда вокругъ Сибири и нѣсколько лѣтъ жилъ въ Южной Америкѣ для организаціи экспедиціи къ южному полюсу.

Италянскому географическому обществу посчастливилось въ выборѣ секретаря: уже нѣсколько лѣтъ эту обязанность исполняетъ проф. Делла Ведова. Бывшіе на географическомъ конгрессѣ въ Венеціи могутъ засвидѣтельствовать, какъ онъ потрудился для успѣха этого дѣла, и ему же общество обязано дѣльными обзорѣніями географическихъ работъ, помѣщаемыхъ въ журналѣ (*Bolletino*) общества. При мнѣ оно не имѣло засѣданій, и вообще во время моего пребыванія въ Римѣ отсутствовали многія лица, которыхъ мнѣ нужно было видѣть. Это зависѣло отъ того, что во Флоренціи начались празднества по поводу освященія фасада собора *S. Maria della Grazia*, а въ Венеціи—большая художественная выставка. Иные впрочемъ, были не во Флоренціи и Венеціи, а въ своихъ имѣніяхъ, куда въ Италію ѣздятъ обыкновенно два раза въ годъ, весной и осенью, проводя зиму и лѣто въ городахъ. Изъ Рима однако на лѣто, особенно же съ іюля по сентябрь, уѣзжаютъ всѣ, кто только можетъ, боясь маляріи (*malaria*), иначе сказать—лихорадокъ. Городъ пустѣетъ лѣтомъ даже болѣе нашихъ городовъ. Если засѣданія парламента затягиваются до половины іюня, то ихъ приходится закрыть за отсутствіемъ законнаго числа депутатовъ; затѣмъ уѣзжаютъ министры и всѣ сколько-нибудь крупныя должностныя лица; остаются лишь мелкіе чиновники для управленія текущихъ дѣлъ. Въ отличіе отъ нашей дачной жизни, римская *villegiatura* не сосредоточивается близъ города: живутъ не ближе 30 верстъ отъ него, такъ какъ лишь на такомъ разстояніи начинаются горы и воздухъ здоровъ. Равнина или Кампанья вокругъ Рима считается гораздо нездоровѣе самаго города.

Въ послѣднее время однако стало все чаще слышаться мнѣніе, что Римъ совсѣмъ не такой нездоровый городъ, какъ обыкновенно говорятъ, и что даже путешественники, при нѣкоторой осторожности, могутъ посѣщать его лѣтомъ. Я обратился къ своимъ римскимъ знакомымъ, которые посоветовали мнѣ посѣтить лучшаго знатока этого дѣла, директора госпиталя Св. Духа (*Santo Spirito*) уже давно занимающагося изслѣдованіями по статистикѣ смертности и болѣзненности Рима. Оказывается, что смертность въ Римѣ не велика; въ 1861—1870 годахъ, то-есть, за послѣднее десятилѣтіе папскаго Рима, она была 26 на тысячу, а въ 1871—1880 гг., то-есть, за первое десятилѣтіе Рима столицы Италіи, она уменьшилась до 22 на тысячу жителей, то-есть, приблизительно такая же какъ въ Лондонѣ, гораздо менѣе чѣмъ въ

Берлигѣ, Вѣнѣ, и особенно въ Будапештѣ (гдѣ она 40,6 на тысячу) и Петербургѣ. Причина малой смертности въ Римѣ, по мнѣнію моего собесѣдника—обиліе прекрасной родниковой воды, проведенной древними римлянами. Поэтому здѣсь рѣдки болѣзни желудка и кишечнаго канала, столь частыя и опасныя на югѣ тамъ, гдѣ нѣтъ хорошей воды.

Самая распространенная болѣзнь въ Римѣ — лихорадка, но она рѣдко смертельна. Самый худшій мѣсяць—августъ, затѣмъ июль и сентябрь. Мѣсяцы, когда болѣзней и смертности всего менѣе, — май и июнь. Поэтому путешественники правы, набѣгая ѣздить въ Римъ въ июлѣ и особенно въ августѣ, но неправы, выѣзжая оттуда уже въ началѣ мая. Конецъ весны — лучшее время въ городѣ, гдѣ, по крайней мѣрѣ по окраинамъ, много садовъ и растительности. Въ это время все зелено и въ цвѣту, нѣтъ холодныхъ вѣтровъ (gragnone) и ненастья, столь частаго зимой и въ началѣ весны, а жара еще далеко не тяжела.

Самые нездоровыя мѣста въ Римѣ не густо застроенныя, а напротивъ того, окраины города, мѣста близъ развалинъ, виноградники и т. д.; особенно, до послѣдняго времени нездоровы были мѣста по сосѣдству съ Тибромъ. Осенью, зимой или весной бывають разливы; затѣмъ вода застаивается, и развиваются микроорганизмы, производящіе лихорадку; мой собесѣдникъ отзывался съ большою похвалою о томъ, что сдѣлано въ послѣднее время для оздоровленія города. Особенно важны постройки набережныхъ вдоль Тибра, стоимость которыхъ исчислена въ 200 милліоновъ франковъ, проведеніе новыхъ водопроводовъ и постройка новыхъ кварталовъ города по всѣмъ правиламъ гигиены. Что это послѣднее справедливо, доказывается, по мнѣнію моего собесѣдника, тѣмъ, что въ новомъ кварталѣ Рима, близъ Via Nazionale, смертность всего 11 на тысячу, то-есть, менѣе чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ и Америкѣ. Цифра эта показалась мнѣ столь малою, что я невольно усумнился въ ея вѣрности. Дѣло разъяснилось слѣдующимъ образомъ. Римскій врачъ-статистикъ бралъ среднюю смертность за 10 лѣтъ и относилъ ее къ населенію въ концѣ десятилѣтія. Если населеніе быстро растетъ, что и происходитъ теперь въ Римѣ, то такимъ способомъ, конечно, получается смертность менѣе дѣйствительной. Но въ Римѣ населеніе не только быстро растетъ, но этотъ ростъ распределяется очень неравномѣрно. Въ бывшемъ еврейскомъ кварталѣ (Ghetto) оно уменьшилось, въ кварталахъ около Корсо, Пантеона и т. д. увеличилось незначительно,—за

такъ что я успѣлъ еще повидаться съ нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣтить физическій кабинетъ Римскаго технологическаго института. Это заведеніе со своими садами занимаетъ очень обширное пространство въ восточной части города, около извѣстной церкви S. Pietro in Vincoli; въ садахъ находятся термы Тита, и они доходятъ до самаго почти Колизея, отдѣляясь отъ него лишь улицей. Замѣчательны работы проф. Пизатти (Pissatti) по провѣркѣ закона тяжести. Для этого имъ построены весьма остроумные инструменты; построены они въ механической мастерской заведенія, такъ какъ въ Италіи, а особенно въ Римѣ, нѣтъ частныхъ мастерскихъ, способныхъ исполнить подобныя работы. Любопытны между прочимъ вѣсы, на которыхъ можно взвѣшивать до одного килограмма съ точностью до миллиграмма и производить всю сложную работу такого взвѣшивания посредствомъ одного винта.

По отъѣздѣ изъ Рима я провелъ нѣсколько дней въ Неаполѣ и его окрестностяхъ. Сильныя землетрясенія и вулканическія изверженія вблизи этого города побудили къ устройству нѣсколькихъ сейсмическихъ обсерваторій. Первая изъ нихъ была устроена проф. Пальміери на склонѣ Везувія и до сихъ поръ находится подъ его руководствомъ. Въ послѣдніе годы теоріи магнитаго ученаго подверглись рѣзкой критикѣ со стороны иныхъ специалистовъ, но за нимъ все-таки остается честь, что онъ первый сталъ изслѣдовать эти явленія не наѣздомъ, во время и послѣ землетрясеній и вулканическихъ изверженій, а постоянно и посредствомъ точныхъ инструментовъ.

Нашъ генеральный консулъ въ Неаполѣ В. А. Гене, узнавъ, что я собираюсь посѣтить обсерваторію на Везувіѣ, просилъ меня поѣхать съ нимъ, дабы объяснить ему устройство инструментовъ и т. д. Мы такъ и сдѣлали. Къ сожалѣнію, мы не застали проф. Пальміери. Онъ уже старъ и боленъ и рѣдко бываетъ здѣсь. Не застали мы и обоихъ его ассистентовъ, одинъ изъ нихъ былъ въ отпуску, другой отсутствовалъ по неизвѣстной причинѣ. Застали мы лишь старика сторожа (custode), которому поручено веденіе наблюдений. Онъ здѣсь уже давно и имѣетъ достаточное практическое знакомство съ инструментами. По его словамъ, польза наблюдений на обсерваторіи хорошо извѣстна мѣстнымъ жителямъ; они знаютъ, что по крайней мѣрѣ за два дня до изверженія инструменты приходятъ въ движеніе и предупреждаютъ объ опасности. Передъ послѣднимъ большимъ изверженіемъ 1872 года, кромѣ того, высохъ колодезь вблизи обсерваторіи.

имѣть температуру въ 35° , а другая въ 45° . Сюда больные приходятъ для потѣннѣя.

Въ день моего приѣзда, сейсмическіе инструменты обсерваторіи пришли въ значительное движеніе около 3 часовъ вечера. Оказалось однако, что не было и не готовилось никакого вулканическаго изверженія, а произошелъ небольшой обвалъ горы между Неаполемъ и Пучцоли.

Затѣмъ я еще побывалъ въ Казамиччиола на о. Искія, столь известной землетрясеніемъ въ іюлѣ 1883 г. Сюда ходятъ небольшіе пароходы изъ Неаполя; они останавливаются обыкновенно у г. Прочиди (Procida) на островѣ того же имени, у Искія и Казамиччиола на о. Искія. Въ день моей поѣздки была ясная погода, но довольно сильный западный вѣтеръ. Пока мы шли въ защитѣ западнаго берега Неаполитанскаго залива, качки не было, но далѣе началась очень сильная. Передъ выходомъ изъ залива меня поразила разница въ цвѣтѣ воды: въ заливѣ она была ярко-синяя, какъ обыкновенно, а внѣ его зеленая. Переходъ отъ одного къ другому былъ очень рѣзокъ. Различіе цвѣта, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что въ заливѣ вода гораздо теплѣе, чѣмъ внѣ его, и находится значительное количество мелкихъ организмовъ и видѣляемыхъ ими известковыхъ солей. Теплыя соленныя воды обыкновенно бывають окрашены въ синій цвѣтъ, какъ, напримѣръ, воды гольфстрема, при чемъ синій цвѣтъ воды замѣтенъ не только тогда, когда свѣтитъ солнце, но и въ облачныя дни. Особенно памятна мнѣ необычайно синяя вода близъ береговъ Бразиліи, между Бахіей и Пернамбуко, въ ноябрѣ 1874 года. День былъ облачный, солнца не было видно, а цвѣтъ воды былъ темнѣе, чѣмъ когда-либо видѣнный мною на Средиземномъ морѣ. Вскорѣ показалась скалистая Прочида, далѣе зеленая Искія; этотъ островъ рѣзко отличается отъ другихъ мѣстностей въ окрестностяхъ Неаполя, гдѣ зелени не особенно много на горахъ; Искія же вся зеленая, за исключеніемъ очень немногихъ скалистыхъ мѣстъ. Внизу апельсинные и другіе плодовые сады, далѣе по склону идутъ виноградники, выше каштановыя рощи и пастбища. Понятно, что до землетрясенія сюда приѣзжали не только лѣчиться, но и пожить, отдохнуть; здѣсь мѣстность не такъ ярко-красива, какъ близъ Неаполя, но глазъ отдыхаетъ. Волненіе помѣшало нашему небольшому пароходу идти на открытый рейдъ Казамиччиоли. Онъ остановился въ небольшой, но хорошо укрытой бухтѣ, называемой Lago de Vagno. Мѣстечко небольшое, есть сѣрныя воды. Отсюда до Каза-

сказалъ онъ, — „я проведу васъ наядъ по близкой дорогѣ, все подъ гору“. Мы и пошли по тропинкѣ. Оказалось, что мы шли на высотѣ вторыхъ этажей домовъ, разрушенныхъ землетрясеніемъ. Тропинка шла по грудамъ мусора.

Неаполь послѣдній изъ университетскихъ городовъ Италіи, посѣщенныхъ мною. Поэтому закончу нѣсколькими замѣчаніями объ университетахъ въ этой странѣ.

Высшее образованіе въ Италіи въ значительной степени отличается отъ устройства его въ Германіи и странахъ, подражающихъ ей въ этомъ отношеніи, Австро-Венгрія и Швейцарія; отлично оно и отъ французской системы. Затѣмъ во многихъ отношеніяхъ устройство университетовъ довольно близко подходитъ къ устройству нашихъ по уставамъ 1835 и 1863 годовъ. Сходство главнымъ образомъ въ томъ, что не существуетъ гонорара профессорамъ, а лишь плата въ самое заведеніе, и что окончательные экзамены, дающіе права на государственную службу и на занятія либеральными профессіями, производятся въ самихъ университетахъ профессорами, а не особыми экзаменными комиссіями, какъ въ Германіи и Австріи.

Италіанская статистика сдѣлала большіе успѣхи въ послѣднее время и печатаетъ между прочимъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія о высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; послѣднія изъ этихъ свѣдѣній имѣются за 1884—1885 учебный годъ. У насъ такъ мало извѣстно о положеніи высшаго образованія въ Италіи, гдѣ возникли первые изъ европейскихъ университетовъ, что не мѣшаетъ дать о нихъ нѣсколько свѣдѣній.

Всѣхъ университетовъ въ Италіи 21, что конечно, очень много для страны всего въ 30 милліоновъ жителей, и гдѣ, какъ извѣстно, народное просвѣщеніе стоитъ не на особенно высокомъ уровнѣ. Можно замѣтить, что италіанцы, такъ сказать, начали съ конца, то-есть, позаботились сначала объ университетахъ, затѣмъ о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а элементарное обученіе и до сихъ поръ еще очень отстало, особенно въ южной Италіи. Италіанскіе университеты раздѣляются на три класса: правительственные-первоклассные (*universita governative di prima classe*), правительственные-второклассные и свободные (*libere*). Первыхъ университетовъ 11 (Генуа, Туринъ, Павія, Падуа, Болонья, Пиза, Римъ, Неаполь, Палермо, Мессина и Катанія). На эти университеты тратятся болѣе значительныя суммы, и профессора получаютъ болѣе значительное содержаніе, чѣмъ во второклассныхъ университетахъ; послѣднихъ всего шесть (Парма,

Модена, Мачерато, Сиена, Сассари и Кальяри); свободные университеты содержатся на счет областей и городов и не стоят ничего казнѣ; ихъ всего четыре (Феррара, Камерино, Урбино и Перуджия).

Изъ напечатанныхъ далѣе статистическихъ свѣдѣній видно, что всѣ свободные университеты имѣютъ весьма незначительное число студентовъ; не велико оно и въ университетахъ правительственныхъ второго класса. Изъ первыхъ ни одинъ не имѣетъ и 80 студентовъ, а Феррарскій даже менѣе сорока; изъ вторыхъ лишь одинъ университетъ въ Моденѣ болѣе 200; значительно болѣе студентовъ имѣютъ правительственные университеты первого класса: въ 4-хъ изъ нихъ число студентовъ болѣе 1.000, въ Неаполѣ даже болѣе 3.000.

Распредѣленіе университетовъ по странѣ весьма не равномерно; такъ во всѣхъ провинціяхъ бывшаго Неаполитанскаго королевства на материкѣ по берегу Средиземнаго моря одинъ университетъ, переполненный слушателями. А такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ адриатическія провинціи бывшаго Неаполитанскаго королевства очень отдалены какъ отъ Неаполя, такъ и отъ другихъ университетовъ, то уже давно предполагается основаніе университета въ одномъ изъ городовъ этой мѣстности; всего болѣе голосовъ раздаются за Бари, какъ самый значительный городъ этой мѣстности и притомъ занимающій центральное положеніе. Если въ западно-неаполитанскихъ провинціяхъ слишкомъ мало университетовъ, то несомнѣнно въ другихъ частяхъ Италіи ихъ слишкомъ много; очевидно, что Сицилія далеко не нуждается въ трехъ университетахъ, еще менѣе островъ Сардинія со своимъ мало-культурнымъ населеніемъ въ 700.000 жителей, — въ двухъ университетахъ. Слишкомъ велико число университетовъ также и въ части сѣверной и средней Италіи, такъ двѣ провинціи, Умбрія и Мархіи, съ полутора миллионнымъ населеніемъ имѣютъ 4 университета, правда—3 изъ нихъ не правительственные. Всего правильнѣе распредѣленіе университетовъ въ Піемонтѣ, Ломбардіи и Венеціи; каждая изъ этихъ богатыхъ провинцій съ трехмилліоннымъ населеніемъ имѣетъ по одному университету, чего вполне достаточно, но не слишкомъ много.

Обращаясь къ распредѣленію студентовъ по факультетамъ, видимъ здѣсь громадное развитіе прикладныхъ знаній, такъ что на медицинскихъ факультетахъ почти 50% всѣхъ студентовъ, а на юридическихъ 37%, на остальные же два факультета, историко-филологическій (*lettere e filosofia*) и физико-математическій (*Scienze matematiche, fisiche e naturale*), остается менѣе пятой части всѣхъ студентовъ; осо-

бенно мало число студентовъ историко-филологическаго факультета. Всего замѣтнѣе преобладаніе медиковъ въ Болоньи и Павіи, гдѣ ихъ слишкомъ вдвое болѣе, чѣмъ юристовъ. Юристовъ нѣсколько болѣе медиковъ лишь въ двухъ сицилійскихъ университетахъ.

	Распределение по факультетамъ.				Число студентовъ.						
	Юридическій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Медицинскій.	1858—59.	1862—63.	1866—67.	1871—72.	1876—77.	1881—82.	1884—86.
	Въ 1884—85 учебномъ году				%						
Болонья.	28	3	10	59	501	464	460	590	511	761	1150
Генуа.	36	5	10	50	424	200	323	440	388	662	817
Неаполь	43	2	7	48	—	—	2593	4506	2506	3414	3626
Падуа	26	7	22	45	1313	1094	1444	1072	974	915	975
Палермо	44	5	14	37	1119	304	228	231	333	615	964
Павія	22	2	18	59	1267	1173	1055	755	652	763	935
Пиза	32	7	27	34	298	593	1077	503	470	604	616
Римъ	46	6	11	37	879	605	1168	726	559	932	1190
Туринъ.	34	7	15	44	1732	900	1168	1401	1234	1809	2101
Остальные правительственные университеты .	46	0	5	49	2320	1617	1181	1970	957	1414	1485
Свободные университеты	26	0	3	74	340	262	283	303	219	302	271
Всего безъ Неаполя	—	—	—	—	10193	7207	7783	7491	6295	8777	10803
» съ Неаполемъ.	37	4	12	47	(1)	—	10381	11997	8748	12191	14229
Въ факультетахъ: юридическомъ							37	33	38	40	37
историко-филологическомъ							1	1	2	3	4
физико-математическомъ							20	20	14	12	12
медицинскомъ							28	28	32	46	47

На миллионъ жителей въ Италіи приходится 474 студента, то есть, почти столько, какъ въ сѣверной и средней Германіи, гдѣ ихъ приходится 476, и значительно менѣе, чѣмъ въ южной (881). Что касается до измѣненія числа студентовъ въ италіанскихъ университетахъ, то правительственная статистика даетъ свѣдѣнія за 30 лѣтъ. Изъ извлеченія, помѣщеннаго выше, видно, что въ этомъ отношеніи были довольно значительныя колебанія, а именно, что въ 60-хъ го-

дахъ, а затѣмъ второй разъ въ 70-хъ, замѣчается довольно значительное уменьшеніе числа студентовъ (съ 1871—72 до 1876—77 слишкомъ на 20%) а въ послѣдніе 8 лѣтъ опять очень быстрое увеличеніе. Судя по собраннымъ мною даннымъ, уменьшеніе съ 1859 до 1867 года объясняется тѣмъ, что это были годы войнъ и революцій, создавшихъ единство Италіи. Значительная часть молодежи поступала въ войска, отряды гарибальдійцевъ и т. д., вообще отвлекалась отъ занятій науками и приготовленія къ либеральнымъ профессіямъ. Малое приращеніе затѣмъ и даже нѣкоторое уменьшеніе числа студентовъ въ 70-хъ годахъ объясняется тѣмъ, что правила для пріема въ университеты стали строже, а между тѣмъ число кончающихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ возросло не особенно значительно до того времени; лишь въ послѣдніе годы въ быстромъ увеличеніи числа студентовъ въ италіанскихъ университетахъ сказалось влияніе устройства новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній и увеличеніе числа ихъ учениковъ. Въ этомъ отношеніи въ Италіи, какъ и въ главныхъ государствахъ средней Европы, замѣчается одинаковое явленіе: увеличеніе числа учебныхъ заведеній лѣтъ 10—20 тому назадъ дало именно въ послѣдніе годы громадное увеличеніе числа студентовъ.

И былъ лишь въ немногихъ университетскихъ городахъ Италіи и лишь не надолго; къ тому же италіанскій языкъ мнѣ гораздо менѣе знакомъ, чѣмъ нѣмецкій; поэтому понятно, что я не могу знать италіанскіе университеты, какъ знаю нѣмецкіе. Остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ выдающихся чертахъ.

Вольные университеты, а также казенные 2-го класса, по своимъ незначительнымъ средствамъ, по незначительному количеству и не высокому качеству своего учебнаго персонала, конечно, можно сказать, въ счетъ не идутъ. Что касается болѣе значительныхъ университетовъ, то, какъ и слѣдовало ожидать, видно большое различіе между университетами сѣвера и юга. Изъ посѣщенныхъ мною всего рѣзче отличаются университеты въ Туринѣ и Неаполѣ; въ первомъ видно наибольшее приближеніе къ серьезнымъ занятіямъ хорошихъ нѣмецкихъ университетовъ, во второмъ составъ студентовъ иной, и большинство ихъ стремится лишь къ тому, чтобы весело провести время и съ возможно меньшимъ трудомъ получить необходимыя права. Трудно, можетъ быть, найти городъ менѣе пригодный для университетскихъ занятій, чѣмъ Неаполь. Все здѣсь развлекаетъ молодого

человѣка и мѣшаетъ ему работать. Поэтому издавна Неаполитанскій университетъ имѣетъ невысокую репутацію въ Италіи.

Если университеты въ Туринѣ и Неаполѣ, имѣющіе самое большое число слушателей, представляютъ два прочно установившіеся типа, то нельзя того же замѣтить о Римскомъ университетѣ. Въ немъ произошли рѣзкія измѣненія въ послѣдніе годы, и трудно еще угадать, что изъ него выйдетъ далѣе. Во всякомъ случаѣ, онъ не такъ притягиваетъ молодежь, какъ столичныя университеты другихъ странъ. Число студентовъ въ немъ колеблется болѣе, чѣмъ въ другихъ университетахъ, но впрочемъ быстро возрастаетъ въ послѣднее десятилѣтіе. Преобладаніе юристовъ особенно замѣтно въ Римѣ, болѣе, чѣмъ въ другихъ большихъ университетахъ Италіи.

Распредѣленіе университетовъ въ Италіи въ томъ отношеніи похоже на существующее у насъ, что всѣ большіе города, кромѣ Венеціи, имѣютъ университеты (Флорентійская школа высшихъ наукъ тоже въ сущности университетъ, какъ замѣчено въ прошломъ письмѣ). Затѣмъ въ Италіи есть университеты и въ небольшихъ городахъ, но это университеты болѣе или менѣе захудалые. Лишь одинъ университетъ, имѣющій болѣе 500 слушателей, находится въ городѣ, имѣющемъ менѣе 50 тыс. жителей (Павія). Слѣдовательно, если Италія и сохранила, подобно Германіи и Англій, свои университеты въ небольшихъ городахъ, то они не играютъ значительной роли въ странѣ и привлекаютъ лишь небольшое число слушателей. Въ Германіи студенты небольшихъ университетскихъ городовъ, какого-нибудь Тюбингена или Іены, набираются изъ всей страны и даже изъ за границы. Въ Италіи это—уроженцы города или провинцій, родители которыхъ не желаютъ или не имѣютъ средствъ послать ихъ въ университетъ большаго города; жители южной Италіи не учатся въ Моденѣ, ни жители сѣверной—въ Катаніи. Если эти небольшіе университеты сохраняются, то въ этомъ видно вліяніе стараго муниципальнаго и провинціального духа. Иные города или провинціи содержатъ свои университеты, другіе сумѣли добиться того, что ихъ университеты содержатся на счетъ правительства. Правительство уже давно желало бы уменьшить число университетовъ, чтобъ лучше обставить остальные, но это врядъ ли скоро осуществится, по крайней мѣрѣ законъ 12-го декабря 1885 г. причислилъ къ первокласснымъ правительственнымъ университетамъ Катанію и Мессину, то-есть, два

небольшие университета Сицилии. Въ этомъ видно преобладающее вліяніе южанъ въ министерствѣ и парламентѣ.

Процентъ юристовъ въ итальянскихъ университетахъ немного колеблется въ ту и другую сторону, но вообще остается тотъ же самый, между тѣмъ какъ процентъ медиковъ значительно возрастаетъ, съ 28 въ 1866—1867 гг. на 47 въ 1884—1885 гг.; это явленіе замѣчено и въ Германіи и Австріи. Только въ Италіи процентъ медиковъ возрастаетъ на счетъ студентовъ физико-математическаго факультета. Прикладная наука (медицина и право) господствуетъ въ Италіи гораздо болѣе, чѣмъ въ средней Европѣ.

А. Весиневъ.

НЕКРОЛОГЪ.

I.

Я. О. Головацкій.

Не далѣ какъ въ майской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія было упомянуто о послѣднихъ ученыхъ трудахъ почтеннаго русско-галицкаго дѣятеля, предсѣдателя Виленской археографической комиссіи Якова Оедоровича Головацкаго. Между тѣмъ 1-го мая его постигла въ Вильнѣ внезапная кончина. Сообщаемъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго чловѣка на основаніи извѣстій, помѣщенныхъ въ нашихъ періодическихкихъ изданіяхъ.

Покойный родился 17-го октября 1814 года въ Галиціи, въ селѣ Чепеляхъ, Золочевского уѣзда, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. На шестомъ году мальчикъ былъ отвезенъ въ Львовъ, въ существовавшую тамъ нормальную школу; однако въ непродолжительномъ времени его постигла очень тяжкая болѣзнь, вслѣдствіе чего, а также и вслѣдствіе бѣдности своего отца, онъ принужденъ былъ оставить школу и прожить цѣлые два года дома. Въ 1825 году Яковъ Оедоровичъ поступилъ въ доминиканскую гимназію во Львовѣ. Еще съ этого времени пробудилась въ немъ страсть записывать народныя пѣсни; заходившіе къ нему школьные товарищи развлекались обыкновенно пѣніемъ русскихъ народныхъ пѣсень; эти немногія пѣсни и были записаны Головацкимъ латинскою азбукой, такъ какъ въ то время мало кто понималъ русскую скоропись. Въ то же время пробудилась въ Головацкомъ и страсть къ чтенію: всякую свободную отъ классныхъ занятій минуту употреблялъ онъ на чтеніе попадавшихъ ему подъ руку книгъ, по большей части нѣмецкихъ и польскихихъ.

Однако случайно попались ему также сочиненія Котляревскаго, Державина, Основьяненка, Карамзина и др., которыя и укрѣпили его естественную любовь къ своему родному языку и заставили его посвятить всю свою жизнь на пользу роднаго слова. Послѣдніе два года гимназіи Яковъ Ѳедоровичъ провелъ въ Коминалѣ и въ Пештѣ, гдѣ познакомился со многими славянами: сербами, словаками, и др. Въ это же время онъ сталъ заниматься палеографіей, пересматривая архивъ графа Тарновскаго въ Диковѣ, а на каникулахъ продолжалъ записывать народныя пѣсни и пословицы, странствуя пѣшкомъ по селамъ Галиціи и Буковины.

Въ 1835 году Головацкій поступилъ на богословскій факультетъ Львовскаго университета, на которомъ и окончилъ курсъ въ 1840 году. Въ это время Львовъ посѣтили М. П. Погодинъ и И. И. Срезневскій. Знакомство съ ними оказало полезное вліяніе на дальнѣйшую дѣятельность Якова Ѳедоровича. Въ этотъ же періодъ жизни Головацкій познакомился и съ первыми дѣятелями галицко-русской литературы—Маркіаномъ Пашкевичемъ и Иваномъ Вагилевичемъ. Плодомъ этого знакомства было изданіе альманаха Русалка Днѣстровая, которымъ началось возрожденіе галицко-русской литературы. Послѣ окончанія богословскихъ наукъ, Головацкій былъ назначенъ священникомъ въ Хмелевцѣ, Чартковскаго уѣзда. Въ сельской глуши онъ находилъ возможность заниматься лингвистикой и неуспшно собиралъ этнографическіе матеріалы изъ жизни галицко-русскаго народа.

Между тѣмъ насталъ 1848 годъ, годъ всеобщаго движенія въ пользу свободы и равноправности австрійскихъ народовъ. Между многими мѣропріятіями, которыми въ то время австрійское правительство стремилось задобрить галицко-русскій народъ, было и открытіе при Львовскомъ университетѣ кафедръ русской литературы. Соискателей на занятіе этой кафедры явилось не много, и изъ числа ихъ Яковъ Ѳедоровичъ, какъ болѣе всего соотвѣтствующій, былъ утвержденъ въ должности профессора 22-го декабря 1848 года. На этомъ новомъ поприщѣ онъ сдѣлался средоточіемъ галицко-русскаго литературнаго движенія. Каждая появлявшаяся въ Галиціи русская книга, каждое періодическое изданіе находили въ немъ если не сотрудника, то во всякомъ случаѣ совѣтника. Въ началѣ своей университетской дѣятельности Яковъ Ѳедоровичъ распространялъ идею литературной самостоятельности малорусскаго нарѣчія, но послѣ, разбирая основательнѣе древнерусскіе историческіе памятники и изучивъ подробно русскую исторію, онъ пришелъ къ убѣжденію, что

литературнымъ языкомъ русскихъ галичанъ можетъ быть только общій языкъ русскій. Къ этому же убѣжденію пришли и другіе товарищи Якова Ѳедоровича, какъ-то; Устіяновичъ, Добрянскій, Дѣдицкій, Наумовичъ, Гупалевичъ и др.

Въ 1867 году, послѣ того какъ Яковъ Ѳедоровичъ вмѣстѣ съ Павlichemъ и редакторомъ перваго Страхопуда Ливчакомъ, посѣтилъ Славянскую этнографическую выставку въ Москвѣ, на которой были представители всѣхъ славянъ (за исключеніемъ поляковъ), Головацкаго началъ преслѣдовать тогдашній намѣстникъ Галиціи гр. Голуховскій и приказалъ произвести въ его квартирѣ нѣсколько обысковъ. Эти преслѣдованія привели къ тому, что Яковъ Ѳедоровичъ долженъ былъ отказаться отъ университетской катедры и переселиться въ Россію, гдѣ вскорѣ получилъ мѣсто предсѣдателя Виленской комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Однако и послѣ того онъ остался въ тѣсной духовной связи со своею родиной. Онъ писалъ статьи и литературныя замѣтки о Галиціи въ различныхъ русскихъ газетахъ и журналахъ, не забывая при этомъ и галицкихъ газетъ, куда также отсылалъ для печати свои произведенія. Каждый политическій и литературный успѣхъ австрійской Руси былъ для покойнаго необыкновенною радостью, которую онъ выражалъ не только въ частныхъ письмахъ, но также въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, печатаемыхъ въ Вильнѣ, Москвѣ, Петербургѣ и Кіевѣ.

За свои учено-литературныя труды Я. Ѳ. Головацкій удостоенъ былъ званія почетнаго члена Московскаго общества исторіи и древностей русскіихъ (1866 г.), члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и золотой медали отъ него же, большой серебряной медали Общества любителей антропологии и этнографіи въ Москвѣ, званія дѣйствительнаго члена Московскаго Археологическаго Общества, степени доктора Новороссійскаго университета и званія члена Общества любителей русскіихъ словесности и Общества естествознанія, антропологии и этнографіи въ Москвѣ; кромѣ того, онъ получилъ золотую уваровскую медаль за разборъ книги М. Де-Пуле: „Станиславъ-Августъ Понятовскій въ Гроднѣ и Литвѣ въ 1794—1797 годахъ“ и уваровскую премію въ 500 р. за свой превосходный сборникъ „Народныхъ пѣсенъ галицко-русскаго народа“. За поднесеніе Государю Императору той же книги онъ удостоился высочайшей благодарности, а за поднесеніе Его Императорскому Величеству сочиненія: „Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ“,

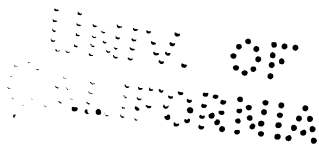
о русской литературѣ. Еще недавно Шпильгагенъ напечаталъ нѣкоторыя прекрасно переведенныя имъ пѣсни Кольцова; остальные, къ сожалѣнію, остались въ рукописи. Въ послѣднее время онъ писалъ только рецензіи нѣмецкихъ грамматикъ для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и былъ постоянною грозю составителей плохихъ учебниковъ, а такимъ „нѣсть числа“. Ученикъ Гриммовской школы, съ началами которой онъ познакомился въ свое пребываніе въ Германіи, Августъ Федоровичъ требовалъ отъ учителей знакомства съ филологіей и, конечно, рѣдко находилъ его. Послѣднія рецензіи свои онъ везъ въ ученый комитетъ, когда его постигла внезапная кончина. Много потрудился онъ, много горя перенесъ: служилъ онъ 30 лѣтъ, былъ учителемъ въ 3-й Московской гимназій, лекторомъ въ Харьковскомъ и С.-Петербургскомъ университетахъ, членомъ ученаго комитета. Послѣ него осталось многочисленное семейство, въ числѣ членовъ котораго есть и малолѣтніе. Для своей семьи онъ принужденъ былъ много работать, но не всегда удавалось ему добывать работу. Тридцать лѣтъ мы были знакомы: я началъ знать его бѣлокуримъ юношею, мечтательнымъ поклонникомъ Гейне, истымъ германцемъ тѣхъ давнихъ лѣтъ; вмѣстѣ дожили мы до старости, и теперь мнѣ пришлось помянуть его. Смѣло могу сказать, что едва ли встрѣчался мнѣ въ жизни человѣкъ кротче покойнаго, болѣе его привыкшій смотрѣть на жизнь и людей съ идеалистической точки зрѣнія. Знали ли его люди, и какъ они къ нему относились, это—другой вопросъ, но для меня всегда казался трогательнымъ этотъ типическій германецъ 40-хъ годовъ, такъ непохожій на современныхъ намъ нѣмцевъ, этотъ романтикъ посреди матеріалистическаго вѣка. Къ врожденному германскому характеру, къ его привлекательнымъ сторонамъ присоединилось еще вліяніе русской литературы 40-хъ и 50-хъ годовъ, съ которою покойный, родившійся и учившійся въ Москвѣ, могъ познакомиться. Настроеніе это еще болѣе укрѣпилось его связями съ литературными московскими кружками, о которыхъ онъ иногда сообщалъ интересныя воспоминанія, окрашенные также идеалистическимъ колоритомъ. Въ практической жизни онъ оставался всегда юношей и никогда не зналъ компромиссовъ съ своею совѣстью. Миръ праху твоему, добрый и честный въ высшемъ смыслѣ этого слова человѣкъ!

И. Бестужевъ-Рюминъ.

ТНИКИ.

Ω Ι

КАФ

длина снизу 2,75 м., сверху 4,50 м. Высота саркофага съ крышвою 2 м., длина 3 м.

Весь этотъ великолѣпный памятникъ состоитъ изъ кремнистаго краснаго мрамора, очень изящно отдѣланъ и сохранился почти въ цѣльномъ видѣ. Это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ находится въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ. Притомъ турки, по суевѣрью, очень неохотно посѣщаютъ его, такъ какъ существуетъ сказаніе, что при разграбленіи одинъ изъ турокъ упалъ съ вершины памятника и ушибся до смерти.

Съ передней стороны, обращенной къ востоку, на стелѣ находится надпись, которая имѣетъ въ высоту 1,37 м. и въ ширину 1,77 м. Она раздѣляется на двѣ части. Верхняя часть имѣетъ въ высоту 0,49 м. (собственно надпись 0,44 м. и пространство подъ нею 0,05 м.) и состоитъ изъ пяти строкъ; высота буквъ верхнихъ 4 строкъ — 0,075 м., разстояніе между строками 0,10 м.; высота буквъ 5-й строки 0,05 м. Нижняя часть имѣетъ въ высоту 0,88 м. (собственно надпись 0,83 м. и пространство надъ нею 0,05 м.) и состоитъ изъ 13 строкъ; разстояніе между строками 0,07 м., высота буквъ 0,05 м.

Надпись вырѣзана очень красиво и довольно глубоко. Она сохранилась почти вполнѣ; внизу на правомъ краю повреждено нѣсколько буквъ, при чемъ одна изъ нихъ (Ε) совершенно отбита. По характеру буквъ надпись слѣдуетъ относить ко II в. по Р. X.

Эпиграфическій текстъ надписи при семъ прилагается въ отдѣльной копіи, а транскрипція ея такова:

Μνημα

Διλίπορις Ἀφρου ζῶν κα-
τασχεούασεν ἑαυτῶ(ι)
ἀνεξοδίαστον

5. σὺν ταῖς οἰκίαις καθὼς περιέληπται.

Κτῆν σπεύδη(ι)ς, ὧ ξεῖνε, καὶ ἦν εὐχαιρος οδεύη(ι)ς,
στῆθι παρ' οὐμὸν σῆμα καὶ εἶση(ι) τοῦνομα τοῦμὸν
οὐκ ἀσόφως ζητηθὲν ὑπὸ ζῶντος ἐμεῖο.

10. Ἐννέα γράμματ' ἔχω, τετρασύλλαβός εἰμι, νόει σύ
αἱ τρεῖς, αἱ πρῶται, δύο γράμματ' ἔχουσιν ἑκάστη,
ἢ λοιπὴ δὲ τὰ τρεῖς, καὶ εἰσὶν ἄφωνα τὰ πέντε·
ἔστι δ' ἀριθμὸς πένθ' ἑκατοντάδες ἐδὲ (sic) δις ἑπτὰ.
Таῦτ' οὖν ζητήσας καὶ γνοὺς ὅστις περ ὁ γράψας,

Δ =	4
Ι =	10
Λ =	30
Γ =	10
Π =	80
Ο =	70
Ρ =	100
Ι =	10
Σ =	200
<hr/>	
	514

Подобный способъ представлять собственное имя въ видѣ числовой загадки встрѣчается въ старину довольно часто. Приведемъ здѣсь для примѣра одно мѣсто изъ Сивиллиныхъ оракуловъ (I. 141—146), имѣющее поразительное сходство съ нашею надписью.

Ἐννέα γράμματ' ἔχω τετρασούλλαβός εἰμι νόμι με.
 Αἱ τρεῖς αἱ πρῶται δύο γράμματ' ἔχουσιν ἑκάστη,
 Ἦ λοιπή δὲ τὰ λοιπὰ, καὶ εἰσὶν ἄφωνα δὲ πέντε.
 Τοῦ παντὸς δ' ἀριθμοῦ ἑκατοντάδες εἰσὶ δις ὀκτώ,
 Καὶ τρεῖς τρεῖς δεκάδες, σὺν γ' ἑπτά. Γνοὺς δὲ τίς εἰμι,
 Οὐκ ἀμήτορος ἔσῃ τῆς παρ' ἐμοὶ σοφίης.

Весьма вѣроятно, что составители надписи и оракуловъ заимствовали это мѣсто изъ одного общаго источника, намъ неизвѣстнаго.

ἑδέ = ἦδέ: ошибка рѣзчика или составителя надписи, быть можетъ, имѣющая свои основы въ произношеніи, то-есть, въ краткости звука η. Аналогичные случаи представляются въ другихъ надписяхъ, напримѣръ: Ἦροφίλε вмѣсто Ἦροφίλη ¹⁾).

Стихи 8—11 представляютъ заключеніе.

Затруднительно разъясненіе слова ΤΕΡΒΟΙΟ. По видимому, оно составляетъ приложение къ слову μνημα, приложение, отъ котораго и зависитъ родительный падежъ γαίης, но установить чтеніе этого мѣста мы не рѣшаемся. По мнѣнію проф. В. К. Ернштедта, тутъ сдѣлана рѣзчикомъ ошибка, и въ этомъ словѣ слѣдуетъ видѣть скорѣе прилагательное къ χεῖρες, объясняющее, какія руки соорудили памятникъ; В. К. Ернштедтъ предлагаетъ чтеніе γεώμορος.

II. Въ получасѣ разстоянія отъ деревни Акчекая, у деревни Ахларъ, находятся остатки подобнаго же надгробнаго памятника изъ

¹⁾ Mitth. des Deutsch. Arch. Inst. in Athen, 1885, стр. 363.

большого памятника. Камень съ правой стороны имѣеть въ вышину 1,32 м., въ длину 3,06 м., въ ширину 1,38 м.; на передней сторонѣ его находится надпись с. Камень съ лѣвой стороны имѣеть въ вышину 1,70 м., въ длину 3,15 м., въ ширину приблизительно 1,60 м., на передней сторонѣ его находится надпись d.

По нашему мнѣнію, оба камня были пьедесталами. На нихъ находился небольшой невысокій карнизъ съ началомъ надписей, конецъ которыхъ мы видимъ на пьедесталахъ. На карнизѣ стоялъ саркофагъ. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что въ нѣсколькихъ метрахъ отъ памятника находится часть карниза съ надписью (e), который имѣеть въ вышину 0,61, м. Мы полагаемъ, что этотъ карнизъ находился на правомъ пьедесталѣ ¹⁾ и надписи e и с составляли одно цѣлое.

Вся эта группа погребальныхъ памятниковъ въ первоначальномъ состояніи, вѣроятно, имѣла очень красивый видъ.

Надпись a заключаетъ въ себѣ три строки, отдѣленные одна отъ другой. Въ первой строкѣ недостаетъ, по видимому, только одной первой буквы; нижняя строка въ срединѣ немного повреждена. Длина 1-й строки (въ сохранившемся видѣ) 2,75 м., 2-й строки—1,88 м., 3-й строки—1,72 м. Высота буквъ 1-й строки—0,12 м., 2-й строки—0,08 м., 3-й строки—0,065 м.

Надпись b извѣстна по изданію Перро ²⁾, пользовавшагося весьма неудовлетворительною копіей. По его сообщенію, надпись находится на саркофагѣ. „Sur le couronnement“, продолжаетъ онъ, — „un mot propre (то-есть, надпись a), dont on ne distingue que quelques lettres, celui sans doute du personnage qui a élevé le tombeau“. Надпись раздѣляется по внѣшнему виду на двѣ части; первая строка стоитъ отдѣльно, немного выше другихъ. Высота надписи 0,61 м., ширина—1,52 м.; разстояніе между верхнею и нижнею частью 0,14 м.; разстояніе между нижними строками 0,10 м.; высота буквъ 0,06 м., нижней строки—0,075 м.

Надпись c вырѣзана на правомъ камнѣ на верху. Она имѣеть въ длину 1,42 м., высота буквъ 0,105 м.

Надпись d вырѣзана на лѣвомъ камнѣ, симметрично надписи с. Отъ верхней строки недостаетъ начала и конца; она имѣеть въ длину

¹⁾ Указаніе мѣстныхъ турокъ, что этотъ карнизъ находился на карнизѣ большого памятника и оттуда сброшенъ, не заслуживаетъ вниманія.

²⁾ L. c.

ширину—0,93 м., въ толщину—0,85 м.; на верху на ней изображена голова челоуѣка; в. карнизъ сброшенный со стелы и разбитый; на немъ находилась надпись, вырѣзанная очень красиво.

Въ настоящее время сохранились только нижеслѣдующія буквы, имѣющія въ высоту 0,08 м.:

... ΜΟΘΕΟΣΜΕ ...

[Τι?] μόθεος Με[σεθεός?].

Въ нѣсколькихъ метрахъ разстоянiя находился похожiй надгробный памятникъ почти такихъ же размѣровъ. Теперь остается только стела, а всѣ остальные части разбиты.

Вблизи видны обломки еще другихъ подобныхъ памятниковъ.

V. Въ деревнѣ Азарджыкъ, на сѣверъ отъ дороги, ведущей отъ м. Меведже въ Исникъ, на вершинѣ горной цѣпи, находится стела изъ бѣлаго мрамора, имѣющая въ вышину до 1,70 м., въ ширину и толщину по 0,96 м. На верху, съ каждой стороны, на ней изображено по головѣ. Съ передней стороны подъ головою находится надпись, которая однако до того стерта, что можно разобрать лишь нѣсколько буквъ. Намъ удалось прочесть только слѣдующее:

.....ΑΥΤΟΝΘΕΟ

ΣΚΑΤΑΝΟΟΝ.....

Стела находилась первоначально въ окрестностяхъ деревни на полѣ, гдѣ теперь еще видны остатки пьедестала.

VI. Въ горахъ на правомъ берегу Гѣкъ-су, въ 2¹/₂ часахъ отъ м. Кѣпри-Иссаръ и въ 3 часахъ отъ г. Лефке, между деревнями Белеаланъ и Элисиа, находятся остатки разрушеннаго теперь надгробнаго памятника. По словамъ нашего спутника г. Мюстэ, гдѣтъ двѣнадцать тому назадъ высокой пьедесталъ былъ еще въ цѣльномъ видѣ и на немъ стояли двѣ стелы. Первоначально, какъ надо полагать, на стелахъ находился карнизъ, а на немъ саркофагъ. Весь памятникъ расположенъ въ гѣсистой горной долинѣ, изъ которой виднѣются высокiя снѣжныя горы. Въ послѣднее время часть пьедестала разрушена турками, искавшими тамъ сокровищъ, и стела опрокинута.

Пьедесталъ имѣетъ въ длину 4,68 м., въ ширину 2,78 м.; вышину мы опредѣлить не можемъ. Стелы имѣютъ въ вышину по 2,18 м., а въ ширину и толщину по 0,88 м.

На одной изъ стелъ на верху изображена голова. Подъ нею находится надпись въ двѣ строки. Высота ея 0,10 м., ширина 0,71 м., разстоянiе между строками 0,06 м., высота буквъ 0,04 м. Вся над-

---

КЪ КАТАЛОГУ АЭИНСКИХЪ АРХОНТОВЪ ¹⁾.

II

Архонты конца III в. до Р. X.

Въ первой тетради аэинской *Εφημερίς ἀρχαιολογική* за 1887 г. изданъ завѣдующимъ елевсинскими раскопками ефоромъ г. Филиемъ новый, весьма важный документъ, найденный нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Плита сѣраго мрамора, на которой написанъ нашъ текстъ разбита на 14 кусковъ, которые, однако, хорошо подходятъ другъ къ другу и позволяютъ читать надпись почти безъ всякихъ лакувъ или съ самыми незначительными. Надпись имѣетъ 53 строки. Внизу сохранилась часть пустого пространства. Греческій издатель по обыкновенію, принятому въ *Εφημερίδῃ*, ограничивается самыми скромными комментаріями. Послѣ подробнаго описанія внѣшняго вида камня, его состоянія, находки и сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній касательно чтенія и возстановленія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктовъ текста, онъ присоединяетъ маленькій хронологическій комментарий, сдѣланный наскоро и неудовлетворительный. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства я позволяю себѣ предложить болѣе подробное объясненіе документа.

Въ виду того что эпиграфическій текстъ и транскрипція доступны желающимъ въ *Εφημερίδῃ*, я ограничусь здѣсь переводомъ надписи, извиняясь заранѣе за его неровность. Подобные декреты, состоящіе изъ одного колоссальнаго періода, никогда не могутъ быть переданы изящнымъ языкомъ, или же переводъ будетъ слишкомъ далекъ отъ

---

¹⁾ См. *Журн. Мин. Нар. Пр.* за май мѣсяць 1887 года.

дали съ годами празднованія великихъ Елевсиній, онъ приносилъ жертвы богинямъ вмѣстѣ съ елевсинцами за спасеніе народа, заботился и о совершеніи мистерій въ каждую стратегию, чтобы оно прошло со всею безопасностію и пребылъ все время ¹⁾ справедливымъ ко всѣмъ своимъ подчиненнымъ, будучи неподкупенъ и озаботился о раздачѣ съѣстныхъ припасовъ, предлагая хлѣбъ изъ тоговаго... ²⁾ и раздавая его самымъ щедрымъ образомъ и во всѣ эти годы выдавая деньги на одежду, постоянно имѣя попеченіе о благосостояніи (εὐσυχμοσύνη) своихъ подчиненныхъ и издерживая на это не мало своихъ собственныхъ денегъ, будучи полезнымъ и всѣмъ вообще и заботясь о каждомъ въ частности“.

„И такъ дабы аѣнныяне, отрженные въ крѣпости, оказались почитающими отличающихся передъ народомъ и прославляющихъ себя — въ добрый часъ: да будетъ постановлено гражданами, отрженными въ Елевсинѣ, Панактѣ и Филу и въ лагеря, похвалить Дименета, сына Ермогена, Аѣмонейца и увѣнчать его золотымъ вѣнкомъ по закону и (наградить) мѣднымъ изображеніемъ и поставить послѣднее во дворѣ святилища. Объявить же этотъ вѣнокъ во время отеческаго агона Алой, а о приготовленіи вѣнка позаботиться секретарю и казначею и выборнымъ.

„Слѣдующія лица избраны для сооруженія изображенія,
...итофонъ Ифистиадецъ. Ксенофонъ Вереник(идецъ).
...нъ Певаніецъ. [Алекса]ндръ Тирмидецъ“.

Надпись, какъ видятъ читатели, представляетъ нѣсколько не безынтересныхъ чертъ для исторіи своего времени. Самая интересная часть ея, — это упоминанія о неоднократныхъ посольствахъ Дименета къ Филиппу и союзу этолійцевъ. Филиппъ (конечно V-й), очевидно, въ войнѣ съ этолійцами, войнѣ, которая грозитъ опасностію территоріи Аттики, аѣнныяне же держатся нейтралитета. Замѣтимъ, что „неоднократныя“ посольства приходились, вѣроятно, и между архонствами Херефонта, Діокла и Эскрона, а не непременно всѣ передъ ними, какъ можно было бы заключить изъ внѣшняго порядка, въ какомъ записаны событія на камнѣ. Вышеупомянутые архонты, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ и греческій издатель, слѣ-

¹⁾ ἐν παντὶ καιρῷ; намъ кажется несомнѣннымъ.

²⁾ На камнѣ οὐτόν τε παρὰ τὴν ἐξ ἑτοίμου ο. . . . ὡς ὡς λυσιτελεσάτην. Какое слово стояло послѣ ἑτοίμου, ни греческому издателю, ни мнѣ не удалось догадаться.

Диокла и Эскрона, могутъ быть только третьими или четвертыми годами трехъ сосѣднихъ олимпіадъ и притомъ или всѣ третьими или всѣ четвертыми.

Итакъ передъ нами приблизительно десятилѣтній промежутокъ, приходящійся на царствованіе Филиппа, продолжавшееся съ 221 — 179 г. до Р. X. Къ какой части этого царствованія его удобнѣе всего относить? Рѣшающее значеніе для этого вопроса имѣетъ вышеупомянутая война Филиппа съ этолійцами, во время которой аѣнныяне въ страхѣ за безопасность своихъ предѣловъ послали Дименета къ обѣимъ сторонамъ съ посольствами. Такихъ войнъ въ царствованіе Филиппа было двѣ: во первыхъ, такъ-называемая „союзническая война“, приходящаяся на самое начало царствованія Филиппа (221—216 гг. до Р. X.), и во вторыхъ, война этолійцевъ въ союзѣ съ Римомъ противъ ахейцевъ и Филиппа, война въ которой прославляется Филоименъ (211—204 гг. до Р. X.).

Прослѣдимъ вкратцѣ судьбы Аѣннъ за это время. Въ 229 году, тотчасъ послѣ смерти Димитрія Македонскаго, аѣнныяне при содѣйствіи Арата освобождаются отъ македонскихъ гарнизоновъ, стоявшихъ въ Пирей, Мунихин, Саламинъ и Суніи. Это дѣлается самымъ простымъ способомъ. Диогену начальнику этихъ гарнизоновъ выплачивается сумма въ 150 талантовъ, и этотъ „кондотьеръ, служащій не дѣлу, а господину и по смерти его не чувствующій себя связаннымъ никакимъ обязательствомъ“, какъ характеризуетъ его Келеръ ¹⁾, очищаетъ занятые имъ посты. Аѣнныяне называютъ его „благодѣтелемъ“ даютъ проедрію въ театрѣ и воздаютъ божескія почести ²⁾. Аѣнны чрезвычайно слабы. Къ счастью онѣ находятъ себѣ опытныхъ и понимающихъ обстоятельства руководителей въ лицѣ Евриклида и Микіона кефисійцевъ, двухъ братьевъ-риторовъ. Имена ихъ впервые появляются въ это время на политическомъ горизонтѣ. Политика ихъ была, кажется, въ сущности политикою строгаго нейтралитета, хотя разумѣется они искали случая завязывать сношенія съ сильными міра сего, какъ, напримѣръ, Птоломеемъ Эвергетомъ.

¹⁾ „Ein Verschollener“ *Hermes* VII s. 1 ff. см. Plut. in vita. Arati 34. Paus. II. 8—5.

²⁾ См. вышеуказанную статью Келера. *Wachsmuth*. Stadt Athen, стр. 631 сл. Въ честь его воздвигнута въ Аѣннахъ гимназія, носившая его имя. Бресло въ Дионисовскомъ театрѣ съ надписью Διογένους Εὐεργέτου. С. I. А. III. 299. Гимназія Διογένεως см. *Dumont*. Essai sur l'ephebie Attique, I, стр. 48; праздникъ Διογένεια ib., стр. 289.

древняго міра. Сила ихъ совершалась въ слабости. Рядъ документовъ сохранилъ для насъ имена Евриклида и Микіона и ихъ потомковъ ¹⁾. Первое мѣсто между этими документами должно быть отведено, къ сожалѣнію, неполному постановленію въ честь Евриклида (С. I. А. II 379). Здѣсь мы считаемъ умѣстнымъ высказать наше мнѣніе по поводу документа, содержащаго въ себѣ извѣстное постановленіе о сборѣ пожертвованій (С. I. А. 334), въ которомъ также упоминаются Евриклидъ и Микіонъ, и первый, кромѣ того, отдѣльно помѣщенъ въ заголовкѣ съ обозначеніемъ своей должности: τὰς στρατῶν [τιχῶν]. Всѣ изслѣдователи въ одинъ голосъ до сихъ поръ относятъ этотъ документъ ко временамъ Хремонидовской войны то-есть къ 260 годамъ до Р. X. ²⁾ Θ. Θ. Соколовъ, въ указанной статьѣ первый показалъ внутреннюю несостоятельность такого датированія. Единственнымъ указаніемъ времени въ предѣлахъ котораго можетъ приходиться наша надпись служить имя философа Ликона, который былъ предстоятелемъ перипатетической школы съ 270 до 226 года ³⁾. Но такая дата надо сознаться слишкомъ широка для того, чтобы останавливаться именно на Хремонидовской войнѣ. Въ документѣ нашемъ встрѣчается стертое имя Антигоныды или Диметріады. Это одно изъ главныхъ основаній общепринятой датировки надписи. Но мнѣніе, что Антигоныда и Диметріада были отмѣнены во время Хремонидовской войны,—чистая выдумка и не имѣетъ никакого прямого подтвержденія. Вторымъ основаніемъ служить упоминаніе о заботахъ о безопасномъ сборѣ плодовъ, которое наводитъ на мысль о военномъ времени, когда посѣвамъ грозитъ опасность. Самый сборъ

¹⁾ Обзорѣніе ихъ см. въ статьѣ *Grotefend*: „Eurykleides und Mikion die Kephisier“. *Philologus* XXVIII, 70—85, его же „Chronologische Anordnung der Athenisch-Silbermünzen“ Наннов. 1872 составляетъ пересказъ вышеприведенной статьи съ нѣкоторыми дополненіями и исправленіями. *Dumont*. Inscription des murs d'Athènes въ *Rev. Arch.* 1870, I, 319. См. также *Droysen*. *Gesch. d. Hell.* 2 Aufl. III, 2 ч., стр. 52, прим. 5. *Wachsmut*, стр. 632 и прим. 1. Въ русской литературѣ см. статью Θ. Θ. Соколова: „Аэинское постановленіе въ честь Аристотела аргосскаго“. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1879, ноябрь, стр. 36 (отдѣльнаго оттиска).

²⁾ Εὐστρατιάδης. *Επιγρ. ἀνέχδοτοι φολλ. β.*, т. 62 а. *Meier*. *Comment. epigraph.* II, т. 62 а. *Rang.*, т. 880. *Dittenberger*, *Herm.*, II, стр. 301. *Dumont*. *Essai*, стр. 119. *Wachsmuth*. *Stadt Athen* I, стр. 627. *Köhler*, С. I. А., т. 334 и *Hermes* V и указ. статья. *Droysen*. III, 1, стр. 234. *Wilamowitz*. *Antigonos v. Karystos* стр. 252.

³⁾ *Diogen. Laert.* V 68.

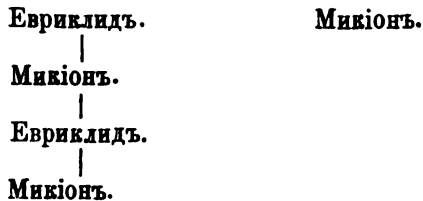
минается самымъ несомнѣннымъ образомъ. Еще въ концѣ царствованія Антигона ¹⁾ Аратъ пытался нѣсколько разъ освободить Пирей, но попытки не удавались. Однажды во время бѣгства по Фриасійской равнинѣ онъ сломалъ себѣ ногу, послѣ того претерпѣлъ много операций и долгое время былъ носимъ въ походахъ на носилкахъ. Замѣтимъ, что эти попытки „освобожденія“ врядъ ли обходились безъ опустошеній, хотя бы частныхъ, плодородной Фриасійской равнины. Но вотъ послѣ смерти Антигона, продолжаетъ дагѣ Плутархъ, — и по воцареніи Димитрія Аратъ еще больше налегъ на Аѣны и совсѣмъ уже презиралъ македонянь. Поэтому когда однажды разнесся въ Аѣнахъ ложный слухъ о томъ, что будто бы Аратъ убитъ въ одномъ сраженіи съ войскомъ Димитрія ²⁾, Аѣняне желая польстить послѣднему, надѣли вѣнки, а Діогенъ, македонскій фрурархъ въ Пирей, послалъ приказаніе ахейцамъ очистить Акрокориневъ. Аратъ, разсердившись на аѣнянь, прошелъ съ войскомъ по всей Аттикѣ и и дошелъ до Академіи и только по настоятельнымъ просьбамъ отступилъ назадъ. Самъ Димитрій съ войскомъ также былъ во время этой войны въ сосѣдней съ Атикой Віотіи. Очень возможно, что пограничная Фриасійская равнина пострадала и при этомъ. Итакъ вотъ факты, къ которымъ прекрасно подходятъ пассажи обѣихъ вышеупомянутыхъ надписей. Вообще нѣтъ ничего невозможнаго списожъ добровольныхъ пожертвованій относить къ царствованію Димитрія. Въ немъ стерто имя одной изъ Антигонидскихъ филъ и сборъ *εις τὴν σω[τηρίαν τῆς πό]λεως καὶ τὴν φουλακίαν τῆς [χώρας]* не могъ казаться македонянамъ или ихъ гарнизонамъ чѣмъ бы то ни было такимъ, что не было бы дозвоительно, въ особенности, если мѣры были принимаемы противъ ахейцевъ. Подобный же каталогъ съ упоминаніемъ Микіона, сына Евриклида, о которомъ есть рѣчь и въ № 379, датированный архонтомъ Сосигеномъ, ³⁾ должно, по моему мнѣнію, относить уже ко времени послѣ освобожденія Аѣны. Постройка башни, на которую тамъ происходитъ сборъ (С. I. A. II 982), составляетъ часть работъ по возобновленію укрѣпленій города и Пирея, о которомъ упоминаетъ надпись № 379. Итакъ Евриклидъ и Микіонъ выступили на сцену въ царствованіе Димитрія. Въ самомъ

¹⁾ Plut. Arat. 33.

²⁾ При Филакіи. Дройзенъ видитъ въ ней омировскую Φουλάκη. Слѣдовательно, сраженіе происходило въ Фессалии.

³⁾ *Dumont. Inscription des murs d' Athènes. Rev. Arch. 1870. I. 319.*

началъ своей дѣятельности, какъ видно изъ надписи № 379, Евриклидъ имѣлъ уже взрослого сына, съ которымъ, по нашему мнѣнiю, долженъ быть отождествленъ Микiонъ с. Евриклида кефисiецъ надписей С. I. A. II 982, 983. Въ послѣдней надписи, относящейся, по расчету Келера, къ 180 приблизительно году до Р. X., упоминается сынъ этого Микiона—Евриклидъ и внукъ Микiонъ. Оба послѣднiе лица упоминаются также въ надписи побѣдителей на Панаэионскихъ л. 966, гдѣ Микiонъ внукъ является съ эпитетомъ νεώτερος]. Этотъ эпитетъ задалъ много работы ученымъ. Съ легкой руки Бергка стали видѣть здѣсь новую филу 'Ερηϋθής νεώτερος и въ пару ей давали то 'Αιϋθής, то 'Αντιϋθής также съ эпитетомъ νεώτερος ¹⁾. Теорiя эта подвергалась разнообразнымъ видоизмѣненiямъ, въ которыя мы не будемъ здѣсь входить. По поводу каталога л. 966 всѣ разсужденiя такого рода праздно, такъ какъ онъ, очевидно, принадлежитъ ко времени послѣ 191 года, когда Мессинiя входила въ составъ Ахейскаго союза и когда слѣдовательно существовали и Птолемаида, и Атталида. Νεώτερος] очень часто попадаетъ при имени лица, чтобы отличить его отъ старшаго омонима, въ данномъ случаѣ отъ дѣда Микiона. Родъ этотъ продолжалъ свое существованiе еще долго, что видно изъ надписи С. I. A. II 1047, по Келеру, конца II в. или начала I-го, гдѣ также попадаютъ лица съ тѣми-же именами. Родословная интересующихъ насъ звеньевъ этой фамилiи можетъ представиться въ слѣдующей схемѣ:

Дѣятельность старшихъ членовъ этого рода начинается съ 230-хъ годовъ; въ то же время сынъ старшаго брата уже молодой человѣкъ. Въ 180-хъ годахъ сынъ этого послѣдняго и внукъ участвуютъ въ Панаэионскихъ состязанiяхъ. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Отцу могло быть подлѣ 50, когда онъ участвовалъ въ состязанiяхъ колесницъ,

¹⁾ Bergk въ *Zeitschr. f. Altertums-Wissenschaft*. 1847, стр. 1098, 1853, стр. 275, 1855, стр. 151 Böckh. *Epigraph-Chronologische Studien*, стр. 57. Одинъ изъ послѣднихъ, писавшихъ по этому предмету,—Гильбертъ: *Zur Geschichte der Zwölfzahl der Attischen Phylen* въ *Philol.*, XXXIX (1879), стр. 373.

и сынъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ могъ участвовать въ агонѣ всадниковъ. Принятая нами генеалогія кажется весьма вѣроятною.

Прибавимъ въ заключеніе, что есть еще одинъ родъ памятниковъ, на которыхъ попадаются имена Евриклида и Микіона—это одна изъ серій тетрадрахмъ аѢинскихъ ¹⁾. Очевидно, здѣсь упоминаются старшіе Евриклидъ и Микіонъ, тѣ самые о которыхъ говорятъ Поливій, Плутархъ и Павсаній. И такъ правленіе этихъ братьевъ простирается съ 230-хъ годовъ приблизительно до 213 или нѣсколько позже, когда они были отравлены Филиппомъ. На время ихъ правленія падаетъ первая изъ войнъ Филиппа съ этолійцами, которая можетъ идти въ расчетъ при объясненіи надписи въ честь Дименета—это такъ-называемая „союзническая война“.

Война эта, продолжавшаяся четыре года (221—217 гг.), извѣстна наилучше изъ всего третьяго вѣка. О ней разказываетъ Поливій въ IV и V книгахъ своей исторіи. Какъ нарочно во всемъ его разказѣ нѣтъ ни слова объ АѢинахъ. Очевидно, аѢиняне держали себя въ сторонѣ. Но то, что мы знаемъ о дѣйствіяхъ воюющихъ сторонъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что аѢиняне могли опасаться за свои предѣлы. Филиппъ во время войны нѣсколько разъ проходитъ съ войскомъ черезъ Иссъмъ въ Пелопоннесъ и обратно. Этолійцы ведутъ себя какъ настоящіе клефты, грабятъ гдѣ и что повало. Факты, упоминающіеся въ нашей надписи, прекрасно подходятъ къ такому положенію дѣлъ. Въ ней также аѢиняне не стоятъ ни на чьей сторонѣ, боятся враждебныхъ дѣйствій и отъ Филиппа, и отъ этолійцевъ и хотятъ лишь быть въ ладу и съ тѣми, и съ другимъ ²⁾.

Посмотримъ теперь, на сколько подходитъ наша надпись къ обстоятельствамъ второй изъ войнъ Филиппа съ этолійцами, когда послѣдніе были въ союзѣ съ Римомъ. Выглянемъ опять на состояніе АѢинъ въ это время. Евриклида и Микіона уже нѣтъ въ живыхъ. Ихъ мѣсто занимаетъ нѣкій Кифисодоръ, о которомъ мы узнаемъ изъ Павсанія слѣдующее ³⁾. „Кифисодоръ былъ предстоятелемъ народа и одинъ

¹⁾ *Beulé. Les monnaies d'Athènes*, стр. 334. *Grotefend*, ук. статьи. *Dumont. Iuser. des murs*.

²⁾ Ср. *Ефем.* 1887, стр. 3—4, v. 6. „ὁπως ἂν παρ' ἑκατέρων τῶι [Δ]ήμῳ ἢ τῆ φιλ[α] καὶ ἡ εἰρήνη διατηρῆται καὶ μηδ' ὕφ' ἑνὸς περισ[π]ωμένη ἡ πόλις [ἀ]ποκατασταθῆι εἰς τὴν ἐξ ἀρχῆς εὐδαιμονίαν κτλ.“

³⁾ Paus. I. 82. Πλησίων δὲ πεποιήται Κηφισοδώρου μνημα δήμου προστάντος καὶ Φιλίππῳ τῷ Μακεδόνων βασιλεύοντι ἐς τὰ μάλιστα ἐναντιωθέντος. συμμάχους δὲ ἐπήγετο Κηφισόδωρος Ἀθηναίους γενέσθαι βασιλεῖς μὲν Ἄτταλον τὸν Μυσον καὶ Πτολεμαῖον τὸν

изъ самыхъ ярыхъ противниковъ Филиппа, царя македонянъ. Кифисодоръ привлечь къ союзу аэинянъ изъ царей Аттала мисійца и Птолемея египтянина, изъ самостоятельныхъ народовъ—этолийцевъ, а изъ островитянъ родосцевъ и критянъ. А такъ какъ изъ Египта и Мисии и изъ Крита вспомогательныя войска заповдали, родосцы же, будучи сильны только кораблями, мало могли принести пользы противъ оплитовъ македонянъ, то Кифисодоръ, отправившись съ нѣкоторыми другими изъ аэинянъ въ Италию, просилъ римлянъ о помощи. Эти послѣднiе послали имъ войско и полководца, которые на столько ослабили дѣла Филиппа и македонянъ, что Персей потомъ и вовсе потерялъ власть и былъ отвезенъ плѣнникомъ въ Италию¹. Посольство Кифисодора въ Италию и проч. относится, конечно, къ эпохѣ Фламининовскихъ войнъ, но спрашивается: когда можно предполагать начало дѣятельности Кифисодора? Косвеннымъ отвѣтомъ на это можетъ служить слѣдующее извѣстiе ¹). Подъ 208 годомъ до Р. X. у Ливiа находимъ мы упоминанiе о совмѣстномъ посольствѣ Птолемея, родосцевъ, аэинянъ и хiосцевъ къ Филиппу „для прекращенiя войны между нимъ и этолийцами“. Итакъ въ это время союзъ Птолемея, Аттала, этолянъ, родосцевъ и аэинянъ уже состоялся. Посольство, очевидно, было предпринято упомянутыми державами, какъ друзьями этолийцевъ. Отъ Аттала пословъ не было, но онъ упоминается въ контекстѣ, какъ помогавшiй этолийцамъ войскомъ. Хiосцы могли находиться въ отдѣльномъ союзѣ съ этолийцами ²). Критяне еще не упоминаются—они могли пристать къ союзу послѣ. Въ 208 году слѣдовательно Кифисодоръ уже обладалъ полнымъ влiянiемъ въ Аэинахъ, и союзъ, о которомъ упоминаетъ Павсанiй, былъ уже заключенъ. Но вѣроятно все же, что съ этолийцами союзъ былъ заключенъ уже въ 211 году, въ то самое время, когда послѣднiе вошли въ союзъ съ рим-

Αἰγύπτιον. ἔθνη δὲ αὐτόνομα Αἰτωλοὺς καὶ νησιωτῶν Ῥόδιους καὶ Κρητὰς ὡς δὲ καὶ ἐξ Αἰγύπτου καὶ Μυσίας καὶ παρὰ τῶν Κρητῶν τὰ πολλὰ ὑπέριξαν αἱ βοήθειαι, Ῥόδιοι δὲ μόναι ναυσὶν ἰσχύοντες πρὸς ὀπίστας τοὺς Μακεδόνας οὐ μεγάλη ὠφέλου, ἐνταῦθα Κηφισόδορος ἐς Ἰταλίαν σὺν ἄλλοις Ἀθηναίων πλείους ἐκίτευεν ἀμῦναι Ῥωμαίους. Οἱ δὲ σφίσι δύναντι καὶ στρατηγὸν πέμπουσιν, οἱ τὰ Φιλίππου καὶ Μακεδόνων ἐς τοσοῦτον καθέϊλον ὡς ὑστερον Περσέα τὸν Φιλίππου τὴν τε ἀρχὴν ἀποβαλεῖν καὶ αὐτὸν αἰχμάλωτον ἐς Ἰταλίαν ἀχθῆναι.

¹) Liv. XXVII. 30. legati ab rege Aegypti Ptolemaeo Rhodiisque et Atheniensibus et Chiis venerunt ad dirimendum inter Philippum atque Aetolos bellum.

²) По видимому, хiосцы участвовали въ амонтионiи; см. Θ. Θ. Соколовъ „III столѣтiе“, стр. 12 отд. отт.

лянами. Да и вообще всю эту симмахію надо разсматривать какъ римскую партію въ Елладѣ. Герцбергъ ¹⁾, слѣдовательно, ошибается, когда думаетъ, что изъ того, что въ 208 (или 209 году, какъ онъ разсчитываетъ) АѢины послали это посольство, слѣдуетъ заключить, что они были еще нейтральны и лишь послѣ этой даты перешли на сторону Рима. Напротивъ они вмѣстѣ съ другими ходатайствовали въ этотъ моментъ за этолийцевъ какъ друзья ихъ. Такимъ образомъ политика Кифисодора является болѣе рѣшительною, нежели политика Евриклида и Микіона. Онъ сразу становится въ опредѣленное положеніе, къ Риму и его партіи съ одной стороны—къ Македоніи и ея партіи съ другою.

Изъ всего вышеприведеннаго для насъ важнѣе всего то обстоятельство, что во время римско-этолийской войны съ Филиппомъ (211—204 гг. до Р. Х.) аѢиняне были въ дружбѣ съ этолийцами и слѣдовательно не могли ожидать отъ нихъ какихъ бы то ни было враждебныхъ дѣйствій, какъ мы то видимъ въ надписи Дименета.

Слѣдовательно, нашъ документъ относится ко времени „союзнической войны“ и ко времени, непосредственно за нимъ слѣдующему. Въ немъ ярко выступаетъ важность для Аттики вѣотійской горной границы въ это время. Не только въ крѣпостяхъ находятся гарнизоны, но въ самой долинѣ эріасійской стоятъ отдѣльные пикеты, готовые летѣть на помощь каждому угрожаемому пункту. Елевсинскія празднества совершаются подъ военною охраною, такъ какъ непріятель, воспользовавшись праздничнымъ настроеніемъ, легко можетъ сдѣлать нападеніе. Еще одна мелкая, но не безынтересная подробность находится въ нашей надписи: Дименетъ на свой счетъ обмундировываетъ своихъ солдатъ. Это вполне подходитъ ко всему тому, что мы знаемъ объ этомъ времени.

Если вѣрны наши прежнія соображенія, то три архонта, встрѣчающіеся въ нашей надписи, должны приходиться или на три третьи, или на три четвертые года трехъ сосѣднихъ олимпіадъ. Принявъ во вниманіе вышеприведенную общую датировку нашей надписи, является возможность выбора только между тремя датами: 1) Херефонть 221, Діокль 217, Эскронъ 213; 2) Херефонть 218, Діокль 214, Эскронъ 210; 3) Херефонть 217, Діокль 213, Эскронъ 209. Вторая дата намъ кажется самою вѣроятною, такъ какъ изъ общаго порядка

¹⁾ Gesch. d. Griech. u. d. Römern. I, стр. 45.

- 8 . . . . . Εὐφίλητος Προβαλίσιος
 9 . . . . . Ἡράκλειτος Ἀθμονεύς
 10 . . . . .
 11 . . . . . Ἀντίφωλος Ἀφιδναῖος

Далѣ отдѣльно помѣщены архонты фрагмента d, такъ какъ Дюмонъ не знаетъ, куда его помѣстить

- 1 . . . . .
 2 Μενεχράτης Ὁῆθεν
 3 . . . . . ὦν Ἀλωπεκῆθεν

Такимъ образомъ, еслибъ у Рангависа переносъ въ его минускулахъ былъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, архонтъ Діоклъ могъ бы быть ad libitum третьимъ, четвертымъ, пятымъ и т. д. Это кажущееся препятствіе такимъ образомъ не существуетъ, и ничто не помѣшаетъ намъ Діокла нашей надписи отождествить съ Діокломъ издавнейцемъ нумера 859, если только можно будетъ за четыре года до него помѣстить Херефонта и черезъ четыре года послѣ него Эскрона. Последнее очень легко, такъ какъ архонтъ Діоклъ издавнеецъ стоитъ въ каталогѣ третьимъ съ конца, слѣдовательно, между Ираклитомъ и Эскрономъ придется еще пустой годъ; остается помѣстить Херефонта. Здѣсь прямо бросается въ глаза . . . . ὦν Ἀλωπε (κῆθεν). Чтобы отождествить его съ Херефонтомъ, надо, чтобы между нимъ и Діокломъ были три мѣста; и дѣйствительно, если мы восстановимъ только по одному имени въ концѣ перваго столбца и въ началѣ второго—все придется опять прекрасно. И замѣтимъ, что иначе врядъ ли и можно восстановить. Не надо забывать, что всякое новое имя эпонима влечетъ за собою еще восемь именъ, а лѣвый столбецъ и такъ уже длиненъ и въ немъ, кромѣ того, приходится восстановить еще по крайней мѣрѣ одно имя въ началѣ и одно въ серединѣ. Наши три архонта слѣдовательно прекрасно входятъ въ каталогъ п. 859. Теперь вопросъ опять хронологическій: можетъ ли каталогъ п. 859 относиться къ этому времени? Познакомимся прежде всего съ приблизительнымъ датированіемъ его прежними издателями. Первый издалъ нашу надпись Евстратіадисъ ¹⁾. „Я предполагаю“, замѣчаетъ онъ,—„что надпись приходится на періодъ между эпохой македонскаго и римскаго преобладанія, то-есть, между 229 и 146 годами“. Онъ не приводитъ повода, побудившаго его къ такому датированію. Вѣро-

¹⁾ См. предыдущее примѣчаніе.

ятно, упоминаніе дима вереникидцевъ дало ему эту мысль. Во всякомъ случаѣ предчувствіе не обмануло его. Мейеръ ¹⁾, на основаніи упоминанія вереникидцевъ, не находитъ возможнымъ относить надпись ранѣе 130 ол. „*illo fere tempore Ptolemaeus II Philadelphus cum Maga fratre Cyrenaiscae praefecto ea lege pacem composuit, ut Magas unicam filiam, parvam tum virginem filio suo Ptolemaeo in spem regni educato desponderet, cf. Droysen. Hellenismus II, 247 (нов. изд. III 1, стр. 309)*“. Какъ ни невѣроятно такое объясненіе, ему слѣдуютъ Рангансъ и Дюмонъ ²⁾. Первый на совершенно недостаточныхъ основаніяхъ, состоящихъ въ упоминаніи въ надписи лицъ, носящихъ имена и отчества извѣстныхъ изъ временъ гораздо болѣе древнихъ (напримѣръ, онъ предполагаетъ, что „*Proxene d'Aphidnae Col. I стр. 25 est sans doute un descendant de l'Héllenotamie d'OI. 92. 3 C. I. G. 147*), думаетъ, что надпись „*ne dépasse pas probablement de beaucoup la 130 Ol. lorsque le dème des Berencides reçut probablement son nom de Berénice, la fille (sic) de Ptolémee Philadelphie*“. Дюмонъ также отправляется отъ дима вереникидцевъ и говоритъ съ убѣжденіемъ, что онъ „*ne figure pas dans l'épigraphie athénienne avant la CXXX Olympiade (cf. Meier. Dis. II p. 71)*“, не приводя однако документовъ съ вереникидцами, датированныхъ хотя бы приблизительно 130 ол. Но къ вереникидцамъ мы еще вернемся. Здѣсь, являясь къ качествѣ *terminus post quem*, они для насъ еще не важны. Гораздо важнѣе узнать Дюмонтовскій *terminum ante quem*. Въ этомъ случаѣ онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ (Essai, стр. 48): въ трехъ сохранившихся каталогахъ побѣдителей на Тесеяхъ, представляющихъ совершенно одинаковую редакцію, слѣдовательно, происходящихъ изъ одного и того же времени, встрѣчаются имена архонтовъ Аристоридима, Анеестерія и Федрія (С. I. A. II 444—446). Въ первомъ изъ нихъ упоминается Ἀβρων Καλλίου [Ο]ἰν[ε]ῖδος φολῆς между мальчиками второго возраста. Онъ считаетъ его идентичнымъ съ аэиняниномъ того же имени, которому въ 189/8 до Р. X. была дана дельфійцами проксенія ³⁾, и сообразно съ этимъ относить всю группу архонтовъ ⁴⁾ за пять-шесть олимпіадъ до указаннаго года, приблизительно къ 142 ол. или 212 году (Essai, стр. 113, 115, подъ име-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Въ указанныхъ сочиненіяхъ.

³⁾ *Wescher-Foucart. Inscr. recueillies à Delphes, p. 23, стр. 105. A. Mommsen. Philol., XXIV, стр. 32.*

⁴⁾ Замѣтимъ, что Аристоридимъ, по провѣркѣ Кёлера, оказался Аристолаемъ.

щаетъ Келера. Но, повторяю, ничто не заставляетъ насъ вѣрить въ отнѣну этихъ филъ во время Хремонидовской войны. Выше мы говорили, что надпись № 334 съ упоминаніемъ этихъ же филъ относится ко времени „Димитріевской войны“. Архонта Филонея можно отнести, по нашему мнѣнію, къ 260—255 годамъ. Итакъ, если упомянутые два гражданина были въ 260 году двадцати лѣтъ, то въ предпоследнее десятилѣтіе III в. имъ можно было быть между шестидесятью и семидесятью—возрастъ, совершенно подходящий для исполненія должности архонта.

Ничто, слѣдовательно, не препятствуетъ отождествить архонтовъ надписи Дименета съ архонтами каталога № 859. Чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ обзорѣніе документовъ, въ которыхъ встрѣчаются архонты нашего каталога.

Ἐργουάρης¹⁾ встрѣчается, можетъ быть (на камнѣ сохранилось только ΕΡ.....), еще въ одномъ фрагментированномъ декретѣ въ честь нѣкоего Кастора, бывшаго въ почетѣ при дворѣ одного изъ Птоломеевъ (С. I. А. II, 381). Въ журналѣ *Hermes*, II, стр. 324, Келеръ толкуетъ о *praescripta* этого декрета, въ которыхъ третья пританія падаетъ на мѣсяцъ Метагитніонъ. *Μεταγυτιώνος* стоитъ всѣми буквами на камнѣ. Келеръ предполагаетъ ошибку рѣзчика вмѣсто *βοηδρομιώνος*. Можетъ быть, однако, является возможность объяснить дѣло иначе. Но объ этомъ послѣ. Келеръ, издавая первую часть II тома С. I. А., по видимому, принималъ Дюмонтовскую датировку каталога № 859. Этимъ я объясняю примѣчаніе „*Ptolemaeus rex, cujus familiaris is qui conlaudatur fuit, Euergetes (247—222 a. Ch.) potius quam Philopator (222—205 a. Ch.) intellegendus esse videtur*“. При изданіи второй части того же тома онъ, какъ мы видѣли, отнесъ этотъ списокъ къ концу III в.

Νιχήτης. Безъ сомнѣнія, упоминается въ надписи, изданной Ленорманомъ въ его *Recherches Archéologiques à Eleusis* подъ п. 62 и Рангависомъ, *Ant. Hell.* п. 1180. Вотъ транскрипція текста, даваемого обоими учеными.

ωνκα
ἀναγραφαι ε[ίς στήλην...
λυχωρίωι
.....

¹⁾ Λεωχάρης, упоминающійся въ надписи С. I. А. II п. 1102,—очевидно бо-
лье позднего времени.

5. οἶδε ἡρέθησαν ἐπι[τὴν ἀνάθεσιν τῆς εἰκόνας ννονων Ἀγκυλῆθεν Ἀχαρνεύς Διονοσόδωρος ἐπὶ Νικήτου ἄρχοντος	въ вѣнкѣ οἱ στρατευ-	въ вѣнкѣ οἱ στρατευ
10. σάμενοι τῶν ὑ- παί[θρ]ων τὸν στρατηγὸν Ἀσκληπιάδην Ζήνωνος Φυ-	όμενοι τῶν ὑπαί[θρ]ων τὸν στρατηγὸν Ἀσκληπιάδην Ζήνωνος Φυ-	όμενοι τῶν ὑπαί[θρ]ων τὸν στρατηγὸν Ἀσκληπιάδην Ζήνωνος Φυ-
15. λάσιον	λάσιον	λάσιον

И Рангависъ, и Ленорманъ считаютъ архонта Никиту, упоминающагося въ этой надписи, архонтомъ 1-го года 112 ол. (332/1 г.), тѣмъ самымъ, имя котораго восстанавливается Фукаромъ въ отчетѣ епископовъ, упомянутомъ въ началѣ этой статьи. Противъ этого однако говорить слово ὑπαῖθρα, прекрасно восстанавливаемое въ этой надписи Рангависомъ¹⁾. Слово это встрѣчается въ томъ значеніи, въ какомъ мы его находимъ здѣсь, и въ надписи Дименета, и еще въ нѣкоторыхъ эпиграфическихъ памятникахъ, только начиная съ III вѣка. Въ особенности часто употребляеть его Поливій²⁾. Вообще кажется, это терминъ изъ военного языка македонскаго времени. Такъ какъ надпись найдена въ Елевсинѣ, то эти ὑπαῖθρα, конечно, тѣ же самыя, что упоминаются и въ надписи Дименета. Строка 5-я восстановлена мною на основаніи этой послѣдней, а также надписи въ честь Аристофана (Еф. Ἀρχ. 1884, столб. 135—136). Восстановленіе это несомнѣнно³⁾. Стратигъ Асклиподоръ такимъ образомъ одинъ изъ предшественниковъ Дименета, если не непосредственный его предшественникъ. Замѣчательно, что годъ Никиты архонта отстоитъ ровно на пентетериду отъ года Херефонта. Случайно ли это? Нельзя ли предположить что эти стратиги избирались отъ Елевсиніи до Елевсиніи? Я предполагаю при этомъ, что въ лагунѣ между Антифиломъ и Менеократомъ пропалъ только одинъ архонтъ. Счастливый случай даже, кажется, сохранилъ намъ по крайней мѣрѣ часть его имени.

¹⁾ Въ копіи безсмыслица ΥΓΑΙΟΥΠΩΝ.

²⁾ См. *Stephani*, Thesaurus s. v. *Casaub.* ad. Polyb. I. 12. 4.

³⁾ *Lenormans*. Rech. à Eleus., стр. 308: οἶδε ἡρέθησαν ἐπι[μεληταί...

У Ле-Ба (Attiquel n. 349=Еф. Арх. 2119 С. I. А. II. 1591 ¹) напечатанъ слѣдующій фрагментъ:

ὕπε.....
 ἀρ.... κ..
 μητρὸς α
 ἐρρηφο[ρήσασαν
 ἐπὶ Καλλ.....
 ἐπὶ Μενεχρά[τους

Фрагментъ составляетъ, очевидно, часть почетной надписи въ честь еррефоры, изданной при Менекратѣ архонтѣ. Еррефорія была отправлена дѣвочкою въ годъ его предшественника Калліи. Нѣтъ никакого основанія думать, что дѣвочка, упоминавшаяся въ надписи, дважды исполняла обязанности еррефоры. По свидѣтельству Павсанія ²) еррефорой можно было быть только разъ. Но если даже и могло бы быть дозволено повторить эту священную обязанность, то не далѣе какъ на разстояніи двухъ-трехъ лѣтъ, въ чемъ насъ убѣждаютъ предѣлы возраста еррефоръ, который, по свидѣтельству „большаго Етимологика“, опредѣлялся отъ 7 до 11 лѣтъ ³). Итакъ лагуна въ этомъ мѣстѣ нашего каталога пополнена. Мнѣ кажется, что этого Καλλ.... нельзя отождествлять ни съ однимъ изъ двухъ, доселѣ намъ извѣстныхъ архонтовъ III в., имена которыхъ начинаются съ этого слога, а именно Каллимедомъ (С. J. А. II 306. 307.) и Каллистратомъ. (С. I. А. II 406 vol. Hercul. col. XXVII 4 p. 37). Первый имѣетъ своимъ

¹) Тамъ обстоятельствомъ, что я могу цитировать N. N. не вышедшей еще третьей части II тома С. I. А., я обязанъ любезности В. В. Латышева.

²) Paus I. 27. 4. Παρθένοι δύο τοῦ ναοῦ Πολιάδος οἰκοῦσιν οὐ πόρρω, καλοῦσι δὲ Ἀθηναῖοι σφᾶς ἀρρηφόρους. αὐταὶ χρόνον μὲν τινα διαίταν ἔχουσι παρὰ τῇ θεῇ, καταγενομένης δὲ ἑορτῆς δρῶσιν ἐν νυκτὶ τοιαύτη. ἀναθεῖσθαι σφισιν ἐπὶ τὰς κεφαλὰς αἱ ἢ τῆς Ἀθηνᾶς ἱέρεια δίδωσι φέρειν, οὔτε ἢ διδοῦσα ὁποῖόν τι δίδωσιν εἰδυῖα, οὔτε ταῖς φεροῦσαις ἐπισταμέναις. Ἔστι δὲ περίβολος ἐν τῇ πόλει τῆς καλουμένης ἐν κήποις Ἀφροδίτης οὐ πόρρω, καὶ δι' αὐτοῦ κάθοδος ὑπόγειος αὐτομάτη. ταύτη κατἄσιν αἱ παρθένοι. κάτω μὲν δὴ τὰ φερόμενα λείπουσιν, λαβοῦσαι δὲ ἄλλο τι κομίζουσιν ἐγκυκαλυμμένον. καὶ τὰς μὲν ἀφίσθιν ἤδη τὸ ἐντεῦθεν, ἑτέρας δὲ ἐς τὴν ἀκρόπολιν παρθένους ἔχουσιν ἀντ' αὐτῶν. Объ аррефорѣ см. *Моммсенъ*. *Herortologie*, стр. 443, сл. *Datzenberg et Sagrio* подъ словомъ. Надпись въ честь аррефоръ *Le Bas* 347. С. I. А. III 887. 902. 917. 918. 919. 822а. Въ надписяхъ Діонисовскаго театра упоминаются аррефоры въ другихъ культахъ: ἐρρεφόροι β. τῆς Θέμιδος 318, ἐρρεφόροι Εἰλεθούας ἐν Ἀγραις 319.

³) *Etyim. Magn. s. v. ἀρρηφορεῖν*.

преемникомъ *Θερσιλοха*, а второй долженъ имѣть ближайшимъ сосѣдомъ *Πασιάδα*.

Ἀντίφιλος—встрѣчается въ маленькомъ фрагментѣ С. I. A. II 405, хотя мнѣ кажется, что архонтъ этого номера позднѣе, судя по написанію.

Μενεχράτης попадаетъ нѣсколько разъ. А именно. Въ С. I. A. II 618 въ декретѣ оргеоновъ. Декретъ происходитъ изъ года его преемника, какъ выходитъ по нашимъ расчетамъ, *Χερεφонта*. Въ С. I. A. III 1519 (=Le-Vas 349) въ упомянутомъ уже фрагментѣ надписи въ честь канифоры. С. I. G. 178. *Θεόμνητος Θεομνήτου Εοπεταίων στρατηγός χειροτονηθείς ὅπο τοῦ δήμου ἐπὶ τὴν χώραν τὴν παραλίαν ἐπὶ Μενεχράτου ἄρχοντος ἀνέθηκεν*. Эта надпись очень интересна, какъ дающая новую подробность военного раздѣленія Аттики въ то время. Къ этой же эпохѣ, вѣроятно, относится и другой извѣстный *στρατηγός ἐπὶ τὴν χώραν τὴν παραλίαν*—*Θώριτος* (?) *Ἀλκιμάχου Μορρινωόσιος* (С. I. G. 179).

Διοκλῆς, долженствующій быть отождествленнымъ съ нашимъ *кидаэинейцемъ*, попадаетъ въ С. I. A. 839. Надпись представляетъ собою отчетъ комиссіи по переплавкѣ маленькихъ анаэимъ въ аэинскомъ *Ἀσκληπιονῆ*. Комиссія состоитъ изъ жреца *Ἀσκληπία*, трехъ членовъ *ἐκ τοῦ δήμου*, двухъ изъ ареопагитовъ, *στратига ἐπὶ τὴν παρασκευὴν* и нотариуса — *δημόσιος ἀντιγραφόμενος*. Точно въ такомъ же составѣ является комиссія по подобному же дѣлу относительно переплавки мелкихъ анаэимъ въ святилищѣ Героя-врача С. I. A. II 403 года архонта *Θрасифонта*. Даже въ упомянутыхъ двухъ надписяхъ фигурируютъ два лица, безъ сомнѣнія, одни и тѣ же, одинъ изъ ареопагитовъ *Θέογγис Κωδημναίος* и нотариусъ *Δимитрій*, который называется въ номерѣ 839 *νεώτερος*. Безъ особеннаго труда можно видѣть, что архонтъ *Θрасифонтъ* нѣсколько моложе *Δіокла*. *Θέογγис*—ареопагитъ, который въ надписи года архонта *Δіокла* стоитъ вторымъ—въ надписи *Θрасифонта* стоитъ первымъ въ числѣ двухъ ареопагитовъ, и *Δимитрій* является безъ эпитета *νεώτερος*, изъ чего должно заключить, что лицо, отъ котораго его надобно было отличить и которое было живо при *Δіоклѣ*, уже умерло при *Θрасифонтѣ*. Надо замѣтить, что въ надписи года архонта *Θрасифонта* попадаютъ календарныя затрудненія совершенно подобнаго характера, какъ въ С. I. A. 381 года архонта *Ερ[гохара]*: именно 6 пританія падаютъ на 5 мѣсяцъ *Μακρακτηρίων*. Келеръ замѣчаетъ: „*Quod deinde prytania sexta in*

Maemacterionem mensem incidisse dicitur, id ita tantum explicari potest si tempora valde disturbata erant*.

Ευφύλιτος и 'Ηράκλειτος ¹⁾ попадаютъ вмѣстѣ въ С. I. А. II 619 декретѣ оргеоновъ.

¹⁾ Θ. Θ. Соколовъ въ статьѣ: „Третье столѣтiе до Р. Хр.“ *Ж. М. Н. Пр.* 1886. кн. 7, на стр. 8 (отдѣльнаго оттиска) высказываетъ предположенiе, что архонтъ Ираклитъ амонеецъ нашего каталога тождественъ съ Ираклитомъ с. Асκληπiада амонеецемъ, известнымъ изъ декрета Монсо *Bull. d. Corr. Hell.* VI, стр. 525 сл. Ираклитъ этотъ былъ поставленъ Антигономъ Гонатомъ стратигомъ ἐπὶ τοῦ Πατραίως καὶ τῶν ἄλλων τῶν τατομένων μετὰ τοῦ Πατραίως, то-есть, Саламинномъ, Мунхиейю и Суниемъ, ср. *Ваяг.* II. 8. и оказывалъ саламинцамъ большiя услуги во время войны съ Александромъ и набѣга пиратовъ изъ Епидамнiа. Войну съ Александромъ никакъ нельзя объяснить такъ, какъ объясняетъ Монсо. Дройзенъ, на котораго онъ ссылался (*Gesch. d. Hell.* III стр. 417), вовсе не говоритъ о томъ, что Александръ возсталъ во второй разъ и въ особенности, чтобы Антигонъ „уже шелъ къ Коринѣу (разумѣется, съ войскомъ), когда его племянникъ умеръ внезапно“ и т. д. (*Bull.*, стр. 531). Дройзенъ передаетъ разказъ Плутарха (*Агат.* XVIII), котораго подлинныя слова „ὁ δὲ Ἄρατος ἐπὶ μὲν Ἀλεξάνδρου ζῶντος; ἐπεχείρησε τῇ πράξει, γενομένης δὲ συμμάχιας τοῖς Ἀχαιοῖς πρὸς τὸν Ἀλέξανδρον ἐπαύσατο“. Итакъ Александръ измѣнилъ своему дядѣ, заключилъ союзъ съ ахейцами, но вовсе не подымалъ восстанiя. Вскорѣ послѣ того онъ скоропостижно умеръ. Молва приписывала его смерть отравленiю и подозрѣвала Антигона. Последнiй вовсе не шелъ на Коринѣю, а напротивъ былъ занятъ въ это время заботами о женитьбѣ своего сына Димитрiа на вдовѣ Александра Никей и во время свадьбы захватилъ Адрокоринѣю. Никей нѣкоторое время даже сама правила послѣ смерти своего црваго мужа. Еще извращенiе у Монсо извѣстiя нѣсколько разъ повторяющiяся въ его статьѣ объ отнятiи ахейцами въ 243 г. Саламина у македонянъ: *Агат.* s'empara de Salamine et mit fin à la domination macédonienne dans l'île... „Les Achéens s'en emparèrent en 243; Агат. rendit l'île aux Athéniens en 229, quand ils s'allièrent à la confédération“. Афиняне никогда не присоединялись къ Ахейскому союзу, а въ 229 г. какъ разъ и въ Саламинѣ, и въ Пиреѣ, и въ Мунхiи, и въ Сунiи является македонскiй эрурархъ Диогенъ, который (а не Аратъ) и соглашается за деньги передать эти порты Афинянамъ. Аратъ только содѣйствовалъ при этомъ афинянамъ. Слѣдовательно, ни о какомъ присоединенiи Саламина къ ахейцамъ въ 243 г. не можетъ быть и рѣчи. Война съ Александромъ у Антигона была только одна и именно та, которая въ прологѣ XXVI книги Трояга Помпея помѣщена непосредственно послѣ смерти Арел, то-есть, послѣ Хремонидовской войны, и которую Дройзенъ помѣщаетъ въ середину послѣдней (см. Θ. Θ. Соколова упомянутая статья «Ае. постан. въ честь Аристомаха Аргосскаго»). Если принимать вмѣстѣ съ Θ. Θ. Соколовымъ 263 г. для войны Антигона съ Александромъ (ук. статья стр. 40 отд. оттиска) и вмѣстѣ съ тѣмъ отождествлять обонхъ Ираклитовъ, то надо будетъ признавать что Ираклитъ былъ архонтомъ въ глубокой старости, между 70 и 80 годами. Но можетъ быть, можно войну съ Александромъ нѣсколько подвинуть впередъ. Мнѣ кажется, къ этому изъ существенныхъ препятствiй.

Диоклѣ выдаѡнейцѣ (слѣдовательно, по нашему, въ 214—13 году). Δίνδος [B]ερ[ε]νικιδ[ης] и ѡсμοуетъ при Евфилитѣ Δημήτριος Βε[ρ]ενικιδ[ης] (въ 213—12). Такъ какъ надпись Дименета написана, разумеется, послѣ архонтства Эскрона, то-есть, послѣ 210—9 г. по нашему разчету, при Диоклѣ, въ лицѣ упомянутаго Линда, мы имѣемъ первое, на сколько мнѣ извѣстно, упоминаніе этого дима ¹⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первое датированное упоминаніе филы Птолемаиды, къ которой этотъ димъ принадлежалъ. Главное извѣстіе объ этомъ димѣ встрѣчается у Стефана Византійскаго (подъ словомъ): Βερενικίδαι. δῆμος τῆς Πτολεμαίδος φυλῆς. δέκα γὰρ φυλάς ἔχοντας Ἀθηναῖοι προσέθησαν δύο Ἀντιγονίδα καὶ Δημητριάδα χαλοῦντες. ὕστερον δὲ Ἀτταλίδα καὶ Πτολεμαίδα, διὰ τῶν ἐπωνύμων εὐεργετηθέντες βασιλέων. ὅθεν καὶ τὴν βουλὴν πεντακοσίων οὖσαν ἑξακοσίων ἐποίησαν. ἐκάστη γὰρ φυλὴ παντήκοντα εἶχεν οἱ κατὰ μῆνα ἐπρυτάνευον. ἀπὸ Βερενικῆς τῆς Μάγα θυγατρὸς, γυναικὸς δὲ Πτολεμαίου, ἀνομάσθησαν βερενικίδαι οἱ δημόται. καὶ ἄλλα γὰρ ἐτηνάχθη πατρωνομικῶς. Ἀτταλίδα γὰρ καὶ Βουτάδα. τὰ εἰς τόπον εἰς Βερενικιδῶν φασί. τὰ δ' ἐν τόπῳ ἐν Βερενικιδῶν. Подобнымъ же образомъ, когда въ 200 г. до Р. X. въ честь Аттала Пергамскаго учреждена была фила Атталиды, въ честь его жены учрежденъ былъ димъ Ἀπολλωνεῖς ²⁾. Но Павсаній говоритъ, что фила Птолемаида получила свое имя отъ Филадельфа (I. 8. 6.). По моему, надо признать, что Павсаній въ этомъ случаѣ ошибся. Съ какой стати называть димъ по невѣсткѣ эпонима? Да и во все время царствованія Филадельфа существовали филы Антигонида и Димитриада. Выше мы старались показать, что ихъ можно прослѣдить даже до царствованія Димитрія II. Всего естественнѣе предполагать введеніе Птолемаиды между 229—221 годами, то-есть, между годомъ освобожденія Аѡнны и годомъ смерти Еввергета. Учрежденіе этой филы, очевидно, принадлежитъ къ тѣмъ актамъ политики Евриклида и Микіона, которыми они старались оказать свою преданность Птолемию. Мнѣ кажется, слова Поливіа (V, 106): „καὶ πᾶν γένος ὑπέμενον ψηφισμάτων καὶ χρημάτων“, именно намекаютъ на учрежденіе этой филы. Что вообще Птолемаида была введена отдѣльно отъ Атталиды и раньше ея, кромѣ прямого сви-

¹⁾ Въ С. I. A. вереникидцы, на сколько мнѣ удалось найдти, за III вѣкъ подаются только два раза въ №№ 393, 394. Обѣ надписи не возможно однако точно датировать. Встрѣчающійся въ п. 393 ἱερεὺς τοῦ ἐπωνύμου, вѣроятно, жрецъ Птолема.

²⁾ Steph. Byz. s. v.

къ каталогу афинскихъ архонтовъ.

дѣтельства нашихъ двухъ документовъ, можно еще заключить и Павсанія X 10. 1. Говоря объ известной Фидіевой группѣ аттичскихъ эпонимовъ въ Дельфахъ, онъ прибавляетъ: Ἀντίγονον δὲ καὶ τὸν παῖδα Δημήτριον καὶ Πτολεμαῖον τὸν Αἰγύπτιον χρόνῳ ὕστερον ἀπέστειλαν εἰς Δελφοὺς, τὸν μὲν Αἰγύπτιον καὶ εὐνοία τινὶ εἰς αὐτὸν, τοὺς δὲ Μακεδόνας τῷ εἰς αὐτοὺς δέει. Статуи Аттала, очевидно, не было въ Дельфахъ.

Причина этого, разумѣется, не известна. Вотъ тѣ болѣе или менѣе безспорныя заключения, которыя можно вывести изъ сравненія новонайденной надписи Дименета съ каталогомъ С. I. A., II, 859. Разумѣется, напрашивается еще много вопросовъ, напримѣръ: Какъ обходились афиняне съ Птолемаидой? Было ли одиннадцать, двѣнадцать или, наконецъ, тринадцать филъ, до введенія Атталиды? (послѣднее, казалось бы, можно вывести изъ вышеупомянутыхъ хронологическихъ затрудненій въ двухъ надписяхъ этого періода). Какихъ архонтовъ затрудили въ двухъ надписяхъ этого слѣднее десятилѣтіе III в.? На эти вопросы нельзя пока отвѣчать въ такой степени твердо, какъ на вопросы, возбуждаемые двумя надписями, разборъ которыхъ посвящена настоящая статья.

Не желая вмѣшивать празныхъ предположеній въ наше изслѣдованіе, я кладу поэтому здѣсь перомъ только отмѣтити замѣчательное совпаденіе между Позволю себѣ только отмѣтити замѣчательное совпаденіе между источниками литературными и эпиграфическими для III вѣка. Какъ тѣ, такъ и другіе дѣлаются многочисленнѣе къ началу и къ концу вѣка, какъ тѣ, такъ и другіе изсякаютъ къ серединѣ. Въ теченіи первыхъ трехъ, четырехъ десятилѣтій III вѣка мы можемъ датировать довольно много архонтовъ, хотя, по правдѣ, въ эти десятилетія нанесено учеными много лишняго матеріала. Каталогъ 859 даетъ намъ цѣлую серію именъ изъ конца столѣтія. Какъ со стороны литературной, такъ и эпиграфической, самымъ безотраднѣмъ временемъ остается царствованіе Антигона Гонаты (въ особенности со времени Хремонидовской войны) и сына его Димитрія.

Ал. Шуваревъ.

МАРЦИАНУ.

(Изъ Марціала, lib. VI, capm. LXX).

Шестидесять вторую жатву
Видитъ Котта, а досель
Принужденъ ни разу не былъ
Злой болѣзнию лечь въ постель,
И съ насмѣшвой дерзкой ваетъ
Кукишь всѣмъ онъ докторамъ...
Марціанъ, а еслибъ наши
Годы счастье бы точно намъ
И тѣ дни, когда лежали
Мы, болѣзнями томясь,
Исключить изъ жизни нашей,
Стали бъ мы дѣтьми какъ разъ.
Потому-то Несторъ можетъ
Долговѣчнымъ должно слыть:
Жизнь вѣдь въ томъ, чтобъ быть здоровымъ,
А не въ томъ, чтобъ долго жить.

В. С—ский.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-ПЯТЬДЕСЯТЬ-СЕДЬМОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. (11-го февраля 1888 года). Объ учрежденіи капитала имени сибиряковъ, проживающихъ въ Китаѣ	3
2. (13-го февраля 1888 года). О принятіи отъ дворянина Жданова одной десятины земли, жертвуемой въ пользу Мамкинскаго сельскаго училища, Курской губерніи	—
3. (7-го марта 1888 года). О промышленныхъ училищахъ	51

Высочайшія награды . . . . . 4 и 61

Высочайшіе приказы.

(26-го марта 1888 года)	4
(15-го апрѣля 1888 года)	65

Министерскія распоряженія.

1. (11-го марта 1888 года). Положеніе о стипендіи имени действительнаго статскаго совѣтника Петра Стенановича Листовскаго при Уфимской мужской гимназійи	6
2. (19-го марта 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени штабсъ-	

капитана Сергія Даниловича Николаева при Костромской мужской гимназіи	8
3. (19-го марта 1888 года). Положеніе о стипендіи при Новозыбковскомъ реальномъ училищѣ, имени Ивана Сапожкова	9
4. (26-го марта 1888 года). Положеніе о стипендіи имени директора Корнинскаго сахарнаго завода Николая Яковлевича Сетгофера при 2-й Кіевской гимназіи	10
5. (18-го апрѣля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени коллежскаго ассессора Ильи Даниловича Стефановича при Полтавской Маріинской женской гимназіи	67
6. (13-го апрѣля 1888 года). Положеніе о шести стипендіяхъ имени тайнаго совѣтника М. Н. Каткова при шести Московскихъ гимназіяхъ	68
7. (20-го апрѣля 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Софіи и Александры Грековыхъ при Кіевской женской гимназіи	69
8. (23-го апрѣля 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени инженера путей сообщенія Дмитрія Акимовича Андріевскаго при Кіевской 2-й гимназіи	70
9. (30-го апрѣля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени астраханскаго купца Харитона Ефремовича Ефремова при Астраханскомъ реальномъ училищѣ	71
10. (30-го апрѣля 1888 года). Положеніе о стипендіи коммерціи совѣтника Александра Константиновича Трапезникова при Кунгурскомъ техническомъ, Губвина, училищѣ	72
11. (5-го мая 1888 года). Положеніе о стипендіи имени архіепископа Тверскаго и Кашинскаго Саввы, при Тверской Маріинской женской гимназіи	73
12. (11-го мая 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Фридрихсгамскаго и с.-петербургскаго 1-й гильдіи купца Эрнста-Фридриха Юнкера при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ	—
13. (11-го мая 1888 года). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Флегонта Васильевича Гроздова при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ	74
14. (12-го мая 1888 года). Положеніе о стипендіи имени саратовскаго мѣщанина Дмитрія Денисовича Грачева при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ	75
15. (13-го мая 1888 года). Положеніе о стипендіи имени коллежскаго ассессора Ильи Даниловича Стефановича при Полтавской мужской гимназіи	—
16. (15-го мая 1888 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго отставнаго коллежскаго ассессора Михаила Никифоровича Кузьмина при Нижнеомовскомъ городскомъ четырехъ-классномъ училищѣ	76

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

(19-го марта 1888 года)	11
(22-го апрѣля 1888 года)	77

„Способы православно-христианскаго воспитанія дѣтей. Составилъ священный <i>Иованъ Платоновъ</i> “	86
О книгѣ: „Певнины и Анди. Э. де-Амичисъ. Переводъ <i>В. Крестовскаго</i> “	—
О книгѣ: „Гонецъ. Казачье чтеніе“	—
Программы для государственнаго экзамена: 1. Программы испытаній въ комиссіи юридической	17
Правила испытанія въ комиссіи физико-математической по отдѣленію математическихъ наукъ	1
Официальныя извѣщенія	16 и 86
Открытіе училищъ	16

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

<i>Н. И. Карѣвъ</i> . „Паденіе Польши“ въ исторической литературѣ (<i>продолженіе</i>)	1 и 350
<i>А. Н. Веселовскій</i> . Мелкія замѣтки къ былинамъ	74
<i>Е. Ф. Шмурло</i> . Евгений митрополитъ Кіевскій (<i>продолженіе</i>)	91 и 257
<i>С. Ѳ. Платоновъ</i> . Московскія волненія 1648 года	279
<i>П. О. Морозовъ</i> . Очерки изъ исторіи русской драмы (<i>окончаніе слѣдуетъ</i>)	290

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

<i>А. С. Будиловичъ</i> . Микрофонологія въ примѣненіи къ русской грамматикѣ	194
<i>Г. С. Дестунисъ</i> . Записки Греческаго историческаго и этнологическаго общества	210
<i>И. П. Минаевъ</i> . Помеси золота	237
<i>А. И. Соболевскій</i> . Въ какомъ году встался св. Владимиръ	396
<i>Б. Н. Бестужевъ-Рюминъ</i> . Письма графини Г. М. Румянцовой къ ея мужу фельдмаршалу графу П. А. Румянцову-Задунайскому 1762—1779 гг. Издавъ гр. <i>Д. А. Толстой</i> . С.-Пб. 1888	404
<i>П. В. Безобразовъ</i> . <i>Fr. Miklosich et Müller. Acta et graeca mediae aevi Vol. V. Vindobona. 1887.</i>	410
<i>В. П. Васильевъ</i> . Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи въ связи съ отношеніями сего послѣдняго къ народу. <i>А. Позднѣва</i> . С.-Пб. 1887.	417
<i>И. П. Минаевъ</i> . Апологія ламства	438
<i>Н. М. Коркуновъ</i> . Отвѣтъ профессору Ренненкампу	448
Книжныя новости	250 и 460

Вышелъ и разосланъ подписчикамъ № 1 (русскаго изданія)
научно-справочнаго журнала:

СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ОБЩЕЙ ФИЗИКЪ А. А. ИЛЬИНА

заключающій въ себѣ: Вспомогательныя астрономическія дан-
ныя, собранныя и обработанныя А. М. Ждановымъ приватъ-
доцентомъ С.-Петербургскаго университета.

Въ слѣдующемъ № будутъ помѣщены: начало статьи Б. Ю.
Кольбе: «Цвѣтковыя явленія (Данныя о глазѣ и ошибкахъ
зрѣнія)» и начало статьи С. Н. Стечанова: «Гальваническіе эле-
менты (Постоянныя элементовъ и группировка ихъ по назна-
ченію)».

Подписная цѣна на изданіе за годъ (12 №№ съ «Еже-
годникомъ») 5 р., съ доставкою 5 р. 50, съ пересылкою 6 р.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Рос-
сін и въ редакціи: С.-Пб. Англійскій пр. 29.

